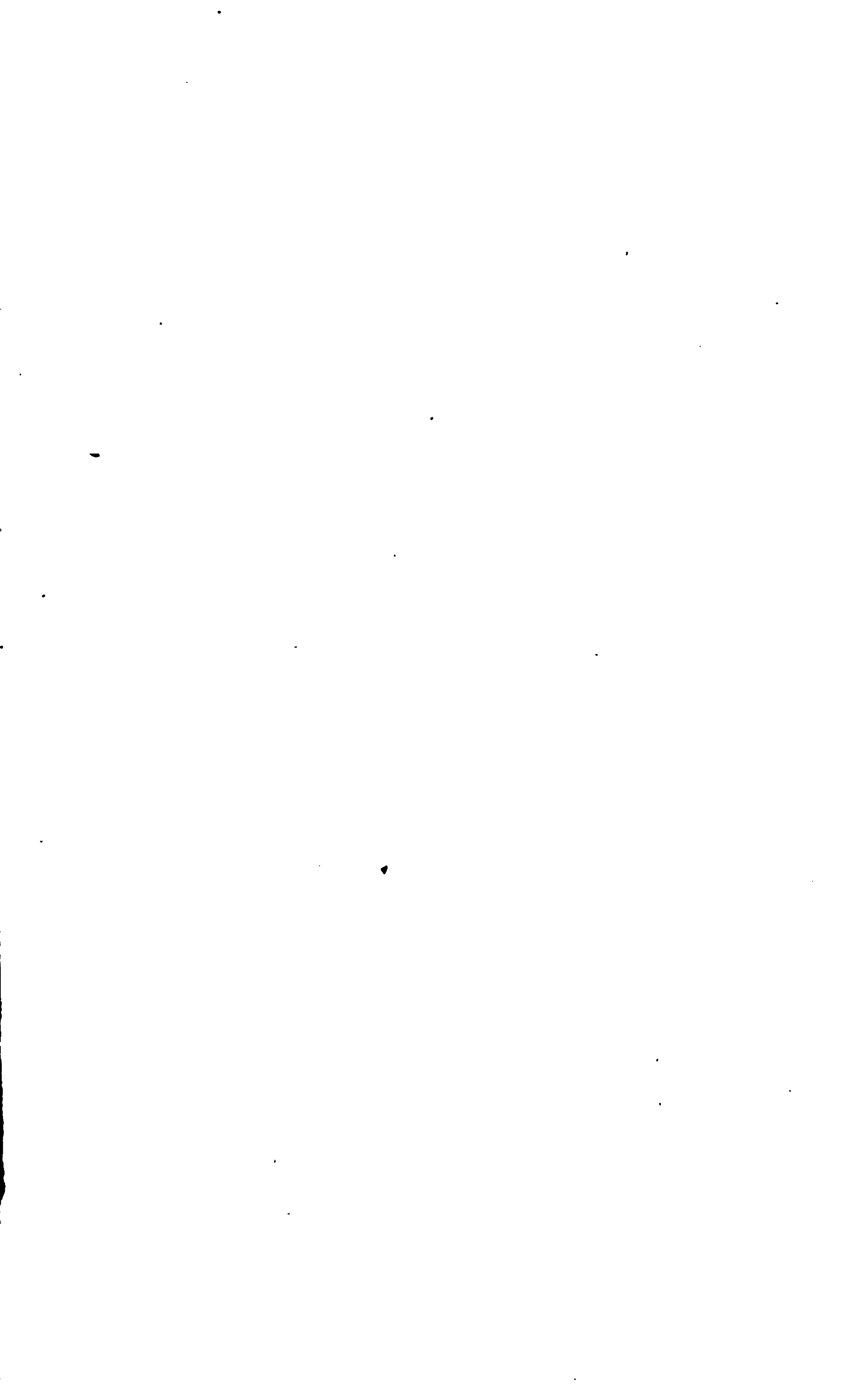
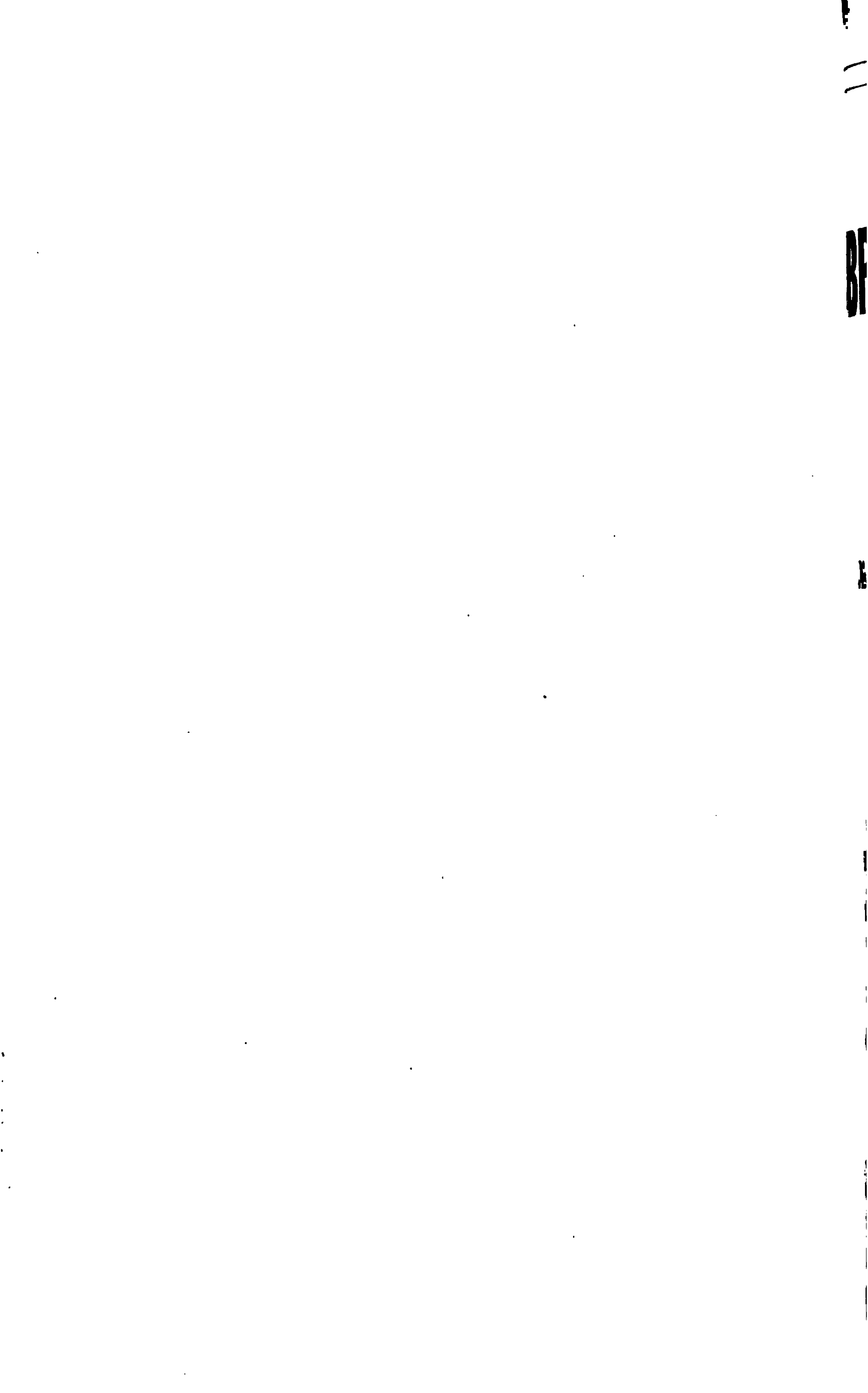
HARVARDIANA
ACADEMIA · IN · NOV · ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS





СОВРЕМЕННИКЪ

1863

№№ I и II (ЯНВАРЬ и ФЕВРАЛЬ)

ДЛЯ СОВРЕМЕННИКА, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, ИМѢЮТСЯ:

ЧТО ДѢЛАТЬ? романъ Н. Г. Чернышевскаго. (Начнется печатаніемъ съ слѣдующей книжки).
БРАТЪ и СЕСТРА, романъ Н. Г. Помяловскаго.
ТИХОЕ ПРИСТАНИЩЕ, романъ М. Е. Салтыкова.
П. ЧИНА, комедія А. Н. Островскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА
(На Литейной, близъ Невскаго проспекта, домъ Зыбиной № 60)

С

I. — ВЕЛИКЪ БОГЪ ЗЕМЛИ РУССКОЙ! **П. И. ЯКУШКИНА.**
II. — СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ. Послѣдняя сцена изъ трагедіи Эсхила. **МИХ. ИЛЕЦКАГО** . . . .
III. — МОИ СКИТАНІЯ ПО БѢЛУ СВѢТУ. Статья первая. **Н. В. БЕРГА** . . . .
IV. — МОЛОДОЙ МОНАХЪ. (Новогреческая пѣсня). Стихотв. **МИХ. ИЛЕЦКАГО** 1
V. — СОВѢТЫ МУДРЕЦОВЪ. Стихотв. **А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.** 1
VI. — ПИСЬМА ОБЪ ОСТАШКОВѢ. **В. А. СЛѢПЦОВА.** . . 1
VII. — ВЪ ЛѢСУ.—ИЗЪ ГЕЙНЕ. Стихотв. **А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.**
VIII. — I. НАШИМЪ СВЕРСТНИКАМЪ. — II. НЕНАСТЬЕ. (Съ итальянскаго). Стихотв. **П. М. КОВАЛЕВСКАГО** . .
IX. — НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ. I. Деревенская тишь. — II. Для дѣтскаго возраста. — III. Миша и Ваня. Забытая исторія. **Н. И. ЩЕДРИНА** . . . .
X. — БЕЗСОННИЦА. Стихотв. **Н. А. НЕКРАСОВА** . . . .
XI. — О НАРОДНОСТИ ВЪ ПОЛИТИКѢ. **Ю. Г. ЖУКОВСКАГО.**
XII. — ЗАКОУЛОКЪ. Романъ. Часть первая. **ѲЕДОРА БЕРГА.** 2
XIII. — ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ. **А. СЛѢПЦОВА.** . . . 2
XIV. — НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ. Сцены изъ народнаго быта. **И. Ѳ. ГОРБУНОВА** 3
XV. — ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ГАЗЕТА, ЕЯ РЕДАКТОРЪ и СОТРУДНИКИ. (Изъ записокъ литератора-обывателя). **И. ДМИТРІЕВА** 3
XVI. — «Всю-то, всю мою дорожку». Стихотв. **А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.** 3
XVII. — ОТЪ ТОБОЛЬСКА ДО БЕРЕЗОВА. **К. ГУБАРЕВА.** . 3
XVIII. — НОВЫЯ ОСНОВАНІЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА. **А. М. УНКОВСКАГО** 38
XIV. — ПРОЦЕССЫ О ПЕЧАТИ ВЪ АВСТРІИ 41

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XX. — НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ «ЗАМѢТКИ», ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ ОКТЯБРЬСКОЙ КНИЖКѢ «РУССКАГО ВѢСТНИКА» за 1862 годъ. **Т—НА.** . . . .
XXI. — НАШИ ТОЛКИ О НАРОДНОМЪ ВОСПИТАНІИ. . . 1
XXII. — ИЗВѢСТІЕ ИЗЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ. 4
XXIII. — ДРАМАТУРГИ-ПАРАЗИТЫ ВО ФРАНЦІИ. 6
XXIV. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — [illegible]

[illegible] (120). — Стихи Вс. Крестовскаго. 2 тома (129). — Гражданскіе мотивы. Сборникъ современныхъ стихотвореній, изданный подъ редакціею А. П. Пятков-

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ XCIV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

1863

ОДОБРЕНО ЦЕНСУРОЮ.

Санктпетербургъ, январь, 1863 годъ.

ВЕЛИКЪ БОГЪ ЗЕМЛИ РУССКОЙ!

> «Никѣмъ же враги гонимы, только властію божіею; мудрость бо плотская, что содѣяла?»

Кто живалъ въ деревняхъ далеко отъ столицъ, тотъ помнитъ, какою неожиданностію для всѣхъ былъ знаменитый высочайшій рескриптъ виленскому военному генералъ-губернатору; всѣ встрепенулись и съ судорожнымъ смиреніемъ ждали съ минуты на минуту: одни—всѣхъ благъ земныхъ, другіе—всѣхъ бѣдъ. Этихъ ожидающихъ, принадлежащихъ двумъ противнымъ лагерямъ, мы нашли бы во всѣхъ классахъ, во всѣхъ сословіяхъ. Въ рядахъ и того и другаго лагеря было много дворянъ-помѣщиковъ и крѣпостныхъ мужиковъ. Одно мнѣ кажется въ особенности замѣчательнымъ: вольные изстари крестьяне (государственные, экономическіе), рѣшительно всѣ вольноотпущенные, а также рѣшительно всѣ аристократы-крѣпостные крестьяне смотрѣли на ожидаемое улучшеніе крестьянскаго быта съ страшною непріязнію; отъ этого улучшенія они видѣли для себя совершенную гибель, и — не знаю, искренно ли, — тоже для крѣпостныхъ.

Толки дворянъ, сочувствующихъ этому преобразованію крестьянъ, извѣстны: чего они ждали и чего еще и теперь ждутъ отъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, мы знаемъ изъ литературныхъ статей, появлявшихся безъ счету во

всѣхъ нашихъ журналахъ. Надежды освобождаемыхъ высказывались не такъ громко. Многіе прислушивались къ недосказаннымъ рѣчамъ крѣпостныхъ крестьянъ и выводили свои рѣшительныя заключенія.

Большею частью, толки крестьянъ вращались около одного пункта: земля будетъ наша. Они говорили, что землю «самъ Богъ зародилъ», что баринъ и пахать-то не умѣетъ — «что онъ съ землей будетъ дѣлать?»

Это мнѣніе, что земля будетъ крестьянская, еще крѣпче утвердилось, когда было объявлено, что дворовые люди не получаютъ надѣла землей.

— Дворовые люди не получаютъ земли, не разъ мнѣ случалось слышать:—отъ того, что дворовые люди не умѣютъ пахать земли; да вѣдь и дворяне тоже пахать не умѣютъ; зачѣмъ же имъ земля?...

Съ другой стороны слышались и слухи другіе. Помѣщики говорили, что они лучшіе полицейскіе чиновники, лучшіе сборщики податей. Не будетъ этихъ чиновниковъ-помѣщиковъ, водворится безначаліе.

— Не будетъ изъ этого пути, говорили государственные крестьяне: — какъ можно господскаго, подневольнаго человѣка вольнымъ сдѣлать?

— Вы же вольные, а вѣдь тоже мужики?

— Мы!... Мы дворянской крови, только не пишемся дворянами!...

— Съ мужикомъ безъ палки не сладишь! говорили вольноотпущенные, только наканунѣ почти вышедшіе изъ крѣпостной зависимости.

— Какъ же съ вами ладятъ?...

— Мы.... мы.... не всякому то Богъ далъ....

— Какъ *я* буду ладить съ мужикомъ? Тогда мужикъ *меня* и слушать не станетъ; теперь написалъ къ барину,—кто самъ воли на то отъ барина не имѣетъ,—баринъ велитъ въ солдаты отдать, въ Сибирь послать ... А тогда что? пойдетъ безначальщина!...

— Нѣтъ, ничего не будетъ, говорили другіе: — не даромъ про волю и говорить перестали.

— Какъ перестали?

— Да такъ, перестали и перестали!

— Толковали про слободу, говорили еще другіе, а есть, ка-

торые и теперь еще говорятъ: толковали, толковали про слободу: слобода всѣмъ будетъ, а теперь стали въ сипацу загонять.

Эмансипація слово, должно быть, и хорошее; но это слово эмансипація, перешедшее въ устахъ народа въ *сипацу*, означало что-то не совсѣмъ ладное.

Какъ бы то ни было, а пришлось волею, не волею идти въ сипацу. Послѣ извѣстныхъ рескриптовъ всѣ стали ждать манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Тутъ-то пошли новые толки и толки уже о томъ, какъ приметъ народъ на первый разъ эту волю, да и какая будетъ воля?

Замѣчательно, какъ созрѣвалъ въ умахъ помѣщиковъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.

— Да что же это значитъ? спрашивала одна барыня, когда ей прочитали рескриптъ.

— Уничтожается крѣпостное право, отвѣчали ей.

— И крѣпостныхъ крестьянъ не будетъ? Крѣпостныхъ совсѣмъ не будетъ?

— Совсѣмъ не будетъ.

— Ну, этого я не хочу! объявила барыня, вскочивъ съ дивана.

Всѣ посмотрѣли на нее съ недоумѣніемъ.

— Рѣшительно не хочу! Поѣду *сама* къ государю и скажу: я скоро умру, послѣ меня пусть что хотятъ, то и дѣлаютъ; а пока я жива, я этого не хочу.

— Какъ у меня отнимутъ мое? слыхалъ я вскорѣ послѣ объявленія рескрипта виленскому генералъ-губернатору. Вѣдь я человѣкомъ владѣю: мнѣ мой Ванька приноситъ оброку въ годъ по пятидесяти цѣлковыхъ.... Отнимутъ Ваньку, кто мнѣ за него заплатитъ, да и кто его цѣнить будетъ!...

— Никто не споритъ, что владѣть человѣкомъ, какъ какою нибудь вещью, безнравственно! говорили тѣ же самые люди, едва прошло мѣсяца два послѣ первыхъ толковъ: за людей мы не стоимъ: крестьянъ должно освободить, но скажите Христа-ради, за что же у меня землю отнимутъ и отдадутъ другому?...

— Необходимо крестьянамъ дать землю, заговорили еще позднѣе: — это небходимо для насъ самихъ; мужику нечего будетъ ѣсть: по неволѣ пойдетъ на большую дорогу; сядетъ подъ мостъ, проѣзду никому не будетъ; дневной разбой пойдетъ!...

Наконецъ дозволено было просить государя объ освобожде-

нiй крестьянъ. По губернiямъ собрались дворяне: надо писать адресы.... дозволено и адресы подавать....

— Мы подпишемъ адресъ безъусловный! говорили одни.

— Не должно подписывать безъусловнаго адреса! толковали другiе.

— Дать мужикамъ землю!... Мужиковъ нельзя отпустить совсѣмъ безъ земли!... Не давать мужикамъ земли!... шумѣли въ одномъ собранiи.

Толковали, толковали и подписали безъусловный адресъ рѣшительно всѣ.

Дозволили и писать, и подавать проекты объ освобожденiи крестьянъ.

Стали и писать, и подавать проекты объ освобожденiи крестьянъ. Благородные дворяне, не бравшiеся никогда за перо, стали писать проекты, стали читать эти проекты; только мало охотниковъ было слушать эти проекты.

Разсказываютъ: входитъ *нѣкто* во время выборовъ въ домъ дворянскаго собранiя, заходитъ въ буфетъ и находитъ тамъ всѣхъ дворянъ.

— Что вы здѣсь, господа, дѣлаете? спросилъ онъ одного изъ дворянъ.

— Водку пьемъ! отвѣчалъ тотъ, закусывая только что выпитую рюмку соленымъ грибкомъ.

— Что же не идутъ въ залу собранiя?

— Да что же тамъ дѣлать?

— Какъ что?

— Да тамъ Семенъ Петровичъ читаетъ свой проектъ, что самъ написалъ.

— Ну, такъ слушать этотъ проектъ?

— Нечего тамъ слушать, никто и не слушаетъ! Одинъ и читаетъ....

Заглянулъ этотъ *нѣкто* въ залу: тамъ одинъ баринъ читаетъ, а другой баринъ этого барина съ видимымъ вниманiемъ слушаетъ.

— Тамъ Семена Петровича кто-то слушаетъ, сказалъ онъ, воротившись опять въ буфетъ.

— А это вѣрно Петръ Семеновичъ! Ну да, это Петръ Семеновичъ!

— Отчего же одинъ только Петръ Семеновичъ слушаетъ Семена Петровича?

— Тому нельзя не слушать!

— Отчего же?

— Нельзя: Петръ Семеновичъ долженъ Семену Петровичу....

Да и въ самомъ дѣлѣ: если Петръ Семеновичъ не станетъ слушать Семена Петровича, Семенъ Петровичъ потребуетъ долгъ съ Петра Семеновича, а у Петра Семеновича и денегъ на ту пору, можетъ быть, нѣтъ.

А проекты были великолѣпные!... Одни предлагали такъ, другіе иначе. Одни говорили, что, конечно, крестьянамъ, хотя и составляютъ они помѣщичью собственность, необходимо даровать свободу, но при этомъ не должно забывать и права помѣщиковъ на ихъ собственность; а потому предлагали всѣхъ крестьянъ выкупить за цѣну чрезвычайно умѣренную. А именно, такъ какъ за человѣка, отданнаго въ рекруты, казна платитъ 300 руб. сер., то и за освобожденіе слѣдуетъ заплатить по тому же разсчету; а какъ, сверхъ того, крестьянамъ нужна земля, то и за землю должны дать помѣщику изъ казны: за коноплянники по 200 руб., а за распашную по 150 руб.

— Помилуйте, говорили этому писателю: да вѣдь вы хотите взять за часть вашего имѣнія въ десять разъ больше, чѣмъ стоитъ все имѣніе!

— Этотъ выкупъ должна произвести казна, а казна должна быть великодушна.

— При всемъ великодушіи казнѣ и деньги нужны; а ежели въ казнѣ не хватитъ столько денегъ, сколько нужно по вашимъ разсчетамъ? Тогда какъ?

— Да что казна?!... Не о томъ вопросъ!... Вы согласны ли съ моимъ проектомъ? спрашивалъ писатель своихъ сограждан, сообщая имъ вкратцѣ на словахъ свой проектъ.

— Всѣ согласны! Всѣ согласны!... отвѣтствовали сограждане. — На этихъ условіяхъ всѣ согласны!

И проектъ объ освобожденіи крестьянъ переписывался крѣпостнымъ писаремъ и отсылался куда слѣдуетъ; а сочинитель проекта получалъ заслуженное уваженіе и начиналъ пользоваться авторитетомъ государственной головы.

— Читали вы проектъ такого-то? спрашивалъ одинъ господинъ другаго.

— А вы читали?

— Великолѣпный!...гуманный!...Представьте: всѣхъ крестьянъ безъ всякаго возмездія помѣщики отпускаютъ на волю. Но тутъ представляется два вопроса: первый, гдѣ мужикамъ

взять землю, потому что мужикамъ земля необходима, безъ земли мужикъ пропадетъ. Второй вопросъ вытекаетъ изъ перваго. Первый вопросъ рѣшается чрезвычайно удачно и чрезвычайно просто. Земля мужикамъ нужна; а какъ земля въ нашихъ губерніяхъ вся барская и мужикамъ отдать эту землю нельзя, то переселить мужиковъ на вольныя земли въ Сибирь, разумѣется, на казенный счетъ. Теперь — мужиковъ переселили въ Сибирь, кто же намъ будетъ работать? Это второй вопросъ, который тоже совершенно рѣшается: для помѣщиковъ должно выписать работниковъ изъ Германіи и Сѣверной Америки, гдѣ, какъ извѣстно, земледѣльцы очень искусные!...

Отсылался и этотъ проектъ.... Мало этого, всѣ составители проектовъ задумали печатать свои произведенія, редакторы журналовъ были засыпаны проектами, изъ которыхъ одинъ былъ лучше другаго.... но увы! — читателей этихъ журналовъ редакторы не разсудили за благо познакомить съ этими великолѣпными произведеніями....

— Слышали вы, Иванъ Михайловичъ послалъ свой проектъ въ «Современникъ?» спрашивалъ меня одинъ господинъ, разсказавъ кстати и самый проектъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Какъ вы думаете, скоро напечатаютъ проектъ Ивана Михайловича?

— Право, я и этого не знаю.

— Прекрасный проектъ; ежели этотъ проектъ кому не понравится....

Недѣли черезъ двѣ, черезъ три я опять встрѣтилъ этого господина.

— Вѣдь проектъ Ивана Михайловича не напечатали, объявилъ онъ мнѣ.

— Еще рано; можетъ быть, еще и напечатаютъ, отвѣчалъ я.

— Нѣтъ не напечатаютъ: ему пишутъ изъ Петербурга, что не напечатаютъ, и проектъ назадъ отдали....

— Скажите, пожалуйста, почему же этотъ проектъ не напечатали въ «Современникѣ?»

— Право, не знаю.

— Ну, однакожь?

— Я думаю, не хорошъ.

— Нѣтъ! проектъ прекрасный!...

— Вѣроятно не согласенъ съ направленіемъ журнала, въ который посылаешь статья.

— Чтожъ изъ этого? спросилъ онъ, совершенно не понимая, въ чемъ дѣло.

— Ну, тогда не напечатаютъ.

— Какъ! онъ будетъ врать чортъ-знаетъ что; а тутъ и дѣла не позволяютъ сказать!... горячился мой собесѣдникъ.

— Какъ не позволяютъ!... Печатайте въ другомъ журналѣ.

— А какъ ни въ другомъ, ни въ третьемъ не станутъ печатать?

— Тогда пусть печатаетъ самъ отдѣльной брошюркой.

— А это можно?

— Можно.

— Какъ же это сдѣлать?

— Отдать въ цензуру, послѣ въ типографію; напечатаютъ — продавать.

— Вѣдь въ типографію надо деньги впередъ заплатить, а послѣ продавать?

— Да, впередъ.

— Ну, нѣтъ, слуга покорный! Тамъ еще пожалуй своихъ денегъ не выручишь!...

— Можетъ быть.

— Нѣтъ! по моему не такъ: издаешь журналъ, печатаешь проекты, — печатай всѣ!...

— Да вѣдь и журналъ, кромѣ траты денегъ, можетъ имѣть другой интересъ въ статьѣ....

— Какой тамъ интересъ! Просто сказать: проектъ напишетъ какой нибудь записной писатель, у котораго и штановъ-то нѣтъ, — печатаютъ... А нашъ братъ напишетъ, безштанные господа ходу не даютъ...

Не смотря на эту несправедливость, во всѣхъ журналахъ было очень много толковъ, да и теперь продолжаются, объ устройствѣ крестьянскаго быта; и большая часть журнальныхъ статей по этому предмету принадлежитъ помѣщикамъ.

Собрались губернскіе комитеты и разъѣхались; съѣздили въ Петербургъ депутаты отъ губернскихъ комитетовъ и вернулись; стали ждать манифеста. Простой народъ ждалъ этого манифеста отъ праздника до праздника: не пришелъ къ рождеству, придетъ, думалъ народъ, къ свѣтлому празднику; свѣтлый празд-

никъ обманулъ, не обманетъ петровъ день... Образованный классъ ждалъ манифеста къ какому нибудь высокоторжественному дню: къ дню коронаціи, тезоименитства государя или наслѣдника. И тутъ-то пошли толки, какъ приметъ народъ на первый разъ желанную волю.

— Скажите пожалуйста, спрашивалъ меня тогда одинъ мой знакомый литераторъ:—скажите, успѣетъ мать моя пріѣхать въ Москву изъ деревни?

— Отчего же не успѣетъ?

— Да вѣдь будутъ безпорядки послѣ объявленія крестьянамъ свободы..... какъ вы думаете?

— Безпорядковъ, вѣроятно, никакихъ не будетъ, отвѣчалъ я, хоть мнѣ и очень не хотѣлось отвѣчать:—вы сами изучаете русскую исторію, и быть русскаго народа, вамъ должно быть это лучше извѣстно...

Встрѣтился я на одномъ постояломъ дворѣ съ господиномъ, ѣхавшимъ въ своемъ тарантасѣ.

— Что, хозяинъ, народъ ждетъ, чай, не дождется воли? спросилъ онъ дворника.

— Какъ, родной, ваше благородіе, не ждать: тогда мужички сподобятся свѣтъ увидать!... отвѣчалъ хозяинъ-дворникъ.

— То-то пойдетъ потѣха!... заговорилъ посмѣиваясь баринъ...

— На что потѣха!... отъ этого спаси Богъ!... Дай Господи эту благодать съ миромъ, съ любовью принять!

— Надо бы съ любовію, продолжалъ баринъ, а безъ потѣхи дѣлу не обойтись.

— Обойдется, Богъ дастъ!

— Нѣтъ, не обойдется!

— Обойдется: спроси, кого хочешь!... утверждалъ хозяинъ-дворникъ.

— А давай спросимъ!... Какъ ты думаешь, спросилъ онъ меня:—станутъ тѣшиться?

— Нѣтъ, не станутъ.

— Ты это почемъ знаешь? спросилъ онъ меня уже гораздо болѣе строгимъ голосомъ.

— Да я не знаю, почему должна произойти какая-то потѣха.... и что такое эта «потѣха?»

— Эй, малый!... крикнулъ онъ проѣзжавшему съ возомъ му-

жику, не обращая больше вниманія на меня. — Малый! ты изъ какихъ?... Господскій что ли, или вольный?...

— Былъ господскій, угрюмо и какъ-то нехотя отвѣчалъ проѣзжій мужикъ.

— А теперь?

— Да и теперь пока господскій.

— Какъ, «пока» господскій?

— Пока царь волю всѣмъ пришлетъ, по тѣхъ поръ и мы господскіе...

— Хорошъ у васъ баринъ?

— Хорошъ!... господа развѣ бываютъ плохи? господа всѣ хороши!...

— Все бы, чай, погулять надъ бариномъ? продолжалъ приставать господинъ.

— Тѣшиться, не тѣшиться было прежде, а на послѣдяхъ и толковать объ этомъ нечего!

Въ этомъ вопросѣ партіи рѣзко отличались классами: извѣстнаго сорта помѣщики увѣрены были, что произойдетъ нѣчто такое, что извѣстно было подъ таинственнымъ наименованіемъ «потѣхи»; весь народъ зналъ, что не изъ-за чего даромъ въ Сибирь идти.

Около 10 марта 1861 года былъ прочитанъ манифестъ 19-го февраля.... Но прочитанъ онъ былъ не вездѣ толково и ясно: отсюда толкованья, отсюда нелѣпицы.

Такъ, напримѣръ, мнѣ случалось слышать, что «воля отъ трехъ царей пришла». Оказывалось, что такое пониманіе отъ того произошло, что Высочайшій титулъ былъ невнятно прочитанъ....

Другіе толки были еще страннѣе.

— Эта воля давно, братцы, пошла, толковалъ при мнѣ толпѣ мужиковъ и крестьянъ отставной солдатъ.

— А какъ давно?

— А такъ давно, когда еще былъ живъ самъ польскій король въ своемъ польскомъ королевствѣ.

— Наврядъ это такъ!....

— Такъ! и въ указѣ сказано: что эту волю еще батюшка царь Николай Павлычъ задумалъ; а мы при немъ и Польшу-то покончили....

Въ одномъ селѣ старикъ попъ сталъ читать съ амвона въ

церкви манифестъ: разбиралъ плохо, и, плохо разбирая, прочиталъ:

— О сѣни... о сѣни... нѣтъ, ребята! Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ!...

Народъ вообразилъ, что въ манифестѣ сказано что-то о сѣнѣ, чего священникъ не хочетъ читать. Заставили читать дьякона, но о сѣнѣ все-таки ничего не было. Взяли манифестъ, вышли изъ церкви и стали читать сами....

Какъ бы то ни было, а воля отъ одного царя пришла, стали ждать еще двѣ воли.... Ожиданія скоро сбылись: пришла и другая воля; прислано высочайшее положеніе 19 февраля съ царскими послами, какъ звалъ народъ генераловъ свиты его величества и флигель-адъютантовъ. Эта другая воля была въ одномъ городѣ получена раньше, въ другомъ позже.

— Отчего воля не всѣмъ заразъ сказана? — допытывались мужики.

Небрежность въ разсылкѣ экземпляровъ положенія была невѣроятная: во многія деревни было прислано, вмѣсто полныхъ экземпляровъ положенія, нѣсколько экземпляровъ нѣкоторыхъ листовъ; напримѣръ, въ Орловской губерніи раздавали въ одной деревнѣ тетрадь *не сшитую* изъ 20 экземпляровъ правилъ о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Бессарабской области; въ другой деревнѣ—дополнительныя правила о приписныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ... И такихъ экземпляровъ было множество.

— У насъ что за воля!... у насъ воля 87 листовъ, а вотъ графскимъ привезли на 193 листахъ, братецъ ты мой!... съ завистію говорилъ мнѣ одинъ мужикъ.

Всѣ единогласно говорятъ, что царская воля вездѣ принята со страхомъ и трепетомъ, какъ что-то священное, святое, не смотря на то, что она была объявлена чиновниками, которые, не извѣстно по чьему приказанію, составляли разныя легенды:

— Помѣщики знали, что вамъ на волѣ лучше будетъ; вотъ они и просили государя дать вамъ волю, а вашъ баринъ прежде всѣхъ! вразумлялъ одинъ такой чиновникъ, объявляя волю мужикамъ.

Зачѣмъ все это говорилось? Затѣмъ ли, чтобы мужики, видя явную реторику въ одномъ, не вѣрили ничему вообще?

— Какъ прослышали мы эту волю, говорили мужики, — сами себѣ не вѣримъ!... Столько прежде говорили, что уже

и всякую вѣру потеряли! Одначе воля пришла: самъ чиновникъ изъ губерніи пріѣхалъ: привезъ волю, собралъ сходку, съ каждаго двора по человѣку, а и два ничего. Сталъ толковать сходкѣ; толковалъ тотъ чиновникъ много пустаго.... Потолковавши сколько ему было нужно, говоритъ: — а кто у васъ, ребята, старше всѣхъ? — Мы глянули другъ на дружку да и говоримъ: — «Старше старосты у насъ человѣка нѣту». — «Нѣтъ, говоритъ чиновникъ: — староста старше всѣхъ васъ чиномъ; а мнѣ укажите, кто старше всѣхъ годами»? — Мы опять переглянулись промежъ собою. — «Годами старше Арсенія Петрова у насъ старика нѣту; Арсеній Петровъ самый старый у насъ старикъ!» — Ну, подойди сюда ко мнѣ, Арсеній Петровъ! кликнулъ чиновникъ. Подошелъ этотъ самый Арсенъ Петровъ. — На, говоритъ чиновникъ: — на тебѣ волю: держи! — А самъ суетъ ему въ руки книгу: ту самую волю. Арсенъ такъ и упалъ на колѣночки! — «Я человѣкъ, говоритъ, старый, не смогу сдержать той воли!»—Какъ загогочетъ чиновникъ, а Арсенъ еще пуще заробѣлъ!... Кланялся, кланялся, а все таки волю ему на руки сдали!... Взяли эту волю: читать надо, что въ той волѣ сказано. У насъ дьячокъ есть, Афонькой зовутъ; малый шустрый и письменный тоже; порядили того дьячка Афоньку волю читать; запросилъ полтинникъ денегъ, полштофа водки —дали! Только сталъ читать дьячекъ эту волю—не могитъ читать ту волю!... А для того не могитъ, что та воля на четыре грани написана: и туда верни, и сюда верни, а намъ читай всю волю сряду!... Такъ даромъ и отдали и водку, и деньги!... Можетъ, знаешь у Афросимовскихъ садовникъ есть, въ Москвѣ учился: вотъ тотъ можетъ волю читать!... Тотъ объявилъ: штофъ водки и цѣлковый денегъ... Что же ты думаешь?... вѣдь еще полштофа надбавили!... Какъ сталъ читать съ утра, такъ только на другой день къ вечеру кончилъ: половина барщины спитъ, другая слушаетъ! половина барщины спитъ, другая слушаетъ!... Такъ и прочиталъ!...

— Что же вы поняли? спрашивалъ я тѣхъ мужиковъ.

— А что поняли?!... Тебѣ говорятъ: та воля на четыре грани написана!

— Для чего же вы читали ту волю, коли изъ васъ никто и понять ее не можетъ?

— А такъ, другъ любезный, законъ велитъ! А мы, другъ любезный, отъ закону не прочь!...

Я бы не сталъ разсказывать этого случая, если бы онъ былъ рѣдкимъ исключененіемъ; но къ несчастію воля была прочитана почти повсемѣстно такимъ образомъ... Чиновникамъ и помѣщикамъ крестьяне не вѣрили; по неволѣ имъ пришлось нанимать выгнанныхъ дьячковъ, подъячихъ да промотавшихся помѣщиковъ. И должно сказать правду: эти люди читали *волю* добросовѣстно; желаніе ли добра крестьянамъ, боязнь ли страшной отвѣтственности за ложное толкованіе, то ли и другое вмѣстѣ дѣйствовало на чтецовъ, но я не встрѣчалъ ни одного умышленнаго толкователя изъ этихъ грамотѣевъ-чтецовъ; да изъ чтецовъ вообще было мало и толкователей: всѣ боялись ошибиться, а ошибиться было легко!... Многихъ изъ этихъ чтецовъ ловила полиція, но кажется ни одного, кромѣ извѣстнаго Антона Петрова, не нашли виновнымъ.

Весной, въ 1861 году, я былъ у П—ва въ Мценскомъ уѣздѣ; П—въ, поподчивавъ своихъ мужиковъ водкой, повелъ съ ними такую рѣчь:

— Вы знаете, что я васъ никогда не обманывалъ ни въ чемъ?

— Знаемъ, батюшка Иванъ Васильичъ, знаемъ!... Ни въ чемъ, какъ есть ни въ чемъ никогда ты насъ не обманывалъ!... загомонили мужики.

— Ну, такъ вотъ что я вамъ скажу: по положенію приказано въ два года уставныя граматы написать....

— Такъ-съ!...

— Въ этихъ граматахъ должно сказать, сколько вамъ дано земли, какая земля и сколько съ васъ оброку за ту землю, по закону, слѣдуетъ, или какая работа за землю, вмѣсто оброка, положена.

— Такъ-съ!...

— Да вѣдь вамъ читали новое положеніе?

— Читать-то читали!... какъ-то недовольно заговорили мужики.

— Ну, такъ вѣдь въ положеніи объ этихъ грамотахъ прямо сказано?

— Развѣ сказано?

— Да вѣдь вы сами же читали? какъ же вы спрашиваете: сказано ли?

— Да чтожъ, что читали!...

— Развѣ плохо вамъ читали? Развѣ не все поняли въ положеніи?

— Да ничего не поняли!... Гдѣ тамъ понять?!... Мы люди не письменные!...

— Ну, такъ я же вамъ говорю правду: приказано уставныя граматы написать. Ежели мы соглаеимся сами объ землѣ, какая вамъ отойдетъ, какая мнѣ, сами напишемъ грамату; а не сойдемся, заспоримъ, — прiѣдетъ отъ казны чиновникъ, тотъ насъ разведетъ...

— Нѣтъ, Иванъ Васильичъ!... До казны не пущать!... Расходиться самимъ! Какъ ни на есть, а расходиться промежъ собой безъ казны!... До казны доводить послѣднее дѣло!

— Отчего же?

— Отъ того: ты заплотишь, — тебѣ землю нашу отрѣжутъ; наша пересилитъ, — тебя обидятъ!

— Ну, такъ давайте сами въ землѣ разберемся: вамъ отдамъ всю землю ближнюю, а себѣ беру дальнюю: такъ хорошо будетъ?

— Какъ не хорошо!... Чегожь лучше, Иванъ Васильичъ!... Намъ вся ближняя!...

— Такъ и грамоту сейчасъ напишемъ. Старики! станемъ грамоту писать!

— Грамоту-то, Иванъ Васильичъ, грамоту-то ты писать погоди!

— Отчего же?

— Да такъ, погоди: вѣдь надъ нами не каплетъ!... Куда намъ спѣшить?

— Чего же ждать?

— Да посмотримъ, какъ люди станутъ дѣлать, такъ и мы съ тобой тогда ужь!... Вѣдь самъ знаешь: теперь дѣло на цѣлый вѣкъ идетъ; стало, надо хорошенько пораздумать да пораамыслить!

— Да вы сами говорите, что я васъ не обману, сдѣлаю по закону...

— Какъ тебѣ, Иванъ Васильичъ, не вѣрить!... Безпремѣнно по закону сдѣлаешь!... Объ этомъ и толку нѣтъ!...

— Отчего же теперь не хотите грамоты писать, когда мнѣ всѣ вы вѣрите?

— А надо правду сказать! заговорилъ одинъ старикъ, попьянѣе, а потому, можетъ быть, пооткровеннѣе другихъ: — это точно, что ты доселева насъ не обманывалъ, да теперь вѣдь дѣло-то вѣковое! Посмотримъ, какъ другiе, такъ и мы!...

Послѣ этого и говорить было нечего, и мой хозяинъ ушелъ

не только со сходки, а и со всѣмъ со двора къ своимъ сосѣдямъ въ гости, а я пошелъ въ домъ. Спустя нѣсколько времени, ко мнѣ въ комнату вошли человѣка четыре мужиковъ, съ волей подъ мышкой у одного; за этими мужиками стали входить и еще по одному, по два, такъ что въ нѣсколько минутъ въ моей комнатѣ собрались всѣ мужики, пировавшіе до этихъ поръ на дворѣ.

— Что вамъ, старики, надо? спросилъ я вошедшихъ ко мнѣ мужиковъ.

— Да вотъ, Павелъ Иванычъ, сдѣлай такую милость, покажи намъ въ нашей волѣ тое мѣсто, гдѣ сказано: кто эту книгу будетъ читать, того безпремѣнно сѣчь!... предложилъ мнѣ одинъ изъ пришедшихъ стариковъ, подавая свой экземпляръ положенія, или, по ихнему, свою волю.

— Нѣту, братцы, такого мѣста въ вашей волѣ, отвѣчалъ я старикамъ.

— Есть! право, есть!...

— Да нѣту, во всей книгѣ нѣтъ такого мѣста.

— Поищи, пожалуйста, право найдешь! настаивали подгулявшіе старики.

— Нѣту такого мѣста во всей книгѣ; эту книгу я сколько разъ читалъ,—такого мѣста не видалъ! да и для чего же было бы вамъ давать такую книгу, которую читать не велѣно; эту книгу и дали всѣмъ нарочно съ тѣмъ, чтобы ее всѣ читали!

— Вѣрное тебѣ слово говоримъ, что есть такое мѣсто, гдѣ сказано: кто эту книгу будетъ читать, безпремѣнно сѣчь... Ужь сдѣлай же такую твою милость, покажи намъ тое только мѣстушко; намъ больше ничего не надобно!... пожалуйста, возьми эту самую книгу да поищи это намъ мѣстушко...

— Этого мѣста во всей книгѣ этой нѣтъ; стало быть и искать нечего.

— Такъ нѣтъ этого мѣста во всей книгѣ? спросилъ одинъ изъ мужиковъ.

— Нѣтъ!...

— А такое мѣсто есть, что всѣ сады, всѣ амбары барскіе намъ слѣдуютъ?

— И такого мѣста нѣтъ; а если ты будешь это говорить, то безпремѣнно будутъ пороть.

— Такъ нѣтъ такого мѣста во всей этой книгѣ, говоришь ты?

— Нѣту!

— Дай же, я тебѣ покажу! И съ этими словами онъ поднесъ

мнѣ положеніе, сталъ перевертывать листы, и нашелъ послѣднюю страницу манифеста по клейму, приложенному вмѣсто печати (мужики были неграмотные). — На, читай эту страницу!

— Я сталъ читать: «.... Дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій...»

— Читай еще!... читай еще!... Тутъ!... тутъ оно! Читай!... заговорили радостно въ толпѣ: — тутъ оно сказано...

— «.... Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю...»

— Это мѣсто!... Это мѣсто!... Читай, читай!...

— «.... и собираютъ плоды ея...»

— Ну, что? спросилъ съ торжествомъ мужикъ.

— А что?

— Да что ты прочиталъ?

— Прочиталъ: чтобъ вы хорошенько работали землю и собирали тогда...

— Плоды?

— Ну да: будешь хорошо пахать, посѣешь рожь, — рожь и родится хорошо; вотъ тебѣ и плоды...

— Нѣтъ, Павелъ Иванычъ! посѣешь рожь, рожь и родится, а плодовъ все-таки не будетъ! Плоды въ садахъ, а сады-то барскіе; а какъ плоды намъ, стало и сады къ намъ отойдутъ!... Вотъ что!...

— Пустое, братцы, болтаете!... Здѣсь не такъ сказано...

— Читай! читай еще!...

— «....чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ...»

— Ну, а это что?

— А это вотъ что: будете хорошо работать, будутъ у васъ житницы полныя, вы и берите сѣмена...

— Ишь куда!... не туда, баринъ, прешь!... Какія у насъ житницы?!... Амбаришки! Куда тутъ житницы!... Амбаришки!... А то полныя житницы!... заговорили въ толпѣ.

— Правду вамъ говорю, старики! сущую правду...

— Правду!... хороша правда!... Читай еще!... читай! читай!...

— «.... на землѣ постояннаго пользованія, или на землѣ, пріобрѣтенной въ собственность...»

— А это что, по твоему?

— Это значитъ: засѣвай землю, которою даетъ тебѣ баринъ

пользоваться; или ту землю, которую самъ купишь, пріобрѣтешь въ собственность.

— Про барскую землю тутъ и помину нѣтъ, а говорятъ: постоянно ты землей пользуйся, а коли хочешь, купи. Только для чего же я покупать стану землю, коли и такъ можно ее пахать? хочешь пахать — бери землю; а не хочешь пахать — покупай!... А намъ не пахать — и дѣлать съ землей нечего!...

— Не такъ, вы братцы, толкуете...

— Читай-ко еще, та̀къ будетъ!... Ты знай свое дѣло: читай, а мы ужъ разберемъ!... Читай!...

— «.... Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ...»

— Это ка̀къ, по твоему, Павелъ Иванычъ, обозначаетъ?

— Вы теперь свободные люди; сперва ходили на барщину, а теперь, какъ землю выкупите, такъ свободно, какъ хочешь, такъ и работай; вотъ тебѣ и свободный трудъ...

— Такъ, да не такъ! сказано: перекрестись и только! тамъ, значитъ, и пошелъ сейчасъ свободный трудъ! Какая тутъ купля?

— Ой, братцы, будутъ васъ за эти ваши толки больно наказывать!...

— Наказывать долго ли! Было бы за что!

— За самые за эти ваши толки...

— За эти слова сѣчь не за что: это царская воля!

Этимъ-то мужикамъ написано было Положеніе....

Ну-съ, хорошо. Только наѣхали отовсюду особы разныя и начали дѣйствовать. Ну, извѣстно, особа народъ знаетъ мало, а знаетъ ли, нѣтъ ли, однихъ пейзанъ. И за всѣмъ тѣмъ либералы. Поэтому были очень частыя сцены... Попробуемъ изобразить одну. Дѣйствующія лица: 1) господинъ, пріѣхавшій было къ пейзанамъ, но послѣ узнавшій, что онъ дѣло имѣетъ не съ пейзанами, а съ простыми мужиками, и потому въ первый періодъ своей дѣятельности принимавшій пейзанъ съ жалобами безъ всякаго разбора и безъ разбора же распекавшій и помѣщиковъ, и чиновниковъ (исправника хотѣлъ, какъ носились слухи, къ позорному столбу прибить!), а потомъ, когда пейзане надоѣли, круто повернувшій къ системѣ сѣченья; 2) барыня, увѣренная, что *«у холопа не душа, а паръ — все равно какъ у коровы»*, и не понимающая невозможности ей самой сѣчь людей — своихъ холоповъ и необходимости до сыта кормить ихъ. Дѣйствіе происходитъ въ

Орлѣ въ 1861 году, въ первый періодъ дѣятельности, то есть въ пейзанскій.

Особа. Почему вы, сударыня, не явились ко мнѣ по первому требованію?

Барыня. Ахъ, отецъ родной! Да я думала, что ты самъ ко мнѣ пожалуешь: вѣдь я дама, какъ чесной человѣкъ! Думала, самъ ко мнѣ пріѣдешь!

Особа. На васъ, сударыня, ваши люди жалуются, что вы ихъ совсѣмъ не кормите.

Барыня. Ахъ они хамы!...Да я ихъ въ Сибирь, хамовъ! какъ они смѣютъ жаловаться, какъ чесной человѣкъ! Да я, какъ чесной человѣкъ, десяти тысячъ рублей серебромъ не пожалѣю....

Особа (вспыливъ). Какъ?!... Такъ вы меня считаете взяточникомъ?!...

(Идутъ распеканціи, угрозы барынѣ; барыня удаляется со стыдомъ).

Сцена вторая, тамъ же и въ тотъ же пейзанскій періодъ.

Мужики приходятъ съ просьбой защитить ихъ отъ обидъ и притѣсненій.

— Кто же васъ обижаетъ? спрашиваетъ особа, принявъ ихъ, какъ истыхъ пейзанъ, въ залѣ, а не въ передней.

— Да вотъ, твоя свѣтлая свѣтлость! Въ уѣздномъ судѣ съ насъ взятку просятъ! Помилуй!...

— Сколько съ васъ просятъ?

— Просятъ девять рублей тридцать одну копѣйку съ половиной, твоя свѣтлая свѣтлость (*)!

— Кто съ васъ проситъ?

— Да всѣ въ судѣ просятъ! Говорятъ, что слѣдуетъ съ насъ столько требовать.

— Это грабежъ! Дневной грабежъ, братцы!

— Грабежъ!... Какъ есть грабежъ дневной, твоя свѣтлая свѣтлость!

— Позвать сюда полиціймейстера! — гаркнула особа.

Сейчасъ же явился полиціймейстеръ.

— Какъ! у васъ взятки берутъ?

— Какъ? гдѣ? ваше сіятельство! спрашиваетъ оторопѣвшій

(*) Цифру я поставилъ для красоты слога, настоящей не помню, но только вѣрно, что были рубли съ копѣйками.

полиціймейстеръ, зная, что нѣтъ такой полиціи въ мірѣ, въ которой бы не брали взятокъ.

— У васъ берутъ! кричитъ особа: — у васъ, въ уѣздномъ судѣ!...

— Какъ, ваше сіятельство? Въ уѣздномъ судѣ? говоритъ полиціймейстеръ, у котораго совершенно отлегло отъ сердца, какъ только онъ услыхалъ, что дѣло идетъ объ уѣздномъ судѣ, а не о полиціи.

— Да! у васъ, въ уѣздномъ судѣ!...

— Да помилуйте, ваше сіятельство! я не судья, я полиціймейстеръ!

— Это все равно; это у васъ въ городѣ, а въ городѣ вы за всѣмъ должны смотрѣть!

— Меня изъ суда выгонятъ, ваше сіятельство, если я стану тамъ кричать о взяткахъ.

— Знать ничего не хочу!... Вы виноваты, не оправдывайтесь! Ступайте сейчасъ въ уѣздный судъ, узнайте, кто смѣетъ требовать деньги съ этихъ несчастныхъ мужиковъ!

Полиціймейстеръ уѣхалъ и черезъ минуту воротился изъ уѣзднаго суда.

— Ну что? кричитъ опять особа: — узнали, кто просилъ съ мужиковъ взятку?

— Узналъ, ваше сіятельство; только съ мужиковъ не взятку просятъ, а въ пользу казны деньги, которыя съ нихъ слѣдуютъ по закону.

— Какъ по закону?

— Такъ, по закону съ мужиковъ слѣдуетъ взыскать девять рублей съ копѣйками.

— Не можетъ быть такого закона, который бы приказывалъ съ бѣдныхъ мужичковъ требовать столько денегъ! Нѣтъ такого закона!

— Есть, ваше сіятельство; не было бы такого закона, секретарь не осмѣлился бы такъ рѣшительно отвѣчать вашему сіятельству, скорѣе бы отперся....

— Что вы мнѣ говорите!... Поѣзжайте, привезите ко мнѣ секретаря съ закономъ....

Привезли секретаря, который, въ свою очередь, привезъ съ собою томъ свода законовъ.

— Какъ вы смѣете требовать взятки съ бѣдныхъ мужичковъ?

крикнула справедливо разсерженная особа на секретаря, едва успѣвшаго ввалиться въ комнату.

— Помилуйте, ваше сіятельство....

— Что тутъ миловать!... Какъ вы смѣли требовать взятку съ мужиковъ?

— Я не требовалъ никакой взятки, ваше сіятельство....

— Что же вы требовали?

— Съ нихъ по закону должно взыскать; имъ и объявлено это въ присутствіи суда.

— Покажите мнѣ законъ!

— Извольте смотрѣть, ваше сіятельство, сказалъ секретарь, указывая на статью свода законовъ.

— А въ моемъ есть? спросила особа.

Этотъ вопросъ обозначалъ, что особа, предположивъ себѣ, что ее въ провинціи непремѣнно будутъ обманывать, привезла изъ Петербурга свой экземпляръ свода законовъ, въ которомъ, разумѣется, никакой фальши быть не могло.

— А въ моемъ есть? спросилъ онъ секретаря, подавая ему свой экземпляръ свода законовъ, ибо самъ отыскать, хоть и въ своемъ законѣ, не могъ.

— Есть и въ вашемъ, ваше сіятельство, объявилъ секретарь, и къ великому удивленію нашелъ этотъ законъ и въ его петербургскомъ законѣ.

— Ну, хорошо! сказала немного озадаченная особа. — Вотъ вамъ, братцы, деньги, прибавила она, обращаясь къ мужикамъ и отдавая имъ свои деньги.....

Таково было положеніе вещей въ такое время, когда старый порядокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старыя власти, которыми онъ держался, разомъ рухнули. Помѣщики отъ власти были сейчасъ же устранены, съ предоставленіемъ имъ права посылать своихъ людей (временно-обязанныхъ) къ становому; становымъ приставамъ, какъ разнеслись тотчасъ же слухи, прислано было секретное предписаніе не сѣчь людей, присылаемыхъ для этой операціи помѣщиками. Помѣщики стали присылать людей для наказанія къ становымъ и, къ величайшему своему недоумѣнію, съ примѣсью негодованія, увидали, что самъ становой NN, любимый и уважаемый именно за искусство смирять строптивыхъ рабовъ, даже этотъ становой — не наказываетъ присланныхъ къ нему. Мужики тоже замѣтили, и изъ любопытства охотно ѣздили къ становому съ посланнымъ отъ барина, и не безъ удоволь-

ствія сообщали барину, что становой ихъ наказывать не сталъ!... И такова вышла задача, что становаго совсѣмъ бояться перестали.

— И что за оказія такая, братцы мои! говорили мужики: — бывало, ѣдетъ становой, всѣ поджилки дрожатъ; а теперь пріѣдетъ — ничего; уѣдетъ — тоже ничего!...

Въ это время вдругъ разыгралась страшная комедія. Всѣ мужики, рѣшительно всѣ, которыхъ загоняли въ сипацу, или, говоря высокимъ слогомъ, освобождали отъ крѣпостной зависимости, всѣ хотѣли *справлять царскую волю*, то есть отбывать барщину по положенію и часто, не понимая положенія, совершенно неумышленно, грѣшили противъ него, за что были усмиряемы. Если къ этому прибавить, что многимъ изъ господъ не нравилась и самая работа по положенію, то сдѣлается понятнымъ, почему такъ часто мужики считались возмутившимися.

Первый бунтъ, происшедшій по случаю сипацы, про который мнѣ удалось слышать, былъ въ Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда во многихъ деревняхъ. Мужики вычитали въ положеніи *трехденку*: три дня работать на барина, три на себя. Воля пришла въ началѣ великаго поста, а въ это время въ деревняхъ работъ почти никакихъ нѣтъ. Вдругъ являются на барскій дворъ всѣ крестьяне поголовно, отъ мала до велика, и старые старики, и старухи, и дѣти, и взрослые — всѣ, сколько есть!...

— Что вамъ, братцы надо? спрашивалъ ихъ помѣщикъ: — зачѣмъ пришли?

— Работать, батюшка, работать!... отвѣчали и мужики, и бабы.

— Теперь работать нечего, отвѣчалъ имъ баринъ: — работы нѣтъ никакой.

— Что хочешь, заставь дѣлать, батюшка!...

— Я же вамъ говорю, что теперь работы у меня для васъ нѣтъ никакой.

— Теперь, батюшка, нельзя не работать! Заставь хоть что нибудь работать....

— Не нужна мнѣ нынче ваша работа; ступайте домой.

— Нельзя этого сдѣлать: это дѣло не твое, это казна! Царь указалъ быть трехденкѣ, мы на трехденку и пришли.... Сдѣлай милость, заставь что нибудь работать!...

— Ну, чистите дворъ, когда хотите! приказалъ баринъ и ушелъ отъ нихъ.

Народу собралось до 200 человѣкъ, дворъ былъ до 200 квадратныхъ саженъ; дворъ былъ вычищенъ въ одну минуту, но работники не уходили съ барщины, а тутъ же копались на дворѣ.

— Ступайте домой, ребята! сказалъ имъ помѣщикъ, опять выходя къ нимъ: — кончили работу?...

— Давай работы еще!

— Да нѣту, братцы, работы никакой нынче, отвѣчалъ имъ помѣщикъ.

— Можно ли идти домой? спрашивали мужики недовѣрчиво.

— Можно, можно, братцы! уговаривалъ ихъ баринъ.

— Не было бы намъ худа? Не было бы намъ бѣды отъ этого какой?

— Не будетъ бѣды, не будетъ никакого худа; ступайте домой!

Мужики разошлись по домамъ.

Въ другой деревнѣ пришедшихъ мужиковъ заставили (тоже человѣкъ до 200) прорыть нѣсколько саженъ канавки въ снѣгу, для стока вешней воды, чѣмъ мужики остались тоже довольны. Эти два бунта остались безъ усмиренія. Впрочемъ, не всегда обходилось дѣло такъ благополучно.

— Ну, какъ, братцы, у васъ воля идетъ? спросилъ я разъ въ кабакѣ мужиковъ, сперва поподчивавъ ихъ водкой.

— Что ты, братъ! отвѣчали мнѣ съ испугомъ мужики:—про волю не толкуй!

— Отчего же?

— Наказывать будутъ!

— За что же?

— А за то: про волю, сказано, никто толковать не смѣй! Вотъ тебѣ и вся недолга!

— Не правду вы, братцы, говорите; про волю не запрещено говорить, только надо говорить дѣло, надо говорить то, что сказано въ положеніи; а, конечно, если станешь толковать что нибудь не такъ, станешь нарочно народъ смущать....

— Это все едино!... Сказано тебѣ: объ волѣ толковать никакъ не моги!... Объ волѣ станешь толковать, безпремѣнно сѣчь станутъ! Все тутъ теперь тебѣ сказано....

— Во-первыхъ, мы не станемъ пустаго болгать, настаивалъ я: — а во-вторыхъ, межъ нами, кажется, ни одного пустаго и человѣка нѣтъ, и въ доносъ идти некому....

— Теперь, можетъ, и нѣту, а зайдетъ кто.... тутъ кабакъ.... А мы вотъ тебѣ что скажемъ: бери ты съ собой свою водку, пойдемъ къ намъ; ты у насъ и переночуешь... Дома и толкуй, о чемъ знаешь: дома свои стѣны не выдадутъ!

— Живите, братцы, посмирнѣе, сказалъ я, войдя съ ними въ избу и садясь за столъ.

— Какъ, братецъ ты мой, не смирно жить! На послѣдяхъ передъ волею бунтовать не приходится! что и не такъ — лучше смолчать, на себѣ перенесть; мы и зарокъ такой сдѣлали: кто станетъ бунтовать, своимъ судомъ съ тѣмъ расправиться, а до суда дѣлу не доходить.

— Такъ-то лучше, братцы, продолжалъ я: — а то вѣдь будетъ для васъ же хуже....

— Знамое дѣло, что хуже!

— Чуть мало что, — приведутъ къ вамъ солдатъ...

— Да и теперь сѣкутъ, перебилъ меня одинъ изъ мужиковъ съ изумитительнымъ хладнокровіемъ.

— Какъ? за что?... за бунтъ?

— Какой тамъ бунтъ!... Бунта никакого нѣтъ!

— Не можетъ быть, чтобъ ни за что, ни про что наказывали; вѣроятно за какое нибудь дѣло?

— А можетъ быть, и за дѣло какое; только это никому неизвѣстно.

— Развѣ что нибудь случилось?

— Видишь, пріѣхалъ чиновникъ, согналъ окольныхъ людей со всего околотка.... человѣкъ триста нагналъ.... собралъ сходку, вышелъ, да какъ крикнетъ: — «Хочешь голову срубить, — голову срублю; хочешь повѣсить, — повѣшу; хочешь такъ сказнить, — такъ сказню!... Тебѣ и не надо въ Сибири быть, — въ Сибирь пошлю, въ Сибири будешь!...» Да и долго, долго онъ толковалъ.

— Да объ чемъ же?

— А все объ томъ же!... А тамъ какъ крикнетъ: — «всѣхъ сѣчь!...» Какъ сказалъ онъ то слово.... а ребята всѣ въ полѣ пахали, въ своемъ клину подъ паръ землю подымали.... Что ты будешь дѣлать!... Поймали Матюшку, такъ мальчонко лѣтъ одинадцати.... «Садись, молъ, Матюшка, верхомъ, бѣги въ поле скорѣй, кличь народъ съ поля сѣчься!» Побѣжалъ верхомъ Матюшка въ поле, кличетъ: «ступай сѣчься!» — Ну, кто услышитъ, сейчасъ лошадь изъ сохи, да и домой — сѣчься.... А

тутъ еще, на счастье, ѣдетъ Матюшка мимо сусѣдскаго поля, а тамъ тоже поднимаетъ парину батракъ изъ подъ Орла, Васильемъ звать. — «Бѣги, Василій, кричитъ ему Матюшка: бѣги, зови народъ сѣчься! Ты бѣги въ этотъ клинъ, я въ этотъ!...» Василій, знамо дѣло, выпрегъ изъ сохи лошадь, погналъ тоже сзывать народъ; вдвоемъ живо собрали. Пріѣхали всѣ домой, ихъ передрали, они опять уѣхали въ поле пахать, а чиновникъ въ Орелъ поѣхалъ....

— Какъ? всѣхъ наказывали?

— А кто ихъ знаетъ: много сѣкли! Василій батракъ.... и дѣловъ-то его всѣхъ было, что въ деревню пріѣхалъ, отработали!— А вѣдь и другіе окольные были.... тѣмъ ничего! значитъ, не попались на глаза!

— Да онъ бы сказалъ, что его не за что, что онъ не виноватъ.

— Вотъ такъ!... стоитъ изъ дерьма тамъ толковать!...

— Онъ бы сказалъ, что онъ не здѣшній!

— Скажи!... скажутъ — «бунтуешь!...» А у насъ, братъ, бунтовать никто не соглашается!

Еще мнѣ привелось слышать объ одномъ несчастномъ въ Архаровѣ, Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губерніи. Должно замѣтить, что архаровцы, получивши манифестъ 19 февраля, положили на сходкѣ — не бунтовать, а вести волю, какъ царь велѣлъ. Вели они волю, вели, да и довели до усмиренія: пріѣхалъ исправникъ усмирять архаровцевъ. Зачинщикъ недоразумѣній ушелъ, кажется, въ Іерусалимъ Богу молиться еще до усмиренія, и усмиряли безъ него. Усмиреніе было оригинальное: собрали всѣхъ мужиковъ, и какъ исправнику всѣхъ усмирять не было свободнаго времени, то онъ усмирялъ десятаго; въ числѣ этихъ десятыхъ былъ одинъ мужикъ, пришедшій *наканунѣ* изъ Одессы за паспортомъ; его высѣкли и дали паспортъ, и онъ, такъ мирно и патріархально пробывши одинъ день на родинѣ, отправился на другой день опять въ Одессу.

Случается иногда, что мужики, слѣдуя своему обычному праву, дѣйствуютъ по своему убѣжденію совершенно правильно, а по Своду Законовъ оказываются преступниками и часто уголовными преступниками, потому только, что законъ имъ совершенно не знакомъ. Мужики, въ простотѣ сердечной, думаютъ, что нашимъ печатнымъ закономъ можно сдѣлать черное бѣлымъ, бѣлое чернымъ, какъ понадобится, смотря по обстоятельствамъ,

нраву судьи. Такъ, по крайней мѣрѣ въ Малоархангельскомъ уѣздномъ судѣ объяснялъ это одинъ богатый мужикъ, призванный туда по одному казусу. Дѣло состояло въ слѣдующемъ:

Жилъ-былъ въ Малоархангельскомъ уѣздѣ откупившійся на волю мужикъ Хомичевъ, торговавшій лѣсомъ, пенькой, дегтемъ, и, имѣя землю, обработывалъ ее наемными работниками. Этотъ Хомичевъ въ воскресенье заѣхалъ въ кабакъ Зацѣпу взять водки: не выпить водки, а взять домой. Ему, какъ имѣющему дѣло постоянно съ мужиками, необходима была для дома водка, да и самъ онъ съ пріятелемъ дома или въ гостяхъ испивалъ, хоть дѣла своего никогда не забывалъ. Хомичевъ заѣхалъ въ кабакъ въ воскресенье, взялъ водки и уѣхалъ; въ субботу, спустя недѣлю ровно, пришелъ въ этотъ же кабакъ Зацѣпу какой-то человѣкъ, выпилъ водки и умеръ: пошло слѣдствіе о умертвіи человѣка въ кабакѣ Зацѣпѣ, и Хомичевъ былъ призванъ въ Малоархангельскій земскій судъ, какъ прикосновенный къ дѣлу. Нечего и говорить, какъ испугался суда этотъ прикосновенный; всѣ знаютъ, какъ простой народъ боится суда. Приходитъ Хомичевъ въ земскій судъ.

— Сдѣлайте милость, говоритъ онъ чиновникамъ: — освободите отъ суда, оправдайте меня!

— Нельзя никакъ, отвѣчаютъ ему чиновники, желая побольше съ него взять взятку: — надо все дѣло по *закону* дѣлать.

— Да гдѣ же законъ? спрашиваетъ Хомичевъ чиновниковъ этого суда.

— Вотъ законъ, указали ему чиновники на лежащій на столѣ томъ свода законовъ.

— Это законъ! хорошо; вотъ переверни его, говоритъ Хомичевъ: — все будетъ законъ?

— Все законъ будетъ, отвѣчаютъ Хомичеву чиновники.

— Какъ ни поверни — хочь этимъ бокомъ, хочь этимъ, продолжалъ Хомичевъ, переворачивая въ рукахъ законъ: — какъ хочешь поверни, — все законъ будетъ?

— Все законъ.

— Такъ ты сдѣлай по закону, да по моему, убѣждалъ Хомичевъ къ крайнему удовольствію чиновниковъ, которые видѣли всю глупость мужика, такъ понимающаго законъ.

— А и дѣла-то никакого не было за нимъ, прибавилъ чиновникъ, разсказавшій мнѣ этотъ казусъ: — его и позвали-то въ

судъ, чтобы съ него что нибудь сорвать: извѣстно, что Хомичевъ мужикъ богатый....

Ежели не совсѣмъ правильно, то довольно вѣрно Хомичевъ объяснилъ народное понятіе о печатныхъ законахъ. Народъ каждый день видитъ, что печатный законъ можно нарушить безнаказанно, и что онъ нарушается явно тѣми, которые приставлены смотрѣть за сохраненіемъ законовъ. Въ одномъ городѣ, въ 1855 или 1854 году, загорѣлся домъ, въ которомъ была фабрикація фосфорныхъ спичекъ, что было въ то время *закономъ* запрещено.

— Здѣсь дѣлаются фосфорныя спички! кричалъ на нѣмца полиціймейстеръ: — отъ этого и домъ загорѣлся!

— Я спичекъ не дѣлалъ, оправдывался испуганный нѣмецъ.

— Какъ ты смѣешь еще лгать! Я самъ покупалъ твои спички! грозно кричалъ полиціймейстеръ:—какъ ни пошлешь за спичками, все твоей фабрики приносятъ!... А ты говоришь: «не дѣлалъ!...»

Что же полиціймейстеръ прежде не прекратилъ эту запрещенную закономъ фабрикацію? спросите вы, читатель, но какъ полиціймейстера объ этомъ никто не спросилъ, то я и не знаю, что бы онъ на этотъ вопросъ отвѣтилъ.

Что законы или совсѣмъ не исполняются, или исполняются плохо — объ этомъ простому народу толкуютъ и сильные и несильные міра сего; всѣ знаютъ, какъ смотрятъ начальствующіе на мастеровъ писать просьбы, на мужиковъ, по суду отъискивающихъ своихъ правъ; но вѣрно никто такъ ясно не растолковалъ этого мужикамъ, какъ нѣкоторый мудрый администраторъ, и при томъ администраторъ не изъ мелкихъ.

Пріѣзжаетъ онъ въ свою мценскую деревню; сосѣдніе государственные крестьяне приносятъ ему хлѣбъ-соль; онъ, принявъ хлѣбъ-соль, держалъ къ нимъ таковую рѣчь:

— Вы, мужики, въ палату въ Орелъ не ходите; окружному начальнику, какое бы ни было ваше дѣло, не жалуйтесь; ежели же вамъ случится какая нужда, приходите къ моему бурмистру, онъ васъ и разсудитъ; а чего не сдѣлаетъ самъ, напишетъ ко мнѣ, я ужь непремѣнно сдѣлаю по вашему.....

Теперь, какъ мужику понять, для чего же существуетъ законъ, учреждающій и палату государственныхъ имуществъ, и окружныхъ? По моему, понять нельзя. Именно поэтому простой человѣкъ такъ крѣпко держится за свои старинные, отцов-

скіе законы, которые, хоть и не печатаются, но за то строго сохраняются. Многіе изъ этихъ старинныхъ законовъ печатнымъ закономъ уничтожены; но гораздо большая часть этихъ законовъ не тронута сводомъ законовъ; какъ же тутъ знать, можно ли поступать по этому обычному закону, не уничтоженному, не замѣненному другимъ печатнымъ закономъ? Напримѣръ скажемъ о мірской сходкѣ. Мірскую сходку имѣлъ право всякъ собрать; теперь это очень недавно запрещено: позволено собирать сходку только мірскому старостѣ. Сходка имѣла право суда, даже уголовнаго безъ аппеляціи, постановлять новые праздники, запрещать въ извѣстные дни извѣстные работы; эти законы, уложенные въ извѣстной деревнѣ, должны были быть святы для всякаго, кто случайно приходилъ въ эту деревню, по пословицѣ: «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ». Въ настоящее время сходку дозволяется собирать, какъ я сказалъ, только старостѣ; сходкѣ дозволено разсуждать о разныхъ въ положеніи вычисленныхъ дѣлахъ *и тому подобныхъ*, да еще и *не тому подобныхъ*, а *иже* (и), *твердо* (т), *покой* (п)....

Все это для мужиковъ ново; что же мудренаго, что они иногда грѣшатъ противъ неизвѣстнаго для нихъ закона, дѣйствуя по стариннымъ обычаямъ, не отмѣненнымъ, по ихъ мнѣнію, никакимъ новымъ указомъ. Въ началѣ воли, многіе деревни положили на сходкѣ въ извѣстные дни не работать, считать за праздники; мужицкіе праздники часто не сходятся съ барскими, а тѣмъ болѣе съ календарскими; торжественныхъ дней мужики не знаютъ, но за то крѣпко вѣрятъ, что въ Ильинъ день работать нельзя: будешь работать въ Ильинъ день — хлѣба не будетъ, на Бориса и Глѣба — не будетъ хлѣба, на царя-града (*) — побьетъ хлѣбъ градомъ. Еще должно прибавить, что въ извѣстные дни нельзя работать только извѣстную работу: нельзя косить, нельзя жать хлѣбъ, но можно возить, вязать, сѣно гресть; по пятницамъ нельзя прясть, платье зо̀ловать — золой мыть, но безъ золы, чистой водой—грѣха нѣтъ. Вотъ и положили мужики праздники, и сами соблюдали ихъ строго, и за другими смотрѣли; а какъ по закону: «съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходить»,—то запрещали и наемнымъ работникамъ пахать въ свои уложенные праздники барскую землю. Пошли жалобы безъ чи-

(*) 11 мая празднуется обновленіе Царя града; а мужики празднуютъ не Царю граду, а царю-граду, что хлѣбъ побиваетъ въ полѣ.

сла, мужиковъ усмирили; мужики съ твердостію вынесли усмиреніе, но въ свои праздники все-таки не работали и въ своихъ деревняхъ другимъ на барской землѣ работать не позволяли.

— Что вы, братцы, шумите, бунтуете?! говорилъ я не разъ мужикамъ, не позволявшимъ работать на барской землѣ вольнонаемнымъ работникамъ.

— Тутъ бунта никакого нѣтъ, отвѣчали мнѣ: — а работать нынче у насъ никому нельзя.

— Отчего же?

— А отъ того, сталъ работать разъ, одинъ только годъ, на царя-града, такъ и пойдешь работать до окончанія вѣка! отвѣчали мнѣ постоянно. А я спрашивалъ объ этомъ болѣе чѣмъ въ семи губерніяхъ.

— Ну, вы и не работайте сами; зачѣмъ же другимъ запрещать работать?

— Э! Все равно заставятъ цѣлый вѣкъ на тотъ праздникъ на барщину работать.

— Это же почему?

— Потому, господа скажутъ: такіе же мужики у насъ работали на Ильинъ день, а вотъ эти не хотятъ, а эти вотъ мужики бунтуютъ!... Ну и, разумѣется, заставятъ работать на какой хочешь праздникъ, на самое свѣтло Христово воскресенье!... что сдѣлаешь?...

Откуда же эти слухи, откуда эти толкованія? не разъ любопытствовалъ я. И мужики, обыкновенно, безъ всякаго замѣшательства указывали мнѣ на лицо, рассказавшее имъ въ родѣ этой какую нибудь небылицу; лица эти были солдатики, выгнанные чиновники и, къ моему крайнему удивленію, помѣщикъ М**, прогнавшій большую часть своихъ людей на волю, обвиненный за дурное обращеніе съ людьми мировымъ посредникомъ, объявляющій откровенно всѣмъ, что онъ ничего не боится, никакой тамъ выдуманной гласности, что про него, пожалуй, пиши не только на колоколѣ, а хоть на всей колокольнѣ, что про него писали и въ «Отечественныхъ Запискахъ...

И этимъ слухамъ мужики вѣрятъ и строго берегутся. И праздники свои берегутъ, и трехденку (ходить три дня на барщину) соблюдаютъ, и къ своему барину на четвертый день въ недѣлѣ ни за какія деньги работать не пойдутъ и не наймутся. Мнѣ случалось часто видѣть у Ивана работниковъ, нанятыхъ на четвертый день въ Петровой деревнѣ, а у Петра — изъ Ивано-

вой: у своего же барина не хотѣли наниматься ни за какую плату.

Отказывались барину работать на четвертый день совсѣмъ не изъ желанія сдѣлать барину зло, а часто даже сожалѣя о баринѣ, горюя, что баринъ трехденкой, по закону уложенной, не справится съ своими работами, а нанять работниковъ негдѣ...

Въ прошломъ (1861) году хлѣбная уборка была не хороша: безпрерывные дожди мѣшали убирать съ поля хлѣбъ, такъ что работай и всю недѣлю,—хлѣбъ все-таки попортился бы въ полѣ, а тутъ еще трехденка господъ прихлопнула!... Что тутъ дѣлать! Въ одной деревнѣ мужики видятъ, что барскій хлѣбъ въ полѣ гніетъ—на трехденку дожди шли, а теперь вотъ и хлѣбъ обсохъ, такъ трехденка кончилась.... И порѣшили: чѣмъ свѣтъ запречь сколько у кого есть лошадей и возить барскій хлѣбъ на барское гумно, а передъ обѣдомъ, какъ барину выѣзжать на поле — баринъ постоянно выѣзжалъ въ поле передъ обѣдомъ, — всѣмъ ѣхать домой, чтобы баринъ не зналъ, кто именно возилъ, и слѣдовательно не могъ ни на кого сослаться, хоть и желалъ бы когда мужиковъ надуть. Эта продѣлка бывала во многихъ мѣстахъ, и многіе помѣщики обидѣлись такимъ недовѣріемъ крестьянъ. Одинъ же помѣщикъ созвалъ мужиковъ, поднесъ имъ водки и спрашивалъ: кто возилъ, кто первый придумалъ такую штуку? Но ему никого не назвали.

— Я знаю, что вы перевезли хлѣбъ, отчего же вы не хотите сказать кто? спрашивалъ помѣщикъ.

— Да на что тебѣ знать? Благо что перевезенъ хлѣбъ, ну и слава Богу!...

— Я хочу за тѣхъ, кто хлѣбъ возилъ, казенныя подати за этотъ годъ заплатить!...

Но мужики и на это не поддались: водки выпили, а все-таки не сказали, кто хлѣбъ возилъ! Такъ рѣшено было на сходкѣ, и этого рѣшенья крѣпко держались, хоть сходка была и незаконная, которая, слава Богу, кончилась благополучно. Никто не узналъ про ту сходку, никакого штрафа ни съ кого не взяли, что не всегда бываетъ.

Въ одномъ имѣніи плотина требовала починки; помѣщикъ далъ матеріалу, а крестьяне, нуждаясь этой плотиной для проѣзда, починили эту плотину въ свои дни, не отъ барщины, думая, что баринъ имъ дозволитъ ѣздить черезъ плотину. На это дозволеніе они имѣли полное право разсчитывать; не знаю, вездѣ или

только въ той мѣстности есть положеніе: мосты и плотины на барской землѣ тогда только чинятся мужиками барскимъ матеріаломъ въ свои дни, когда мужики пользуются этими мостами; и во вторыхъ еще потому, что баринъ и до этого времени не запрещалъ мужикамъ ѣздить черезъ плотину. Въ самую возку съ поля хлѣба, едва починена была мужиками въ свои дни плотина, — вдругъ баринъ запретилъ ѣздить черезъ плотину! Разумѣется, мужиковъ это сильно затруднило: вмѣсто полуверсты до хлѣба (черезъ плотину), въ объѣздъ стало пять верстъ, а потому они могли перевести въ день, вмѣсто двадцати копенъ, только двѣ.— Мужики собрали сходку... сходка оказалась незаконною...

На сходкѣ были толки, какъ помочь бѣдѣ; хлѣбъ надо возить сейчасъ же, непремѣнно въ тотъ же день, а черезъ плотину ѣздить нельзя: баринъ жердочкой перегородилъ; баринъ вздумаетъ проѣхать — жердочку сниметъ, проѣдетъ — и опять заложитъ, опять мужикамъ проѣхать нельзя; самимъ принять жердочку, — скажутъ бунтъ!... Думали, думали, толковали, толковали, а все изъ бѣды вывернуться не могли; рѣшено было, черезъ барскую плотину не смѣть ѣздить никому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на барскую мельницу, для которой и плотину чинили, молоть хлѣбъ изо всей деревни никакъ не возить, хоть эта мельница и въ самой деревнѣ, а возить хлѣбъ молоть за пять верстъ. Сперва на барскую мельницу шла девятая мѣрка за помолъ; пусть же барину она не достается, а идетъ другому; хоть и дальше возить, да ужь вѣрно дѣлать нечего!... Всѣ говорили такъ единогласно.

— Какъ, старики, быть?—заявилъ одинъ изъ сходки, когда уже состоялось рѣшеніе:—я послалъ возъ ржи на барскую мельницу нонче по утру; что съ той рожью дѣлать? Перемолоть ли ее ужь на барской мельницѣ, или свезти на другую?

— Свезти!... свезти на другую!... зашумѣла сходка: — сейчасъ же увезти возъ съ барской мельницы!

Сказано—сдѣлано: ту же минуту всѣ пошли на барскую мельницу, взяли возъ съ рожью, привезенный ихнимъ мужикомъ и, какъ лошади не было, отвезли на себѣ въ деревню, во дворъ къ хозяину ржи.

Баринъ подалъ просьбу и мировому посреднику, и въ земскій судъ: пришли-дескать мужики съ метлами, долотами и другими смертоносными оружіями... произвели дебошъ... убытку столько-то... а потому съ мужиковъ убытки взыскать, а съ бунтовщиками поступить по всей строгости законовъ.

Мировой посредникъ произвелъ слѣдствіе; открылось все дѣло, и онъ рѣшилъ: 1) сходка была *незаконная*, староста не имѣлъ права собирать сходки для разсужденій, какъ возить мужикамъ хлѣбъ съ поля, когда обыкновенная дорога была запрещена, и сходка не имѣла права запрещать сама себѣ возить рожь на барскую мельницу. 2) Насчитанные бариномъ тысячные убытки — ложны; убытку, ежели только считать это убыткомъ, баринъ понесъ лишь столько, сколько стоитъ девятая часть увезенной съ мельницы не перемолотой ржи; цѣна этой части — пятнадцать копѣекъ серебромъ. Но ежели принять во вниманіе, что платятъ обыкновенно только за произведенную работу, а рожь еще не мололи, то и убытку нѣтъ никакого.

Мужики однако же не хотѣли облегчающихъ обстоятельствъ и, по предложенію мироваго посредника, рѣшили немедленно заплатить барину пятіалтынный.

Сходка все-таки найдена была *незаконною*, мужики все-таки оказались виноватыми, а между тѣмъ мировой посредникъ, рѣшавшій это дѣло, былъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ посредниковъ; что же бы сдѣлалъ съ этимъ дѣломъ другой, болѣе искусный?

И какъ легко обвиняются мужики въ бунтахъ и въ грабежахъ, а никто, въ то же время, не хочетъ обратить вниманія, что уголовныхъ преступленій, съ учрежденія мировыхъ посредниковъ, стало значительно меньше. Мнѣ говорили многіе мировые посредники, что съ самаго начала ихъ службы міру, въ ихъ участкахъ не было *ни одного уголовнаго дѣла*; вообще на мироваго посредника смотрятъ не какъ на чиновника, а какъ на мірового слугу, на мірскова своего человѣка, а своего человѣка бояться нечего. Правда, что въ большой семьѣ не безъ урода, поэтому и въ большой семьѣ мировыхъ посредниковъ, вѣроятно, найдутся дурные люди, невѣрно понимающіе свои обязанности и отношенія къ міру, но мировые посредники все-таки были величайшимъ благомъ и для крестьянъ, и для господъ; одно то, что дѣла рѣшаются быстро, уже многое выкупаетъ: нѣтъ проволочекъ, нѣтъ лишней безполезной траты времени.

Послѣ обнародованія положенія, но когда еще не было мировыхъ посредниковъ, была подана просьба однимъ помѣщикомъ на своихъ крестьянъ: помѣщикъ обвинялъ крестьянъ въ дневномъ грабежѣ. Крестьяне пріѣхали изъ другой его деревни въ сумскую деревню, кажется за сто верстъ, срубили столько-то деревьевъ;

цѣна каждому дереву одинъ рубль серебромъ: всего вышла довольно круглая цифра. Пошло слѣдствіе, стали выписывать мужиковъ изъ деревень за сто верстъ въ городъ.

— Какъ было дѣло? спросилъ судебный слѣдователь одного изъ вызванныхъ въ городъ мужиковъ, которыхъ спрашивать должно было по одиночкѣ.

— Какъ было дѣло, грѣхъ такой случился!... отвѣчалъ мужикъ:—привезли мы барину изъ нашей деревни на восьми (кажется) подводахъ хлѣбъ; привезли ввечеру, ссыпали и поѣхали домой; отъѣхавши отъ этой деревни версты двѣ, не доѣзжая до того лѣсу, остановились ночевать въ полѣ...

— Отчего же вы не ночевали въ деревнѣ, а поѣхали въ поле? спросилъ слѣдователь.

— Какъ можно въ деревнѣ!... Чѣмъ же въ деревнѣ кормить лошадей? А въ полѣ, отпрегъ лошадь, пустилъ на дорогу—лошадь и сыта!... Мы такъ споконъ вѣку ѣзжали...

— Ну, хорошо!... а дальше какъ дѣло было?

— Поутру встали, запрягли лошадей, поѣхали; ѣдемъ лѣсомъ... а лѣсъ-то нашъ... думаемъ, срубимъ себѣ по парѣ оглобель, благо топоръ съ нами есть...

— Лѣсъ барскій, а не вашъ! замѣтилъ судебный слѣдователь, въ барскомъ лѣсу нельзя безъ спросу рубить!

— Мы того не знали: прежде всегда рубили; для себя руби, сколько хочешь, на продажу только не смѣй, а запрету мы ни отъ кого не слыхали; вотъ и вырубили по парѣ оглобель, поѣхали... Около обѣдовъ остановились кормить тоже въ полѣ, подъ лѣсомъ...

— Отчего же вы въ этомъ лѣсу не вырубили, а рубили прежде? Изъ другаго лѣсу было и везти ближе.

— Изъ этого лѣсу нельзя хворостинки вырубить: лѣсъ не нашъ; а то, пожалуй, и еще ближе лѣсъ есть: у насъ подъ самой нашей деревней есть лѣсъ, да не нашъ, а чужой; какъ же ты его возьмешь?!... Только отпрягли лошадей, пустили, а тутъ и ѣдетъ прикащикъ барскій.—«Рубили барскій лѣсъ?» спрашиваетъ прикащикъ.—Вырубили, говоримъ, по парочкѣ оглобель, а кто и двѣ парочки.—«Какъ вы смѣли рубить барскій лѣсъ?» говоритъ прикащикъ.—Мы ни отъ кого никакого запрету не слыхали, говоримъ мы. — «Вотъ ужо вамъ будетъ запретъ»!... Переписалъ, сколько кто нарубилъ, отдалъ намъ записку. «Нате, говоритъ, записку, отдайте вашему старостѣ, и лѣсъ ему сдайте.» Мы пріѣхали

домой, отдали и записку, и лѣсъ барскому старостѣ... Только и всего...

— Что стоитъ, по вашему мнѣнію, лѣсъ, который вы вырубили? спросилъ, наконецъ, слѣдователь.

— Сказать тебѣ по божьему: и цѣны не знаемъ, отвѣчалъ спрошенный мужикъ.

— Какъ же не знаешь?

— Да ты посуди: въ городѣ пара оглобель стоитъ пятіалтынный; а тутъ надо дерево срубить, обдѣлать оглоблю, привезти въ городъ, да простоять сколько времени, пока продашь оглоблю ту... Ну, самъ и считай, что стоитъ...

— Почемъ же положить?...

— Почемъ хочешь положи, да возьми поскорѣй деньги—только отпусти, только еще насъ не тревожь; вотъ и такъ который разъ приходимъ въ городъ, болтаемся, а вѣдь дома работа!...

— Не крали бы барскій лѣсъ!...

— Да развѣ такъ крадутъ?!... Поутру украсть, днемъ везти по большой дорогѣ у всѣхъ на виду!... И добро бы что!... а то пару оглобель... Говорятъ: отняли у насъ. Кто у насъ отнималъ? Никто не отнималъ; прикащикъ только переписалъ, да и велѣлъ отвезти, мы и отвезли, и отдали барскому старостѣ, тотъ ихъ положилъ... Посмотри и теперь: всѣ до одной оглобельки цѣлы, никто не покорыстовался!...

Какъ ни хотѣлъ судебный слѣдователь поскорѣе кончить это дѣло, но не могъ: должно было послать въ другую губернію отношеніе къ кому-то, чтобъ оцѣнилъ лѣсъ... Чѣмъ кончилось дѣло и кончилось ли еще, — я не знаю; но, вѣрно, мужиковъ еще требовали въ городъ, хотя впослѣдствіи открылось, что они говорили правду.

Конечно никто не скажетъ, что этотъ случай можно назвать воровствомъ, не только дневнымъ грабежемъ, а всякій припишетъ это только незнанію. Но и это незнаніе многіе заподозрѣваютъ.

— Не бойтесь, мужикъ никогда не ошибется, когда дѣло идетъ въ его пользу; мужикъ только тогда ошибется, когда ему это выгодно!—слыхалъ я не разъ отъ многихъ и помѣщиковъ, и чиновниковъ.

Но едва ли это такъ.

Ѣхалъ обозъ съ казенными вещами; при обозѣ, какъ водится, былъ офицеръ. Дорога была грязная, и извозчики

поѣхали не дорогой, а конопляниками сзади деревни. Мужики, а съ ними и сельскій староста той деревни, выскочили, стали прогонять извозчиковъ съ конопляниковъ на дорогу, и, какъ водится, произошла драка довольно сильная; разбитыхъ до крови было много и съ той, и съ другой стороны; только мужики не стали хвастаться своими ранами, а извозчики, какъ отчасти справедливо себя считали чиновниками, принесли жалобу исправнику, потому что мировыхъ посредниковъ тогда не было еще. Исправникъ вытребовалъ къ себѣ въ городъ дравшихся мужиковъ и всѣхъ отпустилъ, кромѣ старосты; сельскаго старосту посадилъ въ острогъ.

— За что же одного только старосту посадилъ въ острогъ?— спрашивалъ я воротившихся мужиковъ.

— Такъ ужь оно выходитъ, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ нихъ:— такой случай вышелъ; мірской староста лишонъ тѣлеснаго наказанія, вотъ исправникъ со всѣми съ нами посправился... «А тебя, говоритъ старостѣ, наказывать нельзя: ты лишонъ тѣлеснаго наказанія!... Такъ вотъ тебѣ!»... Ужь и возилъ же онъ его! да за-мѣсто тѣлеснаго наказанія въ острогъ засадилъ!...

— Да развѣ это не тѣлесное наказаніе? спросилъ я послѣ этого объясненія.

— Нѣтъ не тѣлесное; коли-бъ его разложили, вотъ было бы тѣлесное наказаніе.

Вѣроятно со мной многіе согласятся, что эти мужики *тѣлесное наказаніе*, ежели и не совсѣмъ вѣрно понимали, то никакъ не въ свою пользу это тѣлесное наказаніе толковали.

Иногда мужики бываютъ уголовными преступниками, потому что сами не зная, что они сдѣлали преступленіе, объявятъ о немъ начальству. Промолчи самъ—никто бы и не узналъ, ничего бы и не было.

Въ деревнѣ случился пожаръ, или, кажется, въ нѣсколькихъ деревняхъ одной волости сгорѣло нѣсколько дворовъ; мировой посредникъ объявилъ волостному старшинѣ, что погорѣвшіе крестьяне могутъ получать изъ казны вспомоществованіе, и что для этого нужно составить списки погорѣвшимъ. Волостной старшина съ волостнымъ писаремъ написали этотъ списокъ и подали мировому посреднику.

— Списокъ написанъ такъ, только недостаетъ еще подписей сельскихъ старостъ, сказалъ мировой посредникъ, просмотрѣвши поданный ему волостнымъ старшиной списокъ погорѣвшимъ.

— Сельскіе старосты наши не грамотны; они писать не умѣютъ, отвѣчалъ старшина.

— Это все равно: пусть кого нибудь попросятъ за себя руку приложить къ этому списку; они только должны засвидѣтельствовать, что у этихъ крестьянъ дѣйствительно погорѣли ихъ дворы.

Волостной старшина поѣхалъ въ волость, приказалъ кому-то подписаться за неумѣющихъ грамотѣ старостъ и вновь подалъ мировому посреднику по своему разумѣнію совершенно правильный списокъ. Послѣ оказалось, что волостной голова не соблюлъ обряда—не приказалъ довѣренному лицу подержать за руку довѣрителей, и отъ того весь сыръ боръ загорѣлся!...

— Какъ ты это сдѣлалъ? спрашивали на мировомъ съѣздѣ предстоящаго старшину съ нѣсколькими старостами.

— Виноватъ! Что и говорить—виноватъ!... Помилуйте; безъ всякаго злова умысла согрѣшилъ!...

— Вы не давали рукъ? спросили сельскихъ старостъ.

— Нѣтъ, не давали.

— Какъ же, сельскіе старосты рукъ не давали, а вмѣсто ихъ подписано, руки ихъ приложены?

— Такъ ужь грѣхъ такой видно случился, лукавый попуталъ видно!... приношу я къ нимъ вотъ — здѣсь показалъ старшина на своего мироваго посредника—они и говорятъ: «все такъ, да старосты не подписались: за старостъ надо руки приложить, кому старосты прикажутъ»... Пріѣзжаю домой, думаю: пошлешь по деревнямъ, да пока еще пріѣдутъ... велѣлъ подписать, да и отвезъ бумагу!... А послѣ, видитъ Богъ! я сказывалъ старостамъ «господа старосты! я въ такомъ-то дѣлѣ за васъ руки далъ»... Они говорятъ: «ничего»! Вотъ и все! А я и не зналъ, что грѣхъ такой случится... На первый разъ простите, будьте милостивы!... прибавилъ онъ, кланяясь мировому съѣзду земнымъ поклономъ.

— Говорилъ онъ вамъ послѣ? спросили сельскихъ старостъ, когда старшина кончилъ свой разсказъ.

— Говорилъ, отвѣчали старосты: — да мы на волостномъ старшинѣ за это и не ищемъ...

Дѣло уголовное — фальшивыя подписи!...

На этотъ разъ съ волостнымъ старшиной поступили по возможности милостиво: но онъ все-таки остался виноватъ.

Мужики всячески хотятъ дѣйствовать по закону, по царской волѣ, но къ несчастію не всегда имъ это сходитъ съ рукъ.

У одного помѣщика орловской губерніи А** па 106 верстъ въ длину и на 40—60 верстъ въ ширину сплошнаго имѣнія, въ томъ числѣ 75,000 десятинъ лучшаго въ Россіи лѣсу; и на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ разоренные въ конецъ крестьяне. Въ 1861 году, послѣ объявленія положенія 19 февраля, А*** созываетъ своихъ мужиковъ, объявляетъ имъ *волю*, говоритъ, что царь указалъ впередъ мужикамъ работать только три дня на барщину. Мужики, разумѣется, обрадовались такой царской милости, потому что имъ случалось работать на барщинѣ не три дня въ недѣлю, а всѣ дни, сколько ихъ есть въ недѣлѣ, и притомъ считая день въ 24 часа; работали и день и ночь, а семь дней на барщину было дѣломъ почти постояннымъ. Потомъ А*** было предложено работать не три дня на барщину, какъ сказано въ положеніи, а взять годовой урокъ: всякій дворъ (*) долженъ былъ обработать въ каждомъ клину по 10 десятинъ; кромѣ того сѣнокосы и проч. Годовой урокъ возможный, но не легкій даже и для хорошихъ, исправныхъ крестьянъ (особенно въ 1861 году, когда въ хлѣбную уборку шли сильные дожди), для мужиковъ же А*** этотъ урокъ былъ еще труднѣе. Я уже сказалъ, что мужики были всѣ разорены, и у очень многихъ изъ нихъ не было совсѣмъ лошадей; слѣдовательно крестьяне отказывались отъ годоваго урока совсѣмъ не по трудности его, а просто по невозможности выполнить, такъ какъ при этомъ требовалось обезпеченіе исправнаго выполненія круговою порукой.

— Намъ нельзя брать годовую работу, говорили мнѣ крестьяне А***.

— Отчего же?

— Какъ намъ можно? царь указалъ быть трехденкѣ, а мы не станемъ трехденки сполнять?!!

— Когда баринъ говоритъ, тогда можно и царской трехденки не справлять.

— Какъ же это такъ? Царь указалъ одно; баринъ указываетъ другое; станемъ мы сполнять барскую, не царскую волю. Хорошо!... Не станемъ мы сполнять царской воли, станемъ мы работать по барскому приказу. Пріѣдетъ кто, спроситъ: «Работаете ли вы, ребята, по царски, какъ царь указалъ; справляете ли трехденку»? Мы скажемъ: нѣтъ, царской трехденки не справля-

(*) Домашнее раздѣленіе на дворы; у А*** дѣлились рабочіе на дворы; 8 тяголъ составляли дворъ.

емъ. «Отчего же вы царской воли не сполняете»? спроситъ онъ; а мы опять: баринъ не приказалъ справлять по царски, а приказалъ работать по своему, по барски. «А кто больше: царь или баринъ твой»? Царь больше. «Какъ же вы, скажетъ онъ, какъ вы смѣете не справлять царской воли, царскаго указу, а послушались барина»? Что ты тутъ ему скажешь?!... Вотъ и будетъ бѣда!...

И вышелъ изъ этого бунтъ, и бунтъ съ усмиреніемъ.

Другой бунтъ у того же А*** былъ такого же рода. Впрочемъ мужикъ, разсказывавшій мнѣ исторію этого бунта, вполнѣ оправдываетъ А*** и обвиняетъ бунтовавшихъ мужиковъ.

— Мужики тѣ хохлы, говорилъ онъ.—Великимъ-то постомъ имъ около барскаго дома работу нашли; а пришла святая недѣля, бочекъ — нѣтъ!... На винокуренномъ заводѣ водки много курятъ, а лить ту водку некуда, хоть на земь лей!... Что тутъ дѣлать?!... Вотъ и сказано тѣмъ хохламъ съ понедѣльника на святой недѣлѣ бочки дѣлать. А хохлы: царь указалъ праздники не работать; вся святая недѣля праздники; не хотимъ бочки работать всю свѣтлую недѣлю! А того дурни не размыслятъ: не станутъ работать бочекъ, куда лить водку? Не на земь же въ самомъ дѣлѣ!... Не стоять же такъ винокуренному заводу!... Хохловъ подѣломъ наказывали!...

Мнѣ случилось видѣть самому, какъ эти же мужики хлопотали не идти *прочь отъ закона*. Шелъ я поздно вечеромъ въ одну изъ деревень А***, вижу, стоитъ за огородами, позади деревни, толпа мужиковъ... Э! думаю, сходка!... Въ настоящее время, когда сходки раздѣлены на законныя и незаконныя, мужики часто собираютъ сходки по ночамъ, въ какомъ нибудь скрытномъ мѣстѣ, чтобы кто не провѣдалъ, кому знать не должно, чтобы послѣ всѣму міру въ отвѣтъ не идти...

— Объ чемъ, старики, сходка? спросилъ я, подойдя и поклонясь сходкѣ.

— Да все объ своихъ дѣлахъ, человѣкъ любезный, отвѣчалъ мнѣ одинъ, тогда какъ остальные, отвѣтивъ на мой поклонъ, осматривали меня молча.

— Объ какихъ же дѣлахъ такихъ? опять спрашивалъ я, входя въ самую сходку.

— Да вотъ видишь, человѣкъ любезный! До царской воли барину мы каждую весну носили яйца, съ каждаго тягла приказано было носить. Вышла царская воля, яйца запрещено намъ

мужикамъ барину давать. Только намъ все словно опасно!.. Вотъ собрали мы сходку, положили собрать барину яйца, отдать кому слѣдуетъ... хорошо. Забрали, снесли... ничего: Богъ помиловалъ!... За тѣ яйца никакого намъ наказанія не было!... Проходитъ малое время—выдаютъ намъ за тѣ яйца деньги!... Теперь, что съ тѣми деньгами дѣлать?...

— Что же, мало что ли заплатили за тѣ вамъ яйца? спрашивалъ я.

— Да не объ томъ рѣчь... Пропади пропастью со всѣмъ и деньги тѣ!... А что съ тѣми деньгами дѣлать?... Возьмешь тѣ деньги — бѣда!... понесешь тѣ деньги въ барскую контору, опять бѣда!

— Баринъ самъ прислалъ деньги?

— Самъ, самъ! Никто не просилъ!... самъ прислалъ!... Куда просить!... заговорила сходка.

— А самъ прислалъ, и толковать нечего; берите себѣ деньги, сказалъ я.

— Хорошо тебѣ говорить, берите!... А какъ ты ихъ, эти-то деньги, возьмешь?...

Такъ на этой сходкѣ и не было рѣшено, что съ этими дѣлать деньгами; вѣроятно были и еще сходки, и столь же беззаконныя, какъ и эта, и объ этомъ же самомъ предметѣ; только я не былъ на другихъ сходкахъ и не знаю, чѣмъ кончилось дѣло о деньгахъ за яйца.

Въ самый развалъ этой сумятицы, не спѣша, мѣсяца черезъ четыре послѣ объявленія манифеста, были понемножку назначаемы мировые посредники: скажутъ нѣсколькимъ помѣщикамъ, что они мировые посредники въ такомъ-то уѣздѣ, потомъ въ томъ же уѣздѣ назначутъ еще, а тамъ еще, такъ что наконецъ и набралось достаточное число посредниковъ. Посредники открыли сельскія общества, выбраны были старосты, волостные головы. Посредники были благодѣтелями народа: едва мировые посредники вступили въ должность, какъ порядокъ началъ устанавливаться. Хотя многіе мировые посредники и сѣкли мужиковъ, да въ одиночку. Судъ мировыхъ посредниковъ пришелся по сердцу русскому народу. Этотъ судъ тѣмъ хорошъ, что скоръ: мировой посредникъ сейчасъ разсудитъ, ежели нужно, здѣсь же и накажетъ, и дѣло кончитъ безъ всякихъ проволочекъ.

Мировыхъ посредниковъ можно раздѣлить на три разряда. Къ первому разряду принадлежатъ такіе мировые посредники, кото-

рыхъ не любятъ ни помѣщики, ни мужики; этотъ сортъ мировыхъ посредниковъ преимущественно смотритъ на себя, какъ на чиновника и, какъ чиновникъ, считаетъ себя начальникомъ надо всѣми, кого только захватило положеніе на указанномъ ему участкѣ; всѣ его подчиненные: и помѣщики, и крестьяне, и купцы, и мѣщане, и попы, всѣ здѣсь постоянно живущіе и всѣ вновь временно, хоть на одну минуту, въ его владѣнія зашедшіе... Либералы ли они — Богъ ихъ знаетъ!... Но либерничаютъ эти чиновники-посредники всѣ; по крайней мѣрѣ, мнѣ не приходилось изъ такихъ посредниковъ видѣть ни одного, который бы на рѣчахъ не былъ либераломъ. Они отличаются особенно порядочностію: у нихъ и канцелярія впорядкѣ, и число нумеровъ исходящихъ безчисленно... На сходкахъ они держатъ себя величаво; ежели начнутъ что говорить сходкѣ, то мужикъ можетъ любоваться его краснорѣчіемъ сколько угодно, но понять, по своему мужицкому образованію и по непривычкѣ къ канцелярскому краснорѣчію, совершенно не можетъ. Таковой посредникъ караетъ и мужиковъ, но распекаетъ и помѣщиковъ, дѣйствующихъ не совсѣмъ согласно съ видами его, посредника... Но къ счастію такихъ посредниковъ мало, и теперь они, по бо̀льшей части, разбились по другимъ разрядамъ. Часть ихъ перешла на сторону посредниковъ, любимыхъ помѣщиками и составляющихъ второй классъ. Эти втораго класса господа рѣшительно всѣ либералы; но либерализмъ ихъ особенный: этотъ ихъ либерализмъ очень любезенъ помѣщикамъ въ родѣ Пѣночкиныхъ — Тургеневскихъ. Судьба привела меня видѣть одного изъ первыхъ такихъ либераловъ-посредниковъ.

Въ то время, когда назначались мировые посредники, однимъ изъ самыхъ первыхъ въ орловской губерніи былъ назначенъ мировымъ посредникомъ... назовемъ его хоть какъ нибудь... или лучше пусть будетъ онъ безъ имени; не онъ одинъ такой, ихъ много... Когда онъ былъ назначенъ въ эту должность, то счелъ своею обязанностію заѣхать къ будущему товарищу по будущей службѣ.

— Намъ надо дѣйствовать по возможности однообразно, сказалъ онъ послѣ первыхъ рекомендацій и любезностей хозяину — тоже будущему посреднику.

— Это необходимо, отвѣчалъ хозяинъ: лучше и для насъ, и гораздо лучше...

— И гораздо лучше для мужиковъ... перебилъ либеральный

посредникъ: — ежели мы станемъ дѣйствовать различно, могутъ возникнуть между мужиками толки: станутъ говорить, не понимая хорошенько дѣла, что мировые посредники дѣйствуютъ не по закону, а по своему произволу.

— Да, это правда...

— Мужиковъ наша обязанность пріучать къ легальности, пріучить мужика, чтобъ онъ уважалъ законъ!...

Потомъ пошелъ толковать о вредѣ для крестьянъ крѣпостнаго права, коснулся не добрымъ словомъ помѣщиковъ, находилъ, что теперешнее неутѣшительное нравственное состояніе помѣщиковъ совершенно логично вытекаетъ изъ прежней жизни рабовладѣтелей; что крѣпостное право портитъ не столько рабовъ-крестьянъ (онъ крѣпостныхъ отъ рабовъ не хотѣлъ отличать), сколько портитъ господъ, пользующихся крѣпостнымъ правомъ... Потомъ еще болѣе либеральничалъ...

— У меня у самаго есть дѣло, заговорилъ уже за ужиномъ посредникъ-либералъ:—которое касается меня лично и подлежитъ тоже вѣдѣнію мироваго посредника. Вотъ въ чемъ дѣло: мужики два года тому назадъ просили у меня позволенія купить себѣ земли; имъ это дозволили съ условіемъ, чтобъ они владѣли этой землей 15 лѣтъ, а послѣ 15 лѣтъ чтобъ эта земля сдѣлалась барскою. Теперь какъ быть съ этой землей? Взять ее у мужиковъ сейчасъ нельзя, да я и не хочу незаконно поступать, потому что мужики не владѣли еще срочныхъ 15 лѣтъ этой землей; а какъ сдѣлать съ ними условіе?

Отъ мироваго посредника слышать подобную рѣчь всѣмъ показалось довольно страннымъ.

— На чьи деньги куплена земля? спросилъ хозяинъ:—на ваши, или на мужицкія?

— Разумѣется, на мужицкія, отвѣчалъ совершенно убѣдительно либеральный посредникъ.

— А когда на мужицкія деньги куплена земля, стало быть, она и принадлежать должна мужикамъ.

— Но какъ же, заспорилъ посредникъ: — какъ же? тогда условіе не будетъ соблюдено!...

— Какое тамъ условіе!...

— Какъ, какое условіе!... условіе, заключенное между помѣщикомъ и крестьянами...

— Позвольте васъ спросить: какое же могли съ вами крестьяне заключать условіе, когда они были ваши крѣпостные крестьяне?

Условіе могутъ заключать только двѣ стороны, совершенно одна отъ другой независимыя. Поэтому условія тутъ никакого не было, да и быть не могло; а просто вы хотѣли воспользоваться положеніемъ мужиковъ и получить на мужицкія деньги еще клокъ земли.

— Но согласитесь со мной сами: я до этого времени имѣлъ на то право... полное право!

— Никакого вы права, ни просто права, ни полнаго права— никакого вы не имѣли!

— Какъ, не имѣлъ права?... При существованіи даже крѣпостнаго права?...

— Даже и тогда не имѣли права притѣснять крестьянъ!... Злоупотреблять помѣщичьею властью и тогда, какъ и теперь, закономъ запрещалось!... А какъ вы назовете это, какъ не злоупотребленіемъ помѣщичьей власти?!..

— Нѣтъ! я имѣлъ право дозволить и не дозволить крестьянамъ купить землю... Никто не зналъ, что освободятъ крестьянъ!...

— Должны были знать!...

— Какъ?..

— Какъ мировой посредникъ теперь, вы должны были и прежде знать, что крестьянъ освободятъ!...

— Это почему?

— Кто сильно чего хочетъ, тотъ сильно вѣритъ, что то будетъ; мировые посредники должны были этого сильно желать... Поэтому и вы...

— Я тоже сильно желалъ!...

— Какъ же вы предложили, могли предложить вашимъ крестьянамъ подобныя *условія*?!...

— Это условіе предложено не мною; я купилъ это имѣніе на этихъ условіяхъ... съ правомъ черезъ 15 лѣтъ взять у мужиковъ эту землю...

— Это все равно: какъ вы могли купить имѣніе съ этимъ грязнымъ правомъ?!..

— Я, разумѣется, не воспользуюсь этимъ правомъ; я только такъ спросилъ...

— Стало быть, и спрашивать объ этомъ было вамъ не для чего.

— Я, какъ мировой посредникъ, хотѣлъ знать ваше мнѣніе объ этомъ дѣлѣ... я подарю эту землю мужикамъ... но въ другихъ имѣніяхъ могутъ быть подобные этому случаи...

— Не дарите и вы земли мужикамъ вашимъ, не совѣтуйте и другимъ помѣщикамъ дарить такую землю крестьянамъ: земля купленная должна принадлежать тому, кто заплатилъ за нее деньги; какъ же вы будете дарить чужое?!..

Послѣ сего не совсѣмъ впрочемъ либеральнаго разговора, мы опять стали либеральничать... еще пуще прежняго!...

Спустя нѣсколько времени, мнѣ привелось объ этомъ посредникѣ много слышать; и слухи эти были, при всемъ ихъ кажущемся разнообразіи, до-нельзя однообразны; вся разница заключалась въ воззрѣніи: что одни находили дурнымъ, то другимъ представлялось самымъ лучшимъ.

— Что, братъ, у васъ новые порядки? заговорилъ я, проѣзжая одно село, съ проходившимъ мужикомъ.

— Новые-то новые порядки... отвѣчалъ онъ, поклонившись мнѣ и идя рядомъ со мною.

— А что-жь?...

— Да такъ, братъ!... Какая такая воля пришла, объ какой волѣ никто и не слыхивалъ!... Хуже всякой неволи!...

— Какъ же хуже? Теперь ты ничего не боишься, ни отъ кого никакой обиды; кто тебя обидѣлъ, пошелъ къ своему мировому посреднику, тотъ тебя отъ всякой обиды защититъ; только самъ не дѣлай дурнаго дѣла. За дурное дѣло, самъ знаешь, никто не похвалитъ...

— Зачѣмъ хвалить!... А ты знаешь нашего *посредственника*? Посредственниками мужики называютъ мировыхъ посредниковъ.

— Нѣтъ не знаю!... А кто у васъ мировымъ посредникомъ? спросилъ я.

— А у насъ *такой-то*... Тутъ мужикъ назвалъ господина того самаго, съ которымъ я уже встрѣчался и объ которомъ уже говорилъ выше.

— Ну что, каковъ онъ у васъ?

— У насъ-то ничего!... у насъ ему и дѣла никакого нѣтъ!... Намъ-то что!...

— Нѣтъ, не у васъ однихъ, не въ вашемъ селѣ; а какъ мужики его любятъ?...

— А на что ему наша любовь-то?... Что онъ будетъ съ нею дѣлать, съ нашею любовью-то?...

— Ну все-таки любятъ?...

— Что любить-то!... Извѣстное дѣло: барскую руку держатъ!... Какъ ни приди, все за барина...

— И всѣ мировые посредники барскую руку держатъ?

— Нѣтъ!... Куда всѣ!... Есть, что дѣло и по божью ведутъ: мужикъ виноватъ, мужика накажетъ; а и баринъ провинился въ чемъ, то и съ барина съ того тоже взыщетъ...

— Не можетъ быть, чтобы вашъ посредникъ безъ вины безо всякой наказывалъ мужиковъ.

— Кто тебѣ говоритъ, безъ вины наказываетъ... Только ужъ очень насъ штряхами доѣзжаетъ!...

— Какими штряхами?

— А штряхъ:—деньги ни за что берутся, вотъ и выходитъ тебѣ штряхъ!...

— Какъ ни за что?

— А такъ: вина твоя такая, сѣчь тебя не за что; сажать тебя на хлѣбъ на воду—тоже вина малая; дѣлать-то съ тобой нечего, вотъ и штряхъ! Какъ стряхнутъ твою мошну, вотъ ты и знай... лучше-бъ ужь больше провинился: наказали-бъ, да и пустили; а штряхи-то эти другому на цѣлый вѣкъ отзовутся!...

— Не надо только попадать въ вину какую, а то штряховъ не будетъ!... наставительно произнесъ я.

— А какъ ты, человѣкъ любезный, не попадешься въ чемъ: у нашего посредника всяка вина виновата!...

— Какъ такъ: всякая вина виновата?

— А такъ: малая какая бездѣлица, только бы ему узнать, сейчасъ тебѣ штряхъ!... Не разберетъ тебѣ, что дѣло-то плевое, нестоющее вниманія, а такъ сейчасъ штряхъ на тебя!... Отъ того и называется штряхомъ, что ни за что берется!... А нашъ посредникъ до этихъ штряховъ большой охотникъ!...

Всякій образованный человѣкъ пойметъ, что мужикъ, объяснявшій мнѣ значеніе штрафовъ, въ своихъ сдержанныхъ отзывахъ, былъ совершенно несправедливъ къ своему посреднику: разумѣется, что всякая вина виновата!... Скоро послѣ этого и я видѣлъ, что этотъ посредникъ, хоть и строгъ, но справедливъ. На мировомъ съѣздѣ, когда были толки о волостномъ старшинѣ, приложившемъ по незнанію за старость руки (случай, объ которомъ я уже выше говорилъ), то этотъ мировой посредникъ настаивалъ, чтобы съ этимъ волостнымъ старшиной поступили по всей строгости законовъ, какъ съ составителемъ фальшивыхъ документовъ; не желалъ даже обращать вниманія на смягчающія обстоятельства, имѣя въ виду показать сильный примѣръ всѣмъ волостнымъ старшинамъ. Почему мужики называли его *барскимъ*

посредственникомъ, это будетъ понятно изъ слѣдующихъ толковъ о смѣнѣ одного сельскаго старосты. Одинъ мировой посредникъ (другой — не этотъ), объявилъ на съѣздѣ, что мужики одного сельскаго общества не довольны своимъ сельскимъ старостой, что мужики давно просили о смѣнѣ этого старосты, а въ настоящее время они на него жалуются за то, что онъ имъ не далъ и не даетъ отчета въ общественныхъ деньгахъ, которыя уже истрачены старостой. Тогда нашъ мировой посредникъ принялъ сторону сельскаго старосты: какъ же власть, хоть и эту, можно смѣнять самимъ мужикамъ! Хотя и настаивалъ тхній мировой посредникъ о необходимости смѣны этого старосты; но нашъ мировой посредникъ, руководствуясь означенными аргументами, сильно воспротивился, и побѣда осталась за нимъ!... И такимъ образомъ, когда отъ него одного зависитъ рѣшеніе дѣла, то власть имѣющіе всегда правы; ежели же сойдутся двѣ власти — то права высшая власть. При мнѣ жаловались ему, что волостной старшина его участка разругалъ старосту, когда тотъ пришелъ къ нему съ жалобой, и совсѣмъ не занялся дѣломъ, за которымъ приходилъ староста къ старшинѣ. Нашъ посредникъ и здѣсь слиберальничалъ: на эту жалобу даже не обратилъ вниманія... Извѣстнаго воззрѣнія помѣщики сильно на него надѣятся: мало-мальски кто изъ таковыхъ помѣщиковъ не доволенъ своимъ посредникомъ, то сейчасъ просятъ мировой съѣздъ замѣнить мироваго посредника посредникомъ либераломъ, называя его или просто по имени, отечеству и фамиліи, или сосѣднимъ мировымъ посредникомъ, когда онъ дѣйствительно сосѣдній мировой посредникъ. И такова игра природы, что ни одинъ помѣщикъ таковой, ни одна помѣщица таковая не попросили ни разу въ этомъ уѣздѣ другаго посредника... Такъ онъ полюбилъ ихъ, такъ онъ строго блюдетъ помѣщичьи интересы, что часто это случается даже противъ желанія самихъ помѣщиковъ. Пріѣзжаетъ онъ къ одному помѣщику писать уставную грамату. Помѣщикъ объявляетъ ему, что хочетъ сдѣлать уступку въ пользу крестьянъ... Надо было видѣть, какъ перепугался нашъ мировой посредникъ; онъ отъ этой уступки ожидалъ всеобщаго возстанія, ежели не поголовной рѣзни!...

— Что вы хотите со мною сдѣлать!... говорилъ онъ помѣщику: — вы мнѣ этимъ испортите весь участокъ!... Всѣ мужики въ участкѣ будутъ указывать на вашу уставную грамату!... Я васъ прошу: не дѣлайте этого!...

Но увы! къ нашему съ нимъ негодованію не сдѣлалось такъ, какъ намъ хотѣлось!...

— Хоть въ уставную грамату этой уступки не пишите, на словахъ это сдѣлайте!... молилъ онъ.

Не внялъ и этой мольбѣ помѣщикъ: помѣщикъ думалъ, что мужики могутъ его самаго заподозрить, если онъ обѣщанное на словахъ не подтвердитъ письменно въ уставной граматѣ... И въ грамату уставную занесли и эту уступку... Не стало по нашему!...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ страшныхъ заботахъ: слухи ли пронеслись, или офиціально дали знать, что губернаторъ ѣдетъ осматривать волости; и онъ принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы губернаторъ остался доволенъ имъ.

— Слышалъ ты, губернаторъ ѣдетъ осматривать волости? спрашивалъ онъ волостнаго старшину на сходкѣ, собранной по случаю введенія въ томъ имѣнія уставной граматы.

— Слышалъ! отвѣчалъ старшина казенно-почтительнымъ образомъ, титулуя его, кажется, вашимъ высоблагородіемъ или батюшкой, не помню.

— Когда слышалъ, такъ надо быть готовымъ къ пріѣзду губернатора.

Волостной старшина вѣрно зналъ, какъ надо быть готовымъ къ пріѣзду губернатора.

— Все готово, отвѣчалъ волостной старшина:—хоть сейчасъ пріѣзжай губернаторъ. Что было готово, онъ не сказалъ, но посредникъ понялъ.

— Все готово? спросилъ посредникъ.

— Все готово! отвѣтилъ старшина.

— Все?

— Какъ есть все!

— А положеніе знаешь? спросилъ посредникъ волостнаго старшину.

— Какъ, то есть положеніе?.. спросилъ волостной старшина посредственника.

— Положеніе 19 февраля знаешь ли? уже построже спросилъ посредникъ.

— Да вѣдь я не грамотный!... Какъ же мнѣ выучить это положеніе, заговорилъ волостной старшина.

— Какъ! Что-жь такое, что ты не грамотный?!.. Вѣдь ты молитвы учишь? Сказывай, ты молитвы знаешь?

— Знаю...

— Такъ чтобы ты и положеніе мнѣ выучилъ! Чтобъ какъ молитву зналъ!... Чтобы къ пріѣзду губернатора непремѣнно все положеніе, какъ молитву, твердо зналъ! подтверждалъ посредникъ волостному головѣ.

— Слушаю-съ!... былъ отвѣтъ.

И выучитъ волостной старшина это положеніе 19 февраля, непремѣнно выучитъ!... Случалось же мнѣ, да вѣроятно и не мнѣ одному случалось слышать, какъ солдаты читаютъ свои *пунктики*; солдаты тоже не грамотные. Пунктики эти начинаются, кажется, такъ: «солдатъ есть имя великое, знаменитое...» Стало быть можно, хоть и трудно, а можно и положеніе такъ же выучить, и, вѣроятно, волостной этотъ старшина, исполняя приказаніе своего посредственника, къ пріѣзду губернатора выучитъ все положеніе 19 февраля; а губернаторъ, видя такое усердіе мироваго посредника, представитъ этого посредника къ наградѣ— чиномъ или орденомъ и тѣмъ поощритъ его къ дальнѣйшимъ подвигамъ, столь же для отечества полезнымъ.

Третій сортъ мировыхъ посредниковъ — это люди простые, знающіе бытъ крестьянъ и любимые крестьянами за безпристрастіе въ разборѣ жалобъ. Но этихъ посредниковъ мнѣ случалось видѣть мало, а потому объ нихъ и говорить мнѣ не приходится. Лучше скажемъ нѣсколько словъ о сельскихъ властяхъ: о волостныхъ старшинахъ и сельскихъ старостахъ.

Эти новые казенные чиновники рѣзко дѣлятся на два разряда: къ первому и лучшему принадлежатъ люди выбранные въ эти должности изъ молодежи, не искушенные еще властію, не бывшіе до этого времени никакими начальниками; ко второму— люди и до этого времени бывшіе начальниками по назначенію помѣщиковъ, бывшіе старостами, бурмистрами, прикащиками. Первые строго смотрятъ, чтобъ *законъ былъ соблюденъ*, строго смотрятъ, чтобъ барскія и казенныя повинности были исполнены, не позволяютъ взятокъ ни подъ какимъ видомъ, ни подъ какимъ названіемъ, не позволяютъ ни себѣ, ни другимъ. Одному начдоархангельскому волостному старшинѣ, молодому человѣку лѣтъ 27—28 помѣщикъ предлагалъ десять цѣлковыхъ за исполненіе своихъ обязанностей; тотъ, исполнивши должное требованіе помѣщика, не взялъ этой взятки, обидѣлся и принесъ жалобу на помѣщика мировому посреднику. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ наняты писаря съ тѣмъ, чтобы они учили крестьянскихъ дѣтей

грамотѣ; волостные старшины не позволяли *принимать* этимъ учителямъ никакой *благодарности* не только съ временно-обязанныхъ крестьянъ своей волости, но и за ученіе дѣтей государственныхъ крестьянъ. Съ крестьянами они справедливы, строго требуютъ отъ нихъ должнаго; но не поддаются и помѣщикамъ, хоть никогда не позволяютъ себѣ никакой дерзости въ отношеніи къ нимъ.

— Какъ же вы ладите съ господами? Вотъ хоть съ Н. или съ М.? спрашивалъ я не разъ, указывая на такихъ помѣщиковъ, которые отличались своею требовательностію и уже нѣсколько разъ жаловались на своихъ мировыхъ посредниковъ.

— Да съ тѣми ладить легко! исполняй все, что онъ скажетъ тебѣ дѣльное по закону...

— Ну, а ежели онъ скажетъ тебѣ что недѣльное, вѣдь ты долженъ отказать...

— Зачѣмъ отказывать!... не нужно: господа этого страхъ, какъ не любятъ.

— Да какъ же ты сдѣлаешь незаконное, чего по закону не слѣдуетъ?

— И отказать не откажу, и сдѣлать не сдѣлаю. Мнѣ господъ не выучить, такъ и читать ему проповѣдь не стоитъ; а скажешь ему: я бы для васъ съ превеликою радостію все сдѣлалъ, да боюсь, такъ ли оно выйдетъ; я спрошу мироваго посредника... Какой и побоится посредника... «Нѣтъ, скажетъ, не говори посреднику, я и такъ обойдусь», а рѣдкій скажетъ «спроси»; спросишь посредника, тотъ не прикажетъ; ты опять таки правъ: барину тому ты отказа не дѣлалъ, ему и сердиться на тебя нѣтъ причины.

Совсѣмъ другимъ характеромъ отличаются сельскіе чиновники, выбранные изъ прежнихъ чиновниковъ, бывшихъ при помѣщикахъ. Они выбраны или по требованію, или по указанію, или *по желанію* мировыхъ посредниковъ, или изъ боязни ослабить прежнюю власть. Вѣрнѣй всего, что на будущихъ выборахъ мало будетъ изъ этихъ людей выбрано вновь на должности. Они держатъ себя съ простыми смертными величаво, а съ начальниками униженно; они ужь разбираютъ людей: къ первымъ, то есть къ простымъ смертнымъ они относятъ не однихъ мужиковъ, но бѣдныхъ, или въ чемъ нибудь нуждающихся у нихъ помѣщиковъ; къ другимъ — всѣхъ власть имѣющихъ: своихъ начальниковъ, сильныхъ помѣщиковъ, богатыхъ попов,

даже мужиковъ, когда въ нихъ нужда есть. Съ такимъ господиномъ ссориться не слѣдуетъ: онъ можетъ, какъ человѣкъ знакомый съ властію, и наказать, и помиловать. . . . . . .

— Да какъ же, Арсенъ Васильичъ, говорилъ я одному волостному старшинѣ, бывшему сперва барскимъ бурмистромъ:—такъ вѣдь пожалуй и дѣлать нельзя; все-таки ты долженъ по закону дѣлать?... . . . .

— Я и сдѣлаю по закону, отвѣчалъ Арсенъ Васильичъ: — я сдѣлаю по закону, и отъ закона не отступлю, и барину уважу. Человѣкъ самъ тебя уважаетъ, какъ же ты его не уважишь?...

— Какъ же ты уважишь человѣку?

— Да вотъ хоть баринъ, который того стоитъ, хоть къ примѣру на мужиковъ тебѣ жалуется; разберешь дѣло, и хоть мужики правы, а все на тѣхъ мужиковъ штрафъ наложишь, потому баринъ самъ того стоитъ;. а не стоитъ того баринъ, такъ хоть и виноваты мужики — ничего не сдѣлаешь. . . . . .

— Да какъ же, Арсенъ Васильичъ, на правыхъ мужиковъ штрафъ накладывать? Ну, какъ тѣ мужики обидятся, да жаловаться пойдутъ! . . . . . .

— Въ штрафахъ мнѣ никто запретить не можетъ; штрафъ и въ законѣ указанъ. . . . .

— Ну, а какъ жаловаться пойдутъ къ мировому посреднику или еще кому?

— Нѣтъ, не пойдутъ, отвѣчалъ рѣшительно Арсенъ Васильичъ:—не пойдутъ; мужикъ жаловаться по судамъ не любитъ.

— Ну, а если съ мужика возьмутъ взятку? Вѣдь у васъ берутъ взятки?

— Ни мировой посредникъ, ни одинъ волостной старшина— ни-ни!... Избави Господи!...

— Ну, а волостной писарь?

— Тѣ.... Да вѣдь я думаю, что̀ взятка? Взятку я своему писарю позволю взять, самъ позволю, потому знаю, какую взятку и какому писарю. Писарь мое дѣло исполняетъ, меня слушаетъ, у меня находится въ повиновеніи — какъ же я ему не позволю взять?!... Ну, а сталъ изъ повиновенія выходить, я такому писарю не позволю ни съ кого ни одной копѣечки взять.

— Какую же взятку по твоему, Арсенъ Васильичъ, можно дозволить взять?

— Мало ли!... Да вотъ хоть билеты мужики берутъ, въ зара-

ботки идутъ.... Чтожь, можно!... По четвертаку, по двугривенному можно взять: я своему позволилъ и слова не говорю.

И мужики видятъ, что съ нихъ берутъ взятки и тоже ничего, не обижаются; мужики видятъ, что волостному писарю не брать взятокъ — придется умирать съ голоду: на 60—90 рублей, при купленномъ хлѣбѣ и всемъ съѣстномъ — жить нельзя и простому мужику; а волостной писарь, хоть и плохонькой, но все-таки въ родѣ чиновника. Мужики даютъ взятки волостнымъ писарямъ и не обижаются; но строго смотрятъ, чтобы сельскій староста, волостной старшина не бралъ взятокъ *отъ барина*, чтобы отъ того ихъ дѣлу порухи какой не вышло. А потому если помѣщикъ позволитъ что нибудь сельскому старостѣ, напримѣръ, лошадь, на которой ѣздитъ староста на барскія работы, пустить къ барскому корму, то всѣ мужики тотчасъ же пустятъ всѣхъ своихъ лошадей къ барскому корму, думая, что имѣютъ на это право.

И не смотря на такое устройство сельскихъ управленій и сельскихъ властей, мужики мировыми посредниками болѣе довольны, чѣмъ государственные крестьяне — окружными.

— Какой судъ лучше? спрашивалъ я одного временно-обязаннаго крестьянина Мценскаго уѣзда: — вашъ судъ, или однодворческій? то есть судъ у государственныхъ крестьянъ.

— Нашъ все-таки получше будетъ супротивъ однодворческаго суда, отвѣчалъ мужикъ.

— Чѣмъ же лучше?

— А тѣмъ: короче; у однодворцевъ придешь жаловаться, ужь тебя тягаютъ-тягаютъ, тягаютъ-тягаютъ.... и туда сходи, и сюда поди.... къ тому поди съ просьбой — бумагу подай; другому такъ на словахъ скажи.... всю твою душеньку измучаютъ; а послѣ все-таки накажутъ. А у насъ пришелъ къ мировому посредственнику съ какой жалобой; онъ тебя сейчасъ же разсудитъ, сейчасъ же взыщетъ и ступай домой!... Держать не станетъ!

— Чѣмъ же лучше вашъ судъ, когда все-таки ведетъ къ одному концу?

— Какъ же можно равнять мироваго посредственника и окружнаго твоего?

— Отчего же нельзя равнять?

— Нашъ мировой посредственникъ здѣшній житель; мировой посредникъ здѣсь и родился, здѣсь и умретъ, а пока живъ,

здѣсь ему жить придется; сдѣлаетъ что ужь сильно противъ закону, ему на міръ и глазъ показать нельзя будетъ; гдѣ помирволитъ своему брату барину, а гдѣ и побережется.... да и барину помирволитъ, все хоть одной сторонѣ лучше сдѣлаетъ.... А окружный твой.....съ вѣтру пришелъ, что ему? нынче здѣсь, завтра тамъ!.. Кто узнаетъ, какія чудеса онъ выдѣлывалъ!

Помѣщики тоже, на сколько могутъ, довольны судомъ; случается, остаются недовольны мировымъ посредникомъ, желаютъ перемѣны мироваго посредника, но рѣдко хотятъ перемѣнить судъ мировыхъ посредниковъ на болѣе организованный, болѣе улучшенный, уѣздный или земскій судъ. И, конечно, они еще скорѣе бы помирились съ своимъ настоящимъ положеніемъ, если бы у нихъ были деньги, или хоть кредитъ. При наступившей насущной необходимости въ деньгахъ, денегъ найти рѣдко можно; казенныя кредитныя учрежденія всѣ закрыты, и именно въ ту минуту, когда застала нужда въ деньгахъ; въ частныхъ рукахъ занять подъ залогъ имѣнія или нельзя совсѣмъ, или же заемъ сопряженъ съ большими препятствіями, а безъ залога рѣдко удается, и то за большія проценты. Да у кого и есть капиталы, тотъ тоже сидитъ безъ денегъ: помѣщикамъ нужно съ вольнонаемными работниками разсчитываться иногда каждый день чистыми деньгами, на это нужны мелкія деньги; а у насъ еще до начала эмансипаціи нельзя было размѣнять большой ассигнаціи не только на серебро, но и на мелкія ассигнаціи. Денегъ у помѣщиковъ нѣтъ, крестьяне исполняютъ трехдневку, и баринъ хоть что хочешь дѣлай, мужики не станутъ работать семи дней въ недѣлю. Это все такъ подѣйствовало на помѣщиковъ, что они даже не скрываются:

— Слышали вы: мой Ванька не могъ мѣста найти въ городѣ?... Пущай его.... небось вспомнитъ господъ! Кто его съ такой семьей возьметъ! говорила барыня о своемъ бывшемъ выѣздномъ лакеѣ, которому, по его спеціальности, довольно трудно отыскать себѣ мѣсто.

— Слышали вы, спрашивалъ одинъ баринъ другаго барина: — слышали вы, мужики вернулись назадъ?

— Какіе мужики?

— А тѣ, что пошли на заработки за Харьковъ, на Донъ! вернулись назадъ! тамъ все выгорѣло, весь хлѣбъ, вся трава.... дождей не было, все и выгорѣло....

— Ну, и пускай ихъ нужду узнаютъ!

— Пускай, пускай ихъ нужду узнаютъ: къ нимъ же придутъ— поклонятся!

Въ такое-то время мировыми посредниками пишутся и повѣряются уставныя граматы, при чемъ требуется отъ мужиковъ, чтобъ они подписались подъ уставной граматой. Мужики, зная, что гдѣ рука, тамъ и голова, не подписываются.

— Отчего вы не подписываетесь, рукъ не даете? спрашивалъ я не разъ.

— А какъ руки дать! Кабы мы знали что, для чего рукъ не дать! А то тамъ напишутъ Богъ знаетъ что, а тебя заставляютъ руки давать; дашь руки, повороту не будетъ; скажутъ, сами мужики такъ захотѣли!

— На то законъ есть; что сказано, то должно сдѣлать.

— Былъ бы законъ, сталъ бы нашъ посредственникъ много толковать!

— Посредникъ хочетъ согласія вашего.

— На чорта ему наше согласіе! Теперь вотъ отрѣжутъ землю у мужиковъ, да какъ мужики рукъ не дадутъ, опять отдадутъ.

— Нѣтъ, не отдадутъ той земли, которая отойдетъ отъ мужиковъ къ барину.

— А ты не врешь?

— Нѣтъ, не вру.

— Ой ли? А у насъ ужь которымъ вернули; мировой посредственникъ сперва отрѣзалъ, а тамъ самъ и вернулъ.

— Это какъ же?

— Сказалъ посредственникъ: еще годъ владѣйте мужики всей землей.

И по всей Орловской губерніи такое дѣло случилось: у мужиковъ отрѣзали землю, сколько приходилось болѣе высшаго душеваго надѣла, и отдали барину съ посѣянныхъ хлѣбомъ; а потомъ губернское присутствіе приказало дозволить мужикамъ посѣянный хлѣбъ взять въ свою пользу....

ПАВЕЛЪ ЯКУШКИНЪ.

СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

ПОСЛѢДНЯЯ СЦЕНА ИЗЪ ТРАГЕДІИ ЭСХИЛА.

Прометей, *прикованный къ скалѣ*, **и Хоръ океанидъ.**

ПРОМЕТЕЙ.

И Зевсъ — какъ гордо ни упорствуй — будетъ
Въ урочный часъ униженъ глубоко.
Онъ сѣть себѣ сплететъ, вступивши въ бракъ:
Тотъ бракъ и власть отниметъ у него,
И тронъ отниметъ. Въ-очью совершится
Проклятіе, которымъ Кронъ-отецъ
Клялъ сына, въ прахъ летя со своего
Предвѣчнаго престола... И никто
Изъ всѣхъ боговъ, опричь меня, не можетъ
Ему сказать, какъ отвратить погибель.
Лишь я единый слово тайны знаю. —
Пусть царствуетъ покуда, тѣшась властью,
Своимъ воздушнымъ громомъ величаясь!
Пусть ярко прыщутъ изъ его руки
Губящихъ молній огненныя стрѣлы!
Ничто ужъ не спасетъ его; ничто
Отъ страшнаго позора не удержитъ

И горькаго паденья. Онъ снарядитъ
И самъ вооружитъ себѣ врага, —
И явится противникъ съ дивной мощью:
Найдетъ онъ пламя жгучѣй молній Зевса,
И голосомъ заставитъ онѣмѣть
Могучій громъ, и сокрушитъ державный
Трезубецъ Посейдона, всѣ моря
И земли потрясающій. Тогда-то —
Постигнутъ грознымъ рокомъ — Зевсъ узнаетъ
Различіе межь властью и паденьемъ!

ХОРЪ ОКЕАНИДЪ.

Дивно грозишь желаннымъ злоключеньемъ
Ты Зевсу.

ПРОМЕТЕЙ.

Сбудется, чего желаю!

ХОРЪ ОКЕАНИДЪ.

Кто смѣетъ думать Зевса одолѣть?

ПРОМЕТЕЙ.

Страшнѣй и горше гибель онъ узнаетъ!

ХОРЪ ОКЕАНИДЪ.

И произнесть ты это не страшишься?

ПРОМЕТЕЙ.

Страшиться? мнѣ? Я не причастенъ смерти.

ХОРЪ ОКЕАНИДЪ.

Тебя страшнѣйшей пыткѣ онъ подвергнетъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Пускай! Я вижу все — и жду всего
Безтрепетно.

ХОРЪ ОКЕАНИДЪ.

Предъ правотой небесной
Склоняется, нѣмѣя, умъ премудрыхъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Молись, нѣмѣй, склоняйся предъ властями!
А я... Да что мнѣ этотъ Зевсъ? что въ немъ?
Пусть царствуетъ, какъ знаетъ! Срокъ коротокъ —
И быть ему царемъ боговъ не долго. —
Но вонъ летитъ сюда гонецъ крылатый:
Шлетъ новый царь мнѣ новаго посла.
Ужь вѣрно съ важной новостью!

Гермесъ *несется по воздуху, съ жезломъ и въ крылатыхъ сандаліяхъ.*

ГЕРМЕСЪ.

Тебѣ,
Вреднѣйшій, нетерпимый бунтовщикъ,
Возставшій мятежомъ противъ боговъ
Изъ-за людскаго блага, дерзкій хищникъ
Священнаго огня, тебѣ сказать
Я прилетѣлъ по повелѣнью Зевса:
Сейчасъ же объясни свои намеки
На бракъ какой-то, хвастовство свое,
Что кто-то Зевса свергнетъ съ трона. Все
Безъ всякихъ изворотовъ и загадокъ
Опредѣленно сказывай! Смотри,
Чтобъ плохо не было, какъ мнѣ придется
Въ другой разъ прилетѣть къ тебѣ. Ты знаешь,
Пощады не бывать тогда отъ Зевса.

ПРОМЕТЕЙ.

Надменно, важно, съ горделивымъ видомъ,
Словами сыплешь ты, какъ подобаетъ
Холопу Зевса. И давно ль попали
Вы, новички, на царство? А туда же —
Увѣрены, что можно безпечально
Вамъ въ золотомъ чертогѣ пировать!
Я видѣлъ самъ, какъ съ этой вышки двое
Владыкъ свалилось (*), — и еще увижу,
Какъ третій — господинъ твой — полетитъ...
Быстрѣе всѣхъ, позорнѣй всѣхъ. — Иль ты
Вообразилъ, что я затрепещу
И преклонюсь предъ новыми богами?
Нѣтъ, многаго до этого не хватитъ —
Всего! Такъ знай: ты можешь отправляться
Обратно той же самою дорогой,
Какой сюда явился! Ничего
На всѣ свои допросы отъ меня
Ты не узнаешь.

ГЕРМЕСЪ.

Не такое ль точно

(*) Уранъ, дѣдъ Зевса, и Кронъ, отецъ его.

Упорство привело тебя сюда
И горькой мукѣ предало?

ПРОМЕТЕЙ.

Своей
Плачевной доли — знай ты это! — я
Отнюдь не промѣняю на твое
Служенье Зевсу. Нѣтъ! милѣй мнѣ этой
Скалѣ служить, чѣмъ быть, какъ ты, усерднымъ
И преданнымъ разсыльнымъ Зевса. Такъ-то
Должны мы вамъ, противникамъ всего,
Противиться!

ГЕРМЕСЪ.

Тебѣ, какъ видно, любо
Быть въ этомъ положеньи?

ПРОМЕТЕЙ.

Любо? Очень
Желалъ бы я, чтобъ такъ же было любо
И всѣмъ моимъ врагамъ! Ты въ ихъ числѣ.

ГЕРМЕСЪ.

По твоему, я тоже виноватъ
Въ твоемъ страданьи?

ПРОМЕТЕЙ.

Чтò тутъ толковать?
Всѣхъ васъ, боговъ, я ненавижу — всѣхъ
И каждаго — неправыхъ и спокойныхъ
Въ своемъ злодѣйствѣ надо мной!

ГЕРМЕСЪ.

Я вижу,
Ты сильно боленъ умственнымъ разстройствомъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Да, боленъ, если только ненавидѣть
Своихъ враговъ — болѣзнь.

ГЕРМЕСЪ.

Коль ты здоровъ,
Нигдѣ терпимъ ты быть не можешь.

ПРОМЕТЕЙ.

Ахъ!

ГЕРМЕСЪ.

Такого звука прежде отъ тебя
Мы не слыхали.

ПРОМЕТЕЙ.

Время старитъ насъ
И учитъ многому.

ГЕРМЕСЪ.

Тебя однакожь
Не научило быть благоразумнѣй.

ПРОМЕТЕЙ.

Конечно; вѣдь иначе ты, холопъ,
Ни слова отъ меня не услыхалъ бы.

ГЕРМЕСЪ.

Такъ ты не скажешь ничего о томъ,
Что знать желаетъ Зевсъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Не должникомъ ли
Меня считаетъ онъ? не ждетъ ли платы
За всю любовь свою ко мнѣ?

ГЕРМЕСЪ.

Оставь
Свои насмѣшки: я вѣдь не ребенокъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Ты не ребенокъ, а глупѣй ребенка,
Коль думаешь услышать отъ меня
Хоть что нибудь! Такой нѣтъ пытки, нѣтъ
Такихъ уловокъ, чтобъ меня заставить
Сказать, что знаю: можете въ позорныхъ
Цѣпяхъ меня держать хоть до свершенья
Предвѣстья моего! И такъ, пусть Зевсъ
Огонь своихъ зубчатыхъ молній шлетъ!
Пусть бѣлокрылымъ снѣжнымъ ураганомъ
И грохотомъ подземнымъ пошатнетъ
И опрокинетъ все кругомъ въ безчинный
Хаосъ! Меня не склонитъ онъ ничѣмъ
Открыть ему, кто нѣкогда съ престола
Его столкнетъ.

ГЕРМЕСЪ.

Подумай, что себѣ
Готовишь ты!

ПРОМЕТЕЙ.

Давно обдумалъ все;
Давно рѣшился твердо!

ГЕРМЕСЪ.

Такъ узнай же,
Узнай, несчастный, все обилье золъ,
Которымъ обреченъ!

ПРОМЕТЕЙ.

Ты надоѣлъ
Мнѣ пустозвоннымъ словомъ. И не думай,
Чтобъ передъ Зевсомъ въ страхѣ я, какъ баба,
Метаться сталъ и вздохи возсылать
Къ нему, всененавистному, съ мольбою,
Чтобъ онъ меня отъ этихъ узъ избавилъ!
Нѣтъ, этому во вѣки не бывать!

ГЕРМЕСЪ.

Напрасно я слова съ тобою трачу.
Нѣтъ, просьбами своими мнѣ тебя
Не укротить, не тронуть: ты какъ конь,
Впервые взнузданный, рвешь удила
И бѣшено въ ярмѣ тяжеломъ бьешься.
Но ослѣпленъ ты гордостью безсилья:
Однимъ упорствомъ безъ разумной мѣры
Нельзя побѣды въ спорѣ одержать.
Подумай — коль слова мои ты презришь —
Какая неминучая ударитъ
Въ тебя гроза, что за пучина мукъ
Тебя поглотитъ! Знай: нещаднымъ громомъ
И булавами молній гнѣвный Зевсъ
Въ утесы этого ущелья грянетъ,
Дробя ихъ въ прахъ, а твой составъ тѣлесный
Отсюда сброситъ въ каменныя нѣдра
Дремучей пропасти. Потомъ, когда
Свершится кругъ годовъ неисчислимыхъ,
Ты свѣтъ дневной увидишь; но къ тебѣ
Начнетъ слетать могучій, бурнокрылый
Орелъ отъ Зевса: дикъ и алченъ, станетъ
Терзать тебѣ измученное тѣло, —
Незваный гость по цѣлымъ днямъ, — клевать
Остатки черной печени твоей.
И ужь не жди себѣ отъ этой муки
Спасенья: развѣ богъ какой тебя
Захочетъ искупить собой — и снидетъ

Въ потемки ада, въ мрачные, какъ гробъ,
Предѣлы тартара. Размысли это!
Не выдумка мои угрозы; нѣтъ!
Въ нихъ слишкомъ много правды. Никогда
Въ устахъ священныхъ Зевса не бывало
Ни слова лжи: что скажетъ, то исполнитъ.
Такъ разсуди-жъ, подумай хорошенько!
Благоразумья не гони упрямствомъ!

ХОРЪ ОКЕАНИДЪ.

А право, Гермесъ не дурной совѣтъ
Тебѣ даетъ. Внемли благоразумью,
Упрямство брось, послушайся его:
Неправо поступать — позоръ для мудрыхъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Давно я прежде зналъ все то, что мнѣ
Ты насказалъ. Отъ злѣйшаго врага
Принять такую муку — не позорно.
Пускай въ меня двойнымъ ударитъ жаломъ
Губительная молнія! пусть воздухъ
Всколеблется отъ грохота громовъ,
Отъ судорогъ и взрывовъ урагана!
Пусть буря глубь земную разшатаетъ
И съ основанья сдвинетъ землю! пусть
Смѣшаются, бичуемые гнѣвомъ,
Въ бореньи дикомъ — воющее море
И молчаливыя стези свѣтилъ!
Пусть въ вѣчный сумракъ тартара свирѣпо
Низринетъ роковой круговоротъ
Мое грозой раздробленное тѣло!
Все-жъ умертвить меня не можетъ Зевсъ.

ГЕРМЕСЪ.

Какъ слово извращается, когда
Смѣшаетъ мысли заблужденье — въ немъ
Живой примѣръ! Онъ близокъ ужь къ безумью;
А отъ безумья перейти легко
И къ бѣшенству. Но вы — о немъ скорбѣть
И надъ его ужасной долей плакать
Пришедшія — идите прочь, о дѣвы,
Изъ этихъ мѣстъ! бѣгите дальше, дальше!

Иль, оглушивъ, лишать сознанья васъ
Раскаты нескончаемые грома.

ХОРЪ ОКЕАНИДЪ.

Найди совѣтъ получше, чтобъ могли
Мы внять ему; твои-жь слова глубоко
Противны намъ: не совратишь насъ ими!
Тебя мы не послушаемъ; себя
Не обречемъ позору. Нѣтъ, мы съ нимъ
Погибель примемъ! Ненавистны намъ
Отступники, — и нѣтъ на свѣтѣ яда
Гнуснѣе и презрѣннѣе измѣны!

ГЕРМЕСЪ.

Такъ ладно-жь! Помните мои слова:
Коль васъ сразятъ громо̀вые удары,
Не жалуйтесь на участь вы свою;
Не смѣйте говорить, что въ васъ нежданно,
Негаданно грозой ударилъ Зевсъ!
Вы знали все впередъ: ни тайныхъ козней
Тутъ не было, ни хитраго обмана.
Вы сами въ безконечной мрежѣ рока
Запутались въ безумномъ ослѣпленьи.

Гермесъ *исчезаетъ. Страшный грохотъ въ воздухѣ. Землетрясеніе.*

ПРОМЕТЕЙ.

Слова его сбываются: грозилъ
Не даромъ онъ. Земля заколебалась;
За молньей молнія — шипятъ и вьются
И всюду мечутъ огненныя стрѣлы;
Столбами вихри поднимаютъ пыль;
Вездѣ шумитъ, какъ въ буйномъ хмѣлѣ, буря;
Съ мятежнической яростью и съ воемъ
Въ отчаянномъ схватились боѣ море
И небеса... И эту кару Зевсъ
Мнѣ шлетъ, чтобъ испугался я!.. Рази,
Хлещи, гроза! — О мать моя святая!
О ты, эѳиръ, священная стезя
Зиждительнаго свѣта! посмотрите,
Какую я терплю несправедливость!

МИХ. ИЛЕЦКІЙ.

МОИ СКИТАНІЯ ПО БѢЛУ СВѢТУ.

I.

Отъѣздъ. — Необыкновенный кондукторъ. — Вильно. — Горитъ вагонъ. — Чувства русскаго при переѣздѣ черезъ границу. — Благодѣтели Эйдкунена и Сталупенъ. — Берлинъ. — Вѣна. — Нѣсколько словъ о «славянъ могучемъ родѣ». — Зёммерингъ.

Я отбылъ изъ Россіи самымъ обыкновеннымъ образомъ, какъ отбываютъ куда нибудь по всякой желѣзной дорогѣ. Разница заключалась только въ томъ, что эта дорога, варшавская, была тогда еще нова, а потому случились кое-какія неизбѣжныя во всякомъ началѣ недосмотры и погрѣшности. Первый блинъ всегда бываетъ комомъ. Прежде всего смутилъ насъ пьяный кондукторъ, который не давалъ покою пассажирамъ до самаго Динабурга. Говорятъ, теперь подобныя вещи почти не возможны, но тогда были возможны.

«.... Я припоминаю,
Алеко, старую печаль»:

Это было въ первой половинѣ прошлаго года, который уже успѣлъ канутъ въ вѣчность, и мы вступили во второй мѣсяцъ новаго, 1863 г. А много съ тѣхъ поръ воды утекло, да еще какой.... Кондукторъ въ нашемъ вагонѣ безпрестанно прохаживался безъ всякой нужды по ногамъ пассажировъ, лазилъ черезъ головы, подходилъ къ окнамъ и отворялъ ихъ. Когда замѣчали ему, зачѣмъ онъ отворяетъ окно въ такой холодъ и вѣтеръ? Онъ отвѣчалъ, что *нужно посмотрѣть*, что онъ имѣетъ на то свои права.... Съ однимъ нѣмцемъ, сидѣвшимъ близъ окошка, этотъ негодяй затѣялъ самый неприличный споръ. Между тѣмъ наступилъ вечеръ. Нужно было зажечь въ вагонѣ свѣчу. Пьяный кондукторъ долго не могъ отвинтить подсвѣчникъ, вер-

тѣлъ, вертѣлъ, ругался непристойными словами и наконецъ что-то сломалъ и бросилъ въ окно. Началось зажиганіе. Никакими красками не опишешь этого процесса, чрезвычайно длиннаго и до крайности безпокоившаго пассажировъ: кондукторъ на всѣхъ капалъ, тыкалъ свѣчкой въ шубы; бросалъ горящія спички, куда попало, даже на головы и на платье сидящихъ; старался попасть зазженной свѣчкой въ отверстіе, гдѣ она должна была помѣститься, и не попадалъ никакъ. Все это вынесли несчастные русскіе путешественники. А иныхъ, заснувшихъ и занявшихъ нечаянно болѣе одного мѣста (хотя по сосѣдству никого не было) онъ просто, безъ церемоніи, будилъ и говорилъ при этомъ самыя невѣроятныя вещи, какія способенъ изобрѣсти только русскій человѣкъ, когда онъ неотесанъ и огрубѣлъ до животнаго. Были такіе, которые хотѣли въ Динабургѣ жаловаться, но —

Poscia più che 'l dolor potè 'l digiuno! (*)

Такъ какъ ѣли на дорогѣ урывками, остановки были неопредѣленныя (уже начали говорить, что *опоздали*), то, получивъ въ распоряженіе только 15 минутъ, и то невѣрныхъ, — всѣ бросились ѣсть, а никакъ не жаловаться.

Въ 3 часа на другой день прокричали: Вильно! Иные побѣжали закусить, другіе прогуляться; вагонъ, въ которомъ мнѣ суждено было ѣхать, опустѣлъ. Я побоялся оставить находившіяся въ немъ вещи на произволъ французско-русскихъ случайностей и не вылѣзъ, а смотрѣлъ въ окошко на суету народа. Пахло какой-то гарью. Представьте: вагонъ горѣлъ. Вошедшій ко мнѣ кондукторъ объявилъ очень просто, чтобы я выбрался, что вагонъ горитъ. Онъ горѣлъ снизу и незначительно. Я, вовсе не торопясь, выгрузилъ все, но рядомъ со мною ѣхало два моихъ пріятеля: ихъ вещи остались и подвергались опасности, равно какъ и нѣсколькихъ другихъ пассажировъ. Объ этомъ ровно никто не позаботился; и едва я вылѣзъ, вагонъ отдѣлился и куда-то уѣхалъ. Никому и не сказали, что, дескать, возьмите отсюда свои вещи, у кого онѣ есть.... Курево распространялось болѣе и болѣе. Устроивъ, какъ можно поспѣшнѣе, мой багажъ въ другомъ вагонѣ, я побѣжалъ отыскивать моихъ пріятелей и по счастію отыскалъ довольно скоро: — они бросились сломя голову ловить уѣхавшій вагонъ....

Въ Ковно кондукторы объявили безъ всякой церемоніи, что поѣздъ *опоздалъ*, то есть опоздалъ къ вечернему берлинскому шнелльцугу, съ которымъ онъ долженъ соединяться непосредственно. Вы увидите ниже, почему онъ опоздалъ.

(*) «Голодъ былъ сильнѣе скорби». Дантовъ стихъ въ разсказѣ объ Уголино.

Переѣздъ русскихъ черезъ границу имѣетъ большое сходство съ тѣмъ, когда распустятъ мальчиковъ изъ гимназіи, и они бѣгутъ домой, весело подтрунивая надъ своими учителями и надзирателями, а иного даже снабжая крѣпкимъ словцомъ. Отчего это другіе — англичане, французы, не разыгрываютъ никогда роли школьниковъ, переѣзжая чужую границу?

Въ Вержболовѣ, послѣдней русской станціи, у насъ отобрали паспорты и началась съ ними извѣстная возня. Что-то писали въ десять рукъ; потомъ пошла раздача паспортовъ. Получивъ свой, я сѣлъ въ вагонъ и видѣлъ, какъ одна дама отправилась въ «уборную», въ сопровожденіи станціонной камерьеры. Въ то время, какъ онѣ исчезли въ лабиринтѣ станціонныхъ корридоровъ, какіе-то «начальники» прошли мимо всѣхъ дверей, охраняемыхъ солдатами, и сказали: «*теперь никого ни впускать, ни выпускать!*» Я вспомнилъ о несчастной дамѣ, исчезнувшей внутри зданія; прошло съ четверть часа; вдругъ раздалися неистовые вопли; я увидѣлъ бьющееся въ окошки какое-то странное существо, въ видѣ растрепанной Офеліи въ послѣднемъ актѣ «Гамлета».... Это была дама, которую не пускали солдаты. Между тѣмъ уже раздался звонокъ, вагоны пошевеливаются и машина свиснула. Я рѣшился поспѣшить къ Офеліи на помощь и кое-какъ ее выручилъ. Все это, Алеко, старая печаль. Говорятъ, теперь ничего подобнаго не бываетъ.

Только успѣли тронуться вагоны и колеса ихъ едва ли сдѣлали три сотни оборотовъ, какъ снова: «стой и вынимай паспорты!» Это была уже дѣйствительная граница: прусскій городъ Эйдкуненъ. У дверей дебаркадера стоялъ солдатъ, крѣпко пьяный, какъ и нашъ кондукторъ, и невѣроятнымъ голосомъ выкрикивалъ: «pass.... port! Meine Herren, pass.... port!. Меня отличилъ названіемъ генерала, вслѣдствіе, вѣроятно, того, что на мнѣ была моя старая военная шинель, съ краснымъ воротникомъ и свѣтлыми пуговицами — шинель, видѣвшая огонь Севастополя, Сольферино, Варезе и Гарибальди—шинель, на которую послѣ смотрѣли 40 вѣковъ съ высоты пирамидъ,— словомъ, весьма почтенная шинель, съ которою у меня никакъ не достаетъ духу разстаться. Кажется, ей предстоитъ еще разъ подвергнуться осмотру 40 вѣковъ съ высоты пирамидъ.

По поводу этой любезной для меня шинели, я получилъ въ Эйдкуненѣ прозваніе генерала, перелетѣвшее тотчасъ изъ устъ въ уста. (Замѣчательно, что и бедуины у пирамидъ прозвали меня по этой шинели генераломъ). Когда я отдалъ эйдкуненскому крикуну мой паспортъ, какой-то проворный малый предложилъ отыскать мой чемоданъ, дабы представить его къ осмотру, и уже съ бо̀льшей ясностію и рѣшительностію, чѣмъ отбиратель паспортовъ, назвалъ меня генераломъ. За-

тѣмъ, отыскавъ чемоданъ и обратясь къ таможенному досмотрщику, шепнулъ, что вотъ-де дожидается такой-то генералъ.... Досмотрщикъ объяснилъ, что у генерала, конечно, запрещенныхъ товаровъ быть не можетъ, и черкнулъ какую-то фигуру мѣломъ на моемъ чемоданѣ. Чемоданъ отправился на вѣсы. Я взялъ билетъ въ Берлинъ, заплативъ русскими ассигнаціями, и былъ сопровожденъ въ вагоны.

Между тѣмъ въ залѣ, изъ которой я только-что удалился, происходилъ хаосъ самыхъ «довременныхъ» размѣровъ. Крики, споры, бѣготня, вавилонское смѣшеніе языковъ, «гулъ на гулъ въ глубинѣ, громъ на громъ въ вышинѣ» (вы, конечно, помните по низкимъ гимназіи эти удивительные стихи *о хаосѣ*, помѣщенные въ риторикѣ Кошанскаго)? Факкины бѣгали съ чемоданами, голосъ у вѣсовъ возглашалъ: 30 и 15! Какой-то баринъ 40 разъ переспрашивалъ у раздатчика билетовъ, сколько стоитъ второй классъ и сколько третій, и когда пойдетъ шнелль-цугъ и когда не шнелль-цугъ? И 40 разъ учтивый раздатчикъ повторилъ ему въ отвѣтъ одно и то же, самымъ ровнымъ, неизмѣняющимся, учтивымъ голосомъ. Русскій баринъ, съ большой семьей, хлопоталъ объ отысканіи ночлега, и уже нашелся сводчикъ и представилъ его добродѣтельному владѣльцу какихъ-то комнатъ тутъ же, на станціи. Оба они увѣряли съ божбой, и сводчикъ, и владѣлецъ, что все разобрано, но для такого господина можно постараться отыскать, и вѣрно найдется!... Добрый десятокъ простодушныхъ русскихъ ушей прислушивался къ этимъ обѣщаніямъ и въ глазахъ слушающихъ была видна страстная мольба: пріобщить уже и ихъ туда же, къ числу облагодѣтельствованныхъ такимъ образомъ... Пристроили очень многихъ.

А я все сидѣлъ въ вагонѣ, разсчитывая въ немъ и ночевать. Вдругъ вагоны тронулись. Я думалъ, что это такъ, пошевелилась машина, попятилась назадъ, какъ это бываетъ нерѣдко: чего! вагоны шибче, шибче, и понеслись птицей! Я остолбенѣлъ. Ну, какъ меня увезутъ опять въ любезное отечество?! Я былъ совершенно похожъ на Чайльдъ-Гарольда, которому, какъ извѣстно, были равны всѣ жребіи, когда онъ отплывалъ отъ береговъ отчизны — лишь бы не вернуться назадъ.

«With thee, my bark, I 'll swiftly go
Athwart the foaming brine;
Nor care what land thou bear'st me to,
So not again to mine (*).

(*) Съ тобою, легкая ладья,
Съ тобой я мчаться радъ
Ко всѣмъ брегамъ, во всѣ края,
Лишь только-бъ не назадъ!

Минутъ черезъ 10 вагоны стали. Я спѣшилъ спросить: гдѣ мы?— Въ Сталупенахъ! отвѣчали мнѣ. — У меня отлегло отъ сердца. Сталупены — *слѣдующая* станція къ Берлину! Какая-то бойкая колясочка умчала меня и мои вещи въ гостинницу, мгновенно наполнившуюся народомъ—разными дамами и мужчинами, залетѣвшими такъ же, какъ и я, не вѣсть, по какому случаю и по чьему распоряженію, въ Сталупены. Иные, явившіеся прежде меня, сидѣли и разглядывали свои паспорты. «Passs.... port!» припомнился мнѣ потрясающій нервы голосъ прусскаго солдата въ Эйдкуненѣ.

— Отчего же мнѣ не отдали паспорта?» спросилъ я у кого-то.

— Отчего же вы не взяли?

— Такъ онъ остался тамъ, у нѣмцевъ, и сюда не пріѣдетъ?

— Не пріѣдетъ, если вы не телеграфируете!

Я бросился отыскивать хозяина. Это оказался расторопный хлопотунъ, молодой, пріятный изъ лица парень. Онъ обѣщалъ уладить мнѣ все дѣло въ наилучшемъ видѣ. Между тѣмъ, привезшій меня въ коляскѣ курьеръ внушалъ этому пріятному молодому человѣку, что я *русскій*, да еще, кажется, генералъ, вслѣдствіе чего меня слѣдовало помѣстить въ приличную комнату. И это удивительно: разныя дамы, польки, нѣмки, въ кринолинахъ, пышныя и эффектныя, сопровождаемыя не менѣе пышными кавалерами, собирались ночевать въ повалку, въ одной и той же комнатѣ, какъ придется, одѣвшись, и никто ими не занимался, а русскій странникъ, вовсе не эффектный, въ шинели прошлаго столѣтія, обращалъ на себя мгновенно особенное вниманіе, какъ фургонщика, такъ и хозяина, и еще какой-то мадамы, въ раскидистомъ чепцѣ, уже нацѣлившейся нести этому страннику кофей.

Вотъ какъ пахнутъ *для* нѣмцевъ всѣ русскіе карманы бестолковыми талерами.

Здѣсь будетъ очень кстати сказать, что вся эта задержка, это «опоздали», которое такъ безцеремонно сообщаютъ вамъ кондукторы еще въ Ковно и даже раньше, происходитъ именно оттого, что съ васъ ни за что, ни про что сдерутъ въ Сталупенахъ и въ Эйдкуненѣ нѣсколько талеровъ за ночлегъ, которымъ васъ якобы одолжаютъ. Тутъ несомнѣнная стачка кондукторовъ съ содержателями гостинницъ. Вѣдь опоздать нужно не много: какихъ нибудь 10 минутъ и вечерній берлинскій поѣздъ ушелъ! Впрочемъ, это говорятъ, только было и уже не существуетъ.

Между тѣмъ дамы и мужчины почтеннаго вида, а вмѣстѣ съ ними и разный легкій путешествующій народецъ изъ русскихъ, напились въ Эйдкуненѣ кофею, даже и позакусили, не освѣдомляясь съ дѣтской безпечностью обломовыхъ рѣшительно ни о чемъ, ни о какихъ цѣ-

пахъ и таксахъ, и затѣмъ спокойно опустились въ мягкія тюфяки, подготовленные для нихъ услужливыми благодѣтелями, которыхъ подвернулъ каждому сводчикъ. И вотъ встало все это, путешествующее чисто по-русски, безтолковое сонмище, и у всѣхъ порядкомъ вытянулись лица, когда вчерашніе благодѣтели подали имъ аптекарскіе счеты. Какъ-то безъ вкуса пился кофей, въ ожиданіи отхода машины. Тутъ явились уже и нѣкоторыя, очень хорошія соображенія (извѣстно, что «русскій человѣкъ заднимъ умомъ чрезвычайно какъ крѣпокъ»). Даже довольно гнѣвно сжимались иные кулаки и сдвигались брови. Французовъ-строителей ругали. Я, пріѣхавъ опять въ Эйдкуненъ за паспортомъ, слышалъ, какъ одинъ затѣйникъ, распивая свой кофей, сравнилъ моментъ построенія дороги съ извѣстнымъ происшествіемъ нашей исторіи, когда Гостомыслъ предложилъ славянамъ послать за какими-то варягами строить государство; затѣйникъ находилъ, что наши историки недостаточно глубоко взглянули на это знаменательное происшествіе нашей исторіи, бросающее лучъ на всю послѣдующую обломовщину русской имперіи. Онъ находилъ, что и нынѣ насъ не избавили отъ варяжскихъ ополченій, и что даже все порядочное въ насъ и у насъ варяжское, чужое.... Онъ много говорилъ въ этомъ духѣ и совѣтовалъ на памятникѣ тысячелѣтію изобразить непремѣнно милаго человѣка Гостомысла....

Но вотъ ударилъ звонокъ, и всѣ нахмуренныя брови и взволнованныя сердца пришли въ порядокъ. Все довольно весело и суетливо побѣжало къ вагонамъ. Еще нѣсколько минутъ, и замелькали чудесно-обработанныя поля, оживленныя густымъ населеніемъ и живописными городами. Весело пестрѣли красныя черепичныя крыши; народъ двигался неугомонно.... Мелькнулъ Кенигсбергъ. Пролетѣлъ удивительный мостъ черезъ Вислу около Диршау, — и вотъ Берлинъ, нѣмецкій, стройный, какъ солдатъ, Берлинъ! Пріятно поражала зелень «Unter den Linden». Жители разгуливали въ холодныхъ лѣтнихъ платьяхъ. Я вспомнилъ о выѣздѣ изъ Петербурга: кажется, далеко ли, а какая разница! Тамъ снѣгъ хлопьями, колятъ ледъ, вонь и сырость въ воздухѣ, а здѣсь ужъ лѣто.

Берлинъ былъ въ нѣкоторомъ движеніи: въ улицѣ Шарлотты собирались кучки весьма порядочныхъ людей, но ихъ попросила разойтись усиленная городовая стража. Вслѣдъ затѣмъ, на одной площади произведено кирасирское ученье, «man hat exirzirt» для вящшаго внушенія народу. Кирасиры были въ полной парадной формѣ, въ солнечномъ блескѣ своихъ панцырей и касокъ.

Я хотѣлъ взглянуть на музеумъ, но онъ, къ сожалѣнію, былъ запертъ. Спросилъ въ книжной лавкѣ одно изданіе, на которое русскіе бросаются прежде всего: «Es ist streng verboten!» (строжайше

запрещено!) было мнѣ отвѣтомъ: «вы ни у кого не найдете!» Но я немного погодя нашелъ у него же, оставя дома роковую шинель, которая внушала нѣмецкимъ книгопродавцамъ, какъ и бедуинамъ на пирамидахъ, мысль о чемъ-то русско-генеральскомъ.

Обзоръ нѣсколькихъ магазиновъ показалъ мнѣ, что русскій человѣкъ, жившій въ Москвѣ и Петербургѣ (даромъ, что въ нихъ бываетъ объ эту пору такая вонь, слякоть и еще ѣздятъ сани), не очень-то скоро найдетъ въ Берлинѣ иную простую вещь, для которой въ Петербургѣ стоитъ только перебѣжать улицу.

Не было средствъ осмотрѣть Берлинъ лучше. Многое, обстоятельства нѣсколько сложныя, которыя объяснять здѣсь не мѣсто, звали меня немедля на Востокъ.

Я расплатился довольно сердито въ отелѣ «Черниковѣ» (гдѣ написали мнѣ полтора талера за дрожки и столько же моему пріятелю, тогда какъ мы пріѣхали на однихъ и тѣхъ же дрожкахъ и должны бы по таксѣ внести только 30 коп!) и покатилъ въ новыхъ дрожкахъ къ дебаркадеру вѣнской желѣзной дороги. Была ночь. Я накинулъ мою любезную шинель и на этотъ разъ попалъ не въ генералы, а въ австрійцы, и это вторично! Впервые случилось то же подъ Пескьерой, во время сраженія; я былъ арестованъ конной французской артиллеріей и очень долго таскаемъ по разнымъ лагернымъ закоулкамъ, пока мы не встрѣтили какого-то капитана. И все это по поводу той же любезной мнѣ шинели. Раздатчикъ билетовъ съ нѣкоторымъ страхомъ спросилъ у меня:

— Ужь вы не хотите ли расплатиться *бумажными* флоринами?

— Нѣтъ, русскимъ золотомъ этого года! отвѣчалъ я.

Онъ прояснѣлъ. Вообще бумажныхъ флориновъ боятся тамъ, какъ чорта. За 5 прусскихъ серебряныхъ талеровъ легко получить 10 флориновъ бумагой. Плàтитè флоринъ *серебромъ*, это значитъ «полтора» флорина! Такъ упали несчастныя австрійскія ассигнаціи!

Я взялъ билетъ прямо въ Вѣну и сдѣлалъ промахъ (ибо внесъ за все пространство *монетой*): надо брать только до границы Австрійской имперіи, т. е. до Одерберга, а тамъ отдать уже *бумагой*, которая въ Пруссіи ни по чемъ. Въ Одербергѣ, совершенно для меня неожиданно, чемодановъ не осматривали вовсе. Досмотрщики всѣ до одного были поляки. Вѣроятно по шинели они узнали во мнѣ русскаго и заговорили по польски. Паспортъ былъ прописанъ въ секунду. Затѣмъ мы мчались 8 часовъ, среди отличныхъ полей, обработанныхъ какъ нельзя лучше. Мелькавшія деревья были еще зеленѣе берлинскихъ — и вотъ Вѣна, превосходный городъ, съ отличными мостовыми, съ блескомъ и порядкомъ въ улицахъ. Я получилъ чемоданъ необыкновенно скоро и помчался въ каретѣ въ гостинницу «Тріестъ»

рекомендованную мнѣ однимъ венгерскимъ офицеромъ, который ѣхалъ со мною вмѣстѣ. Безпрестанно видишь это пестрое воинство Австрійской имперіи: то венгерцевъ, то словаковъ, то хорватовъ и, во флотѣ, далматинцевъ и даже кое-какія черногорскія фамиліи. Поминутно мелькаютъ славянскія лица, хочется подойдти и сказать: «вѣдь вы, конечно, не нѣмецъ?» и беретъ какой-то страхъ: боишься нюхнуть чего нибудь хуже самаго послѣднѣйшаго нѣмца. Я знавалъ славянъ съ такимъ ароматомъ. Притомъ надо замѣтить: славяне вовсе не такъ насъ любятъ, какъ написано это въ нѣкоторыхъ дѣтскихъ книжкахъ. Я не совѣтую вамъ никогда подходить къ славянину за границей и заговаривать съ нимъ прежде, разсчитывая, что произведете въ немъ пріятное потрясеніе родными звуками. Это напрасная мечта. Положительно увѣряю васъ, что съ австрійскими славянами лучше всего говорить по нѣмецки, или по итальянски, смотря на кого нападешь. Съ далматомъ всего лучше говорить по итальянски. Я встрѣчалъ между славянами даже такихъ, которые просто за просто не любятъ говорить на родномъ языкѣ; таковы по преимуществу далматы. Я плавалъ съ ними очень много въ открытомъ морѣ и слыхалъ безчисленное множество разъ, какъ они, уписывая вечеромъ свою похлебку, угощали другъ друга самыми задушевными разсказами на итальянскомъ діалектѣ!

Наконецъ, что это такое—этотъ пресловутый, родственный намъ «славянъ могучій родъ», какъ сказано въ одной дѣтской хрестоматіи, которому обыкновенно предрекаютъ какія-то удивительныя судьбы и значеніе въ будущемъ?

«Славянъ могучій родъ»—это чернорабочее племя Европы. Вслѣдствіе разныхъ уморительныхъ свойствъ, они умѣли вездѣ подчиниться сосѣдямъ, пошли въ кабалу цѣлыми массами и, не Богъ знаетъ какъ ропща, несутъ чужеземную службу, гдѣ солдатами, гдѣ рудокопами, гдѣ землекопами и всякими иными черными работниками. Вообще ихъ употребляютъ въ дѣло безъ церемоніи, какъ чугунъ, дубъ или камень. Благо, у нихъ крѣпкія славянскія руки и плечи. 20 милліоновъ этихъ чудаковъ въ центрѣ Европы ухитрились подчиниться 6 милліонамъ нѣмцевъ и притомъ самыхъ послѣднихъ, и дали возможность этой нѣмецкой кучкѣ сплотиться въ громадную имперію, которая нынѣ, во время войны, можетъ выставить полумилліонную армію, крѣпкую, широкоплечую, бравую, съ какою возиться трудно даже наполеоновскимъ зуавамъ. Въ рукахъ нѣмцевъ эта армія, какъ армія, а сама по себѣ она никуда не годится; брось ее нѣмцы, эти послѣдніе, недоброкачественные нѣмцы — и не будетъ ничего ровно: все разбредется и заляжетъ спать, напередъ хвативши водки. Это то же, что артель русскихъ сапожниковъ подъ командой

нѣмца: до тѣхъ поръ только и шьются хорошіе сапоги, пока живъ хозяинъ-нѣмецъ....

Я объѣзжалъ Сольферинское поле сраженія тотчасъ послѣ битвы. Какъ вы думаете: хорватскихъ и богемскихъ шапокъ валялось больше всего! Эти плотные ребята стояли за своихъ отцовъ и благодѣтелей гораздо крѣпче остальнаго винегрета австрійской арміи и въ особенности чисто нѣмецкой жиделяги. Вы пожалуйста не вѣрьте въ страстное желаніе славянъ освободиться изъ подъ какого нибудь ига, что будто бы они только это спятъ и видятъ. Это все разсказывается въ разныхъ дѣтскихъ книжкахъ. Инниціатива къ стремленію освободиться отъ Австріи вѣчно будетъ принадлежать Венгріи и вѣчно славяне будутъ ей мѣшать. Точно, высшій славянскій кругъ, гдѣ онъ имѣется, кое-что пишетъ и безпокоится, а «чернь непросвѣщенна», знать ничего не хочетъ и выстрѣлы пропадаютъ даромъ. Славянская чернь — это неслыханные, великолѣпные работники чужихъ баръ, имѣющіе особенные таланты на рабское повиновеніе кому угодно, на кого натолкнула судьба. Стоитъ только посмотрѣть на славянскаго солдата, поставленнаго куда нибудь на часы его командиромъ-нѣмцемъ, вглядѣться въ выраженіе его лица, во всю непоколебимую посадку тѣла, въ какую-то *тупую и звѣрскую свирѣпость службы*, отражающуюся на немъ на всемъ; стоитъ посмотрѣть на мужика-славянина, запряженнаго въ нѣмецкую тачку на нѣмецкой дорогѣ или въ рудокопняхъ — и вы совершенно поймете то, что я говорю: «они не слышатъ ига!» Это умѣнье *невыразимо* повиноваться тому, кто забралъ въ руки команду, даже забѣгать впередъ на непрошенныя услуги, пересаливать въ холопствѣ есть общее славянское свойство, обличающее въ «могучемъ родѣ» сильную восточную закваску, даже что-то хуже. Я знаю востокъ не дурно: видѣлъ тамъ *рабовъ*, но *холоповъ* тамъ нѣтъ, или очень мало. «Холопъ» есть чисто славянское слово и изобрѣтеніе.

И такъ, центръ покорился нѣмцамъ. На югѣ славянскія племена поступили въ распоряженіе турокъ, и Богъ знаетъ, когда освободятся изъ-подъ ихъ владычества.

Я подраздѣляю славянъ на чернобровыхъ и бѣлокурыхъ, разумѣя подъ первыми тѣхъ брюнетовъ юга, къ которымъ принадлежатъ сербы, болгары, босняки и кое-какіе другіе народцы славянскаго міра. Бѣлокурое, сѣверное племя стоитъ несравненно выше черныхъ. Всѣ черные — это послѣдніе люди Европейской цивилизаціи, почти то же, что турки. Въ литературѣ они не дали ничего кромѣ «пѣсенъ», т. е. перваго, младенческаго лепета поэзіи. Въ жизни изъ нихъ выработываются только больше или меньше удачные торгаши. Сколько лѣтъ, сколько вѣковъ существуютъ эти плотныя племена, и

ни одно изъ нихъ не подарило наукѣ никакого серьёзнаго дѣятеля. Почти нѣтъ средствъ отыскать *хоть одно* имя. Турки, совершенные турки. Я бы желалъ даже, чтобы мнѣ показали кого нибудь изъ нихъ совершенно похожаго на европейца хоть съ виду. Это окажется невозможнымъ. Европейская физіономія дѣло непутевное. Нѣтъ ничего ея выше, какъ нѣтъ ничего выше чернаго сюртука и фрака. Все можно носить ловко и безопасно всякому чучелѣ, особенно разные мундиры и восточные костюмы: фустанеллы, албанскіе долманы и т. п., а ты вотъ надѣнь простой сюртукъ: тогда мы посмотримъ, какой ты храбрый. Всѣ мундиры могутъ умереть, а сюртукъ ляжетъ въ могилу вмѣстѣ съ послѣднимъ человѣкомъ.

Чѣмъ станемъ подыматься сѣвернѣе, тѣмъ славяне выше и способнѣе. Прежде всего встрѣчаются лужичане. Дальше идутъ чехи, образованное, но немного кислое племя, давшее ученому міру и поэзіи множество именъ истинно лучезарныхъ. Затѣмъ идутъ поляки, также высоко-способное и талантливое племя. Никакія историческія несчастія и собственное безпутство не могли потушить въ нихъ поэтическій пламень. Они дали славянскому міру ученыхъ и писателей первой величины, почти по всѣмъ отраслямъ литературы. Въ нихъ нѣтъ только драматическаго элемента. Остается Россія. Это самая счастливая славянская земля, имѣющая своего независимаго государя. Это сущій Алкивіадъ между славянами, блистательный и безпутный, вѣчно «vel in vitiis, vel in virtutibus excellens fuit». Вы помните, конечно, это выраженіе Корнелія Непота объ Алкивіадѣ? Сколько поразительны высокія, чрезвычайныя способности русскаго человѣка, столько же ужасаетъ его обломовщина, сонъ, недобросовѣстность и несостоятельность въ различныхъ приложеніяхъ къ жизни. Все, кажется, есть, и руки, и ноги, какъ у другихъ, *лучшихъ*, и необыкновеннѣйшее смѣкало, а въ результатѣ все-таки каша и дизгармонія....

А какимъ образомъ названіе «чернорабочій» примѣняется и къ бѣлокурымъ славянамъ, даже къ самой Россіи, которая, какъ я уже вамъ сказалъ, есть самая счастливая и болѣе другихъ обѣщающая славянская земля, это можетъ сообразить всякій, вглядѣвшись въ дѣло нѣсколько подробнѣе.

Мы же катимъ съ вами по Вѣнѣ. Мелькаютъ разные оттѣнки нѣмецкихъ и прочихъ націй. Въ гостинницѣ снова обошлись безцеремонно съ моимъ алкивіадовскимъ кошелькомъ, богатымъ, но безпутнымъ, и я выѣхалъ въ Тріестъ утромъ, въ 8 часовъ. Вѣна долго бѣжала за вагонами справа, а слѣва уже начинались поля. Все было зелено, жизненно, красиво, хотя почва напоминала Палестину: та же глина, съ камнями и пескомъ, но какая разница въ обработкѣ!

Въ 12 часовъ мы увидѣли Земмерингъ, этотъ знаменитый переѣздъ черезъ горы и пропасти, о которомъ слышишь за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ. Я позволю себѣ набросить нѣсколько картинъ этой дороги.

Линія вагоновъ какъ-то незамѣтно является въ горахъ, покрытыхъ еловымъ лѣсомъ. Всюду еловый лѣсъ, прямыми, темными, стоячими штрихами. Это очень оригинально и охватываетъ сердце чувствомъ дикой поэзіи, глуши и пустыни. Дымъ паровоза лѣзетъ, клубясь, на гору густымъ облакомъ, точно воинъ на приступъ. Поѣздъ несется и вдругъ, налѣво раздвинулось широкое ущеліе. Въ глубинѣ его, очень далеко, пестрятъ въ глаза строенія какого-то городка; ярко видны черепичныя кровли домовъ, шпицы башенъ. Бѣловатыя полосы дорогъ разбѣгаются въ разныя стороны, и по нимъ ползутъ какъ мухи воза и шевелятся люди. А дальше загибаются влѣво сѣрые уступы и вьются змѣею рельсы, и вотъ паровозъ, попыхивая, несется къ намъ на встрѣчу. Вонъ арки чортова моста и темная дыра туннеля!... и снова еловый лѣсъ, спускающійся чернымъ гребнемъ по краямъ утесовъ. Всюду ель и ель. Во всѣхъ адскихъ ущеліяхъ и прямо черезъ пропасть — красивая, сплошная стѣна елей. Только вдали, на утесѣ, выплываетъ сѣренькій замокъ, помнящій неизвѣстныя, далекія времена... а еще дальше — туманъ и непогода! Стоячія, снѣжныя вершины окутаны облаками. Вотъ и кругомъ повѣяла вьюга. Дамы закрываютъ окна. Сквозь стекла видно, какъ крутится веселый снѣгъ. Вдругъ темь четырехъ туннелей и опять великолѣпные виды внизъ: домики, дороги съ рядами тополей; коегдѣ пахатныя поля. Мелькнулъ телеграфъ съ полосатой оградой, въ видѣ георгіевской ленты; домикъ какъ на картинкѣ; висятъ на веревкахъ чьи-то красныя рубашки. Проза жизни дерзко и безцеремонно забирается въ область поэзіи. Вотъ городъ съ садами, заборами и рѣшетками лѣзетъ въ самую карету. Крикомъ кричитъ яркая надпись: «Hasthaus Alpenhorn», и опять темь и сумракъ дикихъ елей! А дымъ паровоза все взбирается и взбирается на утесы, какъ воинъ....

Какая прелесть! Я сталъ рисовать, но все это сейчасъ куда-то уѣхало.... опять внизу бѣлая дорога и ползутъ муравьями люди. Темно: туннель! Стѣны топятся точно въ сталактитовой пещерѣ, и по нимъ висятъ мѣстами ледяныя сосульки и блеститъ красиво роса по наросшему моху. Бѣлый снѣгъ ослѣпилъ глаза. Мы Богъ-знаетъ гдѣ, подъ облаками! Великолѣпно! Не всякая дама рѣшается взглядывать изъ окошекъ на лѣво.... . . . .

Затѣмъ пошли повторенія. Въ два часа, въ Мирцушлагѣ мы съѣли обѣдъ. Потомъ мчались въ рамахъ горъ. Гдѣ-то встрѣтили вагоны, полные солдатами — «славянъ могучимъ родомъ», который кричалъ

намъ, неизвѣстно почему, ура и пѣлъ пѣсни. Дальше пошли очаровательныя мѣстности, ручьи и рѣки съ городами по берегамъ. Горы постепенно уменьшали свои размѣры. Мы спускались больше и больше. Вотъ Грацъ и Лайбахъ мелькнули какъ видѣніе и, часовъ въ 7 утра, въ одинъ чудесный апрѣльскій день, мы увидѣли море.

«О море, море, не забуду
Твоей торжественной красы,
Но долго, долго помнить буду
Твой шумъ въ вечерніе часы....»

Я потворялъ эти великолѣпные стихи, глядя на синюю полосу одного изъ самыхъ красивыхъ морей.

«И Адріатика волною плещетъ сонной....»

Это былъ 6 день по отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга. Около недѣли я былъ въ дорогѣ и не чувствовалъ этого. Послѣ пьянаго кондуктора подъ Динабургомъ, милаго сердцу Вержболова и задержки въ Эйдкуненѣ, все было тишь да гладь; да Божья благодать, даже въ подозрительной къ намъ, русскимъ, Австріи.

Къ Тріесту подъѣзжаешь берегомъ моря. Дорога идетъ по скаламъ, довольно высоко. Внизу сады и дачи. Синій заливъ раскидывается раздольно, качая сотни кораблей и барокъ. Вотъ и Тріестъ, чисто итальянскій городъ, съ высокими домами въ 5—6 этажей. Улицы мощены плитами. По самой ихъ срединѣ бродитъ всякій забубенный, приморскій народъ, въ пестрыхъ легкихъ костюмахъ, въ курткахъ, въ рубашкахъ, что-то въ родѣ матросовъ и корсаровъ. Все какъ-то смотритъ такъ, какъ будто хочетъ сказать всякую минуту: прощайте, я отплываю! Даже кажется, что и эти дома какіе-то корабли — и того и гляди отчалятъ отъ берега.... Въ окнахъ ставни и жалузи, и оттуда несутся звуки музыки.

Магазины и лавки Тріеста сильно средней руки. За то все дешево. Здѣсь дѣйствительный, не одесскій портофранко. Въ книжныхъ лавкахъ выставлено между прочимъ нѣсколько русскихъ книгъ. Кофейни напоминаютъ Туринъ и другіе итальянскіе города. Въ греческой церкви св. Николая я нашелъ разбросанный по полу лавръ. Былъ выносъ плащаницы (страстная пятница). По всѣмъ четыремъ угламъ ея стояло по солдату, въ полной формѣ. На головахъ ихъ были шляпы съ пѣтушьими перьями, точь-въ-точь какъ у берсальеровъ.

Вечеромъ улицы превратились въ самые одушевленные бульвары: открылось гулянье разряженныхъ дамъ и мужчинъ, но тутъ же неизбѣжно мѣшалась матросская рубашка и куртка, блестѣлъ золотой околышъ капитанской фуражки Лойда. Какія-то вѣтры занесли сюда

гуляку-моряка. Онъ спѣшитъ захватить сколько можно болѣе впечатлѣній береговой жизни, выпить въ тратторіи портеру, кофею, пройтись съ пріятелемъ по «Strada san Nicolo», а завтра ему опять качаться на волнахъ.... море и небо. Вьются чайки и однообразно постукиваетъ винтъ, сотрясая пароходныя ребра. Какъ ты скучно, море, когда къ тебѣ привыкнешь, когда посылаютъ въ тебя по службѣ!...

И такъ, я на югѣ Европы, въ виду Адріатическаго моря. Знаете ли, что теперь внутреннія дороги Россіи рѣшительно должны быть забыты и оставлены всѣми, кто ѣдетъ въ Крымъ, въ Новороссію, въ Бессарабію, даже въ Кіевскую губернію, не говорю уже объ Іерусалимѣ. Во всѣ эти пункты несравненно выгоднѣе пуститься черезъ Европу на Базьяжъ или Тріестъ. Знаете ли вы всѣ, у кого кипитъ желаніе нюхнуть ароматическаго воздуха счастливой Іоніи, потянуть въ себя благоуханную струю съ береговъ какого нибудь великолѣпнаго Хіоса, усѣяннаго милліономъ садовъ — Хіоса, гдѣ, говорятъ, родился Гомеръ,—знаете ли вы, что до этихъ блаженныхъ мѣстъ вы встрѣтите, *отъ Москвы* на Петербургъ, Берлинъ, Вѣну и Тріестъ, несравненно меньше, нежели отъ *Москвы же* только до Одессы? Вотъ когда мы тронемся изъ Тріеста и будемъ въ виду Хіоса, я вамъ сообщу поучительную разницу этихъ суммъ. Собственно говоря, я уже доѣхалъ. *Я* пишу эти строки, смотря на Хіосъ. Яркою зеленью залита вся низменная, плоская окраина огромнаго острова. Дѣйствительно несется что-то ароматическое съ береговъ. Арабы говорятъ, что это цвѣтеніе какого-то *мискu*. Въ срединѣ вытянулась лентой сѣрая, старинная крѣпость. Затѣмъ идутъ въ разброску бѣлые, оригинальные домики; вертится десятка два мельницъ, съ легкими, парусинными крыльями, а тутъ, у борту, синій яхонтъ моря! Но какъ ни бросай краски, а все будетъ не то, что я теперь вижу, чѣмъ дышу, что обоняю. Нѣтъ силъ не забѣжать впередъ, а въ сущности мы съ вами еще въ Тріестѣ.

Скорѣй же, скорѣй на пароходъ! Переселялись ли вы когда нибудь на пароходъ, мой читатель? Въ этой минутѣ *есть* что-то торжественное, волнующее всякаго, даже и бывавшаго въ морѣ. Я чертовски люблю эту минуту; эти группы людей на берегу, этотъ трескъ якорной цѣпи.... и потомъ уносящіяся, уплывающія куда-то зданія берега, точно миражъ, минутная фата-моргана.... все тонетъ въ туманѣ.... Вы, глядѣвшіе *туда* довольно долго, искавшіе на горизонтѣ послѣднихъ опоръ взгляду, знакомыхъ вамъ шпицовъ нѣкоторыхъ зданій, уже не видите ничего и спускаетесь къ себѣ въ каюту. Винтъ постукиваетъ. Вы въ самомъ дѣлѣ въ морѣ, въ самомъ дѣлѣ плывете. Пріятно лечь на комфортабельный диванъ и взять газету.....

II.

Отплытіе изъ Тріеста. — Адріатическое море. — Пасха въ морѣ. — Корфу. — Сира. — Грекъ Нигита и арабка Саада. — Новый пароходъ. — Пестрота пароходнаго населенія. — Смирна. — Воспоминанія.

Я отъѣзжалъ изъ Тріеста ровно черезъ недѣлю по оставленіи Россіи, часъ-въ-часъ. Въ субботу, въ третьемъ часу по полудни, двинулся пароходъ австрійскаго Лойда, *Бомбай*, по направленію къ Сирѣ. Это островъ и на немъ городокъ того же имени въ Архипелагѣ. Тріестъ, удаляясь отъ насъ, напоминалъ мнѣ Бейрутъ: слѣва такія же горы, какъ Ливанъ. Справа — мысокъ, точно Расъ-Бейрутъ, гдѣ танцовщица Бадра плѣняла одного моего пріятеля, гуляя по вечерамъ со своими подругами, всѣ одѣтыя, какъ бѣлыя куклы...

Человѣку, не слишкомъ знакомому съ географіей и съ точными размѣрами морей, воображается, судя по картамъ Европы, которыя ему показывали въ школахъ, что адріатическое море — узная полоска воды, пріятный заливчикъ и больше ничего, но этотъ заливчикъ, на дѣлѣ, преогромное море, имѣющее въ ширину верстъ 200, а въ длину 850. Плывутъ, держась обыкновенно восточнаго берега, мимо множества острововъ. Противоположный берегъ виденъ съ трудомъ въ самую лучшую погоду. Вода моря пріятнаго синяго цвѣта. Любоваться однако рѣшительно нечѣмъ; острова, видные съ парохода, чрезвычайно однообразны: это глинистыя возвышенности и холмы, покрытые лѣсомъ.

Какъ оригинально и грустно пришлось мнѣ встрѣчать пасху — въ открытомъ морѣ, среди разнокалибернаго населенія, гдѣ не было ни одного сколько нибудь *своего* человѣка, хоть все были «славяне», извѣстный «могучій родъ», о которомъ я уже изложилъ вамъ нѣсколько мыслей. Въ каютъ-компаніи была чрезвычайная смѣсь: англичане, итальянцы, одинъ грекъ, одинъ арабъ и даже одинъ *халдеецъ*. Слыхали ли вы объ эдакой странной націи? Но она дѣйствительно существуетъ, гдѣ-то въ Персіи. Халдеецъ, плывшій съ нами, такъ и рекомендовался халдейцемъ. Это былъ небольшой, чернявый человѣчекъ, съ персидскими чертами лица, нѣсколько смягченными—въ черкесскую, или грузинскую сторону. Онъ велъ, какъ водится у этихъ чернявыхъ, мелкую торговлю въ разныхъ странахъ, гдѣ только случится, и былъ между прочимъ страшнымъ поклонникомъ Гарибальди. Халдеецъ и Гарибальди! какъ это близко. Я видѣлъ у него кучу фотографическихъ карточекъ Гарибальди, и одна была съ надписью знаменитаго генерала. Онъ какъ-то выхлопоталъ эту надпись, черезъ *пріятеля*, такого же халдейца, служившаго въ войскахъ Гарибальди.

Капитанъ парохода былъ итальянецъ; старшій офицеръ—далматъ, рѣшительно не любившій говорить по далматски и вообще какой-то дикій. И вотъ, свѣтлое воскресенье прошло для меня совсѣмъ незамѣтно. Я видѣлъ, впрочемъ, какъ иные матросы ѣли въ уголку красныя яицы, точно украдкой. Ни одного «Христосъ воскресе», ничего ровно. Въ 10-мъ часу утра показалось любезное отечество этихъ хватовъ: желтыя горы, покрытыя дубомъ, оливками и сосной. Островъ *Лиса* прошелъ вблизи мимо насъ; вдали, въ туманѣ, обозначались *Лезина* и *Корзоль*. Затѣмъ мы плыли довольно долго, какъ бы въ открытомъ морѣ. Едва-едва былъ виденъ одинъ берегъ, точно линія облаковъ. Погода стояла великолѣпная. Нельзя было усидѣть въ каютѣ, но признаюсь, я утратилъ былую живость впечатлѣній. Какъ это дѣлается, неизвѣстно, но все, что угодно, рѣшительно все, можетъ пріѣсться, всякія божественныя прелести. Бывало, сидишь на кожухѣ и любуешься «единственно моремъ», этими причудливыми переливами валовъ; по цѣлымъ часамъ не отводишь глазъ отъ мудреной, играющей зыби, то зеленой, то сѣрой, то темносиней, съ бѣлыми пѣнистыми окраинами, точно кружево на женскомъ воротникѣ. И Богъ знаетъ, какіе шлемы, какія подобія и картины изобрѣтались воображеніемъ, когда смотрѣлъ на эти вѣчныя, удивительныя волны. Такихъ картинъ, такихъ волнъ нѣтъ для меня теперь ни въ какомъ морѣ... Бывало, двигается мимо островъ... мелькаютъ бѣлыя хатки; нѣсколько парусовъ, точно яркія пятна разбрызнуты красиво по синей влагѣ. Вдоль песчанаго берега бредутъ какъ гуси верблюды, вытянувъ шею, и сейчасъ быстро впивается во все это глазъ, шаритъ, пробирается дальше, въ любопытную глубину картины, отыскиваетъ всякую муху, ласкаетъ каждое дерево...

Вдали торчитъ гдѣ нибудь на острову одинокая пальма и она, эта одинокая пальма, уже способна, бывало, бросить воображеніе въ міръ особенныхъ видѣній!

Все это куда-то дѣлось, потонуло и вѣроятно не вынырнетъ. Цѣлые города, крѣпости, благоуханные сады, острова и мало ли что ложится передъ глазами, двигается, напрашивается на вниманіе, а ты стоишь и смотришь сонно, какъ крѣпко наѣвшійся человѣкъ на поданные фрукты: то ли ѣсть, то ли не ѣсть? и упрятываешь въ себя съ трудомъ какую нибудь сочную грушу, и то потому, что взяли другіе....

Такъ, или почти такъ смотрѣлъ я на прекрасный островъ Корфу, къ которому мы подъѣхали около полудня, въ понедѣльникъ. Взгляните пожалуйста на карту: кажется, какое вздорное разстояніе отъ Далматскаго острова Мелады до Корфу, а мы проплыли его всю ночь и потомъ половину слѣдующаго дня!

Боже мой, что было бы со мною, подъѣзжай я къ этому самому Корфу лѣтъ тому назадъ съ десятокъ или, хоть даже съ пятокъ. Эти описанія, какое я бы вамъ тогда состряпалъ, имѣютъ свои невѣрности; въ нихъ несльшно солиднаго, мужескаго штриха; все мечется по бумагѣ и пестритъ подробностями; нигдѣ не схвачено типу, потому что все казалось типомъ; но зато въ нихъ, въ этихъ описаніяхъ, есть особые, неуловимые, мягкіе и теплые лучи, о которыхъ готовъ плакать, когда ихъ обронишь съ палитры....

Я подъѣзжалъ къ Корфу очень просто, настроенцый самымъ обыкденнымъ образомъ. Прежде всего является отдѣльный жолтый островокъ съ крѣпостью, около которой бродятъ красныя англійскіе солдаты, какъ сургучныя палки. Это островъ *Видо*. Извѣстно, что Корфу, а равно и всѣ Іоническіе острова, находятся «подъ покровительствомъ» Англіи, вслѣдствіе чего она и держитъ тамъ свои гарнизоны.

Видо оставляютъ вправо и плывутъ прямо къ холмистому берегу, усѣянному въ серединѣ оригинальными, высокими домами въ видѣ какихъ-то башенъ. Направо и налѣво, по окраинамъ городка, стоятъ красивыя старинныя крѣпости, гдѣ зелень мѣшается съ гранитомъ скалъ, амбразурами и зданіями. Тутъ опять видны англійскіе сургучные солдаты. Съ берега приносился къ намъ громъ барабана и звонъ колоколовъ. На заднемъ планѣ рисовались туманныя горы.

Я взялъ съ халдейцемъ лодку и мы причалили къ каменной пристани. Явилась какая-то *калитка*, отпираемая и запираемая *на ключъ*. Такихъ чудесъ, какъ города съ запираемой на ключъ калиткой, я еще не видывалъ. Пройдя эту калитку, мы очутились на площадкѣ, мощеной бѣлымъ камнемъ. Потомъ представилась довольно широкая улица съ мостовою въ родѣ шоссе. Дома, образовавшіе эту улицу, отличались невѣроятной архитектурой: они были узки и длинны, какъ линейка. Во всѣхъ окнахъ замѣчались зеленые ставни и желѣзныя рѣшетки съ хитрыми завитушками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ улицы, прямо на мостовой, продавались пряники и апельсины. Населеніе было одѣто болѣе всего по европейски, но попадались и фустанеллы (*), и странные женскіе костюмы горныхъ деревень. Греческіе солдаты ходятъ тамъ въ синихъ сюртукахъ и малиновыхъ кепи. Ихъ очень немного. Больше бьютъ въ глаза красные мундиры Англичанъ. Вывѣски нерѣдко на трехъ языкахъ: καφφενεῖον και βιλιάρδος, и тутъ же по-итальянски: caffe e bigliardo, а потомъ по-англійски: Coffee and Billard-Room. Очень часто мелькаютъ такія вывѣски: King Williams town public House, porter, ginger, beer and spirits, или Britich navy and army public House.

(*) Бѣлая короткая юбка въ національной греческой и албанской одеждѣ.

Улица, по которой мы шли, пересѣкалась два раза точно такими же улицами, съ такими же узкими и высокими домами. Въ одномъ мѣстѣ, на перекресткѣ, стояли двѣ-три извощичьи коляски, но ѣздятъ здѣсь до крайности мало. Во все время нашего путешествія по городу (около часу) я видѣлъ *только одну* мелькнувшую вдали коляску: и то былъ нашъ капитанъ съ женою..

Затѣмъ улица упирается въ площадь, обсаженную по краямъ деревьями, въ родѣ бульваровъ; это скорѣе какой-то лугъ, или садъ. Въ одномъ углу паслись овцы, составивъ весьма патріархальную картину. Вдали, узкимъ треугольникомъ, тянулся заливъ. Заворотивъ оттуда влѣво, по аллеѣ изъ акацій, липъ и зензелій, издающихъ чрезвычайное благоуханіе, мы увидали себя подлѣ дома генералъ-губернатора (англичанина). При этомъ домѣ находится небольшой садъ, гдѣ цвѣли тогда во всей красѣ кусты розъ, левкоевъ и миртъ. Недалеко оттуда видѣнъ домъ національнаго собранія, гдѣ несчастные греки, засѣдая съ англичанами, толкуютъ, Богъ знаетъ сколько лѣтъ сряду, о томъ (это первый пунктъ всѣхъ засѣданій) какъ бы присоединить 7 острововъ къ *свободной* Греціи, и англичане всякій разъ объясняютъ имъ, что это никакъ не возможно, а иногда сидятъ и какъ будто не слышатъ, о чемъ идетъ дѣло. Нѣсколько дней тому назадъ было точно такое же собраніе и начато тѣмъ же вопросомъ, на который послѣдовалъ тотъ же неизбѣжный, отрицательный отвѣтъ англичанъ.

Я слышалъ, что два русскихъ семейства пріѣхали въ Корфу на все лѣто. Остановимся па минуту и мы, чтобы я могъ отдать вамъ отчетъ въ моихъ дорожныхъ издержкахъ до этого пункта. Отъ Москвы до Тріеста я проѣхалъ всего на все, со столомъ, гдѣ во второмъ, гдѣ въ третьемъ классѣ — *60 рублей*. До Корфу отъ Тріеста второе мѣсто, съ содержаніемъ (на нѣмецкомъ пароходѣ) стоитъ *30 рублей*. Стало быть, «отъ Москвы до Корфу» — *90 рублей*; между тѣмъ какъ отъ москвы *только* до Одессы очень трудно проѣхать меньше *полутораста рублей* сер. Разница въ разстояніяхъ слѣдующая: отъ Москвы до Корфу — слишкомъ 4000 верстъ; отъ Москвы до Одессы — 1300!...

Въ третьемъ часу мы снялись и къ утру увидѣли острова Левкадію, Итаку, Кефалонію и Зантъ. Это были жолтыя возвышенности, покрытыя кое-гдѣ кустарникомъ. На иныхъ мелькали деревни, окруженныя садами. Облака спускались мѣстами къ самымъ вершинамъ горъ. Въ обѣдъ показалась Морея — такія же горы, лѣсъ и облака. Когда мы огибали послѣдній мысъ, матросы говорили, что на немъ живетъ какой-то пустынникъ, грекъ, заброшенный сюда бурей; онъ счелъ свое спасеніе чудомъ и не рѣшился больше плавать по морямъ,

бывши до тѣхъ поръ матросомъ. Увѣряютъ, что проходя ближе, нежели прошли мы, можно видѣть каменную келью этого эрмита.

Вскорѣ затѣмъ намъ встрѣтилось большое австрійское судно подъ парусами. Оно салютовало земляковъ флагомъ; мы отвѣчали тѣмъ же. Капитаны перекинулись другъ съ другомъ нѣсколькими словами, со своихъ площадокъ. «Bon viagio!» (добрый путь!) было послѣднимъ восклицаніемъ обоихъ. Потомъ звуки перестали долетать; разговаривали другъ съ дружкой только одни флаги, покамѣстъ туманъ отдаленія не скрылъ обоихъ. Я живо помню эту одушевляющую встрѣчу, эту суету, движеніе, перекличку и бѣганье къ флагамъ на обоихъ судахъ. Нельзя представить, не испытавши, какъ пріятно въ далекомъ морѣ, иногда сѣро-пустынномъ и непріютномъ, бѣгущемъ своими окраинами до самаго горизонта,—увидѣть *свой* флагъ, кучку *своихъ*, зыблющихся на такихъ же доскахъ, и послать имъ привѣтствіе флагомъ. Однообразный ходъ палубной жизни, стукъ винта, скучный скрипъ всего пароходнаго кузова—все это мгновенно забыто, не слышится и не чувствуется вовсе, и двѣ палубы, мигающія на мигъ одна для другой, сливаются во едино, составляютъ созвучный аккордъ, трепещутъ одними и тѣми же чувствами, чѣмъ-то чертовски-жизненнымъ, кипучимъ, и тѣмъ жизненнѣе и кипучѣе, чѣмъ глуше и дальше море...

Ночью мы пришли въ Сиру. Я уже засыпалъ, когда услышалъ рѣзкій стукъ якорной цѣпи. Утромъ явился нашимъ глазамъ уморительный городокъ, какихъ, я думаю, не очень много во вселенной. Главная масса строеній (каменныхъ мелкихъ домиковъ) громоздилась по береговымъ уступамъ, надъ самымъ моремъ. Но это было ничего: такія вещи можно видѣть вездѣ. Уморительная, такъ-сказать, неестественная часть города заключалась въ какой-то сахарной головкѣ, усыпанной зданіями и поднимавшейся къ небесамъ въ видѣ вавилонской башни, какъ ее рисуютъ на картинкахъ.

Все это было очень высоко и завершалось крѣпостью, откуда въ то время гремѣли выстрѣлы—такъ высоко, что нижній слой облаковъ касался на ту пору крѣпостнаго вала, прогуливался между зубцами, какъ между ущеліями, и сливался съ пушечнымъ дымомъ. И какъ вы думаете, для чего сгородилась такая неудобная, вавилонская башня? Это были «греки-католики», наровившіе какъ можно больше отдѣлиться отъ «грековъ-православныхъ», живущихъ внизу. Они парятъ выше, къ небу, и еще пострѣливаютъ тамъ, вѣроятно въ знакъ своего удовольствія.

Изъ Сиры «Бомбай» долженъ былъ поворотить въ Константинополь. Пришлось пересѣсть на другой пароходъ, а потому къ нашему

борту причалило нѣсколько магонъ (*), съ предложеніемъ услугъ пассажирамъ. Иные изъ магонщиковъ уже расхаживали по нашей палубѣ, ожидая добычи. Я зналъ очень хорошо этотъ забубенный народецъ, неопредѣленное, странное племя, смѣсь всякихъ націй и вѣръ, и не слишкомъ слѣдилъ перебираться. Магонщики, вообще, довольно честны, и за вещи, въ смыслѣ *пропажи*, бояться нечего. Но должно смотрѣть, чтобы вашъ чемоданъ не юркнулъ какъ нибудь въ воду, потому что эти молодцы бросаются на багажъ пассажировъ, какъ голодные тигры на куски мяса. Вы настрадаетесь и наволнуетесь вдоволь, слѣдя глазами за воздушнымъ путешествіемъ вашего чемодана, если вы какъ нибудь неосторожно предали его на волю магонщиковъ. Вотъ, кажется, одинъ ужь улегся спокойно на дно указанной вами магоны, но цѣлится въ него какой-то черномазый—хвать за ушко, и чемоданъ перелетѣлъ черезъ пять лодокъ въ шестую! Трое другихъ черномазыхъ бросились за похитителемъ и одинъ задѣлъ его по головѣ желѣзнымъ крючкомъ. Чемоданъ вырученъ и отправляется съ неменьшей быстротой на прежнее мѣсто. Ушибенный крючкомъ малый присѣлъ и кричитъ, но вотъ собственный его товарищъ замахнулся на него весломъ и ругаетъ за неумѣстные и скучные вопли: «что, дьяволъ, кричишь?» и тотъ перестаетъ мгновенно.

Я спускалъ мои чемоданы подъ строжайшимъ наблюденіемъ одного матроса. Вдругъ, вижу, вьется около меня какой-то грязный магонщикъ, въ одной рубашкѣ и шароварахъ, и конечно босикомъ: «хаваджа! (**) хаваджа! вы меня не узнали? Посмотрите на меня: вы не узнали Никиту? Въ Бейрутѣ, помните, *тамъ?*»

Это «тамъ» было намекомъ на цѣлую исторію. Годъ тому назадъ, мы шли съ пріятелемъ по одной изъ дальнихъ улицъ Бейрута, раскинутаго, какъ извѣстно, по горамъ. Была прекрасная сирійская ночь. Зданія города, слѣва, спускались къ морю оригинальными террасами. Вершины зензелій, росшихъ внизу въ ближайшихъ садахъ, казалось, ласкались къ нашимъ ногамъ. Далѣе катилась волнами какая-то неузнаваемая въ темнотѣ зелень. Это было слѣва. Справа, какъ темная туча, напиралъ Ливанъ. Что-то чрезвычайно благоуханное, тонкое доносилось до нашего обонянія. Не вѣсть гдѣ, въ глубинѣ мрака, кричалъ оселъ, зовущій подругу. Знатоки увѣряютъ, что это — «chant d'amour» — этотъ убійственно-скрыпучій, раздражающій крикъ осла, похожій для меня на скрипъ запираемой околицы. Но на что бы онъ ни былъ похожъ: вся эта картина, эти уступы садовъ, эти кактусы и зензелія, этотъ Ливанъ, какъ туча, и это лоснящееся плесо отдаленна-

(*) Магона, большая лодка.

(**) Господинъ, арабское слово.

го, дремавшаго моря, даже самый крикъ осла, составляли вмѣстѣ свою особенную гармонію. Это былъ аккордъ незнакомой, оригинальной гаммы, которую не слѣдовало измѣрять нашимъ музыкальнымъ метромъ. Мы ничего не говорили, какъ бы стараясь прислушаться, набраться этихъ мудреныхъ тоновъ и унести ихъ съ собою... вдругъ мы увидѣли подходящаго къ намъ человѣка въ европейскомъ платьѣ; онъ приближался съ нѣкоторой осторожностью, но все-таки заставилъ насъ отступить. Мы скоро оправились и спросили по французски, что ему надо? онъ отвѣчалъ по-итальянски, что ему надо, просто за-просто — насъ: чтобы мы зашли къ нему въ домъ, по одному дѣлу.

— Но вы насъ не знаете, сказали мы: на что же мы вамъ и притомъ теперь, въ такую минуту?

— А вотъ, когда вы ко мнѣ пожалуете, это все объяснится мгновенно! отвѣчалъ незнакомецъ.

Я очень люблю всякія чрезвычайныя приключенія, особенно ночью, и потому рѣшился отправиться за приглашавшимъ. Пріятель мой былъ въ такомъ же настроеніи духа и послѣдовалъ за мною. Очень скоро, минутъ черезъ 15, мы приблизились къ одному небольшому домику, въ видѣ каменнаго куба, обсаженному съ боковъ и сзади зензеліями и тутомъ. Предстала маленькая комната, съ грязнѣйшимъ диваномъ, который стоялъ не у стѣны, а по срединѣ, раздѣляя комнату пополамъ и касаясь спинкой къ занавѣскѣ. Эта занавѣска скрывала отъ насъ слѣдующую половину покоя. На столѣ, покрытомъ прожженною въ нѣсколькихъ мѣстахъ скатертью, горѣла оловянная лампа. Я поспѣшилъ окинуть взглядомъ нашего проводника: онъ былъ, что называется, ничего—высокій, довольно приличный человѣкъ, въ черномъ, сносномъ сюртукѣ. Онъ юркнулъ прямо за занавѣску и черезъ мигъ вывелъ оттуда мальчика «не въ своемъ сюртукѣ». На головѣ мальчика была сѣрая шляпа съ большими полями. Мальчикъ тупился и я сейчасъ замѣтилъ, что это вовсе не мальчикъ. Длинные волосы были не совсѣмъ искусно подобраны подъ шляпу, и все смотрѣло неестественно.

— Господа, скажу вамъ, прямо: это не мущина, а женщина, началъ итальянецъ: это... несчастное созданіе, преслѣдуемое законами, собственно говоря — мужемъ. Я далъ ей пріютъ, но та бѣда, что можетъ отвориться дверь и явиться заптія (*). Домъ мой подъ присмотромъ полиціи, почему и какъ, это разсказывать долго. Надо вывести отсюда эту женщину, чтобы спасти отъ тюрьмы. Самъ я не могу этого сдѣлать. Но если вы, говоря шумно по-французски, пройдете съ

(*) Турецкій полицейскій солдатъ.

мною по улицѣ — это будетъ не такъ замѣтно и натурально. Саада! гляди повеселѣе! проси хаваджей! (прибавилъ онъ на ея родномъ языкѣ), извините, господа, она говоритъ только по-арабски!»

Сцена была какъ-то глупа и нѣсколько подозрительна. Однако я рѣшился помочь незнакомцу. Саада поняла, въ чемъ дѣло, схватила мою руку и такъ быстро чмокнула и приложила, по ихъ обычаю, ко лбу, что я никакъ не успѣлъ удержать ее отъ этого движенія. Черныя и большія глаза ее уставились на меня и я замѣтилъ въ нихъ слезы. Это была маленькая дѣвочка, лѣтъ 14-ти, ни сколько не похожая на женщину, уже успѣвшую попасть подъ наблюденіе полиціи и «преслѣдуемую законами», какъ выражался ея покровитель.

— Разговаривать долго нечего! пойдемъ! сказалъ я Саадѣ и, подавъ ей руку, безъ всякихъ наставленій, замаршировалъ быстро между кактусами, а потомъ по улицѣ. Саада, вмѣсто того, чтобы идти развязно, жалась ко мнѣ и дрожала всѣмъ тѣломъ. Я понялъ, что для нея тутъ дѣло не на шутку.

Мы прошли благополучно шаговъ 50. Вдругъ насъ освѣтилъ фонарь: это былъ заптія, явившійся откуда-то сбоку. Онъ безъ малѣйшей церемоніи повернулъ къ себѣ голову Саады и нагло посмотрѣлъ ей въ лицо. Затѣмъ раздался свистокъ и мы были окружены толпою такихъ же какъ и онъ фигуръ, опоясанныхъ саблями. Я попробовалъ придержать Сааду и даже крикнулъ что-то такое... но никто не обратилъ на это вниманія. Ее оторвали отъ меня точно вѣтромъ. Рѣшительно не понимаю, какъ не схватили тутъ же и меня. Толпа заптій съ шумомъ стала удаляться, увлекая свою жертву. Я видѣлъ нѣсколько времени огонь фонаря и слышалъ крики: несчастную безжалостно били, какъ это бываетъ всегда при захватѣ турецкой полиціей кого-либо изъ своихъ, т. е. арабовъ или турокъ. «Оскорблять» такимъ образомъ европейцевъ они боятся. Я смотрѣлъ въ темную ночь, на мельканіе удаляющагося фонаря, и сердце мое обливалось кровью. Что еще будетъ съ нею *тамъ*, въ какой нибудь грязной турецкой сибиркѣ, называемой *хабсъ*, съ этой женщиной — въ 14 лѣтъ!... Потомъ звуки и свѣтъ пропали и все пропало какъ дикій призракъ. Черезъ полгода я встрѣтилъ въ одной лавкѣ моего итальянца: онъ покупалъ себѣ элегантные лаковые башмаки и былъ одѣтъ совершеннымъ джентльменомъ. Потомъ мы встрѣтились еще и очень странно. Это длинная исторія, которую я разскажу какъ нибудь послѣ. Тутъ я узналъ, что таинственный господинъ вовсе не итальянецъ, какъ мы предполагали по его языку, а просто грекъ Никита.

Потомъ, мѣсяца черезъ три, я уѣхалъ изъ Бейрута — и Никита, и его домъ, и Ливанъ, и кактусы отдѣлились отъ меня широкими морями, казалось, болѣе непереплываемыми. И вдругъ случилось, что я

поплыли по нимъ опять... судите же о моемъ изумленіи, когда въ Сирѣ, взглянувъ на оборваннаго магонщика, взывающаго ко мнѣ очень жалко, я узналъ Бейрутскаго Никиту, того элегантнаго джентльмена Никиту, который покупалъ лаковые башмаки! Въ Бейрутѣ онъ имѣлъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, порядочныя деньги, но все это ушло куда-то безвозвратно; какъ бываетъ обыкновенно съ этимъ народомъ, Никита воротился въ свою отчизну, Сиру, пріобрѣлъ на послѣднія гроши магону и сталъ магонщикомъ.

— Вы не узнали Никиту? говорилъ онъ жалостно, заступая мнѣ дорогу, но не смѣя коснуться къ моей рукѣ, которую прежде, въ счастливые дни, пожималъ довольно развязно.

— Никита! я остолбенѣлъ... милліоны восточныхъ призраковъ, самыхъ яркихъ, раздражающихъ почти до слезъ, встали въ моемъ воображеніи. Я все забылъ на минуту: палубу, море, вавилонскую башню; передо мной носились другія улицы, съ кактусами, Ливаномъ и съ «chant d'amour» скрипѣвшею гдѣ-то далеко... Неужели все это не можетъ мелькнуть еще разъ — на яву?... подумалъ я...

— Что съ тобой, Никита? какъ это?

Онъ молчалъ, потомъ сталъ звать къ себѣ.

— Вы увидите Сааду, сказалъ онъ: ту самую Сааду...

— Какъ, Сааду?

— Она стала моей женой.

— Отъ живаго мужа? вѣдь у ней былъ мужъ въ Бейрутѣ?

Зная впрочемъ эти двойные и тройные выходы арабокъ замужъ, я не сталъ подробно расспрашивать. Мы спустились въ магону, перевезли мои вещи на другой пароходъ и потомъ поплыли въ Сиру. Нашъ пароходъ долженъ былъ простоять въ Сирѣ еще день: стало быть, я имѣлъ время погулять.

Причаливъ у плохонькой каменной пристани, мы начали подниматься по самымъ немудрымъ улицамъ, между низенькими каменными домиками. Все были такіе домики; смотрѣлъ нѣсколько крупнѣе только одинъ греческій казенный арсеналъ. Жилище Никиты, очень похожее на Бейрутское, было далеко, на краю города, гдѣ вертѣлись странныя мельницы съ парусинными крыльями. Въ двухъ шагахъ были высокія горы. Грудь дышала легкимъ, загороднымъ воздухомъ.

Саада стояла на порогѣ. Она конечно меня не узнала. Только, когда Никита объяснилъ ей, кто я, она протянула мнѣ руку, грубую и заскорузлую, видно знакомую съ тяжелыми работами. Одинъ годъ — и, какая перемѣна! Пятнадцатилѣтнее дитя постарѣло сорока годами! Лицо ея, очень недавно чистое и румяное, было худо и покрыто веснушками. Такъ проходитъ вѣкъ и прелесть почти всѣхъ восточныхъ женщинъ, живущихъ въ портахъ безпутной Сиріи.

Никита побѣжалъ устраивать кофей, какъ это водится во всякомъ домѣ тѣхъ краевъ. Я воспользовался этимъ временемъ и спросилъ Сааду, что ее заставило покинуть Бейрутъ?

— Что? мужъ! нешто не знаешь, зачѣмъ онъ на мнѣ женился? водить меня по каведжамъ! это мнѣ такъ опостылѣло, что я собиралась наложить на себя руки.

«Да зачѣмъ же ты выходила за такого хвата?»

— Сама не знаю, какъ это случилось: онъ шатался къ намъ еще въ Іерусалимѣ, въ Кефурію. Знаешь Кефурію въ Іерусалимѣ?

«Гдѣ эта Кефурія?»

— За Яффскими воротами, недалеко отъ Биркетъ-Мамилла. Это кофейня. Мой батюшка снималъ ее у хозяина грека, монаха изъ греческаго монастыря, Никефури, отъ того и звали кофейню Кефурія (*). Веселое было мѣсто: розаны, жасмины, всякія деревья... мы жили хорошо. Батюшка вырабатывалъ въ годъ 12 тысячъ піастровъ. Всякій день у насъ музыка, турецкіе солдаты и офицеры; пѣсни поютъ, танцуютъ... повадился тутъ ходить одинъ арабскій армянинъ изъ Діарбекира, Даудъ, бѣдный такой и жалкій! Все-то ходитъ, и вздыхаетъ. Дайте, говоритъ, я у васъ посуду стану мыть и полы мести, изъ хлѣба куска. Мескинъ (бѣдный) такой! Все плачетъ. Матушка говоритъ: — чтожъ, живи, говоритъ, служи! А онъ все ходитъ и вздыхаетъ. Посмотрю я на него другой разъ: такъ жалко станетъ. Какой это, говорю, у насъ мескинъ Даудъ! А онъ, нѣтъ-нѣтъ, да взглянетъ на меня... такъ прошло съ мѣсяцъ. Вдругъ, смотримъ, Даудъ пришелъ пьяный, въ новомъ кушакѣ и башмакахъ. Бывало, все босикомъ, а тутъ башмаки-ластыкъ; (**) поскрипываютъ — ззъ! ззъ! всю ночь въ карты игралъ да и выигралъ. И сейчасъ съ батюшкой шамату (***)! Батюшка съ братьями, нечего съ нимъ разговаривать, побили его и прогнали. Черезъ день, смотримъ, онъ опять ходитъ... только мы не долго остались въ Кефуріи: хозяинъ Никефури передалъ ее какому-то французу и французъ самъ захотѣлъ хозяйничать. Мы поѣхали опять въ Бейрутъ, черезъ Яффу. Только сѣли въ Яффѣ на пароходъ, глядь, а Даудъ тутъ же на палубѣ! Такъ вмѣстѣ съ нами и пріѣхалъ. Вмѣстѣ и на берегъ вышли. Идемъ, а онъ за нами и вошелъ къ намъ во дворъ и въ домъ, плачетъ, говоритъ: гдѣ мнѣ, бѣдному, голову приклонить?

(*) *Кефурія* сокращено изъ *Никефурія*. Дѣйствительно есть такая кофейня въ Іерусалимѣ. Хозяинъ ея, архимандритъ Никифоръ, есть уполномоченное патріаршее лицо для всѣхъ покупокъ, касающихся пріобрѣтенія недвижимаго имущества. На его имя куплено греками много земель въ Іерусалимѣ. Биркетъ-Мамилла есть историческій бассейнъ за Яффскими воротами, вблизи Никефуріи.

(**) Башмаки изъ лаковой кожи.

(***) Шамата — ссора.

хоть бы ночь одну переночевать! Матушка говоритъ: ночуй у насъ, коли ты бѣдный такой! онъ ночевалъ, а завтра опять! после завтра опять! да такъ и остался жить. Что?—молчимъ! Мы—ничего... Только онъ матушкѣ и говоритъ: давно, говоритъ, сбираюсь сказать тебѣ, да все не смѣю: я люблю твою дочь Сааду и по ней-то все плачу и для нея пришелъ за вами изъ Іерусалима».

Въ это время Никита явился съ кофеемъ и разсказъ Саады оборвался. Я былъ однако имъ заинтересованъ: онъ рисовалъ для меня странные, безпорядочные нравы Сиріи; мнѣ хотѣлось выслушать конецъ и потому я отправилъ Никиту за апельсинами, сказавъ, что хочу угостить его жену. Никита побѣжалъ.

«Что же ты?» спросилъ я у Саады: «когда Даудъ признался въ любви, что же ты ему сказала?»

— Я сказала, что онъ сошелъ съ ума, что мнѣ его вовсе не нужно... такую рожу! А ужъ онъ и вѣру успѣлъ перемѣнить!

«Какъ вѣру перемѣнить?»

— Такъ, вѣру. Вѣдь нельзя-жъ намъ было вѣнчаться: онъ армянинъ, а мрони-католикъ (*); какой попъ станетъ вѣнчать?... Да! какъ же! ужъ и вѣру перемѣнилъ, думалъ я сейчасъ!

«Да вѣдь ты однако вышла!»

— Точно вышла, да это послѣ.

«Какъ же это случилось?»

— Была у насъ шамàта съ Антуномъ, двоюроднымъ братомъ, который любилъ меня безъ памяти; такъ любилъ, такъ любилъ! Бывало, сидитъ въ лавкѣ, а онъ торговалъ туфлями да башмаками, приготовитъ мнѣ фисту-бенду (**), папироску. Я иду, всякій день ходила мимо, а онъ мнѣ и кричитъ: здравствуй, Саада! Зайди ко мнѣ, поговоримъ! Я купилъ тебѣ фисту-бенду!

«Что-жь, а ты-то его любила!» спросилъ я.

— Какъ же не любила, очень любила... вотъ зайду, выкурю папироску, возьму фисту-бенду. У него была сестра, Таля: мы у нея въ домѣ и видались; пьянымъ, бывало, напоимъ Антуна. Куда смѣшонъ пьяный вàлядъ (***). Я такъ любила поить его пьянымъ!

«А какихъ лѣтъ былъ этотъ вàлядъ?»

— Всего пятнадцати, мнѣ было четырнадцать. Разъ какъ-то перепились мы всѣ, да въ драку! Антунъ меня побилъ. Я говорю: ну, хорошо, пойду вотъ съ Даудомъ обвѣнчаюсь, что сдѣлаешь?—онъ думалъ, я шучу, а я порхъ изъ комнаты да къ матушкѣ, говорю: хочу

(*) Маронитка, католической вѣры.

(**) Фисташекъ и орѣховъ.

(***) Парень, очень молодой человѣкъ.

дитя за Дауда, благослови! А Даудъ тутъ, потупился въ землю и ни слова. Все обдѣлали живо. Антунъ узналъ, да ужь было поздно: прибѣжалъ только вѣнецъ подержать. Держитъ, а самъ плачетъ и дрожкой дрожитъ!... Такъ мы и обвѣнчались. Въ тотъ же день пришелъ къ намъ Антунъ вечеромъ. Я лежала на диванѣ, онъ легъ подлѣ на коврѣ, а Даудъ, лежалъ на другомъ диванѣ и какъ будто дремалъ, Стало темно, Антунъ протянись ко мнѣ и вдругъ чмокъ въ руку. Даудъ какъ вскочитъ! Ты, говоритъ, что тутъ дѣлаешь?... И съ этихъ поръ пошла у насъ съ Даудомъ шамата всякій день. Онъ и къ попу меня водилъ, тотъ уговаривалъ, я даже плакала... а вечеромъ все-таки подрались. По недѣлямъ не говорили. Даудъ наровилъ меня сватать всякому, встрѣчному-поперечному. Иной разъ пойдемъ къ хаваджѣ: хаваджа цалуетъ меня, а Даудъ сидитъ тутъ же и куритъ наргилé, да еще просится ночевать рядомъ въ комнатѣ, и какъ храпитъ! А вѣдь любилъ, нельзя сказать... ноги, бывало, и руки цалуетъ!... такъ прожили мы мѣсяцъ; я не выдержала и убѣжала къ Никитѣ... а послѣ мы уѣхали въ Сиру и обвѣнчались. Никита былъ тогда при деньгахъ, ты знаешь: какъ хаваджа ходилъ. Только не знала я, что онъ такой картежникъ: все спустилъ до нитки. Боже мой, какъ играетъ! Нѣтъ ли у тебя какихъ штановъ ему? Штановъ нѣтъ, вся тутъ и одежа, что на немъ... Кабы кто нибудь на палубу билетъ далъ, сейчасъ бы въ Бейрутъ удрала!...

Она замолкла и уставила глаза на образъ. Лицо ея странно просіяло, какъ будто передъ ней происходило какое либо видѣніе. Губы что-то шептали. Часто слышалось: «Адра Марія» (Богородица дѣво, радуйся!) Это самая любимая молитва восточныхъ христіанокъ. Въ глазахъ ея поминутно навертывались слезы. Еще немного погодя она свернулась въ комокъ, въ своемъ уголку, на диванѣ, такъ что ея, при ея маленькомъ, дѣтскомъ тѣльцѣ, почти совсѣмъ стало не видно. Она мурлыкала что-то заунывное, повторяя безпрестанно имя матери, сестеръ и братьевъ.

Я смотрѣлъ на нее изъ другаго угла компаты, гдѣ устроился на какой-то ободранной кушеткѣ. Это дитя, заброшенное вѣроятно навсегда въ чужой для нея архипелагъ, жалкое, бѣдное, прочувствовавшее такъ много, рисовало передо мной своимъ немудрымъ разсказомъ всю безалаберную Сирію, этотъ странный народъ-непосѣдъ, готовый переселяться куда угодно, по первому приглашенію, народъ горячій, безпокойный, дикій, способный переходить отъ самыхъ надменныхъ криковъ и всякихъ нелѣпыхъ порывовъ къ неслыханному униженію, мольбамъ и слезамъ. Тронь это плачущее и, повидимому, нѣжное какъ пухъ дитя, тронь въ иную, неудачную минуту — и вы

увидите передъ собой сильнаго, неукротимаго тигра, съ какимъ не дай вамъ Богъ имѣть дѣло.

Когда воротился Никита съ апельсинами, Саада мгновенно измѣнилась. Стала щелкать пальцами, какъ только умѣютъ щелкать на востокѣ, приплясывать и припѣвать, бросая на полъ апельсинныя корки. Мы поболтали немного о разныхъ бейрутскихъ происшествіяхъ извѣстнаго намъ времени, объ иныхъ невозвратимыхъ его прелестяхъ въ холостомъ, разгульномъ значеніи этого слова — и простились. Никита вмѣстѣ съ женою проводилъ меня до парохода, доставъ какую-то особенную магону съ розовымъ тентомъ, или навѣсомъ отъ солнца. Саада надѣла кринолинъ, (который, замѣчу, между восточными женщинами называется Malakof). Я никогда не забуду грустной минуты, когда я поднялся на палубу, а лодка отчалила, увозя въ Сиру двухъ скитальцевъ: Саада глядѣла на меня и слезы капали у ней изъ глазъ. Я увозилъ отъ нея *послѣдній призракъ Бейрута*, мелькнувшій на мгновенье. Передъ ней развалась опять бѣдная ея лачуга, какъ могила... тяжкій трудъ!.. пьяный картежникъ-мужъ... побои и слезы... бѣдное дитя! Ей все-таки было только 15 лѣтъ!... Долго вѣялъ вдали и хлопалъ своими зубчатыми вырѣзками розовый навѣсъ магоны. Вуаль колыхалась и играла надъ шляпкой... Потомъ магона стала нырять между большихъ судовъ и скрылась гдѣ-то какъ въ лѣсу.

Черезъ нѣсколько часовъ мы снялись. Это было въ середу, 23 апрѣля. Наша палуба пестрѣла уже восточнымъ населеніемъ. Мы плыли *по востоку*. Били въ глаза яркіе костюмы: голубыя и жолтыя куртки, бѣлыя чалмы, красныя фески, албанскіе кубраны изъ бѣлаго сукна съ черными узорами по спинѣ и рукавамъ. Всякое дреколіе за поясами у иныхъ усатыхъ ребятъ разбойничьяго вида, чубуки съ толстыми янтарями, ковры, постели, жестянки, кувшины, зонтики — все это, сопровождающее неизбѣжно всякаго порядочнаго турка и араба — залегло и загромоздило въ разныхъ пунктахъ нашу палубу. Три турка обращали на себя преимущественное вниманіе чрезвычайнымъ спокойствіемъ однообразныхъ фигуръ: снявъ и отставя въ сторону красныя востроносыя туфли, они сидѣли неподалеку другъ отъ друга, въ линію, и потягивали дымъ изъ чубуковъ, направленныхъ отъ ихъ устъ къ полу, подъ однимъ и тѣмъ же угломъ. Одинаково и въ одно и то же время подымалась изъ трубокъ дымная струйка; одинаково задумчиво смотрѣли физіономіи; еслибы смѣрять углы глубокомыслія и разныхъ соображеній, которыми курильщики были тогда заняты, вѣроятно эти углы оказались бы также одинаковой или очень близкой одинъ къ другому высоты.

Что до каютъ, въ нихъ помѣщались большею частію греки. Они

шумно разговаривали о послѣднемъ возмущеніи въ ихъ странной, безпорядочной отчизнѣ, имѣющей, на бѣду, чужеземнаго короля, къ которому народъ никогда не можетъ чувствовать полной симпатіи. Вы знаете (это дѣло уже старое, успѣвшее смѣниться и застановиться другими событіями въ Европѣ и даже самой Греціи) — какимъ образомъ возмутилась Навплія, довольно сильная крѣпость. Навплійцы надѣялись имѣть поддержку во всемъ войскѣ и это бы непремѣнно такъ и случилось, еслибы правительство не захватило переписки вождей той и другой стороны. Тѣ изъ начальниковъ, которые казались болѣе опасными, были *немедля* арестованы и королевское войско, готовое идти противъ короля при своихъ вождяхъ, почувствовало себя безъ нихъ совершенно безсильнымъ. Революція погасла мгновенно. Навпліи было объявлено прощеніе, если войско, занимающее ее, разойдется. Человѣкъ до 200 не захотѣли никакой амнистіи и отправились въ Смирну на пароходѣ услужливой въ такихъ случаяхъ Англіи. Нѣсколько инсургентовъ ушло съ ними туда же.

Утромъ на другой день, когда мы подходили къ Хіосу (*), уже слегка мною очеркнутому, греки, собравшіеся въ каютъ-компаніи, затѣяли религіозный споръ, который возникъ первоначально между патеромъ изъ греко-католиковъ и священникомъ греческой православной церкви. Патеръ отдѣлалъ всѣхъ. Но шумъ былъ такъ великъ, что разбудилъ капитана изъ черногорцевъ, Мариновича (къ удивленію моему, *католика*!) рослаго, здороваго малаго, имѣвшаго въ себѣ и другія общія черногорцамъ свойства, прежде всего грубость и неотесанность; онъ вошелъ къ намъ сердитый и, безъ всякой церемоніи, сказалъ мнѣ по-русски, думая, что его никто не понимаетъ: (языка дѣйствительно не понимали, но тонъ былъ очень понятенъ и далъ знать, о чемъ идетъ дѣло). «Вотъ теперь этотъ проклятый грекъ бушуетъ (ворчалъ капитанъ): рады, что черногорцы тамъ бьются, такіе молодцы; забрали у турокъ кучу плѣнныхъ, а того проклятый грекъ не знаетъ, что черногорецъ не можетъ его смотрѣть, только дьявола (**); не имѣетъ вѣры въ него!»

Такъ обрисовалъ онъ вкратцѣ отношенія между двумя народами. О русскихъ выразился, что они хотятъ забрать мелкихъ славянъ въ свои руки, только этому никогда не быть: «мы останемся лучше турецкіе, а ужь въ подданство къ Россіи не пойдемъ»! сказалъ онъ, сверкнувъ выразительно глазами.

(*) До Хіоса я истратилъ 115 рублей серебромъ.

(**) Я нарочно оставилъ эту полусербскую фразу безъ измѣненія, потому что въ переводѣ она не такъ забавна. Смыслъ ея такой, что черногорецъ смотритъ на грека, какъ на дьявола.

Оставя Хіосъ часу въ 8-мъ утра, мы прибыли въ Смирну въ четвертомъ по полудни. Весь смирнскій заливъ былъ тихъ и ровенъ какъ стекло. По немъ рѣзали бурлючки (*) и играли стада дельфиновъ. Мы входили съ эффектомъ, при всѣхъ лучшихъ условіяхъ неба и моря. Чудесная зелень смирнскихъ окрестностей (наполненныхъ садами, которые начинаются очень далеко по всему правому берегу бухты) пріятно переливалась изъ тѣни въ тѣнь. Но я смотрѣлъ на все это съ нѣкоторой грустью: я чувствовалъ, что въ этотъ послѣдній годъ прожито и утрачено многое безвозвратно. Картина та же, но пропали эти блики, откуда били особые лучи, озарявшіе для меня необыкновеннымъ свѣтомъ всевозможные берега, и моря, и мачты, и мало ли что...

Въ этой самой бухтѣ, годъ тому назадъ, стоялъ другой пароходъ, и на немъ уплывало вмѣстѣ со мною изъ Сиріи милое для меня существо, родившееся у подножія Ливана.... Море было сѣро и бурно. Но мы спустились въ каикъ и причалили къ берегу, не чувствуя никакихъ волнъ и опасностей, по крайней мѣрѣ я. Заѣзжая труппа итальянцевъ давала маленькій спектакль тутъ же, подъ открытымъ небомъ, у самыхъ волнъ. Были сгорожены подмостки и гудѣла музыка. Мы сидѣли подъ зензеліями, опять-таки ничего не видя и не слыша. Помню, что какія-то фигурки пищали на сценѣ. Все озарялось для меня волшебнымъ блескомъ, небо горѣло, земля кружилась, точно выпивши. Все было очень глупо и въ тоже время чертовски хорошо. Потомъ — ужинъ, рядъ бутылокъ, какая-то рыбка и плохая телятина, но весело, удивительно весело!...

Когда мы бросили якорь, теперь, 25 апрѣля, я уставилъ глаза на берегъ и старался отъискать знакомыя мнѣ пункты. Грустно! Все потускло и потухло навѣки. Цѣлъ еще остовъ театра на курьихъ ножкахъ, загроможденный стульями, гдѣ валяются конечно и тѣ стулья, на которыхъ мы тогда сидѣли. Я отъискалъ тѣ самыя зензеліи..,

Перейду быстро къ прозѣ: Смирна снабжаетъ наше отечество сухими фруктами, которыхъ идетъ отсюда осенью, съ каждымъ пароходомъ (въ двѣ недѣли разъ), отъ 3-хъ до 6-ти тысячъ пудовъ. Въ Сирію Смирна посылаетъ мануфактурныя произведенія французскихъ и англійскихъ фабрикъ.

Пройдя по улицѣ Франковъ, я увидѣлъ, по прежнему, русскую надпись на стеклахъ одного книжнаго магазина, извѣщавшую о присутствіи въ немъ одной русско-иностранной газеты. Французская афишка на стѣнѣ говорила о какихъ-то спортахъ: нѣчто новое, устроенное англичанами.

(*) Особая птица, въ родѣ небольшой гагары.

Послѣ я узналъ, что европейцы учредили также прогулки въ *Бурнабатъ*, загородное мѣсто съ садами и дачами, куда ходятъ дилижансы. Тамъ ужасно скучно; но необходимо замѣтить, что бурнабатскіе сады, устроенные совершенно на европейскую ногу, есть лучшіе сады тамошняго востока.

Мнѣ рассказали двое встрѣтившихся пріятелей, что солдатъ-инсургентовъ изъ Неаполя смирнскій паша заперъ въ крѣпость, на всякій случай, какъ это вообще дѣлается въ Турціи и весьма возможно, но Англія хлопочетъ объ ихъ освобожденіи. Тѣ же лица сообщили мнѣ, что Турція не признала назначеннаго нами въ Терново консула и не даетъ фирмана на переселеніе въ Россію 10-ти тысячъ болгаръ, объясняя, что если они хотятъ отправиться, то могутъ и такъ... а тамъ, разумѣется, ихъ перехватаютъ.

III.

Пароходъ Владиміръ. — Отставной пиратъ Барбайори. — Мерсина. — Александретта. — Приключеніе въ Гаурдагѣ. — Бейрутъ. — Встрѣча со старыми знакомыми. — Послѣдній вздохъ европейской коммиссіи въ Бейрутѣ. — Прибытіе принца Вельскаго. — Арабскіе стихи, поднесенные принцу.

Мы вышли изъ Смирны на чудесномъ русскомъ пароходѣ «Владиміръ», въ субботу 26 апрѣля. Погода стояла великолѣпная; пароходъ бѣжалъ неслышно; кругомъ раздавались русскіе звуки. Старшій офицеръ, а не то, въ его отсутствіе, суперкаргъ, рѣзались по очереди въ карты въ какую-то странную игру, по имени *канчина*, — съ лоцманомъ, забавнымъ старикомъ изъ грековъ, Барбайори, когда-то пиратомъ въ архипелагѣ и по берегамъ Караманіи. Это былъ коренастый человѣчекъ, лѣтъ шестидесяти, съ воловьей шеей, съ удивительными глазами, которые отличали въ туманѣ очертанія самаго миніатюрнаго островка, рѣшительно никому неприм ѣтнаго.

Я всегда смотрѣлъ на Барбайори съ любопытствомъ. Воображеніе рисовало удалые набѣги морскихъ разбойниковъ, выстрѣлы, кровь... и потомъ дѣлежку добычи гдѣ нибудь подъ скалою, на безлюдномъ, разбойничьемъ островѣ... Плещутъ волны... Какъ игрива, какъ живменна и живописна эта кучка загорѣлыхъ, изрубленныхъ усачей! Эти рожи, освѣщенныя огнями костра!... Мы очень часто проходили мимо тѣхъ самыхъ пунктовъ, гдѣ Барбайори дѣлилъ съ товарищами добычу. Анамуръ, Ипсили, Кастелоризо — все это были историческія, извѣстныя пристанища пиратовъ. Нападенія этихъ молодцовъ происходили на кого случится, на кого можно напасть, но преимущественно на турокъ. Если турокъ сопротивлялся, въ него стрѣляли,

рубили его ятаганомъ. Если же сдавался такъ, — окунали въ море, что называлось *крестить*, βαπτίζω. Барбайори увѣряетъ не шутя, что онъ попадетъ непремѣнно въ рай, потому что «окрестилъ» множество бусурманъ. Деньги мѣрили фесками; житье было хоть куда — и все это куда-то унеслось! Къ сожалѣнію, воображеніе Барбайори не пламенно. Онъ смотритъ тупо и рѣшительно ни о чемъ не мечтаетъ, проходя знакомыя ему бухты и пещеры. Да и то сказать: къ чему мечтать этому коренастому обрубку съ воловьей шеей, съ десяткомъ-другимъ сабельныхъ рубцовъ на крѣпкой стриженой башкѣ? Къ чему задумываться надъ какимъ-нибудь Анамуромъ? Все, слава Богу, кончилось благополучно. У Барбайори явилось 5 домовъ: два въ Сирѣ, домъ въ Өессаловіи, домъ въ Ипсарѣ, домъ въ Аѳинахъ. Сына онъ пристроилъ пилотомъ на одинъ изъ пароходовъ французской компаніи. Дочь выдалъ замужъ, жена хозяйничаетъ въ Аѳинахъ, а самъ онъ разгуливаетъ, по старой привычкѣ, въ моряхъ, да еще беретъ за это 900 цѣлковыхъ.

Я разспрашивалъ Барбайори, на чемъ они производили набѣги, на какихъ судахъ: это были особыя лодки большаго размѣра, по имени *трехандыры* и *мистико*. Первое значитъ «бѣгунцы» а второе «таинственныя.» Эти лодки носили три мачты съ огромными, косыми парусами и въ добрый вѣтеръ могли уйти отъ любаго военнаго судна. Кромѣ парусовъ, они снабжались веслами, числомъ отъ 20 до 26. Флагъ пиратовъ былъ бѣлый, съ красными краями. Въ срединѣ черный крестъ, попирающій красную луну съ голубой звѣздою. Направо и на лѣво по три ядра и слова Н и Θ. Барбайори объяснилъ, что это значило «жизнь» и «смерть», но когда я попросилъ его написать эти слова по-гречески, то ничего не вышло.

Замѣчательно, что Барбайори относится къ своему разбойничьему прошедшему совершенно спокойно. Когда ему сказали, что можетъ быть я напечатаю все то, что отъ него услышу, онъ принялся сообщать мнѣ еще съ большимъ рвеніемъ разныя разбойничьи разности и самъ отъ себя выдумалъ нарисовать свой флагъ и «мистико.»

Главные пункты, гдѣ приставали нѣкогда пираты, теперь нечто иное, какъ голыя скалы, исключая Кастелоризо. Здѣсь образовался городокъ, котораго жители, чрезвычайно спокойные люди, занимаются торговлей. Прекрасная бухта острова можетъ дать пристанище 800 судамъ.

«Зарѣцкій, нѣкогда буянъ,
Картежной шайки атаманъ,
А нынѣ просто житель мирный
И очень добрый человѣкъ...»

Такъ, поигрывая и болтая, мы пробѣжали незамѣтно огромное

пространство. Мелькнулъ Родосъ, потомъ Мерсина, изъ которой мы взяли 25 «мѣстъ»: частію ковры сосѣдняго ей городка Тарсуса, частію хлопокъ. Осенью и зимою Мерсина даетъ пароходу отъ 200 до 1,000 мѣстъ, на обратномъ пути парохода въ Смирну. Это очень важный торговый пунктъ, къ сожалѣнію нездоровый. Лихорадки останавливаютъ распространеніе городка, который никакъ не переходитъ за 20—30 домиковъ, и то самыхъ мизерныхъ. Но сильно кипитъ жизнь вокругъ этихъ домиковъ, на грязной и сорной площадкѣ, составляющей центръ торговли. Бухта Мерсины также представляетъ неудобства по своему открытому положенію: при южномъ вѣтрѣ пароходы не могутъ держаться здѣсь на якорѣ, а должны уходить.

Вблизи Мерсины виднѣется множество развалинъ, изъ которыхъ самыя замѣчательныя—древній Помпейополисъ, въ получасѣ на лѣво, по берегу, когда-то многолюдный городъ, съ театромъ и циркомъ.

Послѣ Мерсины останавливаются въ Александреттѣ, куда мы прибыли въ ночь на 30-е апрѣля. Здѣсь также свирѣпствуютъ лихорадки, и еще въ большемъ размѣрѣ, нежели въ Мерсинѣ, и не даютъ распространяться городу, не смотря на его торговыя приманки и великолѣпную бухту, въ которой стоять удобно и пріятно, если только не дуетъ бора съ Каурдага, лѣсистой горы, находящейся позади городка и довольно высокой. Это, безъ сомнѣнія, лучшая бухта всей Малой Азіи, Сиріи и Палестины. Она имѣетъ въ длину 50 миль. Бора, о которой я упомянулъ, бываетъ здѣсь до крайности рѣдко, единственно въ зимніе мѣсяцы. Гора Каурдагъ или Гяурдагъ (гора невѣрныхъ) замѣчательна не столько своей борой, сколько присутствіемъ въ ней особеннаго разбойничьяго племени, которое дѣлаетъ недоступными эти прекрасные холмы и ущелья, полныя всякой дичи. Кто бывалъ въ Александреттѣ, тотъ косился не разъ на эти живописные уступы и чертилъ въ своемъ воображеніи разныя разбойничьи картины, замѣчая по вечерамъ разложенные тамъ и сямъ огоньки. Иной огонекъ въ трехъ шагахъ отъ города, а нельзя къ нему прогуляться. Разбойники Каурдага — Туркоманны мусульманскаго исповѣданія, но есть между ними особая идолопоклонническая секта, совершенно другаго племени и типа. Всѣ эти молодцы живутъ съ давнихъ поръ однимъ грабежемъ, и если некого грабить на дорогѣ, то грабятъ другъ друга, будучи раздѣлены на небольшія шайки, подъ начальствомъ разныхъ атамановъ. У нихъ нѣтъ никакихъ жилищъ, кромѣ кустовъ и пещеръ, или самыхъ жалкихъ мазанокъ изъ камня и камышу. Эти мазанки такъ малы, что въ нихъ входятъ согнувшись, а потомъ надо лѣзть, поджавши ноги. Собраніе подобныхъ конурокъ, а также пещеръ и кустовъ, приноровленныхъ къ обитанію человѣка, называется

деревней. Такихъ деревень въ горѣ довольно много, а живущихъ въ нихъ разбойниковъ, по слухамъ, до восьми тысячъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года, американскій миссіонеръ Коффингъ отправился изъ Адана въ Алеппъ, черезъ Александретту, въ сопровожденіи заптія, человѣка и трехъ мукревъ (*). Всѣхъ было шестеро. 25 марта путники находились въ часѣ ѣзды отъ Александретты, какъ вдругъ изъ кустовъ раздались выстрѣлы, и Коффингъ съ его лакеемъ упали, пробитые пулями. Кромѣ того раненъ былъ одинъ мукръ, а заптія ускакалъ и далъ знать объ этомъ происшествіи американскому вице-консулу въ Александреттѣ, г. Леви, который въ то же время агентъ нашего пароходства. Коффингъ былъ перенесенъ немедля въ его домъ и жилъ только шесть часовъ. Леви показывалъ мнѣ сохранившіеся до сихъ поръ слѣды крови на его полу, куда арабы первоначально положили раненнаго.

Эта исторія подняла на ноги американскаго консула въ Бейрутѣ, г. Джонсона, о которомъ я упоминалъ много разъ въ прошлогоднихъ моихъ письмахъ съ востока. Это одинъ изъ ближайшихъ моихъ знакомыхъ въ Бейрутѣ. Я нашелъ его у Леви — и они вдвоемъ разсказали мнѣ то, что я передаю теперь вамъ, прибавя кое-что изъ послѣдующихъ слуховъ. Джонсонъ ѣздилъ въ горы съ однимъ изъ Паясскихъ (**) пашей и съ небольшимъ отрядомъ башибузуковъ. Имена убійцъ въ то время были уже извѣстны. Одного звали *Кошлу-Оглу-Ахметъ*, а другаго-*Эндремли-Османъ-Гевдэ-Оглу-Келиль*. Предполагалось убѣдить атамана той шайки, при которой они состояли, нѣкоего *Али-Бекеръ-Оглу*, выдать ихъ головою. Джонсонъ ѣхалъ верхомъ, между кустами, по страшному бездорожью. Башибузуки, провожавшіе его, сильно трусили и хватались за оружіе при всякомъ шорохѣ. На пути не было никакихъ жилищъ. Кое-гдѣ, подъ кустами лежали какіе-то страшные видомъ оборванцы, вооруженные винтовками. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ, въ лѣсу, Джонсону сказали, что Бекеръ-Оглу явится съ поклономъ. Былъ разостланъ коверъ на полянѣ, подъ деревьями. Бекеръ-Оглу скоро показался изъ-за кустовъ, окруженный свитой человѣкъ въ 200. Всѣ они смотрѣли отъявленными разбойниками и были вооружены съ головы до ногъ. Атаманъ поклонился пашѣ, коснувшись рукой его ногъ, и потомъ сталъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Паша предложилъ ему сѣсть на коверъ, Бекеръ-Оглу опустился на колѣни и затѣмъ пошли переговоры. Атаманъ обѣщалъ уладить все, поймать разбойниковъ и представить, но увѣ-

---

(*) Арабы, смотрящіе дорогой за ослами и лошадьми, и въ то же время хозяева этихъ лошадей и ословъ.

(**) Паясъ—ближайшій городъ къ Александреттѣ, гдѣ можно взять войска.

рилъ, что этого сдѣлать скоро невозможно, что эти люди бродятъ въ горахъ, въ неприступныхъ ущельяхъ... а они стояли у него за плечами!

Дѣло заключалось въ томъ, что паша былъ самъ туркоманъ и покровительствовалъ разбойникамъ. Джонсонъ понялъ, что такимъ образомъ никогда не кончишь, и уѣхалъ въ Бейрутъ вмѣстѣ со мною.

Трудно найти краски для передачи такихъ вещей, какъ прибытіе въ далекій городъ, который знаешь вдоль и поперегъ, въ которомъ оставилъ кучу воспоминаній и близкихъ друзей, — прибытіе въ городъ, о которомъ забылъ и думать, куда занесла опять какая-то не легкая или очень легкая. Я мечталъ, еще въ Москвѣ: лишь только высажусь въ Бейрутѣ, бѣжать къ дому одного пріятеля и стукнуть въ двери, какъ я стучалъ годъ тому назадъ почти всякое утро. Представьте: такъ и случилось, раздалось «entrez!» Знакомый голосъ уже рисовалъ мнѣ знакомыя черты...

Конечно, подобныя странствованія и внезапныя появленія передъ пріятелями, которые за мѣсяцъ были отдѣлены отъ васъ чуть не сотней тысячъ верстъ, не приведутъ ни къ какому выигрышу въ жизни, но вѣдь согласитесь, все-таки стоитъ же чего нибудь такъ быстро и незадумываясь сократить страшное разстояніе между собою и тѣми, кого любишь, кто заброшенъ разными судьбами на край свѣта! Вѣдь стоитъ же чего нибудь этотъ мигъ, когда явишься передъ такимъ пріятелемъ и протянешь ему руку!

Я нашелъ его въ гетрахъ и съ хлыстикомъ.

— Куда вы?

— Что тутъ спрашивать, куда? Ѣдемъ вмѣстѣ, вотъ и весь сказъ!

Позванному кавасу велѣно было позаботиться о прінсканіи мнѣ лошади. Я могу съ пріятностію упомянуть, что и кавасы консульства были мнѣ рады, какъ родному. Вообще, едва ли существовалъ на свѣтѣ русскій путешественникъ, жившій со своимъ консульствомъ въ такихъ ладахъ, какъ я въ Бейрутѣ. Даже индѣйскіе пѣтухи, съ которыми человѣкъ консула, Иванъ, принялъ недавно методу разговаривать по-арабски, чтобы они лучше его понимали, и тѣ, сколько мнѣ показалось, меня узнали.

Лошадь нашли мнѣ отмѣнную, рыженькой масти, которая принадлежитъ лучшимъ арабскимъ конямъ. Выѣхавъ со двора и поднявшись на одинъ бугоръ, я отъискалъ глазами тотъ домикъ и тѣ зензеліи, которыя вы уже знаете, если прочли мой небольшой разсказъ «10 дней въ Каифѣ». Въ окошкѣ хлопалъ ставень... Боже мой, сколько затрогивающихъ, грустныхъ и пріятныхъ сновъ! У меня строится въ воображеніи цѣлая повѣсть. Если судьбы будутъ носить

меня такъ, что я найду возможность предать все это бумагѣ, вы узнаете объ этомъ домикѣ гораздо подробнѣе,.. а теперь — поѣдемъ!

Мы отправились на такъ называемую Собачью-Рѣчку, по-арабски «Нàхырь-эль-Кельбъ», гдѣ общій нашъ пріятель давалъ пикникъ всей русской компаніи.

Бѣда эти прогулки въ восточныхъ городахъ. Надо ожидать впереди сверхъестественныхъ удовольствій, чтобы не проклясть жизнь на первой же улицѣ. Вы ползете шагъ за шагомъ, среди какихъ-то головоломныхъ, скалистыхъ ухабовъ и грязи, и удивляетесь сну и лѣни восточнаго человѣка, который, въ продолженіи вѣковъ, удовлетворялся такими бѣдственными сообщеніями и не двинулъ на общую пользу ни одного крохотнаго камушка! А ужъ если лежалъ камень на дорогѣ, такъ и лежалъ онъ тутъ тысячи лѣтъ, и восточный ядрилло, какъ называетъ всѣхъ этихъ недопеченыхъ чудаковъ одинъ мой пріятель, шагалъ черезъ этотъ камень и лѣнился даже поворотить языкъ, чтобы выругать проклятую дорогу, которую собственно очень хотѣлось выругать. И такъ будутъ шагать черезъ этотъ камень билліоны восточныхъ поколѣній, пока не придетъ западный человѣкъ, и не прикажетъ тутъ быть настоящей, человѣческой дорогѣ. На Ливанѣ, отъ Бейрута къ Дамаску, уже приказано — и бысть. И та же здоровая скотина—арабъ, метуали, друзъ или турокъ, сидитъ и бьетъ молоткомъ камни для затѣяннаго европейцами въ его владѣніяхъ макъ-адама, а потомъ залѣзаетъ въ карету и катитъ надъ пропастями, скаля отъ радости и удивленія свои яркіе зубы.

А забрось западный человѣкъ эту новую, благоустроенную дорогу — и востокъ опять обратитъ ее въ ливанскіе ухабы. Шелъ верблюдъ и сронилъ съ себя бревно или что-нибудь, и пошло лежать это бревно или что-нибудь, дондеже вострубитъ труба... и вотъ нагромоздятся такихъ случайныхъ препятствій цѣлыя горы!... Однажды я наблюдалъ въ Бейрутѣ за упавшимъ съ верблюда камнемъ: онъ легъ какъ разъ посреди воротъ, подъ аркой, гдѣ ходило постоянно множество народу. Какъ вы думаете: всѣ стали его обходить и никто не тронулъ, и такъ онъ пролежалъ *цѣлыя двѣ недѣли*, хоть стоило только слегка толкнуть его ногой, чтобы откатить въ сторону,

Нѣтъ, хороши собственно лишь однѣ восточныя сказки, эта яркая и живая городьба разозженной фантазіи, а на дѣлѣ, красиваго, чистаго и порядочнаго востока отъ роду не бывало; на дѣлѣ, подлѣ мраморнаго фонтана какого нибудь паши или эмира вѣчно висѣло грязное полотенце. Живописный издали городъ—вблизи смотрѣлъ болотомъ. Объ шелковую драпировку оконъ хозяева вытирали руки, поѣвши пи-

лава. На дѣлѣ, весь востокъ отъ Крыма до Гибралтара, спалъ и спитъ не раздѣваясь... Чего стóитъ одно это!

Нѣтъ, безнадеженъ ты, неизлечимо лѣнивъ и грязенъ, грустный, жалкій, гнусный востокъ, какъ тебя ни переворачивай... Вотъ, одинъ богатый ядрило построилъ великолѣпный домъ на чрезвычайно-красивомъ мѣстѣ. Какъ вы думаете, что его къ этому подвинуло? Одно тщеславіе: поспорилъ съ пріятелемъ, у котораго былъ изрядный домъ, что вотъ будетъ же и у меня такой домъ, да еще «получше»! И точно явился домъ, чудо Бейрута, но хозяинъ никакъ не осмѣливается переѣхать въ него изъ своей прежней конурки, съ которою свыкся и которой грязь ему такъ знакома и любезна. Онъ чувствуетъ, что ему будетъ жутко и неловко въ новомъ домѣ, ужь черезъ-чуръ похожемъ на европейскій. Онъ еще не дошелъ, не допекся до такого дома. И стоитъ домъ пустой вплоть до пріѣзда коммиссаровъ. Занялъ его одинъ изъ коммиссаровъ, а когда коммиссія убралась, домъ снова опустѣлъ и безсмысленно глядитъ со своего красиваго холма, ожидая новой катастрофы въ горахъ, чтобы пожить настоящей жизнью, наполниться европейскими гостями, заблистать огнемъ и дрогнуть подъ звуки бальной музыки и танцевъ...

Я смотрѣлъ на многіе подобные чертоги арабскихъ бояръ Бейрута, тонулъ въ лужахъ, взбирался на скалы—на скалы посреди улицъ!—но нельзя сказать, чтобы слишкомъ сердился. Многое, очень многое прощалось этимъ чудакамъ единственно потому, что мнѣ было весело. Выѣхавъ изъ послѣднихъ, чисто-бѣдственныхъ улицъ, мы пустились вскачь берегомъ моря, по гладкому песку, на который набѣгали волны, шипя и замирая.

Вдали живописный Ливанъ образуетъ огромный языкъ, вдающійся въ море. А оно лежитъ сѣрой равниной, Богъ знаетъ, на какое пространство. Индѣ мелькаютъ паруса... Горы близятся, близятся— и вотъ кончились пески и пошли скалы. Опять невѣроятная дорога! Только все-таки очень красиво. Справа—сѣрые уступы, съ какими-то древними чертежами и изображеніями. Изъ одной трещины, высоко, свѣсился лавръ. Ползутъ колючія растенія съ листьями, похожими на шкуру леопарда; подальше — цвѣты, какъ пестрые брызги разныхъ красокъ, осыпавшіе гранитъ... прелесть! А слѣва обрывъ и видно море, далеко, далеко! Волны ползутъ на источенныя ими зеленоватые камни, похожіе на губку. Въ одномъ мѣстѣ изъ-подъ воды выглядываетъ *Кельбъ*, скала, напоминающая видомъ «Собаку», отчего и рѣчка, бѣгущая вблизи оттуда вправо, называется «Собачьей», *Нахыръ-эль-Кельбъ*.

Какіе утесы, какая глубь! Страшно! Лошади дрожатъ, переступая съ камня на камень, какъ будто щупаютъ копытомъ: можно, или

нѣтъ опереться въ этомъ мѣстѣ? Кавасъ, ѣхавшій впереди, слѣзъ; мы съ пріятелемъ послѣдовали его примѣру. Рѣчка текла уже въ виду, подъ нашими ногами. На той сторонѣ стояла кофейня особаго, восточнаго устройства: это были сквозныя арки, съ лежащимъ на нихъ потолкомъ, и рядомъ съ ними тростниковый навѣсъ, увитый виноградомъ. Мы увидали столъ, уставленный графинами и тарелками, и вокругъ него нѣсколько человѣкъ народу. Было замѣтно, что въ насъ вглядываются. Я никогда не забуду этого момента, какъ я спускался, разсматривая лица моихъ друзей, столпившихся тамъ, за рѣкою, какъ сѣлъ потомъ на лошадь, чтобы перебрести рѣку, и какъ наконецъ ѣхалъ по рѣкѣ, исполненный самаго пріятнаго волненія, а разстояніе все уменьшалось и уменьшалось...

Я былъ признанъ—мною только тогда, когда уже слѣзъ съ лошади и подошелъ почти къ самому столу: такъ мало меня ожидали. Пикникъ, разумѣется, мелькнулъ незамѣтно. Рѣчка шумѣла, быстрая, славная рѣчка. Вдали чертились древнія римскія арки, обросшія травою, по которой сочилась вода, играя на солнцѣ. Горы уходили подъ облака и гдѣ-то высоко сидѣла какъ грибъ отдѣльная, красивая сосенка; пестрые всадники, въ кефіяхъ и фескахъ, съ пиками за плечами, пробирались по скаламъ на той сторонѣ и обернули къ намъ головы, услышавъ странныя, незнакомыя этимъ утесамъ пѣсни...

Незамѣтно надвинулся вечеръ. Мы поѣхали въ Бейрутъ веселой, гармонической группой. Какъ хорошо все спѣвшееся, гдѣ всѣ тоны идутъ въ ладъ и составляютъ пріятный аккордъ. Тамъ, гдѣ мы слѣзали съ кавасомъ, уже никому не пришло въ голову заняться соображеніемъ опасности... Солнце уходило въ волны и красиво, золотомъ и радугами, играла иногда брызнувшая изъ-подъ копытъ волна, когда мы поѣхали берегомъ, кидая на песокъ длинныя тѣни.

Вотъ эти грязныя и несносныя во всѣхъ отношеніяхъ переулки. Но они какъ будто перестали быть грязны. Такъ все зависитъ отъ настроенія, отъ минуты, въ какую смотришь на вещи... ничего не видно, кромѣ сплетенія какихъ-то поэтическихъ растеній, какихъ-то розовыхъ и зеленыхъ усовъ, усѣянныхъ мелкими цвѣтами. Какъ хороши эти прямыя стволы пальмъ, распустившіе въ воздухъ вѣера своей оригинальной зелени, точно хвостъ павлина, и эти нарядные сучки сикоморовъ, густыхъ и темныхъ, какъ ночь. Какой-то турка вышелъ на дорогу и смотритъ, попыхивая трубкой: и онъ красивъ, и онъ тутъ кстати—этотъ пестрый, живописный турка, въ шароварахъ шире средиземнаго моря и въ цвѣтистой, шелковой чалмѣ. Какъ онъ идетъ къ этимъ пальмамъ и кактусамъ и къ этимъ зеленымъ усамъ мудреныхъ растеній, перепутанныхъ какъ сѣти. Какъ тутъ страненъ былъ бы человѣкъ въ узкихъ панталонахъ и фракѣ, обтя-

вунцемъ таліо,—среди этой всеобщей распущенности и широты размѣровъ, этого моря безъ границъ и дикаго Ливана, который, надвинулся сзади какъ необъятная туча.... Какъ чудны должны быть и мы, тонкіе, какъ стрекозы, на нашихъ англійскихъ сѣдлахъ, навязывающіе востоку свои привычки и понятія, своихъ коммиссаровъ, французскій языкъ и кринолины!... Ночь спускается больше и больше. Темными рогульками лѣзутъ и громоздятся кактусы. Гдѣ-то кричитъ оселъ... Луши... Камни и верблюды... Я заснулъ очень пріятно.

Проснувшись на другой день, я размышлялъ о томъ, какъ это странно однако навязывать цѣлой огромной странѣ то, чего она совсѣмъ не хочетъ. Какой уморительный деспотизмъ! Онъ еще уморительнѣе потому, что мы его не хотимъ въ себѣ замѣтить, и предъявляемъ въ этомъ случаѣ *законныя права.* И на какомъ основаніи? Развѣ вы мечтаете исправить восточные нравы? внести сюда порядокъ? облагодѣтельствовать здѣсь всѣхъ и все? Но если востокъ пятится отъ вашихъ благодѣяній; если онъ счастливъ и безъ васъ, положительно счастливъ?... Можетъ быть на лунѣ еще хуже порядки, такъ и строить туда дорогу и посылать коммиссаровъ?

Конечно, вы затѣяли дразнить друзовъ, я поджигаю маронитовъ, и когда они подерутся, то необходимо идти дальше, то есть ихъ примирять, подавать имъ разные совѣты, назначать *для* нихъ отцовъ-командировъ, а когда шалости перейдутъ обыкновенную черту и вы увидите, что зарѣзано не 40 человѣкъ, а 40 тысячъ, тогда, можетъ быть, дѣйствительно придется употребить тѣ мѣры, какія употреблены теперь Европой. Но вѣдь это надѣлали вы, и 40 тысячъ, безъ вашего вмѣшательства въ дѣла востока, иначъ бы не было зарѣзано. Это несомнѣнно.

А пріѣзды коммиссаровъ! Можетъ ли быть что нибудь этого страннѣе и комичнѣе? Что бы вы сказали, если бы вдругъ, по поводу объявленія нашимъ крестьянамъ эманципаціи, въ видахъ разбора этого дѣла и его послѣдствій, кто нибудь прислалъ къ намъ турку въ фескѣ, а не то въ чалмѣ, словомъ, какъ бываютъ турки, съ луной и звѣздой на пуговицахъ,—турку, не умѣющаго говорить по-русски, не смыслящаго ни аза въ глаза русскихъ нравовъ, даже отъ-роду не бывавшаго въ Россіи: что бы вы сказали и на сколько бы вы изумились? А не то же ли самое представляетъ *для* Сиріи пріѣздъ какого нибудь, можетъ быть и добрѣйшаго пруссака Рефуса, или австрійца Вегбекера? Не такіе ли же они *для* нея «турки?»

Это явленіе показало только необычайно жалкое и плачевное состояніе турецкой имперіи, которая была безсильна протестовать противъ подобнаго, уже слишкомъ рѣзкаго, вмѣшательства въ ея дѣла европейскихъ державъ, и все, что могла сдѣлать, послала въ Сирію

умнаго хитреца Фуада-пашу, снабдивъ его полномочіемъ вязать коммиссарамъ руки и путать все, на сколько будетъ можно. Онъ это и дѣлалъ съ большимъ искусствомъ. Коммиссары написали страшные томы, съ гору Ливанъ, покрывая свои дѣйствія глубокой тайной, въ надеждѣ, что все это потонетъ во мракѣ архивныхъ подваловъ, но откровенная Англія вывела почти все наружу, напечатавъ эссенцію коммиссарскихъ протоколовъ, съ разными комментаріями, въ извѣстной Blue-Book (*). Оказалось, что на бумагѣ, какимъ-то чудомъ и вслѣдствіе довольно сложныхъ и случайныхъ комбинацій, выиграли между прочимъ нѣсколько и *мы*. Нельзя при этомъ не упомянуть, что нашъ коммиссаръ былъ превосходный человѣкъ, работалъ въ высшей степени честно и умно... Я увѣренъ, что Новиковъ за свои бейрутскія муки пойдетъ непремѣнно въ рай, сколько бы ни нагрѣшилъ съ той минуты, какъ кончилъ свои засѣданія.

Однако никто и не воображалъ, что мы выиграемъ, хоть бы на бумагѣ, но случилось, что мы немного выиграли. Дѣло устроилось такъ, что одинъ изъ мудиратовъ (**) Ливана, преимущественно заселенный православными христіанами и имѣвшій доселѣ католическихъ и разныхъ другихъ правителей, получилъ *православнаго отца и командира*. Бѣда была только въ томъ, что выбрать этого мудира было не изъ кого: еще не подготовлено людей; тупица на тупицѣ, невѣжа на невѣжѣ! А кто чуть-чуть поумнѣе и посмышленѣе, тотъ въ душѣ сущій іезуитъ и католикъ, потому что воспитался въ іезуитской школѣ, которая относится къ православной, какъ московскій университетъ къ приходскому училищу Якутска.

Вотъ почему я долженъ сказать, что мы выиграли единственно на бумагѣ, ничего не выигравъ на дѣлѣ. Первый изъ православныхъ мудировъ, посаженный въ мудиратъ, о которомъ я упомянулъ выше, именно въ мудиратъ Куры, Эмиръ Хасанъ, оказался до такой степени безтолковымъ, что принужденъ былъ самъ бѣжать изъ горъ. Другой, Нофаль, правилъ очень не долго и передалъ власть своему дядѣ....

Англія ничего не выиграла на бумагѣ, а Франція положительно

(*) Когда въ парламентѣ разсуждается о какомъ нибудь дѣлѣ, напримѣръ, о послѣднихъ событіяхъ востока, то члены требуютъ печатную *записку*, составленную изъ донесеній агента, отправленнаго въ тотъ или другой пунктъ по этому дѣлу. Печатная записка, иногда значительный томъ, переплетается постоянно въ *синій* переплетъ, представляетъ *синюю книгу*: это-то и называется *Blue-Book*. Само собою разумѣется, что въ ней печатается *не все*, а только то, что нужно парламенту и что не можетъ компрометировать агента. Blue-Book разсылается въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ разныя вѣдомства и разнымъ лицамъ, но перепечатывать ее нельзя.

(**) Округовъ, имѣющихъ начальникомъ *мудира*, родъ городничаго.

проиграла, но опять-таки на бумагѣ, на листахъ газетъ и въ разглагольствіи толпы, между тѣмъ какъ, въ сущности, у Англіи и у Франціи здѣсь столько уже заложено (въ особенности у Франціи), что имъ никакимъ образомъ проиграть невозможно.

Собственно говоря; дѣло какъ было, такъ оно и есть. Нашъ выигрышъ, нашъ мудиратъ съ православнымъ мудиромъ, и еще кой-какія мелкія статейки и добытыя *на бумагѣ* привиллегіи для православныхъ арабовъ,—это такой вздоръ, о которомъ не стоитъ много распространяться.

Намъ остается утѣшать себя будущимъ. Вѣдь говорятъ же арабы, что рано или поздно *Асфаръ-Меликъ* (русый царь) покоритъ Сирію и Палестину. Это написано въ ихъ священныхъ книгахъ.... а русымъ царемъ тамошній востокъ считаетъ русскаго. Я еще буду писать на эту тему подробнѣе.

Что же касается *до благоустройства страны*, коммиссары, въ этомъ отношеніи, своимъ многотомнымъ писаньемъ не достигли ровно никакихъ результатовъ. Если стало, повидимому, тише, такъ это всегда такъ бывало и бываетъ въ природѣ: промчится вихорь, хватитъ дождикъ, а послѣ непремѣнно свѣтитъ по прежнему солнце, по прежнему тепло и сухо.... Вихри въ Сиріи всегда не далеко. Серьезные разбои Бахейтана въ началѣ прошлаго года очень просто подтверждаютъ мои слова. Я убѣжденъ, что пока Сирія сама по себѣ не придетъ къ равновѣсію своихъ международныхъ отношеній, и пока не улягутся въ ней сами собою всѣ разнообразныя и безобразныя стихіи, какими она напичкана, — европейскимъ коммиссарамъ тамъ нечего дѣлать. А уляжется она —

«.... по расчисленью,
Философическихъ таблицъ,
Лѣтъ чрезъ пятьсотъ....»

только никакъ не съ помощью коммиссаровъ. Они тутъ нисколько не помогутъ. Сирія страна еще сильно грубая и неотесанная, къ которой непримѣнимы европейскія утонченныя формы. Ей нужны до сихъ поръ Эмиръ-Беширы и Ибрагимъ-Паши, въ правленіе которыхъ *каждый день* отдѣлялось отъ правовѣрныхъ плечъ больше, чѣмъ по одной бритой башкѣ. Ибрагимъ-Паша столько извѣстенъ своею жестокостью, что объ ней можно и не распространяться; Эмиръ-Беширъ былъ также истинный артистъ «въ этомъ дѣлѣ», между тѣмъ ничья память такъ не чтится народомъ, какъ память этихъ правителей. Покамѣстъ Даудъ-паша (теперешній правитель Ливана) велъ себя по европейски, никто и не зналъ, что у нихъ есть какой-то паша. Деревнишка Эденъ даже просто запросто объявила, что не будетъ ему повино-

ваться, а какъ Даудъ-паша повѣсилъ штукъ десятокъ разныхъ молодцовъ у себя передъ окнами, всѣ заговорили разомъ: «ну вотъ это паша, какъ паша, правитель, значитъ, настоящій». Когда я былъ въ Дамаскѣ, мѣсяцъ тому назадъ, тамъ были воткнуты на Сералѣ Сераскира головы двухъ разбойниковъ. Что бы сказалъ, напримѣръ, Берлинъ, увидѣвъ на домѣ своего генералъ-губернатора или оберъ-полиціймейстера чью-либо голову? А Дамаскъ не говоритъ ровно ничего и ходитъ по улицамъ совершенно спокойно; Дамаску и Сиріи нужны покамѣстъ все-таки турки, а вы посылаете нѣмцевъ и французовъ....

Во вторникъ 6 мая (1862), въ 5 часу по полудни, происходилъ въѣздъ принца Вельскаго въ Бейрутъ. Онъ ѣхалъ изъ Дамаска, а потому весь городъ собрался на дамасскую дорогу, разсѣлся по кофейнямъ, садамъ и крышамъ домовъ. Тутъ можно было видѣть всѣхъ нескладныхъ бейрутскихъ дамъ арабскаго происхожденія, въ бѣлыхъ покрывалахъ, которыя мы привыкли называть чадрами, но которыя по-арабски называются *изаръ*,—дамъ, крѣпко набѣленныхъ и насурмленныхъ; онѣ болтали и разглядывали проходящихъ. Такой торжественный случай, какъ пріѣздъ принца, могъ измѣнить все, и потому ихъ лица, въ противность обыкновенію, были совершенно открыты. Мужчины, сидя отдѣльными кучками, болтали и курили наргилѐ. Вообще тутъ можно было видѣть весь Бейрутъ. Съ какого часу забралось все это разнообразное населеніе на крыши домовъ и кофеенъ, рѣшить трудно. Я увидѣлъ ихъ уже въ полномъ сборѣ, отправясь въ 3 часа послѣ того, какъ получилъ точныя свѣдѣнія, что принцъ находится въ часѣ отъ города, въ селеніи Шайясъ. Но и тутъ пришлось ждать очень долго. Я устроился вблизи палатки, приготовленной для принца у «Сосенъ», гдѣ былъ нѣкогда Зуавскій театръ. Въ палаткѣ толклось нѣсколько турецкихъ офицеровъ, изъ которыхъ одни были заняты приведеніемъ въ порядокъ съѣдобной части: шербетовъ, чаевъ и кофеевъ для принца, другіе обращали вниманіе на солдатъ, державшихъ почетный караулъ подлѣ палатки, и заставляли ихъ поминутно выкидывать извѣстнаго рода артикулъ. Вообще происходила страшная суета и бѣготня, какъ въ палаткѣ, такъ и около палатки. Восточный человѣкъ не можетъ обойтись въ подобныхъ случаяхъ безъ суеты и бѣготни, какъ ужъ тамъ хотите. Были офицеры, которые безпокоились прогулкою праздныхъ арабовъ по дорогѣ и очень часто травили ихъ солдатами. Я былъ свидѣтелемъ сценъ, весьма подобныхъ тѣмъ, какія бываютъ у нашихъ театровъ и собраній, гдѣ жандармы, съ особенной любовью и артистическимъ увлеченіемъ, припускаются за извощиками. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки, въ сторону, противоположную городу, были выстроены

войска съ музыкой. У одного солдата вдругъ оказалось ружье безъ штыка. Въ турецчинѣ впрочемъ это не бѣда: солдатъ выскочилъ произвольно изъ рядовъ, побѣгалъ кругомъ и наконецъ выпросилъ штыкъ у какого-то отдѣльно стоящаго солдата, заткнулъ въ ружье и снова пристроился къ войскамъ. Произшествіе было такого роду, что его никто изъ начальствующихъ и не замѣтилъ.

Нѣсколько европейцевъ прибыло верхомъ. Экипажей не было вовсе, исключая кареты, въ которой пріѣхали жены Кабули-Эффенди, замѣнившаго здѣсь, какъ вы уже знаете, Фуада-пашу. Кромѣ того, двѣ прелести скакали подлѣ, верхомъ. Одна изъ нихъ была дѣвочка лѣтъ десяти, одѣтая, для бо̀льшаго задору, мальчикомъ: въ бѣломъ пальто и фуражкѣ. Свѣтлые, роскошные локоны падали по плечамъ. Эту дѣвочку Кабули-Эффенди рядитъ иногда зуавомъ....

Наконецъ вдали замѣтили движеніе какого-то каравана: это былъ принцъ, сопровождаемый эскортомъ турецкихъ уланъ. Все заволновалось. Многіе нетерпѣливые арабы, лучше сказать, почти всѣ, бросились какъ бараны въ ту сторону, откуда ѣхалъ принцъ. Музыка заиграла.

Принцъ ѣхалъ окруженный разными почетными англичанами и турками. По правую руку у него былъ Ахметъ-паша, генералъ-губернаторъ Бейрута, во всѣхъ своихъ регаліяхъ. По лѣвую—Кабули-Эффенди съ однимъ орденомъ на шеѣ. Какъ человѣкъ болѣе европейскій, чѣмъ истый турокъ Ахметъ-паша, Кабули-Эффенди не чувствуетъ чрезмѣрнаго увлеченія къ орденамъ.... при томъ было объявлено, что принцъ въѣзжаетъ инкогнито, а потому всѣ военные приглашались быть въ полуформѣ, безъ эполетъ. Но Ахметъ паша не выдержалъ. Самъ принцъ былъ въ сѣромъ, дорожномъ пальто, въ жолтомъ нижнемъ платьѣ и такихъ же гетрахъ. Пальто было опоясано широкимъ шелковымъ кушакомъ, какъ это дѣлаютъ многіе европейцы на востокѣ. Сверхъ всего былъ бѣлый арабскій плащъ, или бурнусъ. На головѣ сѣрая шляпа съ бѣлой повязкой, какую носятъ здѣсь всѣ отъ солнца. На рукахъ сѣрые лайковые перчатки. Конь принца былъ сѣрый, спокойный, осѣдланный простымъ англійскимъ сѣдломъ, гдѣ кабуры замѣнялись удобными дорожными мѣшками, чѣмъ-то плотно набитыми. Принцъ безпрестанно кланялся народу, слегка приподнимая шляпу. Я хорошо разсмотрѣлъ его лицо: это былъ пріятный юноша, съ открытой физіономіей, еще безъ малѣйшаго пуху на усахъ и бородѣ. Сѣрые глаза его смотрѣли мягко и ласково. Въ движеніяхъ замѣтна была развязность и грація высшаго круга. Сойдя съ сѣдла, онъ направился къ палаткѣ и, вступивъ въ нее, пріостановился и нѣсколько минутъ глядѣлъ на народъ. Я подумалъ: какъ простъ, какъ изященъ этотъ избранный юноша, этотъ

будущій король Англіи! Потомъ онъ сѣлъ, имѣя по правую руку Ахмета-пашу, а по лѣвую Кабули-Эффенди. Напротивъ его и сбоку расположилось нѣсколько англичанъ. Всѣ были въ сѣрыхъ пальто и шляпахъ, которыхъ не снимали. Только у одного былъ на головѣ какой-то странный шлемъ.

Принцъ говорилъ съ Кабули-Эффенди, потому что Ахметъ-паша не знаетъ европейскихъ языковъ. Подали шербетъ, чай, и затѣмъ пригласили принца на ту сторону палатки, откуда было видно песчаную площадь, служившую нѣкогда французамъ мѣстомъ для лагеря. Тутъ стали носиться какіе-то арабскіе джигиты съ пиками и винтовками, гонялись другъ за другомъ, цѣлились изъ винтовокъ, бросали и ловили пики; все это было до крайности однообразно и незанимательно. Одинъ арабъ шлепнулся съ лошадью и сломалъ пику. Такая пошлая джигитовка, правильнѣе сказать, загониванье до полусмерти лошадей по песку, продолжалась часъ. Подали апельсины, еще что-то такое.... потомъ принцъ всталъ и отправился въ городъ, также верхомъ. Музыка, дудѣвшая подлѣ палатки разныя разности изъ европейскихъ оперъ, двинулась слѣдомъ. При въѣздѣ принца въ городъ грянули залпы съ англійскихъ кораблей. Французы выкинули флагъ, но не стрѣляли, вслѣдствіе, какъ говорятъ, «особой формы» извѣщенія о прибытіи принца. Но на другой день раздались и французскіе залпы. Одинъ здѣшній поэтъ и вмѣстѣ издатель арабской газеты, Халиль-Хури, поднесъ принцу арабскіе стихи, которые я перевожу вамъ слово въ слово, какъ образецъ восточной городьбы и лести.

АНГЛІЯ.

АРАБСКІЕ СТИХИ, ПОДНЕСЕННЫЕ ЕГО КОРОЛЕВСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ПРИНЦУ ВЕЛЬСКОМУ (*).

Какія чудеса представляются взору того, кто созерцаетъ сіе великолѣпное зрѣлище — Англію!

Ту землю, на которую Создатель излилъ щедроты своего могущества!

Націю, составляющую гордость міра!

«Богъ и мое право» — вотъ опора, вотъ тайна столькихъ чудесъ!

Міръ приноситъ ей дань своего повиновенія и ея знамя управляетъ судьбами пятой части вселенной.

(*) Такой титулъ данъ стихамъ самимъ поэтомъ. Стихи были потомъ напечатаны въ нѣсколькихъ экземплярахъ и ходили по городу.

Единственная, она возсѣдаетъ на подвигахъ величія.

И свобода нашла у нея вѣрное прибѣжище и неколебимую защиту.

Она разсыпаетъ щедрою рукою безопасность и справедливость тѣмъ, кто имѣетъ счастіе коснуться ея благословенной почвы.

И міръ изумляется такому величію, соединенному съ такою мудростью!!

Можно ли измѣрить, друзья, ея производительное могущество иначе, какъ не взявъ единицею цѣлый міръ?

И можно ли составить понятіе о количествѣ ея промысловъ и о центрахъ ея дѣятельности, когда они безчисленны?

На ея горизонтѣ блистаетъ свѣточъ цивилизаціи, который озаряетъ міръ благодѣяніями.

И моря, которыхъ она безспорная владычица, несутъ ей дань своихъ богатствъ.

А ея плавающія грады устрашаютъ всѣ материки;

Сіи крѣпкіе замки, носящіеся по волнамъ, дабы утвердить повсюду порядокъ и внушить страхъ нечестивымъ!

При громѣ ихъ гнѣвныхъ молній скажешь, что это глаголъ судебъ!

Великодушная нація, что блеститъ, какъ звѣзда на горизонтѣ величія, — она не страшится ничего въ мірѣ, хотя бы всѣ державы вооружились противъ нея вмѣстѣ!

Тамъ, куда направлены ея желанія, чаша вѣсовъ тянетъ на ея сторону; счастіе и миръ воцаряется, куда она броситъ свой взглядъ.

Къ ней, точно къ центру вселенной, обращены взоры народовъ, чтобы ее прославлять, надѣяться или трепетать.

Взгляни на обширныя царства Индіи, кои блаженствуютъ въ мирѣ послѣ роковыхъ волненій!

Послѣ столькихъ слезъ скипетръ ея могущества простертъ надъ сими областями, дабы укрѣпить и возвысить счастіе и благіе труды націй.

Стремительный ураганъ пронесся по этимъ пространнымъ землямъ, но правосудіе сдѣлало свое дѣло.

Спокойствіе не замедлило наступить, подобно ясному утру послѣ грозы.

На мгновеніе варвары надѣялись торжествовать, но индійскій титанъ тутъ же былъ раздавленъ британскимъ львомъ.

О дни благополучные, когда цѣлыя арміи пали подъ ярмо повиновенія!

О подвиги незабвенные, коихъ память останется навсегда напе-

чатлѣнной въ сердцахъ людей, какъ монументъ, изумляющій величіемъ послѣдствій!

Передъ горстью храбрыхъ склонились безчисленные народы:

Какое еще доказательство доблести и правосудія вмѣстѣ!

И какъ не признать послѣ этого великодушія августѣйшей царицы, коей народы (предметъ ея постоянныхъ попеченій) ликуютъ въ тишинѣ благодѣяній ея премудрости?

Подобно солнцу, она ліетъ съ высоты своего величественнаго трона и щедроты, и великолѣпіе.

Благородная повелительница, которой удѣлъ — доблесть!

Ея рѣшенія суть выраженіе мудрости самой глубокой.

Вотъ наслѣдникъ и представитель ея знаменитой династіи, прибывшій насъ посѣтить!

Благородный и славный принцъ Вельскій, достойный высокаго назначенія, указаннаго ему провидѣніемъ!

Принцъ, который полагается во всемъ на промыслъ божій, дабы устроить счастіе міра.

Принцъ, одаренный счастіемъ, предметъ упованій нашего вѣка, благородный и великодушный государь, твое прибытіе возвратило насъ къ жизни и счастію.

Бейрутъ, пораженный честію, которую ты ему дѣлаешь, не можетъ удержаться отъ кликовъ радости.

И Ливанъ, отецъ страны, взглянувъ на тебя, сулитъ спокойныя дни, и морщины его несчастій замѣняются выраженіемъ тишины и веселія.

Вѣчные снѣга его вершинъ царствуютъ надъ облаками, сіяютъ и величаются подъ короной перловъ.

И кедры воздаютъ тебѣ благодарность за честь, коей они стали предметомъ.

Они передадутъ будущимъ вѣкамъ ту славу, которою тебѣ обязаны, подобно тому, какъ передали намъ славу Соломона.

Нѣтъ средствъ не перевести духъ послѣ такой чепухи, растянутой на столькихъ страницахъ.... Пребываніе принца въ Бейрутѣ не ознаменовалось ничѣмъ особеннымъ. Народъ говорилъ: что это за принцъ въ сѣромъ сюртукѣ! Паши были не совсѣмъ довольны умѣренными подарками принца. То же говорили въ Дамаскѣ и потомъ въ Константинополѣ. Хауранскіе (*) друзы ожидали принца къ себѣ

(*) *Хауранъ* — плодоносная область за Дамаскомъ, куда скрылись мятежные начальники друзовъ: Измаилъ-Атрашъ, Книжъ-эль-Амадъ, Атарбей и др.

въ гости и хотѣли выслать для него огромный эскортъ, но онъ не поѣхалъ. Нѣкоторые объясняли это боязнію черезъ-чуръ истратиться на бакшиши такому эскорту. Здѣсь ходили слухи, что въ Константинополѣ принцъ просилъ познакомить его съ той «знаменитой» госпожей Новиковой (женой нашего коммиссара), которая была предметомъ поклоненія всего Бейрута и чуть не цѣлой Сиріи—съ этой милой и очаровательной дамой, истиннымъ свѣтиломъ всѣхъ европейскихъ баловъ лучшаго бейрутскаго круга. Онъ былъ представленъ ей на обѣдѣ англійскаго посланника и точно также очаровался, какъ мы и Ливанъ.

Коммиссія кончилась. По прибытіи моемъ въ этотъ разъ на востокъ, я уже чувствовалъ, что она испускаетъ послѣдніе вздохи.

IV.

Отъѣздъ въ Дамаскъ. — Кавасъ Мухаммедъ-Ага и его пика. — Ханъ-Бахмутъ.—Первые слухи о разбойникахъ. — Долина Бка.—Деревня Маржъ и новые толки о разбойникахъ. — Антиливанъ. — Адъютантъ Ресуль-аги. —Деревня Динасъ. — Разсказы о разбойникахъ начинаютъ надоѣдать.

Въ числѣ моихъ сирійскихъ знакомыхъ я встрѣтилъ въ Бейрутѣ нашего дамасскаго консула, который пріѣзжалъ туда по дѣламъ и вскорѣ долженъ былъ отправиться опять къ своему посту, въ Дамаскъ. Мнѣ самому хотѣлось побывать еще разъ въ любопытномъ городѣ Халифовъ, но я не рѣшался ѣхать одинъ, потому что дороги были не совсѣмъ спокойны. Безпрестанно говорили о появлявшихся въ горахъ тамъ и сямъ разбойничьихъ шайкахъ, чаще всего подъ предводительствомъ извѣстнаго бедуинскаго шейха, Бахейтама. Поѣздка съ консуломъ представляла менѣе опасности. Долго объясняться объ этомъ было нечего. Я уложилъ мой походный чемоданчикъ и велѣлъ нанять лошадь, когда день нашего отъѣзда совершенно опредѣлился.

Чтобы двинуться въ походъ какъ можно раньше и не задержать другъ друга сборами въ разныхъ углахъ Бейрута, мы легли спать вмѣстѣ, на одной квартирѣ. Часу въ пятомъ утра, 13 марта, я услышалъ побрякиванье колокольчиковъ и какую-то возню, соединенную съ бурчаньемъ басистыхъ мужскихъ голосовъ, которые на зарѣ бываютъ, какъ извѣстно, басистѣе и сердитѣе, чѣмъ середи дня. Это были мухры, улаживавшіе наши чемоданы. Въ воздухѣ носились уже тѣ странные міазмы тоски не тоски, а того особеннаго, довольно нелѣпаго и безпокойнаго чувства, которое сопровождаетъ всякій отъѣздъ, откуда бы ни было; и какъ будто не хочется ѣхать, и суешься

въ разные углы, самъ не зная зачѣмъ, и смотришь какимъ-то чудакомъ.

Наконецъ, послѣ всякаго рода кряканья и потягиванья, мы двинулись порядочной кучей: 5—6 мухровъ, съ цѣлой вереницей ословъ и лошадей, навьюченныхъ разнымъ добромъ: чемоданами, ящиками, корзинами, коврами; потомъ лакей изъ арабовъ, нѣчто довольно пестрое, на сѣромъ, бойкомъ конѣ, и въ заключеніи — кавасъ, неизбѣжный спутникъ всякаго консула на востокѣ.

Вы, мой читатель, вѣроятно, не Богъ знаетъ какъ знакомы съ существомъ, носящимъ на землѣ имя *каваса*. Можетъ быть, даже и вовсе незнакомы, — постараюсь вамъ изобразить это лицо, по возможности ясно и картинно.

Заглянувъ въ какое-нибудь консульство на востокѣ, вы увидите у дверей одного, двухъ, а иногда и больше пестрыхъ чудаковъ съ саблями и пистолетами, если это будетъ какой-либо парадный день, и безъ оныхъ, если дѣло случится въ совершеннѣйшіе будни. Эти пестрые люди называются *кавасами*. Обыкновенная ихъ одежда: куртка, шитая шнурками, бѣлые, синіе или коричневые шаровары, чистые чулки и башмаки, а не то цвѣтныя туфли. «Grande tenue» каваса: та же одежда, шитая золотомъ, съ присоединеніемъ оружія, большею частію въ блестящей металлической оправѣ. На эту золотую куртку и блестящее оружіе обращено преимущественное вниманіе кавасовъ богатаго консульства. Но есть злосчастные кавасы, лишь только мечтающіе о пышныхъ золотыхъ курткахъ и никогда не имѣющіе возможности привести въ исполненіе свою упорную мечту. Они гаснутъ въ тускѣ и мракѣ при какомъ-нибудь греческомъ или тому подобномъ консульствѣ. Русскіе и французскіе кавасы особенно блестящи. Русскій и французскій кавасъ большею частію представителенъ и страшно брякаетъ булавой, идя впереди консула при какомъ-либо парадномъ происшествіи. Греческаго консула съ кавасомъ просто никогда не увидишь.

Что-жь такое кавасъ? Откуда и зачѣмъ они при консулѣ? Это его тѣлохранитель, установленный турецкимъ правительствомъ. Онъ долженъ быть непремѣнно мусульманинъ. Едва пріѣзжаетъ куда-либо назначенный консулъ, правительство обязано нарядить къ нему кавасовъ, сколько потребуется. Обыкновенно кавасы являются откуда-то сами и предлагаютъ услуги. Ихъ всегда много готовыхъ во всякомъ городѣ, потому что жалованье каваса довольно привлекательно (отъ 150 до 200 піастровъ въ мѣсяцъ), кромѣ того, содержаніе, одежда, ничего недѣланіе и валящіеся съ неба бакшиши. Нерѣдко въ кавасы поступаютъ служилыя и почтенныя личности. При нашемъ бейрутскомъ генеральномъ консульствѣ состоитъ нѣсколько

лѣтъ кавасомъ бывшій триполійскій полицмейстеръ — а теперь онъ возьметъ отъ васъ во всякое время пятіалтынный бакшиша и подержитъ стремя, когда вы будете садиться на лошадь. Иной разъ въ консульствѣ, не слишкомъ изобильномъ слугами, кавасъ подаетъ хозяину наргилё и побѣжитъ за чѣмъ угодно въ лавку. Словомъ, это парадный лакей, швейцаръ, навязанный офиціяльно. Кавасы обыкновенно сродняются съ интересами консульствъ, которымъ служатъ, и готовы за своего барина-консула гвоздить булавой всякаго встрѣчнаго, будь это хоть самъ Магометъ.

Русскіе величественные кавасы большею частію глядятъ откормленными тельцами и дремлютъ у дверей, сонно опираясь на свои блестящія булавы. Но не таковъ былъ оригинальный кавасъ нашего дамасскаго консула, живой и сухощавый сынъ пустыни. Онъ былъ сильно типиченъ, этотъ немудрый малый лѣтъ тридцати, родомъ курдъ, рослый, крѣпкій и свирѣпый на видъ, когда-то безпощадный наѣздникъ, знающій до сихъ поръ въ лицо всѣхъ первыхъ головорѣзовъ здѣшняго забубеннаго края. Никогда исторія не доroется до причинъ, заставившихъ этого молодца бросить свои степи и удалые набѣги. Все это покрыто мракомъ и, можетъ быть, кровью. Довольно давно этотъ высокій ростомъ хватъ появился въ Дамаскѣ и предложилъ свои услуги французскому консульству. Его взяли, какъ виднаго и надежнаго тѣлохранителя, но онъ скоро зарѣзалъ какого-то жида, находившагося подъ покровительствомъ Франціи. Можетъ быть, и не онъ, а какой-нибудь другой... только про него ходили слухи, и французское консульство его удалило. Свирѣпый дѣтина поступилъ въ бывшее тогда русское агентство Дамаска, сталъ вести себя нѣсколько тише, обзавелся семьей и перешелъ наслѣдственно въ кавасы нашего консульства, когда послѣднее было основано въ Дамаскѣ, въ 1859 году.

Главной, безпокойной страстью Мухаммедъ-аги (такъ его звали) были шитыя золотомъ куртки, величавыя шаровары, невиданныя свѣтомъ шелковые пестрые пояса и горящіе, какъ жаръ, пистолеты. Онъ былъ весь, денно и нощно, погруженъ въ размышленіе обо всѣхъ этихъ предметахъ. Едва ли его молодыя, миловидныя жены, добытыя разными мудреными путями, эти чернобровыя, степныя орлицы, — едва ли лучшая изъ нихъ возбуждала въ его сердцѣ, хотя одну минуту въ жизни, такой порывистый, страстный трепетъ, какой возбудила одна золотая куртка, увидѣнная имъ у заѣзжаго аги изъ Багдада. Дѣйствительно, это была необыкновенно красивая куртка. Мухаммедъ-ага рѣшился или умереть, или добыть эту куртку, во что бы то ни стало. Долго онъ ухаживалъ за багдадскимъ агою. Тотъ, на бѣду, оказался также крѣпонекъ на этотъ счетъ; но

такъ какъ извѣстно (это сказано Казановой и повторено потомъ Орсини), что если энергическій человѣкъ чего-либо сильно захочетъ и начнетъ преслѣдовать свою мечту всѣми душевными способностями, то мечта его наконецъ неизбѣжно осуществится. Такъ осуществилась и Мухаммедова мечта о курткѣ. Онъ пріобрѣлъ это диво разными хитростями за двѣ тысячи піастровъ. О, еслибъ вы видѣли его въ этой курткѣ на статномъ конѣ, купленномъ тайкомъ изъ конюшенъ бывшаго дамасскаго мушира (*), Ахмета-паши, разстрѣляннаго по поводу послѣднихъ кровавыхъ событій! Это такая картина, которая не поддастся никакому на свѣтѣ перу или кисти.

Но особеннымъ отличіемъ Мухаммедъ-аги, въ сравненіи съ вооруженіемъ другихъ кавасовъ, была длинная бедуинская пика, напоминавшая ему любезныя степи и набѣги, — пика, съ которой онъ никакъ не могъ разстаться: она сопровождала его во всѣхъ разъѣздахъ. Было много оригинальнаго и глубоко-характернаго, а вмѣстѣ и смѣшнаго, въ этомъ серьезномъ няньчаньѣ Мухаммеда-аги съ его пикой. Онъ возился съ нею, какъ бы съ живымъ существомъ. Прибывъ въ Бейрутъ, онъ прямо направился къ тому столбу, на которомъ вѣетъ флагъ нашего генеральнаго консула, и важно водрузилъ подлѣ него свою пику. Какъ нѣкоторые военные казначеи кладутъ свои деньги и разныя цѣнныя вещи *подъ часы*, т. е. въ кассу, подлѣ которой стоитъ часовой, такъ и Мухаммедъ-ага довѣрилъ свою пику защитѣ русскаго флага, вполнѣ надѣясь, что въ этомъ мѣстѣ съ нею ничего не случится.

Таковъ былъ Мухаммедъ-ага, нѣсколько загадочный и таинственный, не любившій праздно болтать и рѣдко улыбавшійся; характеръ, который, при другихъ обстоятельствахъ, былъ бы способенъ на замѣтную ролю, но теперь онъ смотрѣлъ немногимъ чѣмъ выше обыкновеннаго каваса, и служилъ консульству, вѣроятно, потому, что оно хорошо ему платило. Хоть онъ, повидимому, и крѣпко усѣлся въ Дамаскѣ, однакожъ могъ подуть вѣтеръ, и знаменитая пика, надъ которою многіе такъ трунили, заиграла бы въ степяхъ совсѣмъ не забавно.

Когда мы поѣхали, Мухаммедъ-ага также серьезно подошелъ ко флагу, взялъ свою пику, вскинулъ на плечо — и составилъ главное основаніе нашего эскорта. Вслѣдствіе своей степной оригинальности, онъ надѣлъ на этотъ разъ лисью шубу извѣстнаго восточнаго покроя, на распашку, но все-таки несносно-жаркую, особенно въ сирійскомъ маѣ. Зато зимой, которая въ Дамаскѣ довольно сурова, его видали иногда въ бѣлыхъ коленкоровыхъ шароварахъ играющимъ въ снѣжки съ другимъ кавасомъ, почтеннымъ и смирнымъ туркой,

(*) Муширъ — родъ генералъ-губернатора.

причемъ Мухаммедъ-ага сильно старался вышибить туркѣ глазъ и однажды, именно въ прошломъ году, это едва не случилось.

Напрасны были бы всѣ хлопоты какого угодно Рафаэля или Горація-Вернета, лучшаго писателя всѣхъ всадниковъ, изобразить тѣ позы и круженія на конѣ, какими насъ угостилъ очень скоро Мухаммедъ-ага, лишь только мы выѣхали за городъ. Въ особенности ему доставила возможность погарцовать та самая площадка, гдѣ, незадолго передъ тѣмъ, носились для принца Вельскаго арабскіе джигиты. Потомъ мы поѣхали всей кучей по шоссе, въ рамѣ садовъ, наполненныхъ преимущественно шелковичными деревьями и пальмами. Рѣдко гдѣ можно видѣть такія красивыя пальмы, какъ въ окрестностяхъ Бейрута. Дорога пошла все въ гору, выше и выше. Сады исчезли; стали мелькать ущелья съ сосновымъ лѣсомъ и небольшими деревушками, разбросанными тамъ и сямъ на скатахъ. Давно ли, года полтора назадъ, я видѣлъ тутъ обгорѣлыя развалины, плоскіе домики съ проткнутыми крышами; деревни смотрѣли тогда, какъ кучи разбитыхъ горшковъ. Теперь — дыры зачинены, сады оживлены присутствіемъ человѣка и все пошло своимъ чередомъ, какъ будто ничего и не случилось. Какъ удивительно устроенъ міръ: жизнь идетъ, опираясь на смерть. Въ разрушеніяхъ и буряхъ таится свѣжій источникъ возрожденія къ новой, лучшей жизни. Пронеслась гроза, цвѣты запахнутъ лучше. А между тѣмъ, какой шумъ и возню подымаютъ народы, когда случится исторія въ родѣ дамасской: шлютъ коммиссаровъ, пишутъ томы разнаго вздору, вздыхаютъ, ужасаются... а глядишь — въ воздухѣ стало чище. Какой звѣрь можетъ пожелать повторенія Севастополя,—обрушить на одинъ городъ милліонъ бомбъ, зарыть въ землю триста тысячъ героевъ! Но случилось, что зарыли, и когда поразмыслить внимательно о результатахъ знаменитой осады, которой гулы долетали до послѣднихъ острововъ Тихаго океана, — конечно, никто не станетъ плакать. Что дѣлать, если есть боровья, которымъ нейдетъ пускать кровь дамскимъ ланцетомъ.

Дамасская катастрофа принесла Сиріи также очень много выгодъ. Сонное царство проснулось къ работѣ: поставили телеграфы, построили отличную дорогу по мѣстамъ, истинно неслыханнымъ, гдѣ нетерпѣливый Александръ Македонскій ѣзжалъ не иначе, какъ шагомъ; гдѣ спотыкался даже конь Магомета, *Боракъ*, означающій «молнію». Переселяясь на этомъ конѣ черезъ ливанскія вершины на небо, онъ едва не слетѣлъ въ преисподнюю, а теперь это невозможно самой простой клячѣ. Блестящіе экипажи, выписанные изъ Парижа, несутся надъ пропастями, какъ вѣтеръ, и старый Ливанъ глядитъ и никакъ не можетъ понять, что такое съ нимъ дѣлается. Иной, небывалый вихрь промчался по его ущельямъ...

Дорога все выше и выше. Мы чуть не въ уровень съ вершиной *Санина*, серебрящейся снѣгами. Какія дивныя, великолѣпныя бездны и уступы, въ убранствѣ сосенъ, винограду, фигъ и орѣховъ! Точно змѣи вьются по склонамъ горъ каменныя ограды и насыпи вокругъ небольшихъ пахатныхъ полей и садиковъ. Всходы ячменя сверкаютъ изумрудомъ. А море, оставленное нами сзади, какъ бы вздувается и лѣзетъ къ верху стѣной. Розовыя клочки облаковъ плывутъ по немъ, точно острова. Деревня Бетъ-Меррè, которая кажется изъ Бейрута высоко подъ облаками, теперь внизу, у нашихъ ногъ. А самъ Бейрутъ, словно кучка камней, разсыпанныхъ по песчаному берегу.

Вотъ и Ханъ-Бахмутъ, первый привалъ всякаго путника на этой дорогѣ. Мы проѣхали до него только три часа, тогда какъ Александръ Македонскій, съ толстымъ своимъ пріятелемъ Лизимахомъ, совершилъ тотъ же путь въ восемь часовъ слишкомъ, причемъ, какъ вы, вѣроятно, знаете, толстаго Лизимаха едва не потеряли. Впрочемъ, и кромѣ Александра Македонскаго, очень недавно Фуадъ-Паша, торопясь въ Дамаскъ, сколь сіе было возможно, протащился до Ханъ-Бахмута тоже восемь часовъ. О другихъ, менѣе знаменитыхъ личностяхъ, подвергавшихъ себя страху и опасности на этой дорогѣ, я не упоминаю.

Опять вижу, какъ облака плывутъ бѣлыми островами по морю, и вспоминаю Мицкевича —

Ta wyspa żeglująca w otchłani — to chmura!...

Ханъ-Бахмутъ для читателей, которые не знаютъ его изъ прежнихъ моихъ писемъ съ востока, можетъ быть очеркнутъ такимъ образомъ: это рядъ нѣсколькихъ арокъ съ пристройкой въ сторонѣ, гдѣ кипитъ, на двухъ камушкахъ, вѣчный кофей и имѣется пристанище лошадямъ и верблюдамъ. Недалеко бѣжитъ ручей, обложенный камнями, подлѣ которыхъ зеленѣетъ развѣсистый сокорь.

Мѣсто очень живописное и было бы еще лучше, еслибы попало въ европейскія руки; а то здѣсь, Богъ знаетъ, сколько лѣтъ сряду, распоряжается грязный арабъ, въ чалмѣ, въ полосатомъ халатѣ и босикомъ, и когда подумаешь, какія руки приготовляютъ этотъ вѣчный кофей... я ставлю нѣсколько точекъ и веду васъ подъ развѣсистый сокорь, въ пріятную тѣнь, гдѣ разостлано нѣсколько рогожекъ, и десятка-два прохожихъ турокъ, арабовъ, друзовъ и всякаго сброду, расправляютъ свои усталые члены, ѣдятъ апельсины, курятъ наргиле, подъ легкій ропотъ горнаго ключа, къ которому такъ и валятъ поминутно; группа за группой, ослы, лошади и верблюды. Мы устроились тамъ же, подъ сокоремъ, разостлавъ собственный коверъ, и пока распоряжались курицей, сыромъ и апельсинами, кавасъ Мухаммедъ-ага-съ-пикой услышалъ въ кофейнѣ любезные ему разговоры о разбойн.

[illegible] и сообщилъ намъ. Дѣло было въ томъ, что разбойники изъ курдовъ, друзовъ и бедуиновъ, въ числѣ 80 человѣкъ, подъ предводительствомъ Бахейтана, разграбили въ горахъ, наканунѣ нашего отъѣзда, большой караванъ въ 30 путниковъ, изъ которыхъ 17 ранили и убили двухъ, и это случилось въ полутора часахъ отъ Дамаска. Который разъ приходится нашему дамасскому консулу путешествовать въ Ливанъ подъ такими пріятными впечатлѣніями! Турецкое правительство какъ будто безсильно противъ такихъ шалостей, которыя продолжались около 6 мѣсяцевъ. Когда нашъ консулъ выѣзжалъ изъ Дамаска въ Бейрутъ, за мѣсяцъ передъ нашимъ путешествіемъ, то явился къ Сераскиру и объявилъ, что везетъ значительную сумму денегъ, а потому желалъ бы имѣть увѣренность, довезетъ ли все это въ цѣлости до Бейрута. Сераскиръ отвѣчалъ, что онъ посылаетъ въ Бейрутъ 65 человѣкъ солдатъ: такъ не угодно ли консулу отправиться вмѣстѣ съ ними.

— Да вѣдь солдаты пойдутъ, а я поѣду, замѣтилъ ему консулъ; «конный пѣшему не товарищъ»!

— Ну, такъ пустите ихъ впередъ, а сами поѣзжайте послѣ, сказалъ Сераскиръ: — солдаты пройдутъ и разгонятъ всякую сволочь. Ужъ потомъ разбойники покажутся не скоро.

Такова была философія Сераскира. Консулъ отправился одинъ, на страхъ Божій, и какъ-то проѣхалъ, какъ проѣхалъ послѣ Утрей, французскій консулъ, (имѣвшій, впрочемъ, 30 провожатыхъ изъ алжирцевъ Абд-эль-Кадера), какъ проѣзжаютъ весьма многіе — до перваго несчастнаго случая.

Потолковавъ обо всемъ этомъ съ нѣкоторыми краснорѣчивыми паузами, мы сѣли снова на коней и стали взбираться еще выше. Откуда только лѣзли эти горы за горами, вовсе почти невидныя изъ Бейрута? Скоро облака, точно висячія тряпки какой нибудь прозрачной матеріи, показались изъ-за одного утеса и пробѣжали мимо насъ на почтовыхъ очень красиво. Будь мы саженъ сто впереди, эти мокрыя тряпки задѣли бы насъ по усамъ. Сквозь ихъ пушистыя пряди сѣраго цвѣта видны были дальнія, бѣлыя какъ серебро облака, особаго, не слишкомъ подвижнаго свойства. Онѣ стояли какъ стѣна, ударяя въ глаза бѣлымъ, яркимъ свѣтомъ. Потомъ, когда пробѣжали сѣрыя, тѣ стали также шевелиться, только медленно и важно, тащась какъ царская порфира. Наконецъ прочистилось все — и мы увидѣли долину Бка или Бука, отдѣляющую Ливанъ отъ Антиливана. Въ прошлое, осеннее мое путешествіе, она не была такъ живописна, а теперь зеленый ячмень разстилался по ней истиннымъ бархатомъ, между тѣмъ какъ незасѣянныя ничѣмъ промежутки, въ видѣ чорныхъ и красныхъ квадратовъ, казались штучной мозаикой восточнаго вкуса. Кое гдѣ

сѣрѣли плоскокрышія деревни. А по ту сторону долины подымались пестрыя уступы Антиливана, увѣнчаннаго въ одномъ мѣстѣ, какъ и Ливанъ, яркими снѣгами. Слово «Антиливанъ» взялось отъ европейцевъ, т. е. горы, противоположныя Ливану; арабы зовутъ ихъ Джебель-эль-шарки, «восточныя горы».

Антиливанъ кажется въ двухъ-трехъ верстахъ, когда начнешь спускаться въ долину, между тѣмъ какъ до него верстъ 12. До такой степени здѣсь чистъ воздухъ. Все кажется ближе, чѣмъ у насъ. Мы остановились еще въ Ханъ-Мураджатѣ выпить кофею и отдохнуть, да выслушать еще кое-какія добавленія о разбойникахъ, и потомъ съѣхали въ долину. Гладкая и бархатистая сверху; она вовсе не такъ привлекательна, когда познакомишься съ нею ближе и начнешь вязнуть въ какихъ-то ручьяхъ и лужахъ. Здѣсь дорога, сдѣланная французами, поворачиваетъ влѣво на Захлю. Верховой путникъ ѣдетъ прямо по одной изъ безчисленныхъ тропинокъ, гдѣ слившіяся вмѣстѣ ручьи образуютъ иногда большія лужи, переправляясь черезъ которыя нужно знать какія-то примѣты, чтобы не завязнуть. Затѣмъ опять каменистыя тропинки между зелеными полями, а потомъ новое шлепанье по водѣ четверть часа и больше.

Когда мы спускались въ долину, направо у подошвы горъ мелькнула деревня Кабельясъ, извѣстная пребываніемъ въ ней французскаго отряда. На отдѣльномъ, высокомъ холмѣ темнѣетъ старая крѣпость, служившая французамъ госпиталемъ. Они привели было въ порядокъ эти развалины, сдѣлали жилище нѣсколько человѣческимъ, но проклятое племя, владѣющее этими странами и способное болѣе разрушать, чѣмъ созидать, — снова, по уходѣ своихъ гостей, занялось обращеніемъ зданія въ прежній порядокъ. Теперь опять смотрятъ съ высотъ обглоданныя временемъ и своими хозяевами стѣны какого-то допотопнаго замка.

Мы проѣхали часа два по направленію къ деревнѣ Маржъ; бурая земля долины Бка все болѣе и болѣе темнѣла и лишалась камней; наконецъ показался весьма не дурной черноземъ. Я замѣчалъ постоянно, что черноземъ не терпитъ камня. Маржъ лежитъ въ одномъ изъ лучшихъ мѣстъ долины, изобилуя водой и лугами. Кругомъ скачутъ цѣлыя стада лошадей, бродятъ коровы и звенятъ своими колокольчиками бѣлыя, жирныя овцы, мѣшаясь иной разъ съ лопоухими черными козами.

Мы въѣхали въ Маржъ уже передъ закатомъ солнца и помѣстились въ чистой комнатѣ, которую выпросили у одного мусульманина, послѣ небольшихъ переговоровъ. Комната была ярко вымазана мѣломъ. Въ одномъ углу лежалъ высокимъ ярусомъ десятокъ-другой толстѣйшихъ одѣялъ вмѣстѣ съ подушками и коврами, которыхъ

часть поступила ту же минуту въ наше распоряженіе. Женщины, разстилавшія намъ все это по полу, сейчасъ пустились въ болтовню о разбойникахъ, возведя ихъ число до полутораста. Можно замѣтить, что здѣшнія женщины-мусульманки вовсе не дики, никогда не закрываются чадрами и прислуживаютъ путешественнику, какъ всякія деревенскія бабы въ Европѣ, болтая съ ними, если тотъ знаетъ ихъ языкъ, совсѣмъ непринужденно. Много изъ нихъ чисто бѣлокурыхъ, съ сѣрыми и голубыми глазами. Иной разъ вы не видите ни капли восточнаго въ физіономіи; европейки да и только.

Ночь прошла для насъ совершенно благополучно. Было прохладно и я, отстранивъ предложенное мнѣ одѣяло (которыя въ восточныхъ домахъ обыкновенно грязнѣе стѣнъ и полу), накрылся своей крымской шинелью, знакомою съ 40 вѣками пирамидъ. Она укладывается у меня въ кожаный чахолъ и, образуя подушку, ѣдетъ на сѣдлѣ. Въ 8 часу утра эта подушка была снова прилажена къ сѣдлу. Мы напились кофею съ весьма неправнымъ молокомъ, сѣли на коней и двинулись къ Антиливану.

Черезъ полчаса черноземъ перешелъ опять въ бурую землю. Показались камни. Вскорѣ пошла совершенно желтая глина. Камней стало еще больше. Однако мѣстами все-таки сверкали цвѣты: макъ и какіе-то синіе и желтые колокольчики. Въ воздухѣ, высоко, вились орлы... вотъ и Антиливанъ! Мы въѣхали въ узкую долину между хребтами горъ чрезвычайно живописныхъ. Я нигдѣ не видывалъ такого счастливаго соединенія дубовыхъ и другихъ кустовъ съ сѣрыми, необъятными глыбами гранита. Самыя эти глыбы громоздились другъ на другѣ какъ-то особенно живописно. Иногда картина, состоящая единственно изъ сѣрыхъ скалъ, зелени и темныхъ пещеръ, была до того поразительна, что мы невольно сдерживали коней и замирали въ созерцаніи. Только одинъ Мухаммедъ-ага, забросивъ на плечо свою пику, продолжалъ ѣхать и не понималъ, отчего такой вздоръ, какъ Антиливанъ, вызываетъ столько суетныхъ восклицаній изъ праздныхъ устъ этихъ чудаковъ—франковъ.

Но живописныя ущелія были опасны. Здѣсь разбойники зачастую подсиживали неловкихъ путешественниковъ. Каждый изъ насъ помнилъ объ этомъ очень хорошо и потому, въ промежутки мечтаній о красотѣ природы, обшаривалъ глазами всякій поднебесный кустикъ, на сколько хватало данное ему Богомъ зрѣніе, и нерѣдко, если это зрѣніе было хорошо, пускался въ такія поднебесныя разъисканія, гдѣ конечно, отъ роду не скрывались никакіе головорѣзы. И что странно: всякій соображалъ очень легко, что подобное путешествіе глазъ по заоблачнымъ вершинамъ есть дѣло совершенно пустое, а все-таки, нѣтъ-нѣтъ да и взглянетъ вверхъ, куда воронъ костей не

заносилъ, и думаетъ, что вотъ гдѣ нибудь въ дырѣ ужъ и *сидитъ*, свѣсивъ внизъ винтовку, какъ это описывается у Марлинскаго въ Мулла-Нурѣ. Но рѣшительно ничего не было, Богъ знаетъ, сколько часовъ сряду; развѣ-развѣ спархивала съ утеса небольшая птичка, попискивая какимъ-то оригинальнымъ голосомъ, какого конечно не услышишь въ Валдаѣ. Иной разъ перелетывала дорогу какими-то разудалыми, разбойничьими прыжками смѣшная сѣрая ящерица, въ родѣ миніатюрной собачонки, задравъ къ верху хвостъ, и послѣ устраивалась гдѣ нибудь на камнѣ и преловко оглядывала путниковъ, шевеля своимъ зобомъ, точно запыхавшись; и безъ сомнѣнія молила боговъ, чтобы они пронесли поскорѣе этотъ шумливый, топочущій караванъ, этого страшнаго человѣка съ пикой, который, увидѣвъ ее, непремѣнно ширялъ въ ту сторону своимъ долговязымъ оружіемъ, только ящерица отстранялась и опять оглядывала караванъ и проворно шевелила зобомъ... А солнце, яркое сирійское солнце, свѣтило и жгло сухія ущелія, и все было пронизано его удивительными лучами.

Мы топотали такимъ образомъ очень долго посреди красивѣйшихъ утесовъ, какія только выворачивала изъ своихъ нѣдръ природа на удивленіе человѣку. Опасность, какъ водится, была забыта. Караванъ двигался, разстрявшись по разнымъ мѣстамъ: кто впереди, кто влѣво, кто отсталъ чуть не на версту. Вдругъ передніе всадники остановились. Всякій мгновенно окинулъ глазами окрестныя скалы и кусты: на одной небольшой луговинѣ стоялъ высокій человѣкъ, весь въ черномъ, держа въ рукахъ длинную винтовку. Я увѣренъ, что всѣ сердца вздрогнули. Но ужь только и былъ молодчина этотъ черный, высокій человѣкъ, державшій винтовку. Право, не стыдно было испугаться. Я никогда не забуду этой великолѣпной фигуры. Онъ стоялъ, какъ статуя, прямой и суровый. Черная его *аба*, свѣжая и не истасканная (какъ бываетъ обыкновенно) украшалась по краямъ пестрымъ, не широкимъ узоромъ. На головѣ былъ темный платокъ, перетянутый *мерчромъ* (*) и спускавшійся по плечамъ въ живописныхъ складкахъ. Лицо молодца было чисто кавказское, продолговатое, съ отличнымъ носомъ, съ яркими черными глазами, подъ сѣнью густыхъ бровей; усы были умѣренные; бороды не было вовсе. Какъ теперь вижу этого неподражаемаго горнаго хвата, прямаго и несокрушимаго какъ башня. Чортъ знаетъ, что бы и далъ, еслибы можно было поставить его передъ ящикъ Левицкаго или Бергамаско.

Мы всѣ остановились и смотрѣли на него молча, а онъ смотрѣлъ на насъ. Немного погодя изъ кустовъ показался другой, почти

(*) *Мерчръ* — родъ двухъ шерстяныхъ жгутовъ, которые поддерживаютъ платокъ на головѣ, надѣваясь какъ ремень у сапожниковъ.

такой же молодчина, направился ко мнѣ и подойдя сказалъ: «хаваджа, бакшишь!» (*) Между тѣмъ какъ его рука уже ловила узду моей лошади.

— За что же, бакшишь? спросилъ я.

— Мы здѣсь охраняемъ дорогу отъ разбойниковъ.

— Вы, двое?

— Нѣтъ, насъ не двое: ты дальше увидишь еще.

Въ это время Мухаммедъ-ага, отставшій сзади, уже скакалъ ко мнѣ на выручку и лишь только увидѣлъ черного человѣка въ кустахъ, подъѣхалъ къ нему, подалъ руку; а потомъ они поцаловались на обѣ щеки три раза, точь-въ-точь какъ дѣлается у насъ. Арабы имѣютъ на это особое выраженіе: цаловать «мингонъ-мингонъ» (отсюда и отсюда). Послѣ этого маневра поѣздъ тронулся дальше. Проситель бакшиша, другой черный, что-то говорилъ съ задними рядами... Я спросилъ у каваса: — что это былъ за человѣкъ въ кустахъ?

— А такъ, изъ горъ; ихъ тутъ много ходитъ; смотрятъ за дорогой.

— Чтожь это, твой пріятель?

— Какъ же! старинные...

Догнавшій меня затѣмъ консулъ объяснилъ, что такіе придорожные рыцари, называющіе себя оберегателями дорогъ отъ разбойниковъ, бываютъ часто разбойники и нападаютъ на путешественниковъ, если только можно; а если нельзя, то говорятъ, что они «оберегатели» и просятъ смиренно бакшишь. Противъ нихъ, сколько бы ихъ ни было, лучше всего *знать словцо*; то-есть имѣть съ собой такого человѣка, который водитъ съ ними кумовство, подобно Мухаммедъ-агѣ. Это самая вѣрная защита. Однажды, передъ возстаніемъ въ Дамаскѣ, когда шайки горныхъ бродягъ чрезвычайно умножились, Мухаммедъ-ага спасъ консула, при встрѣчѣ съ кучей самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ, только тѣмъ, что «переговорилъ съ ними». Но случалось Мухаммедъ-агѣ натыкаться и на *чужихъ*: тогда уже давай Богъ ноги!

Предательскія ущелія шли довольно долго. Потомъ мы увидѣли лощину съ зеленѣющимъ ячменемъ. Тутъ возилось нѣсколько человѣкъ бѣднаго народу, занятаго полотьемъ ячменя. Рабочій арабъ, феллахъ, чрезвычайно бѣденъ и отрепанъ. Онъ имѣетъ видъ какой-то обгорѣлой на солнцѣ головешки, обернутой въ невѣроятныя лоскутья. По ту сторону лощины, на лысомъ холмѣ, торчалъ полосатый всадникъ. Я живо помню эту восточную фигурку, этого бѣлаго, жиденькаго конька, съ вѣющимъ наискось хвостомъ. Когда мы взобрались на

(*) Господинъ, дайте что нибудь!

верхъ, всадникъ подъѣхалъ къ намъ и оказался адъютантомъ смотрителя за дорогой въ округахъ Джедура и Конетры, извѣстнаго наѣздника Ресуль-аги. Мнѣ скоро придется говорить объ немъ еще разъ и вы узнаете, что это за голова. Консулъ началъ объяснять полосатому адъюданту опасность своего положенія и требовалъ трехъ-четырехъ проводниковъ съ Димаса, послѣдней станціи къ Дамаску, гдѣ мы должны были ночевать.

— Да что тебѣ за толкъ въ трехъ человѣкахъ? — сказалъ адъютантъ Ресуль-аги.

— Какъ что за толкъ? — три-четыре вооруженныхъ человѣка, да насъ здѣсь десять, это порядочная куча.

— Ничего не сдѣлаютъ они тебѣ противъ настоящихъ разбойниковъ, отвѣчалъ адъютантъ:— *я* поѣду съ тобой, вотъ и все! кончилъ онъ, сильно ударяя на *я*.

— Ты? одинъ?

— Я одинъ! Говорю тебѣ: ничего они не сдѣлаютъ, эти четыре человѣка!

— А ты что сдѣлаешь?

— Я тоже ничего не сдѣлаю, да я знаю такое словцо!

— Какое это такое словцо?

— Есть такое. Ты не толкуй, а поѣдемъ!

— Ну, поѣдемъ!... а все-таки лучше бы ты прислалъ еще хоть пару въ Димасъ!

— Ахъ, хаваджа, что ты это все толкуешь!

Всѣ замолчали и двинулись. Пестрый гусаръ легкихъ горныхъ эскадроновъ вильнулъ своимъ конькомъ вправо, въ ущелье, неизвѣстно зачѣмъ, и потомъ, уже черезъ четверть часа показался съ боку и поѣхалъ съ нами. Мы скоро увидѣли подобіе крышъ, лѣпившихся по краю горы влѣво, точно какія террасы. Это былъ Димасъ, довольно большое селеніе, судя по здѣшнимъ понятіямъ.

Мы въѣхали въ маленькій квадратный дворикъ, наполненный овцами и коровами. Едва можно было двигаться между ними на лошади. Намъ отвели комнату, подобную той, въ какой мы ночевали въ Маржѣ. Она точно такъ же сіяла мѣломъ; точно такъ же въ углу громоздились этажи одѣялъ и подушекъ. Бѣлокурая хозяйка, съ замѣчательно-бѣлымъ лицомъ и голубыми глазами, растилая намъ ковры, заговорила ту же минуту о разбойникахъ, которые отняли у ея мужа 14 лиръ (*). Разумѣлось нападеніе на караванъ подъ Дамаскомъ. Немного погодя вошелъ арабъ, ѣхавшій также въ Дамаскъ. Онъ просилъ позволенія присоединиться къ нашему каравану и сообщилъ еще

(*) *Лира*—турецкій золотой, содержащій въ себѣ около 6 рублей сер.

кое-какія подробности о разбойникахъ. Ихъ дѣйствительно было около 80, а путниковъ 20, изъ коихъ половина женщинъ. Два человѣка точно было убито. Этотъ арабъ зналъ хорошо лощину, гдѣ случилось нападеніе. Мы всѣ усѣлись въ кружокъ, пригласивъ и араба, и долго толковали объ одномъ и томъ же предметѣ: т. е. какъ проѣхать отъ Димаса къ Дамаску, послѣднюю, самую опасную станцію? Воображеніе рисовало всякую дрянь. Консулъ увѣрялъ, что у него есть какое-то пресквернное предчувствіе (впрочемъ, бывающее съ нимъ всякій разъ, какъ онъ проѣзжаетъ эту дорогу). Что до меня, я большой любитель разныхъ приключеній, а потому былъ не совсѣмъ прочь встрѣтиться съ разбойниками. Я уже видѣлъ эти рожи, слышалъ звукъ дреколій и выстрѣловъ... но потомъ думалось: ну, а какъ вдругъ пика въ бокъ? При подобныхъ мечтаніяхъ, съ помощію сна, раны изцѣляются мгновенно; всѣ они легкія, незначительныя... а послѣ, живъ и здравъ, несешь пріятелямъ красивую чепуху...

Я мечталъ недолго. За дверьми раздался сильный храпъ Мухаммеда-аги, который одинъ ложился безъ всякихъ мечтаній. Вскорѣ бѣлокурая хозяйка, хлопотавшая около своихъ коровъ и овецъ, могла услышать и въ нашей комнатѣ двѣ довольно исправныя волторны...

Н. БЕРГЪ.

МОЛОДОЙ МОНАХЪ.

(новогреческая пѣсня).

Молодой монахъ изъ кельи
Притаясь въ окно глядитъ;
Подъ окномъ, внизу, дѣвица
Зарумянившись стоитъ.

По кусочку бѣлый сахаръ
Онъ кидаетъ изъ окна
Ей за пазуху; а сверху
Грудь лебяжья вся видна.

«Эй, сиди, монашекъ, смирно!
Не застали бы тутъ насъ,
Не провѣдалъ бы игуменъ...
Разстригутъ тебя какъ разъ.»

— Разстригутъ — клобукъ свой сброшу,
Алый фесъ надѣну я;
Мигомъ свадебку сыграемъ,
Ненаглядная моя! —

МИХ. ИЛЕЦКІЙ.

СОВѢТЫ МУДРЕЦОВЪ.

1.

Нѣтъ! вы къ дѣлу не годитесь,
Въ васъ «умѣренности» нѣтъ!
Лучше съ жизнью примиритесь,
Бросьте юношескій бредъ!
Ненавидѣть слишкомъ страстно,
Слишкомъ искренно любить —
Это въ книгахъ всё прекрасно,
Но иначе нужно жить,
Въ идеалахъ мало проку,
Въ нихъ, напротивъ, вся бѣда.
Съ идеалами далеко
Не уйдти вамъ никогда!

2.

Вашъ языкъ острѣе бритвы,
Желчь въ рѣчахъ у васъ слышна;
Жизнь по вашему для битвы,
Для какой-то создана.
Злымъ началомъ отрицанья
Духъ вашъ слишкомъ заражонъ;
Всё вамъ видятся страданья,
Всё вамъ слышенъ чей-то стонъ.
Отрицайте осторожно

И карьеры не губя;
Иногда ругнуть и можно,
Но не громко... про себя!

3.

— «Или бѣлый или черный,
Что нибудь изъ двухъ одно» —
Вами, съ пылкостью задорной,
Очень быстро рѣшено.
Это крайности! Ни мѣры,
Ни границъ въ васъ чувства нѣтъ!
Лучшій цвѣтъ, повѣрьте, — сѣрый:
Онъ «умѣренности» цвѣтъ.
А она земныя блага
И спокойствіе даётъ;
Вы-жь безумною отвагой
Только тѣшите народъ! —

4.

Но придете вы къ тому же!
Посѣдѣетъ голова,
И стремленья станутъ уже,
Осторожнѣе слова...
Если-жь въ сердцѣ сохранится
Пламень юношескихъ лѣтъ,
Лучше бъ вамъ и не родиться:
Не уйдете вы отъ бѣдъ!
Бросьте ваши увлеченья,
Изберите путь иной —
Путь единственный спасенья:
Середины золотой!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

ПИСЬМА ОБЪ ОСТАШКОВѢ (*).

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Однако городъ, не смотря на свою стойкость, начинаетъ сдаваться понемногу. На скрытность, какъ видно, надежда плоха: нѣтъ, нѣтъ, да и проврешься. И чѣмъ долѣе я живу здѣсь, тѣмъ чаще представляются случаи видѣть, какъ осташи провираются, а ужъ на что, кажется, лукавый народъ. Сегодня, между прочимъ, даже безъ всякаго съ моей стороны желанія, пришлось быть незримымъ свидѣтелемъ одной изъ тѣхъ сценъ, которыя разыгрываются теперь на разный манеръ по всему русскому царству. Хотя дѣло это и не относится прямо къ городу, но тѣмъ не менѣе я считаю долгомъ его сообщить.

Рано утромъ разбудилъ меня разговоръ въ сосѣдней комнатѣ. Еще сквозь сонъ слышу, кто-то ругается. Такая досада меня взяла: спать хочется, а не даютъ! Однако, нечего дѣлать, проснулся, слушаю. Что за чортъ! ничего не разберу. Ходитъ кто-то по комнатѣ и оретъ:

— Ахъ, разбойники! ахъ, разбойники!... Уморили!... совсѣмъ уморили!... Ничего не понимаютъ!... Ничего... Ахъ, мошенники!... Великъ оброкъ!... а? великъ оброкъ!... Ахъ, мошенники! Да вѣдь земля-то моя? Анаѳемы вы эдакіе! а? Моя земля? а? Моя она, что ли? а? Понимаете вы? Понимаете? а? а? а?...

(*) Первыя три письма были напечатаны въ майской книжкѣ «Современника» за 1862 годъ.

— Это точно, что... уныло отвѣчаетъ нѣсколько голосовъ, и въ это время слышится скрыпъ мужичьихъ сапоговъ, происходящій, по всей вѣроятности, отъ переминанія съ ноги на ногу.

— Ну, такъ что же вы? продолжаетъ тотъ же голосъ. — Ну! что же вы? а? а?

— Да мы, Ликсандра Васильичъ,—мы ничаво, только что вотъ...

— Что же «только то»? а? Только-то что же? Черти! черти! Что же только-то? а?

— Мы про то, что трудновато быдто... нерѣшительно отвѣчаетъ мужичій голосъ.

— Землицы намъ еще бы, то есть самую малость, робко вступается кто-то.

— Не сподручна она, землица-то эта.

— А-а! Такъ вамъ земли еще давай и оброка съ васъ не спрашивай! Ахъ, разбойники! а? не сподручна! а? Ахъ, мошенники! трудновато! а? ахъ, негодяи! Да вѣдь вы прежде платили же оброкъ? а? платили?

— Платить-то мы точно, что платили. Платили, Ликсандра Васильичъ. Это справедливо, что платили. Какъ не платить, отвѣчають всѣ въ одинъ голосъ.

— Мы завсегда... добавляетъ еще кто-то.

— И больше платили? а? Платили вѣдь и больше?

— Больше, Ликсандра Васильичъ.

— И не жаловались? нѣтъ? Вѣдь не жаловались? а?

— Чтожъ жаловаться! Ликсандра Васильичъ, дѣло прошлое...

— Мы жаловаться не можемъ, опять добавляетъ кто-то.

— Такъ что же вы? Что же вы теперь-то? а?

— Мы ничаво, Ликсандра Васильичъ, — мы только насчетъ того, что которая земля, то есть, къ намъ теперича отходитъ...

— Ну!

— Ну, что, значитъ, она супротивъ той-то, прежней-то...

— Ну, ну!

— Скупенька землица-то эта, вкрадчиво замѣчаетъ еще одинъ голосъ.

— Камушекъ опять... Камушку-то оченно ужь добрѣ много.

— А вы его вытаскайте, камень.

— Помилуйте, Ликсандра Васильичъ. Гдѣ жь его вытаскать? Вѣдь онъ скрозь, все камушекъ.

— Ну, такъ навозцу, навозцу подкиньте!

— Позвольте вамъ доложить, Ликсандра Васильичъ, начинаетъ одинъ мужикъ, выступая.

— Ну, что тебѣ?

— Сами изволите знать: какой у мужика навозъ? Скотинешка опять, какая была, — поколѣвши.

— А-а! Ну, такъ чтожь мнѣ дѣлать? Какъ знаете, такъ и дѣлайте.

Наступило молчаніе. Слышно было, что баринъ ушелъ въ другую комнату, а мужики стали шептаться. Шептались, долго шептались; потомъ заскрыпѣли сапоги; мужики принялись откашливаться. Постояли, постояли и ушли.

Вижу я, что больше ничего, должно быть, не дождешься; всталъ, одѣлся и вышелъ на улицу. Куда идти? Утро отличное: свѣжее, сухое. Озеро чистое и голубое мелькнуло между домовъ. Лавочникъ стоитъ у своихъ дверей, кланяется.

— Съ добрымъ утромъ!

— Здравствуйте!

Въ первый разъ вижу я этого лавочника.

— Раненько изволили на прогулку выйти.

— Да погода ужь очень хороша.

— Погода чудесная. Вонъ, изволите видѣть тотъ берегъ.

— Да.

— Близко?

— Ну, такъ что же?

— Погода устоится. Мы вотъ все по этому замѣчаемъ. Какъ если берегъ теперича кажетъ близко, ну и значитъ, будетъ вёдро; а коли если ушелъ берегъ въ даль и дерева вонъ того не видно, то и жди мочи.

— Да, это хорошо. До свиданія.

— Мое вамъ почтеніе-съ.

Куда жь идти-то однако? Да! въ библіотеку. Прихожу въ библіотеку: маленькая, проходная комната, полки съ книгами, газеты на столѣ; молодой человѣкъ стоитъ за прилавкомъ. — Все, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ.

— Вы библіотекарь?

— Нѣтъ-съ: я помощникъ.

— Не можете ли вы мнѣ дать чего нибудь почитать?

— Что вамъ угодно?

— У васъ есть каталогъ?

— Есть.

Помощникъ далъ мнѣ каталогъ, изъ котораго я могъ усмотрѣть, что въ библіотекѣ порядокъ примѣрный. Всѣхъ книгъ на лицо 1,097 названій въ 4,238 томахъ. Книги раздѣлены кѣмъ-то на XXII отдѣла, въ составъ которыхъ вошли книги: богословскія, философскія, дѣтскія, правовѣденіе, политическія, *свободныя художества*, *увесе-*

ленія, языкознаніе, сочиненія въ прозѣ и стихахъ, сочиненія *просто* въ стихахъ, *театральныя* (это особый отдѣлъ), романы, повѣсти и сказки (тоже особый отдѣлъ).

Я полюбопытствовалъ взглянуть на книги по части *увеселеній*, но, къ несчастію, такихъ въ библіотекѣ не оказалось, и по какому случаю эти увеселенія значились въ каталогѣ, узнать я не могъ. Зато показали мнѣ «снимокъ съ рукописнаго реймсскаго евангелія» (le texte du sacre de Reims), полученный въ 1850 году отъ г. министра народнаго просвѣщенія, и «Карту Венгріи», принадлежавшую Гергею, командовавшему венгерскимъ войскомъ въ 1848 году; она была подарена имъ генералу Беваду, а послѣ смерти послѣдняго продана съ аукціоннаго торга и попала къ севастопольскому 1-й гильдіи купцу, Серебряникову, которымъ и была подарена въ осташковскую публичную библіотеку.

Взялся было я за газеты, въ надеждѣ, что кто нибудь придетъ, но не дождался никого и ушелъ, попросивъ помощника библіотекаря сдѣлать для меня выписку о томъ: какого рода книги больше читаются и кѣмъ именно. Изъ библіотеки я пошелъ было въ думу, но на бульварѣ встрѣтилъ Ф., который заходилъ ко мнѣ и пошелъ отыскивать меня по городу. Онъ предложилъ мнѣ зайти къ одному капиталисту-промышленнику, занимающему въ думѣ очень важную должность. Мѣсто жительства его отыскать было не трудно; нужно знать только улицу, а домъ и самъ найдешь. Улица, гдѣ живетъ капиталистъ, съ самаго заворотка, вся сплошь засыпана сажей и углемъ; и чѣмъ дальше идешь, тѣмъ гуще становится слой угля, покрывающій землю. Наконецъ почва до такой степени чернѣетъ, что ужь совсѣмъ превращается въ какія-то угольныя копи. По правую руку идутъ все кузницы и кузницы. Тутъ же въ одной изъ нихъ и капиталистъ живетъ; и хотя она отчасти походитъ на домъ, но стѣны закоптѣлыя и дворъ весь заваленъ углемъ. Мы опустились въ подземныя сѣни: тутъ попалась намъ какая-то женщина.

— Дома А. М.? спросилъ ее Ф.

Женщина пошла узнать, но сейчасъ же вернулась, отвела Ф. въ уголъ и стала съ нимъ шептаться; затѣмъ опять ушла. Наконецъ насъ впустили. Комнаты низенькія, мрачныя; тяжелая, старинная мебель; въ первой комнатѣ стоитъ диванъ. На диванѣ сидитъ самъ хозяинъ. Когда мы вошли, хозяинъ всталъ, поклонился и подалъ руку. Хозяинъ мрачно улыбнулся и просилъ сѣсть. Я сѣлъ и неловко стукнулся локтемъ обо что-то твердое, звякнувшее на столѣ. Тутъ лежали топоры для морскаго вѣдомства. Теперь только я замѣтилъ, что въ комнатѣ сидитъ еще одно лицо, — гость, и что мы своимъ приходомъ прервали ихъ разговоръ. Одного взгляда на гостя было достаточно,

чтобы напомнить мнѣ знакомый типъ петербургскаго чиновника. Полный, чисто выбритый и остриженный подъ гребенку, въ форменномъ вицмундирѣ, сидѣлъ онъ положивъ свои круглые и мягкіе пальцы на такія же круглыя и мягкія колѣнки. И каково же было мое удивленіе, когда вдругъ оказалось, что это осташковскій 3-ей гильдіи купецъ, К!... Узнавъ, что онъ служитъ въ думѣ, я сталъ разспрашивать его о городѣ. На всѣ мои вопросы гость отвѣчалъ какъ-то необыкновенно уклончиво и все больше общими мѣстами, въ такомъ родѣ, что городъ, благодаря попеченіямъ господина градскаго головы, Ѳедора Кондратьевича Савина, находится въ отличномъ порядкѣ, храмы божіи украшаются, искуства и промыслы процвѣтаютъ и граждане благоденствуютъ; однимъ словомъ, ничего не сказалъ. Ф. во все время безпокойно вертѣлся на своемъ креслѣ, барабанилъ пальцами по столу, безо всякой нужды заглядывалъ подъ диванъ и безпрестанно обращалъ ободряющіе взоры то къ хозяину, то къ гостю; наконецъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— А мы къ вамъ, А. М. насчетъ одного дѣльца.

Хозяинъ кротко улыбнулся.

— Какое же такое это ваше дѣло?

Ф. сталъ подкашливать, подмаргивать и закивалъ пальцемъ хозяину въ другую комнату. Они вышли. Въ отворенную дверь слышно было, какъ Ф. уговаривалъ его въ полголоса:

— Вы не опасайтесь! Чтожь такое? Ну, да. Ваше дѣло такое. Ну, да.

— Да мнѣ чтоже? отвѣчалъ капиталистъ:—я ничего не боюсь. Мое дѣло такое.

— Ну, разумѣется.

— Понятное дѣло.

— Да-съ; такъ вотъ, А. М. началъ Ф., выходя и указывая на меня:—какъ они очень любопытны узнать все объ нашемъ городкѣ и какъ они много наслышаны, то вы имъ все это, если можно...

— Это ничего, отвѣтилъ хозяинъ, съ улыбкою посматривая на меня.—Впрочемъ, вѣдь все это ужь напечатано въ отчетѣ министерства.

— Объ кузнечикахъ-то, объ кузнечикахъ. Да, да. Вы разскажите! Вѣдь это все для славы нашего города. Слѣдственно, можно надѣятся? Такъ вы будьте благонадежны!—успокоивалъ онъ меня.

Я поблагодарилъ и тутъ же кстати обратился съ просьбою къ служащему въ думѣ гостю. Мнѣ хотѣлось добыть городской бюджетъ за минувшій годъ. Гость отвѣтилъ мнѣ на это, что вѣдомость о городскихъ доходахъ и расходахъ ежегодно представляется, куда слѣдуетъ и, что если мнѣ это нужно знать, то лучше всего обратиться... т. е. обратиться, куда слѣдуетъ. Изъ этого я не замедлилъ вывести заклю-

ченіе, что съ подобными требованіями въ осташковскую городскую думу обращаться не слѣдуетъ; но, не смотря на это, попытался однако убѣдить гостя, что дѣло это совершенно невинное и что опасаться тутъ рѣшительно нечего. Гость подумалъ немного и сказалъ:

— Это все такъ-съ. Только вотъ Ѳедоръ Кондратьичь уѣхали, а то бы они вамъ все это разъяснили въ лучшемъ видѣ.

— Такъ стало быть, безъ Ѳедоръ Кандратьевича ничего сдѣлать нельзя?

— Вотъ изволите видѣть, что-съ...

Ф. давно уже, стоя позади меня, дѣлалъ гостю разныя гримасы и заманивалъ его въ другую комнату. Наконецъ, гость это замѣтилъ и ушелъ съ нимъ пошептаться. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и сказалъ, что можетъ дать мнѣ записку въ думу, и тамъ сдѣлаютъ для меня все, что можно. Я взялъ записку и простился. Ф. пошелъ со мною.

— Ну, слава Богу! сказалъ онъ, когда мы уже были на улицѣ; — дѣла наши улаживаются по немножку.

Новая роль, которую онъ взялъ на себя добровольно, до такой степени занимала его, что онъ даже началъ ужь мои дѣла считать *нашими* дѣлами.

На дорогѣ попадались намъ безпрестанно разные люди и кланялись. Нѣкоторыхъ Ф. останавливалъ, отводилъ въ сторону и съ озабоченнымъ видомъ сообщалъ что-то.

— А, а! — Да, да, да. — Ну, такъ, такъ, отвѣчали обыкновенно встрѣчные, дѣлали сосредоточенныя лица и задумывались.

— Здравствуйте! здоровался Ф. съ какимъ-то чиновникомъ, идущимъ къ должности.

— Куда это вы? спросилъ чиновникъ.

Ф. нагнулся къ воротнику его шинели и шепнулъ ему, указавъ на меня глазами.

— Мм! Вотъ она какая исторія! глубокомысленно сказалъ чиновникъ.

— Да, самодовольно замѣтилъ Ф. — Только вотъ, какъ вы намъ посовѣтуете? Сходить ли намъ прежде къ Михалъ Иванычу, или ужь прямо обратиться къ Петру Петровичу (*)?

Чиновникъ задумался.

— Дѣло мудреное, проговорилъ онъ наконецъ: — какъ сами знаете. Мой совѣтъ, побывать прежде у Михалъ Иваныча.

— Ну, вотъ, вотъ! И я такъ же думаю. Да. Такъ до свиданія.

— Мое вамъ почтеніе.

(*) Имена эти вымышленныя.

Чиновникъ пристально посмотрѣлъ на меня и пошелъ своей дорогой, въ раздумьи покачивая головой.

— Что вы безпокоитесь? сказалъ я Ф—ну: — вѣдь дали же мнѣ записку.

— Дали-то, дали. Это, конечно; только, знаете, все бы лучше побывать намъ у одного человѣка.

— Да зачѣмъ?

— Эхъ, какой вы! Да ужь положитесь на меня.

— Ну, ведите, куда знаете.

Мы вошли въ какой-то грязный переулокъ, кончавшійся большимъ вязкимъ болотомъ. Кособокіе домики, съ протѣившими крышами, окружали его съ четырехъ сторонъ. Болото это, въ сущности, должно было по плану изображать площадь. По ту сторону болота стоялъ домъ, ничѣмъ не отличавшійся отъ прочихъ, а въ немъ жилъ тотъ человѣчекъ, у котораго, по мнѣнію Ф., намъ необходимо нужно побывать. На дворѣ накинулась на насъ собачонка, но Ф. сейчасъ же заговорилъ съ ней и она успокоилась. На этотъ лай вышла кухарка и повела насъ въ переднюю. Ф. пошелъ предупреждать о моемъ приходѣ и вернулся въ сопровожденіи хозяйки дома, очень полной женщины, въ большомъ клѣтчатомъ платкѣ, которая начала подозрительно осматривать меня съ головы до ногъ. Нужнаго человѣчка не было дома, а потому мы и отправились прямо въ думу. У церкви остановилъ насъ печникъ:

— П. Г.! Чтожь ты? Я тебя, братецъ мой, дожидался, дожидался, ажно ѣсть захотилъ, сказалъ онъ моему спутнику.

— Постой! Не до тебя. Дѣла у насъ тутъ пошли такія, спѣшныя.

— Что мнѣ за дѣло? Я глину замѣсилъ.

— Погоди немножко: я сейчасъ.

— То-то, смотри, проворнѣй справляй дѣла-то свои! Рожна ли тутъ еще копаться, кричалъ намъ вслѣдъ печникъ.

— Можетъ быть, я васъ отвлекаю отъ занятій? спросилъ я Ф.— Вы пожалуйста не стѣсняйтесь! Теперь я и одинъ найду дорогу въ думу.

— Нѣтъ; это ничего. Еще я успѣю. Тутъ, видите, печка строится въ алтарѣ, такъ я взялся показать. Вотъ онъ и пристаетъ ко мнѣ.

— Такъ чтожь ему дожидаться? Право, вы для меня напрасно безпокоитесь.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я васъ одного въ думу не пущу. Вы не знаете.

— Ну, какъ хотите.

Наконецъ, пришли мы въ думу. Въ темной передней встрѣтилъ насъ высокій, сѣдой старикъ, въ долгополомъ сюртукѣ, и сердито спросилъ: что надо? Я показалъ записку. Старикъ взялъ ее, велѣлъ

мнѣ подождать и ушелъ куда-то. Ф. сказалъ мнѣ: постойте-ка, я тутъ въ одно мѣсто сбѣгаю, и тоже ушелъ. Я остался въ обществѣ двухъ мѣщанъ, которые, какъ и я, ждали чего-то и отъ скуки терлись объ стѣну спиною. Чрезъ нѣсколько минутъ выглянулъ изъ двери писецъ и, внимательно осмотрѣвъ меня, сказалъ:

— Да вы бы сюда вошли. Я вошелъ. Писецъ сѣлъ на свое мѣсто и началъ меня разсматривать. Я смотрѣлъ на писца.

— Вы, должно быть, не здѣшніе?

— Не здѣшній.

— Чѣмъ торгуете?

— Я ничѣмъ не торгую.

— Прошу покорно садиться.

Я сѣлъ. Писецъ принялся перелистывать бумаги и подправлять буквы, сдѣлавъ при этомъ чрезвычайно озабоченный видъ. Но по лицу его сейчасъ же можно было замѣтить, что его мучитъ любопытство. И дѣйствительно, онъ не выдержалъ, взялся чинить перо и, разсматривая его на свѣтъ, спросилъ меня равнодушнымъ тономъ:

— Вы по какимъ же собственно дѣламъ?

Я объяснилъ, что вотъ такъ и такъ, отъ К—на записку принесъ.

— Мм.

Въ это время вернулся сердитый старикъ.

— Отнесъ записку? спросилъ его писецъ.

— Отнесъ.

— Ну, что?

— Ничего. А вы зачѣмъ на полъ плюете? Нѣтъ вамъ мѣста окромя полу?

— Ну, ну, не ворчи!

— Чего не ворчи! Ходи тутъ за вами, убирай.

Старикъ опять куда-то ушелъ. Я сидѣлъ, сидѣлъ, скука меня взяла: нейдетъ Ф. Въ отворенную дверь видно было, какъ въ передней мѣщане вздыхаютъ, потягиваются и разсматриваютъ свои сапоги. Пришелъ еще писецъ и принялся писать. Я отворилъ дверь въ другую комнату; тамъ было присутствіе: большой столъ, покрытый сукномъ, зерцало, планы развѣшаны по стѣнамъ. Я вошелъ въ присутствіе и сталъ разсматривать планъ Осташкова. Удивительно правильно выстроенъ, совершенно такъ, какъ строятся военныя поселенія: все прямоугольники, улицы прямыя, площади квадратныя. На столѣ лежитъ книга; я посмотрѣлъ: «Памятная книжка Тверской губерніи за 1861 г. Цѣна 85 коп.».

— Эй! ступай вонъ! вдругъ закричалъ кто-то позади меня. Я оглянулся: въ дверяхъ стоитъ старикъ.

— Нешто можно въ присутствіе ходить?

Я вышелъ, держа книгу въ рукахъ.

— Брось книгу-то, брось! Зачѣмъ берешь?

— Я хочу ее купить.

— Купить! Ишь ты, покупатель какой!

Я отдалъ старику книгу и спросилъ писца: нельзя ли мнѣ пріобрѣсти одинъ экземпляръ? Писецъ сказалъ, что можно; я отдалъ ему деньги и потребовалъ сдачи. Писецъ взялъ было трехрублевую бумажку, но другой, вдругъ сообразивъ что-то, вырвалъ у него деньги и возвратилъ ихъ мнѣ; потомъ взялъ книгу, отвелъ въ сторону перваго писца и сталъ съ нимъ перешептываться; потомъ позвалъ старика и послалъ его куда-то съ книгою. Старикъ заворчалъ, однако пошелъ. Тутъ же явился Ф.

— Гдѣ это вы пропадали?

— Да все хлопоталъ по нашему дѣлу. Усталъ до смерти. Съ этой запиской такая возня была. Ну, да слава Богу, уладилъ. Сейчасъ секретарь придетъ.

Съ книгою тоже началась возня. Старикъ ходилъ кого-то спрашивать, можно ли продать? Послѣ долгихъ совѣщаній наконецъ рѣшили, что продать книги нельзя, хотя она имѣлась въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ и назначалась собственно для продажи. Вся эта путаница начала меня выводить изъ терпѣнія.

— Поймите же вы, убѣждалъ я писца: — поймите же вы, что эту книгу я могу купить вездѣ. Вѣдь не секретъ же это какой нибудь?

На всѣ мои убѣжденія писецъ пожималъ плечами и отвѣчалъ:

— Это, конечно, такъ-съ.

— Само собою разумѣется.

Тѣмъ не менѣе книги продать не рѣшался. Ф. опять побѣжалъ куда-то и вернулся съ секретаремъ, который обѣщалъ мнѣ наконецъ составить выписку изъ приходорасходной вѣдомости и отдалъ мнѣ книгу, но опять-таки затруднился: взять деньги, или нѣтъ. Для рѣшенія этого вопроса посылали еще куда-то; вышло рѣшеніе: взять деньги. Я получилъ книгу и ушелъ.

— Скажите, пожалуйста, отчего они не хотѣли продать книгу? спросилъ я у Ф., когда мы сходили съ лѣстницы.

— Боятся. Что съ ними станешь дѣлать?

— Чего жь они боятся? Развѣ это что нибудь запрещенное? Вѣдь она прислана для продажи.

— Такъ-то оно такъ. Да ужь у насъ порядокъ такой. Богъ *его* знаетъ! Вѣдь оно, конечно, пустяки, ну, а вдругъ спроситъ: «кто смѣлъ безъ моего позволенія книгу продать?» Какъ тогда за это отвѣчать?.. Такъ куда же теперь?

— Да мнѣ бы хотѣлось воспитательный домъ посмотрѣть, только, право, мнѣ совѣстно, что я отвлекаю васъ отъ занятій.

— Ужь вы обо мнѣ не хлопочите. Вотъ мы какъ сдѣлаемъ: сходимъ теперь въ воспитательный домъ, а оттуда ко мнѣ обѣдать.

— Отлично.

Вышли мы на главную улицу, миновали площадь и бульваръ. Проѣхали дрожки съ дамою.

— Полковница... таинственно шепнулъ мнѣ Ф.

— Какая полковница?

— А наша-то.

— Да, да. Вѣдь у васъ тутъ полкъ стоитъ.

Только въ воспитательный домъ мы тоже сразу не попали. Зашли мы почему-то въ лавку къ одному купцу, а оттуда вдругъ, совершенно неожиданно, очутились въ какой-то горенкѣ, гдѣ застали водку на столѣ. Я не успѣлъ еще опомниться, какъ ужь хозяинъ, почтенный старецъ въ синемъ кафтанѣ, стоитъ передо мною съ подносомъ и, низко кланяясь, проситъ откушать. Я въ замѣшательствѣ выпилъ рюмку и закусилъ какимъ-то мармеладомъ. Только что я успѣлъ придти въ себя, гляжу — хозяинъ ужь опять стоитъ съ подносомъ и опять *проситъ* мадерой. Отъ мадеры я хотя и отдѣлался; но долженъ былъ зато разсмотрѣть коллекцію старинныхъ монетъ и жетоновъ, въ числѣ которыхъ находилась и *подлинная* грамата Дмитрія Донскаго, отлично сохранившаяся, написанная, должно быть, *древнимъ* ализариномъ на древней же невской бумагѣ.

Надо замѣтить, что страсть къ археологіи и нумизматикѣ здѣсь въ большомъ ходу и служитъ вѣчнымъ и безконечнымъ поводомъ къ разнаго рода препираніямъ и ссорамъ. Я рискнулъ было усумниться въ подлинности граматы, но, примѣтивъ на лицѣ хозяина произшедшее отъ того неудовольствіе, замолчалъ, не желая разрушать заблужденіе, на которомъ только и держится, можетъ быть, все его дряхлое существованіе. А тутъ, на мое горе, нашелся добрый человѣкъ, который, Богъ его знаетъ, — изъ желанія ли сдѣлать мнѣ любезность, или просто обрадовавшись случаю поспорить, — счелъ за нужное меня поддержать и тоже усумниться въ подлинности этой несчастной граматы. Хозяинъ, сдѣлавшій мнѣ легкую гримасу, не сталъ стѣсняться передъ тѣмъ гостемъ и прямо обругалъ его, принявъ недовѣрчивость за личное для себя оскорбленіе. Гость ожидалъ, вѣроятно, поддержки отъ меня и затѣялъ споръ, просто, ради искуства; но, не будучи поощряемъ мною къ продолженію его, умолкъ и надулся. Хозяинъ копался въ монетахъ и сердито укладывалъ ихъ на мѣсто, ворча себѣ подъ носъ:

— Знатоки! много вы смыслите!.. Какъ же!.. Ученые!.. и проч. въ этомъ родѣ,

Такимъ образомъ я невольно внесъ духъ отрицанія и раздора въ домъ почтеннаго гражданина, который, можетъ быть, и пригласилъ-то насъ собственно для того, чтобы мы похвалили его коллекцію. Послѣ этого оставалось одно: подмигнуть Ф. и благоразумно удалиться, что я и сдѣлалъ, разумѣется, предварительно поблагодаривъ хозяина за угощеніе. Однако, совѣсть меня мучила. Погруженный въ сознаніе только что сдѣланной ошибки, идя рядомъ съ Ф., я и не замѣтилъ, какъ мы подошли къ воспитательному дому.

— Чтоже дѣточекъ-то нашихъ посмотрѣть хотите? спросилъ меня мой спутникъ.

— Ахъ, да. Пойдемте.

Убѣжище для сиротъ и убогихъ помѣщается въ томъ же большомъ каменномъ домѣ, гдѣ и училище, въ домѣ съ красновато-казенной наружностію и огромнѣйшею золотою вывѣскою: *Домъ благотворительныхъ заведеній общественнаго банка Савина.*

Мы вошли на дворъ и поднялись на крыльцо. Въ сѣняхъ встрѣтила насъ очень свѣжая на видъ нянька, съ кружкою квасу въ рукахъ, и дружески сказала моему спутнику:

— А! П. Г.! Что это васъ давно не видать? Въ кои-то вѣки заходите.

— Вотъ дѣточекъ вашихъ пришли посмотрѣть.

— Чтожь, милости просимъ. Пожалуйте. Да что ихъ смотрѣть? Какіе на нихъ узоры?

— А вотъ господинъ чиновникъ желаютъ видѣть, сказалъ Ф., указывая на меня.

— Что вы, П. Г.? Какой же я чиновникъ? воскликнулъ я съ отчаяніемъ; но дѣло уже было сдѣлано: слово вылетѣло и произвело свое дѣйствіе. Нянька вдругъ начала прикрывать фартукомъ кружку, какъ будто въ ней было что нибудь запрещенное; стала обдергивать платокъ на головѣ и вообще старалась придать себѣ наиболѣе форменный видъ. Впустивъ насъ въ кухню, она схватила, Богъ знаетъ, зачѣмъ, полотенце и начала смахивать имъ со стола и утирать носы дѣтямъ, сидѣвшимъ за столомъ и ковырявшимъ пальцами кашу. Всѣ эти хлопоты были очень смѣшны и въ то же время обидны, тѣмъ болѣе, что приготовленія къ нашему пріему совершались тутъ же, на нашихъ глазахъ и уже тогда, когда мы застали няньку, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія. Впрочемъ, я и не понимаю, изъ-за чего она хлопотала, потому что преступленія-то въ сущности никакого не было; только дѣти, изумленныя происшедшей внезапно тревогою, ничего не могли понять и, вытаращивъ глаза и разинувъ рты съ не-

прожеванной кашей, въ испугѣ смотрѣли на насъ. Одинъ мальчикъ съ подобраной въ видѣ куртки рубашкою и вымазаннымъ лицомъ, держа огромную деревянную ложку въ рукѣ, поглядѣлъ, поглядѣлъ, да вдругъ какъ заревѣтъ и поползъ по лавкѣ, крича и хлопая ложкою. Нянька нашла такой поступокъ питомца неприличнымъ въ присутствіи такихъ почтеныхъ посѣтителей, закричала на него и унесла въ другую комнату. Однако, какъ ни старалась она показать свое рвеніе и сгладить по возможности всѣ признаки жизни съ семейной картины, которую мы успѣли захватить, но мѣстный колоритъ все еще уцѣлѣлъ на столько, что давалъ совершенно удовлетворительное понятіе о патріархальномъ бытѣ, который, подобно язвѣ, вкрался въ заведеніе помимо воли начальства. Благотворители, какъ видно, не сообразили, что дѣти, хотя и незаконнорожденные, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы, какъ мѣдныя пуговицы, отлично вычищенныя суконкой. Въ ту минуту, когда мы входили, въ кухнѣ за столомъ сидѣло трое дѣтей, изъ которыхъ одна дѣвочка лѣтъ 7, другія же только что отнятыя отъ груди. Они, какъ видно, обѣдали. Мы застали на столѣ чашки и горшокъ съ кашею, въ которомъ они и копались преспокойно, запустивъ въ нее руки по локоть. У окна сидѣла другая нянька съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ и, разжевавъ немного пшенной каши, сбиралась отправить ее съ помощію пальца ребенку въ ротъ. Мы ее такъ и застали съ разжеванной кашей на пальцѣ. Какъ ни желалъ я помѣшать старшей нянькѣ произвести порядокъ, какъ ни торопился застать ее въ расплохъ, все-таки рвеніе ея опередило насъ, и въ слѣдующей комнатѣ мы уже не нашли никакихъ признаковъ жизни: тутъ уже все было готово къ нашему приходу; только по заспаннымъ лицамъ кормилицъ и по усиленному ихъ дыханію можно было догадаться о той суворовской тревогѣ, которая подобно вихрю пронеслась по всему дому и все сгладила, сравняла въ мгновеніе ока. Кроватки съ сонными дѣтьми, вытянутыя въ линію, почтительно стояли въ два ряда по обѣ стороны; кормилицы, подобно ефрейторамъ, торчали чрезъ каждыя двѣ кроватки и какъ-то невыразимо странно дѣлали какой-то бабій фронтъ. До этой минуты я никогда не могъ себѣ представить, чтобы изъ кормилицъ въ платкахъ и въ ситцевыхъ сарафанахъ можно было сдѣлать нѣчто парадное; но я и до сихъ поръ не могу себѣ представить ничего глупѣе и нелѣпѣе той роли, которую мнѣ пришлось, по милости моего проводника, разъиграть передъ этимъ строемъ дѣтскихъ кроватокъ, передъ этими несчастными дѣтьми, которыя и не подозрѣваютъ, въ какой пошлой комедіи должны они участвовать съ самаго почти дня рожденія и какимъ горькимъ униженіемъ платятъ они за право жить и ѣсть разжеванную нянькой кашу.

Оскорбленный и сконфуженный, нагнулся я къ одной изъ кроватокъ, чтобы скрыть такимъ образомъ смущеніе, противъ воли выступившее у меня на лицѣ, и посмотрѣлъ на спящаго ребенка. Кормилица удивительно ловко отдернула пологъ и опять вытянулась, прямо и бодро глядя мнѣ въ глаза. Старшая нянька шепталась съ Ф.; я сталъ прислушиваться: она называла по имени мать этого ребенка. Въ то же время вошла семилѣтняя дѣвочка, которую мы видѣли въ кухнѣ, и стала ласкаться къ нянькѣ.

— А вотъ эта у насъ дворянка,—сказала нянька, указывая на дѣвочку.

— Такъ вы барышня? шутя спросилъ ее Ф.

Дѣвочка положила палецъ въ ротъ и спрятала лицо въ платье няньки. Нянька вытащила ее за руку и, поставивъ передъ нами, сказала:

— А, дура! чтожь ты прячешься? Слышишь, дядя спрашиваетъ. Говори, кто твоя мать?

Дѣвочка молча вертѣла уголъ своего фартука.

— Ну! чтожь ты?

— *Гуфинанка,* шопотомъ проговорила она и опять спряталась за няньку.

— Губернанка, пояснила нянька: — а отецъ у ней помѣщикъ... такой-то (она назвала фамилію).

Изъ воспитательнаго отдѣленія прошли мы въ страннопріимное, гдѣ застали уже все въ отмѣнномъ порядкѣ. Въ первой комнатѣ вскочили передъ нами какіе-то увѣчные старики, въ сѣрыхъ халатахъ, и съ тупымъ изумленіемъ поглядѣли на насъ; въ другой, очень большой и свѣтлой комнатѣ, съ лакированнымъ поломъ и портретомъ коммерціи совѣтника Савина въ великолѣпной рамѣ, мы нашли съ десятокъ кроватей удовлетворительно казенной наружности, со стоящими подлѣ нихъ тоже достаточно убогими старухами, съ чулками въ рукахъ, которые попытались было въ свою очередь отдать намъ подобающую честь, но я отъ этой чести успѣлъ во время ускользнуть. Все это, Богъ знаетъ почему, было мнѣ до такой степени противно, что я почти выбѣжалъ изъ дома благотворительныхъ заведеній и тутъ только вздохнулъ свободнѣе. Того, что я видѣлъ и слышалъ въ этотъ день, было для меня слишкомъ много, и потому, положа руку на сёрдце, я счелъ себя вправѣ пообѣдать. Ф. опять окормилъ меня какими-то рижскими пирогами и кромѣ того угостилъ меня великолѣпной коллекціею разнаго рода гравюръ, относящихся до его спеціальности; коллекціею, состоящею изъ огромнаго собранія фресковъ, орнаментовъ и множества архитектурныхъ рисунковъ, скопленныхъ имъ въ продолженіи многихъ лѣтъ. Послѣ обѣда повелъ онъ меня въ мастерскую, гдѣ я нагляднымъ образомъ могъ убѣдиться въ томъ, что у этого человѣка

бездна вкуса и удивительно разнообразныя способности. Я видѣлъ нѣсколько моделей иконостасовъ его собственнаго сочиненія, и особенно понравились мнѣ чрезвычайно простыя, но въ то же время необыкновенно легкія и художественныя издѣлія по этой части для сельскихъ церквей. Послѣ чаю ушелъ я домой, т. е. на постоялый дворъ. Только что успѣлъ отворить дверь, слышу, — опять за стѣной та же исторія, какъ и утромъ, и опять тѣ же вопли; мужики по прежнему *ничего не понимаютъ*, помѣщикъ по прежнему оретъ: — Ахъ, губители! Уморили... а? Ахъ, губители!...

За стѣной происходитъ, такъ называемое, *добровольное соглашеніе*. Помѣщикъ старается, какъ слышно, во что бы то ни стало, растолковать мужикамъ необходимость выкупа и для этого рѣшился прибѣгнуть даже къ наглядному способу, какимъ учатъ дѣтей ариѳметикѣ.

— Антонъ! кричитъ измученный и уже отчасти охрипшій помѣщикъ: — Антонъ! поди сюда! Сюда, ближе къ столу. Да чего ты, братецъ, боишься?

Слышенъ скрипъ мужичьихъ сапоговъ.

— Давай сюда руки! чтожь ты? давай же! я вѣдь не откушу. Гдѣ твоя шапка?

Мужичій голосъ говоритъ шопотомъ:

— Матвей! давай свою! Вотъ, Александра Васильичъ, эта шапочка будетъ превосходнѣе. Извольте получить.

— Все равно. Ну, да хорошо. Давай ее сюда. Теперь, Антонъ, держи эту шапку крѣпче.

Мужикъ вздыхаетъ.

— Представь себѣ, что эта шапка — земля! — Понялъ?

— Тэксъ-съ.

— Эта шапка—моя земля, и я тебѣ эту землю отдалъ въ пользованіе. Понялъ?

— Слушаю-съ.

— Нѣтъ, не такъ. Постой! я возьму шапку. Представь, что тебѣ нужна земля, т. е. эта шапка! Вѣдь она тебѣ нужна?

— Чего-съ?

— Дуракъ! я тебя спрашиваю: нужна тебѣ шапка, или нѣтъ? Можешь ты безъ нея обойтись?

— Слушаю-съ.

— Ахъ, разбойникъ! Да вѣдь я тебѣ ничего не приказываю, глупый ты человѣкъ! Я тебя спрашиваю: чья это шапка?

— Матюшкина.

— Ну, хорошо. Ну, положимъ, что Матюшкина, но ты представь себѣ, что эта шапка моя.

— Это какъ вамъ будетъ угодно.

— Дура—чортъ! Мнѣ ничего не угодно. Я тебѣ говорю, прѐдставь только.

— Я приставлю-съ.

— Ну, теперь, бери у меня шапку. Ну, бери, бери! Ничего, ничего, не бойся! Бери! Чтожь ты?

Мужикъ не отвѣчаетъ.

— Чтожь ты не берешь?

Молчаніе.

— Губитель ты мой! Я тебя спрашиваю: чтожь ты не берешь? а? а? а?

— Да коли ежели милость ваша будетъ...

— Фу, ты Господи! Ахъ разбойники! Уморили! Ничего, ничего не понимаютъ! завопилъ опять помѣщикъ и началъ ходить по комнатѣ.

Несколько минутъ продолжалось молчаніе, наконецъ одинъ изъ мужиковъ спросилъ:

— Лександра Васильичь!

— Ну, что тебѣ?

— Позволвте выдти на дворъ!

— Зачѣмъ?

— Оченно взопрѣли.

— Ступай.

Немного погодя попросился и другой. Я отворилъ немного дверь въ сѣни и сталъ слушать.

— Ну какъ же теперь это дѣло понять? шопотомъ спрашивалъ одинъ у другаго.

— Извѣстно, жилитъ. Прямо, то есть, сказать не можетъ, потому воли ему теперь такой нѣтъ; ну, онъ, братецъ мой, и хочетъ, значитъ, чтобы, то есть, обманомъ. Слышалъ, про шапки-то?..

— Да. Что такое? не пойму и никакъ, что это онъ про шапки-то?

— Эво-ся! Рожна ли тутъ не понять? Вотъ сей часъ оберу, говоритъ, у васъ шапки и до тѣхъ поръ не отдамъ, покелѣ, то есть, не будете согласны.

— Ишь ты вѣдь, чортъ! Да. А я такъ думалъ, что это онъ примѣръ только дѣлаетъ. Ахъ, волки тя ѣшь! Матюшкина-то шапка значитъ аминь. Новая... Ну, хорошо, парень, я свою не далъ! Ровно мнѣ кто въ уши шепталъ: не давай, молъ, пути не будетъ! А твоя здѣсь?

— Вотъ она!

— Такъ чтожь ты? Давай, убѣжимъ! Я теперь такъ запалю: на лошади не догнать.

— Ой ли?

— Да ей Богу!

— Валяй!...

— Что вы тамъ долго прохлаждаетесь? отворивъ дверь, закричалъ вдругъ помѣщикъ.

Мужики вошли въ комнату и опять начались разговоры въ томъ же родѣ. Я слушалъ, слушалъ и наконецъ заснулъ.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

ЗНАКОМСТВА.

Послѣ всѣхъ моихъ безплодныхъ хожденій по разнаго рода присутственнымъ мѣстамъ и прочимъ общественнымъ заведеніямъ, съ болѣе или менѣе казенной обстановкою, я наконецъ догадался, что, идя этой дорогой, я ровно ничего не узнаю; что съ этой стороны городъ достаточно укрѣпленъ и почти неприступенъ; что оффиціальная ложь стоитъ при входѣ и не допускаетъ любопытнаго проникнуть въ тайную мастерскую осторожнаго механика. Соображая это, я нечаянно напалъ, хотя и на самый битый, но за то и самый вѣрный путь, и именно: шляться по домамъ и просто слушать все, что ни попало. Для пріѣзжаго человѣка, непричастнаго мѣстнымъ интересамъ, даже сплетни и всякаго рода самая пустая болтовня имѣютъ огромную цѣну, особенно если умѣешь обращаться съ этимъ матеріаломъ. Какъ, по видимому, ни ничтожны эти данныя, но я убѣжденъ, что они только такъ кажутся ничтожными на первый взглядъ. Согласитесь, что осташковскія сплетни напримѣръ, — имѣющія, разумѣется, все-таки болѣе или менѣе серьезный характеръ, — способны созрѣвать только на мѣстной, только на осташковской почвѣ и, слѣдовательно, должны неминуемо заключать въ себѣ соки породившей ихъ среды, должны отражать въ себѣ мѣстный взглядъ, мѣстные интересы. Что же касается неизбѣжнаго въ этомъ случаѣ преувеличенія и даже искаженія фактовъ, то я убѣдился, что, при внимательномъ сличеніи нѣсколькихъ экземпляровъ, все лишнее, не характерное слетаетъ подобно шелухѣ, и въ результатѣ остается все-таки голая истина.

Въ продолженіи трехъ дней пришлось мнѣ познакомиться съ нѣсколькими промышленниками средней руки. Всѣ мои визиты къ этимъ, такъ называемымъ, гражданамъ удивительно похожи другъ на друга. Мнѣ случилось какъ-то въ одинъ день быть въ трехъ домахъ, и эти три дома до такой степени ничѣмъ почти не отличаются одинъ отъ другаго, что послѣ, дня два спустя, мнѣ нужно было ужасно напрягать память и воображеніе, чтобы дать себѣ отчетъ: въ какомъ домѣ и что именно я видѣлъ и слышалъ? Даже расположеніе комнатъ и вся

внутренняя обстановка домовъ чрезвычайно однообразны. Въ передней непремѣнно темно и пахнетъ шубами, въ залѣ чистый, крашеный полъ, жиденькіе стульчики подъ орѣхъ, два ломберныхъ стола краснаго дерева, на которыхъ стоятъ по два подсвѣчника аплике. Въ гостиной кожаный диванъ, такія же кресла, бисерный поддонникъ на кругломъ столѣ съ одной качающейся ножкой; иной разъ портретъ какой нибудь на стѣнѣ; чаще изображеніе Нила преподобнаго, стоящаго на водѣ, съ виднѣющеюся позади его пустынью. Изъ гостинной дверь куда-то, вѣроятно въ дѣтскую, потому что оттуда всегда то же выходитъ какой-то кисловато-прѣлый запахъ молочной каши. Изъ этой же двери время отъ времени выглядываютъ, точно звѣрки, два, а иногда и четыре маленькіе глаза и долго съ пугливымъ любопытствомъ разсматриваютъ гостя; и во все это время слышится за дверьми торопливый шопотъ, отпираніе комода и сдержанныя восклицанія: гость, гость. Затѣмъ отворяется завѣтная дверь, и хозяинъ, большею частію человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ долгополомъ сюртукѣ, съ бритымъ подбородкомъ и недоумѣвающимъ лицомъ, покорнѣйше проситъ садиться. Черезъ пять минутъ на кругломъ столѣ, вмѣсто бисернаго поддонника, является мадера, мармеладъ, а иногда и просто водка съ солеными огурцами.

И говорить нечего, что всѣ эти люди народъ чрезвычайно общительный и гостепріимный, но, разумѣется, въ томъ только случаѣ, если гость можетъ представить болѣе или менѣе благонадежную рекомендацію. Зная это условіе, я запасался всякій разъ проводникомъ изъ тѣхъ же гражданъ, который могъ бы поручиться, что я не шпіонъ. А заручившись такимъ проводникомъ, я уже могъ проникнуть всюду. И что это за милый народъ, эти граждане! Куда вдругъ дѣвается у нихъ и эта мнительность, и это тупое сосредоточенное пересыпаніе изъ пустаго въ порожнее? Мрачный, не разговорчивый на первый взглядъ человѣкъ вдругъ оказывается необыкновенно любезнымъ, откровеннымъ и чистосердечнѣйшимъ малымъ, готовымъ разсказать всю подноготную съ той самой минуты, какъ только убѣдится вполнѣ, что вы нигдѣ не служите и съ городскими властями не имѣете ничего общаго. Но замѣчательно, что пока говоришь съ ними о промышленности или просто болтаешь о разныхъ мелкихъ предметахъ, все идетъ хорошо; но какъ только сведешь рѣчь на городское управленіе, на достоинства и недостатки ихъ общественной жизни, такъ въ то же мгновеніе человѣкъ какъ-то свихивается и начинаетъ молоть, Богъ знаетъ, что. Осташковъ и его учрежденія—это для нихъ какой-то пунктъ помѣшательства. Только что весело и даже остроумно говорившій о всякой всячинѣ человѣкъ, при одномъ имени Осташкова сейчасъ задумывается, начинаетъ смотрѣть куда-то въ бокъ

и потомъ вдругъ ударяется въ безобразнѣйшее и пошлѣйшее хвастовство своимъ городомъ и его заведеніями: пѣвчими, бульваромъ и проч., или впадаетъ въ желчное расположеніе духа и съ злобнымъ, ядовитымъ смѣхомъ начинаетъ безпощадно язвить свой родимый городъ. Я старался замѣчать: чѣмъ собственно они хвастаются и что бранятъ? и замѣтилъ слѣдующее. Хвалится осташъ своимъ озеромъ, паникадилами, рыбою, танцами и павильонами. Чѣмъ нибудь, да ужь непремѣнно хвалится: это здѣсь какая-то повальная болѣзнь. Кто поразвитѣе, тѣ обращаютъ ваше вниманіе на банкъ, библіотеку, театръ и кринолины, указывая въ особенности на послѣдніе (т. е. театръ и кринолины), какъ на самые очевидные и несомнѣнные признаки той высокой степени цивилизаціи, на которой стоитъ Осташковъ. Хвалится осташъ своимъ городомъ больше по привычкѣ хвалиться, потому что похвальбу своимъ городомъ онъ съ дѣтства привыкъ считать своей священной обязанностію и знаетъ, что всѣ его хвалятъ. Ругается же онъ, или вслѣдствіе скептическаго міросозерцанія, привитаго ему долгими странствіями по чужимъ городамъ, или потому, что ужь очень допекутъ его разныя удобства и общественныя учрежденія; но это бываетъ рѣдко; чаще всего ругается осташъ въ тѣхъ случаяхъ, когда бываетъ оскорбленъ и мелкое самолюбьишко его уязвлено какимъ нибудь мелкимъ случаемъ. Что касается хвастовства, то мнѣ особенно бросилось въ глаза вотъ какое обстоятельство. Общественная пожарная команда, какъ извѣстно, составляетъ справедливую гордость Осташкова, но замѣчательно, что хвастаются ею только люди, по своему положенію не обязанные принимать участія въ тушеніи пожаровъ, т. е. служащіе и вообще достаточные люди. Отъ тѣхъ же, которые составляютъ пожарную команду, я не только не слыхалъ похвальбы, но даже просто не могъ добиться толкомъ: какимъ способомъ производится это тушеніе. Я не знаю, отчего это дѣлалось? Оттого ли, что я не умѣлъ спросить, или оттого, что эти люди до такой степени привыкли смотрѣть на свои общественныя обязанности, какъ на дѣло очень обыкновенное, что даже ни разу не потрудились дать себѣ отчетъ, какъ это дѣлается. Мнѣ второе кажется болѣе вѣроятнымъ потому, что и въ другихъ подобныхъ случаяхъ я замѣчалъ то же самое. Такъ, напримѣръ, сапожники умѣли отлично разсказать мнѣ все, что касается танцевъ или павильоновъ, но я никакъ не могъ узнать отъ нихъ: какимъ порядкомъ попадаютъ они въ кабалу къ своимъ хозяевамъ-капиталистамъ; и узналъ это ужь отъ постороннихъ людей, вовсе не занимающихся сапожнымъ мастерствомъ. Точно такая же исторія и съ банкомъ; напримѣръ, люди не имѣвшіе надобности прибѣгать къ его помощи, хвастаются имъ на пропалую: у насъ-де банкъ, у насъ

200 тысячь!... Тотъ же, кто отнесъ туда послѣднюю ризу съ родительскаго благословенія, ничего о пользѣ банка сказать не можетъ; или просто молчитъ, или замѣчаетъ: — да, оно хорошо; когда деньги нужны, отнесъ вещь и сейчасъ денегъ даютъ. О разорительныхъ для города свойствахъ банка узналъ я тоже отъ постороннихъ людей, никогда не имѣвшихъ въ немъ нужды.

Что же касается недовольныхъ, то надо признаться, что ихъ тоже не мало въ Осташковѣ. Ихъ тоже, какъ и хвастуновъ, можно раздѣлить на два разряда. Примется, бывало, кто нибудь ругать городъ, ну, я, разумѣется, и слушаю: на что онъ станетъ налегать. При этомъ я замѣтилъ, что изъ недовольныхъ люди, не страдающіе отъ существующихъ въ городѣ порядковъ, являются большею частію самыми толковыми ругателями и всегда могутъ представить очень основательныя причины своего недовольства, хотя обвиненія ихъ и выходятъ всегда болѣе или менѣе желчны и насмѣшливы. Но есть другой разрядъ ругателей: это люди съ уязвленнымъ самолюбіемъ, люди кѣмъ нибудь задѣтые, обойденные какими нибудь милостями и вслѣдствіе этого одержимые завистію. Эти обыкновенно ругаютъ все на поваль, все, что не касается ихъ самихъ. Но ругательства и нападки ихъ отличаются въ то же время удивительною односторонностію и узостію взгляда, такъ что, послушавъ ихъ раза три–четыре, можно всегда болѣе или менѣе вѣрно опредѣлить: кѣмъ и чѣмъ они не довольны; и всегда оказывается, что причина ихъ недовольства въ сущности какой нибудь вздоръ, а до согражданъ имъ нѣтъ никакого дѣла. Зато люди, дѣйствительно потерпѣвшіе и постоянно терпящіе, обыкновенно тупо молчатъ и, понявъ безвыходность своего положенія, признаютъ его даже законнымъ и необходимымъ для славы своего роднаго города.

На дняхъ познакомился я съ однимъ рыбакомъ. Случилось это слѣдующимъ образомъ: на той недѣлѣ, часовъ въ 10 утра, по заведенному мною обычаю, недождавшись Ф., прихожу я къ нему; вижу, онъ собирается.

— Куда вы?

— Къ одному гражданину въ гости. Пойдемте со мною.

— Какъ же я пойду? Вѣдь я съ нимъ не знакомъ.

— Ну, такъ что же? Познакомитесь.

— А и то правда. Пошли. Рыбакъ, какъ и слѣдуетъ рыбаку, живетъ у самаго почти озера, въ грязной прибрежной улицѣ, въ бѣленькомъ каменномъ домикѣ, съ высокими воротами на старинный манеръ. Гражданинъ–рыбакъ, къ которому мы отправились, одинъ изъ крупныхъ промышленниковъ и ведетъ большую торговлю соле-

ною и вяленою рыбою; кромѣ того, занимается изготовленіемъ рыболовныхъ снарядовъ на продажу. Встрѣтилъ онъ насъ въ халатѣ и повелъ въ залу.

— Прошу покорно садиться.

Ф. сдѣлалъ обо мнѣ свою обычную рекомендацію:

— Какъ они очень любопытны и проч., я сейчасъ же прибавилъ :

— Ты имъ насчетъ рыбки-то пораскажи. Кто же и можетъ разъяснить это дѣло, кромѣ тебя? Хозяинъ задумался.

— Да, ужь разумѣется, кромѣ меня разъяснить этого дѣла некому, сказалъ онъ наконецъ, обращаясь къ Ф.

— Еще бы. Вѣдь ты у насъ... извѣстно...

— Такъ, такъ, такъ, такъ. Что и говорить. Все дѣло въ нашихъ рукахъ. Ну, какъ же теперь? Съ чего же начинать?

— Ужь это какъ самъ знаешь.

— Такъ, такъ, такъ. Знаю, знаю. Я и начать-то съ чего, знаю.

— Мнѣ тебя не учить.

— Такъ, такъ. Гдѣ тебѣ меня учить? Да. Знаю, знаю, говорилъ онъ, какъ бы соображая что-то. Да не прикажете ли кофею? А то, можетъ, водочки не угодно ли?

— Какая теперь водка? Что ты? Давай намъ кофею.

— Это можно. Велимъ кофей заварить.

Онъ вышелъ.

— Скажите пожалуйста, спросилъ я между тѣмъ у Ф.—Отчего же этотъ не ломается и не скрытничаетъ?

— Ужь такой человѣкъ, отвѣчалъ Ф. — Характеръ имѣетъ легкій и никого не боится.

Чрезъ нѣсколько минутъ вернулся хозяинъ, говоря:

— А я, братъ, признаться, хотѣлъ то желѣзо купить—сукціонное; только вижу я, что купить его, значитъ, врага себѣ нажить. Пусть пропадаетъ.

— Да и я ходилъ, видѣлъ: лежитъ желѣзо, а купить нельзя. Богъ съ нимъ. А вѣдь дешево.

— Еще бы. Потому-то мы и не можемъ его купить, что ужь очень оно дешево. Это, братъ, не намъ, не намъ, а имени твоему.

— Ну, да что объ этомъ толковать, сказалъ Ф. — Ты лучше про дѣло-то намъ.

— Про какое дѣло?

— Да зачѣмъ мы пришли?...

— Зачѣмъ вы пришли?

— Ахъ, чудакъ! А о рыбѣ-то?

— О! Да чтожь объ ней разсказывать? Извѣстно, рыба. Вотъ

ежели солить, это другой расчетъ. Сейчасъ заготовимъ посуду, разсолъ сдѣлаемъ и солимъ. Такіе мастера у насъ есть.

Хозяинъ видимо не зналъ, съ чего начать.

— Ну, а сушить? спросилъ его Ф.

— Сушить? Сушить, я тебѣ скажу, тоже надо умѣючи. Ежели теперь ты не досушишь, а какъ, значитъ, свалилъ ты ее въ ворохъ, то она сейчасъ должна паромъ изойти.

Мы всѣ трое затруднялись. Онъ не зналъ, что намъ нужно, а мы не знали, какъ спросить, и потому всѣ трое замолчали, томительно ожидая чего-то другъ отъ друга.

— И опять-таки, началъ снова хозяинъ, по прежнему обращаясь къ Ф.: — опять-таки и сушить безъ соли нельзя, — сгноишь.

— Ну, это такъ, сказалъ Ф.:—а какъ же теперь это?

— Что?

— Какъ ее ловить—рыбу?

— Ну, и ловить можно всячески. Какая рыба? на всякую рыбу свой особый припасъ. Потому намъ безъ припасу никакъ невозможно.

Мы опять затруднились. Ф. посмотрѣлъ на меня, желая, вѣроятно, спросить: — какую же рыбу тебѣ нужно? Я вдругъ догадался объ этомъ и въ головѣ у меня завертѣлись слова:

— Какую рыбу? Никакой мнѣ рыбы не нужно. Хозяинъ тоже смотрѣлъ на меня, ожидая вопроса. Я сдѣлалъ надъ собою усиліе и совершенно неожиданно для самого себя, спросилъ:

— Какіе же у васъ припасы?

Сдѣлавъ этотъ вопросъ на обумъ, я нечаянно попалъ въ точку. Хозяинъ сейчасъ же оживился и началъ:

— Невода есть, *сшивка* есть, *одинокъ плавной*, лѣтній; *одинокъ снѣтковый*, въ полторы сѣти; тянемъ бойчѣе и пужаемъ. *Мережи межточныя* (*) о двухъ крыльяхъ и о трехъ крыльяхъ, глядя по мѣсту; бываютъ о двухъ горлахъ и о трехъ горлахъ; *мережа хвоевая*, то безкрылая, ставимъ для плотвы и уклеи, во время *нароста*, между свѣжей ели; ну, еще *рѣдуха*, для крупной рыбы; *коротъ*, безъ крыльевъ, плетется изъ прутьевъ; *оборъ*, *обережъ*, у берега значитъ; пужаемъ *болткомъ*. Ну, вотъ я вамъ все сказалъ, что же еще? спрашивайте!

Я подумалъ, подумалъ и опять спросилъ на удачу:

— Гдѣ вы берете невода?

— Гм. Невода намъ брать негдѣ. Невода и всякій припасъ мы сами спряжаемъ. Вяжутъ сѣти въ уѣздѣ мелкими частями и разной длины, а сшиваемъ и смолимъ ужъ мы сами. Вотъ я вамъ какъ ска-

(*) Межтокъ—проливъ.

жу: есть у насъ такая книга. Нуженъ вамъ теперь, хоть бы къ примѣру неводъ; вотъ вы и пишете мнѣ: такъ и такъ, чтобы значитъ изготовить неводъ—такой длины, такой ширины! И мы тужь минуту въ книгу все это и вносимъ. И ужь, что тамъ написано, то вѣрно. Черезъ десять лѣтъ, черезъ двадцать лѣтъ, а ужь вы получите свое. Я вамъ ее покажу.

Хозяинъ вышелъ, а намъ между тѣмъ принесли кофе. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, неся записную книгу и еще какой-то большой свертокъ бумаги и сказалъ:

— А вотъ я захватилъ кстати показать вамъ одну вещицу.

Съ этими словами онъ положилъ на столъ свертокъ и открылъ его. На столѣ вдругъ очутилось нѣсколько сотъ штукъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ и жетоновъ.

— Ахъ, я и забылъ совсѣмъ о нихъ, сказалъ Ф.: — показывай! показывай!

Я сталъ разсматривать монеты, что доставило хозяину видимое удовольствіе, и хотя я въ нихъ ровно ничего не смыслилъ, однако внимательно разбиралъ подписи въ родѣ: *де-ма, мон. ру-бль,* и даже почему-то счелъ нужнымъ похвалить ихъ. Хозяинъ совсѣмъ забылъ о книгѣ, вѣрнѣй которой, по его словамъ, быть ничего не можетъ, и увлекаясь все болѣе и болѣе, началъ ужь разсказывать мнѣ разныя, по его мнѣнію, любопытныя подробности о томъ, какъ ему досталась та, или другая монета; и сожалѣлъ только о томъ, что у него не хватало экземпляра временъ Іоанна III-го.

— Ну, это все хорошо, сказалъ наконецъ Ф., когда ему надоѣло разсматривать монеты: — ты намъ о рыбкѣ-то поразскажи, а мы послушаемъ.

— Можно и о рыбкѣ, самодовольно сказалъ хозяинъ, усаживаясь на диванъ.

— Рыбка-то, она, я вамъ скажу, вотъ какая вещь. Самое пустое дѣло.

Мы принялись слушать. Хозяинъ помолчалъ немного и продолжалъ:

— Будемъ такъ говорить. Кто ее не знаетъ — рыбу? Что такое есть рыба? Ну, однако мудренѣй этого дѣла нѣтъ. Теперь хоть бы васъ взять. Спрошу я васъ: гдѣ рыба живетъ? Въ водѣ. Такъ. Карась въ водѣ, налимъ въ водѣ, уклея тамъ что ли, опять-таки въ водѣ. Вѣрно. Такъ стало быть всѣ они тамъ въ кучѣ сбившись и лежатъ? Понадобился мнѣ ну хоть налимъ; сейчасъ закинулъ я въ воду припасъ и тащи? Такъ что ли? По вашему такъ, а я скажу, что нашему брату за это слѣдуетъ въ глаза наплевать. Потому, какой я рыбакъ, когда я не знаю, гдѣ какая рыба живетъ, въ какую пору, въ какую

погоду, въ какомъ мѣстѣ жительство свое имѣетъ и какое такое имѣетъ себѣ продовольствіе?... Все это я долженъ знать, какъ *Отче*, и ошибиться ни подъ какимъ видомъ не могу. Опять, какая рыба строга и пужлива? какая глупа? какая прожора? И это долженъ я знать. Теперь вотъ, къ примѣру, надобенъ мнѣ ершъ. Хорошо. Знаю я:—ходитъ ершъ по верху, мошкой питается, комарёмъ. Сейчасъ я *разлячилъ частицу* (*), опустилъ на самое дно, потянулъ ее къ верху, — нѣтъ ничего. Что за оказія?... Опять опустилъ, потянулъ, — опять нѣтъ. Худо. Какъ быть? Коли нѣтъ, стало быть, и искать его тутъ — въ пустякахъ время проводить. Ну, нѣтъ, погоди! Я разсуждаю объ этомъ дѣлѣ не такъ. Погляжу я на нёбушко, попытаю: откуда вѣтерокъ? а и того лучше, навязалъ на палку конопли; сейчасъ мнѣ и видно:—вонъ онъ куда потянулъ! Греби къ берегу! Тамъ подъ бережкомъ, подъ кустикомъ, въ затишьи комара вѣтромъ страсть что нанесло. Рябью, да холодомъ сбило его въ кучу и летѣть ему некуда. Стой! Вотъ онъ гдѣ ершъ! Ну, это лѣтняя пора. Лѣтомъ пища у ней была скоромная: червяка, мошки всякой вволю. Лепестокъ она весной гложетъ, а лѣтомъ травки тамъ какой нибудь и даромъ не надо. Ходитъ рыбка по верху, цѣльное лѣто шутя живетъ. А осень пришла, и совсѣмъ рыба стала не та. Пришло видно и ей поститься. Ни комаря, ни мухи и въ заводѣ нѣтъ. Стужа пошла, вѣтра пали крѣпкіе. Но и въ эту пору все еще ей не такъ трудно, потому какъ зерна всякаго много вѣтромъ наноситъ. Ну, все ужь не лѣтняя пища. Совсѣмъ другой расчетъ. И бойкости въ ней этой ужь нѣтъ: ходитъ какъ сонная, нехотя зернышки клюетъ. Выйдетъ, выйдетъ на верхъ, сиверкой-то ее хватитъ и сейчасъ опять внизъ. А зима пришла, пала рыба на самое дно. Да. Ахъ, кофей-то, я и забылъ. Еще по чашечкѣ?

— Нѣтъ, благодарю покорно.

Ф. сидѣлъ рядомъ со мной на диванѣ и заслушался.

— Ишь ты какъ расписываетъ! сказалъ онъ наконецъ: —въ какой это ты книжкѣ вычиталъ?

— Эта книжка, братъ, мудреная, — я тебѣ скажу. По ней учиться, надо много мочиться. Вонъ оно, — озеро-то! Книга любопытная и разсудку требуетъ не мало. Селигеръ называется. А вотъ про книжку-то ты мнѣ напомнилъ. Что я въ сочиненіи Карамзина вычиталъ? Ну, я такъ считаю, ошибка тамъ у него есть.

— Какая ошибка? спросилъ Ф. и такъ удивился, какъ будто его это ужасно поразило, что у Карамзина ошибка нашлась.

— А вотъ какая. Сказано у него: Литва воевала Серегеръ. Смо-

(*) Раскинулъ. *Частица*—частая льняная сѣть.

три: степенная книга, часть вторая, страница... страницу забылъ. Хорошо. Серегеръ—это озеро. Теперь спрашивается: какъ его можно воевать — озеро? Понятное дѣло, что воду воевать нельзя. Вотъ я и разсуждаю, что, значитъ, городъ былъ, или жители то есть по озеру.

— Да, подтвердилъ разсѣянно Ф.

— Такъ вѣдь?

— Такъ, такъ.

— Ну, и сейчасъ это пишетъ Карамзинъ... Вотъ, постойте, я принесу книгу. По книгѣ это дѣло виднѣй будетъ.

Онъ пошолъ за книгою.

— А не пора ли намъ? спросилъ меня Ф., повидимому уже начинавшій скучать. Но хозяинъ уже несъ Карамзина и, помусливъ палецъ, смотрѣлъ въ книгу, говоря про себя:

— У меня тутъ это мѣсто заложено. Гдѣ оно? шутъ его возьми совсѣмъ! Да. Примѣчаніе 102, страница 494. Вотъ, вотъ — «въ 1216 году самъ князь новгородскій, Мстиславъ Мстиславичъ шелъ съ войскомъ на зятя своего Ярослава Всеволодовича Новоторжскаго»... Постой! постой! нѣтъ, не здѣсь. Томъ пятый, страница 444.—Нѣтъ, ты послушай, любопытная, братъ, вещь. Собираюсь я объ этомъ написать, да все некогда. Вотъ оно! Послушай-ка! «Въ исходѣ XIV столѣтія великій князь, Василій Дмитріевичь, изъ Кличенской волости»... — Слышишь?.. изъ Кличенской волости... Вотъ вѣдь это истинная правда. «Далъ въ Симоновскій монастырь, съ нѣкоторыми деревнями, озерами и угодіями, слободку Рожокъ, что послѣ былъ монастырь.» Это тоже справедливо сказано: — «деревнями, озерами и угодіями». Рожокъ-то вѣдь и теперь *существуетъ*, но только не слобода, а погостъ.

— Это такъ, подтвердилъ Ф., задумываясь все больше и больше и отъискивая глазами картузъ.

Хозяинъ прочелъ еще нѣсколько мѣстъ изъ Исторіи Государства Россійскаго, но я все-таки никакъ не могъ понять: въ чемъ собственно заключается ошибка Карамзина. Дѣло шло, разумѣется, объ Осташковѣ. Наконецъ Ф. остановилъ хозяина, сказавъ ему:

— А вотъ что я тебѣ скажу.

— Что?

— Мы лучше въ другой разъ придемъ. Ты намъ тогда это все разъяснишь. Теперь намъ некогда.

— Ну, хорошо, съ неудовольствіемъ сказалъ хозяинъ, прерванный на самомъ интересномъ мѣстѣ: — такъ когда же вы зайдете? Я вамъ это все докажу. Такая мнѣ досада! Читалъ, читалъ, —все хорошо;

вдругъ, — ахъ, ты пропасть! ошибка!... говорилъ онъ, хлопнувъ рукою по книгѣ.

— Очевидная ошибка! Да вотъ вамъ еще доказательство! — И, помусливъ палецъ, онъ ужь замахнулся было имъ, чтобы отъискать эту самую убѣдительную страницу; но Ф. поскорѣе надѣлъ калоши и закричалъ:

— Прощай, прощай, братъ. Въ другой разъ.

— Ну, такъ до свиданія. Будьте знакомы!

На другой день послѣ визита къ рыбаку, я ѣздилъ въ Нилову пустынь и чуть было не утонулъ. Случилось это, т. е. собрался я, совершенно неожиданно. Началось съ того, что сижу я въ своей комнатѣ и думаю: куда бы мнѣ пойти? вдругъ вбѣгаетъ Нилъ Алексѣевичъ (*) и говоритъ:

— Ваше благородіе, позвольте васъ побезпокоить?

— Что вамъ нужно?

— Не будетъ ли у васъ на рубль мелочи: съ постояльцемъ нужно расчесться.

— Нѣту. Четвертакъ есть.

— Ну, такъ позвольте хоть четвертакъ.

Рубля я ему не далъ потому, что на другой день по пріѣздѣ моемъ въ Осташковъ онъ сдѣлалъ со мной точно такую же штуку, и потомъ сестры его, хозяйки постоялаго двора, убѣдительно просили не давать ему денегъ. И эту хитрость онъ употреблялъ со всѣми почти неопытными постояльцами: вдругъ прибѣжитъ съ озабоченнымъ видомъ, возьметъ на рубль мелочи и потомъ пропадетъ дня на два. А тутъ же кстати капустный сезонъ подоспѣлъ: бабы и дѣвки собираются другъ у друга капусту рубить, пѣсни поютъ; а кавалеры посылаютъ за водкой и устроиваютъ угощеніе. Я зналъ очень хорошо, на что Нилу Алексѣевичу понадобилась мелочь и, по поводу капусты вспомнивъ объ увеселеніяхъ, спросилъ его: есть ли въ городѣ трактиръ? Оказалось, что есть одинъ, но только господа тамъ не бываютъ. Потому-то я туда и отправился немедленно. Это было около шести часовъ вечера. На улицахъ тьма непроглядная, только въ булочной на окнѣ горитъ сальный огарокъ и освѣщаетъ связку баранокъ, да сквозь закоптѣлую дверь кабака видны какія-то тѣни, слышны голоса: не-то пѣсни поютъ, не то ругаются. Отъискать трактиръ вечеромъ было довольно трудно: на улицахъ ни души, спросить не у кого; ходилъ, ходилъ я, и наконецъ отъискалъ дверь ведущую куда-то во мракъ. Въ

(*) Хозяйскій братъ, онъ же и слуга.

этомъ мракѣ виднѣлся гдѣ-то вдали потасавшій ночникъ. Я пошелъ прямо на него и наткнулся на собаку. Собака заворчала и отошла въ сторону. Ощупью взобрался я на лѣстницу и сталъ шарить по стѣнамъ. Слышу гдѣ-то близко голоса, а никакъ не могу понять, — гдѣ они. Шарилъ я тутъ долго, наконецъ это мнѣ надоѣло, и я сталъ кричать: отоприте! На голосъ мой отворилась дверь и половой со свѣчой въ рукѣ, прищуриваясь и всматриваясь въ меня, сказалъ:

— Что ты? очумѣлъ что ли? Двери не найдешь? Иди скорѣй!

Я вошелъ и въ первой же комнатѣ увидѣлъ такую сцену:

За прилавкомъ стоитъ гражданинъ лѣтъ пятидесяти въ волчьей шубѣ, съ трубкой въ рукѣ, пьяный и придирается къ дѣвицѣ, тоже порядочно выпившей и сидящей на столѣ. Она болтаетъ ногами и ругаетъ гражданина самымъ неприличнымъ образомъ. Буфетчикъ моетъ чашки и въ то же время принимаетъ живѣйшее участіе въ ссорѣ, покрикивая время отъ времени:

— Ишь ты вѣдь шкура какая! Упрямая—дьяволъ! Пашка! А, волки тя ѣшь! Не хочетъ гостя уважить.

Позади гостя стоитъ половой, высокій и краснощекій малый, въ долгополомъ сюртукѣ и въ валеныхъ сапогахъ и, держа въ одной рукѣ графинъ съ водкой, а въ другой рюмку, равнодушно смотритъ на ссорящихся. Тутъ же у прилавка стоитъ не большаго роста полицейскій служитель въ коротенькомъ полушубкѣ, и, закинувъ одну ногу на другую, поигрываетъ въ тихомолку на гармоніи. У кухонной двери видѣнъ прислонившійся къ притолокѣ поваръ съ бородой и трубочкой въ зубахъ. Позади повара въ кухнѣ уныло шипитъ кубъ. Изъ другой комнаты слышны звуки шарманки.

Въ залѣ, освѣщенной одной сальной свѣчкой, я засталъ за шарманкой ямщика. Въ углу молодой чиновникъ, съ краснымъ шарфомъ на шеѣ, пилъ пуншъ. Такъ какъ въ трактирѣ было довольно холодно, то всѣ сидѣли, въ чемъ пришли. Половой предложилъ мнѣ пройти въ особую комнату, но такъ какъ тамъ никого не было, кромѣ необыкновенно жирной голой женщины въ сладострастной позѣ, написаной масляными красками, то я и предпочелъ остаться въ залѣ, гдѣ была шарманка, и спросилъ чаю.

Ямщикъ между тѣмъ проигралъ: «Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ»—и сталъ налаживать другую пѣсню; но что-то у него все не клеилось. Сходилъ онъ за свѣчкой; поковырялъ, поковырялъ въ шарманкѣ, завертѣлъ: опять все то же. Ямщикъ плюнулъ и сталъ кричать половаго. Вмѣсто него пришелъ пьяный гражданинъ съ дѣвицею, все еще не перестававшей ругаться; за ними слѣдомъ шолъ половой съ графиномъ и, равнодушно посматривая на насъ, пѣлъ какую-то пѣсню. Не-

много погодя пришелъ и полицейскій служитель съ гармоніею и, наигрывая на ней, припѣвалъ:

«Ужь ты шуточка-машуточка моя...»

Пьяный гражданинъ остановился посреди комнаты и подбоченился. Изъ подъ растегнутаго жилета его торчали выбившіеся углы ситцевой манишки, шуба сваливалась съ плечь. Онъ нерѣшительно посмотрѣлъ на всѣхъ своими красными глазами, не зная, къ кому бы придраться, и только морщилъ брови и сопѣлъ; наконецъ сказалъ: ерники вы, ерники! и, вспомнивъ о водкѣ, велѣлъ налить себѣ рюмку. Половой налилъ и, заткнувъ пальцемъ графинъ, запѣлъ басомъ:

«Ужь вы горы, горы крутыя!...»

Дѣвица между тѣмъ подсѣла къ столу противъ чиновника и стала дѣлать ему глазки. Чиновникъ робко посматривалъ то на нее, то на пьянаго гражданина и дулъ въ стаканъ. Ямщикъ, потерявъ терпѣніе, вдругъ опять заигралъ: *вѣетъ вѣтерокъ*, а полицейскій служитель пустился плясать, подыгрывая и приговаривая:

«Ужь ты шуточка-машуточка моя...»

Служителю, должно быть, ужасно хотѣлось чѣмъ нибудь поразвлечься, и онъ нѣсколько разъ пробовалъ развеселиться, но все у него какъ-то не выходило: засѣменитъ, засѣменитъ ногами, захочетъ выкинуть штучку помолодцоватѣе и тутъ же запнется.

Гражданину однако эта веселость не понравилась и онъ сейчасъ же поймалъ развеселившагося служителя за шиворотъ, крича:

— Пошелъ вонъ! Я тебѣ не велю здѣсь быть.

Служитель попробовалъ было обидѣться: поправилъ галстухъ, отошелъ къ сторонѣ и надулся; а черезъ нѣсколько минутъ забылъ оскорбленіе и опять сталъ наигрывать, но, не рѣшаясь плясать, только притопывалъ ногой.

Гражданинъ, справившись съ солдатомъ, обратился опять къ дѣвицѣ, и видя, что она кокетничаетъ съ чиновникомъ, потребовалъ, чтобы она бросила его и полюбила его, гражданина. Дѣвица между тѣмъ имѣла явное намѣреніе сѣсть къ чиновнику на колѣни, чего впрочемъ чиновникъ, кажется, и самъ не желалъ, опасаясь гражданина, который уже стоялъ за его стуломъ и, размахивая чубукомъ надъ головою чиновника, кричалъ черезъ него дѣвицѣ:

— Я тебѣ говорю, иди сюда!

— Поди ты къ чорту! пьяная твоя рожа, отвѣчала дѣвица: — ну, что ты со мной сдѣлаешь? Ну?

Гражданинъ замолчалъ, соображая вѣроятно, что бы ему сдѣлать съ дѣвицею, да такъ и задумался съ трубкой въ рукѣ, глядя на огонь. Онъ, повидимому, рѣшительно не зналъ, за что взяться. И вдругъ стало тихо. Среди этой тишины только слышно было гнусливое гуденіе гармоніи, да полицейскій служитель, стоя у двери, въ полголоса припѣвалъ свою шуточку-машуточку. Въ залѣ было темно и холодно; буфетчикъ въ первой комнатѣ ужь ложился спать и, сидя на прилавкѣ, стаскивалъ съ ноги сапогъ, кряхтя и говоря про себя:

— А, варваръ, не лѣзетъ.

Ямщикъ, наигравшись до сыта, взялся дѣлать себѣ папиросу. Онъ подошелъ поближе къ моей свѣчкѣ и вытащилъ изъ кармана щепоть табаку, превратившагося въ какой-то зеленый песокъ. Насыпая табакъ въ бумажную трубочку, онъ съ боку заглянулъ мнѣ въ лицо и улыбнулся, лукаво подмигнувъ мнѣ на гражданина. Не знаю почему, но мнѣ стало отъ этого какъ-то ужасно неловко, такая тоска меня взяла...

«И ничего вы, го—ры, не поро—одили...»

Запѣлъ половой, стоя съ графиномъ среди комнаты.

Подъ тяжелымъ вліяніемъ всего, что происходило передо мною, я задумался, Богъ знаетъ, о чемъ. Взглянулъ я на нихъ и мнѣ вдругъ показалось, что всѣхъ ихъ томитъ страшная, гнетущая, безвыходная скука...

— Милостивый государь, позвольте у васъ папиросочку попросить! сказалъ у меня надъ ухомъ чиновникъ.

Я вздрогнулъ и предложилъ ему чаю. Онъ отказался, но сѣлъ у стола и мы по немножку разговорились. Чиновникъ оказался пріѣзжимъ по казенной надобности и, не имѣя знакомыхъ въ городѣ, пошелъ развлечься въ трактиръ.

— Эдакая пошлость въ здѣшнемъ городѣ эта ресторація, жаловался онъ мнѣ.

— Чѣмъ же?

— Помилуйте! спрашиваю пуншу, — съ французской водкой подаютъ. Нѣтъ, у насъ такой подлости никогда не сдѣлаютъ. Какъ можно съ Торжкомъ сравнить, а ужь объ Ржевѣ и говорить нечего. А здѣсь и городъ-то весь какой-то оглашенный: ничего достать нельзя. Сижу третьи сутки, лошадей не даютъ.

Разговорившись съ чиновникомъ, я узналъ отъ него, что такъ какъ ему придется пробыть въ городѣ еще сутки, то желательно было бы побывать въ Ниловой пустыни, угоднику поклониться. Я раз-

судилъ, что и мнѣ не мѣшало бы съѣздить туда, и мы условились на другой день отправиться вмѣстѣ.

На другое утро, только что я успѣлъ проснуться, гляжу, входитъ мой вчерашній знакомый.

— Ну, такъ какъ же? Ѣдемъ?

— Ѣдемъ-то ѣдемъ, да только не совѣтуютъ: озеро очень разыгралось; вѣтеръ силенъ. Я ужь ходилъ на пристань, справлялся.

— Что же, не везутъ?

— Нѣтъ, отчего же? только, говорятъ, опасно, можно утонуть; три цѣлковыхъ просятъ.

— Стало быть, за три цѣлковыхъ можно утонуть, а за два дешево, — не стоитъ. Это хорошо.

— Вотъ вы подите, потолкуйте съ ними.

Пошли мы толковать. Пришли на пристань: озеро дѣйствительно разыгралось: волны такъ и хлещутъ, такъ и заливаютъ пристань, но лодочниковъ мы не нашли. Спросили, гдѣ намъ взять лодку?

— А вонъ тамъ, въ лавочкѣ спросите арендателя.

Пришли въ лавочку.

— Здѣсь арендатель?

— Здѣсь. Начто вамъ?

— Къ угоднику ѣхать хотимъ.

— Постойте, мы прикащика кликнемъ.

Кликнули прикащика.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Къ угоднику лодку дайте намъ.

Опять тотъ же разговоръ:

— Меньше трехъ рублей взять нельзя, потому очень опасно.

— Ну, а если мы утонемъ?

— Да ужь мы возьмемся, такъ не утонемъ.

— А если мы трехъ рублей не дадимъ, такъ утонемъ?

— Начто тонуть? Мы этого никому не желаемъ, чтобы утонуть. Авось, Богъ дастъ, живы будемъ.

— Ну, а какъ же такса-то? Вѣдь вы обязаны за два рубля везти.

— Это точно. Только время теперь такое. Не ровенъ часъ, долго ли до грѣха?

Спорили, спорили, наконецъ порѣшили на томъ, что возьмутъ съ насъ по таксѣ, но за то посадятъ еще двоихъ и оттуда, если будутъ попутчики, и чтобы гребцамъ полтинникъ на чай. Поѣхали сначала на веслахъ, все держались берега, обогнули заводы, и во все время нашъ шкиперъ перекликался съ какимъ-то мѣщаниномъ, который

бѣжалъ между тѣмъ по берегу и долженъ былъ сѣсть къ намъ въ лодку тайкомъ отъ хозяина. Наконецъ остановились мы въ какомъ-то закоулкѣ и посадили еще бабу; выгреблись подъ вѣтеръ и поставили парусъ. Чѣмъ дальше выбирались мы на средину озера, тѣмъ волненіе становилось сильнѣе. Баба, храбрившаяся было въ началѣ, присѣла на дно, зажмурила глаза и ужасно сердилась на насъ за то, что мы не боимся бури. Мы всѣ сидѣли молча, закутавшись и надвинувъ шапки на лобъ, потому что вѣтеръ дѣйствительно разошелся не на шутку. Шкиперъ прежде все пугалъ насъ для того, вѣроятно, чтобы показать, что лишнія деньги взяты не даромъ, но подъ конецъ пересталъ и, не спуская глазъ съ волны, строго покрикивалъ на гребцовъ, помогавшихъ съ одной стороны веслами. Мѣщанинъ отъискалъ на днѣ лодки какую-то дощечку и тоже усердно болталъ ею въ водѣ.

По небу неслись темныя тучи, прорываясь время отъ времени, и осеннее солнце вдругъ обдавало холоднымъ блескомъ сѣроватыя волны. Гребцы, щурясь и отворачиваясь отъ него, съ мокрыми волосами, дружно налегали на весла, и лодка наша, покачиваясь и поскрипывая, быстро неслась по озеру. Наконецъ влѣвѣ изъ-за синяго бора показался островъ, необыкновенно красиво выступившій изъ воды, съ каменными берегами и лѣсомъ позади. Черезъ четверть часа долетѣлъ до насъ заглушаемый вѣтромъ далекій благовѣстъ, а еще минутъ черезъ двадцать мы уже входили въ пристань и поспѣли еще къ обѣднѣ.

Церковь въ монастырѣ старинная съ темными стѣнами и тусклой живописью; тихое, необыкновенно растянутое пѣніе и, странная вещь, у всѣхъ монаховъ, не исключая и самого отца архимандрита, стриженые усы. Послѣ обѣдни я подошелъ къ архимандриту и сказалъ, что пріѣхалъ издалека и желалъ бы видѣть монастырь, о которомъ много слышалъ и проч. Отецъ архимандритъ, вмѣсто отвѣта, подалъ мнѣ крестъ и пригласилъ къ себѣ пить чай. Спутникамъ моимъ отвели даровой номеръ въ гостинницѣ и принесли обѣдъ. Отца архимандрита я засталъ въ залѣ сидящимъ на диванѣ; на стульяхъ же, по стѣнкѣ, сидѣло еще нѣсколько человѣкъ пріѣзжихъ; я тоже сѣлъ. Въ дверяхъ показалась монахиня, вся закутанная разными платками. Она молча поклонилась въ поясъ и остановилась у дверей.

— А, сказалъ отецъ архимандритъ: — ну, что? собралась совсѣмъ?

Монахиня опять поклонилась.

— Ну, хорошо. Ступай съ Богомъ!

Монахиня получила благословеніе и, поклонившись еще разъ, ушла. Подали чай. Высокій и плотный прислужникъ въ сѣромъ сюр-

тукъ разносилъ чашки и сейчасъ же вслѣдъ за чаемъ подалъ завтракъ, состоящій изъ разныхъ водокъ и закусокъ. Мы въ благоговѣйномъ молчаніи сидѣли у стѣны и какъ будто ждали чего-то. Наконецъ отецъ архимандритъ всталъ и, благословивъ закуску, сказалъ: прошу покорно! Послѣ завтрака онъ повелъ насъ въ другую комнату и показалъ намъ какіе-то планы предполагавшихся построекъ; причемъ объяснилъ намъ, что стоила ему передѣлка келій и устройство набережной. Мы всему этому очень удивлялись и хвалили планы. Въ то же время слышенъ былъ гдѣ-то тоненькій свистъ, похожій на свистъ кулика. Это меня заинтересовало, и я рѣшился спросить о причинѣ этого свиста. Отецъ архимандритъ разсказалъ намъ, что нѣкоторый доброхотный датель пожертвовалъ было монастырю маленькій пароходъ, *для* того, чтобы возить на немъ богомольцевъ даромъ, но что *городъ* вступился въ это дѣло и запретилъ, на томъ, будто бы, основаніи, что оттого можетъ произойти убытокъ городу. Тогда доброхотный датель пожелалъ узнать, сколько городъ отъ этого потеряетъ! Оказалось, что съ лодокъ получается въ годъ около 400 рублей.

— Вотъ вамъ 400 рублей, сказалъ доброхотный датель.

— Не хочу, сказалъ *городъ* (то есть осташковская дума). Деньги пожалуй взять можно, а пароходъ все-таки чтобы не смѣлъ ходить и богомольцевъ чтобы не возилъ.

— Почему жь такъ?

— А потому, — озеро городское.

— Какъ такъ городское? Озеро Божье. По водѣ ѣздить никому не запрещается.

— Мало что, не запрещается? Архимандритъ съ братіею не замай катаются, а за богомольцевъ плати деньги.

— Какіе же деньги? Вѣдь вамъ даютъ 400 рублей? Чего жь вамъ еще?

— То доброхотный датель дастъ, на то его воля; а по закону за причалъ съ каждаго богомольца 5 коп. подай.

— За чтожь за причалъ? Вѣдь у насъ пристань въ городѣ своя?

— Такъ чтожь, что своя? Да вѣдь она въ городѣ?

— Ну, вотъ и разговаривай тутъ съ ними! заключилъ отецъ архимандритъ. — Прошу покорно хлѣба-соли кушать!

Не успѣли мы позавтракать, какъ уже вновь явились передъ нами: уха стерляжья, налимы маринованные, налимы отварные, налимы жареные, грибки и соленья всякаго рода и отличное монастырское пиво.

Во время обѣда одинъ изъ богомольцевъ, до тѣхъ поръ смиренно молчавшій, вдругъ заговорилъ. Что такое? Знакомый голосъ! Прислушиваюсь и узнаю моего сосѣда помѣщика, жившаго рядомъ со мною

на постояломъ дворѣ въ Осташковѣ. Но какая перемѣна! Какъ онъ ругался и кричалъ тамъ на своихъ мужиковъ, и какъ униженно и подобострастно говоритъ онъ здѣсь! По всему было замѣтно, что на отца архимандрита онъ почему-то смотрѣлъ какъ на какого-то начальника; только время отъ времени прорывалась у него дурная привычка послѣ каждой фразы говорить — а?

— Ваше высокопреподобіе, какая у васъ отличная рыба! А? Отличное пиво! А? — Что выходило очень смѣшно.

Мы такъ долго засидѣлись за обѣдомъ и отъ монастырскаго пива въ головѣ у меня такъ загудѣло, что мнѣ и не удалось осмотрѣть здѣшнія достопримѣчательности. По свидѣтельству *Памятной книжки Тверской губ., издан. въ 1861 году*, въ Ниловской пустынѣ 7 каменныхъ церквей и 25 другихъ каменныхъ зданій, между которыми есть гостиный дворъ, два конныхъ двора, три хлѣбныхъ анбара, три бани, ремесленный корпусъ, квасоварня съ солодовнею, рыбный садокъ и другія хозяйственныя постройки; нѣсколько десятковъ пудъ серебра, драгоцѣнныхъ каменьевъ и множество золотыхъ вещей. Здѣсь бываетъ питейная выставка пять разъ въ годъ. Кромѣ братіи живетъ въ обители довольно значительное число трудниковъ, наемныхъ рабочихъ и *вкладныхъ людей*. Подъ именемъ вкладныхъ людей извѣстны были крестьяне, присланные туда помѣщиками ради спасенія своей (помѣщичьей) души на неопредѣленное число лѣтъ, и даже вольноотпущенные, съ обязанностію прослужить условное время въ пустынѣ.

Въ сумерки вернулись мы благополучно въ городъ и узнали, что за часъ до нашего пріѣзда вытащили пятерыхъ утопленниковъ, возвращавшихся съ базара мужиковъ. Вечеромъ въ тотъ же день попалъ я къ одному купцу на именины. Объ этомъ событіи разскажу въ слѣдующемъ письмѣ.

В. СЛѢПЦОВЪ.

ВЪ ЛѢСУ.

Шумѣли листья подъ ногами,
Мы шли опушкою лѣсной.
Роса надъ спящими лугами
Ложилась бѣлой пеленой.

Мы шли. Онъ молодъ былъ. —Звучала
Отвагой пламенная рѣчь.
Онъ говорилъ: «Пора настала,
И стыдно намъ себя беречь.

«Дружнѣй приняться за работу
Должны всѣ честные умы,
И лжи, и зла двойному гнёту
Довольно подчинялись мы.

«Довольно трусости и лѣни,
Къ намъ перешедшей отъ отцовъ,
И безполезныхъ сожалѣній,
И краснорѣчія цвѣтовъ.

«Пускай толпа за подвигъ смѣлый
Намъ шлетъ безсмысленный укоръ;
Не бросимъ мы святаго дѣла!
Мы встрѣтимъ радостно позоръ!...»

Рѣчамъ восторженнымъ внимая,
Я думалъ: дай-то, дай-то Богъ,
Чтобъ на неправду возставая
Ты въ битвѣ той не изнемогъ!

Онъ замолчалъ... А лѣсъ сосновый,
Кивая вѣтви простиралъ,
Какъ бы его на трудъ суровый,
На путь святой благословлялъ...

ИЗЪ ГЕЙНЕ (*).

Чтобъ умереть я могъ спокойно,
Отдайте мнѣ просторъ полей...
Я задыхаюсь — въ этомъ узкомъ,
Противномъ мірѣ торгашей.

Въ блаженствѣ скотскомъ утопая,
Проводятъ жизнь они легко,
И, какъ дыра въ церковной кружкѣ,
Ихъ милосердье широко.

Торчатъ въ зубахъ у нихъ сигары,
И руки спрятаны въ пальто,
И хорошо пищеваренье, —
Но ихъ переваритъ ли кто?

Хоть косметическихъ товаровъ
Къ нимъ грузъ идетъ со всѣхъ сторонъ,
Но воздухъ смрадомъ ихъ душевнымъ,
Какъ мертвечиной зараженъ.

(*) Стихотвореніе это, озаглавленное въ подлинникѣ: *Anno 1829*, по всей вѣроятности, относится ко времени пребыванія Гейне въ Лондонѣ. *Пр. пер.*

Нѣтъ! Рядъ кровавыхъ преступленій
Такъ возмутитъ меня едва ль,
Какъ добродѣтели ихъ сытой
Тупая, дряблая мораль!

Зачѣмъ меня отсюда тучи
Не унесутъ съ собой давно?
Хоть къ готтентотамъ, хоть къ лапландцамъ...
Хоть даже къ нѣмцамъ — всё равно.

Но тучи умныя несутся,
Меня не слушая, — впередъ...
И боязливо ускоряютъ
Надъ этимъ городомъ полетъ!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

I.

НАШИМЪ СВЕРСТНИКАМЪ.

За что вашъ гнѣвъ на племя молодое?
За что такой неумолимый судъ?
Иль васъ гнѣвитъ безслѣдно прожитое
И то, что слѣдъ другіе ужь кладутъ?

Пускай, увы! загубленные годы
Лежатъ горой, какъ жолтые листы,
Оббитые рукою непогоды...
Благословимъ весенніе цвѣты!

Незрѣлыхъ дѣлъ не оскорбимъ улыбкой...
Зачѣмъ, забывъ своихъ ошибокъ рядъ,
Кичиться намъ ихъ каждою ошибкой
И съ гордостью показывать назадъ?

Назадъ! Ихъ путь иной отъ колыбели,
Иныхъ заботъ зналъ бремя юный умъ,
Тогда какъ мы пустыя пѣсни пѣли
И громкихъ словъ любили праздный шумъ...

И вы на насъ воздвигнули гоненья
За то, что мы, подъ снѣгомъ сѣдины,
Взлюбили жизнь иного поколѣнья,
Весну другой, намъ неданной весны;

За то, что мы сознали немощь нашу
И жизни ядъ испивъ весь до чиста,
Любуемся, какъ юныя уста
Пьютъ новыхъ силъ непочатую чашу.

II.

НЕНАСТЬЕ.

(съ итальянскаго).

Я говорилъ: не будетъ лѣта:
Рука осеннихъ дикихъ бурь
Задернетъ тучами лазурь
И оборветъ зачатки цвѣта, —
Вслѣдъ за весной не будетъ лѣта.

Я говорю: идетъ зима,
И на оборванныя розы
Ударятъ лютые морозы
И снѣжная нависнетъ тьма,—
Не осень будетъ, а зима.

Все, что росло и ожидало,
Что на дневной рвалося свѣтъ,
Чей обѣщалъ обильный цвѣтъ
Плоды, какихъ и не бывало, —
Все дикой силой затоптало.

Но переждемъ: пройдетъ зима,
Растопитъ солнце ледъ суровый

И, сбросивъ хрупкія оковы,
Изъ подъ тяжелаго ярма
Земля избавится сама.

Давно не видѣвшіе свѣта,
Пробьются скрытыхъ силъ слѣды,
И лѣто тучные плоды
Даруетъ разомъ за два цвѣта...
Снесемъ зиму — дождемся лѣта!

П. КОВАЛЕВСКІЙ.

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

I.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ТИШЬ.

Утро. Кондратій Трифонычъ Сидоровъ спалъ ночь скверно и въ величайшей тоскѣ слоняется по опустѣлымъ комнатамъ деревенскаго своего дома. Комнатъ цѣлый длинный рядъ, и слоняться есть гдѣ; нѣкогда онъ гордился этимъ рядомъ залъ, гостиныхъ, диванныхъ и проч., и даже называлъ его анфиладою, произнося *н* нѣсколько въ носъ; теперь онъ относится къ анфиладѣ иронически, и, принимая гостей, говоритъ просто: а вотъ и сараи мои!

На дворѣ зима и стужа; въ комнатахъ свѣжо, окна слегка запушило снѣгомъ; видъ изъ этихъ оконъ неудовлетворительный: земля покрыта бѣлой пеленою, рѣчка скована, людскія избы занесло сугробами, деревня представляется издали какою-то безобразною кучей почернѣвшей соломы.... бѣло, голо и скучно!

Походитъ, походитъ Кондратій Трифонычъ и остановится. Иногда потретъ себѣ ладонью по животу и слегка постонетъ, иногда подойдетъ къ окну и побарабанитъ въ стекло. Вонъ по дорогѣ ѣдутъ въ одиночку сани, въ саняхъ завалился мужикъ; проѣзжаетъ мужикъ мимо барскаго дома и шапки не ломаетъ.

— Ладно! думаетъ Кондратій Трифонычъ.

И опять начинаетъ ходить по своимъ сараямъ, и опять остановится. Посмотритъ на сапоги, просторно ли они сидятъ на ногѣ, вытянетъ ногу, чтобъ удостовѣриться, крѣпко ли штрипки пришиты и не морщатъ ли брюки.

— Ванька! квасу! кричитъ Кондратій Трифонычъ.

Ванька бѣжитъ изъ лакейской и подаетъ на подносѣ стаканъ съ пѣнящимся квасомъ. Но Кондратію Трифонычу кажется, что онъ не подаетъ, а суетъ.

— Что̀ ты суешь? что̀ ты мнѣ суешь? вскидывается онъ на Ваньку.

— Ничего я не сую! отвѣчаетъ Ванька.

— Ладно! думаетъ Кондратій Трифонычъ.

И опять начинается ходьба. Кондратій Трифонычъ останавливается передъ стѣнными часами и пристально смотритъ на циферблатъ. Посрединѣ циферблата крупными буквами изображено: London, а внизу болѣе мелкимъ шрифтомъ: Nossoff à Moscou. Все это онъ сто разъ видѣлъ, надъ всѣмъ этимъ сто разъ острилъ, но онъ все-таки смотритъ, какъ будто надѣется выжать изъ надписи какую-то новую, неслыханную еще остроту. Часы стучатъ мѣрно и однообразно: тикъ-такъ, тикъ-такъ, Кондратій Трифонычъ вторитъ имъ: тикѐ-такѐ, тикѐ-такѐ, притопывая въ тактъ ногою. Наконецъ и это прискучиваетъ; онъ снова подходитъ къ окну и начинаетъ вглядываться въ деревню. Оттуда не слышно ни единаго звука; только сѣрые дымки вьются надъ хижинами добрыхъ поселянъ. Кондратію Сидорычу, неизвѣстно съ чего, приходитъ на мысль слово «антагонизмъ», и онъ начинаетъ пѣть: антагонизмъ! антагонизмъ! выговаривая букву *н* въ носъ. Все это заканчивается свистомъ, на который опять вбѣгаетъ Ванька.

— Ты что на меня глаза вытаращилъ? напускается на него Кондратій Трифонычъ.

— Ничего я не вытаращилъ! отвѣчаетъ Ванька.

— Ладно! говоритъ Кондратій Трифонычъ: — пошелъ, позови Агашку!

Черезъ минуту является Ванька и докладываетъ, что Агашка не идетъ.

— Почему жь она не идетъ?

— Говоритъ: не пойду!

— Только и говоритъ?

— Только и говоритъ!

— Ладно!

Въ головѣ Кондратія Трифоныча зрѣетъ мысль: онъ рѣшается все терпѣть, все выносить до пріѣзда становаго. Поэтому, хотя внутри у него и кипитъ, но онъ этого не выражаетъ; онъ даже никому не возражаетъ, а только думаетъ про себя: ладно! и помалчиваетъ... до пріѣзда становаго.

Не дальше какъ вчера на ночь, Ванька снималъ съ него сапоги и вдругъ ни съ того ни съ сего прыснулъ.

— Ты чему, шельма, смѣешься? полюбопытствовалъ Кондратій Трифонычъ.

— Ничего я не смѣюсь! отвѣчалъ Ванька.

— Этакая бестія! смѣется, да тутъ же въ глаза еще запирается!

— Чего мнѣ запираться? кабы смѣялся, такъ бы и сказалъ, что смѣялся! упорствовалъ Ванька.

— Ладно!

Съ этихъ поръ въ немъ засѣла мысль, съ этихъ поръ онъ рѣшился терпѣть. Одно только смущаетъ его: всѣ свои грубости Ванька производитъ на единѣ, то есть тогда, когда находится съ Кондратьемъ Трифонычемъ съ глазу на глазъ. Выйдетъ Кондратій Трифонычъ на улицу — Ванька бѣжитъ впереди, снѣгъ разгребаетъ, спрашиваетъ, не озябли ли ножки; придетъ къ Кондратію Трифонычу староста — Ванька то и дѣло просовываетъ въ дверь свою голову и спрашиваетъ, не угодно ли квасу.

— Услуга паренъ! замѣчаетъ староста.

— Гм... да... услуга! бормочетъ Кондратій Трифонычъ и обдумываетъ какой-то планъ.

Онъ считаетъ обиды, понесенныя имъ отъ Ваньки, и думаетъ, какъ бы такимъ образомъ его уличить, чтобъ и отвертѣться было нельзя. Намѣднись, напримѣръ, Ванька, подавая барину чай, скорчилъ мину; еслибъ можно было устроить, чтобъ эта мина такъ и застыла до пріѣзда становаго, тогда было бы неоспоримо, что Ванька грубилъ. Въ другой разъ, на вопросъ барина, какова на дворѣ погода, Ванька отвѣчалъ: сиверко-съ, но отвѣчалъ это такимъ тономъ, что еслибъ можно было, чтобы тонъ этотъ застылъ въ воздухѣ до пріѣзда становаго, то, конечно, никто бы не усумнился, что Ванька грубилъ. И еще разъ, когда баринъ однажды дѣлалъ Ванькѣ репримандъ по поводу нерачительно вычищенныхъ сапоговъ, то Ванька, ничего не отвѣчая, отставилъ ногу; еслибъ можно было, чтобъ онъ такъ

и застылъ въ этой позѣ до пріѣзда становаго, тогда, разумѣется...

— Нѣтъ, хигеръ бестія! ничего съ нимъ не подѣлаешь! восклицаетъ Кондратій Трифонычъ, и ходитъ, и ходитъ по своимъ сараямъ, ходитъ до того, что и полъ-то словно жалуется и стонетъ подъ ногами его: да сядь же ты, ради Христа!

Онъ уже давно замѣтилъ, что между нимъ и Ванькой поселилась какая-то холодность, какая-то натянутость отношеній. Услышавши, что объ этомъ предметѣ весьма подробно объясняется въ книжкѣ, называемой «Русскій Вѣстникъ», онъ съѣздилъ къ сосѣду, взялъ у него книжку и узналъ, что подобная натянутость отношеній называется сословнымъ антагонизмомъ.

— Ну, а дальше что? допрашивалъ Кондратій Трифонычъ, но книжка говорила только, что объ этомъ предметѣ подробнѣе объясняется въ другой такой же книжкѣ.

— Оно конечно, разсуждалъ поэтому поводу Кондратій Трифонычъ: — оно конечно... Ванька сапоги чиститъ, а я ихъ надѣваю, Ванька печки топитъ, а я около нихъ грѣюсь... ну да, это оно!

И съ тѣхъ поръ слово «антагонизмъ» до такой степени врѣзалось въ его память, что онъ не только положилъ его на музыку, но даже употребляетъ для выраженія всякаго рода чувствъ и мыслей.

И ходитъ Кондратій Трифонычъ по своимъ опустѣлымъ сараямъ, ходитъ и останавливается, ходитъ и мечтаетъ. Мало-по-малу мысль его оставляетъ Ваньку-подлеца и обращается къ другимъ предметамъ. Онъ думаетъ о томъ, что вдругъ будущимъ лѣтомъ во всѣхъ окрестныхъ имѣніяхъ засуха, а у него, у одного все дожди, все дожди; что окрестные помѣщики не соберутъ и на сѣмена, а онъ все самъ-десятъ, все самъ-десятъ. Онъ думаетъ о томъ, что кругомъ все тихо, а у него въ имѣньи вдругъ землетрясеніе; слышится подземный шумъ, люди въ смятеніи, животныя въ ужасѣ... вдругъ вв!...зз!...жж!...и, о радость, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ у него росъ паршивый кустарникъ, въ одну минуту выростаетъ высокій и частый лѣсъ, за который ему съ перваго слова даютъ по двѣсти рублей за десятину. Онъ думаетъ о томъ, что мужики его расторговались, что они помнятъ его благодѣянія и подносятъ ему соболью шубу въ пятнадцать тысячъ рублей серебромъ. Онъ думаетъ о томъ, что въ Москвѣ сгорѣло все сѣно, сгорѣли всѣ дрова и неизвѣстно куда дѣвали

весь хлѣбъ, что у него, напротивъ того, вслѣдствіе собственной благоразумной экономіи, а также вслѣдствіе различныхъ поощреній природы, всего этого накопилось множество,— что онъ возитъ и продаетъ, возитъ и продаетъ... Онъ думаетъ о томъ, что вышло повелѣніе ни у кого ничего не покупать, кромѣ какъ у него, Сидорова, за то, что онъ, Сидоровъ, въ такую-то достопамятную годину, пожертвовалъ изъ крестьянскаго запаснаго магазина столько-то четвертей, да потомъ еще столько-то четвертей, и тѣмъ показалъ ревность безпримѣрную и чувствительность подражанія достойную... Онъ думаетъ о томъ, что въ домѣ его собрались окрестные помѣщики и что онъ имъ толкуетъ о превосходствѣ вольнонаемнаго труда надъ крѣпостнымъ. «Конечно, господа, говоритъ онъ имъ, въ настоящее время помѣщикъ не можетъ получать дохода, сидя на мѣстѣ сложа руки, какъ это бывало прежде; конечно, онъ прежде всего долженъ употребить свой личный трудъ, свою личную, такъ сказать, распорядительность...»

Но вотъ мысли его, отъ усиленной работы, начинаютъ мѣшаться. Передъ глазами его, отъ безпрерывнаго коловратнаго движенія, показываются зеленые круги; бѣлая колокольня, стоящая передъ барскимъ домомъ, начинаетъ словно подплясывать; дворовая баба, проходящая по двору, словно не идетъ, а на одномъ мѣстѣ пошатывается, и что-то у ней подъ фартукомъ, что-то у ней подъ фартукомъ... . . . .

— Ѣсть что ли мнѣ хочется? спрашиваетъ самъ себя Кондратій Трифонычъ и съ злобою замѣчаетъ, что часовая стрѣлка показываетъ только десять.

— А вѣдь у ней подъ фартукомъ что-то есть, продолжаетъ онъ, но не даетъ своимъ предположеніямъ дальнѣйшаго развитія, а только прибавляетъ: — ладно!

Надоѣло ходить, надоѣло мыслить... Кондратій Трифонычъ садится на диванъ и примѣчаетъ, что пыль со стола не сметена. Въ былое время, т. е. до «антагонизма», онъ вспылилъ бы при видѣ такого безпорядка, онъ кликнулъ бы Ваньку и тутъ же задалъ бы ему трёпку. Теперь этотъ безпорядокъ приноситъ ему болѣе удовольствія, нежели огорченія, ибо онъ видитъ въ немъ улику.

— Ванька! кричитъ Кондратій Трифонычъ, и въ голосѣ его слышится уже торжество побѣды: — это что?

— Столъ-съ, отвѣчаетъ Ванька съ самымъ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— А на столѣ что?

— Пыль-съ.

— Ну?

Ванька молчитъ.

— Ладно! говоритъ Кондратій Трифонычъ, и черезъ минуту имѣетъ удовольствіе слышать, какъ Ванька хихикаетъ съ кѣмъ-то въ передней.

Кондратій Трифонычъ снова предается мечтаніямъ. Онъ мечтаетъ о томъ, какъ было бы хорошо, еслибъ онъ былъ живописцемъ; тогда онъ срисовалъ бы нахальную Ванькину рожу въ тотъ моментъ, когда онъ отвѣчаетъ «пыль-съ», и представилъ бы эту картинку становому. Но съ другой стороны, гдѣ же ручательство, что становой не приметъ этой картинки за вымышленное произведеніе собственной его, Кондратія Трифоныча, фантазіи? гдѣ свидѣтели, которые подтверждали бы, что Ванька, отвѣчая «пыль-съ», имѣлъ именно такое, а не иное выраженіе лица?

— О, чортъ побери! Эти приказные вѣчно съ своими канцелярскими заковычками! восклицаетъ Кондратій Трифонычъ и начинаетъ выискивать мечтаній болѣе практическихъ.

Онъ мечтаетъ о томъ, какъ было бы хорошо, еслибъ становой вдругъ, въ эту самую минуту, выросъ изъ земли, такъ, чтобъ Ванька не опомнился и никакъ не успѣлъ стерѣть пыль со стола. Представляетъ онъ себѣ изумленную, ополоумѣвшую морду Ваньки, и невольно, и сладко хихикаетъ.

— «Пыль-съ», дразнитъ онъ Ваньку, почти подплясывая на мѣстѣ.

— Это что? грозно спрашиваетъ Ваньку воображаемый становой.

— «Пыль-съ», опять дразнится Кондратій Трифонычъ и опять подплясываетъ на мѣстѣ.

Становой, наконецъ, убѣждается; онъ приказываетъ срубить цѣлую березу и вручаетъ ее десятскимъ. Ваньку уводятъ... На другое утро, Ванька является шолковый; цѣлый день все что-то чиститъ и стираетъ, цѣлый день мететъ и оправляетъ баринову постель, цѣлый день ставитъ самовары и мѣшаетъ въ печкахъ дрова...

Но съ другой стороны (о, чортъ возьми!), гдѣ же ручатель-

ство, что становой именно велитъ березу срубить? Гдѣ ручательство, что онъ не отвѣтитъ Кондратью Трифонычу, что онъ и самъ могъ бы стерѣть пыль со стола?

— О, чортъ побери! эти приказные вѣчно съ своими канцелярскими заковычками! восклицаетъ Кондратій Трифонычъ и начинаетъ выискивать мечтаній еще болѣе практическихъ.

Онъ мечтаетъ, что никакихъ заковычекъ больше нѣтъ, что онъ призываетъ становаго (который нарочно тутъ и сдѣланъ, чтобъ заковычекъ не было) и говоритъ ему: Ванька мнѣ мину сдѣлалъ!

— Сейчасъ-съ, говоритъ становой, и летитъ во весь духъ распорядиться.

Потомъ онъ опять призываетъ становаго и говоритъ ему: Ванька пыли со стола не стеръ!

— Сейчасъ-съ, говоритъ становой и летитъ распорядиться.

Но вотъ и опять мысли мѣшаются, опять образуются зеленые круги, опять подплясываетъ бѣлая длинная колокольня. Надоѣло сидѣть, надоѣло мыслить...

— Чортъ знаетъ, ѣсть что ли мнѣ хочется? опять спрашиваетъ себя Кондратій Трифонычъ и съ тоскою взглядываетъ на часы. Тоска обращается въ ненависть, потому что часовая стрѣлка показываетъ половину одиннадцатаго.

— За поповымъ братомъ что ли спосылать? разсуждаетъ самъ съ собой Кондратій Трифонычъ и тутъ же рѣшаетъ, что спосылать необходимо.

Кондратій Трифонычъ малый не злой и даже покладистый для своихъ домочадцевъ, но съ нѣкотораго времени нравъ у него страннымъ образомъ перемѣнился. Ванька, съ свойственною ему легкомысленностью, отзывался объ этой перемѣнѣ, что Кондратій Трифонычъ спятилъ; ключница Мавра выражалась скромнѣе и говорила, что баринъ задумывается, что на него находитъ. Какъ бы то ни было, но перемѣна существовала, и произошла едва ли не въ ту самую минуту, какъ онъ прочиталъ, что есть на свѣтѣ какой-то сословный антагонизмъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ онъ вообразилъ себѣ, что онъ — одна сторона, а Ванька — другая сторона, и что они должны бороться. Ванька представлялъ собою интересы всѣхъ чистящихъ сапоги и топящихъ печки, Кондратій Трифонычъ — интересы всѣхъ носящихъ сапоги и грѣющихся около истопленныхъ печей. Ясно, что стороны эти не могутъ понимать другъ друга и что изъ этого долженъ про-

изойти антагонизмъ. И вотъ онъ борется утромъ, борется за обѣдомъ, борется до поздней ночи. Но Ванька не понимаетъ, что такое антагонизмъ, и, очевидно, уклоняется отъ борьбы. Онъ исправляетъ свои обязанности по прежнему, то есть по прежнему не стираетъ пыли со столовъ, по прежнему забываетъ закрыть трубы въ печахъ, а Кондратій Трифонычъ видитъ во всемъ грубыя мины, злостныя позы à la неглиже съ отвагой, и старается Ваньку изобличить. Изъ этого выходитъ, что Ванька, какъ только забьется въ переднюю, первымъ дѣломъ начинаетъ хихикать и представлять, какъ баринъ къ нему пристаетъ. Кондратій Трифонычъ слышитъ это и говоритъ: ишь шельма! смѣется! а того никакъ понять не хочетъ, что Ванька даже и не подозрѣваетъ, что ему, Кондратью Трифонычу, хочется борьбы. И такимъ образомъ, умаявшись къ вечеру, оба засыпаютъ; Кондратій Трифонычъ видитъ во снѣ, что онъ сдѣлался медвѣдемъ, что онъ смялъ Ваньку подъ себя и торжествуетъ; Ванька видитъ во снѣ, что онъ третьи сутки все чиститъ одинъ и тотъ же сапогъ и никакъ-таки вычистить не можетъ.

— Что за чудо! кричитъ онъ во снѣ, и, какъ оглашенный, вскакиваетъ съ одра своего.

— Ишь вѣдь, каналья, даже во снѣ не оставляетъ въ покоѣ! думаетъ въ это время Кондратій Трифонычъ, пробужденный неестественнымъ крикомъ Ваньки.

И такимъ образомъ проходятъ дни за днями. Выигрываетъ отъ этого положительно одинъ Кондратій Трифонычъ, потому что такое препровожденіе времени, по крайней мѣрѣ, наполняетъ пустые дни его. Съ тѣхъ поръ, какъ завелось «превосходство вольнонаемнаго труда надъ обязательнымъ», съ тѣхъ поръ, какъ съ другой стороны опекунскій совѣтъ закрылъ гостепріимныя свои двери, глуповскія веси уныли и запустѣли. Заниматься рѣшительно не чѣмъ да и не для чего: все равно ничего не выйдетъ. Говорятъ, будто это отъ того происходитъ, что кредиту нѣтъ и что Сидорычамъ подняться нѣчѣмъ; можетъ быть, жалоба эта и справедлива, однако до Сидорычей ни въ какомъ случаѣ относиться не можетъ. Недостатокъ кредита не губитъ, а спасаетъ ихъ, потому что, будь у нихъ деньги, они накупили бы себѣ собакъ, а не то что бы что нибудь для души полезное сдѣлать. А то еще подниматься! Повторяю: веси пріуныли и запустѣли; въ весяхъ дѣлать нѣчего, потому что все равно, ничего не выйдетъ. То, что оживляло ихъ въ бывалыя времена, какъ

то: взаимные банкеты и угощенія, а также распоряженія на конюшнѣ, то, въ настоящее время не можетъ уже имѣть мѣста: первые — по причинѣ недостатка кредита, вторыя — потому что не дозволены. Какимъ же образомъ убить, какъ издержать распроклятые дни свои? По неволѣ ухватишься за антагонизмъ, хотя въ сущности никакого антагонизма нѣтъ и не бывало, а было и есть одно: «вы наши кормильцы, а мы ваши дѣти!» Вотъ и Кондратій Трифонычъ ухватился за антагонизмъ, и хотя онъ не сознается въ этомъ, но все-таки жизнь его съ тѣхъ поръ потекла какъ-то полнѣе. По крайней мѣрѣ, теперь у него есть политическій интересъ, есть политическій врагъ, Ванька, противъ котораго онъ направляетъ всю дѣятельность своихъ умственныхъ способностей. Смотришь, анъ день-то и канулъ незамѣтнымъ образомъ въ вѣчность; а тамъ и другой наступилъ, и другой канулъ...

Но вотъ и батюшкинъ братъ пришелъ; Кондратій Трифонычъ слышитъ, какъ онъ сморкается и откашливается въ передней, и въ нетерпѣньи ворчитъ:

— О, чтобъ!... сморкаться еще выдумалъ!

Батюшкинъ братъ — человѣкъ маленькій, рыхленькій; онъ ужь лѣтъ семь какъ состоитъ въ ожиданіи вакансіи, но, по какому-то несчастному случаю, мѣста не получаетъ; лицо имѣетъ благостное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и угрожающее, какъ будто оно говоритъ: а вотъ погоди! скажу я тебѣ ужò проповѣдь! Ходитъ батюшкинъ братъ, словно лебедь плыветъ, рукой дѣйствуетъ размашисто, говоритъ размазисто. Носъ у него, вслѣдствіе внезапнаго перехода со стужи въ тепло, влаженъ, на усахъ висятъ ледяныя сосульки.

— Скука, отче! говоритъ Кондратій Трифонычъ, послѣ взаимныхъ привѣтствій.

— Можно молитвою развлечься! отвѣчаетъ батюшкинъ братъ, и при этомъ лицо его слегка осклабляется.

— Ну васъ!

Молчатъ.

— Сидѣлъ-сидѣлъ, молчалъ-молчалъ, начинаетъ Кондратій Трифонычъ: — инда дурость взяла! чортъ-знаетъ, чего не передумалъ! хоть бы ты что ли, отче, паству-то братнину вразумилъ!

— Развѣ предосудительное что замѣтить изволили? отвѣчаетъ батюшкинъ братъ, и лицо его выражаетъ жалость, смѣшанную съ испугомъ.

— Да что! грубятъ себѣ поголовно, да и шабашъ!

— Не похвалю!

— Просто житья отъ хамовъ нѣтъ!

— Въ комъ же вы наиболѣе такое настроенiе замѣчать изволили, Кондратiй Сидорычъ?

— Во всѣхъ! Отъ мала до велика — всѣ грубятъ! Да какъ еще грубить-то выучились! Ни слова тебѣ не говоритъ — а грубитъ! служитъ тебѣ, каналья, стаканъ воды подастъ — а грубитъ!

Батюшкинъ братъ тоскливо помоталъ головой и крякнулъ.

— И во многихъ такое настроенiе замѣчаете? брякнулъ онъ, позабывъ, что повторяетъ свой прежнiй вопросъ.

— Да говорятъ же тебѣ: во всѣхъ! во всѣхъ! Ну, слышишь ли ты: во всѣхъ! во всѣхъ!

Батюшкинъ братъ слегка привскакнулъ и откинулся назадъ, какъ будто обжогся. Опять молчатъ.

— Что-жь это за скука такая! начинаетъ Кондратiй Трифонычъ: — закуску что ли велѣть подать?

— Во благовременiи и пища невредительна бываетъ.

— А не во благовременiи какъ?

Батюшкинъ братъ опять привскакиваетъ и откидывается назадъ.

— Ну, и сиди не ѣвши! зачѣмъ пустяки говоришь?

Молчатъ.

— Не люблю я, когда ты пустяки мелешь!

Молчатъ.

— И кого ты этими пустяками удивить хочешь?

Батюшкинъ братъ краснѣетъ. Кондратiй Трифонычъ тяжко вздыхаетъ и произноситъ:

— Охъ, скука-то, скука-то какая!

— Время не благопотребное! рискуетъ батюшкинъ братъ, но тутъ же обнаруживаетъ безпокойство, потому что Кондратiй Трифонычъ смотритъ на него сурово.

— И откуда ты этакимъ глупымъ словамъ выучился! говорилъ бы просто: непотребное время! И не надоѣло тебѣ языкъ-то ломать! строго говоритъ Кондратiй Трифонычъ.

Опять водворяется молчанiе, изрѣдка прерываемое глубокими вздохами Кондратiя Трифоныча. Батюшкинъ братъ вынимаетъ платокъ изъ кармана и начинаетъ вытирать имъ между пальцевъ.

— Что это я все вздыхаю! что это я все вздыхаю! произноситъ Кондратій Трифонычъ.

— О грѣсѣхъ... началъ было батюшкинъ братъ, но не окончилъ, а только пискнулъ.

— Тьфу ты!

Молчатъ.

— А ты слышалъ, что Скуракинъ на дняхъ такого же, вотъ какъ ты, поповскаго брата высѣкъ? спрашиваетъ внезапно Кондратій Трифонычъ.

— Сс... стало быть, слѣдствіе наряжено?

— Да, братъ; тоже вотъ все говорилъ: «о грѣсѣхъ» да «благоутробно» — ну, и высѣкъ!

Всю эту исторію Кондратій Трифонычъ сейчасъ только что выдумалъ, и никакого поповскаго брата Скуракинъ не сѣкъ. Но ему такъ понравилась его выдумка, что онъ даже повеселѣлъ.

— Да, братъ, права наши еще не кончились! Вотъ вздумалъ высѣчь — и высѣкъ! Ищи на немъ!

— Однако, позвольте, Кондратій Трифонычъ! осмѣливаюсь я думать, что господинъ Скуракинъ поступилъ не по закону!

— Ну! по какому тамъ еще закону! Извѣстно, сѣкутъ не по закону, а по обычаю!

— Позвольте, Кондратій Трифонычъ! я все-таки осмѣливаюсь полагать, что господинъ Скуракинъ не имѣлъ никакого права!

— Высѣкъ — и все тутъ!

— Высѣчь не долго-съ...

— Ну да... и долго, и не долго... а высѣкъ!

Батюшкинъ братъ крякнулъ; онъ видимо былъ обиженъ. Что-жь это такое въ самомъ дѣлѣ? И съ какой стати Кондратій Трифонычъ завелъ такую пустую матерію? и не заключаютъ ли слова его фигуры иносказанія?

— Стало быть, этакъ всѣхъ высѣчь можно? произнесъ онъ съ видимымъ волненіемъ.

— Всѣхъ!

— Стало быть, и... батюшкинъ братъ не договорилъ.

— Стало быть, и...

Батюшкинъ братъ обидѣлся окончательно. Мало-по-малу, онъ такъ разревновался, что даже всталъ и началъ прощаться.

— Ужь я, Трифонъ Кондратьичъ, лучше въ другой разъ приду, когда улучится болѣе благопріятная минута, сказалъ онъ.

— Ну, да постой! куда ты! это вѣдь я пошутилъ!

— Неблагообразно шутить изволите!

— Фу, чортъ! опять ты съ своимъ благоутробіемъ! да говорятъ тебѣ: пошутилъ!

— Нѣтъ, Кондратій Трифонычъ!

— Слышь, говорятъ: пошутилъ!

— Нѣтъ-съ, Кондратій Трифонычъ!

— Ну, и ступай! ну, и пропадай! Только ты у меня смотри: ни всенощныхъ, ни молебновъ... ни-ни!

— И не надо-съ! собственную же свою душу не соблюдете!

Батюшкинъ братъ ушелъ, въ передней опять послышалось откашливанье и сморканье; Кондратій Трифонычъ опять почувствовалъ приливъ тоски.

— Эй! воротить его! крикнулъ онъ.

Ванька побѣжалъ, но воротился съ отвѣтомъ, что батюшкинъ братъ не идетъ.

— Сказать ему, что я умираю!

Батюшкинъ братъ воротился, но сталъ у самой двери.

— Что вамъ, сударь, угодно? спросилъ онъ съ достоинствомъ.

— Да садись же ты!

— Нѣтъ-съ, и дома посижу!

— Ну, да полно! благопрости ты меня! поблагобесѣдуй ты со мной! Ну, видишь?

Батюшкинъ братъ колебался.

— А не то, давай почавкаемъ что нибудь! А если и это не нравится, такъ поблаготрапезуемъ!

Батюшкинъ братъ плавными шагами приблизился къ стулу и сѣлъ. Но онъ все-таки еще не совсѣмъ оправился, потому что опять вынулъ изъ кармана платокъ и началъ вытирать имъ между пальцевъ.

Приносятъ водку; Кондратій Трифонычъ наливаетъ рюмку и подноситъ батюшкину брату, но въ ту минуту, когда батюшкинъ братъ ужь почти касается рукою рюмки, Кондратій Трифонычъ дѣлаетъ быстрый маневръ и мгновенно выпиваетъ водку самъ. Батюшкинъ братъ крякаетъ и опять косится на шапку. Однако, на этотъ разъ все устраивается благополучно.

— Я думаю на будущій годъ молотилку выписать! говоритъ Кондратій Трифонычъ, а самъ въ то же время думаетъ: — кукишъ съ масломъ! на какія-то деньги ты выпишешь!

— Это полезно, отвѣчаетъ батюшкинъ братъ: — и крестьяне отъ васъ позаняться могутъ.

— Я и сѣноворошилку куплю, упорствуетъ Кондратій Трифонычъ: — да вотъ еще сѣялка такая есть...

— Сс... произноситъ батюшкинъ братъ.

Молчатъ. Выпили по другой.

— У меня имѣніе хорошее! говоритъ Кондратій Трифонычъ.

Батюшкинъ братъ, неизвѣстно съ чего, вдругъ распростираетъ руки, какъ будто хочетъ обнять необъятное.

— Ну да! Это надо сказать правду, что хорошее! нужно только руки приложить! продолжаетъ Кондратій Трифонычъ: — вотъ я съ будущаго года молоко въ Москву возить стану!

— Экипажцы, стало быть, такіе сдѣлаете?

— Ну да! Положимъ, напримѣръ, что корова даетъ... ну, хоть ведро въ день!

Батюшкинъ братъ крякаетъ и откидывается назадъ.

— Ну да... ну хоть ведро въ день! положимъ, хоть по восьми гривенъ за ведро... сколько это будетъ?

Кондратій Трифонычъ задумывается и въ разсѣянности выпиваетъ третью рюмку. Батюшкинъ братъ съѣдаетъ грибокъ.

— Одного торфу сколько у меня! вдругъ восклицаетъ Кондратій Трифонычъ.

— Стало быть, торфомъ торговать будете? спрашиваетъ батюшкинъ братъ, и, приложивъ руку къ сердцу (дабы не распахнулась ряска), крадется къ столу, чтобъ отрѣзать кусочекъ ветчинки.

— Всѣмъ буду торговать! и молокомъ буду торговать! и торфъ буду продавать! и ягоды въ Москву буду возить! Ноньче, братъ, глядѣть-то нѐчего! ноньче, братъ, дворянскую-то спѣсь надо по боку!

— Сс... удивляется батюшкинъ братъ:—стало быть, изволите находить, что не предосудительно?

Вмѣсто отвѣта, Кондратій Трифонычъ выпиваетъ четвертую и въ то же время указываетъ на графинъ батюшкину брату, который немедленно слѣдуетъ его примѣру.

— А позвольте узнать, спрашиваетъ батюшкинъ братъ: — какъ же теперь купцы, мѣщане... стало быть, имъ возбранено будетъ торговать?

— А мнѣ что за дѣло!

— Стало быть, этого ужь не будетъ, чтобы всякому, то есть, званію предѣлъ былъ положенъ?

— Не будетъ! а что?

— Ничего-съ; конечно, по писанію, оно не то, чтобы... потому, есть купующіе, есть и куплюдѣющіе, есть воздѣлывающіе землю, есть и поядающіе...

— Ну, такъ что жь?

— Ничего-съ... я къ примѣру-съ...

— И кого только ты этими глупостями удивить хочешь!

Молчатъ.

— А то вотъ еще искусственнымъ разведеніемъ рыбъ заняться можно! вдругъ изобрѣтаетъ Кондратій Трифонычъ.

— Сс... стало быть, всякую рыбицу у себя завести можно?

— Всякую!

— Сс... подумаешь, какую, однако, власть надъ собой человѣкъ взялъ!

— Да, братъ, власть!

— Только твѐрди и звѣздъ небесныхъ еще содѣлать не можетъ!...

— А рыбу можетъ всякую!

— И не безвыгодно?

— Какое, къ чорту, безвыгодно! ты пойми, сколько въ Москвѣ стерлядь-то стоитъ!

— Чтожь, это дѣло хорошее! можетъ, и крестьяне около васъ позаймутся!

Молчатъ. Кондратій Трифонычъ слегка зѣваетъ.

— Я ноньче все буду самъ! лѣсъ рубить буду самъ! молоко въ Москву возить — самъ! торфъ продавать — самъ! говоритъ онъ, приходя внезапно въ восторгъ.

— Доброе, сударь, дѣло! отвѣчаетъ батюшкинъ братъ.

— Ноньче, братъ, не то, что прежде! нѣтъ, братъ, шалишь! ноньче вездѣ все самъ: и посмотри самъ, и свѣсь самъ, и съѣзди вездѣ самъ, и опять посмотри, и опять свѣсь!

Кондратій Трифонычъ, говоря это, суетится и тыкаетъ руками, какъ будто онъ въ самую эту минуту и смотритъ, и вѣситъ, и куда-то ѣдетъ.

— Это точно; и предки наши говаривали: свой глазокъ-смотрокъ!

— Предки-то наши только говаривали, а сами одну навозницу соблюдали!

Батюшкинъ братъ снисходительно улыбается. Водворяется молчаніе.

— Хорошо бы машину какую нибудь выдумать! говоритъ Кондратій Трифонычъ.

— Про какую такую машину говорить изволите?

— Ну, да какую нибудь... чтобъ и жала, и косила, и лѣсъ бы рубила, и масло бы пахтала... и вездѣ бы одинъ приводъ дѣйствовалъ!

— Слышно, англичане много всякихъ машинъ выдумываютъ!

— Сидѣлъ бы я себѣ дома, да дѣлалъ бы, да дѣлалъ бы машины, а потомъ въ Москву продавать возилъ бы!

— Вотъ Богъ англичанамъ на этотъ счетъ большую остроту ума далъ! настаиваетъ батюшкинъ братъ.

— А нашимъ не далъ!

— За то, нашъ народъ благочестіемъ и благоугодною къ церкви преданностью одарилъ!

— Ну, и опять тебѣ говорю: кого ты своими благоглупостями благоудивить хочешь?

Батюшкинъ братъ окончательно конфузится и закусываетъ губы. Напротивъ того, Кондратій Трифонычъ воспламеняется и постепенно входитъ въ хозяйственный азартъ. Онъ объясняетъ, что можно налима съ лещемъ совокупить и что изъ этого должна произойти рыба, у которой будутъ печенки и молоки налимьи, а тёшка лещиная; онъ объясняетъ, что примѣры подобнаго совокупленія случались и въ природѣ: стерлядь совокупилась съ осетромъ, и вышла рыба *шипъ*, которую онъ ѣлъ на обѣдѣ у губернатора.

— Не у теперешняго, прибавляетъ онъ: — теперь у насъ какой-то гордишка, аристократишко какой-то, а вотъ у прежняго, у генерала Слабомыслова!

Онъ объясняетъ батюшкину брату, какую онъ машину выпишетъ: и дрова таскать будетъ, и пахать будетъ, и воду носить будетъ, и топить ее будетъ не дровами, а землей, — все землей!

— Работниковъ, братъ, мнѣ съ этой машиной совсѣмъ не надо! прибавляетъ онъ.

Онъ объясняетъ, какихъ онъ коровъ изъ Англіи выпишетъ: костей у нихъ совсѣмъ нѣтъ, а все одно мясо да молоко, все молоко, все молоко!

Онъ объясняетъ, наконецъ, что выстроитъ новую колоколь-

ню, такую колокольню: одинъ этажъ каменный, другой деревянный, потомъ опять каменный и опять деревянный.

— Жертва Богу угодная! замѣчаетъ батюшкинъ братъ: — жертва, сударь, все равно, что кадило благовонное!

— А ты думалъ какъ?

— Впрочемъ, колокольня у насъ еще постоитъ.., вотъ на счетъ трапезы, Кондратій Трифонычъ!

— Ужь ты молчи! я все сдѣлаю! и колокольню сломаю! и трапезу сломаю! я все сломаю! объясняетъ Кондратій Трифонычъ.

И разговаривая такимъ манеромъ, выпиваетъ рюмку за рюмкой, рюмку за рюмкой!

Батюшкинъ братъ въ свою очередь выпиваетъ, и вслѣдствіе этого безпрестанно поправляетъ пальцами глаза, какъ будто хочетъ ихъ разодрать, чтобъ лучше видѣть. Въ то же время онъ радуется, что въ одно утро пріобрѣлъ столько разнообразныхъ свѣдѣній.

— Это вы благополезное дѣло затѣяли, Кондратій Трифонычъ! говоритъ онъ.

— Тьфу ты!

Наконецъ, изолгавшись вконецъ и, вѣроятно, найдя, что машины всѣ до одной изобрѣтены, коровы всѣ выписаны, Кондратій Трифонычъ впадаетъ въ истощеніе. Часы бьютъ два.

— Обѣдать! кричитъ Кондратій Трифонычъ: — ты со мной что ли, отче?

— Ужь очень занятно вы разсказываете, Кондратій Трифонычъ! послушалъ бы и еще-съ!

— Ну, а коли послушалъ бы, такъ оставайся!

Подаютъ обѣдать; но геній хозяйственной распорядительности уже отлетѣлъ отъ Кондратья Трифоныча. Онъ не то, чтобы спитъ, но слегка совѣетъ и только изрѣдка подмигиваетъ батюшкину брату на Ваньку (дескать, посмотри, какъ суетъ!), который, въ свою очередь, не стѣсняясь присутствіемъ этого послѣдняго, показываетъ барину сзади языкъ. Такимъ образомъ антагонизмъ, о которомъ такъ много говоритъ Кондратій Трифонычъ, представляется батюшкину брату въ лицахъ, на самомъ дѣйствіи.

— Ты для чего же рыжиковъ къ жаркому не подалъ? невѣрнымъ, нѣсколько путающимся языкомъ допрашиваетъ Ваньку Кондратій Трифонычъ.

— А для того и не подалъ, что огурцы есть, тоже путающимся языкомъ отвѣчаетъ Ванька.

— Ишь ты! дразнится шельма! замѣчаетъ Кондратій Трифонычъ и подмигиваетъ батюшкину брату, какъ бы приглашая его быть свидѣтелемъ ванькиной грубости.

Наконецъ и сумерки упали. Батюшкинъ братъ давно ушелъ; Кондратій Трифонычъ спитъ и даже во снѣ ничего не видитъ. Какъ повалился онъ на постель, такъ ему голову словно заложило чѣмъ. Въ передней вторитъ ему Ванька.

Въ шесть часовъ Кондратій Трифонычъ ужь шагаетъ по своимъ сараямъ и проситъ квасу. Въ средней комнатѣ уныло мерцаетъ стеариновая свѣча, прочія комнаты окутаны мракомъ. Кондратій Трифонычъ шагаетъ и думаетъ: что́ бы ему сдѣлать такое, чтобы...

— Чтобы что̀? спрашиваетъ его внутренній голосъ.

— Господи! какая тоска! восклицаетъ Кондратій Трифонычъ, не разрѣшая вопроса.

И опять ходитъ, и все объ чемъ-то думаетъ, все чего-то ждетъ. Думаетъ о томъ, что завтра, быть можетъ, будетъ снѣгъ, а быть можетъ, будетъ и вьюга; ждетъ, что къ Николину дню будутъ морозы.

— О, чортъ побери! восклицаетъ онъ.

И опять ходитъ, и опять ждетъ: скоро ли чай подадутъ?...

— Ванька! да пошли ты, разбойникъ, Агашку ко мнѣ! кричитъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

Агашка на этотъ разъ является. Это дѣвушка кругленькая, полненькая, бѣлокуренькая, съ измятымъ, но весьма пріятнымъ личикомъ.

— Что вы, Агашенька, ко мнѣ не ходите? спрашиваетъ ее Кондратій Трифонычъ, сѣменя кругомъ нея ножками, какъ дѣлаютъ очень влюбленные пѣтухи.

— Вы развѣ спрашивали меня? отзывается Агашенька, повертываясь на своей оси по тому же направленію, по какому ходитъ Кондратій Трифонычъ.

— Я за вами десять разъ Ваньку посылалъ-съ!

— Ванька ни разу мнѣ не говорилъ!

— Этакой скотъ, подлецъ! А отчего же вы сами никогда ко мнѣ не зайдете-съ?

Агашенька не отвѣчаетъ; она слегка зардѣлась.

— Ну-съ, Агашенька-съ!

— Я, Кондратій Трифонычъ, я-съ... начинаетъ Агашенька и никакъ не можетъ кончить.

— Ну-съ, что же вы-съ?

— Я-съ... позвольте мнѣ, Кондратій Трифонычъ, замужъ идти-съ! скороговоркою произноситъ Агашенька и умолкаетъ, словно сама испугалась словъ своихъ. А щечки у нея такъ и пылаютъ, такъ и рдѣютъ отъ стыда и испуга!

Кондратій Трифонычъ озадаченъ; онъ думаетъ, какъ ему поступить, и, разумѣется, какъ всѣ люди, которыхъ самолюбіе неожиданно уязвлено, на первыхъ порахъ надумываетъ глупѣйшую штуку. Онъ какъ-то надувается и устроиваетъ оскорбленную мину; онъ поднимаетъ плечи и, отступя нѣсколько шаговъ назадъ, указываетъ Агашѣ руками на двери.

— Скатертью дорога-съ! говоритъ онъ:—ну такъ что же-съ! и съ Богомъ-съ!

— Душенька, Кондратій Трифонычъ! ей-богу, я не могу! говоритъ Агашенька и въ то же время стыдится и рдѣетъ, едва выговаривая отъ волненья слова.

— А коли не можете, такъ и съ Богомъ! отвѣчаетъ Кондратій Трифонычъ, по прежнему глупымъ образомъ уставляя руки по направленію къ двери.

Агашенька закрываетъ лицо платкомъ и быстро выбѣгаетъ.

Кондратій Трифонычъ остается одинъ и опять принимается за ходьбу. Но онъ чувствуетъ, что у него начинаетъ щемить сердце, онъ чувствуетъ, что къ глазамъ что-то подступаетъ.

— Ладно! это ладно! говоритъ онъ самому себѣ.

— Что «ладно»-то? спрашиваетъ внутренній голосъ.

— Ну, чортъ съ нею! думаетъ онъ: — поѣду въ Москву, и найду себѣ... а вѣдь она, чай, за повара?

И опять начинаетъ сосать сердце, и опять начинаетъ что-то подступать къ глазамъ.

— Ваня! позови Агашу! говоритъ онъ словно измѣнившимся голосомъ, просовывая голову въ переднюю.

Черезъ минуту, Ванька возвращается и докладываетъ, что Агашка не идетъ.

— Да ты поди, ты скажи ей, что я... такъ!

Ванька скрывается.

— Вы меня спрашивали, Кондратій Трифонычъ? раздается въ темнотѣ знакомый голосъ.

— Вы за кого же замужъ выходите, Агашенька-съ? спрашиваетъ Кондратій Трифонычъ.

— Я-съ,.. за повара,.. за Степана-съ!

— Гм.. за Степана! а въ дѣвушкахъ оставаться не хотите?

— Ужь позвольте мнѣ! Кондратій Трифонычъ!

— Ну, Богъ съ вами! кто же у васъ посажонымъ отцомъ будетъ?

Агашенька перебираетъ пальцами концы большаго платка, который накинутъ у ней на шею.

— Хочешь, я посажонымъ отцомъ буду?

— Ахъ нѣтъ!... нѣтъ... ужь оставьте это, Кондратій Трифонычъ!

— Чтожь, и въ посажоные-то ужь взять не хотите?

Агашенька видимо тяготится разговоромъ; она переминается съ ноги на ногу; ей хочется уйти. Кондратію Трифонычу кажется, что она неблагодарная.

— Ну, съ Богомъ! что жь... если я... если я... ну, и съ Богомъ!

Кондратій Трифонычъ давится, и чтобы скрыть охватившее его волненье, кашляетъ; но въ ту минуту, когда онъ поднимаетъ голову, Агаши ужь нѣтъ...

— Хоть жить-то у меня останетесь ли? кричитъ онъ вслѣдъ и, не получивши отвѣта, ворчитъ: — ишь! даже отвѣта не даетъ! а вѣдь я два года еще право имѣю... ладно!

Между тѣмъ на дворѣ разыгрывается вьюга; она несетъ цѣлые снопы снѣга съ рѣки и укладываетъ ихъ буграми и грядками около барскаго дома; она наполняетъ воздухъ какою-то сумятицей и застилаетъ огоньки, которые свѣтятся въ людскихъ избахъ и въ тихую погоду бываютъ видны изъ господскаго дома; она визжитъ и воетъ; она стучится въ стѣны и въ окна, словно просится со стужи въ тепло...

— Нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой! нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой! слышится Кондратью Трифонычу въ этомъ заунывномъ голошеньи вьюги.

Дѣлать рѣшительно нечего; что было дѣла — все передѣлалъ, что было мыслей — все передумалъ. Часы тоскливо стучатъ: тикъ-такъ, тикъ-такъ, и Кондратій Трифонычъ чувствуетъ, какъ взмахи маятника, одну за другой, уносятъ его надежды. Онъ чувствуетъ, что съ каждой минутой все больше и больше

дряхлѣетъ, что дерево жизни подточено, что листья одинъ за однимъ все падаютъ, все падаютъ...

— Что жь это онъ чаю, подлецъ, не даетъ! вскрикиваетъ онъ какъ уязвленный, удостовѣрившись, что часовая стрѣлка стоитъ на половинѣ осьмаго: — Ванька! чаю, чаю-то что жь не даешь? Не стою я что ли?

Ванька хочетъ уйти.

— Нѣтъ, ты мнѣ говори: не стою что ли я чаю, что ты меня до сихъ поръ моришь?

— Я думалъ, что не надо! огрызается Ванька.

— Ты думалъ! онъ думалъ! милости просимъ! онъ думалъ! а ты знаешь ли, какъ вашего брата за думанье-то! онъ думалъ!... ты! ты!... ахъ, ты! Ну, ступай... ладно!

Кондратій Трифонычъ опять пересчитываетъ свои обиды: тогда-то пыли не стеръ, тогда-то рожу состроилъ, тогда-то прыснулъ въ самое лицо барину, тогда-то безъ чаю намѣревался оставить.

— Агашку взбаламутилъ! говоритъ онъ, инстинктивно склоняя голову на бокъ, какъ будто сообщаетъ это по секрету становому на ухо.

Но вотъ и чай выпитъ; Кондратій Трифонычъ беретъ засаленныя карты и начинаетъ раскладывать гранъ-пассьянсъ. Онъ гадаетъ, уродится ли у него рожь самъ-десятъ — не выходитъ; онъ гадаетъ, останется ли Агаша жить у него — не выходитъ; онъ гадаетъ, избавится ли его имѣніе отъ продажи съ публичнаго торга — не выходитъ.

— Нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой! нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой! злится на дворѣ вьюга.

. . . .

Кондратій Трифонычъ спитъ; въ комнатѣ жарко и душно; онъ разметался; одна рука свѣсилась съ кровати, другая легла на лѣвую сторону груди, какъ будто хочетъ сдержать учащенное біеніе сердца. Онъ видитъ во снѣ, что послѣдовало какое-то новое распоряженіе. Въ чемъ заключается это распоряженіе, онъ не объясняетъ, но самое слово «распоряженіе» уже вызываетъ капли холоднаго пота на лицо Кондратья Трифоныча. Онъ стонетъ и захлебывается.

Поутру, часовъ въ восемь, чуть брезжется, а ужь его будитъ Ванька.

— Что такое? что такое? спрашиваетъ онъ, глядя на Ваньку мутными глазами.

— Становой пріѣхалъ!

— А!... ллладно! произноситъ Кондратій Трифонычъ, и лицо его принимаетъ ироническое выраженіе, которое очень не нравится Ванькѣ.

— Имѣнье описывать пріѣхалъ-съ! говоритъ Ванька въ самый упоръ, какъ бы желая сразу окатить Кондратья Трифоныча холодной водой.

Занавѣсъ опускается.

II.

ДЛЯ ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА.

Вечеръ. Юный поэтъ Кобыльниковъ (онъ же и столоначальникъ губернскаго правленія) корпитъ надъ мелко-исписаннымъ листомъ бумаги въ убогой своей квартирѣ, и съ неслыханнымъ озлобленіемъ грызетъ перо и кусаетъ ногти. Уже седьмой часъ; еще часъ, и квартира совѣтника Лопатникова озарится веселыми огнями рождественской ёлки; еще часъ, и *она* войдетъ въ залу, въ коротенькомъ бѣленькомъ платьицѣ (увы! ей еще только пятнадцать лѣтъ!), выйдетъ свѣженькая и улыбающаяся, выйдетъ вся благоухающая ароматомъ невинности!

— А что, мсьё Кобыльниковъ, вы исполнили свое обѣщаніе? спроситъ она его.

При этой мысли, Кобыльниковъ вскочилъ со стула, какъ ужаленный, и схватилъ себя за голову. Онъ начиналъ сознавать, что заложилъ слишкомъ большой фундаментъ своему стихотворенію. Уже двѣ строфы, каждая въ восемь стиховъ, готовы и переписаны, но, судя по развитію, которое принимала основная мысль, нельзя было даже приблизительно предвидѣть, какой будетъ исходъ ея. Онъ уже принесъ достаточную дань восторговъ возникающимъ красотамъ милой дѣвочки; упомянулъ и о платьицѣ, и о шейкѣ лилейной, и о щечкахъ «словно персикъ пушистыхъ»

И о томъ, о чемъ хотѣлъ бы,
Да не смѣю говорить...

Теперь онъ задалъ себѣ вопросъ: кому суждено обладать

всѣми этими сокровищами, старцу ли безсильному, или поэту чернокудрому? ужь онъ начерталъ два первыхъ стиха:

О скажижь, чей мощный образъ
Эту грудь воспламенитъ?
Эти перси...

Но тутъ воображеніе окончательно отказывалось служить. Рифма на «образъ» рѣшительно не приходила; то есть, коли хотите, и приходило кое-что въ голову, но все какая-то чушь: «вобразъ», «нобразъ» — чортъ знаетъ, какая дребедень!

— Нѣтъ, да каково же! каково же! вопіялъ онъ, въ отчаяніи: — каково это съ перваго же раза подлецомъ себя выставить!

А время, между тѣмъ, равнодушно смотрѣло на его горесть и подвигало да подвигало впередъ часовую стрѣлку. Кобыльниковъ тоскливо взглянулъ на часы и увидѣлъ, что до семи остается только пять минутъ.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ не поѣду! воскликнулъ онъ, бросаясь въ изнеможеніи на стулъ: — лучше одинъ просижу, лучше безъ ужина останусь, нежели подлецомъ себя выставлю!

— «Нобразъ!» насмѣшливо шептало между тѣмъ воображеніе.

— Фуй, мерзость! и прилѣзутъ же въ голову такія пошлости, что ни складу, ни ладу нѣтъ!

Кобыльниковъ плюнулъ съ досады.

— Ни за что не поѣду! повторилъ онъ, но вслѣдъ за этимъ ни съ того ни съ сего раздумался.

Молодость вдругъ заговорила въ немъ ласкающими голосами. Передъ глазами его рисуется залитая свѣтомъ зала; посреди ея стоитъ ёлка, вся изукрашенная разноцвѣтными лентами и фольгой; ёлка, которой вѣтви гнутся подъ бременемъ пастилы и другихъ соблазнительныхъ сластей. А вонъ и бѣленькое платьице, вонъ и головка, обрамленная темными кудрями! Господи! что за грація въ очертаніяхъ этой головки! что за свѣжесть, что за сокровища въ этой едва-едва начинающей развиваться груди! И что за веселые звуки пролетаютъ по комнатѣ, когда эта милая дѣвочка засмѣется! Точно вотъ солнышко выглянетъ изъ-за хмурыхъ тучъ, и все вдругъ кругомъ улыбнется: и рѣчка, которая до тѣхъ поръ лѣниво катила сѣрыя волны, и ближняя лужайка, скрывавшая свой цвѣтной коверъ отъ дождей и холодовъ

угрюмаго ненастья, и статскій совѣтникъ Поплавковъ, который сидитъ за карточнымъ столомъ и двадцатый разъ сряду озлобленно произноситъ «пасъ»! Вотъ она пошла танцовать—и все-то выходитъ у нея не такъ, какъ у другихъ. Посмотрите, напримѣръ, или, лучше сказать, прислушайтесь, какъ танцуютъ Настя Поплавкова, Нюта Смущенская! «Конь бѣжитъ, земля дрожитъ»! А она! Неслышно, почти незримо летаетъ она по крашеному полу, ни мало не задѣвая крошечными ножками за землю, и вся какъ будто уносясь и исчезая вверхъ!

Но, кромѣ того, и ужинъ не лишонъ своей прелести. Уже накрывается длинный столъ въ задней комнатѣ, и хотя руки двороваго оффиціанта Андрея не совсѣмъ чисты, но, судя по хлѣбосольнымъ привычкамъ хозяина, нельзя сомнѣваться, что на столѣ будетъ и свѣжая осетрина, и жирный, зажаренный лещъ, и все, однимъ словомъ, что приличествуетъ кануну такого великаго праздника, какъ Рождество Христово.

— И надо же быть такому несчастію! разсуждаетъ самъ съ собою Кобыльниковъ, но разсуждаетъ какъ-то вяло, безъ прежнихъ порывовъ. Вообще видно, что картины, которыя нарисовало ему воображеніе, произвели замѣтное разслабленіе во всемъ его организмѣ.

Въ это время часы прошипѣли семь. Кобыльниковъ машинально всталъ со стула и направился къ платяному шкапу.

— «Нобразъ! нобразъ»! шепнулъ вдругъ враждебный голосъ и остановилъ его на половинѣ дороги.

Съ минуту еще длилась борьба его съ самимъ собою, но наконецъ молодость взяла-таки свое. Кобыльниковъ поспѣшно натянулъ на себя фракъ, и взглянувши на переписанныя двѣ строфы, покусился было попытать счастья, нельзя ли сбыть ихъ съ рукъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были, но по внимательномъ прочтеніи, стихотвореніе показалось ему еще болѣе недоконченнымъ, нежели когда-либо. Съ досадою отшвырнулъ онъ его отъ себя и выбѣжалъ изъ квартиры.

На дворѣ стояла ночь, та слѣпая, досадная ночь, которая можетъ случиться только въ далекомъ, провинціальномъ городкѣ, гдѣ откупщикъ еще не доведенъ кроткими мѣрами до сознанія своей обязанности жертвовать достаточное количество спирта для освѣщенія улицъ. Злой и рѣзкій вѣтеръ несся по улицѣ, поднимая и крутя въ воздухѣ цѣлые столбы снѣжной пыли, и взвизгивалъ, и завывалъ, ударяясь объ углы домовъ. Хорошо, что Ко-

быльникову предстояло пройти не болѣе тридцати шаговъ, а не то пришлось бы ему, бѣдному, воротиться въ квартиру и опять сѣсть за сочиненіе распроклятыхъ стиховъ.

— «Нобразъ»! взвизгнулъ вдругъ вѣтеръ въ самыя уши поэта.

— Фу ты, чортъ! пробормоталъ Кобыльниковъ и, плотнѣе завернувшись въ шинель, съ усиліемъ началъ карабкаться впередъ, утопая въ сугробахъ снѣга, завалившихъ тротуаръ.

Но вотъ уже брезжетъ свѣтъ сквозь снѣжный туманъ; сначала онъ мелькаетъ въ видѣ крошечнаго круга, но, мало по малу кругъ разрастается, и освѣщенныя окна совѣтничьей квартиры представляются взору во всемъ ихъ заманчивомъ великолѣпіи. Издрогшій и измученный врывается Кобыльниковъ въ переднюю желаннаго дома и долгое время поправляетъ потерпѣвшія отъ снѣга части своего туалета.

— А! молодой человѣкъ! милости просимъ! встрѣчаетъ его хозяинъ дома, Иванъ Кузьмичъ Лопатниковъ: — ну что, одолѣли Капустниковское дѣло?

— Кончилъ-съ, отвѣчаетъ Кобыльниковъ и мысленно говоритъ самому себѣ: — что, если бъ онъ зналъ, что я, вмѣсто Капустниковскаго дѣла, цѣлыя три часа корпѣлъ надъ сочиненіемъ стиховъ?

— То-то, а не то насъ съ вами новый генералъ совсѣмъ съѣстъ!

Но, разговаривая съ хозяиномъ, Кобыльниковъ улучаетъ, однакожь, минуту, чтобы бросить взглядъ въ сторону, и съ удовольствіемъ примѣчаетъ, что точно такой же взглядъ выглядываетъ изъ-за ёлки и на него. Онъ спѣшитъ оставить гостепріимнаго хозяина и всѣми силами души устремляется туда, откуда блеснулъ ему теплый лучъ привѣта и дѣтской привязанности.

Читатель! не знаю, живали ли вы въ провинціи, но я, который благоденствовалъ въ Вяткѣ и процвѣталъ въ Перми, жуировалъ жизнью въ Рязани и наслаждался душевнымъ спокойствіемъ въ Твери, я смѣю васъ удостовѣрить, что воспоминанія о видѣнныхъ мною ёлкахъ навсегда останутся самыми свѣтлыми воспоминаніями пройденной жизни! Во первыхъ, какая-то умиротворяющая, праздничная струя носится въ это время въ воздухѣ, какая-то свѣтлая, радостная мысль просится въ душу при видѣ этихъ зажженныхъ свѣчей, этихъ полныхъ, румяныхъ лицъ, при звукахъ этого говора и смѣха; а во вторыхъ, что за прелестныя созданія эти дѣти! какъ пытливо озираются ихъ умненькіе глазки!

и какъ мало похожи они на своихъ отцовъ, тутъ же предстоящихъ и съ томленіемъ выжидающихъ момента, когда можно засѣсть за зеленый столъ или пріударить по питейной части! Иной родитель расползся поперёкъ себя толще, лицо у него на кругъ швейцарскаго сыру похоже, даже носу словно совсѣмъ нѣтъ, а сынокъ у него, смотришь, шустренькій, черномазенькій, глазки такъ и прыгаютъ, а носикъ римскій, тоненькій, словно выточенный; иной родитель похожъ на артиста, черноволосый, худощавый, блѣдный, и вообще, что называется, интересный jeune homme, а сынокъ у него похожъ на губернатора, который въ свою очередь похожъ на копну. Вотъ и поди ты! Смотришь, бывало, на этихъ улыбающихся, кудрявыхъ дѣтей, смотришь и думаешь: неужели Ваня будетъ когда-нибудь совѣтникомъ питейнаго отдѣленія? неужели эта рѣзвая, быстроглазая Ляля будетъ когда-нибудь вице-губернаторшей? И подумавши, взгрустнешь потихоньку.

Коля, мой другъ! не отплясывай такъ бойко козачка, ибо ты не будешь совѣтникомъ питейнаго отдѣленія! Скоро придетъ бука и всѣхъ совѣтниковъ оставитъ безъ пирожнаго!

Ляля, милый мой ребенокъ! Не скругляй такъ своихъ маленькихъ ручекъ, не склоняй такъ кокетливо головушку на праву сторонушку, не мани такъ мило Митю Прорѣхина, ибо Митя не будетъ вице-губернаторомъ! Скоро придетъ бука и всѣхъ вице-губернаторовъ упразднитъ за ненадобностью!

— Принесли? спрашиваетъ между тѣмъ Наденька у Кобыльникова, который, пунцовый какъ вишня, стоитъ передъ нею, переминая въ рукахъ шляпу.

— Я-съ, Надежда Ивановна... я-съ... началъ, но еще не окончилъ, заикался Кобыльниковъ.

— А я такъ думаю, что вы только похвастались, что умѣете стихи писать!

И Наденька порхнула отъ него, какъ птичка.

— Я, Надежда Ивановна, много ужь написалъ, умолялъ вслѣдъ ей Кобыльниковъ.

Но Наденька была уже далеко и щебетала, окруженная своими подругами.

— Ахъ, дай поскорѣе! умоляла Нюта Смущенская.

— Mesdames! мы уйдемъ читать въ спальную! говорила Настя Поплавкова.

— Нечего читать! онъ только похвастался! онъ совсѣмъ и

не умѣетъ писать стихи! отвѣчала Нldенька голосомъ, которому она усиливалась сообщить равнодушный тонъ, но въ которомъ слышалась, однакожь, досада: — mesdames, мы его не будемъ принимать сегодня въ наше общество!

Въ это время Кобыльниковъ приблизился.

— Наденька! сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

Наденька вскинула головку и взглянула на него такъ гордо, что бѣдный поэтъ внезапно почувствовалъ себя глупымъ.

— Вотъ еще новости! сказала Наденька, и притомъ такъ громко, что Кобыльниковъ осмотрѣлся во всѣ стороны и не на шутку струсилъ, чтобы восклицанія этого не услышалъ папà Лопатниковъ.

Послѣ того вся юная компанія порхнула въ другую комнату, оставивъ Кобыльникова окончательно убитымъ.

— Какой онъ, однакожь, жалкій! замѣтила при этомъ Нюта Смущенская.

— Вотъ еще жалкій! хвастунъ — и больше ничего, хладнокровно отвѣтила жестокосердая Наденька.

Кобыльниковъ стоялъ словно обданный холодной водой. На душѣ у него было смутно и пусто, и какъ на смѣхъ еще подвернулись тутъ два скверные и глупые стиха:

Ничто меня не утѣшаетъ,
Ничто меня не веселитъ...

которые такъ и жужжали, словно неотвязный комаръ, въ ушахъ его.

— Что за проклятый вечеръ! Сначала эта рифма подлѣйшая, а теперь вотъ и еще какая-то мерзость лѣзетъ! подумалъ Кобыльниковъ и даже сгорѣлъ весь отъ стыда.

А вечеръ между тѣмъ шелъ своимъ чередомъ.

Папà Лопатниковъ безъ трехъ обремизилъ статскаго совѣтника Поплавкова, несчастіе котораго до такой степени поразило присутствующихъ, что всѣ, даже играющіе, какъ-то сжались и притихли, какъ бы свидѣтельствуя этимъ скорбнымъ молчаніемъ о своемъ сочувствіи къ великому горю угнетеннаго многочисленнымъ семействомъ мужа. Поплавковъ сидѣлъ красный, какъ ракъ, и какъ бы не понималъ, что вокругъ него происходитъ; даже ремиза не ставилъ, а безсознательно чертилъ пальцемъ по столу какую-то необыкновенную цифру. Супруга же его, загля-

нувъ въ комнату играющихъ, тотчасъ повернула на лѣво кругомъ и сказала во всеуслышаніе:

— А мой дуракъ только и дѣла, что проигрываетъ!

Дѣти шумѣли и волновались; Митя Прорѣхинъ доказательно убѣждалъ Васю Затаркина отдать ему свою долю орѣховъ, приводя въ основаніе такой резонъ, что у того, кто кушаетъ много лакомства, дѣлаются современемъ соломенныя ножки. Маня Кулагина упрашивала братца Сашу представить, какъ у нихъ на дворѣ индѣйскіе пѣтухи кричатъ: «здравія желаемъ, ваше благородіе!» Сеня Порубинъ, мальчикъ горбатенькій и злющій, какъ бы провидя, что происходитъ въ душѣ Кобыльникова, подбѣгалъ къ нему и начиналъ задирать на счетъ отношеній его къ Наденькѣ, при чемъ позволялъ себѣ даже темные намеки относительно какихъ-то интимностей, будто бы существовавшихъ между Наденькой и первокласникомъ-гимназистомъ Прохоровымъ, который въ это самое время забился въ уголъ и видимо наслаждался, ковыряя въ носу. И Кобыльниковъ никакъ не могъ поймать Порубина, чтобы надрать ему хорошенько уши, потому что скверный чертенокъ, произведя ехидство, ускользалъ изъ рукъ его, какъ змѣя.

Наденька то и дѣло порхала по комнатѣ и, какъ нарочно, смѣялась и болтала съ особеннымъ увлеченіемъ именно въ то время, когда проходила мимо огорченнаго поэта. Злую мысль внушилъ Кобыльникову Сеня Порубинъ.

— Еще бы не быть веселой, когда душка-Прохоровъ здѣсь! процѣдилъ онъ сквозь зубы въ одну изъ минутъ, когда Наденька была близко него.

Наденька вспыхнула и какъ будто оступилась.

— Вы это что говорите? спросила она, останавливаясь передъ нимъ.

— Ничего; я говорю, что немудрено, что нѣкоторымъ людямъ весело: душка-Прохоровъ здѣсь! глупѣйшимъ образомъ настаивалъ Кобыльниковъ, поигрывая ключикомъ отъ часовъ.

— Я надѣюсь, однако, что отъ этой минуты между нами все кончено? сказала Наденька и тотчасъ же удалилась.

— Это какъ вамъ угодно-съ, говорилъ вслѣдъ Кобыльниковъ: — конечно, со мной разстаться что же значитъ, когда есть въ запасѣ душка-Прохоровъ!

Обида эта глубоко уязвила крошечное сердце Наденьки, тѣмъ болѣе уязвила, что въ упрекѣ Кобыльникова была нѣкото-

рая доля правды. Дѣйствительно, былъ короткій промежутокъ времени, но очень, впрочемъ, короткій, когда Наденька увлекалась Прохоровымъ. Слишкомъ рано развитый ребенокъ, она уже мечтала о чемъ-то; она украшала Прохорова различными достоинствами и добродѣтелями, которыя создавало ея дѣтское воображеніе; она любила уединяться съ нимъ и съ большою важностью говаривала ему: «теперь, Прохоровъ, потолкуемте о вашемъ будущемъ!»

Но Прохоровъ любилъ только ковырять въ носу и говорилъ съ увлеченіемъ единственно о лакомствахъ, потому что въ душѣ былъ великій и страстный обжора. Увлеченіе Наденьки скоро прошло; она была даже убѣждена, что никто ничего не замѣтилъ... и вдругъ!! Наденька бѣгала около ёлки, суетилась и болтала безъ умолку, но сердце ея работало. Среди начатой фразы, она вдругъ почувствовала, что нѣчто тѣснитъ ея грудь, что нѣчто жгучее подступаетъ къ ея глазамъ. Она вырвалась изъ толпы и убѣжала во внутреннія комнаты.

Кобыльниковъ все это видѣлъ, но ничего не понялъ. Онъ видѣлъ, что Наденька весела, и понялъ только то, что у Наденьки, должно быть, башмачекъ развязался, что она такъ стремительно убѣжала.

А Наденька, между тѣмъ, уткнувшись въ подушку, обливала ее горячими слезами. И чѣмъ обильнѣе лились эти слезы, тѣмъ мягче и легче становилась самая обида, вызвавшая ихъ, тѣмъ назойливѣе и навойливѣе смотрѣлось въ душу иное чувство, чувство, которое, въ одно и то же время, и заставляло ныть ея бѣдное сердце, и проливало въ него цѣлые потоки радости и успокоенія.

— Гадкій Кобыльниковъ! сказала она съ послѣднимъ всхлипываніемъ: — бѣдный Митенька! повторила она вслѣдъ затѣмъ, сладко задумавшись.

Ёлка между тѣмъ догорѣла; по данному знаку, дѣти ринулись на нее всей толпою и тотчасъ же повалили на землю; произошло всеобщее замѣшательство; слышался визгъ, смѣшанный съ кликами торжества; Сеня Порубинъ, не смотря на свою хилость и многочисленные изъяны, какъ-то такъ изловчился, что успѣлъ запихать въ свои карманы чуть не половину гостинцевъ. Прохоровъ тоже полѣзъ-было на фуражировку вмѣстѣ съ прочими, но ему не удалось достать ни одной палочки пастилы, потому что дѣти подкатывались ему подъ ноги и рѣшительно не

давали приняться за дѣло, какъ слѣдуетъ; да къ тому же и няня маленькихъ Поплавковыхъ безъ церемоніи поймала его за руку и вывела изъ толпы, сказавъ при этомъ строго: «стыдись, сударь! такой большой выросъ, а съ дѣтьми баловаться хочешь! еще Машенькѣ ручку отдавишь!»

Какъ было бы совѣстно Наденькѣ, еслибъ она видѣла эту сцену!

Но объ ней вспомнили только тогда, когда ёлки уже не существовало. Папà Лопатниковъ серьёзно обезпокоился и собрался-было на поискъ за своею дѣвочкой, какъ она появилась сама въ дверяхъ залы.

Наденька была нѣсколько блѣдна, но на вопросъ папаши: «не болитъ ли головка?» отвѣчала: «не болитъ», а на вопросъ: «не болитъ ли животикъ?» отвѣчала: «ахъ, что вы, папаша!» и, вся вспыхнувши, спрятала свое личико на отцовской груди.

— Что же съ тобой, душенька? допрашивалъ папаша.

— Ахъ, папаша, какой вы! отвѣчала Наденька и порхнула отъ него въ сторону.

Во время этого допроса, у Кобыльникова какъ-то все выше и выше подымалось сердце, и вдругъ сдѣлалось для него ясно, что онъ прескверную штуку съигралъ, сказавши Наденькѣ такую пошлость. Со злобою, почти съ ненавистью взглянулъ онъ на Сеню Порубина и началъ-было показывать золоченый орѣхъ, чтобы подманить его къ себѣ, но Сеня словно провидѣлъ, что дѣлается въ душѣ его, и, самъ показывая ему цѣлую кучу золоченыхъ орѣховъ, только смѣялся, а съ мѣста не трогался.

— Ну, чортъ съ тобой! когда нибудь послѣ раздѣлаемся! подумалъ Кобыльниковъ и въ ту же самую минуту какъ бы инстинктивно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ была Наденька.

Оттуда глядѣли на него два сѣрыхъ глаза, и глядѣли съ тѣмъ же безграничнымъ простодушіемъ, съ тою же беззавѣтною нѣжностью, съ какою они привѣтствовали его изъ-за ёлки въ минуту прихода. Точно приросли къ нему эти глубокіе, большіе глаза, точно не въ силахъ были они смотрѣть никуда въ другую сторону. Кобыльникову почуялось, словно кровь брызнула у него изъ сердца и вотъ источается капля по каплѣ и наполняетъ грудь его. Горячо и бодро вдругъ стало ему.

— Посмотрите-ка, Надька-то! шептала змѣище — Поплавкова горьничищу Порубиной: — глазъ не можетъ отъ этого молокососа отвести, словно съѣсть его хочетъ!

— Влюблена, Анна Петровна, какъ кошка влюблена! отвѣчала maman Порубина и какъ-то злобно дрогнула при этомъ плечами.

— Удивляюсь, однако, чего этотъ старый дуралей смотритъ!

— А чѣмъ же онъ не партія? Для бесприданницы и этакой хоть куда!

— Ну, да все же...

— Вы что же ко мнѣ не идете? спрашивала между тѣмъ Наденька Кобыльникова тѣмъ полушопотомъ, въ который невольно переходитъ голосъ, когда идетъ рѣчь о дѣлѣ, затрогивающемъ всѣ живыя струны существа.

Кобыльниковъ не отвѣчалъ; онъ просто на просто задыхался.

— Вы что ко мнѣ не идете? повторила Наденька.

Онъ продолжалъ молчать, хотя сердце въ немъ умирало отъ жажды высказаться. Онъ чувствовалъ, что если вымолвитъ хоть одно слово, то не въ силахъ будетъ выдержать. Можетъ быть, онъ бросится къ Наденькѣ и стиснетъ въ своихъ рукахъ это доброе, любящее созданіе; можетъ быть, онъ не бросится, но зальется слезами и зарыдаетъ...

— Вы отчего мнѣ руки не даете? настаивала Наденька.

— Наденька! вырвалось изъ груди Кобыльникова.

— Вы зачѣмъ глупости говорите?

— Голубчикъ! простоналъ Кобыльниковъ.

— А когда будутъ стихи?

Кобыльниковъ ужь совсѣмъ-было собрался отвѣчать, что стихи не мнѳъ, что стихи почти совсѣмъ готовы, что не только одно стихотвореніе, но десять, двадцать, сто стихотвореній готовъ онъ настрочить на прославленіе своей милой, безцѣнной Наденьки, какъ вдругъ скверный мальчишка Порубинъ испортилъ все дѣло.

— Вобразъ! пискнулъ онъ, едва-едва не проскакивая между ногъ Кобыльникова.

Кобыльникову показалось, что самъ злой духъ говоритъ устами мальчишки.

— Ты почему знаешь? сказалъ онъ, рванувшись въ погоню за мальчикомъ и поймавъ-таки его: — нѣтъ, ты говори, почему ты знаешь?

— Мамаша! меня Кобыльниковъ деретъ! завизжалъ во всю мочь Сеня.

При этомъ восклицаніи, Кобыльниковъ невольно выпустилъ изъ рукъ свою добычу и даже началъ гладить Сеню по головѣ.

— Нѐчего, нѐчего гладить по головѣ! шипѣлъ юный змѣеныщекъ: — мамаша! онъ меня деретъ за то, что я его поймалъ съ Наденькой!

Началось слѣдствіе.

— Позвольте узнать, Дмитрій Николаичъ, что вамъ сдѣлало невинное дитя? допрашивала Кобыльникова оскорбленная maman Порубина.

— Вашъ сынъ мнѣ сказалъ дерзость! отвѣчалъ совершенно растерявшійся Кобыльниковъ.

— Мамаша! Я ничего ему не говорилъ! съ своей стороны жаловался Сеня, искусно всхлипывая.

— Вашъ сынъ сказалъ мнѣ «вобразъ»! внезапно брякнулъ Кобыльниковъ.

— «Вобразъ»! что такое «вобразъ»! и чѣмъ же это слово для васъ обидно?

Говоря это, maman Порубина сомнительно пакачивала головой и разводила руками.

— Ну да! вобразъ, нобразъ, собразъ, побразъ! дразнилъ обозлѣвшій Сеня, приплясывая передъ Кобыльниковымъ.

— Изволите видѣть? сказалъ Кобыльниковъ.

— Вижу! все вижу! стыдно вамъ, молодой человѣкъ! Сеня! отойди прочь отъ нихъ и не смѣй никогда съ ними разговаривать!

Порубина величественно удалилась, уводя за руку Сеню и безпрестанно оглядываясь, какъ бы въ опасéніи, что за ней бѣжитъ по пятамъ сама чума.

Кобыльникову сдѣлалось скверно; онъ вдругъ почувствовалъ, что не только скомпрометтировалъ Наденьку, но и самъ навсегда сдѣлался смѣшнымъ въ ея глазахъ. Сколько онъ сдѣлалъ въ этотъ вечеръ глупостей! онъ сдѣлалъ ихъ три: во-первыхъ, увлекся нелѣпою риѳмой, которая помѣшала ему кончить стихи, между тѣмъ, какъ можно было бы одинъ стихъ и нериѳмованный вставить (самые лучшіе поэты это дѣлаютъ!); во-вторыхъ, сказалъ Наденькѣ какую-то пошлость на счётъ ея отношеній къ Прохорову; въ-третьихъ, связался съ пакостнѣйшимъ мальчишкой, который, навѣрное, произведетъ скандалъ на весь городъ. Кобыльникову показалось, что всѣ глаза обращены на него, что всѣ лица проникнуты строгостью, и что даже служитель Андрей намѣревается взять въ руки метлу, чтобы вымести ею изъ честнаго дома

гнуснаго соблазнителя пятнадцати-лѣтнихъ дѣвицъ. Кобыльникова бросило въ жаръ; чтобъ оправиться отъ своего смущенія, онъ поспѣшилъ юркнуть въ хозяйскій кабинетъ.

Тамъ, за нѣсколькими столами шла игра. Игралъ въ ералашъ предсѣдатель казенной палаты съ губернскимъ прокуроромъ противъ совѣтника казенной палаты и батальоннаго командира. Предсѣдатель казенной палаты былъ не въ духѣ; къ нему пришло двѣнадцать пикъ безъ туза и двойка червей; онъ сходилъ съ двойки пикъ — тузъ оказался у партнера, который, однако, отвѣчать не могъ.

— Сижу на капиталахъ! жаловался предсѣдатель:—вѣдь это все франки! все франки!

Прокуроръ былъ смущенъ; онъ понялъ игру и старался только угадать, какая же у предсѣдателя тринадцатая карта. Предсѣдатель, какъ бы провидя его думу, поспѣшилъ разсѣять всѣ сомпѣнья и откровенно показалъ свою двойку червей, убѣждая только этомъ, чтобы прокуроръ игралъ скорѣе.

Напротивъ того, къ совѣтнику валило: во всемъ у него была и игра, и поддержка, но самое счастіе не радовало его, ибо онъ чувствовалъ, что оно огорчаетъ его начальника. Поэтому, онъ всячески старался оправдаться; разбирая карты, пожималъ плечами, какъ бы говоря: вѣдь лѣзетъ же такое дурацкое счастье! дѣлая ходъ, не клалъ карту на столъ, а какъ-то презрительно швырялъ ее, какъ бы говоря: вотъ и еще сукинъ сынъ тузъ! Но предсѣдатель не принималъ ничего въ уваженіе, а напротивъ того взъѣлся на своего подчиненнаго:

— Вы зачѣмъ же игру-то свою раскрываете? присталъ онъ къ нему.

Совѣтникъ сдѣлалъ ренонсъ.

— У васъ трефъ нѣтъ? Строго спросилъ батальонный командиръ.

— Нѣтъ-съ... есть-съ, заикался совѣтникъ.

— И солгать-то не умѣетъ! подумалъ предсѣдатель.

А Кобыльниковъ смотрѣлъ на играющихъ и все думалъ, какъ бы чѣмъ нибудь такимъ увѣнчать этотъ вечеръ, чтобы за одинъ разъ искупить всѣ три глупости. Ему вдругъ сдѣлалось хорошо и весело; ему представилась большая, освѣщенная комната; посреди комнаты стоитъ Наденька въ бѣломъ тарлатановомъ платьицѣ, а подлѣ Наденьки стоитъ онъ; у нихъ въ рукахъ

бокалы съ шампанскимъ; къ нимъ подходятъ гости, тоже съ бокалами въ рукахъ, и поздравляютъ.

— Иванъ Дементьичъ! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, подходя, подъ вліяніемъ этихъ радужныхъ мечтаній, къ хозяину дома: — позвольте мнѣ нѣсколько словъ вамъ наединѣ сказать-съ...

Иванъ Дементьичъ посмотрѣлъ на него съ неудовольствіемъ, потому что это неожиданное вмѣшательство отвлекало его отъ игры. Однако, видя, что Кобыльниковъ весь дрожалъ, онъ встревожился.

— Что такое еще? ужь не затерялъ ли Капустниковскаго дѣла? спросилъ онъ.

— Мнѣ-съ... наединѣ! повторилъ Кобыльниковъ.

Иванъ Дементьичъ отошелъ съ нимъ всторону.

— Ну? сказалъ онъ.

— Мнѣ-съ... я желаю... заикался Кобыльниковъ, къ которому вдругъ возвратилась вся его робость.

— Да говори же, любезный, не мни! съ досадой торопилъ Иванъ Дементьичъ.

— Я прошу руки Надежды Ивановны! скороговоркой проговорилъ Кобыльниковъ.

Иванъ Дементьичъ повернулъ жениха къ свѣту и на одно мгновеніе посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ. Потомъ тотчасъ же пошелъ на старое мѣсто, предварительно отмахнувшись, какъ будто хотѣлъ согнать сѣвшую на носъ муху. Кобыльниковъ остолбенѣлъ и разставилъ не только руки, но и ноги; въ глазахъ у него позеленѣло, комната ходила кругомъ. Онъ понималъ только одно: что эта глупость была четвертая и притомъ самая крупная. Вдругъ онъ почувствовалъ, что промежь ногъ у него что-то копошится: то былъ Сеня Порубинъ.

— Анъ, это четвертая! дразнился скверный мальчишка, очевидно схватывая на лету интимную мысль, терзавшую бѣднаго Кобыльникова.

Кобыльниковъ даже не слыхалъ; онъ былъ уничтоженъ и опозоренъ, хотя рара Лопатниковъ, возвратясь на мѣсто, точно такъ же равнодушно объявилъ семь въ червяхъ, какъ бы ничего и не случилось. А Зарубинъ между тѣмъ все подплясываетъ да поддразниваетъ: анъ, четвертая! анъ, четвертая! Кобыльниковъ крадется по стѣнкѣ, чтобы какъ нибудь незамѣтнымъ образомъ

улизнуть въ переднюю. Сеня Зарубинъ замѣчаетъ это и распускаетъ слухъ, что у бѣглеца животъ болитъ. Кобыльниковъ слышитъ эту клевету и останавливается; онъ бодро стоитъ у стѣны и бравируетъ; но, не смотря на это, уничтожить дѣйствіе клеветы уже не возможно. Между дѣвицами ходитъ шопотъ: бѣдняжка! Наденька краснѣетъ и отворачивается; очевидно, ей стыдно и больно до слезъ.

— «Собразъ»! подсказываетъ проклятая память, и Кобыльниковъ, словно ужаленный, бросается вонъ изъ комнаты, производя своимъ бѣгствомъ игривое шушуканье между дѣвицами.

. . . .

И вотъ опять Кобыльниковъ сидитъ въ одинокой своей квартирѣ, сидитъ и горько плачетъ! Передъ нимъ лежитъ Капустниковское дѣло, а слезы такъ и текутъ на бумагу; передъ нимъ: *проситъ купецъ Капустниковъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты*— а у него глаза заволокло туманомъ, у него сердце рвется, бѣдное, на части!

Сквозь эти слезы, сквозь эти рыданія сердца ему мелькаетъ свѣтлый образъ милой дѣвочки, ему чудится ея свѣжее дыханье, ему слышится біеніе ея маленькаго сердца...

— Митенька! говоритъ она, вся застыдившись и склоняя на его плечо свою кудрявую головку.

— Mesdames! шепчутъ кругомъ дѣвицы: — mesdames! у Кобыльникова животъ болитъ!

Кобыльниковъ вскакиваетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ, схватывая себя за голову и вообще дѣлая всѣ жесты, какія приличны человѣку, пришедшему въ отчаяніе.

— «Вобразъ!» кричитъ вдругъ неотвязчивая память.

Кобыльниковъ закусываетъ себѣ въ кровь губу отъ злости; онъ опять садится къ столу и опять принимается за Капустниковское дѣло, въ надеждѣ заглушить въ себѣ воспоминанія вечера.

А за перегородкой возятся хозяева — мѣщане. Они тоже, по всему видно, воротились изъ гостей и собираются спать. Слышны вздохи, слышно выниманіе ящиковъ изъ комодовъ, слышенъ шелестъ какой-то, который всегда сопровождаетъ раздѣваніе и укладываніе. Наконецъ, все стихло.

— Дура ты или нѣтъ? допрашиваетъ хозяинъ свою хозяйку: — дура ты или нѣтъ?

— Ты проснись, пьяница! ты опомнись, какой завтра праздникъ-то! усовѣщиваетъ хозяйка.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи: дура ты или нѣтъ! настаиваетъ хозяинъ.

За перегородкой слышится потрясающее зѣванье. Голова Кобыльникова мало по малу склоняется и наконецъ совсѣмъ упадаетъ на Капустниковское дѣло. Ему снится ёлка, ему снится, что онъ стоитъ посреди освѣщенной залы и что рядомъ съ нимъ, вмѣсто Наденьки, стоитъ купецъ Капустинъ *и проситъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты...*

III.

МИША и ВАНЯ.

ЗАБЫТАЯ ИСТОРІЯ.

Въ передней сидятъ два мальчика, Ваня и Миша, и ждутъ барыню изъ гостей. Скоро полночь, а барыня не ѣдетъ; сальный огарокъ оплылъ и нагорѣлъ; тусклый и мелькающій свѣтъ его освѣщаетъ только лица двухъ собесѣдниковъ да столъ, передъ которымъ они сидятъ; вверху и по угламъ темно. Въ домѣ тихо, словно въ гробу; горничныя дѣвки давно ужь поужинали, воротились изъ кухни и улеглись спать, гдѣ попало, наказавши мальчикамъ разбудить ихъ, какъ только пріѣдетъ барыня. Въ окна, по временамъ, показывается что-то бѣлое: мелькнетъ-мелькнетъ и опять скроется; это сыплетъ снѣгъ, но мальчики думаютъ, что выглядываетъ голова мертвеца, и вздрагиваютъ.

Ваня мальчикъ крѣпкій, быстрый, черноволосый и черноглазый; онъ увѣряетъ Мишу, что ничего не боится, что однажды онъ видѣлъ настоящаго, заправскаго мертвеца — и того не струсилъ.

— Я ничего не боюсь, говоритъ онъ, невольно, впрочемъ, блѣднѣя, когда морозъ вдругъ ни съ того ни съ сего стукнетъ въ стѣны барскаго дома: — мнѣ только скучно, да и то съ тобой ничего!

— А ну, какъ мы сгоримъ? робко спрашиваетъ Миша.

— Сгорѣть мы не можемъ! отвѣчаетъ Ваня такимъ увѣреннымъ тономъ, что Миша тотчасъ же успокоивается.

Миша, въ противоположность Ванѣ, мальчикъ слабенькій, нервный, бѣленькій, съ бѣлокурою головкой и большими синими глазами. Онъ часто посматриваетъ на потолокъ и, увидѣвши, какой тамъ сгустился мракъ, вздрагиваетъ и пожимается.

Въ ту минуту, какъ мы съ ними знакомимся, они ведутъ оживленный, но нѣсколько странный разговоръ.

— Холоднымъ-то ножомъ, чай, больно? спрашиваетъ Миша, пристально глядя Ванѣ въ глаза.

— Это только разъ больно, а потомъ ничего! отвѣчаетъ Ваня и покровительственно гладитъ Мишу по головѣ.

— А помнишь, какъ поваръ Михей рѣзался! тоже сначала все хвастался: зарѣжусь да зарѣжусь! а какъ полыснулъ ножомъ-то по горлу, да какъ потекла кровь-то...

— Ну, чтожь что поваръ Михей! Михейка и вышелъ дуракъ! потомъ небось вылечился, а для чего вылечился? все одно наказали дурака! а мы ужь такъ полыснемъ, чтобъ не вылечиться!

— Ты ножи-то приготовилъ ли, Ваня?

— Когда не приготовилъ! еще съ утра выточилъ! Только ты у меня смотри! чуръ не отступаться!

Миша вздохнулъ потихоньку; глаза его остановились на нагорѣвшей свѣчкѣ.

— Что, развѣ снять со свѣчки... въ послѣдній разъ? сказалъ онъ слегка взволнованнымъ голосомъ.

— Что съ нея снимать-то? а я тебѣ вотъ что скажу, Мишутка: коли мы это теперича сдѣлаемъ, такъ безпремѣнно въ рай попадемъ, потому теперь мы маленькіе, и грѣховъ у насъ нѣтъ! А замѣсто насъ, попадетъ въ адъ Катерина Аѳанасьевна!

— А Ивану Васильичу будетъ за насъ что нибудь?

— Ну, Ивану Васильичу, можетъ, и проститъ Богъ! потому онъ не самъ собою тутъ дѣйствуетъ!

— Катерину-то Аѳанасьевну, стало быть, мучить будутъ?

— Еще какъ, братъ, мучить-то! не роди ты, мать-земля! Первымъ дѣломъ на желѣзный крюкъ за ребро повѣсятъ, вторымъ дѣломъ заставятъ голыми ногами по горячей плитѣ ходить, потомъ сковороду раскаленную языкомъ лизать, потомъ желѣзными кнутьями по голой спинѣ бить... да столько, братъ, мученіевъ, что и сказать страсти!

— А вѣдь она не стерпитъ, Катерина-то Аѳанасьевна?

— Что ей, чорту экому, сдѣлается! — стерпитъ! Да тамъ, братъ Мишутка, на это не посмотрятъ! Тамъ, братъ, терпи! а не можешь терпѣть — ну, и все-таки терпи!

Разговоръ на минуту смолкъ. Вдругъ на улицѣ завыла собака, завыла жалобно и тоскливо, какъ умѣютъ выть только собаки.

— Ишь ты, это Трезорка покойника почуялъ! сказалъ Миша измѣнившимся голосомъ.

— Ну чтожь что почуялъ! извѣстно, почуялъ! А ты, небось, ужь и трусу спраздновалъ!

— Нѣтъ, Ваня, я не боюсь! я такъ только... я только думаю, отчего это собака всегда покойника чувствуетъ?

— А отъ того, что собака — другъ человѣка! Вотъ лошадь тоже другъ человѣка, только она понятія не имѣетъ, а собака — она все понимаетъ, отъ того и покойника чувствуетъ!

— А что, Ваня, кабы утопнуть? спросилъ вдругъ Миша.

— Чудакъ ты, Мишутка! Ты мнѣ разскажи сперва, какая нынче вода? Ты скажи, лѣто нынче что ли?

— Да, нынче вода холодная... чай, въ воду-то бултыхнешься, такъ и не стерпишь!

— Вотъ то-то же и есть! Утопнуть-то — надо въ пролубь лѣзти; да еще барахтаться станешь, вылѣзешь, пожалуй! — что однихъ мученіевъ тутъ примешь — пойми ты! А съ ножемъ ловко! ножемъ какъ полыснулъ себя разъ, тутъ тебѣ и конецъ! Разумѣется, надо крѣпче!

— И бить никто больше не будетъ! прошепталъ Миша.

— И бить не будутъ! Возьмутъ твою душу ангели и понесутъ ее къ престолу Божьему!

— А Богъ — ничего?

— А Богъ спроситъ: зачѣмъ вы, рабы Божіи, предѣла не дождались? зачѣмъ, скажетъ, вы смертную муку безо времени приняли? А мы ему все и скажемъ!

— Мы все скажемъ, какъ насъ Катерина Аѳанасьевна мучила, какъ намъ жить тошнехонько стало, какъ насъ день-деньской все били... все-то били, все-то тиранили!

Миша потупился; накипѣвшія на сердцѣ слезы вдругъ горячимъ ключемъ хлынули изъ глазъ. И текли эти слезы, текли свободно, безъ усилій, безъ гримасъ, какъ течетъ созрѣвшій

источникъ изъ переполненной груди земли-матери. Ваня сталъ утѣшать расплакавшагося.

— А мы ловко ее завтра надуемъ, Катерину-то Афанасьевну, сказалъ онъ: — завтра гости у нея за столомъ соберутся, анъ служить-то будетъ и нѣкому!

Миша вздохнулъ въ отвѣтъ.

— Я и ножи-то всѣ попряталъ! продолжалъ Ваня: — и ѣсть-то нечѣмъ будетъ.

А Миша все-таки никакъ не могъ уняться; Ваня все возможное дѣлалъ, чтобы какъ нибудь развлечь его: сначала со свѣчи снялъ, потомъ глянулъ въ окно и сказалъ: «а сиверъ-то! сиверъ-то какой разыгрался! ишь ты! ишь ты!» наконецъ, тоненькимъ голоскомъ запѣлъ: «ахъ вы ночки, ночки наши темныя!» но Миша не только продолжалъ плакать, но, при звукахъ пѣсни, еще больше растужился.

— Нюня ты! сказалъ Ваня съ нетерпѣніемъ.

Въ залѣ загудѣли часы. Заслышавши эти шипящіе звуки, Миша вздрогнулъ, въ послѣдній разъ глубоко вздохнулъ и вдругъ перестал плакать.

— Скоро барыня пріѣдетъ! робко сказалъ онъ, насчитавши двѣнадцать часовъ.

— Дожидайся — скоро! отвѣчалъ Ваня: — эхъ, теперь бы вотъ соснуть лихо!

— Нѣтъ, ужь ты не спи, Ваня, Христа-ради!

— Небось, боишься?

— Боюсь! признался Миша и весь съежился.

— Ну, дуракъ и есть! сколько разъ я тебѣ говорилъ, что тамъ ничего нѣтъ! поучалъ Ваня, указывая на двери, которыя вели въ неосвѣщенный корридоръ: — хочешь, я сейчасъ туда пойду?

Однако угрозы своей не исполнилъ. Водворилось молчаніе, а съ нимъ вмѣстѣ водворилась и тишина, тоскливая; надрывающая сердце тишина... Мальчики пристально вглядывались въ трепещущее пламя свѣчи; Ваня водилъ по столу большимъ пальцемъ, нажимая его, отчего палецъ сначала двигался плотно, а потомъ начиналъ подпрыгивать. На дворѣ опять завыла собака.

— Ишь ее! ишь ее! вымолвилъ Ваня и вслѣдъ затѣмъ прибавилъ: — а что, Миша, гдѣ-то теперь Оля?

Оля была сестра Миши. Это была хорошенькая, бѣлокурая и

бѣленькая дѣвушка, очень похожая на своего брата; ей было осьмнадцать лѣтъ. Съ полгода тому назадъ, она, неизвѣстно куда, пропала, и разсказовъ объ этомъ внезапномъ исчезновеніи ходило между дворней множество. Говорили, что она отъ дурнаго житья скрылась, но говорили также, что и отъ стыда. Достовѣрно было то, что однимъ утромъ она пошла на рѣчку стирать и не возвращалась; на берегу была найдена корзина съ невыстиранньмъ бѣльемъ, но ни одежды прачки, ни даже тѣла ея нигдѣ найдено не было. Достовѣрно также, что, за два дня передъ тѣмъ, она была острижена, и что по этому случаю плакала, рвалась и убивалась. Барыня клялась и надсаживала себѣ грудь, завѣряя, что поганка Ольгушка утопилась не отъ дурнаго обращенія, а для того, чтобы скрыть свой стыдъ. Тѣмъ не менѣе, на всемъ этомъ происшествіи лежала какая-то горькая тайна, и неизвѣстно было даже, дѣйствительно ли утопилась Ольга, или только бѣжала. При слѣдствіи нѣкоторые дворовые люди показали было, что житье Ольги было «не хорошее»; но исправникъ, производившій слѣдствіе (такъ какъ происшествіе случилось въ подгородной деревнѣ Катерины Аѳанасьевны), ничему этому не повѣрилъ.

— Ну, вы это все врете! а вы говорите правду, а не врите! сказалъ онъ показателямъ и тутъ же приказалъ пригласить Катерину Аѳанасьевну.

Катерина Аѳанасьевна ахала и ссылалась на то, что у нея людей говядиной кормятъ. Позвали людей и спросили, дѣйствительно ли ихъ кормятъ говядиной; отвѣтъ былъ, что кормятъ. Исправникъ подумалъ, посопѣлъ и записалъ: «помѣщики содержатъ людей хорошо и даже говядиной кормятъ».

— Что же вы, бестіи, врали? обратился онъ къ дворовымъ.

Дворовые стояли блѣдные и переминались съ ноги на ногу; у нѣкоторыхъ искусаны были до крови губы. Катерина Аѳанасьевна замѣтила эту нераскаянность и сочла справедливымъ упасть въ обморокъ. Исправникъ бросился утѣшать ее, уславъ оторопѣвшаго Ивана Васильевича за спиртомъ. Результатомъ всего этого было краткое, но сильное объявленіе, написанное рукою самого исправника. Оно гласило:

«Утромъ 24 сего іюня изъ сельца Полянокъ, неизвѣстно куда скрылась принадлежащая отставному штабъ-ротмистру Ивану

Васильевичу Балящеву дѣвка Ольга Никандрова. Примѣтами та дѣвка: роста высокаго, бѣлокура, волосы стрижены, лицомъ бѣла, глаза синіе, носъ и ротъ умѣренные, особая примѣта: надъ лѣвой ноздрей небольшое родимое пятнышко; есть подозрѣніе въ беременности. Унесла съ собой данное ей помѣщикомъ пестрядинное платье, въ которомъ и была въ тотъ день одѣта. Полицейскія начальства, въ вѣдомствѣ коихъ та бѣглая дѣвка окажется, благоволятъ препроводить оную въ Р — ій земскій судъ, для отдачи по принадлежности».

Тѣмъ это дѣло и закончилось. Катерина Аѳанасьевна на нѣкоторое время присмирѣла, но мѣсяца черезъ два совсѣмъ забыла о происшествіи и начала жуировать жизнью по прежнему.

Катерина Аѳанасьевна была глубоко развращенная женщина, но не знаю, имѣю ли я право называть ее злою. По крайней мѣрѣ, весь городъ къ ней ѣздилъ, и цѣлый день въ ея домѣ было, что называется, разливанное море; весь городъ зналъ, какіе она *фарсы* выдѣлываетъ надъ Машками и Ольгушками, и тѣмъ не менѣе никто не рѣшался отозваться объ этихъ фарсахъ не только строго, но даже и уклончиво. Напротивъ того, ее всѣ любили, потому что въ своемъ кругу она была барыня веселая и даже добрая, многимъ изъ своихъ друзей дѣлала разныя одолженія, и всѣхъ равно отлично принимала и кормила.

— Сегодня у Катерины Аѳанасьевны за обѣдомъ, въ супѣ, таракана подали, говорили про нее въ городѣ: — чтожь бы вы думали? она преспокойно себѣ позвала повара и приказала ему таракана съѣсть!

— Лихая баба!

— Бѣдовая!

Нѣкоторые, конечно, дѣлали изрѣдка предположеніе, «какъ бы дескать не попасться Катеринѣ Аѳанасьевнѣ за эти *фарсы*», но очевидно, что въ этомъ случаѣ сомнѣніе заползало совсѣмъ не по поводу самыхъ *фарсовъ*, а по поводу глагола «попасться». Самые же фарсы служили какъ бы оселкомъ для обнаруженія своего рода остроумія, котораго кровавости никто не замѣчалъ, своего рода изобрѣтательности, которой ехидства никто не подозрѣвалъ.

— Сенька! поди, лизни печку! говорили Сенькѣ.

Сенька лизалъ печку и обжигалъ языкъ; онъ возвращался весь красный, лицо его какъ-то неестественно напыживалось; изъ глазъ выжимались слезы.

— Ну, дуракъ — еще ревѣть вздумалъ! говорили одни.

— Рожа-то, рожа-то какая! восклицали другіе.

И затѣмъ слѣдовалъ взрывъ общаго, веселаго хохота.

Хохотъ — и больше ничего...

Не ясно ли, что все это безъ злорадства дѣлалось, что при этомъ главный разсчетъ со всѣмъ не въ томъ состоялъ, чтобы причинить Сенькѣ мучительную боль, а въ томъ, чтобы посмотрѣть, какую Сенька рожу уморительную скорчитъ, какъ онъ напыжится... Самые кроткіе люди молчали, когда Сеньку посылали лизать пылающую печь, самые кроткіе люди не могли слегка не фыркнуть, когда Сенька возвращался, по совершеніи своего подвига, весь красный и пыхтящій... Они молчали и фыркали не потому, чтобъ одобряли подобнаго рода увеселенія, но просто потому, что такое ужь время юмористическое было.

Теперь все это какой-то тяжкій и страшный кошмаръ; это кошмаръ, отъ котораго освободило Россію прекрасное, великодушное слово царя освободителя... Да, оно одно. Ибо кто же можетъ ручаться, не лизалъ ли бы, безъ этого слова, Сенька горячую печку и до сей минуты? Не ходила ли бы дѣвка Ольга Никандрова и до сей минуты стриженная и оплеванная гостями своей барыни? Гдѣ гарантія противнаго? Въ нравахъ что ли? Но развѣ не извѣстно, что славяне имѣютъ нравъ веселый, легкій и мало углубляющійся? Въ слезахъ что ли? Но развѣ не извѣстно, что слезы, которыя при этомъ капаютъ, капаютъ внутрь, капаютъ кровавыми каплями на сердце и все накипаютъ, все накипаютъ тамъ, покуда не перекипятъ совершенно?

Никогда не бываетъ зло такъ сильно, какъ въ то время, когда оно не чувствуется, когда оно, такъ сказать, разлито въ воздухѣ. Что это за зло? говорятъ тогда добросовѣстные изслѣдователи, которые имѣютъ привычку разсматривать предметы не съ одной, а со всѣхъ сторонъ: — это не зло, а просто порядокъ вещей! И на этомъ успокоиваются.

Кто же можетъ утверждать, что такому порядку вещей не суждено было продлиться и еще на многія лѣта, еслибы сильная воля не вызвала насъ изъ тьмы кроваваго добродушія и бездны ехидной веселости?

Повторяю: это былъ тяжкій и страшный кошмаръ, въ которомъ и давящіе, и давимые были равно ужасны.

Напоминаніе о сестрѣ подѣйствовало на Мишу болѣзненно.

Онъ вдругъ, словно подъ тяжестью какой, пригнулся; блѣдное его личико сдѣлалось бѣлѣе полотна, и на необсохшихъ еще глазахъ опять сверкнуло слезообильное облако.

— А вѣдь она барынѣ являлась! продолжалъ Ваня.

— Врешь ты! всхлипывалъ Миша чуть слышно.

— Являлась — это вѣрно! Ключница Матрена сказывала, что барыня-то, словно мертвая, изъ спальни въ ту пору выскочила! ни кровинки въ лицѣ нѣтъ!

— Врешь ты! она жива! настаивалъ Миша, совершенно захлебываясь слезами.

— Ну, братъ, нѣтъ! это погоди! Она утопла — это ужь какъ дважды два! Изъ-за чегожь бы ей тогда барынѣ являться, кабы она не утопла!

— Врешь ты! врешь все! кричалъ Миша, съ которымъ чуть не сдѣлалась истерика.

— Ну, и опять-таки ты дуракъ! Изъ-за чего ты нюни-то распустилъ! Извѣстно, намъ одинъ конецъ!

Миша смолкъ; онъ, повидимому, что-то припоминалъ. Припоминалъ онъ, какъ Оля, проходя мимо него, наскоро трепала его по щечкѣ и приговаривала: — дурашка ты мой! припоминалъ онъ, какъ Оля однажды надѣвала на него чистенькую новенькую рубашечку и сказала при этомъ: — ну, носи теперь на здоровье, Мишутка ты мой! припоминалъ онъ, какъ однажды Оля выбѣжала въ лакейскую вся блѣдная, и изъ глазъ ея ручьями текли слезы; припоминалъ онъ голосъ, молившій о пощадѣ, голосъ искаженный, вымученный, кричавшій: — «матушка, Катерина Афанасьевна, не буду! батюшка, Иванъ Васильичъ, не буду!» припоминалъ онъ, какъ упала изъ-подъ ножницъ длинная русая коса Оленькина, какъ Оля билась и рвалась...

— Ахъ, не надо! Ахъ, не рѣжьте! раздавался въ ушахъ Миши знакомый молящій голосъ, раздавался съ такою ясностью и отчетливостью, что онъ вдругъ повѣрилъ... Онъ повѣрилъ, что Оля умерла дѣйствительно и что это она, именно она является къ барынѣ и мучитъ ее по ночамъ. Ему показалось даже, что она и теперь съ ними, что она зоветъ его.

— Оля-то здѣсь вѣдь! сказалъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Ну, вотъ это ты ужь врешь! отвѣчалъ Ваня, и между тѣмъ самъ вздрогнулъ и инстинктивно оглянулся кругомъ.

— Ей-Богу здѣсь! настаивалъ Миша.

— Дуракъ ты! говорятъ тебѣ, нѣтъ никого! И изъ-за чего ей являться-то къ намъ? ты пойми, зачѣмъ покойникъ является? покойникъ является затѣмъ, чтобы мучить, а насъ за что мучить она будетъ? Мы вѣдь Олю не трогали, Оля была добрая... да, она добрая была дѣвка!

— Оля была добрая! машинально повторилъ Миша и ласково взглянулъ на своего товарища.

— Постой-ка, я по угламъ посмотрю! продолжалъ Ваня, какъ будто съ единственною цѣлью успокоить Мишу; но очевидно было, что онъ и самого себя не прочь былъ успокоить.

Ваня всталъ съ лавки и сначала посмотрѣлъ подъ столъ; потомъ обошелъ всю комнату и въ углахъ даже пошарилъ по стѣнѣ; потомъ заглянулъ въ дверь, ведущую въ корридоръ. Никакого видѣнья нигдѣ не оказалось.

— Ну вотъ, и нѣтъ ничего! сказалъ онъ, усаживаясь на старое мѣсто.

— Оля была добрая! задумчиво повторилъ Миша.

— За доброту-то и въ дворнѣ ее всѣ любили! Помнишь, Степка какъ убивался, какъ она пропала-то? Степка-то, говорятъ, жениться на ней хотѣлъ!

— Стало, его за это въ ту пору въ часть посылали?

— За это, за самое... Степка-то барынѣ говоритъ: лучше, говоритъ, Катерина Аѳанасьевна, вы меня теперича въ солдаты отдайте, а служить, говоритъ, я вамъ не желаю!

— Ишь ты!

— А барыня говоритъ: нѣтъ, говоритъ, Степушка! въ солдаты я тебя не отдамъ, а вотъ въ пастухахъ ты у меня сгніешь! И гніетъ!

— И для чего только это она его въ солдаты не отдала?

— А потому, братецъ, такой у ней нравъ!

— А вѣдь въ солдатахъ, Ваня, хорошо?

— Ну....ктожъ его знаетъ? Однако, все лучше, нежели у насъ! у насъ ужь какая жизнь!

Миша опять задумался; онъ хотѣлъ сказать Ванѣ, что лучше было бы въ солдаты пойти, чѣмъ... но на этомъ мысль его оборвалась; очевидно, онъ боялся разсердить Ваню и выставить себя въ глазахъ его трусомъ.

— А знаешь ли что, Мишутка? вдругъ спросилъ Ваня.

— Что тебѣ?

— Пойдемъ-ка мы, обойдемъ комнаты... посмотримъ!

Мишѣ тотчасъ же мелькнуло: въ послѣдній разъ!

— Пойдемъ, Ваня! сказалъ онъ.

Ваня снялъ со свѣчи и пошелъ впередъ.

— Вотъ это, братъ, зала! сказалъ онъ, когда пришли въ первую комнату.

— Зала! повторилъ за нимъ Миша.

— Кланяйся, братъ, теперь на всѣ четыре стороны! наставлялъ Ваня.

Миша поклонился на всѣ четыре стороны; Ваня исполнилъ вмѣстѣ съ нимъ то же самое.

Такимъ образомъ обошли они всѣ комнаты и вездѣ простились; дошли наконецъ до крайней комнаты, гдѣ стояла широкая двуспальная кровать.

— Ишь ихъ! сказалъ Ваня, и не только не поклонился на всѣ четыре стороны, но плюнулъ.

— Знаешь ли что! продолжалъ онъ: — зажжемъ-ка теперь люминацію! вѣдь колдовка-то еще, чай, долго не пріѣдетъ!

— Зажжемъ! согласился Миша, и на лицѣ его сверкнула дѣтски-радостная улыбка.

По всему видно было, что натура Миши была натура нѣжная, женственная, артистическая; онъ любилъ, когда въ комнатѣ бывало свѣтло и свѣжо, и напротивъ того куксился въ мракѣ и спертомъ воздухѣ передней. По всему видно также, что Ваня зналъ про это свойство Миши и желалъ чѣмъ нибудь угодить ему.

Зажгли иллюминацію дѣйствительно блестящую; Миша пожелалъ быть хозяиномъ, Ваня изъявилъ согласіе быть гостемъ. Но едва успѣли хозяинъ и гость усѣсться съ ногами на диванъ, едва успѣлъ хозяинъ предложить своему гостю обычный вопросъ о здоровьи, какъ въ передней раздался сильнѣйшій трезвонъ. Хозяинъ и гость бросились тушить свѣчи, но впопыхахъ дѣло не спорилось; раздался еще трезвонъ, болѣе сильный и болѣе нетерпѣливый.

Наконецъ, свѣчи кое-какъ затушили и бросились въ переднюю. Черезъ дверь еще Ваня слышалъ, какъ барыня сердиться изволили.

— Это все мальчишки мерзавцы! говорила она въ величайшемъ гнѣвѣ: — вотъ ужо погоди!

— Успокойся, душенька! уговаривалъ Иванъ Васильичъ: — можетъ быть, это братецъ Никаноръ Аѳанасьичъ пріѣхалъ!

Въ это время Ваня отперъ наружную дверь.

— Братецъ Никаноръ Аѳанасьичъ здѣсь? былъ первый вопросъ барыни.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Кто же свѣчи въ залѣ зажигалъ?

— Никто не зажигалъ-съ.

— Мерзавецъ!

Сильный ударъ свалилъ Ваню съ ногъ.

— Кто зажигалъ свѣчи въ залѣ? накинулась барыня на Мишу, который стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, едва-едва прошепталъ Миша.

— Долго ли вы мучить-то насъ будете? какимъ-то неестественнымъ голосомъ закричалъ Ваня, вскочивъ съ полу, и не успѣлъ никто моргнуть глазомъ, какъ онъ уже впился ногтями въ ротъ и носъ Катерины Аѳанасьевны.

Катеринѣ Аѳанасьевнѣ сдѣлалось дурно; Ваню насилу отняли отъ нея, потому что онъ словно замеръ и закоченѣлъ весь. Катерину Аѳанасьевну повели подъ руки въ спальную, при чемъ Иванъ Васильичъ приговаривалъ: и какъ это тебѣ, матушка, не стыдно безпокоить себя изъ-за этихъ хамовъ! Ваню тоже увели на кухню; онъ не плакалъ, а только кричалъ; очевидно, что все существо его было глубоко и рѣшительно потрясено, что онъ не обладалъ собою, и этотъ рѣзкій, неестественный крикъ вылеталъ изъ его груди помимо его воли. Вся дворня страшно переполошилась и сбѣжалась кругомъ Вани; начали его оттирать и насилу уняли. Когда крики унялись, Ваня мгновенно и крѣпко заснулъ.

Потому ли, что Катерина Аѳанасьевна дѣйствительно заболѣла, или потому, что дворовые доложили объ изступленіи, въ которомъ находился Ваня, но распоряженія на счетъ мальчиковъ въ ту ночь никакого сдѣлано не было. Сказано было только держать обоихъ въ кухнѣ. Миша легъ подлѣ Вани, но долго не могъ сомкнуть глазъ; завтрашній день представлялся его возбужденному воображенію со всѣми подробностями, со всѣми ужасающими истязаніями. Мерещились ему пуки розогъ, мерещилась ему Катерина Аѳанасьевна; лицо ея словно пылало, на головѣ

словно змѣи вились, разѣвая рты, и высовывались оттуда огненныя жала. Ваня по временамъ стоналъ, дворовые кругомъ безмятежно спали; Мишѣ сдѣлалось страшно...

— Ахъ, не надо! ахъ, не рѣжьте! раздавалось у него въ ушахъ, и образъ сестры носился передъ его глазами, какъ живой, но не въ затрапезномъ истасканномъ платьѣ, а весь бѣлый, прозрачный, весь словно озаренный чудеснымъ блескомъ...

Наконецъ, часовъ около трехъ онъ заснулъ.

Въ четыре часа Ваня разбудилъ его. Долго смотрѣлъ на него Миша изумленными, слипающимися глазами, долго не могъ понять, гдѣ онъ и что съ нимъ...

— Пора! шепталъ Ваня.

Миша вздрогнулъ, но все еще не понималъ.

— Вставай же! настаивалъ Ваня.

Миша машинально всталъ и машинально же одѣлся. Они вышли въ сѣни; холодный воздухъ охватилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и нѣсколько отрезвилъ Мишу. Въ рукахъ у Вани были ножницы; онъ проворно скинулъ съ себя казакинъ и началъ рѣзать его въ куски.

— Не доставайся никому! шепталъ онъ какъ-то злобно и сосредоточенно.

Потомъ онъ снялъ съ себя сапоги и проткнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ головки.

Миша смотрѣлъ на это, и вдругъ въ немъ вспыхнула какая-то страстная жажда жизни. Онъ ухватилъ себя обѣими рученками за горло, началъ метаться и заплакалъ.

— Нюня! ступай спать! произнесъ Ваня.

— Нѣтъ! нѣтъ! заикался Миша: — нѣтъ! нѣтъ... я пойду! я, право, пойду!

— Что-жь ты ревешь? развѣ вчера не видѣлъ?

Они вышли на дворъ и перелѣзли черезъ заборъ. Улица была пуста, и непробудная тишина царствовала по всему городу. Дворовая собака Треворка бросилась было къ нимъ съ ласковымъ визгомъ, но Ваня показалъ ей кулакъ, вслѣдствіе чего она вильнула раза два хвостомъ и юркнула въ свою конуру. Утро было не столько холодное, сколько сырое и туманное; словно облако какое-то висѣло надъ улицей, словно мгла, наполненная иглис-

тыми атомами, застилала воздухъ. Ваня былъ въ одной рубашкѣ; ему сдѣлалось холодно.

— Ну, братъ, сказалъ онъ: — это я напрасно... Напрасно, значитъ, я теперича казакинъ свой изрѣзалъ!

Миша не отвѣчалъ ему; вообще онъ дѣйствовалъ какъ-то страдательно, словно горѣла и упорно горѣла въ немъ непорванная струя жизни, но не знала, какъ ей высказаться, какъ прорваться наружу.

И вотъ передъ ними оврагъ: въ этомъ оврагѣ условились они исполнить свое намѣреніе; Ваня разсчитывалъ, что тамъ никто имъ не помѣшаетъ, никто не можетъ придти скоро на помощь.

Ваня спустился и пошелъ впередъ; онъ былъ бодръ, а между тѣмъ манящіе сладкіе голоса жизни говорили въ немъ; онъ смѣялся, а между тѣмъ въ груди его закипала какая-то страстная жажда; онъ шелъ и точилъ другъ объ друга ножи, но звукъ, который отъ этого происходилъ, былъ какой-то невеселый, отрывистый звукъ; онъ чувствовалъ, что внутри его все горитъ, а между тѣмъ бѣдное, исхудалое тѣло ходенемъ ходило отъ проницающей сырости и холода... Миша шелъ за нимъ слѣдомъ и по прежнему былъ въ какомъ-то забытьи.

Катерина Аѳанасьевна! еслибы вы могли подозрѣвать, что дѣлается въ этомъ оврагѣ, покуда вы безмятежно почиваете съ налѣпленными на носу и на щекахъ пластырями, вы съ ужасомъ вскочили бы съ постели, вы выбѣжали бы безъ кофты на улицу и огласили бы ее неслыханными, раздирающими душу воплями!

Земля-мать! Еслибы ты знала, какое страшное дѣло совершается въ этомъ оврагѣ, ты застонала бы, ты всколыхалась бы всѣми твоими морями, ты заговорила бы всѣми твоими рѣками, ты закипѣла бы всѣми твоими ручьями, ты зашумѣла бы всѣми твоими лѣсами, ты задрожала бы всѣми твоими горами!

На свѣту, будочникъ, спокойно спавшій въ своей будкѣ, былъ разбуженъ проѣзжими мужиками. Мужики слышали стонъ въ оврагѣ и почтительно докладывали о томъ дремлющему блюстителю общественной тишины.

— Батюшки! помогите! прозвенѣло въ эту самую минуту въ воздухѣ.

— Батюшки! помогите! повторило негодующее эхо.

Спустились въ оврагъ и нашли двухъ мальчишекъ, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтъ въ казакинѣ, другой—въ одной рубашкѣ. Ваня былъ бездыханенъ, но Миша еще былъ живъ. Невѣрная, трепещущая рука въ нѣсколько пріемовъ полоснула ножомъ по горлу, но робко и нерѣшительно.

Жажда жизни сказалась и восторжествовала.

Н. ЩЕДРИНЪ.

БЕЗСОННИЦА.

(ИЗЪ ПОЭМЫ: «РЫЦАРЬ НА ЧАСЪ», ГЛАВА IV: ВАЛЕЖНИКОВЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.—СВѢТЛАЯ ОСЕННЯЯ НОЧЬ СЪ ЛЕГКИМЪ МОРОЗОМЪ).

Если пасмуренъ день, если ночь не свѣтла,
Если вѣтеръ осенній бушуетъ,
Надъ душой воцаряется мгла,
Умъ, бездѣйствуя, вяло тоскуетъ.
Только сномъ и возможно помочь,
Но къ несчастью не всякому спится...

Слава Богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.
Чу! стучитъ проѣзжающій возъ,
Деготькомъ потянуло съ дороги...
Обоняніе тонко въ морозъ,
Мысли свѣжи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняютъ ожившую грудь;
Жаждой дѣла душа закипаетъ,
Вспоминается пройденный путь,
Совѣсть пѣсню свою запѣваетъ...

Я совѣтую гнать ее прочь —
Будетъ время еще сосчитаться!
Въ эту тихую, лунную ночь
Созерцанію должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Мѣсяцъ полный плыветъ надъ дубровой
И господствуютъ въ небѣ цвѣта
Голубой, бѣловатой, лиловой.
Воды ярко блестятъ средь полей,
А земля прихотливо одѣта
Въ волны бѣлаго луннаго свѣта
И узорчатыхъ, странныхъ тѣней.
Отъ большихъ очертаній картины
До тончайшихъ сѣтей паутины,
Что̀ по воздуху тихо плывутъ —
Все отчетливо видно: далече
Протянулися полосы гречи,
Красной лентой по скату бѣгутъ;
Замыкающій сонныя нивы,
Лѣсъ сквозитъ, весь усыпанъ листвой;
Чудны красокъ его переливы
Подъ играющей, ясной луной;
Дубъ ли пасмурный, кленъ ли веселый —
Въ немъ легко отличишь издали;
Грудью къ сѣверу, воронъ тяжелый —
Видишь — дремлетъ на старой ели!
Все, чѣмъ можетъ порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленѣющей озими гладь,
Подо льномъ — золотая долина,
Посреди освѣщенныхъ луговъ
Величавое войско стоговъ,
Все доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Еслибъ даже пришлось въ эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ея бѣдность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоитъ словно полная чаша.

Пожелай ей покойнаго сна —
Утомилась, кормилица наша!.....

Спи, кто можетъ — я спать не могу,
Я стою потихоньку, безъ шуму,
На покрытомъ стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умѣлъ я съ собой совладать,
Не осилилъ я думы жестокой....

Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...

Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
Посреди безконечныхъ луговъ,
За селомъ, на горѣ невысокой,
Вся бѣла, вся видна при лунѣ,
Церковь старая чудится мнѣ
И на бѣлой церковной стѣнѣ
Отражается крестъ одинокой.
Да! я вижу тебя, Божій домъ!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла съ крестомъ,
Облаченнаго въ свѣтлую ризу.
Поднимается сторожъ-старикъ
На свою колокольню-руину,
На тѣни онъ громадно великъ:
Пополамъ пересѣкъ всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
Этихъ звуковъ властительно пѣнье:
Если есть въ околоткѣ больной,
Онъ при нихъ встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудетъ на мигъ свои муки;
Одинокій ли путникъ ночной
Ихъ заслышитъ — бодрѣе шагаетъ;
Ихъ заботливый пахарь считаетъ

И, крестомъ осѣнясь въ полусне,
Проситъ Бога о ведряномъ днѣ.

Звукъ за звукомъ гудя прокатился,
Насчиталъ я двѣнадцать часовъ.
Съ колокольни старикъ возвратился,
Слышу шумъ его звонкихъ шаговъ,
Вижу тѣнь его; сѣлъ на ступени,
Дремлетъ, голову свѣсивъ въ колѣни.
Онъ въ мохнатую шапку одѣтъ,
Въ балахонѣ убогомъ и темномъ...
Все, чего не видалъ столько лѣтъ,
Отъ чего я пространствомъ огромнымъ
Отдѣленъ — все живетъ предо мной,
Все такъ ярко рисуется взору,
Что не вѣрится мнѣ въ эту пору,
Чтобъ не могъ увидать я и той,
Чья душа здѣсь незримо витаетъ,
Кто подъ этимъ крестомъ почиваетъ...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.
Съ головой бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты, — грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилася!
Ты не дрогнувъ ударъ приняла,
За враговъ, умирая, молилася,
На дѣтей милость Бога звала.
Неужели за годы страданія
Тотъ, кто столько тобою былъ чтимъ,
Не пошлетъ тебѣ радость свиданія
Съ погибающимъ сыномъ твоимъ?...

Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,

Мою горькую пѣсню спою.
О прости! то не пѣснь утѣшенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія,
Всѣ позорныя пятна мои!
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что̀ въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мірскаго далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мнѣ
При волшебно свѣтящей лунѣ.
Да! я вижу тебя блѣднолицую
И на судъ твой себя отдаю.
Не блѣднѣть передъ правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,
Изреки только слово прощенія,
Ты, чистѣйшей любви божество!
Что враги? пусть клевещутъ язвительнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу́,
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!
Что друзья? Наши силы не ровныя,
Я ни въ чемъ середины не зналъ,
Что обходятъ они, хладнокровные,
Я на все безразсудно дерзалъ,
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдетъ —

И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — впередъ и впередъ!
Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ — и вовсе упалъ!...

Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!
Тотъ, чья жизнь безполезно разбилася,
Можетъ смертью еще доказать,
Что въ немъ сердце не робкое билося,
Что умѣлъ онъ любить.....
. . . .
. . . .
. . . .

Н. НЕКРАСОВЪ.

О НАРОДНОСТИ ВЪ ПОЛИТИКѢ.

I.

Шестнадцатаго сентября прошлаго года, въ Брюсселѣ, въ то самое время, когда знаменитые люди давали обѣдъ Виктору Гюго, по поводу романа les miserables, уличная толпа произвела иного рода демонстрацію передъ окнами одного изъ не менѣе знаменитыхъ французскихъ эмигрантовъ. Полиція прекратила это категорическое выраженіе неудовольствія и, вслѣдъ за тѣмъ, извѣстный публицистъ уѣхалъ въ Парижъ. Поводомъ къ сему были двѣ небольшія статьи, помѣщенныя въ іюнѣ и сентябрѣ, въ одномъ изъ ничтожныхъ брюссельскихъ изданій, — office de la Publicisté.

Статьи касались итальянскихъ дѣлъ; по заглавію одна посвящена была Мадзини, другая—Гарибальди. Не нужно говорить, конечно, что единство Италіи было и останется священнымъ дѣломъ, которому отдана всѣми помыслами буржуазія въ цѣлой Европѣ, а тѣмъ болѣе въ Бельгіи, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ ничего, кромѣ буржуазіи.

Безцеремонный тонъ, съ которымъ авторъ отнесся къ вопросу и двумъ историческимъ лицамъ, замѣшаннымъ непосредственно въ итальянскихъ дѣлахъ, не могъ не оскорбить либеральныхъ чувствованій бельгійской образованной массы. Но она, вѣроятно, стерпѣла бы обиду, не выходя изъ границъ приличія, если бы писатель эксцентрикъ, по свойству своей широкой натуры, не привлекъ къ итальянскому вопросу кстати и бельгійскаго, не показалъ фламандскому филистерству, что крича о политическомъ единствѣ Италіи, она выкрикиваетъ себѣ конецъ и призываетъ на себя руки Наполеона III.

Конечно, со стороны писателя это былъ не болѣе, какъ діалектическій пріемъ; понять настоящій смыслъ его было вовсе не трудно. Но брюссельская публика, на ряду съ своей публицистикой, была такъ мало приготовлена къ подобному обороту мысли, что приняла дѣло за чистую монету, за вызовъ французскаго оружія на Бельгію:—журналистика взбунтовала толпу, та бросилась кричать abas les anne-

xionostes, все это къ вящшему комизму своего собственнаго положенія. Среди такихъ обстоятельствъ, брюссельская преса закрыла свои столбцы дерзкому публицисту, онъ уѣхалъ въ Парижъ и отсюда, что называется, зарѣзалъ противниковъ,—на сколько рѣчь шла объ ихъ патріотической щекотливости.

Конечно, намъ нѣтъ никакого дѣла до бельгійской буржуазіи, и если мы останавливаемся на несчастныхъ статьяхъ, которыя произвели бурю въ стаканѣ воды, то совершенно по другому поводу: — въ нихъ національный вопросъ разбирался нѣсколько обстоятельнѣе и храбрѣе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, кѣмъ бы то ни было. Статьи служили удобнымъ поводомъ сказать намъ нѣсколько словъ о предметѣ, который все еще продолжаетъ что-то обѣщать въ будущемъ, привлекать вниманіе не только въ разсужденіи Италіи, но самъ по себѣ—по своей сущности.

Вотъ почему позволимъ себѣ теперь обратиться къ подробностямъ статей, чтобы показать, въ чемъ мы съ ними сходимся и расходимся.

Со стороны содержанія въ статьяхъ отвергалось *единство* Италіи въ принципѣ и въ его практической возможности. По своему принципу оно вело къ созданію новаго военно-буржуазнаго государства, въ ряду уже существующихъ. Съ практической стороны, оно нарушало политическое равновѣсіе Европы, включало въ разрядъ пяти первенствующихъ державъ новое сильное государство, сосѣднее Франціи. Государство это, въ случаѣ союза прочихъ противъ Франціи, стало бы стрѣлять ей въ ноги, и во всякомъ случаѣ, ослабляло его политическое значеніе; и такъ, возстановленіе Италіи ни въ какомъ случаѣ не могло быть въ видахъ Франціи и дало бы послѣдней полное право требовать, на томъ же основаніи національнаго единства, включенія въ свой составъ Бельгіи и Германіи до Рейна. Съ той же, практической стороны, это единство противорѣчило особенностямъ итальянскаго характера, топографическому устройству страны, которое не представляетъ естественнаго центра для общей столицы. Отсюда Мадзини, мысль котораго о единой Италіи была ложна въ своемъ основаніи и который, въ 1859 году, открыто протестовалъ противъ вмѣшательства Наполеона въ дѣла Италіи, сдѣлалъ страшную глупость, склонясь послѣ виллафранкскаго мира на сторону Виктора Эмануила и рѣшаясь сказать въ своемъ письмѣ: Osez, sire et Mazzini est avec vous.

Такую же глупость, какъ доказала битва при Аспромонтѣ, сдѣлалъ Гарибальди, увлекшись идеей единства и полагаясь на силу національнаго начала: обвинять піемонское министерство, оскорблять императора французовъ, который одинъ препятствовалъ возвращенію австрійскихъ войскъ въ Ломбардію, подстрекать къ возстанію Венгрію, что-

бы получить отъ нее ударъ ослинаго копыта, принимать помощь отъ англичанъ, и слѣдовательно, вводить въ страну чужое вліяніе, не менѣе опасное французскаго,—проклинать духовенство и папу, и въ то же время кричать:Италія и Викторъ-Эмануилъ, чтобы быть схваченнымъ ничтожнымъ отрядомъ при Аспромонтѣ:—все это были одинаково нелѣпыя послѣдствія нелѣпой идеи единства.

Гдѣ же былъ настоящій путь? а вотъ гдѣ.

Италія, по всѣмъ своимъ особеннымъ признакамъ, государство не единое, а конфедераціонное. Послѣ виллафранкской битвы единымъ крикомъ Италіи должна была быть: конфедерація, подъ покровительствомъ Наполеона III, подписать которую, конечно, легко согласились бы всѣ мѣстные потентаты отъ папы до бурбоновъ. Такимъ порядкомъ политическій балансъ не былъ бы нарушенъ, Италія выиграла бы, до внѣшней безопасности, въ соціальномъ устройствѣ, и на столько же была бы ближе къ своимъ внутреннимъ реформамъ и остальная Европа.

Все это сводится къ тремъ положеніямъ:

Національная идея антинародна.

Она невыгодна для Франціи и потому невозможна въ смыслѣ политическаго баланса Европы.

Федерація.

Разберемъ эти три положенія.

До сихъ поръ мало кто позволялъ себѣ относиться критически къ итальянскимъ дѣламъ. Смѣлѣе всѣхъ дѣйствовала, конечно, Австрійская пресса. Оставляя въ сторонѣ, что думала послѣдняя объ антинародности или нѣтъ національнаго начала, не мѣшая въ нашу полемику даже того, что было высказано по этому предмету другими, мы позволимъ себѣ напомнить только то, что было выражено нами лично.

Не такъ давно, говоря о фаталистическомъ характерѣ ученій, привезенныхъ въ наши университеты, за двадцать лѣтъ тому назадъ, изъ Германіи, мы коснулись значенія, которое приписывалось этими теоріями національному началу, его роли въ устройствѣ человѣческихъ отношеній подъ общей фирмой историческаго начала. Добрые люди толковали въ послѣдніе годы такъ много о началѣ *породы*, что мы считали не лишнимъ показать связь этихъ позднихъ толковъ съ схоластической телемахидой, отъ которой отказывались повидимому сами толкователи. Съ одной стороны порода мѣшалась въ вопросѣ о нашихъ бытовыхъ улучшеніяхъ, то подъ видомъ историческаго фатума, скрытаго въ крови славянской расы,—то подъ видомъ историческихъ особенностей, наложенныхъ на плечи настоящему,—то подъ видомъ фарисейской реторики о постепенности улучшеній и. т. д.

Съ другой стороны она мѣшалась въ политическія дѣла Европы,

какъ философскій камень равновѣсія, на который, будто бы, набрела наконецъ старая блудница съ 1856 года.

Мы тогда высказали общій взглядъ по этому предмету, изъ котораго читатель могъ приблизительно судить, что мы понимаемъ подъ народнымъ началомъ, какъ въ отношеніи къ нашимъ внутреннимъ дѣламъ, такъ и въ отношеніи къ европейской политикѣ.

Привычка мѣшать народъ въ политическую исторію, брать часть за цѣлое и навязывать ему дѣла, формы и обвиненія, въ которыхъ онъ не имѣлъ никогда и нигдѣ прямаго участія, была въ нашихъ глазахъ основнымъ софизмомъ, которымъ зажимали ротъ фаталисты всякому разумному улучшенію, ссылаясь на историческія препятствія. Показавъ, что эти историческія препятствія и особенности касались вездѣ только незначительнаго меньшинства, что исторія народной массы вездѣ затѣмъ была совершенно одинакова и не имѣла такъ называемой исторической почвы, мы старались указать: какой рѣзкій раздѣлъ существуетъ между національнымъ началомъ и чисто народнымъ и какъ нелѣпо мѣшаются эти два понятія и принимаются за однозначащія. Не выходя изъ предѣловъ историческихъ данныхъ, мы хотѣли только отдѣлить справедливо то, что въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ въ этихъ данныхъ народу отъ того, что принадлежитъ исключительно меньшинству.

Въ этомъ разсчетѣ мы полагали, что вся историческая почва народа, каковъ бы онъ ни былъ, разсказывается въ нѣсколькихъ одинаковыхъ словахъ: онъ платилъ налоги, давалъ рекрутъ, платилъ ренту и проценты на капиталъ, получая изъ продукта только то, что было необходимо для поддержанія рабочей силы.

Все остальное могло принадлежать исторіи, но не исторіи народа, и потому каждому слѣдовало отдать свое.

Отсюда не трудно было понять, какая разница должна была выйти въ дальнѣйшемъ выводѣ. На долю народа вездѣ исторія оставляла чисто хозяйственный взглядъ, и въ этомъ взглядѣ замѣчалось все его міросозерцаніе. Тутъ не было мѣста раздѣленіямъ; взглядъ былъ общечеловѣческій, народъ былъ космополитомъ. Все остальное за тѣмъ, что вносило исключительность, начиная отъ національнаго раздѣленія и кончая историческими особенностями гражданскаго быта, вносилось не народомъ и было продуктомъ для него чуждымъ.

Такимъ только разсчетомъ теорія историческихъ препятствій приводилась къ категорической послѣдовательности. Ссылаясь на исторію, ея приверженцы не могли болѣе объясняться родомонтадами о физіологическомъ выростаніи жизненныхъ явленій изъ прошлой почвы, устроенной кровью. Передъ ними была выложена эта почва не въ отвлеченномъ сумбурѣ суесловія, а въ формѣ понятной для самаго

необученнаго смертнаго, въ видѣ статистики народнаго хозяйства. Мы ждали отвѣта. Пусть, думали мы, скажутъ намъ, какія это такія историческія препятствія лежатъ въ этихъ условіяхъ, вслѣдствіе какой исторической неразвитости народъ можетъ быть неспособенъ подвергнуться уменьшенію налога, пониженію процента съ земли или капитала и т. д., а захочетъ напротивъ какъ можно больше работать и какъ можно больше платить. Если наши противники захотятъ быть послѣдовательны, пусть попробуютъ утвердительно кивнуть головой, объясняя, что народъ гдѣ нибудь не готовъ принять облегченія своей матеріальной нищеты, въ которой вся его историческая почва.

Конечно, мы ждали напрасно отвѣта; отвѣчать тутъ было нечего. Мы готовы ждать еще, положивъ, какой угодно срокъ, лишь бы наши публицисты избавили, до тѣхъ поръ, публику отъ овечьей риторики по этому поводу. Конечный выводъ нашъ былъ естественно тотъ, что такъ называемыя историческія препятствія относятся въ сущности до нашихъ, положимъ, съ вами читатель, семейныхъ дѣлъ и семейнаго прошлаго, чего ни вы, ни я не посмѣемъ назвать исторіей.

Такъ ли?

Ну, а если такъ, то мы могли, стало быть, спокойно положить въ карманъ всѣ теоріи объ историческомъ началѣ въ вопросѣ о прогрессѣ, потому что есть собственно одинъ только прогрессъ, мѣра которому дается экономической статистикой народа, а для улучшенія въ этой статистикѣ мы не нашли препятствій въ бытовыхъ понятіяхъ, которыя могъ вынести какой либо народъ изъ своей исторіи.

Всѣмъ этимъ было разсказано, какъ мало начало національной особенности можетъ само по себѣ руководить бытовыми улучшеніями, замѣнять въ дѣлахъ общества или народа иниціативу здраваго смысла, разсказать, что и какъ слѣдуетъ сдѣлать, и заставить сдѣлать, какъ нелѣпъ, хотя бы и научный, разсчетъ на фатализмъ крови въ вопросѣ объ общественной неурядицѣ.

Національность выходитъ терминомъ совершенно противуположнымъ народности, развитіе котораго служило всегда интересамъ извѣстныхъ классовъ и никогда народу. Случалось, иногда и нерѣдко, что участь народа облегчалась побѣдителями, собственно, для того, чтобы привлечь его расположеніе къ новому правительству. Національная самобытность служила только выгодой для извѣстныхъ классовъ, народъ отъ нее часто проигрывалъ.

Отсюда объяснялось уже отчасти само собою, какъ мы должны были смотрѣть на значеніе того же національнаго начала и въ разсужденіи внѣшнихъ дѣлъ Европы.

Сказавъ разъ, что слѣдуетъ собственно понимать подъ народностью, и именно: не итальянцевъ, не французовъ, не турокъ, а пониже-

ніе процента, мы этимъ самымъ отвѣтили довольно ясно на обѣ стороны.

Этого достаточно для доказательства, что основная точка зрѣнія автора Брюссельскихъ статей на національное начало или то отношеніе, въ которое онъ сталъ къ вопросу, не было съ его стороны ни дѣломъ личнаго каприза, ни желаніемъ, во что бы то ни стало, блеснуть оригинальностью, въ которомъ его часто упрекали; — оно было дѣломъ извѣстной системы, извѣстнаго взгляда на вещи, ставшаго, въ послѣднее время, общимъ достояніемъ всѣхъ благомыслящихъ людей Европы. Сущность этого взгляда заключалась въ сознаніи необходимости тѣхъ внутреннихъ преобразованій, въ которыхъ нуждалась и нуждается западная жизнь. Съ тѣхъ поръ все, что хотѣло писать и думать серьезно, было связано одной общей точкой зрѣнія внутреннихъ реформъ, въ которой лежала готовая критическая мѣрка всѣмъ событіямъ.

«Какъ ни расходились между собою общіе взгляды на вещи, говоритъ авторъ, къ которымъ пришла нравственная наука въ послѣднее время, они тѣмъ не менѣе поставили вопросъ, не только для Франціи, но и для Европы, вообще на его настоящей почвѣ: экономическія и общественныя преобразованія, гарантія труда, дисциплина интересовъ, лучшее распредѣленіе долей продукта, т. е. налога процента и ренты, народное образованіе, общинное устройство: иными словами—улучшеніе административное и нравственное. Такъ какъ задачи были новы, то немедленное разрѣшеніе ихъ, конечно, оказалось невозможно, но тѣмъ не менѣе указанная точка зрѣнія осталась господствующею, приковала къ себѣ общее вниманіе; старая точка зрѣнія, чисто политическая, была отодвинута на задній планъ, и въ этомъ уже былъ значительный шагъ впередъ. Было доказано, что политическій принципъ, которому слѣдовали реформы и нравственныя ученія до сихъ поръ, изсякъ совершенно, выжился, что общество подъ опасеніемъ упадка должно было выйти изъ той системы дѣйствія, въ которой вращалось до сихъ поръ, что всякое движеніе внѣ круга реформъ внутреннихъ и гражданскихъ было бы безплодно и реактивно, что отнынѣ вопросы династій, формы правленія, національностей, политическихъ границъ и международнаго значенія стали второстепенными, что дипломація и милитаризмъ сдѣлали свое время», и т. д.

Вотъ эта точка зрѣнія крайне умѣренная, отъ которой мы вызываемъ отказаться самаго постепеннаго изъ нашихъ прогрессистовъ и реформаторовъ.

Спрашивается за тѣмъ, соотвѣтствовали ли ей сколько нибудь событія послѣдняго десятилѣтія? Нѣтъ; кажется ясно, что онѣ были съ ней въ прямомъ противорѣчіи.

дѣло требовало прежде всего международнаго мира. Между тѣмъ, всякій знаетъ, чѣмъ занималась Европа съ того времени, какъ наступилъ для нее чередъ внутреннихъ преобразованій: она перекидывалась ядрами, изобрѣтала коническія пули, готовила броненосныя суда и плавучія батареи. Она подготовляла дипломатическій вопросъ за вопросомъ; не кончивъ одного, начинала уже другой, постоянно возвращая и поддерживая вниманіе въ политической сферѣ. Инпціатива во всемъ этомъ принадлежала Франціи, она играла главную роль въ восточномъ вопросѣ и потомъ еще большую въ Итальянскомъ. Могли ли послѣ этого быть довольны благомыслящіе люди въ Европѣ такимъ поворотомъ дѣлъ?

Кажется, не нужно много проницательности, чтобы понять, что нѣтъ,-что война была положительно невыгодна для Европы. Ну, а если такъ, то что могли они привѣтствовать утѣшительнаго въ національномъ вопросѣ? Чѣмъ былъ для нихъ этотъ вопросъ, какъ не новой причиной для продолженія вооруженнаго положенія,—чѣмъ отличился онъ отъ только что поконченнаго въ крымскую войну, о какихъ-то іерусалимскихъ ключахъ? Въ общемъ интересѣ Европы онъ былъ явно такимъ же гвоздемъ, какъ и восточный вопросъ, на который вѣшались причины военнаго движенія.

Съ другой стороны большинство европейскихъ либераловъ могло утѣшаться конечно тѣмъ, что военное истощеніе, которому подвергаются ихъ собственныя народныя силы,—тѣ невыгоды, которыя несутъ отъ войны государства наиболѣе приготовленныя къ реформѣ, послужатъ по крайней мѣрѣ къ чужой выгодѣ, дадутъ самостоятельность Италіи и т. д. Но они были не вправѣ забывать двухъ вещей:

Во первыхъ, что національный вопросъ, по своей сущности, все таки только политическій вопросъ и потому ждать отъ него прямой выгоды для общественнаго вопроса въ самой Италіи много нечего; во вторыхъ, что въ дѣлѣ, начатомъ вовсе не съ цѣлью освобожденія, а только чтобы отдалить общественный вопросъ, никто не могъ поручиться за его вѣрный успѣхъ даже для подавленныхъ національностей, не могъ побиться объ закладъ, что Наполеонъ, почти сдѣлавъ Италію, не найдетъ для себя выгоднымъ также медленно раздѣлать ее и въ концѣ концевъ все оставить по прежнему.

Не нужно, кажется, разсказывать, что обѣ вещи были одинаково забыты политическими критиками. Съ чисто политической стороны реальная сторона дѣла упущена изъ виду: самостоятельность Италіи была порѣшена заранѣе и все отнесено къ нравственной силѣ національнаго начала, которое окрѣпло будто бы до того, чтобы взять окончательный перевѣсъ въ политикѣ надъ всѣми другими и перестроить карту Европы на новый ладъ. Но этого мало, то же начало

должно было стать и магнитной стрѣлкой общественнаго движенія, путемъ для осуществленія лучшихъ вѣрованій, спрятанныхъ пока въ сердечный ящикъ. Не было той прогрессивной партіи, которая не возложила бы на національное начало болѣе или менѣе неясныхъ разсчетовъ. Это послѣднее было въ особенности опрометчиво. Допускаемъ, что послѣ средневѣковаго мрака, который повисъ надъ всѣми ожиданіями въ 1852 году, можно было пронести какой хотите художественный вздоръ, какъ поэтическій образъ, передъ лицемъ общества, убитаго въ сердечную глубь внезапнымъ окончаніемъ взбродившихъ силъ, о которыхъ думали, что онѣ никогда болѣе не успокоятся. Но нѣтъ сомнѣнія, что вздоръ этотъ слѣдовало тутъ же спрятать въ карманъ. Разсчитывать же на одну силу движенія какого нибудь, только потому, что оно движеніе, западные либералы вѣдь знали по опыту, что это значило. Когда-то они думали, что броженіе не успокоится, пока не выработаетъ конечнаго порядка и, кажется, могли убѣдиться немного поздно, къ несчастію, что всякое броженіе ищетъ напротивъ порядка, который его сдавитъ; откуда не слѣдуетъ, что оно будетъ ждать непремѣнно конечнаго порядка. Если имъ не успѣютъ овладѣть прогрессисты десяти цвѣтовъ, то сдѣлаютъ это реакціонеры, которые вообще между собою гораздо согласнѣе и потому всегда имѣютъ болѣе шансовъ. Что же они сдѣлали теперь, чтобы воспользоваться этимъ новымъ движеніемъ?—ничего ровно.

Властью, выработанною тогда движеніемъ, была диктатура. Это было ножемъ въ сердце романтикамъ прогресса. Съ 1852 года они жили безъ идей, какъ безъ пищи; солнце могло освѣщать хотя пожарище, но все-таки освѣщать, они, ночныя птицы, они ничего не видѣли. Передъ ними пронесли вопросъ о зундской пошлинѣ, о іерусалимскихъ ключахъ, они остались неподвижны; но вотъ пронесли китайскую тѣнь національнаго начала, и они оживились. Къ нимъ возвратились идеи, они теперь открыли, что исторія еще жива. Что изъ этого могло выйдти, не знали навѣрно; полагали, что что нибудь можетъ выйдти само собою.

Пересчитаемъ теперь, сколько разъ они были здѣсь непослѣдовательны.

Они искали въ жизни человѣчества, они космополиты, такъ ли? и ждали спасенія отъ перваго начала раздѣленія, которое знала исторія въ самой дикой формѣ, отъ племенной замкнутости. Въ этомъ смыслѣ стоять за Италію съ ихъ стороны было столь же логически, какъ стоять за іезуитовъ или папу, потому что ни то, ни другое одинаково не могло быть въ ихъ программѣ.

Далѣе мы вѣримъ, что странѣ, вогнанной дипломатическимъ актомъ въ предѣлы государства австрійскаго, можетъ быть невы-

годна такая перемѣна, но тогда будемъ говорить объ Австріи, а не объ Италіи, будемъ оспаривать право на мѣсто въ Европѣ австрійскихъ или турецкихъ началъ, потому что Италія здѣсь случайность и сущность дѣла въ Австріи.

Вотъ этой-то сущности, этого австрійскаго духа, сколько намъ кажется, придется во всякомъ случаѣ взять съ собой извѣстную долю народному пепелищу и единой Италіи съ Викторомъ-Эммануиломъ, возстановись она вся до Адріатики. И такъ вотъ еще разъ значитъ было непослѣдовательно ждать, чтобы національное начало въ состояніи было принести что либо, кромѣ пальятивнаго облегченія, вынести на своихъ плечахъ затрудненія житейскаго дѣла. Думать иначе, значило опять перемѣшать слова: принять національность за народность, породу за философскій камень, положиться на фатализмъ, а европейскіе либералы вѣдь заклинались отъ фатализма.

Въ третьихъ наконецъ, они знали, конечно, ближе, чѣмъ мы, въ лицо того антрепренера, который поставилъ передъ ними, на этотъ разъ, волшебный фонарь и провелъ стеклышко, — и ему повѣрили.

Пока дѣло итальянскаго освобожденія шло своимъ порядкомъ, до тѣхъ поръ у всѣхъ было свѣтло въ глазахъ, радовались всѣ, какъ били австрійцевъ, рукоплескали политикѣ Кавура, ждали только еще двухъ-трехъ ударовъ, которые должны были покончить вопросъ итальянскаго единства. Тутъ въ самую любопытную минуту виллафранкскій миръ опустился, какъ театральная занавѣсь передъ носомъ любопытнаго зрителя, и подернулъ мракомъ будущее. Ударъ былъ злой, но поучительный для тѣхъ, кто думалъ, что такія ничтожныя вещи, какъ политическая свобода, покупаются на политическомъ рынкѣ двумя грудами солдатскаго мяса, или еще лучше, подносятся изъ учтивости въ даръ чужими штыками. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было не повѣрить, счастье было вѣдь такъ близко. А между тѣмъ вотъ нашлись же затрудненія непреодолимыя, которыхъ никто не хотѣлъ предвидѣть.

«Думаете ли вы, что мнѣ ничего не стоило», говорилъ Наполеонъ сенату, «остановить порывъ войска, увлеченнаго побѣдой, которое только и желало, что идти далѣе?

«Думаете ли вы, что мнѣ ничего не стоило вычеркнуть передъ лицомъ Европы, изъ моей программы, пространство отъ Минчіо до Адріатики?

«Думаете ли вы, что мнѣ немного стоило видѣть уничтоженными, въ честныхъ сердцахъ, благородныя увлеченія, патріотическія надежды?»

Викторъ-Эмануилъ также, говорятъ, плакалъ, припавъ лицемъ на плечо друга, возвращаясь въ каретѣ, съ миромъ въ карманѣ.

И чего было плакать! Вѣдь императоръ Францъ сказалъ, подписывая миръ: «Die Venetianer sollen von nun an mit mir zufrieden sein».

Правда, въ переводѣ на дѣло это значило, что австрійцы немедленно затѣмъ ограбили до чиста Венецію, заколотили палками венеціанскую аристократію; ну, а на сколько уменьшили государственный долгъ итальянскаго государства со времени его единства, на сколько упали налоги и упалъ процентъ съ ренты и капитала?

Думаете ли вы, прибавимъ мы отъ себя, что Франціи ничего не стоило также удвоить національный долгъ въ теченіе десяти послѣднихъ лѣтъ диктатуры, или она не знаетъ, что этотъ долгъ можетъ только рости отъ продолженія итальянскаго дѣла, и что все это диктатура сдѣлала такъ, изъ любви къ освобожденію, или что въ свою очередь Австрія поправила, по крайней мѣрѣ, дѣла швабскихъ крестьянъ, угнетая Италію?

Что за дилемма?

Три партнера въ игрѣ, всѣ трое проигрываютъ, къ чему же длится игра? Вспомните, что мы говорили объ отдѣленіи народа отъ національности, и вы увидите, что если съ одной стороны всѣ трое проигрываютъ, то съ другой всѣ же трое должны выигрывать,

Относительно Франціи это несомнѣнно.

Передъ диктатурой, возникшей въ 1852 году, лежало съ самаго начала два пути дѣйствія: одинъ къ пониженію долга, налоговъ и т. д., другой къ ихъ повышенію; одинъ внутренній, другой внѣшній; одинъ гражданскій, другой политическій; она избрала послѣдній. Для вящшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ ей поднесли сперва восточный вопросъ, потомъ итальянскій; понятно ли, что скоро кончать послѣдній вовсе не въ ея разсчетахъ, что она должна длить его безъ конца. Также вотъ точно выгодно длить его для вѣнскаго кабинета; да полно не такъ ли же точно долженъ желать этого промедленія, по настоящему, и Викторъ-Эмануилъ?

Спрашиваемъ, что выиграетъ онъ лично отъ окончанія дѣла, какой человѣкъ обѣщалъ ему свой союзъ въ этомъ дѣлѣ?

Лично отъ возстановленія единства Италіи онъ можетъ только проиграть: это несомнѣнно. Кончивъ его, придется подумать о ликвидаціи долга, о нуждахъ народа, о томъ, что мы назвали вообще процентомъ, между тѣмъ, какъ теперь извнѣ его никто не тревожитъ, напротивъ того, онъ самъ держитъ какъ бы Наполеона, папу и Австрію въ оборонительномъ положеніи; народъ изнутри кричитъ только: Италія и Викторъ-Эммануилъ, этимъ сытъ и одѣтъ, а тогда, Богъ-знаетъ, изъ какихъ словъ сложитъ свое привѣтствіе, и станетъ навѣрно надоѣдать своими дрязгами. Отчего бы Виктору-Эммануилу не желать, въ самомъ дѣлѣ, продолженія неопредѣленнаго порядка вещей!

И такъ вотъ возможно тутъ, значитъ, своего рода entente cordiale.

Ну, слава Богу, добрались до чего-то новаго, догадались, что внѣшнія дѣла отклоняютъ глаза, избавляютъ отъ внутреннихъ, что при такомъ положеніи вещей можетъ быть всегда дружеское согласіе на счетъ общей выгоды, т. е. безсрочнаго устраненія гражданскаго вопроса, тогда какъ внутренняя реформа сама по себѣ разлагаетъ, стираетъ вопросъ политическій. Понимаете ли, что если бы на мѣстѣ Австріи стояла страна съ другими налогами, другой системой кредита, прессой, другимъ устройствомъ экономическихъ отношеній, тогда не было бы собственно Австріи, а слѣдовательно не могло бы быть собственно разговора и объ Италіи. Какъ же Австрія можетъ перестать быть Австріей, какъ могутъ изгладиться политическія шероховатости, спеціализирующія одну національность отъ другой, какъ не реформами внутренняго быта, соотвѣтствующими интересамъ трудоваго населенія? Отвѣчайте мнѣ теперь, было ли итальянское движеніе гражданское, или чисто-политическое, и я вамъ скажу тогда, почему европейскіе прогрессисты не смѣли радоваться, почему все это дѣло было новымъ щелчкомъ ихъ ожиданіямъ, новой отравой, хотя бы и подслащенной; что либеральная пресса Европы не была вправѣ такъ довѣрчиво и поверхностно относиться къ итальянскимъ дѣламъ, какъ она это дѣлала, и что авторъ брюссельскихъ статей могъ отнестись къ нимъ иначе.

Возьмите для повѣрки готовые факты:

Что освобожденіе Италіи принесло выгоду извѣстной долѣ итальянцевъ, что оно избавило образованные классы въ Ломбардіи отъ австрійскихъ палокъ, въ этомъ, конечно, не можетъ быть сомнѣнія; но что выигралъ пока народъ — авторъ брюссельскихъ статей опредѣляетъ его барыши такъ: «мелочныя притѣсненія, произволъ, лицемѣріе, пожаръ, убійство, раззореніе»—вотъ что, говоритъ онъ, выиграла пока Италія отъ политики единства, начатой съ 1800 года Мадзини, поднятой Кавуромъ и поддержанной Франціей.

II.

И такъ національное начало анти-народно со всѣхъ сторонъ. Наполеонъ не можетъ желать единства Италіи; устроится или нѣтъ это единство, все будетъ зависѣть отъ случая, но въ результатѣ дѣло все-таки не обойдется безъ милитаризма; вопросъ, поставленный на этомъ началѣ, допускаетъ выходъ только въ компромиссы, — онъ поставленъ очень дурно. Мы съ своей стороны ничего не желали бы лучше, какъ переставить его по существу на другомъ основаніи; такъ бы казалось и слѣдовало сдѣлать автору, исходя изъ принятыхъ основаній. Но тутъ, останавливаясь ли передъ трудностью задачи, или не

находя достаточныхъ практическихъ задатковъ въ Италіи для его перестановки, онъ дѣлаетъ поворотъ и уклоняется отъ прямаго пути. «Другое дѣло, говоритъ онъ, преслѣдовать, какъ я дѣлаю каждый день, въ философіи, экономіи и правѣ, реорганизацію обществъ, или отвѣтить, какой путь дѣйствія слѣдуетъ избрать въ данную минуту.» Успокоивъ совѣсть такой фразой, онъ рѣшается выбирать между компромиссами. Одинъ компромиссъ уже былъ принятъ Мадзини, это единая Италія и Викторъ Эмануилъ; авторъ выбираетъ другой. Посмотримъ, чего стоитъ иногда ничтожная фраза.

Главную роль въ дальнѣйшихъ соображеніяхъ автора играютъ прежде всего потери Франціи въ итальянскомъ дѣлѣ, и потому займемся этими потерями.

Что теряетъ Франція со стороны общественной — это намъ отчасти извѣстно. Потери эти авторъ исчисляетъ слѣдующимъ образомъ: полмилліарда фр., 50,000 людей и четыре года пропавшіе даромъ для внутренняго развитія и свободы, — четыре года скуки и деморализаціи, въ теченіе которыхъ насъ угощали разсказами о Гарибальди, слабостяхъ короля galantuomo, печаляхъ папы. Взамѣнъ всего этого мы пріобрѣли неблагодарность, оскорбленія и презрѣніе тѣхъ, кого покровительствовали».

Съ другой стороны, возстановляя Италію, Франція еще болѣе работала противъ себя въ смыслѣ политическаго ея значенія.

«Очевидно, что единая Италія съ войскомъ въ 300,000 уменьшаетъ первенство Франціи со всѣхъ сторонъ. Къ пяти первенствующимъ державамъ присоединяется шестая, голосъ которой всегда будетъ противъ насъ. Мы слишкомъ близкіе сосѣди, у насъ слишкомъ много съ ней общаго, мы ей оказали слишкомъ большія услуги, чтобы она насъ любила.»

«Неблагодарность политическая есть первое право и первая обязанность».

«Въ стратегическомъ отношеніи, въ то время, какъ Испанія грозитъ намъ съ тыла, Англія, Бельгія и Голландія съ фронта, Германія, Россія и Австрія съ фланга, Италія будетъ совать намъ штыкъ въ брюхо, — единственная сторона, съ которой мы могли себя считать безопасными. Мы теряемъ наше значеніе первой католической державы, покровительницы папы...»

«Положимъ теперь, что французское войско выйдетъ изъ Рима, Австрія уступитъ Венецію—единство Италіи будетъ довершено. Думаете ли вы, что Франція и Австрія, одинаково проигравшія, захотятъ остаться безъ вознагражденія? Итальянцы, говорятъ, имѣютъ право устраиваться у себя, какъ имъ хочется, тѣмъ хуже для Франціи, если освобожденная Италія будетъ ей во вредъ. Хорошо, только само собой

разумѣется, что если Австрійцамъ придетъ мысль снова вернуться сюда, Франція не будетъ имъ болѣе препятствовать.»

«Было бы слишкомъ много, чтобы, создавъ Италію и вооруживъ ее противъ себя, мы должны были караулить ее. Я согласенъ, что Франція не потребуетъ ничего за убитыхъ при Маджентѣ и Сольферино, но сколько за дальнѣйшій караулъ? Итальянцы очень хорошо понимаютъ это, говоря: пусть императоръ завладѣетъ Рейномъ отъ Базеля до моря и Франція вступитъ въ свои естественные предѣлы, мы ей поможемъ. Съ прибавкой 8,000,000 душъ и 6,000 кв. м. она удержитъ свое мѣсто въ общемъ балансѣ».

«Я хотѣлъ бы знать, что объ этомъ думаетъ Бельгія!...»

«Я не знаю, что сдѣлаетъ Наполеонъ, но если онъ выведетъ войска изъ Рима, я буду вправѣ ему сказать, что своей политикой съ 1852 года онъ принялъ ipso facto обязательство — возвратить Франціи въ славѣ и богатствѣ то, что она потеряла въ свободѣ: la gloire, Sire, ou la liberté!»

Вотъ взглядъ автора брюссельскихъ статей. Интересно было бы знать, какое изъ двухъ предложеній избираетъ онъ самъ, славу или свободу. Судя по общему характеру его мыслей и взгляду на начало національности, кажется, здѣсь не могло быть никакого сомнѣнія. Но такъ какъ вѣрить на обумъ пикому не приходится, то усумнимся и поищемъ: къ чему клонитъ авторъ дѣло, къ славѣ или въ другую сторону?

Начнемъ съ того, что остановимся на понятіи о балансѣ, которое вводитъ авторъ въ полемику, — спрашиваемъ, что это за равновѣсіе?

Въ школѣ, конечно, всякій слышалъ, что въ Европѣ есть пять первенствующихъ державъ, которыя держатъ политическій балансъ, то-есть мѣшаютъ кому нибудь изъ своей среды взять и завоевать себѣ всю Европу, но тутъ же всякій выучилъ, что этотъ балансъ, созрѣвшій къ XIX вѣку, держалъ въ такой же непрерывной войнѣ между собою отдѣльныя государства, какая существовала и прежде при отсутствіи баланса; что онъ нарушался непрерывно то съ той, то съ другой стороны, переворачивался верхъ дномъ, и что главную роль въ этихъ переворотахъ играла Франція. Итальянское дѣло не болѣе, какъ новый актъ съ ея стороны въ нарушеніи баланса; слѣдовательно, если предположить, что роль ея въ концѣ этого дѣла должна ослабиться, то отсюда должно было быть очевидно, что ослабленіе это можетъ служить только къ усовершенствованію баланса. Было ли бы оно дѣйствительно такъ, это другой вопросъ, который находится въ зависимости отъ вѣрности идеи баланса вообще. Балансъ, который разрѣшается непрерывной войной, видимо не балансъ для народа, а развѣ для дипломаціи. Во вторыхъ, балансъ, который держится на первенствѣ, или

монополіи нѣсколькихъ державъ и изъ котораго исключены всѣ остальныя, второстепенныя, видимо не балансъ даже для государствъ или правительствъ, а іерархія. Въ третьихъ, наконецъ, балансъ, который обусловливается поддержаніемъ такихъ государствъ, какъ Турція, или Австрія, также не балансъ, потому что основывается на систематическомъ угнетеніи извѣстныхъ національностей, которымъ можетъ всегда воспользоваться первенствующая держава для нарушенія такъ-называемаго баланса.

Въ этихъ-то угнетенныхъ частяхъ заложенъ, съ одной стороны, всегда готовый источникъ для возбужденія военнаго броженія въ политикѣ, которое служитъ отводомъ для внутренняго вопроса; съ другой, первенство нѣсколькихъ державъ даетъ возможность той круговой порукѣ между ними, о которой мы говорили выше и которая приводитъ къ коалиціи или священному союзу противъ того же вопроса. Словомъ, равновѣсіе это не равновѣсіе, не естественный порядокъ, который ведетъ къ покою. Это извѣстная система, но система не мира, а напротивъ, извѣстнаго безпорядка. Здѣсь есть свое соотношеніе частей, но именно то, какое есть во всякомъ орудіи, потому что, въ самомъ дѣлѣ, это не болѣе, какъ орудіе противъ мира и внутренняго вопроса.

Послѣ такого объясненія дѣла спрашивается: что выиграла бы или проиграла собственно Франція или французскій народъ отъ возстановленія Италіи и уменьшенія ея роли въ балансѣ? Балансъ видимо существуетъ не для Франціи, какъ народа; въ этомъ смыслѣ онъ ей положительно вреденъ, и чѣмъ становится сильнѣе ея роль въ немъ, тѣмъ онъ ей вреднѣе; это доказали ей войны первой имперіи. Точно также не выгоденъ онъ и для другой стороны. Далеко нечего ходить за фактами,—любопытные могли видѣть, какъ отъ потери во внѣшнемъ вопросѣ, страна выигрываетъ во внутреннемъ, какъ малѣйшій ущербъ въ политической роли отзывался сосредоточеніемъ вниманія на внутреннихъ дѣлахъ, какъ немедленно послѣ виллафранкскаго мира Австрія приступила къ реформамъ, къ какимъ бы ни было, но все-таки приступила.

Отсюда смѣемъ заключить, что французское общество отъ уменьшенія внѣшней роли Франціи, чрезъ возстановленіе Италіи, можетъ только выиграть; а всякій знаетъ, какъ важно для цѣлой Европы сосредоточеніе Франціи на внутреннихъ дѣлахъ. Иное дѣло, конечно, диктатура Наполеона; если ей не удастся продлить итальянскаго дѣла, если ей не удастся безъ конца дѣлать, раздѣлывать и путать военный вопросъ, не давая устроиться единой Италіи, если, словомъ, завязавъ броженіе для броженія, окажется, что она неудачно выбрала мотивъ и мѣсто, и волей или неволей оборвется въ своихъ разсче-

тахъ, то она, конечно, должна будетъ потерять нѣсколько въ довѣріи французскаго общества.

Вотъ почему къ выгодамъ Франціи, къ выгодамъ всей Европы, правильнѣе было бы желать единой Италіи, хотя оно, можетъ быть, и не совсѣмъ по сердцу ни французскому, ни австрійскому правительствамъ.

Повторяя слова автора брюссельскихъ статей, мы скажемъ поэтому также: «la gloire, Sire, ou la liberté!» другой нѣтъ альтернативы, но только вѣдь одно изъ двухъ,—нельзя того и другаго разомъ,—пусть выбираетъ французское общество то, что ему кажется лучше; если оно предпочтетъ славу, пусть въ такомъ случаѣ протестуетъ противъ единства Италіи, но затѣмъ пусть не жалуется на тѣ мелкія непріятности, которыя ощущаетъ ежедневно спиной, пусть не ждетъ, что диктатура вернетъ націи тѣ гарантіи, которыя у нее отняты вотъ уже десять лѣтъ, займется общинной и мѣстной реорганизаціей и т. д.

Теперь становится уже отчасти ясно, въ чемъ мы расходимся съ авторомъ брюссельскихъ статей, или лучше, въ чемъ онъ начинаетъ расходиться самъ съ собой. Основная цѣль у насъ одна: это возвращеніе Франціи и Европы къ своимъ внутреннимъ дѣламъ; различно мы смотримъ только на средства. Мы полагаемъ, что средства должны соотвѣтствовать цѣли, и потому должны имѣть въ виду интерессы французскаго народа — онъ полагаетъ на оборотъ, что можно имѣть цѣлью французскій народъ и предлагать средства, противныя народу и выгодныя диктатурѣ.

Мы полагаемъ, что возвращеніе къ внутренней жизни для Франціи невозможно безъ чувствительной внѣшней неудачи, безъ мира вынужденнаго, и въ этомъ смыслѣ считаемъ единую Италію не дурнымъ шагомъ къ такому миру и къ довольно сильному урону французскаго правительства. Авторъ брюссельскихъ статей, какъ французъ и, слѣдовательно, человѣкъ тщеславный, никакъ не соглашается на такой уронъ и думаетъ, что дѣло можетъ придти къ тому же какимъ бы то ни было прекращеніемъ военныхъ дѣйствій въ Италіи, лишь бы онѣ прекратились.

Съ этой цѣлью онъ и предлагаетъ, намѣсто единой Италіи, итальянскую федерацію подъ покровительствомъ Наполеона.

Здѣсь намъ придется разобрать двѣ вещи: во-первыхъ, можетъ ли какой бы то ни было конецъ военныхъ дѣйствій въ Италіи служить залогомъ дѣйствительнаго мира для Франціи и, во-вторыхъ, чѣмъ федерація удовлетворительнѣе единой Италіи?

На первый вопросъ мы почти уже отвѣтили. Если бы все дѣло состояло только въ какомъ бы то ни было мирѣ и окончаніи итальянскаго вопроса, для обращенія французской политики къ внутреннимъ

дѣламъ, то отчего бы эта политика не остановилась на тѣхъ же дѣлахъ въ 1852 году, когда не было на сценѣ ни восточнаго, ни итальянскаго вопросовъ. Если эта политика имѣетъ причины желать войны, то она естественно будетъ желать ее до тѣхъ поръ, пока это будетъ только возможно.

Возможность эта можетъ уничтожиться только въ двухъ случаяхъ: или вслѣдствіе внутреннихъ обстоятельствъ, или внѣшнихъ. Но на внутреннія обстоятельства пока можно мало разсчитывать; самъ авторъ говоритъ о нихъ слѣдующее: «народъ постится и мечтаетъ, буржуазія отправляетъ пищевареніе и храпитъ, юность куритъ и волочится, солдатъ скучаетъ, общественное мнѣніе пусто, политическая жизнь гаснетъ, стало быть, остается одна надежда на внѣшнія обстоятельства». Въ этихъ видахъ мы вправѣ еще задать вопросъ: согласился ли бы Наполеонъ приложить руку къ итальянской конфедераціи, а главное, служило ли бы это залогомъ мира и обращенія политики къ внутреннимъ дѣламъ?

Но положимъ, что дѣло бы совершилось, — что̀ выигралъ бы отсюда внутренній вопросъ Европы? Авторъ полагаетъ, что это привело бы къ перестройкѣ на конфедераціонный ладъ всей европейской карты, и что вопросъ былъ бы на сто, по крайней мѣрѣ, верстъ ближе къ своей развязкѣ.

«Раздѣленіе государствъ на большія и малыя, говоритъ онъ, даетъ мѣсто двумъ системамъ въ политическомъ устройствѣ: централизаціонному и федеративному. Первая система ведетъ къ раздѣлу Европы и слѣдовательно всего глобуса между пятью или шестью державами, основанному на административной субординаціи, на поглощеніи всякой національности и свободы. Это новаго рода феодализмъ, душей котораго становится іудейско-сенсимонистская банкократія и «Opinion Nationale» лучшимъ органомъ. Она вяжется съ усиленными налогами, бюрократіей, дороговизной правительства для народа, буржуазіей и т. д.»

«Цѣль федеративной системы другая: она стремится дать каждой національности, каждой провинціи наибольшую степень независимости, каждому индивидууму наибольшую степень свободы.»

«Какая изъ двухъ системъ одержитъ верхъ, это будетъ зависѣть отъ того, захочетъ ли современный человѣкъ продолжать дѣло своего освобожденія, дорожить самостоятельностію своей мысли, труда, богатства; или онъ захочетъ лучше вернуться къ системѣ іерархіи, денегъ и т. д.; словомъ, къ феодальному милитаризму, гдѣ всѣмъ командуетъ государство и личному смыслу нѣтъ мѣста.»

«Отсюда, если человѣчество только пойдетъ по пути свободы индивидуальной, корпоративной, мѣстной, общинной и т. д., то должно

неизбѣжно выйти, что большія государства потеряютъ свой централизаціонный характеръ и приблизятся къ федеративной формѣ. Нужно ли послѣ этого договаривать, какая форма изъ двухъ имѣетъ мое сочувствіе?»

Все это, словомъ, точно такъ, какъ объяснялъ когда-то «Русскій Вѣстникъ» по Гнейсту, — только онъ не доходилъ до такого вывода относительно международнаго права, а въ прочемъ все схоже.

Послѣ этого ясно, что, принимая федераціонную форму, Италія беретъ на себя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, инииціативу въ новой системѣ, которая должна смѣнить старую, и весь европейскій вопросъ шагнетъ разомъ отъ этого на сто верстъ къ своей развязкѣ.

Полно такъ ли?

Увлекаясь Гнейстомъ, авторъ забылъ, что вотъ 16 вѣковъ, какъ Италія ждала такой передѣлки и, слѣдовательно, научена разсчитывать на подобныя обѣщанія.

И такъ, пока передѣлка общей карты, по означенному плану, еще впереди, посмотримъ, что бы она выиграла, повѣривъ на слово федераціи въ настоящую минуту. Папа остался бы потентатомъ въ Римѣ, Бурбоны въ Неаполѣ, Викторъ-Эммануилъ въ Піемонтѣ, прочіе герцоги на своихъ мѣстахъ; кто сѣлъ бы въ Ломбардіи и Венеціи, — это вопросъ, который оставалось бы рѣшить.

Положимъ, и это бы разрѣшили; что выиграла бы страна отъ конфедераціи противъ прежняго положенія? ничего, кромѣ отнятія Ломбардіи и Венеціи у австрійцевъ и замѣны Австріи кѣмъ нибудь другимъ. Была ли бы возможна, при такомъ порядкѣ, какая-либо связь между частями, если все осталось бы при томъ средневѣковомъ раздѣленіи, которое обусловливало всѣ политическія невзгоды Италіи? Съ этой стороны, стало быть, идея итальянской федераціи, какъ ряда княжествъ, связанныхъ протекторствомъ Франціи во всѣхъ своихъ частяхъ и всѣхъ проявленіяхъ быта, отъ политическаго до семейнаго, конечно, могла найти много приверженцевъ въ любой казармѣ зуавовъ, но не могла найти сочувствія ни въ одномъ французѣ, который бы понималъ другіе интересы Франціи, кромѣ ея внѣшней славы.

Мы знаемъ все, что было сказано авторомъ о милитарности и буржуозности единой Италіи, и согласились съ этимъ вполнѣ; вопросъ въ томъ только, исключается ли все это конфедераціей? Разъ, эта конфедерація будетъ состоять подъ протекторствомъ Франціи и представляться бурбонами, папой и т. д., т. е. слѣдовать во всемъ французской политикѣ, — гдѣ же надежда, что эта конфедерація будетъ лишена милитаризма, если сама Франція и буржуазія и милитарна и антисоціальна? Ссылки на сравнительную дешевизну для народа конфедераціи такъ же странны, какъ и все остальное. Будто мы въ са-

момъ дѣлѣ не видѣли конфедерацій? Передъ глазами германскій союзъ и Швейцарія. Гдѣ меньше платитъ народъ, гдѣ онъ лучше живетъ изъ всѣхъ государствъ запада, рѣшить трудно,—въ царствѣ короля д'Ивето у Беранже въ пѣснѣ, вотъ развѣ единственное мѣсто, гдѣ ему не солоно. Что же, будто въ той же Германіи или Швейцаріи нѣтъ филистерства и милитаризма? Гдѣ же болѣе, какъ не тамъ, народъ голодаетъ и мечтаетъ, буржуазія храпитъ, войско скучаетъ, а юность куритъ, и даже волочиться-то неумѣетъ порядочно, а только штудируетъ. Взявъ вопросъ съ другой стороны, стоитъ спросить: гдѣ болѣе созрѣли общественные вопросы: въ централизированной Франціи или въ федеративной Германіи. Французскій буржуа уже слышалъ кое-что о нихъ, и готовился къ нимъ; поговорите о томъ же съ нѣмецкимъ филистеромъ: для него они еще eine dummheit. Хотите доказательства: первый пропиваетъ, проѣдаетъ и проигрываетъ въ настоящую минуту, чтобы ничего не потерять изъ накопленнаго, второй — еще копитъ. Итакъ вся разница между единствомъ и федераціей для Италіи будетъ состоять въ томъ, что въ первомъ случаѣ мы получимъ государство, которое волей или неволей будетъ вовлечено въ одинъ и тотъ же внутренній вопросъ съ Европой, во второмъ — рыхлый союзъ мелкихъ монархій безъ инаціативы, подчиненный французской монополіи, который будетъ служить лишнимъ орудіемъ, лишней поддержкой въ рукахъ политическаго баланса; который будутъ эксплуатировать по частямъ (en detail) папа, бурбоны, Викторъ-Эммануилъ и en gros французское министерство. Это будетъ также единая Италія, только единство ея будетъ проживать не въ Римѣ, не въ Туринѣ, а въ Тюильерійскомъ дворцѣ, несравненно лучшемъ центральномъ пунктѣ для столицы, чѣмъ Римъ,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Понятно ли теперь, какъ, думая служить Франціи, авторъ служитъ только французскому кабинету, какъ думая закричать совсѣмъ другое, онъ кричитъ изъ всѣхъ силъ: «la gloire, sire, la gloire!» Слова нѣтъ, есть федераціи и федераціи, есть американская и есть германская, какъ есть централизаціи, и централизаціи—есть англійская и есть австрійская; мы не стоимъ особенно ни за тѣ ни за другія ни въ частности, ни вообще, только вотъ въ данномъ случаѣ, гдѣ, вмѣсто сущности, намъ предлагаютъ компромиссы, при той системѣ баланса, въ которой имѣютъ голосъ только централизаціи, федерація кажется намъ вещью не много рискованною, дающею странѣ, въ общей игрѣ, только карту вассальнаго государства. Такъ ли былъ послѣ этого глупъ Мадзини, помышляя о единой Италіи и принимая этотъ послѣдній компромиссъ?

Такъ ли былъ наивенъ Гарибальди, не признавая папы и принимая пособія англичанъ, думая о томъ же единствѣ Италіи! Наивность

его была другого рода—именно въ томъ убѣжденіи, что это единство можетъ быть создано съ помощью одной идеи національности. Между тѣмъ Гарибальди имѣлъ два раза случай убѣдиться, какъ эта идея не народна, а исключительна. При Аспромонтѣ съ нимъ не оказалось народа, оказались одни волонтеры, но волонтеры еще не народъ. Когда греки, черногорцы и сербы начали свое дѣло, самъ Гарибальди только думалъ о Римѣ. Когда онъ выступилъ на сцену и въ свою очередь обратился къ венгерцамъ, что ему отвѣтили Клапка и Коштъ? то же почти, что Мадзини отвѣтилъ когда-то полякамъ: что итальянская демократія не имѣетъ ничего общаго съ польскимъ шляхетствомъ. Итакъ chacun chez soi chacun pour soi, вотъ девизъ національности, то-есть тотъ же самый, какъ у буржуазіи. Удивительно ли, послѣ этого, что послѣдняя такъ близко принимала къ сердцу національный вопросъ? Во Франціи онъ ей давалъ время хранѣть и проживаться, въ остальной Европѣ храпѣть и копить; онъ ее оставлялъ въ покоѣ—все, что ей было нужно. Спросите, сколько она пожертвовала изъ прожитаго или накопленнаго на раненыхъ волонтеровъ, на пособіе тому же единству? — нуль....

При такомъ положеніи дѣла ясно, что лучше было ничего не говорить, чѣмъ предлагать федерацію.

«Мадзини, говоритъ авторъ, фюльминировалъ прокламацію, въ которой разрывалъ снова связь съ Викторомъ-Эммануиломъ и обѣщалъ приняться за систему заговоровъ. Послѣ глупости, которую онъ сдѣлалъ, вступивъ въ союзъ съ піемонтскимъ правительствомъ, болѣе не заговариваютъ, а исчезаютъ». Вправѣ ли мы съ своей стороны спросить, можно ли писать, разъ увлекшись Гнейстомъ, взявъ биржевой фальцетъ, заклиная другихъ отъ филистерства, крикнувъ во все горло: назадъ въ рыцарство, вооружаясь противъ милитаризма за народъ и порядокъ, или остается только исчезнуть? По строгой логикѣ, вѣдь это выходило такъ: чего мнѣ не нужно, того и подайте. Но мы будемъ уступчивѣе: отчего не писать? кому не случалось заблудиться, если не въ лѣсу, то въ собственныхъ мысляхъ?

Вотъ къ чему однако ведутъ компромиссы и такъ-то обрываются съ ними самые смѣлые публицисты въ политическихъ вопросахъ.

Соберемъ однако наши собственныя мысли, чтобы отдѣлить по крайней мѣрѣ сферу компромиссовъ отъ сущности.

Изъ всего нами сказаннаго пусть поймутъ слѣдующее:

Національное начало, какъ чисто политическое, а не народное или общественное, не въ состояніи прямо помочь ни въ чемъ внутреннему европейскому вопросу, или принести что-либо для народа. Не имѣя за собой по этому самому народа, оно не въ состояніи, само по себѣ, возстановить независимости частей Европы, подавленныхъ

системой баланса, а только можетъ служить предлогомъ для поддержанія милитаризма, во внѣшней политикѣ, тому изъ первенствующихъ правительствъ, которое считаетъ это для себя выгоднымъ, наравнѣ со всякой другой дипломатической причиной. Въ этомъ видѣ дѣйствительно возстановленіе самобытности подавленныхъ частей совершенно зависитъ отъ политической случайности и можетъ не совершиться. Возстановленіе въ формѣ сильнаго политическаго цѣлаго несравненно выгоднѣе, потому что положеніе федеральныхъ или второстепенныхъ государствъ, подъ покровительствомъ первенствующихъ державъ баланса, не дастъ возстановленному никакой роли или голоса; потому что второстепенныя или федеративныя государства сами еще, собственно говоря, требуютъ возстановленія, потому еще, что возстановленныя съ полной самобытностью государства вовлекаются тѣмъ самымъ ближе въ общій внутренній вопросъ Европы.

Такимъ образомъ все лучшее, что можетъ сдѣлать національное начало, это, при весьма гадательныхъ политическихъ случайностяхъ, послужить предлогомъ для образованія новаго милитарнаго или буржуазнаго цѣлаго, отчего выиграетъ часть, но не выиграетъ еще цѣлое.

Затѣмъ дѣйствительное и независящее отъ политическихъ случайностей улучшеніе народнаго быта и освобожденіе подавленныхъ балансомъ частей можетъ совершиться только черезъ народное начало, которое есть чисто хозяйственное. Это можетъ произойти или черезъ общее обращеніе дѣлъ Европы къ внутреннему вопросу, который и есть собственно народный вопросъ:—тутъ сами собою сгладятся политическія отличія, исчезнутъ шероховатости, составляющія подавленность,—или обратно: если бы, напримѣръ, итальянскому народу принесены были положительныя и хозяйственныя гарантіи, за которыя онъ могъ бы стоять тверже и единодушнѣе, чѣмъ за голую идею національной самобытности, отъ которой нѣтъ ничего легче, какъ закупить народъ чуждому владычеству въ свою пользу хозяйственными льготами и облегченіями. Въ этомъ отношеніи національное начало нигдѣ, какъ мы слышали, не шло далѣе обѣщанія выкупа земли фискомъ; спрашивается, кто внесетъ фиску деньги на этотъ выкупъ?

О экономисты!

Какъ бы то ни было, взвѣсивъ все это, нельзя не согласиться, какая темнота царитъ еще въ политической логикѣ либераловъ. Во всякомъ случаѣ можно сказать одно, что народъ станетъ (въ Италіи) за то только движеніе, которое принесетъ ему чисто народныя гарантіи, а иначе дѣло не обойдется безъ милитаризма или буржуазіи, если еще Италія сбудется....

Ю. ЖУКОВСКІЙ.

ЗАКОУЛОКЪ.(*)

(*Посвящ. М. Н. Коптевой*).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ВЪ КОРПУСѢ.

— Послѣ класса на верхъ! Тамъ тебѣ казенное бѣлье и платье дастъ каптенармусъ, говоритъ низенькій дежурный офицеръ, крутя рыжіе усы и сумрачно глядя на меня своими зелеными глазами, какъ бы изучая меня.

Я стоялъ въ своей штатской курточкѣ, въ огромномъ, свѣтломъ залѣ роты, какъ ошпаренный. Кругомъ столько лицъ, я еще отъ роду не бывалъ въ такомъ большомъ обществѣ. Что-то гудитъ, шумитъ кругомъ, стонъ какой-то въ ушахъ стоитъ....

— Я не знаю-съ, куда на верхъ, замѣтилъ я робко.

— По лѣстницѣ, отвѣчалъ коротко рыженькій офицеръ, растягивая и распѣвая слова.

— Я не знаю, гдѣ лѣстница.

— Глупъ, рѣшилъ тотъ и затѣмъ крикнулъ: — Ивинъ!

(*) Считаю нужнымъ предупредить, что какъ лицо разсказчика, такъ и вообще остальныя лица — вымышленныя.

Къ намъ подошелъ, или лучше подбѣжалъ блѣдненькій, миловидный кадетикъ, съ ярко-вычищенными пуговицами на курткѣ, и широко раскрылъ сѣрые, большіе глаза.

— Проводить послѣ классовъ эту курточку на верхъ, приказалъ офицеръ, — и сей часъ же назадъ — слышите?

— Слышу-съ, отвѣчалъ тотъ и, взглянувъ на меня, пошелъ.

Я сѣлъ у какого-то стола.

— Штатскій! Штафирка! Сертучокъ! говорили мнѣ тихонько.

— Штàхенъ! угораздило сказать кого-то такъ громко, что офицеръ оборотился.

— Нероновъ! Безъ блюда! рѣшилъ офицеръ.

Нероновъ, некрасивый, широкоплечій кадетикъ, весь еще смѣясь, всталъ.

— Я нечаянно-съ, — простите.

— Садись! крикнулъ офицеръ.

Но въ это время Нероновъ вспомнилъ, должно быть, что-то очень ужь смѣшное, потому что вдругъ фыркнулъ изо всей мочи.

— Безъ двухъ блюдъ! методически крикнулъ офицеръ.

Всѣ, вокругъ стола, весело засмѣялись.

— Второй столъ на штрафъ!

За столомъ Неронова встали.

Офицеру скучно, должно быть, стало. Онъ сѣлъ въ кресло около стола.

— Черневскій! громко крикнулъ онъ.

Я еще не привыкъ слышать свою фамилію, и растерянный оглядывался.

— Тебя зовутъ, иди! заговорили кругомъ.

Я подошелъ къ креслу.

— Молитву передъ обѣдомъ!

Я не понималъ и молчалъ.

— Читай молитву передъ обѣдомъ!

Я терзался и молчалъ.

— Не знаешь? А сколько тебѣ лѣтъ?

— Не знаю-съ.

— А въ которомъ году родился?

— Въ 39-мъ-съ.

— Глупъ! рѣшилъ офицеръ.

Я ужасно мучился и смотрѣлъ кругомъ, какъ-то ничего не видя. Къ счастію ударилъ очень громко, раздаваясь по корридорамъ, барабанъ.

— Строиться въ классы! крикнулъ офицеръ, вставая и взявъ каску.

Всѣ встали съ своихъ мѣстъ, забрали книги и тетради и стали въ два ряда.

Тутъ только я замѣтилъ, что было нѣсколько человѣкъ съ нашивками на погонахъ. Фельдфебель, величественный и положительный господинъ, съ линейкой въ рукахъ, началъ считать ряды.

— Становись тутъ гдѣ нибудь пока съ краю, сказалъ онъ мнѣ, почти не удостоивъ меня взглядомъ.—Ну, ты, дѣвчонка, не школьничать! прибавилъ онъ, обращаясь къ одному кадету, и слегка ударилъ его линейкой по плечу.

— Не буду, не буду! отвѣчалъ тотъ, дѣлая хорошенькую гримаску.

Это былъ прехорошенькій, розовый мальчикъ, съ свѣтлыми блестящими глазками. Я взглянулъ на него внимательно и онъ мнѣ ужасно понравился.

А онъ, въ самомъ дѣлѣ, похожъ на дѣвочку, подумалъ я.

— На-право! Маршъ! скомандовалъ офицеръ.

Мы шли длинными широкими корридорами. Пахло въ нихъ дегтемъ и мастикой; во всю длину пола въ корридорахъ были постланы веревочные ковры, пропитанные дегтемъ. Въ чистыхъ высокихъ окнахъ ярко свѣтило солнце,

— Иди сюда, сказалъ мнѣ фельдфебель, указывая на дверь и уходя въ свой классъ.

Я вошелъ въ какую-то комнату, большую, чистую и свѣтлую, уставленную рядами столовъ со скамьями и увѣшанную большими черными досками. Кругомъ шумѣли и говорили кадеты.

Оглянувшись, я увидѣлъ Неронова, очень ловко прыгавшаго черезъ высокую скамейку, не извѣстно для чего. Его некрасивое смуглое лицо такъ и прыскало смѣхомъ. Около кафедры, хорошенькій кадетикъ, оказавшійся тоже со мной въ одномъ класеѣ, чинилъ перо такъ внимательно, что даже кончикъ языка выставилъ.

Я робко подошелъ къ нему.

— Какой у насъ сегодня учитель будетъ? спросилъ я.

— Французъ! отвѣчалъ тотъ, взглядывая на меня, и сдѣлалъ раскепъ.

— Что же мнѣ теперь дѣлать?

— Что мы всѣ будемъ дѣлать, отвѣчалъ тотъ просто.

— Какъ же это?

— А вотъ увидишь. Это пустяки, — а ты вотъ тетради попроси чистой—тебѣ выдадутъ. Тебѣ-то нужно только одну, а ты возьми двѣ. Одну мнѣ отдай; хорошо? Смотри же!

Онъ такъ все это ласково проговорилъ, что мнѣ ужь хотѣлось за одно то, что онъ меня не гонитъ и не дразнитъ, сдѣлать ему что-нибудь пріятное.

— Ну да, я отдамъ тетрадь, поспѣшилъ я сказать, избѣгая мѣстоименія.

— Садись со мной, сказалъ онъ, внимательно глядя на меня:— я тебѣ покажу, какъ тетрадь надписывать.

Мое сердечное желаніе сѣсть около того, кто меня такъ приласкалъ, исполнилось само собой...

— Тише, тише, господа! Французъ!

Въ классъ входила низенькая, странная фигурка съ линейкой въ рукѣ, со взъерошенными сѣдыми волосами и очень смѣшнымъ лицомъ.

— Мусье! Бон-журъ! слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Silence! крикнулъ онъ, становясь въ позу и поднимая линейку: Silence!

Всѣ повскакали съ мѣстъ, кромѣ трехъ-четырехъ человѣкъ и въ томъ числѣ моего новаго пріятеля.

— Мусье! кричалъ Нероновъ:—какой у меня прононсъ сталъ! я ходилъ къ доктору показываться, онъ не велѣлъ ломать языкъ. У васъ, говоритъ, и то языкъ бѣлый. Видите — вонъ какой. И Нероновъ высунулъ языкъ. Классъ загрохоталъ.

— Silence! крикнулъ учитель, не перемѣняя позы, и линейкой вдругъ ударилъ по первой попавшейся головѣ.

— Дерется! раздался крикъ, и тутъ я ужь перестал понимать, что дѣлается, по непривычкѣ къ такому шуму. Нероновъ зачѣмъ-то становился на голову, ему это не удавалось, и онъ съ шумомъ падалъ на полъ. Два кадета начали бороться и одинъ нарисовалъ мѣломъ на доскѣ очень похожую фигуру учителя.

— Ah, misérable! кричалъ учитель, бѣгая за учениками съ линейкой въ рукѣ и колотя попавшихся: — на мѣсто! на мѣсто!

Начало понемногу стихать. Раскраснѣвшіеся мальчуганы усѣлись и раскрыли какія-то книжки.

Учитель сталъ посреди класса съ линейкой.

— Commencez! крикнулъ онъ и началъ декламировать.

Я съ изумленіемъ услышалъ какіе-то странные звуки. Весь

классъ хоромъ на разные голоса, не исключая и моего пріятеля, началъ что-то пѣть.

Со-ба-ка̀ — le chien! буквально пѣлъ классъ.

Со-ба-ка̀ — le chien!

Но вдругъ Нероновъ вывелъ такую диковинную руладу пронзительнѣйшимъ дискантомъ, что учитель, не перемѣняя позы и въ тактъ концерту, ударилъ его два раза по головѣ и съ одушевленіемъ продолжалъ дирижировать.

Когда мы пропѣли такъ нѣсколько словъ, прошло довольно времени. Барабанъ ударилъ, и всѣ стали подниматься.

— Мусье! сказалъ мой пріятель, подходя къ учителю — вотъ новичокъ, ему три тетради надо...

— Trois cahiers! пронзительно крикнулъ учитель, такъ что я испугался: — ви, Юкафъ, мошельничество! Trois cahiers! повторилъ онъ, качая головою съ одушевленіемъ и негодованіемъ.

Я потерялъ его изъ виду, но Юковъ куда-то сбѣгалъ и принесъ-таки три тетради, посовѣтовавъ мнѣ просить у всѣхъ учителей тетради, и если я съ нимъ друженъ, то отдавать ему лишнюю.

. . . .

Вечеромъ по корридорамъ зажгли лампы. Мы выходили изъ классовъ.

Къ фельдфебелю, считавшему ряды, подошелъ миловидный кадетъ, котораго утромъ офицеръ назвалъ Ивинымъ. Тутъ только замѣтилъ я, какъ, при огнѣ лампы, полосками сверкнули нашивки у него на погонахъ.

— Мнѣ велѣно нынче свести новичка этого — перемѣнить платье, сказалъ онъ.

— Веди, отвѣчалъ фельдфебель ему, останавливаясь: — да спроси у него молитвы. Тотъ говоритъ: дуракъ какой-то — ничего не знаетъ!

Мнѣ стало ужасно грустно, что обо мнѣ такъ думаютъ.

— Удаловъ, Удаловъ! крикнулъ Ивинъ, возьми вещи, отнеси въ ящикъ, пожалуйста.

Изъ-за фронта на зовъ Ивина показался чрезвычайно молодцоватый ефрейторъ. Фамилія шла къ нему. Въ немъ было, въ самомъ дѣлѣ, что-то смѣлое, удалое. Куртка сидѣла не такъ, какъ на другомъ, а какъ-то красиво. Впрочемъ есть такіе, на которыхъ, что ни надѣнь — все красиво.

— А ты куда, Ивушка? спросилъ онъ, подходя къ Ивину нѣсколько развалистой походкой, которая къ нему очень шла.

— Вотъ новичка платье перемѣнить веду.

У меня сердце замерло отчего-то.

Во фронтѣ слышался во всемъ батальонѣ глухой говоръ. Кадеты собирались.

— Молчать! крикнулъ высокій офицеръ, стоя передъ фронтомъ, который ровно вытянулся во всю длину корридора.—Молчать! 2-я рота!

Удаловъ подошелъ ко мнѣ съ Ивинымъ.

— Чтожь это ты молитвъ-то не знаешь — а? какъ же это ты? спросилъ онъ меня небрежно. Ты, значитъ, не молишься, не вѣришь? Да?

— Ну, полно, отстань, говорилъ Ивинъ, полуулыбаясь: — видишь — испугался!

— Это ты какъ же послѣ обѣда? чай, лобъ-отъ перекрестишь, продолжалъ Удаловъ: — слава, молъ, тѣ, Господи, — полопалъ!

— На-право! крикнулъ высокій офицеръ. Всѣ повернулись.

— Маршъ! По корридорамъ мѣрно загудѣли шаги.

Мы съ Ивинымъ, отдѣлившись отъ роты, пошли наверхъ въ огромную спальню, тускло освѣщенную закрытыми ночными лампами. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я, какъ въ два ровные ряда стройно стояли желѣзныя кровати, раздѣленныя комодиками. Далеко гдѣ-то на самомъ концѣ спальни стояла свѣчка и ходилъ какой-то солдатъ.

— Послушай! крикнулъ Ивинъ, — вотъ бѣлье и платье новичку!

— Сейчасъ принесу, не ходите въ цейхгаузъ, крикнулъ солдатъ.

— Ты, кажется, здѣсь будешь по росту спать, сказалъ Ивинъ, садясь на кровать въ ожиданіи каптенармуса: — отдѣленный у тебя будетъ сердитый, прибавилъ онъ съ участіемъ.

Я обрадовался его участію, потому что чувствовалъ себя совсѣмъ чужимъ здѣсь.

— А вы тоже отдѣленный? спросилъ я.

— Говори мнѣ «ты». Нѣтъ, я десяточный, сказалъ онъ, потупившись:—да и то скоро смѣнятъ. Плохой я начальникъ, прибавилъ онъ, мило улыбаясь.

— За что же? спросилъ я, все еще не рѣшаясь сказать ему «ты».

— Да ужь за что нибудь... Ты, я думаю, скучаешь теперь по дому, по своимъ? спросилъ онъ особеннымъ какимъ-то голосомъ.

Мнѣ не хотѣлось передъ нимъ показаться нюней.

— Нѣтъ, мнѣ очень хотѣлось быть кадетомъ, сказалъ я: — мнѣ не жалко ничего дома.

— Вотъ какъ! сказалъ Ивинъ и вдругъ всталъ.

— Вонъ — надѣвай платье.

Я началъ одѣваться и, поглядѣвшись въ зеркало, нашелъ, что въ кадетскомъ платьѣ я лучше.

— Ну, вотъ и хорошо, сказалъ Ивинъ, оглядѣвъ меня, и вдругъ остановился: — трудно тебѣ будетъ сначала, Удаловъ твой отдѣленный унтеръ-офицеръ, прибавилъ онъ задумчиво: — Удаловъ хорошій, только съ нимъ трудно. А ужь этотъ вашъ рыжикъ... (онъ махнулъ рукой) будь опрятнѣе, не рви платье, молитвы учи, да и все дѣлай, а то чтó сто лѣтъ безпогонникомъ-то ходить!

У меня въ самомъ дѣлѣ не было погоновъ на курткѣ.

— Когда-жь мнѣ ихъ дадутъ?

— А вотъ заслуживай, поступай во фронтъ, учись хорошо, сказалъ Ивинъ, уже идя внизъ и улыбаясь.

II.

Я ужасно страдалъ первое время. Рыженькій офицеръ, мой отдѣленный, все наказывалъ меня, и я вѣчно голодалъ, потому что у меня совершенно неестественно какъ-то рвалось и пачкалось платье, и ружейные пріемы мнѣ трудно давались. Удаловъ, который самъ ходилъ всегда очень чисто и былъ отличный фронтовикъ, ненавидѣлъ неряхъ и слабыхъ. Насъ было человѣка три въ отдѣленіи совсѣмъ потерянныхъ.

— Ну вы! маршъ чиниться! Лохмотники! относился онъ къ намъ почти съ презрѣніемъ.

— Ты его загоняешь, говорилъ разъ Ивинъ: — вѣдь онъ еще вновѣ.

— Есть объ чемъ толковать, отвѣчалъ Удаловъ: — дрянь, сволочь какая-то!

Ивинъ со мной незаговаривалъ, да онъ вѣчно былъ занятъ, или уроками, или дежурствомъ по ротѣ, или вѣчно былъ въ кружкѣ фельдфебеля и лучшихъ кадетъ, хотя только однимъ классомъ былъ выше меня. Его, видимо, всѣ любили и всѣ какъ-то сами къ нему подходили, а не онъ къ другимъ. Къ кружку его я и думать не смѣлъ подойти. Ивинъ былъ мнѣ не ровня. Но когда говорилъ со мной — всегда такъ хорошо! Нероновъ мнѣ нравился, но я его побаивался — очень ужь боекъ былъ...

Одинъ, съ кѣмъ я сошелся и кто мнѣ нравился, — это хорошенькій Юковъ. Но одно обстоятельство сдѣлало измѣненіе въ отношеніяхъ моихъ къ нему.

Разъ, между классами, въ наше отдѣленіе зашелъ одинъ большой кадетъ гренадерскій роты, извѣстный своею силою и вліяніемъ въ старшемъ классѣ. Онъ ходилъ всегда переваливаясь и нѣсколько засучивъ рукава.

Изъ большихъ классовъ къ намъ никогда не заходили, и потому мы окружили силача съ любопытствомъ.

— Прочь, мелюзга! крикнулъ онъ, раздвигая насъ.

Мы разступились.

— Кто тутъ у васъ Юковъ? спросилъ онъ, ступивъ самъ впередъ.

— Вотъ Юковъ, вотъ Юковъ! подвернулся было схватить силача за руку Нероновъ, и за таковую дерзость получилъ тумака, но получилъ его, какъ нѣчто должное и тотчасъ же забѣжалъ съ другой стороны.

Юковъ весь вспыхнулъ до ушей и наклонился къ книгѣ.

— Ну, подними-жь голову! говорилъ силачъ, кладя могучую руку на плечо Юкова.

Тотъ поднялъ раскраснѣвшееся личико и застѣнчиво улыбнулся.

— Хорошенькій! замѣтилъ силачъ благосклонно и провелъ ему тихонько рукой по волосамъ противъ шерсти.

— Писаный, мазаный! кричалъ Нероновъ: — пряникъ вяземскій!

Силачъ сталъ было выходить, но пріостановился.

— Какъ тебя тамъ? пришибу! крикнулъ онъ: — я тѣ дамъ приставать!...

. . . .

Прошло мѣсяца два.

Я ужь началъ понемногу и оглядываться. Для меня перестало

быть чѣмъ-то особеннымъ мое жительство въ корпусѣ, а стало дѣломъ совсѣмъ будничнымъ. Со мной ужь разговаривали, и я наконецъ получилъ погоны.

Одно, что меня сокрушало, это то, что я никакъ не могъ выдти по фронту изъ слабой команды и стать со всѣми тѣми молодцами, которые такъ ровно и стройно идутъ шеренгой по залѣ.

Начальство мое ближайшее, кромѣ Удалова, было: рыженькій офицеръ и высокій ротный командиръ съ длинной шеей и весьма наивнымъ какимъ-то видомъ. Съ ними были у меня престранныя сношенія. Онѣ ограничивались, можно сказать, наказаніями. Утромъ до завтрака, еще при лампахъ, насъ осматривали. Нѣкоторые, очень немногіе, были избавлены отъ осмотра, какъ постоянно опрятные. Я, конечно, не былъ въ ихъ числѣ.

Рыженькій офицеръ, крутя усы, становился въ позу полководца.

— Куртки! кричалъ онъ намъ.

Мы снимали куртки, и онъ ихъ осматривалъ.

— Черневскій безъ булки! кричалъ онъ.

— Сапоги!

Мы снимали сапоги.

— И безъ чаю! прибавлялъ офицеръ, методически распѣвая и усматривая что-то на сапогѣ.

Но для меня постоянно оставалось тайной, какъ онъ отыскивалъ такія крошечныя прорѣхи, которыхъ я никогда не могъ увидѣть. Нѣкоторое время я имѣлъ серьезное подозрѣніе, что, осматривая куртку, онъ самъ ее рветъ, чтобы наказать.

Первое время Удаловъ иногда подходилъ ко мнѣ.

— Ты, братъ, говорилъ онъ небрежно: — и вкусъ-то булочный позабылъ. Не для себя, ты бы хоть для булокъ-то поопрятнѣй ходилъ!

Но потомъ это стало такъ обыкновенно, что онъ ужь ничего не говорилъ.

Одинъ разъ мнѣ задалъ рыженькій офицеръ выучить имена и фамиліи всѣхъ корпусныхъ начальниковъ. Но, не зная ихъ въ лицо, а нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ генераловъ главнаго штаба корпуса, не имѣя даже надежды видѣть когда нибудь лично, я никакъ не могъ запомнить и все мѣшалъ имена. Онъ сдѣлалъ изъ этого даже предлогъ для остроумія.

— Постойте! говорилъ онъ, останавливая напримѣръ какого нибудь офицера, при мнѣ:—онъ васъ Иваномъ Сергѣичемъ зоветъ.

— Ха, ха, ха! отвѣчалъ тотъ: — какъ же это вы, батюшка? какъ же это?

— На штрафъ! рѣшалъ рыженькій офицеръ.

Я почти ужь заранѣе становился

Удалову онъ велѣлъ меня спрашивать имена начальниковъ и молитвы.

Тотъ, имѣя и своихъ много занятій, наконецъ вышелъ изъ терпѣнія.

— Да никогда онъ не выучитъ именъ этихъ, говорилъ онъ офицеру: — вотъ поживетъ, всѣхъ узнаетъ поневолѣ.

— Не разсуждайте! ровнымъ голосомъ протянулъ офицеръ.

Но молитвы и сигналы — вотъ было настоящее мученіе для меня! Рыженькій хотѣлъ, кажется, просто быть моимъ законоучителемъ. Удаловъ, бывало, переспроситъ меня всѣ молитвы, говоритъ, что я ихъ знаю, и садится уже, заткнувъ уши, за книгу.

— Отче нашъ! говоритъ рыженькій.

Прочтешь.

— Молитву Господню!

Прочитавъ сейчасъ «Отче нашъ», я ужь думаю, что это какая-нибудь другая молитва, и мучусь, припоминая.

— Не знаешь, рѣшаетъ тотъ: — третій членъ Символа вѣры!

Скажешь.

— Нагорную проповѣдь!

Но я рѣшительно ужь не знаю, что это такое. Перепугаюсь и молчу.

— Глупъ! рѣшаетъ офицеръ: — Удаловъ!

Удаловъ подходитъ съ видомъ мученика.

— Подъ арестъ! говоритъ тотъ, указывая на меня.

— О, чтобъ тебя! бранитъ меня же Удаловъ, ведя на верхъ.

— Да я же зналъ, ей-Богу, а онъ... возражаю я.

— Молчи ужь ты, по крайней мѣрѣ! отвѣчаетъ тотъ, не слушая, съ сердцемъ.

За обѣдомъ начальство ставило обыкновенно горниста, который пронзительнѣйшимъ образомъ отъ времени до времени наигрывалъ сигналы, чтобы ихъ всѣ помнили. Это, кажется, всѣмъ обѣдъ отравляло.

По поводу этихъ сигналовъ у меня было столкновеніе и съ длиннымъ ротнымъ командиромъ.

Онъ подошелъ ко мнѣ во время обѣда одинъ разъ.

— Какой сигналъ сейчасъ играли? спросилъ онъ.

— Я не слыхалъ-съ, схитрилъ я.

Но это не помогло; капитанъ махнулъ рукой, и сигналъ повторился.

— Какой это сигналъ?

— Отступленіе, тихо подсказалъ Нероновъ, сидѣвшій рядомъ.

— Наступленіе, повторилъ я, не разслыхавъ.

— Врете, батюшка, сказалъ капитанъ:—а какъ играется сигналъ: «на-право?»

Я въ недоумѣніи стоялъ, какъ же это изобразить, какъ онъ играется?

— Ну что-жь вы стоите? пропойте!

Извольте тутъ пѣть! но я рѣшился быть лучше наказаннымъ, чѣмъ пѣть подъ насмѣшливыми взглядами товарищей.

— Я не знаю-съ, отвѣчалъ я.

Капитанъ, нисколько не конфузясь, вдругъ пропѣлъ непріятнѣйшимъ голосомъ «трамъ, тарамъ, трамъ», и велѣлъ повторить. Я, дѣлать нечего, повторилъ запинаясь.

— Оставьте его безъ блюда, сказалъ отходя ротный командиръ.

Надѣясь хоть сегодня пообѣдать какъ слѣдуетъ и опять обманувшись въ надеждѣ, я заплакалъ наконецъ..

— О пирогѣ плачетъ, замѣтилъ съ презрѣніемъ Удаловъ, который самъ пирога не взялъ, понюхавъ и назвавъ его гадостью. Онъ и обжоръ не любилъ.

Но не изъ обжорства одного горько плакалъ я по ночамъ, обливаясь слезами,—меня мучило все это до послѣдней степени. Удалову я этого не сказалъ, да онъ бы и слушать не сталъ. Ивинъ со мной не заговаривалъ, Нероновъ все школьничалъ и смѣялся надо мной, а Юковъ... Юковъ, видимо, началъ почему-то избѣгать меня и отвертываться, едва отвѣчая. Мы уже съ нимъ и въ классѣ вмѣстѣ не сидѣли: мнѣ ужь было по балламъ назначено мѣсто, правду сказать, не высокое. Я не зналъ, чему все это приписать, и мучился.

Да и какъ было не мучиться. Иногда во время занятій командиръ и рыженькій офицеръ, захвативъ какого нибудь офицера посторонняго вѣдомства, устраивали изъ меня потѣху.

— Тебя чѣмъ мать дома кормила—пирогами? А? спрашивалъ онъ и хохоталъ. Пхы, хы, хы!

— Нагорную проповѣдь! говорилъ важно рыженькій.

— Онъ у васъ и проповѣдуетъ! усмѣхался офицеръ посторонняго вѣдомства.

— Какъ же! Пхы, хы, хы! отчего ты глупъ? А? спрашивалъ меня капитанъ.

Я молчалъ перепуганный.

— Отчего? Но? кричалъ уже капитанъ.

— Я не знаю-съ, отвѣчалъ я, готовый плакать съ отчаянія, что я глупъ.

— Скажи, Богъ сотворилъ! Ну, говори!

— Богъ сотворилъ! повторялъ я машинально.

— Глупъ! рѣшительно заключалъ рыженькій.

Разъ, послѣ одной изъ такихъ сценъ, ко мнѣ вдругъ какъ-то быстро подошелъ Удаловъ.

— Садись за мой столъ, около меня, не уходи къ тому столу! сказалъ онъ, не глядя на меня. Я повиновался.

Онъ молча сѣлъ на свое мѣсто и нагнулся надъ книгой.

Я ничего не понималъ.

Ивинъ, сидѣвшій тутъ-же, обратился ко мнѣ.

— Если тебя будутъ спрашивать, скажи, что ты просилъ Удалова показывать изъ математики, слышишь? научилъ онъ меня, дружелюбно взглянувъ на Удалова.

Я понялъ и съ благодарностью, задумавшись, глядѣлъ на Удалова.

— Занимайся что ли! чортъ! опять вѣдь накажутъ! экая дрянь! прикрикнулъ онъ и ударилъ меня книгой по рукѣ, какъ бы сердясь на себя за свою выходку и не желая, чтобъ я забылся и принялъ ее за расположеніе къ себѣ.

Съ этихъ поръ я всегда садился около Удалова. Разъ какъ-то подошелъ капитанъ.

— Пхы! что ты на этомъ столѣ дѣлаешь? ты, умный! крикнулъ было онъ.

— Я его посадилъ здѣсь заниматься, сказалъ твердо Удаловъ, молодцовато закинувъ голову и прямо глядя въ глаза капитану.

— Что вамъ за охота съ нимъ возиться? спросилъ тотъ уже съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— Просилъ, отвѣчалъ коротко Удаловъ и сѣлъ.

Вечеромъ въ тотъ же день Удаловъ, не говоря со мной ни слова, отдалъ приказаніе дневальному солдату, указывая на меня.

— Нужно вотъ Черневскаго разбудить завтра до зари. Починись и вычисти все хорошенько, сказалъ онъ мнѣ и пошелъ.

Я вычистился, починился тщательно и еще выучилъ урокъ прежде, чѣмъ ударилъ барабанъ. И за то на другой день все ѣлъ сполна и получилъ хорошій баллъ. Къ вечеру я былъ въ такомъ славномъ расположеніи духа, что не утерпѣлъ и, преодолѣвъ робость, подошелъ къ Удалову, когда тотъ занимался, дѣлая на доскѣ какой-то мудреный чертежъ.

— Я нынче, началъ я радостно...

— Что ты нынче? спросилъ тотъ, изумляясь, что я съ нимъ заговорилъ.

— Вы велѣли меня разбудить и я былъ опрятенъ,—отъ этого и хорошій баллъ получилъ.

— Убирайся къ чорту! сказалъ онъ, отвертываясь: — только сбилъ меня...

И онъ сильно застучалъ мѣломъ по огромной доскѣ, такъ что она задрожала и сломался мѣлъ.

Но съ этихъ поръ уже постоянно меня будили, конечно, по его приказанію.

Въ субботу онъ ужь совсѣмъ какимъ-то молодцомъ въ полной формѣ, которая очень красиво на немъ сидѣла, своей развалистой походкой вѣжливо подходилъ къ дежурному офицеру.

— Я отпущенъ, говорилъ онъ очень серьезно.

— Желаю вамъ веселиться, обыкновенно говорили ему офицеры вѣжливо.

Его, конечно, какъ другихъ не осматривали и не спрашивали билета—онъ пользовался полнымъ уваженіемъ.

Въ воскресенье послѣ обѣдни къ намъ зашелъ директоръ въ роту.

Директора я ужь совсѣмъ какимъ-то божествомъ считалъ съ его строгой сѣдой физіономіей, эполетами, крестами, передъ которыми все склонялось, и я только могъ его бояться, какъ юпитера какого нибудь.

Мы, молча и вытянувшись, окружили его. Онъ оглядѣлъ всѣхъ.

— Чтожь вы, Ивинъ, не въ отпуску? милостиво спросилъ онъ.

— Не къ кому-съ.

— Мы все хорошіе баллы получаемъ, только съ языками у насъ что-то плохо—да? продолжалъ директоръ ласково.

Ивинъ покраснѣлъ.

— Прекрасно учится, только по языкамъ и не хорошо, ваше п — ство, замѣтилъ капитанъ, который стоялъ за директоромъ, серьезно и склоняясь съ каской въ рукахъ.

— А Удаловъ? Что я его не вижу?

— Въ отпуску, ваше п — ство, отвѣчалъ капитанъ.

— Все танцуетъ, замѣтилъ директоръ: — и прекрасно. Я видѣлъ его прошлое воскресенье — любовался. А учится? спросилъ онъ.

— Изъ первыхъ постоянно, ваше п—ство, отвѣчалъ капитанъ съ удовольствіемъ, что его рота такъ отличается.

Ивинъ радостно улыбнулся за Удалова.

— А! это новичокъ — ну, что онъ? спросилъ директоръ: — я слышалъ, плохъ?

У меня душа въ пятки ушла.

— Нынче началъ поправляться, ваше превосходительство, замѣтилъ капитанъ, подаваясь на носки, какъ бы съ сожалѣніемъ: — вотъ и Удаловъ говоритъ, что лучше сталъ.

— Ну, то-то же, смотри—ты вѣдь насъ не знаешь! Нѣтъ! совсѣмъ не знаешь! Мы тебя выучимъ—смотри! сказалъ директоръ, взглянувъ на меня, и, строго погрозивъ пальцемъ, вышелъ.

Я вздохнулъ, — точно гора съ плечь свалилась. Ну, слава Богу!—думалъ я почему-то...

III.

Скучный день воскресенье! Сидишь въ корпусѣ — утромъ къ обѣднѣ, потомъ ходишь изъ угла въ уголъ. Заниматься не хочется,—все это ужь и въ будни надоѣло. Слава Богу, хоть не пристаютъ. Но какая тоска! Всѣ ушли въ отпускъ, и Юковъ, и Нероновъ. Удаловъ теперь танцуетъ, веселится. Въ ротѣ тихо. Лампы тускло горятъ въ большой залѣ. Кто-то примостился подъ лампой и занимается. Двое сдѣлали изъ бумаги шашечницу, изъ хлѣба шашки и рѣжутся на булки.

— Значитъ, три булки, говоритъ одинъ.

— Врешь, двѣ! я еще вчера отыгрался!

Нѣкоторые сидятъ кучками и говорятъ. Подойдешь,—незнакомые, странно смотрятъ, совѣстно передъ ними. Иные по коридорамъ ходятъ. Вечера длинные — длинные...

Офицеръ читаетъ. Это не нашъ, а чорный какой-то и дежуритъ по случаю. Онъ зѣвнулъ, потомъ опять началъ читать.

— Черневскій! слышу я голосъ.

Оборачиваюсь—Ивинъ. Грустный такой сидитъ.

— Что?

— Давай поговоримъ — тебѣ скучно кажется?

— Да; а тебѣ чего скучать?

— Мнѣ? еще бы не скучать. Ахъ, что за мученье жить далеко отъ дому, никого не видѣть. Ты тоже по своимъ скучаешь — да?

— Что мнѣ дѣлать! началъ я, ободренный его словами и участіемъ и чуть не плача:—всѣ меня гонятъ, всѣмъ я надоѣлъ... и Удалову! а чѣмъ я виноватъ?...

— Обойдется, привыкнешь, сказалъ онъ задумчиво:—у тебя есть отецъ, мать, братья или сестры?

Это видимо была его задушевная тема.

— Есть, отвѣчалъ я грустно.

— Ты очень ихъ любишь?

— Ужасно люблю; мнѣ бы вотъ только какъ нибудь кончить здѣсь, а то будемъ опять вмѣстѣ жить!

И мы говорили, говорили безъ конца. Потомъ нарисовали планы домовъ своихъ въ деревнѣ, распрашивали другъ у друга всѣ мелочи, гдѣ что стоитъ, какъ живутъ. Ивинъ нарисовалъ свой планъ на грифельной доскѣ, и вдругъ на доску изъ его прекрасныхъ, большихъ глазъ неудержимо и крупно закапали слёзы.

Я съ участіемъ взглянулъ на него.

— Господи, хоть бы разокъ теперь взглянуть на все это! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ и вытеръ глаза:—ты вотъ счастливый, продолжалъ онъ, прямо во второй классъ поступилъ, а я-то — съ приготовительнаго!

Онъ опять заплакалъ.

— Развѣ тебѣ такъ скучно? спросилъ я: — тебя всѣ любятъ. Ты счастливый.

— Да, только и пріятно съ товарищами. Я со всѣми друженъ. Да, я со всѣми друженъ, прибавилъ онъ и повеселѣлъ, вспомнивъ это обстоятетьство:—если бы не это—просто бѣда. И въ отпускъ-то ходить не къ кому.

— А со мной никто не хочетъ знаться; и Юковъ вотъ отъ меня теперь уходитъ. А мы было сначала подружились.

— Какой Юковъ хорошенькій! замѣтилъ Ивинъ, и помолчавъ какъ бы грезя, сказалъ:—знаешь что? Будемъ съ тобой дружны!

мы, когда свободно, будемъ говорить объ домѣ. Я ужасно объ этомъ говорить люблю, а здѣсь, кромѣ тебя, не съ кѣмъ объ этомъ и говорить.

— Ахъ, пожалуйста будемъ дружны! поспѣшилъ я прибавить, еще и не мечтая о такой чести:—только мнѣ некогда будетъ съ тобой говорить — съ тобой столько говорятъ! вонъ Удаловъ! произнесъ я съ уваженіемъ.

— Удаловъ — да, только онъ объ другомъ, онъ объ этомъ не говоритъ и смѣяться будетъ, сказалъ Ивинъ задумчиво: — а знаешь еще что? прибавилъ онъ: — будь ты повнимательнѣй, все дѣлай, будь опрятенъ и по фронту старайся, а то у насъ какъ-то смотрятъ на это... Ну и всѣ съ тобой хороши будутъ.

Барабанъ ударилъ къ ужину.

— Смотри же, говорилъ онъ, пожимая мнѣ руку:—мы теперь съ тобою дружны. Онъ тихонько улыбнулся.

— Ахъ, да, да! поспѣшилъ я отвѣтить.

— Строиться къ ужину! крикнулъ офицеръ, лѣниво потягиваясь.

У меня сердце весело билось. Слава Богу, думалъ я, чувствуя себя уже не совсѣмъ одинокимъ и брошеннымъ.

Наступилъ великій постъ. Я ужь началъ и въ классахъ и въ ротѣ освоиваться. Не смотря однако на постоянное расположеніе ко мнѣ Ивина, Удаловъ никогда со мной не говорилъ, или, если говорилъ, то что нибудь приказывалъ, или ругался и даже дрался, когда ужь я въ самомъ дѣлѣ былъ очень разсѣянъ, или невнимателенъ. Но мнѣ все это было вовсе не тяжело отъ него, потому что нельзя было не замѣтить, какъ онъ желалъ меня избавлять отъ наказаній и вообще сдѣлать порядочнымъ кадетомъ, хотя ни мнѣ, никому объ этомъ не говорилъ ни слова. Но отъ начальниковъ моихъ, рыженькаго и капитана, мнѣ уже было мучительно и тяжело слышать насмѣшки.

Въ послѣднее время судьба послала мнѣ въ наказаніе фронтовое ученье. Прежде ко мнѣ приставляли какого нибудь кадета, съ которымъ я больше разговаривалъ, чѣмъ учился, разъ даже поставили Неронова, который мнѣ вдругъ началъ показывать, какъ ловко можно за кончикъ штыка удерживать ружье въ равновѣсіи, что не относилось къ фронту, конечно. Капитанъ засталъ его за этимъ занятіемъ, вмѣсто похвалы ему, оставилъ его безъ двухъ блюдъ и назвалъ школяромъ, чему тотъ даже, пови-

димому, радовался и, по уходѣ капитана, вмѣстѣ съ ружьемъ прыгнулъ черезъ табуретку.

Капитанъ велѣлъ меня поставить въ шеренгу и раздѣлить всю шеренгу по ефрейторамъ. Я опять попался къ Удалову. Тотъ оглядѣлъ меня.

— Смирно! скомандовалъ онъ.

Я вытянулся.

— На-плечо! Я сдѣлалъ. Мнѣ показалось, что мой пріемъ понравился Удалову, и я уже съ нѣкоторымъ трескомъ сдѣлалъ по его командѣ на караулъ.

— Къ ногѣ, вольно! скомандовалъ онъ и, уже не занимаясь мною, обратился къ другимъ, которыхъ началъ учить отдѣльно.

Я удивился и взглянулъ на него. Но на его лицѣ трудно было видѣть, что онъ хочетъ дѣлать.

Подошелъ капитанъ.

— Что-жь вы его не учите? спросилъ онъ.

— Рѣшительно ничего не знаетъ. Его съ этими нельзя учить. Я займусь имъ отдѣльно, сказалъ Удаловъ.

— Эко сокровище! Пхы! началъ было капитанъ...

— Смиррно! громко перебилъ Удаловъ:—тебѣ не надо, прибавилъ онъ мнѣ.

Всѣ вытянулись въ его шеренгѣ. Капитанъ ушелъ.

— Ну, теперь ты! сказалъ неутомимый Удаловъ, скомандовавъ шеренгѣ: — вольно.

Я вытянулся.

— Да чего же ты пучишься! крикнулъ онъ:—грудь впередъ, зачѣмъ плечи поднялъ? Стой ты свободно! Думаешь: фронтъ, такъ и самоваромъ надо! Ну, гляди, на плечо!

Удаловъ сталъ во фронтъ передо мной. Ружье ровное, какъ стрѣлка, сверкнуло—и словно врѣзалось: неподвижно стало у его плеча.

— Видишь? Ну, на плечо!

Но у меня ружье изъ рукъ валилось и неуклюже шаталось.

— За что меня Богъ тобой наказываетъ! взбѣшенный крикнулъ онъ.

Въ это время къ намъ подходилъ фельдфебель, который разъ на всегда былъ избавленъ отъ ученья, съ доской въ рукахъ. Я никогда не слыхалъ, о чемъ и какъ онъ говорилъ. Со мной онъ никогда не говорилъ ни слова. Они были одноклассники и тайные, кажется, соперники съ Удаловымъ.

— Удаловъ, сказалъ онъ, ты ужь дѣлалъ задачу?

— Давно, еще утромъ, отвѣчалъ тотъ покойно.

— Какъ тутъ логарифмы у тебя вышли?

— А ты не сдѣлалъ? наслаждался Удаловъ почти явно.

— Нѣтъ сдѣлалъ, отвѣчалъ фельдфебель, покраснѣвъ съ досады: — но какъ у тебя?

— Я тебѣ пожалуй покажу, сказалъ съ разстановкой, усмѣхаясь, Удаловъ и взялъ грифель и доску. — Вольно! обратился онъ ко мнѣ.

Я исполнился глубочайшаго уваженія къ Удалову. Онъ начиналъ для меня дѣлаться какимъ-то идеаломъ.

Послѣ ученья, вышедши въ корридоръ, я увидѣлъ Ивина, который ходилъ подъ руку съ Юковымъ и что-то ему очень весело и съ одушевленіемъ разсказывалъ. Тотъ смѣялся. Такъ какъ Юковъ, видимо, избѣгалъ меня, то я и посовѣстился къ нимъ подойти, и только уже послѣ, столкнувшись въ дверяхъ съ Ивинымъ, остановилъ его.

— Ты съ Юковымъ ходилъ сейчасъ? спросилъ я.

— Да, онъ отличный! сказалъ, отчего-то потупясь и краснѣя, Ивинъ...

IV.

Наступила четвертая недѣля,—мы говѣли обыкновенно, и въ это время классы прекращались. Два раза въ день ходили мы въ церковь. Тамъ облаками стоялъ дымъ ладона, и тускло въ этомъ дыму мерцали свѣчи передъ образами. Лики святыхъ смутно, какъ видѣнія, выступали изъ облаковъ дыма. Мнѣ казалось, что они какъ-то строго смотрятъ на эти ряды кадетъ, которые стояли тихо, изрѣдка крестясь и кланяясь. Сѣрый день сумрачно всю недѣлю глядѣлъ въ большія напотѣвшія окна церкви. Сквозь дымъ виднѣлись на темномъ правомъ клиросѣ кадеты — пѣвчіе и милое лицо Ивина (который тоже былъ въ пѣвчихъ), задумчиво прислонившагося къ рѣшоткѣ, съ руками сложенными на груди.

Изъ боковой двери, тихо склоняясь, проходила темная высокая фигура батюшки, съ длинной, русой бородой. Блѣдный, задумчивый, онъ неслышно становился передъ наглухо-закрытыми царскими дверями и широко крестился.

— «Господи, владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми», говорилъ онъ тихо-сосредоточенно.

Тутъ я обыкновенно чувствовалъ себя какъ-то грустно, но пріятно и, вспоминая какіе нибудь свои грѣхи, крестился и становился на колѣни, слегка впрочемъ поглядывая по сторонамъ на молящихся кадетъ.

— «Ей, Господи!» восклицалъ уже священникъ, падая на колѣни съ сокрушеніемъ...

— Господи, Господи! прошепталъ кто-то съ чувствомъ около меня.

Я оглянулся. Въ одномъ ряду со мною, какъ бы ничего не видя, упалъ на колѣни, заливаясь слезами, Юковъ.

— Господи, Господи! тихонько повторялъ онъ, какъ-то крѣпко — крѣпко и съ усердіемъ крестясь и плача.

Увлекаясь его примѣромъ больше, чѣмъ по собственному чувству, я тоже начиналъ усердно молиться и съ истиннымъ наслажденіемъ прислушивался къ грустному голосу батюшки.

«Господи, владыко живота моего», внятно раздавалось по церкви...

Удаловъ стоялъ съ боку и красиво крестился, угрюмо хмурясь и что-то думая...

Передъ исповѣдью у насъ было обыкновеніе просить прощенія другъ у друга.

Нероновъ и тутъ сошкольничалъ; поймавъ гдѣ-то на лѣстницѣ француза-учителя, онъ присталъ къ старику, чтобы тотъ его простилъ.

— Quoi? Quoi? спрашивалъ тотъ, не понимая.

— Простите меня.

— Quoi, mon cher? повторилъ тотъ.

— Чтожь вы не хотите простить, какъ же я на исповѣдь пойду?

— Какой исповѣтъ? Пошелъ вонъ, misérable, крикнулъ тотъ уже взбѣсившись.

Но большею частію всѣ были тихи и серьёзны въ нашей ротѣ.

Я подошелъ къ Удалову, который ходилъ по залѣ и читалъ.

— Простите меня, сказалъ я робко: — если я вамъ что сдѣлалъ.

Тотъ удивленно взглянулъ и молча повернулся ко мнѣ спиной.

Ивинъ засмѣялся тихонько, когда я подошелъ къ нему.

— Въ чемъ мнѣ тебя прощать? Юковъ, что съ тобой? прибавилъ онъ.

Къ намъ подходилъ Юковъ, блѣдный и взволнованный.

— Простите меня, господа, пожалуйста, сказалъ онъ какъ-то стремительно: — ты, ты меня прости! обратился онъ вдругъ ко мнѣ: — прощаешь? Да? Скажи же!

На его хорошенькомъ поблѣднѣвшемъ личикѣ было какое-то странное выраженіе и глáза заплаканы.

— Ахъ, да! ты прости меня! сказалъ я нѣсколько сконфуженно, потому что всегда какъ-то неловко говорить съ тѣмъ, съ кѣмъ давно безъ причины, или по причинамъ не говорилъ.

Онъ быстро пошелъ было въ корридоръ, но его задержала толпа кадетъ, хлынувшая въ двери. Среди толпы, въ черной длинной рясѣ и бархатномъ клобукѣ, перебирая золотой цѣпью большаго шейнаго креста, двигалась высокая фигура батюшки.

— Тише, тише, господа! говорилъ онъ, медленно благословляя подходившихъ къ нему кадетъ.

Мы всѣ молча столпились вокругъ. Удаловъ тихонько вышелъ изъ залы.

— Господа! началъ батюшка: — вы всѣ приступаете нынѣ къ великому таинству. Смотрите же, не забудьте! Съ сердцами чистыми должно предстать предъ Господа. Всякій, идя на исповѣдь, провѣрь себя — точно ли ты всѣхъ отъ сердца простилъ, тебя всѣ ли простили. Провѣрь, не питаешь ли къ кому злобы, и если питаешь, заглуши въ себѣ дурное начало и молись, молись за тѣхъ, кто тебѣ даже дурное что либо сдѣлалъ; не говорю уже о тѣхъ, кому ты дурное что сдѣлалъ! сказалъ онъ съ чувствомъ.

Я оглянулся кругомъ. Всѣ стояли молча. Юковъ жадно слушалъ и глядѣлъ, полураскрывъ розовыя губы, на батюшку какими-то воспаленными глазами; по щекѣ его тихо катилась слеза.

— Бойтесь утаивать что либо на исповѣди, продолжалъ батюшка: — дѣло это великое! Когда ты утаиваешь что либо передъ людьми, ты можешь имѣть какія либо причины—страхъ ли то наказанія, скрытность ли врожденная. Но какія причины утаивать грѣхи предъ милосерднымъ Господомъ, помня особливо, что, приступая къ исповѣди съ лукавою мыслью утаить что либо, ты дѣлаешь новый грѣхъ! Отъ меня можно утаить — я

человѣкъ, прибавилъ батюшка, задумчиво покачивая головою:— но можешь ли что утаить отъ Всевѣдущаго и Вездѣсущаго?

Юковъ весь дрожалъ и судорожно вытиралъ щеки.

— И такъ, господа, кайтесь и миритесь отъ чистаго сердца, вы приступаете къ великому таинству. Богъ васъ благословитъ!

Онъ благословилъ насъ и среди торжественнаго общаго молчанія, слегка склоняясь, вышелъ въ корридоръ.

Передъ ужиномъ дошла очередь и до насъ. Удаловъ насъ выстроилъ.

— Ну, всѣ ли? спросилъ онъ какъ-то тише и добрѣе обыкновеннаго. — Ивинъ, становись, сдѣлай милость! сказалъ онъ и ему серьёзно:—Черневскій, не вертись, пожалуйста. На-право! скомандовалъ онъ тихо: — маршъ!

Въ полутемной, тусклоосвѣщенной церкви стояли ширмочки. За столомъ сидѣлъ дьячекъ и тихо спрашивалъ:

— Вы исповѣдались?

— Да, отвѣчали ему тихо, и онъ писалъ фамилію.

Удаловъ пошелъ первый и довольно скоро вышелъ, серьёзный и спокойный. Вслѣдъ за нимъ быстрыми шагами пошелъ Юковъ съ какою-то рѣшимостью. За ширмами слышно было, какъ онъ съ шумомъ упалъ на полъ къ ногамъ батюшки. Потомъ долго слышался тихій шопотъ и сдерживаемыя рыданія...

«Господи Іисусе»!... можно только было разслышать голосъ батюшки. Юковъ весь въ слезахъ показался изъ-за ширмъ. Щеки и глаза его горѣли какъ-то лихорадочно...

V.

Вдругъ на пятой недѣлѣ совершенно неожиданно для всѣхъ насъ разыгралось дѣло. Во время занятій вечеромъ, когда зажгли лампы, вошли въ роту рыженькій офицеръ и капитанъ. Время было для нихъ необыкновенное. Проходя мимо меня, капитанъ удивленно взглянулъ.

— Пхы! дурень-то! сказалъ онъ: — а?

— Пойдемте! перервалъ его рыженькій съ негодованіемъ.

Они подошли зачѣмъ-то къ Удалову и къ дежурному офицеру, отозвали ихъ и фельдфебеля, и, разговаривая тихо, по немногу совсѣмъ вышли съ ними изъ роты.

— Что такое? что такое? спрашивали кругомъ въ безпокойствѣ.

У меня сердце забилось отъ какого-то предчувствія.

У столовъ начали собираться кучки.

— Что это, господа? спрашивалъ Ивинъ.

— Продавать старшихъ повели! брякнулъ Нероновъ.

— Ну тебя! отвѣчали ему даже не смѣясь.

Черезъ нѣсколько времени въ роту быстро вошелъ Удаловъ.

— Ивинъ! крикнулъ онъ.

Ивинъ пошелъ къ нему.

— Что ты сдѣлалъ такое? спросилъ его Удаловъ съ безпокойствомъ.

— А что?

— Что ты сдѣлалъ? говори! чортъ! тебя на допросъ зовутъ!... Ну! сказалъ Удаловъ нетерпѣливымъ шопотомъ и топнувъ ногой.

— Да ничего же, говорилъ Ивинъ, блѣднѣя.

— Ивушка, да скажи-жь ты мнѣ что ты сдѣлалъ? пока можно, я объясню пойду имъ. Ну?

— Да ничего!

— Иди же къ чорту! крикнулъ Удаловъ и сѣлъ, крѣпко стиснувъ руками голову, за книгу.

Вошелъ фельдфебель и крикнулъ:

— Юковъ!

Юковъ всталъ.

— Идите на верхъ, приказалъ фельдфебель и, когда тотъ проходилъ, онъ внимательно посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Потомъ Удаловъ всталъ и они вмѣстѣ долго ходили по ротѣ, говоря что-то полушопотомъ.

— Вздоръ! горячился Удаловъ: — я знаю Ивина.

— Ну вотъ! отвѣчалъ тихо фельдфебель.

— Я убью эту дрянь, этого Юкова! говорилъ Удаловъ: — вретъ мальчишка!

— Ну вотъ! все можетъ быть! отвѣтилъ усмѣхаясь фельдфебель, уходя изъ роты.

Все это было необыкновенно. Что за допросъ? Я боялся за Ивина и за себя тоже. Я ужь привыкъ всегда за себя бояться, хотя бы ничего особеннаго за собой не зналъ. Меня, кажется, не за что, думалъ я, все-таки дрожа. Но какъ же я вздрогнулъ и

какъ смертельно испугался, когда фельдфебель, показавшійся въ дверяхъ, громко крикнулъ:

— Черневскій! На верхъ! скорѣй!

Я всталъ. Колѣни подгибались и дрожали отъ страха; шатаясь, шелъ я за фельдфебелемъ по широкой лѣстницѣ...

... На другой день послѣ страшнаго допроса, гдѣ я оправдался благодаря Ивину, мы нежножко совѣстились съ Ивинымъ смотрѣть другъ на друга и вообще разговаривали какъ-то натянуто-дружески. Удаловъ молча осматривалъ вещи своего отдѣленія, заглядывая въ списокъ—все ли въ порядкѣ. Когда мы съ Ивинымъ проходили мимо, онъ оборотился.

— Ивинъ, ты въ самомъ дѣлѣ виноватъ? спросилъ онъ.

— Виноватъ, отвѣчалъ тотъ просто.

Удаловъ стиснулъ зубы и вдругъ раскричался на подвернувшагося кадета, у котораго осматривалъ вещи.

— Опять у тебя книга изорвана? опять?

Линейка свиснула въ воздухѣ.

— Послушай, оставь его! вступился Ивинъ.

Удаловъ опустилъ линейку и посмотрѣлъ на Ивина съ чувствомъ.

— Послушай, Ивушка, сказалъ онъ совсѣмъ другимъ голосомъ: — вѣдь тебя накажутъ — свинья ты!

— Передъ баталіономъ, добавилъ Ивинъ, какъ бы на все готовый, и, опустивъ голову, началъ вертѣть книгу руками.

Вдругъ въ роту, сильно торопясь, вошелъ дежурный офицеръ и началъ надѣвать перчатки.

— Директоръ, директоръ! пронеслось по залѣ встревоженнымъ шопотомъ.

Офицеръ надѣлъ каску, встрѣтилъ генерала, показавшагося въ дверяхъ, въ наглухо застегнутомъ сюртукѣ, и отрапортовалъ. Мы всѣ встали.

Директоръ молча посмотрѣлъ кругомъ, кивнулъ своей сѣдою головой Удалову и фельдфебелю, которые ему поклонились, и пошелъ, строго взглянувъ на право. Тамъ, едва держась на ногахъ, стоялъ Юковъ, схватившись за столъ рукой. У меня сердце отъ страха замерло.

— Строиться господа въ три шеренги! крикнулъ офицеръ.

— Сводить баталіонъ! Сводить баталіонъ! пронеслось шопотомъ по рядамъ.

По корридорамъ раздавались уже мѣрные шаги кадетъ другихъ ротъ, шедшихъ въ нашу залу. Кадеты показались въ дверяхъ и начали строиться по стѣнамъ въ каре, лицомъ внутрь, молча, перепуганно выглядывая другъ другу изъ-за плечъ. Офицеры стали полукругомъ въ сторонѣ. Въ дверяхъ показалась худенькая фигурка главнаго доктора...

Я весь дрожалъ. Удаловъ шелъ мрачно, хмурясь передъ фронтомъ, и считалъ ряды.

Нашъ капитанъ стоялъ нѣсколько впереди, такъ какъ дѣло касалось его роты; былъ блѣденъ. Рыженькій офицеръ, кажется, довольный умомъ и проницательностью, которыя выказалъ при допросѣ, самодовольно крутилъ усы.

Было такъ тихо, что шаги директора и толстаго баталіоннаго командира, шедшаго сзади, почти страшно было слышать.

Директоръ вошелъ и, строго нахмурившись, медленно обошелъ всѣ роты. Онъ любилъ эффекты и нарочно томилъ. Сдѣлалъ даже во второй ротѣ какія-то пустѣйшія замѣчанія, и уже потомъ вышелъ на середину залы.

— Затворить двери и форточки! приказалъ онъ, и мнѣ вдругъ стало страшно и тѣсно на сердцѣ:

Здѣсь хоть убей — никто не услышитъ, мелькнуло у меня, когда солдатъ стукнулъ форточкой.

— Что, все тамъ готово? спросилъ онъ и взглянулъ на окна, за которыми стоялъ зимній, пасмурный день...

— Все, ваше превосходительство! отвѣчалъ баталіонный командиръ, вздрогнувъ отчего-то.

— Ивинъ! вдругъ крикнулъ директоръ: — ближе! впередъ! Что? стыдно? Развѣ у тебя есть стыдъ?

Я взглянулъ на Удалова. Онъ стиснулъ зубы, низко опустилъ голову и, держа руки за спиной, съ трескомъ ломалъ пальцы.

Директоръ полюбовался общимъ томительнымъ впечатлѣніемъ и крикнулъ: — солдатъ!

Изъ двери появился испуганный солдатъ и вытянулся въ струнку.

— Нашивки долой! крикнулъ генералъ: — ефрейторъ! Вотъ они, ваши ефрейторà! прибавилъ онъ, обращаясь къ капитану.

У капитана было такое виноватое лицо, точно онъ все это самъ надѣлалъ и его будутъ сейчасъ сѣчь.

Опять тихо. Солдатъ испуганно и торопливо срывалъ галуны съ погонъ Ивина, подпарывая ихъ ножомъ. Слышно было даже,

какъ трещали нитки. Ивинъ не двинулся и, склонивъ голову, молчалъ.

— Юковъ! крикнулъ директоръ.

Неровный, слабый звукъ шаговъ раздался по залѣ, и вышелъ Юковъ.

Его личико было еще интереснѣе, блѣдненькое и заплаканное. Онъ судорожно мялъ свои рукава.

— Съ тобой-то вѣдь я иначе расправлюсь! протянулъ директоръ: — Ивинъ! — на мѣсто! А ты у меня!... Погоны долой!

Портной такъ же торопливо отпоролъ погоны и отошелъ къ двери.

Директоръ провелъ рукой по глазамъ.

— В—ство! залепеталъ Юковъ сухими отъ волненія губками: — В—ство! Меня еще никогда не наказывали... В—ство!

— Такъ теперь накажутъ! сказалъ директоръ.

— В—ство!

— Возьмите его! отдалъ директоръ приказъ солдатамъ. Солдаты повели-было Юкова, но вдругъ остановились.

За фронтомъ послышалось какое-то движеніе, какой-то шопотъ, шумъ паденія; громко отодвинули какую-то табуретку, и Удаловъ съ Нероновымъ почти на рукахъ понесли изъ залы Ивина, какъ мѣлъ блѣднаго, съ закрытыми глазами.

Удаловъ дрожащими руками, почти отрывая пуговицы, разстегивалъ куртку Ивина.

Юковъ, вспыхнувъ, провожалъ ихъ глазами.

Директоръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и помолчалъ долго...

— Батальонъ по ротамъ! вдругъ крикнулъ онъ такъ, что всѣ дрогнули. — Юковъ, на мѣсто! Три балла за поведеніе долой, обратился онъ къ капитану. Потомъ, нахмурившись, поглядѣлъ, какъ безмолвныя роты стройно, рядами прошли мимо, и, молча, вышелъ изъ залы.

VI.

Когда вы пройдете Ивановскую улицу до самаго конца, гдѣ дорога круто сворачиваетъ внизъ къ рѣкѣ, то послѣдній, деревянный старый домикъ и будетъ Марьи Кондратьевны.

Если вы не знаете этого дома, — отыскать его трудно. Будоч-

никовъ какъ-то не видать въ этихъ сторонахъ, и столичнаго обычая надписывать свои имена на воротахъ не водится. Когда разъ даже одинъ знакомый сказалъ Марьѣ Кондратьевнѣ, что она не напишетъ, что это вотъ домъ такой-то коллежской ассессорши, она даже обидѣлась.

— Неужто же я, батюшка, имя, Богомъ данное, на людское позорище письменами буду выставлять, говорила она строго.

Но когда вы его найдете, то, войдя на маленькій дворикъ, увидите салазки для дровъ передъ кухней и полуразвалившійся заборъ садика, засыпаннаго снѣгомъ. Лѣтомъ садикъ этотъ очень зеленъ, и тѣни много. Есть въ немъ и яблоки титовскія и опортъ даже. Есть и вишни, некрупныя, правда — «мы вѣдь, батюшка, не оранжереи заводимъ», — а для варенья годны. Рѣшотка эта примыкаетъ къ сарайчику, гдѣ за низенькими дверями и старыми ржавыми замочками хранится все, что по хозяйству нужно.

На дворикѣ васъ встрѣтитъ работница Аксинья, въ сапогахъ, съ засученными красными руками, она щеплетъ лучину какимъ-то кусочкомъ ржаваго и иззубреннаго желѣза, такого, что ужь и не знаешь, отъ чего бы оно могло быть отломано.

— Вамъ кого надо? спроситъ она, поправляя сбившійся платокъ на головѣ и поднявъ свое толстое, красное лицо.

— Марью Кондратьевну, говорите вы.

Она точно обрадуется, услышавъ, что совсѣмъ вотъ чужой человѣкъ и называетъ такое знакомое имя, и засмѣется.

— Здѣсь, здѣсь, говоритъ она, вонъ туда на крылечко-то! И долго не можетъ приняться за работу, глядя вамъ вслѣдъ и улыбаясь.

А по дорогѣ васъ непремѣнно робко обнюхаетъ какой-то щенокъ, очень толстый и грязный, вдругъ испугается и, какъ бочёнокъ, покатится на своихъ четырехъ столбикахъ — и считаетъ долгомъ тявкнуть раза три.

Вверхъ по лѣстницѣ отъ васъ на чердакъ прыснетъ пестрая кошка и, примостившись клубочкомъ на краюшкѣ крыши, съ любопытствомъ подниметъ ушки и уставится на васъ, опустивъ круглую, усастую мордочку. Кто, молъ, такой?

Въ большихъ сѣняхъ вы непремѣнно запутаетесь въ веревкѣ, за которую привязанъ крошечный черный теленокъ, потому что, увидѣвъ васъ, онъ радостно замычитъ и, поднявъ хвостъ перпендикулярно, сдѣлаетъ нѣсколько глупѣйшихъ курбетовъ.

Марья Кондратьевна живетъ одна съ воспитанницей. Она знала еще моего «дѣдиньку». «Святой былъ человѣкъ и хозяинъ хорошій—ноньче что-то такихъ и не видать!» На этомъ основаніи она по субботамъ присылала рыжую, толстую Аксинью въ корпусъ, и я съ немалымъ скандаломъ уходилъ съ ней, подавая поводъ къ остроумнѣйшимъ комментаріямъ на этотъ счетъ со стороны капитана.

Въ передней встрѣчала меня Малаша. Это блѣдненькая, бѣлокуренькая, миловидная дѣвочка, въ холстинковомъ платьицѣ, 14 лѣтъ, воспитанница Марьи Кондратьевны. Я любилъ ходить къ Марьѣ Кондратьевнѣ, и причиной этому была немножко и миловидненькая Малаша. Впрочемъ не столько помнится она, сколько старинный подъ орѣхъ пузатый шкапъ въ углу спальни Марьи Кондратьевны. Тамъ все веселящія сердце вещи были. Разныя сладостныя липкія баночки по таинственнымъ темнымъ уголкамъ на полкахъ, привлекательные сверточки и пузатые мѣшочки въ нижнихъ ящикахъ, изъ которыхъ, когда ихъ отворяли, вѣяло запахомъ сушеныхъ плодовъ, пылью и мышами...

— А вотъ я вамъ черники дамъ, говоритъ, бывало, Марья Кондратьевна: — у меня, кажется, еще третьегодишная есть въ боковомъ ящикѣ. И вынетъ такую старую чернику, что мы съ Малашей отъ пыли расчихаемся, а потомъ ѣдимъ до того, что даже скверно станетъ, а у Малаши и зубки, и губы почернѣютъ.

— Ха, ха, ха! надрываюсь я: — гляди, какіе у тебя черные зубы!

Сама Марья Кондратьевна очень сморщенная, желтая и добрая. У ней большіе серебрянные очки на носу и вѣчный чулокъ въ рукахъ. Можетъ быть «дѣдинька» мой за ней и ухаживалъ, но теперь она никому не подаетъ къ тому ни малѣйшихъ поводовъ, ведетъ жизнь благочестивую, утромъ, очень рано, ходитъ въ церковь, каждый день читаетъ душеполезныя книги и мужскаго общества не любитъ. Почему она думала, что мужчины могутъ быть даже въ ея лѣта соблазномъ, Богъ ее знаетъ.

Впрочемъ, къ ней ходилъ одинъ старецъ, «почтенный и истовый», какъ она называла его. Что значило слово *истовый*, я никакъ не могъ понять и Малаша тоже, Марья же Кондратьевна намъ по какимъ-то таинственнымъ причинамъ не объясняла.

Старецъ былъ очень худъ и высокъ, носилъ коротенькую, сѣденькую косичку, длиннополый, вытертый сюртучокъ и имѣлъ

красный носъ, — слѣдствіе конечно «истовыхъ» привычекъ и трезвой жизни, но зубовъ не показывалъ и признака.

— Вотъ именно Господь-то кого умудритъ! говоритъ, бывало, Марья Кондратьевна.

Но чѣмъ его Господь умудрилъ—неизвѣстно, потому что приходилъ онъ обыкновенно къ обѣду, или къ чаю; правда, очень много ѣлъ, но молчалъ и мудрости не показывалъ.

Идетъ, напримѣръ, темнымъ вечеромъ разговоръ объ огурчикахъ въ уксусѣ, матушка протопопица говоритъ, какъ ихъ надо дѣлать. «И очень, матушка, хорошо бываетъ», заключаетъ она.

— Вотъ радостныя мѣста есть тоже на Аѳонѣ, вдругъ брякнетъ старецъ ни къ селу, ни къ городу, и возводитъ очи горѣ, объ огурчикахъ, повидимому, и не помышляя.

— Радостныя, съ уваженіемъ повторяетъ Марья Кондратьевна и вздыхаетъ: — когда нибудь и вси возрадуемся, прибавляетъ она почему-то.

— Иные и попечалуются, возражаетъ старецъ.

— Точно что, говоритъ вздыхая Марья Кондратьевна и ужъ обращается къ протопопицѣ, потому что старецъ, доказавъ мудрость, считаетъ себя въ правѣ часикъ другой помолчать.

— Вотъ матушка, и говорила мнѣ мать Агнія... Да тише вы, безпутные! прикрикиваетъ она на насъ съ Малашей: — ишь, что затѣяли!

Мы подъ *истовые* разговоры въ уголку повѣсили на гвоздикѣ веревочку съ шерстью и дразнили пестренькаго котенка, который все прыгалъ на стѣну, наконецъ запутался когтями въ шерсти, повисъ на лапкѣ и, смѣшно кривя мордочку, замяукалъ. Мы хохотали, какъ сумасшедшіе.

— Идите вы въ спальню, — ну васъ, говоритъ Марья Кондратьевна.

Мы очень довольны этимъ позволеніемъ, и я тотчасъ же подхожу къ Малашѣ.

— Малаша, давай цаловаться, говорю я съ волненіемъ.

— Хорошо! отвѣчаетъ она просто. И мы цалуемся, цалуемся до того, что губы заболятъ. Наконецъ хорошенькая Малаша вырывается.

— Ну, довольно! говоритъ она. Мы зовемъ котенка, привязываемъ ему колокольчикъ Марьи Кондратьевны на шею и заливаемся, глядя, какъ онъ прыгаетъ и бѣгаетъ по стульямъ и сто-

ламъ и не можетъ найти мѣста. А то бумажку къ хвосту — и онъ ловитъ свой хвостъ.

— Идите чай пить! кричитъ намъ Марья Кондратьевна. Передъ ней кипитъ свѣтлый самоваръ, обдавая горячимъ паромъ темныя стекла, на которыхъ переливается огонь свѣчки, и гремятъ чистые и блестящіе блюдечки и чашки. А въ старой желѣзной корзинкѣ на чистой салфеткѣ лежатъ теплые сдобнички.

Марья Кондратьевна любитъ угощать хорошимъ и покушать хорошо, и не скрываетъ этого:

— Чтожь дѣлать—слабость человѣческая, да!—И то,—прибавляетъ она: — хорошій кусокъ вѣдь грѣха еще не принесетъ, батюшка.

Старецъ на это не замѣчаетъ ничего, но выражаетъ свое мнѣніе тѣмъ, что много и съ аппетитомъ кушаетъ...

— Кушайте! кушайте! говоритъ Марья Кондратьевна.

Я сваливаю какъ бы на двоихъ: себѣ и Малашѣ цѣлую горку сдобничковъ. Малаша съѣдаетъ одинъ, много два, остальное исчезаетъ мгновенно уже по моей протекціи.

— Вы съ вареньемъ хотите? спрашиваетъ Марья Кондратьевна у протопопицы. Пожалуйста, отвѣчаетъ та. Малаша! прибавляетъ Марья Кондратьевна, гремя ключами какъ-то пріятно: — поди вынь изъ шкапа баночку; вишневое тамъ есть въ правомъ углу, еще пестренькой ниточкой связано, да сушенья на тарелочку положи.

Малаша, какъ настоящая хозяйка, серьёзничая, чинно идетъ съ ключами къ шкапу и возится въ другой комнатѣ.

Высидѣвъ сколько прилично по ея уходѣ, я не выдерживаю и лечу стремглавъ въ другую комнату.

— Малаша! душечка, дай изюмцу, или яблоковъ сушеныхъ! хлопочу я, тщетно стараясь воздержаться.

Но Малаша — дѣвочка хорошая, къ ней не даромъ питаетъ довѣріе бабушка, какъ она называетъ Марью Кондратьевну, и ни за что не дастъ ни изюмцу, ни яблоковъ, и не хочетъ обманывать бабушку, и сама не возьметъ ни за что ни ягодки. Она гордится порученіемъ по хозяйству, которое ей дали.

— Пожалуйста! прошу я и цалую Малашу.

— Нѣтъ, говоритъ она, отстраняя меня на этотъ разъ чинно и защищая отъ меня тарелки. — Вонъ туда понесу, тамъ будешь сколько хочешь ѣсть.

И я до сихъ поръ не знаю — зачѣмъ я просилъ и мнѣ такъ

хотѣлось поѣсть именно изъ бумаги, изъ мѣшечковъ у двери шкапа, а не съ тарелокъ, съ которыхъ я могъ же брать сколько угодно.

И мы ѣдимъ варенье, идетъ чинный разговоръ, шипитъ самоваръ, пахнетъ паромъ и чаемъ, и въ углу, тихо покачиваясь передъ образами, какъ звѣздочка мерцаетъ голубая лампадка и синими искрами сверкаетъ на золотыхъ ризахъ, а тѣни цѣпочекъ расходятся по потолку въ кругѣ свѣта.

Мы смирно сидимъ съ Малашей, и мнѣ очень пріятно держать и крѣпко жать подъ столомъ ея хорошенькую ручку. Но вдругъ, не выдерживаемъ. Котенокъ! Котенокъ! кричимъ мы.

Котенокъ въ это время вскочилъ на столъ и, морщась, долго сидѣлъ клубочкомъ передъ самоваромъ, и, поднявъ одно ухо, слушалъ, какъ онъ визжитъ и шипитъ, и началъ было его потрогивать лапкой, но съ перваго же раза обжогся и, жалобно мяуча, прыгнулъ со стола и поскакалъ, вертя хвостикомъ, на трехъ лапкахъ.

— Ха, ха, ха! раздается нашъ хохотъ:—котенокъ! котенокъ!

Марья Кондратьевна хочетъ насъ побранить, но и сама не выдерживаетъ, и сквозь очки добродушно смѣется.

— Экіе вы шалуны, обращается она къ намъ.

Передъ ужиномъ въ воскресенье, веселый и довольный, я возвращаюсь въ корпусъ.

Тамъ подъ лампами ходитъ, скучая, рыженькій. «Покажи мундиръ», говоритъ онъ и осматриваетъ, радуясь случаю; но мундиръ цѣлъ.

— Что, ты у этой дуры молитвы повторялъ? спрашиваетъ онъ, криво смѣясь.

Мнѣ это непріятно, но ужь ничего: Ивинъ подходитъ съ своей милой улыбкой и протягиваетъ мнѣ руку.

И вотъ до ужина и послѣ ужина пойдутъ смѣхъ и разговоры объ отпускѣ, о Малашѣ...

— Ахъ, вотъ бы увидѣть такую милочку! восклицаетъ Ивинъ.

Славный майскій вечеръ. Солнце ярко играетъ въ окнахъ домовъ янтарными лучами. На огромномъ плацу передъ корпусомъ разсыпалась толпа кадетъ. Въ серединѣ играютъ въ лапту.

— Разъ! разъ! раздается голосъ Неронова. Мячь летитъ кверху и нѣсколько минутъ чорной точкой виднѣется въ голубомъ небѣ.

— Держись! Качай! А!..—слышны голоса бѣгущихъ кадетъ.

Нѣкоторые по нѣскольку человѣкъ сидятъ на скамейкахъ, на углахъ бульваровъ въ тѣни деревьевъ, и смотрятъ на проходящихъ и проѣзжающихъ. Иные ходятъ по двое или по нѣскольку человѣкъ по бульварамъ.

Мы съ Ивинымъ идемъ черезъ весь плацъ поперекъ.

— Ну, вотъ, братъ, мы съ тобой и совсѣмъ сошлись, говорилъ Ивинъ, смѣясь и глядя на меня своими большими глазами:— я ужь зналъ, что останусь въ классѣ за эти пошлые языки—ничего не знаю, ей-Богу! Теперь хорошо бы, еслибы насъ въ одно отдѣленіе посадили. А ты хорошо перешолъ!

— Ну, не очень-то, говорю я, очень довольный похвалой Ивина: — по математикѣ какъ кривая вывезла — и самъ не знаю.

— Ну, да ужь теперь кончено—все равно. Вонъ Удаловъ къ намъ идетъ. Онъ съ экзамена; пойдемъ на встрѣчу.

— Послѣдній экзаменъ, говоритъ, подходя къ Ивину, Удаловъ и какъ-то не глядя на меня, молодцовато закинулъ голову.

— Сколько? спросилъ Ивинъ быстро.

— Двѣнадцать, отвѣчалъ Удаловъ довольнымъ, но совсѣмъ усталымъ голосомъ! Видно было, какъ трудно и скучно это отличіе ему досталось.

— Ну, а что генералъ? спросилъ опять Ивинъ.

— Обыкновенно... ну, тамъ, хорошо... да нѣтъ, чтожь! отвѣчалъ Удаловъ, хмурясь. Онъ вообще не любилъ про себя хорошо говорить и терпѣть не могъ, когда его въ глаза хвалили.

— Всегда, всегда! сказалъ Ивинъ, съ удовольствіемъ глядя ему въ глаза и дружески улыбаясь:—только вѣдь ты уѣдешь отъ насъ, прибавилъ онъ гораздо тише.

— Въ Петербургъ, сказалъ Удаловъ, даже какъ-то потянувшись и немного закрывъ глаза. Въ этомъ словѣ такъ и слышалось, какъ оно много для него значило. Точно съ этимъ словомъ тысячи мыслей, надеждъ, желаній вдругъ пронеслись въ душѣ его...

— Когда тебя теперь увидишь? прибавилъ Ивинъ.

— А ты оставайся въ классахъ! почти грубо перебилъ Удаловъ: — авось скорѣй увидимся!—Да еще не сейчасъ ѣхать-то... Въ лагеряхъ поживемъ.

— Удаловъ, говорилъ, быстро подбѣгая, одинъ кадетикъ:— я былъ сейчасъ въ пріемной—васъ тамъ дамы какія-то спрашиваютъ.

Удаловъ, пожавъ руку Ивину, быстро повернулся и пошелъ, заложивъ руки въ карманы и посвистывая...

VII.

.... Послѣ ужина нашу роту выстроили въ три шеренги.

— Тише, тише, господа! Не разговаривать! кричалъ маленькій дежурный офицеръ,—сейчасъ директоръ будетъ!

Все затихло. Мы стояли молча, не шевелясь. Двѣ лампы тускло освѣщали длинную залу. Огонь ихъ полосами переливался по вылощенному паркету и сверкалъ на мѣдныхъ пуговицахъ куртокъ. По полу и по стѣнамъ до потолка качались огромныя тѣни и рѣзко выдѣлялись изъ бѣлыхъ рамъ черные квадраты стеколъ. Дежурный офицеръ сталъ противъ насъ и надѣлъ каску, приготовляясь встрѣтить директора.

— Тише, тише, господа! кричалъ онъ.

А въ открытое окно, прямо въ лицо мнѣ вѣяло такой свѣжей прохладой, такой волной вливалась она въ залу, такъ широко дышала грудь, и темно, темно на небѣ... Огоньки мелькали какіе-то вдали, какъ звѣздочки, и тихо, тихо было.

— Это звѣзды съ неба упали и свѣтятъ на землѣ, думалъ я, кто-то тамъ сидитъ теперь за этими огоньками?

Но вдругъ упало сердце. Я было совсѣмъ на минуту позабылъ, что меня ожидало.

— Что-то будетъ, что-то будетъ? Господи! Еслибы не то? Что бы это такое было?

— Смирно! вдругъ крикнулъ офицеръ, почти подбѣгая къ директору, и быстро проговорилъ рапортъ.

Директоръ вошолъ, строго нахмурившись, поднявъ сѣдую голову и заложивъ руку за бортъ сюртука.

Онъ медленно сталъ обходить ряды съ офицеромъ.

— Здравствуйте, господа!

— Здравія желаемъ, в. п-ство! крикнули кадеты.

Противъ меня онъ остановился.

— Черневскій!

Я сначала вздрогнулъ, какъ будто впередъ не ожидалъ, что меня вызовутъ, потомъ ступилъ шагъ впередъ, вытянулся во фронтъ и уставился на густые эполеты директора, которые переливались золотомъ на огнѣ лампы.

— Это я васъ встрѣтилъ сегодня въ такомъ неглиже?

Я молчалъ.

— Отвѣчай же! И, не дождавшись моего отвѣта, продолжалъ: — этотъ господинъ шолъ вчера по улицѣ въ фуражкѣ, увидѣлъ меня и хотѣлъ уйти въ какія-то ворота. Это ему не удалось. Я васъ, господа, предваряю, что за подобныя вещи буду строжайшимъ образомъ взыскивать. Форма должна быть строго соблюдаема. Слышите! крикнулъ онъ, сильно ударяя на словѣ «строго». —У меня прошу подобныхъ вещей не дѣлать! Это еще что! Что за глупость и что за дерзость! Какъ смѣть ослушаться? Я вамъ покажу, какъ слушаться! Какъ вы смѣли это сдѣлать? Зачѣмъ вы это въ фуражкѣ были?

Директоръ, когда сердился, говорилъ «вы».

— Я... в. п-ство...

— Молчать! Что-о-съ? Ужь вы не объясняться-ли вздумали? прибавилъ онъ насмѣшливо.—И какъ это хорошо! какъ благородно! Бѣгать въ подворотню! Гадко, скверно! Да-съ! Вамъ впередъ конечно не то будетъ, а теперь маршъ подъ арестъ! Но-съ! безъ разговоровъ! На три дня подъ арестъ!

Мнѣ было ужасно стыдно передъ ротой, что я прятался въ самомъ дѣлѣ въ ворота. Мнѣ вдругъ представилось, какъ это подло, скверно, какъ нужно было прямо идти на встрѣчу бѣдѣ... хоть отъ этого, конечно, наказаніе не было бы легче. Но въ сущности у меня все-таки отлегло отъ сердца, какъ всегда бываетъ, когда кончится что-нибудь, чего съ тоской и со страхомъ ждешь, и кончилось еще сравнительно легко.

Я все это перечувствовалъ, глядя на сверкающіе эполеты директора. Мнѣ случалось, конечно, быть подъ арестомъ, но тутъ вдругъ передъ ротой осрамили. Мнѣ стало неловко, тяжело, слезы къ горлу подступили, но заплакать въ эту минуту я боялся пуще всего на свѣтѣ. Это было бы у насъ верхъ стыда.

— Отведите его подъ арестъ, повторилъ директоръ.

Дежурный ефрейторъ, въ каскѣ и съ тесакомъ, молча повелъ меня черезъ длинный, мрачный корридоръ въ классы. Въ темной глубинѣ корридора тускло мерцала ночная лампа.

— Вотъ его запереть нужно, сказалъ кому-то ефрейторъ.

Я едва разглядѣлъ въ темнотѣ фигуру сѣдаго класснаго солдата. Ключъ щелкнулъ въ замкѣ.

— Послушай, сказалъ я ефрейтору: — попроси кого-нибудь изъ нашего отдѣленія, чтобы завтра занесъ мнѣ мои вещи.

— Хорошо, скажу, отвѣчалъ тотъ, пропадая въ темнотѣ.

— На долго васъ? спрашиваетъ солдатъ, впуская меня въ комнату и зажигая лампу.

— На три дня.

— Ну, я васъ запру. Директоръ въ корпусѣ теперь. Вы окно не отворяйте—мнѣ достанется.

Ключъ звонко щелкаетъ за нимъ, и онъ уходитъ въ темноту, громко зѣвая и тяжело крестясь.

О, Господи, Господи! слышится подъ сводами. По высокимъ, голымъ стѣнамъ ходятъ длинныя, пасмурныя тѣни. Тихо; только съ улицы слышенъ трескъ одинокихъ дрожекъ, да гудятъ по корридору мѣрные шаги роты.

— Молитву кончили, спать идутъ, думаю я.

Странное дѣло! Всякому, конечно, случается просидѣть въ одной комнатѣ безвыходно, и ничего отъ этого не дѣлается. Но попробуй кого-нибудь запереть въ эту же комнату насильно...

...Какъ звѣрь въ клѣткѣ, ходишь изъ угла въ уголъ съ проклятіями и со злобою. Какъ-то больно на сердцѣ, точно тамъ глубокая рана, и каждый яркій и теплый солнечный лучъ, каждый веселый крикъ, который до васъ доносится, ядомъ растравляетъ эту рану. Въ ужасѣ чувствуешь, какъ точно съ ума сходишь, перестаешь будто думать и наконецъ чувствовать что-нибудь, кромѣ тоски по волѣ, глухой, тяжелой тоски. Камнемъ ложится на душу это тяжолое, молчаливое время и вѣчно потомъ будетъ замирать сердце при воспоминаніи о немъ...

Но какъ ни дико кажется, а я любилъ аресты въ корпусѣ, конечно недолгіе. Трудно представить не испытавшему, какъ начинаешь цѣнить уединеніе, когда день и ночь окруженъ шумной оравой товарищей, и какъ противѣетъ это насильственное сожительство. Радуешься, что вотъ остаешься одинъ наконецъ, что никто не придетъ крикнуть подъ ухомъ, никто не подтолкнетъ локтя и не вырветъ изъ-подъ тебя табуретку, когда дѣлаешь видъ, что учишь урокъ для успокоенія своей совѣсти и обмана начальства, и когда, вмѣсто скучнаго урока, читаешь между строками что-то такое хорошее, чудесное, такъ что духъ захватываетъ отъ восторга.

Забьюсь вонъ туда въ уголокъ и буду все думать, думать... Да не о томъ, что теперь я могъ бы быть въ отпуску.... это

задоръ! А вотъ отомъ, что будетъ; когда я наконецъ вырвусь отсюда, о томъ, что будетъ *тогда, послѣ*...

И сильно, жарко бьется сердце.

Когда я сидѣлъ подъ арестомъ, былъ праздникъ. Третьяго дня было такое свѣтлое, солнечное утро! Пріѣзжали папеньки и маменьки и брали разныхъ мальчугановъ, большихъ и маленькихъ, въ отпускъ на цѣлую недѣлю. Мальчуганы шли съ билетами за пуговицами и въ полной формѣ—въ каскахъ и съ тесаками. Какъ мнѣ грустно было, какъ завидно! За мной никто не пріѣхалъ. А я все ждалъ, что вотъ придетъ въ роту усатый швейцаръ и крикнетъ: «Черневскій!» И каждый разъ билось сердце мое при видѣ красной ливреи. Но напрасно, — онъ все другихъ вызывалъ.

Какъ отпускнымъ должно быть теперь весело! Господи! думалъ я что за тоска! хоть бы подъ арестъ посадили! Все равно быть запертымъ въ той или въ другой комнатѣ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, шуму не будетъ. Мое желаніе теперь исполнилось. И все-таки грустно. Какъ отпускнымъ должно быть весело! Я уѣхалъ бы со всѣми, съ каждымъ! Въ каждомъ тарантасѣ, въ каждыхъ дрожкахъ! Уѣхалъ бы въ каждый домъ и домикъ, и весело бы тамъ обѣдалъ при стукѣ ножей и тарелокъ, въ комнатѣ, облитой жаркимъ солнечнымъ свѣтомъ, и крѣпко цаловалъ бы какую-нибудь маленькую сестренку, важно объясняя ей значеніе блестящей каски и тесака.

А иные въ деревню поѣхали.

Въ деревню! И я когда-то ѣзжалъ туда. Хорошо въ деревнѣ. Какія ночи теплыя, свѣтлыя! Какія высокія, высокія деревья!

Ночью деревья кажутся выше. Яркимъ днемъ можно ихъ измѣрить глазами, видно, какъ качается на самой высшей вѣткѣ листокъ и рѣзко очерчивается на свѣтло-голубомъ небѣ. Ночью его не увидишь — онъ тамъ слился съ сѣрой тучкой и, Богъ его знаетъ, не скрылся-ли куда. Безшелестно стоятъ деревья, какъ привидѣнія, уходя въ какую-то вышину, ужасную вышину, темно-синюю, съ лучистыми, острыми точками, что искрятся тамъ, то вспыхивая, то потухая. Безшелестно стоятъ деревья и точно тамъ между ними ничего нѣтъ, но тамъ между росистыми вѣтками тянутся теплыя тѣни, неподвижно лежитъ сырой мракъ, тихо вздрагиваетъ маленькая птичка, качается легкое гнѣздышко съ желторотыми, глупенькими птенчиками, которымъ вдругъ приснится, что мать имъ червячка несетъ — ихъ

сколько ни корми, а они все «блаженни алчущіе» — и разѣваютъ они носики, и поднимаютъ пискъ, и спугиваютъ старую, сонливую ворону, и ворона, медленно каркнувъ, тяжело перелетаетъ на сосѣднее дерево. Безшелестно стоятъ деревья и черными вершинами высоко уходятъ въ небо, и вдругъ между листьевъ посыплются и потянутся яркія, раздражающе-свѣтлыя, бѣлыя нити тонкихъ лучей, и на чистую, какъ граненый хрусталь, синеву выходитъ мѣсяцъ.

Выходитъ мѣсяцъ, и въ серебристой ночной травѣ вдругъ весело вспыхиваетъ множество свѣтлыхъ, крошечныхъ мѣсяцевъ и ласково освѣщаютъ другъ друга и тянутъ незамѣтные, отвѣтные лучи прямо на небо, къ большому мѣсяцу. Облачка пыли подъ стучащимъ колесомъ и подъ свѣтлой подковой забѣлѣлись какъ туманъ, и запоздалый человѣкъ гонитъ лошадь и, оглядываясь по сторонамъ, видитъ, что вмѣсто пней встаютъ какіе-то люди не люди, но только, чортъ знаетъ, что-то нехорошее — сердце сжимается! А тутъ, качаясь, какая-то тѣнь, длинная тѣнь, до самой рѣки протянулась, неизвѣстно чья тѣнь, и по всему лѣсу пронеслось: «ого-го-го-го-го!»

Люблю я ихъ, эти тѣни, этихъ духовъ, что живутъ вездѣ и пугаютъ насъ по ночамъ. Ихъ нѣтъ совсѣмъ — я это знаю. Вы давно, вырубая лѣса и презрительно смѣясь, разсказали мнѣ это. И я самъ—какъ я надъ ними смѣялся! Но эти таинственныя тѣни, эти добрые духи отвели тихонько въ моемъ сердцѣ уголокъ и живутъ себѣ припѣваючи. Все еще вздрагиваютъ всѣ мои жилы, когда я слышу, идя по лѣсу: ого-го-го-го!

И какое они участіе во мнѣ принимаютъ! Имъ хочется, имъ весело меня напугать, какъ маленькой сестрицѣ или братцу, что спрятавшись, терпѣливо и долго ждетъ, когда я пройду мимо двери, чтобы крикнуть «ухъ!» хлопнуть въ ладошки и потомъ, цалуя и смѣясь, просить у меня за это прощенія. И мнѣ съ ними веселѣе... Да и немудрено—вѣдь они знаютъ меня съ самой колыбели, росли вмѣстѣ со мною.

Хорошо дремлется на соломѣ тарантаса! Бѣлѣетъ хвостъ пристяжной, ямщикъ покачивается на козлахъ и махаетъ кнутикомъ.

Мнѣ дремлется. И такая радость на сердцѣ—мы сейчасъ домой пріѣдемъ. Какія-то облака, темныя и свѣтлыя, проходятъ передъ глазами.

Мѣсяцъ зашолъ—стемнѣло.

— Стой! пойду отопру околицу, кричитъ кто-то...

Заскрипѣли хворостяныя связки воротъ; лошади, въ темнотѣ, фыркая и помахивая хвостами, тронули тарантасъ. Опять протяжно скрипнули связки. Нашъ прикащикъ Лукьянычъ идетъ около тарантаса. Слипаются глаза. Какіе-то кружки черные, красные, синіе носятся передъ глазами.

— Петръ Васильичъ! заснули? Домой пріѣхали! кричитъ Лукьянычъ.

— Я? Нѣтъ, я не заснулъ! Домой? Гдѣ?

— Вонъ и церковь, а вонъ и мельница.

Какая-то высокая, недвижная масса съ переходами крылецъ потянулась въ сторонѣ. А тамъ надъ тускло-мерцающею водою длинная полоса плотины и тихая мельница, окруженная темными купами остролистыхъ вётелъ. Слышно, какъ у запертаго колеса ея звонко льется на спящую гладь пруда прорвавшаяся струйка. Вонъ деревня, два, три огонька, знакомый домъ съ освѣщенными оконцами; лаютъ собаки и летучая мышь, какъ тѣнь, неслышно проплыла въ воздухѣ.

Какъ бьется сердце! Что же это такъ тихо ѣдутъ лошади? Право, я лучше выскочу и гораздо скорѣе добѣгу до крыльца. Ямщикъ смѣется. Нѣтъ, говоритъ, не добѣжите! Это, говоритъ, сердечко ваше бѣжитъ... Какъ сердечко можетъ бѣжать? Что за вздоръ! На крыльцѣ дома Лукьянычъ. Вноси чемоданъ, говоритъ онъ. Буянка лаетъ. «Буянка, Буянка!» кричу я — и мнѣ такъ весело, что она хвостомъ махаетъ!

Но вотъ облако какое-то прошло, и на крыльцѣ дома я вижу директора. Выноси чемоданы! Вы что это сдѣлали? кричитъ онъ и закладываетъ руку за бортъ сюртука. Не-съ! маршъ! Безъ разговоровъ! Директоръ ростетъ все выше и выше; кругомъ облака. Воздухъ душнѣе и душнѣе — дышать трудно.

— Простите! говорю я въ страшномъ испугѣ,

— Бери его! раздается крикъ.

Я закрываю глаза отъ ужаса и чувствую сильную боль въ спинѣ.

— Простите! кричу я и просыпаюсь.

Лампа потухла и чадитъ. Спина болитъ отъ спанья на полу. Мѣсяцъ неподвижно стоитъ въ стеклѣ окна, которое кажется такимъ чистымъ, голубымъ и всѣми шестью квадратами ярко ложится на полъ.

Бѣлымъ, прозрачнымъ столбомъ голубой лучъ тихо стоитъ въ комнатѣ, переливается какъ пламя на вычищенномъ отдушникѣ, и сверкаетъ на мѣдной черниильницѣ ярко и рѣзко.

Не спится. Грустно что-то. Отворю окно. Свѣтлая ночь, прохладная ночь... Звѣздъ все больше и больше, чѣмъ больше всматриваешься въ эту чистую глубь. Видѣнъ каждый камень вымощеннаго двора и окна надворныхъ строеній блестятъ какимъ-то ровнымъ голубымъ свѣтомъ. Все точно стоитъ и притаило дыханіе. Воздухъ неподвиженъ; какъ ножомъ прорѣзало его протяжное «слушай» караульнаго...

Въ двери щелкаетъ ключъ. Изъ темноты показались сѣдые баки и добрые глаза, съ мелкими морщинами подъ ними, старика солдата, который вошолъ со свѣчой.

— Зачѣмъ, вы окно отворяете? Мнѣ достанется. Не велѣно.

— Да, развѣ теперь кто придетъ? Ужь ночь.

— Случается, и ночью ходятъ.

— Скучно мнѣ что-то—посиди со мной. Ты, вѣдь все равно, не спишь.

— Днемъ буду спать — теперь нельзя. Да разговаривать-то намъ съ вами не велѣно.

— Ну ничего. Садись тутъ, шей. Вѣдь все равно!

Старикъ, не глядя на меня, вмѣсто отвѣта, угрюмо опускается на полъ, кладетъ на колѣни сѣрое сукно и старается продѣть дрожащей, жилистой рукой нитку въ иголку, щуря на свѣчку глаза. Огромныя тѣни закачались по стѣнамъ и столбъ мѣсячныхъ лучей поблѣднѣлъ передъ краснымъ пламенемъ свѣчки.

— Дай, я тебѣ вдѣну...

— Скучно что-то, замѣтилъ я, когда старикъ началъ шить.

— Веселиться не съ чего—правда.

— Послушай, принеси мнѣ завтра говядины изъ кухни.

— Говядины? А знаете, что нашему брату за нее бываетъ? На старости лѣтъ спину-то подставлять не ладно.

— Да нѣтъ, ничего...

— Вамъ-то ничего. Молоденьки—какъ съ гуся вода. Только плюнете, до свадьбы заживетъ. А намъ свадьбы не играть. Это и принимать опаску изъ-за вашихъ пустяковъ?

— Нѣтъ пожалуйста, вѣдь это ты такъ говоришь. У васъ, говорятъ, теперь хорошо...

— Хорошо у насъ... да... оно хорошо! солдатъ потупился и замолчалъ.

Тихо кругомъ, только раздалось «слушай», да затрещали крылья ночной бабочки, налетѣвшей на огонь.

— Эхъ тебя въ огонь сунуло! серьёзно замѣтилъ старикъ, осторожно снимая бабочку съ сала.

— Кто-то идетъ, сказалъ я, прислушиваясь.

— Кому идти? Домовой! Старикъ улыбнулся.

— Домовыхъ нѣтъ, замѣтилъ я съ убѣжденіемъ.

— Нѣтъ? А вы спросите у вашего солдата, у Ѳедорова, онъ вамъ разскажетъ...

— А что, — развѣ онъ ихъ въ корпусѣ видѣлъ?

— Говоритъ, видѣлъ. Домовой не домовой, Богъ ихъ знаетъ, только видѣлъ.

— Какъ? Разскажи!

— Да что? Говоритъ — видѣлъ. Онъ, вѣдь, у васъ въ ротѣ спалъ прежде, въ пустой-то. Изъ нея стеклянная дверь въ большую залу, гдѣ экзаменъ бываетъ. Онъ и легъ у той у двери и заперся со всѣхъ сторонъ. Только ночью слышитъ стучатъ за дверью. Онъ, какъ глянетъ, — такъ и обмеръ. Тамъ и стулья-то передвигаютъ и по столамъ бѣгаютъ, а кто — не разберешь — темнó. Да такъ, говоритъ, возьметъ стулъ, ударитъ объ полъ, да такъ и загрохочетъ, такъ и загрохочетъ! Ѳедоровъ-то бѣжать, да съ перепугу и забудь, гдѣ ключи положилъ. Такъ я, говоритъ, забился въ уголъ да все, какъ въ лихорадкѣ, трясся.

— Ну что же потомъ?

— Ночью, говоритъ, самъ видѣлъ какъ всѣ стулья были побросаны, а потомъ и поутихло, да я, говоритъ, къ двери не посмѣлъ до утра подойтить, а утромъ, говоритъ, смотрю, все какъ есть на мѣстѣ.

— Да онъ это во снѣ видѣлъ!

— Во снѣ? Ну что зря толковать — во снѣ! разсердился старикъ. — Ѳедоровъ человѣкъ не зрящій какой или пустой чтобъ былъ. Онъ бы такъ и сказалъ — во снѣ. А то — во снѣ!

— Ну такъ это наши кадеты залѣзали.

Старикъ даже шитье бросилъ.

— Какъ они залѣзутъ? Ну, какъ они залѣзутъ? Черезъ пять дверей въ щелочку? Сами вѣдь знаете, что нельзя этого сдѣлать. Ну, откуда они ключи возьмутъ? А сломать замокъ, такъ это вѣдь видно. Мы утромъ ходили — все цѣло.

— Ну такъ что жь это было?

Откровенно говоря, мнѣ самому хотѣлось, чтобъ онъ видѣлъ это не во снѣ и чтобъ это были не кадеты. Спросилъ же я въ надеждѣ получить какое-нибудь странное и таинственное объя-

сненіе, напримѣръ, что это были, по крайней мѣрѣ, воры. Но зачѣмъ они зайдутъ во второй этажъ корпуса передвигать стулья?

Отвѣтъ былъ самый неудовлетворительный.

— Почемъ я знаю. Да и не одинъ онъ, продолжалъ уже самъ старикъ: — а вотъ еще, не трусъ, кажется, нашъ каптенармусъ. Онъ говоритъ, что пошелъ вечеромъ на чердакъ и видитъ въ углу что-то бѣлое. «Кто тутъ?» кричитъ. Никто не откликается, только бѣлое что-это точно шаркаетъ эдакъ и къ нему идетъ. Онъ перекрестился да прямо на бѣлое, а тамъ ужь ничего нѣтъ.

— Что же, онъ послѣ не ходилъ? спросилъ я, и въ страхѣ глядѣлъ на темную дверь, гдѣ мнѣ чудилось ужь что-то бѣлое...

— Ходилъ и послѣ, тоже вечеромъ, только ужь не одинъ, а съ буфетчикомъ. Только слышутъ, кто-то стонетъ, словно зоветъ такъ: «помоги-и-те», Да такъ жалостно. Каптенармусъ хотѣлъ туда идти, да буфетчикъ испугался, бѣжать назадъ. Объ балку зацѣпился, упалъ, да какъ заоретъ: «караулъ, смерть моя пришла!» Онъ къ нему, тащитъ его внизъ — видитъ, человѣкъ чуть ума не рѣшился. Тутъ не до того было. А тамъ все стонетъ, все стонетъ...

— Ну и что же, послѣ никто не ходилъ? спросилъ я, чуть не плача отъ страха и какого-то страннаго наслажденія.

— Ходили. Въ трубѣ помойной нашли мертваго, нашего золотаря, солдата. Задохся тамъ, должно быть.

— Ахъ, это вѣрно онъ стоналъ! Зачѣмъ же онъ тамъ былъ?

— Чистилъ. Зачѣмъ? Ну и задохся потомъ. Не докликался, вѣрно, никого.

— Я никогда не былъ на чердакѣ, да туда теперь изъ насъ никто, я думаю, не ходитъ.

— Теперь нельзя — строже. А прежде и вверху, и внизу ходили. Двое такъ убѣжали разъ было изъ корпуса совсѣмъ.

— Какъ убѣжали? Я не слыхалъ.

— Давно ужь это было. Былъ одинъ кадетъ большой такой; вы ужь его не застали. Говоритъ мнѣ разъ: стосковался я здѣсь, смерть моя — я, говоритъ, уйду. Ну, посмѣялись мы это тогда. Гдѣ, говорю, уйти, вы молъ и дорогу-то не найдете. Куда молъ вамъ уйти! А вотъ уйду, говоритъ. Чтожъ? Приготовили они разъ себѣ къ ночи деньги и все. Говорятъ, положили на постели вмѣсто себя чучелъ изъ бѣлья, чтобы не хватились ихъ; взяли

ножи столовые да въ кухню, стребовали себѣ говядины у повара. Какъ ужь онъ имъ далъ, побоялся что ли — не знаю, или денегъ они дали. Ну и пошли. Осень была, дождикъ шелъ. И что же? Вотъ ужь Господь Богъ не попустилъ! Идутъ они это у самой ужь заставы, улица такая глухая, и нужно же было! Нашъ офицеръ одинъ былъ у кого-то тоже около заставы. Идетъ ночью и на-веселѣ. И, не будь онъ выпивши, никогда бы онъ ихъ въ эку темень не окликнулъ. А тутъ кричитъ: «кто вы такіе за люди?» Солдаты, говорятъ, ваше благородіе! и фуражки сняли. А онъ какъ завопитъ съ пьяныхъ-то глазъ: «бери! вяжи!» Ну, тутъ отъ заставы подошли, похватали ихъ какъ-то...

Мнѣ стало за нихъ страшно.

— Что же имъ было за это?

— Что? отвѣчалъ угрюмо старикъ, вдѣвая нитку: — за это извѣстно не похвалятъ.

— Очень имъ досталось?

— Да, началъ онъ съ разстановкой: — извѣстно!

Я замолчалъ и задумался. Глаза начали слипаться отъ усталости. Дикіе образы, мрачные и безсвязные, носились передо мною. Я видѣлъ какую-то темную пропасть; смрадные пары клубились надъ нею, и слышалось печальное протяжное: «помогите!» Я иду къ пропасти. Меня встрѣчаетъ Лукьяничъ съ Буянкой.

— Куда вы? спрашиваетъ онъ: — вы тамъ пропадете!

— Что же дѣлать? что дѣлать! кричу я отчаянно.

Изъ тумана выходитъ Буянка.

— Но-съ, кричитъ онъ: — маршъ безъ разговоровъ! Въ воду его!

Я окунаюсь во что-то страшно-холодное. Дрожь пронимаетъ члены... Я просыпаюсь...

Заря блѣдно-красными лучами блеститъ по стѣнамъ. Въ окно вѣетъ холодомъ, комната заперта и старикъ давно ушелъ.

Я сѣлъ на окно. Зеленая вѣтка дерева высоко стояла въ самой полосѣ зари и казалась такою свѣжею и точно вырѣзанною. На ней сидѣла, встряхиваясь, между росистыми листьями, сѣренькая птичка, и съ этой вѣтки неслись кругомъ во всѣ стороны чистыя, утреннія пѣсни...

Все свѣтлѣе и свѣтлѣе сверкаетъ полоса зари. Вотъ еще минута и ярко вспыхнула въ срединѣ ея огненная точка и оза-

рила свѣжимъ красноватымъ свѣтомъ камни мостовыхъ, трубы домовъ и бѣлыя крылья раннихъ голубей, мелькавшихъ въ синемъ небѣ.

Я долго сидѣлъ не шевелясь, какъ очарованный. Но вотъ по корридорамъ мѣрно раздались шаги идущей къ завтраку роты и крики офицера:

— Не разговаривать, господа! Сколько мнѣ разъ повторять! Я наконецъ наказывать буду!

Обычный день начинался...

VIII.

ЛАГЕРЬ.

Пошли послѣдніе заборы и домики, и показалась маленькая бѣлая церковь....

— Батальонъ стой! хрипло скомандовалъ толстый полковникъ, поворачивая къ намъ свою сѣрую лошадь, и вложилъ саблю въ ножны.

— Къ ногѣ! вольно, поправсь! кричалъ онъ.

Ружья мелькнули яркими полосками на солнцѣ; въ массѣ батальона слышался глухой говоръ. Кадеты подбирали шинели, снимали каски и ранцы и складывали ружья въ козлы. Офицеры по двое, или по трое собирались въ сторонѣ.

Сзади ѣхали экипажи родственниковъ кадетъ и офицеровъ.

По сторонамъ, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, шло много любопытныхъ, хотя было еще довольно раннее утро. Мальчишки глазѣли на наше блестящее вооруженіе и на знамя, раннія ротъ. Нѣкоторые аматеры страннаго вида въ родѣ мѣщанъ, безъ всякой, по видимому, надобности, мало того, что провожали насъ по всему городу, но проходили еще съ версту за городъ.

Нероновъ что-то хлопоталъ.

— Господа! кому за пирогъ нести ружья? говорилъ онъ, уже таща два ружья. Это значило, что на привалѣ будутъ раздавать пироги, а онъ пронесетъ ружья двухъ лишнихъ за эти пироги.

— Усталъ ты? спросилъ я, подходя къ Ивину.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — а ты, вѣрно, въ первый-то разъ усталъ?

— Плечо ломитъ, и спинѣ отъ ранца больно.

— Обойдешься — главное-то впереди. Мы впрочемъ теперь вольно пойдемъ.

— Давай вмѣстѣ идти.

— Нельзя, я въ пѣвчихъ—насъ вызовутъ впередъ.

— Смиррно! крикнулъ полковникъ. Мы выстроились.

— Авангардъ впередъ, аррьергардъ назадъ!

Это мнѣ было въ первый разъ. Я взглянулъ: аррьергардъ поднялъ значекъ и, блистая мѣдью касокъ и штыками, тронулся.

— Пѣсенники впередъ! Шагомъ, маршъ!

Знамя впереди качнулось,—ряды касокъ заколебались, и вся масса тронулась. Ивинъ былъ впереди съ пѣвчими, около музыкантовъ. Удаловъ, страстный любитель пѣнія, хотя не былъ въ пѣвчихъ, но сталъ туда и даже началъ распоряжаться, и его слушались почему-то.

«Въ лагерь выступаемъ дружными рядами!» начали было пѣвчіе хоромъ громко.

— Стойте, господа! крикнулъ Удаловъ, у котораго глаза разгорѣлись, и размахнулъ ружьемъ. Что! Это не то! Нѣтъ — вотъ: «Эхъ, на что было...» Ну, Ивушка, начинай!

«Эхъ на что было огородъ городить!» полился къ голубому небу звонкій голосъ Ивина, «эхъ, на что было капусту садить!» . . . .

«Эхъ, на что было капусту садить.» стройно и съ одушевленіемъ подхватилъ хоръ.

Солдаты —барабанщики съ удовольствіемъ оглядывались; одинъ не выдержалъ и, пригнувъ немного на бокъ голову, началъ подбивать тактъ на барабанѣ глухой дробью...

Съ пѣснями прошли мы предмѣстье города, прошли кирпичный заводъ, потомъ какой-то пороховой магазинъ, повернули за уголъ мимо огорода, и вотъ вышли совсѣмъ въ поле... Было какое-то гордое и пріятное чувство быть въ этой стройной толпѣ, на которую такъ всѣ любуются. Я любилъ всегда принадлежать крѣпко къ какой нибудь массѣ—это чувство я встрѣчалъ довольно впрочемъ часто и въ другихъ, — Мнѣ казалось, что вотъ эта женщина, или этотъ господинъ именно на меня смотрятъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, глядя на массу, никого не замѣчаешь. Съ пѣснями легче и пріятнѣй было идти, и кромѣ того на всѣхъ насъ, конечно, большею частію безсознательно, дѣйствовалъ видъ этой безконечно-волнующейся степи, подъ яркимъ солнцемъ и синимъ

небомъ, среди этого полеваго свѣжаго воздуха. Мы вѣдь почти годъ сидѣли въ комнатахъ...

— Хорошо! сказалъ мнѣ Ивинъ, когда я вмѣшался тоже въ толпу пѣвчихъ. И вдругъ уже съ какимъ то восторгомъ вырвалось у него изъ груди:

«Ахъ ты, степь моя, степь широкая!

«Поросла ты, степь ковылемъ травой!» подхватилъ хоръ.

Она синѣла лѣсками вдали, зеленѣла, цвѣла и желтѣла эта степь и шумѣла рожью. А рожь, тихо склоняясь, точно встрѣчала насъ.

Штыки авангарда виднѣлись изъ за пригорка впереди, сзади горѣли главы городскихъ церквей, и батальонъ съ пѣснями шелъ по дорогѣ, подымая облако пыли. Въ облакѣ этомъ мелькала фигура полковника, бѣлѣлась наклоненная голова его лошади и, высоко вздымаясь, волновалось знамя....

Уже смеркалось и темнѣло, когда Ивинъ сказалъ мнѣ: вотъ сей часъ за пригоркомъ будутъ лагери, гляди—вонъ!

Вдали въ темнѣющемъ уже и туманномъ полѣ показались какія то бѣлыя полоски и мелькнули огоньки. Справа, какъ бы островомъ въ морѣ прозрачнаго тумана, темнѣлъ лѣсъ.

Мы уже очень устали. Пѣсни не пѣлись. Пріятно было подумать, что тамъ, гдѣ эти огоньки,—ждетъ насъ ужинъ, постели и отдыхъ....

И пошли дни за днями. Собственно говоря,—лагерь былъ на скверномъ мѣстѣ расположенъ. Гладкое пустое поле вправо, назадъ и впередъ. Назади за бугромъ виднѣлась церковь дальней деревеньки, и только влѣво шелъ густой лѣсъ. Но мы два раза въ день ходили этимъ лѣсомъ къ рѣкѣ купаться. Утромъ, выпускной классъ въ широкихъ парусинныхъ курткахъ, съ кольями, цѣпями и астролябіей, и еще какими-то инструментами, весело разговаривая, шелъ на съемку партіями, съ офицеромъ—математикомъ въ лѣсъ, въ поле, въ сосѣднія деревни. Ѣздили и на пароходѣ какомъ-то за рѣку и потомъ, воротившись, Удаловъ долго и серьезно толковалъ съ фельдфебелемъ, и они дѣлали какія-то мудреныя вычисленія. На доскѣ наклеивали бумагу и чертили планъ рѣки и деревни....

— И я буду то же дѣлать, думалъ я; мнѣ было пріятно помечтать объ этомъ.

Приближался срокъ отъѣзда старшаго класса. Съемки прекратились.

За день до отъѣзда, Удаловъ подошелъ къ Ивину утромъ.

— Ну, Ивушка, завтра ѣхать, ты ужь побудь нынче со мной. Уложиться помоги.

И они цѣлый день ходили вмѣстѣ, что-то тихо и много говорили, потомъ подъ вечеръ Удаловъ вынулъ новенькій чемоданъ, разстегнулъ его и началъ съ Ивинымъ перекладывать разныя вещи, очевидно купленныя къ отъѣзду.

— Духи, говорилъ Ивинъ съ улыбкой, разсматривая что-то на свѣтъ. — Франтъ!

— Ну, оставь! почти сердился Удаловъ и пряталъ флаконъ.

Всѣ эти приготовленія, на которыя я смотрѣлъ издали, возбуждали во мнѣ грустное, мечтательное раздумье. Что-то смутное, неясное, но волнующее сердце горѣло вдали, казалось, что это я, а не Удаловъ, собираюсь въ такую далекую дорогу, что я что-то забылъ, нужно что-то припомнить....

На другой день яснымъ утромъ, послѣ завтрака, повозки выѣхали въ переднюю линію. Выпускные, одѣтые по дорожному, подходили къ нимъ и укладывали вещи и чемоданы. Весь батальонъ высыпалъ на переднюю линію. Начали прощаться.

Фельдфебель прощался съ гренадерской ротой, Удаловъ тоже.

— Прощайте, господа, не поминайте лихомъ! говорили они.

— Прощай, прощай! дай Богъ тебѣ... слышалось со всѣхъ сторонъ. У многихъ на глазахъ были слезы.

— Не забудь же сказать въ городѣ, что я просилъ, говорилъ кому-то фельдфебель...

— Нѣтъ, не забуду; а ты передай письмо по адресу, въ Петербургѣ.

— Ну, садитесь, господа, скорѣй, распоряжался офицеръ, который съ ними ѣхалъ.

— Ну, прощай въ послѣдній разъ, Ивушка! прощай! говорилъ торопливо Удаловъ.

Ивинъ, весь въ слезахъ, крѣпко разъ пять поцаловался съ нимъ.

— Прощай, прощай! Напиши оттуда, какъ и что, а то забудешь тамъ насъ.

Онъ улыбнулся сквозь слезы.

— Гдѣ писать, говорилъ хмурясь Удаловъ: — нѣтъ, не напишу, а помнить-то ужь буду. Прощай! Онъ быстро повернулся и сѣлъ въ повозку.

— Ну, трогай, съ Богомъ! крикнулъ офицеръ.

Поѣздъ тронулся.

Я долго и задумчиво смотрѣлъ, стоя около Ивина, на рядъ повозокъ, тянувшихся по дорогѣ туда, далеко, за синѣющій лѣсъ, въ Петербургъ...

Сначала, по отъѣздѣ старшаго класса, день — другой у насъ точно чего-то не доставало; въ нашей ротѣ было тише, чѣмъ всегда, какъ обыкновенно бываетъ послѣ чего нибудь необыденнаго. Но потомъ все опять пошло по старому, начали переводить изъ роты въ роту. Меня, Юкова, Ивина, Неронова и многихъ другихъ перевели въ гренадерскую роту на мѣсто уѣхавшихъ. Мы избавились отъ высокаго капитана и рыженькаго. Нѣкоторые, прежде не замѣтные, начали опредѣляться, выясняться; со многими еще изъ старыхъ гренадерскихъ я сошелся.

Новый ротный нашъ командиръ рыжій, плотный, съ краснымъ лицомъ, былъ даже не злой человѣкъ, но глупъ былъ ужасно и горячъ при томъ.

У насъ было обыкновеніе держать разныхъ животныхъ въ лагеряхъ — щенятъ, птицъ. Нероновъ, еще только что явился въ лагерь, какъ гдѣ-то ужь досталъ себѣ молоденькаго вороненка, обрѣзалъ ему крылья и выкормилъ его. Онъ такъ и считался ротнымъ ворономъ. Всѣ его знали и любили. Бывало, утромъ рано облетитъ всѣ кровати и непремѣнно ужь стащитъ что нибудь, или сядетъ на кого нибудь.

— Гдѣ мой сапогъ? кричитъ кто нибудь утромъ.

Глядь, а воронъ, какъ-то смѣшно торопясь и прыгая бокомъ, тащитъ сапогъ, стараясь убѣжать отъ черненькаго крошечнаго щенка, который радъ бы догнать, да бѣгать еще не умѣетъ.

Общій хохотъ, и воронъ за это не только не наказывается, а даже награждается. Кто нибудь тащитъ ему сыраго мяса.

Утромъ, во время ученья, бывало, сидитъ гдѣ нибудь на палаткѣ и каркаетъ. Онъ знаетъ, что Нероновъ даетъ ему поѣсть. Тотъ беретъ его на руки. Ишь, подлецъ! говоритъ онъ, ударяя его съ удовольствіемъ.

Неронова разъ капитанъ поставилъ за что-то на штрафъ, около

своей палатки послѣ обѣда, а самъ легъ отдохнуть. Тому скучно было стоять. Онъ поймалъ ворона своего и пустилъ его въ палатку капитана. Воронъ прошелся по капитану и хотѣлъ, кажется, утвердиться у него на носу и началъ хлопать крыльями.

Капитанъ испугался и взбѣсился.

— Вонъ! прочь! Кши, кши! говорилъ онъ, размахивая руками и колотя бѣднаго ворона, который не могъ найти выхода и бился въ полотно палатки... Ворона онъ велѣлъ убить своему деньщику Иванову.

— Чей это воронъ? Это твой, Нероновъ? я тебя заморю на штрафѣ. И проморилъ. А Нероновъ посадилъ ему двухъ ящерицъ подъ подушку. Капитанъ съ крикомъ вскочилъ и бѣшеный выбѣжалъ изъ палатки. Обвинять было некого — ящерицы могли и сами залѣзть.

— Чтобъ этихъ, этихъ звѣрюшекъ не было, не было помину! брякнулъ онъ, сердясь, кажется, уже на всѣхъ животныхъ.

Эти «звѣрюшки» долго ходили анекдотомъ между нами.

Удаловъ 2-й, злой, черный и здоровенный мужикъ, двоюродный братъ уѣхавшаго Удалова и ни въ чемъ на того не похожій, былъ особенно изобрѣтателенъ.

У капитана подъ столомъ всегда стояла водка и огурцы. Вечеромъ, послѣ ужина онъ выпивалъ и закусывалъ.

Удаловъ 2-й, котораго онъ, кажется, полдня безъ обѣда проморилъ на жарѣ подъ ружьемъ, за это выпилъ у него всю водку дня за три, поѣлъ всѣ огурцы и завалился спать.

Нельзя было объ водкѣ поднимать дѣло, и капитанъ, къ чему-то привязавшись, поставилъ всю роту на штрафъ и потомъ повелъ еще вечеромъ на ученье.

Мы злились и роптали.

— Я ему задамъ! говорилъ, злобно усмѣхаясь, Удаловъ 2-й: — выкину штуку!

И выкинулъ. Когда всѣ легли спать, онъ кругомъ зашилъ капитанскую палатку.

Ночью капитанъ сунулся было полюбоваться природой, но встрѣтилъ непреодолимыя препятствія. Онъ бѣсился и ревѣлъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ.

— Ивановъ! Ивановъ! кричалъ онъ своему деньщику: — это что еще?

Изъ этого вышло даже дѣло. Удалова 2-го выдержали подъ арестомъ около мѣсяца на хлѣбѣ и водѣ.

Потомъ на ученьяхъ, когда мы бѣжали опушкой лѣса по кочкамъ, опустивъ штыки, съ крикомъ «ура», капитанъ, страстный фронтовикъ, обыкновенно одушевлялся и обращался къ намъ:

— Ну, ровнѣй, ровнѣй — разъ, разъ! ну!

Удаловъ 2-й, который былъ очень силенъ и ловокъ, вдругъ подставилъ ему незамѣтно подъ ноги ружье и капитанъ стремглавъ полетѣлъ на кочки, а Удаловъ 2-й уронилъ еще на него и ружье.

— Экія кочки! ворчалъ онъ, поднимая ружье и помогая съ участіемъ встать капитану. Мы же, едва удерживаясь отъ смѣха, бѣжали дальше. Капитанъ злился.

— Ты что?.. онъ также смѣется! накидывался онъ на Удалова 2-го: — ты! дрянь!

— Что вы ругаетесь, грубо возражалъ тотъ:—я же васъ еще и поднималъ!

— Но, молчать! Дрянь! пилитъ тотъ его: — ты бы брата въ примѣръ себѣ ставилъ! Брата старшаго!

— Что мнѣ брата? куда мнѣ его ставить! возражалъ-таки тотъ.

— Молчать! кричалъ ужь капитанъ.

Онъ и въ самомъ дѣлѣ ужасно надоѣдалъ. Ночи стоятъ отличныя, теплыя, спать не хочется, и мы, послѣ ужина, шинели внакидку, кучкой садимся на дернъ около палатокъ, или ходимъ по лагерю. Тянетъ, бывало, Ивинъ тихонько пѣсенку, кто-нибудь на гармоникѣ подъигрываетъ, ночь такая свѣтлая, тихая, такъ хорошо какъ-то всѣ поговариваютъ.

— Что это точно волкъ завылъ? спроситъ кто нибудь.

— Нѣтъ, это такъ, — какой же волкъ? отвѣчаетъ Нероновъ.

— А ты ихъ видѣлъ, волковъ-то?

— Два раза ихъ видѣлъ. Разъ мы съ отцомъ ужь осенью верхомъ ѣхали, говоритъ Нероновъ.—Лѣсомъ ѣхали. Отецъ пошелъ въ лѣсъ, а мнѣ лошадей далъ держать. Долго не ворочается. Только слышу — шумитъ это въ кустахъ, я думаю — отецъ, кричу—не отвѣчаетъ. А лошади такъ и бьются. Только ужь послѣ, какъ мы поѣхали съ отцемъ, изъ кустовъ изъ этихъ вышелъ волкъ, поглядѣлъ такъ, поглядѣлъ и пошелъ опушкой въ оврагъ, и пошелъ.

— Не кинулся? спросилъ я, слушая съ любопытствомъ.

— Они лѣтомъ смирные — сыты. Ѣдятъ коренья, мышей, ящерицъ, лягушекъ, а зимой—у! злые! бѣда! У насъ разъ купецъ

изъ бани вечеромъ шелъ, такъ напалъ; тотъ взлѣзъ на заборъ—кричать! Насилу спасся. Тутъ ужь прибѣжали люди — ушелъ.

И пойдутъ разговоры, — какіе волки бываютъ, какъ опасно подъ лагерями: въ рощѣ—чуть было не убили капитана 2-й роты, когда тотъ изъ города ночью на дрожкахъ ѣхалъ. А недѣлю назадъ такъ мертваго нашли...

— Мертваго! скажетъ кто-нибудь испуганно.

И всѣ помолчатъ. Кругомъ стоитъ ночь, раздается «слушай» часовыхъ, протяжно замирающее въ тепломъ тихомъ воздухѣ...

— Славно! говоритъ негромко Нероновъ, глядя на другихъ кадетъ, которые какъ тѣни идутъ мимо нашей кучки въ темнотѣ.—Да что мы носы развѣсили! вдругъ вскрикиваетъ онъ. Давай сюда гармонику! Качай! «Ахъ, вы сѣни мои, сѣни!»

«Сѣни новыя мои!» подхватываетъ Ивинъ, и за нимъ другіе. Нероновъ сбрасываетъ шинель долой и вылетаетъ вприсядку въ средину кружка. Вотъ еще сбросилъ шинель другой и — пошла писать...

— Ложиться спать! Ложиться спать! слышится сердитый голосъ, и капитанъ появляется изъ палатки:—что вы затѣяли тутъ еще? Это вы выспитесь послѣ обѣда, а ночью не спите—не смѣть же спать послѣ обѣда! Вотъ я вамъ задамъ!

Всѣ, ворча и нехотя, расходятся по палаткамъ.

— Ложиться спать! Не разговаривать! надоѣдаетъ капитанъ. Юковъ, чтожь вы! Удаловъ—я вотъ тебя! экая дрянь!

Новый фельдфебель Горнъ, математикъ, очень положительный и не глупый, кажется, недавно еще произведенный, нѣсколько конфузясь, распоряжается.

— Ну, ложитесь, господа, пожалуйста! упрашиваетъ онъ.

На другой день капитанъ, любившій отдохнуть послѣ обѣда, нарочно не легъ и ходитъ по палаткамъ, чтобы не спали.

— Ишь, выдумалъ! ворчалъ Удаловъ 2-й, съ досады взбрасывая дернъ капитанской палатки ногой вверхъ и бродя вдоль кроватей.

Но Нероновъ, очень радостный, подошелъ и что-то шепнулъ Удалову. Тотъ обернулся.

— Скотина! выругалъ онъ неизвѣстно за что Неронова:—ну, поди всѣмъ скажи, чтобъ такъ ужь всѣ.

— Ну-да! ну-да! отвѣчалъ тотъ, прыгая отъ удовольствія.

По плану Неронова, всѣ желающіе спать должны были отправляться съ подушками на валъ. На правомъ флангѣ лагеря въ

полѣ, кадетами была устроена маленькая крѣпость, обнесенная довольно высокимъ валомъ и рвомъ.

И вотъ капитанъ нѣсколько дней сряду, хоть ему очень хочется спать, ходитъ по палаткамъ зѣвая. Никого нѣтъ ослушниковъ, никто не спитъ. Въ палаткахъ только фельдфебель Горнъ и нѣсколько кадетъ, которые не спятъ послѣ обѣда, занимаются.

Мы бы долго такъ проморили капитана, если-бъ онъ разъ, наскучивъ ходить, не поставилъ себѣ стула около палатки, желая на воздухѣ покурить. Изъ-за вала показалась голова. Кто-то потянулся. Капитанъ сначала не обратилъ вниманія. Но вотъ ужь нѣсколько головъ показалось.—Это еще что? Капитанъ туда.

Но тутъ его поражаетъ спектакль неожиданный. Изъ-за вала выскакиваетъ цѣлая ватага и, закрывъ лица подушками, чуть не сшибая его съ ногъ, летитъ въ палатки. Нероновъ чуть было не попался: запнувшись обо что-то, онъ упалъ, но догадался упасть лицомъ въ подушку... Мы-таки простояли за это. Пострадали и невиноватые.

Но другая смѣлая штука, выдуманная Нероновымъ, была лучше всѣхъ.

Разъ, капитанъ намъ особенно надоѣлъ: онъ кричалъ и требовалъ, чтобы мы спать ложились. Нероновъ началъ просить, чтобы всѣ засвидѣтельствовали, что онъ бредитъ по ночамъ.

Фельдфебель было воспротивился, но онъ былъ вновѣ и начальственнаго въ немъ было мало—мы его уговорили.

Вошелъ капитанъ.

— Ложиться! кричалъ онъ. — Кто еще разговариваетъ! ну!

— Дуракъ, болванъ, раздался голосъ Неронова:—звѣрюшка, краснорожій!

— Кто тамъ! Нероновъ! кричалъ взбѣшенный капитанъ.

— Онъ бредитъ, поспѣшили мы отвѣтить: — всегда, каждую ночь.

— Звѣрюшка! краснорожій! говоритъ громко Нероновъ, мечась какъ бы въ бреду...

Капитанъ изъ себя выходилъ. Нѣкоторые не выдержали и фыркнули.

— Молчать! Нероновъ! Вставай! ну!

— Кто тутъ, какой дуракъ? А? я въ рожу дамъ! говорилъ безсвязно Нероновъ, какъ бы протирая глаза.

На другой день его, среди общаго хохота, водили къ доктору показываться. Но какъ узнать—въ самомъ ли дѣлѣ тотъ бредитъ?

Говорятъ всѣ, бредитъ,—значитъ такъ. Докторъ прописалъ ему такіе-то порошки. Бредъ по возможности былъ неизлечимъ и всегда случался—когда капитанъ обходилъ палатки.

Войной съ капитаномъ и разными вещами разнообразилась лагерная жизнь. Иногда наѣзжалъ директоръ, дѣлалъ ученье, обходилъ роты и уѣзжалъ. Иногда, раза два, во все лагерное время, полковникъ ночью дѣлалъ тревогу. Этого обыкновенно впередъ никто не зналъ. Среди глубокой ночи, когда всѣ спятъ, вдругъ раздается тревога, сначала въ одинъ барабанъ, а потомъ вдругъ во всѣ шесть.

Офицеры и кадеты торопятся, одѣваются въ шинели, хватаютъ каски, ружья, бѣгутъ стремглавъ на переднюю линію и строятся въ темнотѣ...

Первый взводъ идетъ за знаменемъ. Нашъ фельдфебель Горнъ несетъ его, батальонъ дѣлаетъ на караулъ, музыка играетъ подъ знамя...

Удаловъ 2-й съ Нероновымъ разъ унесли у капитана полусаблю, когда ударили тревогу, и капитанъ, не сообразивъ съ просонковъ, въ чемъ дѣло, не рѣшался выдти безъ нея, припоминая, куда онъ ее положилъ. Какъ ужь онъ обошелся, не знаю, потому что форму соблюдалъ всегда строжайшимъ образомъ.

Съ Нероновымъ сошелся я—онъ мнѣ очень нравился. Но Удалова 2-го я даже боялся, въ немъ было что-то звѣрское. Брата онъ совсѣмъ не напоминалъ. Я до сихъ поръ не знаю, что это былъ за человѣкъ. Для него, напримѣръ, было наслажденіемъ отрывать живымъ птицамъ головы. Найдетъ гдѣ нибудь ворону, или голубя, сожметъ голову двумя пальцами и медленно мастерски оторветъ. А то увидитъ щенка и ногой отброситъ его за нѣсколько саженъ. Тотъ пищитъ, а онъ смѣется, хмуря свои щетинистыя, черныя брови надъ маленькими, блестящими глазами. Когда наказывали солдатъ на задней линіи, Удаловъ ходилъ непремѣнно смотрѣть, какъ это производилось.

Разъ онъ подошелъ къ лошади водовозкѣ, отъ которой солдатъ за чѣмъ-то отошелъ, и перочиннымъ ножемъ глубоко прорѣзалъ ей мясо на шеѣ. Та тихо ржала отъ боли.

Онъ провелъ еще глубже по тому же мѣсту и серьёзно глядѣлъ — какъ дрожала бѣдная лошадь и какъ текла кровь, и, держа за узду, не давалъ ей рваться.

Не знаю, что бы онъ еще съ ней сдѣлалъ, еслибы не пришелъ солдатъ. Съ нимъ боялись ссориться; онъ былъ еще и силенъ

при этомъ, и ловокъ. Но нужно сказать правду — рѣдко употреблялъ въ дѣло свою силу. Въ ссорахъ онъ не кричалъ, не шумѣлъ, а какъ-то измѣрялъ васъ съ головы до ногъ.

— Не люблю я Удалова 2, говорилъ Ивинъ мнѣ:—какъ любилъ его брата; съ этимъ мнѣ и говорить-то не хочется.

Разъ Удаловъ приставалъ къ хорошенькому Юкову и лѣзъ цаловаться, тотъ разсердился и назвалъ его чумичкой. Этого Удаловъ не терпѣлъ. Онъ тихонько засмѣялся и взялъ Юкова за руку. Что-то точно хруснуло. Удаловъ 2-й дрожалъ отъ злости.
—Ой! Ой! крикнулъ Юковъ, падая на колѣни. Опять хруснуло...

— Оставь, Удаловъ, оставь! закричали мы съ Ивинымъ въ одинъ голосъ.

— Не подходи лучше, говорилъ Удаловъ: — сейчасъ пройдетъ — пущу самъ!

Мы притихли. Онъ въ самомъ дѣлѣ сейчасъ почти пустилъ Юкова, который тотчасъ же упалъ на кровать, держась за руку. Помню—меня особенно поразило выраженіе «сейчасъ пройдетъ».

Странное чувство возбудилъ тогда во мнѣ черный Удаловъ, который смотрѣлъ даже какъ-то глупо на свои сильныя руки, какъ сумасшедшій сжалъ ихъ, разжалъ, обвелъ неопредѣленно глазами и вышелъ изъ палатки.

Странный онъ былъ человѣкъ. Что обѣщалъ — исполнитъ всегда; назови его воромъ — убьетъ, а самъ таскаетъ изъ кухни вареную говядину и пироги; впрочемъ воровалъ онъ исключительно только эти предметы и воровствомъ это, повидимому, не считалъ. Его воромъ и никто не считалъ. У товарища не то, что взять безъ спросу, но и попросить онъ не позволялъ себѣ ничего. Иногда въ темные вечера сядетъ на передней линіи и, молча, что-то думаетъ, долго, одинъ... Потомъ я увидѣлъ у него какія-то книжки. Меня тогда они мало интересовали. Но я между прочимъ все таки замѣтилъ Ивину:

— Удаловъ 2-й читаетъ что-то. Я видалъ.

— А, ну, Богъ съ нимъ! отвѣчалъ тотъ:—а знаешь, если книжекъ достать — читать будемъ. Я видѣлъ одинъ романъ «Графиня Монсоро», мнѣ обѣщали.

— Такъ давай вмѣстѣ читать, сказалъ я.

Вечеромъ я полюбопытствовалъ, какая книга у Удалова.

— Иди прочь, убью! крикнулъ онъ сердито, захлопнулъ книгу и съ этихъ поръ уже тщательно пряталъ ее, а я не на столько интересовался, чтобы искать.

Мы прочитали съ Ивинымъ «Графиню Монсоро». Этотъ романъ мнѣ такъ понравился, что я попробовалъ было даже писать что-то въ этомъ родѣ. На чистой тетради я озаглавилъ: «Рыцарь Томъ, романъ» и затѣмъ на второй страницѣ значилось: «Было прекрасное іюльское утро. Два всадника, закутанные въ «плащи, ѣхали по дорогѣ».

Затѣмъ у меня ничего не выходило, какъ я ни бился.

Я показалъ Ивину, но тотъ какъ-то никакого мнѣнія не выразилъ, да и не имѣлъ, должно быть, никакого мнѣнія.

— Ну вотъ! сказалъ онъ:—давай лучше Аммалатъ-Бека читать. Я досталъ. Говорятъ, отлично!

— Давай! соглашался и я, пряча тетрадь. И мы читали.

И шли дни за днями. Дни свѣтлые, жаркіе, дни дождливые, пасмурные. Вотъ когда дождливые, такъ не хорошо—холодно, лужи подъ ногами и мокрое полотно кругомъ. Всѣмъ скучно, иные толкуютъ, Удаловъ, хмурясь, читаетъ что-то, Ивинъ спитъ, дождикъ мѣрно и ровно накрапываетъ. Вѣтеръ дуетъ—скучно. Темнѣетъ...

Барабанъ бьетъ къ ужину. Подъ огромнымъ навѣсомъ зажжены лампы, дымятся оловянныя миски. Мы идемъ по грязи, засучивъ брюки въ сапоги.

А ночью,—какъ воетъ ночью вѣтеръ по пустому полю, какъ шумитъ лѣсъ, какъ волнуется полотно палатки, и какъ тревожно ходятъ длинныя тѣни по мокрому, полосатому полотну! Ночная лампа тускло свѣтитъ и звонко бьется объ зеленый столбъ, качаются тѣни цѣпей и ходятъ по бѣлѣющимъ рядамъ спящихъ кадетъ, которые укрылись, чѣмъ могли, отъ холоду.

Дождь ровно и мѣрно, крупными каплями, шумитъ надъ головой. Мелкіе брызги попадаютъ въ лицо, и уныло, уныло воетъ вѣтеръ въ чистомъ полѣ, и тревожно бьютъ мокрыя вѣтви деревьевъ въ мокрое полотно. Далеко, слабо, неровно донеслось: «слушай» и затихло, слившись съ ровнымъ шумомъ дождя и раскатомъ грома...

Мокрое полотно сквозитъ свѣтомъ молніи, краснымъ, мгновеннымъ свѣтомъ, и опять протяжный вой вѣтра въ пустомъ полѣ, и опять раскатъ грома...

Не спится. Пойду изъ палатки. Я зацѣпилъ за полотно, выходя, и меня облили крупныя капли. Дождикъ меньше, но сильно дуетъ вѣтеръ, сверкаетъ молнія, и вдругъ какъ бы вспыхиваютъ краснымъ, страшнымъ свѣтомъ лужи на дорожкахъ, палатки и

крыши навѣса, и опять темно... Высоко несутся по небу, неустанно быстро несутся куда-то черныя, дождевыя облака. Деревья, порывисто шумя, близко, близко наклоняются въ темнотѣ другъ къ другу, какъ привидѣнія, и принимаютъ какія-то странныя формы...

И опять дуетъ вѣтеръ по пустому полю!... Ровно и глухо, какъ море, шумитъ лѣсъ. Гдѣ-то воетъ собака...

Грустно слушать этотъ шумъ и вой; холодно на соломѣ тюфяка!...

ѲЕДОРЪ БЕРГЪ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ.

I.

Прежде всего условимтесь въ терминѣ. Слова «воспитаніе» и «образованіе» выражаютъ два различныя понятія; но въ практикѣ образованіе и воспитаніе до того неразрывны, что дѣлить ихъ не зачѣмъ, особенно въ виду тѣхъ идей, которыя составляютъ предметъ нашихъ бесѣдъ.

Безъ цѣли не выберешь средствъ — вотъ, кажется, истина довольно неоспоримая, а потому, кто бы ни принялся за воспитаніе — онъ прежде всего ставитъ задачу, къ которой стремится.

Задачи эти, впрочемъ, легко совмѣщаются въ три вида:

1) Стремленіе къ карьерѣ;

2) Стремленіе къ внушенію послѣднихъ выводовъ цивилизаціи;

3) Стремленіе къ образованію человѣка.

Зачѣмъ бы и говорить о карьерѣ? Да, много говорить о ней, конечно, не стоитъ, но пройти молчаніемъ тоже нельзя. Бецкій, болѣе или менѣе, высказывалъ теорію образованія человѣка, — однако напрасно, надежды его не сбылись именно оттого, что онъ говорилъ не во время, а говорящій не во время, говоритъ дурно. Недавно явился Пироговъ и повторилъ то же, слова его были приняты съ восторгомъ, какъ великое открытіе. Значитъ, тогда только общая мысль признала несостоятельность своихъ прежнихъ стремленій, а могутъ ли понятія цѣлаго общества переработаться въ столь короткое время? Конечно, нѣтъ, и много, много еще есть приверженцевъ старыхъ тенденцій, губящихъ юное поколѣніе. Воззрѣніе ихъ поддерживается истекаю-

щими изъ него личными выгодами: иначе какъ бы до сихъ поръ могли существовать привиллегированныя заведенія, отвѣчающія единственно этимъ стремленіямъ? Самые честные изъ послѣдователей карьеры приводятъ одно оправданіе: «ваши идеи, говорятъ они, осуществимы только при полной реорганизаціи; покуда же ея нѣтъ, зачѣмъ намъ портить жизнь, убивать счастье дѣтей ради милыхъ утопій!» Конечно, на это можно возразить, въ чемъ жизнь, въ чемъ счастье, отчего свѣтлая мысль остается утопіей, но вы видите уже по нѣсколькимъ приведеннымъ словамъ, что разсчетливый эгоизмъ тутъ непоколебимъ, а ложныя понятія легли, срослись въ такую густую массу, что свѣту черезъ нихъ не пройти. По крайней мѣрѣ вы слышали откровенное слово, знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло. Въ тысячу разъ хуже огромная часть общества — іезуиты-прогрессисты, слишкомъ самолюбивые, чтобы признаться въ своей слабости къ старому порядку, а на дѣлѣ служащіе ему всѣмъ бытіемъ. Но служеніе выгодѣ — законъ, присущій человѣку; противъ него говорить не станемъ. Да стоитъ ли говорить и о стремленіи къ внушенію юношеству послѣднихъ выводовъ цивилизаціи? врядъ ли! Сама цивилизація подкопана со всѣхъ сторонъ и не выдерживаетъ критики.... Впрочемъ, эта теорія есть только болѣе опредѣленно выраженная теорія образованія человѣка, какъ ее до сихъ поръ понимаютъ, а разборъ ея впереди. Иногда то же выражается словами: «всѣ такъ учатся, значитъ, и намъ надо также учиться, чтобы не стать хуже людей». Очевидно, тутъ нѣтъ двухъ словъ логически поставленныхъ, сужденіе лишено сознанія, поклоненіе авторитету въ основаніи, значитъ, шаткость, негодность.

Но теорія образованія человѣка должна остановить насъ, она требуетъ болѣе внимательнаго разсмотрѣнія, потому что на ней зиждется все разумнѣйшее воспитаніе нашего времени. Съ грустью скажу впрочемъ, — идея эта, кажется, у насъ еще не понята. Виноватъ отчасти самъ авторъ руководящей статьи — почтенный Пироговъ....

«Пусть выйдетъ изъ моего сына не судья, не воинъ, не медикъ, пусть только выйдетъ человѣкъ!» говорилъ мнѣ недавно одинъ благородный отецъ. Онъ съ любовію воспріялъ послѣднее слово педагогіи и рѣшился слѣдовать ему неуклонно. Сказаны были эти слова торжественно, съ глубокимъ сознаніемъ превосходства новой идеи надъ устарѣлыми стремленіями, такъ торжественно, что я оробѣлъ и не нашелъ отвѣта. Но имѣя съ молоду привычку запоминать великія изреченія, дабы извлечь изъ нихъ возможную пользу, я запомнилъ и эти слова. Сталъ думать: «пусть выйдетъ изъ моего сына не судья, не медикъ, не воинъ».... — Ясно.... «пусть только выйдетъ человѣкъ!..»

Человѣкъ?... Вы поняли? Вѣроятно поняли, потому что нельзя полагать, чтобы кромѣ меня нашелся еще кто нибудь, не понимающій словъ, принятыхъ въ послѣднее время всѣмъ обществомъ передовыхъ людей. Я долго въ книгахъ искалъ рѣшенія задачи.... А. Карръ, кажется, собралъ въ фоліантъ добро и зло, сказанное о женщинахъ, но вздумай онъ собрать все сказанное для рѣшенія вопроса: «что такое человѣкъ?» вышло бы два фоліанта и больше... Брукcъ (Brookes, Système d'histoire naturelle) помѣстилъ человѣка въ семью обезьянъ, чѣмъ глубоко обидѣлъ принца Валлійскаго. Принцъ вступился за человѣчество. Упрямый естествоиспытатель сдѣлалъ единственную уступку, которую разрѣшала совѣсть, и зачислилъ обезьянъ въ семью людей. Пожалуй и въ этомъ есть доля справедливости: одно изъ извѣстнѣйшихъ качествъ обезьянъ есть безтолковая переимчивость; исторія и вседневная жизнь доказываютъ, что то же качество вполнѣ принадлежитъ человѣку. Къ какому же идеалу стремился бы Брукcъ при воспитаніи? Лѣтъ шесть тому назадъ прусская газета, оплакивая чью-то смерть, думала, что высказала все, сказавъ: «умеръ человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова». Жаль, не помню, о комъ шла рѣчь, но люди такъ рѣдко сходятся въ почитаніи или порицаніи идеаловъ Kreutzzeitung. Въ этихъ поискахъ вы, наконецъ, совсѣмъ спутаетесь. Вотъ, хоть Мальбраншъ, отличительнымъ признакомъ человѣка признаетъ душу, не полагая ея въ прочихъ тваряхъ.... Вамъ это нравится, вы собираетесь все вниманіе сосредоточить на воспитаніе душевныхъ силъ, — вдругъ цѣлая толпа нигилистовъ увѣряетъ, что души совсѣмъ нѣтъ. Какъ тутъ быть? вѣдь не всегда же, какъ при этомъ, для разрѣшенія сомнѣнія, случится засѣданіе энтомологическаго общества, гдѣ услужливый президентъ ясно доказываетъ, что матеріалисты безумцы, и для успокоенія извѣщаетъ, что противъ нихъ, какъ противъ разбойниковъ, «къ счастію, приняты мѣры».... Наконецъ, встрѣтивъ у Попе признаніе въ томъ, что хоть онъ и пишетъ цѣлую поэму о человѣкѣ, а опредѣлить его все-таки не можетъ, — вы бросите изысканія и къ чему придете? Старая система воспитанія негодна; — это ясно, а новая неопредѣленна до крайности. Но къ этому вы приходите по книгамъ, а есть люди, не затрудняющіеся никакимъ вопросомъ, все рѣшившіе: обратитесь къ нимъ.

«Благородный отецъ выразился слишкомъ для васъ отвлеченно; конечно, надо думать о томъ, чтобы изъ ребенка вышелъ *хорошій человѣкъ!*»

Хорошій человѣкъ, подумалъ я, — «да кто хорошій, кто дурной?» Вѣдь ту же личность здѣсь бранятъ, тамъ до небесъ возносятъ.

Какъ, позвольте, недавно выражался о Гарибальди одинъ клерикальный журналъ? «Разбойникъ, говоритъ, богоотступникъ».... и все

въ томъ же родѣ, а моя знакомая, великосвѣтская дама, купила его карточку и положила въ альбомъ вмѣстѣ съ портретами многоуважаемыхъ ею дѣятелей, — съ портретами: Виктора-Эммануила, графа Шамбора, Мадзини, короля Оттона, Резати, Штрауса, Леотара, какого-то академика и китайскаго императора..... Кто же истинно хорошій человѣкъ?

— Странный вопросъ, отвѣчають все рѣшившіе геніи, — всякій любящій добро, истину, работающій за нихъ, служащій имъ.

Будь я посмѣлѣе, я бы сказалъ, что отвѣтъ этотъ похожъ на слѣдующее, напримѣръ, поясненіе:

— Что полезно читать?

— Все приносящее пользу....

Но я, смолчавъ, подумалъ: «что добро, что истинно?...» Опять приведу примѣръ въ извиненіе своей непонятливости. Одни выдаютъ за вѣчныя истины: необходимость сословныхъ различій, необходимость господствующихъ вѣрованій, централизацію, опеку и т. п. Другіе (по личному моему мнѣнію несправедливо) вѣрятъ въ равноправность, свободу мысли и совѣсти, самоуправленіе и т. д.

Такъ вопросъ о человѣкѣ уясняется неудовлетворительно. Непреложны одни признаки человѣка: физіологическіе признаки. Умственная и нравственная природа человѣка, какъ продуктъ болѣе развитаго организма, отличается отъ той же стороны прочей животной жизни большимъ развитіемъ, большими задатками. Задача воспитанія и состоитъ: 1) въ сохраненіи и укрѣпленіи прирожденныхъ силъ; 2) въ дарованіи человѣку яснаго понятія объ окружающихъ фактахъ, чтобы онъ могъ во всемъ сознательно направлять эти силы.

Объяснимся.

Противъ меня возстанутъ, говоря съ одной стороны, что такъ дѣла понимать не слѣдуетъ; съ другой, напротивъ, что сказанное вовсе не ново и давно признано. Первыхъ постараюсь разубѣдить, вторымъ же немедленно отвѣчу въ короткихъ словахъ: новаго нѣтъ подъ луной, высказываемое же покуда принадлежитъ къ понятіямъ меньшинства, слѣдовательно требуетъ за себя разумной проповѣди, особенно же разъясненія и развитія. Опять, въ своемъ глазу мы плохо видимъ, — истина старая, но тѣмъ не менѣе справедливая. Многіе, признавъ выражаемую цѣль, на практикѣ незамѣтно уклоняются отъ нея. Имъ, знающимъ, часто надо указывать на дѣлаемыя противорѣчія собственной мысли....

Говоря по поводу воспитанія о сохраненіи силъ человѣка, мы преимущественно будемъ говорить о нравственныхъ и умственныхъ силахъ. Признавая вполнѣ, что онѣ нераздѣльны съ физической

природой, не упоминаемъ о послѣдней только потому, что разсмотрѣніе вопроса съ этой точки не входитъ въ нашу программу, составляетъ предметъ спеціальнаго изученія. Но, кстати, — нельзя не обратить на нее особеннаго вниманія воспитателей. Физіологія, да и другія естественныя науки, науки достойныя вѣроятія по преимуществу, ясно указали, что сумма умственныхъ и нравственныхъ силъ при рожденіи (*) есть не что иное, какъ продуктъ его физическаго организма. Приглашаю всесторонне вдуматься въ значеніе этого факта; онъ обусловливаетъ и долженъ направить многое въ дѣлѣ воспитанія. Съ другой стороны, хорошо бы физіологамъ и медикамъ при своихъ наблюденіяхъ заняться опредѣленіемъ того, какая комбинація физіологическихъ условій имѣетъ результатомъ то или другое проявленіе развитія, или, говоря языкомъ другой школы, какое вліяніе тѣ или другія условія организма имѣютъ на отправленія души. Къ этому новѣйшая наука уже и приступила, но на первыхъ же порахъ встрѣтила сильное недовѣріе; даже противодѣйствіе именно отъ дуалистовъ по преимуществу. Если, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, наука и жизнь, и науки между собою могутъ сообщать другъ-другу назидательные факты, такъ пусть примутъ физіологи и наблюденія педагогіи въ подтвержденіе возникшимъ стремленіямъ къ изученію такъ называемыхъ «психическихъ явленій», къ изученію «живаго человѣка»; въ этомъ будетъ обоюдная польза. Но.... очевидно, преимущественнымъ мѣриломъ умственной силы можетъ служить продуктъ этой силы — мысль. Наблюдая развитіе человѣчества и человѣка въ отдѣльности (обнаруженія того и другаго очень сходны), мы по всей исторіи можемъ провести слѣдующій взглядъ: непонятое страшитъ насъ. На низшей степени, на степени развитія австралійскихъ и африканскихъ дикарей, все рождаетъ трепетное, рабское поклоненіе; такъ ближайшія силы природы порождаютъ культъ. И можно наблюдать, какъ постепенно, сообразно съ степенью разумнаго ознакомленія съ природой, культъ отдается все болѣе общимъ ея силамъ. Правда, этотъ законъ правильнаго развитія вскорѣ начинаетъ терпѣть отъ соображеній эгоизма, сначала, можетъ быть, не вполнѣ сознательнаго. Ближайшее знакомство съ явленіями природы и устраненіе массы отъ ихъ пониманія вооружило, напримѣръ, египетскихъ жрецовъ тяжелой силой мистицизма. Самая наука запрещалась или искажалась для другихъ кастъ; заграждалось отъ нихъ всякое явленіе, непониманіемъ котораго въ массѣ царили жрецы. По мѣрѣ того, какъ изъ жизни возни-

(*) Далѣе дѣйствуетъ еще и общество, хотя, правда, опять черезъ посредство физическаго организма.

кали новыя отношенія, законъ развитія каждаго изъ нихъ уклоняется отъ прямаго пути вслѣдствіе неизбѣжнаго столкновенія отношеній между собою. Связь ихъ усложняется. Не только естественныя, а уже и человѣческія отношенія не ясно понимаются. Оттого даже, когда страданія возмущаютъ и сознаются, не сознается ихъ причина. Общая картина отношеній не ясна; и *силы* безполезно тратятся на разрушеніе или колебаніе фактовъ вмѣсто принципа. Такъ законъ, выведенный нами только для отношеній человѣка къ природѣ, дѣлается болѣе общимъ. Чтобы измѣрить, на какой степени остановилось развитіе человѣка, вы, наконецъ, просто ищите рѣшенія вопроса: передъ чѣмъ испугалась, на которомъ изъ отношеній остановилась его критика? Что не понято имъ, а принято прямо на вѣру? Гдѣ начинаются его авторитеты въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова? Какъ широкъ горизонтъ сознанія?.. Возьмите всю исторію въ доказательство.

Разъ границы критики существуютъ, силы теряютъ первоначальную чистоту, слѣдовательно въ самомъ началѣ теряютъ возможность дать чистые продукты. Для чистыхъ продуктовъ мысли надо, чтобы мысль была свободна отъ всякихъ примѣсей, какъ химически чистое тѣло, иначе ея явленія, ея продукты не могутъ выйти совершенно чистыми, какъ не чисты и не вѣрны продукты и явленія, происходящіе отъ химически-нечистаго тѣла.

Для примѣра возьмемъ хоть исторію жиденка, «изъ-за котораго стонала Европа» (съ вопіющею несправедливостію по мнѣнію гр. А. Н. Толстаго). Ни одинъ изъ перекрестившихъ молодаго Мортару вѣроятно не сохранилъ прирожденныхъ силъ въ первоначальной чистотѣ. Естественно представляется такое размышленіе: если человѣку хочется думать такъ, а не иначе, и если дума его совершенно безвредна для каждаго, то пусть его думаетъ по желанію. Но у католическаго патера, кромѣ прирожденной умственной силы, кромѣ *здраваго* смысла есть еще въ головѣ разныя помѣси, напр. мысль о томъ, что спасенье человѣка можетъ совершиться единственно въ лонѣ католической церкви, и мысль о заслугѣ, оказанной человѣчеству приведеніемъ заблудшаго въ спасительное стадо римскаго первосвященника. Всѣ соображенія вышесказаннаго *здраваго* смысла, конечно, пропадаютъ, какъ капли въ морѣ, среди этихъ помѣсей, и мысль чистою, свѣтлою, естественною выйти не можетъ. Капля меду исчезаетъ въ кадкѣ дегтя. Также врядъ ли здравый смыслъ допуститъ человѣка видѣть въ убійствѣ ближняго добродѣтель, а магометанинъ, убивая христіанина, не считаетъ своего дѣйствія порочнымъ. Магометово ученіе служитъ въ этомъ дѣлѣ растлѣвающею помѣсью здраваго смысла. При здравомъ смыслѣ, не испорченномъ авторитетомъ

понятія о «чести французскаго знамени», сколько горя и слезъ уменьшилось бы во французскомъ народѣ! Наконецъ, не перечислять же опять всѣ милліоны несчастій, не вызывать же всѣ гнетущія человѣчество предубѣжденія, не выписывать же фактъ за фактомъ и всю исторію, и случаи ежедневной жизни! Дѣло ясно, доказательствъ бездна, осмотритесь только внимательнѣй вокругъ себя, не далѣе....

Нечего и говорить, что воспитаніе будущихъ поколѣній идетъ параллельно съ развитіемъ настоящихъ, приведенные законы развитія прямо отражаются на воспитаніи, почему на извѣстной степени просвѣщенія, дальше которой человѣчество еще не пошло, задача о сохраненіи и укрѣпленіи прирожденныхъ силъ не выполняется. Все это можетъ быть естественно, но при современномъ развитіи не разумно. Препятствія лежатъ въ воспитывающихъ силахъ: какъ въ теоріи, въ наукѣ, такъ и въ практикѣ, въ жизни, наконецъ еще въ разладѣ этихъ силъ между собою.

Средневѣковой, безжизненный взглядъ на науку далеко не исчезъ, не смотря на явную, вездѣ признанную его несостоятельность; особенно крѣпко онъ держится въ учебникахъ по странной рутинѣ, полагающей, будто новые взгляды еще не упрочены, слѣдовательно въ преподаваніе должны войти старые пріемы и выводы ради ихъ многолѣтія. За прочность юной мысли нельзя ручаться, такъ вамъ предлагаютъ негодную дряхлость, — хорошая замѣна! И это я говорю о тѣхъ грѣшникахъ, которые изъ преподаванія сдѣлали себѣ ремесло, не оставляя ни минуты на ознакомленіе съ ходомъ науки; слѣдовательно о грѣшникахъ, наименѣе грѣшныхъ, потерявшихъ сознаніе, не вѣдающихъ, что они творятъ. А доблестные ученые, единственно ради покоя, изъ индифферентизма или еще изъ худшихъ побужденій проповѣдающіе тьму—что имъ привести въ оправданіе? опять не избитую ли фразу о высокомъ, отлученномъ отъ всего земнаго пьедесталѣ науки? «Пропускать, не воспринимая, все случающееся передъ нами, и еще разсѣянно закрывать глаза и уши противъ «напора случающагося, хвастая такимъ отсутствіемъ мысли, можетъ «быть прилично скалѣ, въ которую бьютъ волны, и она ихъ не чувствуетъ, или древесному стволу, не замѣчающему, какъ его рвутъ «бури, — но вовсе не мыслящему существу. Даже пареніе въ высшихъ «сферахъ мышленія не освобождаетъ отъ этой общей обязанности «понимать свое время. Все высшее должно желать по своему вмѣшаться въ непосредственное настоящее, и кто дѣйствительно живетъ «въ первомъ, тотъ живетъ и въ послѣднемъ; потому что если онъ не «живетъ въ дѣйствительности настоящаго, онъ ясно и въ высшихъ «сферахъ мышленія не жилъ, а только мечталъ» (Фихте: Reden an

die deutsche nation). Прибавьте къ тому же, какъ самолюбивые педагоги не терпятъ возраженій, стараясь прежде всего вбить въ голову ученика правило блаженнаго Августина: «fides praecedit intellectum», а вѣровать приказываютъ въ себя! Еще съ большей части каѳедръ, и въ большей части руководствъ говорится: «такая-то наука есть систематическое изложеніе» и т. д., а системы прямо строятся на кабинетныхъ гипотезахъ и въ границахъ извѣстныхъ вѣрованій, принятыхъ за аксіомы. Еще до временъ Эразма и «книжнаго реализма» Рожеръ Бэконъ страдалъ за непосредственныя бесѣды съ природой. Такъ не гордиться же намъ тѣмъ, что мы дошли до болѣе реальныхъ пріемовъ, чѣмъ схоластики; напротивъ, не подивиться ли, какъ предразсудки еще мѣшаютъ прямо утвердиться на этомъ пути? «Такая-то «наука есть рядъ выводовъ изъ такого-то рода фактовъ»... другаго опредѣленія быть не можетъ. А вѣдь покуда даже естественныя науки еще не всѣми изучаются по этому методу, про науки же философскія въ обширномъ смыслѣ слова нечего и говорить: рутина тезисовъ царствуетъ, упрямо защищается и мощно забиваетъ лучшія силы! Споры съ г. Юркевичемъ объ антропологическомъ и другихъ принципахъ философіи достаточно велись прошлаго года, потому не станемъ трогать ихъ непосредственно... Былъ у меня пріятель, честный, хорошій человѣкъ, политико-экономъ до мозжечка костей, кабинетный ученый. Всѣ отношенія ренты, рабочихъ силъ и проч., онъ зналъ отлично, и выводилъ гармоническія сплетенія не хуже Бастіа. Я не принадлежу ни къ какой политико-экономической или соціальной партіи и не знаю ихъ ученій, и плохо поддавался стараніямъ пріятеля посвятить меня въ экономисты, хотя на его доводы никогда не умѣлъ отвѣтить ни слова. Но года два тому назадъ случилось намъ вмѣстѣ быть въ Лондонѣ. Была тяжелая зима: стужа, недостатокъ работы, дороговизна и проч. и проч. Разъ какъ-то въ сумрачное, туманное утро, сидя у камина, я слушалъ горячую экономическую проповѣдь... вдругъ раздирающіе вопли: «хлѣба, дровъ, работы!» прервали бесѣду. Мы бросились къ окну: страшная картина, описать которую врядъ ли возможно!... Случалось ли вамъ видѣть нищету въ крайнихъ ея проявленіяхъ? дайте полный ходъ воображенію, оно не создастъ ничего равносильнаго истинѣ: лохмотья, рубища, полузамерзшія тѣла, обезображенныя лица, дикіе вопли, но въ нихъ вы не слышите ни сознательной угрозы, ни просьбы, ни требованія, одни неудержимые стоны отчаянія, только стоны! Мы содрогнулись, нельзя было не содрогнуться; толпы, едва волоча ослабѣвшія ноги, бродили по улицамъ, шли впередъ, впередъ, пока хватало силы, не зная ни куда, ни зачѣмъ, наконецъ въ минуту совершеннаго изнеможенія накинулись на лавку булочника, разграбили ее, утолили голодъ...

лавочникъ подалъ ко взысканію. Городъ удовлетворилъ его. Лордъ-мэръ выдалъ вспомоществованіе несчастнымъ... О, великодушные представители страны, подходящіе подъ цензъ, о лордъ, хвала вамъ во вѣки! хвала кстати и тебѣ лавочникъ за то, что, получивъ вознагражденіе, ты согласился не искать удовлетворенія за обиду (какъ дозволялъ юридическій принципъ). Знающіе дѣло помнятъ, что дано тебѣ было въ полтора раза больше стоимости истребленнаго товара, но гдѣ найти порицателя, который бы не извинилъ коммерческій разсчетъ въ виду такого стеченія великодушныхъ поступковъ?...

Не знаю, что сдѣлалось съ моимъ экономистомъ: онъ еще поизучилъ Сити, побывалъ на Gleat-Market въ субботу вечеромъ, занялся исторіею сокращенія расхода на ленты вслѣдствіе измѣненія моды на дамскія шляпки — и замолкъ. Или фактъ сильнѣе ученія и можетъ поставить въ тупикъ его выводы, сдѣланные a priori? Не мудрено, что свѣжіе люди, которые не заботятся объ оправданіи существующихъ положеній, глядя на факты, въ половинѣ случаевъ приходятъ къ выводамъ, прямо противоположнымъ этимъ положеніямъ.

Схоластическая наука имѣетъ прямое отраженіе въ педагогіи, что замѣчено Ф. Бэкономъ уже съ XVI вѣка. Конечно, великій философъ еще въ значительной степени заряженъ господствующими предразсудками времени и не вполнѣ высказываетъ то, что высказывается теперь. Но слѣдовавшіе за нимъ реалисты все болѣе и болѣе приходили къ ясному, радикальному пониманію дѣла. Бэконъ пишетъ: «покорнѣйше просимъ васъ оставить тѣ легкомысленныя и искаженныя философствованія, которыя всякой гипотезѣ предпосылаютъ «тезисы, не нуждаются опыта». Онъ приглашаетъ прямо оставить авторитеты, а къ естественнымъ наукамъ подходить какъ къ царствію небесному, съ дѣтской чистотой, безъ предвзятости. «Человѣку слѣ«дуетъ смиренно и съ благоговѣніемъ открыть книгу творенія, глу«боко вникнуть въ нее и, очищеннымъ отъ мнѣній, всей душою «слиться съ этой книгой». Коменіусъ сдѣлалъ ему очень правильную оцѣнку, сказавъ: «просвѣщенный Бэконъ веруламскій сообщаетъ «намъ истинный ключъ къ природѣ, но не открываетъ ея тайнъ, «только немногими примѣрами показываетъ, какъ ихъ открыть». Очевидно, Бэконъ самъ не воспользовался открытымъ путемъ опыта, когда сравнивалъ науку съ пирамидой, основаніемъ которой служатъ опытъ и исторія, на нихъ покоится непосредственно физика, къ которой сопричислена и практическая механика; на физикѣ — метафизика и магія; вершина есть Всетворящій Богъ.

Въ этихъ бесѣдахъ, конечно, не мѣсто цѣлой исторіи реальнаго

направленія въ педагогической теоріи (*), хотя многое въ ней особенно интересно и рельефно характеризуетъ степень развитія критики въ разныя эпохи. Одинъ Руссо стоитъ отдѣльной статьи, какъ много о немъ ни писали. Съ свойственнымъ ему софизмомъ въ выраженіяхъ, онъ на вопросъ: «что дѣлать для воспитанія естественнаго человѣка?» отвѣчаетъ: «beaucoup sans doute, c'est d'empêcher, que rien ne soit fait» (много,—надо помѣшать тому, чтобы что нибудь было сдѣлано). Наконецъ настоящее положеніе реальныхъ училищъ, преимущественно въ Германіи, и литература этой школы далеко не лишены интереса: богатая пища критикѣ, врядъ ли гдѣ нибудь встрѣтишь столь жалкую непослѣдовательность.

Въ жизни то же явленіе. Опять не естественность, а какая-то нелѣпая программа, непонятная здравому смыслу, и опять то же прямое, губительное вліяніе на воспитаніе. Но, переходя изъ теоріи въ жизнь, ложныя понятія еще болѣе тяжелы и гнетущи. Оправдывая ея явленія, адвокату остается обыкновенно одно средство: опереться на общепринятый предразсудокъ, говоря противнику: «конечно, если вы этого «не признаете, съ вами нечего и спорить!» И чего, чего общество не произвело въ аксіомы, и надъ чѣмъ оно въ нихъ не глумится, и чѣмъ не играетъ, чего не гнететъ? Лучшія проявленія человѣческой природы можно съ достоинствомъ предать порицанію за несоблюденіе установленной формы, можно проклясть ихъ изъ роду въ родъ, перенося проклятіе съ матери на дѣтей, и все это подъ видомъ строжайшей нравственности и добродѣтели. Лучшимъ силамъ суждено быть забитыми или прорваться въ пустой разгулъ и развратъ, а онѣ же будутъ осуждены за то, что не поддались самодурству, или за то, что плохо примѣнены. Плодъ давящаго труда можетъ быть отнятъ съ презрѣніемъ къ трудящемуся, а презирающей является гордая лѣнь, опираясь на незаслуженныя блага... И все это не порокъ, не исключенія, это правила житейской мудрости общества, это основанія, на которыхъ оно зиждется и которыя поддерживаетъ, во чтобы то ни стало.

Не только люди, занимавшіеся педагогической практикой, но всякій наблюдательный человѣкъ, конечно, замѣтилъ разницу между дѣтьми, при другихъ равныхъ условіяхъ, воспитанными въ селахъ или въ городахъ, также въ городскомъ населеніи между дѣтьми, воспитанными въ открытыхъ и закрытыхъ заведеніяхъ. Въ деревнѣ

(*) Педагогическая практика представляетъ самыя явныя доказательства годности и примѣнимости реальной системы, но заняться ею, конечно, слѣдуетъ въ спеціальномъ педагогическомъ журналѣ, не въ «Современникѣ».

(конечно не у баръ, и въ деревнѣ создавшихъ себѣ городскую жизнь) воли больше, и жизнь безъ многихъ изъ заданныхъ обществомъ формъ чаще попадается на глаза. Въ городѣ это случается рѣже, въ закрытомъ заведеніи никогда...

Воспитайте же ребенка этой наукой и этою жизнью, и если затѣмъ вы услышите его здраво мыслящимъ, вы или имѣли дѣло съ геніемъ, способнымъ творить, или онъ послѣ вашихъ уроковъ потратилъ полжизни, большую часть силъ, для уничтоженія вашего вліянія.

Еще слейся наука съ жизнью и жизнь съ наукой, можетъ быть дѣло поправилось бы, но у насъ покуда жизнь сама по себѣ, а наука сама по себѣ.

Итакъ, прежде всего отложите гордую мысль о совершенствѣ выработанныхъ вами предразсудковъ и положеній. Если ни видъ данныхъ ими результатовъ, ни поучительная исторія ихъ образованія (*) не въ состояніи исцѣлить васъ, или если (какъ всего чаще случается) обстоятельства мѣшаютъ заняться лѣченіемъ, по крайней мѣрѣ не переносите заразы на новыя поколѣнія, чтобы хоть отъ нихъ можно было ожидать избавленія.

«Но эти положенія раздѣляются большинствомъ!»

Господа! общественное мнѣніе — сила, но никакъ не абсолютная мудрость; такъ почему же вы непремѣнно хотите, чтобы другіе приняли то, что принято вами? Нѣтъ деспотизма ужаснѣе деспотизма идеи, во что бы то ни стало стремящейся, чтобы ее признали вѣчною истиной. Опять въ свидѣтели призываю исторію. Еще мы съ вами. конечно, принимаемъ то или другое убѣжденіе, какъ лучшую изъ извѣстныхъ намъ идей; откройся завтра что нибудь болѣе основательное, — мы перейдемъ къ нему мыслью и дѣломъ. Свои убѣжденія мы принимаемъ, а не вѣруемъ въ нихъ. Такъ бы слѣдовало по крайней мѣрѣ. Воспитанникъ—дитя разсудкомъ, другое дѣло; ему вы навязываете свои мысли, опираясь на нравственный авторитетъ воспитателя, и прирожденныя свѣтлыя силы дѣятельно затемняются безсознательной вѣрой во многое.

Но при такомъ взглядѣ что же дѣлать воспитателю? Можно привести троякое рѣшеніе. Приходится:

1) или выбрать лучшіе, т. е. наи- болѣе сознательные выводы и сообщать ихъ,

2) или оставить воспитанника совершенно произвольному саморазвитію, или, наконецъ,

(*) Къ сожалѣнію нигдѣ еще не разработанная. Бокль, кажется, выполнилъ бы эту задачу... но скоро ли явится продолжатель?

3) сообщать ему факты, изъ которыхъ дѣлаются выводы, научивъ смотрѣть на видимое, т. е. дѣлать правильные выводы.

1) Выборка лучшихъ идей очень мало разнится, а въ сущности и совсѣмъ безразлична съ теоріей созданія хорошаго человѣка. Предполагается только, что воспитатель, вѣруя въ себя, будетъ дѣйствовать довольно смѣло, честно, не навяжетъ мысли, имъ не раздѣляемой, потому только, что она принята большинствомъ общества. Тираннія среды смѣняется тиранніей отдѣльнаго лица. Отъ этого, конечно, кто выиграетъ, а кто и проиграетъ, только ясно, никто не сохранитъ прирожденныхъ силъ, не разовьется самобытно...

Хотѣлъ я пройти мимо статьи Л. Н. Толстаго, помѣщенной въ седьмой книжкѣ «Ясной Поляны», не затрогивая ея; но вотъ приходится разъяснить себѣ немного одну изъ встрѣченныхъ въ ней странностей (далеко не самую странную). Къ слову пришлось. Яснополянскій новаторъ говоритъ, что опека семьи, религіи, правительства естественна, потому простительна, а опека общества не естественна, потому возмутительна.

Странныя рѣчи: во-первыхъ, отчего опека естественна въ одномъ случаѣ, а неестественна въ другомъ? и во-вторыхъ, отчего одно и то же дѣйствіе простительно одному, а непростительно другому?

Я прежде вѣрилъ въ естественное и неестественное, но то было въ лѣта ранней юности, когда меня пугали сказки «старой няни». Съ тѣхъ же поръ я пріучился во всемъ видѣть слѣдствіе причины и причину послѣдствія,—въ жизни общества, также какъ и въ другихъ случаяхъ. Пока Л. Н. Толстому неудастся доказать противнаго, думать иначе трудно. Или онъ полагаетъ, что общество развивается быстрѣе отдѣльныхъ лицъ, потому должно дѣйствовать разумнѣе? или обществу менѣе выгодно навязывать свои воззрѣнія?

Этому обществу, конечно, до тѣхъ поръ естественно заблуждаться, пока заблуждается большинство единицъ его составляющихъ. Пока эти единицы принимаютъ естественныя, «находящія себѣ оправданіе необходимости» основанія для заблужденій, до тѣхъ поръ и всему большинству, слѣдовательно всему обществу, заблуждаться естественно. Дѣло въ томъ, что Л. Н. Толстой считаетъ препятствія къ свободѣ воспитанія, заключающіяся въ томъ или другомъ складѣ человѣческаго разума, не имѣющими оправданія необходимости (т. е. естественности?) Да вѣдь этотъ складъ разума есть результатъ причинъ, которыя воспитали семейный, религіозный и правительственный бытъ настоящихъ поколѣній; слѣдовательно, самое общество и его мысль, короче—этотъ складъ разума есть сила, дѣйствующая со стороны воспитателей на воспитаніе новыхъ поколѣній. Это та же сила, которую «Ясная Поляна» защищала въ однихъ проявленіяхъ—и, не узнавъ,

зараза въ другихъ. Что болѣе справедливо: защита или кара—разсмотримъ въ другой разъ, но порѣшимте же покуда хоть то, что если все естественное имѣетъ оправданіе; то оправданіе это принадлежитъ обществу по крайней мѣрѣ такъ же, какъ «семьѣ, религіи, правительству». Нужно ли извѣстному явленію продолжаться и, если не нужно, то можно ли, должно ли, или какъ стремиться къ тому, чтобы большинство приняло мысль меньшинства—это опять другой вопросъ! Неоспоримо только то, что дѣйствовать слѣдуетъ болѣе логическими, послѣдовательными, консеквентными, раціональными доводами, чѣмъ доводы «Ясной Поляны», которые кажутся плохо сознанными, инстинктивно навѣянными мыслями, не разработанными ни послѣдовательной критикой собственныхъ положеній, ни надлежащей подготовкой къ педагогической реформѣ.

2) Оставить воспитанника совершенно произвольному саморазвитію тоже врядъ ли можно уже потому, что этимъ онъ лишился бы опыта предшествовавшей жизни.

Какъ ясно увидимъ впослѣдствіи, предъидущее рѣшеніе задачи имѣетъ основаніе при извѣстныхъ педагогическихъ пріемахъ. Точно также и предоставленіе воспитанника самому себѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ полезно; но ни то, ни другое далеко не въ состояніи положить твердаго начала, опоры цѣлому направленію воспитанія. Напримѣръ, очевидно разумно для сохраненія естественности и удаленія всякой лжи, не пріучать ребенка къ тѣмъ, лишеннымъ всякаго критическаго основанія, «правиламъ общежитія», которыя искажаютъ человѣческія отношенія. Ложь преслѣдуется всякимъ воспитателемъ, но подъ ложью разумѣются единственно такія ея проявленія, неосновательность и безнравственность которыхъ прямо бросаются въ глаза и которыя потому въ большей части случаевъ исчезнутъ при первомъ опытѣ самонаблюденія. А не только безпрепятственно, а еще подъ покровительствомъ общественнаго мнѣнія и нравственнаго холопства воспитателей развивается утонченная ложь, внѣшній блескъ которой убиваетъ всякую критику надъ собою. Такая ложь до того проникла повсюду, пустила такіе глубокіе корни, что ея отсутствіе можно назвать исключеніемъ изъ общаго правила. Потому исключеніемъ же будетъ каждый воспитатель, не внушающій ученику мысли о ея необходимости и достоинствѣ. Особенно разительно это вліяніе въ современномъ воспитаніи женщинъ. Неиспорченная природа, конечно, не создастъ ничего подобнаго.

3) Сообщать воспитаннику факты и выводы изъ нихъ, научивъ смотрѣть на видимое. Это чуть ли не наиболѣе вѣрная мысль, въ ней же сливаются и лучшія стороны двухъ предъидущихъ рѣшеній.

Разсмотрѣвъ, что по нашему мнѣнію должно наиболѣе содѣйство-

дать сохраненію прирожденныхъ силъ, перейдемъ къ вопросу о достиженіи возможности сознательно направлять въ чистотѣ сбереженныя силы. Сознаніе тѣмъ болѣе полно, чѣмъ болѣе мы знакомы съ окружающими фактами, съ ихъ взаимнымъ отношеніемъ, наконецъ, чѣмъ точнѣе опредѣлилось наше отношеніе къ нимъ. Каждое изъ приведенныхъ условій равно важно: знаніе огромнаго количества фактовъ очевидно можетъ остаться совершенно безплоднымъ, даже легко введетъ въ заблужденіе. Чтобы видѣть ясно, надобно смотрѣть умѣючи. Всѣ суевѣрія имѣли источникомъ неспособность обсужденія факта, преимущественно же неспособность къ ихъ группировкѣ для вывода. Наконецъ ознакомленіе съ множествомъ фактовъ слишкомъ трудно, да и нѣтъ въ немъ нужды. Довольно наиболѣе характеристическихъ фактовъ, рельефно и ясно наводящихъ на гипотезу. Но какъ при этомъ избѣжать помѣсей: «гдѣ, скажете вы, границы, гдѣ отличительные признаки продуктовъ здраваго смысла и помѣсей, отчего «вы однихъ не принимаете за другіе?» Отличительные признаки можно найти; вотъ для примѣра хоть источникъ сдѣланнаго вывода. Источникъ этотъ есть или фактъ, или предубѣжденіе. Выводы, прямо сдѣланные изъ факта, болѣе вѣроятны, выводы же изъ идей, принятыхъ на вѣру — сомнительны, но не въ томъ дѣло.

Я уже сказалъ, да оно и ясно, что по мѣрѣ развитія, человѣкъ направляется отъ сознанія явленій болѣе частныхъ къ сознанію явленій болѣе общихъ. А въ жизни міра и человѣка всякое частное явленіе прямо подчинено болѣе общему закону. Слѣдовательно, если кто не удовлетворенъ прямо дѣствующими изъ фактовъ явленіями, а непремѣнно хочетъ подвести ихъ подъ заготовленную систему, подъ заданное цѣлое, тотъ, вращаясь въ извѣстномъ кругѣ сознательныхъ понятій, все-таки эти понятія какъ явленія болѣе частныя, восходя отъ послѣдствій къ причинамъ, долженъ будетъ пояснить себѣ понятіями несознанными, а принятыми на вѣру, и потому придетъ къ выводу, сознательному не вполнѣ, а только относительно. Впрочемъ, дѣйствуя и болѣе реальнымъ путемъ, вы не въ состояніи привести осязательныхъ фактовъ для полнаго опредѣленія существующаго, и выводы, признаваемые вами за истины, далеко не абсолютны.

Слѣдовательно, далѣе вѣроятности вы почти никогда не уйдете.

«Такое крайнее отрицаніе окончательно усложняетъ вопросъ!» Напротивъ, оно прямо наводитъ на рѣшеніе: какъ ни важно сообщеніе фактовъ, еще важнѣе пріемъ въ ихъ сообщенія. Объ этомъ далѣе, покуда же призываю вниманіе читателя противъ возраженія, часто слышаннаго, — и о которомъ потому только и упоминаю, хотя неосновательность его прямо бросается въ глаза: «обязан-

«ность воспитателя вы почти обращаете въ бездѣйствіе!» Меньше, чѣмъ когда либо. Разница противъ настоящаго и состоитъ между прочимъ въ усложненіи педагогической задачи. Учителю и воспитателю придется особенно заняться самонаблюденіемъ и строгой оцѣнкой среды, окружающей ребенка. Это гораздо труднѣе теперешнихъ пріемовъ по заданной программѣ, когда стоитъ только составить списокъ проявленіямъ добра и зла и затѣмъ поощрять первыя и преслѣдовать послѣднія, доходя или не доходя до розогъ въ этихъ преслѣдованіяхъ, какъ кто считаетъ лучшимъ. Книжка Фейма Дьюмана можетъ служить довольно хорошимъ руководствомъ. Кромѣ того списокъ этотъ легко пополняется поученіями нашихъ присяжныхъ педагоговъ:

1) Будь безпрекословно (безсмысленно) послушенъ.

2) При старшихъ молчи, ты еще глупъ.

3) То-то и то-то считай за добродѣтель, не разсуждая: куда тебѣ!

4) Напротивъ то-то и то-то принадлежитъ къ порокамъ. Бѣги ихъ!

5) Уважай и люби, кого, что и какъ тебѣ приказываютъ.

6) Не будь откровененъ съ начальникомъ: это дерзость.

7) Узнай, что въ жизни есть тысячи мелочей, неисполненіе которыхъ равносильно преступленію, и которыя слѣдуетъ выучить наизусть: разсужденіемъ до нихъ ни какъ не дойдешь. Напр. въ театрѣ, сидя въ ложѣ, держи себя чинно, не выражая собственныхъ впечатлѣній. Это тебѣ дозволится въ нѣсколько большей мѣрѣ, когда ты дорастешь до партера. На улицѣ у разнощиковъ лакомствъ не покупай, прилично покупать только въ магазинахъ. Говори дамамъ фразы, слегка хвалящія, даже если бы онѣ были сильно лживы: это любезность. Строго различай покрой платья, приличный утру, дню, вечеру и ночи.

8) И проч., и проч., и проч...

Заучивъ всю эту премудрость, поступайте въ воспитатели и говорите пожалуй при томъ (какъ это водится) о высокомъ своемъ назначеніи, о томъ, что педагогомъ надобно родиться, о нужномъ ему долготерпѣніи, и вообще пойте себѣ хвалебные гимны, достопочтенный истязатель юношества! Я требую напротивъ неусыпной, съежившейся наблюдательности, непрерывнаго анализа дѣйствующихъ на воспитанника силъ и его впечатлѣній, требую оцѣнки ихъ и энергическаго, возможно вѣрнаго пользованія и тѣмъ и другимъ.

Устраняю еще одинъ упрекъ: можетъ быть, видя, какъ быстро мы обошли вопросъ о томъ, какіе именно сообщать факты, практики подумаютъ, что мы ограничились отыскаваніемъ общаго условія для годности факта, потому что теорія плохо примѣнима. Нѣтъ, все логическое примѣнимо, и если мы не распространяемся объ отдѣльныхъ

предметахъ преподаванія, это дѣлается ради той же причины, на которую указано выше: практической педагогіей занимаются спеціальныя педагогическія изданія. Довольно, если наши мысли могутъ дать взглядъ, обусловливающій предметы и методы преподаванія и развѣ освѣтить первыя точки отправленія, а и то и другое найдетъ положительно всякій, кто, думая, прочтетъ предъидущія и послѣдующія страницы. Для этого вотъ еще нѣсколько словъ:

Мы уже выставили одно достоинство факта: его характеристичность. Съ другой стороны очевидно: 1) фактъ тѣмъ драгоцѣннѣе, чѣмъ онъ болѣе точенъ; 2) онъ тѣмъ понятнѣе, чѣмъ онъ болѣе осязателенъ.

Если бы приблизительно распредѣлить факты по ихъ точности, кажется они станутъ въ такой послѣдовательности:

1) Факты математическіе.

2) Факты естественныхъ наукъ.

3) Факты общественныхъ наукъ.

4) Факты наукъ философскихъ (въ болѣе тѣсномъ смыслѣ). Общественныя науки значительно выиграли въ этомъ отношеніи, благодаря между прочимъ вниманію, обращенному въ послѣднее время на «краспорѣчіе цифръ». Неопредѣленность этихъ фактовъ кромѣ того значительно бы уменьшилась разработкой ихъ по методу, указанному уже нѣсколько разъ, но обратившему на себя особенное вниманіе въ прекрасномъ твореніи Бокля.

Достоинство осязательности преимущественно принадлежитъ фактамъ естественныхъ наукъ. Отвлеченность математическихъ фактовъ отодвигаетъ ихъ въ этомъ отношеніи на второе мѣсто.

Обратимся же теперь къ методу передачи фактовъ; онъ долженъ лежать въ основаніи и очевиденъ изъ сказаннаго: съ первыхъ пріемовъ убѣдите ученика въ томъ, что нѣтъ границъ критикѣ, объясните ему опытомъ и вселите въ его сознаніе знаменитое «nihil mirari». Опять явятся возраженія, и прежде всего можно сказать: «ученикъ, не имѣя возможности оцѣнить фактъ, будетъ часто опровергать васъ вздоромъ». Такъ что же? Я этому предвижу одинъ результатъ, и уже на опытѣ убѣдился, что врядъ ли ошибаюсь. Ученикъ будетъ безпрестанно забѣгать съ своими вопросами, забросаетъ васъ сначала торопливыми, а потомъ все болѣе и болѣе мѣткими и основательными выводами, полюбитъ ученіе съ лихорадочною любознательностью. Наконецъ самая неудача нападеній будетъ вамъ содѣйствовать, укореняя въ воспитанникѣ сознаніе, что недостаточно видѣть, надобно научиться смотрѣть. И это же подвинетъ его къ болѣе точному обсужденію.

Мысль эта совсѣмъ не нова, и со временъ Монтэня (Essais, глав.

24 и особенно 25) все болѣе и болѣе сознательно и радикально проводится въ реальной педагогической школѣ. Нѣсколько выписокъ, взятыхъ у писателя XVI-го вѣка не будутъ лишены интереса (*).

«Медвѣжата и щенята выказываютъ свои природныя наклонности, люди же, очень рано опутываемые привычками, мнѣніями и законами, мѣняются или извращаются весьма легко. Но трудно насиловать естественныя стремленія, оттого и происходитъ, что когда ложный путь принятъ, воспитатель напрасно утомляется и теряетъ время, направляя дѣтей къ вещамъ, къ которымъ они не назначены природой.

«Я бы желалъ, чтобы воспитатель, узнавъ мѣру способностей души, надъ которой онъ работаетъ, немедленно началъ съ того, что предоставилъ ей самой оцѣнку, выборъ и разумное распознаваніе вещей. Иногда онъ долженъ помогать воспитаннику, иногда же долженъ заставить его одного отыскать вѣрный путь. Онъ не долженъ постоянно заводить рѣчь и говорить самъ; онъ долженъ слушать и ученика, заставляя и его высказываться. Сократъ и за нимъ Аркезилай заставляли своихъ учениковъ говорить сначала, а потомъ уже разговаривали съ ними. Obest plerumque iis, qui discere volunt, auctoritas eorum, qui docent. (Cic. Natur. Deor. L. 1).

«Воспитатель долженъ требовать отъ ученика отчета не только въ словахъ урока, а въ ихъ смыслѣ и содержаніи. Онъ долженъ судить объ извлеченной пользѣ не по свидѣтельству памяти воспитанника, а по его жизни! Онъ долженъ заставить разсмотрѣть выученное съ тысячи сторонъ и примѣнить его къ разнымъ случаямъ, чтобы удостовѣриться, вѣрно ли оно понято и вполнѣ ли усвоено. Когда желудокъ возвращаетъ пищу въ томъ же видѣ, какъ принялъ ее—это признакъ слабости. Желудокъ не исполнилъ своего отправленія, если не измѣнилъ матеріи и формы веществъ, данныхъ ему для сваренія. Насъ до того пріучили къ помочамъ, что мы уже отвыкли отъ свободнаго хожденія; наша свобода и сила исчезли. Nunquam tutelae suae fiunt. (Senec. Epist. 33).

«И такъ пусть воспитатель заставитъ ученика испытать каждое мнѣніе и не вселяетъ въ его голову ничего, основаннаго единственно на вѣрѣ въ авторитеты. Его равно не должно заставлять присягать ни принципу Аристотеля, ни принципамъ Эпикура или стоиковъ. Пусть онъ предложитъ ученику все разнообразіе мнѣній; если онъ сможетъ выбрать между ними, тѣмъ лучше, если же нѣтъ, то

(*) Переводъ выйдетъ, можетъ быть, не вполнѣ подстроченъ, такъ какъ мнѣ за неимѣніемъ оригинала пришлось переводить съ нѣмецкаго.

пускай хоть сомнѣвается. Che non men che saper dubbiar m'aggrada (Dante Inf. C. II).

«Приведите ученика къ тому, чтобы онъ клалъ оружіе передъ истиной, какъ скоро увидитъ ее, гдѣ бы то ни было, на сторонѣ противника или въ собственной головѣ, когда передумаетъ».

Подивитесь, какъ мы быстро шагаемъ!

А. СЛѢПЦОВЪ.

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Потапъ, бѣдный крестьянинъ.
Матрена, его сестра.
Степка, 7 лѣтъ } его дѣти.
Серега, 6 лѣтъ } его дѣти.
Дементій, его сосѣдъ, 30 лѣтъ.
Рогонокъ } безпаспортныя личности, одѣты въ дубленые полушубки.
Клеймо } безпаспортныя личности, одѣты въ дубленые полушубки.
Вавиловна, прохожая старушка.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, на большой дорогѣ. Деревенская изба.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОГОНОКЪ (подпоясываясь).

Справляйся скорѣй!

КЛЕЙМО.

Я сейчасъ, за мной дѣло не станетъ. Пущай, лошадь-то пожуетъ маленько:—умаялась-чай. (Смѣется).

РОГОНОКЪ.

Да ужь задали ей жару! Долго помнить будетъ.

КЛЕЙМО.

Чай ужь теперича хватился.

РОГОНОКЪ.

Какъ не хватиться: часа три мы гнали, да часъ, пожалуй, здѣсь сидимъ... Чай ужь навылся до сыта.

КЛЕЙМО.

Экой у насъ народъ глупый!

РОГОНОКЪ.

Мы тоже лѣтось въ Питерѣ у чухонца лошадь угнали; опосля я его увидалъ, недѣли черезъ двѣ, худой такой сталъ!

КЛЕЙМО.

Грустно, значитъ (смѣется).

РОГОНОКЪ.

Всѣмъ бы хороша наша должность, кабы уголовной не было, а то попадешься —томятъ, томятъ въ острогѣ-то...

КЛЕЙМО.

Я разовъ шесть въ уголовной-то парился, да Богъ миловалъ, одинъ разъ только въ сильномъ подозрѣніи оставили. А ужь однова какъ приходилось: если бы попался, миногами бы накормили.

РОГОНОКЪ.

На темную чтоль кого взялъ?

КЛЕЙМО.

Нѣтъ, я рукъ не кровянилъ и бить чтобы очень кого тоже не приходилось, разъ только одного нѣмца потрепалъ маленько. А это, братецъ, вотъ какъ было: ушелъ я тогда съ этапу, на родину меня послали. Ну, какъ ушелъ, прямо сейчасъ въ Питеръ... Къ Лаврюшкѣ—въ части! къ Гуську—въ острогѣ! Что дѣлать? Къ Никонычу: нѣтъ, говоритъ, братъ, ступай, я больше вашего брата не пущаю, потому, говоритъ, меня самого затаскали. Дня четыре я путался по Питеру-то, коё-чѣмъ да коё-чѣмъ пробавлялся. Только иду разъ по обуховскому, смотрю, часовня. Подошелъ, помолился, копѣечку въ кружку опустилъ, а самъ замокъ пощупалъ. Думаю, постараться можно. Три ночи сбирался, да все какъ-то опасился. На мое счастье дождикъ, и ночь такая темная, зги не видать. Извѣстное дѣло, въ такую пору не токма дворниковъ — собаки на улицѣ не найдешь. Пошелъ. До костей меня прохватило, покуда я дошелъ-то. Только что я перекрестился да ломъ за обручь-то запустилъ, какъ меня сзади дубиной разъ!.. два! Караулъ!.. Стрѣла такъ не летитъ, какъ я бросился!.. И ничего, т. е., никакой боли не чувствую. Слышу, карета ѣдетъ, я маленько остановился, только что она поравнялась со мной, я разбѣжался да на задкѣ и повисъ, да вплоть до сѣнной и ѣхалъ.

РОГОНОКЪ.

Чисто!

КЛЕЙМО.

Да такой штуки въ другой разъ, пожалуй, не сдѣлаешь. Опосля самому смѣшно стало. Ужь и досталось же мнѣ! Вѣдь какъ приложилъ-то! Кабы это на сухопараго человѣка, — до смерти бы на мѣстѣ убилъ, и я-то двѣ недѣли не разгибался! (Надѣваетъ полушубокъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Матрена.

МАТРЕНА.

Въ дорогу отправляетесь?

РОГОНОКЪ.

Да, тётушка, замѣшкались. Баринъ, чай, ругается.

МАТРЕНА.

А вы барскіе?

РОГОНОКЪ.

Барскіе.

МАТРЕНА.

Откеда?

КЛЕЙМО.

Тутошные, по барскимъ дѣламъ въ городъ ѣздили.

МАТРЕНА.

Погода завернула, неспособно вамъ ѣхать-то. Мятелица такая, что и!...

РОГОНОКЪ.

Дождемъ. Прощенья просимъ.

МАТРЕНА.

Дай Богъ часъ, господа честные.

КЛЕЙМО.

Ужли, тётушка, мужиковъ-то у тебя нѣтъ, одна живешь?

МАТРЕНА.

Какъ, касатикъ, безъ мужиковъ! безъ мужиковъ нельзя, да въ городъ самъ-то уѣхалъ, да вотъ что-то нѣтъ долго. (Клеймо и Рогонокъ переглядываются).

РОГОНОКЪ (тихо).

Не здѣшняя ли лошадь-то?

КЛЕЙМО.

Прощай, тётушка.

МАТРЕНА.

Не посвѣтить ли, голубчики?

РОГОНОКЪ.

Нѣтъ, не требуется. (Быстро уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Матрена, потомъ Дементій, Степка и Серега.

МАТРЕНА.

Нѣтъ, должно, нонѣ не пріѣдетъ, заночуетъ. (Зѣваетъ) Эхъ, грѣхи, грѣхи! Куда скучно въ экую погоду-то.

ДЕМЕНТІЙ (входя).

Вотъ я тебѣ, тётушка Матрена, ребятъ привелъ. (Серега при входѣ въ избу быстро бросается на печь).

МАТРЕНА.

Ты бы ноги-то въ сѣнцахъ околачивалъ. Ишь ты, что снѣгу-то въ избу наворотилъ. Некому тутъ за вами прибирать-то!

ДЕМЕНТІЙ.

Мой что ли, снѣгъ-то? На лопатѣ я тебѣ его что ли принесъ? Ты погляди-ко, что на дворѣ-то: свѣту Божьяго не видать. Потапъ Митричъ не бывалъ еще?

МАТРЕНА.

Нетутка. Сказывалъ, около вечеренъ пріѣдетъ, а нѣтъ.

ДЕМЕНТІЙ.

Не застрялъ бы въ дорогѣ-то. Ну, ребята, спать чтобы! А Серега-то гдѣ жь? (Степка смѣется).

МАТРЕНА.

На печи, на печь забился, да не уйдешь, пёсъ, не уйдешь!

ДЕМЕНТІЙ.

Аль опять провинился?

МАТРЕНА.

У насъ съ нимъ одна вина-то—житья отъ его никому нѣтъ.

СТЕПКА.

Афроськѣ давеча голову было проломилъ.

ДЕМЕНТІЙ.

Что жь, за это выстегать надо. Какъ, Степа, полагаешь: за такія дѣла надо стегать, аль нѣтъ?

СТЕПКА.

Надо. (Смѣется).

ДЕМЕНТІЙ.

А коли надо, такъ кончено! Справляйся, тетушка Матрена. Сейчасъ мы его оттедова стащимъ, да своимъ судомъ... Я подержу, а ты отпустишь, сколько слѣдоваетъ. (Серега заревѣлъ во все горло). А! Не любишь!... Баловать такъ твое дѣло, а какъ...

СЕРЕГА.

Я ее не трогалъ! Она меня сама все за виски дергала.

МАТРЕНА.

Что те рѣжутъ что ли окаяннаго, прости Господи! Что ты ревешь-то?

ДЕМЕНТІЙ.

Полно, дурашка! Съ тобой шутки шутятъ, а ты думаешь, взаправду. Ступай сюда, не тронемъ. (Серега начинаетъ хныкать). Утрись, да и слѣзай.

СЕРЕГА.

Не слѣзу.

ДЕМЕНТІЙ.

Говорятъ, не трону.

СТЕПКА.

Не тронетъ. (Серега робко высовываетъ голову съ печи и опять прячетъ).

ДЕМЕНТІЙ.

Полно, ступай! Я сказку сказывать буду. (Ложится на лавку; Степка садится у него въ головахъ.) Вотъ, братцы, въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ былъ царь; а у этого самого царя было двѣ дочери: одна глухая, другая нѣмая, третья безрукая. Только вотъ царь и говоритъ своимъ дочерямъ: дочери мои милыя, изъ разныхъ земель короли ко мнѣ понаѣзжаютъ... (Прислушивается). Что это, словно бы воетъ кто? Ужли вѣтеръ! Тетушка Матрена, труба-то у васъ закрыта ли?

МАТРЕНА.

Какже, закрывала давеча. Энтотъ озарникъ-то не открылъ ли?

ДЕМЕНТІЙ.

Серега, ты трубу не открылъ ли?

СЕРЕГА.

Открылъ.

МАТРЕНА.

Ахъ ты пёсъ экой! Вотъ баловень-то зародился. Закрой сейчасъ! (Серега молча исполняетъ приказаніе).

ДЕМЕНТІЙ.

Нечего ему дѣлать-то, вотъ онъ и балуется. Степка, давай выкинемъ его въ сугробъ, пущай его волки растерзаютъ на части. Что его сорванца жалѣть-то!

СЕРЕГА.

Выкинулъ одинъ такой-то!

ДЕМЕНТІЙ.

Что?! Ты у насъ молчи лучше, насъ вѣдь здѣсь двое. Вѣдь мы съ имъ сладимъ, Степа?

СТЕПКА.

Сладимъ.

ДЕМЕНТІЙ.

Значитъ, тебѣ востроносому супротивъ насъ ничего не подѣлать. Ну вотъ, говоритъ, изъ разныхъ земель короли понаѣзжаютъ...

СТЕПКА.

А ты лучше про вѣдьму разскажи.

ДЕМЕНТІЙ.

Про кеивскую? Изволь. (Серега сползаетъ съ печи). Да ступай, миляга, слушай.

СЕРЕГА.

Прибьешь?

ДЕМЕНТІЙ.

Не трону.

СЕРЕГА.

Побожись.

ДЕМЕНТІЙ.

Сейчасъ умереть, не трону.

СЕРЕГА.

Нѣтъ, ты скажи: провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ.

ДЕМЕНТІЙ.

Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ! (Серега робко слѣзаетъ съ печи и подходитъ къ Дементію). Я вишь какой человѣкъ: сказалъ, не трону, и кончено! И никому, значитъ, не позволю тебя обиждать. Садись на меня теперича хошь верхомъ, и то ничего. Ты вѣдь озарничать пе будешь?

СЕРЕГА.

Не буду.

ДЕМЕНТІЙ.

Ну, значитъ, ты милый человѣкъ, а милыхъ людей я оченно люблю. И будемъ мы съ тобой жить, пока Богъ грѣхамъ нашимъ терпитъ. Садись на меня верхомъ. (Серега робко садится, думая, не обманываетъ ли его Дементій). Хошь я тебя теперича въ Москву свезу, али въ Питеръ, куда хошь—мнѣ все равно. (Качаетъ Серегу). Жизнь, тетушка Матрена, малолѣтнымъ-то! Хошь бы денечекъ по ихнему-то пожилъ. Ничего это они не чувствуютъ, какъ должно... Вотъ хоть бы теперича Серега. Ну, что ты, пострѣлъ, понимать можешь? Что ты можешь чувствовать? Какая такая твоя должность?

МАТРЕНА.

Должность его извѣстная: встань-ни свѣтъ, ни заря, не умымши, Богу не молимши шасть изъ избы, да и мается день-то деньской, не вѣсть гдѣ.

СТЕПКА.

Чтожь ты про вѣдьму-то?

ДЕМЕНТІЙ.

Не токма, что я тебѣ про вѣдьму, а какъ я тебя за твою добродѣтель оченно люблю, потому ты парнишко смирный, я тебѣ къ святой пару голубей достану.

СЕРЕГА.

И мнѣ.

ДЕМЕНТІЙ.

Тебѣ, братъ, нѐ за что. А можетъ, мы тебя къ святой-то въ солдаты отдадимъ. (Серега смотритъ на него вопросительно). Что глядишь-то? Это вѣрно! Свяжемъ, значитъ, свеземъ къ становому: вотъ, скажемъ, ваше благородіе, Серега у насъ оченно балуется, прикажите ему лобъ забрить. (Степка смѣется). А Степкѣ пару голубей предоставлю... Синицъ съ имъ пойдемъ ловить. Синицъ много въ тѣ поры поналетитъ.

СЕРЕГА.

А я баловать не буду.

ДЕМЕНТІЙ.

Коли ежели не будешь, значитъ, и мы съ тобой будемъ компанію водить, а то въ солдаты.

МАТРЕНА.

Ты самъ, посмотрю я на тебя, ровно маханькой — городитъ ни вѣсть что.

ДЕМЕНТІЙ.

Больно ужь ребятъ-то, тетушка Матрена, люблю, потому они оченно смѣшные.

СТЕПКА.

А вонъ дьячковы дѣти лѣтось воронье гнѣздо раззорили.

ДЕМЕНТІЙ.

Потому, они кутейники. Нешто они могутъ понимать. А вы, ребята, гнѣзда не трогай. Грѣхъ великій, ежели кто гнѣздо раззоритъ. Коли найдешь гнѣздо съ яичками — не трожь, пущай выводитъ. А кутейники эти, вѣстимо, голодные: они не токма яица, — они и голубей лопаютъ.

МАТРЕНА.

Тьфу! Какъ это имъ въ душу-то лѣзетъ!

ДЕМЕНТІЙ.

Жрать хочется!

МАТРЕНА.

Да вѣдь голуби-то не показанное?

ДЕМЕНТІЙ.

Мало ли что не показанное! А вы, ребята, коли ежели мнѣ

пріятели, — коли кто примѣтилъ гнѣздышко — сейчасъ покажи мнѣ. (Молчаніе) А вотъ, братцы, Богъ дастъ, полая вода придетъ, рыбу пойдемъ ловить. Какъ занятно!

МАТРЕНА.

Ну, этимъ рыбакамъ—то спать пора. Снуютъ, снуютъ день-то деньской, умаются.

ДЕМЕНТІЙ.

Чтожь, скажи, ребята, за нами дѣло не станетъ, мы и спать можемъ. (Встаетъ и почесывается). Погода, значитъ, самого-то задержала... Оченно ужь вьюга-то. Теперичное дѣло, какъ разъ съ дороги собьешься. Бѣда, тетушка Матрена, объ эту пору въ дорогѣ! Не приведи-то господи! Стужа! Глазыньки тебѣ это всѣ залѣпитъ, борода обмерзнетъ, злой сдѣлаешься, животину бьешь, ровно бы она причиина! Все это, значитъ, Божья власть, а ты въ ту пору ничего этого чувствовать не можешь, потому сердце въ тебѣ больно раскипится (Потягивается).

МАТРЕНА.

Хозяина-то дома нѣтъ, словно бы и страшно одной-то.

ДЕМЕНТІЙ.

Точно что одной-то жутко.

МАТРЕНА.

Да мнѣ нонѣ цѣлый день что-то не по себѣ, ровно бы я что потеряла, аль такъ душенька ноетъ. (Съ улицы въ окно слышится стукъ).

ДЕМЕНТІЙ.

Не самъ ли?

МАТРЕНА.

Кому жь, опричь его (Выходитъ изъ избы).

ДЕМЕНТІЙ (къ ребятамъ).

А вы чтожь не ложитесь? У меня спать чтобы, а то вѣдь я сердитый, наказывать стану.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Вавиловна.

ВАВИЛОВНА.

Пустите, православные, душу на покаяніе (Садится въ изнеможеніи на лавку).

ДЕМЕНТІЙ.

Ишь ты, какъ тебя занесло-то! Въ самую мятель-то ты, значитъ, и попала...

ВАВИЛОВНА.

Охъ, батюшки мои!..

ДЕМЕНТІЙ.

Ты ноги не ознобила ли?

ВАВИЛОВНА.

Моченьки моей нѣтъ!

МАТРЕНА.

Раздѣнься, голубка (Помогаетъ ей раздѣться). Ишь ты! на тебѣ одного снѣгу-то пудовъ пять будетъ.

[illegible]

[illegible] ужъ и живой-то быть, думала, помру въ чистомъ полѣ, не замоливши грѣховъ своихъ.

ДЕМЕНТІЙ.

Что хитраго помереть въ экую стужу! Въ экую стужу и мужику только въ пору, а ужь вашей сестрѣ гдѣ. Ты таперича на печь ступай.

ВАВИЛОВНА.

Ноженьки-то въ снѣгу вязнутъ, итти-то не способно, а тороплюсь поспѣть засвѣтло, чтобъ ночью на лихихъ людей не наткнуться.

ДЕМЕНТІЙ.

Что съ тебя взять-то, баушка! Опять же въ нашей сторонѣ тихо. А ты далече ли пробираешься-то?

ВАВИЛОВНА.

Въ Москву, батюшка. Сыночекъ у меня въ Москвѣ живетъ.

ДЕМЕНТІЙ.

По какой части?

ВАВИЛОВНА.

По пачпорту ходилъ, а теперича приписался.

ДЕМЕНТІЙ.

А вы господскіе были?

ВАВИЛОВНА.

Господскіе, батюшка, господскіе.

ДЕМЕНТІЙ.

Чьихъ?

ВАВИЛОВНА.

Семенъ Иваныча Батурина. (Продолжительное молчаніе).

ДЕМЕНТІЙ.

Отъ господъ-то отошли теперича?

ВАВИЛОВНА.

Слободные, батюшка.

ДЕМЕНТІЙ.

Вѣдь тебѣ, баушка, чай все равно, ты старый человѣкъ. Вѣдь тебѣ годовъ, чай, много!

ВАВИЛОВНА.

Много, батюшка (Продолжительное молчаніе).

ДЕМЕНТІЙ.

Ты французское-то раззореніе помнишь ли?

ВАВИЛОВНА.

Помню, голубчикъ, все помню. Въ тѣ поры, какъ ему придти-то, французу-то, на небѣ все столбы ходили. Небо это загорится, загорится, и пойдутъ столбы, и пойдутъ столбы. Думали тогда, къ мору, анъ ждемъ-пождемъ—онъ и пришелъ и двѣнад-

ДЕМЕНТІЙ.

Двѣнадцать языковъ — это ты вѣрно. Видимо-невидимо, говорятъ, ихъ привалило тогда. Дѣдушка намъ сказывалъ.

ВАВИЛОВНА.

Въ тѣпоры нашъ энаралъ кресты свои, медали всѣ понавѣсилъ, да ночью съ Васильемъ фалеторомъ на войну и уѣхалъ.

МАТРЕНА.

На страженіе?

ВАВИЛОВНА.

Да, матушка. Прощайте, говоритъ, православные, ѣду я проливать свою энаральскую кровь. И могилку батюшкѣ велѣлъ себѣ выкопать у церкви. Да Богъ его помиловалъ, голубчика, опять къ намъ пріѣхалъ. Какъ это у французовъ землю эту ихнюю подъ нашего царя подвели, въ нашу вѣру правую ихъ всѣхъ перегнали — онъ и пріѣхалъ, и помню это, нѣмца съ собой привезъ; барчатъ онъ тогда, сказывали, на разные языки обучалъ поихнему.

ДЕМЕНТІЙ (потягиваясь).

Ишь ты, старинные-то люди, тетушка Матрена, все знаютъ! Ну, прощайте. Ты, баушка, на печь бы шла (Хочетъ идти. Съ улицы слышится невнятный разговоръ; всѣ прислушиваются). Что это, тетушка, словно какъ самъ пріѣхалъ (Молчаніе). Да онъ и есть! Его рѣчи-то. Что за причина! (Разговоръ становится внятнѣе). «Да тутъ въ Алешинѣ.». «Да какъ же ты прозѣвалъ?» «Надо бы бѣжать.» «Въ экую вьюгу много ли набѣжишь, зги Божіей не видать.» (Всѣ въ недоумѣніи; Дементій смотритъ на Матрену вопросительно). Отпирай ступай. (Матрена бѣжитъ и возвращается съ Потапомъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Потапъ, окоченѣвшій отъ холода.

МАТРЕНА.

Что-й то, батюшка!

ПОТАПЪ.

Божеское попущеніе.

ДЕМЕНТІЙ.

Что ты, Потапъ Митричъ?

ПОТАПЪ.

Ограбили!

ДЕМЕНТІЙ.

Какъ ограбили?

[illegible]

Лошадь угнали!

ДЕМЕНТІЙ.

Что ты!!

МАТРЕНА (воетъ).

Ай батюшки! Чѣмъ мы Бога прогнѣвали? За что на насъ экое наказаніе!...

ПОТАПЪ.

Раззорили меня, съ малыми дѣтьми раззорили! Взяться теперь нечѣмъ. Словно и свѣтъ Божій мнѣ все одно, хошь руки на себя накладай. (Обратившись къ образу) Батюшка, Царь милостивый! Твоя воля, Твой предѣлъ, Отецъ нашъ небесный! (Плачетъ) Легче бы хворость какую лютую выхворалъ, не чѣмъ это дѣло. Ахъ ты Господи!

МАТРЕНА.

Чу[illegible] моя душенька, что быть не хорошему. Цѣлый-то денечекъ нонѣ [illegible]палось мнѣ, не ѣлось....

ДЕМЕНТІЙ.

Да какъ же, братецъ, [illegible]сто угнали-то? Можетъ, еще мы на слѣдъ попадемъ....

ПОТАПЪ.

Гдѣ попасть, гдѣ попасть! Не на то вору[illegible].

ВАВИЛОВНА (дрожа всѣмъ тѣ[illegible] люди...

Кабы маленько я не поспѣла, и меня бы ограбили.

ДЕМЕНТІЙ.

Постой, баушка, что съ тебя взять! Чтожь дѣлать, Потапъ Митричъ?

ПОТАПЪ.

Что дѣлать!—Ложись да умирай!

ДЕМЕНТІЙ.

Зачѣмъ умирать, умирать не слѣдъ. Да какъ дѣло-то было?

ПОТАПЪ.

Прозябъ я очень, погода-то больно завернула, да въ Алешинѣ въ кабакъ и заворотилъ, отъ кабака-то и угнали. Цѣловальникъ сказывалъ, что двое какихъ-то сидѣло. Одинъ, говоритъ, кривой, а другой рыжій такой. Опричь ихъ, говоритъ, некому.

МАТРЕНА (падаетъ съ визгомъ на полъ).

Батюшки!... Касатики!... Выньте изъ меня мою душеньку!.. (Ребятишки просыпаются и смотрятъ въ недоумѣніи). Батюшки! Они вѣдь здѣсь были.

ДЕМЕНТІЙ.

Кто?

МАТРЕНА.

[illegible] И лошадь-то наша у насъ на дворѣ была!... [illegible] спустила. Ой, смертушка моя!

ДЕМЕНТІЙ.

Это двое–то выѣхали?

МАТРЕНА.

Они, они самые. Кривой одинъ.

ДЕМЕНТІЙ.

Ну такъ, Потапъ Митричъ, не сумлѣвайся. Они ночью по эной погодѣ далеча не уѣдутъ. Вотъ погода перестанетъ, мы ихъ нагонимъ.

ПОТАПЪ.

Какъ же тебѣ не въ догадь? Ужли ты нашей лошади не знаешь?

МАТРЕНА.

Не въ догадь, баатюшка, не въ догадь! (Воетъ).

ПОТАПЪ (къ дѣт[illegible]

Вотъ, ребятишки, лошадь наш[illegible]ли. Пропащій я теперича съ вами человѣкъ. (П[illegible] опускаетъ голову на столъ).

И. ГОРБУНОВЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ГАЗЕТА,

ЕЯ РЕДАКТОРЪ И СОТРУДНИКИ.

(Изъ записокъ литератора-обывателя).

Что нашъ городъ шествуетъ по пути прогресса, это не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, и я сейчасъ докажу, почему.

Во первыхъ, полиціймейстеръ нашъ говоритъ по французски.

Во вторыхъ, товарищъ предсѣдателя Гражданской Палаты не только говоритъ пофранцузски, но даже сочиняетъ очень остроумные проекты относительно устройства народныхъ школъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ произноситъ спичи, въ которыхъ проповѣдуетъ «необходимость поддержать нравственную мощь русскаго мужика, ассоціацію съ земствомъ и популяризацію научныхъ принциповъ.»

Въ третьихъ, въ нашемъ городѣ есть два клуба: одинъ дворянскій, другой коммерческій; въ первомъ кушаютъ, даютъ торжественные обѣды и говорятъ торжественные спичи дворяне; во второмъ ѣдятъ купцы, танцуютъ купеческія дочери и производятъ скандалы купеческія дѣти. Въ дворянскомъ клубѣ проводятъ время особенно пріятно. Недавно членъ его Ангеловъ, за шулерство, былъ выгнанъ изъ клуба въ шею членомъ Оленевымъ, но едва успѣлъ г. Оленевъ совершить свой подвигъ, какъ и самъ въ свою очередь за такія же продѣлки былъ выгнанъ членомъ Стрѣшняевымъ.

Въ четвертыхъ, въ нравы и обычаи чиновъ нашей городской полиціи проникъ уже нѣкоторый эеиръ деликатности. Конечно, наказывать еще наказываютъ, но наказываютъ по отечески, и частный при-

ставъ, приказывая вразумить какого нибудь мальчишку-сапожника за неповиновеніе деспоту-хозяину, считаетъ долгомъ сначала высказать свое полное отвращеніе къ «энергическимъ мотивамъ жизни.»

— Вѣдь вотъ ты, подлецъ, до чего довелъ меня, мягко и чуть не со слезами говоритъ частный ползающему у него въ ногахъ мальчишкѣ:—ну пойми ты, собачій сынъ, развѣ мнѣ пріятно тебя вразумлять, развѣ во мнѣ чувствъ нѣтъ?... Засыпьте-ка ему горяченькихъ!...

Да, очень цивилизованный нашъ городъ!

Въ другихъ городахъ, напримѣръ, купеческія дочки, сходивши къ ранней обѣднѣ, покушавши въ плотную сдобныхъ пироговъ и пообѣдавши, облекаются обыкновенно въ самое лучшее платье, садятся на скамеечкѣ за воротами и пощелкиваютъ орѣшки. А купеческіе сынки, также разфрантившись, скромно гуляютъ по улицѣ и едва осмѣливаются поднять глаза и взглянуть на своихъ, какъ макъ рдѣющихъ, владычицъ сердецъ. У насъ же купеческія дочки, хотя и ходятъ къ раннимъ обѣднямъ и сдобные пироги кушаютъ, но за воротами не сидятъ, а обыкновенно или ѣдутъ кататься на откормленныхъ и жирныхъ лошадяхъ, или гуляютъ по улицамъ въ сопровожденіи кавалеровъ, большею частію изъ гарнизонныхъ офицеровъ, а иногда и изъ улановъ. Сіи послѣдніе, ради такихъ случаевъ, облекаются во всѣ воинскіе доспѣхи и немилосердно стучатъ саблями—обстоятельство, которое всегда производитъ желанный эфектъ.

Есть въ нашемъ городѣ высшее учебное заведеніе, въ которомъ разные ученые маститые старцы читаютъ науки: физіологію, филологію, психологію, археологію, зоологію и множество другихъ, весьма полезныхъ на различныхъ поприщахъ службы и дѣятельности. Отношенія преподавателей къ слушателямъ—отношенія отцовъ къ дѣтямъ, основной педагогическій принципъ—*понуканье* въ различныхъ видахъ и формахъ. Когда же и нашего города коснулось вѣяніе современнаго духа, когда и у насъ многіе начали поговаривать, что понуканье не только не полезно, но даже вредно, то всѣ маститые старцы сильно вооружились за дѣтище своего сердца, а одинъ изъ нихъ самый толстый, тотъ, который носитъ рыжій парикъ и слыветъ большимъ острякомъ, сказалъ даже очень хорошую рѣчь, въ которой блистательно защищалъ принципъ понуканья. «Понуканье, милостивые государи, сказалъ онъ, есть актъ разумно-сознательной воли человѣческой. Это та сила, которая двигаетъ человѣка впередъ и внѣ которой немыслима и самая дѣятельность человѣческая. Понуканье производило великихъ полководцевъ, доблестныхъ администраторовъ, патентованныхъ ученыхъ. На древнихъ Египетскихъ памятникахъ сохранились надписи, доказывающія разумность принципа понуканья, Ксенофонтъ въ своемъ сочиненіи «Οἰκονομικός», Цицеронъ въ своемъ

безсмертномъ твореніи «De Legibus....» и пошелъ выкапывать изъ классической пыли разныя мудрыя свидѣтельства. Такимъ образомъ, ученый профессоръ окончательно убѣдилъ всѣхъ и каждаго въ разумности понуканья.

Этотъ почтенный старецъ, читающій свои лекціи по синенькимъ тетрадкамъ, между прочимъ отличался особенною любовію къ собственному краснорѣчію, такъ что часто по нѣскольку разъ повторялъ на лекціи понравившуюся ему его собственную фразу.

Помню однажды, говоря о средневѣковыхъ турнирахъ, онъ сказалъ торжественно: «...*и дамы украшали рыцарей вѣнками!* — это такъ хорошо, господа, что мы повторимъ еще разъ для ясности — *и дамы украшали рыцарей вѣнками*!...»

Но главное обстоятельство, по которому нашъ городъ справедливо считается самымъ цивилизованнымъ, это то, что въ немъ существуетъ своя *провинціальная газета.*

Газета наша имѣетъ свои отдѣлы, своихъ сотрудниковъ и своего редактора. Вотъ со всѣмъ этимъ я и хочу познакомить читателей и петербургскихъ литераторовъ, которые, быть можетъ, повѣривши на слово г. Щедрину, не очень дружелюбно взираютъ на свою меньшую братію, какъ скромно называютъ себя провинціальные литераторы.

Газета наша маленькая, цѣна ея дешевая; расходится она въ самомъ небольшомъ количествѣ, не болѣе 600 экземпляровъ, да и изъ этого числа много разсылается даромъ разнымъ лицамъ начальственнымъ, а также корреспондентамъ въ уѣздные города, которые за это присылаютъ раза два или три въ годъ по статейкѣ. Какъ вербуются эти корреспонденты, я разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Очень естественно, что при подобныхъ обстоятельствахъ, при подобномъ сочувствіи публики къ газетѣ, она рѣшительно не окупалась бы, и принуждена была бы прекратить свое существованіе. Если же она еще существуетъ до сихъ поръ и даже приноситъ порядочный барышъ редактору, изъ котораго онъ выдѣляетъ иногда малую толику сотрудникамъ, то это происходитъ единственно потому, что печатаніе газеты производится, по выраженію редактора, *на хозяйскій ладъ.*

Хозяйскій ладъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Есть въ нашемъ городѣ типографія, которую содержитъ одинъ баринъ. Если я говорю *баринъ*, то говорю это вовсе не для красы рѣчи, а потому, что дѣйствительно содержатель типографіи баринъ: живетъ по барски, квартиру занимаетъ обширную, имѣетъ хорошую мебель и представительную жену. Баринъ онъ и потому, что даже обращается по барски. Приходитъ напримѣръ лакей, а онъ самъ въ конторѣ сидитъ и книгу читаетъ.

— Что тебѣ надо? скажетъ онъ: — да ты сапожищами-то своими не стучи!...

— Объявленьице прислали пропечатать. Баринъ тарантасъ продаетъ.

— Да ты чей?

— Фамилія-то? Брусиловъ прозываюсь.

— Ну, и дуракъ! Я тебя спрашиваю, у кого ты служишь, а ты мнѣ тутъ фамилію свою тычешь.

— Служу я у Денькина, что въ приказѣ — Остапъ Григорьичъ.

— Ну, и скажи своему барину, чтобъ онъ или написалъ въ запискѣ, какъ и что, или самъ бы пришелъ, а такихъ дураковъ, какъ ты, пусть не присылаетъ... Ну, что я тутъ съ тобою буду говорить... понимаешь ты развѣ? Вотъ напримѣръ «*литера*», — что такое литера, а?

— Не могимъ знать-съ, мы люди темные....

— Темные!.. Дурачье вы, а не темные! такъ и барину скажи. Ступай!...

А то напр. онъ увѣрилъ обитателей цивилизованнаго города, что онъ извѣстный писатель, что когда онъ жилъ въ сосѣднемъ съ нашимъ городѣ, то писалъ разныя повѣсти, въ которыхъ выставлялъ злоупотребленія разныхъ мѣстныхъ властей. Повѣсти съ подобнымъ содержаніемъ дѣйствительно печатались въ одномъ петербургскомъ журналѣ, и подписанъ былъ авторъ этихъ повѣстей — фамилія, совсѣмъ не похожая на фамилію содержателя типографіи; но онъ увѣрилъ, что это его псевдонимъ, и обитатели цивилизованного города повѣрили.

Такъ вотъ этотъ-то баринъ, — Заркинъ была его фамилія — имѣлъ въ нашемъ городѣ типографію. Въ типографіи этой печатались разныя афишки, объявленія, а внизу афишъ и объявленій крошечными буквами припечатывалось, что печатано, дескать, въ типографіи г-на Заркина. И всегда онъ съ любовію читалъ эту подпись, улыбнется даже бывало, какъ прочтетъ....

Понялъ эту штуку редакторъ, что смотритель типографіи больно за извѣстностію гонялся, и приходитъ къ нему.

— Здравствуйте, Павелъ Дмитричъ!

— Здравствуйте, Михаилъ Григорьичъ, говоритъ смотритель, — садитесь. Курить не хотите ли?

— Благодарю васъ, я не курю.

— Что такъ? въ раскольники записались? давно ли?

— Съ двадцати лѣтъ. . Прежде курилъ, самый крѣпчайшій «дюбекъ» курилъ, да доктора запретили, говоритъ, вся эта гарь на легкія садится, и можно чахотку нажить, особенно какъ я веду сидячую жизнь...

— Не вѣрьте вы докторамъ, ради Бога, не вѣрьте, все это врали... А я бы васъ попотчивалъ великолѣпнымъ табакомъ.

— Очень жалѣю,—не могу.

— Ну что новенькаго? какъ ваша газетка?

— Плохо, совсѣмъ плохо, съ жалобною нотою въ голосѣ проговорилъ Михаилъ Григорьичъ: — какая тутъ публика? Свиньи какія-то живутъ, а не публика, одни купцы еще немного поддерживаютъ... Я къ вамъ, признаться, по дѣлу; я увѣренъ, что вы, какъ литераторъ (ловкій человѣкъ былъ редакторъ!), поможете мнѣ. Отъ васъ зависитъ многое, очень многое; вы одни положительно можете сдѣлать великое дѣло: уничтожить страшное зло — централизацію въ столицахъ нашихъ журналовъ и газетъ.

— Какъ такъ? спросилъ содержатель, важно пріосанившись, какъ бы собираясь мановеніемъ руки уничтожить великое зло — централизацію газетъ.

— Очень просто, продолжалъ редакторъ.—Дѣла у васъ теперь не много, типографія образцовая, литеръ пропасть, — такъ я бы хотѣлъ перенести къ вамъ печатаніе газеты...

— Ну чтожъ, я не прочь, я пожалуй даже сбавлю вамъ за наборъ съ листа рубль, даже два.

— Нѣтъ, видите ли, не то... Дѣла наши такъ плохи, что надо повести ихъ на хозяйскій ладъ: я найму своего наборщика, а вы позвольте ему у васъ работать; если же тамъ у него время будетъ оставаться, такъ онъ и вамъ поможетъ...

Долго думалъ содержатель, ясно видѣлъ, что дѣло ему никакой выгоды не принесетъ, даже убытокъ, но редакторъ такъ ловко умѣлъ его умаслить, и притомъ мысль, что фамилія его будетъ подписана не подъ объявленіемъ, а подъ газетою, подъ газетою, которая пожалуй даже въ потомство перейдетъ, была такъ соблазнительна, что онъ согласился.

Редакторъ нанялъ наборщика, заплатилъ ему двадцать рублей сер. въ мѣсяцъ жалованья, и такимъ образомъ наборъ и печатаніе стоили ему очень дешево. Вотъ это-то и значитъ, по выраженію редактора, производить печатаніе *на хозяйскій ладъ*.

Кромѣ хозяйскаго лада былъ еще *домашній ладъ*, который держался въ большомъ секретѣ, даже отъ ближайшихъ лицъ, но который былъ выгоднѣе даже хозяйскаго лада. Понадобилась, напримѣръ, для газеты бумага, а бумага стоитъ денегъ, а деньги въ нашъ вѣкъ такъ рѣдки, да и редакторъ ихъ любитъ. Думаетъ редакторъ, думаетъ долго, какъ бы это такъ сдѣлать, чтобъ и бумага была для газеты, и денегъ бы на покупку бумаги не тратить. Ну, и придумаетъ.

Смотришь, въ одномъ изъ нумеровъ газеты появляется статейка такого рода: «*Спѣшимъ заявить...*»

Не могу не остановиться на этой фразѣ—такая она хорошая, такъ она близка моему сердцу! Сколько бы ни говорили разные ученые мужи противъ литературной собственности въ силу той мысли, что никто не можетъ объявить себя хозяиномъ извѣстной мысли, никто не можетъ сказать, что такая-то мысль принадлежитъ именно ему, я смѣло *спѣшу заявить* права моихъ собратовъ, провинціальныхъ литераторовъ, на выраженіе: «*спѣшимъ заявить*». Да, это наше выраженіе, дитя нашего сердца! О чемъ бы ни заговорилъ провинціальный литераторъ, онъ непремѣнно ухитрится куда нибудь ввернуть фразу: *спѣшимъ заявить*. Надо, положимъ, обличить, предать гласности г-на N за наклонность его въ своихъ административныхъ распоряженіяхъ опираться на авторитетъ кулаковъ, провинціальный литераторъ беретъ листъ бумаги и пишетъ: «спѣшимъ заявить, что въ наше время, когда гуманность и проч.., г-нъ N дѣлаетъ то-то и то-то».

Открывается напр. воскресная школа, опять идетъ въ ходъ милая фраза: «спѣшимъ заявить о торжественномъ паденіи рутины и консерватизма, чему яснымъ доказательствомъ можетъ служить открытіе» и проч. и проч.

Актеръ приготовляетъ бенефисъ: «спѣшимъ заявить, что въ бенефисъ нашего талантливаго актера даны будутъ» и т. д.

Пріѣхалъ въ городъ какой нибудь артистъ, провинціальный литераторъ тискаетъ статейку: «спѣшимъ заявить, что одна изъ европейскихъ музыкальныхъ знаменитостей посѣтила нашъ городъ»... Часто впрочемъ эта европейская музыкальная знаменитость бываетъ изъ сосѣдняго губернскаго города.

Вспомнить не могу хладнокровно, какъ страшно я разъ опозорился по поводу заявленія объ одномъ артистѣ и какія горькія бѣды претерпѣлъ по этому случаю.

Захожу я разъ вечеромъ къ редактору и застаю у него какого-то молодаго человѣка, совсѣмъ мнѣ незнакомаго. Бѣленькій, волоса длинные, руки большія, красныя, во фракѣ, но русски говоритъ скверно, все больше головою мотаетъ — ну, думаю себѣ, вѣрно это пріѣзжій артистъ! Я не ошибся.

— А вотъ кстати и нашъ сотрудникъ г. Гольмановъ, сказалъ редакторъ,—онъ для васъ все это можетъ сдѣлать. И тутъ же отрекомендовалъ мнѣ молодаго человѣка, сказавши, что это артистъ Наглеръ.

— У меня къ вамъ, г. Гольмановъ, есть очень просить.... Я тутъ буду дать un grand concert, вы мнѣ сдѣлайте одну вещь, чтобъ сборъ былъ... я прошу васъ написать объ мой concert...

Тутъ онъ, вынувши изъ кармана множество афишъ, началъ мнѣ

разсказывать, что онъ давалъ концерты въ присутствіи короля такого-то, герцога такого-то и проч. и проч., что вездѣ онъ имѣлъ самый громадный успѣхъ, и получалъ множество подарковъ.

— Вотъ это видите, сказалъ онъ, указывая мнѣ на большой палецъ, на которомъ былъ перстень съ крупнымъ, хотя нѣсколько подозрительнымъ бриліантомъ, — это мнѣ подарила одна нѣмецкая принцесса Марія-Теодора-Роза и т. д.

Тутъ онъ еще разъ повторилъ просьбу расписать его, какъ можно лучше, прибавивши, что онъ ученикъ знаменитыхъ Бергера, Гаузера и Тишлера. Ту же самую просьбу повторилъ редакторъ, и въ слѣдующемъ нумерѣ появилась моя статья: «спѣшимъ заявить, что вновь прибывшій артистъ Наглеръ, ученикъ знаменитыхъ Бергера, Гаузера и Тишлера, проѣздомъ чрезъ сей городъ» и проч. и проч. Расхвалилъ я игру артиста—на чемъ свѣтъ стоитъ, прибавивши, что слышалъ его игру «въ избранномъ обществѣ знатоковъ и любителей музыки».

Концертъ состоялся, народу было довольно много и дѣло окончилось бы благополучно; но на бѣду мою артисту понравился нашъ городъ; онъ началъ давать уроки; а недѣли черезъ двѣ слышу, что въ нѣсколькихъ домахъ пріѣзжій артистъ проворовался самымъ пошлѣйшимъ образомъ... Ну, думаю себѣ, ругнутъ же теперь меня за мое заявленье. Такъ дѣйствительно и случилось: дня черезъ два встрѣчаю на улицѣ полковника Салкина—онъ сердито подалъ мнѣ руку.

— Ну, батюшка, сказалъ онъ:—чортъ бы побралъ всѣ ваши заявленья!—хваленый вашъ артистъ оказался воромъ и мерзавцемъ первой руки... и я-то дуракъ: повѣрилъ вашимъ глупостямъ!...

— Напрасно вы смѣшиваете, мы рекомендовали его, какъ артиста, а не какъ человѣка...

— Что вы мнѣ разсказываете пустяки! Какой онъ артистъ? У меня двѣ дочери, я его подлеца въ свой домъ пустилъ, а онъ у меня часы подтибрилъ... Я его подлеца теперь въ шею выгналъ, а онъ вездѣ говоритъ, что въ него мои дочери влюбились, бѣжать хотѣли съ нимъ....

Такъ и разсердился на меня полковникъ, даже кланяться пересталъ, и многіе другіе весьма почтенные люди разсердились.

Итакъ, фраза: «*спѣшимъ заявить*» безспорно принадлежитъ провинціальной газетѣ и провинціальнымъ литераторамъ. Къ разряду такихъ фразъ принадлежитъ еще нѣсколько другихъ, которыми обыкновенно начинаются статьи, помѣщаемыя въ провинціальной газетѣ. Таковы суть:

«Хотя неоднократно говорено было нами» и проч... «Раздающіеся со всѣхъ сторонъ вопросы» и проч... «Желая съ своей стороны принести лепту въ сокровищницу человѣческихъ знаній» и т. д. «Мы не

можемъ себѣ отказать въ удовольствіи побесѣдовать съ читателями по поводу» и проч.

Но я заговорился. Я сказалъ уже, что кромѣ *хозяйскаго лада* былъ еще содержимый редакторомъ въ большомъ секретѣ *домашній ладъ* обдѣлывать свои дѣлишки. Въ силу этого «домашняго» лада, если напр. понадобится для газеты бумага, а платить деньги за нее не захочется, то печатается статейка такого рода:

«Спѣшимъ заявить о тѣхъ возмутительныхъ продѣлкахъ, къ какимъ позволяютъ себѣ прибѣгать недобросовѣстные торговцы. Одинъ весьма почтенный господинъ купилъ на дняхъ въ бумажномъ магазинѣ, *имѣющемъ зеленую вывѣску*, на довольно большую сумму лучшей бумаги, которая потомъ оказалась подмоченною и никуда не годною. Мы считаемъ священнымъ долгомъ предупредить довѣрчивыхъ покупателей и въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ обозначимъ настоящую фирму магазина».

Послѣ появленія въ газетѣ такой статьи въ тотъ же день является къ редактору купецъ, которому принадлежитъ бумажный магазинъ, *имѣющій зеленую вывѣску*. Долго они сидятъ, о чемъ-то между собой бесѣдуютъ и наконецъ расходятся очень дружелюбно, при чемъ редакторъ говоритъ, что онъ «будетъ въ надеждѣ», а купецъ отвѣчаетъ: «не извольте сумлѣваться». И на другой день въ контору редакціи присылается изъ зеленаго магазина очень много бумаги, которая не оказывается подмоченною.

Добывать подобнымъ образомъ бумагу и другіе продукты, необходимыя при изданіи газеты—это и называлъ редакторъ: вести дѣла на *домашній ладъ*.

Говорили злые языки, что даже сахаръ, свѣчи, говядину и проч. купцы носили редактору даромъ, чтобъ онъ ихъ гласности не предавалъ. «Заткнуть ему глотку, говорили купцы:—чортъ съ нимъ; вѣдь ни за что облаетъ лавку! одинъ умный не повѣритъ, а сто дураковъ повѣрятъ».

Редакторъ, Михаилъ Григорьичъ Зонтиковъ, человѣкъ худой, роста довольно высокаго и нѣсколько прихрамываетъ на правую ногу. Онъ считаетъ себя самымъ умнымъ человѣкомъ въ Россіи и имѣетъ порядочный чинъ: кажется, онъ коллежскій ассесоръ, а можетъ быть, даже надворный совѣтникъ...

Какъ я теперь подумаю, такъ право ловко обдѣлывалъ свои дѣлишки Михаилъ Григорьичъ. Редакторство само собою шло недурно; но кромѣ того, Михаилъ Григорьичъ служилъ и служилъ очень хорошо. Высшее начальство нашего города любило его, потому что и онъ съ своей стороны умѣлъ ловко его умасливать. Дастъ, напри-

мѣръ, высшее начальство какой нибудь обѣдъ, — на другой день является къ нему Зонтиковъ.

— Ваше превосходительство вчера изволили давать обѣдъ, по случаю открытія комитета?

— Н — да, братецъ, отвѣчаетъ превосходительство.

— Ваше превосходительство! Позвольте заявить образованной публикѣ объ этомъ обѣдѣ?...

— Ну чтожь... заявите.

— Ваше превосходительство! позвольте узнать, въ какомъ тонѣ прикажете описать этотъ обѣдъ — въ торжественномъ или поучительномъ?

— Опишите въ поучительномъ.

— Какъ прикажете взглянуть на это *событіе*: взглянуть ли на него чисто объективно, или... такъ сказать... съ точки зрѣнія современнаго прогресса?

— Взгляните съ точки зрѣнія современнаго прогресса...

И Зонтиковъ уходилъ, оставляя высшее начальство въ умиленнѣйшемъ настроеніи духа.

А между тѣмъ и газетка «приносила лепту» въ сокровищницу Михаила Григорьича: число подписчиковъ начало постепенно увеличиваться. Михаилъ Григорьичъ умѣлъ приноровиться ко вкусу публики, умѣлъ угождать ее тѣмъ, что ей особенно нравилось: «вѣдь не публика существуетъ для газеты, а газета для публики», разсуждалъ онъ. То разскажетъ Михаилъ Григорьичъ какой нибудь скандальчикъ, а публика любитъ описаніе разныхъ скандальчиковъ. То возьметъ, да перессоритъ между собою сотрудниковъ, а тѣ заведутъ въ газетѣ полемику и начнутъ другъ другу высказывать такія истины, что читатели только ахаютъ. А сотрудники горячатся пуще и пуще, они постепенно втягиваютъ въ свою полемику новыхъ лицъ, а если противникъ скрываетъ свою настоящую фамилію подъ псевдонимомъ, то и псевдонима не пощадятъ, откроютъ непремѣнно. Такія ссоры сотрудниковъ продолжаются до тѣхъ поръ, пока редакторъ, увидя, что онѣ, наконецъ, сильно понадоѣли публикѣ, не скажетъ: «шабашъ!» И снова все затихаетъ и самыя миролюбивыя отношенія водворяются между сотрудниками. А между тѣмъ ссоры эти многимъ изъ читателей сильно приходятся по душѣ, и въ особенности нравятся онѣ купечеству.

— Антиресно, очинно антиресно, говоритъ какой нибудь добазникъ своему сосѣду, имѣющему шорную лавку: — очинно антиресно, какъ это стихотворы въ амбицію вломаются и учнутъ другъ про дружку всякую мораль пропечатывать — просто можно животики надорвать...

— Надыть будетъ и себѣ записаться — дорого?

— Куды тебѣ, братъ, дорого?... Пять рублевъ въ годъ, одной бумаги почитай рубля на три... я вонъ надысь крестнику подарилъ, такъ онъ какъ есть всю комнату оклеилъ...

И такимъ образомъ, число подписчиковъ увеличивается — себѣ да увеличивается.

Или, напримѣръ, возьметъ редакторъ, да и напечатаетъ такого рода статейку: «неимовѣрно увеличившееся число подписчиковъ и раздающіяся со всѣхъ сторонъ постоянныя требованія на нашу газету заставили редакцію напечатать первые номера вторымъ изданіемъ, а потому новые подписчики получатъ всю газету сполна».

— Гмъ! думаетъ какой нибудь господинъ, прочитавши такого рода объявленіе: «неимовѣрно увеличившееся число подписчиковъ»! — Значитъ, газету читаютъ, значитъ, газета не совсѣмъ таки дрянь... А семъ-ко и я подпишусь!...

Была еще одна штучка, также весьма хитро придуманная и очень выгодная. Въ самомъ концѣ газеты редакторъ завелъ небольшой отдѣлъ, подъ заглавіемъ: *«корреспондеція»*, гдѣ помѣщались отвѣты редакціи разнымъ лицамъ, присылающимъ для напечатанія свои статьи. На самомъ-то дѣлѣ отдѣлъ этотъ былъ совершенно не нуженъ, потому что не было такихъ лицъ, которые бы присылали статьи и которымъ бы надо было отвѣчать. Но тѣмъ не менѣе отдѣлъ этотъ въ каждомъ номерѣ наполнялся такого рода отвѣтами редакціи разнымъ мифическимъ лицамъ:

«Г-ну М. Сху—ву въ Полтаву. По обилію накопившихся матеріаловъ, статья ваша не можетъ быть напечатана.

«Г-ну Завадскому, въ Маріуполь. Редакція благодаритъ васъ за статью: о необходимости устройства гребель въ Новороссіи. Статья эта будетъ напечатана.

«Г-ну Б—скому, въ Житоміръ. Статья ваша: теорія пресыщенія, какъ несогласная съ направленіемъ нашей газеты, не будетъ напечатана.

«Г-ну Джигитову, въ Тифлисъ. Статья ваша можетъ имѣть интересъ только у васъ, въ Тифлисѣ, у чеченцевъ, а не у насъ».

Ну, и на эту штуку шли подписчики: какъ, въ самомъ дѣлѣ, не подписаться на газету, которая имѣетъ множество корреспондентовъ въ различныхъ краяхъ!

Но этотъ отдѣлъ «корреспонденціи», кромѣ того, что прибавилъ нѣсколько подписчиковъ, былъ и вообще очень полезенъ. Вы не можете себѣ представить, читатель, какихъ большихъ трудовъ стоитъ *укомплектовать* номеръ газеты, то есть распорядиться, чтобы и начинался-то онъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и оканчивался. Часто, просто бѣда: совсѣмъ набранъ номеръ и вдругъ остается свободнаго мѣста

строчекъ на десять. Что дѣлать? Ну «снѣшишь заявить» о какомъ нибудь спектаклѣ, объявленія тамъ какъ нибудь поразднинешь, въ рамочки ихъ вставишь, или другое что нибудь придумаешь... Но все таки это довольно затруднительно; а когда есть отдѣлъ «корреспонденція», то дѣло улаживается само собой: напишешь отвѣтъ кому нибудь въ Иркутскъ — и номеръ готовъ! Когда этого отдѣла не было, со мною былъ пресмѣшной случай по поводу укомплектованія номера. Редакторъ поручилъ мнѣ завѣдываніе газетою, а самъ уѣхалъ на нѣсколько дней къ себѣ на хуторъ. Статьи у меня большія были, маленькихъ понадергалъ изъ разныхъ газетъ, объявленій частныхъ тоже было нѣсколько. Призвалъ я наборщика и отдалъ ему.

— Ну что, говорю: — хватитъ ли на листъ, Василій Матвѣичъ?

— Хватитъ, — говоритъ: — не извольте безпокоиться.

— Ну и хорошо; а если не хватитъ, такъ вы прибѣгите въ театръ — въ театрѣ я буду...

Пошелъ я въ театръ. Послѣ втораго или третьяго дѣйствія, хорошо не помню, пошелъ я за кулисы. А за кулисы у насъ, надобно вамъ сказать, входъ строжайше запрещается. Я разумѣется ходилъ, потому что, какъ хотите, а все-таки я литераторъ, да еще и театральный рецензентъ — боялись меня. Стою я, курю папиросу и съ хорошенькою актрисою разговариваю. Ручки у нея маленькія, ножки маленькія, сама маленькая, — а это совершенно въ моемъ вкусѣ. И такой интересный разговоръ ведемъ: она любезничаетъ и очень хвалитъ мнѣ меня.

— Знаю, говорю я ей, Марья Алексѣевна, отчего это вы меня такъ расхваливаете... Бенефисикъ приближается, «заявить» надо, вѣдь угадалъ?..

— Ахъ, что вы, г. Гольмановъ, говорите!... конечно... но я право не такъ, какъ другіе: тѣ васъ бранятъ, а я, ей Богу, никогда...

Въ это время подбѣжалъ ко мнѣ наборщикъ Василій Матвѣичъ, красный такой: видно, что шибко бѣжалъ.

— Ахъ Викторъ Иванычъ, хорошо, что я васъ застала! вѣдь бѣда! что я ни дѣлалъ, все остается свободнаго мѣста на четыре строчки...

— Ну, чтожъ, бѣда, говорю, не велика, поправить можно. Бумага и карандашъ у васъ есть?

— Есть.

Взялъ я у него карандашъ и бумагу и написалъ такого рода объявленіе: «ищутъ пристроить капиталъ въ 10,000 руб. серебромъ подъ вѣрный залогъ, за небольшіе проценты. Согласны также употребить его на вѣрное и выгодное предпріятіе. Адресъ можно узнать въ конторѣ редакціи».

Зато пресмѣшная исторія вышла на другой день. Человѣкъ двад-

цать являлось ко мнѣ узнать адресъ *доброй души*, рѣшающейся пристроить свой капиталъ подъ вѣрный залогъ за небольшіе проценты. Насилу я могъ отдѣлаться, увѣривши ихъ, что *добрая душа* успѣла уже отдать капиталъ англичанину на устройство очень выгодной машины. Даже сказалъ, что капиталъ отданъ именно на устройство паровой мельницы, и по этому случаю имѣлъ длинный споръ съ однимъ полковникомъ, который доказывалъ мнѣ, что паровая мельница ни къ чорту не годится...

Корреспондентовъ ex officio наша газета, какъ я уже сказалъ, не имѣла. А если въ кои-то вѣки и пришлетъ кто нибудь изъ уѣзднаго города статейку, то, очевидно, съ единственною цѣлью удивить и задать шику своимъ согражданамъ: «смотрите, дескать, вотъ до какой я рѣзвости дошелъ! вы не думайте, что я такой смирный, да въ уѣздномъ судѣ служу! мнѣ пальца въ ротъ не кладите — откушу!» Впрочемъ, наши сотрудники не слишкомъ дружелюбно принимали подобныя стремленія рѣзвыхъ мальчиковъ — проявить свою личность и обыкновенно въ слѣдующемъ же нумерѣ задавали выскочкѣ-корреспонденту трёпку. И все это дѣлали патентованные сотрудники газеты вовсе не потому, чтобы они не желали дать возможность проявиться юному таланту, а скорѣе по чувству мщенія: мнѣ, дескать, сначала задавали трёпку, ну, значитъ, и тебѣ, юный корреспондентъ, надо задать трёпку! лучше будешь, когда пройдешь сквозь этотъ искусъ съ твердою вѣрою въ свое призваніе и свои силы!»

По правдѣ сказать, такъ объ этомъ, бывало, проситъ насъ самъ редакторъ. Если напечатать статью какого нибудь юнаго корреспондента изъ уѣзднаго города и потомъ не помѣстить никакихъ замѣтокъ, конечно, очень злыхъ и остроумныхъ *по поводу* этой статейки, то юный корреспондентъ, задавшій шику своимъ согражданамъ, пожалуй, такъ и заляжетъ спать на лаврахъ. А если ругнуть его хорошенько, ну извѣстно, иной человѣкъ и съ амбиціей, захочетъ доказать, что брань эта незаслуженна, что брань эта нелѣпа — смотришь, анъ двѣ, три длинныхъ даровыхъ статейки и есть у редакціи.

Но зато велика бываетъ радость нашихъ патентованныхъ сотрудниковъ, если ихъ ругнутъ какъ нибудь въ столичной газетѣ. Тогда просто не подходи къ нашему сотруднику: такъ гордо носитъ онъ свою голову, съ такимъ сознаніемъ своего превосходства взираетъ на тѣхъ, которыхъ никогда ни одна столичная газета не ругала. Помню, какъ разъ одинъ изъ нашихъ хроникёровъ описалъ скандальчикъ, въ которомъ участвовалъ и самъ онъ, хотя участіе это, по его мнѣнію, и не могло вызвать нареканія. «Искра», говоря объ этомъ скандальчикѣ, замѣтила, что наиболѣе грязная и гаденькая роль въ немъ принадлежитъ именно самому описателю... и надо было видѣть, съ какимъ

душевнымъ волненіемъ читалъ эту статью мой собратъ хроникеръ, съ какою гордостью этотъ человѣкъ, вообще смирный и приниженный, перечитывалъ эту статью своимъ знакомымъ: смотрите, дескать, обо мнѣ столичныя газеты говорятъ, интересуются и.... и если «Искра» бранитъ, такъ вѣдь это потому, что я расхожусь съ «Искрою» въ направленіи.... да притомъ.... гмъ?... имѣю кой-какія личности съ ея редакторомъ»...

Вербовка корреспондентовъ производилась мѣсяца за два до открытія подписки передъ новымъ годомъ. Для этого обыкновенно печатались на большихъ листахъ бумаги письма, которыя и разсылались потомъ въ разные города разнымъ лицамъ, большею частью, сановникамъ, учителямъ, или другимъ людямъ, извѣстнымъ своею образованностью и несокрушимою силою своего ума. У меня сохранилось одно такое письмо, которое я и привожу въ подлинникѣ. Съ боку находится надпись: контора редакціи, годъ такой-то, № 3,789.

«Милостивый Государь!

«Въ будущемъ году будетъ продолжаться изданіе нашей газеты, имѣющей цѣлію централизировать стремленія, симпатіи и нужды нашего края. Мы надѣемся, что Вы, милостивый государь, не откажете намъ въ Вашемъ просвѣщенномъ сотрудничествѣ и будете сообщать свѣдѣнія о внутренней жизни города, его торговлѣ, промышленности, *мореплаваніи*, также о народныхъ школахъ, и вообще всѣ свѣдѣнія, касающіяся исторіи, географіи, топографіи, геологіи и археологіи края. Также редакція надѣется на ваше содѣйствіе въ распространеніи подписки на газету.

Имѣю честь быть и проч.

Редакторъ М. Зонтиковъ».

Конечно, подобнаго рода письма вовсе не прибавляли корреспондентовъ; но зато достигалась другая цѣль, именно — распространеніе подписки на газету. Господинъ, получивши такого рода письмо, читалъ его встрѣчному и поперечному, потому что письмо сильно льстило его самолюбію.

«Вѣдь не написали же къ стряпчему», думаетъ онъ, и полный восторженныхъ чувствъ приступаетъ къ такъ называемому «распространенію» газеты.

Однимъ словомъ, что ни придумывалъ нашъ редакторъ, все это имѣло глубокій смыслъ, обличало полное знаніе человѣческаго сердца и, рано или поздно, приносило самые богатые плоды....

Теперь я разскажу читателю мое первое знакомство съ редакторомъ и мое вступленіе въ литературный провинціальный цехъ.

Тяжелое это было время, даже вспоминать трудно. Мнѣ было въ

ту пору 23 года, былъ я уже въ четвертомъ курсѣ университета и мечталъ о возможности кандидатства, какъ вдругъ меня исключили изъ университета, что называется «по непріятностямъ». Родныхъ у меня не было никого, жилъ я съ горемъ пополамъ уроками, а тутъ какъ на грѣхъ и уроковъ не стало, хозяйкѣ задолжалъ, платить нечѣмъ. На дворѣ стояла глухая, холодная осень; пошелъ бы къ знакомымъ уроковъ поискать — выйти со двора не въ чемъ: единственная шинель, и та давнымъ давно заложена..... Къ довершенію всего, изволь каждое утро выслушивать выговоры отъ старухи хозяйки за неплатежъ: горько! Была она, если хотите, старуха не то, чтобы больно корыстолюбивая, а ужь очень порядки любила, чтобы каждый жилецъ ей въ срокъ платилъ. Узналъ я, что она очень благочестивая, все молится, акафисты читаетъ и другія молитвы: чтобъ угодить, я купилъ и подарилъ ей дешевенькія четки. Понравилось это старухѣ, угомонилась было на время, два дня не беспокоила, а потомъ опять принялась. Прибѣгла даже къ побудительнымъ мѣрамъ: обѣдать она мнѣ ужь давно не давала, а тутъ перестала комнату топить. Ну, очень мнѣ тяжело стало: осень, холодно, одѣться нечѣмъ, сижу длинные вечера въ темнотѣ, свѣчей купить не на что—трудно, очень трудно! И ужь не знаю я, что бы со мною въ ту пору было, еслибы мой сосѣдъ не получилъ отъ родныхъ денегъ и мнѣ не далъ десяти рублей. Это меня сильно поправило: выкупилъ шинель, заплатилъ хозяйкѣ часть долга, чтобы хоть немного она дала вздохнуть, да комнату протопила бы, а самъ аккуратно переписалъ небольшой разсказъ и понесъ къ редактору: авось, думаю, хоть что нибудь да заплатитъ. Пришелъ я вечеромъ, редактора дома не засталъ, а только оставилъ свой адресъ, да мѣдную дощечку на дверяхъ прочиталъ, что принимаетъ редакторъ по утрамъ отъ 10 до 12 часовъ.

На другой день, ровно въ десять часовъ былъ я у редактора и меня впустили къ нему прямо въ кабинетъ. Это была небольшая, чистенькая комната, въ которой и по столамъ, и на полу разбросано было множество книгъ и газетъ, а на конторкѣ лежали рукописи, и между ними я замѣтилъ мой разсказъ, который придавливала какая-то толстая рукописная книга. Встрѣтилъ меня редакторъ очень любезно и попросилъ сѣсть.

— Я вчера прочелъ вашъ разсказъ, сказалъ Михаилъ Григорьичъ; — очень миленькій разсказецъ, живость, знаете, есть, и перо видно бойкое.... Вы вѣрно ужь писали?

— Да, я писалъ довольно много; если вамъ будетъ угодно, я доставлю еще нѣсколько статей.

— Сдѣлайте одолженіе, давайте, батюшка! у васъ много этого внутренняго огня.... надо вамъ только слушать совѣты опытныхъ

людей, и вы просто всѣхъ сотрудниковъ за поясъ заткнете.... Не святые горшки лѣпятъ, а простые смертные.... Я слышалъ, что васъ изъ университета уволили?

— Да, уволили.... слышали за что?

— Слышалъ, слышалъ.... эхъ вы, молодежь! Чтожъ вы теперь намѣрены дѣлать?

— Право, еще не знаю, какъ распоряжусь собой: уроки думаю добыть, а можетъ быть, и литература что нибудь принесетъ....

Михаилъ Григорьечъ поморщился, но потомъ обратился ко мнѣ съ сладкою миною, причемъ ротъ его непріятно скривился.

— Да, литература, конечно.... Только я вамъ вотъ что скажу: чтобы литература была выгодною и могла деньги давать, надо пріобрѣсти авторитетъ. Вѣдь вотъ, напримѣръ, Тургеневъ, Островскій или Гончаровъ..., ей Богу, батинька, мнѣ только некогда, а то, я вовсе не хвастаю! Вотъ, напримѣръ, мое сочиненіе, сказалъ онъ, снимая съ конторки толстую, рукописную книжку и показывая мнѣ обвертку, на которой большими буквами было написано: «Физіологія нашего города», — это сочиненіе... конечно, можетъ быть, Тургеневъ... но я вамъ скажу, и это въ своемъ родѣ... Въ столичный журналъ хочу послать, сказалъ онъ, пряча толстую книгу въ комодъ.

— Я хотѣлъ спросить васъ, Михаилъ Григорьичъ, если вы находите, что разсказъ мой можетъ быть у васъ напечатанъ, то позвольте узнать, на какихъ условіяхъ?

— Условіяхъ? А что, развѣ вамъ деньги нужны?

— Очень нужны.

— Очень? Гмъ! Можетъ быть, вамъ сейчасъ нужны?

— Еслибы вы были такъ добры...

— Извольте, извольте. Я люблю молодыхъ людей не на словахъ только, я стараюсь всегда поддержать ихъ..... У меня много враговъ, вы не вѣрьте имъ.... Только ужь вы работайте: обѣщаетей да?.....

— Я очень радъ, чѣмъ могу.

— О, вы можете; мы вамъ дадимъ хорошую работу.... Видите ли, я собственно за первую статью не плачу, это ужь у насъ такъ заведено; но такъ какъ вы даете мнѣ слово работать, то вотъ вамъ 20 рублей — все, что могу: обезденежѣлъ совершенно.

Восторгъ мой былъ самый полный; не говоря уже о полученныхъ двадцати рубляхъ, большое наслажденіе доставляла мнѣ мысль, что разсказъ мой будетъ напечатанъ, что многое множество людей прочтутъ его, что и учитель прочтетъ, и чиновникъ прочтетъ, и лобазникъ, и кузнецъ, имѣющій жорную лавку — всѣ, всѣ прочтутъ.....

— Только вотъ это надо вамъ замѣтить, сказалъ редакторъ, — разсказъ вашъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частностяхъ, не соотвѣтствуетъ

направленію газеты, которое теперь вполнѣ выяснилось.... Подробности у васъ *аристократическія:* напримѣръ, вы говорите, что ѣхали въ каретѣ, пили шампанское и портвейнъ — это согласитесь сами, даетъ *аристократическое направленіе* разсказу. Ѣздятъ въ каретахъ и пьютъ шампанское—аристократы; авторъ ѣздитъ въ каретѣ и пьетъ шампанское — значитъ и авторъ аристократъ, значитъ и направленіе его аристократическое.... вѣдь такъ, вы согласны?

Я не соглашался.

— Нѣтъ, какъ вы хотите; но направленіе нашей газеты чисто *демократическое*, да.... къ тому же наши принципы, ну и....

На принципахъ Михаилъ Григорьичъ оборвался окончательно.

— Вотъ почему, продолжалъ онъ: — надѣюсь, вы позволите сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ духѣ демократическомъ. Карету, напримѣръ, можно перемѣнить на перекладную — перекладная гораздо *демократичнѣе.* Такъ же точно можно поступить съ шампанскимъ и портвейномъ — то и другое можно замѣнить водкой, или тамъ, пожалуй, настойкой. Водка демократичнѣе шампанскаго: это чисто въ духѣ народнаго міросозерцанія, въ характерѣ его воззрѣній....

Надо было сдѣлать и эту уступку, хотя я и сознавалъ, что измѣненіе это вовсе лишнее. Михаилъ Григорьичъ подпустилъ мнѣ всѣ эти турусы на колесахъ, относительно направленія газеты, единственно для шику—порисоваться захотѣлъ. Какое тамъ направленіе газеты? Винегретъ какой-то! чортъ знаетъ, что такое! а то еще направленіе!..

Въ это время вошелъ въ кабинетъ Михаила Григорьича молодой человѣкъ, очень не красивой наружности и въ больно не казистомъ сюртукѣ, который сидѣлъ на немъ такъ странно, какъ будто это былъ не его сюртукъ, а кого-то другаго, владѣющаго и широкими плечами и ростомъ какъ слѣдуетъ. Вошедшій подалъ руку редактору и взглянулъ на меня.

— Вы еще не знакомы, господа? спросилъ редакторъ.

— Нѣтъ, не имѣлъ удовольствія, проговорилъ я

Вошедшій молчалъ.

— Въ такомъ случаѣ рекомендую. Это нашъ сотрудникъ—вы вѣроятно читали его статьи—г. Денсовъ, а это, сказалъ онъ, указывая на меня:—г. Гольмановъ. Вчера мы съ вами разсказъ его читали.

Мы подали другъ другу руки. Денсовъ взглянулъ на меня изъ подлобья, какъ-то сердито, и сказалъ: я радъ.

— А я на васъ, батюшка, въ претензіи, сказалъ редакторъ:—забрали газеты, извлеченій не несете, а я тутъ хоть волкомъ вой.

— Принесъ и извлеченія, и газеты: онѣ въ той комнатѣ; пойдемте, мнѣ кстати вамъ надо пару словъ сказать.

Редакторъ поморщился, вѣроятно зная, какія онъ услышитъ пару словъ, и отправился.

Денсовъ въ это время былъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ редактора; его статьями почти исключительно наполнялись всѣ номера. Работалъ онъ усердно, добросовѣстно, работалъ много, какъ волъ работалъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ редакторъ и Денсовъ возвратились. Денсовъ взялся за картузъ, я также подалъ руку редактору и мы вышли вмѣстѣ.

— Будемъ знакомы, сказалъ Денсовъ, когда мы вышли, снова протягивая мнѣ руку.—Будемъ пріятелями: я васъ хорошо знаю, я по университету про васъ слыхалъ... Составимъ ассоціацію, союзъ...

— Союзъ! противъ кого?

— О, противъ многаго: я вамъ со временемъ все объясню. Я попался такъ, что выкрутиться не могу, хоть васъ предостерегу. Хотите, я вамъ разскажу все, что вамъ говорилъ нашъ сладкорѣчивый редакторъ?

— Развѣ вы слышали? Онъ вамъ говорилъ?

— Нѣтъ, онъ мнѣ не говорилъ, да я и такъ отгадаю. Во первыхъ, онъ далъ вамъ 15 руб...

— Нѣтъ, двадцать.

— А! значитъ курсы поднялись! Потомъ онъ вамъ сильно расхваливалъ самаго себя, говорилъ, что онъ и Тургенева, и Гончарова—всѣхъ можетъ за поясъ заткнуть, только некогда ему, времени нѣтъ... Потомъ толстую рукопись вамъ показывалъ...

— Да, показывалъ свое большое сочиненіе: «Физіологія нашего города.»

— Ну, да. Потомъ говорилъ много о направленіи газеты..,

— Послушайте, какъ однако вы знаете всѣ подробности нашего разговора?

— Дѣло не мудреное: великій мужъ земли русской, Михаилъ Григорьичъ Зонтиковъ, всѣмъ говоритъ одно и то же—порядокъ извѣстный. Такъ и со мною было три года тому назадъ: ту же самую толстую книгу показывалъ, также далъ взглянутъ только на одну обвертку, а середины не показывалъ. Разница только въ томъ, что мнѣ онъ въ первый разъ далъ только 15 руб, а вамъ 20—вотъ и все. Но за то мнѣ онъ потомъ за цѣлые полгода не далъ ни копѣйки, а вамъ пожалуй и за цѣлый годъ не заплатитъ.

— Какъ? Неужели?

— А вотъ увидите, я васъ предупредилъ. А теперь знаете ли что? Вы получили деньги, съ васъ магарычь. Пойдемте въ *комитетъ* пиво пить; тамъ со всею нашею братіею познакомитесь...

— Очень радъ. Но гдѣ же этотъ комитетъ? Можетъ быть, надо быть во фракѣ?

— Вовсе нѣтъ—наши собираются въ *кабачкѣ*.

— Какъ въ кабачкѣ? съ ужасомъ спросилъ я.

— Да вы не бойтесь. Кабачкомъ мы прозвали кондитерскую Кухана. Сегодня многіе будутъ, нѣсколько актеровъ будетъ... Журахов будетъ... Журахова вы знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Какъ же можно такого великаго человѣка не знать! это, можно сказать, столбъ нашей мудрости, только изъ всякой дряни сдѣлант. Онъ давно ничего не помѣщалъ у насъ, а теперь хочетъ опять. Вы его должны помнить: онъ патріотическія стихотворенія во время войны писалъ... Какъ же, въ каждомъ номерѣ, бывало, онѣ у насъ красуются. Я даже теперь помню вотъ эти его стихи:

Боитесь вы, чтобы въ Царь-градѣ
Нашъ русскій крестъ не возсіялъ!
И чтобы самъ Люциферъ въ адѣ,
Сверкая злостью не дрожалъ?

— Теперь я припоминаю; но по правдѣ сказать стихи эти мнѣ положительно не нравятся...

— Да, дрянь! рѣшительно сказалъ Денсовъ.—Нѣтъ, знаете ли, этой образности, вѣрнаго воплощенія идеи въ конкретныя формы, нѣтъ объективнаго созерцанія...

Я видѣлъ, что Денсовъ хочетъ поразить меня своимъ глубокомысліемъ, озадачить, хотя и очень неудачно.

— Лучше всѣхъ у насъ стихи пишетъ нашъ корректоръ Ловачько—я васъ съ нимъ познакомлю. Какія онъ недавно стишки написалъ на редактора—прелесть! Пародію на Беранже...

Какъ рѣпа желтъ лицомъ,
Одѣтъ весьма прилично,
И смотритъ подлецомъ,
И дѣйствуетъ двулично.
Сотрудникамъ своимъ
Ни гроша онъ не платитъ,
Предъ каждымъ хнычетъ, плачетъ:
Нѣтъ денегъ, говоритъ,
Нѣтъ денегъ, говоритъ,
Спросите хоть сосѣда.
Ей, ей умру!
Ей, ей умру!
Ей, ей умру безъ хлѣба.

— Преостроумные стишки, продолжалъ Денсовъ. Впрочемъ это шалости; а то есть его вещи серьезныя, прекрасныя. Вотъ на дняхъ будутъ помѣщены его стихи:

Мои чувства высоко
Къ небу воспаряли,
Мои пѣсни глубоко
Въ душу западали...

Тутъ, батюшка, есть что-то такое Фетовское; что-то такое, что и у Случевскаго не всегда встрѣтите. Это, я вамъ скажу, лиризмъ!

Я молчалъ.

— Послушайте, присталь ко мнѣ Денсовъ:—вы или... просто чортъ знаетъ что, и подумать-то скверно, или вы очень скрытный человѣкъ!

— Какъ такъ?

— Очень просто. Я вамъ цѣлый часъ проповѣдую, высказываю свои мнѣнія о разныхъ стихотвореніяхъ, а вы молчите... Значитъ, вы согласны, что въ стихахъ лиризмъ есть, русскій лиризмъ, а? Вамъ они нравятся?

— Ну, нѣтъ, стихи вашего Ловацко мнѣ вовсе не нравятся.

— Отчего же вы мнѣ не сказали этого?

— Зачѣмъ? мы съ вами встрѣтились въ первый разъ, я васъ не знаю: пусть, думаю себѣ, человѣкъ высказывается...

— Ну, хорошъ же и я: вамъ приготовилъ ловушку, да самъ и попался въ нее. Воображаю, какимъ вы меня дуракомъ считали, слушая, какъ я находилъ цѣльный, да еще и русскій лиризмъ въ такихъ стихахъ, въ которыхъ и смысла нѣтъ—а? Признайтесь!

Я засмѣялся.

Среди такого рода разговоровъ мы вошли въ кондитерскую Кукана, гдѣ Денсовъ и перезнакомилъ меня со всѣми провинціальными литераторами. Приняли меня всѣ очень радушно.

Такъ свершилось мое вступленіе въ провинціальные литераторы.— На первыхъ порахъ я занялся съ горячностію, съ увлеченіемъ, всего себя отдалъ дѣлу.

Между сотрудниками газеты первое мѣсто безспорно принадлежало Денсову, если не по таланту, то по труду, потому что никто такъ много и такъ безустанно не трудился для газеты, какъ онъ. Онъ писалъ фельетонъ, театральныя рецензіи, небольшія сцены, разсказы, дѣлалъ для газеты извлеченія изъ другихъ газетъ, предавалъ гласности тѣхъ, кого надо, а главное, кого *можно* было предать гласности; ибо сильныхъ міра у насъ не предавали гласности. Плату за всѣ эти труды Денсовъ получалъ самую небольшую; иногда редакторъ дастъ

ему рублей 20 или 30, а иногда и ничего не дастъ: живи, какъ знаешь. А и жилъ-то онъ незавидно: занималъ небольшую, темную и сырую комнатку гдѣ-то въ концѣ города и каждый день, въ слякоть и дождь, дѣлалъ по нѣскольку верстъ, маршируя въ контору редакціи и обратно. Ѣлъ онъ большею частію на чужой счетъ, преимущественно на счетъ актеровъ, которымъ онъ былъ нуженъ и для которыхъ не прочь былъ даже покривить душою: «голодъ, говорилъ онъ, не тетка»! По этому случаю Денсовъ, когда дѣла его пошли еще хуже, когда и съ редакторомъ онъ сталъ расходиться, записался даже въ шуты, на гитарѣ въ дружескихъ компаніяхъ игралъ съ присвистываніемъ, подражалъ губами звукамъ трубы и другія разныя смѣшныя штуки выкидывалъ. И очень тѣ штуки смѣшили всѣхъ, и многіе солидные люди ругали Денсова, зачѣмъ это онъ шутомъ сдѣлался и штуки выкидываетъ, совсѣмъ неприличныя литератору. А того не знали, да и не хотѣли знать тѣ люди умные, что литераторъ ѣсть хочетъ, что онъ голоденъ, что тяжело ему эти штуки выкидывать. Одинъ я вполнѣ понималъ Денсова, какъ онъ ни старался замаскировать смѣхомъ да балагурствомъ свою горькую жизнь. Дѣла его съ каждымъ днемъ шли все хуже, да хуже, наконецъ редакторъ совсѣмъ отказалъ ему, не доплативши потомъ и кровію заработанныхъ денегъ. Еще нѣсколько времени я встрѣчался съ нимъ; онъ ужь и квартиры своей не имѣлъ, а перебивался кое-какъ: то тамъ проживетъ день, то въ другомъ мѣстѣ переночуетъ; большею частію по старой памяти проживалъ онъ съ актерами. Наконецъ, совершенно неожиданно, исчезъ изъ города: одни говорятъ, что онъ въ деревню къ помѣщику въ конторщики опредѣлился; другіе,—что видѣли его въ какой-то жалкой, странствующей труппѣ актеровъ...

Такой поступокъ редактора съ Денсовымъ сильно заставилъ призадуматься другихъ сотрудниковъ. Увидѣли они ясно, что ужь очень трудно жить на свѣтѣ провинціальному литератору, что легко можетъ умереть съ голоду провинціальный литераторъ, или, если, какъ говорятъ, на Руси святой съ голода умереть нельзя, то все-таки можно испытать много почти равносильныхъ этому наслажденій. И начали мои собраты искать себѣ другаго рода дѣятельности, такой дѣятельности, которая бы обезпечивала кусокъ хлѣба неимущему человѣку. Кто пріютился подъ покровительство богатой старушки; другіе заняли мѣста мелкихъ уѣздныхъ чиновниковъ, или другую какую нибудь службу избрали, къ которой они прежде относились съ презрѣніемъ. Трудно, тяжело жилось, съ проклятіемъ, а все таки жилось. Такъ погибло много свѣжихъ, здоровыхъ силъ!...

Весь трудъ по изданію газеты почти исключительно упалъ на меня: много пришлось мнѣ работать, цѣлыя дни, бывало, работаешь;

а то и ночи, длинныя зимнія ночи приходилось просиживать надъ бумагой. И тутъ-то часто я вспоминалъ слова Денсова: «тяжелый нашъ трудъ, *согбенный* трудъ!»

Между прочимъ на мнѣ лежала обязанность писать разборы игры актеровъ—трудная обязанность! Какъ бы вы ни старались быть безпристрастнымъ, хоть бы сама истина говорила вашими устами, вамъ непремѣнно припишутъ самыя темныя и своекорыстныя побужденія. Похвалили вы напр. игру какого нибудь актера, сейчасъ заподозрятъ васъ въ кумовствѣ съ нимъ, или скажутъ, что онъ вамъ взятку далъ, или ужиномъ угостилъ, или что нибудь другое пріятное вамъ сдѣлалъ. Имѣли вы напр. неосторожность выставить недостатки чьей нибудь игры, сейчасъ скажутъ, что актеръ тотъ вамъ взятки не далъ, или другимъ какимъ нибудь способомъ не съумѣлъ васъ «ублаготворить». А актеры? Въ глаза какъ будто и пріятели, и уваженіе, и ласки всякія оказываютъ, и даже пожалуй при случаѣ не прочь дать вамъ въ займы цѣлковыхъ десять, а за глаза всякую непріятность вамъ готовы сдѣлать и всякое обидное неуваженіе: пьянаго человѣка какого нибудь на васъ напустятъ, чтобы тотъ разобидѣлъ васъ; или на томъ креслѣ, на которомъ вы въ театрѣ сидите, мѣломъ какую нибудь брань обидную напишутъ...

Больше всего публика любила читать въ газетѣ тотъ отдѣлъ, въ которомъ выставлялись плутни и грѣшки мелкихъ обитателей нашего города. Правда, читающая публика сильно ругала этотъ отдѣлъ, говоря, что все это пасквиль, гадость, а читать все таки любила. Обличенія въ нашей газетѣ, какъ я уже замѣтилъ, не касались сильныхъ міра сего, развѣ только въ такомъ случаѣ касались, когда поступки сильныхъ міра слишкомъ нагло бросались въ глаза и не было никакой возможности не предать гласности такихъ поступковъ. Да и въ такомъ случаѣ такъ перемѣняли фамилію обличаемаго, такъ темно рисовали его портретъ, что развѣ только самъ онъ, и то не всегда, могъ догадаться, что это про него пишутъ.

Этимъ отдѣломъ завѣдывалъ также *я*, и постоянно мнѣ приходилось «угнетать маленькихъ воришекъ для поощренія большихъ». Маленькіе воришки бунтовались ужаснѣйшимъ образомъ, употребляли всѣ усилія, чтобы открыть дерзкаго, осмѣлившагося говорить маленькимъ воришкамъ, что они воришки, а не честнѣйшіе граждане. Подписывался *я*, для безопасности, псевдонимомъ и даже постоянно перемѣнялъ его. Боязнь моя была совершенно извинительная: я человѣкъ слабый, физической силы не имѣю, а обличаемые воришки все народъ дюжій, коренастый и большіе мастера возражать на обличенія, т. е. драться. Даже къ редактору приставали, чтобы тотъ открылъ, кто это про нихъ пишетъ; да редакторъ, спасибо, не открылъ. Надо

владѣть богатырскою силою, чтобы имѣть возможность безтрепетно обличать разныя злоупотребленія, чтобы твердо выдерживать возраженія на обличительныя статьи.

Разъ я едва не попался по слѣдующему случаю: есть въ нашемъ городѣ одинъ помѣщикъ,—въ разныхъ большихъ домахъ бываетъ и въ лучшихъ обществахъ принятъ; что, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ ему быть мерзавцемъ первой руки. Фамилія его Оленевъ. Называютъ его въ нашемъ городѣ трактирнымъ аристократомъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ трактирный аристократъ. Оленевъ знакомъ со всѣми женщинами сомнительнаго поведенія: въ небольшомъ кругу нашихъ камелій онъ совершенно свой человѣкъ. Когда-то онъ имѣлъ порядочное состояніе, которое спустилъ въ карты, но вмѣстѣ съ послѣднею проигранною тысячею счастье вдругъ обратилось къ нему и онъ началъ выигрывать, выигрывалъ иногда очень порядочные куши, чѣмъ и поддерживалъ свое довольно блестящее существованіе. Странньмъ казалось только одно, что, по окончаніи игры, Оленевъ имѣлъ обыкновеніе прятать игранныя карты въ карманъ: «дома, десять, гранъ-пасьянсъ буду раскладывать».

Много самыхъ возмутительныхъ фактовъ разсказывали про Оленева: совсѣмъ онъ былъ безпутный человѣкъ, хотя и умѣлъ втираться въ самыя порядочныя семейства. Вотъ этого-то Оленева за многія продѣлки и захотѣлъ я предать гласности и, написавши небольшую статейку, въ которой впрочемъ не называлъ его Оленевымъ, а Лоревичемъ, отнесъ ее уже для напечатанія. Въ тотъ же день встрѣчаю на улицѣ: на извощикѣ ѣдетъ Оленевъ.

— Здравствуйте, сказалъ онъ, останавливая извощика.—Съ какою я вчера женщиною познакомился — прелесть: ножки, я вамъ говорю, просто объяденье... Лотрякову принадлежитъ честь открытія, этому гусару, *спиртуозу*...

Оленевъ никогда не называлъ пьяницъ пьяницами, а величалъ ихъ спиртуозами.

— А вы куда? спросилъ онъ.

— Иду въ типографію.

— Ахъ да, кстати. Мнѣ сейчасъ Сергѣй Иванычъ говорилъ, что тамъ обо мнѣ хотятъ какую-то статью помѣстить. Передайте пожалуйста автору этой статьи, — вы вѣрно его знаете, — что если только это правда, такъ вѣдь отъ меня онъ не скроется — честное слово, больно отколочу!... Конечно, эту дрянную вашу газетишку порядочный человѣкъ и въ руки не возметъ, да все таки досадно... Передайте же, пожалуйста, что я шутить не люблю! внушительно проговорилъ Оленевъ, прощаясь со мною.

Побѣжалъ я поскорѣе въ типографію и взялъ назадъ обличитель-

чую статью. Испугался я очень, каюсь чистосердечно, да и нельзя не испугаться: можетъ быть, Оленевъ и въ самомъ дѣлѣ шутить не любитъ, а силою его Господь Богъ не обидѣлъ...

Между тѣмъ поступокъ редактора съ Денисовымъ, сильно смутившій провинціальныхъ литераторовъ и заставившій ихъ бросить литературу и искать болѣе теплыхъ мѣстечекъ, мало по малу началъ забываться. Прибавилось нѣсколько новыхъ сотрудниковъ; работы у меня сдѣлалось меньше, но за то и существованіе мое, и прежде далеко незавидное, стало еще хуже. Прежде редакторъ, имѣя во мнѣ большую нужду, хоть мало и неаккуратно, а все-таки платилъ, а теперь ужь мѣсяца два кормилъ одними обѣщаніями, горько жалуясь на свое безденежье. Между вновь вступившими на провинціальное литературное поприще, было нѣсколько человѣкъ бѣдныхъ студентовъ, одинъ кандидатъ и одинъ учитель словесности, тотъ самый, который познакомилъ слушателей своихъ съ дѣятельностію Бѣлинскаго слѣдующею характеристическою фразою:

«Былъ на Руси критикъ, нѣкто Бѣлинскій: порядочныя критики писалъ; но когда самъ вздумалъ было писать исторію литературы — плохо вышло!...»

«Даже одинъ профессоръ прислалъ нѣсколько статеекъ. Оригинально очень читалъ свои лекціи этотъ профессоръ: говоря о какомъ нибудь явленіи, онъ сначала обыкновенно приводилъ два взгляда ученыхъ на это явленіе; потомъ, нѣсколько времени колеблясь между этими двумя мнѣніями, не зная, которому изъ нихъ отдать преимущество, кончалъ тѣмъ, что, по собственному его выраженію «извлекалъ лучшіе соки изъ того и другаго мнѣнія». Такъ и прозвали его слушатели «господиномъ, извлекающимъ лучшіе соки».

Говоря о сотрудникахъ нашей газеты, нельзя не сказать нѣсколько словъ о Сергѣѣ Иванычѣ Дубринѣ. Помѣщалъ онъ въ нашей газетѣ не много, — такъ какую нибудь театральную рецензію напишетъ и только — но за то онъ былъ постояннымъ членомъ нашего литературнаго кружка и многіе изъ сотрудниковъ съ словъ его только и говорили. Сергѣй Иванычъ былъ между нами аристократомъ-литераторомъ, потому что написалъ нѣсколько недурныхъ театральныхъ пьесъ. Окончилъ онъ курсъ сначала въ университетѣ; потомъ въ военной академіи, служилъ по военному министерству и былъ переведенъ въ нашъ городъ на довольно видный и почетный постъ. Сергѣй Иванычъ былъ женатъ, но съ женою не жилъ; а жилъ съ какою-то некрасивою полькою, которая, въ эпоху молодости и свѣжести Сергѣя Иваныча, влюбилась въ него и которую онъ называлъ *барыней*. Барыня эта питала самыя нѣжныя чувства ко всѣмъ, имѣющимъ полковничій чинъ, ревновала Сергѣя Иваныча на чемъ свѣтъ стоитъ;

любила вспоминать свою молодость, когда она была богата и знатна и когда вся Варшава сходила съ ума отъ ея черненькихъ глазокъ и маленькой ножки. Имѣла она довольно большой физическій недостатокъ—была глуха, и это обстоятельство нѣкоторые объясняли тѣмъ, что Сергѣй Иванычъ «въ минуту гнѣва и волненій» позволилъ себѣ даже колотить свою барыню. Но мы, знавшіе близко Сергѣя Иваныча за самаго гуманнѣйшаго человѣка, слышавшіе часто отъ самаго Сергѣя Иваныча, что онъ самый гуманнѣйшій человѣкъ и никого во всю свою жизнь даже пальцемъ не тронулъ, мы отрицали всѣ эти слухи.

Сергѣй Иванычъ былъ самою популярнѣйшею личностію въ городѣ, его рѣшительно всѣ знали. Берете вы напр. извощика.

— Извощикъ! Вези меня къ Дубрику — знаешь?

— Сергѣй Иваныча-то? говоритъ обиженный вашимъ сомнѣніемъ извощикъ.—Какъ не знать такого барина: душа-человѣкъ!...

И дѣйствительно извощикъ прямо васъ подвезетъ къ занимаемому Сергѣемъ Иванычемъ небольшому домику о трехъ комнатахъ, всегда грязныхъ и неприбранныхъ, гдѣ обыкновенно въ красной шелковой рубахѣ предстанетъ предъ вами занимательная личность самаго хозяина.

А и въ самомъ дѣлѣ Сергѣй Иванычъ былъ личностью *занимательною*; это всѣ знали, а потому всѣ любили видѣть его въ своемъ кружкѣ. Память у него была громадная, онъ много видѣлъ, слышалъ, читалъ, зналъ такъ много, что всѣ называли его ходячею энциклопедіею. Впрочемъ осмыслить видѣнное и вычитанное онъ не умѣлъ, да и не считалъ даже нужнымъ. «Намъ фактъ давайте, говорилъ часто онъ: — голый фактъ, безъ всякихъ объясненій! не нужны намъ эти объясненія, пусть нѣмцы занимаются этими тонкостями — это подстать ихъ туманнымъ головамъ!» На искусство Сергѣй Иванычъ смотрѣлъ также слишкомъ односторонне: требовалъ, чтобъ оно рисовало дѣйствительность, границы которой онъ слишкомъ съузилъ въ своемъ представленіи. Всякіе тонкіе оттѣнки чувствъ, анализъ движеній душевныхъ — все это, по мнѣнію Сергѣя Иваныча, не достойно быть предметомъ литературы, и даже тѣхъ, которые ставили задачею своихъ произведеній объясненіе причинъ уродливости многихъ нравственныхъ сторонъ въ человѣкѣ, называлъ людьми, которые *съ жиру* бѣсятся. «Давайте намъ дѣйствительность», говорилъ онъ, «да такую дѣйствительность, которая мнѣ попадается на каждомъ шагу, которую и вы, и я можемъ провѣрить! А то движенія душевныя! Анализъ чувствъ!... Нѣтъ этихъ движеній, такъ не къ чему и объяснять пустяки! Голоденъ мужикъ—вотъ это движеніе! Ну, и опишите намъ это движеніе; покажите, пожалуй, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы не

было этихъ движеній! вотъ это задача!... А всѣ этѣ дѣвы, бросающія страстные взгляды на юношей, всѣ этѣ страданья непонятыхъ душъ да нравственная борьба какая-то, да стремленія тамъ — надоѣло, батюшка, все это намъ, поперекъ горла стало—вотъ что!...»

Спорить съ Сергѣемъ Иванычемъ, доказывать ему, что онъ ошибается,—не было никакой возможности: онъ не умѣлъ долго и упорно останавливаться на одномъ вопросѣ, неожиданно круто сворачивалъ на другіе вопросы, останавливался на нихъ на короткое время и вдругъ опять переходилъ къ другимъ. Слова сыпались у него градомъ; такъ, что противникъ его рѣшительно не имѣлъ минуты доказать свое мнѣніе; а если Сергѣй Иванычъ, утомленный, и умолкалъ на минуту и повидимому внимательно слушалъ своего противника, то это только такъ казалось. Едва противникъ умолкалъ, какъ Сергѣй Иванычъ, не останавливаясь на его возраженіяхъ, или отдѣлавшись какимъ нибудь остренькимъ словцомъ, снова, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ не доказывать, а скорѣе хвалить свою мысль.

Особенно интересенъ былъ Сергѣй Иванычъ въ холостой компаніи за стаканомъ портвейна: тутъ онъ исключительно овладѣвалъ разговоромъ и ораторствовалъ неумолкаемо. Свѣдѣнія самыя разнообразныя такъ и сыпались съ его языка: то онъ говорилъ о телеграфѣ, о томъ, какъ прежде устроивался телеграфъ, то вдругъ заговаривалъ о томъ, какъ приготовляется пиво, и какъ лучше его можно приготовить, и сколько выпивается пива и проч. и проч. Словомъ, чего хочешь, того просишь! Говорилъ Сергѣй Иванычъ хорошо: его рѣчь была образна и характеристична. Онъ никогда не доказывалъ свою мысль рядомъ логически вытекающихъ одно изъ другаго положеній, не развивалъ ее, а объяснялъ какою нибудь, болѣе или менѣе удачно нарисованною картинкою. Такіе люди умѣютъ убѣдительно говорить съ массою—это фактъ.

Сергѣя Иваныча многіе у насъ называли циникомъ: ну, циникомъ онъ, положимъ, не былъ, а дѣйствительно былъ довольно грязный и нечистоплотный господинъ. Жалованье онъ получалъ такое, что могъ бы жить порядочно, а онъ обиталъ въ какой-то конурѣ, комнаты никогда не прибраны, самъ хозяинъ вѣчно одѣтъ неряхой, свою классическую красную рубаху по нѣскольку недѣль не перемѣняетъ, ѣстъ щи, да каши туда наворотитъ...

О правдѣ, хоть не со слезами на глазахъ, но все таки любилъ поговорить и себя всегда выставлялъ рьянымъ поборникомъ правды. «Врать не могу», говаривалъ онъ, «и если ты подлецъ, то кто бы ты ни былъ, генералъ ли, графъ ли,—для меня все равно, такъ и назову подлецомъ... не могу удержать себя — натура такая, ничего не подѣлаешь!»

Для полноты очерка надо прибавить, что взятокъ Сергѣй Иванычъ не бралъ; но былъ не прочь поѣсть и попить на счетъ пріятелей, а какъ таковыхъ было у него много, то онъ постоянно кутилъ на счетъ друзей и въ такія минуты даже большимъ гастрономомъ дѣлался. Даже при случаѣ не прочь былъ получить подарочекъ, особенно отъ купечества: нѣсколько бутылокъ портвейна, или что нибудь другое.

Вотъ этотъ-то Сергѣй Иванычъ Дубринъ нѣкоторыми своими сторонами сильно вліялъ на нашихъ провинціальныхъ литераторовъ. Обширныя свѣдѣнія и рѣзкая, оригинальная рѣчь заставили сочувственно примкнуть къ нему нѣкоторыхъ изъ моихъ молодыхъ собратовъ. Сергѣй Иванычъ и потому интересовалъ ихъ, что былъ знакомъ съ столичными литераторами, на которыхъ многіе изъ насъ смотрятъ, какъ на существа высшія. Нѣкоторые изъ этихъ литераторовъ, правда, умѣреннаго полета, посѣщали нашъ городъ, и надо было видѣть, какъ это посѣщеніе оживляло на время нашъ кружокъ, съ какимъ вниманіемъ прислушивались мы къ каждому слову пріѣзжаго гостя и какъ самую пустую фразу его переворачивали на разныя стороны, стараясь въ ней непремѣнно найти какой нибудь глубокій смыслъ.

Помню одно изъ такихъ посѣщеній, окончившихся неожиданно курьезно. Пріѣзжій столичный литераторъ былъ далеко не замѣчательный писатель, больше пѣсни разныя помѣщалъ, да небольшіе разсказцы; тѣмъ не менѣе всѣ мы очень интересовались видѣть его, поговорить съ нимъ. Сергѣй Иванычъ Дубринъ доставилъ намъ это удовольствіе; онъ былъ нѣсколько знакомъ съ пріѣзжимъ гостемъ, пригласилъ его къ себѣ на вечеръ и насъ всѣхъ позвалъ, провинціальныхъ литераторовъ. Собрались мы очень рано; но гость заставилъ прождать себя и явился только часовъ въ одиннадцать. Впрочемъ, и тутъ не долго доставлялъ намъ удовольствіе слушать его разсказы. Скоро подали закуску, много винъ разныхъ — Сергѣй Иванычъ раскошелился ради такого торжества, — и пріѣзжій гость черезъ часъ такъ *нарѣзался*, что мы не знали, что и дѣлать. Сначала началъ обнимать насъ всѣхъ, обѣщалъ сдѣлать наши имена извѣстными образованной Россіи; а потомъ, по какому-то случаю, вломился въ амбицію и, засучивши рукава красной рубахи, совсѣмъ собрался драться. Спасибо, Сергѣй Иванычъ схватилъ его и заперъ въ другую комнату. И долго потомъ еще, черезъ дверь, долетали до насъ проклятія пріѣзжаго гостя, который обѣщалъ на насъ на всѣхъ написать самыя злыя сатиры!..

А то въ нашъ городъ наѣзжалъ еще одинъ изъ столичныхъ литераторовъ, тоже такъ себѣ, изъ умѣренныхъ. У насъ его по фамиліи никогда не называли, а говорили обыкновенно: «слышали? въ нашъ городъ пріѣхалъ псевдонимъ одного изъ извѣстныхъ литераторовъ»,

Вмѣсто того мы называли его псевдонимомъ одного изъ извѣстныхъ литераторовъ, что онъ никогда подъ своими произведеніями не подписывалъ свою настоящую фамилію, а всегда какой нибудь псевдонимъ. Этотъ литераторъ былъ совсѣмъ другаго характера человѣкъ: этотъ все больше форсилъ. На визитныхъ карточкахъ у него было напечатано «литераторъ такой-то». Шику онъ задавалъ ужаснѣйшаго, и только, бывало, отъ него и слышишь: «нашъ братъ, литераторъ», мы писатели, въ нашемъ литературномъ кружкѣ и т. д.

Помню мою послѣднюю встрѣчу съ «псевдонимомъ одного изъ извѣстныхъ литераторовъ» въ нашемъ публичномъ саду. Онъ незадолго предъ этимъ помѣстилъ въ журналѣ свой толстый романъ. «Бѣлые въ Сиракузіи, или Патагоніи» — хорошенько не припомню заглавіе. Онъ самодовольно выступалъ, окруженный нѣсколькими изъ нашихъ сотрудниковъ; съ языка его такъ и летѣли самыя красивыя фразы; онъ уже успѣлъ разсказать своимъ слушателямъ съ десятокъ анекдотовъ изъ своихъ отношеній къ петербургскимъ литераторамъ. Говорилъ онъ очень шибко, какъ будто спѣшилъ куда-то, какъ будто боялся, что вотъ-вотъ кто нибудь подойдетъ и помѣшаетъ ему высказаться. Увидѣвши меня, онъ остановился, перевелъ духъ и съ новою живостію обратился ко мнѣ.

— А! вотъ и вы! сказалъ онъ: — я надѣялся васъ тутъ встрѣтить! ну что и какъ? говорите, разсказывайте!.. Читали моихъ «Бѣлыхъ въ Сиракузіи»? Нѣтъ?.. Прочтите, вопросъ живой, нетронутый; роскошь, обиліе красокъ, оригинальные типы... Притомъ слѣдуетъ заявить въ вашей газетѣ: вы можете быть въ этомъ случаѣ компетентнымъ судьею, вопросъ касается края, близко вамъ знакомаго...

Какимъ образомъ вопросъ о бѣлыхъ въ Сиракузіи касался края, близко мнѣ знакомаго, какимъ образомъ я могъ быть въ этомъ случаѣ компетентнымъ судьею, этого я и до сихъ поръ понять не могу. Я было тогда же хотѣлъ высказать «псевдониму одного изъ извѣстныхъ литераторовъ» свое недоумѣніе, но это было рѣшительно невозможно. Псевдонимъ не умолкалъ: голосъ его далеко раздавался въ публичномъ саду такъ, что не только мы слышали его разсказы, но и другіе гуляющіе слышали; и толстая барыня, окруженная полдюжиною дѣтей и седьмымъ ребенкомъ in potentia также слышала, и чиновникъ съ гладко выбритымъ подбородкомъ слышалъ, и владѣтель классическаго носа слышалъ, и многіе другіе гуляющіе слышали и даже высказывали по этому случаю различныя замѣчанія.

— За двѣ тысячи рублей продалъ, продолжалъ псевдонимъ: — не дурно, чортъ возьми, да и то продешевилъ по дружбѣ. Теперь нашему брату литератору роскошь: всѣ кричатъ, просятъ повѣстей, романовъ... Я бы вамъ совѣтовалъ бросить вашу газету, да къ

намъ въ Питеръ махнуть! Только сначала навуетите смѣлости, а тамъ все пойдетъ какъ по маслу! ужь мнѣ повѣрьте: литературу и журналистику нашу я знаю какъ самаго себя... Да просто вооружитесь молоткомъ и продавайте съ аукціона: повѣсть такая-то, столько-то, — кто больше? Я вамъ говорю, запросъ страшный—на расхватъ купятъ...

— Да я и самъ таки подумывалъ, успѣлъ ввернуть словцо я, пока «псевдонимъ одного изъ извѣстныхъ литераторовъ» закуривалъ сигару:—съ милѣйшимъ Михаиломъ Григорьичемъ нѣтъ никакого терпѣнія жить — невыносимо!..

— О, скотина порядочная! перебилъ меня «псевдонимъ»:—бросьте его! Я вамъ, пожалуй, дамъ письма къ нашимъ литературнымъ знаменитостямъ, и они примутъ васъ съ распростертыми объятіями... Да и знаменитостей-то теперь немного: Тургеневъ торжественно упалъ;— я этого и ожидалъ, правда, я ему всегда говорилъ: эй, говорю, Тургеневъ! рефлекторъ ты!.. Ничего, смѣется... Помилуйте, что за безобразіе его «Отцы и Дѣти»? Недавно я встрѣтилъ Тургенева въ нашемъ литературномъ шахматномъ клубѣ. Стою я, знаете ли, и говорю съ Писемскимъ: онъ все жалуется, что боленъ, а я смѣюсь. Подходитъ Тургеневъ.—Ну что, говоритъ, мой безпощадный критикъ?—Да что, говорю, упалъ ты торжественно: какъ можно такъ враждебно отнестись къ нашему молодому поколѣнію?.. Ты неправду сказалъ, что Базаровъ умеръ; нѣтъ, онъ не умеръ, онъ здѣсь между нами; онъ промѣнялъ Одинцову на первую попавшую ему на глаза лоретку и пишетъ диссертацію: «о разжиженіи мозга у стариковъ»...

— Ну, чтожь Тургеневъ?

— Ничего; вѣдь онъ меня знаетъ, я съумѣю убѣдить хоть кого. Вотъ тоже недавно Островскій, обѣдая у меня...

И пошелъ, и пошелъ... Онъ говорилъ долго: ужь начинало темнѣть, ужь толстая барыня съ дѣтьми давно скрылась изъ сада, уже и классическій носъ, поглядѣвъ на часы, смахнулъ платкомъ пыль съ лаковыхъ сапоговъ, подозвалъ свою лягавую собаку, ущипнулъ ее довольно больно, назвавши Обломовымъ, и, нѣсколько разъ зѣвнувши, также вышелъ изъ сада, а «псевдонимъ» все говорилъ, все говорилъ... Болтовня его подъ конецъ сильно намъ наскучила, и мы слушали молча. Псевдонимъ, вѣроятно, объяснилъ себѣ это молчаніе сильнымъ впечатлѣніемъ, а потому вдругъ раскланялся съ нами, заключивши съ особеннымъ эффектомъ:

— Поѣду на Волгу, туда, гдѣ уцѣлѣли свѣтлые самородки русскаго духа, буду изучать Базаровыхъ въ лаптяхъ и зипунѣ, Базаровыхъ, сильныхъ своею неиспорченною натурою и гордыхъ сознаніемъ своей силы...

Совѣтъ проѣзжаго гостя бросить сотрудничество при газетѣ засте-

вилъ меня сильно призадумываться: да, слѣдовало бросить эту дѣятельность тяжелую, безвыгодную! Сначала я по крайней мѣрѣ утѣшалъ себя различными мечтами, что я служу высшимъ интересамъ общества; что моя труженическая работа приноситъ хоть небольшую, но положительную пользу; теперь, и эти пріятныя, успокоивающія иллюзіи начали разсѣяваться и терять въ моихъ глазахъ прежнюю обаятельную прелесть. . . . .

Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего я тружусь? часто думалъ я. Трудъ для труда — нелѣпость, донкихотство. Трудиться во имя какихъ-то фиктивныхъ понятій я не могу — я не идеалистъ. Да и приноситъ ли кому нибудь пользу моя дѣятельность? Наконецъ, я живу, значитъ я имѣю право на кусокъ хлѣба, а у меня часто даже куска хлѣба не бываетъ. Вотъ хозяйка моя, — та и не трудится, а денегъ получаетъ много, живетъ «въ свое удовольствіе», и сильно, непріятно безпокоитъ меня мое бѣдное существованіе. Или вотъ, напримѣръ, сапожникъ сшилъ мнѣ сапоги и теперь каждый день ходитъ ко мнѣ, сердито и настоятельно требуя отъ меня денегъ за свой трудъ. А я ему не плачу, не могу заплатить, и, значитъ, отнимаю у него его трудъ, его время. Но вѣдь общество точно также поступаетъ со мною, оно даромъ беретъ у меня мой трудъ. Да и нуждается ли еще общество въ моемъ трудѣ? и что я такъ *ношусь* съ своимъ трудомъ? Вѣдь вотъ хозяйка, или сапожникъ также члены общества, а они не просятъ меня трудиться, они не сознаютъ даже необходимости моего труда; онъ имъ не нуженъ. Значитъ, я навязываю насильно обществу мой трудъ, я дарю ему... но какое же право я имѣю дарить? Иной не любитъ подарковъ, иного они обижаютъ... . . . .

Къ грустнымъ результатамъ привели меня мои уединенныя думы. Голодный желудокъ, пустой кошелекъ и брань хозяйки — обстановка не слишкомъ-то благопріятствующая спокойному, объективному міросозерцанію. И вотъ въ это-то время въ первый разъ не устоялъ я съ своими убѣжденіями, тѣми убѣжденіями, съ которыми я вступилъ на провинціальное литературное поприще...

Сидѣлъ я однажды вечеромъ въ нашемъ публичномъ саду: зимнюю одежду я уже всю заложилъ, а лѣтняя кое-какая еще уцѣлѣла. Накидка на мнѣ была надѣта черная, атласная, съ широкими рукавами, и былъ я одѣтъ, какъ говорится, «скромно, но прилично».

Сижу я на скамейкѣ въ саду и сурово, озлобленно гляжу на толпы гуляющихъ: меня бѣсили ихъ веселыя лица, ихъ звонкій смѣхъ. Вонъ шумною толпою прошли студенты, изъ кружка ихъ до меня долетѣло нѣсколько техническихъ словъ: «*поюфтался*, *срѣзался*, *провалился*, сдрефилъ»... Кто-то жаловался, что ему попался нечитанный вопросъ, что съ нимъ въ слѣдствіе этого сдѣлалось *ламанъ дра-*

же... Вонъ окруженная густою толпою молодежи шибко прошла мимо меня наша эмансипированная барышня, предметъ самыхъ нѣжныхъ вздыханій молодыхъ людей нашего города отъ восемнадцати до двадцати двухъ лѣтъ включительно.

Въ это время ко мнѣ подошелъ какой-то маленькій офицерикъ, перетянутый въ рюмочку, съ небольшимъ хлыстикомъ въ рукахъ.

— Если я не ошибаюсь, вы г. Гольмановъ? спросилъ онъ особенно мягкимъ и ровнымъ голоскомъ, едва при этомъ шевеля губами, что, по мнѣнію нашихъ граждан, составляетъ необходимую принадлежность всѣхъ людей чистокровныхъ, съ выдержкою и *съ направленіемъ*.

Я поклонился.

— Я всегда съ такимъ удовольствіемъ читаю ваши статьи, въ нихъ такъ много того, что... если можно такъ выразиться... тотъ духъ, который въ современной литературѣ проявляется... вы меня, конечно, понимаете?

Я улыбнулся: я плохо понималъ своего собесѣдника.

— Вы смѣетесь, сказалъ онъ: — конечно, можетъ быть, я не умѣю такъ хорошо выразиться, но могу васъ увѣрить, какъ *честный офицеръ*...

Онъ сдѣлалъ особенное удареніе на словахъ: честный офицеръ. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Развѣ, читатель, есть на святой Руси такіе люди, которые сомнѣваются, что всѣ офицеры очень честные?

— Могу васъ увѣрить, какъ честный офицеръ, что всегда съ большимъ наслажденіемъ читаю ваши статейки. Ахъ, какъ мы всѣ недавно хохотали, читая ваши обличенія Коятунова! Вотъ-то дуракомъ сдѣлали человѣка, да еще въ стихахъ!... Я даже наизусть помню одно мѣсто:

«Рекъ и ударилъ по толстой ланитѣ прикащика лавки,
Грозно воскликнувъ: сожги, уничтожь его, огнь сокрушитель!
Дерзкій осмѣлился долго гулять, не спросивши на то позволенья:
Боги Олимпа накажутъ такое всѣхъ правъ посрамленье»...

Это просто прелесть, что такое! Зло, остроумно, увлекательно...

Собесѣдникъ мой начиналъ мнѣ сильно надоѣдать; онъ какъ-то странно говорилъ: то засыплетъ словами, какъ мелкою дробью, то вдругъ скажетъ слово, и жди пять минутъ, пока онъ скажетъ другое. Должно быть, неудовольствіе мое выразилось на лицѣ, потому что господинъ офицеръ поспѣшилъ прямо приступить къ дѣлу.

— Я давно желалъ имѣть честь познакомиться съ вами, сказалъ онъ, подавая мнѣ руку, обтянутую далеко не свѣжею перчаткою: — я искалъ вашу квартиру, хотѣлъ быть у васъ; положеніе, въ которомъ я нахожусь теперь, тяжко; оно меня такъ терзаетъ, такъ требуетъ сочувствія человѣка благороднаго...

— Ужь не думаетъ ли онъ у меня попросить по бѣдности, у меня?.. подумалъ я, но, взглянувши на палевыя перчатки, лаковые ботинки и щегольской хлыстикъ моего собесѣдника, успокоился.

— Живя на свѣтѣ, въ нашъ вѣкъ, я всегда, какъ человѣкъ благородный, заботился, чтобы всѣ меня любили, старался угодить каждому, кто бы онъ ни былъ...

— Прекрасное правило! сказалъ я, улыбаясь.

— Не думайте пожалуйста, чтобы я хвалилъ себя, — нѣтъ, вамъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ мои полковые товарищи, что Юриловъ умѣетъ жить со всѣми хорошо, всѣмъ угодить... И вдругъ всѣ труды, всѣ заботы пропадаютъ даромъ, является какой нибудь господинъ... скажите, вы не знаете г. Буракова?

— Знаю.

— То есть, какъ же вы его знаете?

— Очень просто знаю, знаю его лицо, знаю, что онъ недавно въ нашемъ городѣ.

— Такъ вы не знаете, какой это ужасный и, можно сказать, возмутительный господинъ? Я вамъ долженъ сообщить самое гнусное дѣло...

Тутъ онъ мнѣ разсказалъ, что онъ, то есть, г. Юриловъ, былъ очень хорошо принятъ въ домѣ г-жи Звуковой, имѣющей прехорошенькую дочку, что, когда онъ, Юриловъ, уѣзжалъ на мѣсяцъ въ отпускъ, то, въ его отсутствіе, съ г-жею Звуковой познакомился г. Бураковъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ ужасный. Этотъ Бураковъ, наговоривши о своемъ громадномъ состояніи, попросилъ у г-жи Звуковой руку ея дочери, и та дала согласіе. Г. Юриловъ ужаснулся, когда услышалъ о страшномъ злодѣйствѣ Буракова, и, увѣривъ матушку, что Бураковъ не только ничего не имѣетъ, но и вообще человѣкъ ужасный, напакостилъ ему такъ, что тому отказали.

— Теперь, продолжалъ офицеръ съ видомъ гонимаго за правду: — этотъ человѣкъ осмѣлился кричать вездѣ, даже при полковомъ командирѣ, что онъ прибилъ меня палкою... можете ли вы сомнѣваться въ томъ, что это ужасная, коварная ложь? Конечно, будь я частный человѣкъ, я можетъ быть перенесъ бы это оскорбленіе, но какъ офицеръ — не могу... Поймите, какъ это ужасно: тутъ *честь полка* страдаетъ, оскорблена честь мундира... Вотъ почему я рѣшился просить васъ, какъ человѣка благороднаго, помочь мнѣ и описать всѣ эти нечеловѣческіе, чудовищные поступки и напечатать въ газетѣ.

— Извините, пожалуйста, отвѣчалъ я: — но меня удивляетъ ваше предложеніе; вы хотите, чтобы я печатно замаралъ человѣка, котораго я знаю только изъ вашихъ словъ...

— Но я увѣряю васъ, какъ честный офицеръ.

— Я и не сомнѣваюсь въ вашей искренности; но вы могли ошибиться, могли упустить изъ виду какія нибудь обстоятельства...

— Помилуйте, какъ же я могу упустить изъ виду обстоятельства, когда дѣло идетъ о самомъ святомъ для меня предметѣ?... Нѣтъ, ужь позвольте мнѣ быть увѣреннымъ...

— Право, я никакъ не могу. Притомъ и времени у меня нѣтъ... я теперь такъ сильно занятъ, мои обстоятельства въ такомъ дурномъ положеніи...

Я вдругъ покраснѣлъ: мнѣ стало досадно, зачѣмъ я заговорилъ о своемъ затруднительномъ положеніи.

— О, если бы вы рѣшились принять участіе въ этомъ дѣлѣ, такъ и я съ своей стороны... Жаль, что я не могу имѣть удовольствія поговорить съ вами подольше; позвольте узнать адресъ вашей квартиры, и я вамъ завтра рано утромъ пришлю несомнѣнныя доказательства моей правоты.

Я далъ ему свой адресъ и отправился домой.

На другой день, рано утромъ, я получилъ отъ г. Юрилова крошечную, надушенную записочку, а вмѣсто *несомнѣнныхъ доказательствъ* въ нее вложена была двадцатипятирублевая ассигнація. Кровь бросилась мнѣ въ голову, что-то больно сжало сердце; злость, досада, презрѣніе къ самому себѣ сильно волновали меня, и долго, очень долго я торопливыми шагами расхаживалъ по своей комнатѣ. Невеселыя, нерадостныя думы смѣняли одна другую, голова сильно работала, пульсъ билея, какъ въ горячкѣ...

Черезъ нѣсколько часовъ я сидѣлъ за столомъ, на которомъ стоялъ стаканъ кофе. Двадцати-пятирублевой бумажки не было: на мѣстѣ ея лежала десяти-рублевая и нѣсколько копѣекъ мелочи... Въ углу сидѣла хозяйка и очень любезно разговаривала со мною о божественныхъ предметахъ. На дворѣ стояла прекрасная погода; былъ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ весеннихъ дней, которые такъ часты въ нашей, не даромъ называемой *благословенною*, сторонѣ. Да, благословенная, именно благословенная сторона!...

И вотъ теперь, когда я пишу эти строки, вдали отъ моей прежней давящей обстановки, и стыдно, и досадно мнѣ дѣлается за промелькнувшее вдругъ предо мною прошедшее... Но некогда долго задумываться: въ дверяхъ стоитъ ключникъ и ждетъ моихъ распоряженій. Надо ѣхать въ поле, побывать на мельницѣ, навѣдаться въ клуню, откуда до ушей моихъ долетаетъ заунывная пѣсня рабочихъ... Солнце такъ радостно освѣщаетъ мою небольшую комнату... И да поможетъ Богъ вамъ, мои прежніе, бѣдные собраты, униженные, оскорбляемые, безпріютные!...

Н. ДМИТРІЕВЪ.

Вою-то, всю мою дорожку
Раннимъ снѣгомъ занесло!
Было время золотое,
Да какъ сонъ оно прошло.
Было время — и блистало
Солнце въ яркой синевѣ,
И цвѣтовъ пестрѣло много
Въ зеленѣющей травѣ.
Шумомъ радостнымъ шумѣли
Безконечные лѣса...
И звенѣли въ темной чащѣ
Вольныхъ птичекъ голоса.
И рѣка, спокойно, въ море
Волны чистыя несла;
И дрожащимъ въ этихъ волнахъ,
Звѣздамъ не было числа!

Но разнесъ осенній вѣтеръ
Пожелтѣвшіе листы;
И подъ холодомъ поникли
Запоздалые цвѣты...
Улетѣли въ край далекій,
Подъ иныя небеса,
Птички вольныя, покинувъ
Обнаженные лѣса!
И въ волнахъ рѣки шумящихъ,
Не лазурный, чистый сводъ,

Не безчисленныя звѣзды, —
Тучи смотрятся съ высотъ...

Было время, — молодое
Сердце билося въ груди;
Жизнь — и счастье, и свободу
Обѣщала впереди!
Божій міръ казался тѣсенъ
Для могучихъ, юныхъ силъ:
Какъ орелъ ширококрылый,
Въ безпредѣльность духъ парилъ!
Жажда подвиговъ высокихъ
Волновала смѣлый умъ;
Много въ сердцѣ было страсти,
Въ головѣ — кипучихъ думъ!
Жизнь! зачѣмъ же обѣщаній
Не сдержала ты своихъ,
И зачѣмъ не пощадила
Упованій молодыхъ?
Сгибло все: надежды, силы,
Какъ ненастною порой
Зеленѣющіе всходы
Подъ дыханьемъ бури злой!
Было время молодое,
Да какъ сонъ оно прошло!
Всю-то, всю мою дорожку
Раннимъ снѣгомъ занесло!

А. Плещеевъ.

ОТЪ ТОБОЛЬСКА ДО БЕРЕЗОВА.

I.

ДО БЕРЁЗОВА.

Путь до Самарова. — Крестьяне. — Остяки осѣдлые и остяки кочующіе.

Путь по Тобольскому округу до села Самарова, на разстояніи 500 верстъ, не представляетъ особеннаго интереса, и вся обстановка не отличается рѣзко отъ общей Сибирской: раздолье и малолюдство. Впрочемъ, зажиточности, довольства и нѣкотораго комфорта, который проявляется во внутреннихъ округахъ, здѣсь не встрѣтите. — Все население расположено по Иртышу, мѣстъ удобныхъ для хлѣбопашества мало. Пашни съ каждымъ десяткомъ верстъ уменьшаются и къ Самарову исчезаютъ совершенно. Начинаютъ изрѣдка показываться, особо отъ селеній, примкнутыя къ лѣсу низенькія деревянныя избушки — это остяцкія юрты. Но до села Самарова, послѣдняго большаго на сѣверѣ селенія, заявляющаго себя торговымъ движеніемъ, вы еще не отличаете явно аборигеновъ нашего сѣвера, по малочисленности и разбросанности ихъ. Весьма часто встрѣчается по нѣскольку юртъ, пустыхъ, заброшенныхъ, разрушающихся.

На вопросъ мой объ этихъ полуразвалинахъ мнѣ отвѣчали, что орда, или азіятцы (такъ называютъ русскіе остяковъ), не живетъ между Русью: какъ только мы поселимся, то остякъ перестаетъ плодиться. Старожилы сказывали, что въ прежнее время остяковъ было довольно между ними, но съ каждымъ годомъ число ихъ уменьшается. Русскіе поселяне, смѣшавшись съ остяками, утратили свой типъ и имѣютъ

какой-то придавленный, апатичный видъ. — Оставаясь зимою въ праздности, они большіе охотники поротозѣйничать.—Шумъ экипажа, звонъ колокольчика собираетъ цѣлыя толпы; слышится смѣхъ, говоръ, особенно женщинъ, которыя здѣсь развязнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Сибири, и попадаются между ними красивыя лица по Тобольскому округу. Любопытство и, можетъ быть, желаніе поразнообразить время простирается до такой степени, что молодыя дѣвушки скачутъ форейторами станціи въ 30 верстъ и болѣе; не смотря на 25° и 30° морозу, онѣ не прибѣгаютъ къ мужскому костюму, и часто во время скорой ѣзды мелькаютъ обнаженныя колѣни. — Что заставляетъ ихъ рисковать здоровьемъ—не знаю, но какъ-то не вѣрится, чтобы это наѣздничество не оставалось безъ послѣдствій для здоровья.

Но хотя толпы зѣвакъ и встрѣчаются на каждомъ шагу, все таки нельзя негодовать на нихъ за праздность. Хлѣбъ не родится вовсе, или очень скудно, извозомъ занимаются весьма немногіе, по затрудненію въ содержаніи лошадей. Во время разлитія Иртыша однимъ тальникомъ поддерживаютъ существованіе лошадей и рогатаго скота; когда же спадетъ вода, то всѣ табуны уводятъ на острова или въ горы, гдѣ и оставляютъ до глубокой осени. Въ лѣтнее время нельзя ни пройти, ни проѣхать сухимъ путемъ далѣе 3, 5, верстъ: всюду вокругъ тундры, или лѣса. Одно средство къ жизни — рыбный промыселъ, подверженный многимъ случайностямъ. Но зимою и этотъ промыселъ очень мизеренъ. Перерѣзывая Иртышъ, вы видите въ ясный день десятки движущихся вдоль рѣки фигуръ.—Это мужички, впряженные въ ручныя нарты и вооруженные пѣшнею, достаютъ изъ прорубей рыбу. Чтобы судить о тяжести и неблагодарности этого труда, скажу, что изъ 40 крючковъ, съ приманками, поставленныхъ за два дня, крестьянинъ, проходя полъ-дня, не пріобрѣтетъ и 20 налимовъ. Вообще зимою они рыбачатъ только для собственнаго пропитанія.

Восьмимѣсячная лютая зима, короткое лѣто, затрудненіе въ пріобрѣтеніи средствъ къ жизни убили всякую предпріимчивость въ здѣшнемъ крестьянинѣ. Не смотря на то, что медвѣди не рѣдко наносятъ вредъ ихъ собственности, вы не встрѣтите здѣсь ни одного смѣльчака, который бы отправился противъ этого незваннаго гостя съ рогатиной, или съ ружьемъ, не услышите даже разсказовъ объ этомъ. Если уже начнетъ сильно надоѣдать медвѣдь, то крестьяне собираются цѣлымъ селеніемъ, и крикомъ и гамомъ прогоняютъ своего непріятеля. Иногда зимою удается имъ убить медвѣдя, но и то въ берлогѣ, въ которую они всаживаютъ у входа два скрещенные шеста, не позволяющихъ выйти, и при высунутіи животнымъ морды наносятъ ему въ голову удары.

За всѣмъ тѣмъ, на пути къ Самарову, — все-таки есть хоть какое нибудь движеніе, хоть малѣйшій признакъ жизни. Но за впаденіемъ Иртыша въ Обь, въ 25 верстахъ за Самаровымъ, вы спускаетесь на Обь, и здѣсь уже всякое движеніе и жизнь прекращаются. Извилистый Иртышъ ушелъ вправо, и вдали темнѣются дебри; путь къ Березову идетъ по Оби, правый берегъ которой каменистъ и малолѣсенъ, а лѣвый покрытъ топями, чахлыми березами, между которыми изрѣдка красуются лиственница, ель и сосна. Общій колоритъ однообразенъ и монотоненъ, глазъ путника развлекается только ледяными буграми, образующимися наружу при замерзаніи рѣки и имѣющими самыя разныя формы; иногда даже является что-то въ родѣ крѣпостцы съ бастіонами. По обоимъ берегамъ Оби, но преимущественно по правому, разбросаны остяцкія юрты въ 20 и болѣе чумовъ деревянныхъ. Наконецъ, вы среди остяковъ, вы заинтересовываетесь, вы напрягаете любопытство и всматриваетесь, но увы! мало интереснаго встрѣтите. Наружная обстановка весьма не привлекательна: осѣдлые остяки малорослые, истомленные, рѣдковолосые, неповоротливые и до глупости любопытные. Однимъ словомъ, это нѣчто неопредѣленное, смѣшанное, ничѣмъ, даже костюмомъ, не заявляющее о своей народности. Мужчины ходятъ въ чемъ попало; въ зипунахъ, въ шубахъ, въ армякахъ. Въ сургутскомъ краѣ, удаленномъ отъ главнаго тракта, можно, какъ мнѣ сказывали мѣстные чиновники, видѣть постоянный маскарадъ. Остяки сами не шьютъ для себя платья, а пріобрѣтаютъ отъ поселенцевъ, отъ рыбопромышленниковъ, отъ казаковъ; поэтому часто встрѣтите ихъ въ дьячковскомъ подрясникѣ и военной фуражкѣ, въ семинарскомъ халатѣ, казачьихъ шараварахъ и круглой шляпѣ и т. п. . . . .

Прикрѣпленіе къ одному мѣсту, сосѣдство русскихъ селеній побудило остяковъ строить свои чумы на манеръ русскихъ избъ. Но постройки осѣдлыхъ остяковъ отъ чумомъ бродячихъ инородцевъ отстали, а къ избамъ не пристали. Прямо съ улицы вы входите въ сѣни, во внутренной стѣнѣ которыхъ устроенъ чувалъ (глиняный каминъ, около котораго постоянно найдете толпу). Здѣсь остячки, съ наброшенными на лицо платками, занимаются домашними работами, а мужья ихъ, сидя на корточкахъ, молчатъ и изрѣдка перекидываются словами. Горницы, избы, гдѣ возведена до половины голландская печь, остаются пустыми цѣлый день; тамъ только принимаютъ проѣзжихъ. При ожиданіи начальства моютъ полы и лавки. По статистическимъ свѣдѣніямъ, всѣ остяки до Кандинска и далѣе считаются христіанами, но просвѣщеніе въ этой вѣрѣ мужчинъ заключается въ знаніи нѣкоторыхъ молитвъ и въ умѣніи наложить крестъ, въ чемъ они особенно усердствуютъ при полученіи прогоновъ или на водку.

Женщины же не говорятъ ни слова по русски, а просвѣтители ихъ по остяцки — спрашивается, какъ же они молятся? Осѣдлые остяки, утративъ свойственную кочевымъ народамъ удаль, смѣлость, облѣнились и живутъ только настоящимъ днемъ, нисколько не заботясь объ улучшеніи своего положенія. Внесши ясакъ, который очень умѣренъ, все оставшееся отъ выручки за весенній и осенній уловъ рыбы пропивается вдругъ. Женщина находится въ самомъ рабскомъ состояніи, всѣ домашнія работы, даже рубка дровъ, вмѣстѣ съ заботою о дѣтяхъ, лежатъ на нихъ; но не смотря на тяжелыя и грубыя работы, онѣ имѣютъ маленькія и красивыя руки и ноги. Мужчины въ зимнее время остаются въ совершенномъ бездѣйствіи, изрѣдка прогуляются въ урманъ на охоту, и тогда только, когда уже истребится весь съѣстной запасъ, займутся рыбною ловлею. Прикрѣпленіе остяковъ къ одному мѣсту имѣло вѣроятно цѣлью сдѣлать ихъ осѣдлыми и современемъ обратить въ крестьянъ. Но остяки не имѣютъ ни малѣйшаго интереса перейти въ крестьяне, они страшатся этого, считаютъ даже унизительнымъ. И дѣйствительно льготы ихъ, сравнительно съ русскими, ощутительны; инородцы пользуются всѣми угодьями, урманами, въ которыхъ безъ ихъ согласія, или лучше сказать, безъ платы, русскіе не имѣютъ права охотиться; лучшіе рыбные пески въ ихъ рукахъ, а между тѣмъ они, сравнительно съ привиллегированнымъ сословіемъ, несутъ повинностей втрое меньше.

Въ урманахъ, по Иртышу и Оби, пушной звѣрь съ каждымъ годомъ переводится. А потому мѣстное главное начальство разрѣшило, въ видахъ облегченія инородцевъ, взимать ясакъ деньгами, вмѣсто звѣрей. Но остяки, покупая по неимовѣрно высокимъ цѣнамъ у торговцевъ лисицъ и соболей, все-таки вносятъ ясакъ рухлядью, изъ боязни, какъ я достовѣрно узналъ, чтобы ихъ не обратили въ крестьяне и не лишили настоящихъ преимуществъ. Боязнь эту усилили въ нихъ еще болѣе разосланные листы, въ которыхъ, между прочими повинностями, означена и рекрутская.

Подумаешь, какъ у насъ примѣняется, исполняется всякая мѣра правительственная! Издали положеніе и объявили его черезъ безграмотныхъ старшинъ, отпечатали окладные листы, собственно для государственныхъ крестьянъ, чтобъ они знали о своихъ повинностяхъ, да и отправили тѣ же листы при циркулярахъ и по инороднымъ управамъ.

Какъ ни бѣдно положеніе осѣдлыхъ остяковъ, но все же, сравнительно съ крестьянами, сносно. Первые не могутъ умереть съ голоду, а за послѣднихъ, при извѣстныхъ условіяхъ, нельзя и въ этомъ смыслѣ ручаться.

Отъ Самарова до Березова, по непроизводительности страны, нѣтъ

мірскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, а существуютъ только въ Кандинскомъ селѣ, въ Березовѣ и Обдорскѣ казенные магазины, для выдачи инородцамъ хлѣба въ ссуду, съ разсрочкою уплаты на годъ, а въ случаѣ крайности и безденежно. Крестьяне же не имѣютъ права пользоваться заимообразно изъ этихъ магазиновъ, и, по случаю заготовленія хлѣба въ пропорціи сообразно населенію инородцевъ, встрѣчается затрудненіе въ продажѣ его даже на наличныя деньги крестьянамъ. Если осенній уловъ рыбы былъ достаточенъ, то крестьяне, хотя съ трудомъ, могутъ запастись хлѣбомъ отъ частныхъ (*) торговцевъ; но если осенній уловъ плохой и не добыта проточная рыба, какъ это случилось въ прошедшемъ году, то нищета въ русскихъ селеніяхъ поразительна. Мнѣ случилось въ этомъ удостовѣриться, проѣзжая по этому краю съ однимъ изъ членовъ главнаго мѣстнаго учрежденія, пользующимся титуломъ его пр–ства, о проѣздѣ котораго дано было знать заблаговременно — и все, что называется, было на чеку. Всѣ сибирскіе крестьяне въ каждомъ гражданскомъ генералѣ видятъ прямаго начальника и воображаютъ, что онъ въ правѣ удовлетворить всѣ ихъ требованія. . . . .

Хотя мой спутникъ имѣлъ, по своей должности, совершенно спеціальную обязанность: обозрѣніе училищъ, но къ нему обращались съ самыми многосложными словесными и письменными просьбами, надѣляя всевозможными титулами свѣтской и духовной іерархіи, возводя иногда и въ княжеское достоинство. Впрочемъ остяки величали «твое благородіе» и рѣдко «высокоблагородіе». . . .

Едва возокъ приближался къ деревнѣ, какъ всѣ сельскія власти и старики окружали его пр–ство и умоляли о выдачѣ имъ хлѣба подъ круговое ручательство, причемъ слышались иногда возгласы: уже съ недѣлю хлѣба не видали, одною рыбою питаемся. Присутствуя при этой сценѣ, въ качествѣ частнаго лица, я спросилъ старичковъ: обращались ли они къ окружному начальнику и исправнику? «Да вѣдь они не смѣютъ сами, нужно разрѣшеніе губернатора и генералъ-губернатора, а вѣдь ты родимый знаешь, какой конецъ-то отъ Березова до Тобольска, куда почта ходитъ разъ въ недѣлю, а тамъ въ Омскъ еще пойдетъ, и пока получится по начальству разрѣшеніе, тамъ весна настанетъ».—По Иртышу сказывали намъ, что у васъ на Оби былъ нынче отличный уловъ рыбы, которую вы чуть не руками таскали изъ воды, куда же вы дѣвали ее и деньги, вырученныя за нее? спросилъ я ихъ.—«Бога гнѣвить нечего, лѣтній уловъ былъ знатный, от-

(*) Вольная цѣна отъ 1 р. до 1 р. 50 к. сер. за пудъ ржаной муки, а изъ казенныхъ магазиновъ отпускаютъ инородцамъ по 85 к. сер. за пудъ.

вѣчали мнѣ:—да рыбопромышленники не принимали рыбу иначе, какъ соленою, или развѣ десятую часть того, что мы изловили, свѣжею; они, какъ золотомъ, дорожатъ солью: покупать намъ у нихъ невыгодно, а болѣе негдѣ взять соли, осеннiй же уловъ былъ среднiй, а на проточную рыбу плоха надежда...»

Вѣроятно читатель спроситъ, что такое проточная рыба? Спѣшу оговорить. Зимою ледъ на Оби, замерзая толстыми слоями, не пропускаетъ воздуха, отъ этого теченiе какъ бы приостанавливается, вода дѣлается затхлою, и рыба бросается въ проточныя рѣчонки.

Жалобы на недостатокъ соли слышались всюду отъ русскихъ и инородцевъ, въ особенности отъ послѣднихъ. Миссiонеры, священники и чиновники, тоже утверждали, что часто изъ привезенной остяками, по уговору, рыбопромышленникамъ 1000 штукъ у нихъ, за неимѣнiемъ соли, принимали только 200 и 300 штукъ, а прочее количество оставалось въ долгу на инородцахъ, которые за ничтожную сумму попадаютъ въ кабалу къ монополистамъ на нѣсколько лѣтъ. Кому удавалось сбыть половину пойманной рыбы, тотъ былъ счастливъ и обезпечивалъ себя на годъ.

Если насильственное прикрѣпленiе инородцевъ къ одному мѣсту имѣло, какъ я сказалъ, цѣлью обрусить ихъ, то нужно было бы позаботиться о крестьянахъ, желудки которыхъ болѣе, чѣмъ остяцкiе нуждаются въ хлѣбѣ. Остякамъ даютъ изъ казенныхъ магазиновъ, а крестьянину—нѣтъ, остякъ пользуется всѣми угодьями, урманами, а тѣ только продольными пространствами на Оби. Отчего бы, кажется, не устроить запасныхъ магазиновъ хлѣбныхъ и соляныхъ въ селахъ: Елизаровомъ и Кандинскомъ? Эта мѣра, освободивши жителей отъ монополистовъ, улучшила бы положенiе и крестьянъ, и инородцевъ.

Среди этой незавидной обстановки, можно развлечься только комическимъ процессомъ запряжки и ѣзды по Остяцкимъ юртамъ. Едва приближается къ юртамъ экипажъ, какъ со всѣхъ концовъ бѣгутъ остяки съ упряжными принадлежностями и тащатъ малорослыхъ, косматыхъ лошадокъ. Женщины, которыя закрываютъ лицо отъ мужчинъ платками, подобно татаркамъ, стоятъ па улицѣ, но при приближенiи къ чумамъ, ускользаютъ, какъ кошки, въ низенькiя двери. Позволивъ себѣ приподнимать накрывала, я былъ разочарованъ: положительно, и старыя, и молодыя женщины—отвратительно омерзительны. На разстоянiи 500 верстъ у весьма немногихъ попадались сносныя физiономiи. Пока старые ямщики выпрягаютъ лошадей, новые со всѣмъ наличнымъ населенiемъ, обступивши экипажъ, мало того, что осмотрятъ, но ощупаютъ и понюхаютъ всякiй гвоздикъ, всякую веревку. Съ шумомъ и гамомъ толпятся заглянуть во внутрь экипажа; при

спускѣ съ горы всѣ бѣгутъ и стараются подержаться за экипажъ. Не разъ случалось, что возвращающійся домой остякъ, завидѣвъ уѣзжающій возокъ, гналъ свою лошадь, что есть силы, и, приблизившись къ горѣ, соскакивалъ съ нарты и катился кубаремъ съ горы нѣсколько саженъ, для того чтобы хотя секунду поглазѣть на крытую избушку, какъ они называли возокъ.

Наконецъ постромки пригнаны; кажется, все готово, но не торопитесь еще: простоите на льду добрыхъ полчаса. На всѣ ваши понужденія, на энергическіе возгласы казака слышится отвѣтъ: «сей шасъ, тай, пачка, строфу», (сейчасъ, дай батюшка сроку). Между тѣмъ остяки, собравшись въ кучу, толкуютъ, и разговоръ ихъ чрезвычайно похожъ на крикъ индѣйскихъ пѣтуховъ, когда ихъ раздразнятъ. Начинаютъ низкими нотами, но потомъ, какъ будто морозъ сжимаетъ языкъ, и они отрывисто глотаютъ слова. Остается самому идти, велѣть каждому сѣсть на свое мѣсто и быть готовыми. Вотъ двинулся экипажъ; чрезъ минуту крикъ: лола, лола, (стой)! у одного ѣздоваго оторвалась веревка, или онъ уронилъ кнутъ,—всѣ до одного соскакиваютъ съ лошадей и начинается брань. Кто особенно нетерпѣливъ и раздражителенъ,—тому совѣтую, для излѣченія отъ этихъ слабостей, прокатиться по Березовскому краю. Станцію въ 20 верстъ тащитесь, по случаю частыхъ остановокъ, часа три, и негдѣ обогрѣться и утолить голодъ.........

Не считая эти неудобства за особенныя лишенія, я все-таки обрадовался, когда сказали, что мы не перемѣняя лошадей, пріѣдемъ прямо въ Кондинскъ.—Завидѣвъ золоченный крестъ и куполъ, невольно торопишь ямщика, но усталыя остяцкія клячи, впряженныя гусемъ по одной, на каждой изъ которыхъ сидитъ неуклюжая болтающая ногами фигура, едва втаскиваютъ на каменистый берегъ рѣки Оби. На крутомъ, по правой сторонѣ рѣки, обрывѣ, стелется длинная деревянная на 300 саженъ ограда, изъ-за которой виднѣется каменная монастырская церковь и домъ настоятеля. Высокая ограда каждаго монастыря, наружная чистота, стройное, ранжированное движеніе, распредѣленіе занятій и обязанностей по часамъ, напоминаютъ вамъ сразу—гдѣ вы, но Кондинскій монастырь, сверхъ того, производитъ какое-то странное, неопредѣленное впечатлѣніе.

Смѣсь древней архитектуры въ церкви съ претензіями на новѣйшую настоятельскаго дома, низенькія два строенія, похожія на казармы, монастырскія ворота, имѣющія форму военной караулки, общая запустѣлость напоминаютъ вамъ скорѣе упраздненныя сибирскія крѣпости, чѣмъ миссіонерскую обитель! Разрозненныя въ безпорядкѣ деревянныя избы безъ оградъ, бродящія по улицѣ въ остяцкихъ костюмахъ (въ «паркахъ» и «гусяхъ») фигуры приводятъ пут-

ника въ замѣшательство! Вамъ все кажется какъ-то не на мѣстѣ, какъ будто все сюда попало насильно, или случайно, и не радо этому...

Поговоривши съ мужичками и не услыхавъ отъ нихъ ничего, кромѣ жалобъ на плохое житье и на невыдачу хлѣба изъ казеннаго магазина, я отправился къ главѣ миссіонерства. На крыльцѣ дома мы встрѣтили маститаго мужчину; украшавшій его крестъ объяснилъ его офиціальное значеніе въ этомъ пустынномъ уголкѣ. Мы послѣдовали за нимъ. Испытанный на разстояніи 290 верстъ холодъ и голодъ, утолевный въ теплыхъ комнатахъ радушнаго хозяина, отымаетъ у меня право передать то впечатлѣніе, какое произвела на меня наружная обстановка. Зная, что маститый старецъ находится 18 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, я съ особеннымъ интересомъ пустился въ разговоры о краѣ вообще и о инородцахъ въ особенности. Изъ восьми-часовой бесѣды я узналъ: когда проѣзжалъ такой-то высокопреосвященный, и что онъ изволилъ кушать, въ которомъ году былъ хорошій уловъ рыбы, о проживаніи его высокопреподобія въ лѣтнее время на рыбалкѣ монастырской, и между прочимъ, о томъ, какъ затруднительно брать остяцкихъ дѣтей для обученія грамотѣ. Часто сыпались упреки на инородцевъ въ недовѣрчивости, въ пьянствѣ и въ несоблюденіи христіанскихъ обрядовъ. Меня всего болѣе удивило, что человѣкъ, взявшій на себя миссіонерскую обязанность, не изучилъ остяцкаго языка. Послѣ этого представлены были его превосходительству, съ которымъ я ѣхалъ, обучающіеся въ миссіонерской школѣ 5 мальчиковъ, изъ числа которыхъ не трудно было узнать 3 остяковъ. Началось испытаніе. Дѣти читали бойко по-славянски и по-русски, — но читали, какъ попугаи, не понимая значенія прочитанныхъ фразъ. На вопросъ, что такое христіанское ученіе, или катихизисъ? отвѣчали слово въ слово по книгѣ, но когда ихъ спросили: — почему же это ученіе называется христіанскимъ, а молитва «Отче нашъ» — Господнею? — то они замялись и ничего не отвѣчали. Замѣчу здѣсь кстати, что въ сельскихъ школахъ, завѣдуемыхъ приходскимъ духовенствомъ, встрѣтите то же самое.

Рутина руководитъ и въ остяцкомъ краю нашихъ пастырей, между которыми попадаются и молодые люди. А вѣдь изъ остяковъ можно многое сдѣлать: они очень способны. Пробывшіе въ школѣ не больше 8 мѣсяцевъ читали чрезвычайно бѣгло, не смотря на то, что ихъ мучатъ варварскою, татарскою методою: заставляютъ вытверживать азбуку по-славянски. Скажите, пожалуйста, какого терпѣнія и труда нужно 8 и 9 лѣтнему ребенку для того, чтобы изъ вѣди, ять, рцы и азъ сложить слово вѣра!

Монастырь этотъ основанъ съ цѣлью просвѣщенія остяковъ, и правительство озаботилось обезпеченіемъ принявшихъ на себя высо-

кую обязанность проповѣди между дикими племенами ученія Христова. Учрежденный въ 1635 году въ Березовѣ Свято-Троицкій монастырь переведенъ въ 1656 году, по повелѣнію Алексѣя Михайловича, въ Кандинскъ, по просьбѣ остяцкихъ князьковъ Алачевыхъ, имѣвшихъ около этого мѣста свои стойбища, и названъ Кандинскимъ по имени текущей на сѣверѣ рѣчки Кандушки. По высочайшему указу, въ 1797 году отданъ монастырю казенный островъ, на которомъ, по генеральному размежеванію 1800 года, оказалось земли 471 десят., и 1201 кв. саж., а подъ рыболовными песками по большой Оби, Малой и по протокамъ заключается удобной и неудобной земли 1479 десят. и 1730 квадр. саж. Сколько было приписано крестьянъ къ монастырю, изъ дѣлъ не видно; но судя по уцѣлѣвшимъ въ архивѣ копіямъ съ высочайшихъ указовъ и правительственныхъ распоряженій, присылавшимся къ монастырскому начальству для исполненія, можно заключить, что власть этого монастыря распространялась на всю Котскую землю, т. е. на протяженіи 400 верстъ въ длину. Замѣчательно, что даже поселившіеся въ этой странѣ не избавились отъ денежнаго взноса на постройку избъ на рѣкѣ Невѣ въ С. Петербургѣ. Взамѣнъ присылки рабочихъ было взыскано по Сибири по 1 руб. 5 алтынъ и 6 денегъ съ двора. Сверхъ того, между монастырскими документами обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе: дано было знать о томъ, чтобы не принимать ни указовъ, ни оффиціальныхъ, ни партикулярныхъ писемъ за подписомъ князя Меньшикова, и что всѣ указы отнынѣ будутъ за подписью самого государя. Присланъ былъ отъ князя Гагарина въ 1708 году основанный на высочайшемъ повелѣніи указъ о воспрещеніи подъ смертною казнію всѣмъ вообще, какъ изъ Россіи, такъ изъ Сибири выѣзда изъ Томска къ иноземцамъ и къ Ямышеву озеру, а равно и въѣзда изъ степи въ Томскъ и въ другіе города (*).

(*) Такъ какъ этого указа не находится въ Полномъ Собраніи Законовъ, то я приведу его здѣсь цѣликомъ: «Въ 1708 году іюля въ 30 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца Ивану Качанову. По его великаго государя указу посланы въ Томскъ, къ воеводамъ къ Григорію Петрову Соловаго съ товарищи, изъ Сибирскаго приказу его великаго государя грамоты, велѣно имъ въ Томску учинить заказъ накрѣпко и смотрѣть, чтобъ изъ Томска Томскіе и иныхъ городовъ всякаго чина люди въ степь къ иноземцамъ и къ Ямышу озеру изъ степи иноземцы въ Томскъ не ѣздили, а нынѣ вѣдомо великому государю учинилось, что изъ Томска Томскіе и иныхъ городовъ всякаго чина люди ѣздятъ въ степь, а въ Томскъ изъ степи иноземцы, также разныхъ городовъ русскіе люди пріѣзжаютъ за вышеписаннымъ великаго государя указомъ собою, а иные и по воеводскимъ отпускамъ ѣздятъ. И какъ тебѣ сей его великаго государя указъ придетъ и тыбъ въ Томску всякаго чина людямъ сказалъ его великаго государя указъ, подъ страхомъ смертныя казни, чтобъ изъ Томска никто собою

Въ 1836 году Кандинскій монастырь утвержденъ Миссіонерскимъ, а въ 1844 г. при немъ открыто училище для 10 остяцкихъ мальчиковъ на полномъ отъ казны содержаніи.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ можно судить о той высокой цѣли и о той обширной дѣятельности, которыя были предоставлены Кандинскому монастырю, совершенно обезпеченному въ матеріальныхъ средствахъ. Что-же онъ сдѣлалъ на самомъ дѣлѣ? посѣялъ-ли онъ полезныя сѣмена между инородцами, ознакомилъ-ли ихъ съ истиннымъ смысломъ ученія Христова, наконецъ возвелъ-ли изъ тысячи дикарей хотя нѣсколько личностей на степень сознанія человѣческаго достоинства? Тяжело выговорить, а приходится отвѣчать: нѣтъ, и нѣтъ!

Въ настоящее время, въ монастырѣ, при такихъ значительныхъ угодьяхъ, монашествующихъ находится: одинъ архимандритъ (онъ же и настоятель), два іеромонаха и одинъ іеродіаконъ. — Одинъ изъ отцовъ учитъ, или правильнѣе, судя по методѣ обученія, мучитъ школьниковъ; другой долженъ быть въ стѣнахъ монастыря для исполненія требъ и службы. Архимандриту зимою тяжело, неудобно разъѣзжать по юртамъ и кочевьямъ, а лѣтомъ нужно позаботиться о рыбалкѣ, исправить загородный домъ. Не знаю, нужно ли и сожалѣть объ этомъ. Не смотря на двухъ-вѣковое существованіе святой обители, подъ опекой которой находились и исчезли цѣлыя поколѣнія, инородцы не имѣютъ ни малѣйшаго уваженія, ни малѣйшей привязанности къ миссіонерамъ, а пребываютъ только *во страхѣ*, слѣдуя ихъ убѣжденіямъ...

Сколько комическихъ сценъ происходитъ въ ожиданіи прибытія священника! Надо вамъ сказать, что остяковъ заставляютъ непремѣн-

---

ни для какихъ дѣлъ и по воеводскимъ отпускамъ къ Ямышу озеру и въ степь къ иноземцамъ, также чтобъ иноземцы въ Томскъ и въ томской уѣздъ для торговъ отнюдь не ѣздили, для того, что отъ сего Бухарскаго торгу ево великаго государя казны есть великая трата, и смотрѣть тебѣ того накрѣпко, а буде русскіе люди кто въ степь собою или по воеводскимъ отпускамъ поѣдутъ, хотя и по воеводскимъ отпускамъ ѣздили, и тѣхъ людей вавъ держать до указу великаго государя за карауломъ, а дворы ихъ и животы и товары все брать на великаго Государя, а кто имѣлъ и что у кого взято будетъ или воеводы иноземцевъ кого въ Томскъ пропустятъ, о томъ къ Великому Государю писать отписку, велѣть подать въ Сибирскомъ приказѣ генеральному президенту и Московскому коменданту и Сибирскому праведному судьѣ князю Матвѣю Петровичу, также и въ Енисейскъ къ стольнику къ князю Василію Ивановичу Гагаринымъ писать же, а буде за всѣмъ неусмотрѣніемъ кто русскіе люди чрезъ Томскъ въ степь или изъ степи чрезъ Томскъ же въ Сибирскіе города проѣдутъ, также буде воеводы кого иноземцовъ въ Томскъ пропустятъ и о томъ великому государю вѣдомо будетъ мимо тебя, и за то на тебѣ взять штрафъ не иной (?). Князь Василій Гагаринъ скрѣплялъ Левъ Кудрявцевъ.

но имѣть образъ и восковую свѣчу, для пріобрѣтенія которыхъ, какъ и вообще для исполненія прочихъ обрядовъ, нужны деньги. Дѣйствительно образа вездѣ есть, а свѣчу купятъ нѣсколько хозяевъ одну и раздѣлятъ между собою на 4 части, такъ что двумъ достанется по кусочку воску, двумъ по кусочку фитиля. Свѣчныя принадлежности спрятаны; но какъ ожидаютъ земскую или духовную власть, то старательно вымоютъ, вытрутъ стружками изъ дерева, за неимѣніемъ полотенецъ, образъ, къ которому торопливо прилѣпятъ обожженный воскъ или фитиль; по отъѣздѣ бережно снова все прячется. Не только не имѣютъ понятія объ обрядахъ исповѣдуемой ими религіи, но не понимаютъ смысла самой первой христіанской молитвы: «Отче нашъ». Когда одинъ изъ преосвященныхъ, проникавшій въ самыя дальнія юрты и кочевья остяцкія, разъяснялъ черезъ посредство священника остякамъ значеніе словъ Господней молитвы, то они все понимали, но какъ дошло до словъ: избави насъ отъ лукаваго, то они стали въ тупикъ и долго съ ними возились; наконецъ одинъ изъ остяковъ, знавшій лучше другихъ русскій языкъ, вскричалъ: «понялъ, понялъ, пачка,— это: *избави насъ отъ засѣдателя*».

Нечего сказать, благотворно и полезно заявило себя русское чиновничество между инородцами! Впрочемъ теперь можно встрѣтить порядочнаго человѣка, даже и на дальнемъ сѣверѣ, между земскими чиновниками, но дѣйствія ихъ парализируются иногда сбоку, а иногда свыше..

Время великаго поста самое удобное для ловли проточной рыбы. Какъ только снѣгъ начинаетъ рыхлѣть, спадутъ морозы, остяки закандинскіе и березовскіе, оставляя постоянныя свои жилища, разбродятся цѣлыми семьями по протокамъ за 100 и болѣе верстъ. Если упустятъ это время, то придется голодать и бѣдствовать до вскрытія и очищенія отъ льда рѣкъ; между тѣмъ духовенство настоятельно требуетъ людей въ церковь для говѣнія, прося немедленнаго и строгаго содѣйствія земскаго начальства. Остяку нужно запастись насущною пищею, онъ хочетъ работать, а его гонятъ — спасаться! Въ состояніи-ли его голова переварить и взвѣсить такое благочестивое требованіе? Прежде онъ молился даромъ, на родины и похороны не требовалось издержекъ; теперь онъ живъ, а ему предлагаютъ купить заблаговременно вѣнчикъ. Остякъ руками и ногами отбивается, приговаривая, «пачка, я живъ хочу, умирать нѣтъ!» и оканчиваетъ разговоръ о вѣрѣ заключеніемъ: *русскій Богъ дорогъ*!—Между тѣмъ священникъ необходимо долженъ распродать живымъ вѣнчики, за которые консисторія требуетъ деньги разомъ за всѣ принимаемые въ приходъ вѣнчики.—Въ случаѣ, если чиновникъ, войдя въ крайнее положеніе инородца, не приложитъ особеннаго старанія на исполненіе

воли духовнаго начальства, то навлечетъ на себя нареканіе въ бездѣйствіи, въ парализированіи попечительной заботливости пастырей, если еще не въ чемъ нибудь другомъ, когда онъ иновѣрецъ! — Не подумайте, читатель, чтобы я увлекался и фантазировалъ. Нѣтъ, всѣ мои замѣтки основаны на собственныхъ наблюденіяхъ, на фактахъ, видѣнныхъ мною самимъ и переданныхъ мнѣ правдивыми, добросовѣстными лицами, имена которыхъ я, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не долженъ объявлять.

По поводу Кандинскаго монастыря многое еще можно было высказать, но это выйдетъ пожалуй въ родѣ правительственныхъ мѣръ, предлагать которыя я не считаю себя въ правѣ.

Не могу впрочемъ не спросить себя: зачѣмъ до 2000 дес. земли подъ самыми лучшими угодьями оставлять въ пользованіи 4-хъ человѣкъ монаховъ, съ 9-ю штатными служителями? — Вѣдь они не имѣютъ средствъ извлекать все, что можно бы добыть изъ этого участка, да и дѣло-ли ихъ заниматься черною работою, когда они имѣютъ болѣе важныя занятія? Не лучше ли бы обратить монастырскія дачи, рыболовные пески и прочія угодья въ оброчную статью? Охотники взять ихъ въ аренду найдутся, да пожалуй и кандинцы съ ближайшими больше-атлытскими юртами не выпустятъ изъ своихъ рукъ этого доходнаго кусочка. Изъ вырученныхъ за сказанныя земли денегъ можно отпускать обезпеченную сумму на содержаніе монастыря, миссіонеровъ и школы. Освобожденіе отъ посторонняго труда, отъ заботъ о себѣ, дастъ возможность кандинскимъ миссіонерамъ посвятить себя исключительно возложенному ими на себя великому дѣлу.

Довольно о Кандинскѣ, отправимся далѣе. Мы снова спускаемся на Обь; то же однообразіе, та же глушь, только наледи еще больше затрудняютъ путь. Но за то здѣсь остяки удержали свой типъ, одежду, обычаи, однимъ словомъ, проявляютъ свою особенность. За 50 верстъ отъ Кандинска до Березова исключительно однѣ остяцкія селенія или юрты. Разбросанныя по пригоркамъ въ самомъ разнообразномъ безпорядкѣ, чумы стоятъ одиноко, безъ ограды, безъ двора, кое-гдѣ торчитъ на сваяхъ неуклюжій амбарчикъ для склада рыбы, и въ концѣ селенія общая изгородь для 5, 6 лошадей, если въ юртахъ 20 чумовъ. Чумъ—это низенькая бревенчатая, крытая землею хатка, съ отверстіемъ вмѣсто трубы. Прямо съ улицы дверь, въ которой нужно нагибаться до колѣнъ при среднемъ ростѣ, вводитъ во внутренность жилища остяка. Въ одну сторону отъ дверей глиняный чувалъ, распространяющій при горѣніи дровъ невыносимый дымъ по прямой линіи, а когда закроютъ отверстіе, исправляющее должность трубы, то дѣлается страшный холодъ. Въ другую сторону расположенъ домаш-

ній скарбъ, противъ дверей нары, на которыхъ покоятся хозяева, валяются прикрытые оленьими шкурками дѣти, тутъ-же собаки привязаны, надъ нарами развѣшана домашняя утварь и заготовленныя на весну и лѣто пучки тоненькихъ стружекъ изъ тальника для вытиранія лица, посуды, половъ, дѣтей послѣ обмыванія. Эти стружки у за-кандинскихъ остяковъ, а равно и у березовскихъ и самоѣдовъ замѣняютъ полотенца. Въ окнахъ, которыхъ большею частію по одному, и рѣдко по два въ чумѣ, вставлены льдины, пропускающія въ комнату полусвѣтъ. Стекла въ окнахъ по березовскому краю рѣдки, онѣ замѣняются пузырями. При входѣ въ чумъ, не замѣчаешь прежней суетливости, угодливости: женщины остаются недвижимы, только, завидя васъ, вмигъ срываютъ висящія звѣриныя шкурки и прячутъ за себя, искоса поглядывая на незванныхъ гостей. По немногу чумъ наполняется толпою любопытныхъ; осмотрѣвши васъ и устремивъ глаза на огонь, они стоятъ неподвижно, или разсядутся на нарахъ. Въ отворяемыя двери врываются клубы холоднаго пару, отъ льдины несетъ сыростью, дымъ ѣстъ глаза. Обратившись къ инородцамъ, умѣющимъ говорить по русски, я узналъ, что имъ удается поймать собакою соболя, капканомъ лисицу; бьютъ изъ винтовокъ бѣлокъ; показали мнѣ зимнія и весеннія лыжи, на которыхъ они гоняются за звѣрями. Сознались, что хозяйки ихъ прятали звѣриныя шкурки изъ боязни, чтобы мы, какъ чиновники, не стали просить, или вымогать у нихъ. Сначала поглядывали на меня недовѣрчиво, но когда я объяснилъ, что я не чиновникъ и не имѣю никакого порученія, то были откровенны со мною.

Закандинскіе остяки считаются христіанами, но тайкомъ придерживаются нѣкоторыхъ старыхъ обрядовъ и вѣрованій. Чиновниковъ, или, какъ они называютъ, начальниковъ, боятся, а посѣщенія священниковъ избѣгаютъ. Узнавши, что одинъ живетъ мѣсяцъ съ женою невѣнчанный, я спросилъ: отъ чего-же ты не ѣдешь вѣнчаться? Денегъ нѣтъ,—былъ отвѣтъ, ясакъ платилъ недавно, а въ церквѣ попъ давай, свѣчи покупай и всякъ давай денегъ, а гдѣ ихъ взять? Съ окончаніемъ зимы они, удаляясь по урманамъ и по протокамъ, успѣваютъ ускользать отъ заботливаго попеченія земскаго и духовнаго начальства; впрочемъ приходится поплатиться иногда, если накроютъ на поклоненіи медвѣдю, или на исполненіи другихъ обрядовъ.

Обитающіе на р. Сосвѣ, на которой находятся двѣ станціи до Березова, остяки, избавляясь по трудности путей въ кочевья ихъ отъ надзора властей, сохранили еще болѣе свои обычаи, и они достаточнѣе остяковъ, такъ называемыхъ, котскихъ. Сосвинцы удержали свои преданія, разнообразятъ время пѣснями, плясками, имѣютъ свою народную музыку. У меня есть въ рукахъ ихъ инструментъ подъ на-

званіемъ *ходынгъ-сабылъ*; онъ сдѣланъ изъ дерева и имѣетъ форму лебедя, съ длинною выпуклою шеею, съ боку которой прикрѣплено 10 или 12 струнъ изъ оленьихъ жилъ, или изъ проволоки; поэтому инструментъ и называется означенными двумя словами: ходынгъ-лебедь и сабылъ-шея.

Они особенно уважаютъ медвѣдя, котораго этимъ именемъ на ихъ языкѣ называютъ только охотники, стрѣлки, а прочіе величаютъ «дорогой гость». Сверхъ того, большая часть остяковъ-христіанъ, не говоря уже о неокрещенныхъ и самоѣдахъ, даютъ клятвы въ исполненіи обѣщаній, договора и проч. на медвѣжьихъ лапахъ, заставляя иногда и русскихъ, при долговыхъ обязательствахъ, исполнять этотъ обрядъ. Убивши медвѣдя, они набиваютъ чучелу, вставляютъ ей въ глаза крупный бисеръ, навѣшиваютъ украшенія, расставляютъ передъ ней рыбу, а лѣтомъ ягоды, и поютъ:

Дорогой гость, ты переплылъ столько рѣкъ,
Прошелъ стольхъ лѣсовъ и соровъ, (*)
Не гнѣвайся, дорогой гость, пощади насъ и наши стада!
Вѣдь убилъ тебя не я, а ружье,
А его далъ намъ — — — Русскій.

Въ это время инородцы конечно пируютъ, пьянствуютъ. Но горе пирующимъ, если ихъ накроетъ земская власть, а особенно священникъ!... Замѣчу здѣсь кстати, что нѣкоторые производятъ слово остякъ отъ татарскаго *уштякъ*, которое выражаетъ презрѣніе и означаетъ грубый, невѣжественный народъ; такъ будто бы гордые повелители татары называли нѣкогда остяцкія племена. Но имя остякъ объясняется гораздо проще: рѣка Обь имѣетъ названіе по остяцки *асъ*, а *тягъ* — мѣсто пребыванія прибрежныхъ жителей рѣки: слѣдовательно астягъ, измѣненное русскими остякъ, означаетъ обитателя береговъ рѣки Оби. Сами же остяки называютъ себя: *Асхо*; слово это составлено изъ двухъ — *Асъ* рѣка Обь и *Хо* — человѣкъ, мужъ. Именемъ *Асхо*, означающимъ собственно природнаго жителя береговъ рѣки Оби, остяки чрезвычайно гордятся и если рыболовство, звѣропромышленность или другія обстоятельства отдалятъ ихъ отъ мѣста жительства въ урманы и другія отдаленныя отъ р. Оби мѣста, то они, хотя съ большимъ трудомъ, уплачиваютъ всю повинность прибрежныхъ остяковъ, не переставая называть себя всюду *Асхо*. Въ заключеніе вообще объ осѣдлыхъ остякахъ можно сказать, что они, не смотря на склонность къ

(*) Береговыя мѣста рѣкъ, покрытыя мелкимъ тальникомъ и затопляемыя весною водой, на которыхъ косятъ сѣно.

пьянству, на праздность, на бѣдность, чрезвычайно уважаютъ чужую собственность. Воровъ и мошенниковъ между ними нѣтъ, на убійства никогда не рѣшаются; и развѣ напившись, хватятъ въ дракѣ другъ друга такъ, что одинъ не встанетъ больше. Березовскіе и обдорскіе купцы сказывали мнѣ, что, везя въ Ирбитъ рухлядь и возвращаясь оттуда съ товарами, они совершенно спокойны при проѣздахъ по остяцкимъ юртамъ и, оставляя возки, уѣзжаютъ въ Березовъ. «Хоть золото разсыпьте—остякъ не тронетъ», говорили купцы.

И всему этому населенію—не предстоитъ никакой будущности! Не по слухамъ, но по собственному наглядному убѣжденію говорю, что грустно, безвыходно положеніе осѣдлыхъ остяковъ, находящихся подъ постоянными надзоромъ чиновничества, и прочею нравственно-растлѣвающею опекою, подъ разорительною кабалою монополистовъ, купцовъ Н....хъ, П.....хъ, Ч....хъ и другихъ, арендующихъ за ничтожную сумму лучшіе пески, выжимающихъ послѣдніе соки за пудъ муки и горсть соли!

Встрѣчая во всѣхъ чумахъ грязь, сырость, крайнюю бѣдность, видя истомленныя лица остяковъ, страдающихъ глазами и пораженныхъ отъ мала до велика сифилисомъ (большая часть дѣтей — вся въ струпьяхъ), придешь невольно къ заключенію, что со временемъ должно само собою сгладиться съ лица земли все это населеніе. Въ 60 лѣтъ населеніе остяковъ въ мужскомъ поколѣніи не многимъ увеличилось, а въ женскомъ значительно уменьшилось. Съ 1790 по 1800 годъ въ Березовскомъ округѣ считалось остяковъ, осѣдлыхъ мужчинъ 10635, женщинъ 10335, а по послѣдней переписи первыхъ 11937, а послѣднихъ 9700.

Тяжело то, что осѣдлые остяки сами не желаютъ лучшаго, не ропщутъ, не заявляютъ своихъ нуждъ, а покорно мирятся съ своей незавидной долею.

Вмѣсто того, чтобы отправлять въ семинарію обучающихся въ березовскомъ уѣздномъ училищѣ самоѣдовъ и остяковъ, гораздо полезнѣе было-бы, по окончаніи гимназическаго курса, образовать изъ нихъ медиковъ, (или на первый разъ хоть фельдшеровъ), а затѣмъ, обезпечивъ приличнымъ содержаніемъ, возвращать на родину, для помощи своимъ единоплеменникамъ.

Миновавъ давно русскія селенія, приближаясь къ Березову и сообразивши все видѣнное мною, я невольно задавалъ себѣ вопросъ: гдѣ же въ какихъ именно селеніяхъ березовскаго округа, — какъ случалось мнѣ читать и слышать,—есть такіе крестьяне, которые будтобы строятъ обширные дома, богато живутъ, носятъ мерлушчатыя шубы, дорогіе кафтаны, развѣшиваютъ звѣриныя шкурки и т. п.?

Ко всему переданному мною о бѣдности березовскихъ крестьянъ и

о средствахъ ихъ къ жизни, прибавлю еще, что постройки у нихъ несравненно бѣднѣе и грязнѣе, чѣмъ въ другихъ округахъ Сибири.

Звѣроловство по Иртышу и Оби, въ мѣстахъ расположенія русскихъ поселеній, весьма плохо; соболей на этомъ пространствѣ, за исключеніемъ приточныхъ рѣчекъ: Ендры, Конды, Сосвы и другихъ, гдѣ нѣтъ русскихъ поселеній, вовсе не водится, лисицъ очень мало. Остяки Котскихъ городковъ взносятъ ясакъ большею частью кормленками, т. е. лисицами, которыхъ они ловятъ весною и лѣтомъ въ гнѣздахъ (норахъ) и, прокормивши, убиваютъ осенью. Наконецъ, если бы и удалось крестьянину достать какую нибудь шкурку, то онъ спрячетъ ее и не станетъ хвастаться, потому что имъ запрещено закономъ заниматься звѣроловствомъ въ урманахъ, состоящихъ исключительно во владѣніи остяковъ. Въ березовскомъ краѣ, за исключеніемъ обдорскаго отдѣленія, обитаемаго бродячими остяками и самоѣдами, составляетъ главную промышленность рыболовство, — а не звѣроловство, какъ многіе заявляли это часто. Помнится еще, что говорили и о христіанскомъ просвѣщеніи остяковъ, о ихъ покорности, преданности начальству и о гостепріимствѣ и радушіи ихъ. Что касается до послѣдняго, остяки не имѣютъ матеріальной возможности быть таковыми, потому что самимъ почти нечего ѣсть, а о нравственности ихъ замѣтимъ слѣдующее: рѣдкая дѣвушка выходитъ замужъ — дѣвой, рабочіе рыбопромышленныхъ судовъ, посадившіе корень сифилиса между инородцами, успѣли давно искоренить цѣломудріе между тамошними женщинами, мужья и братья которыхъ тоже очень не прочь попользоваться на сторонѣ.

Неудивительно было бы, если бы подобныя преувеличенія имѣли мѣсто при описаніи какого нибудь южнаго края, богатаго роскошною природою, населеннаго красивыми обитателями: тутъ можно еще подпасть увлеченію, но странно надѣлять ангельскими качествами жителей далекаго сѣвера и насиловать природу, совсѣмъ не представляющую пищи для воображенія.

По моему убѣжденію, не только не добросовѣстно, но даже преступно скрывать отъ насъ дѣйствительное, настоящее положеніе пустынныхъ отдаленныхъ уголковъ пространнаго отечества и лелѣять кого бы-то ни было увѣреніями о небываломъ благосостояніи тысячъ людей. Необходимо, мнѣ кажется, выставлять наружу недостатки не только рельефно выдающіеся, но даже скрытые подъ спудомъ и не для каждаго осязаемые; необходимо предугадывать, ловить случаи, могущіе быть вредными въ будущемъ. Этимъ возбудишь энергію, стремленіе исправить старое или придумать новое, идти впередъ, а не дремать.

Подъ вліяніемъ этихъ грустныхъ думъ, мнѣ хотѣлось поскорѣе

миновать грязныя жилища остяковъ и спѣшить въ Березовъ. Но спутникъ мой остановился для приготовленія обѣда на англійской паровой кухнѣ. Изящная машина, дѣйствующая паромъ, какъ-то не согласовалась съ грязнымъ чумомъ, въ которомъ отъ угара и отъ зловонія, распространяемаго соленой рыбой, трудно было оставаться продолжительное время.—«Неужели А. В. вы думаете примѣнить къ дѣлу здѣсь эту кухню? не лучше ли въ кастрюлькѣ разогрѣть щи на угляхъ? спросилъ я моего спутника. «А вотъ увидите, черезъ 20 минутъ будетъ обѣдъ готовъ» — отвѣчалъ мнѣ съ озабоченною миною А. В., приправляя фитиль къ лампѣ и наливая спирту. Между тѣмъ фитиль гасъ, 80° спиртъ не горѣлъ, прошелъ часъ времени, а все ничего не выходило, да и трудно было воспламенить спиртъ, который на разстояніи 1000 верстъ былъ подъ тридцатиградуснымъ морозомъ, по милости котораго и всѣ припасы превратились въ камень. Пришлось разогрѣвать обѣдъ на угляхъ.

Поѣвши плотно, особенно послѣ 24 часовъ поста, начинаешь дремать; то же случилось и со мною. Въ дремотѣ мнѣ все мерещился Березовъ.

И дѣйствительно, заблиставшіе на горѣ огоньки, пронзительные крики ямщиковъ, неистовый лай собакъ, возвѣстили приближеніе къ Березову.

II.

БЕРЕЗОВЪ.

Общій видъ города.—Почитаніе русскими и остяками одной и той же мѣстности.—Разъискиваніе древностей; оставшіеся памятники, изустныя преданія.—Могила Остермана.—Уцѣлѣвшія въ архивѣ дѣла о политическихъ преступникахъ, извлеченія изъ этихъ дѣлъ.—Составъ общества; нѣчто о чиновникахъ; мѣстная гастрономія, святочныя увеселенія; открытіе женской школы; нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія; разсказы медика. — Сборы въ Обдорскъ.

Памятный по ссылкѣ знаменитыхъ временщиковъ гор. Березовъ, расположенный на лѣвомъ берегу р. Сосвы, основанъ еще въ 1593 г., но, не смотря на $2^1/_2$ вѣковое существованіе, походитъ скорѣе на деревню. Въ немъ всего три улицы и четвертая береговая, изъ нихъ по двумъ весною и лѣтомъ нѣтъ проѣзда, и можно только пройти по намощеннымъ у заборовъ бревнамъ. Изъ 170 домовъ (*) не болѣе десяти

(*) Въ этомъ числѣ 5 казенныхъ, и сверхъ 170 домовъ 3 казенныхъ подвала, 1 пороховой погребъ, казначейская кладовая и 1 лавка для продажи соли. Жи-

порядочныхъ, въ томъ числѣ два казенныхъ и одинъ общественный, а остальные сѣрые, покривившіеся; на двухъ холмахъ по берегу рѣки, прорѣзываемыхъ протоками, построены казенныя зданія. Городъ скрашивается только двумя каменными церквами, стоящими на живописныхъ и господствующихъ мѣстностяхъ надъ самымъ берегомъ. Съ сѣверо-востока р. Сосва полукругомъ огибаетъ городъ; въ этомъ-то мѣстѣ, на двухъ холмахъ находился прежній городъ. Близь Богородице-Рождественской церкви былъ острогъ, гдѣ содержались Меньшиковы, Долгоруковы; тутъ находилась и построенная иждивеніемъ и личнымъ участіемъ князя Меньшикова церковь, слѣды фундамента которой видны и по настоящее время.

За церковью на самомъ обрывѣ Сосвы, огибающей въ этомъ мѣстѣ городъ полукругомъ, осталось запустѣлое, старое кладбище, многія могилы подмыты водою, другія обрушились въ рѣку. Между покрививпшимися на бокъ, пожелтѣвшими отъ плѣсени крестами, вѣроятно, поближе къ церкви былъ похороненъ князь Данила Меньшиковъ, мѣсто погребенія котораго, не смотря на тщательныя розысканія, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ.

Одни вѣковыя лиственницы, склонившія какъ-то угрюмо вѣтви надъ кладбищемъ, знаютъ, гдѣ именно покоятся останки знаменитаго временщика. Открытая въ 1826 году бывшимъ тобольскимъ губернаторомъ Бантышъ-Каменскимъ могила, судя по величинѣ небольшаго гроба и найденнымъ сверхъ него двумъ маленькимъ дѣтскимъ гробикамъ, есть скорѣе могила дочери Меньшикова, царской невѣсты, вышедшей, по березовскимъ преданіямъ, замужъ за князя Долгорукова. Кромѣ того, могила эта совершенно въ противоположномъ концѣ отъ стараго города и отъ церкви, выстроенной Меньшиковымъ, близь которой онъ былъ, вѣроятно, похороненъ.

Мѣсто около стараго кладбища, на выдавшемся мысѣ, самое живописное; оно открываетъ видъ на Сосву, берега которой, среди океановъ снѣга, украшены вѣчно зеленымъ хвойнымъ лѣсомъ.

Общій видъ города производитъ какое-то уныніе; всюду глыбы снѣгу, бѣдненькіе домики, безжизненность, изрѣдка только пробѣжитъ смѣненный съ караула казакъ въ паркѣ (остяцкомъ верхнемъ костюмѣ) и оленьихъ сапогахъ (пимахъ) съ ружьемъ на плечахъ, провезутъ дрова или воду на собакахъ. При этомъ вѣчные сумерки; солнце, какъ бы боясь морозовъ, только сквозитъ, а не свѣтитъ. Да, дѣйствительно, нельзя было придумать болѣе тяжкаго нравственнаго наказа-

---

телей въ Березовѣ всѣхъ, за исключеніемъ чиновниковъ, 1254 души обоего пола, считая казаковъ, а также остяковъ и самоѣдовъ. Эти послѣдніе находятся въ услуженіи у чиновниковъ и купцовъ.

нія для временщиковъ, —какъ ссылка въ это угрюмое, давящее душу мѣсточко!

Общая глушь, дикость, тоскливость природы придаютъ Березову какъ бы видъ тюрьмы не подъ каменнымъ или деревяннымъ сводомъ, а подъ сѣрымъ, заслоняющимъ солнце небомъ. Невольно отвернешься отъ города и устремишь взглядъ на зеленую полосу лѣса, измѣняющуюся далѣе въ черную и сливающуюся съ горизонтомъ. Одинъ только этотъ мысъ развѣетъ утомленный пустынностью глазъ путешественника.

Мѣсто это чтится русскими и остяками. Вправо отъ кладбища стоитъ ветхая, повалившаяся на бокъ, поддерживаемая подпорками часовенька, съ высокимъ деревяннымъ помостомъ, на которомъ укрѣпленъ крестъ. По какому случаю и когда именно устроена часовня, обновлявшаяся впослѣдствіи нѣсколько разъ, —никто опредѣлительно не знаетъ. Одни говорятъ, что первоначально она выстроена Меньшиковымъ въ честь ангела его дня; другіе утверждаютъ, что подъ нею похороненъ какой-то праведникъ, тѣнь котораго являлась передъ несчастіями, засухами, пожарами и т. п. бѣдствіями; но всѣ очень уважаютъ это мѣсто. При общемъ бѣдствіи и при несчастіи отдѣльныхъ лицъ, березовцы служатъ здѣсь молебны и панихиды, и какъ не извѣстно имя праведника, то къ нему обращаются такъ: *Имя его Ты, Господи, вѣси*! Въ іюнѣ мѣсяцѣ служится здѣсь общая панихида съ молебномъ, въ память того, что въ 20 годахъ, былъ страшный голодъ, хлѣба не привозили въ теченіи полутора мѣсяцевъ, и какъ только березовцы отслужили у часовни молебенъ, то показалась барка съ хлѣбомъ. Вѣра многихъ простирается до того, что взятая у этой часовни, послѣ молебна или панихиды, земля считается спасающею отъ лихорадки и другихъ болѣзней и служащею предохранительнымъ талисманомъ отъ несчастій.

На мысу между Богородице-рождественской церковью и часовней уцѣлѣли корни лиственницъ, существовавшихъ до основанія города и срубленныхъ изъ боязни, чтобы, упавши, онѣ не повредили церкви и часовни. И срубленныя лиственницы, и весь мысъ были очень чтимы инородцами, и здѣсь приносились жертвы. Проплывая мимо этого мѣста по Сосвѣ, остяки, даже и нынѣ, перестаютъ грести веслами и кидаютъ въ рѣку противъ лиственницъ разныя металлическія вещи, особенно серебряныя деньги. Около лиственницъ находили въ землѣ мѣдныя и серебряныя монеты стараго чекана.

Осмотрѣвъ городъ, я отправился за розысканіемъ древностей въ церковь, такъ какъ большею частію въ церквахъ сохранялись въ Россіи старинные памятники. Но Березовъ и въ этомъ отношеніи не можетъ удовлетворить любознательности даже фланера, не говоря уже

о специалистахъ. Въ Рождественской церкви сохранились изъ старыхъ двойныхъ матерій, затканныхъ золотомъ и серебромъ, ризы съ андреевскими звѣздами Меньшикова и Долгорукова. Въ Спасской церкви есть нѣсколько иконъ, принесенныхъ въ даръ, и присланныя въ 1764 году изъ Москвы книги: апостолъ и служебникъ, съ собственноручною на каждомъ подписью княжны Елены Долгоруковой (*), возвращенной изъ Березова и вышедшей въ Москвѣ замужъ за князя Долгорукова же. Но въ подлинности этихъ надписей я сомнѣваюсь и потому, что при сличеніи обѣихъ надписей онѣ оказались не только не схожими между собою по почерку, и даже въ подписи фамиліи на апостолѣ нѣтъ сходныхъ буквъ съ подписью въ служебникѣ.

Еще есть золотой подъ голубою эмалью медальонъ, съ нѣсколькими русыми волосками. Составленная въ 1842 году книга о церковномъ имуществѣ гласитъ, что въ медальонѣ этомъ хранятся волосы княжны Маріи Меньшиковой, взятые по смерти мужемъ ея княземъ Өедоромъ Долгоруковымъ, — который избѣжалъ опалы Бирона, пріѣхалъ въ Березовъ подъ чужимъ именемъ и здѣсь тайно обвѣнчался съ Маріею. Но положительныхъ письменныхъ доказательствъ въ справедливости этого факта нѣтъ нигдѣ.

Изустныхъ преданій тоже не сохранилось; сколько я ни старался расспрашивать старичковъ, начиная отъ чиновниковъ, благочинныхъ и оканчивая казаками и мѣщанами, почти ничего не могъ развѣдать. Меня удивило равнодушіе русскаго человѣка къ историческимъ судьбамъ отечества; пустыя климатическія явленія, проѣзды начальниковъ, бывшія по этому случаю разбирательства, а особенно если сопровождались наказаніемъ, — они помнятъ, а до остальнаго имъ дѣла нѣтъ. О жизни Меньшикова сохранилось только то, что онъ самъ строилъ церковь, часто говорилъ съ народомъ и разъ, сидя на томъ мысѣ, о которомъ выше упомянуто и гдѣ онъ большею частію проводилъ свободное время, сказалъ казаку Михайлову: «вотъ теперь ты сидишь со мной рядомъ и говоришь, а прежде наши вельможи, иностранные принцы и князья платили дорого за то, лишь бы поглядѣть на меня, а каждое слово мое считалось особенною милостью». Вообще же онъ не любилъ говорить о прежней своей славѣ и величіи. О пребываніи Долгоруковыхъ рѣшительно нѣтъ преданій.

Остерманъ счастливѣе Меньшиковыхъ и Долгоруковыхъ.

Надъ могилою Остермана, умершаго въ 1749 году, вдова его по-

(*) «Въ 1764 году, сентября 1 дня. Сію книгу дала вкладу въ церковь Всемилостивѣйшаго Спаса, что въ Сибири въ Березовскомъ острогѣ, на поминовеніе своихъ родителей, преставившихся тамъ. Княгиня Елена, княжъ Алексѣева дочь Долгорукова».

ставила деревянный срубъ, гдѣ служились вначалѣ панихиды и горѣла постоянная лампадка при образѣ. Потомъ одинъ бѣдный причетникъ, съ согласія общества, а вѣроятно и начальства, перенесъ этотъ срубъ къ себѣ во дворъ и сдѣлалъ изъ него амбаръ. Въ 1848 году, когда начальникъ уральской экспедиціи полковникъ Гофманъ былъ въ Березовѣ, то 80-ти лѣтній старикъ, казакъ, указалъ ему мѣсто (въ недальнемъ разстояніи отъ Богородице-рождественской церкви на сѣверозападъ), на которомъ стоялъ сказанный срубъ, гдѣ этотъ старикъ, бывши еще маленькимъ мальчикомъ, игралъ въ пряники и скрывался отъ дождя; онъ говорилъ, что подъ срубомъ похороненъ знаменитый ссыльный изъ нѣмцевъ, ходившій, какъ сказывали ему старики, на костыляхъ. Ударивши шурфъ въ этомъ мѣстѣ, для узнанія на сколько промерзаетъ земля, наткнулись на гробъ,—въ которомъ по многимъ несомнѣннымъ признакамъ дѣйствительно былъ похороненъ Остерманъ, — и поставили черный крестъ съ надписью, огородивъ деревянною рѣшеткою.

Записавши изустныя преданія, я обратился къ архивнымъ дѣламъ. Старыя дѣла земскаго суда и градской полиціи, куда переданы были дѣла воеводской канцеляріи и коммиссарства, сгорѣли,—но описи сохранились. Впрочемъ какъ въ нихъ, такъ и въ уцѣлѣвшихъ дѣлахъ окружнаго суда, которыя восходятъ до 1720 года, — не только нѣтъ никакихъ свѣдѣній о ссылкѣ знатныхъ временщиковъ, но даже имена ихъ не упомянуты ни разу.

О ссылкѣ же въ Березовъ польскихъ плѣнныхъ конфедератовъ дѣла уцѣлѣли.

Въ 1772 году было прислано на житье на баркѣ купца Худякова четыре польскихъ конфедерата, въ главѣ которыхъ Винцентій Мрозовскій, съ выдачею имъ по 3 копѣйки кормовыхъ въ сутки; изъ нихъ двое, крестившіеся въ православную греческую вѣру, были возвращены въ Тобольскъ для поселенія внутри Сибири (*).

Въ 1774 году препровождены были, при ордерѣ сибирскаго генералъ-губернатора Чичерина, на казенномъ суднѣ 35 человѣкъ польскихъ конфедератовъ, намѣревавшихся произвести въ Тобольскѣ бунтъ. По прибытіи этихъ плѣнныхъ въ Березовъ, приказано было распредѣлить ихъ въ казаки и имѣть строгій присмотръ, дабы не могли сдѣлать возмущеніе, въ противномъ же случаѣ поступать съ ними *яко со злодѣями*. Если они пожелаютъ креститься, то выдавать имъ награжденія по 18 руб. сер. Всѣ эти плѣнные помѣщены были въ особомъ зданіи, за строгимъ казачьимъ карауломъ.

(*) Дѣло 1772 г. по описи № 352. О присланныхъ въ г. Березовъ приличившихся по побѣгу за границу польскихъ плѣнныхъ конфедератовъ Вицентіѣ Мрозовскомъ и о прочемъ.

Изъ дѣлъ между прочимъ видно, что ротмистръ Трепсъ, получавшій сначала по 10 коп. въ сутки, развлекалъ себя школьничествомъ: подкрадывался къ банямъ по субботамъ, когда бабы парились, и стрѣлялъ въ окна холостымъ зарядомъ, пугалъ ночью народъ и разъ обругалъ караульнаго казака—шельмою. За всѣ эти продерзости былъ посаженъ въ острогъ, съ выдачею по 3 коп. кормовыхъ. Конфедерату Кличинскому запретили лечить въ Березовѣ, такъ какъ онъ многихъ *уморилъ въ Тобольскѣ*, и повелѣно производить кормовыхъ по 4 коп. въ сутки. Эта сумма была назначена и всѣмъ принявшимъ греческую вѣру, — о чемъ правительство особенно заботилось. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ можно заключить, что надъ конфедератами-католиками, слѣдовательно христіанами, возобновляли таинство крещенія при принятіи ими православія. Въ промеморіи 1773 года сказано: «конфедераты Гродскій и Сургучевскій приведены въ греческую вѣру и во св. крещеніи наречены первый Василіемъ, а второй Іоанномъ. Воспріемникомъ 1-го былъ прапорщикъ Лавриновъ, а 2-го посадскій Власовъ».

Вообще съ плѣнными обращались чрезвычайно строго; не только имъ самимъ приходилось жутко, но кара Чичерина не миновала даже отцовъ, дѣти коихъ сводили дружбу съ ними. Бывшіе въ связи съ поляками дѣвки высылались изъ Березова въ Обдорскъ и въ другія малонаселенныя, отдѣльныя деревушки, каковой участи не избѣгли и родители этихъ несчастныхъ, увлекшихся поляками.

Всѣхъ конфедератовъ съ 1773 по 1774 г. было прислано въ Березовъ около 40 человѣкъ, изъ нихъ 5 человѣкъ, принявшіе греческую вѣру, возвращены вскорѣ въ Тобольскъ, 2 поступили въ казаки, а остальные неизвѣстно гдѣ поселились. Вѣроятно они сдѣлались родоначальниками многихъ поселянъ Березовскаго округа, имѣющихъ нынѣ польскія фамиліи.

Не захотѣвшіе креститься и поступить на службу въ числѣ 8 человѣкъ, въ главѣ которыхъ находился шаловливый ротмистръ Трепсъ, возвращены въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ Тобольскъ.

Секретное дѣло о конфедератахъ закончено высочайшимъ указомъ о дозволеніи польскимъ плѣннымъ поселиться свободно внутри Сибири, съ выдачею воспріявшимъ греческую вѣру единственнаго награжденія по 18 руб. серебр. Указъ этотъ основанъ на докладѣ Чичерина, заявившаго о пользѣ оставленія всѣхъ вообще польскихъ плѣнныхъ конфедератовъ (принявшихъ и не принявшихъ православія) въ Сибири, такъ какъ они свѣдущи *въ разныхъ художествахъ*, которыя могутъ распространить въ краѣ.

Въ 1825 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, по распоряженію тобольскаго губернатора, былъ высланъ безъ суда и слѣдствія изъ Тобольска въ Обдорскъ на житье отставной подканцеляристъ Александръ Тихановъ,

за нетрезвую жизнь и за подозрѣніе въ связяхъ съ ссыльными. Вновь назначенный губернаторъ Бантышъ-Каменскій дозволилъ въ 1826 году Тиханову, вслѣдствіе жалобы его о неимѣніи средствъ къ существованію, возвратиться въ Россію только прямо черезъ Уралъ и Архангельскъ.

Съ 1839 по 1856 г. Березовъ былъ мѣстомъ заключенія политическихъ преступниковъ собственно сибирскихъ, т. е. киргизовъ, большая часть которыхъ была султанскаго происхожденія, — сосланныхъ сюда за участіе въ мятежѣ Кенисары, за сношенія съ невѣрноподданными киргизами и за разбои (баранту).

Отъ покойниковъ и древностей—перейдемъ къ живому, къ настоящему.

Общество г. Березова состоитъ, какъ во всѣхъ почти сибирскихъ городахъ, изъ однихъ чиновниковъ, съ тою только особенностью, что здѣсь благочинное духовенство стоитъ во главѣ народнаго просвѣщенія и премируетъ въ частной и общественной жизни. Мѣстныхъ зажиточныхъ купцовъ очень мало; только одна личность изъ этого сословія да служащіе по откупу появляются среди чиновниковъ. Главные монополисты, держащіе въ своихъ рукахъ промышленность этого края и выжимающіе послѣдніе соки изъ остяковъ, проживаютъ внѣ Березова, а сюда присылаютъ повѣренныхъ своихъ—кулаковъ, рыскающихъ по юртамъ и по кочевьямъ.

Современные вопросы, прогрессивныя новости въ администраціи, въ литературѣ и въ наукахъ, чужды для березовцевъ, да и движеніе слова и мысли затруднительно; пока дойдетъ сюда вѣсть о новости, то она уже состарѣлась даже внутри Сибири. Общество, за исключеніемъ молодыхъ врачей — людей образованныхъ, не обновляется свѣжими личностями, знакомящими съ нынѣшними потребностями и съ обязанностями службы, да на подобныхъ людей и посматриваютъ-то не совсѣмъ дружелюбно.

Собираются между собою очень рѣдко. На званыхъ обѣдахъ и вечерахъ, барыни и барышни (назвать березовскій прекрасный полъ женщинами—право языкъ не поворачивается) отдѣляются отъ мужчинъ и особнякомъ забавляются яствами и сластями, не сказавъ во все время раута ни слова съ мужчинами. Считаютъ-ли березовскія дамы и дѣвицы за грѣхъ, или за нескромность свободно говорить съ мужчинами, — или же, статься можетъ, это происходитъ отъ того, что женамъ, какъ и знающимъ, по понятію нашихъ патріархальныхъ чиновниковъ, супругамъ, неприлично и дерзко показываться предъ лицо высокаго превосходительнаго гостя,—какъ бы то ни было, но во время моихъ посѣщеній березовскихъ раутовъ вмѣстѣ съ А. В. татар-

ская патріархальность царила тамъ во всей силѣ. Читаютъ мало, а книгъ выписываютъ еще меньше.

Незавидно положеніе главнаго таможняго начальника, соединяющаго въ себѣ гражданскую и военную власть. Онъ человѣкъ образованный, очень порядочный, выписываетъ журналы и много читаетъ, но держась системы невмѣшательства въ администраціи, въ общественной и домашней жизни, онъ встрѣчаетъ мало сочувствія и остается почти всегда одинъ, не заявляя себя. Другое дѣло предшественникъ его, грозный маіоръ (какъ говоритъ преданіе); тотъ держалъ себя какъ намѣстникъ: по праздникамъ дѣлалъ выходы, заставлялъ ожидать чиновниковъ въ мундирахъ по часу, вмѣшивался въ увеселенія жителей. Однимъ словомъ, всюду былъ начальникомъ. Можетъ, вамъ, читателю, живущему въ Европѣ, покажется страннымъ подобная заботливость начальства о частной жизни служащихъ въ Азіи! — Но я вамъ, какъ очевидецъ, скажу болѣе: даже въ главномъ городѣ, гдѣ сосредоточены всѣ военные съ густыми эполетами и гражданскіе тузы съ превосходительными титулами, былъ такой обычай, который теперь, благодаря *новымъ перемѣнамъ*, уже миновалъ, — что балы, танцовальные вечера, любительскіе спектакли назначались не тогда, когда общество желало веселиться, а тогда, когда его пр-ству было угодно. Мало этого, намъ незначительнымъ чиновникамъ изъявлялись свыше неудовольствія за то, что мы танцовали съ тѣми, кого ихъ пр—ствамъ не угодно было принимать въ своихъ палатахъ, простирались гоненія и на мужей, жены которыхъ являлись въ черномъ платьѣ на балъ, даваемый въ честь благополучнаго возвращенія ихъ пр—ства. Если владыка не присутствовалъ на разрѣшенномъ имъ вечерѣ, то на другой день ему по тайному докладу явной полиціи было извѣстно, сколько молодежь выпила бутылокъ, за что и получала распеканцію, въ силу которой приказывалось не смѣть кутить, а заниматься дѣломъ... То ли еще бывало, всего не перескажешь! Извините, что я отклонился отъ предмета моего разсказа, но эти факты могутъ служить поясненіемъ разсказа о заботливости нашего начальства о подчиненныхъ.

Всмотрѣвшись поближе и обсудивши хладнокровно существующій порядокъ вещей, не станешь удивляться общественному застою, а тѣмъ болѣе казнить словомъ березовскихъ чиновниковъ и обывателей, какъ дѣлали нѣкоторые губернскіе чиновники, ѣздившіе по порученію и представлявшіе свои замѣтки о березовскомъ краѣ. Содержаніе ничтожное, не превышающее окладовъ внутреннихъ округовъ, между тѣмъ дороговизна, сравнительно съ послѣдними, на всѣ жизненныя потребности — страшная. Мясо привозятъ за 300 и 500 верстъ изъ русскихъ селеній, и то только зимою; овощи родятся только согрѣваемыя въ землѣ, какъ-то: рѣпа, картофель, морковь, а капу-

ста привозится по заказу за 1,000 верстъ и составляетъ гораздо большую рѣдкость, чѣмъ свѣжій виноградъ и яблоки въ декабрѣ и январѣ въ Омскѣ и Тобольскѣ. Подобная матеріальная обстановка, исключая всякую мысль о самомъ незатѣйливомъ комфортѣ, влечетъ за собою бѣдность, заставляетъ постоянно заботиться о насущномъ хлѣбѣ, лишаетъ энергіи къ общественной, служебной дѣятельности. Далѣе, изолированность Березова отъ прочихъ городовъ, затруднительность сообщеній, потому что почта приходитъ и отходитъ одинъ разъ въ двѣ недѣли, но въ весеннее, лѣтнее и осеннее время, по случаю одного водяного сообщенія, когда подымутся вѣтры, опаздываетъ недѣлю и болѣе. По вскрытіи льда березовцы по шести недѣль сидятъ точно въ осадномъ положеніи или словно зачумленные. Всякое сообщеніе прекращается, въ этотъ промежутокъ они не получаютъ вѣстей, не увидятъ сторонняго человѣка, въ довершеніе всѣхъ удовольствій питаются одною рыбою. При этомъ 8-ми мѣсячная суровая зима, въ продолженіе которой трудно отъ постоянныхъ морозовъ высунуть носъ изъ дому, гдѣ съ $1\frac{1}{2}$ часа пополудни уже темно, затворяются ставни и зажигаются свѣчи. Лѣтомъ вода и тундры вокругъ; невозможно даже пройтись и пѣшкомъ за городъ дальше двухъ-трехъ верстъ; такимъ образомъ трудно развлекать себя даже охотою, къ которой многіе чиновники прибѣгаютъ, какъ гигіеническому средству, чтобы размять спину и кости послѣ 6 часоваго сидѣнія на службѣ. Общественныхъ развлеченій никакихъ нѣтъ, да и быть не можетъ. Скажите на милость, чѣмъ разнообразить время кромѣ службы, которая, при нашихъ порядкахъ, черствитъ, огрубитъ человѣка? Читать — но къ этому нужно быть подготовленнымъ; да притомъ не все же мертвая буква, необходимо живое слово, обмѣнъ мыслей, а ихъ нѣтъ...

Одно средство:—обзавестись поскорѣе женой да кучей ребятъ, къ чему и прибѣгаетъ большая часть, особенно изъ сибиряковъ. Но гдѣ и какъ образовать этихъ ребятъ? Не говорю уже о лишеніяхъ, испытываемыхъ земскими чиновниками при разъѣздахъ зимою: по 700 верстъ и болѣе дѣлаютъ концы, только въ одну сторону, на оленяхъ, по кочевьямъ остяковъ и самоѣдовъ; въ теченіе мѣсяца ни разу не отогрѣются, голодаютъ и часто сидятъ безъ хлѣба на одной рыбѣ. Всѣ эти удовольствія за 450 р. сер. въ годъ.

Кто же при такой перспективѣ рѣшится запроаститься въ этотъ край изъ порядочныхъ, образованныхъ людей? Оканчивается тѣмъ, что ѣдетъ или бѣднякъ, который нуждается въ насущномъ кускѣ хлѣба, не спрашивая себя, по его ли головѣ и натурѣ занятая имъ должность, или тотъ, кто лишится мѣста во внутреннемъ округѣ, или, правильнѣе, кого, въ видахъ исправленія и наказанія, переведутъ въ

Березовъ. Послѣдній порядокъ въ большомъ ходу. А мнѣ кажется, что въ березовскомъ краѣ, откуда до главнаго и губернскаго начальствъ слишкомъ далеко, краѣ, населенномъ инородцами, не умѣющими заявлять свои жалобы и нужды, нужны болѣе чѣмъ гдѣ либо гуманные, образованные дѣятели и исполнители.

При настоящемъ же содержаніи и порядкѣ вещей трудно заманить такихъ чиновниковъ. Хотя бы сокращался срокъ на пенсію — и того нѣтъ.

Послѣ всего этого не удивишься, слушая сопровождаемые аппетитнымъ чмоканьемъ губъ и пощелкиваньемъ языка разсказы о томъ, какъ весь аристократическій Березовъ, отправившись на рыбалку, кушаетъ цѣликомъ сырыя, взятыя прямо съ невода, селедки. Зимою самая любимая гастрономическая забава слѣдующая: разстелятъ на полу скатерть, положатъ на нее пудоваго замороженнаго осетра и, усѣвшись вокругъ, отрѣзываютъ по тоненькому ломтику и, обмакнувши въ соль, кушаютъ эту мералятину.

Единственное развлеченіе въ рождественскія святки, для березовцевъ, заключается въ пріемѣ наряженныхъ (какъ называютъ маскированныхъ въ сибирскихъ городахъ, любящихъ эту забаву до страсти) и въ театрѣ, или правильнѣе въ ломаніи комедій солдатиками и казаками.

Канцелярскіе чиновники, мѣщане и казаки упражняются въ маскарадѣ. Обмотаетъ голову бѣлымъ полотенцемъ, подпояшется поверхъ халата шарфомъ, прицѣпитъ форменную шапку и изображаетъ грознаго «турку», шагая въ безмолвіи по комнатамъ. Особенно же любятъ наряжаться въ русскіе костюмы, женщины въ сарафаны, а мужчины въ поддѣвки, въ большомъ ходу также татары и татарки.

Солдатики представляютъ неизмѣнную лодку: сядутъ на полъ, а одинъ станетъ въ качествѣ рулеваго, и затягиваютъ пѣсни, помахивая палками вмѣсто веселъ.

Казачки, придѣлавши къ поясу чучело съ лошадиною головою, завѣшенное большою простынею, и привѣсивъ фальшивыя ноги, обутые въ ботфорты,—маневрируютъ на собственныхъ ногахъ, скрытыхъ подъ тою же простынею, всѣми аллюрами по комнатамъ.

Самые аристократическіе дома открываются въ Сибири для наряженныхъ, между которыми часто появляются лакеи, горничныя и кухарки и интригуютъ своихъ господъ. Въ Березовѣ же чиновники, купцы, выставивши на окнахъ свѣчи, а на столахъ кушанья и питья, и усѣвшись вокругъ стѣны, любуются въ безмолвіи наряженными, у которыхъ вмѣсто масокъ навѣшены платки или куски кисеи, а турки, испанцы и прочіе иноземцы разрисовываютъ собственныя физіономіи пробками и прицѣпляютъ бороды и усы.

На театрѣ, устроенномъ въ ротномъ зданіи казачьяго пѣшаго баталъона (единственнаго воинства во всемъ березовскомъ округѣ), казачки ломали распространеннаго солдатиками по всѣмъ концамъ Россіи—«непокорнаго сына Адольфа», который, когда ведутъ его, по повелѣнію короля Александра, въ темницу, поетъ: «я въ пустыню удаляюсь». Подобной чепухи и безтолковщины, какими наполнена эта траги-комедія, трудно себѣ вообразить; а между тѣмъ *Синадольфъ* (какъ произносятъ солдаты) повторяется всюду, на Кавказѣ, въ Омскѣ и въ Березовѣ, слово въ слово и одинаково безсмысленно.

Въ заключеніе спектакля разъиграли разговоръ армейскаго офицера съ поданными ему на обѣдъ кушаньями (прапорщикомъ Борщовымъ, поручикомъ Поросятниковымъ и проч.) и съ деньщикомъ.

Березовскій театръ напомнилъ мнѣ подобный солдатскій спектакль въ другомъ концѣ Сибири, за 2,400 верстъ на югъ, въ укрѣпленіи Вѣрномъ, гдѣ виноградъ, дикіе абрикосы, яблоки растутъ на открытомъ воздухѣ, и гдѣ мнѣ удалось провести лѣтомъ нѣсколько дней.

Но здѣсь солдаты, сверхъ обыкновеннаго репертуара, разнообразятъ театры сочиненіями собственной фантазіи, которой помогаетъ богатая южная природа. Разосланная заранѣе афиша, въ которой значилась пьеса: «Соль русскаго чиновничества», привлекла на этотъ разъ многихъ посѣтителей изъ начальствующихъ лицъ, какъ называютъ тамъ вообще служащихъ. Хотя здѣсь некстати, но не могу не подѣлиться съ вами, читатель, сюжетомъ и выполненіемъ этой оригинальной фантазіи русскихъ солдатъ. По поднятіи занавѣса, у стола, гдѣ положена была краюха хлѣба и нѣсколько кусочковъ соли, сидѣли въ крестьянскомъ платьѣ мужикъ и баба (конечно солдаты), разговаривая между собою о плохомъ житьѣ и собираясь просить правосудія у чиновника, котораго ожидали и который тутъ же незамедлилъ явиться, едва они сказали нѣсколько словъ. Какъ только показался чиновникъ, мужикъ и баба, упавши къ ногамъ его, жаловались на недостатокъ хлѣба и соли; но чиновникъ, не сказавъ ни слова, началъ задавать потасовку то мужику, то бабѣ и, поколотивши, ушелъ съ важностію. Крестьяне проговариваютъ вслѣдъ чиновнику — *вотъ тѣ соль*, обращаются съ тѣми же словами къ публикѣ и занавѣсъ опускается!...

Какъ хотите, а по моему мнѣнію, здѣсь много смысла и юмору!...

Во время рождественныхъ святокъ въ Березовѣ, среди незатѣйливыхъ развлеченій, было отрадное, настоящее празднество: открытіе женской школы.

Слышавши о ней мелькомъ въ Тобольскѣ и дорогою, я съ нетерпѣ-

ніемъ ожидалъ этого праздника, чтобы узнать, въ какомъ видѣ основывается школа.

Въ одинъ изъ проведенныхъ мною въ Березовѣ вечеровъ, спутникъ мой, возвратясь съ экзаменовъ уѣзднаго училища, обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «Вы, К. Г., не можете себѣ представить, какъ я сегодня утѣшенъ: все готово къ открытію женской школы и она имѣетъ достаточныя собственныя средства; но объ этомъ послѣ поговоримъ, а теперь я скажу вамъ, что самоѣды отвѣчали толковѣе и разумнѣе всѣхъ учениковъ и по всѣмъ предметамъ, особенно изъ ариѳметики. Удивительныя у этихъ мальчиковъ способности, здравый смыслъ и быстрота соображенія; т. е. какъ будто они не вмѣстѣ съ другими учатся». — Куда же они поступятъ изъ училища? нужно же дать имъ дальнѣйшее образованіе, спросилъ я. — «У меня есть предположеніе, чтобы открыть нѣсколько стипендій для остяковъ и самоѣдовъ при Т....й гимназіи и при казанскомъ университетѣ. Но для старшаго изъ сказанныхъ самоѣдовъ ничего не могу сдѣлать. Воспитатель его уже затѣялъ переписку о помѣщеніи его въ семинарію и лѣтомъ увезутъ. А между тѣмъ мальчикъ выказываетъ особенныя способности къ раціональнымъ наукамъ.

Вскорѣ послѣ этого я получилъ пригласительный билетъ къ открытію женской школы.

Въ залѣ уѣзднаго училища собрались всѣ чиновники, почетные граждане (купцы и мѣщане) и жены ихъ. Особенно отрадно было глядѣть на 24-хъ дѣвочекъ, стоявшихъ впереди (будущія ученицы). Дѣти съ любопытствомъ посматривали вокругъ и другъ на друга; предъ глазами ихъ совершалось необыкновенное явленіе: дѣти важныхъ чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ и казаковъ смѣшались вмѣстѣ; прежде первымъ не позволялось видѣться и говорить съ послѣдними, а теперь онѣ всѣ, безъ различія, будутъ рядомъ сидѣть и учиться вмѣстѣ. Изъ прочитаннаго отчета о суммахъ и о разрѣшеніи начальства на открытіе школы я узналъ, что къ основанію женской школы березовцы не были побуждаемы ни воззваніями начальства, ни понудительно-пригласительными подписками къ добровольнымъ пожертвованіямъ, ни гуманною заботливостію женъ высшихъ міра чиновническаго (какъ во многихъ городахъ хлопотали жены ихъ пр—ствъ изъ желанія прославить свою гуманность въ газетахъ); они взялись за дѣло вслѣдствіе собственнаго сознанія, порожденнаго духомъ времени.

Найдя необходимымъ обучать грамотѣ не только сыновей, но и дочерей, березовцы, потолковавъ между собою, собрали значительную сумму на первоначальное устройство и, обязавшись взносить ежегодную плату, обратились къ начальству съ требованіемъ объ офи-

ціальномъ признаніи женской школы, гдѣ до открытія ея уже обучали дѣтей. При такихъ зачаткахъ школа эта конечно не падетъ, а принесетъ несомнѣнную пользу, и для дальнѣйшаго развитія ея, право, не нужно опеки и особенной заботливости начальства.

Къ осуществленію благаго начинанія много содѣйствовалъ тотъ же благородный, тихій П...И....Г...цъ, о которомъ я говорилъ выше. Получая всего 1000 р. сер. содержанія, онъ обязался ежегодно взносить по 100 р. с., не смотря на единовременное значительное пожертвованіе. Семейные люди въ открытіи школы видѣли личный интересъ, — а онъ, человѣкъ одинокій, не имѣющій другихъ средствъ, кромѣ содержанія по должности, и не подстрекаемый никакимъ личнымъ интересомъ, помогъ очень значительно березовцамъ, единственно въ видахъ общей пользы и по свойственной каждому порядочному человѣку гуманности.

Въ устройствѣ школы принимала дѣятельное участіе жена законоучителя, принесшая нѣкоторую лепту изъ своихъ достатковъ и принявшая на себя, по выбору общества, обязанность попечительницы. Учители уѣзднаго училища обязались безвозмездно обучать и преподавать въ школѣ.

Надо было видѣть, съ какою готовностью жены чиновниковъ и гражданъ, при открытіи школы, приносили пожертвованія матеріями, коленкоромъ, холстомъ и прочими необходимыми для женскихъ работъ вещами. Положимъ, лепта ихъ была недорога по цѣнности, но какъ поданная отъ чистаго сердца, отъ проявляющагося безъ сторонняго вмѣшательства желанія помочь по силамъ, она заключаетъ въ себѣ много залоговъ къ прочному будущему. По окончаніи обычныхъ обрядностей, почтеннымъ гостемъ сказано было нѣсколько словъ о необходимости образованія дѣвочекъ, какъ будущихъ матерей, и о поднятомъ вопросѣ о значеніи женщины въ гражданскомъ обществѣ! Этотъ спичъ, не говоря объ его новизнѣ для березовцевъ, имѣлъ свои послѣдствія и взволновалъ тихую жизнь березовцевъ... Въ тотъ же день нѣкоторыя изъ женъ, какъ я узналъ, на грубыя, деспотическія требованія мужей отвѣчали: ты чего кричишь? ты слыхалъ, что *генералъ* говоритъ: я не хуже тебя, не раба, а ровная тебѣ; я мать нашихъ дѣтей, хозяйка дома, блюстительница домашнихъ интересовъ, и прочее.

Въ заключеніе о Березовѣ сообщу вамъ, читатель, нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о жителяхъ края, которыя вы можете пропустить, если онѣ васъ не интересуютъ, и которыми я хочу пополнить пробѣлъ о древностяхъ, неоказавшихся въ наличности, какъ говорятъ чиновники.

Русскихъ крестьянъ въ березовскомъ краѣ, по послѣдней ревизіи,

считается 1853 души обоего пола. Въ этомъ числѣ есть болѣе ста человѣкъ поселенцовъ, которыхъ не слѣдовало бы ссылать въ смежныя съ остяцкими юртами мѣста. Люди эти, — большею частію воришки, мошенники, изучившіе всѣ лазейки къ избавленію себя отъ наказанія и къ навлеченію одного *подозрѣнія* по нѣсколькимъ преступленіямъ, — придя на мѣсто, стремятся не къ честному труду, а пробавляются кражами и мошенничествомъ. До ссылки ихъ рѣшительно не было воровства между остяками, а теперь годъ отъ году случаи учащаются, и со временемъ поселенцы непремѣнно ознакомятъ инородцевъ съ легкимъ способомъ жить на счетъ другихъ, оставаясь въ праздности и тунеядствѣ. Часто приходили молодые, здоровые поселенцы съ жалобою на невыдачу хлѣба и на запрещеніе отлучекъ въ другіе округа.

— Вѣдь вы одиноки, здоровы, какъ же вамъ не стыдно въ теченіе лѣта и осени не заработать себѣ хлѣба на зиму, чѣмъ же вы занимаетесь? спрашивалъ я многихъ изъ нихъ.

— Да чѣмъ — ничѣмъ; хлѣбъ не родится; ремесломъ заняться не возможно, а къ здѣшнему труду мы не привычны. Лодки душегубки, снасти рыболовныя плохи, не умѣемъ съ ними обращаться, отвѣчали мнѣ.

— Такъ пріучайтесь, поступайте сначала въ работники, а со временемъ сами хозяевами сдѣлаетесь.

— Нѣтъ повторяли поселенцы: — намъ жизнь наша не надоѣла еще; лучше подъ плѣти идти, чѣмъ промышлять на здѣшнихъ снастяхъ; того и гляди, утонешь; мы не чета здѣшнему народу, — то сибиряки или орда, а мы *россейскіе*.

Чего же можно ожидать отъ поселенцовъ при подобныхъ свойствахъ? конечно, одного развращенія инородцевъ, между которыми они уже иныряютъ и подговариваютъ къ кражамъ. Хорошо еще, что они не пробрались за Березовъ и въ Обдорскъ.

Всѣхъ инородцевъ въ березовскомъ краѣ (остяковъ и самоѣдовъ) считается по 10-й ревизіи 11937 мужчинъ и до 9700 женщинъ; не смотря на разбросанность ихъ на огромномъ пространствѣ отъ Урала до Туруханскаго края въ ширину, и отъ слiянія Иртыша съ Обью до Ледовитаго океана въ длину, и на дешевыя казенныя цѣны, сравнительно съ вольными, на пушнаго звѣря, инородцы аккуратно вносятъ ясакъ и частныя повинности (*). Ясаками обложены не всѣ вошедшіе

(*) Соболь перваго сорта принимается въ 4 р. 50 к., котораго дешевле 12 р. 50 к. невозможно купить, а высшаго сорта въ 7 р. сер., который продается за 20 р. с. и болѣе. Вообще березовскіе соболи ниже всѣхъ добываемыхъ въ другихъ мѣстахъ, какъ Западной, такъ и Восточной Сибири: они рыжеваты, не очень пушисты и называются масляниками.

въ перепись инородцы, а только взрослые; старики же и дѣти освобождаются; на мѣсто умершаго поступаетъ сынъ или внукъ. Но честность ихъ простирается до такой степени, что если подрастаетъ въ семействѣ работникъ и изъ ясачныхъ никто не убылъ, то бродячіе остяки и самоѣды сами, безъ требованія, вносятъ лишній противъ положенія ясакъ. Недоимокъ нѣтъ, а напротивъ составился запасный инородческій капиталъ до 40,000 руб. сер.

При Екатеринѣ II остяки и инородцы обложены были извѣстнымъ количествомъ опредѣленнаго звѣря по волостямъ. Впослѣдствіи, по исчезновеніи нѣкоторыхъ породъ звѣрей, напримѣръ, бобровъ; такое распредѣленіе ясака сдѣлалось обременительнымъ для остяковъ. И въ 1825—27 г. составлены особою коммиссіею новыя правила о взносѣ ясака, съ дозволеніемъ осѣдлымъ инородцамъ уплачивать частныя повинности деньгами и мелкими звѣрями: бѣлкой, песцовыми лапами, неплюями (оленьями шкурками).

Въ послѣднія 60 лѣтъ, такъ называемые дорогіе звѣри чрезвычайно уменьшились. Въ 1800 году было внесено въ ясакъ соболей 776, а съ 1850 по 1860 годъ всего 843; соболь преимущественно водится въ Котской волости, по р. Ендрѣ, Кандѣ, Кандушкѣ и прочимъ протокамъ; болѣе двухъ третей означеннаго количества постоянно доставлялось изъ Котскихъ городковъ, гдѣ даже въ 50-хъ годахъ ловили по 60-ти соболей, но въ 1861 г. всего представлено около 20-ти шкурокъ.

Бобровъ же, еще съ 1800 году, положено было въ ясакъ 81, а выдръ 64; въ послѣдніе же 10 лѣтъ не поймано ни одного бобра, и молодое поколѣніе инородцевъ даже не видѣло уже этого звѣря; выдръ представлено было всего 29. Черныхъ лисицъ, сдѣлавшихся величайшею рѣдкостью, ловятъ по одной и по двѣ, и то не каждый годъ; чернобурыя тоже переводятся; ежегодный взносъ, какъ этихъ лисицъ, такъ и крестоватиковъ, простирается отъ 20 до 30 (*).

Порода простыхъ лисицъ, т. е. сиводушекъ и бѣлодушекъ, не перевелась. Съ 1850 — 60 г. простыхъ лисицъ вносилось въ ясакъ ежегодно отъ 300 до 400, изъ числа коихъ большая половина (почти двѣ трети) по Обдорскому отдѣленію, куда причислены бродячіе остяки и самоѣды (**).

(*) Крестоватикъ, средняя порода между чернобурою и сиводушкою; она темно-рыжая съ бурымъ по спинѣ крестомъ; крупъ, заднія ноги и хвостъ съ просѣдью.

(**) Все сказанное мною здѣсь о звѣроловствѣ не относится къ Сургутскому отдѣленію, откуда ясакъ по сборѣ отсылается прямо въ тобольское казначейство, и въ березовскомъ земскомъ судѣ нѣтъ объ этомъ ясакѣ подробныхъ свѣдѣній.

Добыча извѣстной породы звѣря не обусловливается ни мѣстностью, ни способомъ ловли; все зависитъ отъ случайности. Инородецъ, ставя капканы и сѣти на лисицу, не можетъ разсчитывать именно на этого звѣря, чаще попадаетъ заяцъ, а въ обдорскихъ тундрахъ песецъ. Иногда случается на оборотъ: въ приготовленныя для зайцевъ сѣти заманивается ускользающая отъ капкановъ лисица. При мнѣ былъ случай: одинъ бѣдный остякъ, Казымской волости, почти нищій, отплачивавшійся за взносъ за него ясака личными услугами, нашелъ въ заячьемъ капканѣ совершенно черную лисицу съ маленькою просѣдью на хвостѣ, которая мѣстною коммиссіею оцѣнена въ 80 руб. сереб. Примѣръ неслыханный! И дѣйствительно, подобной лисицы даже березовцы никогда не видывали—она черная, какъ смоль, и необыкновенно пушиста. Самоѣдскіе старшины, къ которымъ на показъ, какъ рѣдкость, привозили ее въ Обдорскъ, сказывали, что имъ никогда не случалось видывать такого звѣря.

Собственно же количество улова звѣря зависитъ отъ многоснѣжности и малоснѣжности зимы. Если зима многоснѣжна и ранняя, то уловъ плохой, потому что собаки проваливаются и не въ силахъ гонять соболей, а лисицы рѣдко выходятъ въ открытыя мѣста, къ норамъ же ихъ трудно добраться. Вообще въ подобную зиму звѣрь, оставляя прежнее свое обиталище, скрывается у самыхъ отдаленныхъ протоковъ и въ непроходимыхъ мѣстахъ. По замѣчаніямъ инородцевъ, многоснѣжная зима обѣщаетъ хорошій уловъ на будущій годъ; да это и очень естественно: молодые звѣри, спасенные отъ капкановъ и собакъ, конечно, принесутъ къ будущей осени приплодъ.

Остяки березовскаго отдѣленія занимаются звѣроловствомъ не ради удали, свойственной дикимъ племенамъ, не ради выгодъ, а ради одной необходимости въ уплатѣ ясака. Впрочемъ, у сосвинскихъ и назымскихъ остяковъ бываютъ остатки. Главная промышленность березовскихъ остяковъ рыболовство, которымъ они въ большихъ размѣрахъ также не занимаются.

Оставляемые безъ надзора старшинъ, бродя по урманамъ за звѣремъ и по протокамъ за рыбою, остяки, казалось бы, должны имѣть между собою непріязненныя столкновенія и ссоры, однимъ словомъ, легко ожидать частыхъ преступленій при ихъ дикости, неразвитости. Между тѣмъ, остяки щадятъ жизнь другаго и не посягаютъ на чужую собственность. Инстинктивное ли сознаніе о безнравственности убійства и воровства, или боязнь подвергнуться наказанію останавливаютъ ихъ отъ этихъ важныхъ преступленій, не знаю навѣрно; но криминальныя преступленія здѣсь рѣдки.

По собраннымъ мною въ березовскомъ окружномъ судѣ свѣдѣніямъ, оказалось, что съ 1830 по 1862 годъ были признаны виновны-

ми въ уголовныхъ преступленіяхъ и осуждены всего 21 человѣкъ (*), изъ числа которыхъ 13 человѣкъ судились за убійство и за растлѣніе, 4 за угонъ вооруженною рукою оленей, 2 за кражу оленей и 2 за кражу и корчемство.

Эта ничтожная за 30 лѣтъ цифра много говоритъ о нравственной сторонѣ инородцевъ.

Не мѣшало бы устроить въ Березовѣ особое помѣщеніе для заключенныхъ, которые содержатся нынѣ въ зданіи полиціи, въ низенькомъ сыромъ строеніи, куда входъ прямо съ улицы въ просторную комнату, въ которой помѣщается военный караулъ; на право небольшая комната для подсудимыхъ остяковъ и инородцевъ, а на лѣво конурка въ нѣсколько шаговъ для привиллегированныхъ преступниковъ. Содержаніе въ этомъ, душномъ, сыромъ, грязномъ зданіи гораздо тяжелѣе, какъ мнѣ кажется, каторжной работы.

Общія свойства остяковъ—безпечность, запуганность и крайняя незаботливотть о себѣ. Появленіе эпидемій производитъ страшную смертность отъ неряшества и отъ боязни оставаться вмѣстѣ съ больными, которыхъ бросаютъ въ особыхъ юртахъ безъ всякаго присмотра.

Отъ бывшаго въ 1855 года въ Обдорскомъ отдѣленіи кровянаго тифа умерло въ теченіи 3 мѣсяцевъ 1270 изъ 1752 больныхъ, а въ Кандинскихъ волостяхъ 53 изъ 64.

Послѣ этой эпидеміи присылаются ежегодно къ кандинскому архимандриту общеупотребительныя, народныя лекарства, отъ которыхъ инородцы не отказываются.

Замѣтивъ дорогою у остяковъ, особенно у женщинъ глазную болѣзнь, которую я относилъ къ постоянному ѣдкому дыму, распространяющемуся отъ чуваловъ, я обратился за разъясненіями къ тамошнему медику. Замѣчу мимоходомъ, что на весь березовскій край, это огромное пространство, и на городъ положено по штату только три медика. Березовскій врачъ, человѣкъ молодой, съ любовью и энергіей занимающійся своимъ дѣломъ, объяснилъ мнѣ, что глазныя болѣзни представляютъ третій періодъ сифилиса, вкоренившагося и распространившагося между остяками въ высшей степени. У дѣтей сифилисъ проявляется струпьями по тѣлу, преимущественно на головѣ, у взрослыхъ ранами по лицу и по тѣлу (дѣйствительно остяки гнусятъ и имѣютъ только признаки носа) и пораженіемъ глазныхъ оболочекъ, у стариковъ ломотою въ костяхъ и тоже глазною болѣзнію. Хотя медику, какъ спеціалисту, болѣе извѣстно это обстоятельство, но я все остаюсь при томъ убѣжденіи, что къ распространенію глазныхъ бо-

(*) Въ этой цифрѣ заключаются остяки и самоѣды и жены ихъ.

лѣзней много способствуетъ постоянный дымъ, наполняющій чумы осѣдлыхъ остяковъ. Предположеніе мое еще подтверждается тѣмъ, что женщины, оставаясь почти все время дома, страдаютъ и глазною болѣзнію гораздо въ большой степени чѣмъ мужчины, которые, отлучаясь на цѣлыя недѣли и дни изъ дому, избавляются отъ дыму, выѣдающаго глаза. Полагаю, что эта собственно причина заставляетъ остяковъ сидѣть въ чумѣ въ набросанныхъ на голову покрывалахъ и опускать ихъ ниже носа при приближеніи къ затопленному чувалу.

Знакомый мой докторъ сообщилъ мнѣ, что инородцы не пренебрегаютъ наружными средствами и вѣрятъ имъ, охотно прикладывая примочки къ глазамъ и мази къ ранамъ, но въ лекарства, принимаемыя во внутрь, не вѣрятъ.

Въ существующую въ Березовѣ для инородцевъ больницу остяки начинаютъ являться сами для леченія, а прежде нужно было ихъ отправлять почти силою. Самоѣды же неохотно идутъ къ русскимъ врачамъ, а въ больницу и не заманишь. Инородцы, находясь въ больницѣ, безропотно подчиняются всѣмъ правиламъ въ отношеніи діэты и леченія, сносятъ терпѣливо самыя сильныя страданія, но къ одному не могутъ привыкнуть: къ ежедневному умыванію лица и рукъ. — У меня въ больницѣ, говорилъ тотъ же медикъ, есть теперь инородецъ съ отмороженными ногами, пораженными гангреною. Онъ терпѣливо переноситъ перевязки, примочки, очищеніе матеріи, не сморщится даже при всѣхъ этихъ операціяхъ, но когда увидитъ приготовленный для умыванія тазъ, воду и полотенце на плечахъ служителя, начинаетъ охать, вздыхать, долго собирается какъ-бы съ силами, умывшись же поспѣшно, лежитъ нѣсколько минутъ, дыша тяжело, утомленно, будто бы послѣ какого нибудь важнаго подвига.

Мнѣ кажется, умываніе пугаетъ ихъ отъ ожиданія боли при вытираніи лица, которое закандинскіе и бродячіе остяки, а равно самоѣды вытираютъ стружками изъ тальнику. Съ холщевыми полотенцами они не знакомы. Какъ бы ни загрубѣла на лицѣ кожа, все же она страдаетъ при вытираніи древесными стружками, которыя могутъ произвести занозу, особенно если попадутъ въ больной глазъ.

Къ 1 январю каждаго года прикочевываютъ самоѣдскія ватаги къ Обдорску (самому послѣднему въ Западной Сибири населенному сѣверному пункту), для взноса ясака и для закупки всего необходимаго по ихъ быту на цѣлый годъ.

Хотя мнѣ предстояло увидѣть много новаго и оригинальнаго, но я призадумался о поѣздкѣ въ Обдорскъ; 380 верстъ проѣхать на оленяхъ и притомъ станціи по 80 верстъ—дѣло не легкое, а особенно безъ опредѣленной цѣли, изъ одной любознательности: пожалуй

замерзнешь, и ужь навѣрное отморозишь носъ, руки и ноги, если хватитъ морозъ градусовъ въ 40. . . . . . .

Между тѣмъ начали показываться по улицамъ Березова остяки на тройкахъ и парахъ лихихъ оленей, въ маленькихъ нартахъ (*). Но оригинальность поѣздки меня соблазнила. Желая доставить себѣ какое-нибудь святочное развлеченіе, а главное, любопытствуя познакомиться съ этой ѣздой, мы отправились за городъ на двухъ большихъ нартахъ, изъ которыхъ въ одну была впряжена тройка, а въ другую четверка украшенныхъ вѣтвистыми рогами оленей. Первый дебютъ былъ неудаченъ: на одномъ пригоркѣ возница не успѣлъ соскочить, чтобы придержать нарту, и всѣ сидѣвшіе кубаремъ перекувырнулись нѣсколько разъ. Ну, подумалъ я, милое развлеченіе предстоитъ. Потомъ наши олени нѣсколько разъ свертывали въ сторону и, остановившись въ сугробахъ, преспокойно хватали снѣгъ; при этихъ маневрахъ остякъ вставалъ и тащилъ на дорогу лѣваго оленя, у котораго привязанъ ко лбу и рогамъ ремень, понукая другихъ длиннымъ шестомъ. Неудачная первая попытка разочаровала меня въ ѣздѣ на оленяхъ. Какимъ же образомъ, спрашивалъ я, возможна ѣзда на продолжительномъ разстояніи, когда на трехъ верстахъ пристаютъ олени, которыми за исключеніемъ лѣваго не управляютъ, и они бѣгутъ по произволу: вѣдь пожалуй поволокутъ чортъ знаетъ куда? — Увидите, какъ отлично прокатитесь до Обдорска; эти олени не привычны, да и тяжело: васъ сидитъ трое, а на нартахъ сидятъ по одному и рѣдко по два. Одно нехорошо: вы поѣдете въ крытой нартѣ и вамъ нужно будетъ лежать всю дорогу.—По возвращеніи съ прогулки, первымъ дѣломъ моимъ было осмотрѣть приготовленную для меня нарту, и я увидѣлъ длинный, узкій, обитый холстомъ, на полозьяхъ ящикъ, точь въ точь такой, въ какихъ въ Россіи возятъ звѣрей, а въ Малороссіи выписываемыхъ изъ Саксоніи барановъ.—Пощадите меня, какъ же сюда влѣзать и какъ тутъ сидѣть? вѣдь задохнешься! Подошедши ближе, я замѣтилъ маленькія окошечки по бокамъ въ головахъ, а съ лѣвой стороны доска до половины вдвигалась внутрь и задвигалась, если нужно закрыть. Влѣзши въ это отверстіе, вытянешься во

(*) Въ тоненькіе, совершенно паралельные между собою и перпендикулярные къ землѣ полозья (которые вверху нѣсколько шире) укрѣплены въ 8 вершковъ вышины копылья, къ которымъ придѣлана доска для сидѣнія и для склада припасовъ. Уложивши, что нужно, на эти доски, нарту закрываютъ оленьими шкурками и остякъ сидитъ бокомъ свѣся ноги, съ лѣвой стороны, правой рукой онъ правитъ лѣвымъ передовымъ оленемъ, а въ лѣвой рукѣ держитъ длинный (въ сажень и болѣе) шестъ, съ остріемъ внизу, тупымъ концомъ котораго погоняетъ оленей, а острымъ вонзаетъ въ снѣгъ, если нужно остановиться, привязывая къ шесту возжину.

всю длину, задвинутъ дверцы, и вы должны лежать на одномъ боку всю станцію.—Нечего дѣлать, поѣду; по крайней мѣрѣ принаровлюсь, какъ удобнѣе будетъ со временемъ лежать въ гробу, который напоминала обитая внутри чернымъ сукномъ моя нарта.

Вечеромъ начались сборы. А. В. укладывалъ погребецъ и заботился о дорожномъ мѣшкѣ, въ которомъ нужно было уложить всѣ мои вещи, потому что кромѣ погребца на одну и мѣшка на другую нарту, нельзя было ничего больше брать; между тѣмъ я позаботился о предохранительныхъ средствахъ отъ холода: сталъ разводить спиртъ сарептскимъ бальзамомъ.

— Что же вы, К. Г., не укладываете вещей и не собираетесь?

— Помилуйте, я занимаюсь самымъ важнымъ дѣломъ!

— Какимъ—лежаньемъ?

— Извините; разбавляю спиртъ.

— Вотъ нашли занятіе, къ чему этотъ спиртъ? Кромѣ чаю, да рому къ нему ничего не нужно, гдѣ тамъ возиться въ дорогѣ съ закусками, да обѣдами?

— Нѣтъ, слуга покорный, А. В., съ вашею желудочною водкою далеко не уѣдешь при 30-градусномъ морозѣ. Замерзнешь, а обогрѣться негдѣ.

— Вы бы лучше позаботились о тепломъ платьѣ; въ чемъ вы поѣдете?

— А въ томъ, въ чемъ сюда ѣхалъ: въ мерлушчатомъ пальто, да въ ягѣ сверху.

— Развѣ малицы и парки не достали? Какъ же вы раньше не позаботились? Мало того, что опять простудитесь, да еще завтра меня задержите.

А. В. доставилъ мнѣ возможность увидѣть все то, что я разсказалъ вамъ, читатель, и что сообщу еще объ Обдорскѣ: почтенный старикъ заботился рѣшительно обо всемъ, а на мнѣ лежала одна обязанность — приготовлять ему чай. Кажется, трудъ не великъ, но я по свойственной мнѣ, какъ малороссу, благородной лѣни, постарался встать въ день отъѣзда тогда, когда уже А. В. напился чаю.

Впряженные въ нарты, олени звенѣли колокольчиками, которые остяки ухитрились прицѣпить къ рогамъ. Вещи были всѣ уложены.

Спутникъ нашъ, добрый П. И., былъ готовъ совсѣмъ. Начали меня распекать и торопить. Наконецъ и я собрался! П. И. взгромоздился на открытую нарту, одѣвшись въ полный остяцкій костюмъ, а мы влѣзли каждый въ свою будку и поскакали за нимъ въ Обдорскъ.

К. ГУБАРЕВЪ.

НОВЫЯ ОСНОВАНІЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА.

I.

Множество преобразованій, готовящихся слѣдовать одно за другимъ, заставляетъ насъ вѣрить въ возможность быстраго и кореннаго обновленія нашего отечества. Одинъ перечень ожидаемыхъ реформъ ясно показываетъ, что всѣ онѣ касаются самыхъ важныхъ сторонъ нашей общественной жизни. Учрежденіе независимаго, гласнаго и публичнаго суда, преобразованіе податной системы, учрежденіе мѣстныхъ представительныхъ собраній для завѣдыванія дѣлами земства— все это, вмѣстѣ взятое, по видимому, способно измѣнить не только лице всей русской земли, но даже и внутреннее ея содержаніе. Въ самомъ дѣлѣ, есть надъ чѣмъ призадуматься и замечтаться. Стоитъ только вспомнить, что дѣйствіе происходитъ въ странѣ, въ которой всѣ отправленія общественной жизни были взяты въ опеку; гдѣ правосудіе совершалось въ непроницаемой тайнѣ, а злоупотребленія должностныхъ лицъ сдѣлались общимъ правиломъ; наконецъ въ такой странѣ, гдѣ незначительное меньшинство, пользовавшееся наиболѣе выгодами общественнаго порядка, жило на счетъ остальнаго безправнаго народонаселенія. И вдругъ, въ этой самой странѣ, появляется независимый и гласный судъ со всѣми необходимыми гарантіями правосудія, въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ благоустроеннѣйшихъ свободныхъ государствахъ, созидается мѣстное представительство отъ всѣхъ классовъ народа, и тяжесть государственныхъ расходовъ распредѣляется равномѣрно между всѣми гражданами по имуществу. Кажется, что эти реформы кладутъ между нашимъ прошед-

шимъ и будущимъ такую бездонную пропасть, черезъ которую не перешагнетъ прежній произволъ съ его старинными злоупотребленіями. И все это является внезапно, въ ту самую минуту, когда наименѣе можно было думать о подобныхъ нововведеніяхъ!

Казалось бы, что всѣ эти обстоятельства должны были вырвать всеобщій необузданный восторгъ. Читая извѣщенія объ этихъ реформахъ, мы ожидали большихъ увлеченій. Между тѣмъ, послѣ этихъ объявленій прошло уже болѣе трехъ мѣсяцевъ, и ничего подобнаго не произошло. Журналы отозвались о нихъ съ большимъ или меньшимъ сочувствіемъ, но безъ всякихъ признаковъ увлеченія, а вообще такъ, какъ говорится по поводу обыкновенныхъ утѣшительныхъ явленій. Что же касается до общества, то оно приняло извѣстіе объ этихъ преобразованіяхъ довольно холодно. Нельзя сказать, чтобы эти реформы его не порадовали, но при всемъ томъ не было замѣтно и слѣдовъ того необузданнаго восторга, который вызывался прежде извѣстіями о другихъ менѣе важныхъ улучшеніяхъ нашего общественнаго быта, какъ напр. о дозволеніи ѣздить за границу, о снятіи шлагбаумовъ и т. п. Мы уже не говоримъ о томъ неистовомъ увлеченіи, съ которымъ было встрѣчено первое извѣстіе о крестьянской реформѣ. Такія явленія не повторяются. Онѣ могли быть вызваны только первою коренною реформою, уничтожавшею несправедливыя стѣсненія большей массы народонаселенія въ пользованіи неотъемлемыми человѣческими правами. Но во всякомъ случаѣ новыя преобразованія, по видимому, на столько важны для нашего общественнаго развитія, что могли бы расчитывать на болѣе радушный пріемъ со стороны нашего образованнаго общества. Откуда же явилась эта необычайная холодность и гдѣ кроются ея настоящія причины? Подозрѣвать наше общество въ равнодушіи къ собственнымъ его интересамъ нѣтъ никакой возможности, ибо мы видимъ, что преобразованія, даже имѣющія несравненно меньшую важность, внимательно обсуживались во всѣхъ кружкахъ, и что толки о нихъ не прекращаются и до настоящаго времени. Предположить, что эта холодность происходитъ отъ непониманія новыхъ началъ, вносимыхъ въ русскую жизнь, также нельзя, ибо наше образованное общество давно уже сознало важность предпринимаемыхъ реформъ. Необходимость ихъ заявлялась не только въ литературѣ, но даже и въ нѣкоторыхъ сословныхъ собраніяхъ. Такимъ образомъ, эти преобразованія не представляются предметами, о которыхъ наше общество не имѣетъ понятія. Все это заставляетъ думать, что пріемъ, сдѣланный публикою новымъ реформамъ, не можетъ объясняться ея равнодушіемъ или невѣжествомъ.

Гдѣ же искать причины такого страннаго явленія? Отчего мы,

еще такъ недавно приходившіе въ восторгъ отъ нововведеній, не имѣвшихъ, по видимому, и сотой доли того значенія, остается неподвижными при обнародованіи новыхъ началъ судопроизводства, о которыхъ мы незадолго передъ тѣмъ не смѣли и мечтать? Кажется, что всѣ наши лучшія надежды осуществляются въ дѣйствительности самымъ блестящимъ образомъ. Мы желали строгаго раздѣленія властей, уничтоженія сословныхъ судовъ, учрежденія общаго, независимаго и гласнаго суда съ участіемъ присяжныхъ и самостоятельною адвокатурой. Все это принято законодательнымъ порядкомъ, возведено на степень основныхъ началъ и готово къ осуществленію въ самомъ непродолжительномъ времени. По видимому, не далѣе, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, у насъ водворится полное владычество закона, а между тѣмъ мы совершенно спокойны. Въ самомъ дѣлѣ, отчего происходитъ такая необычайная сдержанность?

Мы, съ своей стороны, находимъ это явленіе весьма простымъ и естественнымъ и думаемъ, что оно совершенно объясняется слѣдующими изреченіями, находящимися въ одномъ старомъ учебникѣ психической антропологіи:

«Такъ какъ на надежду имѣетъ весьма великое вліяніе вообра-«женіе, то она легко выступаетъ за предѣлы возможнаго, особенно «когда касается чего либо еще неопредѣленнаго. Отъ того-то часто са-«мое полученіе ожиданнаго блага не удовлетворяетъ насъ, ожиданіе «же блага исполняетъ душу радостію большею, нежели какую ощу-«щаешь, имѣя то благо дѣйствительно».

«Радостное чувство, составляющее надежду, можетъ, хотя не всег-«да, возрастать до сотрясенія, затемнять въ умѣ память нашихъ отно-«шеній, и затруднять разумѣніе, какой образъ дѣйствованія приличенъ «при настоящемъ желаніи.

«Тѣ заключенія, которыя, по обстоятельствамъ настоящимъ, дѣ-«лаемъ мы объ извѣстныхъ событіяхъ въ будущемъ, мы не всегда «сознаемъ ясно; чаще мы имѣемъ въ себѣ только темное чувство со-«держанія сихъ заключеній. Такое темное чувство называется пред-«чувствіемъ будущаго».

Когда еще только начинались первыя реформы, мы съ дѣтскимъ простодушіемъ воображали, что онѣ могутъ въ одинъ мигъ измѣнить самыя основы нашего быта. Малѣйшее улучшеніе подавало намъ огромныя надежды. Мы вѣрили въ какую-то магическую силу словъ и думали простосердечно, что достаточно одного торжественнаго провозглашенія извѣстныхъ благодѣтельныхъ началъ, чтобы всѣ силы, противодѣйствующія нашему развитію, спрятались и навсегда исчезли изъ дѣйствительной жизни. Мы воображали, что для

насъ впереди устроена такая прямая, широкая и пріятная дорога, по какой еще ни одинъ народъ не хаживалъ. Кажется, наши надежды доходили даже до того, что мы полагали, будто бы все зло, какое существуетъ въ нашемъ отечествѣ, принявъ во вниманіе нашу доброту и раскаявшись въ своихъ дурныхъ поступкахъ, разчувствуется и само себя уничтожитъ безъ всякихъ хлопотъ и усилій съ нашей стороны. Но горькій опытъ показалъ намъ совершенную несбыточность нашихъ надеждъ. Мы убѣдились, что старое разстается съ нами очень неохотно и что измѣненіе подробностей не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на измѣненіе самыхъ основъ. Не смотря на провозглашеніе разныхъ новыхъ началъ, старое продолжаетъ существовать по прежнему и даже иногда показываетъ явное намѣреніе уничтожить ненавистныя ему улучшенія и низвести ихъ на степень словесныхъ упражненій. Мы постоянно убѣждаемся въ томъ, что начала и правила, въ соблюденіи которыхъ не имѣется никакого дѣйствительнаго обезпеченія, становятся словами, ничего не значущими, и что иногда на практикѣ бываетъ рѣшительно все равно, существуютъ ли онѣ, или нѣтъ. При нихъ, такъ же какъ и безъ нихъ, все оказывается зависящимъ отъ одного произвола. Благодаря опыту, ежедневно насъ поучающему, мы стали понимать, что дѣйствительное владычество закона не есть такое благо, которое достигалось бы посредствомъ одного провозглашенія его на печатной бумагѣ. Мы начинаемъ видѣть, что дѣйствительное существованіе этого блага зависитъ отъ множества разнородныхъ условій, которыя не могутъ быть созданы однимъ почеркомъ пера безъ всякихъ хлопотъ и затрудненій. Теперь мы перестаемъ ждать чего-то необыкновеннаго, и дѣтскій періодъ слѣпой вѣры и несбыточныхъ надеждъ для насъ окончательно миновался. По всему видно, что мы стали нѣсколько старше и благоразумнѣе.

По нашему мнѣнію, такое явленіе не только правильно, но и имѣетъ глубокій смыслъ. Публика ожидаетъ реформы, и даже съ благодарностью, пожалуй, ее принимаетъ, но обсуждаетъ ее уже не съ одной технической стороны, но въ соотвѣтствіи съ тѣмъ жизненнымъ и политическимъ строемъ, въ которомъ она должна заявить свою силу. Однимъ словомъ, требованія публики относительно реформы не ограничиваются одною буквою реформы, а идутъ куда-то далѣе; это «далѣе и представляетъ именно ту совокупность условій, среди которыхъ должна жить реформа: онѣ могутъ дать ей жизнь дѣйствительную, и онѣ же могутъ низвести ее на степень мертвой буквы...

Этими краткими разсужденіями на счетъ *общаго* значенія реформы на сей разъ мы и ограничимся; надѣемся, что, не смотря на свою краткость и нѣкоторую неопредѣленность, онѣ не могутъ быть истол-

кованы иначе, какъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ можетъ быть истолковано и равнодушіе публики. Затѣмъ обращаемся къ подробностямъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, между всѣми ожидаемыми реформами первое мѣсто принадлежитъ судебной. Не смотря на то, что обнародованныя основныя положенія новаго судопроизводства и судоустройства не опредѣляютъ нѣкоторыхъ подробностей, имѣющихъ важное значеніе, можно смѣло сказать, что эта реформа не должна остаться безъ значительныхъ благотворныхъ послѣдствій.

Судъ присяжныхъ, который допускается «Основными Положеніями» въ нѣкоторыхъ уголовныхъ дѣлахъ, представляетъ лучшую форму суда изъ всѣхъ, которыя когда либо существовали. Опытъ доказалъ, что онъ годится одинаково для всѣхъ странъ и народовъ. Когда призывается для суда тридцать или сорокъ лучшихъ гражданъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ обсуждаемымъ дѣламъ, и предоставляется обѣимъ спорящимъ сторонамъ право отвести бóльшую часть ихъ, ничѣмъ не стѣсняясь, то само собою разумѣется, что выбранные изъ остальныхъ по жребію двѣнадцать лицъ являются самыми безпристрастными судьями, какіе только могутъ существовать на свѣтѣ. Здѣсь нельзя употребить ни подкупа, ни тайныхъ убѣжденій. Составъ суда опредѣляется въ публичномъ засѣданіи, передъ обсужденіемъ самого дѣла. Прежде этого засѣданія никто не можетъ знать, какія лица будутъ произносить приговоръ о его дѣлѣ. Очевидно, что подкупить или расположить въ свою пользу всѣхъ лицъ, значущихся въ очередномъ спискѣ присяжныхъ, нѣтъ никакой возможности. Какъ бы ни былъ низокъ нравственный уровень общества, изъ котораго выходятъ присяжные, одно уже количество ихъ служитъ достаточнымъ ручательствомъ въ совершенной невозможности подобныхъ злоупотребленій. Притомъ, лица, значущіяся въ очередныхъ спискахъ, живутъ въ разныхъ мѣстахъ и собираются только къ сроку, опредѣленному для судебныхъ засѣданій. По самому положенію своему они не могутъ являться въ назначенное мѣсто задолго до этого срока. Эти лица большею частію не состоятъ на службѣ и не получаютъ никакого содержанія, а живутъ своими трудами. Для нихъ время дорого. Вслѣдствіе этого, они обыкновенно должны являться передъ началомъ самого засѣданія, когда подсудимымъ или ихъ защитникамъ уже нѣтъ времени познакомиться съ ними и переговорить секретно. Съ начала же засѣданія до произнесенія приговора присяжные совершенно отдѣляются отъ подсудимыхъ, защитниковъ и публики. Наконецъ, судебныя засѣданія происходятъ публично. Всѣ эти условія, взятыя въ совокупности, приводятъ къ тому убѣжденію, что двѣнадцать присяжныхъ, произносящихъ приговоръ, являются чистыми представи-

телями народной совѣсти, которая осуждаетъ или оправдываетъ извѣстныя дѣйствія безъ всякаго лицепріятія.

Мы не раздѣляемъ опасеній относительно неспособности нашего народа воспользоваться благами этого учрежденія. Мы твердо увѣрены, что судъ присяжныхъ годится одинаково для всѣхъ народовъ и для всѣхъ степеней развитія. Это убѣжденіе наше основывается на слѣдующихъ простыхъ и неопровержимыхъ соображеніяхъ. Мы думаемъ, что во всякомъ человѣческомъ обществѣ существуютъ какія либо понятія о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ лицъ, его составляющихъ. Кажется, что это положеніе не требуетъ доказательствъ. Самое понятіе общества предполагаетъ какія либо отношенія между его членами, а эти отношенія не могутъ существовать безъ представленія взаимныхъ правъ и обязанностей. Въ этомъ отношеніи, вся разница между обществомъ дикарей и цивилизованнымъ народомъ можетъ заключаться только въ количествѣ и степени ясности этихъ представленій. Но если уже существуетъ человѣческое общество, члены котораго находятся въ извѣстныхъ отношеніяхъ, то большинство этихъ людей должно имѣть какія либо представленія о началахъ, на которыхъ основывается ихъ общественная связь. Очень понятно, что кочевые народы, пасущіе свои стада на неизмѣримыхъ пустыхъ пространствахъ, не могутъ имѣть никакого понятія о частномъ правѣ на землю. Такъ какъ при этомъ образѣ жизни земля не требуетъ приложенія труда и представляется для пользованія ихъ въ количествѣ, далеко превышающемъ ихъ потребность, то разумѣется, что вопросъ о раздѣленіи этихъ пространствъ между отдѣльными лицами или семьями не можетъ никому приходить въ голову. Очень понятно также, что народы, не знающіе письменности, не имѣютъ никакого понятія о письменныхъ документахъ. Но при всемъ этомъ всякое общество, на какой бы низкой степени развитія оно ни находилось, имѣетъ болѣе или менѣе ясныя представленія о тѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ своихъ членовъ, которыя существуютъ въ дѣйствительной жизни. Каждое кочующее общество очень хорошо знаетъ, какое лицо, какая семья или какой родъ имѣютъ право пользоваться извѣстнымъ животнымъ или стадомъ, кому въ извѣстномъ случаѣ долженъ принадлежать приплодъ отъ этихъ животныхъ и вообще какъ далеко простираются эти права при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Каждый безграмотный народъ очень хорошо знаетъ силу тѣхъ взаимныхъ обязательствъ, которыя встрѣчаются въ его дѣйствительной жизни. Наконецъ, въ каждомъ человѣческомъ обществѣ существуютъ какія либо представленія о тѣхъ случаяхъ, когда насиліе одного лица надъ другимъ не можетъ быть допущено и противорѣчитъ совѣсти. Очень ясно, что безъ подобныхъ представленій никакое общество не можетъ прожить ни од-

ной минуты. Наконецъ, самое существованіе общества предполагаетъ въ немъ присутствіе какихъ нибудь органовъ для охраненія его внѣшней и внутренней безопасности. Если же имѣются такіе органы, то для существованія ихъ необходимы представленія о пространствѣ ихъ правъ и обязанностей относительно цѣлаго общества и отдѣльныхъ членовъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ обществѣ людей, какъ цивилизованномъ, такъ и дикомъ, необходимо имѣются какія нибудь понятія о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ его членовъ, а также и объ отношеніяхъ ихъ къ цѣлому обществу и его органамъ. Если же въ каждомъ человѣческомъ обществѣ живутъ такія представленія, то всѣ такъ называемыя судебныя дѣла могутъ быть разрѣшаемы на основаніи этихъ простыхъ представленій каждымъ его членомъ, имѣющимъ здравый смыслъ и относящимся безпристрастно къ лицамъ, участвующимъ въ дѣлѣ. Сущность всѣхъ судебныхъ дѣлъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, заключается въ разрѣшеніи вопросовъ, нарушены ли въ извѣстномъ случаѣ чьи либо права или не нарушены, и если это нарушеніе дѣйствительно послѣдовало, то кѣмъ именно оно произведено и какимъ образомъ: неумышленно или съ намѣреніемъ. Очевидно, что всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшаемы съ помощью одного здраваго смысла и тѣхъ общихъ понятій о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ, которыя живутъ въ каждомъ народѣ при всѣхъ степеняхъ развитія. Если же гражданскія дѣла кажутся недоступными для огромнаго большинства народовъ, то это происходитъ единственно отъ крайняго разобщенія законодательствъ съ дѣйствительною жизнію. У насъ, также какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, гражданскіе законы были писаны исключительно для небольшаго меньшинства, жившаго нѣкогда въ особыхъ, искусственныхъ условіяхъ, и потому совершенно неприложимы къ народной жизни. До сихъ поръ многія имущественныя права значительнаго большинства нашего народа не пользуются вовсе покровительствомъ общихъ гражданскихъ законовъ и охраняются единственно обычаями и народною совѣстью. *Для того*, чтобы убѣдиться въ совершенномъ отсутствіи этого покровительства, достаточно вспомнить, что огромное большинство нашего народа живетъ общею семейною жизнью, при которой каждый отдѣльный домъ или дворъ пользуется всѣмъ своимъ имуществомъ нераздѣльно, тогда какъ наши гражданскіе законы признаютъ только частное право собственности отдѣльныхъ лицъ; что къ такой жизни этого огромнаго большинства неприложимы всѣ наши законы о наслѣдованіи, дареніи, выдѣлѣ и т. п.; и наконецъ, что нашъ народъ почти весь поголовно не умѣетъ ни читать, ни писать, и что, слѣдовательно, всѣ заключаемыя имъ обязательства лишены покровительства общихъ судебныхъ учрежденій,

требующихъ непремѣнно крѣпостныхъ или домашнихъ письменныхъ условій.- Притомъ наши гражданскіе законы до того искусственны, что многіе изъ нихъ недоступны даже понятіямъ того самаго меньшинства, для котораго они исключительно составлялись. Напримѣръ, въ нашей дѣйствительной жизни уже нѣтъ ни малѣйшаго существеннаго различія между имуществами родовыми и благопріобрѣтенными; никто не имѣетъ ни малѣйшаго убѣжденія въ томъ, что завѣщать родовое имущество постороннему лицу несправедливо, также какъ и не понимаетъ, почему нельзя завѣщать такое имущество нѣсколькимъ родственникамъ, а непремѣнно нужно отдать все одному лицу. Всякій считаетъ эти правила за какіе-то шлагбаумы, которые заставляютъ только употреблять кривые обходы и лживые извороты. Очень понятно, что большинство всякаго народа, даже самаго цивилизованнаго, не знаетъ и не понимаетъ подобныхъ правилъ, не для него писанныхъ или переживших свой смыслъ, и не можетъ судить случаевъ, въ которыхъ нарушаются не дѣйствительныя права, а какіе-то призраки, существующіе только въ огромныхъ книгахъ, доступныхъ однимъ спеціалистамъ. Но это не значитъ, чтобы большинство нашего народа не понимало пространства и значенія дѣйствительныхъ имущественныхъ правъ и неспособно было бы разрѣшить, оскорбляются ли онѣ въ данномъ случаѣ, или не оскорбляются (*). Это ведетъ лишь къ заключенію, что гражданскія дѣла не могутъ быть предоставлены суду присяжныхъ только до тѣхъ поръ, пока существуетъ такая искусственность въ гражданскомъ законодательствѣ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякое гражданское дѣло, представляющее оскорбленіе дѣйствительнаго права, а не призрачнаго, можетъ быть легко разрѣшено каждымъ присяжнымъ, имѣющимъ здравый смыслъ, точно такъ же, какъ и уголовное. Разумѣется, мы не распространяемъ этого заключенія на особые роды гражданскихъ дѣлъ, возникающихъ исключительно въ средѣ людей, посвятившихъ себя извѣстнымъ занятіямъ и имѣющихъ въ своемъ обществѣ особые обычаи, которыхъ большинство народа совершенно не знаетъ, какъ напр. на дѣла торговыя и т. п. Очевидно, что для разрѣшенія такихъ дѣлъ требуются особые присяжные изъ спеціалистовъ. Точно также и въ уголовной практикѣ встрѣчаются нѣкоторые случаи, въ которыхъ дѣйствительность событія и настоящее его значеніе не могутъ быть опредѣлены безъ помощи особыхъ свѣдѣній, недоступныхъ для большинства. Но всѣ подобныя дѣла представляютъ

(*) Что въ большей части нашихъ вотчинныхъ споровъ идетъ дѣло о призрачныхъ правахъ, а не о дѣйствительныхъ, доказывается уже тѣмъ, что многіе изъ тяжущихся вовсе не понимаютъ, правы ли они, или виноваты.

исключенія, которыя необходимо являются при всякомъ другомъ порядкѣ судопроизводства. Общій судъ, какой бы ни былъ его личный составъ, не можетъ заключать въ себѣ спеціалистовъ всѣхъ родовъ. На этихъ основаніяхъ мы полагаемъ, что судъ посредствомъ присяжныхъ, при разумномъ соглашеніи этой формы суда съ условіями дѣйствительной жизни, одинаково годится для всѣхъ народовъ, на какой бы степени развитія они ни находились, и такъ же хорошо можетъ быть примѣненъ къ гражданскимъ дѣламъ, какъ и къ уголовнымъ.

Въ послѣднее время въ нашей литературѣ высказана мысль, что русскій простолюдинъ считаетъ противнымъ нравственному чувству участвовать въ уголовныхъ дѣлахъ въ качествѣ судьи и, полагая себя, въ большей части случаевъ, такимъ же виновникомъ, какъ и обвиненный, будетъ, въ качествѣ присяжнаго, оправдывать всѣхъ подсудимыхъ. Мы не раздѣляемъ этихъ опасеній. Опыты, взятые изъ дѣйствительной жизни, доказываютъ совершенную ихъ неосновательность. Русскій крестьянинъ уже являлся судьею мелкихъ проступковъ и, сколько извѣстно, не отличался особою снисходительностію. Мы знаемъ, что мірскіе сходы очень часто жестоко наказывали своихъ односельцевъ за малѣйшія провинности. Правда, что рѣшенія ихъ не всегда были справедливы и большею частію отзывались сильнымъ пристрастіемъ. Но не надобно забывать, что деревенскій сходъ представляетъ самый дурной составъ суда, какой только можетъ быть на свѣтѣ. Въ немъ нельзя найти ни одного безпристрастнаго голоса, потому что онъ весь состоитъ изъ людей, живущихъ съ подсудимыми на одной улицѣ, въ одной тѣсно связанной общинѣ, и имѣющихъ съ ними безпрестанныя столкновенія въ ежедневной жизни и имущественныхъ интересахъ, а потому непремѣнно находящихся съ ними въ отношеніяхъ дружбы или вражды. Такимъ образомъ, на этомъ судилищѣ могутъ являться только тѣ судьи, которые по самому смыслу всякаго правильнаго судопроизводства, не должны быть допускаемы до обсужденія дѣла. Очевидно, что этотъ судъ могъ существовать только за неимѣніемъ другаго, и, если крестьяне обращались добровольно къ такому судилищу, то это лишь доказываетъ, что разбирательство у прочихъ властей было еще хуже и накладнѣе. Но каковъ бы ни былъ этотъ судъ, однакожь онъ обвинялъ и наказывалъ. Нынѣшніе волостные суды, какъ извѣстно, также не останавливаются подвергать подсудимыхъ денежнымъ штрафамъ, арестамъ и даже тѣлеснымъ наказаніямъ. Объ особой снисходительности этихъ судовъ нигдѣ не слышно. Если, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, крестьяне потворствовали преступникамъ и весьма неохотно обличали ихъ, то это они дѣлали вовсе не потому, чтобы осужденіе ближняго было противно ихъ нравствен-

ному чувству, но по особеннымъ, очень основательнымъ причинамъ. Они знали, что при настоящемъ порядкѣ судопроизводства каждый преступникъ, употребивъ въ дѣло свою ловкость, связи и денежныя средства, можетъ избѣжать заслуженнаго имъ наказанія и, возвратившись на прежнее мѣсто жительства, жестоко отмстить своимъ обличителямъ, пустивъ ихъ по міру посредствомъ грабежа или поджога. Намъ неоднократно случалось видѣть, что крестьяне, поймавъ вора съ поличнымъ, при множествѣ свидѣтелей, на самомъ мѣстѣ преступленія, боялись представить его властямъ именно на этомъ основаніи. Служа по судебному вѣдомству, мы имѣли въ рукахъ значительное количество дѣлъ о воровствѣ всякаго рода, и въ особенности о конокрадствѣ, изъ которыхъ было видно, что одни и тѣ же лица были судимы по дѣламъ одного и того же рода и освобождаемы отъ суда или оставляемы въ подозрѣніи по десяти и даже по одиннадцати разъ (*). Но при гласномъ судопроизводствѣ, съ участіемъ присяжныхъ, не можетъ быть ничего подобнаго. Если нашъ крестьянинъ убѣдится, что открытіе истины возможно и что приговоръ новаго суда о винѣ преступника неминуемо влечетъ за собою заслуженное наказаніе, то онъ нисколько не станетъ потворствовать преступленіямъ и будетъ всѣми мѣрами содѣйствовать къ ихъ обличенію. Въ этомъ ручаются его свѣжее нравственное чувство и собственныя выгоды.

Будучи увѣрены, что новыя начала судопроизводства примутся на

(*) Еще очень недавно къ намъ приходили два крестьянина тверскаго уѣзда, у которыхъ въ августѣ 1862 года были украдены три лошади однимъ извѣстнымъ конокрадомъ, крестьяниномъ сосѣдней деревни, и просили совѣта, какъ имъ поступить для того, чтобы получить своихъ лошадей. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ покражи, самъ воръ далъ знать хозяевамъ лошадей, что онѣ находятся у него и что онъ согласенъ возвратить ихъ за извѣстную сумму (крестьяне, приходившіе къ намъ, говорили, что этотъ конокрадъ *всегда такъ поступаетъ* и большею частію возвращаетъ лошадей за половину ихъ дѣйствительной продажной цѣны). Въ одномъ изъ ближайшихъ кабаковъ они условились съ воромъ въ цѣнѣ и дали ему въ задатокъ половину назначенной суммы съ тѣмъ, чтобы остальныя деньги уплатить при полученіи лошадей. Но воръ, на этотъ разъ, не исполнилъ своего обѣщанія. Мы обратили крестьянъ къ исправлявшему должность начальника губерніи, который принялъ немедленно энергическія мѣры, но чѣмъ это кончилось, мы не знаемъ. Будучи хорошо знакомы съ дѣлами подобнаго рода, мы увѣрены, что, при настоящемъ порядкѣ судопроизводства, открытіе истины въ большей части такихъ случаевъ оказывается совершенно невозможнымъ. Наконецъ, мы знали одного крестьянина, который нѣсколько разъ былъ судимъ за кражу лошадей (кажется 18 или 19 разъ), но ни разу не былъ уличенъ и, около 15 лѣтъ тому назадъ, навелъ такой страхъ на весь окружающій околодокъ, что многіе крестьяне сосѣднихъ деревень, желая избавиться отъ его преслѣдованій, платили ему подати или ежегодно работали у него въ продолженіи извѣстнаго времени, какъ на барщинѣ.

нашей почвѣ не хуже, чѣмъ на всякой другой, мы однакожь не увлекаемся излишними надеждами. Мы вовсе не ожидаемъ, чтобы у насъ въ самомъ непродолжительномъ времени наступило полное владычество закона и уничтожился всякій произволъ. Мы только твердо увѣрены, что начала, принятыя въ основаніе судебной реформы, непремѣнно приведутъ къ великимъ и благотворнымъ послѣдствіямъ. Какъ бы ни были составлены окончательные проекты судопроизводства и судоустройства на этихъ основаніяхъ, во всякомъ случаѣ, съ перваго же открытія новыхъ судовъ, правосудіе будетъ отправляемо гораздо лучше и съ большимъ безпристрастіемъ, нежели при настоящемъ порядкѣ и въ существующихъ учрежденіяхъ. Достаточно вспомнить, что теперешній письменный порядокъ судопроизводства въ закрытыхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ есть наименѣе пригодный для той степени развитія, на которой находится огромное большинство нашего народа. Если бы письменность, искусственная теорія доказательствъ, пересмотръ дѣлъ во множествѣ инстанцій и канцелярская тайна и составляли бы въ самомъ дѣлѣ необходимыя принадлежности судопроизводства высшаго достоинства, то и въ этомъ случаѣ надобно было бы признать такой порядокъ негоднымъ для народа безграмотнаго, не имѣющаго никакихъ юридическихъ свѣдѣній и бѣднаго, какъ имуществомъ, такъ и политическимъ смысломъ. Для успѣшнаго отправленія правосудія при такомъ порядкѣ нужны именно тѣ условія, которыхъ у насъ вовсе не имѣется. Для письменности требуется всеобщее распространеніе грамотности. Для искусственной теоріи доказательствъ нужно всеобщее спеціально юридическое образованіе. Для ходатайства во множествѣ инстанцій требуются большія матеріальныя средства. Наконецъ, для тайнаго суда нужны люди съ твердымъ политическимъ образомъ мыслей, способные понять свое высокое призваніе и противостоять безчисленнымъ соблазнамъ, которые только и являются при отсутствіи гласности. Очевидно, что настоящій искусственный и хитросплетенный порядокъ можетъ годиться только для такого общества, которое состоитъ изъ однихъ юристовъ, отличающихся особыми политическими добродѣтелями. Слѣдовательно, при новомъ судопроизводствѣ отправленіе правосудія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть хуже, а непремѣнно должно быть лучше прежняго. Къ этому надобно дополнить, что открытый и гласный судъ съ независимою корпораціею присяжныхъ повѣренныхъ, которые неусыпно будутъ слѣдить за практическимъ примѣненіемъ законовъ, неминуемо поведетъ къ постепенному раскрытію и исправленію многихъ недостатковъ нашего общественнаго быта. Такой судъ, какъ бы онъ ни былъ устроенъ, будетъ служить лучшею политическою школою для всего народа. Въ этомъ судѣ, при открытомъ состя-

заніи двухъ противныхъ сторонъ, не можетъ ускользнуть отъ вниманія ни одно малѣйшее злоупотребленіе, ни одинъ недостатокъ существующаго законодательства, имѣющіе какую либо связь съ обстоятельствами обсуждаемаго дѣла. Личные интересы двухъ враждебныхъ сторонъ служатъ достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что каждое малѣйшее неудобство въ примѣненіи какого либо закона, также какъ и самое незначительное упущеніе со стороны должностнаго лица, будутъ выставляться на столько рельефно, что законодательная власть и общество поймутъ дѣйствительное ихъ значеніе и найдутъ средства къ ихъ устраненію. Въ настоящее время, въ нашей общественной и государственной жизни, мы ходимъ въ совершенныхъ потемкахъ. При существующихъ у насъ порядкахъ мы ни отъ кого не слышимъ правды. Судя обо всемъ по извѣстной неподвижной теоріи признаковъ и уликъ, наши учрежденія добиваются одной формальной, условной истины. При этомъ рѣдкій тяжущійся, подсудимый или свидѣтель имѣетъ побужденіе говорить настоящую правду. Каждый, имѣющій дѣло съ нашими судами, какъ бы онъ правъ ни былъ, старается обдѣлать свои показанія такъ, чтобы они только соотвѣтствовали извѣстной, напередъ заданной таблицѣ условныхъ доказательствъ, и при этомъ утаить все то, что съ нею несогласно. При письменномъ порядкѣ судопроизводства дѣло тянется такъ долго, что каждый имѣетъ очень много досуга для того, чтобы придумать и искусно составить цѣлый лживый разсказъ, и можетъ надѣяться, что по истеченіи значительнаго промежутка времени, необходимаго для канцелярскаго движенія бумагъ, никто не будетъ въ состояніи обличить его въ несправедливомъ или неточномъ показаніи. Одна уже медленность письменнаго процесса убиваетъ въ лицахъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, всякое желаніе содѣйствовать открытію истины. Каждый свидѣтель, зная, что дѣло протянется множество лѣтъ, и не желая посвятить ему цѣлую жизнь свою, при дачѣ отвѣтовъ заботится только о томъ, чтобы скорѣе отдѣлаться отъ суда и не подать повода къ новымъ допросамъ. Наконецъ, большинство безграмотныхъ людей, справедливо опасающихся, что ихъ показанія не будутъ вѣрно изложены канцелярскими писцами, отдѣлываются большею частію совершеннымъ невѣдѣніемъ, или короткими и глухими отвѣтами, утаивая все происходившее въ дѣйствительности. Стереотипная фраза «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю», выработанная нашею вѣковою судебною практикою, есть лучшее выраженіе того взгляда, который имѣетъ народъ на наши судебныя учрежденія. Всякій, знакомый практически съ нашимъ судопроизводствомъ, понимаетъ, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ приводитъ иногда письменный и тайный процессъ въ приложеніи къ народу безграмотному. Мы видѣли много примѣровъ,

что крестьяне наказывались за ложныя показанія, которыхъ они вовсе не давали. Кто видалъ и знаетъ, какъ дѣлались обыкновенно повальные обыски и какъ передаются на бумагу словесныя показанія малограмотными канцелярскими писцами, тотъ очень хорошо понимаетъ, что показанія безграмотныхъ подсудимыхъ и свидѣтелей, изложенныя на бумагѣ, очень часто принимаютъ совершенно противный смыслъ, и что въ повальные обыски попадаютъ не рѣдко имена лицъ, вовсе не призывавшихся къ допросу. Разумѣется, что при медленномъ производствѣ дѣлъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, прикосновенныя къ дѣлу лица, которыя впослѣдствіи обвиняются въ лживости записанныхъ на бумагѣ показаній, лишаются всякихъ средствъ доказать свою невинность (*). Наконецъ, при канцелярской тайнѣ, самыя истинныя показанія, которыя могли бы вести къ обнаруженію разныхъ недостатковъ нашего общественнаго быта, должны гнить въ канцелярскихъ архивахъ безъ всякой пользы. Поэтому уже одна гласность можетъ служить вѣрнымъ залогомъ въ томъ, что наше будущее судопроизводство поведетъ къ постепенному улучшенію не только судебной части, но и всѣхъ другихъ сторонъ нашего общественнаго быта. На этихъ основаніяхъ мы твердо убѣждены, что, какъ бы ни были велики недостатки новыхъ судебныхъ учрежденій, во всякомъ случаѣ самыя начала, принятыя въ основаніе реформы, ручаются въ непремѣнномъ исправленіи ихъ. Уже по этой одной причинѣ, обнародованныя «Основныя положенія» для преобразованія судебной части представляютъ такой громадный шагъ на пути нашего общественнаго развитія, что одна эта реформа сама по себѣ могла бы прославить нынѣшнее царствованіе и заслужить ему вѣчную благодарность всѣхъ грядущихъ поколѣній. . . . .

. . . Но воздавая должную справедливость «основнымъ положеніямъ», мы считаемъ долгомъ представить и нѣкоторыя сомнѣнія, невольно

(*) Въ одной губерніи даже случилось слѣдующее происшествіе. Одинъ чиновникъ особыхъ порученій, имѣя на рукахъ около 150 дѣлъ о незначительныхъ самовольныхъ порубкахъ въ казенныхъ лѣсахъ, изъ которыхъ многія были оцѣнены отъ 6 до 10 руб. сер. и производились по 10 и по 15 лѣтъ по той причинѣ, что всѣ лица, необходимыя для слѣдствія (какъ-то: лѣсничіе и разные депутаты) не могли никакъ выбрать удобнаго для всѣхъ времени, чтобы съѣхаться, возымѣлъ счастливую мысль покончить всѣ эти дѣла разомъ безъ всякихъ разъѣздовъ и хлопотъ. Онъ истребовалъ изъ [illegible] ревизскія сказки разныхъ деревень и сочинилъ по нимъ допросы всѣхъ лицъ, необходимыхъ при изслѣдованіи, и къ этимъ бумагамъ всѣ депутаты приложили свои руки или печати. Если бы всѣ эти дѣла не были покончены всемилостивѣйшими манифестами, то очень вѣроятно, что не только живыя лица обвинялись бы въ лживыхъ показаніяхъ, которыхъ они не давали, но даже и покойники, которые имѣли счастіе умереть прежде этого знаменитаго слѣдствія.

возникающія при внимательномъ обсужденіи всего, что въ нихъ находится.

Прежде всего мы полагаемъ нужнымъ замѣтить, что удержаніе прежняго порядка преданія суду должностныхъ административныхъ лицъ кажется намъ большимъ препятствіемъ къ водворенію у насъ полнаго владычества закона. Въ §§ 132 и 133 «основныхъ положеній» говорится, что въ дѣлахъ о преступленіяхъ и проступкахъ по гражданской службѣ судебное производство можетъ быть начато не иначе, какъ вслѣдствіе постановленія надлежащаго начальства, и что начальство обвиняемаго, прежде преданія его суду, обязано привести всѣ предметы обвиненія въ такую ясность, чтобы постановленіе о преданіи суду служило обвинительнымъ актомъ, и чтобы судебному мѣсту можно было приступить въ его засѣданіе прямо къ судебному слѣдствію. Въ § 134 сказано, что чины административныхъ вѣдомствъ, за преступленія и проступки по службѣ, предаются суду: 1) опредѣляемые къ должностямъ губернскими и равными имъ властями — по постановленіямъ губернскихъ правленій; 2) опредѣляемые министрами и главными управленіями — по постановленіямъ, утвержденнымъ министрами и главноуправляющими; 3) опредѣляемые высочайшею властію на должности не выше четвертаго класса, а также губернскіе и уѣздные предводители дворянства — по постановленіямъ перваго департамента правительствующаго сената. Въ § 136 говорится, что къ постановленіямъ о преданіи суду чиновъ прокурорскаго надзора кассаціонные департаменты правительствующаго сената приступаютъ не иначе, какъ по предложенію министра юстиціи. По нашему мнѣнію, эти правила значительно уменьшатъ благодѣтельное вліяніе гласнаго и независимаго суда и будутъ способствовать въ сильной мѣрѣ удержанію прежняго административнаго произвола. Во всякомъ отдѣльномъ вѣдомствѣ, какъ бы хорошъ ни былъ его личный составъ, непремѣнно существуетъ сильный корпоративный духъ и свои особые нравы и обычаи, по которымъ извѣстные, издавна вошедшіе въ употребленіе обходы законоположеній считаются не только безгрѣшными, но даже и необходимыми. Между тѣмъ, такія произвольныя отступленія отъ законнаго порядка, освященныя давностью заведенной рутины, очень часто представляютъ важныя нарушенія частныхъ и общественныхъ правъ и дѣлаются главною причиною бездѣйствія законовъ. Достаточно вспомнить, какія отступленія отъ закона совершаются при формальныхъ слѣдствіяхъ для того, чтобы понять весь вредъ подобныхъ дѣйствій, почитающихся иногда обыкновенными и извинительными. Мы знаемъ, напримѣръ, что обыски въ домахъ производятся очень часто безъ соблюденія законныхъ правилъ, представляющихъ важное обезпеченіе какъ для обвинителей, такъ и для

обвиняемыхъ, что повальные обыски производятся большею частію посредствомъ спроса заразъ цѣлой толпы народа, тогда какъ законъ строго предписываетъ допрашивать каждаго порознь и видитъ въ этомъ лучшее и даже единственное средство для полученія справедливыхъ показаній; что дѣла, по которымъ, по здравому смыслу, требуются осмотры на мѣстахъ или другія дѣйствія безъ малѣйшаго промедленія, нерѣдко пересылаются изъ однихъ мѣстъ въ другія по цѣлымъ годамъ, и что на всѣ подобныя дѣйствія административныя начальства смотрятъ весьма снисходительно, какъ на самыя обыкновенныя явленія, о которыхъ не стоитъ и думать. Наконецъ, намъ извѣстна нравственность нашихъ низшихъ должностныхъ лицъ. Зная, что дѣлается въ нашихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, нельзя не догадаться, что чрезвычайное развитіе взяточничества и злоупотребленій всякаго рода уже само по себѣ предполагаетъ, между ближайшими инстанціями, существованіе такихъ взаимныхъ интересовъ, которые заставляютъ непосредственныя административныя начальства, даже при всей ихъ нравственной чистотѣ, потворствовать въ извѣстной мѣрѣ своимъ подчиненнымъ. Этому очень способствуетъ то обстоятельство, что, при чрезмѣрномъ развитіи письменности, ни одно изъ начальствующихъ лицъ не имѣетъ достаточно силъ и времени для просмотра и обсужденія всѣхъ бумагъ, требующихъ его прочтенія и подписи. Отъ этого дѣла большею частію находятся въ рукахъ ихъ секретарей и дѣлопроизводителей, дѣйствующихъ подъ чужимъ именемъ и безъ всякой личной отвѣтственности. Разумѣется, такіе дѣятели, не получившіе по большей части никакого образованія, воспитанные иногда въ средѣ старыхъ подъячихъ и часто не заслуживающіе никакого довѣрія, находятся въ постоянныхъ тайныхъ сношеніяхъ съ подчиненными тѣхъ начальниковъ, за спиною которыхъ они дѣйствуютъ. Такимъ образомъ, въ низшихъ слояхъ мѣстной администраціи всегда существуютъ давно и крѣпко устроенные, всеобщіе тайные союзы разныхъ властей—низшихъ канцелярій,—союзы, неусыпно охраняющіе всѣ злоупотребленія, отъ которыхъ есть какая нибудь прибыль. Первымъ и главнымъ условіемъ этихъ естественныхъ ассоціацій является то, что низшія должностныя лица обязываются, подъ страхомъ административныхъ взысканій, лишенія мѣста и преданія суду при первыхъ обстоятельствахъ, дающихъ поводъ къ придиркѣ—вносить болѣе или менѣе опредѣленную подать въ пользу дѣлопроизводителей высшихъ учрежденій, которымъ они подвѣдомственны. Отъ этого происходитъ, что всякое злоупотребленіе, совершающееся съ корыстною цѣлью и не выходящее изъ извѣстныхъ границъ, находитъ себѣ передъ лицемъ ближайшей власти сильныхъ и опытныхъ защитниковъ, которые, при тайномъ и письменномъ производствѣ,

имѣютъ въ рукахъ безчисленное множество средствъ для того, чтобы совершенно замять возникающее о немъ дѣло, или, по крайней мѣрѣ, дать преступному дѣйствію другой видъ и значительно ослабить его преслѣдованіе. Наконецъ, частое повтореніе однихъ и тѣхъ же уклоненій отъ закона и постоянныя всеобщія увѣренія, что необходимость этихъ явленій доказывается уже ихъ существованіемъ съ незапамятныхъ временъ, приводитъ начальствующихъ лицъ къ убѣжденію, что противъ нихъ ничего не сдѣлаешь, и отнимаютъ послѣднюю охоту ихъ преслѣдовать (*). Всякій начальникъ, не имѣющій особой чрезвычайной энергіи, современемъ приходитъ къ заключенію, что преслѣдованіе обыкновенныхъ злоупотребленій низшихъ должностныхъ лицъ, посредствомъ удаленія ихъ отъ должности или преданія суду, не ведетъ ни къ чему, потому что эти примѣры ни на кого не дѣйствуютъ, и новые чиновники дѣлаютъ то же самое, а иногда оказываются еще хуже прежнихъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, административныя начальства бываютъ очень часто слишкомъ снисходительны къ обыкновеннымъ грѣшкамъ своихъ подчиненныхъ. Къ этому присоединяются еще другія соображенія. Рѣдкій чиновникъ не имѣетъ болѣе или менѣе сильныхъ покровителей, находящихся съ кѣмъ нибудь изъ начальствующихъ лицъ въ отношеніяхъ дружбы или близкаго знакомства. Иначе и быть не можетъ, потому что должностныя лица, какъ извѣстно, большею частію получаютъ мѣста по рекомендаціи или ходатайству своихъ патроновъ. Это является совершенно необходимымъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ тайное дѣлопроизводство и отсутствіе всякой политической жизни не даютъ никакой возможности удостовѣряться въ способностяхъ частныхъ лицъ, прежде опредѣленія ихъ на службу. Если же рекомендованный чиновникъ попадется въ обыкновенныхъ проступкахъ по должности, которыхъ вредъ и дѣйствительное значеніе можетъ быть понято только людьми, имѣющими особый политическій смыслъ, недоступный еще большинству нашего общества, то снисходительные его патроны смотрятъ на него, какъ на несчастнаго, которому нужно помочь изъ одного состраданія. Усиленныя просьбы такихъ патроновъ, подкрѣпляемыя вышеизложенными соображеніями, склоняютъ очень часто самыхъ энергическихъ начальниковъ, въ особенности же въ тѣхъ случаяхъ, когда чиновники, обык-

(*) Лучшимъ примѣромъ могутъ служить бывшія взятки съ откуповъ, которыя сдѣлались, наконецъ, обыденнымъ и всеобщимъ явленіемъ. Не только начальство, но даже и все общество считало эти доходы низшихъ должностныхъ лицъ необходимыми и безгрѣшными. Что же касается до среды чиновниковъ, то она даже предавала осмѣянію всякое должностное лицо, не бравшее этихъ денегъ. Между тѣмъ, эти доходы получались вовсе не даромъ, а съ условіемъ потворства многимъ злоупотребленіямъ.

ченные въ незаконныхъ дѣйствіяхъ, имѣютъ большія семейства, которыя, при удаленіи его отъ должности или преданіи суду, рискуютъ остаться безъ всякихъ средствъ пропитанія. Тогда начальники и покровители обвиняемыхъ совершенно забываютъ, что оставляя чиновника на службѣ, они дѣлаютъ благодѣяніе на чужой счетъ, потому что, при безнаказанности подобныхъ злоупотребленій, допускаемыхъ въ видахъ обезпеченія одного семейства, они заставляютъ иногда страдать тысячи людей, находящихся въ гораздо худшемъ и болѣе безотрадномъ положеніи. На этихъ основаніяхъ мы полагаемъ, что прежній порядокъ преданія суду должностныхъ лицъ будетъ огромнымъ препятствіемъ къ строгому исполненію законовъ.

Нужно замѣтить еще, что ближайшее административное начальство, въ отношеніи дѣлъ по жалобамъ на ихъ подчиненныхъ, не можетъ быть безпристрастнымъ судьею, точно такъ же, какъ и всѣ люди, близкіе къ подсудимому, или находящіеся съ нимъ въ какихъ либо постоянныхъ сношеніяхъ. Въ этомъ случаѣ безпристрастія нѣтъ и быть не можетъ, потому что каждый ближайшій начальникъ, обсуждающій дѣйствія своего подчиненнаго, имѣетъ уже о немъ какое нибудь готовое мнѣніе. При этомъ, надобно вспомнить и то, что предметы обвиненія будутъ приводиться въ ясность, посредствомъ чиновниковъ того же вѣдомства, дѣйствующихъ въ одной средѣ и находящихся подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ. Долговременный опытъ доказываетъ, что почти всякое дѣло, производящееся не гласно, можетъ быть представлено начальству въ томъ видѣ, какъ пожелаетъ слѣдователь или докладчикъ. Въ кабинетѣ начальника или въ закрытомъ присутствіи, въ средѣ людей, заинтересованныхъ въ сокрытіи разныхъ злоупотребленій или упущеній, уже вслѣдствіе одного желанія не уронить своего вѣдомства въ глазахъ публики, и въ добавокъ привыкшихъ смотрѣть снисходительно на извѣстные служебные проступки, — въ такой средѣ, не имѣющей никакого побужденія къ гласному обнаруженію истины, очень легко представить важное злоупотребленіе не стоющимъ вниманія обстоятельствомъ, корыстное потворство — безкорыстною услугою, умышленное преступленіе — простою ошибкою. Само собою разумѣется, что тѣмъ ближе начальство къ обвиняемому, тѣмъ менѣе можно надѣяться на его безпристрастіе. Поэтому мы полагаемъ, что удержаніе прежняго порядка преданія суду въ низшихъ административныхъ сферахъ представитъ наибольшія препятствія въ дѣлѣ уничтоженія административнаго произвола. Канцеляріи, въ рукахъ которыхъ находятся дѣла губернскихъ правленій, состоятъ по преимуществу изъ мѣстныхъ уроженцевъ, по большей части дѣтей чиновниковъ или канцелярскихъ служителей, воспитанныхъ въ приказнослужительской средѣ, привыкшихъ съ малолѣтства

смотрѣть ея глазами и находящихся въ ближайшихъ отношеніяхъ съ низшими должностными лицами, подчиненными учрежденіямъ, въ которыхъ они служатъ. Городскія и земскія полиціи наполняются преимущественно бывшими канцелярскими чиновниками губернскихъ правленій, которые имѣли случаи выказать начальству свои способности и познаніе въ непосредственныхъ съ нимъ сношеніяхъ, какъ-то: при личныхъ докладахъ и исполненіи разныхъ его порученій. Такимъ образомъ, всѣ дѣла по жалобамъ на злоупотребленіе этихъ лицъ попадаютъ большею частію въ руки ихъ товарищей и сослуживцевъ, находящихся съ ними въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, надобно вспомнить, что одни низшія должностныя лица имѣютъ непосредственныя отношенія съ народомъ. Всѣ дѣла начинаются ихъ руками; а извѣстно, что для успѣшнаго хода дѣлъ, всего важнѣе направленіе, которое дается имъ съ самаго начала. Въ рукахъ низшихъ должностныхъ лицъ находятся обыкновенно горячіе слѣды всѣхъ происшествій и полная возможность уничтожить ихъ такъ, что никакое правосудіе ихъ не отъищетъ. Поэтому, можно смѣло сказать, что злоупотребленія низшихъ должностныхъ лицъ имѣютъ всегда гораздо болѣе важныя послѣдствія, нежели всѣ произвольныя и незаконныя дѣйствія высшихъ властей.

Многіе оправдываютъ удержаніе прежняго порядка преданія суду должностныхъ лицъ на томъ основаніи, что отдѣленіе административной власти отъ судебной необходимо не только въ томъ смыслѣ, чтобы администрація не вмѣшивалась въ дѣла судебныя, но также и въ томъ, чтобы судебныя власти не вмѣшивались въ дѣла административныя. Мы не хорошо понимаемъ это оправданіе. Мы признаемъ необходимость самого строгаго раздѣленія властей судебной и административной; *но по этой-то самой причинѣ* и полагаемъ, что административныя начальства не должны имѣть никакого вліянія на дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ своихъ подчиненныхъ, какъ на дѣла чисто судебныя. Напротивъ, судъ, разсматривающій дѣло о преступленіи или проступкѣ должностнаго лица, нисколько не вмѣшивается въ дѣла того вѣдомства, къ которомъ служитъ подсудимый. Опредѣляя виновность или невинность этого лица въ умышленномъ нарушеніи законовъ, онъ отправляетъ только свои судебныя функціи. Въ этомъ отношеніи, кажется, не можетъ быть никакихъ недоразумѣній. Объяснимся примѣромъ. Положимъ, что судебный слѣдователь принимаетъ жалобу частнаго лица на противозаконныя дѣйствія кассира или кондуктора какой-нибудь желѣзной дороги, и, на основаніи § 37 пункта 3 и § 53 «Основныхъ положеній», производитъ по этой жалобѣ предварительное слѣдствіе и представляетъ его прокурору окружнаго суда, который поступаетъ съ нимъ согласно съ общими постановле-

ніями о преданіи подозрѣваемыхъ суду. Вѣроятно, никому не придетъ въ голову, что въ этомъ случаѣ судебный слѣдователь, прокуроръ и прочія судебныя власти вмѣшиваются въ дѣло администраціи желѣзной дороги. Ясно, что, преслѣдуя нарушеніе закона, они исполняютъ чисто судебныя обязанности, которыя, по существу своему, никогда не могутъ принадлежать административнымъ лицамъ, въ завѣдываніи которыхъ находится желѣзная дорога. Если же разсуждать иначе, то всякое, не только полицейское, но даже чисто хозяйственное учрежденіе будетъ областью совершенно безсудною и безъотвѣтственною. Самый принципъ строгаго раздѣленія властей требуетъ, чтобы въ судебныхъ дѣлахъ, какъ напр. въ дѣлахъ о преступленіяхъ и проступкахъ, каждое административное лице подчинялось судебной власти, а не административной, точно такъ же, какъ въ административныхъ дѣлахъ каждое судебное должностное лице подчиняется власти административной. Если же понимать иначе примѣненіе принципа раздѣленія властей, то надобно придти къ заключенію, что полицейскій чиновникъ, останавливающій убійство или грабежъ, совершаемые на улицѣ судьею или прокуроромъ, вмѣшивается въ судебныя дѣла, а городская дума, опредѣляющая количество общественныхъ повинностей слѣдующихъ съ недвижимаго имущества, принадлежащаго брандтъ-майору и находящагося въ городѣ, вмѣшивается въ дѣла полицейскія.

Наконецъ, нужно сказать, что непосредственная отвѣтственность передъ судебною властью въ нарушеніи законовъ составляетъ для каждаго лица самое важное и самое драгоцѣнное право, отсутствіе котораго противорѣчитъ понятію о человѣческомъ достоинствѣ (*). Хотя мы и старались доказать, что административныя начальства бываютъ очень часто расположены потворствовать проступкамъ ихъ подчиненныхъ, но не слѣдуетъ забывать, что ихъ посредство выгодно только для тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя смотрятъ на свои мѣста, какъ на лавки, открытыя для торговли честью и правосудіемъ. Для честныхъ же дѣятелей и строгихъ исполнителей закона, а также и для общей массы чиновниковъ, такое преимущество, даже и теперь, чрезвычайно тяжко и весьма невыгодно, при новомъ же порядкѣ судопроизводства чиновники еще лучше поймутъ, что безъ непосредственной личной отвѣтственности передъ общею судебною властью они не могутъ пользоваться и тѣнью той самостоятельности, которая нужна для безукоризненнаго исполненія ихъ обязанностей на поприщѣ общественной дѣятельности. Лица, обреченныя необходимостью на этотъ родъ занятій и не имѣющія другихъ средствъ къ жизни, почувствуютъ

(*) Въ общемъ положеніи о крестьянахъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости, оно поставлено въ числѣ первыхъ и важнѣйшихъ личныхъ правъ.

себя въ безвыходномъ положеніи безгласныхъ тружениковъ, которые одни изъ всей массы народонаселенія лишены права личной и гласной защиты своихъ дѣйствій. Мы уже объясняли довольно подробно причины, по которымъ судъ административнаго начальства не можетъ быть вполнѣ безпристрастнымъ и непремѣнно руководствуется соображеніями, несогласными съ мыслью и цѣлями правосудія. Мы говорили о томъ, что корпоративный духъ, необходимо существующій въ каждомъ отдѣльномъ вѣдомствѣ, въ большей части случаевъ располагаетъ административныя начальства покровительствовать подчиненнымъ, на которыхъ приносятся жалобы. Но иногда бываетъ и наоборотъ. Случается, что тотъ же корпоративный духъ лишаетъ подчиненнаго всякихъ средствъ къ оправданію его дѣйствій въ глазахъ общества, если только опроверженіе извѣстнаго обвиненія сопряжено съ открытіемъ дурныхъ сторонъ или обыкновенныхъ злоупотребленій того вѣдомства, въ которомъ онъ служитъ. Такимъ образомъ, при отсутствіи непосредственной, личной отвѣтственности служащихъ передъ общею судебною властію, каждый честный и безукоризненный исполнитель закона всегда рискуетъ сдѣлаться случайною жертвою клеветы и быть лишеннымъ всякой возможности гласно и публично оправдать свои дѣйствія. Въ этомъ случаѣ положеніе должностнаго лица становится чрезвычайно страннымъ. Занимаясь дѣятельностію, которая считается самою важною и почетною, служащій видитъ, что его личность менѣе обезпечена, нежели честь простаго батрака. Каждый сидѣлецъ или ремесленникъ, обвиняемый въ обманѣ или воровствѣ, имѣетъ право гласно и открыто опровергнуть обвиненіе, не спрашиваясь у своего хозяина, между тѣмъ, какъ лице, состоящее на государственной службѣ и занимающее важную должность, какъ по роду его дѣятельности, такъ и по объему дѣлаемаго ему довѣрія, не можетъ защищаться гласно противъ клеветы иначе, какъ съ разрѣшенія своего начальства. Естественно, что лица, находящіяся въ такомъ положеніи, чувствуютъ себя, въ сферѣ своей дѣятельности, какъ бы лишенными всѣхъ правъ состоянія. Это положеніе цѣлаго класса должностныхъ лицъ доводитъ ихъ незамѣтно до совершеннаго отсутствія самостоятельности и постоянно давитъ нравственный уровень всей массы. Чувствуя себя какъ бы безсознательнымъ орудіемъ, не имѣющимъ никакого значенія въ громадномъ механизмѣ государственнаго управленія, общественный дѣятель невольно и незамѣтно лишается необходимой энергіи и, мирясь мало по малу съ невыгодами своего положенія, изъискиваетъ средства вознаградить себя *въ другихъ отношеніяхъ*. Разъ попавши на этотъ путь, уже трудно съ него своротить, если не измѣнится личное положеніе. Всякій, кто способенъ живо представить себѣ безвыходное

положеніе чиновника, нуждающагося въ службѣ, непремѣнно убѣдится, что необходимы чрезвычайныя нравственныя силы, чтобы противостоять этому общему теченію, и что ни одинъ истинно честный человѣкъ, сознающій дѣйствительное положеніе вещей и умѣющій ставить себя въ воображеніи на мѣсто другихъ, не поручится сознательно за самого себя въ удачномъ выходѣ изъ подобнаго испытанія. Въ этой тайной, подземной борьбѣ со всею окружающею средою, мало того геройства, которое способно подвинуть воина на разныя чудеса храбрости. Въ открытомъ сраженіи воинъ чувствуетъ себя сильнымъ, потому что идетъ съ тысячами товарищей. Въ этомъ открытомъ всенародномъ рискѣ есть много увлекательнаго. Онъ продолжается немного времени и неминуемо влечетъ за собою громкую славу, тогда какъ идти назадъ совершенно невозможно. На подобныя дѣйствія достаетъ у многихъ физическихъ силъ и нравственной энергіи. Напротивъ, въ темной канцелярской борьбѣ со всею окружающею средою, или, по крайней мѣрѣ, съ значительнымъ большинствомъ ея, боецъ является совершенно одинокимъ. Онъ ежечасно и ежеминутно рискуетъ потерять послѣдній кусокъ хлѣба для себя и для всѣхъ близкихъ и не можетъ вовсе разсчитывать на побѣду. Народъ справедливо говоритъ: «одинъ въ полѣ — не воинъ». Всякое должностное лицо, выступающее на такой бой, очень хорошо понимаетъ, что одному побѣдить всѣхъ нельзя, и что энергическое исполненіе имъ своихъ обязанностей въ противность заведенной рутинѣ и выгодамъ большинства его собратій — необходимо влечетъ его къ паденію самому безславному и не приносящему съ собою никакого утѣшенія, кромѣ внутренняго довольства. Поэтому для подобной борьбы годятся только однѣ сильно развитыя, высокія натуры, которыя попадаются весьма рѣдко и представляютъ явленія, совершенно выходящія изъ обыкновеннаго порядка вещей. Но и эти исключительныя, сильныя натуры, при отсутствіи всякаго самостоятельнаго положенія, могутъ только бороться, но никогда не побѣждаютъ. Само собою разумѣется, что безъ силы нельзя ничего сдѣлать. Отъ этого борьба подобныхъ личностей принимаетъ видъ крайняго безразсудства и вызываетъ лишь улыбку сожалѣнія.

Совсѣмъ другое чувствуется при непосредственной личной отвѣтственности. Здѣсь уже нѣтъ дѣятельности за чужой спиною. Каждый чиновникъ отвѣчаетъ самъ за всѣ свои служебныя дѣйствія. Въ этомъ случаѣ его дѣятельность не совершается уже въ одной тѣсной, душной атмосферѣ того вѣдомства, въ которомъ онъ служитъ. Онъ чувствуетъ себя уже не слугою своего ближайшаго начальства, но публичнымъ дѣятелемъ, который несетъ на себѣ извѣстную долю отвѣтственности предъ верховною властію и обществомъ. Какъ бы ни была

дурна среда, въ которой онъ находится, у него достанетъ силы съ нею бороться и презирать заведенную рутину. При незаконныхъ требованіяхъ своихъ сослуживцевъ, онъ будетъ имѣть достаточно энергіи, чтобы отвѣчать имъ прямымъ отказомъ. Онъ знаетъ, что окружающая его среда не представляетъ для него единственный верховный судъ, потому что онъ имѣетъ возможность вынести всякое дѣло на вольный воздухъ и представить его открыто на судъ безпристрастныхъ постороннихъ лицъ, не зараженныхъ удушливыми міазмами его начальственной канцеляріи. Такимъ образомъ, непосредственная личная отвѣтственность должностныхъ лицъ предъ независимымъ и гласнымъ судомъ представляется не только лучшимъ обезпеченіемъ строгаго исполненія законовъ административными лицами, но и единственнымъ средствомъ возвысить нравственный уровень служащихъ. При такой отвѣтственности мы не имѣемъ въ виду какого-либо особенно строгаго и неумолимаго преслѣдованія должностныхъ лицъ за всѣ малѣйшія упущенія или неумышленныя ошибки. Напротивъ, надобно полагать, что независимыя судебныя учрежденія, составъ которыхъ назначается высочайшею властію изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе и доказавшихъ на дѣлѣ свои способности, обезпечиваетъ для невинныхъ правосудіе въ большей степени, нежели административныя учрежденія, личный составъ которыхъ не подвергается такому тщательному выбору и не пользуется самостоятельнымъ положеніемъ. Эти соображенія совершенно убѣждаютъ въ томъ, что преданіе суду должностныхъ лицъ общею обвинительною властію будетъ совершаемо не менѣе осмотрительно и съ гораздо большимъ безпристрастіемъ, нежели ихъ административными начальствами.

Изложивъ необходимость непосредственной личной отвѣтственности каждаго служащаго передъ судомъ, мы находимъ нужнымъ обратить вниманіе еще на нѣсколько параграфовъ «основныхъ положеній», которые невольно порождаютъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно выбора присяжныхъ засѣдателей.

Въ «основныхъ положеніяхъ» говорится:

§ 27. «Присоединяемые къ составу судебныхъ мѣстъ присяжные «засѣдатели назначаются изъ мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій.

§ 28. «Условія, которыя должны соединять въ себѣ лица, подле«жащія внесенію въ списки присяжныхъ, или качества, опредѣляю«щія способность ихъ быть присяжными, положительно означаются «въ законѣ.

§ 29. «Условія сіи должны быть независимы отъ общихъ узако«неній о выборахъ. Онѣ могутъ быть *акльныя*, къ коимъ принадле«жатъ: опредѣленный возрастъ (отъ 25 до 70 лѣтъ), жительство «въ продолженіи извѣстнаго времени въ томъ округѣ, гдѣ присяжные

«сознаются, владѣніе недвижимымъ или движимымъ имуществомъ «и т. п.; и *внутреннія*, какъ-то: признаки извѣстной степени образо-«ванности, заслуженное довѣріе, добрая нравственность и т. п.

§ 32. «Списки лицъ, изъ которыхъ избираются присяжные на «каждый періодъ засѣданій, должны быть общіе и очередные.

§ 33. «Общіе списки всѣхъ вообще лицъ, соединяющихъ въ себѣ «внѣшнія качества, которыми опредѣляется, *въ силу самаго закона*, «способность быть присяжнымъ, составляются по каждому округу «отдѣльно и представляются губернатору.

§ 35. «Губернаторъ, получивъ общіе списки присяжныхъ, повѣ-«ряетъ, соблюдены ли при составленіи ихъ предписанныя закономъ «условія, и, исключивъ лица, неправильно туда внесенныя, препро-«вождаетъ исправленные на семъ основаніи списки, для опубликова-«нія ихъ въ общее свѣдѣніе, въ особыя мѣстныя коммиссіи, составъ «коихъ долженъ быть опредѣленъ закономъ».

Изъ этихъ положеній видно, что общіе списки присяжныхъ, представляемые губернаторамъ, должны содержать всѣхъ лицъ, соединяющихъ въ себѣ *внѣшнія* качества, которыя будутъ опредѣлены законами точно и положительно. Слѣдовательно, прежде нежели такіе списки попадутъ къ губернаторамъ, не можетъ быть и рѣчи о *внутреннихъ* качествахъ этихъ лицъ. Губернаторы же, получивъ эти общіе списки, повѣряютъ ихъ и, исключивъ лица, неправильно туда внесенныя, препровождаютъ въ особыя мѣстныя коммиссіи для опубликованія ихъ въ общее свѣдѣніе. Изъ этого слѣдуетъ, что повѣрка общихъ списковъ губернаторами будетъ окончательною и за тѣмъ уже не допускается болѣе никакихъ исправленій. Здѣсь неминуемо рождается вопросъ: кто же будетъ судить о тѣхъ *внутреннихъ* качествахъ присяжныхъ, которыя не могутъ быть строго обозначены въ законахъ и опредѣленіе которыхъ должно болѣе или менѣе зависѣть отъ произвольныхъ, личныхъ соображеній? Если въ общіе списки будутъ помѣщаться *всѣ вообще лица, соединяющія въ себѣ внѣшнія качества*, и эти списки въ такомъ видѣ будутъ представляться на окончательную повѣрку губернаторовъ, то изъ этого непремѣнно слѣдуетъ, что обсужденіе внутреннихъ качествъ (какъ то: степени развитія, образованности, заслуженнаго довѣрія, доброй нравственности и т. п.) предоставится исключительно окончательному и безапелляціонному рѣшенію начальниковъ губерній, то есть, мѣстной административной власти. Въ этомъ мы видимъ важное отступленіе отъ принятаго начала раздѣленія властей судебной и административной,— такое отступленіе, вслѣдствіе котораго самый личный составъ учрежденія, произносящаго судебный приговоръ, будетъ зависѣть исключительно отъ низшихъ должностныхъ лицъ мѣстной админи-

страціи. Очень понятно, что губернаторы не могутъ знать лично присяжныхъ, помѣщенныхъ въ общіе списки, потому что такихъ лицъ въ каждой губерніи должно быть не менѣе трехъ или четырехъ тысячъ. Ясно, что губернаторы будутъ поставлены въ необходимость рѣшиться на что либо изъ двухъ: или руководствоваться аттестаціями низшихъ властей, и наполнять суды исключительно лицами, заслужившими ихъ довѣріе и вниманіе, или повѣрять списки только по внѣшнимъ качествамъ и уничтожить въ дѣйствительности всякое значеніе правилъ о внутреннихъ качествахъ, которыя, въ сущности, весьма важны и необходимы въ смыслѣ обезпеченія правильности произносимыхъ приговоровъ. Къ этому надобно прибавить еще, что такъ какъ самыя ближайшія къ народу власти, (за исключеніемъ немногихъ старожиловъ, находящихся по 20 лѣтъ въ одной должности,) не имѣютъ средствъ знать лично всѣхъ обывателей, то въ обоихъ случаяхъ въ число присяжныхъ могутъ попадать люди, лишенные здраваго смысла. По всѣмъ выше изложеннымъ причинамъ, мы считаемъ необходимымъ обсужденіе внутреннихъ качествъ присяжныхъ предоставить исключительно ихъ мѣстнымъ обществамъ, которыя хорошо знакомы съ каждою личностью. Такимъ образомъ принципъ раздѣленія властей останется неприкосновеннымъ, а соединеніе въ присяжныхъ необходимыхъ внутреннихъ качествъ будетъ вполнѣ обезпечено.

Высказавъ наше мнѣніе о главныхъ и болѣе существенныхъ вопросахъ судебной реформы, мы отлагаемъ нѣкоторыя необходимыя объясненія до слѣдующей статьи, въ которой надѣемся поговорить обстоятельно о многихъ подробностяхъ ожидаемаго преобразованія.

А. М. УНКОВСКІЙ.

ПРОЦЕССЫ О ПЕЧАТИ ВЪ АВСТРІИ.

I.

Когда у насъ начались въ прошломъ году первые толки о цензурѣ, въ «Современникѣ» представлена была общая характеристика законовъ о печати, какіе существуютъ въ разныхъ государствахъ: въ общихъ чертахъ были указаны два главныя разряда законодательствъ, опредѣляющихъ существованіе прессы, — одни, которыя ставятъ преступленія печати въ ряду всѣхъ другихъ преступленій противъ личности, государства и т. д.; другія, которыя установляютъ для печати совершенно особенныя условія суда и осужденія, особенныя мѣры предупредительныя и карательныя. Какъ образецъ этихъ послѣднихъ спеціальныхъ законодательствъ, которыя предписываютъ особенныя установленія и мѣры противъ преступленій, совершаемыхъ посредствомъ печати, — приведены были французскіе законы; потому что эти законы именно послужили образцами для многихъ другихъ законодательствъ, имѣющихъ теперь силу въ разныхъ государствахъ западной Европы. Сличеніе этихъ законодательствъ между собой было бы не лишено характеристическаго значенія; теперь намъ достаточно замѣтить, что въ Австріи господствуетъ та же основная система французскаго закона о печати. Мы говоримъ о томъ законѣ, который имѣлъ силу въ Австріи до послѣдняго времени; теперь этотъ законъ получилъ иную внѣшнюю форму, но она конечно не измѣнитъ существеннаго положенія

прессы относительно государства. Чтобы составить себѣ болѣе осязательное понятіе о физіологическихъ отношеніяхъ прессы въ политической жизни государства, мы остановимся на недавнихъ совершившихся фактахъ; въ этихъ фактахъ отношенія печати являются уже въ законченномъ и опредѣленномъ видѣ, не дающемъ мѣста для споровъ.

Послѣдній дѣйствовавшій патентъ, заключавшій постановленія о печати, имѣетъ силу съ 1852 года (die Pressordnung vom 27 Mai 1852). Нѣсколькихъ словъ о его происхожденіи будетъ достаточно, чтобы указать читателю свойства этого закона. Онъ изданъ былъ въ то время, когда реакція, наступившая послѣ революціи 48-го года, была въ полной своей силѣ, когда начинались времена знаменитаго министерства Баха, которое до сихъ поръ все еще поминаютъ австрійскія газеты, радикальныя и умѣренныя, національныя и австрійско-нѣмецкія, поминаютъ, какъ татарское иго, и отъ солидарности съ которымъ рѣшительно отказываются новѣйшія министерства. Само собою разумѣется, что новый законъ, уничтожившій прежнюю превентивную цензуру, но вмѣстѣ уничтожившій и свободу печати, завоеванную 1848-мъ годомъ, съ ея открытой критикой и судомъ присяжныхъ,—что этотъ законъ долженъ былъ, по видамъ правительства, дать всѣ средства для укрощенія страстей, замѣченныхъ передъ тѣмъ въ литературѣ: обстоятельства совершенно благопріятствовали видамъ правительства. Оно обезпечило себя и отъ журнальной литературы дома, и отъ ввоза запретныхъ сочиненій: журналистика была стѣснена разными условіями, привозныя книги подверглись строгому надзору. Для изданія политической газеты требовалось особенное позволеніе (Concession), которое конечно намѣревались давать только людямъ безобиднымъ и надежнымъ; затѣмъ, правила требовали денежнаго обезпеченія (Caution), доходившаго до суммы въ 10.000 гульденовъ, если газета издавалась въ большомъ городѣ,— суммы, весьма значительной для провинціальныхъ издателей разныхъ народностей, которые вообще не богаты денежными средствами. Наконецъ, лучшей гарантіей для министерскаго абсолютизма было устройство судовъ, члены которыхъ были его вѣрными слугами. Правительство чувствовало удобства своего положенія и могло считать себя совершенно безопаснымъ съ этой стороны. Такое положеніе правительства было понятно и тѣмъ политическимъ людямъ разныхъ національностей, которымъ бы могло

придти въ голову основаніе политическаго органа. Въ 1851-мъ году порядки, заведенные 48-мъ годомъ, еще продолжались до нѣкоторой степени; до этого времени Гавличекъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ политическихъ людей славянской Австріи могъ еще вести своего «Славянина» (Slovan): процессы, которые правительство начинало противъ него, не удавались, потому что существовалъ судъ присяжныхъ, который оправдывалъ издателя, повинуясь чувству общественной справедливости; но съ этого же года реакція стала пріобрѣтать такую силу, что Бахъ счелъ возможнымъ употребить противъ общественнаго мнѣнія и его представителя весьма незатѣйливое средство. Въ одну прекрасную ночь Гавличекъ былъ схваченъ и безъ всякаго суда отправленъ въ ссылку. Эта ссылка его доконала. Законъ 27 мая установилъ новые, упомянутые нами порядки.

Слѣдствіемъ было то, что «татарское иго» наступило во всей своей силѣ и не было смущаемо никакими шумными голосами; самовластіе полиціи и чиновничества стало господствующимъ закономъ; завелась цѣлая система шпіонства, слѣдившаго за каждымъ шагомъ людей, выступавшихъ на политическую дѣятельность и имѣвшихъ вліяніе въ обществѣ; для національностей не-нѣмецкихъ положеніе стало въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще труднѣе, чѣмъ было до 48-го года, потому что правительство увидѣло въ этомъ году, что они были способны взять на себя опасную политическую роль: въ полиціи записаны были на всякій случай приметы Палацкаго, Ригера и другихъ замѣтныхъ людей у чеховъ; каждое собраніе, каждая сходка должны были имѣть позволеніе отъ полиціи; національный балъ считался чуть не демонстраціей.

Очень понятно, что подъ этой заботливой опекой нечего было и думать о политическомъ журналѣ, о дѣйствіи на общество, о печатной защитѣ своихъ правъ, о вопросѣ національностей и т. д. Журналистика сводилась на однѣ нѣмецкія газеты; славянскіе журналы были только оффиціальные, и конечно лишены были всякаго общественнаго интереса. Такъ продолжалось до 1861-го года, когда политическая журналистика снова появилась, какъ слѣдствіе конституціоннаго «диплома», изданнаго въ 1860-мъ году.

Мы не станемъ разбирать здѣсь основаній, руководившихъ австрійскимъ правительствомъ при изданіи диплома 20-го октября. Достаточно сказать, что правительство снова выставляло

своимъ политическимъ началомъ конституцію, снова вызывало народное представительство, открыло выборы и устроило двѣ палаты. Конституціонный принципъ, объявленный принципомъ правительства, долженъ былъ снова пробудить политическія стремленія, заглушенныя полиціей Баха, и дѣйствительно, въ первый же годъ послѣ октябрскаго диплома политическая журналистика развилась въ Австріи, какъ, можетъ быть, никогда прежде. Вопросъ о національности, молчавшій до того времени у славянъ, опять выступилъ на сцену: это былъ живой общественный вопросъ, потому что начало національной равноправности, обѣщанное правительствомъ, имѣло слишкомъ много приложеній въ областной жизни и въ мѣстныхъ отношеніяхъ. Дипломъ давалъ законность стремленіямъ къ федераціи и къ гражданской свободѣ. И то и другое было истинной потребностью общества и національностей: для южныхъ славянъ шло дѣло о распредѣленіи національныхъ территорій, у русиновъ—объ отношеніяхъ съ поляками, у чеховъ—съ нѣмцами; вмѣстѣ съ тѣмъ для всѣхъ болѣе развитыхъ людей общества шелъ въ особенности вопросъ о внутреннемъ положеніи общества, о дѣйствительности обѣщанной гражданской свободы, о послѣдовательномъ проведеніи конституціи и т. д. . . . .

Непрочность новыхъ начинавшихся отношеній чувствовалась довольно сильно: новый порядокъ уже въ самомъ началѣ сталъ представлять много политическихъ и общественныхъ непослѣдовательностей, которыя не могли не бросаться въ глаза и не могли успокоительно дѣйствовать на людей, не лишенныхъ проницательности и политическаго опыта. Серьезнѣйшій изъ славянскихъ журналовъ въ Австріи, чешскіе «Народные Листы», съ самаго начала изданія (съ 1861 года) сталъ на скептическую точку зрѣнія и оставался на ней до послѣдней возможности, до тѣхъ поръ, когда она стоила ему длиннаго процесса. Мы разскажемъ о немъ послѣ. Новый порядокъ представлялъ и въ своей теоріи, и въ исполненіи множество противорѣчій. Прежде всего, дипломъ 20-го октября не долго остался нетронутымъ: уже въ февралѣ слѣдующаго (1861) года изданы были такъ называемые «патенты», служившіе правительственнымъ дополненіемъ и толкованіемъ конституціоннаго акта и въ сущности его нарушавшіе. Въ патентахъ уже ясно проглядывали обычныя централистическія попытки, и это крайне не понравилось федералистамъ, къ числу которыхъ принадлежало все либерально-настроенное у славянъ. Борьба съ

патентами, *изданными министромъ*, въ пользу болѣе федеральнаго и конституціоннаго диплома, *даннаго императоромъ*, составила поэтому основу публицистскаго движенія. Конечно, въ сущности императорскія свойства диплома были только формой, за которую укрывались журналисты въ спорахъ противъ Шмерлинга и Лассера, но во всякомъ случаѣ на сторонѣ журналистовъ была полная законность,—они думали, что стоятъ на твердой и легальной почвѣ; мы увидимъ, что она оказывалась болотомъ, въ которое они и провалились. Притомъ, конституція очевидно была вынужденная: правительству вовсе не было охоты добровольно отказываться отъ удобствъ безконтрольной власти; итальянскій и венгерскій вопросъ, въ связи съ другими грозившими обстоятельствами, были существеннымъ основаніемъ для этой перемѣны образа мыслей. Привычки абсолютизма были слишкомъ сильны, чтобы отъ нихъ легко могли отказаться и правительство, и его усердные исполнители: управленіе сохраняло свои старые пріемы, оставалось то же самое чиновничество, которое расправлялось съ дѣлами при Бахѣ; люди прежняго времени, напр. бывшій штаттгальтеръ Богеміи, Мечери, принадлежали и къ новому министерству. Правительство открывало обществу возможность выражать свои желанія и свои понятія о ходѣ общественной политики, и въ то же время удерживало прежній законъ о печати, вышедшій въ министерство Баха; въ судѣ оно не давало писателю и журналисту той единственной гарантіи, которая бы могла до нѣкоторой степени обезпечивать ихъ дѣятельность — присяжныхъ: судъ бюрократическій остался по прежнему подъ прямымъ вліяніемъ правительства, и оно могло проводить черезъ него всѣ мѣры, какія бы вздумало принять противъ враждебной журналистики. Этотъ недостатокъ общественной свободы, которую обѣщала конституція; это двусмысленное положеніе, въ которомъ до сихъ поръ находится національная равноправность и свобода общественнаго мнѣнія въ печати, чрезвычайно ясно высказываются въ тѣхъ процессахъ о печати, которыми въ послѣдніе два года наводнены были австрійскіе суды.

Эти процессы, въ томъ видѣ, какъ они совершались теперь въ Австріи, были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ фальшивой или недодѣланной конституціи. Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, потому что они характеризуютъ и нынѣшнее политическое положеніе Австріи и вмѣстѣ дадутъ возможность для нѣкоторыхъ выводовъ относительно законодательствъ о печати вообще. До-

статочно, конечно, только нѣсколькихъ примѣровъ. Всѣхъ процессовъ о печати въ послѣдніе два года было уже очень много, важныхъ и неважныхъ: мы беремъ изъ нихъ нѣсколько процессовъ противъ славянскихъ журналовъ, — съ ними мы могли познакомиться всего ближе; важнѣйшій процессъ, направленный противъ «Народныхъ Листовъ», начинался на нашихъ глазахъ. Наконецъ, кромѣ вопроса конституціоннаго, эти процессы бросаютъ свѣтъ и на отношенія національностей между собою.

Какъ мы сказали, признаки австрійской конституціи въ концѣ 1860-го года вдругъ породили цѣлую массу политическихъ журналовъ, какихъ славяне не знали со временъ Гавличка. Каждая славянская національность Австріи нашла свой органъ, либеральный или правительственный: у чеховъ, поляковъ, моравaнъ, словаковъ, хорватовъ, далматинцевъ явились свои національные органы. Всего больше газетъ оказалось въ Прагѣ, съ различными оттѣнками въ политическихъ мнѣніяхъ. Впрочемъ оттѣнковъ было не много: всего больше были въ ходу мнѣнія, которыхъ держался главный чешскій журналъ, «Народные Листы»; исключеніе составляли министерскій «Часъ» (Время), «Позоръ» (Обозрѣніе) — клерикальная газета, кромѣ интересовъ страны принимавшая слишкомъ близко къ сердцу интересы папскаго престола. Затѣмъ остальные журналы: «Голосъ», «Общинные Листы», «Пражскій Вѣстникъ», «Юмористическіе Листы», «Моравaнъ» представляли туже національную программу, отличаясь только большей осторожностью тона.

Журналъ, дававшій тонъ остальнымъ, «Народные Листы», проводилъ вообще тѣ же взгляды, какіе защищали въ палатѣ лучшіе изъ чешскихъ депутатовъ—д-ръ Ригеръ, Браунеръ, Клауди и пр. Въ чешскихъ листкахъ вообще господствовалъ одинъ тонъ, — основной тонъ правой стороны нижней палаты: все это болѣе или менѣе строгіе федералисты, всѣ болѣе или менѣе недовольные Шмерлингомъ и неполной по отсутствію венгровъ палатой (engerer Reichsrath); всѣ расходятся съ лѣвой стороной, и стоятъ за конкордатъ изъ за связей съ духовенствомъ въ которомъ находятъ поддержку своихъ національныхъ стремленій.

Таковы самыя общія черты новѣйшей либеральной журналистики у чеховъ и нѣкоторыхъ другихъ австрійскихъ славянъ, которые сходятся съ ними въ защитѣ національностей и федеральнаго устройства. Нельзя сказать, чтобы эта защита была ведена особенно энергически, чтобы статьи журналовъ отлича-

леёв особенной силой: чешская журналистика довольствуется только насущными вопросами, не задаетъ себѣ слишкомъ обширныхъ задачъ, не домогивается основныхъ условій соціальной жизни и, заботясь прежде всего о народности, мирится съ разными общественными явленіями, если они не противорѣчатъ или помогаютъ ея дѣлу. Оттого характеръ ея способенъ иногда возбуждать сомнѣніе въ постороннемъ наблюдателѣ: ея идеи, т. е. идеи народной партіи, чисто мѣстныя; для нея прежде всего нужно отстоять мѣстную особенность и мѣстное право, — и для нихъ она забываетъ другіе принципы, которые, повидимому, должны бы также занимать ее. Таковъ былъ напр. недавно вопросъ объ освобожденіи такъ называемыхъ «учебныхъ фондовъ» (Studienfonds, капиталы, посвященные на учебныя учрежденія и народное воспитаніе) отъ вліянія духовенства и конкордата, — вопросъ, возбудившій въ прошломъ году горячіе споры въ палатѣ. Лѣвая сторона, сторона, состоящая изъ нѣмецкихъ либераловъ, старалась устранить духовенство отъ вліянія на фонды; она выставляла своимъ принципомъ свободу преподаванія, для которой необходимо было устранить господствующее вліяніе на школы духовенства, владѣющаго значительными капиталами и стремящагося къ монополіи народнаго образованія. По видимому, дѣло не представляло никакихъ сомнѣній: духовенство, завѣдующее гимназіями и даже *реальными* школами, справедливо должно было казаться плохимъ судьей дѣла. Народная партія думала иначе: депутаты ея изъ разсчета уклонились въ палатѣ отъ дебатовъ по этому поводу, но чешская журналистика открыто стояла за конкордатъ и не соглашалась на отчужденіе фондовъ въ распоряженіе свѣтской власти. Передача фондовъ въ руки правительства, по мнѣнію чеховъ, сдѣлала бы изъ нихъ орудіе центральной власти, тогда какъ въ рукахъ духовенства фонды остаются мѣстнымъ достояніемъ страны: католическое духовенство, выходя само изъ народа, сохраняетъ мѣстный патріотизмъ, и съ другой стороны находитъ національныя стремленія выгодными для поддержанія своего политическаго значенія, — такъ что интересъ духовенства сходится съ интересомъ народной партіи. Изъ этого выходитъ положеніе нѣсколько странное: въ защитѣ учебныхъ фондовъ главы народной партіи соединяются съ самыми отсталыми клерикалами и защитниками конкордата, надъ которыми весьма остроумно трунили вѣнскіе сатирическіе листки. Предводители народной партіи съ одной стороны теряли свой кредитъ

въ глазахъ людей истинно передовыхъ, и съ другой сами ошибались въ томъ, что, можетъ быть, мало опредѣляли себѣ характеръ защищаемаго ими клерикальнаго воспитанія народа и результаты этого воспитанія въ будущемъ.

Изъ этого примѣра можно видѣть, что эта журнальная литература стоитъ за ближайшій интересъ и не вдается въ критику слишкомъ обширныхъ общественныхъ принциповъ. Такой характеръ журналистики ручается конечно за то, что въ ней трудно было бы найти какія нибудь слишкомъ превратныя идеи, какія нибудь наклонности къ ниспроверженію законнаго порядка и т. п. Вниманіе журналовъ поглощено было насущными потребностями общества: они жаловались на гнетъ чиновничества, на неполноту обѣщанныхъ конституціонныхъ вольностей, разбирали вопросъ о народномъ языкѣ въ школѣ и управленіи, равенствѣ національностей въ мѣстной администраціи и т. п. Но при всей этой умѣренности и осторожности журналы не избѣгли гоненій; министерство не выносило и тѣхъ возраженій, которыя дѣлались ему по праву, данному конституціей; общественное мнѣніе нравилось только тогда, когда оно адресовалось къ министерству съ лестными изъявленіями сочувствія и благодарностей.

Конфискаціи и процессы съ журналами случались и прежде, но при полномъ господствѣ министерскаго абсолютизма журналистика была такъ забита, поводы къ преслѣдованіямъ были такъ ничтожны, что процессъ сводился на личное недоброжелательство или полицейскую придирку. Журналы конфисковались, полиція по нѣскольку мѣсяцевъ разбирала дѣло, редакторъ долженъ былъ толковать полиціи невинный смыслъ своихъ словъ. Въ случаѣ надобности полиція устроивала такъ, что дѣло обходилось и вовсе безъ разбора и суда, и обвиненный не находилъ надъ ней никакого контроля.

Дѣла совершались по упомянутому выше закону о печати, который давалъ полиціи возможность толковать статьи, какъ она заблагоразсудитъ, и подводилъ нарушенія закона о печати подъ самыя пугающія уголовныя рубрики. Нѣсколько параграфовъ изъ устава о печати давали полиціи полную власть въ руки. Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ параграфовъ, всего чаще рѣшавшихъ дѣло, былъ § 22, слѣдующаго широкаго содержанія:

«Если періодическое изданіе неизмѣнно (?) держится направленія, враждебнаго престолу, монархической формѣ правленія,

государственному единству и цѣлости имперіи, монархическому принципу, религіи, общественной нравственности, или вообще враждебнаго основамъ гражданскаго общества, или несогласнаго съ поддержаніемъ общественнаго спокойствія и порядка, то послѣ двукратнаго письменнаго предупрежденія, — ежели оно останется безъ дѣйствія, — дальнѣйшее продолженіе такого періодическаго издаиія можетъ быть остановлено на три мѣсяца намѣстникомъ коронной земли, въ которой оно издается.

«Болѣе продолжительное, или совершенное запрещеніе, или отнятіе позволенія (концессіи) можетъ быть опредѣлено *только* высшей полицейской властью».

Это *только* кажется нѣкоторой гарантіей за то, что запрещеніе будетъ дѣлаться съ достаточными основаніями и безпристрастіемъ; но въ Австріи полицейское министерство было и до сихъ поръ остается весьма внимательно къ подобнымъ случаямъ, и бюрократическій порядокъ не мѣшалъ кончать дѣло скоро, когда это считали нужнымъ. О ссылкѣ Гавличка распорядились такъ скоро, что никто и не подозрѣвалъ ея возможности.

Но каковы бы ни были поступки полиціи въ это время, она имѣла на нихъ свое оффиціальное право. Австрія была оффиціально неограниченной монархіей, статьи закона опредѣляли весьма широко оттѣнки преступленій, которыя могли быть совершены печатью; полиціи было предоставлено полномочіе, и противъ ея распоряженій нельзя было ничего говорить, потому что это было бы охужденіемъ распоряженій правительства, а это уже само по себѣ было уголовнымъ преступленіемъ.

Какъ измѣнились эти порядки въ конституціонной Австріи?

Одно изъ первыхъ осужденій, произнесенныхъ судомъ противъ журнала послѣ объявленія новой конституціи, было осужденіе «Посла изъ Праги» (въ октябрѣ 1861). Поводомъ къ процессу послужила статья, въ которой редакторъ этого изданія разсказывалъ свои приключенія съ полицейской цензурой прежняго времени. Статья была поучительна и занимательна для читателей, потому что эти старые порядки были изображены довольно выразительно. Но полицейскимъ властямъ статья не понравилась, и противъ журнала начатъ былъ процессъ: общее содержаніе статьи осталось однако не тронуто, обвиненіе обращено было противъ одной фразы, нѣсколько неясной по смыслу, но впрочемъ весьма невинной и удовлетворительно объясненной редакторомъ при слѣдствіи, и редакторъ былъ обвиненъ въ нару-

шеніи § 300 и § 302 уголовнаго кодекса, въ осмѣяніи органовъ правительства и возбужденіи противъ нихъ ненависти. Въ публичной защитѣ редакторъ очень основательно объяснилъ, что если въ его статьѣ была критика органовъ власти, то органовъ прошедшей власти временъ Баха, и что если запрещается это, то должна быть запрещена всякая исторія, потому что и ей очень часто приходится критиковать органы власти. Судъ однако не согласился съ этимъ и отомстилъ за Баха двухнедѣльнымъ заключеніемъ редактора и 50 гульденовъ штрафа.

Упомянутые нами параграфы уголовнаго кодекса (§ 300 и § 302), по которымъ осуждена была невинная статейка «Пражскаго Посла», вообще знамениты въ послѣднихъ процессахъ о печати, происходившихъ въ Австріи. Они возвращались почти въ каждомъ новомъ дѣлѣ; подъ нихъ подводилась каждая статейка, не нравившаяся министерству и заключавшая въ себѣ какія нибудь сужденія о дѣйствіяхъ правительства. Изъ этихъ замѣчаній, изъ попытокъ того, что называется у насъ «гласностью», по упомянутымъ параграфамъ уголовнаго кодекса выходили настоящія государственныя преступленія. Редакція статей принадлежала временамъ Баха и осталась неизмѣненной въ государствѣ, объявленномъ за конституціонное. Можно себѣ представить, какъ приходились эти статьи къ конституціонной дѣятельности печати.

Параграфъ 300 говоритъ слѣдующее:

«Кто публично, или передъ многими людьми, или въ печатныхъ изданіяхъ, распространенныхъ изображеніяхъ или сочиненіяхъ, старается посредствомъ насмѣшекъ, оскорбленій, ложныхъ показаній или извращенія фактовъ унизить распоряженія или рѣшенія властей, или возбудить такимъ образомъ другихъ къ ненависти, къ презрѣнію, или бездѣльнымъ жалобамъ противъ государственныхъ или общинныхъ начальствъ, или противъ отдѣльныхъ органовъ правительства относительно ихъ должностной дѣятельности, или противъ свидѣтеля или эксперта относительно ихъ отзывовъ передъ судомъ, тотъ становится виновенъ въ преступленіи возмущенія,—если въ этой дѣятельности не обнаруживается болѣе недозволительное и подлежащее наказанію дѣйствіе,—и наказывается арестомъ отъ одного до шести мѣсяцевъ».

Другой параграфъ представляетъ для австрійскаго публициста перечетъ нарушеній закона:

«Кто старается привести другихъ къ враждѣ противъ раз-

личныхъ національностей (племенъ), религіозныхъ и другихъ обществъ, отдѣльныхъ классовъ или сословій гражданскаго общества, или противъ законно-признанныхъ корпорацій, или вообще вызываетъ и побуждаетъ жителей государства къ враждебному дѣленію на партіи, виновенъ въ нарушеніи закона,—если въ этой дѣятельности не обнаруживается болѣе недозволительное и подлежащее наказанію дѣйствіе, — и осуждается на строгій арестъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ».

Спрашивается: можетъ ли публицистъ, который интересуется политическими событіями своего отечества и по неволѣ долженъ вмѣшиваться въ споры партій, особенно при конституціонныхъ порядкахъ,—можетъ ли онъ не подпасть подъ эту статью закона, если только не хочетъ остаться совершенно безличнымъ собирателемъ чужихъ новостей? Дѣйствительно, журналы конституціонной Австріи или спасались этой безличностью, или были полу-оффиціальными органами того или другаго министра, или нарушали законъ и подвергались преслѣдованіямъ министерства, прикрытымъ формой юридическаго процесса.

Процессы начались, какъ только журналы вздумали воспользоваться даннымъ конституціей правомъ разсужденія объ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ. Оффиціальные обвинители, наставляемые министерствомъ, привязывались къ самымъ ничтожнымъ поводамъ, чтобы вовлечь въ процессъ журналъ, вызывавшій неудовольствіе какого нибудь высоко-поставленнаго лица. «Пражскій Посолъ» былъ осужденъ безъ всякаго достаточнаго основанія.

Другой процессъ, болѣе занимательный, поднятъ былъ противъ «Юмористическихъ листовъ»; онъ кончился въ февралѣ прошлаго года. Процессъ начался еще въ 1861 г. изъ за двухъ картинокъ и стихотворенія, помѣщенныхъ въ газетѣ. На одной картинкѣ изображенъ былъ «Переходъ черезъ австрійскую Березину»: нарисована была рѣка съ надписью «долги»; мостъ съ надписью «20 октября»; столбъ, поддерживающій мостъ, съ надписью «довѣріе»; дальше, заброшенный камень съ надписью «историческія права»; но мостъ, столбъ и перила надломаны и мостъ поддерживается штыками. Черезъ мостъ Шмерлингъ ведетъ Австрію. На другой картинкѣ представленъ былъ двуглавый (австрійскій) орелъ, котораго тянутъ за головы нѣмецкій «Михель» и мадяръ, въ сторонѣ исхудавшій славянинъ; у орла спутанныя ноги и надрубленная шея; передъ орломъ стоитъ Шмерлингъ

съ топоромъ, на которомъ написано «26 февраля». Наконецъ, стихотвореніе, послужившее третьимъ поводомъ къ обвиненію, предостерегаетъ народъ отъ обирающихъ его «бюрократовъ».

Разборъ дѣла и судъ состоялъ, какъ обыкновенно, въ препирательствѣ государственнаго прокурора (Staatsanwalt, státni zastupce) и судей съ одной стороны, и обвиняемыхъ и ихъ адвоката съ другой. Первые старались доказать, что картинки и пѣсня имѣютъ цѣлью предать посмѣянію органы правительства въ лицѣ министра Шмерлинга; редакторъ и адвокатъ утверждали напротивъ, что личность Шмерлинга остается нетронутой, что онъ изображенъ не въ каррикатурѣ, что сатирическій журналъ только воспользовался наравнѣ съ другими правомъ обсужденія политическихъ вопросовъ, которое допускается въ конституціонныхъ государствахъ; но что онъ воспользовался имъ только съ тѣмъ юмористическимъ характеромъ, которымъ отличается весь журналъ и который дозволенъ былъ ему въ самой оффиціальной концессіи. Что касается до содержанія картинокъ, редакторъ доказалъ, что положеніе Австріи дѣйствительно таково, какъ оно изображено въ картинкахъ и что видѣть въ изображеніи этого порядка одно оскорбленіе Шмерлинга будетъ совершенно несправедливо: не сомнѣваясь въ его добрыхъ намѣреніяхъ, редакторъ сомнѣвается только въ справедливости его политическихъ взглядовъ; мадяръ и нѣмецъ, раздирающіе на части австрійскаго орла, призваны и перессорены не Шмерлингомъ и т. д. Наконецъ, говоря о «бюрократахъ», онъ вовсе не хотѣлъ возбуждать вражды противъ чиновничьяго сословія вообще,—за что судъ обвинялъ его въ нарушеніи 302-й статьи уголовнаго кодекса, — а только говорилъ о дурныхъ членахъ чиновничьяго сословія.

Судъ дѣлалъ нелѣпости на каждомъ шагу. Во первыхъ, онъ втянулъ въ процессъ фактора типографіи, который разумѣется ничѣмъ не участвовалъ въ изданіи и оказался человѣкомъ совершенно наивнымъ, который зналъ только одну чисто-механическую сторону типографскаго дѣла. Предсѣдатель—вѣроятно по незнанію того, какъ печатаются книги—счелъ нужнымъ распросить его о всѣхъ подробностяхъ печатанія, которыя можно было бы предположить извѣстными, и хотѣлъ, кажется, взвалить на бѣднаго фактора цензорскія обязанности. Затѣмъ, обвинительный актъ пустился въ объясненіе слова «бюрократъ», подвергнутаго осмѣянію въ пѣснѣ. Онъ старался доказать тождество бюрократіи

и чиновничества вообще,—что и должно было подвести пѣсню подъ статью закона,—и разсуждалъ слѣдующимъ образомъ:

«Слово бюрократія по этимологическому (!) происхожденію своему означаетъ правленіе, дѣйствующее съ помощью бюро или канцелярій, какъ демократія — правленіе народа, аристократія-правленіе дворянское, теократія—правленіе церковное.

«Это — правленіе, которымъ по свидѣтельству исторіи (!!) пользовались и еще пользуются государи многихъ земель, съ тѣмъ только различіемъ, что въ государствахъ конституціонныхъ въ этомъ правленіи имѣетъ участіе и народное представительство.

«Такимъ образомъ, словомъ бюрократія означается органъ правительства вообще, чиновничество вообще, а вовсе не одни дурные члены чиновничьяго сословія».

На это обвиняемый долженъ былъ сдѣлать элементарное объясненіе того, въ какомъ смыслѣ это слово употребляется обыкновенно, и потомъ не безъ остроумія замѣтилъ, что по толкованію обвинительнаго акта бюрократія (какъ демократія и т. д.) должна означать чиновничье правленіе, а не правленіе *съ помощью* чиновниковъ, и что онъ никогда не слыхалъ, чтобы императорскіе королевскіе (к. к.) чиновники называли себя императорскими-королевскими бюрократами.

Судъ рѣшилъ, что факторъ невиненъ; но редакторъ былъ положительно обвиненъ въ возбужденіи ненависти къ правительству и въ осмѣяніи его органовъ, потому что «подъ бюрократіей— по словамъ предсѣдателя суда — въ государствѣ *абсолютномъ* должно пониматься сословіе чиновниковъ». Предсѣдатель совершенно забылъ, что въ Австріи существуетъ конституція, — ошибка извинительная впрочемъ, потому что она была похожа на правду. Принявши во вниманіе разныя облегчающія обстоятельства, судъ приговорилъ редактора Вилимка только къ двухъ-недѣльному заключенію и къ уплатѣ 100 гульденовъ штрафа.

Читатель могъ замѣтить, что процессъ былъ весьма занимателенъ по своей наивности. Процессъ былъ подробно разобранъ въ «Народныхъ Листахъ», которые доказали весьма убѣдительно, что ни обвиненныя картинки, ни пѣсня не только не заключали въ себѣ ничего противнаго конституціонному закону, но напротивъ были только вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности. Тѣ мнѣнія, которыя правительство преслѣдовало въ обвиненной газетѣ, — о международныхъ отношеніяхъ Австріи, притязаніяхъ нѣмцевъ и венгровъ, о внутренней политикѣ мини-

стерства, самовластія чиновничества и т. д., — были повторены «Народными Листами» и обставлены фактами, противъ которыхъ нельзя было спорить. Правительство не могло бы затѣять новаго процесса, если только хотѣло сохранить какія нибудь конституціонныя приличія. Оно дѣйствительно и не затѣяло его теперь; оно отомстило «Народнымъ Листамъ» послѣ, по другому случаю...

Однимъ изъ самыхъ странныхъ процессовъ, лишенныхъ всякаго конституціоннаго смысла, былъ процессъ сдѣланный нѣмецкой газетѣ Pilsner Bote. Дѣло происходило въ небольшомъ окружномъ городѣ Пильзенѣ.

Судъ составленъ былъ изъ предсѣдателя—окружнаго судьи и двухъ ландратовъ; обвинителемъ былъ по обыкновенію правительственный прокуроръ. Обвиненные были: юристъ Уманъ (чехъ), купецъ Фейерфейль (нѣмецъ), типографщикъ Шибль и Шмидъ—прежній редакторъ «Пильзенскаго Вѣстника». Кромѣ одной неважной частной жалобы, которую мы оставимъ въ сторонѣ, главнымъ образомъ газета была обвинена въ нарушеніи общественнаго спокойствія изъ-за одной невинной статьи, содержаніе которой мы сейчасъ объяснимъ. Дѣло въ томъ, что прошлой зимой затѣяли народную лоттерею въ пользу сироты, дочери Гавличка. Для тѣхъ изъ читателей, кому мало знакомо это имя, мы замѣтимъ, что это былъ одинъ изъ лучшихъ передовыхъ людей чешской литературы, выступившій на сцену въ 1848 году. Онъ сдѣлался журналистомъ и имѣлъ огромное вліяніе на свою публику изъ всѣхъ слоевъ общества. Взгляды Гавличка были политической программой передовой партіи; человѣкъ широкаго ума и твердаго характера, онъ проводилъ ихъ съ такимъ одушевленіемъ и талантомъ, что скоро онъ сдѣлался общественной силой. Правительство смотрѣло на него косо; онъ не разъ подвергался процессамъ, но судъ присяжныхъ, введенный революціей въ дѣла о печати, каждый разъ освобождалъ его отъ правительственныхъ привязокъ. Наконецъ, когда реакція почувствовала уже въ себѣ достаточно силы, Гавличекъ, по простому полицейскому распоряженію Бака, былъ схваченъ въ 1851 году и свезенъ съ жандармомъ въ Тироль, въ ссылку. Эта несправедливость, противъ которой онъ и его почитатели были безсильны, подѣйствовала на него въ высшей степени болѣзненно. Правительство позволило ему потомъ вернуться въ Прагу, когда онъ былъ уже тамъ безопасенъ. Гавличекъ прі-

ѣхалъ въ Прагу уже совершенно разстроенный и вскорѣ умеръ. Отъ него осталась одна сирота, дочь; одинъ изъ друзей Гавличка взялъ ее къ себѣ: теперь она скоро будетъ взрослой дѣвушкой. Для нея-то чешскіе патріоты и рѣшились устроить лоттерею, которая бы могла обезпечить ея положеніе. Лоттерея была дозволена конституціоннымъ правительствомъ. Лоттерея стала дѣйствительно народной: чехи, вообще не богатые, приняли въ ней самое дѣятельное участіе; дамы и дѣвушки взяли на себя главную заботу. Они составили комитетъ, нашли во всѣхъ городахъ Чехіи корреспондентокъ, собирали пожертвованія и подарки, которые должны были послужить основаніемъ лоттереи, и пожертвованій набралось такъ много, что лоттерея могла принести 30,000 гульденовъ, т. е. около 16—17 тысячъ руб. сереб., что составило бы въ подобномъ случаѣ весьма значительную сумму напримѣръ и у насъ. Въ размѣрахъ чешской публики успѣхъ былъ громадный. Этотъ успѣхъ, походившій на демонстрацію, быть можетъ, и сталъ причиной правительственнаго неудовольствія, которое ясно обнаружилось въ пильзенскомъ процессѣ.

Въ то время, когда собирались пожертвованія для лоттереи, дамское общество въ Прагѣ пригласило въ корреспондентки жену обвиняемаго Фейерфейля, въ Пильзенѣ. Этотъ думалъ, что *для* успѣха дѣла нужно объявленіе въ газетѣ и просилъ обвиняемаго Умана написать приглашеніе къ участію въ лоттереѣ, какъ уже было сдѣлано прежде въ Прагѣ. Это-то объявленіе, написанное Уманомъ по чешски въ Pilsner Bote, и послужило пунктомъ обвиненія противъ журнала. Это было конечно патріотически-написанное обращеніе къ чешскимъ женщинамъ и дѣвушкамъ, вызывавшее ихъ содѣйствовать обезпеченію дочери Гавличка. «Чешскій народъ, — сказано было въ объявленіи, — наслѣдовалъ отъ своего великаго *мученика* Карла Гавличка, кромѣ безсмертныхъ плодовъ его сильнаго духа, и его единственную дочь. Бѣдная дѣвочка недолго была счастлива любовью дорогой матери: она не знала прелести материнской улыбки. Она привыкла смотрѣть только въ блѣдное, увядшее съ горя лицо своей матери и поцѣлуями стирать съ него жгучія слезы печали и тоски по мужѣ, который *за свою патріотическую доблесть безъ суда былъ осужденъ влачить жизнь въ ужасномъ изгнаніи*».

Въ подчеркнутыхъ словахъ судъ видѣлъ преступленіе противъ приведеннаго нами выше 300-го параграфа уголовнаго кодекса. Если вспомнить, что въ этихъ словахъ, относившихся ко време-

намъ уже прошедшимъ, не было ни малѣйшаго преувеличенія, что въ нихъ говорилась вещь весьма извѣстная; то *судъ*, требовавшій къ отвѣту и редакторовъ газеты, и Умана, писавшаго статью, и Фейерфейля, не писавшаго въ ней ни строки, — *судъ*, публично собиравшійся навязывать обществу уваженіе къ беззаконію, является дѣйствительно чѣмъ-то дикимъ. Всѣмъ справедливо могла придти въ голову мысль, что судъ былъ заказанъ сверху, что оттуда хотѣли, какъ бы то ни было, отплатить за «демонстрацію», т. е. за искреннее и мирное выраженіе общественнаго мнѣнія.

Процессъ не лишенъ былъ нѣкоторыхъ любопытныхъ подробностей.

Когда Уманъ объяснилъ, по какому случаю онъ написалъ статью, президентъ продолжалъ:

Президентъ. Что знаете вы о Гавличкѣ, объ отправленіи его въ Бриксенъ и о томъ, какъ онъ тамъ жилъ?

Уманъ. Прежде, чѣмъ стану отвѣчать на эти вопросы, я долженъ разобрать статью (беретъ уголовный кодексъ, чтобы пріискать § 300). Я никогда не имѣлъ намѣренія...

Президентъ. Постойте, постойте. *Они* еще захотятъ читать здѣсь цѣлыя лекціи! (*) Я васъ спрашиваю: — за что, думаете вы, Гавличекъ отвезенъ былъ въ Бриксенъ?

Уманъ. По приказанію Баха — за что? не знаю.

Президентъ. Знали вы, какъ онъ тамъ жилъ, какъ ему было тамъ?

Уманъ. Только не хорошо. Счастливымъ онъ себя тамъ не чувствовалъ. Я знаю это изъ его сочиненій. Впрочемъ о томъ, какъ ему жилось въ изгнаніи, я не говорилъ въ своемъ вызовѣ.

Президентъ (горячо). Знаете ли вы, что онъ получалъ тамъ 400 гульденовъ, а послѣ, когда пріѣхала къ нему жена, и 500 гульденовъ въ годъ; что онъ жилъ тамъ на свободѣ и могъ дѣлать, что хотѣлъ? Знаете ли вы это?

Уманъ. Я знаю, что каждый подвергающійся наказанію содержится на казенный счетъ. Впрочемъ, я не зналъ, сколько получалъ Гавличекъ.

Президентъ. По какой причинѣ вы писали такъ противъ правительства, которое было къ нему такъ хорошо расположено?

(*) Эти *они* сказаны были президентомъ вмѣсто *вы*, по нѣмецкому обыкновенію, и потомъ подняты были на смѣхъ сатирическими журнальцами. Чехи терпѣть не могутъ этого германизма, который дѣлаютъ только люди, не знающіе хорошаго литературнаго языка.

Уманъ. Я этого хорошаго расположенія не вижу.

Президентъ. Зачѣмъ вы твердите о мученичествѣ, о насиліи? Это возбуждаетъ противъ правительства.

(Президентъ дѣлаетъ кучу вопросовъ одинъ за другимъ, такъ что Уманъ отказался отвѣчать и просилъ, чтобы его не перебивали. Президентъ замолчалъ. Уманъ объясняетъ, что своей статьей онъ хотѣлъ только пробудить участіе и смягчить сердца).

През. Вы хотѣли, какъ говорите, смягчить сердца; зачѣмъ же все-таки вы назвали Гавличка великимъ мученикомъ; развѣ его мучили гдѣ нибудь въ Японіи? Развѣ онъ не имѣлъ 400, а потомъ 500 гульденовъ въ годъ? Ему только нельзя было такъ вольно писать, а впрочемъ онъ жилъ хорошо.

На это Уманъ объяснилъ, что если онъ назвалъ Гавличка мученикомъ, то онъ и дѣйствительно былъ имъ. Уманъ доказывалъ потомъ, что преслѣдованіе Гавличка было тѣмъ тяжеле, что его стремленіямъ Австрія много обязана своимъ сохраненіемъ, потому что въ революціонную эпоху Гавличекъ энергически и по убѣжденію настаивалъ на сохраненіи Австріи, въ которой онъ надѣялся доставить своей народности равноправность и свободу. «Я надѣюсь, заключилъ Уманъ, что этимъ представилъ достаточныя доказательства о благородствѣ убѣжденій Гавличка, и думаю, что преслѣдованіе, постигшее его, было большой къ нему несправедливостью...»

През. Такъ вы говорите, что онъ былъ благородный человѣкъ, что онъ не заслужилъ этого изгнанія, и хотите возбудить состраданіе, употребляя слова: «мученикъ» и «ужасное изгнаніе». Этимъ вы возбуждаете противъ правительства.

Уманъ. Того правительства больше нѣтъ.

През. Ну, нѣтъ! У насъ то же самое правительство. У насъ тотъ же государь, слѣдовательно то же правительство!

Уманъ. (прерывая). Да нѣтъ, я съ этимъ не согласенъ.

През. Не будете же вы меня учить; правительство то же самое!—(Уманъ сердито отворачивается).

Уманъ. Это вовсе не такъ, и я докажу почтенному суду его собственнымъ обвиненіемъ, что *не то же*, потому что если бы у насъ было то же правительство на томъ основаніи, что до сихъ поръ у насъ тотъ же государь, то я былъ бы обвиненъ не въ возбужденіи ненависти къ органамъ правительства, а въ оскорбленіи величества; я былъ бы обвиненъ въ нарушеніи § 63 и 65 угол. зак. Между тѣмъ я обвиненъ на основаніи § 10, и изъ этого

ясно, что и самъ почтенный судъ не думалъ, чтобы мы имѣли то самое правительство отъ того только, что имѣемъ того же государя...

Читатель пойметъ и безъ нашихъ объясненій всю нелѣпость этого препирательства; онъ оцѣнитъ и понятія, и пріемы оффиціальныхъ людей, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе дѣла. Напомнимъ, что и въ предыдущемъ процессѣ президентъ обмолвился точно такъ же, говоря объ абсолютизмѣ, т. е. высказалъ свою настоящую мысль.

Покончивъ съ Уманомъ, президентъ обратился къ Шинду, бывшему редактору газеты, и Шиблю, принявшему отъ него изданіе: первый уже давно отказался отъ редакціи, но былъ притянутъ къ суду, потому что не соблюлъ формальности; второй говорилъ, что не читалъ обвиненной статьи, положившись на Умана.

За тѣмъ началъ говорить прокуроръ т. е. оффиціальный *обвинитель*. Прежде всего онъ потребовалъ, чтобы прочтено было отношеніе высшей прокурорской инстанціи въ Прагѣ: высшая инстанція говорила, что такого же рода сужденія о Гавличкѣ и судьбѣ его «при старомъ правительствѣ» были уже и въ другихъ газетахъ, но что обвиняющее вѣдомство не сочло нужнымъ дѣйствовать противъ этихъ газетъ судебнымъ порядкомъ. Пильзенскій прокуроръ былъ и самъ того же мнѣнія; онъ сказалъ, что хотя и не одобряетъ статьи Умана и вѣроятно не пропустилъ бы ея, если бы имѣлъ въ рукахъ прежнюю превентивную цензуру, но что теперь, когда статья напечатана, онъ находитъ, что все-таки «нѣтъ ни одного параграфа, по которому бы могло быть начато противъ нея преслѣдованіе». Онъ не находилъ въ статьѣ никакого нарушенія 300-го параграфа и предоставилъ дѣло суду.

За тѣмъ говорилъ защитникъ обвиняемаго, д-ръ Прахенскій, членъ сейма и одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ и даровитыхъ чешскихъ адвокатовъ. Мы приведемъ почти вполнѣ рѣчь д-ра Прахенскаго, потому что къ тѣмъ подробностямъ, которыя уже пересказаны нами, она прибавляетъ еще новыя черты, характеризующія безцеремонность правосудія, рѣшавшаго вопросъ печати, который въ настоящемъ случаѣ сводился на вопросъ о самыхъ элемертарныхъ пунктахъ здраваго смысла и общественнаго приличія. Адвокатъ вынужденъ былъ наконецъ говорить прямо, что думалъ о судѣ онъ самъ и общество.

«.... Мнѣ пріятно слышать изъ устъ г. государственнаго прокурора,—началъ д-ръ Прахенскій,—что ни онъ, ни высшая пражская

инстанція *не находятъ въ этой статьѣ ничего* противъ уголовнаго закона и что обвинительный актъ составленъ былъ почтеннымъ Пильзенскимъ судомъ *мимо ихъ воли и мнѣнія.* Я долженъ сознаться, что, внимательно перечитавши статью, не могъ думать, чтобы въ Австріи,—гдѣ у насъ, говорятъ, есть конституція, и гдѣ, говорятъ, всѣ народности пользуются одинаковыми правами,—нашелся юристъ, который бы увидалъ въ этой статьѣ нарушеніе § 300 угол. кодекса. . .

«При первомъ чтеніи этой статьи каждый безпристрастный человѣкъ видитъ, что въ ней нѣтъ ни осмѣянія, ни оскорбленія власти; для этого тѣ слова, что Гавличекъ названъ мученикомъ, который безъ суда былъ осужденъ влачить свою жизнь въ ужасномъ изгнаніи, должны бы были быть или несправедливостью или извращеніемъ дѣйствительныхъ фактовъ,—что и утверждаетъ почтенный судъ, составившій обвинительный актъ, ссылаясь при этомъ на отношеніе высокаго намѣстничества. . . Въ этомъ отношеніи говорится слѣдующее: «что Карлъ Гавличекъ, вслѣдствіе распоряженія тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ (т. е. господина Баха), былъ 13 декабря 1851 г. сосланъ изъ Богеміи въ Бриксенъ, куда отвезенъ былъ въ сопровожденіи полицейскаго чиновника особымъ курьеромъ, а что поводомъ къ этому показалась высокому министерству постоянно-опасная для общественнаго порядка дѣятельность Гавличка». Я полагаю, что не могло быть болѣе несчастной мысли, какъ ссылаться на это намѣстническое отношеніе, потому что оно буквально доказываетъ то, что написалъ г. Ужанъ, т. е. что *Гавличекъ безъ суда былъ осужденъ на изгнаніе*; потому что въ этомъ отношеніи сказано, что Гавличекъ былъ увезенъ «по распоряженію министра Баха», слѣдовательно «безъ суда», и увезенъ «изъ Богеміи въ Бриксенъ», слѣдовательно «въ изгнаніе». . . . .

«Или, быть можетъ, господинъ министръ Бахъ былъ какимъ нибудь судьей? Я не знаю законовъ, которыми бы были установлены такіе министерскіе суды. Или, можетъ быть, существовали какіе нибудь законы, которыми бы министру давалась власть вырвать изъ нѣдръ семейства честнаго гражданина, котораго не могъ осудить никакой судъ, и по своему произволу нарушить его личную свободу. Такихъ законовъ я также не знаю; я знаю, напротивъ, другой законъ, по которому человѣкъ, не имѣющій никакой законной власти надъ другимъ и лишающій его свободы, обвиняется въ преступленіи явнаго насилія и наказывается тяжкимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ до 5 лѣтъ. . . . .

«Отправленіе Гавличка въ Тироль было *противозаконно*, было *насильственно*, и я долженъ очень сожалѣть о томъ, что почтенный судъ сохранилъ такъ мало уваженія къ особѣ Его Величества, что вмѣшиваетъ въ этотъ споръ его священное имя, ссылаясь на то, что ссылка Гавличка произошла будтобы на основаніи полномочія отъ

Его Величества, и что, такъ какъ у насъ тотъ же императоръ, то остается и то же правительство, и оно оскорбляется въ этой статьѣ. Но всякій, кому извѣстна хотя азбука государственнаго права, знаетъ, что хотя всѣ правительственныя распоряженія въ государствѣ дѣлаются именемъ государя, особа его остается священна, она не можетъ ошибаться и никогда не можетъ быть отвѣтственной за правительственныя дѣйствія.

«Совершенно неумѣстно утверждать, что будто-бы императоръ самъ велѣлъ отвезти Гавличка въ Тироль; въ этомъ случаѣ почтенный судъ могъ бы найдти лучшій урокъ въ самомъ намѣстническомъ отношеніи, гдѣ говорится положительно, что дѣятельность Гавличка казалась опасной *министерству*. Слѣдовательно, это было дѣло министра, а не государя. А въ чемъ заключалась эта опасная дѣятельность? Не въ томъ ли, что тому человѣку, который съ баррикадъ перескочилъ на министерское мѣсто (*), Гавличекъ напоминалъ, чтобы онъ соблюдалъ законы, исполнялъ слово государя; не въ томъ ли, что Гавличекъ открывалъ этому человѣку, куда ведутъ его дѣла, и смѣло предсказывалъ то, что чрезъ 12 лѣтъ дѣйствительно случилось въ Австріи? Я понимаю, что такой обличитель былъ непріятенъ человѣку, который своимъ управленіемъ привелъ въ опасность престолъ, лишилъ насъ нашей обѣтованной земли, который навалилъ на австрійскіе народы невыносимое бремя 2000 милліоновъ долгу и цѣлое государство привелъ на край бездонной пропасти; я полагаю, что такому господину министру казалась неудобна рѣшительная мысль Гавличка, и его положеніе—опасно ему, какъ министру, хотя оно и не было опасно для общественнаго порядка. Да притомъ же никакой судъ не могъ отыскать за нимъ вины, а человѣкъ, который соблюдаетъ законы, *которому ни какой судья не можетъ доказать противозаконности*, тотъ конечно не есть человѣкъ опасный для государстаа.

«Напротивъ, всякій, кто зналъ Гавличка, не могъ отказать ему въ уваженіи; всякій зналъ, что онъ блисталъ гражданскими доблестями, самоотверженіемъ и безкорыстіемъ, постоянствомъ и твердостью духа, а въ особенности горячей любовью къ родинѣ и несокрушимой вѣрностью своему королю...

«...И когда этотъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ сыновъ народа, на которомъ не найдено было никакой вины, *полицейской силой вырванъ былъ ночью изъ нѣдръ своего семейства*, взятъ отъ дорогой супруги, отъ бѣдной маленькой дочери, неизвѣстно куда, и отвезенъ наконецъ въ тирольскія горы, гдѣ долженъ былъ влачить жизнь свою въ сиротствѣ; когда ему не позволяли возвратиться до тѣхъ поръ, пока сердце его не высохло съ горя, пока у него не умерла жена, пока его недруги не увѣрились, что и онъ носитъ въ груди зародышъ смер-

(*) Намекъ на политическія продѣлки Баха.

ти,—и тутъ еще осмѣливаются спрашивать, былъ ли Гавличекъ въ самомъ дѣлѣ *мученикомъ*?

«Кто зналъ его исполинское сложеніе до отъѣзда въ Бриксенъ, и потомъ видѣлъ какъ эта тѣнь грѣлась на солнцѣ на пражскихъ валахъ, тотъ горько бы заплакалъ надъ его судьбой, надъ тѣмъ великимъ духомъ, который былъ уморенъ такъ насильственно. Неужели было еще мало этой муки?

«Неужели нужно было рвать его тѣло по кускамъ, жечь его огнемъ или варить въ маслѣ?

«А тутъ еще высчитываютъ, что ему давалось въ пособіе 400 гульденовъ! Да развѣ не дается содержанія и самому ужасному преступнику, когда у него отнимается возможность доставать себѣ пропитаніе?

«Чешскій народъ судилъ иначе, нежели почтенный судъ, составившій обвинительный актъ. Во времена болѣе тяжелыя онъ не боялся штыковъ Паймана, и огромной толпой, съ открытыми головами, съ глубокой грустью провожалъ своего мученика къ могилѣ, — и то въ самомъ дѣлѣ можетъ быть особенно знаменательно, что именно въ тѣ дни, когда весь чешскій народъ такимъ торжественнымъ образомъ славитъ память Гавличка, здѣсь идетъ судъ, чтобы осудить наконецъ человѣка, котораго не могли осудить при жизни, осудить теперь, когда онъ мертвъ и уже не можетъ защищаться. Но здѣсь можно вспомнить слова писанія: «тѣло его мертво, но духа умертвить не можете»...

«... Каждому извѣстно, что и нынѣшній господинъ министръ во времена Баха долженъ былъ много терпѣть отъ него за свои конституціонныя мнѣнія, и наконецъ принужденъ былъ выйти изъ министерства. Я полагаю, что еслибы г. Уманъ написалъ статейку и сказалъ бы въ ней, что господинъ министръ при старомъ правительствѣ былъ мученикомъ и что теперь пильзенское общество приглашается дать ему право почетнаго гражданства, я полагаю, что едва ли бы г. Уманъ подвергся за это суду».

Адвокатъ подтвердилъ это ссылкой на слова, сказанныя въ палатѣ самимъ министромъ Шмерлингомъ, въ которыхъ онъ ясно отличаетъ нынѣшнее правительство отъ прежняго и не берется спорить противъ нападеній на министерство Баха. Адвокатъ объясняетъ потомъ, что правительство и не можетъ считаться однимъ и тѣмъ же, когда прежде оно было абсолютнымъ, а потомъ стало конституціоннымъ. Отчего же начинается судъ?

«Если теперь,—заключилъ онъ, — этотъ судъ начатъ былъ противъ воли государственнаго прокурора, то я не удивляюсь, что здѣсь въ городѣ ходитъ слухъ, что этотъ судъ начатъ былъ не столько по волѣ справедливости, а скорѣе изъ особенныхъ личныхъ видовъ, по настоянію нѣкотораго господина, который, говорятъ, имѣетъ особен-

ное вліяніе на цесарскій, королевскій земскій судъ; я не могу впрочемъ давать вѣры этому слуху и считаю его несправедливымъ, будучи убѣжденъ, что почтенный судъ сознаетъ свою обязанность и не потеряетъ своего достоинства, впутываясь въ процессъ, начинаемый изъ за тенденціи, который всегда не приличенъ суду»...

Рѣчь д-ра Праxенскаго произвела сильное впечатлѣніе; чиновничество стало какъ будто подчиняться ея вліянію. Уманъ прибавилъ еще въ заключеніе, что послѣ всего разбора дѣла оказываются слѣдующія обстоятельства: во первыхъ, не оказывается *лица, которое бы возбуждало* противъ правительства, потому что воззваніе идетъ отъ имени скромной женщины, не пускающейся въ политику; во вторыхъ, не оказывается *лица, которое бы было возбуждаемо* этой статьей, потому что воззваніе адресовано къ пилзенскимъ дамамъ и дѣвушкамъ, которыхъ было бы смѣшно возбуждать противъ правительства; въ третьихъ, не оказывается *лица, противъ котораго возбуждала бы* статья, потому что она говоритъ только о прошедшемъ правительствѣ; наконецъ, въ четвертыхъ, само воззваніе такого рода, что имѣетъ цѣлью возбудить участіе къ сиротѣ, а не ненависть къ правительству. Такимъ образомъ уничтожалась всякая возможность нарушенія закона, въ чемъ обвиняли Умана.

Судъ удалился на совѣщаніе и черезъ нѣсколько времени объявилъ рѣшеніе, которымъ прежній редакторъ Шмидъ и Фейерфейль были освобождены отъ отвѣтственности, но редакторъ Шибль осужденъ былъ на четырехнедѣльное заключеніе съ *постомъ* (милая утонченность правосудія), а Уманъ,—во вниманіе того, что до сихъ поръ не подвергался никакимъ наказаніямъ и что *онъ еще исправится*, — осужденъ только на двѣ недѣли заключенія.

Публика была поражена неожиданнымъ рѣшеніемъ. Адвокатъ обвиняемаго потребовалъ, чтобы судъ, на основаніи 300-го параграфа, назначилъ слѣдствіе и надъ нимъ, потому что онъ при защитѣ говорилъ то же самое и еще сильнѣе доказывалъ то, за что обвиняемые подверглись наказанію. Прокуроръ нашелъ однако, что адвокатъ могъ при защитѣ говорить, что считалъ нужнымъ; судъ также не нашелъ достаточной причины для новаго процесса. Праxенскій пожалъ плечами.

И по этому примѣру читатель также можетъ достаточно судить о томъ, на сколько соблюдены были въ этомъ процессѣ условія здраваго смысла и справедливости. Судъ каралъ писа-

теля,—весьма незнаменитаго и слѣд. незамѣтнаго, и весьма невиннаго—даже тогда, когда противъ него не было даже и правильнаго юридическаго обвиненія со стороны прокуроровъ разныхъ инстанцій. Незначительность содержанія дѣла только убѣждаетъ, что дѣло шло всего вѣроятнѣе только о личномъ мщеніи газетамъ, и что слухъ, о которомъ говорилъ Прахенскій, былъ небезоснователенъ.

Гоненіе на журналы, не соглашавшіеся съ политическими взглядами Шмерлинга, уже въ самомъ началѣ стало пріобрѣтать весьма обширные размѣры. Не было ни одного сколько нибудь значительнаго и серьезнаго органа, которому защита конституціонныхъ правъ и національной равноправности не стоила бы болѣе или менѣе придирчиваго и несправедливаго притѣсненія. Журналы венгерскіе, чешскіе, кроатскіе имѣли одинаковую участь. Особенный интересъ возбудили процессы и осужденія противъ газетъ: Vaterland, Neueste Nachrichten, Ost und West (кроатскій органъ), Narodni Listy. Изъ-за того, что эти газеты не хотѣли спокойно смотрѣть на неконституціонныя продѣлки конституціоннаго министерства, онѣ обвинялись въ нарушеніи общественнаго спокойствія или возбужденіи ненависти противъ правительства — пустыя фразы, съ помощью которыхъ закрываютъ обыкновенно эти непозволительныя вещи юридическими приличіями; потому что на дѣлѣ общественное спокойствіе не было нарушено этими газетами, а возбужденіе ненависти къ правительству—если уже идетъ объ этомъ вопросъ — было скорѣе дѣломъ самого министерства, въ которомъ журналы ни сколько не виноваты: эта ненависть существовала и раньше ихъ появленія на свѣтъ и будетъ также существовать и послѣ ихъ запрещенія. Редакторъ «Фатерланда» былъ приговоренъ на мѣсяцъ въ тюрьму и къ уплатѣ 1000 гульденовъ; Фридманнъ, редакторъ «Новѣйшихъ Извѣстій»—на три мѣсяца съ такимъ же денежнымъ штрафомъ; наконецъ кроатскій журналистъ, Ткалацъ, издатель «Востока и Запада»—на полгода въ тюрьму и къ тысячѣ гульденовъ штрафа; его сотрудникъ Дельпини—на трехмѣсячное заключеніе. Мы надѣемся впослѣдствіи разсказать читателю процессъ «Народныхъ Листовъ», одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ. Вмѣстѣ съ «Востокомъ и Западомъ» эта газета всего серьезнѣе стояла за конституціонныя требованія общества противъ февральскихъ патентовъ Шмерлинга и претерпѣла самую горькую участь, въ лицѣ своего редактора д-ра Юлія Грегера. Не мало преступле-

ній взвалили и на талантливаго Ткалаца: его обвинили въ нарушеніи общественнаго спокойствія, возбужденіи ненависти противъ особы императора, ненависти противъ правительства, противъ единства и цѣлости имперіи, противъ государственнаго устройства, — однимъ словомъ честная и открытая дѣятельность публициста была подведена подъ всѣ іезуитскія уголовныя рубрики, какія выдуманы были уголовнымъ законодательствомъ Баха.

Тѣ примѣры, которые мы выбрали изъ массы примѣровъ юридическаго преслѣдованія печати, относятся къ журналамъ весьма неважнымъ и имѣютъ почти анекдотическій интересъ, но мы думаемъ, что именно на этихъ неважныхъ примѣрахъ, можетъ быть, еще яснѣе высказывается затаенная мысль этого преслѣдованія. Изъ приведенныхъ примѣровъ можно получить понятіе и объ узаконеніяхъ, властвовавшихъ надъ австрійской печатью, и объ юридическомъ приложеніи ихъ на практикѣ. Ясно, что условія, въ которыхъ существовала печать въ Австріи, не имѣли въ себѣ ничего нормальнаго; если оффиціально печать составляла оппозицію, признанную конституціей и законную, то на дѣлѣ она не имѣла никакой гарантіи, которая бы обезпечивала ее отъ произвола какихъ нибудь господъ, имѣвшихъ въ рукахъ своихъ кулачное право. Очевидно во первыхъ, что правительство, т. е. всемогущій первый министръ, преслѣдовало въ журнахъ ту самую оппозицію, которая раздражала его въ нижней палатѣ сейма; слѣдовательно, въ рѣшеніяхъ дѣлъ о печати нѣтъ безпристрастнаго желанія правды; во вторыхъ, формальная сторона суда неудовлетворительна, потому что въ вопросѣ конституціонномъ рѣшеніе предоставлялось суду, сохранившему характеръ, привычки и личный составъ временъ абсолютизма, изъ чего выходило, что то, что съ одной стороны признано законнымъ по конституціонному акту, считалось преступленіемъ по уголовному кодексу; въ третьихъ,—не говоря уже объ отсутствіи присяжныхъ, учрежденія, которое одно (и то при лучшемъ только его устройствѣ и при благопріятныхъ условіяхъ общественнаго развитія) можетъ дать гарантію въ справедливости, — даже тотъ неправильный судъ, какой есть, искажается еще неизвѣстно чьими внушеніями сверху, освободиться отъ которыхъ судъ не имѣетъ достаточной нравственной силы. Не можетъ быть и вопроса о томъ, возможна ли при такихъ условіяхъ конституціонная независимость и обезпеченіе печати.

Главное, чего недостаетъ австрійской печати, чтобы быть

независимой даже въ конституціонныхъ границахъ, есть конечно сама конституція, потому что то, что называютъ теперь этимъ именемъ въ Австріи, самимъ обитателямъ ея кажется нѣкоторой шуткой. Само собою разумѣется, что печать, т. е. болѣе или менѣе ограниченный кружокъ журналистовъ и людей политическихъ, не можетъ остаться безопасной, когда общество или не сознаетъ, или не умѣетъ поддержать своихъ правъ; когда учрежденія остаются абсолютными; когда законодательство не измѣнилось, чиновничество и войско остаются при той присягѣ, которую они давали старымъ, не конституціоннымъ порядкамъ, и продолжаютъ конечно дѣйствовать въ прежнемъ духѣ, не помышляя о либеральныхъ уступкахъ, которыя сдѣланы правительствомъ. Для славянъ трудность положенія увеличивается еще тѣмъ, что ихъ конституціонныя стремленія соединяются съ стремленіями національными, которыя все еще кажутся правительству опаснымъ посягательствомъ.

На чьей же сторонѣ вина, или можно ли было ожидать другаго положенія печати при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится внутренняя жизнь государства? Всего легче конечно обвинить австрійское правительство, которое уже давно привыкли обвинять въ обскурантизмѣ и тираніи. Но теперь въ этомъ правительствѣ есть люди, которые считались гораздо лучше Баха; Шмерлингъ вышелъ изъ либеральнаго кружка, изъ за своихъ мнѣній онъ не могъ удержаться въ старомъ абсолютномъ министерствѣ: люди, поддерживающіе его мнѣнія, пожалуй могли бы искренно оскорбиться, если бы къ нимъ стали прилагать эпитеты обскурантовъ и т. п. У нихъ также есть свои взгляды, которые кажутся имъ очень широкими и во имя которыхъ они считаютъ справедливымъ бороться противъ идей другаго порядка. Они также называютъ себя друзьями свободы и развиваютъ свою цѣлую теорію, въ которой и это слово играетъ не послѣднюю роль; но они понимаютъ эти вещи особеннымъ образомъ и думаютъ, напримѣръ, что время настоящей свободы прессы еще не пришло, что нужно приготовлять къ ней общество мало-по-малу, а въ ожиданіи держать его въ тѣхъ же ежовыхъ рукавицахъ, въ какихъ держали его до тѣхъ поръ. Въ массѣ случаевъ общество совершенно удовлетворяетъ ихъ взгляду; не привыкши къ самостоятельности, оно тупо смотритъ на то, что дѣлается кругомъ, и рѣдко представляетъ даже пассивное сопротивленіе. Если люди, которые понимаютъ вещи нѣсколь-

ко яснѣе, не сохраняютъ этого хладнокровія и прибѣгаютъ къ печати, ихъ оппозиція не удается, потому что ихъ никто не поддерживаетъ, и приверженцы политической опеки подавляютъ ихъ своей силой. Все это мирится и съ конституціей: обстоятельства вынудили у приверженцевъ опеки нѣкоторыя уступки, — потому что сами они вовсе не были расположены дѣлать ихъ, — но за то этому насильственному вынужденію они противопоставляютъ и съ своей стороны насильственныя мѣры и ставятъ камень преткновенія для прессы, когда она, опираясь на ихъ обѣщанія, начинаетъ требовать того, чего бы имъ не хотѣлось дѣлать. Борьба дѣлается борьбой принциповъ; мы видѣли, сколько въ ней соблюдается рыцарской справедливости...

Въ чемъ же состоитъ эта теорія? Она имѣетъ своихъ публицистовъ и своихъ ученыхъ и, какъ мы замѣтили, не меньше другихъ толкуетъ о свободѣ и умѣетъ въ свое оправданіе выставить широкіе принципы и говорить о міровыхъ задачахъ. Мы приведемъ нѣсколько положеній изъ такой теоріи, написанной австрійскимъ единомышленникомъ г. Чичерина и выходящей изъ той мысли, что Австрія нужна для міроваго порядка «и что отсюда должна проистекать ея внутрення политика (*)».

«Свобода стала теперь лозунгомъ и въ Австріи. Но если она должна статъ истинной, она должна быть понята не въ смыслѣ разложенія, а въ духѣ общественнаго порядка; надобно заботиться не столько о свободѣ, сколько объ ея условіяхъ, безъ которыхъ не можетъ существовать никакая свобода, никакое государственное устройство. Свобода нуждается въ *могущественномъ покровительствѣ* и въ общественномъ порядкѣ (die Freiheit bedarf eines mächtigen Schutzes); въ разумно устроенномъ государствѣ она идетъ объ руку съ властью и должна съ ней соображаться. Власть можетъ существовать безъ свободы, но свобода не можетъ существовать безъ власти, и чѣмъ эта послѣдняя тверже внутри и сильнѣе извнѣ, тѣмъ большую свободу она можетъ вынести и доставить народу. Только подъ этимъ условіемъ народы австрійскіе могутъ получить и сохранить свободное государственное устройство. Австрія, стѣсненная извнѣ, ослабленная внутреннимъ раздоромъ и распаденіемъ, не имѣетъ никакихъ условій для свободы, и этимъ способомъ народы сами разрушаютъ одной рукой то, чего требуютъ другой. Такимъ образомъ, эти народы найдутъ почву своей свободы только въ полной, единой власти государства, а эта власть будетъ дѣйствительна тогда, когда всѣ племена съ

(*) Die Weltordnung und die Aufgabe Oesterreichs und Deutschlands, Вѣна 1862; глава XXIII.

братскимъ согласіемъ будутъ соревновать другъ другу въ прославленіи ихъ великаго отечества, когда каждый гражданинъ будетъ имѣть сознаніе, что онъ прежде всего австріецъ и что онъ можетъ этимъ гордиться (прелесть!). Но для достиженія этого нужно прежде всего общее устройство для всего государства, потому что это питаетъ любовь къ великому отечеству, тогда какъ мѣстныя конституціи ее уничтожаютъ. Ошибочно думать, что мѣстныя дѣла странъ не составляютъ заботы государства и что онѣ требуютъ мѣстныхъ совѣщаній; напротивъ, онѣ могутъ быть приведены въ согласіе съ цѣлымъ только посредствомъ осмотрительныхъ совѣщаній въ палатѣ, между тѣмъ, какъ мѣстный сеймъ руководился бы только мелочными мѣстными понятіями. Прежде всего нужно сильное правительство; оно должно принести порядокъ и создать тѣ отношенія, которыя призовутъ къ нему и истинную свободу; потому что это взаимное отношеніе власти и свободы и составляетъ то, что нужно для разумнаго міроваго и государственнаго порядка и безъ чего никакое государство не можетъ имѣть твердаго основанія.

«О свободѣ прессы нужно сказать то же самое, что о свободѣ вообще. Если пресса хочетъ быть свободна, она должна быть достойна свободы, и въ *Австріи* должна быть прежде всего *австрійской* (т. е. въ Турціи турецкой, а въ Китаѣ китайской?). Съ *такой* прессой, которая, не имѣя высшаго міросозерцанія и государственныхъ правилъ, возмущаетъ земли и народы противъ государства и другъ противъ друга, которая отвергаетъ великое отечество, радуется за его враговъ, подкапываетъ основы государства и своей исходной точкой беретъ его разложеніе, — съ такой прессой не можетъ существовать никакое государство въ свѣтѣ, и здѣсь не поможетъ никакой свободный законъ о печати, потому что онъ не можетъ исполниться, когда государство находится въ стѣсненномъ положеніи. Кто хочетъ свободной печати, тотъ позаботься сначала объ ея условіяхъ (см. выше). Пусть только возьмутъ въ примѣръ пресловутую Англію, гдѣ вовсе нѣтъ враждебной государству прессы и присяжныхъ» (?).

Читателю бросится безъ сомнѣнія въ глаза сходство этой тирады съ проповѣдями «Русскаго Вѣстника» или «Нашего Времени»; замѣтивши это сходство, онъ найдетъ и точку зрѣнія на указываемую нами теорію. Австрійскій публицистъ, авторъ этой тирады, очевидно находится въ близкомъ родствѣ съ оффиціальными взглядами на прессу: по мнѣнію его, пресса можетъ быть свободна только тогда, когда она будетъ австрійская, т. е. будетъ повиноваться всѣмъ желаніямъ полиціи; она будетъ свободна, когда откажется выражать конституціонныя и федералистскія стремленія, господствующія въ обществѣ и непріятныя министер-

ству; она будетъ свободна, когда откажется отъ всякой личной особенности и будетъ повторять оффиціальные взгляды. Мы повторили буквально слова этой тирады... Пресса конечно потеряетъ всякій смыслъ прежде, чѣмъ достигнетъ до такой свободы, и теорія очевидно готова употреблять всѣ насильственныя мѣры, чтобы держать прессу на этой дорогѣ и карать ее, если она будетъ идти своимъ путемъ, повинуясь развитію общества, а не полицейской доктринѣ. Изъ разсказанныхъ выше процессовъ мы видѣли, что практическія преслѣдованія печати совершенно сходятся съ теоріей.

Если нужно еще сдѣлать выводъ изъ всѣхъ этихъ фактовъ, выводъ будетъ состоять конечно въ томъ, что печать сама по себѣ, т. е. политическая журналистика и вообще литература, не въ состояніи бороться одна съ этими препятствіями; печать вовсе не есть сила сама по себѣ, какъ говорятъ иногда; она сила только въ той степени, въ какой ея стремленія поддерживаются обществомъ. Если общество достаточно еще не развилось, свободная пресса всегда будетъ жертвой противоположной силы; отдѣльные представители независимой общественной мысли — при всей ихъ правотѣ — будутъ имѣть ту же судьбу, какая достается названнымъ выше журналистамъ.

Но теперь изданъ въ Австріи новый законъ о печати, законъ, обѣщающій полную свободу и независимость прессы, — скажетъ читатель, не согласный съ нашими выводами. До насъ дошли пока только газетныя извѣстія о новомъ законѣ, и мы ограничимся указаніемъ на то, что говорятъ тѣ же газеты объ этомъ законѣ:

«Австрійское правительство 23 января издало новый законъ «о книгопечатаніи, который совершенно измѣняетъ прежній порядокъ по этому дѣлу. Книгопечатаніе теперь будетъ пользоваться совершенною свободою и не будетъ вовсе зависѣть отъ «администраціи. Не смотря на то, австрійскіе журналы не пришли въ восторгъ отъ новаго закона. Газета Presse говоритъ по «поводу этого новаго закона: кто подумаетъ, что журналы будутъ пользоваться большею свободою, чѣмъ прежде, тотъ жестоко ошибается. Настоящая реформа совершилась больше на «словахъ, нежели на самомъ дѣлѣ, ибо прежній законъ, такъ «жестоко наказывающій всѣ проступки печати, остался въ полной силѣ. Иногда лучше жить подъ дурными законами, нежели «хорошими. Все зависитъ отъ способа ихъ примѣненія.»

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ «ЗАМѢТКИ» ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ ОКТЯБРЬСКОЙ КНИЖКѢ «РУССКАГО ВѢСТНИКА» ЗА 1862 ГОДЪ.

Наше время есть время самыхъ разнообразныхъ и существенныхъ преобразованій. Блистательно начатый отмѣною крѣпостнаго права, рядъ этихъ преобразованій не истощается, но продолжается непрерывно. Укажемъ на распубликованныя уже основанія новаго устава о судоустройствѣ и судопроизводствѣ, на предполагаемое созданіе земскихъ учрежденій, на готовящіяся измѣненія въ организаціи полиціи, въ податной системѣ и т. д. Нельзя не быть благодарнымъ правительству за такую очевидную заботливость о благѣ отечества, какъ равно и за то, что къ участію въ этихъ коренныхъ преобразованіяхъ и къ составленію многочисленныхъ проектовъ, сюда относящихся, призываются особенно назначаемые просвѣщенные чиновники, которыхъ безпристрастіе въ дѣлахъ этого рода тѣмъ обезпеченнѣе, что они не имѣютъ въ нихъ никакого своекорыстнаго интереса, могущаго затмить въ ихъ глазахъ истину.

На ряду съ названными выше преобразованіями, правительство наше обратило вниманіе и на положеніе русскаго книгопечатанія. Извѣстно, что литература наша до сихъ поръ состоитъ подъ покровительствомъ цензуры, но, быть можетъ, не всякому извѣстно, что покровительство это заключается не столько въ расширеніи свободы не-

чатнаго слова, сколько въ снисходительномъ огражденіи его отъ разнаго рода излишествъ. Оказывается, что въ настоящее время эту послѣднюю обязанность можетъ принять на себя само общество, которое уже достаточно созрѣло для того, чтобы различить вредныя и антисоціалистскія ученія отъ невредныхъ и соціалистскихъ. Оказывается также, что цензура, какъ учрежденіе попечительное, не только ставила литературу въ условія стѣснительныя и несоотвѣтствующія ея нынѣшнему развитію, но даже не достигала и той предупредительно-полицейской цѣли, для которой она была создана. Писатели съ антисоціалистскими намѣреніями находили способъ проводить свои идеи подъ покровомъ идей соціалистскихъ; мысль скрывалась, нельзя было ничего разобрать... Мало того: мысль до такой степени сжилась съ различными покровами и изворотами, что даже откровенно приняла ихъ за единственно нормальный способъ выраженія; литература до такой степени пріучила публику читать между строками, что не было того темнаго намека, который оставался бы для нея тайною, не было полуслова, котораго бы она не прочла всѣми буквами и даже съ нѣкоторыми прибавленіями. Прохаживался ли, напримѣръ, «Русскій Вѣстникъ» на счетъ Австріи—публика знала, что это хоть и не опечатка, однако нѣчто въ родѣ опечатки; восхвалялъ ли «Русскій Вѣстникъ» австрійскаго министра Брука — публика понимала, что это значитъ: посмотримъ-дескать, что-то у насъ дѣлается... Одна цензура ничего не понимала, да, по строгому, добросовѣстному толкованію цензурнаго устава, и не имѣла права понимать. Если вѣрить «Русскому Вѣстнику» и г. Громекѣ, отъ этого выигрывали только нигилисты, которыхъ рѣчь, по милости безпрерывныхъ преградъ, пріобрѣла какую-то нелишенную заманчивости таинственность и даже силу. Если вѣрить тому же «Русскому Вѣстнику», эта сила должна сама собой уничтожиться, какъ только ей дана будетъ возможность высказаться. Тогда всякій пойметъ, что это не сила, а ложь, и всякій же получитъ средство «легко справиться съ ней безъ всякихъ карательныхъ мѣръ». Вполнѣ раздѣляемъ такое мнѣніе «Русскаго Вѣстника», радуемся его радости и будемъ ожидать.

Такимъ образомъ, въ обществѣ созрѣла мысль о необходимости пересмотра дѣйствующихъ законовъ о книгопечатаніи, и правительство сочло нужнымъ удовлетворить этой потребности. Мы не имѣли случая читать подлинный проектъ новаго «устава о книгопечатаніи», составленный особо назначенною для того коммиссіей, но знаемъ о содержаніи его изъ «Русскаго Вѣстника». Вотъ какимъ образомъ пересказываетъ этотъ журналъ своимъ читателямъ основныя начала, принятыя коммиссіей въ соображеніе при исполненіи возложеннаго на нее труда (Октябрь 1862 года. «Замѣтка»).

«Новая законодательная мѣра должна, сколько намъ извѣстно, существенно измѣнить положеніе нашей печати. Предполагается совершить переходъ отъ стараго къ новому со всевозможною осторожностію. Старое не будетъ разрушено прежде, чѣмъ успѣетъ образоваться и утвердиться новый порядокъ. Предупредительная цензура останется, но она утратитъ свое исключительное господство. Кто не рѣшится принять на себя полную и нераздѣльную отвѣтственность за свое сочиненіе или изданіе, тотъ можетъ оставаться подъ цензурой; но для другихъ откроется возможность выйдти изъ подъ опеки предварительной цензуры; свободы печать еще не получитъ; свобода печати, какъ и вообще всякая общественная свобода, состоитъ въ отвѣтственности передъ однимъ закономъ, то есть передъ однимъ судомъ. Но судъ только что еще устанавливается у насъ, и потребуется время, пока новая организація его вступитъ окончательно въ дѣйствіе; еще болѣе пройдетъ времени, пока эта новая великая сила окажетъ все свое вліяніе на нашу общественную жизнь и совершенно съ нею освоится; а въ ожиданіи этого было бы неблагоразумно оставлять нашу печать въ ея нынѣшнемъ неудовлетворительномъ положеніи. Условное освобожденіе, подъ контролемъ административнымъ, будетъ состояніемъ переходнымъ; оно ближе ознакомитъ и правительство, и общество съ истинными потребностями дѣла, и приготовитъ литературу къ состоянію болѣе полной свободы.

«Какъ предупредительная цензура, такъ и административный контроль надъ печатью, должны по новому проекту сосредоточиться въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Отъ главы этого министерства будутъ зависѣть и цензурные комитеты, и разрѣшеніе новыхъ изданій, равно какъ и освобожденіе отъ предварительной цензуры. Отсюда будутъ исходить предостереженія журналамъ и опредѣленныя взысканія. При министрѣ внутреннихъ дѣлъ предполагается особый совѣтъ, или особое управленіе по дѣламъ печати; но тѣмъ не менѣе вся отвѣтственность по этому управленію должна сосредоточиться въ лицѣ министра. Одно изъ самыхъ важныхъ началъ принятыхъ въ основаніе новаго проекта состоитъ въ томъ, чтобъ управленіе по дѣламъ печати не прикрывалось высочайшимъ именемъ и не вовлекало въ свои распоряженія верховную власть. Нельзя не оцѣнить великой важности этого правила, которое еще такъ ново у насъ и безъ котораго администрація никогда не можетъ развить въ себѣ чувство полной отвѣтственности. Верховную власть не должно смѣшивать съ администраціей; она простирается надъ всѣмъ и есть или источникъ или утвержденіе всякой власти; къ ней восходитъ не одна администрація, но и судебная власть. Нигдѣ и ни въ чемъ она не должна быть замѣшанною партіей; управляющіе и управляемые должны быть равны передъ нею. Всѣ распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ печати (кромѣ запрещенія повременныхъ изданій) будутъ производиться имъ подъ своею собственною отвѣтственностію, и въ этомъ одномъ будетъ уже не малое обезпеченіе для печати».

Затѣмъ, «Русскій Вѣстникъ» прибавляетъ, что «нынѣшнему министру внутреннихъ дѣлъ достанется трудное, тяжкое, но съ тѣмъ вмѣстѣ и славное дѣло, что все «будетъ зависѣть отъ его проницательности и твердости, отъ его распорядительности и умѣренности», и что «успѣхъ его управленія будетъ тѣмъ славнѣе, что во многихъ случаяхъ ему достанется быть вмѣстѣ партіей и судьей»...

И такъ, изъ изложенія «Русскаго Вѣстника» явствуетъ слѣдующее:

1) Что завѣдываніе дѣлами книгопечатанія переходитъ изъ министерства народнаго просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

2) Что реформа будетъ приводиться въ исполненіе не сразу, но постепенно.

3) Что предварительная цензура остается, но утрачиваетъ свое исключительное господство.

4) Что печатное слово будетъ подлежать не только отвѣтственности передъ закономъ, т. е. передъ судомъ, но и контролю административной власти.

5) Что контроль надъ печатью сосредоточивается въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; при лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ предполагается особый совѣтъ, который и будетъ завѣдывать этого рода дѣлами. Контроль заключается въ слѣдующемъ: въ разрѣшеніи новыхъ изданій, въ освобожденіи отъ предварительной цензуры, въ посылкѣ журналамъ предостереженій и въ наложеніи опредѣленныхъ взысканій.

и 6) Что управленіе по дѣламъ печати не будетъ отнынѣ прикрываться высочайшимъ именемъ; всѣ распоряженія будутъ производиться исключительно министромъ внутреннихъ дѣлъ подъ собственною его отвѣтственностью.

Разберемъ эти положенія:

I. Съ точки зрѣнія практической, для литературы, конечно, все равно, въ какомъ вѣдомствѣ будетъ сосредоточенъ контроль по дѣламъ книгопечатанія, т. е. въ вѣдомствѣ ли министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ онъ нынѣ находится, или въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, куда предполагается его перевести. Тутъ все зависитъ отъ того, каковъ личный взглядъ на литературу того или другаго министра, и такимъ образомъ литература можетъ почувствовать себя хорошо, будучи подъ начальствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, и худо — подъ начальствомъ министра народнаго просвѣщенія, и на оборотъ. Но съ раціональной точки зрѣнія это совсѣмъ не такъ безразлично. Не надо забывать, что литература есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ народнаго просвѣщенія, и что, напротивъ того, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ томъ составѣ, въ какомъ существуетъ это учрежденіе въ Россіи, сосредоточивается высшая полицейская власть. Какое отношеніе можетъ существовать

между литературой, какъ органомъ просвѣщенія, и полиціей, какъ органомъ охраненія государственной безопасности, угадать хотя и не трудно, но не трудно именно вслѣдствіе той перепутанности понятій и опредѣленій, которая въ послѣднее время, вслѣдствіе разныхъ случайныхъ причинъ, такъ сильно господствуетъ въ обществѣ нашемъ. Сфера дѣйствій полиціи, сама по себѣ очень почтенная и заслуживающая полнаго сочувствія людей благомыслящихъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ сфера совершенно особая и при томъ строго ограниченная; она сообщаетъ всей ея дѣятельности особенный характеръ и даже особенныя привычки. Постоянно имѣя дѣло съ противообщественными попытками и наклонностями самаго грубаго, несложнаго и незамысловатаго свойства, полиція и въ дѣйствіяхъ своихъ противъ нихъ обнаруживаетъ нѣкоторую грубость, несложность и незамысловатость. Теперь же, она будетъ поставлена лицомъ къ лицу съ преступленіями мысли, преступленіями свойства деликатнаго и почти неуловимаго, преступленіями уже потому одному относящимися къ особому разряду, что при обсужденіи ихъ невозможно не принять высшій противъ обыкновеннаго умственный и нравственный уровень совершившихъ ихъ лицъ. Полиція, очевидно, затруднится. Привыкнувъ имѣть дѣло съ врагами общества, она, не слышно для самой себя, и на литературу перенесетъ это воззрѣніе; обращаясь съ фактами грубыми, конкретными, не имѣя надобности прибѣгать ни къ анализу побужденій, ни къ болѣе или менѣе тонкимъ толкованіямъ содержанія этихъ фактовъ, она тотчасъ же почувствуетъ свою несостоятельность въ отношеніи преступленій слова и постарается замѣнить ее чѣмъ нибудь. Что, если она, по свойственной человѣчеству слабости, не захочетъ сознаться въ этой несостоятельности и замѣнитъ ее подозрительностью и придирчивостью? Конечно, это только предположеніе, но всякій сознается, что въ немъ ничего нѣтъ неправдоподобнаго. Конечно также, что и во Франціи дѣлами книгопечатанія завѣдуетъ министерство внутреннихъ дѣлъ, да вѣдь какое же намъ дѣло до Франціи? Поэтому мы думаемъ, что съ раціональной точки зрѣнія, было бы удобнѣе, чтобы дѣлами книгопечатанія завѣдывало, по прежнему, министерство народнаго просвѣщенія, хотя, съ точки зрѣнія практической, не имѣемъ причинъ соболѣзновать и о томъ, что завѣдываніе это переходитъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

II. Что реформу предполагается произвести не сразу, а постепенно—это, разумѣется, и правильно, и понятно. Мало того: отсюда можетъ выйти несомнѣнная польза и для самой литературы. Русская литература столько десятковъ лѣтъ притворствовала и уклонялась, что нельзя сразу дать ей возможность выложить на столъ накопив-

шіяся въ ней сокровища, ибо легко можетъ быть, что и сокровищъ-то совсѣмъ нѣтъ. Слѣдовательно, пускай высказывается постепенно. Въ этомъ отношеніи мы желаемъ только одного: пускай эта постепенность прилагается ко всѣмъ равно; пускай не будетъ того, напримѣръ, что одинъ журналъ обязывается пройти сквозь всѣ фазисы, всѣ колебанія строгой школы постепенности, а другой журналъ, при самомъ своемъ рожденіи, уже предполагается прошедшимъ сквозь постепенность. Здѣсь равенства требуетъ простое приличіе, и мы увѣрены, что ничего подобнаго такой вопіющей несправедливости и не будетъ. Иначе мы придемъ къ вопросу о единоторжіи мысли, къ вопросу объ исключительности права печатать казенныя объявленія, которую съ такою восторженностью защищала «Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника» противъ «Нашего Времени». Мы понимаемъ, что обращеніе журнала къ «постепенности» можетъ служить репрессивною мѣрой, но только репрессивной — никакъ не больше. Мы даже очень жалѣемъ, что «Русскій Вѣстникъ» пропустилъ этотъ важный вопросъ безъ вниманія; мы тѣмъ болѣе жалѣемъ объ этомъ, что въ послѣднее время «Современная Лѣтопись» начала что-то заговариваться о редакторахъ, заслуживающихъ довѣрія, и редакторахъ, довѣрія не заслуживающихъ. Мы желали бы также, чтобы принципъ постепенности не былъ слишкомъ преувеличенъ. Вѣдь, читая слабонервныя протестаціи «Русскаго Вѣстника», можно подумать, что и невѣсть какой ядъ заключается въ нашихъ журналахъ, что и невѣсть какою опасностью грозятъ они обществу. Если вѣрить этому, то придется, пожалуй, и усугубить «постепенность». Но не надо забывать, что протестаціи эти суть плодъ невиннаго желанія, какъ можно скорѣе сравняться въ «рвеніи» съ «Нашимъ Временемъ». Не надо забывать, что литература русская относится къ русскому правительству точно такъ же, какъ Гулливеръ къ тому великану, который гдѣ-то нашелъ его въ травѣ. «Онъ схватилъ меня», разсказываетъ Гулливеръ, «поперегъ тѣла большимъ и указательнымъ пальцами и поднесъ къ глазамъ, чтобы ближе разсмотрѣть. Я не противился; я позволилъ себѣ только поднимать къ небу глаза и складывать руки умоляющимъ образомъ, ибо я опасался, чтобъ онъ нечаянно не раздавилъ меня». Сравненіе не лестное, но правдивое и при томъ способное успокоить самую раздражительную подозрительность.

III. Предупредительная цензура остается, но она утрачиваетъ свое исключительное господство. Такъ говоритъ «Русскій Вѣстникъ», и, признаемся, мы не понимаемъ его словъ. Что значитъ: «предварительная цензура остается»? и что, рядомъ съ этими словами, означаетъ: «утрачиваетъ исключительное господство свое»? Одно что-нибудь: или остается, или не остается. Или быть можетъ, она не будетъ суще-

ствовать для сочиненій извѣстныхъ размѣровъ, извѣстнаго характера, извѣстнаго направленія, для всѣхъ же прочихъ остается въ прежней силѣ? или, быть можетъ, она устраняется и для журналовъ, но тогда только, если со стороны послѣднихъ исполняются извѣстныя обязательства? Какія это обязательства? Къ сожалѣнію, «Русскій Вѣстникъ» выражается на счетъ этого очень темно; онъ говоритъ только, что тотъ, «кто не рѣшается принять на себя полную и «нераздѣльную (?) отвѣтственность за свое сочиненіе или изданіе, тотъ «можетъ остаться подъ цензурою; но для другихъ (?) откроется воз-«можность выйти изъ подъ опеки предварительной цензуры». Кто эти «другіе»? Что это за «возможность»? Какимъ путемъ она можетъ «открыться»? Обо всемъ этомъ «Русскій Вѣстникъ» умалчиваетъ.. Стало быть, и мы, съ своей стороны, не будучи знакомы съ канцелярскими подробностями этого дѣла, можемъ судить объ немъ только гадательно, теоретически. Первый вопросъ, который представляется въ этомъ случаѣ, есть слѣдующій: какой встрѣчается поводъ къ оставленію въ ея силѣ предварительной цензуры, когда рядомъ съ нею признается возможность и дѣйствительность цензуры карательной? Такихъ поводовъ можетъ быть три: во первыхъ, можно сослаться на то, что даже и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ свободныя учрежденія и изустныя парламентскія пренія воспитали политическій смыслъ народа, даже и тамъ однѣ репрессивныя мѣры оказываются недостаточными, но возбуждается потребность въ полицейскихъ предупредительныхъ распоряженіяхъ; во вторыхъ, относительно періодическихъ изданій, можно сказать, что они дѣйствуютъ непрерывно систематически, образуя такимъ способомъ цѣлое направленіе, которое невозможно формально преслѣдовать, потому что оно не представляетъ частныхъ осязательныхъ случаевъ, доступныхъ для преслѣдованія; втретьихъ, относительно тѣхъ же изданій, можно сослаться на то, что газеты и журналы могутъ, въ отношеніи къ преслѣдующей власти, принять особую систему, и именно: не нарушая явно важнѣйшихъ предписаній закона, тѣмъ не менѣе выходить изъ предѣловъ дозволеннаго, утомляя силы преслѣдующей власти и связывая ее безпрерывнымъ опасеніемъ неудачи или скандала. Подобнаго рода умозрѣнія случалось намъ выслушивать неоднократно, но, прежде нежели будемъ возражать на каждое изъ нихъ порознь, позволяемъ себѣ сдѣлать одно общее замѣчаніе. Мы положительно думаемъ, (это преимущественно относится къ послѣднимъ двумъ умозрѣніямъ), что правительство крѣпкое, прочно установившееся не можетъ имѣть подобныхъ соображеній. Дѣйствія, въ основаніи которыхъ лежитъ такого рода праздное умоизвитіе, могутъ приличествовать развѣ какимъ-либо темнымъ корпораціямъ, пролагающимъ себѣ пути подземною работою. Правительство сильное,

опирающееся на сочувствіе народа, не имѣетъ надобности руководиться іезуитизмомъ: оно дѣйствуетъ открыто, то есть открыто дозволяетъ и открыто же что-либо запрещаетъ. Но, отвергая такимъ образомъ *вообще* аргументацію задней мысли, мы не можемъ оставить безъ опроверженія и каждый аргументъ въ частности. Первый аргументъ не составляетъ для насъ новости, но не составляетъ и убѣжденія. Онъ ложенъ въ самомъ зернѣ своемъ, потому что имѣетъ въ предметѣ указать на Францію. На это можно сказать одно: Франція, съ конца прошлаго столѣтія и до настоящаго времени, представляетъ собой страну броженія, страну, развивающуюся подъ вліяніемъ паническихъ восторговъ и столь же паническихъ страховъ. Если это положеніе еще и можно оспаривать относительно самой страны, то никакъ нельзя — относительно правительствъ, которыя, одно за другимъ, ее эксплуатировали. Вполнѣ свободныхъ учрежденій, свободныхъ парламентскихъ преній въ ней не было, а тѣмъ менѣе они существуютъ теперь, и отношенія нынѣшняго французскаго правительства къ странѣ слишкомъ извѣстны, чтобы допустить какое нибудь двусмысленное въ этомъ случаѣ толкованіе. Зачѣмъ же эти вѣчныя ссылки на Францію? зачѣмъ этотъ вѣчный кошмаръ? Во Франціи такой порядокъ могъ установиться вслѣдствіе особыхъ, ей одной свойственныхъ причинъ; во Франціи, сверхъ того, порядокъ, сегодня установленный, можетъ быть завтра развѣянъ по вѣтру: что̀ для насъ Франція? что мы для нея? Но вѣдь и тамъ все-таки предупредительной цензуры нѣтъ, и тамъ все-таки оставлена писателямъ хотя незавидная свобода, но все-таки свобода: свобода грѣшить и подвергаться за грѣхи наказаніямъ. Отчего же не предоставить и русскимъ писателямъ этой свободы? Вѣдь русская литература все-таки не больше, какъ Гулливеръ: пускай же и наслаждалась бы свободою находиться между большимъ и указательнымъ перстами великана! Что мы, русскіе, не имѣли до сихъ поръ свободныхъ учрежденій и не пользовались парламентскими преніями — тутъ, конечно, хоро̀шаго мало, но политическій смыслъ нашъ развѣ болѣе будетъ воспитываться, если ко всему этому мы прибавимъ еще и отсутствіе свободы печатнаго слова? Сомнѣваемся, потому что къ свободѣ человѣкъ можетъ воспитываться только въ свободѣ. Второй аргументъ, быть можетъ, и очень замысловатъ, но производитъ впечатлѣніе тяжелое. Что такое это *направленіе*, которое ни въ чемъ, въ частности, *не выражается*, но которое всѣ *чувствуютъ*, которое нельзя *формулировать*, но которое предстоитъ необходимость *преслѣдовать*? Воля ваша, а

«Это темно, непонятно,
Очень что-то мудрено!»

И особенно мудрено, когда рѣчь идетъ о журналахъ и газетахъ, имѣющихъ дѣло съ фактами положительными, съ подробностями общественной жизни. Связанные этимъ, они должны, волею или неволею, высказываться вполнѣ опредѣлительно, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, потеряютъ всякое значеніе для публики. Нѣтъ слова, что, при настоящемъ положеніи русской литературы, со всѣхъ сторонъ стѣсненной и цензурными, и внѣ цензурными условіями, встрѣчается возможность чего-то похожаго на дѣйствованіе посредствомъ такъ-называемаго *направленія*, которое всецѣло заключается въ употребленіи фигуры умолчанія, въ чтеніи за строками, въ неясныхъ намекахъ и проч. Но, если представить себѣ русское слово освобожденнымъ отъ предварительныхъ истязаній, то всякая мысль о *направленіи*, понимаемомъ въ указанномъ выше смыслѣ, падаетъ сама собой, ибо кто же изъ читателей будетъ столь невиненъ, чтобы подписываться на журналъ, который подчуетъ его однимъ *направленіемъ*, тогда какъ рядомъ съ нимъ стоитъ другой журналъ, разсказывающій жизненный фактъ ясно и безбоязненно? Положительно можно сказать, что *направленіе* есть плодъ предупредительной цензуры, что обаятельная сила его будетъ существовать дотолѣ, покуда будетъ существовать предупредительная цензура. Мало того: сила эта будетъ существовать и въ такомъ случаѣ, если изъятіе отъ предупредительной цензуры будетъ допущено только для *извѣстныхъ* журналовъ, а другіе останутся подъ ея вліяніемъ.... Что касается до третьяго аргумента, то онъ положительно не требуетъ серьезнаго опроверженія. Въ самомъ дѣлѣ, неужели наша литература имѣетъ такое громадное развитіе, что можетъ даже утомить силы преслѣдующей власти? И что, наконецъ, можно подумать объ этой преслѣдующей власти, которая такъ скоро утомляется? Вѣдь нельзя же такъ жить, чтобъ все доставалось даромъ: желаете *преслѣдовать*, — ну, и потрудитесь.

Но, кромѣ этихъ общихъ замѣчаній о предварительной цензурѣ, статья «Русскаго Вѣстника» возбуждаетъ множество другихъ вопросовъ, ставящихъ читателя въ недоумѣніе. Первый вопросъ: для кого именно («для другихъ», говоритъ «Русскій Вѣстникъ») «откроется возможность выйти изъ-подъ опеки предварительной цензуры»? Если это будетъ дѣлаться вслѣдствіе чьего нибудь выбора, то нельзя не опасаться пристрастія и стремленія къ тому, что мы назвали выше единоторжіемъ мысли. Если это изъятіе будетъ допускаться поочереди — это будетъ странно; если по жребію — будетъ еще страннѣе. Однимъ словомъ, «Русскій Вѣстникъ», очевидно, ошибается; въ такомъ важномъ, существенномъ интересѣ, каковъ интересъ литературный, привилегій не можетъ быть: есть предварительная цензура — она есть для всѣхъ; нѣтъ предварительной цензуры — ея

нѣтъ для всѣхъ. Дѣйствовать въ противоположность этому коренному принципу справедливости значило бы намѣренно и насильственно умерщвлять одни органы русской мысли съ тѣмъ, чтобы упитать на счетъ ихъ другіе. «Русскій Вѣстникъ», конечно, далекъ отъ такого рода инсинуаціи. Второй вопросъ — что означаютъ эти слова: «кто не рѣшится принять на себя полную и нераздѣльную отвѣтственность за свое сочиненіе или изданіе, тотъ можетъ остаться подъ цензурою»? Изъ этихъ словъ можно вывести только одно заключеніе: будетъ извѣстный разрядъ сочиненій (чѣмъ онъ опредѣлится: размѣромъ, или самымъ содержаніемъ сочиненій — неизвѣстно), который абсолютно освободится отъ вліянія предварительной цензуры. Если это такъ, то предоставленіе писателямъ *добровольнѣ* подчинять себя опекѣ предварительной цензуры кажется намъ излишнею роскошью. Во-первыхъ, не представляется надобности предлагать опеку для всѣхъ нищихъ духомъ, точно такъ же, какъ не представляется надобности въ учрежденіи какой либо особой палаты для управленія тѣми имѣніями, которыхъ владѣльцы не умѣютъ извлечь изъ нихъ всѣхъ выгодъ. Во-вторыхъ, если издатели сочиненій этого разряда встрѣтятъ сомнѣніе въ своей благонамѣренности, то могутъ посовѣтоваться съ своими пріятелями, не затрудняя правительства. Въ-третьихъ, наконецъ, подобный легкій способъ избавляться отъ отвѣтственности можетъ породить въ литературной и издательской дѣятельности дурныя привычки. Можетъ въ литературномъ лагерѣ произойти междоусобіе, угодничество и фискальство, ибо всегда найдутся люди, охочіе заявлять о своемъ смиренствѣ, даже когда заявленія эти и не надобны никому. Все это можетъ ввести въ заблужденіе и само правительство на счетъ характера подобныхъ заявленій. Третій вопросъ, совершенно обойденный «Русскимъ Вѣстникомъ», формулируется такъ: если сочиненіе или журналъ пропущены предварительною цензурой, то избавляются ли затѣмъ авторы и издатели отъ всякихъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, въ случаѣ еслибъ, впослѣдствіи, то есть по выходѣ книги въ свѣтъ, оказалось въ ней что либо недозволенное? И если правительство найдетъ нужнымъ изъять изъ продажи пропущенное цензурой и отпечатанное уже сочиненіе, то кто будетъ отвѣчать передъ авторомъ и издателемъ за матеріальный ущербъ, нанесенный имъ такимъ правительственнымъ распоряженіемъ? Важность этихъ вопросовъ несомнѣнна, и нѣтъ сомнѣнія, что первый изъ нихъ самимъ правительствомъ будетъ разрѣшенъ тѣмъ гуманнымъ путемъ, которому оно постоянно слѣдуетъ, то есть освобожденіемъ авторовъ и издателей отъ всякой личной отвѣтственности. Второй вопросъ нѣсколько труднѣе для разрѣшенія, потому что здѣсь замѣшивается интересъ матеріальный. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ и издатель должны

быть вознаграждены: они свое дѣло исполнили, то есть представили сочиненіе въ цензуру, и за тѣмъ все остальное до нихъ не касается; но на чей счетъ они должны быть вознаграждены? Коренной законъ говоритъ, что если должностное лицо своими дѣйствіями по должности наноситъ ущербъ казнѣ или частному лицу, то оно, кромѣ личной отвѣтственности по суду, подвергается и взысканію всей суммы матеріальнаго ущерба въ пользу казны или частнаго лица. На этомъ основаніи, вознагражденіе авторовъ и издателей въ приводимомъ случаѣ должно падать на цензора, но въ такомъ случаѣ или должность цензора сдѣлается невозможною или же опека цензурная станетъ невыносимою. Цензоръ постоянно будетъ подъ ударомъ и личной отвѣтственности, и совершеннаго разоренія: очевидно, что, при такихъ условіяхъ, главною его заботою сдѣлается не разумная свобода слова, но слѣпая къ ней ненависть, внушаемая естественнымъ чувствомъ самосохраненія.

Но, быть можетъ, такого рода ущербъ положено будетъ принимать на счетъ казны — тогда возникаетъ вопросъ: чѣмъ же казна тутъ виновата? Это тоже одно изъ немалыхъ неудобствъ существованія предварительной цензуры.

IV. Кромѣ отвѣтственности передъ закономъ, т. е. передъ судомъ, печатное слово будетъ подлежать контролю административной власти. Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о сочиненіяхъ и изданіяхъ, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры; такимъ образомъ, мы приходимъ къ цензурѣ карательной, которая, по сказанію «Русскаго Вѣстника», будетъ дѣйствовать двояко: путемъ судебнаго преслѣдованія и путемъ административныхъ взысканій. Очевидно, это та же самая система преслѣдованія, которая, съ легкой руки Франціи, существуетъ, относительно прессы, на всемъ европейскомъ континентѣ, за малыми исключеніями. И мы собственно не имѣемъ ничего сказать противъ нихъ, кромѣ того, что устроить правильную систему административныхъ взысканій намъ кажется не только трудно, но даже совершенно невозможно. Трудно, очень трудно отбиться отъ поползновенія къ произволу, особливо, когда самъ законъ подаетъ къ тому легкій поводъ, особливо, когда лицо, которому предоставляется карательная власть, дѣйствуетъ единолично, особливо, когда оно, какъ выражается «Русскій Вѣстникъ», можетъ быть въ этомъ дѣлѣ и партіей и судьей. Поэтому-то мы совершенно согласны съ «Русскимъ Вѣстникомъ», когда онъ говоритъ, что министру внутреннихъ дѣлъ предстоитъ тяжкое, трудное, но славное дѣло; позволяемъ себѣ пожелать только одного: чтобъ это было дѣло менѣе тяжкое. Достигнуть этого и избѣжать ни въ какомъ случаѣ незаслуженнаго нашимъ правительствомъ упрека въ желаніи замѣнить произволъ безпорядочный произ-

воломъ, такъ сказать, узаконеннымъ—можно очень легко, и именно: отказавшись отъ системы административныхъ взысканій и оставивъ одинъ путь преслѣдованія вредныхъ сочиненій—путь судебный. Повторяемъ: опасность вовсе не такъ велика, и вліяніе и кругъ дѣятельности нашей литературы вовсе не такъ обширны, какъ это изображаютъ слабонервные и легко пугающіеся органы русской прессы. Слѣдовательно, отказавшись отъ легкаго права быть въ дѣлѣ партіей и судьей, правительство не только ничего не рискуетъ, но даже выигрываетъ, ибо за нимъ останется то обаяніе безпристрастія и спокойствія, которое такъ рѣшительно дѣйствуетъ не только на людей, душою и тѣломъ преданныхъ правительству, но и на такихъ, которые почему либо ставятъ себя въ разрядъ недовольныхъ. Противъ этого могутъ быть два возраженія: первое, приводимое «Русскимъ Вѣстникомъ» (изъ головы или изъ проекта устава — не знаемъ), заключается въ дурномъ устройствѣ нашихъ судовъ. «Судъ только что устанавливается у насъ, говоритъ этотъ журналъ, и потребуется много времени, пока новая организація его вступитъ окончательно въ дѣйствіе, еще болѣе пройдетъ времени, пока эта новая великая сила окажетъ все свое вліяніе на нашу общественную жизнь и совершенно съ нею освоится; а въ ожиданіи этого было бы неблагоразумно оставлять нашу печать въ ея нынѣшнемъ неудовлетворительномъ положеніи».

Въ этихъ немногихъ словахъ очень много опечатокъ. Во первыхъ, дурная организація судовъ все таки не мѣшаетъ имъ производить судъ по преступленіямъ всякаго рода, и было бы очень рискованно сказать, чтобы нашлось много преступниковъ, которые, не смотря на всѣ недостатки существующаго судоустройства и судопроизводства, согласились бы замѣнить рѣшеніе суда, все таки руководствующагося чѣмъ-то прочнымъ, усмотрѣніемъ административной власти. Во вторыхъ, сроки, которые считаетъ нужными «Русскій Вѣстникъ» для освобожденія русскаго печатнаго слова изъ подъ административной ферулы, какъ-то слишкомъ ужь отдаленны: сперва пусть правильный судъ установится, потомъ пусть эта новая сила *совершенно* освоится съ русскою жизнью: даже и не соблазнительно. Въ третьихъ, вѣдь все таки будетъ такой разрядъ преступленій по дѣламъ книгопечатанія, за которыя взысканіе, и при дурномъ устройствѣ суда, не иначе можетъ быть полагаемо, какъ по суду, вѣдь они теперь есть, эти преступленія? Отчего же только нѣкоторыя, а не *всѣ* преступленія? гдѣ граница между преступленіями, подлежащими взысканію административному, и преступленіями, подлежащими взысканію по суду? Сообразите только, какъ легко тутъ можно запутаться! Въ четвертыхъ, наконецъ, въ словахъ «Русскаго Вѣстника» слышится недостатокъ логики; выходитъ нѣчто въ родѣ того, что такъ какъ судъ устроенъ

въ настоящее время неудовлетворительно, то лучше пусть будетъ безсудность. Второе возраженіе, упущенное изъ вида «Русскимъ Вѣстникомъ», но часто раздающееся въ различныхъ слабонервныхъ кружкахъ, заключается въ томъ, что вчинаніе судебнаго иска противъ литературнаго сочиненія есть дѣло рискованное. «Прежде чѣмъ начать «подобный искъ, говорятъ обыкновенно, необходимо обсудить всѣ «возможныя послѣдствія его; не достаточно оцѣнить одну степень «примѣняемости закона къ совершившемуся нарушенію, но нужно «принять въ соображеніе и другія обстоятельства, какъ-то: состояніе «умовъ, нравовъ и вѣрованій». Первую часть этой аргументаціи мы рѣшительно не понимаемъ, хотя и чувствуемъ, что она вноситъ въ судебную практику не совсѣмъ чистый элементъ. Очевидно, что тутъ дѣло идетъ о какой-то осторожности, но не о той осторожности, которая ограждаетъ обвиняемаго отъ тревогъ, сопряженныхъ съ отвѣтственностью передъ судомъ, но о той, которая ограждаетъ саму преслѣдующую власть отъ возможности неудачи. Но если преслѣдующая власть, обсудивъ извѣстное дѣйствіе, найдетъ въ немъ признаки преступленія и если она при этомъ уважаетъ себя, то зачѣмъ ей тревожить себя мыслями о воображаемыхъ неудачахъ? Она отдаетъ обвиняемаго суду, она дѣлаетъ свое дѣло—и больше ничего. Вѣдь этакъ можно до такой степени растревожить себя, что наконецъ принять за постоянное правило дѣйствовать однимъ административнымъ путемъ: судъ-то, молъ, еще Богъ вѣсть, что скажетъ! Если же преслѣдующая власть, обсудивъ дѣйствіе, усумнится въ преступности его и вслѣдствіе этого предпочтетъ оставить дѣло подъ спудомъ, то подобная осторожность не только не можетъ представлять вредныхъ послѣдствій и кого-либо компрометировать, но даже заключаетъ въ себѣ замѣчательную и отнюдь не лишнюю для литературы гарантію. По этому и было бы въ высшей степени желательно, чтобы правительство приняло одинъ путь преслѣдованія преступленій и проступковъ, совершаемыхъ посредствомъ печати — путь преслѣдованія судомъ. Онъ единственно справедливый и единственно совмѣстный съ достоинствомъ самаго правительства.

V. Контроль надъ печатью сосредоточивается въ особомъ совѣтѣ, который имѣетъ быть учрежденъ на этотъ конецъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, «Русскій Вѣстникъ» не входитъ ни въ какія подробности по этому случаю, такъ что не видно, что это будетъ за совѣтъ, изъ кого онъ долженъ состоять, какой будетъ образъ его занятій и какіе присвоятся ему предѣлы власти. Все это, однакожь, очень важно. Если опредѣленіе и увольненіе членовъ совѣта будетъ зависѣть отъ произвола того лица, которому ввѣренъ высшій надзоръ за печатью, то, очевидно, они не будутъ имѣть самостоятель-

ности. Эту самостоятельность необходимо однако имъ дать, какъ по крайней важности поручаемаго имъ дѣла, такъ и потому, что, лишенные самостоятельности, эти члены сдѣлаются или просто добрыми чиновниками, занимающими пенсіонныя мѣста, или же такими вышлифованными удальцами, которые на лету будутъ ловить полуслова, полунамеки и созидать изъ нихъ цѣлыя системы, цѣлыя направленія. Полезно было бы, по крайней мѣрѣ, увольненіе членовъ совѣта устранить отъ вліянія случайностей. Потомъ, какую силу будутъ имѣть сужденія совѣта: рѣшительную или только совѣщательную? Признаемся, мы скорѣе на сторонѣ рѣшительной силы, по той простой причинѣ, что какъ-то спокойнѣе живется, когда дѣло на міру дѣлается. Если одинъ и скажетъ что нибудь неподобное, ну Богъ дастъ, другой поправитъ, третій, быть можетъ, покраснѣетъ, а четвертый и совсѣмъ застыдится. Иногда изъ этого выходитъ и путное нѣчто. А одному и обнять-то все, право, какъ-то трудно. Да при томъ же, зачѣмъ и совѣтъ такой учреждать, которому можно, безъ дальнихъ разсужденій, говорить: не такъ, а вотъ такъ. Наконецъ, въ чемъ будутъ заключаться занятія членовъ совѣта, будутъ ли они только членами совѣта, призванными обсуждать дѣла уже приготовленныя, или же, вмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ и чиновниками, призванными не только обсуждать дѣла, но и изыскивать, но и возбуждать... Намъ кажется, что послѣдняя обязанность не придастъ особеннаго блеска новому учрежденію. За тѣмъ остается сказать о существѣ самого контроля. Онъ имѣетъ характеръ отчасти предупредительный, отчасти карательный. Въ первомъ отношеніи, прежде всего намъ бросилось въ глаза, что и на будущее время къ изданію новаго журнала нельзя будетъ приступить иначе, какъ съ разрѣшенія. Казалось бы, правительство вооружено достаточною репрессивною силой, въ особенности относительно журналовъ, но очевидно, и этого мало, если предполагается увеличить эту силу правомъ во всякое время полагать предѣлъ журнальной дѣятельности. Любопытно было бы знать, чѣмъ обусловливается разрѣшеніе или неразрѣшеніе журнала? Принята ли будетъ австрійская система, требующая отъ редактора и издателя одного условія: безукоризненной нравственности? Оставлена ли будетъ нынѣ существующая въ Россіи система, требующая свидѣтельства мѣстныхъ губернскихъ начальствъ о благонадежности просителей, о несостояніи ихъ ни подъ слѣдствіемъ, ни подъ судомъ, ни подъ надзоромъ полиціи? Или будетъ просто предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ разрѣшать или неразрѣшать по личному его усмотрѣнію? Признаемся, мы больше на сторонѣ австрійской системы; во-первыхъ, она очень похожа на то, что уже существуетъ у насъ въ настоящее время; во-вторыхъ, она все-таки представляетъ какія нибудь гарантіи, не зажимаетъ

прямо рта и дастъ возможность аппеллировать. Насъ могутъ спросить: какимъ же образомъ можетъ дойти правительство до убѣжденія въ этой нравственности? Отвѣчаемъ: это и очень трудно, и очень легко. Это трудно, если правительство изъявляетъ претензію проникать въ тайники души человѣческой; напротивъ того, это очень легко, если правительство удовольствуется удостовѣреніями въ *оффиціальной* нравственности просителя. Тутъ дѣло ясное: неопороченность по суду — вотъ вся безукоризненность; внѣ этой сферы дѣло идетъ уже не о томъ, чтобы претендентъ на редакторство доказывалъ правительству свою нравственность, а о томъ, чтобы правительство, буде желаетъ, доказало претенденту его безнравственность. Но каково же будетъ положеніе будущихъ дѣятелей русской журналистики, если ни имъ не придется ничего доказывать, ни власти не захотятъ ничего доказывать? если придется выслушивать только голос «да» или «нѣтъ?» Вѣдь это положеніе хуже нынѣшняго, потому что нынѣ, въ случаѣ отказа, можно подать на министра жалобу въ правительствующій сенатъ. Вѣдь изъ этого можетъ произойти послѣдствіе двоякаго рода: или лицо, въ рукахъ котораго сосредоточенъ будетъ высшій контроль надъ печатью, будетъ разрѣшать новыя періодическія изданія только при извѣстныхъ условіяхъ, и тогда всѣ журналы будутъ пѣть въ униссонъ, или же журнальные дѣятели, которыхъ образъ мыслей болѣе или менѣе извѣстенъ, будутъ скрываться за подставными лицами. И въ томъ и въ другомъ случаѣ достигается неловкое положеніе — и ничего больше. Поэтому будемъ надѣяться, что эта преграда къ распространенію журнальной дѣятельности въ Россіи будетъ устранена. Что касается до контроля карательнаго, то «Русскій Вѣстникъ» говоритъ только о «предостереженіяхъ» и какихъ-то «опредѣленныхъ взысканіяхъ». «Предостереженія» мы знаемъ: они существуютъ во Франціи, и любопытно было бы знать только, вполнѣ ли будетъ принята французская система. Гораздо большую пищу для любопытства представляютъ упоминаемыя «Русскимъ Вѣстникомъ» «опредѣленныя взысканія». Дано ли право апелляціи или не дано? Какой взглядъ внесла коммиссія въ новый уставъ на журнальную собственность, то есть приравняла ли она ее со всякой другой собственностью, или сообщила ей характеръ исключительный? Все это вопросы очень важные, но не зная, въ чемъ заключаются постановленія коммиссіи объ этомъ предметѣ, мы можемъ только заявить наше скромное желаніе, заключающееся въ томъ, во-первыхъ, чтобы было обезпечено право апелляціи, и во-вторыхъ въ томъ, чтобы собственность журнальная, какъ и всякая другая, была выведена изъ подъ вліянія административной власти.

VI. «Управленіе по дѣламъ книгопечатанія не будетъ отнынѣ

прикрываться высочайшимъ именемъ, всѣ распоряженія будутъ производиться министромъ внутреннихъ дѣлъ подъ собственною отвѣтственностью». Разсужденія, которыя дѣлаетъ по этому поводу «Русскій Вѣстникъ», приведены нами выше, и мы съ ними вполнѣ согласны. Жаль только, что журналъ этотъ полѣнился объяснить, въ чемъ именно будетъ заключаться отвѣтственность министра? Вѣдь изъ того, что онъ дальше говоритъ, что министръ будетъ вмѣстѣ «и партіей, и судьей» не много видно. Но, быть можетъ, «Русскій Вѣстникъ» разумѣетъ отвѣтственность передъ собственной совѣстью, — тогда, конечно, нельзя не согласиться, что это отвѣтственность великая, ибо совѣсть есть высшій трибуналъ въ этомъ отношеніи.

Заканчивая статью нашу, повторяемъ сожалѣніе, что мы не имѣли возможности ознакомиться лично съ проектомъ новаго устава о книгопечатаніи, и что по этому случаю, наша статья имѣетъ видъ размышленій по поводу «замѣтки», напечатанной въ московскомъ журналѣ, «замѣтки», быть можетъ, характера тоже весьма гадательнаго, хотя и сквозитъ въ ней нѣкоторая олимпическая увѣренность.

Т—нъ.

НАШИ ТОЛКИ О НАРОДНОМЪ ВОСПИТАНІИ.

На этотъ разъ мы думаемъ остановиться на «Ясной Полянѣ» (*).

Послѣ множества вопросовъ, которые наша литература разрѣшала въ послѣдніе годы, вопросовъ объ откупахъ, объ англійскихъ учрежденіяхъ, о полиціи, о несправедливостяхъ австрійцевъ противъ Италіи, турокъ противъ славянъ, о неудовлетворительности азбуки, цензурѣ превентивной и карательной, — въ рядъ «поднятыхъ» вопросовъ сталъ вопросъ о воспитаніи, особенно воспитаніи народномъ. Ему повезло такъ же, какъ и всѣмъ другимъ вопросамъ, и разрѣшается онъ съ тѣмъ же глубокомысліемъ, какое вообще отличаетъ произведенія отечественныхъ публицистовъ; результаты будутъ вѣроятно столь же плодотворны, какъ въ рѣшеніи многихъ изъ вышеупомянутыхъ задачъ. Насъ — внимательныхъ читателей родной литературы — всегда поражали свойства этой разработки общественныхъ вопросовъ; мы находили въ ней много предметовъ для удивленія, — или обширную эрудицію, за которой публицисты теряли способность понимать самыя простыя вещи; или туманную философію; или, тамъ, гдѣ писателя нельзя было бы заподозрить ни въ эрудиціи, ни въ философскомъ умѣ, — смѣлость того русскаго «глазомѣра», который съ такимъ успѣхомъ введенъ былъ въ нашу литературу г. Кокоревымъ и послѣ него нашелъ столько ревностныхъ послѣдователей; или наконецъ тонкое дипломатическое искусство, умѣвшее

(*) «Ясная Поляна», журналъ педагогическій, издаваемый графомъ Л. Н. Толстымъ, 1862, іюль. «Воспитаніе и образованіе».

побѣждать противника сокровенными средствами, возможности которыхъ онъ и не воображалъ. Мы уже давно не имѣли случая сводить своихъ наблюденій, и теперь, когда случай къ этому представляется снова, мы убѣждаемся, что наши писатели продолжаютъ до сихъ поръ отличаться тѣми или другими изъ этихъ свойствъ; мало того, многіе такъ въ нихъ совершенствуются, что на насъ нападаетъ нѣкоторое сомнѣніе, когда мы начинаемъ говорить о нихъ. Какъ бы человѣкъ ни былъ расположенъ къ серьёзному разбору дѣла, какъ бы ни была сама по себѣ невинна его цѣль, но, осмѣливаясь противорѣчить означеннымъ публицистамъ, онъ пожалуй рискуетъ, — рискуетъ быть объявленнымъ за человѣка безъ правилъ, за человѣка зловреднаго и опаснаго для общественнаго порядка. Мы видѣли и видимъ до сихъ поръ такіе факты. Еще не такъ давно «Современная Лѣтопись» дѣлала какіе-то намеки на чье-то якобинство по поводу учрежденія учительскихъ институтовъ; недавно также она произносила грозящія слова по поводу предстоящаго введенія карательной цензуры; кому не извѣстны подвиги «Сѣверной Пчелы» и даже престарѣлыхъ «Отечественныхъ Записокъ», принявшихся съ своей стороны за наблюденіе надъ общественной нравственностью и порядкомъ.

Всѣ эти обстоятельства весьма невыгодны въ настоящую минуту для наблюдателя отечественной литературы; они вынуждаютъ его къ особенной скромности. Мы начинаемъ наши наблюденія вооружившись по возможности этой скромностью, и если не бросаемъ дѣла вовсе, то собственно потому, что послѣднее время доставляетъ занимательные предметы для наблюденій. Думая о томъ,

«Какъ бы свѣтъ весь за-ново
Къ общей пользѣ утвердить», —

мы додумались наконецъ до вопросовъ «капитальныхъ». Для этого утвержденія свѣта къ общей пользѣ между прочимъ найдено было необходимымъ народное образованіе. Нѣсколько времени тому назадъ, еще очень недавно, когда этотъ вопросъ былъ только что тронутъ, многіе голоса высказали, что его и трогать не слѣдуетъ, что грамота для народа безполезна или даже положительно вредна. Эта мысль показалась тогда до того въ порядкѣ вещей, что нашлись даже люди, начавшіе опровергать ее. Теперь мы сдѣлали уже большой шагъ: этотъ вопросъ считается рѣшеннымъ, и при томъ въ пользу грамоты. Послѣ этого, самымъ естественнымъ дѣломъ было конечно поднять вопросъ объ азбукѣ, — какую азбуку дать народу, годится ли для него обыкновенная, или не слѣдуетъ ли устроить для него какую нибудь новую, соотвѣтственно его слабому разумѣнію; — и вопросъ былъ

дѣйствительно ходятъ; въ Петербургѣ составился цѣлый комитетъ реформаторовъ, который дѣйствительно рѣшилъ, что нашу обыкновенную азбуку и ореографію слѣдуетъ передѣлать, потому что они очень трудны... Въ комитетъ очень либерально принимается всякій желающій, и однажды явился туда даже господинъ, предлагавшій просто уничтожить и предать забвенію азбуку, завѣщанную намъ предками, и предлагалъ вмѣсто нея латинскую;—комитетъ впрочемъ благоразумно отклонилъ предложеніе. Вопросъ объ азбукѣ и ореографіи продолжаетъ дебаттироваться до сихъ поръ... Другіе между тѣмъ принялись за изданіе книгъ, полезныхъ для народа; составились разныя общества, изъ которыхъ въ особенности примѣчательно одно московское, представившее для грубаго простолюдина примѣры добродѣтели въ «Елизаветѣ Фрей» и «Сестрѣ Розаліи».

Эти факты могутъ показаться читателю неудовлетворительными,—онъ можетъ имѣть объ этомъ свое мнѣніе, и мы не станемъ ему противорѣчить. Были, конечно, и другаго рода факты, были, напримѣръ, воскресныя школы и т. п., но имъ не посчастливилось.

Вопросъ народнаго образованія подвергся наконецъ и литературному разсмотрѣнію, съ практической и теоретической стороны. Здѣсь также выразилось много своеобразнаго, обнаружилось много извѣстной смѣтки; которой гордится русскій со временъ Гостомысла, и много того глазомѣра, который былъ введенъ г. Кокоревымъ. Смѣлость, которую обнаружила нѣкогда наша литература въ рѣшеніи вопросовъ о гласности, адвокатурѣ, объ угнетеніи турками славянъ,—высказалась въ значительной степени и здѣсь. Можетъ быть, этой смѣлости выразилось въ вопросѣ о народномъ образованіи даже больше, потому что въ послѣднее время русская литература гораздо больше, чѣмъ прежде, стала убѣждаться въ томъ, что мы народъ самостоятельный, что европейскій законъ для насъ не писанъ и что мы должны даже положительно избѣгать иностранныхъ началъ, которыя навредили намъ столько въ прежнее время. Эта мысль, которой въ 40-хъ и 50-хъ годахъ держались только люди весьма сомнительнаго прогресса, теперь, вслѣдствіе разныхъ историческихъ событій, стала овладѣвать даже такими органами, которые имѣютъ положительную слабость быть передовыми и заправлять общественнымъ мнѣніемъ. Результаты этой смѣлости русской самостоятельной мысли и въ самомъ дѣлѣ безпрестанно впадаютъ въ самыя злѣйшія противорѣчія съ тѣмъ, что считала было рѣшеннымъ европейская наука.

Какъ подобаетъ людямъ смѣлымъ, наши публицисты брались при этомъ и за вопросы очень мудреные; что называется, они брались «перерѣшать» ихъ. Правда, имъ случалось становиться на весьма ретроградные пункты (та же «Современная Лѣтопись» стала напри-

мѣръ недавно на чисто клерикальную точку зрѣнія въ вопросѣ о школѣ, что очень мало рекомендуетъ ея педагогическія понятія) и защищать весьма устарѣлыя вещи; но бывали и другіе примѣры: передъ судомъ отечественной критики призывались къ отвѣту самыя основанія иноземной педагогіи и выставлялись совершенно новыя начала воспитанія. Этотъ послѣдній фактъ обратилъ даже на себя особенное вниманіе, и мы хотѣли бы на этотъ разъ посвятить ему наше изученіе.

Поднятъ былъ важный вопросъ,—вопросъ о *свободѣ воспитанія*. Всего усерднѣе защищаетъ его издатель «Ясной Поляны», гр. Л. Н. Толстой. Читателямъ нашимъ извѣстно безъ сомнѣнія имя этого журнала, который вмѣстѣ съ яснополянской школой возбудилъ недавно толки своимъ своеобразнымъ взглядомъ на вещи и на народное образованіе. На «Ясной Полянѣ» стали даже основывать сладкія надежды, помѣстивъ ее въ число тѣхъ (очень рѣдкихъ) утѣшительныхъ фактовъ, отъ которыхъ мы надѣемся своего спасенія. «Современникъ» до сихъ поръ мало вмѣшивался въ эти толки о народномъ воспитаніи, но объ «Ясной Полянѣ» онъ высказалъ свое мнѣніе такъ откровенно и просто, какъ этого желалъ самъ издатель «Ясной Поляны» и основатель школы. «Современникъ» отдалъ справедливость его школѣ и выразилъ свое искреннее сочувствіе тѣмъ побужденіямъ, которыя руководили ея основателемъ, сочувствіе его любящимъ отношеніямъ къ народу и гуманнымъ порядкамъ въ его школѣ. Но въ то же время «Современникъ» такъ же прямо сказалъ, что теоретическія разсужденія издателя «Ясной Поляны» далеко не такъ основательны и благоразумны, какъ его школьные порядки; что прежде, чѣмъ поучать Россію своей педагогической мудрости, надо самому поучиться, подумать, постараться пріобрѣсти болѣе опредѣленный взглядъ на дѣло народнаго образованія; что установленіе общихъ принциповъ науки требуетъ кромѣ прекрасныхъ чувствъ еще иныхъ вещей: нужно стать въ уровень съ положеніемъ науки, а не довольствоваться кое-какими личными наблюденіями, да безсистемнымъ прочтеніемъ кое-какихъ книжекъ. Въ доказательство указано было много аргументовъ изъ журнала гр. Толстаго, приводившихъ именно къ такому заключенію. Вещи совершенно основательныя стоятъ у него рядомъ съ самыми бездоказательными и самолюбивыми выходками; вещи самыя похвальныя рядомъ съ непозволительными тенденціями, которыхъ не долженъ допускать писатель, истинно уважающій науку и людей, для нея серьезно работавшихъ.

Издатель «Ясной Поляны», какъ и слѣдовало ожидать, увидѣлъ въ статьѣ «Современника» только личное (?) и недоброжелательное пустословіе. Что такое личное пустословіе, мы не понимаемъ; авторъ хотѣлъ вѣроятно сказать, что «Современникъ» лично недоброжелате-

ленъ къ нему. Мы можемъ положительно увѣрить его, что для этого «Современникъ» не имѣетъ рѣшительно никакихъ основаній, да и вообще въ своихъ сужденіяхъ руководится совершенно другими основаніями; если, по поводу журнала гр. Толстаго, онъ пришелъ къ приведенной выше морали, то основанія его и были указаны въ цѣломъ рядѣ мыслей гр. Толстаго, которыхъ «Современникъ» не могъ одобрить. Съ тѣхъ поръ вышло еще много книжекъ «Ясной Поляны», и «Современникъ» только убѣждается въ томъ, что было имъ сказано прежде. Собственно говоря, мы не имѣли бы уже надобности заниматься ими еще разъ—самаго гр. Толстаго мы не надѣемся убѣдить, если онъ не намѣренъ слушать, — но мы все-таки остановимся на «Ясной Полянѣ»: съ одной стороны она любопытна для насъ, какъ «знакъ времени»,—а мы можемъ теперь только наблюдать наше время,—съ другой въ ней находятся такія обскурантныя вещи, которыя, можетъ быть, даже опасно оставить безъ нѣкотораго разъясненія въ настоящую минуту. Они могутъ ввести въ заблужденіе довѣрчиваго читателя, и при томъ имъ данъ такой оборотъ....

Какого же рода идеи проповѣдуетъ гр. Толстой, и какая школа можетъ считать его въ числѣ своихъ представителей? На это съ точностію отвѣчать трудно, потому что характеръ его понятій весьма самобытенъ; но многими своими сторонами гр. Толстой очень близко подходитъ къ той школѣ національнаго и народнаго мистицизма, которая пріобрѣтаетъ такъ много новыхъ послѣдователей теперь между людьми перетрусившаго прогресса, и которая прежде называлась просто славянофильствомъ. Эта школа выросла изъ тѣхъ темныхъ предчувствій народности и народнаго интереса, которыя стали овладѣвать нашимъ развитіемъ особенно съ тридцатыхъ годовъ, но къ сожалѣнію и до сихъ поръ не могла опредѣлить своей идеи такъ ясно, чтобы ей могли сочувствовать люди съ прямыми и послѣдовательными понятіями. Этотъ мистицизмъ народности имѣетъ множество оттѣнковъ, начиная отъ незамысловатаго кваснаго патріотизма и ношенія національной (т. е. кучерской) поддевки до туманной философіи Кирѣевскаго, до проповѣди о почвѣ и погибели западной цивилизаціи, до филиппикъ М. П. Погодина, до международныхъ понятій «Дня» и, пожалуй, до художественно-поэтическихъ обличеній нигилизма. Эта школа обыкновенно на каждомъ второмъ словѣ говоритъ о народѣ, утверждаетъ, что русскій народъ не похожъ ни на какіе другіе народы, что въ немъ есть какія-то сверхъестественныя качества, пониманіе которыхъ доступно только для избранныхъ (т. е. для школы), что его развитіе должно идти совершенно особенными путями, что западная, обыкновенная наука для него не годится. Вслѣдствіе этого, все, принятое нами отъ запада со временъ Петра, есть ложь и не удовле-

творяетъ широкой русской натуры; для успѣха чисто народнаго развитія мы должны обратиться вспять, къ народнымъ началамъ, изучать глубокія основы народнаго духа и т. д. Изъ всего этого составилась цѣлая доктрина школы, которая въ сущности до сихъ поръ ясна не больше философіи Кирѣевскаго и которой иногда роскошно пользуются люди, желающіе погеніальничать о глубинѣ народнаго духа. Кодексъ этихъ началъ до сихъ поръ не сведенъ еще ни въ какую ясную и удобопонятную систему. Въ немъ еще до настоящей минуты слышны слѣды того времени и тѣхъ понятій, когда русскій патріотъ питалъ убѣжденіе, что мы всѣхъ шапками закидаемъ и «что русскому здорово, то нѣмцу смерть»; еще недавно въ числѣ убѣдительнѣйшихъ аргументовъ намъ приводили изъ этого кодекса, что у славянъ, напримѣръ, гораздо раньше, чѣмъ въ западной Европѣ былъ судъ присяжныхъ, — что народъ склоненъ къ выборному началу, — что у насъ въ XVII столѣтіи были соборы, — что народу гораздо лучше учиться грамотѣ по псалтырю у раскольничьихъ начетчицъ, чѣмъ въ порядочной школѣ и т. п. Часто бываетъ также, что довольствуются и одними неопредѣленными фразами о томъ, что мы оторвались отъ почвы, что народность нашего образованнаго класса есть народность Евгенія Онѣгина и потому осуждена на безплодное существованіе и т. п. Но положительно до сихъ поръ ни у кого не было смѣлости представить безъ отговорокъ эти вожделѣнныя начала народности, изъ которыхъ хотятъ сдѣлать непреложный законъ для мыслящаго современнаго человѣка, представить ихъ въ ихъ истинномъ видѣ и со всѣми ихъ послѣдствіями.

Между тѣмъ они безпрестанно поминаются въ толкахъ объ общественныхъ движеніяхъ и реформахъ, народномъ образованіи и литературѣ. Гр. Толстой также врагъ всякаго нигилизма и также собирается защищать отъ чего-то народъ; «Современникъ» не могъ впрочемъ понять хорошенько, отъ чего, потому что самъ гр. Толстой выражается объ этомъ неопредѣленно: сначала говоритъ, что народъ желаетъ образованія, потомъ, что онъ противодѣйствуетъ въ этомъ обществу и т. п. И у него народныя требованія играютъ важную роль: на ихъ основаніи онъ отвергаетъ петербургскія воскресныя школы (хотя онѣ совершенно добровольно посѣщаемы были сотнями этого молодаго народа), гимназіи, университеты (которые, бывало, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, также посѣщались сотнями посторонихъ слушателей). Все это узко, ограниченно, уродливо, по мнѣнію гр. Толстаго, потому что все это или устроено безъ вѣдома народа, или на иностранные образцы, или основано на принужденіи и деспотизмѣ школы (напримѣръ, воскресная школа? или университетъ, посѣщаемый огромной массой посторонней публики?).

Наконецъ гр. Толстой явился самъ защитникомъ истинныхъ началъ воспитанія и предъявителемъ народныхъ требованій въ статьѣ «Воспитаніе и образованіе» («Ясная Поляна,» іюль), на которой мы хотѣли бы остановиться. Существенная мысль гр. Толстаго, сколько мы понимаемъ, состоитъ въ томъ, что нынѣшняя педагогія никуда не годится; потому что не даетъ воспитанію *свободы*, т. е. что воспитываемый не имѣетъ въ нынѣшней школѣ и въ нынѣшней теоріи свободы выбора, что его постоянно подчиняютъ деспотизму школы,—и что въ слѣдствіе того никуда не годится и высшее образованіе, потому что напр. студентъ также подчиненъ профессорскому деспотизму, не принимающему въ разсчетъ народныхъ потребностей и человѣческой свободы. Отсюда неправильное и излишнее преподаваніе, разладъ между школой и жизнью, отдаленіе воспитываемаго отъ его среды, даже семейной, и непригодность университетскихъ студентовъ, способныхъ будтобы только на однѣ мнимо-либеральныя выходки и пустословіе. Собираясь прослѣдить статью гр. Толстаго, мы считали нужнымъ указать такую общую его тенденцію: читатель можетъ иначе затеряться въ ходѣ его умозаключеній, вообще довольно прихотливомъ.

Издатель «Ясной Поляны» вообще недоволенъ своими критиками; онъ требуетъ, чтобы они соглашались или не соглашались съ нимъ, что если они захотятъ опровергать его, чтобы опровергали всѣ его положенія; не вносили личной полемики и пр. Мы уже говорили, что не можемъ имѣть личностей противъ гр. Толстаго, потому что не имѣемъ даже удовольствія знать его; при всей экстравагантности нѣкоторыхъ его выводовъ, мы постараемся сохранить все наше хладнокровіе, но впередъ отказываемся опровергать всю его систему, потому что именно системы мы и не видимъ въ его педагогическихъ мнѣніяхъ. «Современникъ» приводилъ уже достаточно образчиковъ его теоретической неудовлетворительности, и мы встрѣтимся опять съ примѣрами этого рода. Наконецъ въ массѣ фальшиваго и несостоятельнаго у гр. Толстаго встрѣчалось и прежде, встрѣчается и теперь много любопытныхъ психологическихъ замѣчаній, вѣрно подмѣченныхъ фактовъ, и намъ ничто не мѣшаетъ признать ихъ полную справедливость, — какъ бы ни сталъ обвинять насъ по своему въ непослѣдовательности гр. Толстой.

Мы прослѣдимъ по возможности мысли гр. Толстаго въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ излагаетъ ихъ самъ: опровергать ихъ, какъ систему, мы отказываемся; потому что, какъ мы сказали, мы не находимъ въ нихъ этой системы; системой можно назвать только нѣчто продуманное, нѣчто основанное на одномъ общемъ понятіи, тогда какъ у гр. Толстаго мы встрѣчаемся постоянно съ вещами весьма разнородными и несоединимыми: одинъ разъ онъ самымъ радикальнымъ об-

разомъ требуетъ свободы воспитанія и удовлетворенія народныхъ требованій, основывая то и другое на свободѣ воспитываемаго; съ другой стороны онъ въ то же время признаетъ, самымъ дѣтскимъ образомъ, тотъ status quo, который именно и противится всякой возможности подобной свободы; наконецъ, онъ просто, внѣ всякой системы, подчиняется своимъ антипатіямъ противъ университетовъ и литературы, не принимая даже на себя труда объяснять себѣ ихъ значеніе, чего не могъ бы не сдѣлать добросовѣстный изслѣдователь, берущійся проповѣдывать новую систему.

Издатель «Ясной Поляны» начинаетъ съ опредѣленія общихъ понятій. Онъ возстаетъ прежде всего противъ смѣшенія понятій «воспитаніе» и «образованіе»; поражается тѣмъ, что нѣкоторые народы, напр. французы и англичане не имѣютъ даже слова, которое бы соотвѣтствовало понятію «образованія», существующему у нѣмцевъ и у насъ. Вся бѣда заключается по мнѣнію гр. Толстаго въ томъ, что педагоги не отличаютъ этихъ двухъ совершенно различныхъ вещей; самъ онъ понимаетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

Современная педагогія занимается только воспитаніемъ и смотритъ на воспитываемаго, какъ на существо, совершенно подчиненное воспитателю. Подъ воспитаніе подводятся вообще три дѣйствія: 1) нравственное или насильственное вліяніе воспитателя, — образъ жизни, наказанія; 2) обученіе и преподаваніе и 3) руковожденіе жизненными вліяніями на воспитываемаго. Воспитаніе, въ обыкновенной господствующей рутинѣ, является деспотизмомъ воспитателя противъ воспитываемаго: весь внѣшній міръ допускается къ вліянію на ученика только въ той степени, въ какой находитъ это нужнымъ воспитатель; ученика отдѣляютъ отъ жизни непроницаемой стѣной и только черезъ школьно-воспитательную воронку пропускаютъ то, что считаютъ полезнымъ. Вліянія жизни не признается.

Такъ не должна дѣлать, по словамъ гр. Толстаго, здравая педагогія. Предметомъ ея должно быть не воспитаніе, а *образованіе*. Дѣло въ томъ, что воспитаніе не можетъ предвидѣть и опредѣлить всѣхъ явленій жизни. Вліяніе жизни такъ сильно, что имъ большею частію уничтожается все вліяніе школьнаго воспитанія; но педагогъ, по словамъ графа Толстаго, видитъ въ этомъ только недостаточность науки и искусства педагогики, и все таки считаетъ своей задачей воспитаніе людей по извѣстному образцу школьными средствами, а не изученіе путей, посредствомъ которыхъ образуются люди, и не содѣйствіе этому образованію. «Образованіе въ обширномъ смыслѣ, по нашему убѣжденію, составляетъ совокупность всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя развиваютъ человѣка, даютъ ему болѣе обширное міросозерцаніе, даютъ ему новыя свѣдѣнія. Дѣтскія игры, страданія, наказанія роди-

телей, книги, работы, ученіе насильственное и свободное, искусства, науки, жизнь, — все образовываетъ».

Дальше гр. Толстой выражается все сильнѣе и сильнѣе. «Воспитаніе,—по его мнѣнію,—есть возведенное въ принципъ стремленіе къ нравственному деспотизму; воспитаніе есть, я не скажу, выраженіе дурной стороны человѣческой природы, но явленіе, доказывающее неразвитость человѣческой мысли и потому не могущее быть положеннымъ основаніемъ разумной человѣческой дѣятельности — науки... Я убѣжденъ, что воспитатель только потому можетъ съ такимъ жаромъ заниматься воспитаніемъ ребенка, что въ основѣ этого стремленія лежитъ зависть къ чистотѣ ребенка и желаніе сдѣлать его похожимъ на себя, т. е. больше испорченнымъ» (стр. 11). «*Права воспитанія не существуетъ. Я не признаю его*, какъ не признаетъ, не признавало и не будетъ признавать его все молодое воспитываемое поколѣніе, всегда и вездѣ возмущающееся противъ насилія воспитанія. *Чѣмъ вы докажете это право?* Я не знаю и не полагаю ничего, а вы полагаете новое, для насъ несуществующее право одного человѣка дѣлать изъ другихъ людей такихъ, какихъ ему хочется»... «Есть два отвѣта: или признать право за тѣмъ, къ кому мы ближе, или кого мы больше любимъ, или боимся, какъ это дѣлаетъ *большинство* (попъ я, то считаю семинарію лучше всего, военный я, то предпочитаю кадетскій корпусъ, студентъ, то признаю одни университеты. Такъ дѣлаемъ мы всѣ, только обставляя свои пристрастія болѣе или менѣе остроумными доводами и вовсе не замѣчая, что всѣ наши противники дѣлаютъ то же самое),—или ни за кѣмъ не признавать права воспитанія. Я избралъ этотъ послѣдній путь» (стр. 13),

Вся эта тирада и ея продолженіе уснащены выходками такого самолюбія, такими ожесточенными филиппиками противъ педагогіи, противъ университетовъ (гр. Т. говоритъ всегда «*ваши* университеты»,—чьи это?), что было бы совершенно излишне останавливаться на этихъ словоизверженіяхъ, если бы не было въ нашей публикѣ довольно впечатлительныхъ людей, на которыхъ могутъ подѣйствовать эти вызывающія тирады: этимъ людямъ онѣ могутъ показаться дѣйствительно самой коренной постановкой вопроса и самымъ смѣлымъ вызовомъ старой рутинѣ. На дѣлѣ это всего чаще — незнаніе современной педагогической науки и та же вражда къ новымъ попыткамъ нашего общества, какая вообще свойственна нашей національно-мистической школѣ. Гр. Толстой, ставя свои вопросы, также утверждаетъ, что ихъ разрѣшеніе требуется для народа (мы имѣемъ основаніе думать, что народъ не поручалъ гр. Толстому заявлять его требованій). Та педагогія,—конечно нѣмецкая,—о которой такъ желчно и свысока говоритъ гр. Т., къ счастью вовсе не такъ ограниченна,

какъ онъ старается ее представить, и вовсе не такъ наклонна къ нравственному деспотизму. Графъ Толстой въ своихъ выводахъ имѣетъ обыкновеніе сослаться на какой нибудь отдѣльный примѣръ,—изъ котораго въ сущности ничего заключать нельзя, — и затѣмъ считаетъ дѣло рѣшеннымъ; для насъ эта метода нисколько не убѣдительна. Мы не знаемъ, о какой нѣмецкой педагогіи говоритъ гр. Т., которая будто бы и у себя проповѣдуетъ деспотизмъ школы, и къ намъ заноситъ тѣ же зловредныя начала. Вѣроятно гр. Т. попадалъ или на очень плохія нѣмецкія книги, или на очень плохихъ нѣмецкихъ учителей, — ихъ-то онъ и казнитъ теперь въ «Ясной Полянѣ». Онъ увѣряетъ, что сражается не съ мельницами, а съ настоящими врагами, т. е. съ настоящей теоріей педагогіи; но, судя по его возраженіямъ, мы въ этомъ сомнѣваемся. Дѣло въ томъ, что нѣмецкая педагогія вовсе не есть что нибудь законченное и порѣшенное; это наука, которая движется точно такъ же, какъ всякая другая наука, — наука, имѣющая свои рѣшенные вопросы и нерѣшенныя задачи; но главное, это наука, которая больше, чѣмъ какая нибудь другая, связана тѣсно съ настоящей жизнью и въ числѣ своихъ представителей имѣетъ людей разныхъ партій, разной степени развитія, разныхъ политическихъ понятій, и т. д. Въ этой наукѣ есть поэтому свои ретрограды и свои передовые люди, которыхъ только и слѣдуетъ разумѣется имѣть въ виду, если бы мы вздумали дѣлать общія ссылки на нѣмецкую педагогію. Этого требовала бы научная добросовѣстность. Графъ Толстой не говоритъ, на кого онъ ссылается. Въ другомъ мѣстѣ его журнала мы нашли высокомѣрные отзывы о Песталоцци, которые также, по нашему мнѣнію, не должны бы быть возможны у человѣка, желающаго серьёзно заниматься дѣломъ. Песталоцци—человѣкъ, скорѣе угадывавшій сердцемъ, чѣмъ открывавшій научными путями новую дорогу воспитанія; человѣкъ, давшій только мысль для дальнѣйшаго развитія и окончательно имѣющій теперь одно историческое значеніе. Нападая и издѣваясь надъ нимъ, гр. Толстой къ сожалѣнію дѣлаетъ двѣ неловкія вещи: дѣлаетъ несправедливость имени человѣка, имѣвшаго важное историческое значеніе, и ошибается, думая, что недостатки Песталоцци относятся къ новой нѣмецкой педагогіи.

Но когда дѣло идетъ объ общихъ принципахъ воспитанія, графъ Толстой, если онъ хочетъ обвинять педагогическую теорію, обязанъ знать ее, и если бы онъ ее зналъ,—эту, все еще развивающуюся теорію,—онъ говорилъ бы о ней иначе и осторожнѣе высказывалъ свои геніальныя обвиненія. Не лишнее было бы, напримѣръ, помнить то, что есть нѣкоторая разница между *существующей* школой и теоретическими выводами педагогической науки. Существующая школа почти никогда не можетъ представлять собой той степени развитія, которой

достигаетъ теорія педагогической науки. Школа существуетъ обыкновенно внѣ этой теоріи, т. е. отстаетъ отъ нея; у школы всегда бываетъ своя историческая традиція, т. е. старый порядокъ, который держался въ ней прежде и который уступаетъ новому, выработанному теоріей, порядку только мало по малу. Брать примѣръ школы въ ея statu quo за критеріумъ о томъ, до чего дошла человѣческая мысль въ *теоріи* педагогической науки,—это промахъ самаго элементарнаго свойства, и такіе промахи гр. Толстой совершаетъ безбоязненно на каждомъ шагу.

Въ понятіяхъ графа Т. путаются и плохая русская или нѣмецкая книжонка, которая ему случайно попалась, и плохой школьный учитель, котораго ему случилось найти гдѣ нибудь въ Берлинѣ или Люцернѣ,—и у него уже готовы восклицанія о деспотизмѣ школы, объ извращеніи воспитанія, о порчѣ человѣческаго рода, и т. д.; а главное, онъ рѣшаетъ, что здравыхъ понятій о педагогіи ни у кого нѣтъ и что самая теорія никуда не годится. Что на свѣтѣ до сихъ поръ очень много плохихъ школъ, въ этомъ нѣтъ конечно никакого сомнѣнія; быть можетъ, отъ этого происходитъ и порча человѣческаго рода, но мы думаемъ прежде всего, что въ этомъ слѣдуетъ все-таки обвинять не однихъ школьныхъ учителей, а вмѣстѣ и самый человѣческій родъ; вѣдь не составляютъ же школьные учителя особенной породы въ человѣчествѣ. Говоря ближе, быть можетъ, не составляетъ ли дурное положеніе школы одного слѣдствія другихъ, болѣе важныхъ явленій,—дурнаго положенія самаго общества; неудовлетворительность школьнаго образованія въ настоящемъ—не есть ли слѣдствіе общаго недостатка образованія и развитія въ обществѣ? Все же уровень нѣмецкихъ или англійскихъ школъ,—хоть можетъ быть они также извращены, по мнѣнію гр. Толстаго,—выше уровня нашихъ отечественныхъ школъ? Гр. Толстой не обращаетъ вниманія на эти посторонніе обстоятельства. Онъ все сваливаетъ на школу, какъ будто бы школа была въ жизни народа особой властью, а не результатомъ всей массы народныхъ понятій. Если его дѣйствительно занимаетъ вопросъ школы, то пусть онъ займется этимъ общественнымъ положеніемъ школы; быть можетъ, онъ нѣсколько яснѣе уразумѣетъ ея настоящій характеръ, ея условія и то, чего отъ нея можно требовать.

Это обстоятельство объяснила бы, или по крайней мѣрѣ указала бы ему любая нѣмецкая книга о значеніи школы, или объ исторіи воспитанія. Школа всегда была второстепеннымъ и подчиненнымъ отправленіемъ народной жизни; она всегда и вездѣ была въ зависимости отъ цѣлаго характера жизни: политическое устройство страны, ея религія, ея общественныя отношенія имѣютъ самое непосредственное вліяніе на школу. Это вліяніе ближайшимъ образомъ обнаружи-

вается въ прямомъ вмѣшательствѣ въ дѣло воспитанія со стороны правительства, духовенства, общества, въ прямомъ назначеніи школьной программы и требованій и т. д. Теорія бываетъ обыкновенно безсильна противъ всѣхъ этихъ вмѣшательствъ; какъ бы ни были ясны и разумны ея требованія, теорія или теоретикъ не имѣютъ правительственной власти, чтобы дать реальную силу своимъ выводамъ. Между *существующей* школой и послѣднимъ словомъ *теоріи* всегда поэтому бываетъ то же самое разногласіе, какое есть между теоретическими выводами экономической или политической науки о разумномъ устройствѣ общества и его дѣйствительнымъ устройствомъ.

Такимъ образомъ, если гр. Толстой хочетъ говорить о принципахъ воспитанія въ ихъ широкомъ, идеальномъ смыслѣ, съ его стороны очень странно, предъявляя свои новыя требованія, нападать на эту существующую школу и считать ее послѣднимъ словомъ науки. Къ счастью, эта наука не страдаетъ тѣми гнетущими недостатками, которыхъ такъ много представляетъ дѣйствительность современной школы; наука въ своихъ лучшихъ представителяхъ отказалась уже отъ множества предразсудковъ, которые по старой памяти господствуютъ до сихъ поръ не только въ кругу школьной жизни, но и въ цѣлой жизни общества. Вы предъявляете запросы о самыхъ коренныхъ основаніяхъ педагогической дѣятельности, вы сомнѣваетесь и потому положительно отвергаете чье бы то ни было право воспитывать другаго человѣка; вы требуете полной свободы человѣческой личности,— потому что вы возмущены настоящимъ порядкомъ школы и воспитанія. Прекрасно! но не требуйте отвѣта отъ этой же самой школы; если васъ занимаетъ этотъ отвлеченный вопросъ о правѣ человѣческой личности и правѣ воспитанія, вы и обращайтесь съ своими запросами туда, гдѣ вы можете получить отвѣтъ болѣе удовлетворительный. Не думайте, чтобы этотъ вопросъ не занималъ никого прежде васъ. Но ищите рѣшеній его не въ тѣхъ обыкновенныхъ теоретическихъ книгахъ, которыя пишутся только для домашняго обихода современной школы и составляютъ только сводъ тѣхъ основаній, которыя признаетъ существующая школа, т. е. школа, ограниченная упомянутыми выше вмѣшательствами. Есть педагогическія теоріи и книги, которыя пишутся въ видѣ руководства для современнаго положенія школы, точно такъ же, какъ пишутся ариѳметики, географіи и т. п.; и есть другія книги, которыя, не стѣсняясь вовсе этимъ положеніемъ, стараются найти иныя, болѣе разумныя основанія для воспитанія человѣка. Это книги не всегда чисто педагогическія: такъ какъ всѣмъ понятно, что школа не составляетъ въ жизни общества и народа какого нибудь особеннаго и независимаго дѣятеля, то вопросъ о школѣ переходитъ въ болѣе обширные вопросы,—о человѣческой личности, о законахъ обществен-

ной жизни, объ экономическомъ бытѣ, о законахъ цивилизаціи и общественнаго образованія и т. д. Педагогическая наука очевидно вовсе не есть какая нибудь независимая наука; если сама школа подчиняется вліянію основныхъ условій жизни, то и педагогическая теорія неразрывно связана съ основными науками о человѣкѣ и человѣческомъ обществѣ. Это наука чисто прикладная, какъ прикладная математика: ея существенная теоретическая основа лежитъ въ физіологіи и психологіи, наукахъ политическихъ и экономическихъ; въ послѣднихъ выводахъ этихъ наукъ и заключаются послѣдніе выводы современной теоретической педагогіи. Въ нихъ гр. Толстой и можетъ, если хочетъ, найти тѣ понятія о правахъ человѣческой личности и основахъ воспитанія, до которыхъ дошла современная мысль. Эти понятія не такъ узки, какъ онъ предполагаетъ; и для того, чтобы онъ получилъ право говорить тономъ судьи объ этихъ вещахъ, ему нужно напр. прочесть между прочимъ тѣхъ самыхъ Бокля, Льюиса, Молешотта, имена которыхъ гр. Толстой называетъ въ своей статьѣ съ какимъ-то недоброжелательствомъ, истинно насъ удивляющимъ. Откуда эта вражда къ Боклю и Молешотту? Если для гр. Толстаго такъ дороги права человѣческой личности, его должны бы были интересовать выводы науки, объясняющей ту же человѣческую личность; если его занимаетъ такой радикальный вопросъ воспитанія, какъ абсолютное право человѣческой личности, мы вправѣ требовать отъ него, чтобы его основанія были научны: иначе для людей серьезныхъ его толкованія останутся совершенно незанимательны, какъ чисто личная фантазія. Кому могутъ быть интересны ваши умозаключенія, подкрѣпленныя только личнымъ вашимъ капризомъ, если есть выводы физіологіи, антропологіи, исторіи, подкрѣпленные строгими научными фактами?

Гр. Толстаго пугаетъ мысль, что право воспитанія нарушаетъ свободную личность воспитываемаго и навязываетъ этой личности недостатки стараго поколѣнія? Чего же онъ хочетъ? Намъ кажется, что онъ хочетъ для молодаго поколѣнія совершенной свободы развитія, при которой бы оно само опредѣляло свои потребности и свои будущіе пути, а главное, онъ хочетъ, чтобы не было такой деспотической школы, какая теперь извращаетъ будто бы порядокъ развитія. Но сколько ни уничтожайте эту школу, сколько ни предоставляйте свободы молодой личности, — ея внутреннія средства еще такъ слабы, а вліяніе окружающей среды бываетъ такъ сильно, что личность опять очутится въ той же рутинѣ испорченной жизни, въ какую она попадала до сихъ поръ. Вы избавите ее только отъ одного деспотизма — школьнаго, но остается тотъ же деспотизмъ семьи, деспотизмъ невѣжества, предразсудковъ, извращенныхъ нравственныхъ понятій и т. д., и т. д., отъ чего теперь избавляетъ отчасти школа. Она всё-таки приноситъ свою

пользу.... Представьте себѣ воспитаніе, совершенно свободное отъ школьнаго деспотизма, все предоставленное только самой личности (напр. оставленнаго безъ надзора деревенскаго мальчика) или той средѣ, вліяніе которой вы признаете законнымъ,—какіе результаты выходятъ изъ этого воспитанія? Вамъ извѣстно вѣроятно это воспитаніе, которое до сихъ поръ было всего больше нашимъ національнымъ воспитаніемъ. Много ли сдѣлала сама природа въ этомъ *свободномъ* развитіи личности, и можно ли такъ зло шутить надъ «свободнымъ» развитіемъ? Но вы скажете, что здѣсь не было никакого обученія, личность не могла запастись свѣдѣніями (конечно по собственному выбору и желанію). Какія же свѣдѣнія нужны для этой личности? Очевидно, что тѣ элементарныя свѣдѣнія, какъ грамота, письмо и т. д., не могутъ особенно подвинуть *свободнаго* развитія; высшая наука, — но вы ея не одобряете. Судя по вашимъ высокомѣрнымъ отзывамъ, вы думаете, что и она сбилась съ пути...

Люди здравомыслящіе думаютъ иначе. Они вполнѣ признаютъ свободу человѣческой личности, но только съ другой стороны. Эта свобода заключается по ихъ мнѣнію въ возможности развитія всѣхъ физическихъ и моральныхъ данныхъ, которыя человѣкъ имѣетъ отъ природы. Эта свобода развитія не достигается предоставленіемъ ребенка самому себѣ или случайностямъ окружающей среды, потому что во-первыхъ онъ *нуждается* въ руководствѣ и помощи, во-вторыхъ, потому что для его свободы нужно освободить его отъ множества вредныхъ вліяній этой среды—ея старыхъ непригодныхъ предразсудковъ, невѣжества и проч. (мы не думаемъ, чтобы кто нибудь—развѣ гр. Толстой — сталъ защищать ихъ абсолютную необходимость). Ребенокъ является въ жизнь безъ всей массы этихъ предразсудковъ разнаго рода, и они очевидно не составляютъ неизбѣжнаго свойства его человѣческой природы уже потому, что въ одномъ мѣстѣ они бываютъ одни, въ другомъ другіе; слѣдовательно, если бы воспитаніе захотѣло сохранить свободу воспитываемой личности, оно прежде всего старалось бы сберечь ее отъ этихъ мѣстныхъ болѣзней, и не забивало голову ребенка съ самаго начала вещами, принятыми насильно или на вѣру отъ другихъ людей, которые не могутъ ихъ доказать. Основаніемъ воспитанія останется слѣдовательно только физическая и психологическая природа человѣка; дѣломъ воспитанія будетъ развитіе этой природы, и чтобы оно осталось чисто и свободно, въ немъ не должны имѣть мѣста тѣ предвзятыя понятія, которыя завѣщаны старымъ и новымъ невѣжествомъ, лишенными смысла традиціями и т. д.; деспотизмъ школы будетъ при этомъ также неумѣстенъ, какъ деспотизмъ семьи, деспотизмъ касты, обычая, и т. д. Средства для этого развитія очевидно могутъ быть выбраны только такія, которыя свободны отъ

человѣческаго каприза и произвола, которыя не стѣснятъ человѣческой личности и могутъ быть приняты ей совершенно свободно и даже необходимо. Это средство—чистое знаніе, чистая наука, дѣйствующая на внутреннюю природу человѣка однимъ способымъ, разумнымъ и необходимымъ для нея насиліемъ и деспотизмомъ,—деспотизмомъ логики. Это средство остается единственнымъ законнымъ средствомъ воспитанія, и потребность въ немъ высказывается съ первыхъ шаговъ самостоятельной мысли ребенка. Такимъ образомъ, право воспитанія выходитъ непосредственно изъ самой природы воспитываемаго, и вопросъ человѣческой свободы, которой гр. Толстой хочетъ достигнуть отрицаніемъ права воспитанія, сводится только къ качеству передаваемаго знанія, къ тому, *что* будетъ передаваться, а не *кто* будетъ передавать. Что именно нужно передавать, мы уже говорили: если со стороны ребенка является вопросъ (какъ это и бываетъ на дѣлѣ), то этимъ самымъ уже и начинается право воспитанія со стороны того, кто будетъ отвѣчать ему. Дѣло состоитъ только въ томъ, какъ онъ будетъ отвѣчать ребенку, вѣрно ли онъ воспользуется своимъ правомъ, останется ли въ границахъ его. Онъ воспользуется этимъ правомъ невѣрно, если на вопросъ будетъ отвѣчать какой нибудь старой нелѣпостью, или, когда воспитанникъ имѣетъ уже способность понимать серьёзныя вещи, будетъ отвѣчать ему обманомъ, лицемѣріемъ или выдумкой невѣжества. Матеріалъ для правильнаго отвѣта, или другими словами, возможность для правильнаго пользованія правомъ воспитанія, дается только знаніемъ. Порядокъ школы долженъ быть порядкомъ сообщенія знанія; постепенность его опредѣляется постепенностью развитія самого воспитываемаго. Знаніе есть существенное орудіе воспитанія, и сообщеніе его есть единственный путь человѣческаго образованія; мы сильны теперь только тѣмъ, что было сдѣлано въ знаніи до насъ, и точно такъ же должны передать запасъ его слѣдующимъ поколѣніямъ. Если мы посредствомъ знанія освободились отъ деспотизма множества ложныхъ понятій, господствовавшихъ прежде, то и новыя поколѣнія должны владѣть тѣмъ же средствомъ, чтобы сохранить непосредственную простоту физической и нравственной человѣческой природы и достигнуть ея свободнаго отъ всѣхъ посторонних примѣсей развитія. Въ этомъ собственно и заключается весь такъ называемый историческій ходъ человѣческой цивилизаціи. Очевидно, что средство оберегать свободу человѣческой личности полнымъ отрицаніемъ права воспитанія, какъ это придумалъ гр. Толстой,—есть средство весьма аляповатое.

Итакъ, онъ положилъ отрицать право воспитанія, добиваясь, во что бы то ни стало, полной свободы воспитываемой человѣческой личности. Мы уже говорили, что, споря противъ него, имѣли собственно

въ виду довѣрчивыхъ читателей, которыхъ могла бы соблазнить смѣлость затѣи; мы не хотѣли переубѣждать самого издателя «Ясной Поляны» и опровергать его мнимую систему, потому что черезъ нѣсколько же строкъ онъ начинаетъ совершенно противорѣчить себѣ, и опять такъ, что мы все-таки не можемъ съ нимъ согласиться. Отказавшись рѣшительно признавать за кѣмъ бы то ни было право воспитанія, гр. Толстой признаетъ его опять за всѣми. Вотъ его слова:

«Если существуетъ вѣками такое *ненормальное* явленіе, какъ насиліе въ образованіи,—воспитаніе, то причины этого явленія должны корениться въ человѣческой природѣ. Причины эти я вижу: 1) въ семействѣ; 2) въ религіи; 3) въ государствѣ и 4) въ обществѣ (въ тѣсномъ смыслѣ,—у насъ въ кругу чиновниковъ и дворянства).

«Первая причина состоитъ въ томъ, что отецъ и мать, какіе бы они ни были, желаютъ сдѣлать своихъ дѣтей такими же, какъ они сами, или по крайней мѣрѣ такими, какими бы они желали быть сами. Стремленіе это такъ естественно, что нельзя возмущаться противъ него. До тѣхъ поръ, пока право свободнаго развитія каждой личности не вошло въ сознаніе каждаго родителя, нельзя требовать ничего другаго. Кромѣ того, родители болѣе всякаго другаго будутъ зависѣть отъ того, чѣмъ сдѣлается ихъ сынъ; такъ что стремленіе ихъ воспитать его по своему можетъ назваться если не справедливымъ, то естественнымъ.

«Вторая причина, порождающая явленіе воспитанія, есть религія. Какъ скоро человѣкъ — магометанинъ, жидъ или христіанинъ — твердо вѣритъ, что человѣкъ, не признающій его ученія, не можетъ быть спасенъ и губитъ свою душу на вѣки, онъ не можетъ не желать, *хотя насильно*, обратить и воспитать ребенка въ своемъ ученіи.

«Повторяю еще разъ: религія есть *единственное*, законное и разумное основаніе воспитанія (мы увидимъ сейчасъ же, что не единственное).

«Третья и самая существенная причина воспитанія заключается въ потребности правительствъ воспитать такихъ людей, какіе имъ нужны *для* извѣстныхъ цѣлей. На основаніи этой потребности основываются кадетскіе корпуса, училища правовѣдѣнія, инженерныя и другія школы. Если бы не было слугъ правительству, не было бы правительства; если бы не было правительства, не было бы государства. Стало быть, и эта причина имѣетъ *неоспоримыя* оправданія.

«Четвертая причина, наконецъ, лежитъ въ потребности *общества*, того общества въ тѣсномъ смыслѣ, которое у насъ представляется дворянствомъ, чиновничествомъ и отчасти купечествомъ. Этому обществу нужны помощники, потворщики и участники» (стр. 14—15).

Это невѣроятно, но мы выписали тираду гр. Толстаго буква въ

букву. Читатель можетъ уже видѣть изъ этихъ строкъ, какой силы эта мнимая система гр. Толстаго, и стоитъ ли спорить противъ нея серьёзнымъ образомъ. Тотъ самый мыслитель, который сейчасъ только отвергалъ всевозможныя права воспитанія, препирался за свободу человѣческой личности, предавалъ проклятіямъ господствующій порядокъ школы, теперь, черезъ нѣсколько строкъ, утверждаетъ, что всѣ эти школы (съ однимъ исключеніемъ) имѣютъ разумныя, законныя и неоспоримыя права. Какъ понять это? Мы по крайней мѣрѣ отказываемся понимать эти фокусы логики гр. Толстаго.

Если онъ признаетъ право воспитанія за семьей, религіей и государствомъ, изъ-за чего же онъ бился доказывать невозможность этого права? Право семьи онъ признаетъ еще условно, за то право церкви и государства не подлежитъ для него никакому сомнѣнію, а изъ этихъ двухъ источниковъ онъ можетъ, если захочетъ, вывести существованіе всѣхъ тѣхъ школъ и ихъ порядковъ, которыя возбуждаютъ его ожесточеніе,—вывести правильно, со всѣмъ ихъ насиліемъ и деспотизмомъ, формированіемъ людей на свой ладъ, нарушеніемъ свободной личности, навязываніемъ фальшивыхъ понятій, словомъ со всѣмъ тѣмъ, противъ чего онъ выступаетъ съ такой назойливостью. Если онъ захочетъ и сможетъ поставить эти вещи въ форму логической мысли, онъ долженъ принять или то, или другое; онъ долженъ, по его собственному мнѣнію, или отвергать право воспитанія и не дѣлать исключенія ни для кого, или признать его за всѣми, у кого есть охота, и прекратить свои филиппики, когда онъ не умѣетъ ихъ связать.

Изъ приведенной тирады гр. Толстаго мы могли только понять, что гр. Толстой чѣмъ-то крайне раздраженъ противъ университетовъ, которые собственно онъ и считаетъ порожденіемъ общества, которое въ нихъ образуетъ себѣ потворщиковъ и участниковъ. Гр. Толстой удивляется, что въ наукѣ и литературѣ встрѣчаются нападки на насиліе воспитанія семейнаго, религіознаго и т. д., но «на образованіе общественное не слышно нападокъ. Привиллегированное общество со *своимъ* университетомъ всегда право, а не смотря на то оно воспитываетъ въ понятіяхъ противныхъ народу, всей массѣ народа, и не имѣетъ оправданія кромѣ *гордости*». Эти-то нападки и совершаетъ гр. Толстой на томъ основаніи, что на университеты нападаетъ будто бы «могучій голосъ народа» (стр. 15). Замѣтимъ сначала, что народъ къ сожалѣнію даже мало знаетъ объ университетѣ, какъ мало знаетъ о наукѣ, литературѣ, искусствахъ, администраціи и т. д., словомъ обо всемъ, въ чемъ не имѣетъ или очень мало имѣетъ участія. Что народъ не боится университета и не имѣетъ нужды нападать на него, это можно видѣть хоть изъ того, что въ университетахъ

всегда бывали и теперь бываютъ люди изъ податнаго состоянія, слѣд. изъ народа, какъ понимаетъ народъ гр. Толстой. (Мы себя отъ народа не отдѣляемъ и думаемъ, что также принадлежимъ къ русскому народу). Народъ не знаетъ университета, какъ не знаетъ академіи, артиллерійскаго училища, пажескаго корпуса, лицея и т. д., и т. д., и въ этомъ удивительнаго ничего нѣтъ; что до сихъ поръ народъ все таки очень мало шелъ въ университеты, это объясняется его матеріальной нуждой и стѣсненіемъ, которыя вообще дѣлали ему образованіе недоступнымъ, — въ университетѣ, какъ въ кадетскомъ корпусѣ, или лицеѣ, все равно; и гр. Толстой, утверждая, что народъ нападаетъ на университеты, — говоритъ по крайней мѣрѣ вещь, которой онъ доказать не въ состояніи. Гр. Толстой ошибается и въ томъ, что никто будто бы не нападалъ на университеты. На нихъ нападаютъ всѣ обскуранты и уже давно, нападаютъ и въ настоящую минуту: къ своему имени, подписанному подъ статьей «Воспитаніе и образованіе», гр. Толстой и теперь могъ бы прибавить напр. имя г. Аскоченскаго и другихъ. Наконецъ мы должны обратить вниманіе на весьма существенную ошибку гр. Толстаго, которая можетъ показаться преднамѣренной, потому что дѣло идетъ о фактѣ весьма извѣстномъ. Гр. Толстой называетъ университетъ принадлежностью или созданіемъ *общества* (общество со *своимъ* университетомъ, и такъ постоянно). Мы собственно были бы очень довольны, если бы это въ самомъ дѣлѣ было такъ, если бы общество имѣло дѣйствительно столько любви къ образованію, чтобы основывать и поддерживать университеты. Но это положительно невѣрно и гр. Толстой совершаетъ весьма грубую историческую ошибку. Наши университеты основаны были *самимъ правительствомъ*, наши гимназіи также, и отнимая у правительства это дѣло, гр. Толстой отнимаетъ у него конечно одно изъ самыхъ достойныхъ его дѣлъ. Общество только въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывало университетамъ свое содѣйствіе, но первоначальная мысль, организація, программы, денежныя средства, — все это дано было университетамъ отъ правительства и дается по настоящую минуту. Вѣроятно правительство понимало пользу этихъ учрежденій, когда тратило на нихъ значительныя суммы, оказывало покровительство ихъ ученымъ, давало средства для приготовленія профессоровъ и т. д. Напомнимъ также гр. Толстому, что университеты имѣютъ даже привиллегированный титулъ «императорскихъ», что дается у насъ не многимъ учрежденіямъ. При основаніи университетовъ, какъ и при основаніи всѣхъ другихъ учебныхъ и ученыхъ заведеній, правительство заботилось и объ удовлетвореніи потребностей общества не меньше, чѣмъ о доставленіи полезныхъ людей государству. Правительство дало студентамъ, оканчивающимъ курсъ въ университетѣ, и до сихъ

поръ даетъ особенныя права передъ другими молодыми людьми, не получавшими высшаго образованія; — и имѣетъ конечно на это свои основанія. Судя по упоминаніямъ въ статьѣ гр. Толстаго, онъ былъ въ университетѣ, слѣдовательно долженъ знать всѣ эти элементарныя свѣдѣнія; отчего онъ объ нихъ умалчиваетъ? Почему ставитъ онъ университеты врозь отъ правительства? Какая могла быть цѣль у него?

Правда, черезъ нѣсколько страницъ гр. Толстой какъ будто самъ начинаетъ соглашаться, что университеты основаны правительствомъ: «*правительству*, — говоритъ онъ, — нужны были *чиновники*, медики, юристы, учителя, — для приготовленія ихъ основаны университеты (кѣмъ? правительствомъ?); теперь (съ котораго же времени?) *для высшаго общества* нужны *либералы* по извѣстному образцу, и таковыхъ приготавливаютъ университеты» (стр. 27 — 28). Но въ этихъ двухъ фразахъ, стоящихъ рядомъ, нѣтъ никакого смысла.

Существенная цѣль гр. Толстаго впрочемъ ясна. Это — доказать, что университеты никуда не годятся и что они вредны. Мы сами вовсе не принадлежимъ къ числу такихъ оптимистовъ, чтобы особенно радоваться нынѣшнему положенію университетовъ; мы видимъ и знаемъ въ нихъ много весьма коренныхъ недостатковъ и согласились бы вполнѣ съ расширеніемъ университета до совершенно свободныхъ публичныхъ лекцій, но — мы пришли бы къ этому другимъ путемъ. Свои доказательства противъ нынѣшнихъ университетовъ гр. Толстой набираетъ довольно оригинальнымъ образомъ, въ родѣ слѣдующаго: общество образуетъ себѣ въ университетѣ потворщикомъ, потому что я видалъ, какъ четверо-курсники подделывали билеты; въ университетѣ нѣтъ никакой науки, потому что ни одинъ профессоръ не напечаталъ своего курса; въ университетахъ распространяется безнравственность, потому что студенты читаютъ Бѣлинскаго и Бюхнера и т. д. Съ той же цѣлью доказать негодность университетовъ, гр. Толстой собираетъ анекдоты о студенческихъ шуткахъ и продѣлкахъ и о дѣйствительныхъ злоупотребленіяхъ, въ родѣ того, что профессора бываютъ несправедливы на экзаменахъ, придирчивы по личнымъ отношеніямъ и т. п. При этомъ гр. Толстому и въ голову не приходитъ, что эти злоупотребленія или студенческія шутки вовсе не составляютъ идеи университета, — между прочимъ потому, что они существуютъ во всѣхъ рѣшительно школахъ, гдѣ есть экзамены и тому подобные порядки, и даже въ тѣхъ школахъ, которыя гр. Толстой соглашается признать какъ законныя и разумныя, какъ-то въ кадетскихъ корпусахъ, лицеяхъ и т. п. Гр. Толстой и здѣсь опять забываетъ главное, что университетскіе экзамены и вся соединенная съ ними процедура вовсе не составляютъ

выдумки самихъ университетовъ или создавшаго ихъ будто бы общества: экзамены установлены правительствомъ, которое желало имѣть въ нихъ гарантію въ знаніяхъ тѣхъ людей, которымъ оно давало служебныя преимущества. Что экзамены не всегда достигаютъ своей цѣли (нерѣдко очень достигаютъ), это извѣстно конечно и самимъ экзаминаторамъ, которые и сами въ большинствѣ желали бы совсѣмъ отъ нихъ отказаться, — но въ этомъ случаѣ профессора исполняютъ только прямыя предписанія *правительства*, а не собственную прихоть, или желаніе общества.

Лекціи въ университетѣ принудительны, продолжаетъ гр. Толстой, и въ доказательство разсказываетъ разные случаи этого рода и свои умозаключенія. Его анекдоты не производятъ однако того впечатлѣнія, какого бы ему хотѣлось, потому что всякій, искренно интересовавшійся въ послѣднее время дѣломъ нашихъ университетовъ и понимающій его нѣсколько лучше гр. Толстаго, знаетъ слѣдующія вещи. Во первыхъ, что эта принудительность на дѣлѣ не существовала въ послѣднее время, а это время только и справедливо брать здѣсь въ разсчетъ, потому что университеты только въ послѣднее время получили-было нѣкоторую возможность выразить свои стремленія и потребности въ этомъ смыслѣ: студенту была предоставлена полнѣйшая свобода выбирать себѣ тѣ или другіе курсы, ходить или не ходить на лекціи, и, если бы теперь возстановился старый порядокъ, то въ этомъ будутъ виноваты люди, думающіе подобно гр. Толстому, а не тѣ люди, которыхъ собственно и можно было только считать представителями настоящихъ университетскихъ стремленій. Во вторыхъ, никогда до сихъ поръ университетскія лекціи (по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ) не были такъ открыты для всѣхъ желающихъ чему нибудь научиться, какъ именно въ послѣднее время. Если бы у графа Толстаго было сколько нибудь желанія или возможности взглянуть серьёзно на этотъ фактъ, онъ увидѣлъ бы въ немъ именно противоположное тому, въ чемъ онъ сплеча обвиняетъ университеты. Такъ не было прежде, это правда; но не было не потому, чтобы эта публичность была положительно невозможна для университета вообще (опытъ показалъ, что она была возможна), какъ не возможна для кадетскаго корпуса, военной академіи и т. д., а только потому, что университетъ — хотя бы и противъ желанія — обязанъ былъ прежде непремѣннымъ исполненіемъ всѣхъ мелочныхъ предписанныхъ формальностей: это чисто внѣшнее вліяніе, противъ котораго университетъ не могъ ничего, дѣлало администрацію университета такой же чиновнической администраціей, какъ любой департаментъ. Если гр. Толстой желаетъ вникнуть въ это дѣло, онъ можетъ обратиться къ своимъ собственнымъ воспоминаніямъ о прежнемъ университетѣ: въ нихъ онъ безъ

сомнѣнія найдетъ много фактовъ въ подтвержденіе нашихъ словъ. И если онъ беретъ на себя заботу систематически объяснять положеніе и характеръ нашей школы (въ обширномъ смыслѣ), мы рекомендуемъ ему заняться логически хоть этимъ вопросомъ и рѣшить, кто виноватъ, — можно ли взваливать все это на общество, не имѣвшее въ тѣ времена ни малѣйшаго вліянія на университеты, да и теперь имѣющее въ сущности также мало; лежала ли вина этого стараго университетскаго порядка на самомъ университетѣ, или не былъ ли этотъ частный фактъ только слѣдствіемъ другаго болѣе широкаго и общаго факта?

Графъ Толстой отвергаетъ, какъ мы сказали, всякую пользу въ существованіи нашихъ университетовъ. Мы сами никогда, развѣ только въ эпоху неопытныхъ ожиданій и надеждъ молодости, не имѣли никакого преувеличеннаго понятія о нашихъ университетахъ, но при всемъ томъ сочли бы униженіемъ ихъ достоинства защиту ихъ историческаго и современнаго значенія противъ озлобленныхъ нападокъ ясенополянскаго обскурантизма. Мы и до сихъ поръ должны были объяснять гр. Толстому много предметовъ весьма элементарнаго свойства. Но въ этихъ нападкахъ есть такія вещи, которыя было бы пожалуй опасно оставлять безъ разъясненія въ настоящую минуту, когда въ обществѣ ходятъ столько фальшивыхъ понятій и когда эти понятія приводятъ за собой столько трагическихъ недоразумѣній. Тѣ обскурантныя вещи, которыя проповѣдуетъ здѣсь гр. Толстой, производятъ впечатлѣніе тѣмъ болѣе непріятное, что онъ, вмѣстѣ съ другими философами народности того же свойства, выставляетъ себя защитникомъ народнаго интереса. Кто поручилъ ему эту защиту, какія другія права имѣетъ онъ на такой титулъ, объ этомъ конечно нечего и спрашивать. Гр. Толстой смѣло утверждаетъ, что противъ университетовъ говоритъ будто бы «могучій голосъ народа»; и потомъ, вѣроятно въ видѣ доказательства, онъ сообщаетъ слѣдующій фактъ: «купцы и *стараго быта дворяне* говорятъ: мы не хотимъ гимназій и университетовъ, которые сдѣлаютъ изъ нашихъ дѣтей безбожниковъ и вольнодумцевъ» (стр. 16). Затѣмъ онъ разсказываетъ случаи, изъ которыхъ явствуетъ, что университетское образованіе вредно, потому что отчуждаетъ воспитанниковъ отъ ихъ среды. «Я предполагаю своего воображаемаго воспитанника однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ пріѣзжаетъ въ семью; ему всѣ чужіе — и отецъ, и мать, и родные. Онъ не вѣритъ ихъ вѣрою, онъ не желаетъ ихъ желаніями, онъ молится не ихъ Богу, а другимъ кумирамъ. Отецъ и мать обманугы, и сынъ часто желаетъ съ ними слиться въ одну семью, но уже не можетъ. То, что я говорю, не есть фраза, не есть фантазія» (стр. 33). Очень вѣримъ и удивляемся только тому, что въ этомъ фактѣ, вѣчно повторяющемся въ жизни разныхъ поко-

ленiй, гр. Толстой видитъ что-то чрезвычайное и приписываетъ его только влiянiю университетовъ. Да не состоитъ ли вся исторiя въ этомъ разладѣ между двумя поколѣнiями, старымъ и молодымъ, изъ которыхъ одно представляетъ старую кончающуюся жизнь, а другое — жизнь новую? Противоположность между ними поставлена не университетомъ, а вѣчнымъ закономъ развитiя, который смѣняетъ отживающее зародышами инаго, новаго существованiя. Если бы все совершалось такъ, какъ желательно гр. Толстому, если бы каждое новое поколѣнiе оставалось тѣмъ же, чѣмъ было старое, намъ пришлось бы до сихъ поръ жить нравами и понятiями какихъ нибудь дулѣбовъ и радимичей. Если бы графъ Толстой умѣлъ нѣсколько лучше наблюдать общественныя явленiя, онъ замѣтилъ бы и другiе факты въ родѣ того, который открыла его проницательность. Онъ замѣтилъ бы между прочимъ, что то же самое разногласiе бываетъ и въ иной купеческой семьѣ, ни одинъ членъ которой не бывалъ никогда ни въ какомъ университетѣ, — что это разногласiе производится наконецъ самымъ духомъ времени, постепеннымъ измѣненiемъ цѣлаго общества, и наконецъ, даже дѣйствiями и реформами самаго правительства. Люди стараго вѣка всегда, со временъ Адама, говорили съ сердечнымъ сокрушенiемъ о новыхъ временахъ и утверждали, что въ старину бывало лучше; люди, не имѣвшiе образованiя, всегда говорили, что можно прожить и безъ него, что жили-де безъ него наши отцы и дѣды, а не глупѣй насъ были и т. д. Неужели все это неизвѣстно гр. Толстому? Посмотримъ ближе и на его примѣръ. Воспитанникъ университета возвращается въ семью; если это дѣйствительно человѣкъ изъ лучшихъ, какъ говоритъ гр. Толстой, онъ и не сходясь въ разныхъ понятiяхъ съ своей семьей, вѣроятно съумѣлъ бы отдѣлить отъ нихъ свое чисто родственное чувство; мы полагаемъ, что образованiе развило бы въ немъ до нѣкоторой степени эту деликатность чувства. Но понятiя? что онъ разойдется съ семьей въ понятiяхъ, это очень вѣроятно, если эта семья будетъ состоять или изъ людей слишкомъ упрямыхъ въ своихъ старыхъ понятiяхъ, или изъ людей недостаточно умныхъ. Да какъ и не разойтись? Отецъ вѣроятно одинъ изъ тѣхъ людей, или, ближе, дворянъ стараго вѣка, о которыхъ упоминаетъ гр. Толстой нѣсколько выше, какъ о людяхъ, отвергающихъ университеты. Каковы мнѣнiя дворянъ стараго вѣка, это достаточно извѣстно: разногласiе начинается на первыхъ же порахъ, когда отецъ прилагаетъ къ дѣлу эти свои понятiя, напримѣръ, хоть въ своихъ помѣщичьихъ отношенiяхъ. Сынъ является конечно съ болѣе развитыми понятiями объ этомъ предметѣ, онъ конечно сочувствуетъ освобожденiю, отъ котораго кровь бросается въ лицо у истаго дворянина стараго вѣка. Спрашивается, кто изъ

нихъ виноватъ, — или по крайней мѣрѣ виноватъ ли сынъ, сочувствующій духу времени и реформѣ, начатой самимъ правительствомъ? И такъ во всемъ; сынъ вздумаетъ пожалуй завести на деревнѣ школу, вздумаетъ по человѣчески обращаться съ крестьянскими мальчиками, — всего этого не можетъ выносить дворянинъ стараго вѣка. Сынъ будетъ, по словамъ гр. Толстаго, «оскорблять вѣрованія своихъ родныхъ, и почти во всѣхъ убѣжденіяхъ — о бракѣ, о чести, о торговлѣ, — расходиться съ своей семьей». Этого также очень естественно ожидать, потому что сынъ, учившійся въ университетѣ и читавшій хорошія книги, безъ сомнѣнія не будетъ смотрѣть на бракъ съ точки зрѣнія кулачнаго права, съ какой смотрятъ люди стараго вѣка; онъ будетъ вѣроятно и честь человѣка ставить въ чемъ нибудь другомъ и кромѣ того, въ чемъ ставили ее въ старомъ вѣкѣ; онъ будетъ очень вѣроятно иначе смотрѣть и на торговлю, которую дворянинъ стараго вѣка считаетъ унизительной для своей касты и которая представляется сыну такимъ же честнымъ занятіемъ, какъ всякое другое честное занятіе. Что это не фраза, не фантазія, — въ этомъ согласится наше каждый, сколько нибудь знающій жизнь за послѣднее время, и во всемъ этомъ нѣтъ никакой причины плакаться или клеветать на молодое поколѣніе. Такъ плачется только беззубый обскурантизмъ, не умѣющій иначе сорвать свою досаду.

И съ какого права эти люди, съ сосредоточенной злобой нападающіе на то, что есть свѣжаго (хоть можетъ быть и неопытнаго) въ нашей общественной средѣ, провозглашаютъ себя защитниками народнаго интереса, истолкователями «могучаго голоса» народа? Этотъ могучій голосъ извѣстенъ и другимъ, для кого дороги интересы этого народа, но они не въ состояніи вывести изъ него такихъ заключеній, какія выводитъ проницательность ясно-полянскаго наблюдателя. Оказывается, что за могучій голосъ народа онъ просто принимаетъ вопли дворянства стараго вѣка, да развѣ еще купечества стараго вѣка, крестящагося двуперстнымъ сложеніемъ и видящаго вездѣ кругомъ себя одну нечистую силу.

Затѣмъ гр. Толстой доказываетъ и практическую непригодность университетскаго образованія, по той причинѣ, что будто бы «нѣтъ и не можетъ быть такихъ мѣстъ, гдѣ бы была приложима исторія римскаго права, греческая литература и интегральное исчисленіе». Это равнозначительно кажется тому, что этимъ наукамъ и существовать бы не должно; гр. Толстой опять заставляетъ насъ входить въ элементарныя толкованія, но мы на этотъ разъ предоставимъ читателю самому судить объ этихъ ребяческихъ разсужденіяхъ и приведемъ только нѣсколько вопросовъ, которые по мнѣнію гр. Толстаго окончательно опровергаютъ пользу университетскаго образованія.

«Отчего помѣщики, оставшіеся теперь при земляхъ, которыя надо сдѣлать производительными, платятъ 300—500 р. мужикамъ-бурмистрамъ, а не платятъ и 200 р. студентамъ-камералистамъ и естественникамъ?»—Отвѣтъ простъ: оттого, что есть разница между теоретическимъ знаніемъ и практическимъ хозяйствомъ.

«Отчего на желѣзныхъ дорогахъ рядчики-мужики завѣдываютъ тысячами работниковъ, а не студенты?» — Оттого же, отчего студенты не предводительствуютъ полками или не строятъ печей.

«Отчего, если студентъ и получаетъ мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ, то получаетъ его не за знанія, пріобрѣтенныя въ университетѣ, а за знанія, пріобрѣтенныя послѣ?» — Это какъ случится; во-первыхъ, образованіе человѣка продолжается и послѣ университета, а иногда студентъ получаетъ мѣсто легче, чѣмъ другой, именно за знанія, пріобрѣтенныя въ университетѣ.

«Отчего народъ платитъ народному учителю 8, 9, 10 руб. въ мѣсяцъ, все равно, будетъ ли онъ изъ дьячковъ, или изъ студентовъ?»—Во-первыхъ потому, что платитъ изъ собственнаго кармана; слѣдовательно сколько ему можно; во-вторыхъ потому, что иной разъ, и имѣя возможность заплатить больше, не понимаетъ, что студентъ можетъ быть въ этомъ дѣлѣ лучше дьячка.

Остальные аргументы въ томъ же родѣ. Заключеніе соотвѣтствуетъ качеству аргументовъ. «Мнѣ кажется», говоритъ гр. Толстой, «что пропорція людей изъ университета, занимающихъ внѣ службы мѣста съ хорошимъ вознагражденіемъ, будетъ необычайно мала. Вѣрныя статистическія свѣдѣнія о дѣятельности вышедшихъ студентовъ были бы важнымъ матеріаломъ для науки объ образованіи, и, я убѣжденъ, доказали бы математически ту истину, которую я стараюсь выяснить только по предположеніямъ и по имѣющимся даннымъ, — истину, что люди университетскаго образованія мало нужны и направляютъ свою дѣятельность преимущественно на литературу и педагогику, то есть на повтореніе того же вѣчнаго круга образованія (ненужнаго?) такихъ же ненужныхъ для жизни людей».

Мы согласны, что эти люди не нужны для той жизни, которой сочувствуетъ гр. Толстой, жизни, о которой мечтаютъ упомянутые выше купцы и дворяне стараго вѣка. Но зачѣмъ же гр. Толстой забываетъ въ своихъ математическихъ доказательствахъ иную жизнь и людей, стремящихся къ этой иной жизни, въ которой бы не было многихъ вещей, любезныхъ старому вѣку, ни крѣпостныхъ отношеній, ни засѣканія на смерть, ни кулачнаго права въ домашней жизни, ни шемякиныхъ судовъ разныхъ инстанцій; ни злобной вражды къ знанію, ненавистному и непонятному для стараго вѣка и его прозелитовъ, ни множества другихъ старыхъ порядковъ; объ искоре-

неніи которыхъ мечтали уже давно лучшіе люди русскаго общества и народа и за уничтоженіе которыхъ начинаетъ приниматься теперь само правительство? Очень понятно, что графъ Толстой съ своей точки зрѣнія стараго вѣка не можетъ одобрить и даже не можетъ выносить этой университетской молодежи, живущей иными идеалами, чѣмъ онъ; что онъ желалъ бы втиснуть ее въ ту рамку старой жизни, которая находитъ въ немъ такого ревностнаго приверженца. Но зачѣмъ онъ беретъ на себя видъ защитника народнаго интереса? Какая всеобщая подача голосовъ убѣдила его въ преимуществахъ старой жизни, то есть крѣпостныхъ отношеній, кулачнаго права въ семьѣ, шемякиныхъ судовъ и т. д.? «Современникъ» уже объяснялъ одинъ разъ гр. Толстому, что и въ народѣ, какъ въ обществѣ, всегда бываетъ много людей, которые упрямо держатся старины; народъ также имѣетъ своихъ консерваторовъ — изъ привычной рутины, изъ выгоды отъ стараго порядка вещей, изъ незнакомства съ новымъ. Но въ этомъ самомъ народѣ бываютъ и другіе люди, которые сознательно понимаютъ неудобства стараго порядка и не имѣютъ ровно ничего противъ введенія новыхъ лучшихъ порядковъ. Былъ ли народъ недоволенъ перспективой получить свободу послѣ крѣпостнаго состоянія? Въ настоящую минуту онъ можетъ еще не понимать предпринимаемыхъ судебныхъ реформъ, но безъ сомнѣнія былъ бы доволенъ ими, если бы они устроены были хорошо. Однимъ словомъ, неглупые люди изъ народа, какъ и изъ общества, не имѣютъ рѣшительно ничего противъ того, что сколько нибудь можетъ улучшить ихъ отношенія. Навязывать народу привязанность къ старинѣ, во что бы то ни стало и въ чемъ бы она ни состояла, значило бы осуждать его на вѣчный китайскій застой и приписывать ему китайскія качества, которыхъ онъ безъ сомнѣнія не имѣетъ по своей природѣ. Точно такъ же народъ не можетъ ничего имѣть и противъ высшаго образованія, сколько бы ни вопили теперь противъ него мнимые защитники народнаго интереса. До сихъ поръ оно мало доступно и даже мало понятно народу, это правда, и это очень прискорбно; но чтобы оно было противно народной жизни, приносило ей вредъ, — это клевета и на образованіе, и на народъ. Если гр. Толстой думаетъ, что для народнаго образованія (вообще) однѣ науки могутъ быть нужны, а другія ненужны, онъ опять показываетъ только незнаніе самыхъ элементарныхъ вещей: науки аршинами и фунтами отпускать нельзя, и если допустить ее одинъ разъ, то необходимо будетъ допустить ее во всемъ ея объемѣ и во всемъ ея распространеніи. Вы можете не понимать значенія высшей математики или политической экономіи, но другіе не виноваты въ вашемъ непониманіи; и эти науки должны существовать для нихъ, сколько бы вы противъ нихъ ни возставали. Для этихъ

другихъ людей наука составляетъ такую потребность и интересъ, что изъ-за нея они рискуютъ даже расходиться съ тѣмъ старымъ вѣкомъ, который вы олицетворяете въ своихъ разсужденіяхъ.

Ненужность гимназическаго и университетскаго образованія гр. Толстой доказываетъ потомъ наглядно изображеніемъ того курса, который гимназистъ и студентъ выдерживаетъ въ продолженіе своего ученія. Мы уже упоминали выше, что главное *педагогическое* основаніе, по которому гр. Толстой осуждаетъ эти заведенія, состоитъ въ томъ, что воспитанникъ лишенъ свободы выбора и что онъ подвергается деспотизму учителя и профессора. «Кромѣ всей этой, ни къ чему неприложимой мудрости (т. е. мудрости гимназическаго курса!), гимназистъ,—сынъ купца или бѣднаго дворянина,—учится уже дѣланію долговъ, обманамъ, выманиванію у родителей денегъ, распутству (можетъ быть даже и дѣланію фальшивыхъ ассигнацій?) и т. п. наукамъ, которыя свое окончательное развитіе получаютъ въ университетѣ. Здѣсь, въ гимназіи, мы уже видимъ окончательное отреченіе отъ дома. Просвѣщенные учители стараются возвысить его надъ его природной средой, *съ этой цѣлью* ему даютъ читать Бѣлинскаго, Маколея, Льюиса и т. д., все это не потому, чтобы онъ имѣлъ къ чему нибудь исключительную склонность, а чтобы вообще *развить его*, какъ они это называютъ. И гимназистъ, на основаніи смутныхъ понятій и соотвѣтствующихъ имъ словъ: прогрессъ, либерализмъ, матеріализмъ, историческое развитіе и т. п., съ презрѣніемъ и отчужденіемъ смотритъ на свое прошедшее» (стр. 20). Подумаешь, что въ самомъ дѣлѣ въ гимназіи излагается дѣланіе долговъ, преподаются обманы такъ же, какъ преподается грамматика, физика и т. д.; подумаешь также, что Маколей и Льюисъ писали свои невинныя книги съ злобной цѣлью развращать русскихъ гимназистовъ и отчуждать ихъ отъ прошедшаго: такъ все это странно и нескладно. Замѣтимъ для гр. Толстаго только одно, что если разбирать вещи не по дѣтски, а серьёзно, то вредныя вещи, открытыя имъ въ гимназіяхъ, какъ обманы, дѣланіе долговъ и т. д., придется гораздо справедливѣе приписать не самой гимназіи, а товариществу, перенимающему свои нравы изъ нравовъ общества, т. е. той *жизни*, которая по мнѣнію гр. Толстаго имѣетъ существенное образовательное значеніе и отъ которой онъ по своей теоріи собственно и надѣется педагогическаго спасенія. Вліяніе *этой* жизни очень извѣстно: совѣтуемъ гр. Толстому почитать хоть комедіи Островскаго, такъ вѣрно изображающія бытъ людей любезнаго стараго вѣка,—онъ найдетъ, что и безъ гимназіи этотъ бытъ представляетъ къ сожалѣнію слишкомъ много поводовъ и основаній для нравственной порчи молодаго поколѣнія. Идетъ ли она изъ гимназіи въ жизнь, или изъ жизни въ гимназію, рѣшить не мудрено; нравы молодаго купече-

скаго поколѣнія, выходящаго изъ подъ батюшкина кулака, достаточно извѣстны, и этимъ нравамъ оно обучилось вовсе не въ гимназіи.—Затѣмъ, послѣ деспотизма гимназическаго, для воспитанника начинается деспотизмъ университетскій. По описанію гр. Толстаго, этотъ деспотизмъ заключается между прочимъ въ слѣдующемъ: «Главная забота студентовъ—и я теперь говорю о самыхъ лучшихъ—достать записки и руководства, по которымъ можно будетъ приготовиться къ экзамену. Большинство ходитъ на лекціи или потому, что нечего дѣлать и еще вновь не наскучило, или чтобы доставить удовольствіе профессору, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, изъ моды, когда одинъ изъ ста профессоровъ сдѣлается популяренъ и посѣщать его лекціи сдѣлалось умственнымъ щегольствомъ между студентами. Почти всегда, съ точки зрѣнія студентовъ, лекціи составляютъ *пустую формальность*, необходимую только въ виду экзамена. Большинство, въ продолженіе курса, не занимается своими предметами, а посторонними, программа которыхъ опредѣляется кружкомъ, въ который попадаютъ студенты.. Программа, составляемая кружкомъ, въ послѣднее время мало разнообразна; большею частью она состоитъ въ слѣдующемъ: чтеніе и повтореніе чтеній старыхъ статей Бѣлинскаго и новыхъ статей Чернышевскихъ, Антоновичей, Писаревскихъ (?) и т. п.; кромѣ того, чтеніе новыхъ книгъ, имѣющихъ блестящій успѣхъ въ Европѣ, безъ всякой связи и отношенія къ предметамъ, которыми занимаются: Льюисъ, Бокль и т. п. Главное же занятіе—чтеніе запрещенныхъ книгъ и переписываніе ихъ: Фейербахъ, Молешоттъ и т. д., и т. д. (см. стр. 29). Если университетскій кружокъ составляется такъ независимо, гдѣ же тотъ деспотизмъ, о которомъ съ такимъ благороднымъ негодованіемъ говорилъ гр. Толстой? Если кружокъ имѣетъ свои собственные вкусы и программы, къ чему было тратить столько ненужнаго краснорѣчія объ университетскомъ деспотизмѣ, о томъ, что профессора насильно навязываютъ студентамъ свои мнѣнія и т. д.? Оказывается просто, что кружокъ составляется самъ собой, что у него само собой является то или другое чтеніе, тѣ или другіе вкусы. Можно ли обвинять въ этомъ кого бы то ни было? Если это вездѣ дѣлается такъ, если молодежь начинаетъ теперь интересоваться тѣмъ или другимъ,—нѣтъ ли въ этихъ интересахъ ея какого нибудь болѣе широкаго основанія въ такъ называемомъ духѣ времени, въ жизни, которая производитъ это свѣжее поколѣніе и возбуждаетъ въ немъ извѣстныя сочувствія? Не виноваты же Бокль, Льюисъ, Молешоттъ и т. д. въ томъ, что именно они, а не другіе писатели становятся интереснѣйшими для молодежи писателями. По тому описанію кружка, котораго отрывокъ мы привели изъ статьи гр. Толстаго, оказывается, что въ этомъ явленіи не виноваты даже и профессора (хотя съ ихъ стороны не было бы пре-

ступленія рекомендовать хорошія книги, въ родѣ Льюиса, Бокля и Молешотта), что молодежь сама доискивается того, что всего болѣе соотвѣтствуетъ ея понятіямъ и что конечно умнѣе и полезнѣе разныхъ обскурантныхъ іереміадъ. Такимъ образомъ не университетъ виноватъ въ томъ, что у людей извѣстныхъ понятій господствуетъ извѣстное чтеніе: исключите совершенно изъ вашихъ разсчетовъ университетъ съ его студентами, и вы получите тотъ же результатъ, т. е. вы увидите и въ обществѣ тотъ успѣхъ Льюиса, Бокля, Молешотта и т. п. Ваши іеремiады должны принять болѣе обширный характеръ: оплакивайте испорченность вѣка и соедините свой голосъ съ голосомъ «Домашней Бесѣды».

Кромѣ всѣхъ тѣхъ резоновъ, которые приводилъ до сихъ поръ гр. Толстой противъ университетовъ, у него есть еще одинъ; это вѣнецъ и вмѣстѣ основаніе его взгляда. «Я не предвидѣлъ, говоритъ онъ, одного возраженія или источника возраженій, естественно представляющагося у большинства моихъ читателей: почему то же самое высшее образованіе, которое оказывается столь плодотворнымъ въ Европѣ, было бы неприложимо у насъ? Европейскія общества образованнѣе русскаго общества, почему и русскому обществу не идти тѣмъ же путемъ, которымъ шли европейскіе народы? Возраженіе это было бы неопровержимо, если бы было доказано, во первыхъ, что тотъ путь, по которому шли европейскіе народы, есть наилучшій путь; во вторыхъ, что все человѣчество идетъ одинаковымъ путемъ, и въ третьихъ, что образованіе наше прививается народу. Весь востокъ образовывался и образовывается совершенно иными путами, чѣмъ европейское человѣчество. Если бы было доказано, что молодое животное — волкъ или собака воспитаны мясомъ и доведены этимъ путемъ до полнаго развитія, развѣ я имѣлъ бы право заключить, что воспитывая молодую лошадь или зайца, я не могу довести ихъ до полнаго развитія иначе, какъ посредствомъ мяса? Развѣ изъ этихъ противоположныхъ опытовъ я бы могъ заключить наконецъ, что воспитывая молодаго медвѣдя, ему необходимо либо мясо, либо овесъ? Опытъ бы показалъ мнѣ, что для него необходимо и то и другое. Организмъ русскаго народа не ассимилируетъ европейскаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть другая пища, поддерживающая его организмъ, потому что онъ живетъ. Эта пища кажется намъ не пищей, какъ трава для хищнаго животнаго, а между тѣмъ историческi-физіологическій процессъ совершается и эта непризнаваемая нами пища ассимилируется организмомъ народа и огромное животное крѣпнетъ и выростаетъ» (стр. 36—37). Здѣсь графъ Толстой въ первый разъ высказывается вполнѣ, какъ философъ той школы національнаго мистицизма, о которой мы говорили въ началѣ статьи. Это тѣ самыя разсужденія

о неразгаданныхъ свойствахъ русскаго народа, о томъ, что онъ не похожъ ни на какіе европейскіе народы и т. д. Графъ Толстой, можетъ быть, сказалъ даже слишкомъ много, чего бы не сказалъ вѣроятно другой, болѣе осторожный послѣдователь школы. Мы не полагаемъ, чтобы выставленный имъ контрастъ между западомъ и востокомъ былъ особенно авантаженъ для его соотечественниковъ. Мы имѣли слабость думать, что русскій народъ принадлежитъ къ тому же индо-европейскому племени, какъ и всѣ остальные европейскіе народы, развившіе такъ называемую европейскую цивилизацію. Мы полагали, что если онъ и не имѣлъ такихъ выгодныхъ условій, или не обладалъ такой сосредоточенностью нравственныхъ силъ, какъ другіе, то во всякомъ случаѣ основныя черты его физическаго и нравственнаго организма тѣ же самыя, что вслѣдствіе того онъ способенъ къ тому же культурному развитію, какое выпало на долю его индо-европейскихъ собратій. Мы полагали также, что есть огромная разница въ этомъ отношеніи между западомъ и востокомъ,—но мы никогда не думали, что русскихъ слѣдуетъ поставить въ одну категорію съ турками, татарами, калмыками и т. д. А между тѣмъ по иносказанію о волкѣ, зайцѣ и медвѣдѣ слѣдуетъ именно такъ. Графъ Толстой положительно утверждаетъ, что европейское образованіе не ассимилируется русскимъ организмомъ и что онъ развивается по какимъ-то другимъ законамъ и воспитывается на какой-то другой пищѣ. . . . . .

Какіе эти законы и какая эта пища, гр. Толстой конечно не объясняетъ, какъ это случается постоянно съ нашими натур-философами народности. Мы думаемъ, что этихъ особенныхъ законовъ и не существуетъ, а существуютъ только извѣстныя видоизмѣненія въ примѣненіи общаго закона правильнаго человѣческаго развитія, какъ оно совершается у народовъ европейскаго свойства и европейской культуры. Будь русскій народъ — народомъ восточной культуры, онъ отличался бы свойственной востоку неподвижностью, преобладаніемъ фантастики, меньшей степенью разсудочности и другими извѣстными особенностями восточныхъ формъ жизни, правленія, общественнаго устройства, миѳологіи, — которыхъ у насъ нѣтъ, или, если бы они и оказались иной разъ какимъ нибудь образомъ, русскій характеръ не хочетъ подчиняться имъ и тѣмъ самымъ обнаруживаетъ свою антипатію къ этому востоку. Съ другой стороны, явленія западной культуры прививаются довольно сильно и притомъ вовсе не насильственно, какъ утверждаютъ мистики другаго оттѣнка. Что европейское образованіе привилось сначала къ высшимъ классамъ общества, это совершенно естественно; что вслѣдъ затѣмъ образованіе стало переходить и къ среднему классу и находило даже много адептовъ и въ народѣ, это извѣстно исторически и не подлежитъ никакому сомнѣ-

нію! Этотъ ходъ развитія весьма понятенъ и не имѣетъ въ себѣ ничего загадочнаго; при выполненіи его происходили конечно столкновенія съ той массой, которая оставалась еще въ своей наивной порѣ, но эти столкновенія неизбѣжны и бывали вездѣ, гдѣ рядъ новыхъ идей, принесенныхъ культурой, встрѣчается со старыми традиціями и понятіями, которыхъ народъ—гдѣ бы то ни было—всегда держится крайне упрямо, потому что не знаетъ другаго порядка идей и свои традиціи считаетъ единственно разумными. То средство, которое было существеннымъ двигателемъ европейской культуры, знаніе, свободное отъ всякой фантастики, сильное научнымъ изслѣдованіемъ и здравымъ смысломъ,—не имѣетъ въ себѣ ничего антипатичнаго русской природѣ и со временемъ окажетъ намъ безъ сомнѣнія тѣ же услуги, какія оно уже оказывало западной Европѣ, избавивши ее отъ множества нравственныхъ пугалъ, смущавшихъ неопытное воображеніе. Люди стараго вѣка и стараго порядка вездѣ стараются сохранять эти пугала, подъ защитой которыхъ такъ весело живется старому обскурантизму и старой несправедливости: когда здравый смыслъ и знаніе разоблачаютъ эти пугала, люди стараго вѣка всегда кричатъ объ оскорбленіи святыни, о нарушеніи народныхъ началъ и отеческихъ преданій и т. п. Такова была всегда дорога, по которой приходилось идти всякой свѣжей мысли; ее всегда встрѣчали и провожали проклятіями люди, которымъ становилось неловко въ ея присутствіи.

Ходятъ слухи, что «Ясная Поляна» прекратила свое существованіе; не знаемъ, правда ли это, но «Ясная Поляна» и при своемъ началѣ и въ концѣ производитъ на насъ одно впечатлѣніе, и «Современникъ» остается совершенно при томъ же мнѣніи, какое онъ высказалъ объ этомъ изданіи съ самаго начала. Мы замѣтили бы теперь еще одно обстоятельство: іюльская книжка «Ясной Поляны», о которой мы говорили, вышла послѣ 20-го сентября (этимъ числомъ помѣчено цензурное одобреніе), и гр. Толстому были безъ сомнѣнія извѣстны разныя событія, происшедшія до этого времени въ русской литературѣ. Онъ не обратилъ на это никакого вниманія: въ своихъ филиппикахъ онъ продолжалъ нападать на нѣкоторыхъ своихъ противниковъ, не имѣвшихъ возможности отвѣчать ему; онъ ставилъ ихъ имена въ сосѣдство весьма неполезное, которое пожалуй могло бы подать поводъ къ какому нибудь соблазну у людей, мало знакомыхъ съ дѣломъ. Мы бы совѣтовали ему больше гражданской осторожности.

ИЗВѢСТІЕ ИЗЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

На дняхъ мы получили изъ Полтавской губерніи извѣстіе о скандалѣ, происшедшемъ между мировымъ посредникомъ Григоріемъ Павлычемъ С. и помѣщикомъ Александромъ Павлычемъ Б. Статья, трактующая объ этомъ дѣлѣ, подписана псевдонимомъ «Не тронь мене» и напечатана въ «Современникѣ» быть не можетъ, во-первыхъ потому, что она очень многословна для такого простаго дѣла; во-вторыхъ потому, что слишкомъ рѣзко идетъ въ разрѣзъ требованіямъ грамматики (вѣроятно, это послѣднее происходитъ отъ того, что она переписана не совсѣмъ грамотнымъ переписчикомъ) и въ-третьихъ, потому что г. «Не тронь мене», очевидно, искажаетъ факты. Но мы не считаемъ себя не въ правѣ передать здѣсь содержаніе этой статьи, тѣмъ болѣе, что скандалъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, представляетъ фактъ не новый и далеко не уединенный. Впрочемъ, мы оговариваемся, что передаемъ только сущность дѣла, а не подробности его; этѣ послѣднія слишкомъ важны, чтобъ можно было основываться на однихъ показаніяхъ г. «Не тронь мене». Дѣло въ томъ, что въ частный домъ помѣщика З., во время обѣда, происходившаго по случаю введенія въ имѣніи С. уставной грамоты явился помѣщикъ Б., разбранилъ посредника С., бросилъ ему въ лицо зажженную сигару и въ довершеніе всего... но мы не продолжаемъ описанія, оставляя прочее на догадку читателя. Вотъ, однакожъ, что между прочимъ, говоритъ корреспондентъ: «Михаилъ Иванычъ В. (письмоводитель посредника)

«и самъ хозяинъ З. бросились оборонять С.; послѣдній изъ нихъ, «то есть З., отъ испуга, упалъ въ обморокъ, дамы (такъ тутъ и «нѣжный полъ присутствовалъ?) подняли крикъ. Посредникъ С., лежа «на полу, стремился сдѣлать выстрѣлъ изъ револьвера, но Степанъ Б. «(братъ дантиста Александра Б.) вырвалъ изъ рукъ таковый (истин-«но-братская любовь!), а у него вырвала изъ рукъ какая-то дама»...

Таковъ фактъ. Мы не будемъ слишкомъ много распространяться объ немъ, не будемъ даже пускаться въ подробную характеристику его. Полагаемъ, что ни съ чьей стороны не встрѣтимъ особеннаго противорѣчія, если просто назовемъ поступокъ полтавскихъ наѣздниковъ дикимъ, постыднымъ и даже не найдемъ въ немъ ничего обиднаго для г. С. Обижаться подобными выходками, по нашему мнѣнію, было бы столь же неосновательно, какъ и претендовать на какой нибудь локомотивъ, который нѣтъ-нѣтъ да и оторвѣтъ комунибудь руку или ногу, а быть можетъ, и голову. Что съ него возьмешь?

Для насъ фактъ этотъ важенъ не столько самъ по себѣ, сколько въ связи съ другими подобными же фактами, о которыхъ, къ сожалѣнію, нерѣдко заявляется въ русскихъ газетахъ. Онъ важенъ для насъ, сверхъ того, по предмету, который его возбудилъ и противъ котораго онъ направленъ. Однимъ словомъ, намъ хотѣлось бы уяснить въ этой исторіи нѣкоторые пункты, которые кажутся нѣсколько темными.

Почему мировые посредники возбуждаютъ противъ себя такое ожесточенное преслѣдованіе?

Вслѣдствіе какихъ причинъ сдѣлалось возможнымъ проявленіе протестовъ въ видѣ физическаго насилія, и во имя какихъ принциповъ допускается подобное проявленіе?

Какого рода поучительный примѣръ въ будущемъ можно извлечь изъ этого факта?

Ни для кого не тайна, что та часть русскаго общества, которая называетъ себя цивилизованною, находится, въ настоящее время, въ нѣкоторомъ волненіи чувствъ. «Звонъ вечеваго колокола раздался—и дрогнули сердца новгородцевъ!» сказалъ нѣкогда Карамзинъ: то же самое дѣйствіе произвело на сердца россіянъ уничтоженіе крѣпостнаго права. Произошелъ расколъ въ той самой средѣ, которая наиболѣе заинтересована этимъ вопросомъ; явились такъ называемые крѣпостники и такъ называемые эмансипаторы, явились ретрограды и либералы; отцы не узнали дѣтей, дѣти не узнали отцовъ. Все это сгруппировалось въ великомъ безпорядкѣ около крестьянскаго вопроса, все это усиливалось вырвать вопросъ изъ рукъ непріятельской партіи и поближе прибрать къ себѣ. Не надо ошибаться: въ основаніи всей этой разладицы лежитъ крестьянскій вопросъ, одинъ кресть-

янскій вопросъ, и ничего больше; всѣ эти коммунизмы, сепаратизмы, нигилизмы и проч. — все это выдумано впослѣдствіи, все это только затѣйливыя и не совсѣмъ невинныя упражненія, сквозь которыя проходитъ одинъ мотивъ: упраздненіе крѣпостнаго права.

Слѣдовательно, причина огорченія понятна; не нужно также много проницательности и для того, чтобы напередъ угадать, въ какомъ порядкѣ расположатся враждующія стороны, гдѣ станутъ такъ-называемые крѣпостники и ретрограды, и гдѣ — такъ-называемые эмансипаторы и либералы. Первые, какъ огорченные, будутъ натурально стараться проявить это огорченіе на практикѣ; вторые — будутъ съ кротостью переносить таковыя проявленія, дабы несвоевременною раздражительностью не повредить торжеству самаго принципа.... Однимъ словомъ, выкажутъ не только похвальное самоотверженіе, но и неслыханное гражданское презрѣніе къ цѣлости собственныхъ своихъ боковъ.

Положенія 19 февраля вызвали къ дѣятельности въ особенности много молодыхъ людей. Это и естественно. Такая существенная реформа, какъ отмѣна крѣпостнаго права, тогда только можетъ идти успѣшно, когда люди, на долю которыхъ выпало практическое ея проведеніе, суть вмѣстѣ съ тѣмъ и люди, искренно ей сочувствующіе. Очевидно, что сочувствіемъ такого рода не можетъ обладать тотъ, кто такъ сказать, всласть напитался крѣпостнымъ правомъ, кто проникся не только наружными красотами его, но и тѣмъ тончайшимъ зеиромъ, который присутствуетъ въ самыхъ сокровенныхъ его тайникахъ. Для него реформа представляетъ совсѣмъ иной складъ жизни, совсѣмъ иной строй понятій; здѣсь все для него и враждебно, и непривѣтно, все говоритъ непонятнымъ для него языкомъ. Совсѣмъ не таковы отношенія молодаго поколѣнія къ этому дѣлу. Оно не можетъ имѣть естественно-сочувственныхъ отношеній къ упраздненному праву уже по тому одному, что практически не вкусило отъ плодовъ его: не успѣло. Для него не можетъ даже существовать тѣхъ сложныхъ и разнообразныхъ причинъ любви, какія существуютъ для «людей старыхъ порядковъ». Его понятія о сословномъ гонорѣ (если и сохраняются еще въ немъ такія понятія) держатся на иной почвѣ, питаются иными соками; они умѣреннѣе уже потому, что не раздражаются всегда-присущими воспоминаніями о древнемъ великолѣпіи. Такимъ образомъ дѣлается ясно, что крѣпостниками пылкими, ретроградами пламенными могутъ быть только «люди старыхъ порядковъ»; ясно также, что всѣ надежды законоположеній 19 февраля должны покоиться исключительно на молодомъ поколѣніи, которое естественно ему сочувствуетъ.

Такъ оно случилось и на практикѣ. «Люди старыхъ порядковъ» внезапно почувствовали себя отодвинутыми на задній планъ; «люди новыхъ порядковъ» внезапно же выдвинулись впередъ. Понятно, что если это могло поощрить послѣднихъ, то отнюдь не могло обрадовать первыхъ. Тутъ, на помощь общему враждебному чувству, зароненному собственно упраздненіемъ крѣпостнаго права, явилось еще уязвленное самолюбіе, явилось сознаніе о насильственномъ устраненіи отъ жизни въ такую пору и въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ жажда жизни даетъ себя чувствовать съ особенною силою...

Тѣмъ не менѣе, «люди новыхъ порядковъ» скоро почувствовали, что энтузіазмъ, который они выказывали, едва ли не преждевремененъ, а «люди старыхъ порядковъ» догадались, что дѣло ихъ совсѣмъ не въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ казалось съ перваго взгляда.

Для того, чтобы объяснить себѣ причину этой перемѣны, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ объ отношеніяхъ молодаго поколѣнія къ великому дѣлу, которое провело такую рѣзкую черту между нашимъ прошедшимъ и нашимъ настоящимъ. Положеніе «дѣтей» очень странное. Ни въ какой средѣ основная мысль положеній 19 февраля не встрѣчала такого горячаго сочувствія, какъ въ средѣ «дѣтей», и ни на кого не сыплется со всѣхъ сторонъ (даже и съ той стороны, откуда всего менѣе можно было бы этого ожидать) столько упрековъ, сколько сыплется ихъ именно на молодое поколѣніе. Нигдѣ не проявлялось такой страстной жажды служить дѣлу именно въ духѣ положеній 19 февраля, ни откуда не пришло столько дѣятелей для новаго дѣла, сколько пришло ихъ изъ рядовъ именно молодаго поколѣнія, и ничья жажда не была столь мало удовлетворена, ничьимъ надеждамъ не предстояло столь рѣшительнаго и горькаго разочарованія.

Откуда это, милые молодые люди? или вы не прилежно занимаетесь?

Нѣтъ, они прилежны; они до такой степени прилежны, что даже не много идеальничаютъ. Приступая къ своему дѣлу, они впадаютъ въ тонъ г. Громеки: чего-то трепещутъ, передъ чѣмъ-то проникаются благоговѣніемъ, закатываютъ глаза и даже подпѣваютъ тѣмъ кисленькимъ теноромъ, которымъ имѣютъ обыкновеніе пѣть очень влюбленные пономари. Прилежаніе ихъ примѣрное, преданность дѣлу безкорыстная и беззавѣтная, честность самая строгая; стало быть, съ этой стороны упрекнуть ихъ нельзя.

Но, можетъ быть, они зарываются? можетъ быть, они завле-

каются какими нибудь тенденціями, идутъ дальше, нежели идетъ само положеніе?

Нѣтъ, и этого сказать нельзя. Журналы и газеты, въ изобиліи передающіе публикѣ рѣшенія, состоявшіяся въ мировыхъ учрежденіяхъ по разнымъ дѣламъ, и преимущественно по разнымъ жалобамъ, свидѣтельствуютъ положительно, что, за малыми исключеніями, не только законъ уважается, но не допускается даже самомалѣйшаго отступленія отъ буквы его. Зная враждебность окружающей ихъ среды, молодые мировые посредники дѣйствуютъ съ осторожностью и благоразуміемъ весьма похвальными, за исключеніемъ развѣ павлоградскаго посредника Р., о которомъ пишетъ въ «Нашемъ Времени» г. Герсевановъ, будто бы онъ, какъ человѣкъ молодой и неопытный, *увлекся* сначала. Однакожь и онъ, впослѣдствіи, убѣжденный доводами павлоградскихъ дворянъ, спокаялся, извинился и обѣщался исправиться (*). Стало быть (за исключеніемъ опять-таки г. Р.), и отъ закона отступленій нѣтъ, по крайней мѣрѣ, такихъ отступленій, на которыя можно было бы съ удовольствіемъ сослаться, какъ на капитальный обвинительный пунктъ.

А предубѣжденія противъ молодыхъ мировыхъ посредниковъ все-таки существуютъ, и при томъ не только въ тѣсной сферѣ такъ называемыхъ крѣпостниковъ, но и тамъ, гдѣ, повидимому, не должно бы и быть подобныхъ предубѣжденій. Газета «Голосъ», неизвѣстно кѣмъ вдохновленная, увѣряетъ, что это происходитъ отъ того, что посредники мало проникаются мнѣніемъ благоразумнаго большинства («Голосъ» 1863 г. № 3). Но «Голосъ», очевидно, забываетъ, что большинства, и въ особенности благоразумнаго, еще у насъ и не отыскано, и что то, что онъ называетъ большинствомъ, въ сущности, совсѣмъ не большинство, а уединенная корпорація, въ послѣднее время сошедшая на степень секты.

Намъ кажется, что причина разлада заключается вовсе не въ недѣятельности или недобросовѣстности молодыхъ мировыхъ посредниковъ, и даже не въ томъ, что они не проникаются мнѣніемъ какого-то благоразумнаго большинства, а въ томъ просто, что всякое истинно жизненное явленіе имѣетъ свою неумолимую и неотразимую логику. Есть факты, про которые можно сказать: не человѣкъ обладаетъ фактомъ, а фактъ человѣкомъ; есть факты, которые стираютъ жизнь цѣлыхъ поколѣній и выдвигаютъ впередъ совершенно новыя, доселѣ прятавшіяся по закоулкамъ и захолустьямъ основы жизни. Они, въ

(*) «Наше Время», № 3 за 1863 годъ.

самомъ существѣ своемъ, уже заключаютъ зерно безконечнаго и безостановочнаго развитія; этого развитія нельзя остановить, какъ нельзя остановить логическаго развитія мысли: если не допустишь другаго досказать эту мысль, самъ невольно ее доскажешь, или выищутся другіе «другіе», которые ее доскажутъ.

Вотъ эта-то неотразимость послѣдующаго развитія собственно и внушаетъ опасенія, хотя мы и сами не всегда сознаемъ ясно, что именно насъ тревожитъ. Намъ хотѣлось бы, чтобъ явленіе остановилось въ одномъ положеніи, а оно развивается, оно хочетъ исчерпать всѣ послѣдствія, которыя естественнымъ образомъ изъ него вытекаютъ.

Намъ хотѣлось бы, подобно Іисусу Навину, сказать: стой солнце, не движься! а солнце все-таки движется, то есть не солнце, а земля (эту оговорку мы дѣлаемъ собственно для «Русскаго Вѣстника», чтобъ онъ не обвинилъ насъ въ невѣжествѣ).

И вотъ мы сердимся, и не будучи въ силахъ совладать съ самымъ явленіемъ, не имѣя возможности остановить его развитія, сваливаемъ всю вину на лица, которыя къ нему случайнымъ образомъ прикосновенны. Ясно, что мы ошибаемся, ясно, что обвиняемые не только не управляютъ явленіемъ, но скорѣе всего сами идутъ за нимъ, но потребность придираться, потребность обвинить и заподозрить кого бы то ни было такъ велика, что мы ужь не разсуждаемъ и даже боимся разсуждать.

Во всякомъ случаѣ, антагонизмъ существуетъ, а недовѣріе къ дѣйствіямъ мировыхъ посредниковъ (преимущественно молодыхъ) выражается и часто, и ярко. Мы уже не говоримъ о формальныхъ жалобахъ: жаловаться, конечно, всякій имѣетъ право, хотя бы и безъ разумнаго основанія, но не можемъ пройти молчаніемъ протестовъ, которые для выраженія своего нашли удобнымъ избрать форму положительнаго насилія.

Въ послѣднее время, примѣровъ такого насилія разсказано въ нашихъ журналахъ три, одинъ за другимъ.

Первый примѣръ переданъ нами выше.

Второй примѣръ разсказанъ въ 3 № «Голоса» за сей годъ. Дѣло заключается въ томъ, что дворяне сердобскаго уѣзда въ особенности недовольны дѣйствіями мировыхъ посредниковъ Оз—на и Кр—скаго. Г. Оз—нъ жалуется, что въ залѣ сердобскаго городскаго клуба къ нему подходили нѣкоторые помѣщики и, громогласно выражая свое неудовольствіе на его бездѣйствіе и нерадѣніе къ своимъ обязанностямъ, просили его выдти въ отставку. Г. Кр—скій жалуется, что его не только просили выдти въ отставку, но одинъ помѣщикъ, «изъ

отставныхъ военныхъ», вызвалъ его на дуэль. «Сердобскій обыватель», который это описываетъ, хотя и оговаривается, что все это очень преувеличено, однако что нибудь да было же въ этомъ родѣ, коль скоро самъ сердобскій уѣздный предводитель, г. Ст—въ, встревожился и, въ качествѣ предсѣдателя уѣзднаго мироваго съѣзда, писалъ къ начальнику Саратовской губерніи, что онъ находитъ невозможнымъ открыть мировой съѣздъ до тѣхъ поръ, «пока не только права, но и самая личность присутствующихъ (то есть посредниковъ) не будутъ ограждены отъ непріятностей и оскорбленій».

Третій случай разсказанъ очень трогательно г. Герсевановымъ въ «Нашемъ Времени» и произошелъ въ Павлоградскѣ. Дѣло въ томъ, что тамъ есть одинъ ужасный мировой посредникъ Р., который куда-то все гнетъ, только не туда, куда хочется павлоградскимъ дворянамъ. Покуда былъ въ павлоградскомъ уѣздѣ «умный и гуманный предводитель дворянства, позволившій себѣ (?) одну минуту (??) вступиться за г. Р.» (это подлинныя слова г. Герсеванова), Р. кутилъ и увлекался на пропалую; но вотъ «умный и гуманный предводитель палъ», а на мѣсто его избранъ Андрей Петровичъ Письменный. Кутить не стало больше возможности... Въ самомъ дѣлѣ, на первомъ же мировомъ съѣздѣ г–ну Р. прочитали сильнѣйшую нотацію, а на другой день, на частномъ съѣздѣ дворянъ, прочитали ему нотацію еще сильнѣйшую, заключавшуюся въ томъ, что «офицеръ, боящійся выстрѣла, не можетъ служить въ рядахъ храбрыхъ; хирургъ, падающій въ обморокъ при видѣ крови, не можетъ дѣлать операцію; дворянинъ, лишенный примирительнаго характера, не долженъ быть посредникомъ.» Однимъ словомъ, г. Р. предлагалось оставить службу, и жаль только одного: г. Герсевановъ не объяснилъ, что это былъ за *частный* съѣздъ дворянъ, по какому случаю онъ происходилъ, и гдѣ именно происходилъ? Кончилось дѣло тѣмъ, что г. Р., пораженный павлоградскимъ краснорѣчіемъ, оказалъ павлоградское раскаяніе и обѣщалъ на будущее время приложить павлоградское стараніе.

Съ перваго взгляда, факты эти могутъ показаться нѣсколько загадочными; не потому, чтобы встрѣчалось какое–либо сомнѣніе на счетъ существованія насилія (въ этомъ могутъ сомнѣваться только г. Герсевановъ да «Голосъ»), а потому, что насиліе дѣйствуетъ что–то ужь черезчуръ рѣшительно и самоувѣренно. Повидимому, и сила вещей, и сила закона—все на сторонѣ мироваго посредника; повидимому, если онъ дѣйствуетъ согласно требованіямъ закона и собственной совѣсти, то можетъ оставаться спокойнымъ; если же онъ ошибается, или даже противъ закона дѣйствуетъ, то хотя и навлекаетъ за это на себя взысканія, но все-таки взысканія, налагаемыя въ законномъ же порядкѣ,

а не внѣ его. Оказывается, однакожь, что все это теорія, и что теорія у сердобскихъ, павлоградскихъ и полтавскихъ обывателей сама по себѣ, а практика — сама по себѣ. Обыватели эти вообразили, что въ нихъ, какъ въ нѣкоемъ драгоцѣнномъ сосудѣ, все совмѣстилось: и кротость голубя, и мудрость змія. Отчего они вообразили это?

Такого рода воображеніе можетъ проистекать изъ двухъ равно поощрительныхъ источниковъ.

Во первыхъ, можетъ случиться такъ, что на сторонѣ посредниковъ находится только «видимая» сила, а на сторонѣ ихъ антагонистовъ—сила «тайная», покровительствующая, такъ сказать, подъ рукою. Это сила не высказывающаяся, но чувствующаяся въ воздухѣ, подобно ѣдкой гари; это сила стыдящаяся и не формулирующая себя, но подстрекающая: «дерзайте, дѣти, дерзайте! Я ничего не вижу!» Не предосуждая рѣшеніе читателя, которой изъ этихъ двухъ силъ отдать преимущество, мы съ своей стороны, однако, находимъ, что сила тайная имѣетъ на своей сторонѣ ту выгоду, что ее нельзя ни уловить, ни поставить съ очей на очи, ни уличить, и что слѣдовательно она хотя и нейдетъ на проломъ противъ законной силы, но подрываетъ ее безпрестанно, и притомъ самымъ воровскимъ и измѣнническимъ манеромъ.

Мы не называемъ эту силу по имени во первыхъ потому, что не желаемъ дразнить кого бы то ни было, а во вторыхъ потому, что всякій читающій эти строки навѣрное можетъ назвать ее самъ. Цѣль ея—парализировать всѣ добрыя и плодотворныя начала, заключающіяся въ законоположеніяхъ 19 февраля, средство же, которое употребляется ею для достиженія этого, до того просто, что даже легко можетъ придти въ голову и самому не острому уму. Оно состоитъ въ томъ, чтобы всякими не хитрыми мѣрами отбивать охоту служить положенію у тѣхъ, которые дѣйствительно этому дѣлу преданы и, слѣдовательно, могли бы принести ему наибольшую пользу.

Средство это, не смотря на всю свою незатѣйливость, весьма ловкое и притомъ совершенно національное. Мы, русскіе, столько вѣковъ на разныя манеры твердили, что

Законы святы
Да исполнители лихіе супостаты...

мы до такой степени убѣдились въ справедливости этого изреченія горькою практикой, что оно сдѣлалось какъ бы непремѣннымъ спутникомъ нашей жизни, чѣмъ-то такимъ, безъ чего существованіе наше было бы не полно. Возьмите, напримѣръ, павлоградскій случай: палъ «умный и гуманный уѣздный предводитель» — и «тотъ часъ же

явились судъ, правда и миръ» (иронія это, или не иронія—пускай судитъ самъ г. Герсевановъ). Прочитайте рѣчь Андрея Петровича Письменнаго въ изложеніи г. Герсеванова, вы увидите изъ нея вопервыхъ, что онъ «надѣется, что павлоградскіе мировые съѣзды будутъ по истинѣ мировыми» (мы, съ своей стороны, надѣемся, что они вмѣстѣ съ тѣмъ не перестанутъ быть и павлоградскими); во вторыхъ онъ обращается къ «благороднѣйшимъ дворянамъ» и говоритъ имъ: «въ васъ, благороднѣйшіе дворяне, я долженъ имѣть силу и значеніе для дѣйствія къ общему благу.» Однимъ словомъ, на первомъ планѣ стоитъ Андрей Петровичъ и «благороднѣйшіе дворяне»: они будутъ давать Андрею Петровичу силу, и онъ станетъ дѣйствовать. О положеніяхъ 19-го февраля Андрей Петровичъ совсѣмъ забылъ, и это тѣмъ страннѣе, что въ нихъ-то именно, и въ нихъ однихъ, онъ, какъ предсѣдатель мироваго съѣзда, долженъ былъ бы искать и опоры, и силы. Любопытно было бы знать, во имя чего дѣйствовали павлоградскія мировыя учрежденія при «умномъ и гуманномъ уѣздномъ предводителѣ?» Или тогда были все только супостаты?

Орудіями для отбиванія охоты отъ службы непріятному дѣлу являются обыкновенно тѣ самые Ш — ны, Н — ны, М — ры и Ю — вы, о которыхъ говоритъ «Сердобскій обыватель», а также Александры Б. и Николаи З., о которыхъ повѣствуетъ г. «Не тронь меня». Личное ихъ вмѣшательство въ дѣйствія мировыхъ посредниковъ, повидимому, совершенно лишнее; повидимому, они, наравнѣ съ прочими, могутъ найти *для* себя убѣжище и въ законѣ, и въ правѣ жалобы, и, наконецъ въ правѣ публичнаго оглашенія неправильныхъ дѣйствій: во всемъ этомъ никому и нигдѣ не отказывается; но Ш—ны, Н—ны, М—ры и Ю—вы разсуждаютъ не такъ; они думаютъ: куда тамъ еще съ законами, да съ апелляціями, да съ оглашеніями! законъ въ насъ самихъ! И вслѣдствіе такого разсужденія призываютъ къ себѣ на помощь помѣщика изъ «отставныхъ военныхъ», который, по мнѣнію ихъ, заключаетъ въ себѣ и судъ, и расправу, и который дѣйствительно «предлагаетъ г. Кр—скому удовлетвореніе», т. е. вызываетъ его на дуэль. И тутъ начинается цѣлый рядъ насилій, насилій смѣшныхъ и невинныхъ, но тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ, представляющихся невыносимыми. Произносятся остроумныя рѣчи, въ родѣ того, что «офицеръ, боящійся выстрѣла, не можетъ служить въ рядахъ храбрыхъ», начинаются киванія, мычанія, визжанія, предлагаются любезные вызовы на дуэль; однимъ словомъ вчинается безобразнѣйшій procès de tendence, въ которомъ общественный обвинитель, вмѣсто того, чтобы формулировать обвиненіе, высовываетъ языкъ и дѣлаетъ угрозу носомъ. И никакъ

не надо думать, чтобы полтавская драка была первою попыткой насилія надъ мировыми посредниками, первою попыткой подѣйствовать на мировыя учрежденія посредствомъ устраненія. Въ этомъ насъ усерднѣйше разувѣряютъ г. Герсевановъ и сердобскій обыватель, хотя они, повидимому, и не подозрѣваютъ, что воспѣваемые ими подвиги павлоградскихъ и сердобскихъ обывателей принадлежатъ къ разряду подвиговъ, именуемыхъ насильственными. Конечно, полтавское происшествіе составляетъ въ своемъ родѣ перлъ, но и сердобскія судоговоренія не дурны. Сердобскіе дворяне требуютъ, чтобъ гг. Оз—нъ и Кр—скій вышли въ отставку, но гдѣ же они почерпали себѣ право выразить такое требованіе? Вѣдь Оз—нъ и Кр—скій даже не ими и выбраны! Помѣщикъ изъ отставныхъ военныхъ вызываетъ г. Кр—скаго на дуэль... съ какого повода, за что, зачѣмъ? Неужели это не насиліе? Неужели тутъ есть какой нибудь другой смыслъ, кромѣ смысла простаго грубаго гнета?

Вторая причина легкой возможности проявленія насилій лежитъ гораздо глубже и заключается, по нашему мнѣнію, въ совершенномъ отсутствіи твердой почвы, на которую могли бы опираться мировые посредники. Конечно, самый законъ, самое положеніе уже представляетъ опору, но выше мы сказали, что защита, которую можно бы искать въ законѣ, постоянно парализируется какими-то скрытными, но тѣмъ не менѣе совсѣмъ не вымышленными вліяніями, какими-то закулисными колебаніями, которымъ нельзя даже прибрать приличнаго названія. Остается, слѣдовательно, искать опоры индѣ, то есть тамъ же, гдѣ ищетъ ее насиліе. Вдохновенная газета «Голосъ» совѣтуетъ искать этой опоры въ мнѣніяхъ «благоразумнаго большинства», но гг. Оз—нъ и Кр—скій отвѣчаютъ на это, что это мнѣніе совсѣмъ не большинства, а «семейное мнѣніе, образовавшееся въ извѣстныхъ кружкахъ». По нашему, гг. Оз—нъ и Кр—скій правы; они очень хорошо понимаютъ, что въ такомъ дѣлѣ, которое представляетъ собой безпрерывный гражданскій искъ, должно принимать въ расчетъ не одну, а обѣ стороны; они понимаютъ, что *мнѣніе*—собственно составляется и высказывается здѣсь только одною стороной, а какое *мнѣніе* имѣетъ другая сторона — о томъ не только никто не интересуется знать, но даже никто и не говоритъ: точно его совсѣмъ нѣтъ и быть не можетъ. Если бы оно имѣло возможность высказываться съ тою же ясностью, съ какою высказывается *мнѣніе* сердобскихъ и павлоградскихъ обывателей, то, быть можетъ, и оказалось бы возможнымъ найти въ немъ опору и противопоставить ее домогательствамъ противной стороны. Однако этого нѣтъ; и мировые посредники, волею-неволею, должны оставаться безмолвными даже противъ такихъ

простодушныхъ обвиненій, какъ: «хирургъ, падающій въ обморокъ при видѣ крови, не можетъ дѣлать операцій». Они не могутъ даже сказать, что обязанность ихъ заключается не въ томъ, чтобы защищать семейные интересы, а въ томъ, чтобы служить общему дѣлу всей русской земли: за такую продерзость ихъ назовутъ нигилистами — и дѣло съ концомъ.

Положеніе мировыхъ посредниковъ у насъ и трудное, и новое. Мы привыкли всякаго человѣка къ чему нибудь приурочивать: либо къ сословію, либо къ званію. Хоть коллежскаго регистратора, хоть отставнаго истопника, а нацѣпимъ-таки ему на шею; безъ этого намъ какъ-то странно даже относиться къ человѣку, смѣшно на него смотрѣть. И вдругъ являются люди, которые претендуютъ дѣйствовать во имя общихъ интересовъ земства, а не во имя милліонныхъ частицъ его, не во имя коллежскихъ ассесоровъ, не во имя отставныхъ истопниковъ. Сверхъ того, эти люди и не чиновники (чиновниковъ-то мы поняли бы), потому что дѣятельность ихъ чисто спеціальная, внутренно-устроительная и отнюдь не касается ни интересовъ казны, ни даже интересовъ общественнаго спокойствія, въ томъ тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ мы доселѣ эти интересы понимали. Тамъ, гдѣ эти интересы выступаютъ на сцену, посредники стушевываются и уступаютъ мѣсто полиціи. Понятно, что такое положеніе должно было перемѣшать всѣ наши представленія, понятно, что мы начали вездѣ обонять измѣну, вездѣ видѣть «офицеровъ, не могущихъ служить въ рядахъ храбрыхъ». Но понятно также, какъ невыносимо должно быть такое положеніе для тѣхъ, которые въ него поставлены, и какъ правъ былъ г. сердобскій уѣздный предводитель дворянства, утверждая, что личность мировыхъ посредниковъ не безопасна.

Вывести изъ этого положенія мировыхъ посредниковъ крайне необходимо, и притомъ совсѣмъ не такъ трудно, какъ это представляется съ перваго взгляда. Для этого слѣдуетъ только пересмотрѣть «правила о лицахъ, имѣющихъ право быть избранными въ мировые посредники», равно какъ и самый порядокъ избранія, существующій нынѣ, но, разумѣется, пересмотрѣть ихъ въ тѣхъ видахъ, чтобы новымъ закономъ создать для мировыхъ учрежденій твердую нравственную опору, помимо той формальной опоры, которую предлагаетъ самъ законъ. Это тѣмъ легче сдѣлать; что самыя правила, о которыхъ мы говоримъ, суть правила временныя, допущенныя въ видѣ опыта на три года (*).

(*) Всего этого слѣдуетъ ожидать отъ новаго устава о судопроизводствѣ и судоустройствѣ. *Ред.*

Лицо, служащее мировому институту, въ нынѣшней ли ограниченной его сферѣ, или въ сферѣ болѣе обширной, какая для него ожидается въ будущемъ, во всякомъ случаѣ не можетъ быть ни чиновникомъ, ни представителемъ семейныхъ интересовъ; оно должно быть живымъ словомъ земства. Но это тогда только возможно, когда оно будетъ обязано своимъ появленіемъ на поприщѣ общественной дѣятельности избранію, и при томъ, когда избирательной системѣ даны будутъ самыя широкія основанія. Тогда только избранное лицо будетъ пользоваться дѣйствительнымъ довѣріемъ и тогда только оно получитъ для дѣйствій своихъ не мнимую, но положительную опору. Здѣсь умѣстно было бы намъ коснуться вопроса о цензѣ, которымъ въ прошломъ году такъ усердно занималась наша журналистика, но объ этомъ мы предпочитаемъ поговорить особо; теперь же мы исполняемъ только ту часть нашей задачи, которая заключается въ изслѣдованіи дѣйствительныхъ причинъ страннаго и исключительнаго положенія мировыхъ посредниковъ въ той средѣ, гдѣ имъ суждено дѣйствовать. Ясно, что опоры для нихъ нѣтъ нигдѣ; ясно, что они имѣютъ дѣло только съ антагонистами реформы, и что, при такихъ условіяхъ, торжество послѣднихъ не только легко объясняется, но даже было бы странно, если бъ оно не проявлялось.

Теперь посмотримъ, въ чемъ заключаются собственно обвиненія, взводимыя на мировыхъ посредниковъ (опять таки, въ особенности на молодыхъ). Не смотря на все ихъ разнообразіе, сквозь всѣ эти обвиненія звучитъ одна нота: гнетъ, дескать, въ одну сторону! Что это за «одна сторона», въ которую гнетъ посредникъ — это понятно и безъ объясненія; обратимся лучше къ самому существу обвиненій. Во первыхъ, насъ прежде всего поражаетъ общность и преувеличенность обвиненій. Общность эта выражается бѣдностью фактовъ и какою-то кабаллистическою ихъ неосязаемостью. Въ то время, когда мы были практически прикосновенны къ этому дѣлу, намъ случалось читать обвиненія по истинѣ жалкія: «ставилъ, говоритъ, меня, коллежскаго ассессора, на очныя ставки съ временно-обязаннымъ крестьяниномъ», «требовалъ, говоритъ, какихъ-то свидѣтелей въ подтвержденіе моей жалобы», «вызывалъ, говоритъ, меня, коллежскаго ассессора, въ волостное правленіе и въ присутствіи моемъ предложилъ старшинѣ сѣсть; сажалъ и меня, но я не сѣлъ»... Что прикажете сказать о такихъ обвиненіяхъ, и какъ увѣрить жалобщика, что его обвиненія не суть обвиненія? Какъ вы ни увѣряйте его, какъ ни смягчайте вашъ отказъ отъ разбирательства подобныхъ сплетенъ, онъ не внемлетъ и будетъ говорить одно: «да нѣтъ, это вы намѣренно защищаете посредника, потому что вы врагъ дворянскаго сословія

вообще!» Онъ готовъ и правительство заподозрить во враждебности интересамъ дворянскаго сословія! Тутъ есть какой-то камень въ головѣ, который раздолбить совершенно невозможно и который препятствуетъ пониманію самой обыкновенной идеи. Но это бы еще ничего, если бы дѣло ограничилось только такими обвиненіями; есть другія обвиненія, обвиненія злостныя, наводящія на мысль о какой-то революціонной пропагандѣ. Нечего и говорить, что эти обвиненія суть не болѣе, какъ развитіе тѣхъ же общихъ обвиненій, о которыхъ было упомянуто выше, и что революціонныя тенденціи и дѣйствія, на которыя указываютъ обвинители, заключаются исключительно въ томъ, что мировые посредники сажаютъ старшинъ, а не заставляютъ ихъ, въ присутствіи своемъ, стоять на ногахъ. Во всякомъ случаѣ, обвиненія эти дѣйствуютъ и производятъ впечатлѣніе. Почему онѣ дѣйствуютъ? Не потому ли, что мы всѣ, сколько насъ ни есть, давая извѣстному явленію право гражданственности, вовсе не думаемъ ни о сущности его, ни о тѣхъ прямыхъ послѣдствіяхъ, которыя оно влечетъ за собою? не потому ли, что, даже принимая реформу, мы все-таки питаемъ сокровенную надежду, что все останется по прежнему, что реформа будетъ чѣмъ-то внѣшнимъ, какимъ-то шутовскимъ нарядомъ, которымъ прикроется древняя распущенность? И вотъ, когда оказывается, что надежды наши обмануты, мы кричимъ: «пожаръ!», не смотря на то, что пожара совсѣмъ нѣтъ, и все происходитъ на строгомъ законномъ основаніи; мы обвиняемъ кого-то въ революціонныхъ и коммунистическихъ тенденціяхъ и ни разу не спросимъ, кого же мы обвиняемъ, кого хотимъ мы распинать! Неблагоразуміе поразительное, но благодатное; непредусмотрительность нелѣпая, но спасительная.

Во вторыхъ, никто не хочетъ принять въ соображеніе то положеніе, въ которое поставленъ посредникъ обстановкою самаго дѣла, которому онъ служитъ. Говорятъ: «посредникъ гнетъ въ одну сторону»; не смотря на нелѣпую форму такого обвиненія, вы чувствуете, что въ немъ *можетъ быть* частица правды, вы чувствуете это тѣмъ яснѣе, чѣмъ ближе знакомы съ практическою стороною дѣла. Утверждая это, мы вовсе не думаемъ щеголять передъ читателями какимъ нибудь дешевымъ парадоксомъ; нѣтъ, мы очень положительно и очень серьёзно утверждаемъ, что дѣло не можетъ произойти иначе и что инакое теченіе его тѣмъ не возможнѣе, чѣмъ честнѣе и чище представляется намъ личность мироваго посредника. Не надо никогда забывать, что посредникъ имѣетъ дѣло съ двумя сторонами. Одна сторона письменная, называющая сама себя цивилизованною и, въ самомъ дѣлѣ, пользующаяся извѣстною дозой образованности; эта сторона и средствъ больше имѣетъ, да и формулировать свои домогатель-

ства можетъ. Другая сторона — безграмотная, имѣющая о вещахъ своеобразныя понятія, которыя, благодаря вѣковому сословному разъединенію, сдѣлались даже недоступными для цивилизованнаго меньшинства; эта сторона, скудная средствами, легко пугающаяся, затрудняющаяся даже въ способахъ объяснить толково свои желанія и претензіи. Обѣ стороны предъявляютъ передъ посредникомъ искъ другъ на друга; одна говоритъ бойко и вразумительно, другая хочетъ нѣчто сказать въ отвѣтъ, но путается; путается не потому, чтобы она не *чувствовала* своего права, но просто потому, что ей впервые привелось предъявить это право, какъ право, что ее смущаетъ непривычная обстановка, въ которую она внезапно вовлечена. Неужели посредникъ имѣетъ право воспользоваться неумѣніемъ и невѣдѣніемъ? Неужели онъ не обязанъ вызвать сознаніе права тамъ, гдѣ право въ дѣйствительности существуетъ, а нѣтъ только сознанія его?

Нѣтъ, онъ не можетъ пользоваться невѣдѣніемъ, онъ обязанъ вызвать сознаніе права тамъ, гдѣ этого сознанія нѣтъ, во-первыхъ потому, что если и нѣтъ въ данную минуту этого сознанія, то никакъ нельзя ручаться, чтобы возможность этого сознанія не явилась никогда. Она явится быть можетъ позже, быть можетъ раньше, но явится — это несомнѣнно. И тогда фактъ попранія безспорнаго права принесетъ плоды горькіе и далеко не безопасные: тогда начнется безконечный и желчный процессъ, и чѣмъ дольше и упорнѣе будетъ продолжаться непризнаніе права, тѣмъ желчнѣе и рѣзче будутъ домогательства его. Кто можетъ предвидѣть, чѣмъ они разрѣшатся? Слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ, посредники являются не пропагандистами революціонныхъ идей, но предусмотрительными и благоразумными умиротворителями; слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ, чѣмъ откровеннѣе и яснѣе дѣйствія посредника, тѣмъ больше они обезпечиваютъ будущее. Во-вторыхъ, посредникъ обязанъ вызвать на свѣтъ скрывающееся и несознанное право и потому, что это дѣло всякаго человѣка, имѣющаго понятіе о чести и совѣсти. Пользоваться невѣдѣніемъ и простотою могутъ только люди, составившіе себѣ изъ этого профессію, но никакъ не люди совѣстливые и честные; еще менѣе позволительно пользоваться простымъ неумѣніемъ формулировать право, неумѣніемъ, дающимъ иногда такое широкое поле произвольнымъ толкованіямъ и извращеніямъ...

Намъ скажутъ, быть можетъ, что крестьянамъ предоставлено право дѣйствовать черезъ повѣренныхъ, но это возраженіе едва ли можно назвать основательнымъ. Не говоря уже о той затруднительности, съ которою сопряжено отыскиваніе дѣльныхъ и честныхъ повѣренныхъ, мы просто отсылаемъ желающихъ знать, въ какомъ положеніи нахо-

дится у насъ адвокатура по крестьянскимъ дѣламъ, къ статьѣ г. Громеки, напечатанной въ ноябрьской книжкѣ «Отечественныхъ записокъ» за 1862 годъ. Изъ нея читатель увидитъ, что это за адвокатура и до какой степени можетъ быть пріятна профессія адвоката (*).

Такимъ образомъ мировой посредникъ, незамѣтно для самого себя, одною силою вещей, дѣлается и судьею, и ходатаемъ.... Конечно, въ такомъ отношеніи къ дѣлу не можетъ быть строгой правильности, но кто же виноватъ въ этомъ? Виноваты ли гг. Оз — ны и Кр — скіе, и не поступили ли бы гг. Ю — вы, Ш — ны, Н — ны и М — ры точно такъ же какъ и они, еслибъ силою обстоятельствъ были поставлены въ подобное же положеніе?

Какъ бы то ни было, но обвиненія противу мировыхъ посредниковъ существуютъ; легкость противодѣйствія мировымъ учрежденіямъ тоже не подлежитъ никакому сомнѣнію. Странно было бы, еслибъ протестъ замедлилъ своимъ заявленіемъ.

И онъ не замедлилъ; насиліе явилось во всѣхъ видахъ и со всѣми аттрибутами, насиліе дикое, позорное, вооруженное кулаками.

Мы съ своей стороны не удивляемся этому. Мы старались, по мѣрѣ силъ нашихъ, изложить положеніе дѣла и взаимныя отношенія заинтересованныхъ сторонъ; результатъ этихъ изысканій слѣдующій: да, вражда возможна, протестъ возможенъ. За тѣмъ, въ какихъ формахъ является этотъ протестъ, часъ ли продолжается драка, или полтора часа, до этого намъ нѣтъ надобности, ибо это дѣло домашнее. Это явленіе до того отвратительное, что омерзѣніе, которое оно поселяетъ, мѣшаетъ намъ даже приблизиться къ мѣсту сраженія и освидѣтельствовать его.

Одно можемъ сказать мы: Александръ Б. явилъ себя изряднымъ хирургомъ, и павлоградскіе обыватели могутъ смѣло дать ему патентъ на дѣланіе операцій — онъ не упадетъ въ обморокъ при видѣ крови.

Гораздо важнѣе для насъ другой вопросъ: какого рода поучительный примѣръ въ будущемъ можно извлечь изъ этой драки? Корреспондентъ «Мироваго Посредника», описывающій происшествіе точь

(*) Мы отдаемъ полную справедливость г. Громекѣ: статья его написана съ свойственною ему пламенностью и, главное, преисполнена фактовъ весьма доказательнаго свойства. Но для чего онъ прибавилъ къ статьѣ такой грустный финалъ? для чего онъ взялъ на себя роль адвоката, которой ему никто не поручалъ, объ которой его никто не просилъ? Очевидно, г. Громека, постепенно разгорячаясь, заслушался наконецъ самого себя, и, къ довершенію всего, дошелъ до такой восторженности, вслѣдствіе которой произошелъ въ немъ какой-то совсѣмъ нелитературный актъ. Это совсѣмъ испортило его статью; ибо въ результатѣ оказался клякса. *Прим. авт.*

въ точь подобное тому, которое мы привели выше, поднимаетъ передъ нами край завѣсы, скрывающей это будущее, и намъ ничего не остается, какъ заключить настоящую статью словами его. «Худой примѣръ, говоритъ онъ, подаете вы, господа» и проч. (см. «Мировой Посредникъ» за 1862 г. № 25).

Съ этимъ, дѣйствительно, нельзя не согласиться: худой примѣръ!

ДРАМАТУРГИ-ПАРАЗИТЫ ВО ФРАНЦІИ.

Les ganaches (*), par Victorien Sardou.
Le fils de Giboyer, par. Émile Augier.

Пускай намъ доказываютъ, пускай убѣждаютъ насъ, что человѣчество не можетъ останавливаться въ своемъ развитіи, а тѣмъ менѣе падать, и что въ этомъ смыслѣ выраженіе: «паденіе древняго міра», сопоставленное выраженію: «наступленіе эпохи варварства»—есть не болѣе какъ близорукій парадоксъ, не болѣе какъ фраза, лишенная всякаго значенія. Мы вѣримъ этимъ убѣжденіямъ только отчасти, т. е. въ той мѣрѣ, въ какой онѣ относятся до исторіи человѣчества въ ея общихъ очертаніяхъ, въ ея конечныхъ результатахъ. Тутъ, дѣйствительно, выходитъ такъ, что результаты оправдываютъ средства и что, на практикѣ, какъ бы осуществляется пресловутое изреченіе доктора Панглосса: все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ! Тутъ самая неурядица, самая нравственная анархія, характеризующія нѣкоторыя эпохи исторіи человѣчества, кажутся легко объяснимыми вторженіемъ новыхъ силъ, новыхъ жизненныхъ элементовъ, которые еще не опознали себя, и потому пребываютъ нѣкоторое

(*) Ganache — буквально означаетъ лошадиную челюсть; въ просторѣчіи, и именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребилъ его оффиціальный французскій драматургъ, слово это означаетъ глупца.

время въ броженіи. Да, хорошо живется человѣчеству... въ общемъ фокусѣ! все-то успѣхъ, все-то движеніе впередъ! Даже тьма, даже искаженіе человѣческаго образа, даже полнѣйшее нравственное рабство — и то движеніе впередъ!

Но увы! идея «человѣчества» едва-едва начинаетъ проникать только въ исторію человѣчества, но и не думаетъ еще заглядывать въ самую жизнь человѣчества. Увы! человѣчество живетъ не общими чертами, питается не отдаленными результатами, которые *когда нибудь* оправдаютъ близкія страданія. Увы! оно живетъ даже не всею своею массой, а только осколками этой массы, роковою силою взлетающими на верхъ... Оно выноситъ на себѣ, оно выкупаетъ цѣною своей крови всѣ эти замѣшательства, всѣ этѣ нравственныя анархіи, которыя въ будущемъ сулятъ богатую жатву, всѣ эти «средства» которыя, впослѣдствіи, будутъ «оправданы результатомъ»...

Вотъ въ этомъ-то ближайшемъ и незаносчивомъ смыслѣ, выраженіе: «владычество варварства», слѣдующее непосредственно за выраженіемъ: «паденіе общества», становится ужь совсѣмъ не столь фальшивымъ, какъ это кажется съ перваго взгляда, и если несправедливо употреблять его въ абсолютномъ значеніи, то весьма и весьма позволительно примѣнять къ данному моменту общественнаго развитія.

Быть можетъ, читателю покажется нѣсколько страннымъ, что мы начинаемъ такъ громко, по поводу столь не громкихъ явленій, какъ гг. Сарду и Ожье, однакожь, слова наши вовсе не заключаютъ въ себѣ ни напыщенности, ни преувеличенія. Если явленія эти и дѣйствительно ничтожны сами по себѣ, то они занимательны для насъ, какъ характеристическіе признаки, какъ порожденье извѣстнаго жизненнаго строя, и въ этомъ смыслѣ, чѣмъ они ничтожнѣе, чѣмъ бѣднѣе содержаніемъ, тѣмъ драгоцѣннѣе для наблюдателя. Это явленія, неизгладимыми и постыдными клеймами ложащіяся на цѣлую эпоху.

Мысль человѣческая, съ той самой минуты, какъ она сознаетъ въ себѣ стремленіе обмірщиться и сдѣлаться общимъ достояніемъ человѣчества, постоянно ищетъ преодолѣть всѣ преграды, которыя представляются ей на пути къ этой цѣли, неустанно ищетъ свободы. Но эта свобода достается не легко, и борьба, которая ей предшествуетъ, проходитъ черезъ многіе фазисы.

Прежде всего, мысль, еще робкая и слабая, имѣетъ дѣло съ

простымъ и несложнымъ гнетомъ грубой силы. Тутъ мелодія развивается просто: съ одной стороны ясное и нетерпящее отговорокъ запрещеніе, вооруженное цѣлымъ арсеналомъ карательныхъ мѣръ, съ другой стороны — покорность и безмолвіе. Какъ ни тяжки подобные моменты въ исторіи мысли, но въ нихъ есть, по крайней мѣрѣ, какая-то мрачная логика. Мысль преслѣдуется гуртомъ, безъ различія оттѣнковъ ея; принимается за исходный пунктъ, что мысль, какова бы она ни была, заключаетъ въ себѣ ядъ. Конечно, такой взглядъ на мысль безотраденъ, но, по крайней мѣрѣ, онъ имѣетъ за себя достоинство опредѣлительности. Онъ даже, можетъ быть, не безвыгоденъ и для самой мысли, въ томъ смыслѣ, что вынуждаетъ ее опознаться и окрѣпнуть. Мысль безмолвствуетъ, но не умираетъ; во всякомъ случаѣ, она не растлѣвается. Общество, на которомъ отражается тотъ же гнетъ, который царитъ и надъ мыслью, чувствуетъ и понимаетъ это. И не смотря на темные извороты, къ которымъ прибѣгаетъ мысль для своего выраженія, не смотря на покровы, которыми она одѣваетъ себя, чуткое ухо общества схватываетъ на лету недозвучавшую ноту, чуткій умъ невольно подсказываетъ недосказанное слово. . . . .

Но какъ ни силенъ, какъ ни всемогущъ кажется гнетъ грубой силы, а и онъ не можетъ быть вѣчнымъ. То неразнообразное внутреннее содержаніе, съ помощью котораго обезпечивалась живучесть силы, исчерпывается само собою, исчерпывается потому, что дѣло скоро доходитъ до геркулесовыхъ столповъ, дальше которыхъ идти нѣкуда. Гнетъ самъ растлѣвается потребностью уступокъ, потребностью нѣкоторой свободы, на крупицахъ которой онъ хочетъ поставить для себя пьедесталъ въ новомъ вкусѣ. Этотъ второй періодъ, въ который вступаетъ мысль, самый для нея пагубный; быть можетъ, что въ общемъ ходѣ вещей онъ и представляется прогрессомъ, но самъ по себѣ, но въ данный моментъ этотъ періодъ есть періодъ самаго тяжкаго, самаго нечистаго мысленнаго разврата. Мысль, бывшая до тѣхъ поръ силой, не смотря на слабость свою, мысль, которая до тѣхъ поръ группировала около себя, во имя своего угнетенія, всѣ лучшіе соки общества, мгновенно мельчаетъ и растлѣвается; она становится болѣе ясною и доступною (однако не вполнѣ же ясною, не вполнѣ же доступною), но вмѣстѣ съ тѣмъ нисходитъ на степень ремесла, дѣлается орудіемъ въ рукахъ проходимцевъ и выжигъ, утрачиваетъ свою чистоту и брезгливость, однимъ словомъ, становится доступною

какимъ-то особеннымъ соображеніямъ, которыя въ просторѣчіи именуются подкупомъ. Какъ ни горекъ столь быстрый переходъ отъ полнаго безмолвія къ полному разврату, но онъ не необъяснимъ. Потребность свободы слишкомъ живая потребность, чтобы не желать воспользоваться этимъ даромъ хотя въ той степени, на сколько возможно это физически, а такъ какъ свобода дается только на извѣстное разстояніе и на извѣстныхъ условіяхъ, то и послѣдствія принятія подобной свободы очевидны. Тутъ собственно нѣтъ свободы мысли, а только есть снисхожденіе къ извѣстному оттѣнку мысли, есть попытка допустить именно этотъ, а не другой оттѣнокъ къ участію въ общемъ теченіи жизни. Натурально, что, однажды ставъ на эту покатость, однажды принявъ свободу не какъ законный даръ, а какъ подачку, мысль спускается все ниже и ниже, слѣдуя въ этомъ случаѣ единственно законамъ тяготѣнія; натурально также, что она соблазнится и, вмѣсто того, чтобъ имѣть въ виду одну истину, одну справедливость, увлекается совсѣмъ другими соображеніями; вмѣсто того, чтобъ анализировать явленія жизни, она принимаетъ тонъ исключительно диѳирамбическій. Поднимается общій гвалтъ; являются публицисты, которые знать ничего не хотятъ; являются бельлетристы, которые знать ничего не хотятъ; всѣ сыты, всѣ накормлены, всѣ пляшутъ, потому что нѣтъ ни откуда отпора, потому что высказываться ясно можетъ только одинъ паразитскій, сыто-ликующій униссонъ... Образуется даже особый какой-то слогъ для выраженія мыслей; все «позволительно думать» да «смѣемъ надѣяться» да еще «не знаемъ, смѣемъ ли мы надѣяться»; однимъ словомъ, сквозь каждое слово такъ и сочится: «мы-дескать, можетъ быть, и времъ, но, если нужно, мы будемъ врать и на оборотъ!» А честная мысль все-таки не умираетъ; не смотря на свое безмолвіе, она протестуетъ своимъ отсутствіемъ изъ общаго игрища, устроеннаго подкупною мыслью; она подрываетъ униссонъ уже тѣмъ, что предоставляетъ его собственному однообразію, собственной его пошлости. Униссонъ видитъ это; онъ даже желалъ бы, чтобъ ему возражали, чтобы можно было устроить нѣчто въ родѣ примѣрнаго сраженія, но честная мысль благоразумно отъ этого воздерживается и не безъ удовольствія усматриваетъ, какъ униссонъ падаетъ подъ тяжестью собственнаго безсилія.

Тогда наступаетъ третій періодъ развитія мысли...

При настоящемъ положеніи дѣлъ во Франціи, слово (отнынѣ мы будемъ употреблять это выраженіе) именно находится во вто-

ромъ моментѣ своего пути къ полному освобожденію. Тамъ есть и наемные публицисты, и наемные бельлетристы; не доставало наемныхъ драматурговъ—явились и они. Откуда идетъ этотъ систематическій подкупъ лучшихъ, умственныхъ силъ народа; кто виноватъ въ немъ, отдѣльныя ли лица, имѣющія возможность задавать тонъ обществу, или самое общество—объ этомъ мы разсуждать не станемъ, тѣмъ болѣе, что мы, пожалуй, не прочь свалить вину и на общество. Дѣло въ томъ, что растлѣніе дошло до крайнихъ предѣловъ, и что Франція, которая всегда казалась какимъ-то недостижимымъ идеаломъ всякаго рода порываній и благородствъ, внезапно упала въ этомъ отношеніи на самую низшую ступень.

Какое-то нравственное и умственное каплунство тяготѣетъ надъ страною, каплунство, выражающееся то въ томныхъ и заискивающихъ, то въ злобныхъ и остервенѣлыхъ диѳирамбахъ полному, безапелляціонному довольству существующими формами жизни. Или циклъ тревогъ истощился? невольно спрашиваетъ себя изумленный зритель этого озлобленнаго торжества; или уже и искать больше нечего?

Чувство каплунскаго удовлетворенія проникло всѣ классы общества, всѣ возрасты. Даже молодежь, которая всего менѣе способна удовлетворяться, даже и та подписала свое удовольствіе, не только безъ борьбы, но даже и безъ возраженія. Такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ объ этомъ Прево-Парадоль; онъ увѣряетъ, что не только въ общей массѣ молодежи не замѣчается никакого стремленія къ политическимъ интересамъ (т. е. къ свободѣ), но даже и въ меньшинствахъ (т. е. отдѣльныхъ кружкахъ) ея.

«Тѣмъ съ большимъ удивленіемъ и грустью, говоритъ онъ, «мы видимъ, что политическій индифферентизмъ овладѣлъ даже «разумнымъ и трудящимся меньшинствомъ нашего молодаго по-«колѣнія, и думаемъ, что ни одна изъ существующихъ во Франціи «партій не будетъ достаточно близорука, чтобы радоваться этому «явленію. Мы знаемъ молодыхъ ученыхъ, которые хвалятся имен-«но тѣмъ, что они только ученые, молодыхъ литераторовъ, кото-«рые ни о чемъ другомъ не думаютъ, кромѣ какъ о литературѣ, мо-«лодыхъ философовъ, которые, закрывая глаза и затыкая уши, съ «самодовольствомъ говорятъ, что они не хотятъ ничего знать, ни «объ чемъ заботиться. Никто не думаетъ о томъ, что наука и искус-«ство ни сколько не теряютъ отъ того, что любятъ и занимаются «интересами страны. Отчуждаясь отъ нихъ, избранники молодаго

«поколѣнія ставятъ сами себя на одинъ уровень съ толпою; добро-«вольно осуждая себя на невѣдѣніе того, о чемъ нѣкогда краснорѣ-«чивый голосъ говорилъ, какъ о великихъ судьбахъ человѣ-«чества, они дѣлаются достойными того нравственнаго паденія, «въ которомъ находятся, они достойны того, что честные люди «считаютъ ихъ погрязнувшими въ бездну разврата и невѣжества. «При этомъ общемъ индифферентизмѣ, лучшіе люди смѣшиваются «ся съ худшими; всѣмъ чудится, что Франція породила нѣчто «чудовищное: выкинула изъ утробы своей какихъ-то иностран-«цевъ. Нѣкоторые изъ нихъ пришли къ намъ, чтобы научиться, «большая часть — чтобы забыться въ вихрѣ матеріальныхъ на-«слажденій; всѣхъ такъ и хочется спросить, откуда они при-«шли, и въ какой части свѣта находится ихъ отчизна?»

Читая эти проникнутыя законной горечью строки, читатель съ нѣкоторымъ изумленіемъ спрашиваетъ себя: ужели въ самомъ дѣлѣ время политическихъ интересовъ миновалось? ужели французы въ самомъ дѣлѣ до такой степени счастливы, что могутъ спокойно предаваться спокойному труду? Ужели возможны и тамъ какіе-то безличные Вертяевы (*), вслѣдъ твердящіе о трудѣ скромномъ, о трудѣ неслышномъ?

Нѣтъ, это только самообольщеніе; нѣтъ, это сонъ. Конечно, вездѣ могутъ найтись люди, которые охотно смѣются надъ интересами политическими, и смѣются не просто по страсти къ зубоскальству, а во имя другихъ, болѣе плодотворныхъ интересовъ, которые будто бы затмѣваются политическими; однакожь, здѣсь забывается одно весьма важное условіе, а именно, что разработка политическихъ интересовъ приготовляетъ почву для тѣхъ «другихъ», о которыхъ такъ много заботятся. Здѣсь, очевидно, забывается то, что, отклоняя политическіе интересы, мы вмѣстѣ съ тѣмъ отдаляемъ и «другіе». Ясно, что тутъ есть ошибка, ошибка, быть можетъ, не преднамѣренная, но все-таки ошибка.

Эта ошибка тѣмъ горчѣе, что гораздо больше вынщется людей, которые воспользуются ею для цѣлей совершенно особенныхъ, воспользуются съ полнымъ сознаніемъ, что это ошибка. Франція, въ этомъ случаѣ, можетъ служить живымъ и поучительнымъ примѣромъ. Если молодое французское поколѣніе обманывается, если разочарованное полувѣковыми волне-

(*) Герой новой комедіи г. Устрялова «Слово и дѣло», о которой говорится въ особой статьѣ.

ніями и страданіями, не принесшими никакого непосредственнаго плода; оно искренно пришло къ убѣжденію, что политическіе интересы безплодны въ самой своей сущности, то съ другой стороны находятся тысячи выжигъ и проходимцевъ, которые отнюдь въ этомъ не увѣрены, но пользуются всякаго рода недоумѣніями, всякаго рода упадкомъ энергіи совсѣмъ для иныхъ цѣлей.

Какъ бы то ни было, но фактъ существуетъ, и непризнаніе его тѣмъ менѣе возможно, что онъ имѣетъ сзади себя цѣлый арсеналъ орудій, которыя могутъ безъ большихъ издержекъ убѣдить сомнѣвающихся. Нива парламентскихъ преній, нива журнальной прессы заклацощена легіонами различныхъ chevaliers d'industrie, поочередно бывавшихъ и легитимистами, и орлеанистами, и республиканцами, Вероны, Ла-Герроньеры, Лимейраки и Грангилльо, въ расписанныхъ золотомъ ризахъ, являются передъ публикой и съ неслыханнымъ нахальствомъ кричатъ цыцъ на тѣхъ, кто смѣетъ въ чемъ либо сомнѣваться или быть чѣмъ либо недовольнымъ. Доктрина доктора Панглосса возводится на степень оффиціальной; каждый годъ, въ одно и то же время, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ повторяется увѣреніе, что господствующій порядокъ, вызвавшій изъ щелей всѣхъ этихъ Грангилльо, есть порядокъ переходный, нѣчто въ родѣ временнаго кошмара, необходимаго для того, чтобы «увѣнчать зданіе»; но годы идутъ, смѣняя другъ друга обычной чредой, а зданіе не увѣнчивается, Лимейраки озлобляются все больше и больше, а кошмаръ дѣлается чѣмъ-то въ родѣ хронической болѣзни, которая до тѣхъ поръ не оставитъ организма, пока не разрушитъ его окончательно.

Нельзя, однакожь, не сознаться, что положеніе французскаго оффиціальнаго публициста очень трудное и очень скользкое. Онъ постоянно долженъ раздражаться по поводу чужой мысли, чужаго вожделѣнія; отдавши въ наймы посильное свое дарованіе, онъ обязывается по поводу чужаго интереса курлыкать съ такимъ же озлобленіемъ, какъ бы интересъ былъ его собственный. Онъ можетъ и умиляться, и огорчаться, можетъ надѣяться и обманываться въ своихъ надеждахъ, но, проявляя разнообразныя чувства, онъ прежде всего обязывается не забывать, что чувства сіи не болѣе, какъ колеса хитро-придуманной машины, которыя начинаютъ дѣйствовать только тогда, когда заводятся посторонней рукой. Покуда ему позволяютъ жить — онъ живетъ и заяв-

ляетъ о своемъ существованіи самою беэпутною, самою наглою болтовнею, но вдругъ, среди безстыдныхъ вакханалій слова, раздается голосъ: Грангильо, умри! — и Грангильо умираетъ безотговорочно, хоть онъ и живъ. Конечно, это даетъ ему возможность, подъ предлогомъ угнетенія его самостоятельности, требовать извѣстнаго вознагражденія за свое притворство, но и самое это вознагражденіе, думаемъ мы, не можетъ выкупить всѣхъ непріятностей, сопряженныхъ съ званіемъ наемнаго публициста.

Ибо не надо ошибаться: не смотря на то, что появленіе подобныхъ публицистовъ оправдывается вполнѣ нравственнымъ настроеніемъ самаго общества, это послѣднее все-таки презираетъ ихъ. Оно смотритъ на нихъ, какъ на лакеевъ, которые ни въ какомъ случаѣ, ни въ какихъ обстоятельствахъ, никогда и нигдѣ противодѣйствія оказать не могутъ; оно видитъ въ нихъ слѣпыя орудія для исполненія какой бы то ни было воли, для достиженія какихъ бы то ни было цѣлей. Если господствующее направленіе измѣнится—измѣнится и ихъ направленіе, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Объ этомъ ихъ никто не спрашиваетъ, этимъ никто и не интересуется. Однимъ словомъ, облако общественнаго презрѣнія постоянно идетъ по пятамъ за этими живыми сосудами насущныхъ истинъ и неблаговидныхъ сдѣлокъ съ торжествующею силою.

Но кромѣ того, что наемный французскій публицистъ обязывается раздражаться чужою мыслью и въ награду за это пользоваться презрѣніемъ даже тѣхъ, которые его съ этою цѣлью нанимаютъ, есть и еще одно не малое неудобство въ его положеніи: онъ постоянно находится подъ страхомъ не угадать дѣйствительной мысли своего нанимателя, подъ страхомъ выказать или излишнее усердіе, или излишнюю осторожность. Случается это весьма просто. Паразитъ-публицистъ не всегда имѣетъ дѣло съ фактами уже совершившимися; если бы обязанность его состояла именно въ этомъ одномъ, то она была бы легка и проста: пой повальные диѳирамбы всему и всѣмъ—и дѣло съ концомъ; но въ томъ-то и трудность, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ долженъ, такъ сказать, прозрѣвать, онъ долженъ раздражаться и диѳирамбировать на счетъ будущаго. Это происходитъ отчасти отъ того, что совершившихся фактовъ, достойныхъ общаго вниманія, иногда въ данную минуту не бываетъ, отчасти же потому, что читатель желаетъ имѣть свѣдѣнія не объ однихъ частныхъ

фактахъ, но и о цѣломъ строѣ, о всей системѣ, которая способна породить подобные факты. Вотъ тутъ-то обыкновенно и обсѣкаются наемные публицисты; увлеченные отдѣльнымъ какимъ нибудь фактомъ, они начинаютъ выводить изъ него всевозможные узоры, начинаютъ завихриваться въ полетахъ своей собственной фантазіи, выводить заключенія, обѣщать и надѣяться. Объяснимъ это примѣромъ.

Положимъ, что французское правительство сочло возможнымъ уничтожить какой-нибудь тягостный для народа налогъ; натурально, наемный публицистъ приходитъ отъ этого въ умиленіе. Онъ начинаетъ свою рѣчь свысока; онъ говоритъ, что существованіе налога, о которомъ идетъ рѣчь, равно какъ и другихъ налоговъ, имѣющихъ подобный же характеръ, показываетъ младенческое состояніе финансовой системы; что правительство видитъ всю ихъ несправедливость, и потому *позволительно* надѣяться, что на будущее время, при выборѣ финансовыхъ способовъ, будетъ обращено вниманіе на большую и большую ихъ равномѣрность. Однимъ словомъ, дается издалека понять, что зданіе, о которомъ такъ часто во всеуслышаніе объявлялось, недалеко отъ увѣнчанія. Министръ финансовъ читаетъ эту униженно-диѳирамбическо-политико-экономическую галиматью и не вѣритъ глазамъ своимъ. Онъ только что выработалъ съ своей стороны проектъ объ увеличеніи другаго подобнаго же налога! да и уничтожая первый налогъ, онъ отнюдь не думалъ объ увѣнчаніи зданія, но просто сдѣлалъ лишь уступку слишкомъ настоятельно выразившемуся общественному мнѣнію! и вдругъ этотъ вынужденный актъ его дѣятельности связываютъ съ какою-то системой,—и въ какую минуту? въ ту самую минуту, когда для него это всего менѣе желательно! и кто связываетъ? Грангилльо, тотъ самый Грангилльо, который въ понятіи всей образованной публики слыветъ за вдохновеннаго свыше!

Натурально, Грангилльо призываютъ и даютъ ему репримандъ; натурально также, что министръ не унываетъ, и, не смотря на надежды, возбужденныя наемной газетой, приводитъ въ исполненіе свое новое предположеніе. Грангилльо съ своей стороны тоже не унываетъ; онъ надѣется, что читатель, ежедневно забрасываемый грязью его диѳирамбовъ, уже забылъ, что было писано въ газетѣ нѣсколько номеровъ тому назадъ, и начинаетъ пѣть диѳирамбъ новой мѣрѣ съ тѣмъ же умиленіемъ, съ какимъ онъ наканунѣ предсказывалъ невозможность ея.

Говорятъ, будто Грангилльо поступаетъ такимъ образомъ не изъ корыстныхъ какихъ либо видовъ, а просто изъ усердія, а также потому, что хочетъ доказать читающему люду, что онъ протей. Но это невѣроятно; ибо всякому очень понятно, что нельзя играть цѣлую жизнь какой-то неслыханный политическій водевиль съ переодѣваніемъ, не возбудивъ къ себѣ полнаго и самаго безпощаднаго презрѣнія. А подобнаго рода положенія даромъ не принимаются.

Итакъ, съ одной стороны безконечное самоуничиженіе, сопровождаемое общественнымъ презрѣніемъ, съ другой стороны страхъ переусердствовать или недоусердствовать — вотъ двѣ мучительныя альтернативы, между которыми наемный публицистъ обязывается вести утлую ладью свою. Но уничиженіе наемника возвышается иногда до героизма, когда онъ, въ выгодахъ своего нанимателя, считаетъ долгомъ высказать ему нѣсколько горькихъ истинъ. Разумѣется, это такого рода истины, которыя пріятны нанимателю, но въ сочувствіи къ которымъ ему, до поры до времени, совѣстно сознаться. Иногда наниматель желалъ бы предпринять какое нибудь лихое дѣло, но почему-то колеблется; что ему всѣми внутренностями хочется учинить это дѣло, — въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, но онъ еще боится; онъ опасливо осматривается по сторонамъ, чутко къ чему-то прислушивается и все ждетъ, не будетъ ли откуда нибудь пріятнаго насилія, опираясь на которое можно было бы сказать: «я не хотѣлъ этого, но меня заставили такъ поступить раздающіеся со всѣхъ сторонъ голоса, меня просто изнасиловали!» Наемные публицисты въ этомъ случаѣ болѣе нежели драгоцѣнны, ибо они-то именно и представляютъ эти раздающіеся со всѣхъ сторонъ голоса; они и басами заливаются, и дискантами подвизгиваютъ; и хотя, въ сущности, все это исполняетъ одинъ и тотъ же Грангилльо, но издали кажется, что ихъ много.

Предположимъ, напримѣръ, что Австрія, утомленная безпрерывными попытками Венеціанской территоріи къ освобожденію изъ подъ чужеземной власти и къ слiянію съ Итальянскимъ королевствомъ, и убѣждаемая общественнымъ мнѣніемъ Европы, если не въ законности этихъ попытокъ, то, по крайней мѣрѣ, въ естественности ихъ, рѣшается, наконецъ, сдѣлать сама и добровольно то, что, быть можетъ, когда нибудь она вынуждена будетъ сдѣлать недобровольно. Разумѣется, ей жаль разстаться съ однимъ изъ алмазовъ, украшающихъ корону габсбургскаго дома;

разумѣется, прежде, нежели приступить къ этому, она еще осматривается и прислушивается. И вотъ тутъ-то является на сцену драгоцѣнный австрійскій Грангилльо, который ни съ того ни съ сего начинаетъ грубить и выказывать преданнѣйшую продерзость. Онъ доказываетъ, что предполагаемая мѣра противна не только австрійскому патріотическому чувству, но и выгодамъ самихъ венеціянцевъ; онъ раскапываетъ исторію Венеціи и находитъ, что истинной свободы тамъ никогда не бывало, что свобода существовала только для сильныхъ міра, слабые же находились въ постоянномъ угнетеніи, и что только австрійское владычество положило предѣлъ такому вопіющему порядку вещей; онъ обращается къ послѣднимъ событіямъ и усматриваетъ, что онѣ произошли не вслѣдствіе народнаго желанія, но вслѣдствіе интригъ и происковъ одной партіи; онъ обращается къ Венеціи съ самыми безцеремонными ругательными выраженіями, зная, что Венеція не можетъ отвѣчать и не отвѣтитъ ему. Онъ не понимаетъ и не можетъ понять, что бываютъ въ жизни народовъ такія торжественныя минуты, когда голосъ частнаго человѣка, хотя бы даже патріота-австрійца, обязанъ умолкнуть, когда ни одинъ порядочный человѣкъ не позволитъ себѣ ни тѣни предосужденія въ пользу той или другой стороны, а тѣмъ менѣе оскорблять или обвинять ту изъ нихъ, которая слабѣе. И вотъ, благодаря презрѣнному паразиту журналистики, народная распря продолжается, а австрійское правительство, само забывъ, что голосъ паразита наемный и что подобныя выраженія національнаго консерватизма покупаются сотнями за самыя малыя суммы, откладываетъ свою рѣшимость далѣе и далѣе, и медлитъ сдѣлать то, что могло бы въ данную минуту сдѣлать съ полнымъ сохраненіемъ своего достоинства, и что когда нибудь сдѣлаетъ безъ сохраненія достоинства.

Очевидно, что такого рода паразиты суть самые опасные враги страны и правительства, и что кажущіяся ихъ услуги тѣмъ болѣе ничтожны, что онѣ шиты бѣлыми нитками, что смыслъ ихъ понятенъ всѣмъ и каждому, и что отвращеніе, которое онѣ поселяютъ, ни для кого не тайна.

Паразитъ всегда на сторонѣ сильнаго противъ слабаго, угнетателя противъ угнетеннаго, богатаго противъ бѣднаго. Это одно уже характеризуетъ достаточно его дѣятельность и рисуетъ его личность.

Недавно намъ случилось прочесть въ одной русской газетѣ

слѣдующую оцѣнку дѣятельности политическихъ изгнанниковъ.

«Отчужденіе отъ своего отечества есть одно изъ величай-«шихъ несчастій для человѣка, говоритъ неизвѣстный авторъ. «Что придумаетъ изгнанникъ-иностранецъ (дѣло идетъ объ ино-«странцахъ—изгнанникахъ) сказать о свободѣ, когда уже на нее «потрачено столько краснорѣчія, умознаній? Онъ станетъ осмѣи-«вать и проклинать тѣхъ, которыхъ считаетъ угнетателями своей «страны, но это уже сдѣлано до него другими, на другихъ язы-«кахъ, понятныхъ его соотечественникамъ, и сдѣлано лучше, «съ жаромъ негодованія, съ большимъ блескомъ таланта (почему «же съ большимъ? будто у изгнанника не можетъ быть и талан-«та?) Онъ коснется общественнаго быта, учрежденій, укажетъ «на раны отечества, предложитъ врачеваніе ихъ, но обличителей «и докторовъ являлось уже и до него въ неимовѣрномъ числѣ, лю-«дей съ спеціальными знаніями, съ долголѣтнимъ изученіемъ «предмета, съ любовью къ нему, съ терпѣніемъ, мужествомъ, «ясною мыслью (непонятно, почему всего этого нельзя предпо-«ложить у изгнанника?)

«За что онъ ни хватится, все было уже въ человѣческихъ ру-«кахъ, вездѣ вспаханное поле, въ каждое подземелье проникъ «какой нибудь лучъ свѣта съ роднаго или чужаго неба. Несча-«стіе не послужитъ ему заслугой, изгнаніе не вмѣнится ему въ «преимущество, свободная рѣчь не причислится къ мудрости.

«Какъ простой солдатъ, онъ долженъ вступить въ битву съ «арміей соперниковъ, и если грудь его не вынесетъ напора страш-«ной силы, то, изгнанникъ онъ или нѣтъ, дома или на чужбинѣ, «вѣтръ разнесетъ его слова, гробовое равнодушіе будетъ ему от-«вѣтомъ.»

Не смотря на кудреватую напыщенность этихъ словъ, мысль, положенную въ основаніе ихъ, нельзя не признать правильною. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, дѣйствительно можетъ быть плодотворною только практическая дѣятельность, которая недоступна политическому изгнаннику. Совсѣмъ не потому не можетъ онъ проявить своей дѣятельности во всей ея силѣ, чтобъ у него было менѣе таланта, или чтобъ мысль его была не ясна, а просто потому, что онъ оторванъ отъ родной почвы, что эта послѣдняя составляетъ организмъ живой, непрестанно измѣняющійся и развивающійся, и что человѣкъ, не присутствующій при этихъ измѣненіяхъ и развитіи, не находящійся въ самой срединѣ ихъ,

не можетъ усвоить ихъ себѣ органически. Но еще съ большею основательностью можно примѣнить слова неизвѣстнаго публициста къ публицисту—паразиту. Этотъ послѣдній—тотъ же политическій изгнанникъ, хотя живетъ и дома. Обязанный быть чуждымъ развивающейся жизни и даже не рѣдко идти въ разрѣзъ новымъ требованіямъ, ею выработаннымъ, онъ положительно уравниваетъ самъ себя политическому изгнаннику, онъ чужой между своихъ, онъ мертвецъ между живыхъ, и, сверхъ всего этого, покрытъ еще вонючею слизью презрѣнія, которая, какъ своего рода броня несокрушимая, защищаетъ его отъ слишкомъ чувствительныхъ прикосновеній. Про него съ гораздо большимъ основаніемъ можно сказать, что «вѣтеръ разнесетъ его слова, гробовое равнодушіе послужитъ ему отвѣтомъ»...

Но довольно о публицистахъ-паразитахъ. Это явленіе отвратительное и горькое, но оно все-таки еще ничтожно, по своей нравственной сущности, въ сравненіи съ тѣмъ, которое представляютъ паразиты-художники.

Какъ ни презрѣнно и горько паразитство въ области публицистики и памфлета, все же его чѣмъ нибудь можно объяснить себѣ и помимо гаденькихъ и мелочныхъ побужденій личности. Такимъ образомъ, въ видѣ облегчающаго обстоятельства, можно выставить впередъ, что публицистъ сдѣлался самъ жертвою неустойчивости и крайняго колебанія современнаго общественнаго и политическаго положенія, что это колебаніе можетъ хоть кого вовлечь въ ошибку и заблужденіе, что, разъ ставши на ошибочную точку, публицистъ невольно дѣлается жертвою волны, уносящей его все впередъ и впередъ по тому же ложному направленію; а тамъ примѣшается оскорбленное самолюбіе, а тамъ желаніе поставить на своемъ, и такъ далѣе, безъ конца. Конечно, все это не составляетъ еще оправданія, тѣмъ не менѣе, въ глазахъ людей снисходительныхъ, можетъ служить къ облегченію вины. Въ самомъ дѣлѣ, политическая сфера, при настоящемъ положеніи вещей, совсѣмъ не то, что сфера нравственная. Если въ послѣдней встрѣчается нѣкоторая запутанность въ опредѣленіи понятій самыхъ существенныхъ (какъ напр. понятія о преступности дѣйствія, о зловредности или благотворности участія страсти въ человѣческихъ дѣйствіяхъ и т. п.), то во всякомъ случаѣ тутъ гарантируется полная свобода во взглядѣ на извѣстный жизненный актъ, принадлежащій къ нравственной сферѣ. Это и понятно; вопросы, возникающіе изъ этой сферы, не таковы, чтобы

требовали разрѣшенія немедленнаго и запутывались ежеминутно всплывающими на верхъ мелочами жизни; это вопросы вѣчные, къ которымъ можно относиться спокойно и которые отъ разности взглядовъ не затемняются, но разъясняются, не проигрываютъ, а выигрываютъ. Напротивъ того, вопросы политической сферы требуютъ разрѣшенія немедленнаго, почти ежедневнаго; представляютъ работу до того мелочную и сбивчивую, что въ ней мудрено опознаться. Не только тѣ, которые систематически и злостно посвятили себя диѳирамбическому служенію извѣстнымъ интересамъ, хотя бы то было и во вредъ странѣ, но и тѣ, которые дѣйствительно посвящаютъ себя исключительному служенію странѣ, могутъ впадать въ непроизвольныя грубыя ошибки. Все это дѣлаетъ преступленіе паразитовъ-художниковъ гораздо болѣе тяжкимъ, нежели преступленіе паразитовъ-публицистовъ. Все это дѣлаетъ также, что число первыхъ, даже въ тѣхъ обществахъ, гдѣ политическій развратъ дошелъ до крайнихъ своихъ предѣловъ, всегда ничтожно сравнительно съ числомъ послѣднихъ. Кромѣ того, что паразитство само по себѣ противно чистому нравственному принципу, оно противно еще и потому, что фаталистически осуждено преслѣдовать доброе, если оно угнетено, и защищать злое, если оно торжествуетъ.

Но французы ухитрились-таки внести паразитство и въ сферу искусства. Оно явилось туда не въ видѣ сатиры, бичующей общественные или людскіе пороки, не въ видѣ плача надъ гибнущимъ обществомъ, не въ видѣ крика въ пользу угнетеннаго и забытаго добра, но въ видѣ безусловнаго диѳирамба грубой силѣ, въ видѣ оскорбленія, брошеннаго не могущимъ защищаться побѣжденнымъ.

Явились два комедіанта: гг. Ожье и Сарду, которые не постыдились отнестись къ побѣжденнымъ политическимъ партіямъ съ наглостью, тѣмъ болѣе неслыханною, что она ничѣмъ не подкрѣпляется, которые, позабывъ всякій этикетъ, не нашли ничего другаго сказать по поводу побѣжденныхъ, кромѣ голословнаго и площаднаго ругательства. Для достиженія этой цѣли, они выбрали форму наиболѣе удобную: форму комедіи. Въ сочиненіи, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ чистая мысль, надо было бы доказывать, надо было бы сравнивать; въ комедіи — достаточно надѣлить извѣстное количество смѣшныхъ и нелѣпыхъ качествъ на одно лицо, и извѣстное количество добродѣтелей на другое, и подвигъ совершонъ. Авторамъ нѣтъ надобности до того, что въ

ихъ произведеніи нѣтъ ни малѣйшей тѣни жизненной правды; что лица, ими изображаемыя, на каждомъ шагу противорѣчатъ самимъ себѣ; имъ нѣтъ дѣла до того, что ихъ комедіи, кромѣ фантасмагорической ихъ нелѣпости, представляютъ еще и весьма гадкій поступокъ; имъ даже и до того нѣтъ дѣла, согласенъ ли этотъ поступокъ съ ихъ собственными мыслями и убѣжденіями: Идолъ, которому они кланяются, находится не внутри ихъ, но въ той развратной толпѣ наемныхъ или обезумѣвшихъ отъ торжества клакёровъ, которые неизмѣнно слѣдуютъ за всякимъ успѣхомъ, и которые своимъ прикосновеніемъ дѣлаютъ омерзительнымъ всякое дѣло.

Мы не станемъ разсказывать содержаніе обѣихъ комедій (въ настоящее время онѣ уже даются въ Петербургѣ на михайловскомъ театрѣ), но заявимъ объ нихъ, какъ о фактѣ. Парижская публика бѣгаетъ смотрѣть на нихъ толпами, и не знаетъ, которой отдать преимущество; но вѣдь не надо забывать, что та же публика бѣгала нѣкогда смотрѣть на Фредерика Леметра въ «Chiffonier de Paris» и не знала, какъ превознесть г-жу Рашель, когда она произносила знаменитую марсельезу.

Но мы не можемъ оставить безъ вниманія нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ г. Прево-Парадолемъ по поводу комедіи г. Ожье: Le fils de Giboyer, какъ потому, что строки эти замѣчательно сильны, такъ и потому, что онѣ показываютъ, до какой степени дошла распущенность политическаго смысла во Франціи, что даже гистріоны, подобные гг. Сарду и Ожье, могутъ внушать серьёзныя опасенія.

«Хотя никто не думаетъ смотрѣть серьёзно на политическія убѣжденія г-на Ожье, мы съ своей стороны безъ труда вѣримъ, что онъ демократъ; правда, что демократизмъ ему ничего не стоитъ, что онъ демократъ на столько, на сколько это дозволяется прихотью минуты; но мы допускаемъ, что онъ имѣетъ искреннее отвращеніе къ легитимистской партіи въ томъ смыслѣ, какъ онъ ее понимаетъ, къ старымъ порядкамъ въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ себѣ представляетъ, и къ католической партіи, той самой католической партіи, которую онъ нѣкогда изучалъ и ненавидѣлъ въ газетѣ «Univers».(*) Эти невинныя чувства, соединенныя съ искушеніемъ воспользоваться представляющимся случаемъ попасть въ тонъ

(*) Г. Ожье былъ сотрудникомъ клерикальной газеты «Univers».

«сегодняшней дѣйствительности, заставили его написать свою «піесу. Живя во времена полнѣйшаго владычества демократіи (до«пустимъ и это), но удаленный отъ различныхъ оттѣнковъ либе«ральной оппозиціи, онъ не могъ предвидѣть, и конечно не пред«видѣлъ, какое дѣйствіе должна была произвести его комедія. «Въ виду того волненія, которое она производитъ, удивленіе и «огорченіе автора должны быть искренны, и съ нашей стороны «было бы несправедливо не принять ихъ въ соображеніе при суж«деніи объ немъ. Будемъ откровенны: могли ли мы сами пред«видѣть, что почувствуемъ себя до такой степени уязвленными? «Знали ли мы, что мы (т. е. всѣ политическіе оттѣнки, оскор«бленные комедіей г. Ожье) до такой степени солидарны другъ «другу? Сознавали ли мы вполнѣ то сближеніе, которое десять «лѣтъ слишкомъ ясныхъ уроковъ и слишкомъ сильныхъ испы«таній произвели не между массами приверженцевъ (увы!), но «между избранниками различныхъ либеральныхъ мнѣній? А такъ «какъ наши личныя впечатлѣнія должны быть мѣриломъ въ этомъ «случаѣ, то я невольно обращаюсь къ самому себѣ съ вопросомъ, «зналъ ли я, прежде нежели испыталъ это на самомъ дѣлѣ, что «ударъ, направленный въ правую сторону отъ меня, будетъ для «меня столько же чувствителенъ, какъ и ударъ, направленный на «лѣво, что онъ будетъ столько же чувствителенъ, какъ и ударъ, «направленный противъ меня самого?»

«Тому назадъ десять лѣтъ, слово «легитимистъ» заставило бы «меня улыбнуться: нынѣ, я знаю, благодаря г. Ожье, что это «слово, сдѣлавшееся упрекомъ, содержитъ въ себѣ воспоминаніе «о первомъ опытѣ либеральнаго правительства, которымъ пользо«валась Франція. Точно такъ же, мѣсяцъ тому назадъ, благодаря г. «Сарду, я узналъ, что тщетны будутъ старанія сдѣлать въ глазахъ « моихъ смѣшнымъ республиканца; какъ ни велики были усилія «сдѣлать изъ него что-то въ родѣ бывшаго повытчика (greffier) «революціоннаго трибунала, слово «республика» не будило во «мнѣ воспоминаній о безпорядкѣ и эшафотѣ, но пробуждало па«мять о людяхъ добра, которые, будучи облечены, на другой «день послѣ непредвидѣннаго паденія іюльской монархіи, до«вѣріемъ Франціи, оставили ей свободу управлять самой собою, «и которые ни на минуту не остановились на мысли о насиліи «даже въ то время, когда въ главѣ государства было поставлено «лицо, которое своимъ именемъ и своимъ прошедшимъ, каза«лось, было призвано лишь для того, чтобы разрушить ихъ дѣло

«и ихъ самихъ разсѣять въ изгнаніе или въ безвѣстность. Вотъ «уроки, которые даетъ намъ театръ, когда онъ направляетъ «свои удары на насъ или вокругъ насъ; вотъ что онъ открываетъ «намъ объ насъ самихъ. Не слѣдуетъ быть неблагодарными тѣмъ, «которые, сами того не зная, оказываютъ намъ подобныя услу-«ги... даже если бы эти услуги скрывали за собой намѣреніе и «не совсѣмъ похвальнаго свойства».

Съ этимъ нельзя не согласиться вполнѣ. Каково бы ни было основное различіе партій угнетенныхъ, какъ бы рѣзко ни отличались онѣ другъ отъ друга со стороны внутренняго содержанія, но одинаковость ихъ отношеній къ насилію должна служить для нихъ звѣномъ соединенія. Послѣ, когда насиліе будетъ упразднено, онѣ могутъ сосчитаться между собою, но въ виду общей опасности, одинаково грозящей всему, что заражено искренностью убѣжденій, старымъ обидамъ и чувству политической щепетильности не должно быть мѣста. Всѣ партіи, признающія необходимость сильнаго и искренняго убѣжденія, какъ основной принципъ всякой уважающей себя доктрины, должны подать другъ другу руку не для того, чтобы выработать какой-то безсмысленный политическій эклектизмъ, но для того, чтобы поразить общаго врага. Съ этой стороны взглядъ Прево-Парадоля очень замѣчателенъ, и мы совершенно вѣримъ, что онъ, человѣкъ орлеанистской партіи, могъ быть возмущенъ до глубины души тѣмъ безнаказаннымъ плеваніемъ, которое позволяетъ себѣ шайка паразитовъ, относительно легитимистовъ и республиканцевъ. Но, признаемся, мы не понимаемъ, какимъ образомъ онъ могъ дойти до тѣхъ упрековъ, которые онъ дѣлаетъ г. Ожье на послѣдующихъ страницахъ своей статьи. Дѣло идетъ о томъ, что люди, на которыхъ нападаетъ этотъ жалкій драматургъ, не могутъ отвѣчать ему.

«Мы не сомнѣваемся, говоритъ Прево-Парадоль, что г. Ожье «искренно убѣжденъ, что ему можно отвѣчать. Онъ, вмѣстѣ со «многими, вовлеченъ въ этомъ случаѣ въ заблужденіе тщетнымъ «звономъ человѣческаго слова и думаетъ, что у всѣхъ языкъ «развязанъ, потому что всякъ говоритъ громко и даже кричитъ. «Но если онъ вдумается въ то, что говорится кругомъ него, онъ, «конечно, почувствуетъ, что волна безполезныхъ словъ тогда «только течетъ свободно, когда она не прямо ударяется въ во-«просъ, но обходитъ его стороною. Защищайтесь, но защищайтесь «мягко; нападайте, но не указывайте на слабыя стороны вашего

«противника; конечно, вы ни къ чему не придете, но таковы «неизмѣнныя границы, въ которыхъ дозволено процвѣтать вашей «свободѣ защиты... Какая возможность, напримѣръ, побѣдо-«носно доказать, что авторъ, обвиняя легитимистовъ въ абсолю-«тизмѣ, дѣлаетъ ошибку и несправедливость? Доказательства «тѣснятся подъ перомъ моимъ, а я долженъ выбирать изъ нихъ «тѣ, которыя наиболѣе слабы»...

Въ нашихъ глазахъ эти опасенія, эти жалобы кажутся преувеличенными. Мы задаемъ себѣ вопросъ, стоитъ ли г. Ожье, чтобы обороняться отъ него? и спокойно отвѣчаемъ: нѣтъ, онъ не стоитъ того. Всѣ эти паразиты—публицисты, паразиты—драматурги заключаютъ въ самихъ себѣ будущую казнь свою. Это тля, которая не должна обращать на себя ни чьего честнаго вниманія: взойдетъ солнце, прогонитъ сѣрыя тѣни... вмѣстѣ съ свѣтомъ, безъ возраженій и безъ слѣда, изчезнетъ сама собою и тля...

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИЗИСЪ.

Здравствуйте, мои добрые, знакомые читатели! Къ великому моему удовольствію, мнѣ опять приходится бесѣдовать съ вами; не знаю, какъ вы безъ меня, а я безъ васъ очень соскучился. Много кое-чего собиралось у меня въ головѣ и еще больше, можетъ быть, накипѣло въ сердцѣ; и какъ бы мнѣ хотѣлось подѣлиться съ вами моими мыслями и повѣрить вамъ мои чувства. Очень нерадостны эти мысли и невеселы эти чувства; но мнѣ хотѣлось бы высказать ихъ не столько *для* васъ, сколько *для* себя самого, для облегченія той тяжести, которая давитъ меня, того гнёта досады и неудовольствія, унизительнаго отчаянія и дерзкихъ надеждъ, который я испытываю и который вѣроятно приходится испытывать почти каждому читателю; потому что предметы и явленія, вызвавшія во мнѣ указанныя чувства, навѣрное занимаютъ каждаго и близко касаются всѣхъ насъ. Читатель, надѣюсь, проститъ мнѣ эту эгоистическую сентиментальность; а я постараюсь по возможности забыть о себѣ и о своихъ чувствахъ и заняться предметами чисто объективными. Пусть отходятъ въ сторону невеселыя и безотрадныя чувства и пусть испытующая и разъясняющая мысль занимается явленіями, вызывающими эти чувства; по крайней мѣрѣ силою мысли нужно побѣждать эти явленія, если ихъ нельзя побѣдить другимъ обра-

зомъ; а торжество мысли рано или поздо поведетъ къ торжеству самаго дѣла.

Итакъ, я снова вступаю въ храмъ литературы, или говоря проще, выхожу на базаръ литературной суеты; безотраднымъ холодомъ повѣяло на меня въ этомъ храмѣ и чувство одиночества я ощутилъ среди литературнаго базара. Ищу глазами прежнихъ знакомыхъ и друзей и почти никого изъ нихъ не вижу, и сердце мое болѣзненно сжимается; раздумываю, къ кому пристать и куда пріютиться,—вѣдь нельзя же толкаться на литературныхъ распутіяхъ и бродить, подобно многимъ, изъ стороны въ сторону. Прежнее мѣсто, сказали нѣкоторые добрые люди, уже занято другими, будто бы подверглось преобразованіямъ, наполнилось другимъ духомъ, измѣнило свои намѣренія и стремленія, и вслѣдствіе этого запаслось новыми орудіями и средствами; однако добрые люди сказали неправду; измѣненія, о которыхъ они говорили, оказались чистѣйшей выдумкой ихъ фантазіи; мѣсто осталось незанятымъ, неприкосновеннымъ, чистымъ и неизмѣннымъ; чистота его не была оскорблена даже мыслью о какихъ нибудь податливыхъ преобразованіяхъ и видоизмѣненіяхъ средствъ и орудій дѣятельности. Дѣйствительно, только при этихъ условіяхъ и возможно было стать на прежнее мѣсто, не роняя своего достоинства; въ противномъ случаѣ, слѣдовало бы отказаться отъ него, какъ бы ни сильна была установившаяся привычка и привязанность къ нему. Утвердившись на старомъ наблюдательномъ постѣ и пріютившись на прежнемъ мѣстѣ, я могу теперь легко и безпрепятственно окинуть взоромъ весь литературный базаръ. Есть преданіе, что когда-то нѣсколько человѣкъ чудеснымъ образомъ проспали лѣтъ двѣсти и, проснувшись, не могли опомниться отъ изумленія при видѣ той новой для нихъ картины, какую представлялъ имъ родной городъ и его общество; такое же почти впечатлѣніе испыталъ и я, послѣ непродолжительнаго отсутствія снова явившись на литературный базаръ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ измѣнился въ такое короткое время!—точно апраксинъ дворъ и толкучій рынокъ послѣ пожара. Явилось на немъ множество новыхъ лавочекъ и магазиновъ, въ которыхъ предлагаются читателямъ умственныя сокровища, но только совершенно не похожія на тѣ, которыми прежде гордилась литература. Остались и старые магазины съ прежними фирмами и вывѣсками, но содержаніе ихъ измѣнилось, какъ сознаются сами хозяева; прежде, бывало, они старались привлечь къ себѣ публику заявленіями и увѣ-

реніями, что умственные товары, предлагаемые ими, составляютъ новѣйшее произведеніе, сдѣланы по послѣдней модѣ съ цѣлью изгнать изъ употребленія и замѣнить товары стараго производства; теперь же, напротивъ, они съ гордостью говорятъ, что товары у нихъ старые, испытанные, отлежавшіеся, убѣждаютъ публику не увлекаться модой, не обращать вниманія на новѣйшія произведенія и предупреждаютъ ее насчетъ невыгоды и даже опасности ихъ употребленія. Нѣкоторые литературные торговцы и распространители умственныхъ сокровищъ въ раздумьи повѣсили головы и не знаютъ, что имъ дѣлать, идти ли прежнимъ путемъ, или тоже смириться, оставить затѣйливыя притязанія на новизну и моду и запастись товарами испытанными и подержанными. Другіе, болѣе искусные, запаслись патентами и привиллегіями, добыли себѣ исключительное право продавать товары, прежде не существовавшіе на литературномъ базарѣ, которыхъ и теперь нельзя достать ни у кого, кромѣ этихъ ловкихъ привиллегированныхъ торговцевъ. Наконецъ, мелкіе литературные торгаши, не понимая общихъ измѣненій въ ходѣ торговли, по прежнему разносятъ тряпье и разные клочки, не думая о томъ, кому и для чего они нужны.

Въ самомъ дѣлѣ, литература наша пережила, или переживаетъ какой-то кризисъ; съ нею приключилось что-то, болѣзнь что ли какая, вслѣдствіе которой она перемѣнилась и исхудала, стала незлобивѣе и кротче. Недавно еще казалось, будто всѣ органы литературы проникнуты однимъ духомъ и одушевлены одинаковыми стремленіями; всѣ они по видимому согласно шли къ одной цѣли и преслѣдовали одинаковые интересы. Были конечно между ними разногласія и споры, существовала даже, пожалуй, вражда; но это были домашніе споры и домашняя вражда между своими, частныя несогласія между членами одной семьи, между разными частями одного и того же лагеря. Были пункты, въ которыхъ сходились всѣ литературные органы; на этихъ пунктахъ они, казалось, забывали междоусобную вражду, прекращали домашніе споры и дружно стояли за общее дѣло, отражая нападенія внѣшнихъ общихъ враговъ; при этомъ даже литературные пигмеи храбрились и говорили съ заносчивостью и смѣлостью чисто исполинскою. Были явленія, на которыя нападала согласно вся литература, и были другія явленія, которымъ съ неменьшимъ согласіемъ рукоплескали всѣ органы литературы; и все это по видимому выходило изъ одной общей идеи, изъ одного чувства,

одушевлявшаго всѣхъ писавшихъ. Обличеніямъ, бичеваніямъ, преслѣдованіямъ неправдъ не было конца; безъ свѣта и гласности литература и шагу не могла ступить, жить безъ нихъ не могла, какъ рыба безъ воды. Зайдетъ, бывало, рѣчь о прогрессѣ, о движеніи впередъ, о тормазахъ, задерживающихъ это движеніе, — и вся литература стройнымъ хоромъ затянетъ, хоть и на разные лады, но одну и ту же пѣсню, и только одна газета Греча, наслѣдіе Булгарина, составляла диссонансъ въ этомъ хорѣ; но потомъ и она переродилась и пошла вслѣдъ за другими. Людей отсталыхъ и консерваторовъ литература преслѣдовала съ удивительнымъ единодушіемъ, указывала на нихъ публикѣ, какъ на зачумленныхъ, которыхъ нужно обѣгать; консерватизмъ и отсталость были бранными словами въ ея лексиконѣ. Каждый пишущій скорѣе согласился бы отсѣчь свою руку, чѣмъ позволить ей написать что-либо непрогрессивное, скорѣе вырвалъ бы у себя языкъ, чѣмъ сказалъ что нибудь не въ либеральномъ духѣ. Если бы явился въ то время какой нибудь консервативный или отсталый литературный органъ, остальная литература заѣла бы и уничтожила его; онъ не нашелъ бы для себя ни одного сотрудника; не только какой нибудь знаменитый и извѣстный, но даже самый послѣдній, безвѣстный литераторъ не захотѣлъ бы ронять своего достоинства участіемъ въ такомъ органѣ. Вся литература отличалась неслыханнымъ безкорыстіемъ, самою недоступною неподкупностью, упорною самостоятельностью и независимостію; не было ни одного литературнаго явленія, ни одного факта, которые бы не соотвѣтствовали, или противорѣчили этимъ высокимъ качествамъ; даже никто не вѣрилъ въ возможность подобныхъ явленій и фактовъ; одна мысль объ нихъ привела бы въ то время въ ужасъ и омерзѣніе всякаго умѣвшаго писать. Отсутствіе этихъ явленій было дѣйствительно высокимъ преимуществомъ, которымъ могла гордиться русская литература даже передъ западными, болѣе развитыми литературами, гдѣ подобныя явленія встрѣчаются нерѣдко, гдѣ онѣ вошли какъ бы въ обыкновеніе и не считаются предосудительными. Литература съ гордостью могла сказать о себѣ то же, что говорилъ «дѣловой человѣкъ» Иванъ Петровичъ: «чѣмъ бы я теперь не былъ, если бы самъ доискивался? Но не могу! У меня ужь такой характеръ: до всего могу унизиться, но до подлости никогда!» Она превосходила даже и почтеннаго Ивана Петровича; этотъ часто намекалъ стороною, «экивоки подпускалъ, чтобы получить орденокъ на

шею»; но она не позволяла себѣ и этого. Да, славное время было когда-то! Въ литературѣ раздавались повидимому энергическіе голоса, старавшіеся нарушить покой тупаго самодовольства, разшевелить апатію и разогнать лѣнь; вездѣ слышался призывъ къ самоотверженной дѣятельности на пользу общаго дѣла и для блага любезнаго отечества. Публику безконечно радовало такое состояніе литературы и приводило въ восторгъ это согласное, нигдѣ невиданное, литературное шествіе къ одной цѣли, этотъ дружный, почти фанатическій крестовый походъ противъ всего, что враждебно литературѣ и обществу и что мѣшаетъ ихъ развитію. По истинѣ, то былъ золотой вѣкъ нашей литературы, періодъ ея невинности и блаженства!

Теперь же, особенно въ послѣднее время, въ нашей литературѣ наступилъ вѣкъ желѣзный и даже глиняный; пора ея невинности и безукоризненной нравственной чистоты миновалась; единство въ цѣляхъ и единодушіе въ стремленіяхъ исчезло; возникли несогласія относительно того самаго пункта, который прежде соединялъ всѣхъ. Вражда вышла за предѣлы литературнаго домашняго круга; одинъ литературный органъ старается подставить ногу другому и вырыть яму на томъ пути, который лежитъ внѣ области литературы; сдѣланы были литературныя нападенія на тѣ предметы, которые по условіямъ нашей литературы не должны бы были подлежать литературной критикѣ и которыхъ она не могла касаться, не измѣняя своему нравственному достоинству. Пожалуй, и теперь въ значительной части литературы замѣтно согласное шествіе, но только оно уклонилось уже отъ своего первоначальнаго направленія и постепенно свертываетъ въ сторону; кажется, какъ будто какой-то неблагопріятный вѣтеръ и противное теченіе относятъ литературу отъ того обѣтованнаго берега, къ которому она направлялась прежде, и она не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія, ни малѣйшаго усилія противиться вѣтру и теченію и пассивное движеніе измѣнить въ активное. Обличенія и бичеванія раздаются рѣже и рѣже и въ послѣднее время почти совсѣмъ замолкли; литературные судьи умѣрили свои требованія, понизили свои идеалы и ограничиваются самыми скромными желаніями. Обличительное направленіе смѣняется защитительнымъ; въ литературныхъ исполинахъ и пигмеяхъ замѣтенъ большой упадокъ храбрости; многіе изъ самыхъ рьяныхъ обличителей постепенно и незамѣтно превратились въ адвокатовъ того, на что направлены были прежде ихъ

обличенія. Главные борцы, прежде сражавшіеся за литературный просторъ, находятъ теперь, что литература слишкомъ распущена, ведетъ себя распущенно и обжирается разными либеральными сластями, и что поэтому ее нужно остепенить, обуздать и отрезвить, посадивъ ее на скудную отшельническую пищу. О благодѣтельной гласности и помину нѣтъ; начинаетъ, кажется, устанавливаться убѣжденіе, что и безъ гласности хорошо. Литература потеряла свое преимущество передъ «дѣловымъ человѣкомъ», и она, подобно ему и съ его видами, научилась подпускать экивоки; мелькали даже литературные факты, въ которыхъ обнаруживалось опусканіе до того, до чего не хотѣлъ опуститься даже Иванъ Петровичъ. Прогрессъ уже не имѣетъ обаятельнаго дѣйствія и потерялъ прежнюю неодолимую прелесть; литераторы, знаменитые въ прежнее время, съ честію служатъ анти-прогрессивнымъ началамъ; и кажется, еслибъ явились сотни литературныхъ органовъ съ какими угодно ультра-консервативными и ультра-отсталыми направленіями, всѣ они нашли бы для себя, сколько угодно, самыхъ заслуженныхъ дѣятелей, только бы поставили на видъ какіе нибудь приманки и побужденія. Ибо высокія качества, которыми наша литература могла гордиться передъ западной, начинаютъ тускнѣть и уступать мѣсто противоположнымъ качествамъ. Восторженныхъ призывовъ къ общеполезной, патріотической дѣятельности не слышно болѣе; сама литература старается убаюкивать тупоумное самодовольство, забавлять себя и другихъ пустыми побрякушками. Замѣчая въ средѣ совершающихся событій появленіе какой нибудь ничтожной безвредной букашки, она дѣлаетъ изъ нея слона, смотритъ на нее съ умиленіемъ и восторгомъ, доходящимъ до совершеннаго ослѣпленія; она обращаетъ вниманіе только на праздничную, выставляющуюся на показъ, сторону жизни, любуется ея мишурнымъ блескомъ и фальшивыми прикрасами, и не знаетъ, или намѣренно не хочетъ знать и скрываетъ отъ другихъ горькую жизненную драму и раздирающую трагедію, которыя совершаются за кулисами наружной жизни. Поэтому восторгъ литературы не имѣетъ ни малѣйшаго смысла, кажется въ высшей степени комическимъ и жалкимъ; своею восторженностью она обманываетъ себя и вводитъ въ обольщеніе другихъ; радостно успокоиваясь на настоящемъ, она поддерживаетъ апатію и безъ того уже апатическаго общества; преувеличивая значеніе достигнутаго, она разслабляетъ и останавливаетъ энергическія стремленія къ будущему и съ бли-

зорукою непроницательностію указываетъ предѣлъ этимъ стремленіямъ въ ограниченномъ и тѣсномъ пространствѣ настоящаго. —Все сказанное доселѣ относится не ко всей литературѣ абсолютно; есть въ ней и исключенія, не подходящія подъ высказанныя общія положенія, — это только въ Содомѣ не могло найтись и десятка порядочныхъ людей; поэтому кто найдетъ обидными для себя описанныя выше качества литературы, тотъ пусть относитъ себя къ исключеніямъ.

Таковы общія и главныя черты перемѣны, послѣдовавшей въ нашей литературѣ. Если эта перемѣна и покажется кому нибудь преувеличенной и невѣроятной, то только отъ того, что здѣсь собраны вмѣстѣ и сгруппированы въ тѣсную картину черты и явленія, разбросанныя на обширномъ пространствѣ литературы и обнаруживавшіяся въ разныхъ углахъ и не въ одно время. Кто же имѣлъ возможность слѣдить, хоть и не пристально, за значительною частію литературы и сопоставлять разнородные и разновременные факты ея, тому эта перемѣна не покажется невѣроятной; можетъ быть, онъ и самъ ее замѣтилъ. Наконецъ, кто желаетъ представить себѣ эту перемѣну наглядно, въ конкретѣ, такъ сказать, въ олицетвореніи, тому слѣдуетъ только вспомнить радостныя и восторженныя пѣсни, которыя распѣвалъ «Русскій Вѣстникъ» на свѣтломъ праздникѣ нашей литературной весны, и сравнить ихъ съ теперешними его мрачными и злобными рѣчами, похожими на завываніе осенней бури и обозначающими наступленіе литературной осени. Но многимъ, быть можетъ, эта перемѣна въ литературѣ покажется слишкомъ рѣзкой и неожиданной, какимъ-то внезапнымъ переломомъ и скачкомъ. Дѣйствительно, на первый взглядъ можетъ представиться, что въ литературѣ совершилось нѣчто необыкновенное и непредвидѣнное, реформа въ обратномъ смыслѣ и рѣшительный разрывъ съ прежнимъ; можно подумать, что самая перемѣна есть не что иное, какъ слѣдствіе того естественнаго закона, по которому за усиленнымъ напряженіемъ слѣдуетъ ослабленіе и сильный ударъ въ одну сторону сопровождается отраженіемъ въ другую противоположную. На этомъ основаніи измѣненіе въ направленіи литературы можно было бы объяснять тѣмъ, что она дошла до крайности, до послѣдняго предѣла въ одномъ направленіи, и потому естественно должна была избрать другое, что она истощила всѣ свои силы въ высокихъ стремленіяхъ и чувствуетъ потребность въ отдохновеніи, вслѣдствіе чего она и охладѣла къ прежнимъ стремленіямъ и не

обнаруживаетъ прежней энергіи. Всѣ такія объясненія, вѣрныя во многихъ случаяхъ, непримѣнимы однако къ той литературной перемѣнѣ, о которой идетъ рѣчь. Все, что представляетъ литература въ настоящее время, есть продолженіе того, что существовало въ ней прежде; перемѣны не послѣдовало никакой; кажущаяся перемѣна есть не что иное, какъ развитіе и полнѣйшее раскрытіе того, что прежде было только въ зародышѣ; настоящія литературныя явленія — это стволъ и вѣтви того корня, который незамѣтно существовалъ и прежде; метаморфоза литературная не походитъ на превращеніе вола въ лягушку, а на развитіе лягушки изъ головастика. Говорятъ, зародыши всѣхъ млекопитающихъ въ первые моменты ихъ развитія бываютъ сходны между собою, такъ что въ это время трудно узнать, что выйдетъ изъ зародыша; въ первоначальной зародышной формѣ оселъ походитъ на льва, свинья на собаку и т. д. Нѣчто подобное было и во время зарожденія нашей современной литературы; всѣ литературныя направленія и стремленія существовали въ зародышномъ безразличномъ состояніи; трудно было замѣтить разницу между ними, которая, быть можетъ, и для нихъ самихъ была незамѣтна, и не легко было опредѣлить, какія опредѣленныя формы разовьются изъ нихъ, нормальныя, или уродливыя. Существовалъ какой-то хаосъ и столпотвореніе вавилонское; блестящія фразы и прекрасныя слова лились рѣкой; всѣ разсужденія ограничивались общими мѣстами и безсодержательными мыслями, поэтому и трудно было разобрать, гдѣ высказывается искреннее убѣжденіе и гдѣ щеголяетъ пустота, прикрывающаяся благовидной маской. Дѣло шло только о словахъ и словоизверженіяхъ, поэтому никто не скупился на самыя бойкія и смѣлыя выраженія; слова не взвѣшивались, за нихъ не требовалось отвѣта и отчета, сопровождавшагося практическими неудобствами; поэтому и произносились самыя сильныя и яникаитныя слова. Это и придавало литературѣ кажущійся однообразный блестящій характеръ и заставляло думать, что въ ней существуетъ полное согласіе въ благородныхъ цѣляхъ и высокихъ стремленіяхъ. Но потомъ, когда общія мѣста оказались недостаточными, когда потребовалось хоть и не самое дѣло, но все-таки прямое и опредѣленное сужденіе о немъ, когда слова нужно было взвѣшивать и давать отвѣтъ за нихъ, когда представились пробные случаи, о которыхъ нужно было судить рѣшительно, сказать *да*, или *нѣтъ*, и такое, или другое сужденіе уже окончательно должно было обри-

совать каждое направленіе и поставить его одесную или ошую,— тогда-то пустота, прикрывавшаяся благовиднымъ покровомъ, явилась въ полной наготѣ; обнаружились замѣшательства и опасенія проговориться въ чемъ нибудь; вмѣсто бойкихъ рѣчей потекли черезчуръ благоразумныя разсужденія и резонерство; высокія стремленія остались въ сторонѣ, а на мѣсто ихъ по немножку появлялись цѣли другаго рода, въ родѣ стремленій Ивана Петровича, преслѣдуемыя въ духѣ его же благородной политики; а наконецъ, и прямо стало высказываться то, что прежде тщательно пряталось въ самомъ далекомъ уголкѣ сердца. Это обнаруженіе и осуществленіе въ дѣйствительности того, что было скрыто и заключалось въ возможности, и кажется намъ перемѣной; къ этой перемѣнѣ, стало быть, можно вполнѣ примѣнить знаменитую фразу г. Самарина: оставаясь въ томъ же видѣ, литература измѣнилась въ самомъ принципѣ своемъ, хотя на самомъ дѣлѣ измѣненія въ ней никакого нѣтъ. Такое происхожденіе современныхъ литературныхъ разновидностей изъ одного прежняго корня также можно указать на конкретномъ примѣрѣ. Въ утробѣ «Русскаго Вѣстника» лежали многіе зародыши; изъ нихъ вышли птенцы, долго остававшіеся въ родительскомъ гнѣздѣ; наконецъ птенцы разлетѣлись и образовали свои особыя гнѣзда. Изъ добраго корня «Русскаго Вѣстника» сначала выросли два отпрыска, «Атеней» и «Русская Рѣчь», безвременно увядшіе; изъ него же вышла и нынѣ существующая роскошная и цвѣтующая вѣтвь, на которой произрастаютъ гг. Н. Павловъ, Чичеринъ и Ржевскій; тотъ же корень далъ и отдѣльные побѣги въ видѣ гг. Громеки и Скарятина.

Что изложенный взглядъ на совершившуюся перемѣну въ литературѣ вѣренъ, это доказывается уже тѣмъ, что люди проницательные и прежде не обольщались видимой блестящей стороной литературы, не вѣрили въ дѣйствительность и искренность высказывавшихся въ ней благородныхъ стремленій, смѣлыхъ порывовъ и безкорыстнаго самоотверженія; за блестящими фразами они умѣли разглядѣть ограниченность и мелочность, понимали, что литература лицемѣритъ, что всѣ ея независимые и высокіе порывы осядутся при первомъ удобномъ случаѣ, при первомъ испытаніи. Вслѣдствіе этого они смѣло и съ самоувѣренностію издѣвались надъ восторженностію литературы, надъ ея эффектными стремленіями къ свѣту и гласности и надъ ея мнимою готовностью на всякаго рода подвиги для общаго блага. Вспомните того демона, который на все возвышенное въ литературѣ клалъ клейма пош-

лости, Громекой не былъ увлеченъ, не вѣрилъ экономистамъ, не оцѣнилъ Розенгейма, однимъ словомъ,

> Весь нашъ прогрессъ, всю нашу гласность,
> Громъ обличительныхъ статей,
> И публицистовъ нашихъ страстность,
> И даже самый «Атеней», —
> Всѣ жертвой грубаго глумленья
> Содѣлалъ желчный этотъ бѣсъ,
> Бѣсъ отрицанья, бѣсъ сомнѣнья
> Бѣсъ, отвергающій прогрессъ.

Тогда эти насмѣшки дѣйствительно многимъ казались неосновательнымъ глумленіемъ; въ нихъ видѣли пустой скептицизмъ, какъ слѣдствіе невѣрія во все возвышенное, и неблагородное желаніе охладить благороднѣйшіе порывы. А теперь, прочтите прежнія, съ адской силой написанныя, статьи разныхъ господъ, сличите ихъ съ тѣмъ, что они говорили въ недавнее время и говорятъ въ настоящую минуту,—и вы почувствуете невольное уваженіе къ памяти людей, которые глумились надъ этими статьями и у которыхъ, стало быть, было вѣрное чутье и инстинктъ истины, угадывавшій сразу фразистое лицемѣріе. Теперь для всѣхъ стало ясно, почему эти люди преслѣдовали многихъ господъ, возбуждавшихъ въ то время общій восторгъ; они тогда уже ясно видѣли, что это за господа и что выйдетъ изъ нихъ при малѣйшей перемѣнѣ обстоятельствъ; теперь всѣ сознали, что глумленіе этихъ людей было слѣдствіемъ ясновидѣнія и проницательности.—Такимъ образомъ, значитъ, общія и менѣе рѣзкія черты той перемѣны, которая обнаружилась теперь, существовали въ ней и прежде и были замѣчены людьми проницательными; значитъ, собственно говоря, и не было золотаго періода въ нашей литературѣ, невиннаго и блаженнаго ея состоянія; вмѣстѣ съ золотомъ существовала и грязь, объ руку съ невинностью шла и виновность. Вся разница въ томъ, что прежде эти противоположности были замѣтны менѣе, а теперь стали замѣтны болѣе, и что прежде видимый перевѣсъ склонялся на сторону однихъ противоположностей, а теперь склоняется на сторону другихъ. Претендовать и сердиться за это на литературу нѣтъ никакого основанія; вѣдь нельзя же требовать отъ нея идеальнаго нравственнаго совершенства и ангельской непорочности. Литература, какъ обыкновенно говорятъ, есть отраженіе общества; если общество

страдаетъ извѣстными недугами, то оно не должно осуждать и литературу за эти недуги. Въ литературѣ дѣйствуютъ такія же личности, изъ какихъ состоитъ все общество; литературные дѣятели не суть какія нибудь избранныя идеальныя существа, они такіе же люди, какъ и всѣ смертные, и ничто человѣческое имъ не чуждо. Поэтому каждый можетъ судить о литературѣ по себѣ, по своимъ знакомымъ, по цѣлому обществу. Кто выработалъ для себя извѣстныя убѣжденія, опредѣлилъ извѣстныя нравственныя правила и слѣдуетъ имъ неуклонно во всѣхъ случаяхъ, кто никогда не поддавался своекорыстнымъ разсчетамъ и, по требованію внѣшнихъ выгодъ и обстоятельствъ, не измѣнялъ своему достоинству, не унижался до угодливости и заискиванья, тотъ можетъ и долженъ надѣяться, что подобныя качества онъ встрѣтитъ и въ области литературы. Кто же напротивъ не имѣетъ никакихъ правилъ и убѣжденій, кто безчувственъ ко всякаго рода высшимъ интересамъ, кто для сохраненія личныхъ выгодъ готовъ на всякаго рода неблаговидныя сдѣлки и продѣлки, кто по робости, или апатіи терпѣливо переноситъ оскорбленія своего достоинства, тотъ долженъ быть увѣренъ, что и литература представитъ ему явленія въ такомъ же родѣ, управляемыя такими же побужденіями. Зачѣмъ же эти явленія суются въ литературу, вы скажете, зачѣмъ они такъ гордо выступаютъ, показывая видъ, будто ими руководитъ желаніе поучать и просвѣщать, и скрывая свои настоящія желанія? Конечно такъ; это очень худо; но чтожь съ этимъ дѣлать? Между обществомъ и литературой существуетъ круговая порука и взаимная поддержка; различныя нравственныя настроенія въ обществѣ обусловливаютъ собою различныя направленія въ литературѣ. Положимъ, вамъ представляется случай рискнуть своими частными выгодами для какого нибудь общаго дѣла, вы ни за что не соглашаетесь на рискъ; точно такое несогласіе вы можете встрѣтить и въ литературѣ, только здѣсь несогласіе станутъ еще оправдывать замысловатыми соображеніями и благовидными предлогами. Вообразите же, съ какою внутреннею радостію вы станете читать подобныя оправданія; «да, да, такъ, прекрасно, рискъ безумное дѣло, зачѣмъ рѣшаться на рискъ, когда и безъ него можно достигнуть всего хорошаго», приговариваете вы при чтеніи; и значитъ, сильную поддержку найдетъ въ васъ литературное направленіе, соотвѣтствующее вашему настроенію.—На основаніи этихъ соображеній можно полагать, что измѣненіе въ направленіи литературы, о

которомъ идетъ рѣчь, сопровождалось соотвѣтствующимъ измѣненіемъ въ настроеніи самаго общества; значитъ, и въ обществѣ яснѣе обнаружились тѣ качества и получили перевѣсъ тѣ побужденія, которыми зарекомендовала себя литература въ послѣднее время; многимъ, стало быть, понравилась литературная перемѣна, въ ней они увидѣли оправданіе той перемѣны, какую они почувствовали въ себѣ. Впрочемъ и объ измѣненіи общественнаго настроенія должно сказать то же самое, что было сказано объ измѣненіи въ литературѣ; общество, собственно говоря, не измѣнилось, оно осталось такимъ, какъ было прежде; но только часть его, навѣрное, перестала лицемѣрить, оставила искуственное увлеченіе высокими стремленіями и обнаружила свои настоящія стремленія.

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что литературная перемѣна есть только развитіе свойствъ, принадлежавшихъ литературѣ съ самаго начала ея возрожденія. Такое понятіе о перемѣнѣ устраняетъ вопросъ о ея причинѣ. Когда зрячій сдѣлается слѣпымъ, тогда есть возможность найти непосредственную причину такой перемѣны; но когда мальчикъ выростетъ и сдѣлается юношей, тогда мы видимъ въ этой перемѣнѣ просто выраженіе закона развитія организмовъ, зависящаго отъ многихъ сложныхъ причинъ; тутъ уже вопросъ о развитіи одного индивидуума исчезаетъ, и является общій вопросъ о развитіи организмовъ и о развитіи вообще. И въ нашей литературѣ въ послѣднее время обнаружились не какія нибудь случайныя явленія, а просто развились естественнымъ образомъ тѣ качества, которыя лежали въ ея натурѣ. Поэтому для уясненія литературной перемѣны остается только къ указаннымъ выше общимъ чертамъ ея прибавить еще нѣсколько частныхъ, болѣе характеристическихъ.

Въ разныхъ литературныхъ сферахъ измѣненіе и уклоненіе отъ первоначальнаго, общаго всей литературѣ, направленія обнаружилось различными признаками. Въ одной сферѣ измѣненіе началось разъясненіемъ сущности и значенія консервативнаго начала. Прежде, когда господствовала всеобщая прогрессивная манія, только одному прогрессу приписывали дѣйствительное значеніе и активную силу; на консерватизмъ смотрѣли съ пренебреженіемъ, какъ на пассивное противодѣйствіе развитію, какъ на отрицаніе прогресса и помѣху для него; вслѣдствіе этого консерватизмъ считали чѣмъ-то преступнымъ и поноснымъ, чего никто не осмѣливался ни защищать ни оправдывать. Но потомъ

стали раздаваться голоса и въ пользу консерватизма, стали говорить, что и онъ имѣетъ свою долю участія въ развитіи, для котораго онъ такъ же необходимъ, какъ прогрессъ, и что во всякомъ случаѣ консерватизмъ не есть дѣло преступное и поносное. Все это правда; но дѣло въ томъ, что прежде этого не говорилось, и еслибъ въ прежнее время кто нибудь сказалъ хоть слово въ защиту консерватизма, онъ бы подвергся ужаснѣйшимъ нападеніямъ, противъ него написали бы цѣлую кучу литературныхъ протестовъ; вспомните, какъ досталось г. Ламанскому за одно слово «не созрѣли»! А теперь открыто защищается консерватизмъ, и всѣ выслушиваютъ эту защиту совершенно спокойно и хладнокровно. Пишутся тысячи словъ гораздо хуже «несозрѣли»; публично обзываютъ людей «Расплюевыми»; говорится, что мы недостойны тѣхъ благодѣяній, которыя оказываются намъ, что они ужь слишкомъ велики для насъ: — и все это переносится терпѣливо и уже не вызываетъ прежняго единодушнаго негодованія. Въ настоящее время вы не найдете ни одного консервативнаго факта, къ которому бы литература отнеслась такъ же единодушно, какъ она относилась нѣкогда къ «не созрѣли», или къ обидѣ, нанесенной евреямъ Зотовымъ. До чего измѣнилось время! Но какъ, однако же, еще сильно лицемѣріе въ нашей литературѣ; не смотря на то, что за консерватизмомъ уже признано почетное право гражданства, никто не хочетъ гласно объявить себя консерваторомъ, ни одно литературное направленіе не назоветъ само себя консервативнымъ. Ужели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ во всей нашей литературѣ консервативнаго направленія? Должно быть, что такъ. — Въ другихъ литературныхъ сферахъ измѣненіе обнаружилось отрицаніемъ отрицательнаго направленія, прежде господствовавшаго повсемѣстно. Довольно, говорятъ, отрицать и разрушать; уже все, что слѣдовало, отвергнуто и разрушено; нужно заниматься созиданіемъ и постройкою. За этою во всѣхъ отношеніяхъ приличною мыслью незамѣтно выползала другая: такъ какъ до постройки новаго нельзя же жить ни съ чѣмъ, то до того времени слѣдуетъ попридержаться стараго, тѣмъ болѣе, что и старое не совсѣмъ же дурно и въ немъ есть много хорошаго и т. д. Опять таки и эта мысль не заключаетъ въ себѣ ничего поноснаго; но прежде она не высказывалась и непремѣнно вызвала бы противъ себя бурю. А теперь ничего, она смѣло идетъ въ ходъ на ряду съ другими мыслями.—Наконецъ, прежде придавалось большое значеніе дѣятельной практической

жизни; всѣ кричали, что нужно дѣло и дѣло прежде всего; науку старались примѣнить къ жизни, искуство также обращали на служеніе жизни. Поэзія напр. употреблялась для того, чтобы посредствомъ ея обличать разныя практическія злоупотребленія и представлять поэтически вредъ взятокъ и винныхъ откуповъ; стихи Гейне ученые приводили въ доказательство практическихъ положеній политической экономіи. Въ настоящее же время даже тѣ, которые прежде болѣе всѣхъ покровительствовали прикладной поэзіи, взялись за чистое искуство, оплакиваютъ паденіе поэзіи и стараются пробудить интересъ и любовь къ поэтическимъ произведеніямъ, отвлекающимъ мысль отъ современной дѣйствительности и уносящимъ ее туда, туда, далеко. Вслѣдствіе этого вмѣсто «современныхъ элегій» о водкѣ и «Поярковыхъ», берущихъ взятки съ раскольниковъ, намъ предлагаются «Донъ-Жуаны» и «Князья серебрянные», въ которыхъ обличаются злоупотребленія испанцевъ и опричниковъ. Подобнымъ образомъ хотятъ реставрировать и науку ученые люди, оторвать ее отъ жизни и сдѣлать чистою; жизнь и житейское благосостояніе, говорятъ они, должны стоять на второмъ планѣ; наука и интересъ науки стоятъ выше всего; самая наука должна заниматься только собою, не обращая вниманія на жизнь и современность; поэтому нужно погрузиться въ идеальную глубину науки, «позабывъ обо всемъ», нужно учиться и учиться до самозабвенія, не развлекаясь жизнію и ея насущными интересами, и тогда все сдѣлается само собою, «сія вся приложатся вамъ», какъ говорятъ. Такая эманципація науки и искуства отъ рабства жизни, можетъ быть, дѣло очень хорошее; но она все таки представляетъ собою черту литературной перемѣны, потому что прежде всѣ расположены были въ пользу порабощенія науки и искуства, а теперь многіе заботятся объ ихъ освобожденіи, такъ какъ теперь уже и крестьяне освобождены и вообще настало время освобожденія.

Всѣ частныя направленія, уклонившіяся отъ первоначальнаго общаго литературнаго движенія, нѣкоторое время стояли особнякомъ, безъ связи другъ съ другомъ, не имѣли общаго соединительнаго пункта и общаго знамени; ихъ одушевляло одно чувство и одно стремленіе, но они сами не ясно сознавали его; они не знали, съ кѣмъ бороться и противъ кого направить свои соединенныя силы. Тургеневъ—честь ему и слава!—явился истолкователемъ ихъ чувствъ, указалъ имъ врага въ лицѣ Базарова и далъ поэтическое знамя съ надписью: борьба противъ нигилизма. И

вокругъ этого знамени сгруппировалось все, что прежде лицемѣрило въ литературѣ и притворно увлекалось бывшими нѣкогда въ модѣ возвышенными стремленіями, широкими и смѣлыми тенденціями; началась, какъ торжественно объявилъ пресловутый хроникеръ «Отечес. Зап.», «реакція» противъ нигилизма; выраженіе хроникера подтверждаетъ мою мысль, что прежде значитъ была усиленная акція въ пользу того же нигилизма; только я эту акцію называю притворною и лицемѣрною. Лозунгъ для соединившихся отдѣльныхъ направленій указанъ, хотя смыслъ его и не разъясненъ; и съ нигилизмомъ творится таже исторія, какая была съ «почвой». Нигилизмъ у всѣхъ на языкѣ, всѣ объ немъ толкуютъ, какъ о предметѣ извѣстномъ и опредѣленномъ, хотя никому не приходило въ голову объяснить смыслъ этого слова и характеръ тѣхъ явленій, которыя хотятъ имъ обозначить. Нигилизмъ—терминъ философскій, и въ философіи онъ имѣетъ опредѣленное значеніе; имъ обозначаются системы, не признающія ничего реальнаго, никакого дѣйствительнаго существованія, называющія міръ дѣйствительный только призракомъ, состоящимъ изъ однихъ несущественныхъ явленій; въ этомъ смыслѣ нигилизмомъ называютъ систему Фихте, который говорилъ, что внѣшній міръ не существуетъ, не имѣетъ самобытнаго существованія, а есть только явленіе или обнаруженіе «Я». Такимъ образомъ, примѣнять этотъ терминъ въ его настоящемъ общепринятомъ смыслѣ къ явленіямъ русской литературы, а тѣмъ болѣе жизни, совершенно нелѣпо. Но дѣло не въ названіи; всякому термину можно дать какое угодно произвольное и условное значеніе; поэтому и нигилизму г. Тургеневъ и его послѣдователи дали своеобразное значеніе, которое можно опредѣлить по тѣмъ признакамъ и явленіямъ, какія они обозначаютъ терминомъ—нигилизмъ. Изобрѣтатель нигилизма опредѣлялъ его такими чертами: нигилистъ — тотъ, кто ничему не вѣритъ, ничего не признаетъ и не принимаетъ безъ основаній и доказательствъ; на философскомъ языкѣ эти гносеологическіе пріемы называются скептицизмомъ, а пожалуй и критицизмомъ. За тѣмъ онъ приписываетъ нигилизму извѣстныя философскія воззрѣнія, имѣющія характеръ очень реалистическій,—что̀ уже никакъ не вяжется съ понятіемъ нигилизма. Нравственныя качества нигилизма, по характеристикѣ изобрѣтателя, состоятъ въ неуваженіи къ родителямъ, въ исключительно чувственномъ отношеніи къ женщинѣ, въ отсутствіи благоговѣнія предъ всѣмъ, что освящено долговременнымъ суще-

ствованіемъ и уваженіемъ многочисленнаго большинства. Продолжатели и подражатели изобрѣтателя старались изобразить нигилизмъ яснѣе и подробнѣе. Одни изъ нихъ, вслѣдъ за изобрѣтателемъ, говорили, что нигилизмъ есть неразумное отрицаніе всего; хорошо ли, дурно ли отрицаемое,—нигилизму до этого нѣтъ дѣла; онъ отрицаетъ все безъ основанія, по какой-то странной любви къ отрицанію, которая будто бы составляетъ «религію нигилизма». Другіе утверждаютъ, что нигилизмъ есть чужеземная теорія, сдѣлавшая нашествіе на наши отечественные принципы, «занесенная къ намъ вѣтромъ», подобно саранчѣ и подобно ей же старающаяся опустошить наши родныя умственныя поля. Они говорятъ, что на западѣ есть цѣлая школа, развивающая эту теорію и «не признающая ничего, кромѣ ощущеній»; поэтому и нигилизмъ они называютъ теоріей ощущеній, прибавляя, что «теорія ощущеній есть одна изъ самыхъ простыхъ и ясныхъ теорій, и потому имѣетъ строгость математическую (ахъ, если бы вашими устами да медъ пить!)» Такое опредѣленіе нигилизма представили «Отечес. Зап.»; и такъ какъ они давно уже потеряли репутацію ученаго журнала, то и не удивительно встрѣтить въ нихъ это немножко нелѣпое опредѣленіе. Охарактеризовать и назвать какое нибудь философское ученіе «теоріей ощущеній», это все равно, какъ еслибы для опредѣленія направленія какого нибудь физика вы сказали, что онъ держится теоріи свѣта, или теоріи теплоты. Теорія ощущеній, такъ же какъ и теорія представленій, понятій и т. д., должна быть и есть во всякой философской школѣ и у всякаго философа; и возставать вообще противъ теоріи ощущеній такъ же нелѣпо, какъ вооружаться противъ теорій свѣта, теплоты и т. д. Но какъ бы то ни было, а все таки одна черта нигилизма опредѣлена; онъ есть чужеземная теорія, выросшая не на нашей почвѣ.—Всѣ эти черты — любовь къ отрицанію, скептицизмъ, иностранное происхожденіе—выражаютъ философскую сторону нигилизма, разъясненную его противниками хоть сколько нибудь удовлетворительно; не съ такою удовлетворительностью разъяснена его практическая и общественная сторона. Кромѣ дурныхъ практическихъ качествъ нигилизма, указанныхъ г. Тургеневымъ, комментаторы его романа признали за нигилизмомъ и одно хорошее качество, вытекающее однако, по ихъ словамъ, изъ нехорошаго основанія. «Смотря на Тургеневскаго Базарова, вы должны сознаться, что честность въ немъ не есть какое нибудь случайное, чисто-индивидуальное свой-

ство; вы должны сознаться, что это въ немъ черта типическая. Вы чувствуете, что отъ всего мелкаго и презрительнаго онъ довольно застрахованъ своею гордостію, громадно развившимся самомнѣніемъ. Отъ мелкой подлости спасаетъ его эта гордость. На мелкій обманъ не пойдетъ нашъ нигилистъ, потому что мелкій обманъ уронитъ его даже въ собственномъ чувствѣ; но на тотъ же обманъ, только въ грандіозныхъ размѣрахъ, онъ пойдетъ съ полною готовностію. Итакъ, онъ не потому гнушается подлостію, что мотивы ея гнусны, что смыслъ подлаго поступка противорѣчитъ его нравственному чувству и сознанію долга, — онъ это чувство и сознаніе долга отрицаетъ въ ихъ основахъ, — нѣтъ, онъ гнушается подлостію лишь по ея мизерному характеру, по ея мелочности и унизительности для его особы. (Рус. Вѣс.)».

Такимъ образомъ, противники нигилизма или базаровщины не согласны между собою въ томъ, что такое нигилизмъ; одни видятъ въ немъ просто теорію, извѣстную философскую систему; другіе напротивъ приписываютъ ему практическое значеніе и разумѣютъ подъ нимъ личностей, людей съ извѣстными качествами и опредѣленнымъ практическимъ настроеніемъ. По понятіямъ первыхъ, нигилистъ есть тотъ, кто держится теоріи ощущеній, или не признаетъ поэзіи, не уважаетъ Пушкина и т. д.; а по понятіямъ послѣднихъ, нигилистъ есть всякій человѣкъ, не желающій унижать свою особу мелочными подлостями, не уважающій родителей, любящій женщинъ плотскою любовью и т. д. Нигилизмъ перваго рода можетъ выражаться въ литературѣ, можетъ быть литературнымъ направленіемъ и предметомъ литературнаго суда и критики; нападать же на нигилизмъ, какъ на литературное направленіе, и въ тоже время прихватывать и практическія качества и дѣйствія людей, якобы нигилистовъ, — это совершенно не основательно и не гуманно. Если на васъ станутъ нападать и обличать васъ за то, что вы держитесь «теоріи ощущеній», — это ничего; но если васъ будутъ уличать въ неуваженіи къ родителямъ, въ практическихъ стремленіяхъ къ разрушенію того, что должно быть неприкосновенно, — это совсѣмъ другое дѣло и ужъ не ничего. Если нигилизмъ есть типъ въ родѣ обломовщины, то въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ третировать его, какъ теоретическое и литературное направленіе; а если онъ есть теорія, то пожалуй можно указать на его практическія послѣдствія, но ужъ никакъ не слѣдуетъ взвалить на него извѣстныя, частныя дѣйствія и индивидуальные случаи. Противники же нигилизма опу-

скаютъ изъ виду такое правило и постоянно смѣшиваютъ въ своихъ обличеніяхъ теорію нигилизма съ воображаемою ими дѣятельностью нигилистовъ. Они подлавливаютъ разные неблаговидные факты, совершающіеся въ практической жизни, и взваливаютъ ихъ на нигилизмъ теоретическій, на базаровщину, какъ на литературное направленіе, которое можетъ быть совершенно неповинно въ этихъ фактахъ и не должно нести отвѣтственности за нихъ; напр. неуваженіе къ родителямъ и другія неблаговидныя качества, приписываемыя нигилизму, могутъ обнаруживаться у людей, которые и слова не слыхали о литературной базаровщинѣ; и было бы нелѣпо корить теоретическую базаровщину за дѣйствія этихъ людей, не говоря уже о томъ, что базаровщина, можетъ быть, есть чистая клевета на литературное направленіе. Извѣстно напр., что кто-то изъ участниковъ «Рус. Вѣс.», какъ объявлялъ онъ самъ, похитилъ изъ редакціи четвертакъ и зажилилъ какое-то сочиненіе о Венгріи; обвинять за эти дѣйствія направленіе «Рус. Вѣс.», говорить, что оно ведетъ къ хищенію и зажиливанію,—было бы въ высшей степени нелѣпо. Однако, посмотрите, какъ ратовалъ противъ базаровщины хроникеръ «Отеч. Зап.» «*Литературная реакція* противъ базаровщины (говорилось въ маѣ), продолжаетъ длиться безъ конца. Многіе, не безъ основанія, опасаются, чтобы она, по старому обычаю всѣхъ реакцій, не зашла далеко. Правда, базаровщина сама вызвала эту реакцію, первая пересоливъ черезъ мѣру. Люди, пробудившіе въ русскомъ обществѣ плодотворную силу отрицанія, должны винить теперь самихъ себя, что допустили своихъ подражателей до возбужденія реакціи. Они обязаны были останавливать ихъ и т. д. Почему же не останавливали?.. Почему оставляли безъ вниманія *такія дѣйствія* (вотъ!) своихъ намѣстниковъ и волостелей?.. Почему ихъ ошибки не были останавливаемы?.. Зачѣмъ такое пристрастіе?..» и т. д. цѣлый рядъ упречныхъ вопросовъ. Такъ какъ дѣло идетъ о литературной реакціи и о литературной базаровщинѣ, объ отрицаніи, то и слѣдовало ожидать, что хроникеръ укажетъ на теоретическія крайности и промахи базаровщины и будетъ вообще держаться теоретической почвы. А онъ между тѣмъ бросается въ область практическихъ *дѣйствій* и оправдываетъ ими литературную реакцію; говоритъ о какихъ-то «прогрессивныхъ шалостяхъ», о какихъ-то «блонденахъ, пляшущихъ на канатѣ», разсказываетъ какую-то темную исторію и обвиняетъ на основаніи ея теорію, отрицаніе. За тѣмъ литературная базаров-

щина представляется у него партіей, которая оскорбила и освистала г. Костомарова; оскорбившіе послѣдняго называются далѣе «передовыми людьми»; вслѣдствіе этого общество будто бы и отвернулось отъ «передовыхъ людей». У общества своя логика, говоритъ хроникеръ. Оно разсуждаетъ такимъ образомъ: вотъ передъ нами г. Костомаровъ—тотъ самый г. Костомаровъ, который дорого уже заплатилъ однажды за свою независимость и способность не соглашаться съ мнѣніемъ сильныхъ людей. За это онъ былъ почтенъ общимъ сочувствіемъ передовыхъ, но слабыхъ людей. Теперь, когда званіе передоваго человѣка сдѣлалось сильно (?), г. Костомаровъ вздумалъ повторить свой опытъ *надъ ними*. И чтожъ? Съ Костомаровымъ поступлено точь-въ-точь, какъ прежде (такой нелѣпной логики не могло быть у общества, оно не на столько безсмысленно, чтобы шиканье считать за «точь-въ-точь, какъ прежде»): все, что было въ распоряженіи передовыхъ людей (вѣроятно, слѣдовало бы прибавить хроникеру, они же сами прежде буквально носили г. Костомарова на рукахъ,)—все было употреблено для лишенія чести (?) и *внутренней* (ага, вотъ-то-то и есть) свободы дерзновеннаго профессора. Мгновенно, безъ суда и расправы, онъ лишенъ былъ званія передоваго человѣка и разжалованъ въ отсталые. Какая же разница, спрашивается, между людьми застоя и движенія? Съ какой стати радоваться и сочувствовать такому движенію? — сказало общество и отвернулось отъ такъ называемой партіи передовыхъ... Бѣдная партія, несчастное стадо (какъ трогательно!)»! Наконецъ, въ заключеніи своихъ разсужденій хроникеръ говоритъ: «какъ бы то ни было, наши упреки ни въ какомъ случаѣ не помогутъ партіи передовыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ очутились до того впереди всѣхъ, что не только наши передовые люди, но и заграничные уже не въ состояніи догнать «юной Россіи.» Стало быть, связь ихъ (т. е. ошикавшихъ Костомарова?) съ обществомъ разорвана. Ихъ завѣтный кликъ: «нужно дѣло, а не слово» никого болѣе не увлечетъ. Всѣ теперь знаютъ ихъ дѣло и уразумѣли ихъ слова. Обаяніе прошло, когти показаны». Заключеніе очень сильное; но сравните его съ началомъ разсужденія, вспомните, что хроникеръ хотѣлъ говорить о *литературной реакціи*, и вы убѣдитесь, что у него дѣйствительно *своя* логика. Нѣкоторые люди ошикали Костомарова, слѣдов. передовые люди народъ негодный; нѣкоторые люди плясали по канату и оскорбили Костомарова; слѣд. литературная реакція противъ базаровщины основательна. Вѣдь это до-

казательство обоюдуострое. Положимъ, кто нибудь изъ людей, сочувствующихъ направленію «Отеч. Зап.» или даже участвующихъ въ его построеніи, сдѣлалъ какой нибудь неблаговидный поступокъ, въ родѣ шиканья, или еще неблаговиднѣе; и вдругъ какой нибудь критикъ, указывая на этотъ поступокъ, сталъ бы говорить: вотъ до чего доводитъ направленіе «Отеч. Зап.»; да, теперь общество отвернется отъ нихъ, ихъ слова никого не увлекутъ болѣе; и въ этомъ виноваты они сами, они вызвали противъ себя реакцію; куда же смотрѣлъ хроникеръ ихъ, отчего онъ не остановилъ, не обличилъ этого поступка? и т. д. Согласитесь, что слова такого критика были бы въ высшей степени неосновательны и неразумны.—Слѣдовательно, опровергать литературную базаровщину и вообще какое бы то ни было литературное направленіе указаніемъ на практическія дѣйствія негодныхъ людей—неосновательно и неразумно.—Впрочемъ нужно правду сказать, не всѣ противники нигилизма опровергаютъ его такимъ практическимъ способомъ; нѣкоторые въ своихъ нападеніяхъ на него держатся теоретической точки зрѣнія и не выходятъ за предѣлы литературной критики. Они признаютъ за нигилизмомъ нѣкоторую теоретическую силу и указываютъ для нея основаніе. «Нѣтъ ничего труднѣе, говорятъ они, какъ найти въ нашей общественной средѣ что-нибудь положительное, на чемъ могли бы сойтись между собою люди. Вы не свяжете трехъ человѣкъ въ одно цѣлое на какомъ нибудь положительномъ интересѣ... Но за то нѣтъ ничего легче, какъ соединить между собою людей въ чемъ-нибудь отрицательномъ. На положительномъ всѣ перессорятся, и дѣло не пойдетъ; на отрицательномъ всѣ легко сдружатся, и дѣло закипитъ. Такова историческая судьба нашей цивилизаціи. Исторія разбила у насъ всѣ общественныя завязи и дала отрицательное направленіе нашей искусственной цивилизаціи.—Итакъ, сила нашего нигилизма заключается не въ свойствѣ его содержанія,—онъ въ томъ и состоитъ, чтобы не имѣть никакого существеннаго содержанія,—а въ обстоятельствахъ среды. Среда дѣлаетъ его силою, она условливаетъ его значеніе и развитіе (Рус. Вѣс.).»

Таковъ нигилизмъ по изображенію его противниковъ; изображеніе не совсѣмъ ясное; но что же дѣлать, нужно и имъ довольствоваться. Ясно только одно, что противъ нигилизма составилась, такъ сказать, коалиція изъ разныхъ литературныхъ направленій, стремящихся къ его ниспроверженію. Чего же хотятъ сами эти

направленія, что они думаютъ противопоставить нигилизму и чѣмъ бы они хотѣли замѣнить его,—это опять-таки не извѣстно; противники нигилизма ограничиваются только осужденіемъ и отрицаніемъ его, а сами между тѣмъ не хотятъ охарактеризовать ни себя, ни своихъ собственныхъ воззрѣній и стремленій. А между тѣмъ любопытно было бы знать обоихъ противниковъ, и слѣдовало бы опредѣлить и разъяснить элементъ и образъ того, что выступаетъ на борьбу съ нигилизмомъ; и такъ какъ эти искомые элементы и этотъ образъ сами себя не обнаруживаютъ и не характеризуютъ, то остается только одинъ способъ для разъясненія ихъ, именно способъ противоположенія. Зная нѣкоторыя черты нигилизма, слѣдуетъ дать имъ обратный видъ и противоположный смыслъ, чтобы получить понятіе о томъ, что хочетъ поразить нигилизмъ и стать на его мѣстѣ. Если нигилизмъ въ извѣстномъ случаѣ говоритъ да, то направленіе, противоположное ему въ томъ же случаѣ должно сказать нѣтъ; если нигилизмъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ поступаетъ такъ, какъ говорятъ его противники, то они сами при тѣхъ же обстоятельствахъ поступаютъ, конечно, совершенно иначе и на перекоръ ему. Это единственный способъ для опредѣленія элемента противоположнаго нигилизму; если онъ и не дастъ совершенно точнаго результата, то во всякомъ случаѣ посредствомъ его можно разъяснить этотъ элементъ хоть на столько, на сколько разъясненъ нигилизмъ. Придумываніемъ названія для этого элемента нечего затрудняться; можно назвать его анти-нигилизмомъ, оптимизмомъ, хоть даже ерундизмомъ; всѣ эти названія произвольны и не вполнѣ выражаютъ сущность дѣла; но вѣдь и названіе нигилизма тоже произвольно и случайно; значитъ, и противника его можно назвать какимъ угодно словомъ, только бы оно окачивалось на измъ.

Итакъ, предъ нами два противника, нигилизмъ и антинигилизмъ. Послѣдній говоритъ, что нигилизмъ держится философской теоріи, принесенной къ намъ съ запада; значитъ, тотъ держится теорій доморощенныхъ, выросшихъ на нашей почвѣ, роскошно произраставшихъ въ Кіевѣ и потомъ пересаженныхъ въ Москву и въ другія части русскаго царства, хотя въ «Отечественныхъ Запискахъ» и говорится, что у насъ нѣтъ никакихъ теорій и что мы ничего не можемъ противопоставить западнымъ теоріямъ, кромѣ жизни. «На самомъ дѣлѣ, говорятъ они, гдѣ устой у насъ противъ всякой мысли, занесенной вѣтромъ, безъ всякой

послѣдовательности въ нашемъ развитіи (занесенной безъ послѣдовательности,—это хорошо сказано), безъ всякой потребности для этого ученія въ самомъ обществѣ (потребность *для* ученія,—это еще лучше)? Неужели правительственная, административная сила? Нѣтъ! Романъ г. Тургенева отвѣчаетъ на это такъ: устой этотъ—жизнь... Въ жизни нашей есть та свѣжесть молодости, которая гнушается софизмомъ и т. д.; тотъ инстинктъ правды и человѣчности, присущей молодому народу (т. е. тысячелѣтнему?), который изъ Павла Петровича, человѣка, выросшаго на сухой аристократической почвѣ и на сухой французской теоріи, съ теченіемъ времени образовалъ филантропа и т. д.; тотъ великій практическій смыслъ, который, соединившись съ добротою Николая Петровича, подарилъ насъ такимъ прекраснымъ типомъ сельскаго джентльмена, что имъ гордилась бы Англія». Это не совсѣмъ справедливо, потому что и у насъ есть свои философскія теоріи и одну изъ нихъ ревностно защищали сами же «Отечественныя Записки». Конечно, и эти теоріи принесены къ намъ извнѣ, но онѣ получили у насъ осѣдлость, обрусѣли и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ укоренились до того, что ихъ, кажется, не вырвать никакому нигилизму. Предоставляя самой жизни бороться съ западною теоріею, усвоенною нигилизмомъ, «Отечественныя Записки» стараются, однако, поразить ее и собственными возраженіями, и указываютъ на ея практическую непослѣдовательность. «Теорія ощущеній, говоритъ критикъ «Отечественныхъ Записокъ», есть одна изъ самыхъ простыхъ и ясныхъ теорій, и потому имѣетъ строгость математическую. Но я не люблю, когда послѣдователи этой теоріи затрудняются нѣкоторыми мелочами. Зачѣмъ они чувствуютъ привязанность къ роднымъ и друзьямъ? Зачѣмъ воюютъ за классы угнетенные? Между тѣмъ, такая непослѣдовательность у нихъ есть и, по мнѣнію очень многихъ, эта ошибка составляетъ лучшее ихъ достоинство. Правда, и я ихъ за это больше люблю, но за то перестаю называть философами. Когда я вижу подобнаго философа, какъ онъ хлопочетъ о неграхъ, о низшихъ классахъ народа—кладу палецъ удивленія себѣ на уста...» Подобные упреки нигилистической теоріи ощущеній высказываются часто; между прочимъ и г. Юрій Самаринъ говорилъ когда-то, что люди, не признающіе существеннаго различія между человѣкомъ и животнымъ, поступаютъ очень не послѣдовательно, возставая противъ тѣлесныхъ наказаній и отстаивая свободу негровъ. А вѣдь, дѣйствительно, въ ученіи ни-

гилизма есть эта непослѣдовательность; онъ высказываетъ практическіе взгляды, которыхъ никакъ нельзя было ожидать отъ него, судя по его теоріямъ. Онъ держится философской системы, «которая, какъ говоритъ «Отечественныя Записки», въ человѣкѣ не видитъ ничего, кромѣ тѣла и его орудій: рукъ, ногъ, глазъ, уха, осязанія, обонянія и нервовъ—главное... нервовъ», и вдругъ, не смотря на это, говоритъ, что не нужно бить человѣческаго тѣла, не нужно презирать угнетенные классы и нужно дать свободу даже неграмъ;—странная непослѣдовательность! Но такая же точно непослѣдовательность существуетъ и въ нашихъ доморощенныхъ теоріяхъ и во всѣхъ другихъ сходныхъ съ ними. Иное ученіе въ теоріи кажется такимъ возвышеннымъ, человѣка оно превозноситъ до небесъ, высокими чертами изображаетъ его назначеніе и нравственное достоинство; но какъ только дойдетъ дѣло до практическихъ слѣдствій, выводимыхъ изъ этого ученія, оказывается, что они оскорбительны для человѣка, унизительны для его нравственнаго достоинства, часто безчеловѣчны и во всякомъ случаѣ не гуманны. И на оборотъ, иное ученіе, повидимому, въ теоріи унижаетъ человѣка, представляетъ его обыкновенною тварью, и въ то же время, въ своихъ практическихъ выводахъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ истинному достоинству человѣка и оказывается истинно гуманнымъ. Такъ что вообще можно принять за правило, что теоретическая высота какого нибудь ученія совершенно не соотвѣтствуетъ практическимъ слѣдствіямъ, выводимымъ изъ него. Посмотрите въ исторію; ученія, считавшіяся теоретически самыми гибельными и разрушительными, сопровождались самыми благотворными практическими послѣдствіями; и напротивъ теоретически возвышенныя ученія оказывались гибельными на практикѣ и постоянно задерживали, какъ матеріальное, такъ и нравственное развитіе людей. Въ исторіи совмѣстно дѣйствуютъ два элемента: одинъ положительный, активный, прямо содѣйствующій развитію, другой отрицательный, пассивный, служащій ограниченіемъ развитія. Теоретически возвышенныя ученія, если не всегда, то въ большей части случаевъ стояли на сторонѣ послѣдняго элемента; они ослабляли энергію въ людяхъ, отвлекая ихъ мысль отъ дѣйствительнаго міра жизни и обращая ее къ безжизненнымъ и мечтательнымъ сферамъ отвлеченія, проповѣдывали пассивное терпѣніе, пріучали къ безотвѣтному страданію и рабской покорности; все стремившееся къ преобладанію и незаконному господству брало подъ свое покрови-

тельство эти ученія, опиралось на нихъ и подкрѣпляло ими свою силу; насилія, притѣсненія, порабощенія, угнетенія, — все оправдывалось и освящалось этими ученіями. Тогда какъ ученія, съ виду не очень возвышенныя, занимавшіяся реальными предметами дѣйствительной жизни, всегда были ученіями протестующими, возвышали голосъ за слабыхъ и угнетенныхъ, возставали противъ притѣснителей, защищая свободу и другія священныя права человѣка. Дѣйствительность этого историческаго явленія не подлежитъ сомнѣнію; она, между прочимъ, доказана въ статьяхъ, помѣщавшихся въ «Отечес. Зап.», и занесенныхъ тоже съ запада. И въ настоящее время возвышенныя и невозвышенныя ученія остаются вѣрными своей прежней исторической роли. Обойдите весь свѣтъ, просмотрите всѣ отдѣлы жизни, и вы увидите, что теоретически высокія ученія стоятъ вездѣ на сторонѣ силы, преобладанія, господства, и вслѣдствіе этого пользуются сильной защитой, покровительствомъ и привиллегіями; тогда какъ ученія не высокія теоретически подвергаются нападеніямъ, угнетеніямъ и притѣсненіямъ за то, что они вступаются за тѣхъ, которые вмѣстѣ съ ними терпятъ одинаковую участь, то есть за угнетенныхъ и притѣсняемыхъ. Высокія теоретическія ученія придумываютъ разныя положенія въ угоду высшимъ преобладающимъ людямъ, мало заботясь о низшихъ; впрочемъ, нужно правду сказать, бываютъ и исключенія изъ этого правила. Напротивъ, не столь высокія ученія, какъ замѣтилъ и критикъ «Отечественныхъ Записокъ», отстаиваютъ права низшихъ людей и главнымъ образомъ заботятся объ ихъ благѣ; конечно, и здѣсь бываютъ исключенія. Но за то ужъ эти ученія ни въ какомъ случаѣ не станутъ угождать людямъ высшимъ, т. е. стоящимъ на высотѣ не моральнаго положенія, а всѣхъ другихъ положеній, кромѣ моральнаго; и въ этомъ отношеніи исключеній не бываетъ. Страннымъ кажется этотъ фактъ, но онъ несомнѣненъ, и каждый можетъ повѣрить его во всякое время. Возьмите два какіе нибудь мыслящіе субъекта извѣстные вамъ, измѣрьте теоретическую высоту раздѣляемыхъ ими убѣжденій и вы по обратной пропорціи можете опредѣлить высоту и гуманность ихъ практическихъ взглядовъ; и наоборотъ, измѣривши ихъ практическіе взгляды, вы опредѣлите высоту ихъ теорій. Если испытуемый вами субъектъ возвышенно разсуждаетъ обо всемъ, много говоритъ о добродѣтели, скорбитъ духомъ о современномъ развращеніи и жалуется на торжество злыхъ и разрушительныхъ ученій, то вы изъ этого

можете заключить, что этотъ субъектъ въ области практической станетъ защищать рабство негровъ и другіе факты, параллельные этому рабству, съ сочувствіемъ будетъ говорить о розгѣ и тому подобныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Если же субъектъ мало говоритъ о добродѣтели, высказываетъ даже сомнѣніе относительно ея абсолютнаго значенія и смотритъ на человѣка не слишкомъ возвышенно, то вы смѣло можете предполагать, что онъ не станетъ одобрять рабство во всѣхъ его видахъ и станетъ возмущаться всякаго рода розгами. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте сдѣлать такой опытъ; ваши заключенія всегда будутъ безошибочны, если вы будете умозаключать такимъ образомъ: кто защищаетъ розгу, рабство и т. д., тотъ держится теоретически высокихъ понятій; кто же держится не возвышенныхъ теоретически понятій, тотъ никогда не станетъ защищать указанныхъ предметовъ. — Недавно впрочемъ одинъ философъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» говорилъ, что ученія не возвышенныя, не идеальныя и боящіяся идей только потворствуютъ современному человѣчеству, которое «находится въ состояніи или богатаго барина, или купца, ведущаго значительную торговлю»; что они находятся въ полной гармоніи съ блаженнымъ состояніемъ европейскаго общества, съ міросозерцаніями счастливыхъ собственниковъ и капиталистовъ, для которыхъ не нужно прогресса, не нужно идей, единственныхъ двигателей прогресса: они враждебны имъ по инстинкту, изъ интереса, изъ выгодъ; а ученія не возвышенныя «стараются своими теоріями подкрѣплять эту ненависть къ идеямъ. Другъ другу протягиваютъ руку. Зачѣмъ же наряжаться въ чужое платье? Зачѣмъ прикидываться не тѣмъ, что мы на самомъ дѣлѣ? Зачѣмъ печалиться за меньшихъ братій, когда въ сущности мы хлопочемъ только о томъ, чтобы всѣ наши братья видѣли въ каждомъ изъ насъ не болѣе, какъ частичку грубой матеріи, вѣчно подлежащую дѣйствію однихъ и тѣхъ же постоянныхъ, неизмѣнныхъ законовъ, когда въ нашихъ братьяхъ мы хотимъ уничтожить самый источникъ развитія — вѣру въ идеи (ну вотъ подите же съ ними, а они все-таки печалятся)?» Этотъ философъ хотѣлъ вѣроятно блеснуть новостью мысли и оригинальностью параллели; а если бы онъ разсмотрѣлъ дѣло получше, то онъ увидалъ бы, что буржуазія, всѣ эти собственники и торговцы именно-то и защищаютъ идеальныя ученія и возвышенныя идеи, видя въ нихъ лучшую опору для себя. Для кого не ясна современная роль возвышенныхъ

ученій и высокихъ идей, тому слѣдуетъ обратиться къ исторіи, припомнить реакціи, совершавшіяся на западѣ лѣтъ сорокъ, тридцать и десять тому назадъ; всѣ онѣ сопровождались и ознаменовались торжествомъ ученій, которыя не боялись высокихъ идей, а стояли за нихъ. Что можетъ быть, напримѣръ, идеальнѣе системы Гегеля; она вся состоитъ исключительно изъ чистѣйшихъ идей. Однако многіе называютъ ее просто системой реставраціи и реакціи; такъ называетъ её между прочимъ Гаймъ, человѣкъ безпристрастный и не особенно расположенный къ тѣмъ ученіямъ, которыя нашъ русскій философъ называетъ боящимися идей. А такъ какъ реставрація и реакція совершались въ пользу собственниковъ и купцовъ, то и выходитъ, что ученіе, переполненное идеями, также подавало имъ руку, подкрѣпляло ихъ и т. д. Впрочемъ нашъ философъ самъ же говоритъ, что ученія, боящіяся идей, печалятся за меньшихъ братій; не только онъ называетъ это лицемѣріемъ съ ихъ стороны, какъ критикъ «Отечественныхъ Записокъ» — непослѣдовательностью. И критикъ и философъ, по своимъ соображеніямъ и умозаключеніямъ, находятъ, что извѣстное ученіе должно дать извѣстный практическій результатъ, и вдругъ видятъ, что оно даетъ результатъ противоположный; изъ этого они и выводятъ, что оно непослѣдовательно и лицемѣрно. Но можно сдѣлать и другой выводъ изъ того же основанія, можно съ большей вѣроятностью сказать, что ихъ соображенія и умозаключенія не вѣрны, что ученіе и должно необходимо давать тѣ результаты, какіе оно даетъ, что результаты эти вытекаютъ изъ самой сущности ученія, что въ немъ, стало быть, нѣтъ ни непослѣдовательности, ни лицемѣрія. — Во всякомъ случаѣ, кажется, можно разграничить анти-нигилизмъ и нигилизмъ такъ: первый имѣетъ теоретическую высоту, второй — практическое значеніе; и казалось бы, имъ не изъ-за чего было враждовать между собою, области и пути ихъ различны и они не могутъ мѣшать другъ другу.

И такъ теоретическая сторона анти-нигилизма ясна хоть до нѣкоторой степени, видно, что его ученіе отличается возвышенностью и множествомъ идей самыхъ идеальныхъ. Не такъ легко опредѣлить практическую сторону анти-нигилизма и указать практическіе его результаты, обнаружившіеся въ дѣйствіяхъ анти-нигилистовъ, подобно тому, какъ хроникеръ «Отечественныхъ Записокъ» указалъ на дѣйствія нигилистовъ. Вообще указывать печатно или критически на дѣйствія, вытекающія изъ

того или другаго теоретическаго направленія, очень неудобно и щекотливо. Вы видите передъ собою множество дѣйствій, можетъ быть, гораздо хуже тѣхъ, на которыя указалъ хроникеръ; но какъ знать, принадлежатъ ли эти дѣйствія анти-нигилизму, онъ ли ихъ произвелъ, и вообще были ли какія нибудь дѣйствія у него. Хроникеръ говорилъ, что нигилизмъ вызвалъ противодѣйствіе себѣ извѣстными практическими дѣйствіями; на этомъ основаніи можно думать, что это противодѣйствіе также сопровождалось практическими дѣйствіями, направленными противъ нигилизма, что анти-нигилизмъ такъ же точно зарекомендовалъ себя дѣйствіями параллельными тѣмъ, какія изобразилъ хроникеръ, что и изъ нихъ вышла бы картина не менѣе трогательная и поразительная той, какую начертало его искусное перо. Но подбирать эти дѣйствія, группировать и обсуждать ихъ про себя,— предоставляется самимъ читателямъ; это не дѣло печати и не можетъ быть предметомъ откровенной рѣчи. Здѣсь опять можно прибѣгнуть къ способу противоположенія. Антинигилисты говорятъ, что въ нигилистѣ честность не случайное свойство; значитъ въ самихъ анти-нигилистахъ это свойство очень случайно, и человѣкъ, предавшійся анти-нигилизму, можетъ совершенно потерять его, и разъ потерявши, почти уже не можетъ возвратиться на истинный путь; онъ слишкомъ далеко зашелъ по кривымъ путямъ, самолюбіе не позволяетъ ему возвратиться назадъ, а подстрекаетъ еще идти далѣе и далѣе; тутъ ужь всякія разубѣжденія и споры безполезны, они не образумятъ такого человѣка. Примѣръ подобнаго униженія людей, держащихся возвышенныхъ теорій, можно показать — даже страшно выговорить! — на великомъ философѣ Гегелѣ. Обвиненіе это слишкомъ важно, и для доказательства его нужно привести факты и указать на ученые авторитеты, признавшіе эти факты и разъяснившіе смыслъ ихъ. Все, что будетъ говориться далѣе, заимствовано у Гайма, который не имѣлъ поводовъ клеветать на Гегеля и перетолковывать не въ его пользу общеизвѣстные факты. — Философія Гегеля имѣла блестящій, безпримѣрный успѣхъ, въ родѣ того, какой у насъ имѣлъ «Русскій Вѣстникъ» въ первые годы своего существованія; предъ нею благоговѣли, ее изучали, какъ священную науку; она вездѣ принималась безъ критики, безъ возраженій и сомнѣній; слово Гегеля было свято и неприкосновенно. Все это развило въ философѣ страшное честолюбіе и нетерпимость; привыкши къ похваламъ, онъ не могъ

терпѣливо сносить возраженій; одно слово, сказанное противъ него, возбуждало въ немъ слѣпой гнѣвъ и даже злобу. А между тѣмъ, Гегелю дѣлались возраженія и очень основательныя; многіе не соглашались съ его философіей. Не имѣя возможности основательно и научнымъ путемъ опровергнуть своихъ противниковъ, Гегель сталъ нападать на ихъ практическія дѣйствія и на практическія слѣдствія ихъ ученія, которое онъ старался представить опаснымъ и разрушительнымъ. Правительство прусское было очень милостиво къ Гегелю; этой милостью онъ воспользовался въ своей ученой полемикѣ, какъ аргументомъ, и говорилъ, что на него не должны нападать ученые, потому что онъ прусскій чиновникъ. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ Гаймъ:

«Философія права» Гегеля яснѣе всего отражаетъ направленіе, или лучше сказать, эту судьбу Гегелева ученія, —превращеніе абсолютнаго идеализма въ идеализмъ реставраціонный. Предисловіе къ этой книгѣ есть только наукообразно-формулированное оправданіе карлсбадской полицейской системы. Она ведетъ полемику противъ всѣхъ тѣхъ, кто позволялъ себѣ имѣть собственный взглядъ на разумность государства и желать, чтобы этотъ взглядъ превратился въ общее желаніе и требованіе; эта полемика выражается въ такихъ словахъ, грубость и ожесточенность которыхъ напоминаетъ одновременныя выходки Штейна противъ людей и ученій, которыхъ онъ даже вовсе не зналъ. Въ представители этого теоретизирующаго и предъявляющаго извѣстныя требованія политика она избираетъ человѣка, котораго не только его характеръ долженъ былъ предохранить отъ всякихъ нападокъ со стороны философіи, но еще тѣмъ болѣе и безусловно то обстоятельство, что онъ уже находился въ подозрѣніи у полиціи. Противъ *Фрисова* ученія были совокупно устремлены всѣ возраженія, которыя Гегель устремлялъ, въ отдѣльныхъ нападкахъ, противъ романтики и просвѣтителей, противъ Якоби и Канта; не только Фрисъ былъ прозванъ «предводителемъ» страшной «бездарности» и «фабулистомъ произвола», вслѣдствіе чего его ученіе представлено въ обезображенномъ видѣ; еще болѣе, философія дѣйствуетъ съ полиціей за одно, и отъ нападокъ и обвиненій переходитъ къ личному доносу и возбужденію начальствующихъ властей. Рѣчь философіи права имѣетъ дѣло не столько съ Фрисомъ, какъ съ философомъ, но и какъ съ Фрисомъ, ораторомъ въ Вартбургѣ; въ точныхъ словахъ высказывается похвала, что «правительства обратили наконецъ вниманіе на такое философствованіе» и вѣроятно, —тамъ же прибавлено, —должность и званіе не сдѣлаются талисманомъ для такого рода началъ, «слѣдствіемъ которыхъ бываетъ разрушеніе столько же внутренней нравственности и частной совѣсти, сколько и общественнаго порядка и государственныхъ законовъ». Рецензентъ философіи права въ «Гальской литературной газетѣ» осуждалъ ея предисловіе за неблагородную манеру преслѣдованія «и безъ того уже удрученнаго Фриса». Гегель назвалъ это доносомъ и находилъ недозволительнымъ, «чтобы прусскій чино-

вникъ былъ заподозрѣнъ въ газетѣ, пользующейся щедротами прусскаго правительства»; онъ говорилъ объ опасностяхъ слишкомъ большой свободы прессы, онъ требовалъ и получилъ удовлетвореніе отъ министра просвѣщенія» (Гегель и его время. Спб. 1861. Извлеченіе изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», стр. 312—313).

Наконецъ, нигилизмъ, по словамъ его противниковъ, есть отрицаніе, — онъ все отрицаетъ безъ разбора. Значитъ, антинигилизмъ есть положеніе и утвержденіе; онъ принимаетъ и отстаиваетъ все безъ разбора; худо ли, хорошо ли принимаемое и отстаиваемое, до этого ему нѣтъ никакого дѣла; онъ отстаиваетъ, что попало, безъ всякаго основанія, а единственно по ненависти и враждѣ къ отрицающему нигилизму. Для изображенія этой стороны антинигилизма стоитъ только перефразировать фразы противниковъ нигилизма. Утвержденіе за утвержденіемъ порождаетъ склонность къ утвержденію, образуетъ навыкъ, и изъ этой склонности, изъ этого навыка, вырастаетъ наконецъ непреодолимая страсть, которая, какъ и всякая страсть, можетъ доходить до степени помѣшательства, теряя всякую опредѣленность и всякій предметъ. Утвержденіе для утвержденія — вотъ сущность этой страсти. Положительное направленіе есть своего рода культъ, — культъ опрокинутый, исполненный внутренняго противорѣчія и безсмыслицы, но тѣмъ не менѣе культъ, который можетъ имѣть своихъ учителей и фанатиковъ. Интересъ положенія, преобладая надъ всѣмъ, влечетъ этихъ фанатиковъ ко всему, что только запечатлѣно положительнымъ характеромъ. Все, что имѣетъ положительный характеръ, есть уже eo ipso непреложный догматъ въ глазахъ сектаторовъ этого культа. Можетъ случиться иногда, что нигилизмъ отрицаетъ то, что въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ отрицанія; но антинигилизмъ отстаиваетъ и это по своей несчастной страсти къ отстаиванью. Вслѣдствіе этого ему часто приходится отстаивать нелѣпыя предразсудки и самыя неблаговидныя пошлости, утверждать то, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ, полагать безсмысленныя фантазіи и выдумки. Да иначе и быть не можетъ; антинигилисты хотятъ отстаивать что нибудь положительное; безъ отстаиванья они жить не могутъ, — это ихъ потребность и страсть. А между тѣмъ, какъ говоритъ «Русскій Вѣстникъ», «нѣтъ ничего труднѣе, какъ найти въ нашей общественной средѣ что нибудь положительное, на чемъ могли бы сойтись между собою люди. Вы не свяжете трехъ человѣкъ въ одно цѣлое на какомъ нибудь положительномъ интересѣ; во всякомъ случаѣ, связь между ними не продержится дол-

го и не окажется плодотворною». Теперь, представьте же себѣ критическое положеніе антинигилистовъ; имъ нужно отстаивать что нибудь положительное, а его-то, какъ на бѣду, и нѣтъ въ общественной средѣ; по неволѣ они бросаются на всякую положительную дрянь, на обвѣтшавшіе и одряхлѣвшіе призраки, на гніющія и заразительныя язвы, — и все это отстаиваютъ съ жаромъ и фанатическимъ усердіемъ. Очень понятно послѣ этого, почему связь между подобными людьми, какъ увѣряетъ «Русскій Вѣстникъ», не окажется «плодотворною», и почему дѣятельность ихъ можетъ быть очень злотворною. Впрочемъ, нечего бояться злотворной дѣятельности этихъ людей; какъ увѣряетъ тотъ же «Русскій Вѣстникъ», «на отрицательномъ всѣ сдружатся, и дѣло закипитъ, на положительномъ же всѣ перессорятся, и дѣло не пойдетъ». Стало быть, пока антинигилисты стоятъ на почвѣ отрицанія, пока они ограничиваются только опроверженіемъ и отрицаніемъ нигилизма, они еще могутъ ужиться какъ нибудь между собою, могутъ дѣйствовать сколько нибудь согласно и безъ междоусобной вражды; но если они примутся за что нибудь положительное, если дѣло коснется ихъ личныхъ интересовъ, если бросятъ имъ кость, они непремѣнно «перессорятся» и передерутся между собою, какъ собаки въ баснѣ Крылова, — за это ручается «Русскій Вѣстникъ». Ручательство его недавно подтвердилось классическимъ опытомъ, и публика уже имѣла удовольствіе наслаждаться комическою междоусобною дракою людей, столкнувшихся на положительномъ реальномъ интересѣ, который заставилъ ихъ забыть свое содружество, свое родство, единство своихъ тенденцій, долженствовавшихъ соединять ихъ крѣпкими и неразрывными узами; но эти узы были разорваны въ угоду положительному интересу. Повторенія подобнаго опыта нужно всегда ожидать отъ людей, отстаивающихъ положительное.

Заключеніе изъ всей этой исторіи литературнаго кризиса выходитъ утѣшительное; въ литературѣ образовался расколъ, но онъ былъ слѣдствіемъ или выраженіемъ развитія, и рано или поздно онъ непремѣнно обнаружился бы. Два элемента, прежде соединявшіеся по недоразумѣнію, теперь отдѣлились одинъ отъ другаго; и прекрасно, ихъ никто не будетъ смѣшивать и они сами не будутъ стѣснять другъ друга совмѣстнымъ жительствомъ.

М. АНТОНОВИЧЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Немного лѣтъ назадъ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Соч. *И. Лажечникова*. Москва.

Когда-то, тому очень давно, г. Лажечниковъ написалъ три историческихъ романа. Публика съ жадностью прочитала эти романы и осталась очень благодарна автору. Послѣ того г. Лажечниковъ долго молчалъ, все собирался подарить публику «Колдуномъ на сухаревой башнѣ» да такъ и не подарилъ; взамѣнъ того, въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ онъ написалъ три, не совсѣмъ удачныхъ, драмы и нѣчто въ родѣ воспоминаній подъ названіемъ: «Черненькіе и бѣленькіе», которые также прошли незамѣтными. Нынѣ онъ является съ новымъ романомъ въ четырехъ частяхъ.

Все это мы припомнили для того, чтобы показать, что г. Лажечниковъ человѣкъ уже не молодой, дѣйствующій въ литературѣ слишкомъ тридцать лѣтъ; а если взять въ соображеніе, что онъ же, до появленія въ свѣтъ «Послѣдняго Новика», написалъ еще воспоминанія о 1812 годѣ, то, пожалуй, наберется и цѣлыхъ сорокъ лѣтъ литературной дѣятельности, большая половина которой сопровождалась замѣчательнымъ блескомъ.

Не смотря на такой многолѣтній періодъ времени, не смотря на то, что въ теченіи этого періода много воды утекло, г. Лажечниковъ всегда оставался вѣренъ самому себѣ, вѣренъ тѣмъ чистымъ и честнымъ убѣжденіямъ, которыя проходятъ сквозь всю его литературную дѣятельность. Пылкій и воспріимчивый юноша двадцатыхъ годовъ, восторженными красками изображавшій любовь пламеннаго старца Волын-

скаго къ цыганкѣ Маріорицѣ, онъ сдѣлался пылкимъ и воспріимчивымъ старцемъ, восторженными красками изображающимъ радость, по поводу разныхъ предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ для блага отечества. Добро и зло, проходившіе мимо него, не оставляли его равнодушнымъ: первое встрѣчало всѣ его симпатіи, второе волновало его. Съ этой стороны, г. Лажечниковъ самая сочувственная молодому поколѣнію личность изъ всей фаланги старыхъ литераторовъ.

Мы не безъ намѣренія начали статью нашу воспоминаніемъ о прошедшей дѣятельности г. Лажечникова, не безъ намѣренія обратились къ его личности. Не въ укоръ будь сказано критикамъ-эстетикамъ, современная русская критика, приступая къ оцѣнкѣ произведеній извѣстнаго писателя, никакъ не можетъ оставаться равнодушною къ его личности или, лучше сказать, къ тому живому нравственному образу, котораго присутствіе слышится въ его произведеніяхъ. Можетъ быть, это отношеніе критики къ автору и не нормальное; можетъ быть, оно и въ самую оцѣнку литературныхъ произведеній вноситъ извѣстную долю пристрастія; можетъ быть, оно даже отвлекаетъ критику отъ прямой ея задачи и уноситъ совсѣмъ въ другую сторону.... все это очень и очень можетъ быть. Но не надо забывать, что и вообще, и во всякое время критика современная не можетъ быть критикою потомства, а тѣмъ менѣе это возможно въ такое тревожное и горячее время, какое мы переживаемъ. Что тамъ ни говорите, а сфера изящнаго точно такъ же слѣдуетъ своимъ историческимъ законамъ, какъ и всякая другая сфера человѣческой дѣятельности; и она подлежитъ историческимъ колебаніямъ, и она фаталистически слѣдуетъ за интересами жизни, и не надъ нею господствуетъ, не ей предлагаетъ готовое содержаніе, но сама у нея это содержаніе вымаливаетъ. Не даромъ же самые рьяные служители такъ называемаго искусства для искусства наперерывъ другъ передъ другомъ стараются заявить, что и имъ не чужды общественные вопросы; не даромъ же, въ настоящее время, ни одинъ романъ, ни одна повѣсть не смѣютъ появиться въ свѣтъ безъ какой-нибудь хоть крошечной, хоть невызрѣвшей соціальной тенденціи: стало быть, иначе нельзя. Но если самъ авторъ считаетъ невозможнымъ не приурочить себя къ тому или другому общественному направленію, если самъ авторъ громко вопіетъ: не смѣшивайте меня вотъ съ такой-то и съ такой-то личностью—я вотъ кто, вотъ мои убѣжденія, вотъ мое нравственное или политическое *я*, то тѣмъ менѣе возможно обойти это обстоятельство критикѣ. Производительныя силы литературы находятся въ тревожномъ и напряженномъ состояніи,— весьма естественно, что эта тревога, эта напряженность охватываетъ и критика. Авторъ стремится показать свѣту все, что у него накопилось на днѣ взволнованной души, а также и все, чего тамъ не накопилось,—

критикъ не имѣетъ ни малѣйшаго права не сказать своего слова объ этомъ накопленномъ и ненакопленномъ; онъ долженъ самому взволнованному автору разъяснить, почему одно накопилось, другое не накопилось. Тревожное время, тревожная литература, тревожная и критика. Конечно, намъ могутъ указать на Шекспира, на Гомера—ну, да куда ужъ тамъ съ Шекспирами, когда мы имѣемъ дѣло съ гг. Тургеневымъ, Гончаровымъ, Писемскимъ и проч. Указывать на Шекспира могъ только Бѣлинскій, да и не потому одному, что время, въ которое онъ жилъ, было время шекспировское и интересы того времени были интересы шекспировскіе, но и потому, что онъ зналъ, какъ указать на Шекспира. Подите-ка, укажите такимъ образомъ, какъ указывалъ Бѣлинскій,—мы послушаемъ.

Слѣдить за личностью автора по его произведеніямъ дѣло очень интересное и поучительное. Иной вотъ такъ и сыплетъ либеральными рѣчами, такъ и надрывается по поводу великихъ общественныхъ болей— и все-то онъ вретъ, все-то онъ съ чужаго голоса раздражается. Критикъ совсѣмъ не знакомъ съ авторомъ лично, а видитъ, однако, что авторъ не своими словами съ публикой бесѣдуетъ — почему онъ видитъ? А потому что въ критикѣ (даже и въ тревожномъ критикѣ) есть тонкое нѣкоторое чутье, которое поражается фальшью самою непримѣтною и заставляетъ его смотрѣть на отношенія автора къ описываемому имъ предмету съ похвальною подозрительностью. Это тонкое чутье въ сильной степени имѣется и въ публикѣ: оно отнюдь не составляетъ монополіи критика. Почему, напримѣръ, такъ скоро потеряла кредитъ такъ называемая обличительная литература? А потому именно, что большая часть обличителей относилась къ дѣлу обличенія неискренно; потому что между обличителями являлись большею частью такія личности, которыя заливаются — заливаются всевозможными либеральными колокольчиками, да вдругъ какъ гикнутъ... ну, и выйдетъ мерзость неестественная! «Эге! да вы гуси!» скажетъ публика и броситъ книжку подъ столъ.

Вотъ этою-то драгоцѣнною искренностью въ замѣчательной степени обладаетъ г. Лажечниковъ. Онъ весь видѣнъ въ своихъ произведеніяхъ; читая его, можно не соглашаться съ его образомъ мыслей, можно даже находить его нѣсколько наивнымъ и отсталымъ, но нельзя не сказать: это писалъ честный человѣкъ; это писалъ человѣкъ, которому нечего скрываться и не для кого рядиться въ шутовскія одежды притворныхъ радостей и своекорыстнаго скороудовлетворяющагося либеральничанья.

Напримѣръ, г. Лажечниковъ вполнѣ увѣренъ, что въ настоящее время Россія представляетъ собой земной рай, — и я вѣрю, что онъ искренно вѣритъ этому. Для него, задачею всей его жизни, раемъ

всѣхъ его помысловъ было уничтоженіе крѣпостнаго права; какъ скоро событіе это совершилось, то вмѣстѣ съ нимъ совершилась вся задача его жизни, вмѣстѣ съ нимъ спустился на землю рай его помысловъ. Онъ начинаетъ писать романъ и, изображая въ немъ горькое недавнее, не только вѣритъ, что это недавнее прошло, но каждой строчкой, каждой буквой такъ и говоритъ читателю: «счастливецъ! ты наслаждаешься!» Описываетъ ли онъ губернатора нерадиваго, губернатора, не чуждаго лихоимства—онъ прощаетъ ему, ибо такихъ губернаторовъ больше нѣтъ. Описываетъ ли онъ городничаго своекорыстнаго, готоваго, изъ угожденія начальству, сдѣлать всевозможное мерзкое дѣло—онъ прощаетъ ему, ибо такихъ городничихъ теперь нѣтъ. У него добро всегда торжествуетъ, а зло наказывается, потому что для него добро разлито въ воздухѣ, добромъ полнится вся земля русская. Онъ пишетъ и умиляется. Про него и про новый его романъ можно сказать то же, что Дантъ сказалъ про кого-то изъ живописцевъ старой итальянской школы: рука, писавшая этотъ романъ, отъ умиленія дрожала.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы исполняемъ нашу обязанность критика по отношенію къ г. Лажечникову весьма неохотно. Намъ хотѣлось бы безусловно сочувствовать автору, намъ хотѣлось бы, чтобы земля русская была преисполнена славою его имени, а вмѣсто того приходится указать на нѣкоторыя ошибки, на нѣкоторыя увлеченія.

Первою ошибкою намъ кажется, что г. Лажечникову вздумалось писать романъ нравоописательный. Быть можетъ, мы и сами ошибаемся, но думаемъ, что такого рода романъ ему не по силамъ. Его на каждомъ шагу смущаютъ старинныя традиціи; онъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ старинныхъ теорій построенія подобныхъ романовъ. Во первыхъ, изображаемыя имъ лица раздѣляются на двѣ половины: на добродѣтельныхъ и плутовъ; добродѣтельные—добродѣтельны сплошь, плуты—плуты сплошь. Этого въ природѣ не бываетъ. Природа благодѣтельна и предусмотрительна: она знаетъ, что если бы злые люди были сплошь злыми, то они не только перекусали бы всѣхъ добрыхъ, но даже пожрали бы самихъ себя. Что бы изъ этого вышло? родъ человѣческій прекратился бы, и вмѣсто радости, которой такъ радуется г. Лажечниковъ, на землѣ царствовало бы безраздѣльное уныніе. Природа этого не хочетъ, и потому злодѣя надѣляетъ нѣкоторыми человѣческими чувствами и слабостями, которыя мѣшаютъ ему пожирать самого себя, а добродѣтельнаго человѣка надѣляетъ нѣкоторыми человѣческими заблужденіями, которыя мѣшаютъ ему обращаться въ жидкость или надоѣдать своею добродѣтелью подобно мухѣ, сующейся и въ носъ, и въ ротъ, и въ глаза. Во вторыхъ, онъ наполнилъ романъ свой секретами, и притомъ секретами столь прозрачными, что чита-

тель приходитъ почти въ озлобленіе. Такъ и хочется сказать всѣмъ этимъ добродѣтельнымъ людямъ, которыхъ надуваютъ злодѣи: «да что же вы, простофили, зѣваете?» но простофили продолжаютъ себѣ зѣвать да зѣвать и поселяютъ въ читателѣ чувство самое мучительное. Это нѣтъ нужды, что читатель навѣрное знаетъ, что подъ конецъ плутни все-таки раскроются: хочется, чтобы онѣ раскрылись поскорѣе, и именно потому хочется, что очень ужь онѣ просты. Завихрись нѣсколько г. Лажечниковъ въ вымыслахъ фантазіи, поведи онъ читателя куда нибудь въ подземелье или даже въ водосточную трубу, какъ сдѣлалъ недавно Викторъ Гюго, читатель остался бы доволенъ; онъ говорилъ бы: что-то изъ этого выйдетъ? какъ-то Вальжанъ вывернется изъ своего анаѳемскаго положенія? Но г. Лажечниковъ въ вымыслахъ фантазіи не завихривается, а потому препятствія, которыми онъ угощаетъ своихъ героевъ въ продолженіи романа, кажутся лишь препятствіями къ скорѣйшему прочтенію романа и не возбуждаютъ тревоги въ читателѣ, но поселяютъ въ немъ скуку. Въ третьихъ, онъ и наружность своихъ героевъ описываетъ какъ-то по старинному. У него если человѣкъ имѣетъ сердце прекрасное, то и наружность его прекрасная; если человѣкъ имѣетъ природу паскудную, то и наружность его паскудная. Не то что, напримѣръ, нынѣшніе психологи-беллетристы: «она, говоритъ, была не красива, но на затылкѣ у нея были три волоска, которые говорили о породѣ и силѣ», или «съ перваго взгляда она не нравилась, даже руки у нея были нѣсколько красны, но когда она смѣялась, то брови ея какъ-то такъ поднимались, что невольно приходило на мысль: а! да ты съ душкомъ!». Вотъ такъ пишите, г. Лажечниковъ, и мы скажемъ, что вы тоже писатель съ душкомъ, а то для добродѣтельныхъ черные волоса съ синимъ отливомъ и темнокаріе глаза, а для злодѣевъ — бѣсовскіе взгляды и носы въ видѣ пуговицъ! Вспомните Лермонтовскаго демона, г. Лажечниковъ; ужь на что, кажется, ядовитѣе и безнравственнѣе — а какой красавецъ!

Все это дѣлаетъ романъ г. Лажечникова нѣсколько вялымъ, и, главное, мѣшаетъ высказаться лучшему его качеству — искренности, которая, хотя и проглядываетъ мелькомъ, но остается на второмъ планѣ. Пиши г. Лажечниковъ свои мемуары, онъ не былъ бы стѣсненъ ни Патокиными, ни Опенкиными, ни Изумрудными Крестиками: онъ имѣлъ бы дѣло съ одною искренностью и, конечно, доставилъ бы читателямъ чтеніе занимательное, а не обременительное.

Но разскажемъ самое содержаніе романа.

Мы въ уѣздномъ городѣ Луковкахъ; передъ нами богатое купеческое семейство Патокиныхъ. Патокины давніе купцы въ Луковкахъ, а фамилія ихъ очень уважается; отецъ того Патокина, кото-

рый дѣйствуетъ въ романѣ г. Лажечникова былъ прозванъ даже Патокинымъ-королемъ, — прозвище, которое, какъ извѣстно, выражаетъ въ нашихъ городахъ и высшую награду, и высшую лесть. Патокинъ—отецъ былъ человѣкъ мало образованный, но «щедрые дары природы: бойкій, свѣтлый умъ и необыкновенная энергія—вознаграждали его за недостатокъ образованія». Характера онъ былъ необыкновенно твердаго, но «подъ этою наружною броней билось сердце, готовое на всякое добро и помощь ближнему». Англичане про него говорили: такой негоціантъ сдѣлалъ бы честь нашему отечеству. Русскіе царедворцы стараго времени не гнушались его мнѣніями. «Не разъ приглашаемъ онъ былъ высокимъ административнымъ лицомъ на совѣщанія по дѣламъ внутренней и внѣшней торговли, и не разъ принимались его мнѣнія, не смотря на шероховатость его рѣчи, которую не простили бы другому». Ничего изъ этого, однакожь, не вышло; Патокину прощали шероховатость рѣчи, а дѣлъ внутренней и внѣшней торговли не поправляли.

Итакъ, Патокинъ-король обладалъ свѣтлымъ умомъ, энергическимъ характеромъ, чувствительнымъ сердцемъ и шероховатостью рѣчи. Повидимому, въ старые годы такихъ энергическихъ характеровъ было великое множество; по крайней мѣрѣ, стариннаго покроя романы то и дѣло изображаютъ передъ нами, то премудрыхъ бурмистровъ, то вдохновенныхъ купцовъ, то даже простыхъ крестьянъ, одаренныхъ «щедрыми дарами природы». Повидимому, и царедворцы внимали имъ: «садись, братъ, потолкуемъ!» говорили они, и, по окончаніи разговоровъ, жаловали собесѣдниковъ своихъ рюмкой водки. Однако дѣло не спорилось—отчего это? Мы думаемъ, что это происходило отъ того, что стариннымъ нашимъ царедворцамъ во всѣхъ этихъ «сынахъ природы» не столько нравились «щедрые дары природы», сколько шероховатость рѣчи, а преимущественно «толстые инвалидные бумажники», которыми они обладали. Пріѣдетъ въ Петербургъ сынъ природы, покажетъ толстый инвалидный бумажникъ—отчего же не дать ему и погрубить малую толику? Можно. Тѣмъ болѣе можно, что за этимъ наружнымъ грубіянствомъ всегда скрывалась внутренняя улыбка; «дѣти природы» грубили на томъ же самомъ основаніи, на какомъ старикъ Державинъ «истину царямъ съ улыбкой говорилъ». Это было зрѣлище не только не огорчающее, но даже увеселяющее; все равно, какъ если бъ явился какой нибудь grognon медвѣдь, который сталъ бы доказывать, что медвѣжью породу не истреблять слѣдуетъ, а напротивъ того, поощрять и награждать. Разумѣется, ради чудодѣйственности факта, его выслушали бы, а породу медвѣжью все-таки продолжали бы истреблять.

И еще на цѣлый рядъ мыслей наводятъ насъ эти премудрые бур-

мистры, вдохновенные купцы и одаренные щедрыми дарами природы поселяне. Всѣ они, по общему сознанію ихъ изобразителей, люди, замѣняющіе образованіе шероховатостью рѣчи. Обладая умомъ сообразительнымъ и въ высшей степени практическимъ, они полагаютъ, что это качество дѣлаетъ образованіе совершенно ненужною и лишнею вещью. Такого рода самомнѣніе свойственно почти всѣмъ людямъ русскаго міра; по крайней мѣрѣ, мы встрѣчаемъ его не только въ мудрыхъ бурмистрахъ и вдохновенныхъ мѣщанахъ, но даже въ мудрыхъ и вдохновенныхъ администраторахъ. По мнѣнію этихъ администраторовъ, наука — вздоръ, человѣческій опытъ — пустяки, исторія — рядъ засоряющихъ глаза человѣческихъ заблужденій. Отъ этого происходитъ множество самыхъ пагубныхъ послѣдствій; во-первыхъ, самомнѣніе и непосредственно слѣдующій за нимъ (когда опытъ докажетъ, что это самомнѣніе ни на чемъ не основанное) упадокъ силъ; во-вторыхъ, появленіе изобрѣтеній давно уже изобрѣтенныхъ, открытій давно уже открытыхъ, новыхъ истинъ давно уже сдѣлавшихся старыми. Представьте себѣ, что нѣкоторый вдохновенный администраторъ изобрѣтаетъ табличку умноженія; правда, онъ дошелъ до этого собственнымъ умомъ, правда также, что это не позволяетъ сомнѣваться, что онъ дѣйствительно одаренъ «щедрыми дарами природы», но вѣдь табличка умноженія уже изобрѣтена давно, вѣдь она уже составляетъ математическую азбуку... Администратору докладываютъ это, но онъ не приходитъ въ отчаяніе, онъ съ новымъ рвеніемъ шествуетъ по пути изобрѣтеній, и изобрѣтаетъ... теорію уравненій, которая также давно изобрѣтена. И такимъ образомъ проходитъ вся жизнь этихъ талантливыхъ людей, замѣнившихъ образованіе — шероховатостью рѣчи, а науку — глазомѣромъ и сметкою. Мы думаемъ даже, что здѣсь заключается дѣйствительная причина того, что на Руси такъ много мудрыхъ бурмистровъ, которые занимаются отыскиваніемъ perpetuum mobile и квадратуры круга. Повсюду либо азбучность дѣтская, до того дѣтская, что на нее и смотрѣть-то иначе нельзя, какъ съ точки зрѣнія «диковинки», либо самая непроходимая астрологія и алхимія.

Къ такому-то разряду людей принадлежалъ и король-Патокинъ. Сметка и глазомѣръ не мѣшали ему дѣлать страшныя глупости. Во-первыхъ, онъ грубилъ-грубилъ да и догрубился наконецъ до того, что его куда-то сослали за грубости. Спасъ его отъ этого какой-то «старичекъ со звѣздою»; но послѣдствія этого происшествія были тяжкія: жена короля-Патокина лишилась разсудка; «голова ея начала трястись, мутные глаза часто останавливались на одномъ предметѣ; она помѣшалась на старичкѣ со звѣздой». Съ тѣхъ поръ, когда при ней упоминали о какомъ нибудь дурномъ человѣкѣ, она говорила:

«Богъ его убьетъ; не придетъ старичекъ со звѣздой спасти его», когда же разсказывали о человѣкѣ добромъ, но несчастномъ, она не упускала прибавлять: «молите Бога, чтобы старичекъ со звѣздой пришелъ къ нему на помощь». Вообще описаніе этого происшествія есть драгоцѣннѣйшій перлъ старой до-рафаэлевской манеры. Тутъ вы увидите и дѣтей, ломающихъ руки, и почтенныхъ дамъ, трущихъ виски и обливающихъ водой... Вы знаете, что все это давно уже изобрѣтено Сумароковымъ, Херасковымъ и Карамзинымъ, но г. Лажечниковъ не знаетъ этого и думаетъ, что изобрѣлъ все самъ.

Во-вторыхъ, Патокинъ даетъ своему сыну самое нелѣпое воспитаніе. Ѣздивши, какъ говоритъ авторъ, «на собственномъ суденышкѣ въ Англію и наглядѣвшись на тамошній людъ, онъ смекнулъ здоровымъ умомъ, что наука не только не мѣшаетъ наживать деньгу, но еще находитъ для тѣхъ, кто умѣетъ пользоваться ею, новые источники богатства». На этомъ основаніи отдаетъ онъ своего сына въ науку сначала къ нѣкоторому Карлу Карлычу, который однако его изъ пансіона своего выгоняетъ (разумѣется по несправедливостямъ, ибо, по теоріи г. Лажечникова, добродѣтельный человѣкъ, отъ чрева матери, долженъ терпѣть несправедливости, пока, наконецъ, кротостью и терпѣніемъ не препобѣдитъ ихъ), а потомъ къ помѣщику Стародубову. Этого Стародубова Патокинъ-король знаетъ за величайшаго дурака и безпутнаго малаго, но за всѣмъ тѣмъ отдаетъ его сына потому только, что у Стародубова жена разумница. Разумѣется, плоды являются горькіе; юный Сережа «усвоиваетъ себѣ манеры сына богатаго русскаго дворянина», т. е. заводитъ свой смычекъ гончихъ и слушаетъ «соблазнительныя рѣчи о крѣпостныхъ Парашкахъ и Матрешкахъ». Патокинъ-король узнаетъ объ этомъ и, по энергичности своего характера, тотчасъ же отправляетъ сына доучиваться въ Англію, гдѣ онъ и остается въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но стародубовская школа уже сдѣлала свое дѣло, и Сережа на всю жизнь остается въ какомъ-то колеблющемся положеніи: съ одной стороны одолѣваетъ стародубовское направленіе, съ другой стороны надоѣдаетъ направленіе англійское.

Старикъ Патокинъ умираетъ, какъ и всѣ вообще Патокины, т. е. окруженный наемниками, которые крадутъ у него изъ подъ подушки двадцать пять тысячъ рублей. Наемники эти, Алешка и Елизаръ Опенкинъ, которые, для совершенія этого дѣла, поджигаютъ хозяйскій домъ, кроткимъ манеромъ умерщвляютъ старика Патокина, но не успѣваютъ задушить безумную жену его, а только накидываютъ на нее подушку.

Начало романа застаетъ семейство Патокиныхъ въ слѣдующемъ положеніи: Патокинъ-король умеръ, но послѣ него остается безумная

жена его, та самая, которая глядитъ на все мутными глазами, и въ важныхъ оказіяхъ кричитъ: «старичекъ со звѣздой». Молодой Патокинъ ужь женатъ, жена у него добрая и прекрасная дама, но вспыльчивая и самолюбивая, хотя все самолюбіе ея выражается единственно въ глумленіи надъ мерзавцемъ Опенкинымъ, да въ томъ, что она сына своего хочетъ женить на генеральской дочери. Разумѣется, что она имѣетъ столь же прекрасную наружность, сколько и прекрасную душу; за ней даже сильно ухаживалъ въ Москвѣ добродѣтельный генералъ Огрызковъ, и когда она ему на отрѣзъ сказала, что, кромѣ дружбы — ничего, то генералъ не только не огорчился, но даже почувствовалъ къ ней уваженіе.

Самъ Сергѣй Семенычъ Патокинъ нѣчто въ родѣ кисляя, непрестанно колеблющагося между стародубовскимъ и англійскимъ направленіемъ; еслибъ онъ зналъ, что можетъ существовать еще направленіе «Русскаго Вѣстника», составляющее именно середину между англійскимъ и стародубовскимъ, онъ, разумѣется, успокоился бы. Но «Русскаго Вѣстника» тогда не было, и онъ поневолѣ находится между Опенкинымъ, который его надуваетъ самымъ грубѣйшимъ и постыднѣйшимъ образомъ, и честнымъ Джонсомъ, который хочетъ сказать хозяину о продѣлкахъ Опенкина, однако не говоритъ (да почему-жь ты не говоришь-то? мучительно спрашиваетъ читатель).

Джонсъ добродѣтельный, и потому имѣетъ наружность привлекательную и мужественную. «Онъ высокій мужчина, среднихъ лѣтъ, и, по атлетическому сложенію своему, готовъ, кажется, поддержать на плечахъ своихъ тяжелый дубъ, который свалила бы на него буря (есть время бурѣ производить опыты надъ плечами Джонсовъ!). Румянецъ играетъ на загорѣломъ, открытомъ его лицѣ. Волны бѣлокурыхъ его волосъ падаютъ почти до плечъ (это у машиниста-то!). Полный подбородокъ утопаетъ въ бѣломъ батистовомъ платкѣ съ пышнымъ бантомъ. Косматая грудь видна сквозь разрѣзъ рубашки тонкаго полотна».

Напротивъ того, Опенкинъ—подлѣйшая тварь, а потому и наружность имѣетъ подлѣйшую. Онъ «приходится Джону подъ—мышку, тощъ, тщедушенъ, истертъ невзгодами жизни. Порывъ вѣтра могъ бы повалить его; въ лицѣ ни кровинки, глаза косятъ. Глаза эти кажутся то сѣрыми, то желтыми съ темными крапинками; взглядъ его какъ бы двойственный: одинъ наружный, мягкій, другой—бѣсовскій, внутренній, выглядывающій изъ за него. Ноги его—тощи, какъ жерди».

Сверхъ этого у Патокина есть сынъ Владиміръ, который замѣчателенъ тѣмъ, что однажды его вывели изъ «благороднаго» собранія за то, что онъ сынъ купца, а онъ рѣшается смыть съ себя это пятно

и съ этою цѣлью опредѣляется въ военную службу. Кромѣ того у него есть пріемная дочь Дуня — Изумрудный Крестикъ (одно названіе чего стоитъ!), которая добродѣтельна и потому тоже прекрасна.

Мать и жена Патокина, а также Джонсъ, Володя и Дуня—Изумрудный Крестикъ представляютъ собой начало добра, Опенкинъ и сынъ его, а также тесть Опенкина представляютъ начало зла. И все это группируется около Сергѣя Семеныча Патокина, который сибаритствуетъ—себѣ, взирая, какъ добро борется со зломъ. Напрасно жена Патокина увѣряетъ мужа, что Опенкинъ воръ, напрасно безумная мать его, при видѣ Опенкина, «выпрямляется и грозитъ на него»:

«—Злодѣй!.. пожаръ... укралъ много у моего друга... старичокъ со звѣздой мнѣ сказалъ... въ аду сгоришь! говоритъ старушка.

Но Патокинъ Сережа ничего не понимаетъ и продолжаетъ все больше ввѣряться мерзавцу Опенкину на томъ, вѣроятно, основаніи, что есть въ мірѣ добро и есть въ мірѣ зло; добро и зло должны бороться, а онъ, Патокинъ, долженъ на эту борьбу смотрѣть, какъ на пріятное театральное представленіе.

Само собою разумѣется, что Дуня любитъ Володю и на оборотъ; разумѣется также, что самолюбивая мать Володи сначала не соглашается на бракъ его съ Дуней, а потомъ соглашается. И еще разумѣется, что Дуня оказывается дочерью благородныхъ родителей и подъ конецъ, открываетъ своихъ родственниковъ, которые весьма раскаиваются. Дуня эта выражается самымъ отборнымъ образомъ; она занимается леченіемъ бѣдныхъ и много имъ помогаетъ;она учитъ бѣдныхъ дѣтей грамотѣ и называетъ Джонса, по уши въ нее влюбленнаго, не иначе, какъ «мой старшій братъ»; вообще эта дѣвчонка смѣшная и глупая, не потому чтобы глупо и смѣшно было учить дѣтей и помогать бѣднымъ, а потому что она носится со всѣмъ этимъ, какъ неотвязная муха, и самыя обыкновенныя вещи дѣлаетъ, словно таинство какое совершаетъ.

Между этими-то лицами завязывается драма, драма сама по себѣ очень незамысловатая, но затрудняемая различными пустяками. По этому мы драмы этой разсказывать не будемъ. Скажемъ только, что подъ конецъ Сергѣй Патокинъ дѣлается совершеннымъ банкротомъ, а имѣніемъ его завладѣваетъ Опенкинъ, что все это не мѣшаетъ Володѣ и Дунѣ сочетаться законнымъ бракомъ, что Алешка, укравшій съ Опенкинымъ двадцать пять тысячъ рублей, отыскивается подъ именемъ лакея Румянцова и во всемъ сознается, и что Опенкинъ прекращаетъ свою жизнь самоубійствомъ.

Кромѣ этого, въ романѣ есть нѣсколько эпизодовъ. Есть эпизодъ о благонамѣренномъ губернаторѣ, котораго авторъ описываетъ такъ:

«Богатство, конечно, не есть достоинство; честность, въ борьбѣ съ бѣдностію, выходящая побѣдительницей изъ этой борьбы, возвышаетъ болѣе личность человѣка, нежели честность того, которому стоитъ только пожелать, чтобы имѣть. Но надо и это приписать къ достоинствамъ графа, что богатство не испортило его. *Человѣкомъ* онъ былъ прежде, чѣмъ сдѣлался губернаторомъ, и сдѣлавшись губернаторомъ, остался *человѣкомъ*. Онъ не добивался этого мѣста; ему предложили его. Онъ принялъ мѣсто не для того, чтобы стать выше другихъ (онъ не былъ ниже ихъ и прежде), а для того, чтобы стать въ ряду людей, истинно полезныхъ своему отечеству, и заплатить ему свой долгъ. Властью, которую получилъ, онъ ничего не пріобрѣталъ, кромѣ большаго круга для своей дѣятельности и власти дѣлать добро, котораго онъ не могъ дѣлать прежде. Мѣсто это не возвышало его ни въ глазахъ другихъ, ни въ собственныхъ глазахъ, какъ это бываетъ съ ничтожными людьми, которые изъ пресмыкающихся, угождающихъ и добивающихся власти стараются, получивъ ее, вдругъ вознаградить себя на другихъ за долготерпѣніе и униженіе. Не имѣя нужды ломать голову о пріобрѣтеніяхъ, онъ могъ употребить всѣ свои труды, всѣ помыслы единственно на исполненіе своихъ обязанностей.

«Графъ даже съ мелкими чиновниками обращался вѣжливо и никогда не позволялъ себѣ нарушать общественнаго приличія въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ, даже обвиненнымъ... Не гремѣлъ онъ возгласами противъ взяточничества, не произносилъ изрѣченій о долгѣ и чести, которыя можно найдти даже въ любой прописи, но имѣлъ особенный тактъ заставить зло спрятаться или притаиться въ своихъ норахъ, а это ужь большой шагъ впередъ на пути служебнаго прогресса. Все это безъ шума, безъ крика, безъ письменныхъ выговоровъ, къ которымъ такъ привыкли начальствующія лица, а подчиненные такъ приглядѣлись, какъ будто бы ихъ подчивали каждую почту по ложкѣ микстуры... Проглотятъ, поморщатся, махнутъ рукой и опять примутся за прежнія продѣлки до новой ложки. Всякій проситель, кто бы онъ ни былъ, дворянинъ, купецъ, крестьянинъ, имѣлъ къ нему скорый доступъ. Онъ не *конфузился* въ минуты трудныхъ обстоятельствъ, и отстаивалъ спокойно и энергически правое дѣло и правыхъ людей, хотя бы громы надъ нимъ гремѣли. Форма для графа мало значила, онъ смотрѣлъ на дѣло. Въ своихъ сношеніяхъ съ низшими мѣстами и лицами онъ не предписывалъ строжайше, а *просилъ*; но знали эти мѣста и лица, что просьба его важнѣе всѣхъ строжайшихъ предписаній. Его боялись, хотя и не былъ онъ грозенъ по наружности. Знали, что его нельзя подкупить ни лестью, ни угожденіями, ни даже точнымъ исполненіемъ формальностей, но знали также, что человѣкъ, сдѣлавшійся ему извѣстнымъ безчестнымъ поступкомъ, не получитъ пощады, хотя бъ за него были исправное веденіе дѣлопроизводства и покровительство всѣхъ сильныхъ міра сего. Честныхъ, благородныхъ сослуживцевъ, какъ онъ называлъ ихъ, отличалъ особеннымъ своимъ вниманіемъ, публично выражаемымъ. Графъ подавалъ

свою чистую руку такимъ людямъ, хоть бы они не считались выше 10-го класса, и приглашалъ ихъ на свои торжественные обѣды, между тѣмъ какъ на этихъ обѣдахъ не видать было иного статскаго совѣтника. Разсказываютъ, что жена одного дивизіоннаго генерала, женщина очаровательная во всѣхъ отношеніяхъ, узнавъ, что не приглашонъ на такой обѣдъ совѣтникъ какой-то палаты, покровительствуемый ею за то, что должна ему была, и за то, что онъ составлялъ почти ежедневную карточную партію съ ея мужемъ, умоляла графа обратить гнѣвъ на милость и снять опалу съ ея protégé. Графъ, хотя и поклонникъ прекраснаго пола, объявилъ генеральшѣ, что онъ готовъ все для нея сдѣлать, но отступиться отъ своихъ правилъ не можетъ. Онъ умѣлъ окружить себя избранными людьми, честными и дѣльными, большею частію университетскими кандидатами, хотя и не съ великосвѣтскими манерами и аристократическими именами. Небольшіе оклады ихъ онъ щедро дополнялъ изъ своего жалованья, въ которомъ только росписывался. Достойнѣйшихъ старался онъ возвысить и по служебной іерархіи.»

Есть эпизодъ о губернаторѣ лукавомъ, котораго г. Лажечниковъ описываетъ такъ:

«Послышался звонокъ, за тѣмъ суровый голосъ изъ кабинета: «Луковскаго голову»!

«Патокинъ вошолъ.

«Начальникъ сидѣлъ въ креслахъ, у письменнаго стола, противъ двери, подъ портретомъ современнаго министра и еще какого-то знатнаго господина. Портретъ бывшаго министра былъ удаленъ на болѣе скромное мѣсто.

«Онъ не могъ не видѣть прихода Патокина, но, для вящшаго эффекта, углубился въ писаніе, бросая на бумагу дикіе взгляды, которые должны были отпрыгнуть на сердце головы.

«Жосткія черты шафраннаго лица, жосткіе волосы, вставшіе щоткой, злой взглядъ—все это уже было знакомо Патокину. Пробѣгая про себя написанныя строки, онъ непріятно чмокалъ губами. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ Патокинъ осмѣлился прервать молчаніе.

«— Честь имѣю явиться, луковскій голова,—сказалъ онъ.

«— Слышу и вижу,—отвѣчалъ сурово начальникъ и насупилъ юпитеровскія брови.

«— Скажи мнѣ, пожалуйста, —продолжалъ онъ, когда достаточно потомилъ своимъ взглядомъ Сергѣя Семеновича, будто кошка свою крылатую жертву, пока не бросится на нее и не вонзитъ въ нее своихъ когтей:—что у тебя за исторія на фабрикѣ? Ты держишь у себя безпаспортныхъ людей. Знаешь ли, чѣмъ это пахнетъ? Восточнымъ воздухомъ, сударь. Не посмотрятъ, что на тебѣ навѣшаны медали и крестъ.

«— Всѣ люди, которыхъ я имѣю на фабрикѣ,—отвѣчалъ Патокинъ,—снабжены законными видами.

«— Такъ-съ, законными?... писанными на простой бумагѣ? Это явный подрывъ государственнымъ доходамъ.

«— Законъ дозволяетъ помѣщикамъ выдавать такіе виды своимъ людямъ, отпускаемымъ въ заработки на тридцативерстное разстояніе.

«— Землемѣръ нашолъ слишкомъ 32 версты.

«— Мы не имѣемъ возможности повѣрять разстоянія и должны вѣрить помѣщикамъ.

«— Хорошо, мы увидимъ. Законъ впереди всего. Я ничего тутъ не могу одинъ, своимъ лицомъ; есть на то коллегія... Завтра рѣшеніе состоится; тебѣ объявятъ. До свиданія.

«Начальникъ кивнулъ и сталъ опять писать.

«Патокинъ поклонился и вышелъ.

Есть еще эпизодъ о лукавомъ городничемъ, о лукавой губернаторшѣ и о нѣкоторой легкаго поведенія дамѣ, г-жѣ Можайской. Все это представляетъ положительно—дѣтское упражненіе.

Изъ этого читатель видитъ, что мы не можемъ сказать ничего особеннаго о новомъ романѣ г. Лажечникова, кромѣ того, что авторъ одушевленъ прекрасными намѣреніями.

Мы надѣемся, что авторъ ни посѣтуетъ на насъ за эту откровенность.

Онъ простилъ лукаваго губернатора, онъ простилъ лукаваго городничаго. Онъ проститъ и насъ.

Кремуцій Кордъ. Соч. *Н. Костомарова.* Спб. 1862 г.

Сочиненіе г. Костомарова не принадлежитъ къ той тѣсной области искусства, которая называется беллетристикою. Это просто сдѣланное въ драматической формѣ историческое изслѣдованіе царствованія римскаго императора Тиверія, который довелъ тираннію до той степени утонченности и подозрительности, что даже напоминаніе о старомъ Римѣ считалъ личнымъ оскорбленіемъ, могущимъ привести къ невыгоднымъ для него сравненіямъ. Въ этомъ смыслѣ, трудъ, предпринятый г. Костомаровымъ, исполненъ имъ весьма добросовѣстно. Историкъ Кремуцій Кордъ обвиняется въ томъ, что въ сочиненіи своемъ «Анналы Римской Республики» написалъ похвалы Бруту и, говоря о Кассіѣ, употребилъ выраженіе, что онъ былъ послѣднимъ изъ римлянъ. Отыскиваются наемные обвинители; жертва заранѣе облюбована и заранѣе обречена, но Тиверій хочетъ, чтобы она была обречена на законномъ основаніи. Напрасно Кремуцій Кордъ оправдывается примѣрами Тита Ливія, Азинія Павліона, Мессалы Корвина, которые тоже называли Брута и Кассія «людьми знаменитыми»; напрасно говоритъ, что онъ историкъ, только историкъ, а не поли-

тическій человѣкъ, — сенатъ осуждаетъ его на безсрочное тюремное заключеніе. Кремуцій Кордъ не выноситъ этого и предпочитаетъ смерть неволѣ; онъ отказывается отъ пищи и на десятый день испускаетъ дыханіе, произнося: «скажите Тиверію, что исторія отомститъ за историка».

Но дѣло не въ фактѣ, на которомъ построена драма, дѣло въ подробностяхъ, рисующихъ римскую жизнь того времени. Вотъ какъ изображаетъ тогдашнюю правительственную тактику любимецъ Тиверія, Сеянъ, обращаясь къ Юнію Вибію, явившемуся съ доносомъ на своего отца, которымъ этотъ послѣдній обвинялся въ заочномъ оскорбленіи Сеяна:

«Ужасныя, потрясающія душу клеветы достойны, безъ сомнѣнія, примѣрнаго наказанія. Я долженъ представить твой доносъ цезарю. Но, восхваляя твое усердіе, мой другъ, я не могу воздержаться, чтобъ не сдѣлать тебѣ упрека. Ты сдѣлалъ примѣрное дѣло, не жалѣя и роднаго отца для блага отечества, но... ты наполнилъ грудь мою тоскою. Я не мстителенъ отъ природы и склоненъ болѣе простить отца твоего, чѣмъ преслѣдовать; но, къ-несчастію, дѣло, касаясь меня, касается цѣлаго отечества, и тяжелый долгъ заставляетъ меня подавить врожденную наклонность—забывать обиды. Впрочемъ, я все-таки постараюсь облегчить своею просьбою у государя участь отца твоего (*Обращается къ Сатрію* (*). Похвально служеніе музамъ, а еще похвальнѣе, когда съ нимъ соединяется служеніе отечеству. Римъ полонъ разврата, лихоимства и тайныхъ замысловъ противъ общественнаго порядка. Искоренять плевелы есть дѣло достойное каждаго вѣрнаго сына отечества,—также и поэта. Видишь ли, каковъ Вибій? Для цезаря и отечества онъ не пожалѣлъ и отца родного: вотъ примѣръ, который я поставлю для подражанія всѣмъ молодымъ гражданамъ Рима. Ты—поэтъ, бываешь въ кругу поэтовъ, ученыхъ, софистовъ; между ними много злонамѣренныхъ; будучи незамѣчаемы правосудіемъ, они втайнѣ, какъ змѣи, извергаютъ ядъ своихъ мнѣній; обнаруживать ихъ заранѣе и лишать возможности причинять дальнѣйшій вредъ обществу, есть дѣло важное и спасительное. *(Обращается къ Пинарію)* Ты—историкъ, и часто бываешь, конечно, между своими собратьями; къ-сожалѣнію, они мало оправдываютъ покровительство, оказываемое императоромъ искусствамъ и ихъ служителямъ. Напримѣръ, мнѣ попадается въ руки исторія, подъ названіемъ—Анналы Римской Республики, Кремуція Корда... просто, вещь возмутительная! Авторъ хвалитъ злодѣя Брута и называетъ убійцу цезаря божественнаго Юлія—Кассія—послѣднимъ изъ Римлянъ!

(*) Дѣло происходитъ въ присутствіи поэта Сатрія, пришедшаго къ Сеяну съ тетратью поздравительныхъ стиховъ, и историка Пинарія Натты, котораго обязанности заключаются въ передѣлкѣ римской исторіи такъ, чтобъ она не оскорбляла ни Тиверія, ни Сеяна. *Прим. ред.*

Каково?! Да за это одно слѣдовало бы отрубить руку, которая осмѣлилась написать подобныя выраженія! Вся эта исторія, съ начала до конца, наполнена—если не явно-преступными, то двусмысленными выраженіями и неумѣстными похвалами прежней свободѣ, а слѣдовательно—неблагорасположеніемъ къ настоящему порядку вещей. Цезарь не любитъ этихъ возгласовъ о свободѣ и правахъ гражданскихъ, о славѣ стараго Рима, подъ которыми обыкновенно стараются укрыть возбужденія къ необузданности и безначалію. Безъ сомнѣнія, за подобныя выходки, Кремуцію Корда слѣдовало бы предать суду сената. Злодѣй, котораго преступныя намѣренія невполнѣ раскрыты, получитъ ничтожное наказаніе и—станетъ еще дерзновеннѣе. Справедливость требуетъ, чтобы всѣ тайные замыслы неблагонамѣреннаго человѣка были обнаружены, дабы можно было истребить, такъ-сказать, самый сокъ зла. Безъ сомнѣнія, если Кремуцій Кордъ, дерзнувъ написать подобныя строки въ своей исторіи, нагло похвалилъ убійцъ Юлія Цезаря, то конечно питалъ злобу къ императору и существующему порядку вещей. Надобно доказать это яснѣе. Императоръ желалъ бы, чтобъ вся тайна души этого зловреднаго человѣка была обнаружена... разумѣется, сообразно строгой истинѣ и нимало не примѣшивая клеветы, которая наказывается болѣе всѣхъ преступленій.»

А вотъ какъ самъ Тиверій отзывается объ отношеніяхъ своихъ къ власти и ея наслажденіямъ.

«Видѣть глупость цѣлаго народа, глупость тысячей, чувствовать себя выше ихъ и умнѣе... да!.. Я преслѣдую благороднаго человѣка и увѣряю всѣхъ, что онъ негодяй,—и всѣ вѣрятъ этому и величаютъ меня добродѣтельнѣйшимъ и справедливѣйшимъ. Ты неразъ упрекалъ меня, зачѣмъ я слишкомъ много даю воли сенату, зачѣмъ оставляю слѣды старой республики; ты даже совѣтовалъ мнѣ—съ помощію войска утвердить самовластіе. Ахъ, Сеянъ! Ты знаешь, что пріятнѣе приготовляться къ наслажденію Венерою, нежели тогда, когда уже насытишь страсть свою; пріятнѣе ловить звѣря на охотѣ, чѣмъ поймать его... Только голодный пролетарій—волкъ, поймавъ добычу, съѣдаетъ ее; благородный тигръ, прежде чѣмъ задушитъ ее, потѣшится надъ нею, выпуститъ ее изъ лапъ, будто даетъ ей свободу, но потомъ бросится за нею, и опять накроетъ убійственною лапою. Я не хочу сразу уничтожить свободы Рима: я люблю—уничтожать ее! Эти проблески сопротивленія моей власти, эти порывы пылкихъ душъ, легко уничтожаемые доносами и раболѣпнымъ судомъ—какъ это мнѣ нравится! Здѣсь есть какая-то борьба, въ которой я чувствую себя побѣдителемъ. Мое положеніе подобно положенію страстнаго игрока, которому всегда везетъ счастье въ игрѣ... А стая доносчиковъ, которые мнѣ служатъ, стараются отличиться подлостью, а потомъ нерѣдко губятъ самихъ-себя тѣмъ же оружіемъ,—ахъ, какъ это весело, какъ это забавно! Римскій народъ глупѣетъ, подлѣетъ, самъ того не замѣчая;—одинъ я это замѣчаю; одинъ я разумѣю, что благородно, что низко;

одинъ я уважаю тѣхъ, которыхъ преслѣдую, и презираю тѣхъ, которымъ благодѣтельствую; я чувствую, что я выше всѣхъ, потому что вижу истину, обманываю всѣхъ и имѣю право смѣяться надъ всѣми. Уже въ Римѣ мало остается благороднаго и высокаго:—я начинаю стравливать доносчиковъ между собою; а когда эти собаки перегрызутся и заѣдятъ другъ друга,—я отпущу узду своей власти, дамъ Римлянамъ подышать свободнѣе, начну покровительствовать литературу, любовь къ истинѣ, для того, чтобы снова явились люди, а не безсмысленные скоты, для того, чтобы снова было кого истреблять. Это—охота...»

Трудно повѣрить, чтобы могли быть такія времена! А между тѣмъ, они были: въ томъ убѣждаетъ насъ лѣтопись Тацита.

Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. Воспитанница Сара. *А. Вельтмана.* Москва.

Болтливость, да еще старческая болтливость—вотъ порокъ, котораго не могутъ искупить никакія добродѣтели, потому что въ болтливости скрывается ложь, а ложь, какъ извѣстно, есть мать всѣхъ пороковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вамъ случалось встрѣчать, благосклонный читатель, такъ называемыхъ «любезныхъ старичковъ», которые и молодыми людьми были любезны, и въ пожилыхъ лѣтахъ были любезны, и въ старости считаютъ себя обязанными быть любезными, то, конечно, вы испытывали на себѣ тяжелое впечатлѣніе, производимое тою болтливою распущенностью, въ которой преимущественно проявляется утонченная старческая любезность. Вы чувствуете, что тутъ есть какое-то ярмо, нѣчто въ родѣ крѣпостной зависимости; вы чувствуете, что стоящій передъ вами «старичокъ», хотя и мнитъ себя свободнымъ, но въ сущности далеко не свободенъ, что каждый шагъ его связанъ фантомомъ любезности, что если онъ безъ умолку болтаетъ, то не потому, чтобы ему было о чемъ болтать, а потому только, что онъ прежде всего связанъ желаніемъ «нравиться» и «занимать». Грибоѣдовъ мастерски воспроизвелъ этотъ типъ въ своемъ безсмертномъ Репетиловѣ. Это совсѣмъ не преднамѣренный лгунъ, не хвастунишка по профессіи; это просто любезный человѣкъ, который потому и лжетъ и хвастается, что ужь очень любезенъ. Это просто человѣкъ, который не хочетъ, чтобы объ немъ отзывались, что онъ «скучный», и что «не знаешь, чѣмъ его занять», и который, напротивъ, всѣми силами добивается, чтобы каждый хозяинъ или хозяйка дома, въ которомъ онъ имѣетъ честь быть гостемъ, говорили объ немъ: «мы, мсьё Репетилова не занимаемъ! мы знаемъ, что онъ и самъ найдетъ, чѣмъ занять себя!»

Что за болтливостью непремѣнно должна скрываться ложь, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Поставивъ себѣ непремѣнною обязанностью болтать безъ умолку, неугомонный болтунъ, по необходимости, не можетъ довольствоваться міромъ видимымъ, дѣйствительнымъ. Этотъ міръ тѣсенъ для него, да притомъ же, вслѣдствіе нѣкоторой ограниченности воззрѣній, онъ исчерпывается имъ въ какихъ нибудь два сеанса. Послѣ этого, болтуну остается одно изъ двухъ: или повторяться, или дѣлать набѣги въ область вымысловъ. Повторяться нельзя — не будешь забавенъ, (а это главная цѣль, изъ-за которой хлопочутъ болтуны); стало быть остается прибѣгать къ вымысламъ. И тутъ-то начинается то раздражающее нервы театральное представленіе, въ которомъ что ни слово, то фальшь, что ни слово, то противорѣчіе, что ни слово, то забвеніе стараго слова, непосредственно ему предшествующаго. На первыхъ порахъ это бываетъ забавно, то есть забавна собственно не болтовня, а личность болтуна, но очень скоро и она надоѣдаетъ; не только надоѣдаетъ, но даже поселяетъ какую-то ненависть къ себѣ; вы видите болтуна, еще издали направляющаго къ вамъ шаги, и уже принимаете мѣры, чтобы скрыться отъ него; вы отказываетесь отъ интересной бесѣды, вы отказываетесь отъ ѣды, лишь бы не быть подъ одной кровлей съ болтуномъ; если бы не было другаго способа скрыться отъ него, какъ пролѣзть сквозь подворотню, вы не задумались бы и къ нему прибѣгнуть. А болтунъ видитъ это и удивляется; онъ удивляется тому, что вотъ онъ такой любезный, такъ старается нравиться и занимать всѣхъ, и въ отвѣтъ на это встрѣчаетъ одну неблагодарность, одно холодное, почти враждебное чувство...

Изъ всѣхъ видовъ болтовни, несомнѣнно, самый ужасный — болтовня литературная. Болтуна устнаго есть возможность избѣжать; болтуну устному можно сдѣлать отеческое увѣщаніе, съ нимъ можно, наконецъ, раззнакомиться, можно перестать ему кланяться, даже высунуть языкъ; но какое средство освободиться отъ болтуна печатнаго, который стремится заболтать не Ивана, не Петра, а цѣлыя тысячи индивидуумовъ? Не читать его — нельзя, потому что онъ заявляетъ себя передъ вами, какъ продуктъ извѣстнаго общественнаго строя, какъ фактъ психологическій, а пожалуй и политическій; не говорить объ немъ—опасно, ибо надо предостеречь простодушныхъ, которые, безъ этого, и впрямь, пожалуй, повѣрятъ, что «царь фараонъ каждую ночь изъ Чернаго моря выходитъ», какъ выражается достолюбезная Устинья Наумовна въ комедіи Островскаго «Свои люди — сочтемся».

Это болтовня хладная, въ родѣ тѣхъ «восторговъ хладныхъ», о которыхъ нѣкогда упоминалъ Пушкинъ. Предметъ ея не только чуждъ

болтуну, но даже за минуту передъ тѣмъ былъ ему совершенно неизвѣстенъ. Онъ и въ эту минуту не знаетъ, о чемъ будетъ болтать въ слѣдующую; онъ ищетъ и проситъ сюжета. «Дайте мнѣ только сюжетъ, говоритъ онъ, а ужь я изболтаюсь на немъ!» Дадутъ ему сюжетъ—онъ будетъ болтать плавно, съ соблюденіемъ грамматическихъ и синтаксическихъ правилъ; не дадутъ ему сюжета—онъ болтать перестанетъ, но шевелить во рту языкомъ все-таки будетъ.

Верховнымъ жрецомъ литературной болтовни заявилъ себя, покамѣстъ, извѣстный московскій публицистъ Н. Ф. Павловъ. О чемъ не писалъ этотъ знаменитый писатель! И о чиновничествѣ, какъ о неизбѣжномъ признакѣ и спутникѣ общественнаго безсилія, и объ отношеніяхъ г. Григорьева къ Грановскому, причемъ выказалъ изрядное знаніе восточныхъ языковъ, и о безполезномъ посыпаніи пескомъ московскихъ тротуаровъ во время лѣтнихъ жаровъ. То было время, когда Н. Ф. Павловъ былъ ревностнымъ вкладчикомъ «Русскаго Вѣстника», и когда сюжеты задавалъ ему М. Н. Катковъ. Теперь Н. Ф. Павловъ добалтывается въ «Нашемъ Времени»; не знаемъ, кто задаетъ ему сюжеты, но руководитъ его г. Чичеринъ.

Да проститъ намъ г. Вельтманъ, что всѣ эти размышленія пришли намъ въ голову, именно по поводу новаго романа его. Хотя мы отнюдь не думаемъ и не желаемъ приравнивать его къ Н. Ф. Павлову, тѣмъ не менѣе должны сознаться, что сочиненіе его представляетъ образецъ самаго невиннаго переливанья изъ пустаго въ порожнее.

Пусть, въ самомъ дѣлѣ, представитъ себѣ читатель, что въ немъ идетъ дѣло о какомъ-то русскомъ князѣ, который законную и любимую свою дочь отдаетъ на воспитаніе привиллегированной повивальной бабкѣ Викторинѣ, живущей въ одномъ изъ самыхъ темныхъ захолустьевъ Москвы, что эту дочь подмѣниваютъ, и что все это, наконецъ, открывается, не потому открывается, что должно открыться, а потому что такъ того хочетъ авторъ. Кромѣ того, тутъ есть еще карликъ Митя, который проливаетъ слезы умиленія и чуть не падаетъ въ обморокъ отъ удовольствія быть крѣпостнымъ карликомъ. Происходитъ невинная путаница, въ продолженіи которой авторъ хочетъ обмануть читателя, а читатель не поддается обману, ибо видитъ автора насквозь. Проходятъ передъ глазами Иваны Артемьичи, Марьи Ивановны, Авдотьи Петровны, сверкаетъ шпорами гусаръ Лонскій — и ничему этому читатель не вѣритъ, ничѣмъ не заинтересовывается, потому что знаетъ, что авторъ не взаправду объ этомъ пишетъ, что никогда нигдѣ ничего подобнаго не случалось, да и случиться не можетъ. Не болтовня ли это? и не грѣхъ ли нарѣзать изъ бумаги мужчинокъ и женщинокъ, да и заставлять ихъ участвовать въ какой-то человѣческой комедіи передъ лицомъ недоумѣвающей публики?

Впрочемъ, у г. Вельтмана въ новомъ романѣ есть-таки одно живое лицо—это Нотапъ Савичъ. Конечно, онъ не болѣе, какъ повтореніе Репетилова, но онъ стоитъ передъ нами, какъ живой, съ своими подмаргиваніями, съ своею сладостною болтовнею, съ своею угодливою ироніей, сквозь которую, однакожь, просачиваетъ полный нравственный цинизмъ. Онъ такъ, кажется, и говоритъ вамъ: «вы не смотрите, что я, какъ будто благоговѣю передъ чѣмъ-то, какъ будто преклоняюсь; коли хотите, я пожалуй, и наплюю на всѣ этѣ святыни, передъ коими сейчасъ благоговѣлъ!» Такъ и ждешь, что вотъ-вотъ онъ возьметъ въ руку перо, да и сдѣлается публицистомъ!

Да, это созданіе мастерское, и г. Вельтманъ заслуживаетъ за него полной благодарности.

Стихи Вс. Крестовскаго. 2 тома. Спб. 1862 г.

Способностью раздражаться чужою мыслью, чужими дѣйствіями отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать, ибо она даетъ намъ втораго сорта литераторовъ, втораго сорта философовъ, втораго сорта публицистовъ, втораго сорта администраторовъ, втораго сорта полководцевъ.

Извѣстно, что подвиги Александра Македонскаго воспламеняли не одного учителя уѣзднаго училища, который горячностью своею далъ поводъ Сквознику-Дмухановскому сказать: «конечно, Александръ Македонскій великій человѣкъ, но зачѣмъ же стулья ломать?» но и многихъ молодыхъ офицеровъ, изъ которыхъ нерѣдко образовались со временемъ изрядные втораго сорта полководцы.

Извѣстно, что, напримѣръ, кодексъ Наполеона воспламенилъ множество европейскихъ правительствъ, которыя наперерывъ спѣшили ввести нѣчто подобное въ управляемыхъ ими государствахъ, и хоть это были кодексы втораго сорта, но все же были кодексы, а не разбросанная какая нибудь дребедень.

О философахъ и публицистахъ втораго сорта нечего и говорить: этихъ господъ расплодилось до того много, что нынче даже «Московскія Вѣдомости» имѣютъ своего публициста въ лицѣ М. Н. Каткова, даже «Русскій Вѣстникъ» обладаетъ своимъ философомъ въ лицѣ г. Юркевича.

На этотъ разъ мы будемъ говорить о втораго сорта поэтахъ, тѣмъ болѣе, что г. Вс. Крестовскій, издавъ свои «Стихи», представляетъ намъ весьма удобный для этого случай.

Повторяемъ: способность раздражаться чужою мыслью есть способность весьма полезная; но не слѣдуетъ при томъ упускать изъ вида, что процессъ этого раздраженія можетъ происходить тремя путями. Иногда раздраженіе является въ видѣ преемства мысли; здѣсь, чужая

мысль служитъ только исходнымъ пунктомъ, изъ котораго усвоившій ее идетъ далѣе, т. е. не только развиваетъ чужую мысль, но претворяетъ ее въ свою собственную; здѣсь, чужая мысль служитъ только поводомъ къ пробужденію внутренней самодѣятельности человѣка, и затѣмъ дальнѣйшій процессъ развитія мысли представляется уже процессомъ постояннаго взаимодѣйствія. Въ этомъ смыслѣ, Пушкинъ раздражался Байрономъ, но это не мѣшало ему быть вполнѣ самостоятельнымъ, не мѣшало создать «Русалку», «Галуба», «Мѣднаго Всадника» и множество другихъ произведеній совершенно національныхъ, не мѣшало ему даже тамъ, гдѣ онъ является совершенно подъ вліяніемъ чужаго міросозерцанія, какъ напримѣръ, въ «Подражаніяхъ Данту», быть господиномъ своего образца и полнымъ хозяиномъ своей мысли. Иногда раздраженіе чужою мыслью дѣйствуетъ на человѣка оглушающимъ образомъ, поражаетъ его до такой степени, что отнимаетъ всякую возможность и охоту мыслить и дѣйствовать иначе, нежели мыслитъ и дѣйствуетъ образецъ. Въ этихъ случаяхъ, раздраженіе объемлетъ не только содержаніе, но и форму мысли, не только дѣйствія поразившаго насъ героя, но и самую личную его обстановку, самыя его привычки: манеру причесываться, ходить, держать руки, манеру одѣваться. Кто изъ насъ не помнитъ, какой въ этомъ смыслѣ переполохъ произвелъ даже въ нашемъ обществѣ Наполеонъ I?

«На немъ трехъугольная шляпа...,»

декламировали мы на всѣ лады, принимая грустно-величественныя позы и складывая на груди крестомъ руки. Владиміръ Рафаилычъ и Рафаилъ Михайловичъ Зотовы такъ-таки даже и отгравировали себя съ сложенными на груди руками. Этого рода раздраженіе чужой мыслью въ особенности часто встрѣчается въ области администраціи, во-первыхъ потому, что чужая мысль, дѣйствующая на практикѣ, сдѣлавшаяся, такъ сказать, живымъ организмомъ, оглушаетъ человѣка могущественнѣе, нежели мысль, витающая въ сферахъ идеальныхъ; а во-вторыхъ и потому, что въ области администраціи раздраженіе чужою мыслью представляетъ самый легчайшій способъ управленія: возьми кодексъ Наполеона, переведи его на нѣмецкій или итальянскій языки — и дешево и мило! Конечно, это будетъ кодексъ втораго сорта, но намъ-то, что до этого за дѣло! Мы устроили свою маленькую штучку, а тамъ и съ колокольни долой — пусть распутываютъ тѣ, которымъ суждено быть нашими наслѣдниками! Насъ собственно увлекаетъ то, что очень ужь милъ Фіаленъ Персиньи — вотъ мы и одѣваемся à la Persigny, и причесываемся à la Persigny, и такъ же величественно-благородно-холодно держимъ себя, какъ Фіаленъ Персиньи! А на наше мѣсто поступитъ кто нибудь другой, котораго увле-

четъ генералъ Еспинассъ, и который будетъ одѣваться à la Éspinasse, причесываться à la Éspinasse и такъ же добродушно-горячно-каратель, но держать себя, какъ Еспинассъ. Такъ оно и пойдетъ кругомъ: сегодня Фіаленъ Персиньи, завтра Еспинассъ, послѣ завтра опять Фіаленъ Персиньи, потомъ опять Еспинассъ; какъ въ древнія времена Тьеръ да Гизо, Гизо да Тьеръ—фу, ты, чортъ! да и дошли полегоньку до 24 февраля 1848 года! Вѣроятно, подобнаго же рода раздраженіе происходило въ то время, когда на русскій языкъ переводились шведскіе законы; что эти законы сдѣлались законами втораго сорта, въ этомъ намъ служитъ ручательствомъ то, что они и донынѣ представляютъ мертвую букву. Вѣроятно, то же самое случилось бы съ нами, еслибъ мы вздумали переводить на русскій языкъ кодексъ Наполеона, или, напримѣръ, цѣликомъ прикоцять законы о книгопечатаніи, написанные Наполеономъ III на пользу свою. Навѣрное, то были бы законы втораго сорта. Но и въ области изящной литературы встрѣчаются примѣры подобнаго раздраженія чужой мыслью. Вспомнимъ, напримѣръ, школу Гоголя; мало того, что она, всемѣрно старалась выдавить изъ себя что нибудь очень смѣшное, но даже принялась рабски копировать у Гоголя самую его манеру писать. И всего досаднѣе то, что подобные благопріятели всегда раздражаются одною слабѣйшею стороною своего образца. Напримѣръ, Гоголь самъ признавалъ, что «Вечера на хуторѣ близь Диканьки» — самое слабое изъ всего имъ написаннаго: ими-то именно и раздражились поклонники. Этого недостаточно; въ самыхъ «Вечерахъ» есть вещи первоклассенаго достоинства: есть прелестная Оксана, есть достолюбезный Иванъ Ѳедорычъ Шпонька—поклонники увлеклись не ими, а надоѣдливымъ «Пасичникомъ», а дьячкомъ села Диканьки, а тѣмъ, что была у пасичника тетрадь, да жена его употребила послѣдніе листы для того, чтобы печь на нихъ пироги. И было тогда на Руси великое наводненіе смѣшныхъ повѣстей, разсказывавшихъ о томъ, какъ свинья, подслушавъ разговоръ двухъ любовниковъ, утащила у одного изъ нихъ свитку (раздраженіе по поводу «повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Иванычъ съ Иваномъ Никифорычемъ»), о томъ, какъ ѣхала баба на возу и ругалась, и какъ въ это время у лошади ея нѣкто отрубилъ хвостъ по самую рѣпицу (раздраженіе по поводу «Сорочинской ярмарки»)... Наконецъ, есть третій способъ раздраженія чужою мыслью — самый послѣдній способъ и самый опасный. Онъ составляетъ нѣчто среднее между первымъ и вторымъ; человѣкъ овладѣваетъ чужою мыслью, чужимъ типомъ, рабски придерживается ихъ, но не хочетъ сознаться въ этомъ, а хочетъ показать, что онъ самъ перваго сорта дѣятель, что онъ самъ можетъ создать духмановскіе картоны Рафаэля. Для достиженія этой цѣли онъ къ чужой мысли, къ чужому типу подмѣши-

ваетъ своего собственнаго естества, сдабриваетъ ихъ своимъ собственнымъ запахомъ. Писатели и дѣятели перваго сорта всего болѣе должны опасаться такого рода подражателей, ибо они имѣютъ талантъ сразу убивать всякую новую мысль, всякое новое направленіе, доводя его до крайностей и дѣлая изъ него каррикатуру. Можно подумать даже, что тутъ присутствуетъ умыселъ: до того оно иногда игриво выходитъ. Эти подражатели рѣдко восходятъ до первоначальныхъ оригиналовъ; большею частью, они привязываются къ такимъ же подражателямъ, какъ и они, но сохранившимъ, въ нѣкоторой чистотѣ, духъ первоначальнаго оригинала, и такимъ образомъ дѣлаются писателями не втораго, а уже третьяго сорта, далѣе которыхъ идетъ уже безсмыслица, идетъ толкучій рынокъ и холуйско-истёрская школа живописи. Въ этомъ послѣднемъ развитіи, всякая свѣжесть первоначальнаго оригинала окончательно пропадаетъ, а остается лишь собственный запахъ, запахъ ужасный, напоминающій Петрушку...

Положимте, напримѣръ, читатель, что вы чувствуете въ себѣ охоту раздражиться Майковымъ. Вы берете его стихотворенія и наслаждаетесь: какія-то тамъ все груди сверкающія, да спины круглыя — любо! И вотъ вы берете перо и пишете

ФРИНА.

У Фрины пиръ. Давно Аѳины
Въ тиши уснули мирнымъ сномъ,
Лишь у одной развратной Фрины
Огнями блещетъ шумный домъ.
Вокругъ стола, наливъ потёры
Виномъ душистымъ, всѣ въ цвѣтахъ,
Едва прикрытыя гетеры
Лежатъ на пурпурныхъ коврахъ...

Все это точно такъ, какъ и у Майкова: и «потёры», и «гетеры», и «пурпурные ковры» (извѣстно, что можно раздражаться не только по поводу хорошихъ мыслей, но и по поводу хорошихъ словъ), но какимъ же образомъ помѣстить тутъ что нибудь такое, что не слишкомъ бы смахивало на подражаніе? А вотъ какъ:

И кто-то вдругъ, для смѣха, шляпу
Его (архонта) надѣлъ на плешь Пріапу...

Потомъ опять какъ у Майкова:

На блюдахъ третью перемѣну
Рабы азійскіе несутъ,
И гости шумные на сцену
Плясать танцовщицу зовутъ...

Ибо извѣстно, что греки только и занимались тѣмъ, что взирали на сверкающія груди, гладили круглыя спины и забавлялись съ гетерами, «лежа на пурпурныхъ коврахъ». Является «харита Лезбіянка».

Она танцуетъ и сжигаетъ
Огнемъ любви мужей и дѣвъ;
То вдругъ летитъ, то замираетъ
Подъ іоническій напѣвъ...

(желательно бы слышать этотъ «іоническій напѣвъ»; что, если онъ былъ чѣмъ нибудь въ родѣ: «выйду-ль я на рѣченьку?»). Какъ тутъ опять ввести что нибудь свое, оригинальное? Очень просто: нужно заставить Фрину возгорѣть ревностью къ нѣкоему Гипериду, который

. . . . пляску
Очами страстными слѣдитъ...

и заставить ее сдѣлать слѣдующую неслыханную штуку:

Всѣ гости пляскѣ рукоплещутъ,
Гетеръ вниманьемъ не даря, —
И взоры Фрины пылко блещутъ
Лезбосской страстію горя;
И подзывая Лезбіянку,
Она ей лечь съ собой велитъ,
И всѣхъ на новую приманку
Коварно дразнитъ и манитъ...

«Ахъ!» произноситъ читатель, прочитывая эти неслыханныя строки; мы же, съ своей стороны, думаемъ о томъ, въ какой гнѣвъ долженъ былъ войти г. Майковъ, встрѣтивъ ужасный стихъ

Гетеръ вниманьемъ не даря...

Вѣдь это все равно, что встрѣтить въ стихѣ словечко, въ родѣ «тово», «таперича», «тововонокаконо». Пріятный жанръ скрытной клубнички, котораго тайною обладалъ доселѣ одинъ г. Майковъ, вдругъ разрушенъ и уничтоженъ окончательно откровеннымъ и хладнымъ прикосновеніемъ къ нему г. Вс. Крестовскаго! Да, нѣтъ сомнѣнія, это тѣ же самые хладные восторги, которые нѣкогда прикрывались пышными ризами и которые теперь откровенно говорятъ:

И подзывая Лезбіянку,
Она ей лечь съ собой велитъ,
И всѣхъ на новую приманку
Коварно дразнитъ и манитъ...

Вотъ и все содержаніе этой, хладной «поэзіи». Г. Майковъ обманывалъ насъ; г. Вс. Крестовскій усугубилъ обманъ — и вывелъ изъ заблужденія, какъ это всегда случается, когда хотятъ усугубить обманъ или очарованіе (это въ особенности часто встрѣчается въ области администраціи, когда пустоту и неумытость дѣйствительности хотятъ затемнить посредствомъ пріятныхъ манеръ).

Но Майкова вамъ мало, вы хотите пройтись по части испанскихъ романсовъ (кто писалъ испанскіе романсы изъ русскихъ поэтовъ? но кто не писалъ ихъ? Петръ Исаичъ Вейнбергъ! вы не писывали ли испанскихъ романсовъ?).

И вотъ вы пишете на бѣломъ листѣ: «Гитана».

Сначала все идетъ изрядно, т. е. на столько изрядно, на сколько это возможно испанской жгучести въ переводѣ на русскіе «хладные» восторги. Но вотъ является на сцену нищій и проситъ у гитаны денегъ и хлѣба.

> Проситъ въ пѣснѣ, ради неба.
> Говорю ему я: «братъ!
> Нѣтъ ни денегъ, нѣтъ ни хлѣба
> Въ этой роскоши палатъ.
> Но въ замѣнъ грошей да пищи
> Есть лобзанья безъ ума,
> Прелесть тѣла — хочешь, нищій,
> Вмѣсто хлѣба—я сама!»

Мало вамъ «Гитаны»—вотъ вамъ «Затворница». Эта женщина съ первыхъ словъ объявляетъ:

> Запретный плодъ, какъ ядъ, и жгучъ, и сладокъ;
> А я одна
> *Вникать во смыслъ таинственныхъ загадокъ*
> *Обречена.*

Сего недовольно. «Вникать во смыслъ таинственныхъ загадокъ» одной скучно,—и вотъ затворница идетъ въ садъ.

> И межъ могилъ, гдѣ тѣнь деревъ неясныхъ (?)
> Мрачнѣй легла
> Одну изъ насъ,—моихъ сестеръ несчастныхъ —
> Я тамъ нашла.
>
> Она, какъ я, тайкомъ сюда бѣжала,
> Съ огнемъ въ крови;
> Она, какъ я, томилась и страдала,
> Моля любви,

И поняли безъ словъ мы взоромъ счастья
На днѣ души (?),
Что обѣ мы такъ полны сладострастья,
Такъ хороши...

И съ грудью грудь слилась въ объятьяхъ жгучихъ —
И плескомъ струй
Былъ заглушенъ въ тѣни кустовъ пахучихъ
Нашъ поцалуй.

И каждый разъ приходимъ на свиданье
Мы съ ней съ тѣхъ поръ,
Хоть, можетъ быть, за грѣшный мигъ желанья
Насъ ждетъ костеръ.

«Ахъ!» восклицаетъ читатель, но восклицаетъ не потому, чтобы лезбійская поэзія была противна ему, а потому, что она такъ прозаически, такъ голо, такъ пахуче — просто выражена. Читатель негодуетъ, потому что передъ нимъ происходитъ не исторія любви, съ ея жгучими порываніями и стыдливыми возвратами, а только простой и несложный процессъ плотскаго вождѣленія.

Г. Фету посчастливилось нѣсколько болѣе; потому ли, что въ стихотвореніяхъ этого поэта въ самомъ дѣлѣ преобладаетъ невинная, нѣсколько балетная грація, а не античный клубницизмъ, только и въ подражаніяхъ ему поползновеніе къ клубничкѣ сказалось съ меньшею наготою. Вотъ лучшія стихотворенія въ фетовскомъ родѣ:

I.

На груди моей Миньоны
Я хотѣлъ бы отдохнуть,
Чтобъ подъ жаркою щекою
Колыхалась эта грудь,

Чтобъ подслушало бы ухо
Шопотъ сердца твоего,
Чтобы сердце разсказало,
Сколько счастья у него. (стр. 106).

II.

Мать въ сердцахъ меня журила:
«Я-ль тебя не зарекала,
Чтобъ любви ты окаянной
Пуще полымя бѣжала —

Да родительскій зарокъ
Видно былъ тебѣ не въ прокъ!»

— Мама, мама! что-жь мнѣ дѣлать!...
Я сама ее боялась,
Да она-то во свѣтлицу,
Не спросясь, ко мнѣ врывалась

Сквозь окошко, майскимъ днемъ,
Съ каждымъ солнечнымъ лучомъ.

Я бѣжала изъ свѣтлицы,
Въ темный садъ отъ ней бѣжала, —
А она мнѣ тихимъ вѣтромъ
Все лицо исцаловала,

И отъ мамы въ ту-же ночь
Увела тихонько дочь!... (стр. 114).

III.

Здѣсь-то, боже! сколько ягодъ,
Сколько спѣлой земляники!
Помнишь, какъ мы, ровно за годъ,
Тутъ сходились безъ улики?
Только разъ, кажись, попался
Намъ въ кустахъ твой старый дядя,
И потомъ, когда встрѣчался,
Все лукаво улыбался,
На меня съ тобою глядя... (стр. 120).

Даже русскія сказки — и тѣ могутъ произвести раздраженіе плѣнной мысли. Для этого стоитъ только вспомнить нѣчто изъ слушанныхъ въ дѣтствѣ сказокъ и изукрасить слышанное нѣкоторыми внѣшними принадлежностями псевдо-народной поэзіи: рябинушку назвать разрябинушкой, почаще употреблять вводныя словечки «что ужь», «а и», «ужь и» и т. д.

Какъ хотите, а это жалко. Потому что, въ сущности, вѣдь г. Вс. Крестовскій все-таки писатель не безъ таланта. Въ этомъ намъ служатъ порукою какъ приведенныя выше три стихотворенія въ фетовскомъ родѣ, такъ и въ особенности стихотвореніе «Теремокъ», которое вполнѣ хорошо.

Гражданскіе мотивы. Сборникъ современныхъ стихотвореній, изданный подъ редакціею *А. П. Пятковскаго*. Спб. 1863.

Пѣсни скорбнаго поэта. Спб. 1863.

Г. Пятковскій представляетъ собой цвѣтокъ, выросшій на почвѣ россійской гражданственности, которая, какъ извѣстно, появилась на

свѣтъ божій послѣ крымской войны и съ тѣхъ поръ развивается неуклонно и безпрерывно. Явились граждане озлобленные, скорбящіе и обличающіе, явились граждане веселые, умиляющіеся и благословляющіе; г. Пятковскій не нашелъ въ себѣ способности ни благословлять, ни обличать собственными своими словами, и потому возъимѣлъ счастливую мысль благословлять и обличать посредствомъ другихъ. Эта исторія не новая; возникаетъ новое направленіе, выступаютъ на сцену новые дѣятели, а около нихъ образуется цѣлая толпа людей, которыхъ занятія заключаются исключительно въ сочувствіи. Эти люди похаживаютъ кругомъ («хоть бы посидѣть-то мнѣ около!» восклицаютъ они), посматриваютъ, похваливаютъ и попрашиваютъ: «пожалуйте списать!» Если вы имъ добровольно не дадите, они и не спросясь возьмутъ да спишутъ, и не только спишутъ, но, пожалуй, и издадутъ.

Изданіемъ «Гражданскихъ мотивовъ», г. Пятковскій доказалъ, что онъ не только цвѣтокъ, но и изрядная пчела. Онъ собралъ свой медъ съ двадцати двухъ поэтовъ (шутка!), и, собравши, незамедлилъ устроить литературный сотъ въ 87 страничекъ, за который и желаетъ получить по 50 к. за экземпляръ. Мы ничего не говоримъ противъ трудолюбія этого цвѣтка, сдѣлавшагося пчелою: пускай себѣ собираетъ медъ по маленьку; но рѣшительно возстаемъ противъ претензіи пчелы цѣнить свою дѣятельность столь высоко. Неужели г. Пятковскій имѣлъ какое нибудь основаніе вообразить, что книжка его можетъ стоить дороже 5 к. сер.? Если же онъ возразитъ намъ, что при книжкѣ имѣется собственное его оригинальное предисловіе (четыре странички), то мы можемъ, пожалуй, набавить ему за это одну копейку серебромъ, но ни какъ не больше. Въ какой степени ни съ чѣмъ несообразна назначенная г. Пятковскимъ цѣна, это явствуетъ изъ слѣдующихъ разсчетовъ. Предположимъ, что г. Пятковскій издалъ свой литературный сотъ въ числѣ пяти тысячъ экземпляровъ (кто же, при его трудолюбіи, можетъ ему въ томъ воспрепятствовать?); предположимъ также, что всѣ пять тысячъ экземпляровъ разойдутся (чего на свѣтѣ не бываетъ!); стало быть. трудолюбивая пчела получитъ двѣ тысячи пятьсотъ рублей; если исключить изъ этой суммы около четырехъ сотъ рублей за наборъ, печатанье и бумагу, да пятьсотъ рублей за коммиссію въ пользу книгопродавцевъ, все же останется на услажденіе цвѣтка тысяча шесть сотъ рублей — какъ хотите, а это ужь слишкомъ роскошно! Тогда какъ, еслибъ г. Пятковскій назначилъ книжкѣ цѣну 6 коп. сер. (1 к. за предисловіе), какъ мы предположили выше, то разсчетъ былъ бы слѣдующій: полная сумма за всѣ пять тысячъ экземпляровъ 300 р.; за наборъ и печатаніе (6 листовъ, по 18 р. за каждый) 108 р., за бумагу (60 стопъ по 1 р. 50 коп. за стопу, ибо нѣтъ никакой на-

добности печатать «Гражданскіе мотивы» на отличной бумагѣ) 90 р. и за коммиссію въ пользу книгопродавцевъ 20% или 60 р., и того изданіе стоило бы ему 258 р.; затѣмъ, осталось бы чистаго барыша 42 р. Не правда ли, что этого совершенно достаточно для скромной и трудолюбивой пчелы?

Возрѣнія г. Пятковскаго на литературу и искусство просты до наивности. «Было бы невозможно теперь явиться Гомеру съ его младенческой вѣрой въ боговъ преисподней», говоритъ онъ, и затѣмъ очень тонко, въ пяти строкахъ рисуетъ, почему, вмѣсто Гомера, явился сначала Дантъ, а потомъ Баконъ и Спиноза, а потомъ Шиллеръ и Гёте. Изъ этого видно, что г. Пятковскій чистосердечно думаетъ, что Гомеръ не можетъ явиться именно только потому, что имѣлъ «младенческую вѣру въ боговъ преисподней», (можетъ быть, дескать, и обрѣтаются гдѣ нибудь Гомеры, да имѣютъ «младенческую вѣру въ боговъ преисподней» — ну, и не смѣютъ явиться!) да быть можетъ еще и потому, что онъ былъ слѣпой (этого г. Пятковскій не говоритъ, но, вѣроятно, скажетъ, когда издастъ новый литературный сотъ). Что же касается собственно до гражданскихъ чувствъ, то г. Пятковскій имѣетъ взглядъ на этотъ предметъ весьма оригинальный. Онъ видитъ, напримѣръ, гражданскій мотивъ даже въ слѣдующемъ стихотвореніи г. Майкова:

ПОСЛѢ БАЛА.

Мнѣ душно здѣсь! вашъ міръ мнѣ тѣсенъ!
Цвѣтовъ мнѣ надобно, цвѣтовъ,
Веселыхъ лицъ, веселыхъ пѣсенъ,
Горячихъ споровъ, острыхъ словъ,
Гдѣ бъ былъ огонь и вдохновенье,
И безпорядокъ, и движенье,
Гдѣ бъ походило все на бредъ,
Гдѣ бъ каждый былъ хоть мигъ поэтъ!
А то—сберетеся вы чинно;
Гирлянды дамъ сидятъ въ гостиной;
Забава ихъ—хула да ложь.
На лицахъ ихъ не разберешь —
Тутъ веселятся иль хоронятъ...
Вы сами—бьетесь въ ералашъ,
Чинопоклонствуете, лжете;
Торгуете и продаете —
И это праздникъ званный вашъ!
Недаромъ, съ бала исчезая,
И въ санки быстрыя садясь,
Какъ будто силы оправляя,
Корнетъ кричитъ: «пошелъ въ танцклассъ!»

А ваши дамы и дѣвицы
Изъ-за кулисъ бросаютъ взоръ
На пиръ разгульный модной львицы,
На золотой ея позоръ.

Чтожь тутъ гражданскаго? спрашиваетъ себя читатель:—поэтъ просто не любитъ играть въ ералашъ и проситъ —

Цвѣтовъ мнѣ надобно, цвѣтовъ!

чтожь тутъ гражданскаго? Вотъ другой маперъ, еслибъ поэтъ сказалъ: вы, дескать, тутъ пляшете да играете въ ералашъ, а лучше вспомнили бы о воскресныхъ школахъ—ну, тогда точно былъ бы гражданскій мотивъ! А то вѣдь, пожалуй, такимъ образомъ всѣ куплеты изъ «героевъ преферанса» можно сопричислять къ гражданскимъ мотивамъ!

Г. Пятковскій, въ предисловіи, между прочимъ, «предоставляетъ другимъ—собрать въ отдѣльные сборники прозаическія произведенія русской литературы, выражающія собой новый моментъ въ ея развитіи»... Мы считаемъ долгомъ предостеречь этого будущаго собирателя словеснаго меда, ибо г. Пятковскій скрылъ отъ него: а) что прозаическія произведенія, по большей части, заключаютъ въ себѣ болѣе одного печатнаго листа; и б) что перепечатывать, безъ дозволенія автора, болѣе печатнаго листа воспрещается законами о литературной собственности.

И такъ, пускай г. Пятковскій ограничиваетъ свою гражданскую дѣятельность одними стихотворцами. Мы можемъ даже предложить ему совершенно новую и оригинальную мысль, которая, нѣтъ сомнѣнія, безконечно и не безъ выгоды расширитъ его дѣятельность. Мысль эта заключается въ слѣдующемъ: взять всѣ стихотворенія Некрасова, всѣ стихотворенія Плещеева, всѣ стихотворенія Майкова, прибавить къ нимъ всѣ стихотворенія Щербины и издать ихъ въ перемежку подъ общимъ названіемъ «эротическо-гражданскихъ стихотвореній», а въ предисловіи тончайшимъ образомъ намекнуть, что въ этомъ изданіи заключаются именно *всѣ* стихотворенія Некрасова, Плещеева, Майкова и Щербины. Цѣна 99 к. сер. и за предисловіе 1 копѣйка—раскупятъ навѣрное.

Затѣмъ, что касается до «Пѣсней Скорбнаго поэта», то и это цвѣтокъ, выросшій отчасти на почвѣ русской гражданственности, отчасти на почвѣ русскаго эротизма. Впрочемъ, любителямъ чтенія легкаго мы эту книжечку рекомендуемъ: они въ ней найдутъ нѣкоторую частицу остроумія. Въ особенности указываемъ на веселую пьеску «Литературные старовѣры».

Литературная подпись. Соч. *А. Скавронскаго.* («Время» за 1862 г. № 12). 1 стр.

Г. А. Скавронскій взволнованъ; великій А. Скавронскій скорбитъ. Онъ желаетъ оправдаться, онъ ищетъ вывести публику изъ заблужденія. Въ Москвѣ появился другой Скавронскій, Н. Скавронскій, который тоже пишетъ повѣсти, и котораго, по сходству талантовъ, принимаютъ за него, А. Скавронскаго. Повѣсть Н. Скавронскаго приписываютъ А. Скавронскому; повѣсть А. Скавронскаго приписываютъ Н. Скавронскому; происходитъ духовно-нравственная чепуха, совершается кабаллистическій маскарадъ, въ которомъ А. и Н. Скваронскіе интригуютъ другъ друга и не могутъ никакъ опознаться.—Да ты Н. ли Скавронскій? вопрошаетъ А. Скавронскій.—Да ты А. ли Скавронскій? въ свою очередь вопрошаетъ Н. Скавронскій — Моя ли повѣсть «Село Сарановка»? мучительно спрашиваетъ самъ себя А. Скавронскій: — или я все это во снѣ видѣлъ: и «Сарановку», и «Пенсильванцевъ и Виргинцевъ», и «Бѣдныхъ въ Малороссіи»?

Публика, присутствующая при этомъ волненіи, ничего не понимаетъ. Она спрашиваетъ сама себя, кто этотъ А. Скавронскій, который утруждаетъ ея вниманіе констатированьемъ своей личности, и начинаетъ подозрѣвать, что, должно быть, это псевдонимъ Петра Иваныча Бобчинскаго, того самаго Петра Иваныча Бобчинскаго, который просилъ Хлестакова доложить и государю, и министрамъ, что вотъ-дескать тамъ-то, въ такомъ-то уѣздномъ городѣ есть Петръ Иванычъ Бобчинскій.

Или, быть можетъ, А. Скавронскій есть псевдонимъ Н. Скавронскаго и на оборотъ?

Или, быть можетъ, сочиненіе А. Скавронскаго есть невинная реклама, съ помощью которой А. Скавронскій хочетъ возбудить участіе къ Н. Скавронскому да кстати напомнить и о себѣ?

Вотъ вопросы, которые приходятъ на мысль публикѣ.

Публика права, ибо она не знаетъ ни А. Скавронскаго, ни Н. Скавронскаго. Быть можетъ, она, отъ нечего дѣлать, дѣйствительно прочитала и «Село Сарановку», и «Бѣдныхъ въ Малороссіи», и нѣсколько повѣстей изъ купеческаго быта, но имена гг. Скавронскихъ канули для нея въ ту же безразличную бездну, въ которой утонули Николаевки, Вахновскіе, Сердобскіе обыватели, Калужскіе обыватели, Прохожіе, Проѣзжіе и т. д. Она даже и припомнить ничего этого не можетъ: «было что-то такое всякое», говоритъ она, и никакъ-таки не можетъ вообразить себѣ, чтобъ когда-нибудь могъ существовать А. Скавронскій.

Не смотря на горячія увѣренія г. А. Скавронскаго, что онъ именно

Петръ Иванычъ... нѣтъ не то! что онъ именно А. а не Н. Скавронскій, публика и теперь не повѣритъ этому. «А мнѣ что за дѣло!» скажетъ она, «оба вы братья родные—ну, и цѣлуйтесь!» Мы думаемъ даже, что публика смѣшиваетъ ихъ обоихъ съ г-жею Вахновскою... для чего же вы не протестуете, г. А. Скавронскій! для чего вы не спѣшите вывести публику изъ заблужденія, что вы не Николаенко, а Скавронскій? Имя ваше—легіонъ, г. Скавронскій! Вы напрасно тщитесь перечислять, какія именно ваши произведенія помѣщались въ «Современникѣ», и во «Времени». Вы думаете, что это достаточная для васъ рекомендація; въ такомъ случаѣ, спѣшимъ васъ разувѣрить. Журнальное дѣло въ Россіи—плохое и трудное дѣло: журналовъ много, а дѣятелей мало—вотъ почему журналы иногда помѣщаютъ повѣсти и разсказы въ родѣ повѣстей и разсказовъ А. Скавронскаго. Читатели отлично знаютъ это и снисходятъ, лишь бы напечатанное не слишкомъ воротило человѣческое сердце. Одинъ г. А. Скавронскій не понимаетъ или не хочетъ понять этого; еслибъ онъ понималъ, то очень хорошо сознавалъ бы, что для него выгоднѣе было бы оставаться въ той безразличной безднѣ, гдѣ свили себѣ гнѣздо гг. Николаенко и Вахновская. Журналы печатали бы да печатали себѣ его повѣсти, а онъ получалъ бы за это умѣренный гонораріи—никто бы и не замѣтилъ!

Быть можетъ, исторія этимъ еще не кончится. Быть можетъ, г. Н. Скавронскій будетъ отвѣчать г. А. Скавронскому и предъявитъ публикѣ всѣ относящіеся къ этому дѣлу документы (вѣдь тутъ цѣлая дипломатическая переписка была между А. и Н. Скавронскими... родные-то братья!). Тогда міръ увидитъ невиданное, услышитъ неслыханное! нѣчто въ родѣ о спорѣ семи городовъ относительно мѣсторожденія Гомера: только не семь городовъ будутъ доказывать, гдѣ именно родился г. А. Скавронскій, а г. А. Скавронскій будетъ доказывать, что онъ родился во всѣхъ семи городахъ.

Намъ кажется страннымъ, что почтенная редакція «Времени» рѣшилась напечатать письмо г. А. Скавронскаго. Во-первыхъ, оно обидно для г. Н. Скавронскаго, который можетъ справедливо сказать, словами г-жи Толстогараздовой (въ комедіи г. Островскаго «Не сошлись характерами»): «да чтожь въ этомъ есть постыднаго, что я назвался Н. Скавронскимъ»? во-вторыхъ, редакція «Времени», если даже она и дорожитъ сотрудничествомъ г. А. Скавронскаго, все-таки обязана была внушить ему, что хлестаковщина въ литературѣ допущена быть не можетъ. Вѣдь «Время» очень хорошо знаетъ, что не «Село Сарановка» и не «Бѣдные въ Малороссіи» составляютъ силу журнала — ну, и пускай бы себѣ шелъ г. А. Скавронскій съ своими протестами въ «Сынъ Отечества».

Въ заключеніе, мы просимъ извиненія у г. Н. Скавронскаго, что

привлекли его къ этому нелѣпому дѣлу. Онъ поймётъ, что предметомъ статьи нашей служилъ не онъ, а собственно А. Скавронскій, который почему-то вплился въ Н. Скавронскаго и требуетъ, чтобъ ихъ разлучила публика.

Мы просимъ извиненія и у публики, потому что и она вправѣ претендовать на насъ за то, что мы занимаемъ ее гг. Скавронскими. Намъ невозможно было иначе поступить, потому что въ послѣднее время самохвальство сдѣлалось какою-то эпидемическою болѣзнію между русскими литераторами. Повѣритъ ли, напримѣръ, кто нибудь, что одинъ литераторъ вдругъ ни съ того ни съ сего объявилъ недавно въ «Сѣверной Пчелѣ», что онъ такъ великъ, что его даже во-снѣ видитъ другой литераторъ? Что должна думать и чувствовать публика, которую подчуютъ подобными заявленіями? Публика недоумѣваетъ; она видитъ, что происходитъ нѣчто таинственное, и понимаетъ, что по поводу всѣхъ этихъ сновъ можно только предложить себѣ вопросъ: что сей сонъ значитъ?

О старомъ и новомъ порядкѣ и объ устроенномъ трудѣ (travail organisé) въ примѣненіи къ нашимъ помѣстнымъ отношеніямъ. Членомъ вольнаго экономическаго общества *Н. А. Безобразовымъ*. Спб. 1863.

Упраздненіе крѣпостнаго права вызвало множество элегическихъ голосовъ. Замѣчательно, что всѣ эти голоса совсѣмъ не заявляютъ себя противниками идеи освобожденія крестьянъ, но болѣе подступаютъ къ читателю по части чувствительности, т. е. съ точки зрѣнія заботъ о меньшей братіи. Все проекты разные пишутъ, какъ бы это улучшить, да какъ бы такъ сдѣлать, чтобы младенцамъ-то, младенцамъ-то хорошо было. Недавно, напримѣръ, случилось прочесть въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» одинъ такой проектецъ. Нѣкто А. Муравьевъ («Моск. Вѣд.» 1863 г. № 3) обезпокоился тѣмъ, что многіе помѣщики не могутъ воспользоваться выкупною ссудою отъ правительства, потому собственно, что крестьяне не соглашаются на дополнительные платежи, и чтожь бы вы думали, какой онъ проектецъ сочинилъ? А вотъ какой.

«Слѣдующая мѣра правительства, *безъ увеличенія цифры выкупной ссуды*, безъ малѣйшаго обремененія крестьянъ, могла бы, мнѣ кажется, облегчить выкупныя сдѣлки.

Возьмемъ для примѣра мѣстность, гдѣ высшій размѣръ оброка 9 рублей.

За выкупную ссуду 120 рублей крестьяне обязаны платить въ каз

ну, въ продолженіе 49 лѣтъ, по 7 руб. 20 коп. въ годъ, слѣдовательно на 1 руб. 80 коп. менѣе оброка платимаго помѣщику.

Если правительство признало бы возможнымъ, при выкупной ссудѣ, назначить, въ продолженіе 16 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, сборъ съ крестьянъ полнаго оброка въ 9 руб., и выдавать ежегодно помѣщикамъ по 1 руб. 80 коп. за каждый душевой надѣлъ, то по истеченіи этого срока, они получили бы капитальную сумму дополнительнаго взноса въ 30 рублей. Хотя при этомъ землевладѣлецъ и лишится процентами 11 руб. или 7½% полной выкупной суммы, но такъ какъ, безъ разсрочки дополнительнаго платежа, выкупъ угодій рѣдко можетъ состояться, то и потеря неизбѣжна. За-то, для полученія выкупной ссуды, землевладѣлецъ не будетъ зависѣть отъ прихоти и своекорыстныхъ видовъ крестьянъ. Главная же выгода этой мѣры та, что не увеличивая налоговъ, она облегчаетъ достиженіе цѣли выкупа угодій, а именно сохраненія общественнаго спокойствія прекращеніемъ обязательныхъ и слѣдовательно болѣе или менѣе непріязненныхъ отношеній двухъ сословій. Крестьяне, увидя, что не выиграютъ ничего отъ своего упорства и отъ неисправнаго платежа оброковъ, сдѣлаются сговорчивѣе при выкупныхъ сдѣлкахъ, и цѣль правительства сдѣлать крестьянъ собственниками осуществится легко въ Россіи.»

Вотъ изволите видѣть: крестьяне будутъ въ теченіи 16 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ платить по 1 руб. 80 коп. съ души лишняго — а налоги не увеличатся: крестьяне заплатятъ 30 руб. изъ своихъ собственныхъ денегъ въ пользу помѣщика — анъ нѣтъ, не заплатятъ! или заплатятъ? или не заплатятъ?... И все это на пользу меньшей братіи: она — дескать сама не понимаетъ, что для нея выгодно! Мы ни слова не говоримъ здѣсь о томъ, справедлива или несправедлива мысль объ обязательности выкупа земельныхъ крестьянскихъ угодій, мы не входимъ въ разбирательство способовъ, посредствомъ которыхъ такой выкупъ могъ бы быть произведенъ, мы только спрашиваемъ, возможно ли до такой степени нераціонально защищать свое дѣло, позволительно ли во всеуслышаніе говорить, что дважды два составляютъ три, а не четыре?

Замѣчательно, что подобною дѣтскою наивностью взглядовъ и доказательствъ отличаются вообще всѣ скрытные защитники крѣпостнаго права. Сочиненія и проекты ихъ можно назвать упражненіями воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній; тутъ не только не можетъ быть рѣчи о зрѣлости мысли, но даже самый слогъ отличается чѣмъ-то дѣтскимъ.

Г. Н. Безобразовъ принадлежитъ къ числу бойцовъ, наиболѣ уязвленныхъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, но теперь онъ уже не говоритъ, что уязвленъ, а напротивъ того отзывается, что крѣпостное право «тяготѣло надъ сельско-помѣстнымъ бытомъ и стягивало его

мышцы страдальческими узами». Что же безпокоитъ его? что заставляетъ его къ простому и несложному вопросу, объ учрежденіи при Вольно-Экономическомъ обществѣ справочнаго стола для пріисканія управляющихъ населенными имѣніями, привязывать какія-то темныя изслѣдованія на счетъ истиннаго значенія крестьянской реформы? Вѣдь самъ же онъ (и по нашему мнѣнію, совершенно справедливо) говоритъ, что «общія качества хорошаго управляющаго суть: *умъ, знаніе, опытъ, честность*», и что человѣкъ, обладающій этими качествами, «всегда сможетъ принаровиться къ новымъ требованіямъ и условіямъ»—казалось бы, что возбужденный вопросъ этимъ и разрѣшается. Но у г. Н. Безобразова есть другой умыселъ: онъ хочетъ побесѣдовать о «неточномъ пониманіи такъ называемаго *стараго* и такъ называемаго *новаго* порядковъ», до чего, конечно, никакому управляющему никакого дѣла нѣтъ.

Г. Н. Безобразова тревожитъ, что большинство русскихъ смотритъ на упраздненіе крѣпостнаго права слишкомъ просто; ему желательно было бы, чтобъ въ этомъ явленіи видѣли нѣчто болѣе, нежели упраздненіе крѣпостнаго права. И вотъ онъ проситъ позволенія «остановиться съ сугубымъ вниманіемъ надъ разъясненіемъ себѣ, какъ истинныхъ значеній *стараго и новаго* порядковъ, такъ и взаимнаго ихъ соотношенія».

Плодомъ такого «сугубаго вниманія» оказывается прежде всего, что «всякая новизна не можетъ сдѣлаться дѣйствительностью иначе, какъ *привывкою* себя *къ существующему*, и, слѣдовательно, обращеніемъ себя, какъ бы въ *послѣдствіе предшествовавшаго*» (такого рода философіей, кромѣ воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, заражена еще редакція «Русскаго Вѣстника»). «Ужели кто рѣшится сказать, продолжаетъ г. Н. Безобразовъ, что въ основахъ нашего сельскаго хозяйства—существующаго не со вчерашняго дня... и лоно котораго есть помѣстный бытъ—ничего нѣтъ благого, ни разумнаго? Да это было бы оскорбленіемъ разума цѣлой страны!... скажу болѣе: это было бы поруганіемъ Богу, который допустилъ бы огромную отрасль человѣчества тысячелѣтствовать — въ безразсудствѣ!»

Какъ видите, дѣло заходитъ довольно далеко, коль скоро въ немъ считается не лишнимъ заинтересовать Вседержителя. Читатель съ изумленіемъ спрашиваетъ себя, о чемъ идетъ тутъ рѣчь: объ устраненіи ли препятствій къ пріисканію хорошихъ управляющихъ, объ условіяхъ ли, при которыхъ можетъ развиваться русское сельское хозяйство, или о томъ, что упраздненіе крѣпостнаго права есть только *привывка* къ существованію этого права, только *послѣдствіе предшествующаго*? Очевидно, однакожь, что рѣчь идетъ не объ управляющихъ,—это ужь дѣло, рѣшенное самимъ г. Безобразовымъ—а объ условіяхъ

сельскаго хозяйства, столь радикально измѣнившихся съ упраздненіемъ крѣпостнаго права.

Когда мысль объ условіяхъ, при которыхъ можетъ идти наше сельское хозяйство, озабочиваетъ человѣка, относящагося къ крестьянскому вопросу просто и принимающаго его за фактъ совершившійся, то и вопросы, которые приходятъ на умъ, имѣютъ свойство простое, прямо относящееся къ сельскому хозяйству и ни къ чему болѣе. Онъ спрашиваетъ себя о наиболѣе выгодныхъ системахъ эксплуатаціи земли, о наилучшихъ способахъ обработки, о средствахъ привлечь капиталы, создать кредитъ, необходимый при замѣнѣ крѣпостнаго труда вольнонаемнымъ и т. д. Но для г. Безобразова все это частности, не стоющія разговора; онъ хлопочетъ совсѣмъ не о томъ, чтобы поставить на ноги сельское хозяйство, а о томъ, чтобы внушить, что уничтоженіе крѣпостнаго права есть собственно продолженіе того же права, и что, слѣдовательно, старый порядокъ нисколько не измѣнился.

Поэтому онъ привлекаетъ сюда помѣстный бытъ и находитъ, что освобожденіе крестьянъ дало возможность «развить... роскошно развить!.. основныя и прекрасныя его свойства».

«Подробное описаніе природы нашихъ помѣстныхъ отношеній, говоритъ г. Безобразовъ, составило бы такого размѣра картину, которой вы, вѣроятно, отъ меня теперь не потребуете (отчего же? это во всякое время очень интересно!). И вслѣдъ за тѣмъ очерчиваетъ эту природу «въ легкомъ *обрисѣ*».

Этотъ легкій «обрисъ» природы помѣстнаго быта мы охотно изложили бы читателю, еслибъ не были увѣрены, что это гораздо съ большимъ талантомъ и умѣніемъ можетъ быть сдѣлано драгоцѣннымъ сотрудникомъ нашимъ, Кузьмою Прутковымъ. Но и при всей своей веселости, Кузьма Пруковъ едва ли съумѣлъ бы, безъ особенно тяжкихъ усилій, выполнить ту задачу, которую г. Н. Безобразовъ выполняетъ съ легкостью неимовѣрною. Исходя все изъ той же плодотворной мысли, что упраздненіе крѣпостнаго права не есть упраздненіе, а только продолженіе и развитіе того же права, онъ цѣлымъ рядомъ блестящихъ, но непонятныхъ доказательствъ приводитъ читателей къ убѣжденію, что все, происходящее вокругъ нихъ, есть водевиль, да и водевиль-то мнимый.

«Назовемъ ли мы *новымъ порядкомъ* изложеніе двухъ тысячъ слишкомъ статей, присовокупляя къ тому три тома печатныхъ циркуляровъ?» спрашиваетъ ораторъ, и, нисколько не затрудняясь, отвѣчаетъ: «нѣтъ. Самая плодовитость этого явленія—и въ столь короткое время — доказываетъ, что въ немъ—попытка... прекрасная!.. но попытка, изъ коей иное привьется, другое же совершенно отпадетъ. А

по общему закону разума, руководящаго гражданствомъ, привьется къ жизни только то, что или отвращаетъ прежній вредъ, или развиваетъ дознанное уже благо».

А такъ какъ «дознанное благо» есть крѣпостное право, то и значитъ, что надобно его развивать, а на двѣ тысячи статей смотрѣть, какъ на попытку... прекрасную!

Въ видахъ этого развитія, г. Безобразовъ предлагаетъ «устроенный трудъ». Чтò такое этотъ «устроенный трудъ», онъ не объясняетъ, но нѣтъ сомнѣнія, что понимаетъ. Ну, и мы тоже понимаемъ.

Но, сверхъ того, мы понимаемъ также, что г. Н. Безобразовъ высказываетъ себя, въ своей рѣчи, нигилистомъ самаго крайняго свойства, ибо не признаетъ дѣйствительнаго существованія даже того, что усиѣло себя заявить въ числѣ слишкомъ двухъ тысячъ статей.

ПО ПОВОДУ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

Два года «Живописная Украина» расходится по своимъ, весьма не многочисленнымъ подписчикамъ. Не смотря на то, что объявленіе о ея изданіи было прочтено всѣми сочувствующими украинскому возрожденію съ величайшимъ удовольствіемъ, самый выходъ ея не произвелъ особеннаго впечатлѣнія, и литература не обратила вниманія на это изданіе. Въ «Основѣ», впрочемъ, была статья объ ней; но авторъ этой статьи или изъ патріотизма или изъ уваженія къ издателю, какъ-то боялся коснуться недостатковъ «Живописной Украины». Я позволяю себѣ сдѣлать объ ней нѣсколько замѣчаній. Не считая себя компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, я отвѣчаю на просьбу г. Жемчужникова дѣлать ему замѣчанія, полагая, что если самъ всего не уясню, то наведу другихъ на мысль.

Начнемъ съ того, въ чемъ должна состоять настоящая задача подобнаго изданія, и посмотримъ сперва, какъ самъ издатель смотритъ на свое изданіе. Мы не знаемъ, какъ понималъ задачу «Живописной Украины», самъ Шевченко, которому принадлежитъ мысль ея изданія; г. Жемчужниковъ понимаетъ ее такъ (выписываю его слова): «Во время своихъ путешествій по разнымъ частямъ Россіи, я старался схватить особенности лицъ и одеждъ, различныя мѣстности и проявленія архитектурнаго вкуса, доказывающія возможность существова-

нія нашего самобытнаго народнаго зодчества. Трудъ мой не есть спеціальное изданіе древностей, археологіи, или народной архитектуры: сюда войдетъ все это, какъ часть цѣлаго, въ связи съ современною жизнью,—какъ впечатлѣнія художника. Изъ собраннаго запаса рисунковъ и замѣтокъ, я издаю тѣ, которыя относятся до Украины, надѣясь этимъ принести пользу, сколько нибудь ускоривъ изученіе нашей народности.» Разсматривая трудъ г. Жемчужникова, видимъ, что онъ путешествовалъ по нѣкоторымъ частямъ Малоросіи, всматривался въ *красу природы и неба* Украины, въ бытъ ея жителей, въ костюмы и т. д. и, полюбивши все это до увлеченія, вздумалъ, какъ художникъ, познакомить съ этимъ и публику. Проѣзжая по степямъ Малороссіи, онъ встрѣчаетъ *стадо овечокъ, пастушка съ сопілкою,*—тотчасъ останавливается, усаживается въ удобномъ мѣстѣ и переводитъ очаровательную картину на бумагу. Встрѣчаетъ обозъ *чумакіеъ*, расположившихся для попасу или ночлега, тотчасъ вступаетъ въ ласковый разговоръ съ ними и переводитъ типы ихъ на бумагу. Знакомится съ *кобзаремъ*, бесѣдуетъ съ нимъ о его жизни, заставляетъ его спѣть и сыграть, и, записавъ слова его, снимаетъ съ него и портретъ съ *кобзою*, съ отпечаткомъ въ физіономіи заунывной мысли, съ позой, свойственной его званію, съ поводыремъ и пр. Видитъ хорошій видъ природы, *гарну дівчину*, вереницу богомольцевъ, идущихъ въ Кіевъ и отдыхающихъ на дорогѣ; живописную избенку, около которой пасутся *телята*, ходятъ *мужички*; старыя ворота, колыбельку, нарядъ пожилой женщины, праздничный нарядъ дѣвушки, монастырскую ложку, портретъ старичка и т. д., и т. д. и все это кисть художника переводитъ на бумагу. Запасшись подобными этюдами, не имѣющими никакой связи, художникъ затѣваетъ періодическое изданіе, съ цѣлью помочь изученію народности, познакомить публику съ природой и внѣшнимъ проявленіемъ быта Украины. Я далекъ отъ того, чтобы отрицать всякую важность подобныхъ рисунковъ, но думаю положительно, что они не должны составлять исключительную цѣль періодическаго изданія, въ нѣкоторомъ смыслѣ спеціальнаго и имѣющаго цѣлію помочь изученію народности. Все, что напечаталъ г. Жемчужниковъ въ своемъ альбомѣ, давно уже извѣстно публикѣ, и для этого не стоило затрачивать трудъ и капиталъ. Пора намъ перестать говорить похвальныя рѣчи живописной природѣ Украины, увлекаться *пастушками*, *стадомъ овечекъ*, *чумацкой шапкой*, какой нибудь *намiткой* или головнымъ уборомъ — безотносительно къ географическимъ условіямъ и историческимъ судьбамъ народа. А трудъ г. Жемчужникова отличается преимущественно такимъ характеромъ, хотя онъ и имѣетъ цѣлію помочь

исторіи, этнографіи, археологіи и архитектурѣ роднаго края. Для исторіи, по существу своего труда, онъ не сдѣлалъ ничего, для этнографіи представилъ нѣсколько фантастическихъ типовъ и костюмовъ, для археологіи монастырскую ложку, для архитектуры нѣсколько образцовъ, весьма, впрочемъ, интересныхъ. Все остальное—безцѣльный и безхарактерный наборъ всякой всячины.

Мнѣ кажется, цѣль такого труда, каковъ трудъ г. Жемчужникова, должна быть совсѣмъ иная, и онъ ее или совершенно не понялъ, или не имѣлъ средствъ выполнить. Въ наше время, когда стали интересоваться народностью, естественнымъ образомъ является необходимая потребность близкаго и основательнаго ознакомленія съ исторіей, внутреннимъ и внѣшнимъ бытомъ и южной Руси, наравнѣ съ прочими родственными намъ народностями. «Живописная Украина», работая исключительно надъ внѣшнимъ проявленіемъ народной жизни южно-руссовъ, руководствуясь исторіею, можетъ наглядно показать видоизмѣненія ея формъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Извѣстно, что внѣшняя жизнь народа переливается изъ одной формы въ другую по извѣстнымъ законамъ, при чемъ соблюдается строгая постепенность. Это потому, что внѣшняя жизнь есть отпечатокъ внутренней, результатъ цивилизаціи той или другой національности, или историческихъ условій. Въ XV вѣкѣ нельзя было заставить казака носить бѣлорусскую войлочную шапку и великорусскіе лапти, между тѣмъ, какъ теперь можно видѣть его и въ бѣлорусской шапочкѣ и въ великорусскихъ лаптяхъ, смотря по тому, съ кѣмъ онъ смѣшался. Мы не можемъ навязать англичанину высокой запорожской шапки и на оборотъ — не можемъ навязать запорожцу англійскаго плаща; первый считаетъ свою шапку лучше всякихъ тиролекъ и гарибальдинокъ — второй считаетъ свой плащъ лучше *сіряківъ* и *контушівъ*. Болгаринъ выработалъ себѣ одинъ костюмъ, и вы не заставите его носить другой, пока цивилизація его не измѣнитъ своихъ формъ. Римъ, въ періодъ царей, носилъ одинъ костюмъ, который вмѣстѣ съ цивилизаціею мало-по-малу видоизмѣнялся и при какомъ нибудь Ромулѣ-Августулѣ сталъ совсѣмъ другой. Форма цивилизаціи измѣняется такимъ образомъ, что потребность въ новой обстановкѣ сперва рождается въ одномъ слоѣ общества, потомъ въ другомъ, между тѣмъ, какъ третій слой сохраняетъ свой первобытный образъ жизни, такъ что проходятъ цѣлыя столѣтія, и общество, въ какомъ нибудь слоѣ, сохраняетъ свою первобытную форму. Чтобы не сказали, что это фразы, докажемъ примѣромъ. Возьмемъ великорусское общество. Предъ нами столбовой дворянинъ, именитый князь, со всею его вычурной современной обстановкой. Никто спорить не станетъ, если

сказать, что этотъ именитый князь, до призванія варяговъ, былъ тотъ же самый патріархальный словенинъ, какъ и прочіе братья его. Съ призваніемъ варяговъ зародилось высшее сословіе, которое начало отдѣляться отъ народа и, положимъ, при Іоаннѣ Грозномъ уже совсѣмъ отдѣлилось отъ него и не имѣло съ нимъ ничего общаго. У него явилась новая обстановка, новый образъ жизни, новыя потребности, между тѣмъ, какъ братья его продолжаютъ жить патріархально, по старинѣ. Этотъ же самый князь, при Петрѣ I, надѣлъ европейскій кафтанъ, началъ пудрить голову, носить парики и т. д., между тѣмъ, какъ братья его смотрѣли на все это враждебно и продолжали жить по старинѣ. Въ наше время, этотъ князь снялъ кафтанъ съ побрякушками, парики и т. д. и одѣлся въ общеевропейскій костюмъ богатаго сословія. Съ костюмомъ купеческаго слоя дѣлались тѣ жё превращенія: съ Петра онъ натянулъ на себя длинный сюртукъ, который постоянно укорачивался и, наконецъ, въ молодомъ поколѣніи купеческаго слоя, укоротился на столько, на сколько требуетъ современная мода. Напротивъ, съ обстановкой крестьянина не сдѣлалось никакихъ превращеній: онъ живетъ, какъ жилъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и при Петрѣ. Изъ общества выдѣлился новый слой — мѣщанство, которое надѣло длинный суконный кафтанъ купца, по мѣрѣ того, какъ этотъ послѣдній бросалъ его. Когда и мѣщанство стало лѣзть въ длинные сюртуки, то оно, какъ посредствующее между купечествомъ и крестьянствотъ, сдавало свой длинный кафтанъ крестьянству, по мѣрѣ того, какъ онъ становился для него не нужнымъ. Этотъ длинный кафтанъ, принятый только богатымъ крестьянствомъ, идетъ въ этотъ слой слишкомъ туго, такъ что въ глубокой Россіи крестьянинъ сохранилъ свою первобытную форму своего костюма, а равнымъ образомъ и быта. Поэтому мы безошибочно можемъ сказать, что въ современномъ русскомъ обществѣ сохранились не только остатки, но и цѣлыя формы давно минувшей жизни. То же самое можно сказать и о современномъ восточномъ мірѣ, въ которомъ гораздо полнѣе сохранились формы временъ Магомета; (я говорю о мусульманствѣ). То же самое можно сказать и о южно-русскомъ племени. Если «Живописная Украина» была бы трудомъ серьёзнымъ, а не результатомъ мимолетныхъ наблюденій художника, то она должна заняться исторіей видоизмѣненія внѣшнихъ формъ жизни южно-русскаго народа. Будучи убѣжденъ, что цѣль всякаго живописнаго изданія, содѣйствующаго для изученію народа, должна состоять въ этомъ, я скажу, въ чемъ должна заключаться настоящая задача «Живописной Украины» и какимъ образомъ она можетъ достигаться для уясненія внѣшнихъ формъ жизни.

Прежде всего надо обратить вниманіе на исторію народа и ея результаты. Предметомъ наблюденій должна быть не одна Полтавская губернія; предъ издателемъ 14 милліоновъ народа, разселившагося на 10 тыс. квадр. миль и, согласно исторической судьбѣ его, разложившагося на нѣсколько группъ, болѣе или менѣе отличающихся между собою. Любознательность художника и знаніе дѣла могутъ допытаться чрезвычайно важныхъ причинъ и даже доискаться закона, почему внѣшняя жизнь перешла въ ту, а не въ другую форму; вслѣдствіе какихъ историческихъ и географическихъ условій произошла та или другая перемѣна. Южно-русское племя, разбросанное на 10 т. кв. м., представляетъ чрезвычайно много особенностей и въ этнографическомъ, и въ лингвистическомъ отношеніяхъ. Эти особенности будутъ понятны, если мы обратимъ вниманіе на то, вслѣдствіе какихъ историческихъ и географическихъ условій онѣ произошли. Здѣсь мы должны обратить вниманіе на то, какъ разбросано южно-русское племя и съ какими народами оно пришло въ соприкосновеніе, имѣвшее вліяніе на его жизнь. Сплошной массой южно-руссы живутъ въ слѣдующихъ губерніяхъ: Харьковской, Полтавской, Кіевской, Волынской и Подольской, также въ землѣ Черноморскихъ казаковъ, за небольшимъ исключеніемъ въ Екатеринославской и Херсонской. Въ другихъ южно-русскихъ губерніяхъ они составляютъ только небольшую часть населенія: въ Курской губерніи занимаютъ одинъ уѣздъ (Суджанскій), въ Воронежской губерніи живутъ къ западу отъ Дона, въ Таврической губерніи по сю сторону Перекопа, въ Бессарабской области занимаютъ Хотинскій уѣздъ. Въ Люблинской губерніи Царства Польскаго южно-руссы составляютъ двѣ трети населенія; въ Гродненской губерніи занимаютъ Пинскій уѣздъ. Въ незначительномъ количествѣ южно-руссы живутъ еще въ Сибири за Байкаломъ и мѣстами по Волгѣ. Таково распредѣленіе южно-руссовъ внутри Россіи. Внѣ Россіи они живутъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Венгріи сплошною массою живутъ въ комитатахъ—мармашинскомъ, берегскомъ, угочскомъ, унгварскомъ, въ большей части сукмарскаго, саболчскаго, землинскаго и въ части шаришскаго. Въ Галиціи они живутъ къ востоку отъ рѣки Сана, въ Буковинѣ составляютъ одну треть населенія (Основа 1861 г. январь). Понятно, что при такой разбросанности одно и то же племя, въ различныхъ мѣстностяхъ, должно имѣть свои особенности. Прослѣдивши со вниманіемъ эти особенности, мы можемъ доискаться причины, почему въ такой-то мѣстности произошла такая-то особенность. Малороссы Люблинской губерніи отличаются отъ малороссовъ Полтавской губерніи; также и малороссы Курской губерніи отличаются отъ малороссовъ Полтавской губерніи, но эти отличія не одинаковы: въ

нихъ вы видите различную смѣсь. То же самое должно сказать и о жителяхъ Воронежской и Таврической губерній. Такое отличіе можно, конечно, предполагать и сидя въ кабинетѣ, потому что оно слишкомъ велико. Возьмемъ другое отличіе—бѣлорусса отъ малоросса. Они отличаются и по усадьбѣ, и по костюму. У перваго хата бѣленая, крытая соломою, съ окнами, имѣющими видъ параллелограма, у втораго она не бѣленая, съ квадратными окнами, крытая гонтою. У перваго шапка темная, у втораго бѣлая; если темная шапка имѣетъ бѣлую примѣсь, то въ говорѣ уже слышится бѣлорусскій акцентъ. Въ сплошномъ населеніи видимъ также много отличій въ формахъ внѣшней жизни; — возьмемъ для примѣра головной уборъ. Шапка у мужчинъ съ юга на сѣверъ возвышается: въ Полтавской губерніи она выше нежели въ Харьковской, въ Подольской выше нежели Полтавской. Съ женскимъ головнымъ уборомъ то же самое: на сѣверъ онъ выше, а къ югу ниже. Другое общее отличіе то, что въ степныхъ мѣстностяхъ, или въ селахъ, далеко отстоящихъ отъ городовъ, нарядъ самобытнѣе, оригинальнѣе, напротивъ, чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ не самостоятельнѣе. Вотъ болѣе общія отличія, — въ частности же они доходятъ до мелочей. Нарядъ приднѣпровской женщины совершенно отличается отъ наряда женщины Харьковской губерніи, нарядъ полтавки далеко не похожъ на нарядъ подолянки. Въ одной и той же губерніи, въ различныхъ уѣздахъ, различные наряды, такъ что опытный этнографъ по наряду можетъ сказать, не только какой губерніи женщина, но и уѣзда. Самъ народъ южнорусскій очень хорошо знаетъ свои мѣстныя этнографическія отличія. Вотъ въ высшей степени интересныя народныя названія жителей по мѣсту ихъ жительства и характеристическимъ отличіямъ. *Гетманцi*— жители Черниговской губерніи, или вѣрнѣе, южной ея части, потому что живущіе къ сѣверу отъ Десны извѣстны у сосѣдей подъ именемъ литвиновъ. *Степовыки* — жители Полтавской и Екатеринославской губ. *Украiньцi* — жители Кіевской губ., которая называется Украиною. *Польщаки* — жители Подольской губ., (называемой народомъ Польшею). *Полiщуки* — жители Полѣсья. *Палтачи* — Руссины, живущіе въ Бессарабіи и Буковинѣ; названіе получили по длиннымъ волосамъ (Патли), ими носимыхъ. *Пинчуки*—жители Пинскаго уѣзда Гродненской губ. Южноруссы Люблинской губ. сохранили свое древнее названіе *Руссиновъ*. Въ Галиціи, жители плоской ея части также называются Руссинами или *Руснаками*. *Гуцули*—Руссины, живущіе по Карпатамъ (у туземцевъ называемыхъ: Горбы, Верхи и Бескиди); по венгерски *гуцулъ* значитъ разбойникъ. Это названіе дано русинскимъ горцамъ за ихъ отчаянную защиту православной вѣры въ

то время, когда венгры вводили у нихъ унію. Впослѣдствіи, когда со словомъ гуцулъ стало нераздѣльно понятіе о храбромъ человѣкѣ, эти горцы съ гордостью начали сами себя называть этимъ именемъ. Въ Венгріи, живущіе въ горахъ руссины называются *лишаками*, а въ долинахъ *лимаками*, по часто-употребляемымъ ими въ разговорѣ частицамъ *лишъ* и *лемъ*. *Ѳотаки*, живущіе въ Шаришской столицѣ, составляютъ переходъ отъ руссиновъ къ словакамъ. *Байки* — жители юго-восточной части Галиціи. *Шляхтичами* называются руссины-католики въ Кіевской, Волынской и Подольской губ. (Основа 61 г.). Повторяю, если бы «Живописная украина» была изданіемъ серьезнымъ, она должна была поставить для себя задачею показать видоизмѣненіе особенностей во внѣшнихъ формахъ жизни на всемъ пространствѣ, занимаемомъ южнорусскимъ племенемъ. Она должна показать характеристическое отличіе, положимъ, заднѣпровцевъ, черноморцевъ, подолянъ и т. д. отъ всѣхъ остальныхъ мѣстныхъ особенностей племени. Для этого слѣдуетъ взять жителей какой нибудь сплошной массы, разсмотрѣть особенности ихъ жизни и потомъ относительно ихъ разсматривать всѣ особенности того же племени, живущаго въ другихъ мѣстностяхъ. Поступая такимъ образомъ, можно дойти до первообраза южнорусскаго быта, потому что современная жизнь южноруссовъ, съ ея оттѣнками, содержитъ въ себѣ все то, на основаніи чего можно доискаться первоначальныхъ формъ жизни. Это тѣмъ удобнѣе, что исторія южнорусскаго племени есть исторія общества, зародившагося и развивавшагося, во все время своей исторической жизни, на демократическихъ началахъ. Малорусское панство, съ которымъ народъ не имѣлъ ничего общаго, должно разсматриваться, какъ польская шляхта.

Внѣшняя форма жизни народа представляетъ тѣ же явленія, что и языкъ; оттого, гдѣ есть этнографическая особенность, тамъ непремѣнно есть и особенность лингвистическая. Съ этимъ никто, хотя одинъ разъ проѣзжавшій по Малороссіи, спорить не станетъ. Въ Курской губ. костюмъ малоросса есть смѣсь малороссійскаго съ великороссійскимъ,— тамъ и въ говорѣ замѣчаете такую же смѣсь; въ глубокой Малороссіи, гдѣ костюмъ самостоятельный,—языкъ чистый, малороссійскій. Въ Подоліи костюмъ есть смѣсь польскаго съ малороссійскимъ — эта смѣсь отразилась и на языкѣ. Малороссійское мѣщанство носитъ костюмъ, который нельзя назвать ни малороссійскимъ, ни великороссійскимъ — у него языкъ представляетъ безобразную смѣсь, въ родѣ такой: *«ты не смотри што я швець, (сапожникъ) а гавары зо мною якъ зъ прастымъ чоловікомъ»*. Если мы для изученія южнорусскаго языка изучаемъ всѣ его оттѣнки и эти оттѣнки разсматрива-

емъ относительно одного болѣе рѣзкаго и самобытнаго говора, то въ этнографическомъ отношеніи мы должны дѣлать то же самое. Какъ филологъ, для основательнаго изученія какого бы то ни было языка, изучаетъ всѣ его поднарѣчія и оттѣнки, такъ и этнографъ, изучая внѣшнюю форму жизни какого нибудь племени, долженъ изучить до мелочей ея отличія и оттѣнки. Издатель «Живописной Украины» скажетъ, что это слишкомъ большія требованія, что выполнить ихъ слишкомъ трудно. Дѣйствительно, такой трудъ весьма не легокъ, но въ противномъ случаѣ не стоитъ за него и браться. Какую услугу оказалъ издатель этнографіи, рисуя въ теченіи двухъ лѣтъ *чумачковъ*, *мужичковъ*, *бабусь*, *кобзарей* и т. д., взятыхъ безцѣльно и безотносительно?—совершенно никакой: они удовлетворяютъ только простому любопытству. Издатель долженъ былъ не ограничиваться одними типами и костюмировкой,—онъ могъ бы обратить вниманіе и на другія стороны жизни. Онъ можетъ знакомить публику съ народной сельской архитектурой, со всѣми ея отличіями по мѣстностямъ; можетъ и долженъ познакомить съ міромъ обычаевъ, національныхъ игръ, суевѣрныхъ и религіозныхъ вѣрованій. Долженъ показать, какъ одинъ и тотъ же обычай, въ силу историческихъ и географическихъ условій, въ различныхъ мѣстностяхъ исполняется не одинаково. Какъ невѣста въ Подольской губ. одѣвается къ вѣнцу, и какъ въ Черноморьи и Запорожьи; какъ женихъ сидитъ на посадѣ въ какомъ нибудь Прилуцкомъ уѣздѣ, и какъ невѣста прощается съ отцомъ, отходя къ свекру; какъ празднуется обычай Ивана-Купала въ Суджанскомъ уѣздѣ (Курской губ.) и какъ онъ видоизмѣнился въ Хотинскомъ уѣздѣ, Бессарабской области, и т. д. Все это, конечно, мелочи, но онѣ очень интересны и удобоисполнимы. Онѣ покажутъ, что не всегда произволъ бабъ измѣняетъ обычай, а самая жизнь и ея условія. Необходимымъ условіемъ хорошаго успѣха и пользы «Живописной Украины» долженъ быть этнографическій текстъ, не такой, въ которомъ бы авторъ увлекался зудомъ бабскаго веретена, біографіей кобзаря, заунывной пѣснью дѣвушки и полетомъ журавлей, — но текстъ полный фактическаго содержанія, который бы хорошо уяснилъ тотъ или другой рисунокъ альбома и то, что по маловажности своей не занесено въ рисунокъ. Для этого «Живописная Украина» имѣла средства, потому что изученію народа посвящены цѣлые литературные органы и въ особенности «Основа». Весьма пріятно было читать объявленіе объ изданіи «Живописной Украины», гдѣ сказано, что для подписчиковъ «Основы» дѣлается 2 руб. уступки, противъ обыкновенной цѣны. Всѣ думали, что изданіе «Живописной Украины» будетъ совмѣстно съ изданіемъ «Основы», т. е. будетъ чѣмъ-то добавочнымъ для нея, что издавае-

мые рисунки будутъ объясняться въ «Основѣ» этнографическими статьями. Но увы! вторая книга «Основы» напечатала только то, что слѣдовало бы подписать подъ первымъ выпускомъ рисунковъ. Даже можно было предполагать, что «Основа», имѣя большой выборъ этнографическихъ статей, пригласила «Живописную Украину» объяснять эти статьи рисунками, снятыми съ натуры. Ни чуть не бывало: «Живописная Украина» продолжала выходить безъ надлежащихъ объясненій, «Основа»—безъ этнографическихъ статей. Было-бъ совершенно лишнимъ, если бы мы стали доказывать ту громадную пользу, которую могли бы принести эти два органа въ дѣлѣ изученія народной жизни, если бы они взаимно другъ-другу помогали т. е. одинъ другаго объясняли. Недостатокъ этнографическихъ статей въ «Основѣ» зависѣлъ, конечно, не отъ нея самой: онъ обусловленъ состояніемъ этнографической науки въ наше время. Мы до сихъ-поръ не уяснили себѣ настоящей цѣли этнографіи; мы думали и теперь еще думаемъ, что она состоитъ въ томъ, чтобы описать нравъ и обычай какого нибудь народа или мѣстности, безотносительно къ историческимъ и географическимъ условіямъ. Мы описывали съ подробностями свадьбу въ какомъ нибудь Прилуцкомъ уѣздѣ, въ данный моментъ, и думали, что этимъ описаніемъ достаточно уяснили свадебные обряды южноруссовъ, такъ что, сами проѣзжая чрезъ какой нибудь Суджанскій уѣздъ, или не замѣчали никакихъ особенностей, или замѣтивъ не давали имъ особенной важности. Далѣе, описывая внѣшнюю обстановку селянина Воронежской губерніи, мы не замѣчали отличій той же обстановки у селянъ Бессарабской области. Описывая обычай въ одной мѣстности, мы не интересовались видоизмѣненіемъ его въ другой. Все это впрочемъ очень понятно: наука не рождается въ полномъ своемъ развитіи, а развивается постепенно изъ зародышей. Весь этотъ наборъ этнографическихъ статей, часто безцѣльный, иногда вѣрный и невѣрный, весь этотъ этнографическій хламъ имѣетъ большую аналогію съ историческимъ матеріаломъ, какъ-то: нѣмыми памятниками, лѣтописями, сказаніями и пр. Какъ изъ послѣднихъ выработалась впослѣдствіи историческая наука, такъ точно и первые должны лечь въ основаніе этнографической науки. Когда эта наука получитъ права полнаго гражданства въ ряду другихъ наукъ и займетъ между ними почетное мѣсто, — когда для нея учредятся каѳедры во всѣхъ университетахъ, тогда дѣло изученія народа и его жизни пойдетъ быстро и дастъ утѣшительные результаты. Что эта наука, т. е. *наука о народѣ*, войдетъ въ моду и удостоится полнаго сочувствія и почета, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Рано или поздно мы придемъ къ тому правильному убѣжденію, что

человѣчество составляютъ не представители бобровыхъ воротниковъ, фраковъ, лаковыхъ сапоговъ etc., но и тѣ, которые носятъ заплатанный зипунъ, лыковые лапти и всякое рубище, и которыхъ мы изъ сострадания называемъ *меньшими братьями*, или ласкательнымъ именемъ *мужичковъ*. Къ сближенію съ народомъ поведетъ всестороннее изученіе его жизни, а для того чтобы знать и полюбить народъ, мы должны хлопотать о возрожденіи этнографической науки, которая и есть единственное средство изученія народа.

Когда отъ всякой этнографической статьи будемъ требовать не удовлетворенія простому любопытству—описываніемъ нравовъ, обычаевъ и пр. извѣстной мѣстности безотносительно къ исторической судьбѣ ея, когда мы станемъ изучать ее всесторонне и логически, тогда для уясненія того или другаго явленія въ жизни ея, возможенъ и необходимъ одинъ методъ—методъ сравнительнаго изученія всѣхъ мѣстностей или оттѣнковъ, вмѣстѣ составляющихъ страну или племя. Этотъ методъ долженъ быть строго научный, критическій. Мы не можемъ уяснить ни одного обычая, ни одного суевѣрія, если будемъ разсматривать его отдѣльно, въ самомъ себѣ. Необходимо прослѣдить его во всемъ оттѣнкѣ, потомъ во всей сплошной массѣ населенія, и наконецъ, во всемъ южнорусскомъ племени. Мало этого. Допытываясь путемъ критическимъ до настоящаго смысла обычая, мы дойдемъ до Славянъ и пройдемъ чрезъ всѣ его нарѣчія, слѣдя за видоизмѣненіемъ этого обычая или суевѣрія. То же самое должно сказать и относительно внѣшней формы жизни и языка. Было бы совершенно лишнимъ говорить, что для изученія этнографіи какого нибудь народа необходимо знать его исторію. Эти двѣ науки, въ здравомъ пониманіи слова, одна безъ другой не мыслимы. Если мы подъ исторіею вообще будемъ разумѣть не исторію государствъ, какъ это было до сихъ поръ, а исторію народа и его жизни, то отсюда ясно видна тожественность этихъ наукъ. Если исторія займется исключительно исторіею народной жизни и станетъ доискиваться причинъ ея видоизмѣненія, вслѣдствіе какихъ нибудь государственныхъ переворотовъ, то эта исторія есть уже этнографія т. е. *народоописаніе*; и на оборотъ—если этнографія остановится на какомъ нибудь явленіи въ жизни народа и, принявъ его за слѣдствіе, будетъ доискиваться причинъ, вызвавшихъ это явленіе, то этнографія есть уже та же самая исторія. Таково должно быть изученіе Южно-русскаго народа и всего Славянскаго міра, таково должно быть изученіе Восточнаго міра и вообще какого бы то ни было племени и народа. Только при такомъ способѣ изученія, мы когда нибудь можемъ дойти до абсолютнаго пониманія народа.

Обращаясь снова къ «Живописной Украинѣ», мы должны сказать, что жизнь народа по существу своему имѣетъ двѣ стороны—духовную или внутреннюю, внѣшнюю или матеріальную. Согласно этому, и этнографическая наука должна раздѣляться на два отдѣла: первый долженъ заняться внутреннимъ бытомъ народа — второй внѣшнимъ его проявленіемъ. Первымъ отдѣломъ должна была заняться исключительно «Основа», какъ главный южно-русскій органъ,—вторымъ и «Основа», и «Живописная Украина», хотя эта послѣдняя съ большою пользою можетъ служить и обоимъ отдѣламъ.

Мы до-сихъ-поръ говорили о томъ, какую цѣль имѣла «Живописная Украина», по мысли самого издателя, и сказали, что она несостоятельна; потомъ указали, какая должна быть ея задача въ дѣлѣ этнографіи роднаго края. Считая себя не вправѣ нападать на цѣль г. издателя, хотя бы она состояла въ томъ, что онъ вздумалъ рисовать чумачковъ, мужичковъ, пастушковъ и т. д., мы посмотримъ, на сколько они вѣрны въ этнографическомъ отношеніи, хотя бы они взяты были и безотносительно къ исторіи и географіи мѣстности, на которой живутъ. Съ большимъ сожалѣніемъ должно сказать, что эти рисунки, при отсутствіи всякаго этнографическаго такта и выбора, суть, по большей части, каррикатуры, пародіи — какъ хотите назовите, только не вѣрное изображеніе дѣйствительности. Чтобы г. издатель не обидѣлся такою оцѣнкою, мы постараемся его успокоить, доказавъ это на дѣлѣ. Возьмемъ первый попавшійся подъ руку рисунокъ, представляющій сельскій судъ въ Черноморіи. Увѣряемъ читателя, что онъ ни въ какомъ случаѣ не догадался бы, что это судъ черноморскихъ казаковъ, если бы объ этомъ не прочелъ въ «Основѣ». Это просто группа обоянскихъ поселянъ какой нибудь Курской губ., или просто поселянъ Московской губ., сидящихъ въ корчмѣ, въ волостномъ правленіи, гдѣ хотите, только не черноморскіе казаки: нѣтъ ни одного черноморскаго типа, ни одного костюма. Глядя на этотъ рисунокъ, припоминаешь ходячій разсказъ въ Малороссіи, что когда одинъ базарный художникъ нарисовалъ сливу, и она вышла величиною съ арбузъ, то онъ былъ въ необходимости сдѣлать къ ней надпись: *«се не кавунъ* (*арбузъ*) *а слива».* Здѣсь г. издатель хотѣлъ, конечно, показать, главнымъ образомъ, не типъ, иначе онъ могъ бы нарисовать одного или двухъ казаковъ; онъ хотѣлъ показать внѣшнюю форму суда, т. е. какъ казаки сидятъ, собравшись на судъ, и г. Жемчужникова не трудно убѣдить (вмѣстѣ съ нимъ и г. Бейдемана), что и великорусскихъ селъ поселяне могутъ сидѣть на своихъ судахъ такъ, какъ сидятъ черноморскіе казаки на рисункѣ «Живописной Украины». На это нѣтъ никакихъ особенныхъ обычаевъ, а если и

есть какая особенность, т. е. относящаяся до характера этихъ судовъ, то она неуловима для рисунка. — Возьмемъ рисунокъ N 9, предлагаемый, какъ типъ украинскаго селянина. Это толстый мужчина, съ колоссальной головой, съ напущенными на лобъ волосами, съ надутыми щеками, съ заплывшими глазами и круглымъ обликомъ, въ какомъ-то средневѣковомъ костюмѣ. Съ перваго же взгляда вы видите, что это не французъ, нѣмецъ, татаринъ,—а украинецъ. Мы слыхали отъ людей выдающихъ себя за компетентныхъ, что это личность типическая, и которые на возраженія наши говорили, что достоинство выводимыхъ типическихъ личностей состоитъ въ томъ, чтобы не руководствоваться никакимъ выборомъ, а брать первую попавшуюся личность. Я положительно думаю, что предлагаемая личность не есть типическая, и что, выводя типическую личность, надо руководствоваться строгимъ выборомъ. Лицо, выдаваемое за типъ, должно дать понятіе обо всемъ народѣ; теперь спрашиваемъ г. издателя и людей компетентныхъ, какое могутъ имѣть понятіе люди не знакомые съ украинскимъ народомъ, если для этого возьмутъ первую попавшуюся личность и эта личность будетъ какой нибудь уродъ? При такомъ взглядѣ на дѣло, издатель только вводитъ въ заблужденіе незнакомыхъ съ украинскимъ народомъ и оскорбляетъ самый народъ, выдавая каррикатуру за народный типъ. Эту личность можно назвать типическою, но въ другомъ отношеніи. Въ Малороссіи попадаются въ каждомъ селѣ, въ значительномъ количествѣ, субъекты такого свойства: лѣнивые и неповоротливые, неопрятные, любящіе поѣсть, попить,—поспать при первомъ удобномъ случаѣ, и оттого полные и физически развитые, которые, составляя собою цѣлый типъ, называются въ народѣ оскорбительнымъ для нихъ эпитетомъ *мурло*. Нарисованная г. Жемчужниковымъ личность вполнѣ выражаетъ этотъ типъ. Рисунокъ подъ № 10 и одна фигура въ рисункѣ подъ № 14 не достойны критики; это верхъ безобразія, оскорбляющаго національное чувство всякаго украинца. Не понятно, какимъ образомъ г. Жемчужниковъ, художникъ, и слѣдовательно, имѣющій понятіе объ условіяхъ эстетическаго вкуса, могъ безъ отвращенія смотрѣть на безобразное произведеніе своего рѣзца, а тѣмъ болѣе выпустить его на судъ публики. Рисунокъ подъ № 16 скорѣе представляетъ удрученнаго житейскими невзгодами чиновника, нежели типъ украинца. Изъ портретовъ кобзарей № 21 внушаетъ довѣріе къ своей типичности, № же 5 есть непремѣнно опоэтизированный и искаженный портретъ кобзаря. Женскіе типы удачнѣе: №№ 1, 3 и 8 можно назвать весьма удовлетворительными. Остальные ни то, ни се. Я не думаю, чтобы типическая невѣрность происходила отъ того, что г. Жемчужниковъ не умѣетъ остановиться на

типической личности; мнѣ кажется, она происходитъ отъ того, что онъ, снимая портретъ на скорую руку, не можетъ схватить всѣхъ характеристическихъ чертъ типа, и такимъ образомъ происходитъ невѣрность. Переводя рисунокъ на мѣдь, онъ теряетъ еще нѣсколько процентовъ, такъ что оттиснутый съ мѣдной доски, онъ далекъ отъ дѣйствительности.

Выставленные здѣсь недостатки «Живописной Украины» относятся преимущественно къ выпускамъ прошлаго года; въ нынѣшнемъ же году она идетъ гораздо удачнѣе. Здѣсь, кромѣ историческихъ архитектурныхъ образцовъ, на которые смотришь съ большимъ удовольствіемъ, попадаются и такіе, какъ напримѣръ, избенка селянина, которую безъ преувеличенія можно назвать безукоризненно-вѣрнымъ снимкомъ. Не безъ удовольствія останавливаешься и на другихъ рисункахъ. Обращаю вниманіе читателя на два рисунка (№№ 32 и 36), представляющіе двухъ украинцевъ. При отсутствіи фотографической вѣрности, и костюмъ, и обликъ близки къ натурѣ, а одинъ изъ нихъ (№ 36), не имѣя совершенно никакихъ недостатковъ, можетъ рекомендоваться, какъ селянинъ черниговской губерніи. Селянинъ съ удовольствіемъ бы посмотрѣлъ на вѣрную передачу его типа. Рисунокъ № 44, представляющій просящаго на *карнявку* (на церковь), очень вѣренъ; № 31, представляющій кременчугскихъ евреевъ, вѣренъ во всѣхъ отношеніяхъ. Говоря о женскихъ типахъ и костюмахъ, можно указать на нѣсколько рисунковъ (№№ 35, 22 и 34). Общее достоинство ихъ то, что съ перваго взгляда вы видите, что они взяты изъ украинской жизни, которую въ общихъ чертахъ передаютъ хорошо; общій недостатокъ ихъ тотъ, что они не выражаютъ мѣстнаго типа. Они большею частью сняты съ картинъ художниковъ, которые не интересуются отдѣльными мѣстностями, а вдаются въ общія мѣста. У насъ художники плохіе этнографы; они ищутъ вездѣ поэзіи, и если гдѣ ея не находятъ, то охотно добавляютъ изъ собственной фантазіи. Въ прошломъ году мнѣ пришлось видѣть на выставкѣ (въ академіи художествъ) довольно хорошо выполненную картину, изъ крестьянскаго быта, такого содержанія: жнецъ и жница идутъ съ полевыхъ работъ домой; не находя въ этомъ поэзіи, художникъ заставляетъ ихъ влюбиться другъ въ друга. Они влюбились. Изъясняясь въ любви, дѣвушка съ выраженіемъ въ лицѣ, свойственнымъ однимъ только влюбленнымъ, нѣжно, двумя пальчиками, вынимаетъ изъ пучка ржи колосокъ и подаетъ влюбленному; этотъ, отвѣчая на слова любви, беретъ колосокъ. Здѣсь бездна поэзіи, скажете вы; нѣтъ, скажетъ художникъ, поэзія есть, да мало, развѣ могутъ быть влюбленные въ рубищѣ, да еще въ художественномъ про-

изведенія?—и наряжаетъ молодца въ красную сорочку, красиво застегнутую съ боку, въ шляпу съ перомъ, извѣстные шаравары, франтовскіе елецкіе сапоги, дѣвушку въ сарафанъ, не помню какого цвѣта, въ бѣлую вышитую рубаху, въ ленты, цвѣты и т. п. Въ такомъ парадномъ костюмѣ, влюбленные, съ полевыхъ работъ, словно отъ вѣнца, идутъ домой, «твердя слова любви», какъ сказалъ одинъ поэтъ. Вотъ поэзія, такъ-такъ! восклицаетъ художникъ. Не знаю, какъ на кого, а на меня подобныя картины наводятъ грусть. Видишь, что художникъ-туристъ вышелъ на лѣто изъ Петербурга потолкаться между народомъ, половить темъ для художественныхъ картинъ изъ народнаго быта, такъ точно, какъ праздный джентльменъ отправляется на охоту за дичью. И вотъ онъ между *мужичками*, бытъ которыхъ онъ представлялъ какою-то Аркадіей. Здѣсь онъ всматривается не въ горемычную сторону жизни селянина, а обращаетъ вниманіе только на тѣ отрадныя ея стороны, на которыхъ только и можетъ, на время, отдохнуть усталый взоръ серьезнаго наблюдателя. Вотъ онъ на хороводѣ, гдѣ дѣвушки и парни хороводятся, веселятся, поютъ пѣсни; воскресный день, онъ идетъ въ церковь, куда собираются *мужички*, *бабочки*, *дѣвочки*, *парни* въ праздничномъ платьѣ; замѣчаетъ, какъ они крестъ кладутъ, бьютъ поклоны и т. д.; ходитъ на свадьбу, смотритъ обычаи, слушаетъ пѣсни и иногда восторгается ими. Ходитъ по горамъ, долинамъ, рощамъ, катается въ травѣ, рисуетъ пейзажи. Иногда сходитъ на ниву, гдѣ *мужички* убираютъ хлѣбъ. Не всматриваясь ближе и глубже въ жизнь селянина, туристъ во всемъ этомъ видитъ только отрадную сторону, все это ему представляется милой картинкой, Аркадіей съ пастушками, мужичками, барашками, на которую и крестьянинъ смотритъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и онъ. Возвратившись въ Петербургъ съ такими извращенными понятіями о крестьянскомъ бытѣ, понятно, почему онъ рисуетъ картины далекія отъ дѣйствительности. Напримѣръ, рисуетъ молящагося крестянина и въ порывахъ поэтическаго воодушевленія заставляетъ его дѣлать крестъ лѣвою рукою (см. Живописной Украины № 47), или жнеца и жницу въ такомъ костюмѣ, въ какомъ онъ видѣлъ ихъ въ церкви или на хороводѣ. Такой отчасти характеръ носятъ и рисунки г. Жемчужникова. Они довольно близко знакомятъ съ Малороссіей, но не выражаютъ той мѣстности, изъ которой будто бы ихъ взялъ художникъ. Этимъ и объясняется то, что, показывая тотъ или другой рисунокъ малороссамъ той мѣстности, изъ которой онъ взятъ, слышишь отъ нихъ: у насъ головной уборъ не такой, корсетъ короче, длиннѣе и т. д. Рисунки г. Жемчужникова—обобщенные типы, обоб-

ціональные костюмы, очень часто опоэтизированные и очень рѣдко болѣе или менѣе вѣрные.

Я положительно думаю, что въ дѣлѣ «Живописной Украины» нельзя ограничиваться однимъ карандашомъ. Какъ бы художникъ ни былъ искусенъ въ дѣлѣ рисовать съ натуры, онъ, на скорую руку, не можетъ снять правильно типа. Это будетъ подражаніе, пожалуй удачное, но оно не въ состояніи передать характеристическихъ чертъ того лица, которое художникъ отдѣлилъ для типа, руководствуясь строгимъ выборомъ. Достоинство типическаго рисунка состоитъ въ томъ, чтобы онъ передавалъ до мельчайшихъ мелочей складъ облика и черты лица того, кого онъ выбралъ въ типическія личности; чтобы передалъ костюмъ его въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ дѣйствительности, не вымышляя ни одной іоты. Можно карандашомъ, на скорую руку, нарисовать *дівчину* или *парубка* и сказать: «рисовано съ натуры въ Полтавской губерніи Прилуцкаго уѣзда въ селѣ N. съ дѣвушки такой-то», назвавъ имя и фамилію, но эта фраза не можетъ гарантировать вѣрность рисунка; онъ все таки можетъ быть и будетъ не вѣрнымъ. Единственное средство для вѣрной, безукоризненной передачи типа и костюма, по моему крайнему убѣжденію, есть фотографія. Считаю совершенно лишнимъ говорить о преимуществахъ фотографическаго снимка предъ рисункомъ какого бы то ни было художника. Кромѣ того, въ этнографическомъ отношеніи, небходимо эти снимки ретушировать акварелью. Отсылаю г. Жемчужникова къ г. Тимму, у котораго есть этнографическій альбомъ какого-то художника, надѣясь, что онъ убѣдится въ истинности моихъ словъ. Тамъ онъ, въ числѣ прочихъ, увидитъ типы Воронежскихъ Малороссіянъ, снятыхъ съ большимъ умѣньемъ и любовью, по всѣмъ требованіямъ этнографической науки, и при томъ отдѣланныхъ акварелью. Глядя на этотъ, въ высшей степени интересный трудъ, любуешься и жалѣешь, что онъ лежитъ въ безъизвѣстности въ числѣ прочаго хлама «Художественнаго листка». Увидѣвши этотъ альбомъ, г. Жемчужниковъ, полагаю, самъ придетъ кь тому правильному убѣжденію, что цѣль и самый трудъ его предъ цѣлью и трудомъ почтеннаго художника есть не что иное, какъ слабый намекъ на дѣло, но не самое дѣло. Тамъ онъ увидитъ, какое важное значеніе имѣетъ краска на рисункѣ въ дѣлѣ этнографіи.

Оканчивая разборъ «Живописной Украины», нельзя не порадоваться новому открытію, которое будетъ имѣть чрезвычайно важное приложеніе въ дѣлѣ этнографіи. Изъ Нью — Іорка пишутъ, что какой-то фотографъ усовершенствовалъ фотографію до того, что можетъ снимать съ одного негатива до 2000 оттисковъ въ одинъ часъ. Когда

это усовершенствованіе проникнетъ въ Россію, тогда каждый любящій народъ и дѣло этнографіи будетъ имѣть возможность снимать съ натуры типы, костюмы и т. д., не прибѣгая къ помощи художниковъ—поэтовъ,—и не для потѣхи людямъ, а для близкаго и вѣрнаго ознакомленія съ внѣшней формой народной жизни.

Ѳ. ХАРТАХАЙ.

МОСКОВСКІЯ ПИСЬМА.

I.

Я не знаю отчего, но всякій разъ, какъ я проѣзжаю мимо нашего малаго театра, мною овладѣваетъ какой-то священный ужасъ. Мнѣ все кажется, что тамъ не играютъ, а совершаютъ какія-то таинства, производятъ какія-то возліянія. Мнѣ кажется, что тамъ, въ темномъ углу стоитъ стыдливая богиня искусства, что Разказовъ сметаетъ съ нея пыль, что Садовскій стоитъ въ одеждахъ верховнаго жреца и нюхаетъ табакъ, окруженный Шумскимъ, Самаринымъ и Никифоровымъ, что Дмитревскій произноситъ возгласы, а М. С. Щепкинъ, въ видѣ стараго причетника, сдавшаго дьяческое мѣсто дочери, дрожащимъ отъ слезъ голосомъ поетъ:

«Мы искусству честно служимъ,
Даже денегъ не беремъ!
Мы, не ѣвши день, не тужимъ,
И, не ѣвшижь, спать идемъ! (*)»

Впрочемъ, Москва вообще производитъ на меня это подавляющее впечатлѣніе. Ѣду ли мимо университета, мнѣ кажется, что тамъ, передъ лицомъ Науки, г. Никита Крыловъ возлагаетъ

(*) Взято изъ водевиля: «Гризетка Лизетта, или нас не оставитъ Богъ!»

руки на г. Бориса Чичерина, причемъ гг. Бабстъ, Бодянскій и Капустинъ поютъ:

«Не увлекшійся прогрессомъ,
Ты, продуктъ родной страны,
Служишь скромно интересамъ
Государственной казны! (*)»

Ѣду ли по Спиридоновкѣ, мимо редакціи «Дня», мнѣ чудится, сквозь тьму, царствующую въ ея окнахъ, что тамъ есть какой-то храмъ, въ которомъ стоитъ богиня Народности, передъ которой преклоняетъ колѣна И. С. Аксаковъ и приноситъ въ жертву цыпленка, приготовленнаго à la polonaise, а гг. Погодинъ, Безсоновъ и Бѣляевъ поютъ:

«Ты, Аксаковымъ воспѣтый,
О, славянъ могучій родъ!
Что-то выйдетъ изъ атлета?
Мускулистѣйшій уродъ! (**)»

Знаете ли что? даже, когда я проѣзжаю мимо Лоскутнаго трактира — и тогда мнѣ кажется, что тамъ не готовятъ, а молебны Молоху служатъ. Мнѣ чудится, что стоитъ главный поваръ и обдумываетъ, какимъ бы образомъ устроить, чтобы цѣлаго слона въ кострюлю уложить; стоятъ кругомъ поварята и, разиня ротъ, ожидаютъ, что вотъ — вотъ главный поваръ скажетъ предику, и вдругъ вода закипитъ въ кострюляхъ, и вдругъ начнутъ съ боку на бокъ перевертываться на сковородкахъ чудодѣйственные поросята и до отвращенья откормленныя индѣйки. Даже, когда я проѣзжаю по Арбату, Плющихѣ и проч. мимо всѣхъ этихъ запустѣлыхъ и не освѣщенныхъ домовъ, то и тогда мнѣ кажется, что тамъ скрываются безвѣстные, покрытые пылью богини и боги, вокругъ которыхъ стоятъ почтенные московскіе обыватели и поютъ гимны Праздности...

Какихъ результатовъ достигло и изъ-за чего хлопочетъ въ Москвѣ поклоненіе Наукѣ, Народности, Молоху и Праздности— объ этомъ я разскажу вамъ въ слѣдующихъ письмахъ; теперь же буду говорить исключительно о театрѣ.

(*) Взято изъ водевиля: «Сила Судьбы или Волшебный четвертакъ».
(**) Взято изъ водевиля: «Невинное препровожденіе времени».

Какъ ни строго впечатлѣніе, производимое на меня московскимъ театромъ, я, не далѣе, какъ на этихъ дняхъ, рѣшился, однакожь, войти туда. Вхожу—какъ будто пахнетъ нѣкіимъ куревомъ: что сей сонъ значитъ? «Это, объясняетъ мнѣ спутникъ мой, еще Михайло Семенычъ закурилъ, да какъ забылъ закрыть курильницу, такъ она и чадитъ съ тѣхъ поръ». Хорошо. Осматриваюсь кругомъ — все сидятъ персоны строгія, сосредоточенныя, которыя какъ будто говорятъ: а ну, попробуй-ка ты сыграть скверно, попробуй-ка не понять мысли автора, попробуй-ка не разжевать каждаго выраженія представляемаго тобою лица — вотъ мы тебя ужо! разславимъ на весь московскій трактиръ!

— Неужто это все дѣйствительные статскіе совѣтники? спрашиваю я моего спутника, не понявъ сначала, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ, это все любители и цѣнители искусства! отвѣчаетъ мнѣ спутникъ.

Хорошо.

— Чортъ возьми! стало быть сегодня артистическое торжество какое нибудь? стало быть даютъ Гоголя или Островскаго? а можетъ быть, всталъ изъ гроба Мочаловъ и принесъ съ собою Гамлета или Отелло?

И я съ наслажденіемъ потираю себѣ руки, какъ потираетъ себѣ руки голодный, который думаетъ: вотъ-то сейчасъ славно пообѣдаю!

Ни чуть не бывало: смотрю на афишу и вижу — «Пасынокъ! Что за «Пасынокъ?» чей «Пасынокъ?» и откуда взялся этотъ «Пасынокъ?»

Съ литераторами случаются иногда прекурьезныя вещи. Представьте себѣ на минуту, что вы литераторъ, читатель. Сидите вы, напримѣръ, въ клубѣ или въ ресторанѣ за обѣдомъ; подлѣ васъ помѣстился какой-то пріятный незнакомецъ. Мало-по-малу между вами завязывается бесѣда и наконецъ дѣло доходитъ до того, что незнакомцу очень было бы пріятно знать, съ кѣмъ онъ имѣетъ удовольствіе говорить. Вы называете себя.

— Ахъ, такъ это вы! восклицаетъ незнакомецъ, слегка приподнимая центръ тяжести: — ахъ, какъ пріятно! ахъ, какъ пріятно!

Вы нѣсколько сконфужены, но самолюбіе ваше не страдаетъ; напротивъ того, оно даже какъ будто играетъ.

— Это тѣмъ пріятнѣе, продолжаетъ между тѣмъ незнакомецъ, — что вѣдь мы собраты! Какъ же! Какъ же! И я тоже

служу златокудрому богу и вѣтреннымъ богинямъ! вѣдь и я тоже... какъ же! какъ же! нѣкогда стихи въ «Библіотекѣ для Чтенія» пописывалъ!

Оказывается, что это авторъ такой-то повѣсти, авторъ такихъ-то стиховъ, и что вы ни о повѣсти, ни о стихахъ не имѣете никакого понятія. Оказывается, что у васъ есть братецъ, котораго ваша maman, неизвѣстно почему, держала до сихъ поръ en nourrice. Оказывается также, что весь этотъ разговоръ, вся эта исторія затѣяны пріятнымъ незнакомцемъ именно для того, чтобы заявить во всеуслышаніе, что онъ не кто другой, а литераторъ. Еслибъ паче чаянія случилось, что вы не литераторъ, а статскій совѣтникъ, онъ и тутъ нашелся бы.

— Ну, а я литераторъ такой-то, сказалъ бы онъ вамъ, слегка вздохнувши: — я написалъ такую-то повѣсть, напечаталъ такую-то интермедію... да нѣтъ! хочу бросить!

Или, напримѣръ, идете вы справиться по своему дѣлу въ какой нибудь департаментъ; вамъ указываютъ на начальника отдѣленія, сѣдаго старца, который въ скоромъ времени ожидаетъ себѣ отставки за возрастіемъ. Старецъ озлобленъ и принимаетъ васъ съ какимъ-то плотояднымъ недружелюбіемъ.

— Что нужно? спрашиваетъ онъ.

Вы разсказываете.

— Фамилія?

Вы называете себя. Происходитъ внезапная метаморфоза. Старецъ простираетъ руки; старецъ чуть-чуть не проливаетъ слезъ.

— Да вѣдь мы собраты! говоритъ онъ, предлагая вамъ стулъ: — прошу покорно, собратъ! Какъ же! какъ же! Пописывали... пописывали!

И вы узнаете, что любезный старикъ дѣйствительно когда-то пописывалъ въ «Сѣверной Пчелѣ», и что еще недавно послалъ статейку въ «Сѣверную Почту» подъ названіемъ «Нѣчто о нигилистахъ, или новая продѣлка нашихъ агитаторовъ», но почему-то ее не печатаютъ.

И вы идете домой, раздумывая, что бы такое означалъ сей фактъ, что въ русской литературѣ существуютъ литераторы, которыхъ никто не знаетъ, публицисты, которыхъ никто не читаетъ, и поэты, которыхъ стиховъ никто не кладетъ на музыку? Какимъ образомъ эти поэты, публицисты и литераторы залѣзли въ литературу? И главное, какимъ образомъ они въ ней прижились такъ, что и печей словно не топятъ, и кушанья не варятъ,

и не умываются, и въ баню не ходятъ, — однимъ словомъ, никакихъ-таки признаковъ жизни не обнаруживаютъ. Cur! quomodo? quando? quibus auxiliis?

Это тайна русской литературы, прямо указывающая на младенческое ея положеніе. Это доказываетъ только, что литература наша нуждается еще въ дѣятеляхъ хотя бы для одного счета, что она, какъ мужицкое горло или какъ суконное бёрдо — все метъ. Въ литературѣ болѣе зрѣлой, всѣ этѣ личности исчезли бы сами собой немедленно послѣ первыхъ попытокъ и занялись бы ремеслами полезнѣйшими; у насъ онѣ не пугаются ни равнодушія публики, ни ореола неизвѣстности, который ихъ окружаетъ; они продолжаютъ работать съ трудолюбіемъ неслыханнымъ и, соорудивъ какой нибудь литературный мавзолей, дѣйствуютъ настоятельно. «Ты меня въ книжкѣ читать не хотѣлъ, такъ я заставлю тебя слушать меня, смотрѣть меня, обонять меня... публично!»

Нынче такихъ литераторовъ развелось очень много, потому что и самый доступъ въ литературный цехъ значительно облегченъ. Литераторы эти — народъ легкій, тяжелый, веселый, угрюмый, горячій, равнодушный, ученый, невѣжественный — всего въ нихъ накладено по немножку. Одного въ нихъ нѣтъ — идей своихъ нѣтъ, а потому они заимствуютъ таковыя изъ свода законовъ; возьмутъ на выборъ статью да и начнутъ романъ или драму такого содержанія строчить, что вотъ-дескать жилъ на свѣтѣ Иванъ Иванычъ, который очутился въ такомъ-то положеніи (обыкновенно укралъ, но укралъ-то не онъ, а Петръ Петровичъ); что къ нему примѣнена такая-то статья свода законовъ и примѣнена совсѣмъ несправедливо. Разумѣется, къ этому прилѣпляется какая нибудь Марья Ивановна, которая или плачетъ или смѣется, смотря по тому, въ какомъ расположеніи находится авторъ, а въ концѣ непремѣнно слѣдуетъ резолюція: Ивана Иваныча простить, а объ законѣ подумать. Отсюда, главная спеціальность этихъ авторовъ — помогать правительству, и какъ таланта у нихъ никакого нѣтъ, то они замѣняютъ его усердіемъ. Ихъ никто не проситъ помогать — они помогаютъ; имъ говорятъ, что и безъ нихъ давно замѣтили несообразность такой-то статьи — они помогаютъ; имъ говорятъ, что усердіе ихъ запоздало — они помогаютъ! Невиннѣе этихъ людей нѣтъ ничего на свѣтѣ.

Велико было мое удивленіе, когда я узналъ, что авторъ «Па-

сынка» не какой нибудь новичекъ, въ родѣ, напримѣръ, г. Устрялова, автора знаменитой драмы «Слово и дѣло», но литераторъ уже искусившійся (*). Что онъ создалъ? какую статью свода законовъ примѣнилъ къ Ивану Иванычу? мучительно спрашивалъ я себя и спрашивалъ бы напрасно, еслибъ спутникъ мой не объяснилъ мнѣ, что авторъ «Пасынка» есть вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ двухъ повѣстей, изъ которыхъ одна была напечатана въ «Современникѣ», а другая произвела впечатлѣніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Признаюсь откровенно, я не читалъ этихъ повѣстей; изъ знакомыхъ моихъ, къ кому я ни обращался, тоже никто не читалъ ихъ; экземпляры нумеровъ «Современника» и «Русскаго Вѣстника», въ которыхъ были онѣ напечатаны, всѣ затеряны; статьи свода законовъ, которыя, вѣроятно, въ нихъ разбираются, несомнѣнно исправлены; въ довершеніе всего, журналистика не сказала объ этихъ произведеніяхъ ни полслова. Однимъ словомъ, публика ихъ игнорируетъ.

Теперь авторъ напоминаетъ о себѣ публикѣ драмой. Игнорировать больше нельзя, уже по одному тому, что онъ самъ дѣйствуетъ настойчиво.

Дѣло заключается въ слѣдующемъ:

У помѣщика, Николая Петровича Оловянникова (г. Дмитревскій), есть дочь Софья Николаевна (г-жа Медвѣдева) и пасынокъ Сергѣй Ивановичъ Бурцевъ (г. Шумскій). Оловянниковъ вдовъ и жена его, умирая, оставила ему въ пожизненное владѣніе все свое имѣніе (вотъ она, статья-то свода законовъ!); разумѣется, пасынокъ до крайности недоволенъ этимъ распоряженіемъ — отсюда драма. Пасынокъ этотъ глупѣйшее, пустѣйшее и при томъ развратнѣйшее существо на свѣтѣ; онъ воспитывался въ какомъ-то корпусѣ, и въ головѣ его вмѣщаются только три представленія: ресторанъ Дюссо, рысаки и камеліи (не найдете ли десятъ удобнымъ пересмотрѣть уставы военно-учебныхъ заведеній?). Отчимъ съ своей стороны ничѣмъ особеннымъ не отличается, кромѣ того, что очень много кашляетъ и еще больше плюетъ.

Драма начинается тѣмъ, что на сценѣ сидитъ Софья Николаевна и стонетъ; она вдова, но натурально у нея есть другъ,

(*) Я не считаю себя въ правѣ назвать ея, потому что онъ скрылъ свое имя въ афишѣ, но имя это ни для кого не тайна.

который вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитатель ея сына. Софья Николаевна стонетъ о томъ, что она вдова, стонетъ о томъ, что у нея есть другъ, о томъ, что у нея есть отецъ, о томъ, наконецъ, что у нея есть единоутробный братъ. Стонъ всеобщій, повсемѣстный; нѣтъ той поры въ этой женщинѣ, нѣтъ той жилки, которая бы не стонала; стонъ тѣмъ болѣе огорчающій, что производить его поручено госпожѣ Медвѣдевой, которая дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ вполнѣ неуносительно. Приходитъ Михаилъ Аѳанасьевичъ Любановичъ, другъ Софьи Николаевны и воспитатель ея сына; они говорятъ. Потомъ приходитъ помѣщикъ Олешниковъ; онъ кашляетъ, плюетъ, стучитъ палкою и вообще изображаетъ дряхлаго старика. Потомъ являются: Владиміръ Григорьевичъ Полубовъ, уѣздный судья (г. Никифоровъ), съ супругой Агафьей Петровной (г–жа Акимова), и объясняютъ, что они пріѣхали, потому что мимо ѣхали. Наконецъ уходятъ всѣ, кромѣ Софьи Николаевны. Является Бурцевъ и разсказываетъ, что онъ оставилъ военную службу, потому что проигрался окончательно и задолжалъ двадцать тысячъ; что онъ покуда остановился на постояломъ дворѣ, чтобъ не озадачить сразу своимъ пріѣздомъ кашляющаго отчима; что двадцать тысячъ ему нужны до зарѣзу, потому что его всякую минуту могутъ посадить за долги въ тюрьму, и что вслѣдствіе сего онъ поручаетъ Софьѣ Николаевнѣ склонить старика отчима заплатить эти долги. Софья Николаевна говоритъ, что постарается, но что впрочемъ ручаться не можетъ. Бурцевъ проситъ водки, и занавѣсъ падаетъ.

Во второмъ дѣйствіи, отчимъ съ пасынкомъ свидѣлись; они ругаются въ какой-то бесѣдкѣ, а изъ оконъ виднѣются кусты розъ. Пасынокъ говоритъ: мнѣ мало двухъ тысячъ въ годъ, которые вы мнѣ даете; отчимъ говоритъ: довольно. Пасынокъ говоритъ: имѣніе-то вѣдь мое; отчимъ говоритъ: врешь! Однимъ словомъ, происходитъ сцена возмутительная, сколько по содержанію своему, столько же и по выполненію. Этакихъ сценъ, авторъ, мало-мальски одаренный трудолюбіемъ, можетъ писать десятки ежедневно.

Напримѣръ:

Онъ. Я пойду ѣсть устрицы къ Елисееву.

Я. Нѣтъ, не пойдешь ты ѣсть устрицы къ Елисееву.

Онъ. Да почему жь мнѣ не пойти ѣсть устрицы къ Елисееву?

Я. А потому, что ты вчера ходилъ ѣсть устрицы къ Елисееву и т. д. и т. д.

Или:

Онъ. Я куплю себѣ новое пальто!

Я. Зачѣмъ тебѣ новое пальто: ходишь и въ старомъ!

Онъ. Помилуйте, въ старомъ пальто всѣ швы ужь истерлись.

Я. Ничего, ходишь и въ старомъ! и т. д. и т. д.

Присутствовать при подобныхъ сценахъ тяжело; совѣстно за пьесу, совѣстно за театръ, совѣстно за автора, совѣстно за актеровъ, совѣстно за зрителей. Слышишь крики и споръ на сценѣ, и ничего-то человѣческаго въ этихъ крикахъ, ни одного-то свѣтлаго промежутка; словно бредъ внезапно овладѣлъ всѣми актерами, словно вдругъ перенесся въ домъ умалишенныхъ и слушаешь, какъ одинъ изъ нихъ увѣряетъ, что онъ духъ долины, а другой ему возражаетъ: врешь! ты не духъ долины, потому что я сынъ Фараона!

Но вотъ и опять пріѣзжаетъ Полубовъ съ женою; и опять они заѣхали потому, что мимо ѣхали. Нѣсколько минутъ поочередно говорятъ и потомъ уходятъ обѣдать; остается на сценѣ г. Шумскій и произноситъ монологъ, гдѣ онъ разсказываетъ нѣчто о камеліяхъ и о рысакахъ; монологъ длиненъ, даже очень длиненъ, но это не мѣшаетъ ему быть и безцвѣтнымъ и вялымъ. Ни одной типической черты, ни одного мѣткаго слова, кромѣ какихъ-то: «ѣдешь-этакъ, чортъ побери, по невскому», или «пріѣдешь-этакъ къ Дюссо, спросишь себѣ» и т. д. и т. д. (*). Опять на сцену возвращается Оловянниковъ, и опять Бурцевъ начинаетъ грубить ему; Оловянниковъ нападаетъ и стучитъ палкой; среди всего этого сумбура пріѣзжаетъ Григорій Ивановичъ Крюковъ, становой приставъ (г. Садовскій), по какому-то касающемуся до Оловянникова дѣлу. Оловянниковъ проситъ Григорія Иваныча выгнать отъ него пасынка, но Григорій Иванычъ отвѣчаетъ, что не можетъ этого сдѣлать, потому что имѣніе принадлежитъ собственно роду Бурцевой, а Оловянниковъ — лишь временный владѣлецъ его. «Пьяная рожа!» кричитъ на него Оловянниковъ. «Рожа», отвѣчаетъ Григорій Иванычъ, — «это такъ, но пьяная — никогда!»

Крюковъ — это комикъ піесы; на немъ авторъ сосредоточи-

(*) Разумѣется, не имѣя подъ руками пьесы, я не могу отвѣчать за совершенную точность выраженій, ни даже за вполнѣ точное изложеніе хода пьесы. Я отвѣчаю только за правдивую передачу *смысла* выраженій и *содержанія* пьесы.

ваетъ все свое остроуміе, точно такъ же, какъ на Софьѣ Николаевнѣ — всю свою чувствительность, а на Бурцевѣ — все свое негодованіе. Такимъ образомъ выходитъ, что когда на сценѣ г-жа Медвѣдева, то слѣдуетъ плакать; когда на сценѣ Бурцевъ, то слѣдуетъ говорить: «ахъ, мерзавецъ!», а когда на сценѣ Крюковъ, то слѣдуетъ смѣяться. Въ самомъ дѣлѣ, не остроумно ли, напримѣръ, что этотъ Крюковъ однажды на слѣдствіи шубу съѣлъ? Не остроумно ли, что послѣ такой необыкновенной пищи, Крюковъ каждую минуту плюется? Сверхъ того, онъ рёска; сверхъ того, онъ заикается. Соединеніе всѣхъ этихъ качествъ дѣлаетъ изъ него очень пріятнаго собесѣдника въ обществѣ и очень эффектное явленіе на сценѣ. Ходитъ человѣкъ по сценѣ и плюется — ха-ха! ходитъ человѣкъ по сценѣ и ни одного слова произнести не можетъ, чтобъ не захлебнуться и не щелкнуть языкомъ — хи-хи! А рожа-то, рожа-то какая! а пальцы-то, пальцы-то какіе! а штаны-то, штаны-то!

Писатели, которыхъ игнорируютъ, но которые не желаютъ, чтобъ ихъ игнорировали, прибѣгаютъ къ наружному комизму, какъ къ единственно доступному для нихъ средству развеселить почтеннѣйшую публику. Не будучи въ состояніи доискаться до комизма внутренняго ни въ отдѣльной человѣческой личности, ни въ цѣломъ общественномъ организмѣ, они щедро снабжаютъ своихъ героевъ всякаго рода противоестественными тѣлесными упражненіями. Чтожъ? по моему, они правы. Въ драмѣ, гдѣ дѣйствуютъ люди сумасшедшіе, въ драмѣ, гдѣ дѣйствующіе лица уходятъ и приходятъ какъ будто затѣмъ только, что платки носовые забываютъ, въ драмѣ, гдѣ одно дѣйствующее лицо хочетъ уйти, а другое идетъ ему на встрѣчу и не пускаетъ «погодите-де-скать, дай же и мнѣ поговорить», — въ такой драмѣ, персонажъ, подобный Крюкову, есть явленіе отдохновительное, почти отрадное.

Надо отдать справедливость добросовѣстности г. Садовскаго: онъ сыгралъ свою роль отвратительно. Онъ именно производилъ тѣлесныя упражненія, то есть плевался и заикался — и ничего больше. Ничего больше онъ не могъ и сдѣлать, ничего больше и не требовалось. Авторъ долженъ быть совершенно доволенъ имъ, такъ какъ и собственные его замыслы не шли далѣе изображенія человѣка плюющагося и заикающагося.

Въ продолженіи всего третьяго акта я просидѣлъ въ фойе и потому не знаю, что происходило на сценѣ. Слышалъ, одна-

кожъ, что въ теченіи этого акта Бурцевъ задушилъ или инымъ образомъ лишилъ жизни Оловянникова, въ чемъ достаточно и изобличенъ. Я спрашивалъ моего спутника, какія же были уважительныя причины, заставившія молодаго человѣка рѣшиться на такое страшное дѣло, но не могъ добиться никакого толку. «Просто, говоритъ, сначала ругались, потомъ отчимъ пошолъ спать, а пасынокъ остался на сценѣ, да и говоритъ: убью я его! Ну, и убилъ! и представьте, даже предосторожностей никакихъ не принялъ, точно стаканъ воды выпить отправился — такой болванъ!»

Четвертый актъ застаетъ насъ у судьи Полубова, который оказывается величайшимъ мошенникомъ. Кому слезы, а ему смѣхъ; кто плачетъ и стонетъ, а онъ все радуется да радуется. Теперь его занимаетъ одно очень смѣлое предположеніе: какимъ бы образомъ такъ устроить, чтобы «привлечь» Софью Николаевну къ дѣлу объ убійствѣ отца ея и сдѣлать ее *сообщницею* въ преступленіи единоутробнаго ея брата. Если онъ успѣетъ достигнуть этого, то богатое имѣніе Бурцева достанется малолѣтному внуку Оловянникова, и, до его совершеннолѣтія, поступитъ въ опекунское управленіе, а тамъ... тамъ можно будетъ «около опеки лакомиться», какъ выражается Григорій Иванычъ Крюковъ (да пересмотрите же, ради Бога, законы объ опекахъ! умоляетъ авторъ) (*).

Хорошо обдумано, но исполненіе еще легче. Точно какъ въ старинныхъ повѣстяхъ: «теперь я поведу васъ, читатель, говоритъ, бывало, авторъ, въ такое-то подземелье, не потому чтобъ это было нужно, а потому что я авторъ, и имѣю право ходить всюду». Ну, и поведетъ въ подземелье, что съ нимъ подѣлаешь! Открывается, что Софья Николаевна въ испугѣ созналась, что Бурцевъ какъ-то проговаривался при ней, что убьетъ отчима. Разумѣется, Бурцевъ проговаривался объ этомъ въ минуту мальчишеской запальчивости; разумѣется, на ерунду, которую авторъ влагаетъ ему въ уста, не только не должно обращать ни малѣй-

---

(*) Мы недоумѣваемъ, какимъ образомъ имѣніе родовое, бурцевское, можетъ перейти въ чужой родъ Оловянниковыхъ. По закону, оно должно или перейти къ ближайшимъ родственникамъ Бурцевыхъ или сдѣлаться выморочнымъ. Сверхъ того, намъ кажется загадочнымъ, какимъ образомъ покойная жена Оловянникова могла передать въ пожизненное владѣніе мужу родовое имѣніе, тогда какъ у нихъ былъ прямой наслѣдникъ — сынъ отъ перваго брака? Вѣдь эти передачи тогда только возможны (да и то съ высочайшаго разрѣшенія), когда у супруговъ нѣтъ прямаго нисходящаго потомства.

наго вниманія, но даже и запоминать ее нельзя, но судьѣ Полубову и автору нѣтъ никакого дѣла до этого. Имъ нужно сдѣлать Софью Николаевну *сообщницей*, и они выполняютъ злодѣйскій свой замыселъ. И замѣчательно, что рѣшеніе, состоявшееся въ этомъ смыслѣ, прошло черезъ три инстанціи и вездѣ получило санкцію. Чтожь это такое? Не только не нашлось во всѣхъ трехъ инстанціяхъ ни одного человѣка, который потщился бы различить ерунду отъ дѣла, но даже сама обвиненная, сами защитники — и тѣ ничего знать не хотятъ, и тѣ молчатъ себѣ да слегка стонутъ! Но покуда Полубовъ облизывается на будущую опеку, къ нему приходитъ Крюковъ. Оказывается, что онъ гнусенъ только по наружности, а впрочемъ малый чудесный; жаль только, что глупъ ужасно. Представьте себѣ: самъ же онъ производилъ слѣдствіе объ убійствѣ Оловянникова, самъ же глупѣйшимъ образомъ записалъ показаніе Софьи Николаевны, которымъ она наклепала на себя такую ужасную напраслину, и теперь самъ же приходитъ заступаться за нее и даже предлагаетъ судьѣ деньги, чтобъ только оставилъ «этого ангела» въ покоѣ. Мало того, что предлагаетъ деньги: онъ угрожаетъ, онъ даже плачетъ. Какая причина такой полицейской чувствительности — это тайна автора, который въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ на перекоръ Гоголю, и показываетъ сквозь видимыя слезы невидимый міру смѣхъ. Но судья не трогается (въ слѣдующей піесѣ автора, конечно, судья будетъ хорошій человѣкъ, а становой — мошенникъ: все это въ его рукахъ), ибо имѣетъ въ предметѣ опеку. Крюковъ уходитъ, приходитъ бурмистръ бурцевскаго имѣнія и предлагаетъ судьѣ, отъ имени крестьянъ, двѣ тысячи рублей тоже за то, чтобъ не привлекалъ добрую барыню Софью Николаевну, но судья и этимъ не трогается (даже деньги не беретъ), ибо имѣетъ въ предметѣ опеку. Какой, подумаешь, дальновидный! Но вотъ, наконецъ, опять приходитъ Софья Николаевна и поднимается стонъ. Она стонетъ до такой степени, что даже вынуждена сѣсть, чтобъ легче было стонать. И тутъ происходитъ нѣчто столь удивительное, что сразу переноситъ насъ въ сумасшедшій домъ. Производится передопросъ подсудимой — передопросъ въ квартирѣ судьи! Правда, судья оговаривается, что такого рода дѣла производить въ частныхъ квартирахъ не велѣно — и все-таки передопрашиваетъ. Даже призываетъ секретаря и шепчетъ ему что-то на ухо: поди дескать, запиши! Этотъ секретарь — прелесть! Если можно про-

жить московскимъ молебнамъ богинѣ искусства, то именно въ пользу этого секретаря. Я вижу его, какъ живаго, я осязаю его. Онъ безгласенъ, онъ не зависитъ отъ автора, но онъ живъ! Это просто собственное созданіе г. Ермолова 1-го; это созданіе балетное, если вы хотите, но все-таки созданіе, и притомъ безукоризненное.

Весь пятый актъ есть блѣдное и неловкое подражаніе драмѣ г. Дьяченко «Жертва за жертву» (*). Этотъ актъ изображаетъ привалъ арестантовъ. Онъ состоитъ изъ стоновъ; кончается пьеса тѣмъ, что г-жа Медвѣдева получаетъ прощеніе.

И такъ, вотъ эта пьеса, по поводу которой я спрашивалъ самаго себя:

Какое торжество готовитъ древній Римъ?

Вотъ пьеса, которую наши актеры играютъ совершенно серьезно, и изъ которой силятся даже сдѣлать нѣчто художественное.

Я понимаю трагическое положеніе актеровъ. Имѣть возвышенныя чувства — и тратить ихъ на «Пасынка»; воспитывать въ груди цѣлый океанъ любви — и обращать эту любовь къ «Институткѣ»! Вѣдь это совершенно то же, что имѣть огромный капиталъ и употреблять его на витье изъ песку веревокъ. Что московскіе актеры должны любить искусство, благоговѣть передъ искусствомъ, даже трусить передъ искусствомъ — это разумѣется само собою. Такая ужь вышла имъ линія. Вся Москва благоговѣетъ, вся Москва передъ чѣмъ-то цѣпенѣетъ; на это она имѣетъ неотъемлемѣйшее изъ всѣхъ правъ — право праздности. Но посредствомъ какого таинственнаго процесса московскіе актеры приурочиваютъ благоговѣйное служеніе искуству — къ «Пасынку», къ «Институткѣ», какимъ образомъ они даже находить могутъ, что слово «искусство» можетъ быть не чуждо «Пасынка» — это вещь очень любопытная.

Я понимаю, что можно и преклоняться, и чародѣйствовать, и вообще серьезничать, но надо знать всему мѣру. Нельзя, напримѣръ, выпивая стаканъ воды, насупливать брови, драть на головѣ волосы и вообще показывать видъ, что выпиваешь ядъ. И г. Славинъ (сей презентъ Москвы Петербургу) не все же въ зла-

(*) Да, есть и такая драма; есть еще «Институтка», «Не первый и не послѣдній» — и все г. Дьяченко. «Институтку» я пошелъ было смотрѣть, но больше двухъ актовъ высидѣть не могъ — такъ она противна. Тамъ чародѣйствуетъ, вмѣстѣ съ гг. Шумскимъ и Самаринымъ, г-жа Познякова, изъ которой чуть-чуть было не вышла маленькая Ристори и изъ которой, благодаря руководству г. Самарина, навѣрное выйдетъ маленькая Медвѣдева.

тотканныхъ одеждахъ ходить, но, пришедши домой, тоже халатъ; чай, надѣваетъ. Надо слѣдовать его скромному примѣру.

Между актеромъ и лицемъ, которое онъ изображаетъ на сценѣ, должно быть самое близкое соотношеніе. Какого бы нравственнаго урода ни представляло собою изображаемое лицо, но вѣдь не все же оно сплошь уродъ, вѣдь и въ немъ должны же отъискаться человѣческія стороны, вѣдь и въ немъ основа-то человѣческая. Вотъ на этихъ-то человѣческихъ сторонахъ, на этой-то человѣческой основѣ и мирится актеръ со своею ролью. Если этой основы нѣтъ, лицо дѣлается недоступнымъ для воплощенія; то-есть, коли хотите, оно и можно играть, если такая ужь горьная судьба вышла, но это будетъ уже не искуство, а водевиль съ переодѣваніемъ.

Плохіе, малодаровитые актеры такъ и поступаютъ. Чѣмъ ничтожнѣе и пустѣе роль, тѣмъ для нихъ лучше; они могутъ *ломаться*, они могутъ гримировать себя, они могутъ переодѣваться, сколько душѣ угодно. Это ничего, что они изображаютъ передъ вами не человѣка, а тирольца или жида: въ томъ-то именно и состоитъ, по мнѣнію ихъ искусство, чтобы исковеркаться такъ, чтобы живаго мѣста не осталось и чтобы какъ можно меньше дать чувствовать зрителю общечеловѣческія основы роли. И зритель понимаетъ это; насильственно воспитанный на водевиляхъ съ переодѣваніями, онъ любитъ, чтобъ ему давали пищу легкую и притомъ знакомую; онъ хлопаетъ коверкающемуся актеру и кричитъ: протей!

По моему мнѣнію, глупыя пьесы слѣдуетъ играть какъ можно сквернѣе: это обязанность всякаго уважающаго себя актера. Отъ этого можетъ произойти тройная польза: во-первыхъ, прекратится систематическое обольщеніе публики какимъ-то мнимымъ блескомъ, закрывающимъ собой положительную дребедень; во-вторыхъ, это отвадитъ плохихъ авторовъ отъ привычки ставить дрянныя пьесы на сцену, и въ третьихъ, черезъ это воздастся дѣйствительная дань уваженія искуству. Даровитые актеры, какъ напримѣръ г. Садовскій, такъ точно и поступаютъ. Они плюютъ тамъ, гдѣ написано: *плюетъ*, они потираютъ руки тамъ, гдѣ написано: *потираетъ руки*; однимъ словомъ, не играютъ, но состоятъ при исправленіи своихъ должностей. Публика даже удостоила г. Садовскаго вызовомъ послѣ четвертаго акта,—только не знаю я, за что именно: поняла ли она, что г. Садовскій съ умысломъ играетъ не хорошо, и хотѣла поощрить его

именно за этотъ умыселъ, или же просто нашли, что игра Садовскаго есть новое возліяніе искусству, тому искусству, которое находится подъ сохраненіемъ въ Москвѣ и поклоненіе которому производится отчасти въ маломъ театрѣ, отчасти въ московскомъ трактирѣ.

Но не такъ поступилъ другой даровитый актеръ московской сцены, г. Шумскій. Это московскій протей, точно такъ же, какъ г. Самойловъ—протей петербургскій. Г. Шумскій нашелъ-таки способъ и возможность отнестись къ роли Бурцева, и, надо отдать ему справедливость, выбралъ способъ самый вѣрный, если не единственно возможный. Онъ отнесся къ ней посредствомъ ловко сшитаго сюртука и отмѣнно сидящихъ брюкъ. Запасшись этими задатками, онъ съигралъ свою роль отлично: онъ изображалъ хорошо одѣтаго мужчину и говорилъ тѣ самыя слова, какія можетъ говорить только такой негодяй, какъ Бурцевъ. Мало того: онъ горячился, онъ увлекался; очевидно, онъ принялъ Бурцева за что-то серьёзное.

Скажите мнѣ, пожалуйста: отчего г. Шумскій такъ охотно берется за подобныя роли, и именно *только* за подобныя роли?

Я полагаю, оттого, что онъ — протей.

Но скажите же на милость, отчего намъ, москвичамъ, въ теченіе цѣлаго сезона, почти ни разу не дали ни одной пьесы Островскаго, а подчуютъ все «Пасынками», да «Ветошниками», да «Извощиками» да «Испорченными жизнями»?

Неужели и тутъ замѣшались протеи?

И такъ, вотъ какихъ результатовъ достигло въ Москвѣ служеніе искусству; вотъ по поводу чего великіе московскіе актеры произносятъ возгласы, поютъ молебны и творятъ возліянія! Кто могъ бы повѣрить этому?

Вѣдь это все равно, какъ если бы кто нибудь, лѣтъ десять тому назадъ, сталъ увѣрять, что московская наука, покинувши университетскія твердыни, раскинетъ свой лагерь на толкучемъ рынкѣ и выберетъ себѣ послѣднимъ убѣжищемъ убогую газетку «Наше Время»?

Вѣдь это все равно, какъ если бы кто нибудь сталъ увѣрять, что практическій результатъ многолѣтняго московскаго служенія Народности ограничивается тѣмъ, что на вывѣскѣ Лоскутнаго трактира славянскими буквами написано: *Лоскутный трактиръ*?

Кто же повѣритъ этому?

К. ГУРИНЪ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Я семнадцать лѣтъ не былъ въ Петербургѣ. Я оставилъ этотъ городъ еще въ то время, когда г–жа Жулева впервые появилась въ «Новичкахъ въ любви», когда г. Самойловъ игралъ іудеевъ и грековъ, но въ то же время еще старался заслужить расположеніе публики, когда для русской Мельпомены и русской Таліи существовалъ только одинъ храмъ — Александринскій театръ, когда не было обольстительнаго г. Бурдина, когда г. Каратыгинъ изображалъ смѣшныхъ чиновниковъ, а г. Григорьевъ смѣшныхъ помѣщиковъ, въ то время, наконецъ, когда о театральномъ комитетѣ и въ поминѣ не было, и драматическое искусство вѣдалось чуть ли не каппельдинерами.

Теперь все это миновалось. Г–жа Жулева оставила «Новичковъ въ любви» для высшей комедіи, но, съ непривычки, все еще дѣлаетъ жесты, не соотвѣтствующія изображаемому дѣйствію, полагая, вѣроятно, что чѣмъ несоотвѣтственнѣе жесты, тѣмъ выше будетъ комедія. Г. Самойловъ, хотя по прежнему играетъ іудеевъ, грековъ и тирольцевъ, но уже не заискиваетъ въ публикѣ, а, напротивъ того, даетъ ей чувствовать, что онъ удостоиваетъ играть на театрѣ единственно изъ снисхожденія. Гг. Григорьевъ и Каратыгинъ играютъ бояръ, полководцевъ и гроссмейстеровъ, и увеселяютъ публику не какими нибудь сверхъестественными носами, лысинами и бородавками, но величествен-

ностью жестовъ и благородствомъ манеръ. Г. Славинъ изъ Гамлета сдѣлался простымъ Юстиніаномъ, изъ Кина — герольдомъ Гронтенгельма, и отъ горести до того сконфузился, что не только произноситъ одну рѣчь вмѣсто другой, но даже переставляетъ слоги въ словахъ; такъ напримѣръ, вмѣсто «долгъ красенъ платежемъ», — произноситъ «долгъ платенъ краснежемъ».

Но что всего удивительнѣе — это театральный комитетъ. Признаюсь, это извѣстіе даже испугало меня. «Какъ, думалъ я, даже и туда проникъ конституціонализмъ!» И долго бы я волновался, еслибъ мнѣ не сообщили, что это такой комитетъ, въ которомъ президенствуетъ г. Юркевичъ и вицепрезиденствуетъ г. Краевскій, а засѣдаютъ гг. Стороженко, Василько Петровъ и Маннъ.

Однако комитетъ не вполнѣ оправдалъ мои ожиданія. Увы! и онъ заразился новымъ духомъ, и онъ счелъ невозможнымъ не заплатить долга мальчишеству! Рядомъ съ «Новгородцами въ Ревелѣ», онъ выпустилъ... шутка сказать! драматическую рефютацію мсьё Базарова! онъ, съ помощью г. Устрялова, потщился доказать г. Тургеневу, что дѣйствительный представитель нынѣшняго молодаго поколѣнія называется не Базаровымъ, а Вертяевымъ... О, мальчишки! вотъ до какой степени пронзителенъ ядъ вашъ, что даже члены театральнаго комитета — и тѣ заразились имъ, и тѣ сочли долгомъ протестовать въ вашу пользу! Какъ хотите, а это прогрессъ! Конечно, мы идемъ впередъ шагами неслышными, однакоже нѣтъ-нѣтъ да кого нибудь и продолбимъ!

Пьеса, о которой идетъ рѣчь, называется «Слово и дѣло. Разскажу вамъ содержаніе ея.

По поднятіи занавѣса, на сценѣ сидитъ Лавинскій (г. Нильскій). Этотъ Лавинскій идеалистъ, но идеалистъ въ вицъ-мундирѣ; онъ поклонникъ Фихте и Канта, но въ то же время не прочь и обществу пользу принести; однимъ словомъ такой идеалистъ, какихъ въ настоящее время шатается по Петербургу великое множество. Все у него въ порядкѣ: и письменный столъ, за которымъ онъ, повидимому, проводитъ безсонныя ночи, и шкапы съ книгами, да съ какими книгами! все in quatro да in folio — страсть смотрѣть! Лавинскій этотъ сидитъ и говоритъ о томъ, какъ сладко трудиться и какъ сладко любить. Люблю и тружусь,

тружусь и люблю; сегодня тружусь, завтра люблю, а послѣ завтра опять тружусь, опять люблю, опять тружусь... Господи! да чтожь это за масляница! Черезъ пять минутъ, однако, онъ встаетъ и надѣваетъ вицъ-мундиръ: чувствуетъ, что настало время пользу приносить. Но тутъ приходитъ нѣкто Бродко (г. Пронскій) и спрашиваетъ, будете ли-молъ вы у Мартовыхъ. «Разумѣется, буду!» отвѣчаетъ Лавинскій. Потомъ приходитъ Вертяевъ и сразу объявляетъ, что не вѣритъ ни въ чувство, ни въ безсмертіе души, а вѣритъ въ одно мыло. Оказывается, что Вертяевъ — тотъ же Базаровъ, потому что и Базаровъ съ своей стороны не вѣрилъ ни въ чувство, ни въ безсмертіе души, а вѣрилъ въ лягушекъ. «А вѣдь я влюбленъ!» говоритъ между тѣмъ Лавинскій. — Быть не можетъ! возражаетъ Вертяевъ: — вѣдь это вздоръ, пойми ты меня! — Нѣтъ, говоритъ Лавинскій, я влюбленъ — это вѣрно! — Вздоръ, говорю я тебѣ! настаиваетъ на своемъ Вертяевъ: — вздоръ, потому что разумъ и чувство исключаютъ другъ друга! Свези ты меня къ твоей невѣстѣ, и я докажу тебѣ, что все это вздоръ! Слыша такое предложеніе, идеалистъ Лавинскій искоса посматриваетъ на испачканное и закапанное пальто Вертяева. — Я сюртукъ надѣну! спѣшитъ разувѣрить Вертяевъ, угадывая мысль своего друга. Потомъ приходитъ нѣкто Лушинъ (г. Яблочкинъ), потомъ онъ съ Вертяевымъ куда-то уходитъ, потомъ опять приходитъ, и Лушинъ напивается пьянъ. Первое дѣйствіе кончилось; благонамѣренные зрители довольны, потому что надѣятся, что вотъ-вотъ сказнятъ нигилиста; неблагонамѣренные зрители тоже довольны, потому что ждутъ : что-то сдѣлаетъ этотъ человѣкъ, не вѣрующій ни во что, кромѣ мыла.

Второй актъ въ домѣ Мартовыхъ. Это семейство состоитъ изъ старухи Мартовой, дочери, Наденьки, и г-жи Рѣпиной, которая введена авторомъ въ пьесу единственно для того, чтобы доказать, что въ природѣ могутъ существовать и тетки. Этѣ дамы сидятъ и говорятъ, что Лавинскій хорошій молодой человѣкъ; потомъ приходитъ къ нимъ Лушинъ, потомъ приходитъ Бродко, и наконецъ приходятъ Лавинскій съ Вертяевымъ. Само собой разумѣется, что Вертяевъ, хотя и надѣлъ сюртукъ (допустилъ, значитъ, компромиссъ), но, какъ нигилистъ, все-таки безъ перчатокъ и въ фуражкѣ и, кромѣ того, не умѣетъ ни сѣсть, ни стать. Г. Самойловъ отлично выразилъ это томное состояніе души человѣческой, не умѣющей дать опредѣлительнаго положе-

нія обременяющему ее тѣлу. Вмѣсто того, чтобы нѣсколько сробѣть на первый разъ (хоть бы онъ вспомнилъ *настоящаго* Базарова, какъ тотъ сробѣлъ передъ г-жею Одинцовою!), онъ какъ-то неглиже киваетъ головой, онъ всенародно вертитъ въ рукахъ свою фуражку (знай-дескать нашихъ!) и вообще заявляетъ ежеминутную готовность нагрубить. Собравшись такимъ образомъ, эти господа начинаютъ между собой разговаривать, а потомъ оказывается, что они собрались затѣмъ, что теперь именно слѣдуетъ объявить Наденьку невѣстой Лавинскаго. Приносятъ шампанское и предлагаютъ тосты. Лавинскій, Бродко и Лушинъ, какъ люди простые, предлагаютъ и тосты простые: кто за любовь, кто за разумъ, кто за веселье; но Вертяевъ, какъ человѣкъ сугубый, и тосты предлагаетъ сугубые, т. е. подхватываетъ темы своихъ сопьяницъ, и начинаетъ и начинаетъ! Веселье-дескать хорошо, но тогда только, когда при этомъ не оставляется безъ вниманія, что есть на свѣтѣ несчастные труженики и т. д. и т. д. Открывается также, что Лавинскій куда-то уѣзжаетъ изъ Петербурга, и еще открывается, что Наденька слушала-слушала рѣчи Вертяева (и говорилъ-то, злодѣй, всего двѣ минуты!) да и задумалась. — Что ты какъ будто задумчива! спрашиваетъ ее мамаша.—Нѣтъ, я ничего, мамаша! отвѣчаетъ Наденька, и отвѣчаетъ неправду, потому что ядъ нигилизма и вѣры въ мыло уже заползъ въ ея маленькое сердце. Занавѣсъ опять опускается; вызываютъ г. Самойлова, который выходитъ и кланяется бокомъ, обращая глаза на одну ложу; публика хочетъ, чтобъ онъ и ей поклонился, и вызываетъ другой разъ; г. Самойловъ опять выходитъ и опять кланяется бокомъ; публика начинаетъ понимать, что это такъ и должно быть.

Содержаніе третьяго акта разсказать нельзя, потому что его нельзя понять. Сначала Бродко подъучаетъ Лушина подсмотрѣть за Наденькой и Вертяевымъ, и Лушинъ дѣйствительно подсматриваетъ и видитъ, что Наденька отдаетъ письмо Вертяеву; потомъ Бродко пересказываетъ объ этомъ Лавинскому, который въ свою очередь говоритъ Вертяеву: «вонъ изъ этого честнаго дома, соблазнитель!» Устроивъ эту штуку, Лавинскій думаетъ, что изъ нея выйдетъ дуэль, и добываетъ секундантовъ. Занавѣсъ опускается снова; благонамѣренные торжествуютъ и въ восторгѣ кричатъ: наша взяла!

Содержаніе четвертаго акта также нельзя разсказать, и опять потому, что его нельзя понять. Это я совсѣмъ не шутя говорю;

память рѣшительно отказывается слѣдить за происшествіями, смѣняющими одно другое безъ всякой разумной причины, которая объясняла бы, почему на сценѣ стоитъ Бродко, а не Лушинъ. Происходитъ нѣчто странное: оказывается, что письмо не письмо, что Вертяевъ не Вертяевъ, т. е. не гаеръ и не наглецъ, какимъ его обзывалъ въ третьемъ актѣ Лавинскій, а преданный другъ и преисполненный всякихъ чувствъ человѣкъ. Все это, какъ нельзя больше кстати подслушала Наденька Мартова, которая до того заразилась нигилизмомъ, что, безъ спросу мамаши, убѣжала къ Лавинскому. Въ довершеніе всего, Лавинскій долженъ драться не съ Вертяевымъ, а съ Бродко. «Такъ я и зналъ!» говоритъ сидящій подлѣ меня начальникъ отдѣленія, и сладко вздыхаетъ въ увѣренности, что въ пятомъ актѣ Вертяевъ поступитъ на службу.

Однако, надеждамъ благонамѣренной части публики не суждено осуществиться. Пятый актъ застаетъ насъ въ Гейдельбергѣ. Пятый актъ — это прелесть, пятый актъ — это благоуханіе всей пьесы. Вертяевъ скрывается въ Гейдельбергѣ отъ любви своей, Вертяевъ учится или, лучше сказать, скромно трудится. Онъ готовитъ Россіи, въ лицѣ своемъ, чернорабочаго, что заставляетъ зрителя думать, что идея о мылѣ продолжаетъ, несмотря на треволненія любви, быть властительницею думъ его. Онъ съ презрѣніемъ отзывается о Парижѣ («вы лучше поѣзжайте въ Парижъ!» говоритъ онъ Лушину, который въ комедіи обязанъ быть выраженіемъ пустаго человѣка), и съ чувствомъ говоритъ о Гейдельбергѣ, потому что въ немъ есть довольно много хорошихъ людей.

Посреди разговоровъ, Вертяевъ узнаетъ отъ комика Лушина, что Лавинскаго нѣтъ на свѣтѣ, и что Наденька находится въ Гейдельбергѣ по случаю болѣзни своей maman. Но вотъ и сама она.

— Наденька! вы ли это! — Вертяевъ! вы ли это! Слѣдуютъ объясненія. Наденька признается; она говоритъ, что она все та же, что полюбила Вертяева съ первой минуты знакомства, что теперь, когда нѣтъ никакихъ препятствій и т. д. Вертяевъ, который, какъ истинный мыловаръ, ни объ чемъ до сихъ поръ не догадывался, въ первую минуту трогается наивнымъ признаніемъ Наденьки и выказываетъ чувства почти человѣческія, но потомъ... Что происходитъ потомъ, того не въ силахъ выразить языкъ человѣческій! Въ то время, когда всѣ сидящіе въ залѣ чиновники бе-

рутся за шляпы, въ увѣренности, что изъ всего этого выйдетъ гименей, и что Вертяевъ, подобно прототипу своему, Манилову (отъ Базарова къ Манилову — каковъ скачекъ?), за хорошій образъ мыслей будетъ произведенъ въ генералы, этотъ мыльный идолопоклонникъ оказывается одержимымъ колеромъ. «Не хочу жениться, хочу учиться!» восклицаетъ этотъ самозванный представитель молодаго поколѣнія, подобно тому, какъ представители стараго поколѣнія нѣкогда восклицали: не хочу учиться, хочу жениться!—Да почемужь вы не хотите жениться? спрашиваетъ, чуть не плача, Наденька.—А такъ, говоритъ, потому что я чернорабочій! И разъ, попавши на эту линію, ужь не сходитъ съ нея до конца пьесы. — Ты, говоритъ, сама не знаешь, что такое чернорабочій! — вѣдь это ужасный человѣкъ! Если я отказываюсь отъ тебя, такъ это потому, что не хочу погубить тебя! Ты пойми, какъ мнѣ-то, мнѣ-то должно быть это тяжело — вѣдь я люблю тебя! И вы, зрители, поймите всю великость приносимой мною жертвы—вѣдь я жертвую своею любовью, своимъ счастьемъ для счастья любимой женщины!

— Пошелъ вонъ, идіотъ! восклицаетъ Наденька, и занавѣсъ опускается.

Но нѣтъ, она не восклицаетъ этого, и занавѣсъ опускается просто посреди полнѣйшей анархіи здраваго смысла. «Автора!» кричатъ благонамѣренные люди, думая, что пьеса написана въ пику нигилистамъ. «Автора!» кричатъ нигилисты, думая, что пьеса направлена противъ благонамѣренныхъ. Выходитъ, что называется: всѣмъ угодилъ!

Очевидно одно: пьеса дѣйствительно для чего-то написана, дѣйствительно усиливается нѣчто провести, нѣчто доказать. Это одно, впрочемъ, и заставляетъ говорить объ ней, потому что, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, вся пьеса есть не что иное, какъ рядъ діалоговъ, болѣе или менѣе безцвѣтныхъ, болѣе или менѣе безсвязныхъ.

Посмотримъ же, въ чемъ заключались собственно намѣренія автора.

Вопервыхъ, пьеса обязана своимъ появленіемъ «Отцамъ и дѣтямъ» г. Тургенева. «Вы напрасно думали изобразить нынѣшнее молодое поколѣніе въ лицѣ Базарова, говоритъ г. Устряловъ г. Тургеневу: — нѣтъ, это не Базаровы, это Вертяевы!» Но здѣсь-то именно и заключается первая ошибка г. Устрялова. Онъ, оче-

видно, принимаетъ Базарова за что-то серьезное, тогда какъ серьезнаго въ немъ нѣтъ ровно ничего.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ Базаровъ заявляетъ о своей серьезности? Тѣмъ ли, что хвастается своимъ нигилизмомъ передъ старичками Кирсановыми? тѣмъ ли, что приударяетъ за госпожей Одинцовой? Но развѣ тутъ есть что нибудь серьезное, заслуживающее опроверженія? Хвастливость и способность къ приударенію, конечно, суть свойства не чуждыя человѣчеству, но, сколько намъ извѣстно, никогда не составляли типическаго признака какого бы то ни было поколѣнія, ни древняго, ни новаго. Надъ хвастунами смѣются чуть ли не со временъ Аристофана, а объ охотникахъ до клубнички существуетъ такая разнообразная литература, что самъ г. Лонгиновъ затруднился бы написать ея библіографію. По нашему мнѣнію, г. Тургеневъ именно такъ и понималъ это дѣло: онъ просто писалъ свою повѣсть на тему о томъ, какъ нѣкоторый хвастунишка и болтунишка, да вдобавокъ еще изъ проходимцевъ, вздумалъ приударить за важною барыней, и что изъ этого произошло. Все остальное, какъ-то: словопренія съ братьями Кирсановыми, пребываніе юныхъ нигилистовъ у стараго нигилиста (Базарова-отца),—все это не больше какъ эпизоды, которые искусный писатель необходимо вынуждается вставлять въ свою повѣсть для того, чтобы она не была короче утинаго носа. Вольно же было людямъ, во всемъ доискивающимся сокровеннаго смысла, доискиваться этого смысла и въ романѣ г. Тургенева. А если этого смысла нѣтъ, то, стало быть, сочиненіе, имѣющее задачей опровергнуть Базарова, есть сочиненіе мнимое, сочиненіе, выступающее съ цѣлымъ запасомъ смертоносныхъ орудій затѣмъ, чтобы умертвить клопа.

Но, быть можетъ, мнѣ возразятъ, что дѣло не въ томъ, какія имѣлъ цѣли г. Тургеневъ, а въ томъ впечатлѣніи, которое произвела его повѣсть. Ибо не безъизвѣстно всѣмъ и каждому, что нынче названіе нигилистовъ распространено безразлично на все молодое поколѣніе. Ну, вотъ это другое дѣло, и желаніе противоборствовать такому странному дѣйствію, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ похвалы. Но для того, чтобы достигнуть этого, для того, чтобы уничтожить или ослабить тотъ вредъ, который нечаянно нанесенъ г. Тургеневымъ, что было нужно? Нужно было или разобрать произведеніе г. Тургенева серьезно, и серьезно же доказать добрымъ людямъ, принимающимъ Базарова за представителя современнаго молодаго поколѣнія, что онъ совсѣмъ не

имѣетъ нужныхъ для того качествъ, что онъ точно такой же матеріалистъ, какъ, напримѣръ, Ноздревъ, котораго именемъ, однакожь, никто и не мнилъ клеймить никакого поколѣнія; или же нужно было нарисовать другой образъ, образъ дѣйствительнаго представителя молодаго поколѣнія, его стремленій, его дѣятельности и его надеждъ.

Эта послѣдняя цѣль и была второю цѣлью г. Устрялова; она же была и второю его ошибкою. Прежде всего, онъ непослѣдователенъ. Въ началѣ пьесы, онъ заставляетъ Вертяева рабски подражать Базарову, въ концѣ—дѣлаетъ изъ него нѣчто въ родѣ Кирсанова–отца; не достаетъ только дать ему скрипку въ руки и заставить наигрывать, въ ночной тиши, хоть не «Ritter Togenbourg», а какую нибудь пѣсню о сладостяхъ труда, или, пожалуй, хоть англійскую пѣсню «о рубашкѣ». Ибо идеализмъ совсѣмъ не въ томъ состоитъ, чтобы вѣровать непремѣнно въ Шиллера и ненавидѣть Бюхнера; можно любить и признавать Шиллера величайшимъ поэтомъ и въ то же время не быть идеалистомъ, какъ равно, можно быть послѣдователемъ Бюхнера и въ то же время быть яростнѣйшимъ идеалистомъ; тутъ все дѣло заключается въ отношеніи лица къ предмету своихъ симпатій и антипатій. Итакъ, хотя Вертяевъ, въ концѣ пьесы, и продолжаетъ настаивать на вѣрѣ въ мыло, но это не мѣшаетъ ему вести себя какъ идеалисту самого нелѣпаго свойства. Истинные сыны вѣка сего вообще приносятъ жертвъ мало, но въ особенности такихъ жертвъ, которыя сопряжены съ поруганіемъ законности ихъ человѣческихъ стремленій и требованій. Они женятся и посягаютъ, какъ и прочіе смертные, и въ этомъ не видятъ никакой помѣхи для предстоящаго имъ труда, ибо отъ любимой женщины считаютъ себя вправѣ требовать одного: чтобъ она не становилась между ними и трудомъ, чтобъ она не представляла въ ихъ дѣятельности начала ослабляющаго или растлѣвающаго. Совершенно противное явленіе представляетъ Вертяевъ: онъ чурается женщины, ибо видитъ въ ней конфету или, еще хуже, прелесть бѣсовскую, ибо онъ внутренно презираетъ женщину, ибо въ самой жизни усматриваетъ не жизнь, а упорно–скромное толченье воды, которое, по его мнѣнію, требуетъ и усидчивости, и сосредоточеннаго, ничѣмъ не развлекаемаго вниманія. Это идеализмъ мрачный, идеализмъ аскетическій, но все–таки идеализмъ. Многіе находятъ, что конецъ пьесы безобразенъ, что онъ противорѣчитъ началу; я напротивъ того нахожу, что весь шикъ пье-

сы заключается именно въ послѣднемъ актѣ, что вся пьеса написана на тему: «вотъ человѣкъ, который имѣетъ всѣ наружные признаки Базарова, а между тѣмъ смотрите, какой онъ Кирсановъ!», что здѣсь, наконецъ, начало противорѣчитъ концу, а не конецъ началу.

Посмотримъ, однакожъ, каково это молодое поколѣніе, которое изобразилъ т. Устряловъ.

Въ противоположность Базарову, хвастливому, на словахъ поднимающему горы, а на дѣлѣ слоняющемуся изъ угла въ уголъ и умильно посматривающему на *богатое тѣло* г-жи Одинцовой, Вертяевъ весь преданъ труду, до того преданъ, что самую жизнь съ ея требованіями и разнообразіемъ считаетъ помѣхой для себя. Чтожь это за трудъ? Увы! Вертяевъ никому не сказываетъ объ этомъ; изъ словъ его явствуетъ только, что трудъ этотъ скромный, что онъ маленькій, производящій результаты съ булавочную головку, и что, наконецъ, это трудъ ни для кого не подозрительный. Такимъ образомъ, судя по тому роду занятій, о которомъ Вертяевъ заявляетъ въ началѣ пьесы, зритель въ правѣ предположить, что онъ въ Гейдельбергѣ занимается изобрѣтеніемъ какого нибудь новаго, чудодѣйственно смягчающаго кожу мыла.

Отсюда, три главныхъ качества, опредѣляющихъ Вертяева: скромность, нѣкоторое тупоуміе и ни для кого не подозрительность. Новый Молчалинъ, онъ надѣется съ этими качествами прожить скромно, тупоумно и ни для кого не подозрительно.

Спрашивается теперь, что такое эта *скромность* труда? Чѣмъ она опредѣляется: отношеніемъ ли къ труду трудящагося лица, или самымъ предметомъ труда, результатами, имъ добываемыми? Это различіе очень важно, ибо въ первомъ случаѣ про трудящагося человѣка говорятъ: какой скромный молодой человѣкъ, а какой ученый! во второмъ случаѣ говорятъ: какой трудолюбивый молодой человѣкъ, и какъ жаль, что изъ этого ничего не выходитъ! Въ первомъ случаѣ, скромность есть качество пріятное для глазъ, хотя и не всегда полезное, во второмъ — скромность есть качество для глазъ непріятное да и въ существѣ своемъ мало полезное. Трудиться дни и ночи, потѣть и напрягать свои силы затѣмъ только, чтобы плюнуть маленькую-маленькую капельку въ сосудъ общаго преуспѣянія — вещь, конечно, никакими законами не воспрещаемая, но характеризовать подобнымъ трудомъ дѣятельность цѣлаго поколѣнія совершенно не-

позволительно. Это просто значитъ сказать въ глаза цѣлому поколѣнію, что оно, подобно знаменитой закхеевой смоковницѣ, поражено безплодіемъ, что оно навсегда осуждено на большіе труды и на малые результаты. Каковъ комплиментъ!

Мнѣ кажется, что авторъ положительно зарвался; онъ увлекся благонамѣренною своею цѣлью; онъ хотѣлъ смыть съ молодаго поколѣнія пятно совершенно имъ не заслуженное; онъ хотѣлъ наглядным образомъ показать кому слѣдуетъ, что мы, дескать, совсѣмъ не такіе подозрительные люди, какими насъ прославили, мы просто милыя дѣти, любящія читать хорошія книжки — и больше ничего. Все это очень похвально и благонамѣренно со стороны г. Устрялова, но врядъ ли молодое поколѣніе, которое онъ такимъ образомъ защищаетъ, поставитъ ему за это монументъ.

Выходитъ, что авторъ хотѣлъ объяснить стремленія и потребности молодаго поколѣнія — и не объяснилъ; хотѣлъ защитить молодое поколѣніе — и не защитилъ; хотѣлъ получить благодарность — и не получилъ. Онъ затѣвалъ что-то обширное и съѣхалъ на полицейскую точку зрѣнія: спрашивается, не здѣсь ли настоящая-то, дѣйствительная закхеева смоковница?

Гг. актеры исполнили свое дѣло какъ слѣдуетъ, то есть каждый изъ нихъ игралъ свое амплуа. Г. Самойловъ въ первомъ актѣ игралъ амплуа дикаго мыловара, во второмъ—амплуа грубіяна, въ третьемъ — амплуа непризнаннаго друга, въ четвертомъ — амплуа друга признаннаго, въ пятомъ — амплуа мыловара, котораго дикость дошла до воспаленія въ мозгу. Г-жа Жулева играла амплуа старухи, г. Нильскій — амплуа серьезнаго jeune premier, г. Яблочкинъ — амплуа безпутнаго jeune premier г. Пронскій — амплуа коварнаго друга. Я, признаюсь, всего больше смотрѣлъ на тонкую игру г. Пронскаго: этотъ актеръ, съ помощью верхней губы и указательнаго пальца правой руки, изображаетъ какія угодно чувства.

Всѣмъ извѣстно, что г. Самойловъ — актеръ великій, но онъ актеръ всѣхъ странъ и временъ, а преимущественно всѣхъ костюмовъ. Въ штатскомъ платьѣ ему не по себѣ: тѣсно. Хорошо еще, если это штатское платье представляетъ собой какой нибудь стариннаго покроя фракъ (еще лучше, если при этомъ сапоги съ отворотами), сильно потертый по швамъ, какъ напримѣръ въ давнишней пьесѣ «Отставной музыкантъ и княгиня», —

ну, тогда играть можно, ибо старинный костюмъ есть эмблема стариннаго же человѣка; слѣдовательно тутъ и гриммировать себя можно самымъ искуснымъ образомъ, и кашлять можно, и плакать чаще, нежели того требуетъ человѣческій организмъ, находящійся въ нормальномъ состояніи. «Старикъ», говорятъ себѣ зрители, «что съ него и взыскать-то!» Не дурно также, если штатское платье дозволяетъ изобразить сильно изъзябшаго человѣка, какъ напримѣръ въ роли Любима Торцова («Бѣдность не порокъ»). Но бѣда, если штатское платье обыкновенное и если при томъ изображаемое въ этомъ платьѣ лицо не пьяно, не иззябло и фамилія его не оканчивается на *скій* (какъ напримѣръ, Кречинскій). Подобная роль, очевидно, не можетъ быть благодарною.

Г. Самойловъ въ высшей степени обладаетъ этою способностью пріурочивать свои роли къ какой нибудь національности, къ какому либо возрасту, а по нуждѣ даже и какому нибудь исключительному состоянію человѣческаго организма. Даже въ «Королѣ Лирѣ» онъ играетъ лишь очень-очень дряхлаго старика, и съ этой точки зрѣнія обдумываетъ свою роль до такой степени добросовѣстно, что зритель дѣйствительно ни на минуту не можетъ усумниться, что передъ нимъ очень-очень дряхлый старикъ. Но смертныхъ, простыхъ, безкостюмныхъ и не старыхъ смертныхъ онъ играть просто не можетъ, потому что это прямо противно его артистической натурѣ, потому что простой смертный не представляетъ никакого наружнаго сучка, за который можно было бы сразу схватиться, потому что простаго смертнаго надобно еще допрашивать и раскапывать, чтобы допроситься и докопаться до того, что составляетъ его сущность. Поэтому, онъ и Вертяева играетъ вяло, хотя и старается къ чему-то пріурочить его, т. е. дѣлаетъ изъ него поочередно: грубіяна, дикаго мыловара и т. д. и т. д. Но воображаю я, какъ былъ бы хорошъ г. Самойловъ въ балетѣ!

Г-жа Снѣткова усиливалась отыскать въ своей роли что нибудь человѣческое, и дѣйствительно сдѣлала изъ нея нѣчто весьма граціозное, хотя это было очень трудно. Личность Наденьки вообще безцвѣтная и даже нѣсколько глупенькая; напримѣръ, она, во второмъ актѣ, въ первый разъ видитъ Вертяева, и, по пьесѣ, должна тутъ же влюбиться въ него. За что влюбиться? за то ли, что онъ сказалъ нѣсколько строкъ общихъ мѣстъ? за то ли, что онъ ходитъ безъ перчатокъ? Положеніе

очень трудное, но г-жа Снѣткова выходитъ изъ него съ честью; она уже въ половинѣ акта начинаетъ задумываться, и задумывается очень мило, какъ-то по дѣтски задумывается.

Теперь слѣдовало бы, по настоящему, сказать нѣсколько словъ о театральномъ комитетѣ, но что могу рещи объ немъ? Чтó, кромѣ того, что я уже сказалъ въ началѣ настоящей статьи, то есть, что онъ представляетъ собой ограниченіе каппельдинерской власти, и что, благодаря ему, каппельдинерская традиція на нашемъ театрѣ не только не прекращается, но даже наипаче процвѣтаетъ?

Сошлюсь на возобновленіе такихъ пьесъ, какъ «Ермакъ Тимофеевичъ», какъ «Маркитантка», «Параша сибирячка» и мн. др.

Сошлюсь на постановку такихъ пьесъ, какъ «Новгородцы въ Ревелѣ», какъ всѣ пьесы гг. Дьяченко и Чернышева.

Сошлюсь, наконецъ, на то, что ни г. Юркевичъ, ни г. Краевскій, ни гг. Маннъ, Василько-Петровъ и Стороженко никакого отношенія къ русской литературѣ не имѣютъ.

Или, быть можетъ, все это псевдонимы?

Или, быть можетъ, кто нибудь изъ нихъ написалъ «Цырульника на Пескахъ?»

Или, быть можетъ, они всѣ вмѣстѣ «Цырульника на Пескахъ» написали?

А, быть можетъ, что они статскіе и дѣйствительные статскіе совѣтники?

А, быть можетъ, они оставшіеся за штатомъ чиновники бывшаго инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства?

А, быть можетъ, это просто добрые малые, которые не знаютъ, куда дѣваться отъ скуки?

Вотъ сколько вопросовъ, которые предстоитъ разрѣшить благосклонному читателю.

Тѣмъ же, которые желаютъ въ подробности ознакомиться съ дѣйствіями театральнаго комитета, мы рекомендуемъ прочитать въ журналѣ «Время» (сентябрь, октябрь и ноябрь 1862 г.) весьма пріятныя статьи, подъ названіемъ «Современное состояніе русской драматургіи и сцены». Тамъ все очень ясно изложено.

P. S. Не успѣлъ я кончить мое обозрѣніе, какъ получилъ отъ одного изъ провинціальныхъ моихъ знакомцевъ письмо, въ кото-

ромъ онъ описываетъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ при представленіи оперы Россини «Вильгельмъ Телль», дающейся на петербургскомъ театрѣ подъ названіемъ «Карла Смѣлаго». Я не обременилъ бы вниманія читателя этимъ письмомъ, если бы въ немъ шла рѣчь единственно объ оперѣ; но въ немъ говорится объ одномъ изъ весьма яркихъ проявленій современной общественной жизни, и сверхъ того, довольно опредѣлительно высказывается одна изъ двухъ сторонъ, наиболѣе заинтересованныхъ вопросомъ объ общественномъ преуспѣяніи.

Вотъ это письмо.

«Государь мой!

«Вы желаете знать, какое впечатлѣніе производятъ на меня «ваши столичныя увеселенія; исполняю желаніе ваше тѣмъ охот-«нѣе, что, будучи самъ человѣкомъ благонамѣреннымъ, увѣренъ «и въ васъ найти таковаго же. Вообще скажу, что нынѣшній Пе-«тербургъ, противъ прошлогодняго, мнѣ больше понравился. «Хотя нигилизмъ еще распространяетъ крылѣ свои, но въ то же «время и благонамѣренность не скрывается стыдливо въ колодцахъ «и помойныхъ ямахъ, куда было загнало ее нахальство мальчи-«шекъ, но появляется на стогнахъ града безсрамно, съ лицомъ «улыбающимся и торжествующимъ. Однимъ словомъ, всякій мо-«жетъ исполнять свои гражданскія и семейныя обязанности сво-«бодно, не опасаясь, что его застанетъ на мѣстѣ преступленія «нигилистъ и начнетъ стыдить и увлекать въ соблазнъ. Поэтому, «и театры посѣщать стало не въ примѣръ противъ прежняго без-«опаснѣе. Затѣмъ приступаю къ настоящему предмету моего «письма, т. е. къ театру.

«Донынѣ видѣлъ я двѣ піесы: «Карлъ Смѣлый» и «Бояринъ «Матвѣевъ». Но напередъ изложу вамъ мой общій взглядъ на «театральныя зрѣлища. По мнѣнію моему, на зрѣлища сіи, какъ «и вообще на все, принадлежащее къ области искусствъ, можно «взирать съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія общественнаго «благоустройства, коимъ завѣдуетъ полиція, и съ точки зрѣнія «собственно искусства, коимъ никто не завѣдуетъ. Въ большей «части случаевъ, эти обѣ точки зрѣнія составляютъ нѣчто тож-«дественное, ибо полиція, въ противность принятому у насъ мнѣ-«нію, не только не враждебна искусствамъ, но даже, по сущ-«ности своихъ занятій, имъ доброжелательна. Все дѣло въ томъ, «чему служитъ искусство. Если оно служитъ искусству же, то, «очевидно, что оно, только иными путями, стремится къ тѣмъ же

«цѣлямъ, къ коимъ стремится и полиція. Цѣль искусства—красота, цѣль полиціи—порядокъ; но что такое красота? что такое «порядокъ? Красота есть гармонія, есть порядокъ, разсматриваемый въ сферѣ общей, такъ сказать, идеальной; порядокъ, въ свою «очередь, есть красота... красота, такъ сказать, государственная. «Въ семъ смыслѣ, искусство и полиція не токмо не дѣлаютъ «другъ другу помѣшательства, но, напротивъ того, взаимно другъ «друга питаютъ и поддерживаютъ. Искусство, отвращая взоры «человѣчества отъ предметовъ насущныхъ и земныхъ, и обращая «ихъ къ интерессамъ идеальнымъ и небеснымъ, оказываетъ по«лиціи услугу; полиція съ своей стороны, принимая въ сообра«женіе, что занятіе интересами небесными ничего предосудитель«наго въ себѣ не заключаетъ, оказываетъ искусству покровитель«ство. И такимъ образомъ, сіи двѣ власти идутъ рядомъ, не ссо«рясь и взаимно другъ друга ободряя.

«Таково, повторяю, должно бы быть естественное отношеніе «искусства къ общественному благоустройству, еслибы фальши«выя мудрованія современности не напустили и въ это дѣло своей «пагубы. Благодаря этимъ послѣднимъ, нынѣ положительно «должно различать точку зрѣнія полицейскую отъ точки зрѣнія «искусства, и даже нерѣдко забывать сію послѣднюю. Въ этомъ «я убѣдился, присутствуя недавно при представленіи «Карла «Смѣлаго».

«Отнюдь не ожидалъ я, государь мой, чтобы пришлось мнѣ «на сію оперу взирать съ точки зрѣнія общественнаго благоуст«ройства. Зная ее почти наизусть, и весь проникнутый небесною «сладостью ея мелодій, я никакъ не подозрѣвалъ, чтобы она за«ключала въ себѣ зерно безнравственности, безпочвенности, без«вѣрія и безпорядка, однимъ словомъ, всего того, до чего такъ «лакомы нигилисты. Я мнилъ, что Тамберликъ поетъ: до-ре«ми-фа-соль-ля-си—оказывается, что онъ напоминаетъ пуб«ликѣ объ lex agraria; я думалъ что онъ поетъ:

Oh, Mathilde! o mon idôle!

«оказывается, что онъ доказываетъ необходимость эманципаціи «женщинъ! Можете себѣ представить восторги нигилистовъ и «горькое чувство, овладѣвающее людьми благонамѣренными!

«Начать съ того, что я помѣщенъ былъ весьма невыгодно; «кресло мое приходилось рядомъ съ ложей перваго яруса, въ ко-

«торой помѣщалась дѣвица, предъявлявшая такое изобиліе тѣ-«лесныхъ формъ, которое невольнымъ образомъ отвлекало меня «отъ представленія. Не спорю, что съ точки зрѣнія обществен-«наго благоустройства, подобное сосѣдство можетъ имѣть даже «свою полезную сторону; красота (я признаю красоту во всѣхъ «проявленіяхъ, даже въ видѣ пріятно развитаго женскаго бюста), «развлекаетъ человѣка; она вызываетъ его изъ угрюмой и вред-«ной сосредоточенности и поселяетъ въ организмѣ нисколько не «лишнюю въ наше время игривость; слѣдовательно, въ отноше-«ніи къ нигилистамъ, красота можетъ служить даже какъ отлич-«ное благоустрояющее средство. Но я не нигилистъ, и потому «сосѣдство этой женщины возбуждало во мнѣ безпокойство со-«вершенно напрасное. Во вторыхъ, рядомъ со мной, въ креслѣ, «помѣщался нѣкоторый гусарскій штабъ-офицеръ, котораго я, «судя по мундиру, принялъ за благонамѣреннаго, но который впо-«слѣдствіи оказался величайшимъ нигилистомъ. Къ довершенію «всего, озираюсь кругомъ и рѣшительно не узнаю обычной опер-«ной публики. Одного только и примѣтилъ я зрителя въ чинѣ «дѣйствительнаго статскаго совѣтника, всѣ же прочіе—и вверху «и внизу, и сзади, и спереди, и по бокамъ—всѣ поголовно ниги-«листы! Но буду разсказывать по порядку.

«Увертюра. Вамъ извѣстна эта прелестная вещь, но неиз-«вѣстно, конечно, что сдѣлали изъ нея нигилисты и какія сооб-«щили ей тенденціи. Мы видѣли въ ней адажіо, анданте и аллег-«ро, нигисты же видятъ любезное имъ безначаліе. Вслѣдствіе «сего: адажіо выслушиваютъ съ презрѣніемъ, анданте — съ со-«жалѣніемъ, и все свое неистовство, всю наглость сосредоточи-«ваютъ на аллегро. Изумительны, государь мой, и сожалѣнія «достойны эти крики: bis! фора! которыми надсаживаются сіи «молодыя груди! Чего хотятъ они и что мнятъ видѣть въ этомъ «аллегро, которое потому только и аллегро, что всякая правиль-«но составленная увертюра должна имѣть и адажіо, и анданте, «и аллегро? Не уподобляются ли они, съ своими видѣніями, «тому несчастному, который, каждый день читая календарь, во-«образилъ себѣ, что онъ черезъ то получилъ личное знакомство «со всѣми иностранными герцогинями и принцессами, о коихъ «въ томъ календарѣ говорится? Жалкое, по истинѣ жалкое со-«стояніе! Но буду продолжать.

«Занавѣсъ открывается; на сценѣ поселяне, которые поютъ «пѣсни, прядутъ, молятся Богу и вообще занимаются прилич-

«ными поселянскому званію занятіями. Нигилисты молчатъ. «Посему, можно было бы слушать со вниманіемъ, но препят-«ствуетъ дѣвица, предъявляющая изобиліе формъ. Приходитъ «рыбакъ и поетъ пѣсню — нигилисты все молчатъ; приходитъ «старикъ Мельхталь, поддерживаемый сыномъ; сосѣдніе ниги-«листы скрежещутъ и шопотомъ доказываютъ другъ другу, что «такого старика не поддерживать слѣдуетъ, а пришибить. Я со «своей стороны не прочь отъ этого, потому что г. Чеккони, ко-«торый изображаетъ Мельхталя — старика, поетъ свою партію «такимъ голосомъ, какъ бы онъ цѣлую недѣлю не ѣлъ. Затѣмъ «всѣ уходятъ, приходятъ на сцену Дебассини и Беттини и начи-«наютъ вести съ Тамберликомъ бесѣду, изъ которой образуется «прелестнѣйшее тріо. Оказывается, что Дебассини и Беттини «увлекаютъ Тамберлика въ нигилизмъ, а Тамберликъ безпрерыв-«но восклицаетъ: «Oh! Mathilde!» — и не идетъ. Тѣмъ не менѣе «нигилисты апплодируютъ, и именно Тамберлику, что должно «приписать незнанію итальянскаго языка. Потомъ Тамберликъ «уходитъ, а на сцену опять приходятъ поселяне; начинаются «браки, поютъ, молятся Богу... какъ вдругъ врываются австрі-«яки подъ предводительствомъ нѣкотораго Пальтриньери. Ав-«стріяки говорятъ: «убирайтесь вонъ!» швейцарцы отвѣчаютъ: «не хотимъ, ибо мы занимаемся невинными занятіями!» Выхо-«дитъ скандалъ; австріяки вынимаютъ мечи и дуютъ ими посе-«лянъ по головамъ; поселяне бѣгутъ, но въ то же время гру-«бятъ... Нигилисты ревутъ и плещутъ руками, потому что въ «этой свалкѣ убитъ г. Чеккони.

«Мы съ вами, бывавшіе въ этой оперѣ неоднократно, и не-«однократно же наслаждавшіеся безсмертными ея красотами, ни «объ чемъ объ этомъ не имѣли понятія. Мы думали, что Там-«берликъ есть Тамберликъ, а Дебассини — Дебассини, что они «поютъ аріи, дуэты, тріо, потому что они солисты и ангажи-«рованы на сей именно конецъ театральною дирекціей. Мы ду-«мали, что поселяне обязаны пѣть хоры, и что выниманіе мечей «есть не что иное, какъ обстановка пьесы, служащая пріятнымъ «разнообразіемъ для глазъ. Нигилисты съумѣли увидать совсѣмъ «другое; они, посредствомъ какого-то анаѳемскаго чутья, «съумѣли распознать австріяковъ отъ поселянъ и изъ поведенія «первыхъ вывели заключеніе, что они заботятся не объ учреж-«деніи воскресныхъ школъ, а о чемъ-то другомъ.

«Буду откровененъ: я не оправдываю поведенія австріяковъ

«въ этой оперѣ я не могу раздѣлять ихъ политическихъ убѣж-
«деній. По моему мнѣнію, постоянно драться, и только драться—
«большая политическая ошибка. Народъ, видя, что, вмѣсто того,
«чтобы вводить какія нибудь непредосудительныя улучшенія,
«побѣдители думаютъ только о томъ, какъ бы побольше плюхъ
«надавать, можетъ придти въ сомнѣніе, и даже... нагрубить.
«Дальновидный побѣдитель знаетъ это и сообразно съ симъ
«устраиваетъ свою политику такъ, что не только не мѣшаетъ по-
«селянамъ забавляться, но даже самъ изобрѣтаетъ забавы, такъ
«какъ забава есть самое вѣрное средство, которымъ можетъ вос-
«пользоваться общественное благоустройство для предотвращенія
«общественнаго неустройства. Но, скажите на милость, изъ-за
«чего нигилисты-то ревутъ и неистовствуютъ? Что они швей-
«царцамъ, что швейцарцы имъ? И откуда эта ненависть къ ав-
«стрійцамъ?. . . . .

«Однако сюжетъ сей столь важенъ, что не могу воздержать-
«ся, чтобы не поговорить о немъ подробнѣе. Нынче пошла мода
«на національности. Итальянцы не хотятъ знать австрійцевъ,
«венгерцы не хотятъ знать австрійцевъ, славяне не хотятъ знать
«никого. А тамъ шевелятся голштинцы, а тамъ гдѣ-то пискнули
«ирландцы... Хвалю, хвалю сихъ людей, потому что, занима-
«ясь вопросомъ о національности, они тѣмъ самымъ предъяв-
«ляютъ міру, что сердца ихъ волнуются не какими либо разру-
«шительными интересами, какова напр. такъ называемая свобода,
«но интересами возвышенными, политическими. Напримѣръ,
«итальянцы почти освободились отъ австрійцевъ — это очень
«пріятно; голштинцы также, вѣроятно, въ скоромъ времени ос-
«вободятся отъ датчанъ—и это будетъ пріятно. Почему пріятно?
«а потому, что изъ всего этого никакой другой перемѣны не про-
«изойдетъ, кромѣ нѣкоторой въ географическихъ учебникахъ
«сумятицы. Скажу даже болѣе: чѣмъ больше въ данное время
«возбуждено интересовъ политическаго свойства, тѣмъ пріятнѣе
«для общественнаго благоустройства; ибо въ рукахъ опытнаго
«охранителя общественнаго благоустройства, политическій инте-
«ресъ можетъ быть доведенъ даже до степени интереса небес-
«наго и служить самымъ лучшимъ отвлеченіемъ отъ инте-
«ресовъ ближайшихъ, земныхъ. Посему нигилисты, въ этомъ
«отношеніи, кажутся мнѣ лишенными всякой прозорливости.
«Чему они хлопаютъ? По какому поводу стонутъ? Они хло-
«паютъ швейцарцамъ и цѣлымъ театромъ требуютъ очищенія

свободной швейцарской земли отъ австріяковъ... Ну, и пусть хлопаютъ!

«Во второмъ актѣ, мы видимъ даму пріятной наружности въ прекрасной амазонкѣ и съ хлыстикомъ въ рукѣ. Нигилисты молчатъ, потому что, какъ объясняетъ мнѣ сидящій подлѣ меня гусарскій штабъ-офицеръ, дама эта принадлежитъ къ лагерю филистимлянъ — австріяковъ; это та самая Матильда, въ которую влюбленъ Тамберликъ, о которой онъ такъ сладко вздыхаетъ въ первомъ актѣ: oh! Mathilde и которая, разслабляющимъ образомъ вліяя на своего возлюбленнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ тормозитъ и партію дѣйствія. Г-жа Бернарди поетъ свою прелестную арію, но поетъ совершенно инымъ образомъ, нежели г. Чеккони. Сей послѣдній поетъ какъ голодный, г-жа Бернарди напротивъ того, поетъ какъ бы только что пообѣдала и въ горлышкѣ ея еще остался кусочекъ, о который задѣваетъ ея крошечный голосокъ. Слушая ее, думаешь, что она разомъ поетъ двѣ аріи: одну полутономъ выше, другую — полутономъ ниже, апплодировалъ ей только дѣйствительный статскій совѣтникъ, но и сей оробѣлъ. Приходитъ Тамберликъ и поетъ съ г-жею Бернарди дуетъ; нигилисты молчатъ; штабъ-офицеръ даже видимо не одобряетъ Тамберлика, потому что говоритъ шопотомъ: «какъ жаль, что голосъ его слабѣетъ!» Но вотъ, наконецъ, наступаетъ моментъ настоящаго, непрерывнаго нигилистскаго торжества. Матильда ушла; на сценѣ Тамберликъ, Дебассини и Марини; два послѣднихъ сообщаютъ первому, что австріяки напали на безоружныхъ поселянъ, начали бить ихъ мечами по головамъ и что въ этой свалкѣ убитъ его отецъ... восхитительное анданте! Что дѣлать Тамберлику? Сыновнее сердце кричитъ: vendetta! а правила музыкальной композиціи не только не препятствуютъ этому, но даже положительно требуютъ, чтобы за анданте непосредственно слѣдовало аллегро. И вотъ изъ груди его вылетаетъ фраза, которая повергаетъ въ неописанное умиленіе всѣхъ нигилистовъ. Все дѣло въ томъ, что фраза эта кончается словомъ libertà, словомъ, которое какъ извѣстно, первый выдумалъ нашъ извѣстный публицистъ, Н. Н. Катковъ. Но въ устахъ г. Каткова оно имѣло смыслъ весьма благопріятный и означало лишь умѣренность и аккуратность. Съ этой точки зрѣнія, libertà не только не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, но даже можетъ служить прекраснымъ благоустроительнымъ средствомъ. Но нигилисты ничего этого

«не поняли и все перепутали. Вслѣдствіе сего, имъ померещи-«лось чортъ знаетъ что. «Bis»! стонутъ они на всѣ лады — «Тамберликъ повторяетъ съ удовольствіемъ. «Bis»! стонутъ опять «на всѣ лады—Тамберликъ опять повторяетъ съ готовностью. И, «конечно, этому позорищу не было бы скончанія, если бы въ скеп-«тическіе умы нигилистовъ не заползло сомнѣніе. «Какъ жаль, «формулируетъ это сомнѣніе сосѣдъ мой, гусарскій штабъ-офи-«церъ, что такое славное движеніе родилось не вслѣдствіе внутрен-«ней потребности духа, а вслѣдствіе смерти отца!» Какъ бы то ни «было, но крики умолкаютъ; начинается тріо... Вы помните это «тріо, государь мой, вы испытали на себѣ то тихое очарованіе, «которое всецѣло охватываетъ человѣкомъ, которое, такъ ска-«зать, подавляетъ его, изгоняетъ изъ него всякую мысль, всякую «дѣятельность ума и всего наполняетъ блаженствомъ, одним «блаженствомъ! Что это за звуки! что за звуки! И ласкаютъ-то «они! и жгутъ-то! и истомой томятъ! Театръ не шелохнется, «словно дремлетъ; словно весь міръ исчезъ передъ глазами, весь «міръ съ его политическимъ и неполитическимъ озорствомъ, съ «его благонамѣренными и неблагонамѣренными тревогами.... «остались звуки, одни властительные, сладкіе звуки... одна гар-«монія, то есть, порядокъ! Надо отдать справедливость нигили-«стамъ—они не шевелятся, ибо и они люди. Быть можетъ, со вре-«менемъ, и эти остатки первородной благонамѣренности въ нихъ «утратятся, но покуда еще они существуютъ (повторяю, опыт-«ный и ревностный охранитель общественнаго благоустройства «можетъ симъ качествомъ воспользоваться съ большою для себя «выгодою). Неистовство начинается уже въ то время, когда по-«тухаетъ послѣдняя фраза тріо. «Bis»! кричатъ нигилисты, тогда «какъ я и дѣйствительный статскій совѣтникъ все еще сидимъ «на своихъ мѣстахъ недвижимо, какъ бы упоенные и озадачен-«ные. И тріо повторяется, но нигилисты уже сморкаются; увлече-«ніе небесными интересами охладѣло; выступаетъ на сцену прѣс-«ное резонерство; хладный календарскій утопизмъ окончатель-«но вступаетъ въ права свои. «Все это хорошо, бормочетъ штабъ-«офицеръ, только въ такихъ вещахъ адажіо никуда не годится; «тутъ надо аллегро, да еще какое allegro!» И вслѣдствіе такого «разсужденія, полный и дѣйствительный восторгъ выказывается «только въ то время, когда начинаютъ собираться amici della pat-«ria, и на сцену впопыхахъ вбѣгаетъ г. Фортуна и разсказываетъ «о какой-то новой продѣлкѣ австрійской политики. «All'armi»!

«восклицаетъ толпа хористовъ... Но что тутъ произошло, какой «конфузъ, какое бѣшенство—того не въ силахъ изобразить скром«ное перо мое! Довольно того, что другъ мой, дѣйствительный «статскій совѣтникъ, державшій себя дотолѣ скромно, не вытер«пѣлъ, и, повернувшись всѣмъ корпусомъ къ публикѣ, явно вы«разилъ ей свое неодобреніе и даже угрозу. «Ну, вотъ это такъ! «Это такъ!» шепталъ штабъ-офицеръ, потирая руки. «Что такъ«то?» хотѣлъ я спросить, но не спросилъ. Однимъ словомъ, весь «театръ одобрялъ поведеніе швейцарцевъ, весь театръ требовалъ «для нихъ конституціи! Скажите на милость! кто бы требовалъ, «а то театръ требуетъ! театръ, государь мой, требуетъ — пой«мите вы эту штуку! да вѣдь этакъ скоро Палкинъ трактиръ, «потребуетъ конституціи... для швейцарцевъ! вотъ и поди тог«да съ ними!

«Разумѣется, никакой конституціи имъ не дали, и вотъ въ «третьемъ актѣ мы видимъ толстаго австріака. Австріакъ зани«мается именно тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ заниматься образованному «австріяку въ мужицкой землѣ, т. е. заставляетъ мужичекъ пѣть «и плясать.

«Но и здѣсь позволю себѣ нѣкоторое отступленіе: не могу «одобрить и плясательной австрійской политики. Не потому, «чтобы она сама по себѣ была ошибочна, но потому, что она, «какъ и всякое другое административное средство, должна быть «употребляема въ мѣру. Австрійцы же, очевидно, пользовались «этимъ средствомъ до пресыщенія и употребляли его столь же «неразумно, какъ и тотъ весьёгонскій баринъ, о которомъ недавно «писали въ газетахъ, и который вмѣсто того, чтобы занимать «своихъ временно-обязанныхъ, въ барщинскіе дни, трудами «полезными, заставлялъ ихъ плясать и играть на гармоникѣ. «Ибо и мужикъ, какъ бы ни былъ онъ грубъ и по природѣ «своей наклоненъ къ плясательному время-препровожденію, мо«жетъ, наконецъ, утомиться, и въ часы дозволеннаго отдыха «(разумѣется, другое было бы дѣло, еслибъ можно было застав«лять плясать безъ отдыха!) спросить себя: неужели же я, му«жикъ, только на то и рожденъ, чтобъ выворачивать ноги пе«редъ его свѣтлостью австріакомъ! И такимъ образомъ въ голову «мужика заползаетъ ядовитая змѣя резонерства, а вмѣстѣ съ «тѣмъ уничтожается и возможность продолжать плясательную «администрацію.

«Но не буду утруждать васъ дальнѣйшимъ изложеніемъ со-«держанія этого третьяго акта, тѣмъ болѣе, что конецъ онаго «изложенъ даже въ исторіи Кайданова. Скажу одно: я вышелъ «изъ театра словно въ чаду. Ночь была морозная; извощики и «кучера хлопали руками у горящихъ костровъ; взирая на нихъ, «я восклицалъ: невинные извощики! Вы счастливы, ибо васъ не «волнуютъ страсти! Вы счастливы, ибо между вами нѣтъ ниги-«листовъ! И вмѣстѣ съ тѣмъ, ощущая на себѣ самомъ дѣйствіе «мороза, я не могъ не придти къ заключенію, что и морозъ могъ «бы составлять прекрасное средство администраціи, ибо и онъ «предохраняетъ человѣческій умъ отъ мечтательности и со-«средоточиваетъ его на одной заботѣ: на заботѣ отогрѣть «ознобленные члены тѣла. И я невольно воскликнулъ: какъ «жаль, что не возможно устраивать морозъ по своему усмот-«рѣнію!

«Итакъ, вотъ впечатлѣнія, вынесенныя мной изъ этого «достопамятнаго вечера! Я вспомнилъ 1844, 1845 и 1846 «годы, я вспомнилъ незабвенную Віардо, незабвеннаго Ру-«бини, незабвеннаго Тамбурини, вспомнилъ горячіе споры объ «искусствѣ, вспомнилъ теплыя слезы, которыя мы пролива-«ли, читая «Исторію двухъ калошъ» и «Аптекаршу», слу-«шая потрясающее «maledetto!», которымъ въ Лючіи огла-«шалъ своды большаго театра великій Рубини... Вспомнилъ, и «заплакалъ.

«Ничего этого теперь нѣтъ; въ сердцѣ холодно, въ головѣ смутно, во рту скверно...

«Скверно, не смотря даже на «Боярина Матвѣева», хотя съ «точки зрѣнія общественнаго благоустройства, пьеса сія безуко-«ризненна. Вотъ все, что могу я сказать объ этомъ пріятномъ про-«изведеніи, авторъ которой едва ли не родной братъ того Обо-«довскаго, который сочинилъ весьма полезный географическій «учебникъ. Всякому свое.»

Первое представленіе новой драмы г. Островскаго. 23 января, на Маріинскомъ театрѣ, было первое представленіе новой драмы А. Н. Островскаго «Грѣхъ да бѣда на кого не живутъ». Мы не будемъ говорить здѣсь объ этой драмѣ, потому что она составляетъ въ нашей литературѣ такое явленіе, ка-

саться котораго въ летучей замѣткѣ неумѣстно. Но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи высказать отъ лица всѣхъ дорожащихъ успѣхами русскаго сценическаго искусства глубокую признательность гг. актерамъ и актрисамъ, участвовавшимъ въ піесѣ, за отчетливое и вполнѣ талантливое исполненіе ролей. Въ особенности же, г-жи Линская и Снѣткова 3 и г. Самойловъ подарили насъ минутами дѣйствительнаго и глубокаго наслажденія. Даже у г. Бурдина вырвались два-три движенія весьма недурныхъ.

Мы слышали, что г-жа Снѣткова 3 совсѣмъ оставляетъ сцену. Это потеря, покамѣсть, незамѣнимая.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

СЕЗОНЪ 1862—1863 ГОДА.

ДВА СЛОВА КЪ ЧИТАТЕЛЮ. — ОТКРЫТІЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ. — ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ СОСТАВѢ ТРУППЫ. — ЭРНАНИ. — СТРАДЕЛЛА. — ЗАМѢТКА О РУССКОЙ ОПЕРѢ. — ИТАЛЬЯНСКІЕ ПѢВЦЫ И НѢМЕЦКАЯ МУЗЫКА. — МАСКАРАДЪ; ДЕБЮТЪ Г-ЖИ БАРБО. — ТРАВІАТА. — ВОСПОМИНАНІЕ О БОЗІО. — ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЛЬ. — ТРУВАДУРЪ. — ГРАФЪ ОРИ. — СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ. — ЛАВРЫ АВТОРА «Il bacio». — НОВАЯ ОПЕРА ВЕРДИ; ПРИГОТОВЛЕНІЯ; СЮЖЕТЪ «СИЛЫ СУДЬБЫ»; МУЗЫКА И ИСПОЛНИТЕЛИ; ОБСТАНОВКА. — ИТАЛЬЯНСКАЯ МУЗЫКА И НѢМЕЦКІЕ КРИТИКИ. — МАРТА; НОВЫЙ ЛІОНЕЛЬ. — СВѢДѢНІЯ О ФЛОТОВѢ. — ФАВОРИТКА. — НОВЫЙ РИГОЛЕТТО. — ПУРИТАНЕ; ПОДАРОКЪ Г. ГРАЦІАНИ. — ПРОРОКЪ. — БЕНЕФИСЪ ТАМБЕРЛИКА; ОТЕЛЛО; НОВАЯ ДЕЗДЕМОНА; ОВАЦІЯ И ПОДАРКИ БЕНЕФИЦІАНТУ; РОДРИГО — КАЛЬЦОЛАРИ. — ОЖИДАЕМАЯ ОПЕРА ВЪ БЕНЕФИСЪ КАЛЬЦОЛАРИ. — ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ НЫНѢШНЯГО СЕЗОНА. — ВЫВОДЫ И СООБРАЖЕНІЯ.

Считаемъ обязанностью предупредить читателя, что предлагаемый обзоръ годичной дѣятельности здѣшней итальянской труппы не заключаетъ въ себѣ, какъ видно съ первыхъ же страницъ, ни ученаго, техническаго разбора оперныхъ партитуръ, ни строго послѣдовательной критической оцѣнки талантовъ и искусства артистовъ; статья эта не что иное, какъ сводъ внимательныхъ наблюденій въ оперѣ, музыкальныхъ воспоминаній и впечатлѣній настоящаго, и нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣтокъ о характерѣ прослушанной музыки и о до-

тоинствахъ пѣвцовъ-исполнителей. Оговорившись такимъ образомъ, приступаемъ къ разсказу объ оперныхъ представленіяхъ.

Нынѣшній сезонъ итальянской оперы открылся 5 сентября. Противъ прошлаго года составъ труппы артистовъ нѣсколько измѣнился: вмѣсто надоѣвшей всѣмъ г-жи Лагруа вновь ангажирована молодая прима-донна г-жа Барбо, да г. Монджини, догадавшись, что пора и честь знать, оставилъ нашу сцену и осчасливилъ Лиссабонскій театръ св. Карла принятіемъ его, весьма впрочемъ выгоднаго, предложенія.

Вмѣсто него поступилъ на нашу сцену пожилой уже теноръ г. Мальвецци. Говорятъ, что въ свое время пѣвецъ этотъ пользовался извѣстностью и что Верди для него собственно написалъ роль Фернандо въ «Луизѣ Миллеръ». Охотно вѣримъ этому, но надо полагать, что голосъ его очень измѣнился. Первый дебютъ его у насъ въ «Эрнани», которымъ открылся текущій сезонъ, былъ весьма неудаченъ, публика выразила ему свое неодобреніе самымъ рѣзкимъ, самымъ невеликодушнымъ способомъ, и остается только сожалѣть, что такой чрезмѣрно-строгій приговоръ обрушился на человѣка скромнаго, добродушнаго, какъ всѣ, знающіе Мальвецци, утверждаютъ, а главное, и безъ того уже гонимаго судьбой.—Конечно, оперный театръ нашъ не есть благотворительное учрежденіе; но дѣло въ томъ, что, говоря справедливо, г. Мальвецци не заслуживалъ такого оскорбительнаго пріема. Голосъ его, правда, далеко не свѣжій, не звучный, не гибкій, такъ сказать деревянный, но интонація его вѣрная; въ немъ видѣнъ музыкальный смыслъ, замѣтно внимательное изученіе роли, и пѣлъ онъ оба раза весьма старательно.—Къ тому же этотъ пѣвецъ былъ ангажированъ только *для* подмоги нашимъ первымъ тенорамъ и содержаніе ему было назначено *не въ примѣръ другимъ* ограниченное.— Со стороны распорядителей не великодушно было заставить второстепеннаго пѣвца дебютировать въ трудной партіи Эрнани, да еще рядомъ съ Граціани въ сильнѣйшей его роли, а со стороны публики было слишкомъ взыскательно такъ безжалостно осудить пѣвца съ перваго его шага.—И чего же мы достигли такимъ рѣзкимъ приговоромъ? г. Мальвецци, правда, больше не показывается на сцену; но за то въ теченіе пяти мѣсяцевъ давали только 15 различныхъ оперъ, и то съ грѣхомъ пополамъ, такъ какъ двумъ первымъ тенорамъ нашимъ не рѣдко измѣняли силы отъ чрезмѣрной усталости. И Граціани, надо думать, не разъ пожалѣлъ о томъ, что перестали давать «Эрнани», такъ какъ порфира Карла V доставляла ему самые обильные и наиболѣе заслуженные лавры. Эта роль какъ нельзя болѣе подходитъ къ свойствамъ его таланта и отдѣлана имъ съ особенною любовью.

Дѣйствительно, дуэтъ съ Сильвой (г. Анджелини) Граціани исполняетъ неподражаемо. Не то, чтобы онъ пѣлъ тутъ очень громко, —

пѣть; нѣкоторыя слова онъ произноситъ почти шопотомъ. Но въ каждомъ звукѣ его голоса кипитъ гнѣвъ, въ каждомъ движеніи вы-казывается страшная сила, нетерпящая противорѣчія. Жутко ста-новится за бѣднаго Сильву и, кажется, не сноситъ ему головы, ко-гда король какъ громомъ грозитъ ему:

Il tuo capo, o tradilore
Altro scampo no, non v'e!

Такъ же хорошъ Карлъ, когда у гроба своего великаго соименника онъ отрекается отъ увлеченій молодости и обѣщается посвятить жизнь свою благу и славѣ своего народа.

Всю эту сцену, речитативъ и арію, г. Граціани ведетъ безукориз-ненно: у мѣста—благоговѣніе, кстати—грусть, во время—восторгъ и вдохновенный полетъ com'aquila.

Въ знаменитомъ финалѣ 3-го акта вѣрная интонація его голоса, своевременный ударъ сильныхъ нотъ, умѣнье выдержать ихъ, дѣ-лаютъ то, что ни одинъ звукъ не пропадаетъ даромъ, каждая нота слышна на своемъ мѣстѣ и непремѣнно украшаетъ общій мотивъ.

Послѣ Эрнани давали (10 сентября) вновь поставленную въ прош-ломъ году оперу Флотова «Александръ Страделла». Обстановка оста-лась безъ всякихъ перемѣнъ, исполненіе было безукоризненно по прежнему, а потому подробный разборъ «Страделлы» былъ бы повто-реніемъ того, что мы говорили объ этой оперѣ въ прошлогодней за-мѣткѣ (Соврем. 1862 г. Соврем. обозрѣніе, стр. 76—81). Прибавимъ только, что въ нынѣшнемъ году г. Кальцолари два раза исполнялъ въ 3-мъ актѣ не церковную арію самого Страделлы, какъ постоянно въ прошломъ году, а гимнъ Флотова:

O santa, o pia, del ciel regina!

Хотя этотъ нумеръ, одинъ изъ лучшихъ въ прекрасной партитурѣ «Страделлы», исполнялся въ совершенствѣ, но публика всякій разъ изъявляла желаніе прослушать знаменитое сочиненіе вдохновеннаго пѣвца XVII вѣка:

Pieta, signore! di me dolente.

При всей готовности исполнить такое требованіе, г. Кальцолари чувствовалъ физическую невозможность, въ концѣ далеко не легкой своей партіи, исполнять одинъ за другимъ такіе большіе и трудные нумера. А потому въ остальныя четыре представленія «Страделлы» онъ ограничивался исполненіемъ вставной аріи.

Не можемъ здѣсь не подѣлиться впечатлѣніями, которыя мы вы-

несли изъ представленія «Страделлы» въ русской оперѣ, 21 ноября. Это прекрасное произведеніе, со всѣмъ стараніемъ исполненное русскими пѣвцами, произвело на насъ впечатлѣніе блѣдной копіи съ рафаэлевой мадонны, копіи, написанной весьма хорошими красками, но рутинною рукою «суздальскаго богомаза». Дѣло въ томъ, что доморощенный Страделла, г. Никольскій, безспорно обладающій однимъ изъ лучшихъ современныхъ теноровъ, рѣшительно не знакомъ съ тѣмъ искусствомъ, которое необходимо для сценическаго пѣвца въ подобныхъ роляхъ. По всей вѣроятности, онъ хорошо знаетъ музыку, что, въ соединеніи съ его богатыми природными средствами, могло сдѣлать изъ него отличнаго солиста — пѣвчаго, даже весьма пріятнаго концертнаго пѣвца, но для опернаго артиста этого еще далеко недостаточно. Для успѣшнаго исполненія итальянскихъ и quasi-итальянскихъ оперъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ композиторовъ, кромѣ вышесказаннаго, необходима тончайшая обработка голоса, отъ природы вѣрный и правильно развитый вкусъ, спеціальное изученіе собственно этого рода искусства, продолжительное воспитаніе на слушаніи первоклассныхъ образцовъ, сценическій талантъ, особое призваніе, страсть къ музыкѣ, короче, — необходимо обладать артистической натурой и развивать ее, подъ благопріятными условіями, съ юнаго, наиболѣе впечатлительнаго возраста. «Да вы забыли, пожалуй возразятъ намъ, что г. Никольскій не двадцатитысячный итальянецъ, а скромный русскій пѣвецъ, и потому ваши строгія требованія совершенно неумѣстны». Нѣтъ, извините, господа, мы не забыли, а разберите-ка дѣло, — и вы согласитесь съ нами. Мы вѣримъ вамъ, г. Никольскій добросовѣстно даетъ то, что имѣетъ, и ни въ какомъ случаѣ не обвиняемъ начинающаго артиста за то, что его пѣніе въ «Страделлѣ» не доставляетъ удовольствія; мы говоримъ только, что этого удовольствія нѣтъ. Вообще, мы того убѣжденія, что ставить на русскую сцену переводныя оперы итальянскаго репертуара — это есть натяжка, невыгодная для публики, для пѣвцовъ и для самаго театра.

Не лучше ли ограничиться произведеніями русскихъ композиторовъ; кромѣ оперъ Глинки, Верстовскаго и другихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ нашимъ меломанамъ-патріотамъ, тогда вышли бы на свѣтъ божій и тѣ не малочисленныя творенія отечественныхъ талантовъ, которыя до сихъ поръ покоились въ рукописныхъ партитурахъ подъ спудомъ переведенныхъ «Трубадуровъ», «Отелло», «Фаворитокъ», «Теллей», «Страделлъ» и проч. Такая мѣра поощряла бы существующіе таланты, обнадеживала начинающихъ, даже вызывала бы новыхъ дѣятелей. Если бы даже репертуаръ въ сказанныхъ предѣлахъ вышелъ крайне бѣденъ, то, пожалуй, пополните его иностранными произведеніями, преимущественно не итальянскими и от-

нюдь не тѣми, которыя исполняются въ Петербургѣ итальянцами. Да, кстати, и этихъ послѣднихъ можно бы избавить отъ неблагодарнаго труда разучиванія чуждыхъ имъ произведеній строго классической школы. А то всякое представленіе на итальянской сценѣ «Фрейшюца», напримѣръ, вызываетъ въ публикѣ только краснорѣчивыя варіанты на старую тему, что итальянцы *еще* не совладали съ нѣмецкой музыкой. Дѣйствительно, знаменитое произведеніе Вебера вотъ уже почти 40 лѣтъ доказываетъ, что итальянцы *еще* не совладали съ нѣмецкой музыкой, а потому надо думать, что они никогда не совладаютъ съ нею. Да справедливо ли упрекать ихъ въ этомъ? Пылкая, чувственная натура итальянца, страстные мотивы его родной музыки, которыми онъ съ дѣтства привыкъ выражать непосредственное чувство, которыми онъ поетъ любовь, житейскія радости и невзгоды, свой гнѣвъ и горе, — все это дѣлаетъ его неспособнымъ къ воспроизведенію мало понятныхъ, вовсе не симпатичныхъ ему красотъ музыки, стремящейся въ безконечную даль, dahin, dahin! Сынъ благословенной страны dove'l si suona, итальянецъ pur sang, ни на минуту не можетъ отрѣшиться отъ своего земнаго бытія; вообще говоря, въ немъ нѣтъ и никогда не будетъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ выковывается ключъ къ завѣтнымъ вратамъ храма Гайдновъ, Баховъ, Глюковъ, Маршнеровъ, Бетховеновъ, Веберовъ и др. Конечно, бывали примѣры, что и въ чисто нѣмецкихъ операхъ итальянскіе пѣвцы исполняли главныя роли съ полнымъ успѣхомъ; но это—исключеніе, и такой успѣхъ почти всегда былъ слѣдствіемъ особенныхъ условій въ музыкальномъ развитіи пѣвца.

Такъ, недалеко взять, г. Кальцолари пѣлъ, сколько намъ извѣстно, въ восьми операхъ разныхъ нѣмецкихъ композиторовъ, и всегда заслуживалъ единодушное одобреніе самыхъ требовательныхъ цѣнителей; за то надо знать, какую строгую школу прошолъ этотъ талантливый пѣвецъ. Началъ онъ свое музыкальное образованіе подъ руководствомъ профессора Буркарда (Georg Burkard), даровитаго, серьёзнаго и ученаго *нѣмца*; отъ него-то Кальцолари и пріобрѣлъ тѣ глубокія и разностороннія познанія въ искусствѣ, которыя поставили его такъ высоко въ современномъ артистическомъ мірѣ. Впослѣдствіи молодому пѣвцу посчастливилось попасть въ превосходную школу къ знаменитому маэстро Паницца (Jaques Panizza), который, съ отеческою заботливостью, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ усердно занимался тончайшею обработкой его голоса и окончательнымъ совершенствованіемъ его методы пѣнія. Прибавте ко всему этому счастливыя музыкальныя дарованія и рѣдкое трудолюбіе Кальцолари, и вамъ будетъ понятно, почему этотъ артистъ, пармскій уроженецъ, нѣмецкую музыку, какъ и все, что поетъ, — поетъ отлично. Но повторяемъ, такія

исключительныя явленія весьма и весьма рѣдки. Поэтому, чѣмъ сѣтовать на массу итальянскихъ пѣвцовъ за то, что они дурно истолковываютъ то, чего сами не могутъ понять, лучше не поручать имъ нѣмецкихъ оперъ, кромѣ тѣхъ, которыя не имѣютъ чисто нѣмецкаго характера. Къ такимъ мы отнесемъ, напримѣръ, оперы Флотова и разумѣется Моцарта.

Прекрасная же цѣль знакомить публику съ великими твореніями германскихъ композиторовъ, по нашему мнѣнію, ближе достигается симфоническими концертами, въ особенности при огромныхъ оркестровыхъ богатствахъ нашего театра.

Вѣдь собственно итальянскій-то оперный репертуаръ, кажется, не бѣденъ, и такіе артисты, какъ въ здѣшней итальянской труппѣ, исполняютъ родныя, сочувственныя имъ произведенія почти всегда съ блестящимъ успѣхомъ.

Вотъ, припомните, напримѣръ, каково былъ разыгранъ вердіевскій «Маскарадъ», данный въ первый разъ въ нынѣшнемъ сезонѣ послѣ «Страделлы», для дебюта г-жи Барбо. Кромѣ этой замѣны г-жи Фіоретти въ роли Аделіи, всѣ дѣйствующія лица «Маскарада» остались на прошлогоднихъ своихъ мѣстахъ. Такъ какъ читатели «Современника» имѣли уже случай ознакомиться съ содержаніемъ этой оперы, съ характеромъ музыки и съ достоинствами исполненія ея на нашей сценѣ, то мы считаемъ умѣстнымъ только сказать здѣсь нѣсколько словъ о новой прима-доннѣ.

Не знаемъ, чему приписать, счастливой ли наружности г-жи Барбо, или разнорѣчивымъ о ней слухамъ, то странное обстоятельство, что первое появленіе на сценѣ вовсе незнакомой пѣвицы встрѣчено было горячими аплодисментами съ одной стороны и унимательнымъ шиканьемъ — съ другой. Видно, безъ крайностей у насъ дѣло не обходится; то съ первой же роли освищутъ второстепеннаго пѣвца за то, что онъ поетъ хуже первокласснаго, но все-таки же лучше своего, дорогаго по платѣ и дешеваго по достоинству, предшественника; то, не слыхавъ еще ни одной ноты пѣвицы, неистовымъ хлопаньемъ не даютъ открыть ей рта, только потому, что онъ хорошенькій; потомъ черезъ недѣлю грубо и безжалостно шикаютъ ей прямо въ лице за то, что нездоровье не позволяетъ ей на этотъ разъ пѣть, какъ слѣдуетъ и т. п. Знай, молъ, нашихъ, у насъ нѣтъ мѣры ни на гнѣвъ, ни на милость! Сама г-жа Барбо растерялась было отъ этой преждевременной оваціи и робко, дрожащимъ голосомъ, пропѣла свою партію въ тріо 2-го акта. Въ третьемъ же актѣ, оживленнымъ исполненіемъ сцены съ Ричардомъ и потомъ терцета въ лѣсу, она выказала въ себѣ замѣчательную драматическую актрису. Это свойство молодой прима-донны, въ соединеніи съ ея

прекрасною наружностью, закупаетъ слушателя, мѣшаетъ ему безпристрастно оцѣнить чисто музыкальныя стороны ея пѣнія.

Но и отрѣшившись отъ обаянія внѣшнихъ эфектовъ, надо признать, что г-жа Барбо обладаетъ обширнымъ сопрано, въ которомъ большая часть нотъ средняго и нижняго регистра довольно пріятны; но верхнія нерѣдко крикливы и рѣзки. Методу ея пѣнія вообще нельзя назвать безукоризненно правильною, какъ и обработку голоса — особенно тонкою; поетъ она всегда и вездѣ вѣрно, какъ подобаетъ француженкѣ, часто жертвуетъ музыкальными условіями въ пользу драматическихъ требованій. Такъ иногда она неправильно измѣняетъ характеръ мелодіи: въ adagio поетъ слишкомъ сильно, въ allegro ужъ черезъ-чуръ торопится; въ переходахъ и фіоритурахъ г-жи Барбо не замѣтно особаго мастерства.

При всемъ томъ можно смѣло надѣяться, что изъ этой пѣвицы выработается хорошая исполнительница оперной музыки, преимущественно современнаго характера: въ голосѣ есть энергія, въ игрѣ — много истиннаго драматизма; силы, огня и увлеченія станетъ надолго. Послѣ перваго же представленія «Un ballo in maschera» почти единодушно было признано всѣми, что роль Аделіи, небольшая, правда, но все-таки могущая рекомендовать пѣвицу, значительно выдвинулась и оживилась, благодаря новой исполнительницѣ. Такъ въ прощальномъ дуэтѣ 4-го акта, въ которомъ прошлогодняя Аделія пѣла сколько искусно, столько же и равнодушно, г-жѣ Барбо удалось вѣрно и живо представить женщину, стремящуюся спасти жизнь любимаго человѣка. Вообще первое впечатлѣніе, произведенное пѣвицей на публику, по всей справедливости слѣдуетъ назвать очень пріятнымъ.

Кончая съ «Маскарадомъ», не можемъ не выразить сожалѣнія, что г. Тамберликъ постоянно пропускаетъ въ 4 актѣ, передъ открытіемъ бала, романсъ:

Ma se m'e forza perderti

Хотя онъ и напоминаетъ adagio Манрико въ «Трубадурѣ», но вѣроятно всѣ, кому удавалось слышать, даже въ посредственномъ исполненіи, этотъ грустный, проникнутый истиннымъ чувствомъ романсъ, даже кто только просмотритъ этотъ нумеръ (23-й) по партитурѣ, всѣ они раздѣлятъ наше сожалѣніе. Въ «Риголетто», положимъ, можно еще пропускать большую, трудную и неумѣстную арію:

Parmi veder le lagrime,

что и дѣлаетъ съ давнихъ поръ г. Тамберликъ; но въ былыя времена

онъ ее все-таки пѣлъ, а названный романсъ Ричарда такъ и пропалъ для петербургской публики, какъ будто и не былъ написанъ.

Двѣ слѣдовавшія за «Маскарадомъ» оперы, вердіевская Травіата и россинніевскій «Вильгельмъ Телль» (все еще подъ обвѣтшалой фирмой Карла Смѣлаго), исполнялись при прежнемъ, хорошо знакомомъ персоналѣ, слѣдовательно съ извѣстными уже достоинствами и недостатками. Въ первой изъ нихъ — все та же цвѣтущая здоровьемъ Травіата, тотъ же юношески-пылкій старикъ Жермонъ, тотъ же симпатичный Альфредъ. Впрочемъ, нельзя не замѣтить здѣсь, что ламентаціи Віолеты перестали уже очаровывать нашу публику и что въ послѣдніе годы «Травіата» не привлекаетъ и трети тѣхъ, кто ни разу не пропускалъ этой оперы во времена Бозіо. Бозіо, напр., въ продолженіи всего 3-го акта вполнѣ оживлялась только въ одинъ моментъ, именно при встрѣчѣ съ Альфредомъ. Въ эту минуту слабая, разбитая горемъ, угасающая женщина какъ-бы воскресала; вспомните, какимъ блескомъ разгорались ея влажные, впалые глаза, какъ вся она отдавалась внезапно охватившему ее чувству радости, какая безконечность счастія слышалась въ этомъ:

Amato Alfredo!

Затѣмъ лихорадочно-возбужденныя силы оставляли больную, и оставляли безвозвратно; въ остальныхъ нумерахъ слышалась безъисходная грусть, сердечная боль и тихая скорбь умирающей, но порывовъ, сильныхъ нотъ,—конечно ужь не было. Все это было глубоко-вѣрно, высоко-художественно. Да проститъ намъ читатель это воспоминаніе; мы знаемъ напередъ его возраженіе, знаемъ и вѣримъ, что такого соединенія души, ума, таланта, голоса, искусства и внѣшняго изящества, какъ въ покойной Бозіо, ни въ комъ даже желать нельзя, искать его—напрасно, требовать—непозволительно.—И потому, мы съ вами, слышавшіе великую артистку, съ теплымъ чувствомъ вспоминая gli anni felici, не будемъ никого съ нею сравнивать и отдадимъ должное другимъ.

На «Вильгельмѣ-Теллѣ» мы не будемъ долго останавливаться; это великое твореніе съ давнихъ поръ дается у насъ, постоянно привлекая въ театръ всѣхъ истинныхъ любителей музыки. Кому же изъ нихъ не извѣстно, что главный успѣхъ этой оперы, послѣ геніальнаго ея автора, принадлежитъ г. Тамберлику; кто не знаетъ, что лучшая роль его обширнаго и разнообразнаго репертуара, — роль Арнольда Мельхтала, и что Тамберликъ безспорно *первый* Арнольдъ изъ современныхъ пѣвцовъ Европы. Но на всѣхъ не угодишь; между ними есть и такіе *меломаны*, которые всякій разъ ждутъ не дождутся конца представленія и выходятъ изъ театра тотчасъ послѣ танцевъ, не удостои-

вая своимъ вниманіемъ, а главное, мѣшая другимъ слушать одно изъ сильнѣйшихъ мѣстъ оперы: арію Арнольда въ 3 актѣ и финальную сцену его съ хоромъ:

Corriam, corriam! Vendetta, amici, o morte!

Признаться, это преждевременное и всегда сопровождаемое шумомъ оставленіе праздными (добро бы дѣловыми) посѣтителями своихъ креселъ и ложъ, по меньшей мѣрѣ, смѣшно и невѣжливо.

За тѣмъ, по порядку представленій, предстоитъ сказать нѣсколько словъ о «Трубадурѣ», безъ котораго у насъ не обходится ни одинъ сезонъ, начиная съ 1855 года. Съ перваго представленія и до сихъ поръ главную роль Манрико исполняетъ г. Тамберликъ, и едва ли гдѣ эта роль представлена такъ хорошо, какъ у насъ. Г. Граціани, въ роли графа ди-Луна, если и вызываетъ аплодисменты, то скорѣе по привычкѣ, чѣмъ по достоинству исполненія. Такъ въ финалѣ 2-го акта голосъ его едва слышался; даже главная арія баритона (передъ монастыремъ) не совсѣмъ удалась, и хотя, по заведенному порядку, была повторена, но ужь совершенно напрасно. Въ бравурномъ allegro съ хоромъ:

Per me ora fatale,

у Граціани не замѣтно той силы, которою, бывало, поражалъ Бартолини въ этой сценѣ; въ четвертомъ же актѣ большой дуэтъ съ Леонорой онъ исполнилъ въ совершенствѣ. Но мы ничего еще не сказали о самой Леонорѣ, на которой сосредоточивался главный интересъ нынѣшняго Трубадура.—Эта роль, въ которой насъ сперва восхищала Бозіо, потомъ огорчала Лагруа, выпала теперь на долю г-жи Барбо. Нельзя не признать, что пассивная роль Леоноры мало соотвѣтствуетъ патетическому драматизму г-жи Барбо, что особенно чувствуется въ первыхъ трехъ актахъ. Мѣстами она поетъ крикливо, неровно, въ переходахъ неотчетливо; къ тому же у Леоноры есть двѣ большія аріи, для которыхъ голосъ новой исполнительницы обработанъ не довольно тонко, только, разумѣется, не по сравненію съ топорной вокализаціей г-жи Лагруа. Но изгнавъ изъ памяти типъ прошлогодней Леоноры, придется замѣтить, что у г-жи Барбо пропадаютъ нѣкоторыя фразы и не отдѣланы какъ слѣдуетъ тѣ, по видимому мелочныя подробности, которыми такъ плѣняла слухъ покойная Бозіо. Справедливость же требуетъ отозваться о г-жѣ Барбо съ полной похвалой за исполненіе 4 акта, кромѣ впрочемъ начальной аріи. Оно и понятно: тутъ и мольба, и клятва, и ядъ, и агонія, и самая смерть, тутъ ужь актриса преобладаетъ надъ пѣвицей. Но и въ

музыкальномъ отношеніи партія Леоноры въ Miserere ведется г-жею Барбо съ замѣчательнымъ искусствомъ, съ вѣрнымъ пониманіемъ, и ensemble производитъ на всю аудиторію сильное впечатлѣніе.

Въ возобновленномъ теперь «Il conte Ory» партія шалуна-графа осталась за Кальцолари, а покойницѣ Бозіо достойно наслѣдовала г-жа Фіоретти. Понятно, что въ мастерскомъ ихъ исполненіи музыка Россини сохранила всю свою прелесть.—Г-жа Бернарди (пажъ графини), гг. Анджелини и Эверарди также не мало содѣйствовали успѣху представленія. Не будемъ разсказывать сюжетъ оперы, такъ какъ, по самому ходу дѣйствія, онъ легко объясняется и непонимающими итальянскаго разговора, а ограничимся указаніемъ лучшихъ по композиціи и удачнѣйшихъ по исполненію нумеровъ. — Въ 1-мъ актѣ особенно замѣчательны выходная арія графа и дуэтъ его съ пажемъ:

Una dama,

въ которомъ ярко выдается выразительная фраза тенора на словахъ:

Tu sarai del conte Ory.

За тѣмъ, въ каватинѣ сопрано есть превосходное crescendo. Во второмъ актѣ—знаменитый квартетъ для однихъ голосовъ, безъ оркестра, потомъ дуэтъ сопрано и тенора:

Ah! qual rispetto, o donna,

комическая сцена пьянствующихъ *монахинь съ бородами*, и наконецъ прекрасный тріо графини, пажа и графа, въ потемкахъ, заключающій піесу. Благодаря талантамъ и искусству нынѣшнихъ исполнителей, всѣ семь разъ, что давали эту оперу, она шла живо, весело и дружно, какъ нельзя лучше.

За «Графомъ Ори», слѣдовалъ «Севильскій цирюльникъ». Эта опера давно знакома петербургской публикѣ и мы не будемъ долго на ней останавливаться. Не можемъ только не выразить нашего недоумѣнія, почему такая талантливая пѣвица и ученая музыкантша, какова г-жа Дидье, вотъ уже третій годъ исполняя роль Розины, ни разу не спѣла за урокомъ пѣнія сколько нибудь замѣчательной вещи. Не жалко ли, скажите, что подобныя средства тратятся на исполненіе попеременно вальса Чіарди, романса «Люби меня» и вальса же Ардити «Il bacio». Послѣ каждаго изъ этихъ пустяковъ нельзя не согласиться съ Дономъ Бартоло, который говоритъ тутъ Розинѣ:

Ma quest 'aria cospetto
E' assai nojosa.

Правда, что напрасно-посѣщающіе оперу *любители танцевъ* постоянно требуютъ Bacio; такъ если и уступать имъ, можно исполнять вальсъ вмѣсто повторенія, а начинать-то урокъ слѣдовало бы чѣмъ нибудь помузыкальнѣе. Но возвратимся къ нашему разсказу и перейдемъ теперь къ новой оперѣ, на которой преимущественно сосредоточивался интересъ нынѣшняго сезона.

Читатели наши помнятъ, конечно, что Верди еще въ концѣ 1861 г. пріѣзжалъ въ Петербургъ для постановки вновь написанной имъ, по заказу дирекціи здѣшнихъ театровъ, оперы—«Сила судьбы» (La forza del destino). Тогда же начались дѣятельныя приготовленія, разучиваніе ролей и оркестровой партиціи, заготовка декорацій, костюмовъ; было даже нѣсколько предварительныхъ репетицій. А потому всѣ ожидали услышать новое произведеніе популярнѣйшаго изъ современныхъ композиторовъ въ теченіи того же сезона.—Но сила судьбы не поблагопріятствовала «Силѣ судьбы»; Г-жа Лагруа, которой была поручена главная женская роль, скоро оказалась, по мнѣнію маэстро, внѣ всякой возможности исполнить ее сколько нибудь удовлетворительно, и потому представленіе на судъ публики новой оперы было отложено до настоящаго сезона.—Г. Верди, указавъ дирекціи на болѣе подходящую пѣвицу, уѣхалъ домой, съ тѣмъ чтобы возвратиться осенью въ Петербургъ для окончательной постановки своего произведенія при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.—Такимъ образомъ, съ самаго начала нынѣшняго сезона возобновились приготовительныя работы подъ руководствомъ автора, — возобновились и ожиданія публики. Впрочемъ задержка могла встрѣтиться развѣ только за новой примадонной, да за общими репетиціями, такъ какъ всѣ роли были окончательно разучены еще въ январѣ. Наконецъ, послѣ многихъ репетицій, 29 октября назначено было первое представленіе «La forza del destino». Сюжетомъ для этой *двадцать пятой* своей оперы Верди избралъ раздирательную испанскую драму герцога Риваса (Duc de Rivas). Мы, разумѣется, никогда не читали сочиненій этого кровожаднаго дюка, но, судя по тому виду, въ которомъ представилъ намъ его твореніе либретныхъ дѣлъ мастеръ, Піаве, признаемся, трудно составить себѣ выгодное понятіе о талантѣ современнаго испанскаго драматурга. — И странно, почему это Верди остановился на такомъ слабомъ, натянутомъ, спутанномъ и даже не эфектномъ содержаніи. Въ большей части многочисленныхъ оперъ этого композитора его нельзя упрекнуть въ неумѣньи выбирать сюжеты: творенія Шекспира, Вольтера, Шиллера, Байрона и, въ особенности, Виктора Гюго чаще другихъ служили канвой для его лирико-драматической музыки. Неудачный выборъ программы для послѣдняго произведенія можетъ быть впрочемъ объясненъ тѣмъ, что композиторъ предназначалъ его для исключитель-

ной цѣли.—Говорятъ, что въ зародышѣ «Сила судьбы» предназначалась для испанцевъ, которымъ драма Риваса и безъ музыки очень нравилась. Что же касается до русскихъ, то едвали кому изъ насъ удалось сыскать изящную правду и прелесть собственно въ содержаніи новой оперы. Для читателей, не знакомыхъ ни съ названной испанской драмой, ни съ итальянской ея передѣлкой, мы разскажемъ здѣсь вкратцѣ весь ходъ «Силы судьбы.—Прочтите и судите.

Дѣйствіе происходитъ въ Севильѣ, въ началѣ XVIII столѣтія. Молодая испанка аристократической фамиліи, Леонора ди-Варгасъ, влюблена въ Донъ-Альваро. Этотъ Альваръ, родомъ Перуанецъ, почему-то считаетъ себя потомкомъ Инковъ, тогда какъ извѣстно, что эта династія туземныхъ королей была окончательно истреблена испанцами еще въ XVI столѣтіи. — Дѣло только въ томъ, что по политическимъ причинамъ Донъ-Альваро не можетъ открыть въ Испаніи своего высокаго происхожденія, живетъ тамъ въ бѣдности, и потому отецъ Леоноры, гордый маркизъ Калатрава, считаетъ позоромъ выдать за него свою дочь.

Такимъ образомъ, Альвару, въ свою очередь плѣненному красотою прелестной севильянки, остается только увезти ее, что онъ и замышляетъ исполнить.—Все готово; Леонора, подстрекаемая своей наперсницей Куррой, рѣшается покинуть отцовскій домъ, Донъ-Альваро тутъ какъ тутъ, а подъ окномъ ихъ ожидаетъ быстроногій конь его. Но здѣсь старый маркизъ, со шпагой въ рукѣ, накрываетъ влюбленныхъ, горько упрекаетъ дочь, оскорбляетъ обольстителя, приказываетъ слугамъ взять его; тотъ не допускаетъ ихъ, угрожая пистолетомъ; клянется въ невинности Леоноры и безъ сопротивленія отдаетъ себя на жертву мести маркиза. «Убей меня, говоритъ онъ, я безоруженъ», и съ этими словами далеко отъ себя бросаетъ пистолетъ, который падаетъ на взведенный курокъ, раздается выстрѣлъ и—роковая пуля угодила прямо въ сердце Калатравы. Всѣ въ ужасѣ и отчаяніи; Леонора бросается къ отцу, но тотъ отталкиваетъ ее и въ предсмертныхъ мукахъ проклинаетъ преступную, по его убѣжденію, дочь.— Пораженная такимъ несчастіемъ, она спѣшитъ навсегда удалиться отъ свѣта, а Донъ-Альваро, преспокойно бросивъ ее, самъ скрывается неизвѣстно куда. Сынъ убитаго маркиза, Донъ-Карло ди-Варгасъ, считая Донъ-Альваро злоумышленнымъ убійцею его отца, а сестру—соучастницею преступленія, даетъ клятву, гдѣ бы то ни было, отыскать бѣглецовъ и кровью ихъ утолить свою жажду мщенія. — Во время этихъ поисковъ (2-е дѣйствіе) онъ, подъ именемъ странствующаго студента Переды, забрелъ въ одинъ деревенскій трактиръ, гдѣ молодая цыганка Преціозилла заманиваетъ крестьянъ въ солдаты, въ армію, сражающуюся въ Италіи противъ австрійцевъ.

Благородный Варгасъ отправляется также защищать права Филиппа Анжуйскаго на Испанскую корону, — не безъ предчувствія, быть можетъ, что онъ встрѣтитъ на полѣ брани пропавшаго безъ вѣсти Альваро. — Между тѣмъ Леонора, отыскивая пріюта, въ рубищѣ странника приходитъ въ монастырь и упрашиваетъ бранчиваго привратника Мелитоне вызвать настоятеля; разсказавъ сему послѣднему свои бѣдствія, она умоляетъ укрыть ее навсегда отъ мірскихъ суетъ въ близлежащей пустынной пещерѣ. — Благочестивый старецъ падре Гвардіано принимаетъ отъ несчастной дѣвушки обѣтъ отшельничества, обѣщается хранить ея тайну, и подъ угрозой небесной кары запрещаетъ всей братіи и кому бы-то ни было доступъ къ уединенному жилищу юнаго анахорета. Донъ-Альваро, оказывается, тоже распорядился, какъ вѣрному и храброму рыцарю надлежитъ; вступивъ въ отрядъ испанскихъ гренадеровъ, онъ отправился на войну и снова появляется на сценѣ уже капитаномъ, въ лагерѣ при Веллетри. Тамъ, въ ожиданіи славной смерти въ бою, ему удается спасти какого-то озарника; этотъ озарникъ, не кто иной, какъ преслѣдующій его Донъ-Карло, за свой азартъ въ игрѣ съ товарищами навѣрно поплатился бы жизнью, еслибъ не случайная помощь великодушнаго незнакомца. — Спаситель и спасенный клянутся взаимно въ вѣчной дружбѣ, въ доказательство которой тутъ же перевираютъ другъ другу свои имена. — Тѣмъ не менѣе, когда въ схваткѣ съ австрійцами Донъ-Альваро тяжело раненъ, новый, псевдонимный другъ окружаетъ его братскою заботливостью, утѣшаетъ и пророчитъ ему орденъ Калатравы. При словѣ *Калатрава* раненый вздрагиваетъ и смущается; это и заставляетъ Донъ-Карлоса подозрѣвать, что дѣло тутъ не совсѣмъ чисто. — Въ такомъ подозрѣніи онъ позволяетъ себѣ нарушить клятву, данную умирающему другу, начинаетъ шарить въ его бумагахъ, между которыми, все какъ слѣдуетъ, находитъ портретъ Леоноры. — Такъ вотъ кто этотъ гусь!... Страшными проклятіями разражается Донъ-Карлосъ и предается бѣшеному отчаянію, что спаситель и другъ его, въ то же время кровный врагъ, умираетъ не отъ его руки. — Но отчаяніе его напрасно; соперникъ быстро, какъ по щучьему велѣнію, выздоравливаетъ и, скрѣпя сердце, принимаетъ вызовъ бреттера, не внемлющаго его правдивымъ объясненіямъ. Въ этомъ поединкѣ судьба вторично заставляетъ Альваро пролить кровь человѣка, носящаго дорогое ему имя Варгасовъ: убійца отца Леоноры, онъ ранилъ теперь ея брата. Одинъ исходъ его страданіямъ — славная смерть на полѣ чести; а не удается и это, — извѣстное дѣло — въ монахи. — Такъ и вышло, да еще какъ ловко-то вышло! Не бросился Альваро въ ближайшій итальянскій монастырь, а попалъ, конечно самъ того не подозрѣвая, въ ту самую обитель, гдѣ спасается Леонора.

Но неугомонный Донъ-Карлосъ и тамъ отыскалъ его. Оправившись отъ одной раны, онъ приходитъ въ монастырь за другою, снова вызываетъ на драку своего безоружнаго соперника, для чего и предлагаетъ ему одну изъ двухъ, нарочно принесенныхъ съ собою шпагъ. Тотъ отказывается отъ такого несвойственнаго служителю алтаря упражненія, на колѣнахъ умоляетъ отпустить ему всѣ прегрѣшенія, вольныя и невольныя, хотя въ формѣ выраженій и не являетъ особеннаго смиренія.—«Лжешь ты, лжешь ты, пёсъ проклятый», говоритъ онъ позорящему его противнику (такъ по крайней мѣрѣ передана въ русскомъ текстѣ фраза: Per la gola voi mentite), хватаясь за шпагу, которую тотчасъ же бросаетъ отъ себя, но на этотъ разъ уже благополучно; до крайности утомивъ читателей, утомилась, видно, и сама сила судьбы, а то бы ей ни почемъ заставить и шпагу выстрѣлить. Наконецъ, послѣ долгой нравственной борьбы, братъ Рафаэль, выведенный изъ терпѣнія неотвязчивымъ Карломъ, какъ звѣрь бросается на него. — Ну, порѣшилъ, да и дѣлу конецъ, думаете вы, забывая, что Леонора-то еще цѣла и невредима.—Нѣтъ-съ, извините; взбѣшенные противники сохранили еще на столько хладнокровія, чтобы добѣжать, разумѣется случайно, какъ разъ до проклятаго-то мѣста, гдѣ оплакиваетъ свою судьбу Леонора. Тутъ они схватываются; Донъ-Альваро, таки понабившій руку еще въ третьемъ актѣ, смертельно поражаетъ Карла. Этотъ, спохватившись о покаяніи, требуетъ духовника; на крикъ его выбѣгаетъ изъ пещеры отшельникъ, Леонора то-же, узнаетъ Альваро, бросается къ брату, который, не говоря дурнаго слова, закалываетъ ее кинжаломъ. Коли такъ, говоритъ Альваро въ отчаяніи, что его-то убить ужь некому, такъ удеру-жь я штуку; взбѣгаетъ на скалу и съ нея — бухъ въ пропасть. Вотъ видите, такъ, или эдакъ, не мытьемъ, такъ катаньемъ, но злая сила судьбы уходила всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ; больше ей дѣлать нечего, стало быть, и драмѣ конецъ, къ немалому удовольствію зрителя, сильно утомленнаго длиннымъ и безвязнымъ рядомъ кровавыхъ сценъ, убійствъ, проклятій и всевозможныхъ ужасовъ.

Удивляться надо, какъ это справился Верди съ такимъ безобразнымъ матеріаломъ. Но въ томъ-то и вопросъ теперь, удачно ли онъ съ нимъ справился. На сколько можно судить о длинной, 4-хъ актной оперѣ по тремъ, четыремъ представленіямъ, мы позволяемъ себѣ рѣшать вопросъ отрицательно. Такимъ отзывомъ мы далеко не хотимъ сказать, что всѣ мелодіи Forza del destino не свѣжи или непріятны, что развитіе ихъ дурно, натянуто, что обработаны онѣ безъ таланта и безъ знанія, что въ оперѣ кромѣ шуму ничего нѣтъ, что это новая профанація искусства и т. п. Мы имѣли въ виду сказать только, что при всей даровитости автора Rigoletto и Ernani, при всей его опытности въ ком-

позиціи, весьма трудно соединить въ гармоническое цѣлое рѣзко-непослѣдовательныя сцены Ривасовской драмы, и нечего грѣхъ таить, лира Верди тщетно пыталась вдохнуть жизнь и смыслъ въ безжизненную и безсмысленную вереницу дуэлей и убійствъ. Всѣ усилія музыки оттѣнить мотивами въ сущности однообразныя положенія раненаго пулей, пораженнаго кинжаломъ или пронзеннаго шпагой, какъ и надо было ожидать, остались почти безуспѣшными.—По видимому, самъ маэстро сознавалъ бѣдность содержанія испанской драмы, чувствовалъ, что собственно въ выраженіи ея хода и развитія онъ крайне стѣсненъ, а потому, для разнообразія, вставилъ въ оперу такія большія эпизодическія сцены, какъ танцы, ужинъ, военная пѣсня цыганки, buona notte въ трактирѣ и наконецъ лагерь съ солдатами, торговцами, рекрутами, проповѣдью монаха, ратапланомъ и пр. — Этой же цѣли — оживленію оперы—долженствуютъ служить вводныя лица Преціозиллы, Фра-Мелитоне, Трабукко и торговца еврея. Но, не отнимая достоинства у нѣкоторыхъ нумеровъ этихъ прибавочныхъ сценъ и партій, нельзя не сказать, что такія искусственныя, натянутыя мѣры не много помогаютъ дѣлу: разрывая и безъ того слабую связь главныхъ сценъ, онѣ утомительно удлинняютъ представленіе. Въ оперѣ нѣтъ цѣлости, но большая часть отдѣльныхъ нумеровъ проникнута истиннымъ чувствомъ; мотивы, если не вездѣ отличаются свѣжестью, то почти всегда удовлетворительно отвѣчаютъ данному драматическому моменту; аккомпанименты и вся оркестровая партія разработаны съ большимъ знаніемъ дѣла, хотя мѣстами и не безъ злоупотребленія натянутыми эфектами.—Такого взгляда на послѣднее произведеніе Верди, конечно, не раздѣляютъ съ нами послѣдователи педантической школы, разъ навсегда принявшей, что музыка его никуда не годится ужь потому, что нравится большинству, увлекаетъ массу слушателей. Безпристрастные же и внимательные слушатели новой оперы Верди, конечно, признаютъ несомнѣнныя достоинства, не за цѣлой картиной, какъ мы сказали, а за многими отдѣльными нумерами. Но вообще говоря, у насъ Forza del destino не имѣла того успѣха, который до сихъ поръ постоянно сопровождаетъ лучшія произведенія ея талантливаго автора. Сколько можно судить по первому знакомству съ музыкой этой оперы, изъ всѣхъ частей ея производятъ наилучшее впечатлѣніе слѣдующія:

1) Дуэтъ Леоноры (г-жа Барбо) съ Падре Гвардіано (г. Анджелини) во 2 актѣ съ весьма мелодичнымъ andante.

2) въ 3 актѣ дуэттино раненаго Альваро (г. Тамберликъ) съ Дономъ Карло (г. Граціани):

Giurarmi in quest'ora solenne dovete.

3) Вся сцена между тѣми же лицами, предшествующая первой дуэли между ними, въ 3 актѣ.

4) Дуэтъ басовъ (гг. Дебассини и Анджелини) въ 4 актѣ:

Del mondo i disinganni,

и наконецъ 5) большая сцена въ монастырѣ между Донъ-Альваро, переродившимся изъ пылкаго воина въ смиреннаго монаха, и все тѣмъ же, неотступно преслѣдующимъ его Карломъ, — сцена, которая и въ драматическомъ отношеніи сильнѣе и правдивѣе всего остальнаго. Заключающій же ее дуэтъ:

Le minaccie e i fieri accenti,

по удачному мотиву и по соотвѣтствію его съ настроеніемъ обеихъ соперниковъ, безспорно лучшее мѣсто оперы. Считаемъ нелишнимъ указать, сверхъ того, на оригинальный романсъ Леоноры съ прекраснымъ аккомпаниментомъ віолончели, въ 1 актѣ, и на слѣдующій за тѣмъ дуэтъ ея съ Альваро; на вечернюю молитву въ 1 картинѣ 2 акта, въ формѣ квинтета съ хоромъ, которая непремѣнно произведетъ болѣе впечатлѣнія, если будетъ исполняться дружнѣе; потомъ, рельефнѣе другихъ нумеровъ выдается исполненная грусти арія Альваро, въ началѣ 3 акта, граціозные куплеты цыганки Преціозиллы (г-жа Нантье-Дидье) въ лагерѣ: Venite all'indovina, комическая арія Фра-Мелитоне (г. Дебассини) съ хоромъ нищихъ, и наконецъ проникнутая глубокимъ чувствомъ мелодія отшельницы Леоноры въ 4 актѣ.

Обстановка оперы великолѣпна даже черезъ чуръ; стоило ли, въ самомъ дѣлѣ, нагонять такую тьму народа въ лагерь и обмундировывать ее въ разнообразные костюмы солдатъ испанскихъ, итальянскихъ, рекрутовъ, нищихъ, торговокъ, крестьянокъ, маркитантовъ; наваливать такую кучу оружія, знаменъ, палатокъ, лавокъ и пр. Вѣдь вся эта сцена только на живую нитку приметана къ оперѣ, и безъ большаго ущерба ей могла бы быть, если не цѣликомъ выпущена, то много сокращена; хорошенькую канцонету свою Преціозилла пропѣла бы при болѣе скромной обстановкѣ, а заключительный ратапланъ — да Богъ съ нимъ, съ этимъ ратапланомъ: и его пропустить, такъ, право, не велика потеря. Вотъ что хорошо, умѣстно, вполнѣ эффектно, такъ это декорація наружнаго вида монастыря во 2 актѣ, внутренній дворъ обители въ 4 актѣ и послѣдняя картина оперы, особенно во время грозы.

И такъ въ нынѣшнемъ году репертуаръ нашего итальянскаго театра увеличился еще однимъ пріобрѣтеніемъ, которое, если и не займетъ мѣста въ ряду любимѣйшихъ публикою оперъ, то все таки

будетъ доставлять ей не мало удовольствія и разнообразить музыкальныя наслажденія тѣхъ любителей лирико-драматической музыки, которымъ другія оперы нашего репертуара давно уже знакомы подробно, отъ первой до послѣдней ноты.

Желательно, чтобы г. Стеллювскій, пріобрѣвшій отъ Верди исключительное въ Россіи право изданія новой его оперы, поторопился напечатать, кромѣ появившейся уже партитуры для фортепіано, отдѣльные нумера ея *для пѣнія* съ аккомпаниментомъ фортепіано, и съ пониженными транспозиціями лучшихъ мѣстъ теноровой и сопрановой партій, какъ это дѣлается заграничными издателями. Нѣтъ сомнѣнія, что, по мѣрѣ знакомства публики съ мотивами оперы, она будетъ пріобрѣтать новый интересъ. Но нелѣпость и запутанность содержанія «Силы судьбы» будетъ всегда мѣшать успѣху ея на сценѣ, по крайней мѣрѣ на нашей, какъ мы думаемъ. Въ Мадритѣ же, куда теперь отправился Верди для постановки новой оперы, она вѣроятно произведетъ надлежащій furore. Мало того, новая опера можетъ удостоиться лестнаго одобренія «строгихъ» французовъ, особенно если авторъ, кромѣ усиленія сегидильи въ трактирѣ, вклеитъ еще балетъ позабористѣе, заставитъ отплясывать монаховъ съ какими-нибудь райскими гуріями и задастъ въ 3 актѣ настоящую баталію, съ пушечными выстрѣлами, ракетами, кавалерійскими атаками, камуфлетами и проч. За то нѣмцамъ Forza del destino не понравится. Вѣдь это сочиненіе *итальянца* Верди. Впрочемъ Верди не только не огорчается нелюбовью къ нему нѣмцевъ, даже доволенъ ею. Съ тою же прямотою, съ которою одинъ изъ первыхъ современныхъ пѣвцовъ, Тамберликъ, отвергаетъ критику въ дѣлѣ искусства, какъ еще неустановившуюся, съ тою же прямотою, говоримъ мы, популярнѣйшій композиторъ современнаго міра, Верди, разсуждаетъ такъ: «пока будетъ продолжаться эта нелюбовь, мы, итальянцы, можемъ быть довольны; до тѣхъ поръ мы, значитъ, сохранимъ въ чистотѣ свое направленіе, основанное на глубокомъ душевномъ убѣжденіи, раздѣляемомъ публикою почти всѣхъ націй; гласъ народа же судитъ правильно, потому что руководствуется не теоріями, а сердцемъ и чувствомъ, которыя не могутъ ошибаться, хотя и увлекаются; но вѣдь увлеченіе и есть цѣль искусства».

Если бы кто изъ такъ себя называющихъ поклонниковъ классической музыки прочелъ эти строки, онъ не преминулъ бы горько упрекнуть насъ за то, что мы привели здѣсь простодушный отзывъ бывшаго ученика деревенскаго органиста. Къ чести итальянскихъ артистовъ, а знаменитыхъ въ особенности, надо замѣтить, что они никогда не позволяютъ себѣ платить порицателямъ quand même ихъ родной музыки тою же монетою, и всегда относятся къ произведеніямъ та-

лантливыхъ нѣмецкихъ композиторовъ съ полнымъ уваженіемъ, какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ.

Посмотрите, напримѣръ, съ какимъ стараніемъ разучены, съ какимъ вниманіемъ, съ какою любовью исполняются италіянцами оперы Флотова. О «Страделлѣ» мы уже говорили; теперь побесѣдуемъ о «Мартѣ», представленія которой возобновили въ нынѣшній сезонъ 17 ноября, въ бенефисъ г. Эверарди, послѣ 6, почти сряду данныхъ, представленій «Силы судьбы». Прежде всего скажемъ, что «Марта» въ настоящей обстановкѣ краснорѣчиво показала, какъ много зависитъ достоинство той или другой партіи отъ исполнителя. Сколько мы помнимъ, эта опера впервые представлялась нашей публикѣ въ итальянскомъ переводѣ, въ началѣ 1859 года. Тогда роли Марты и очарованнаго ею Ліонеля исполняли покойная Бозіо и г. Монджини. Всѣмъ казалось тогда, что главная женская роль создана авторомъ подъ наитіемъ чистаго вдохновенія, вылилась, такъ сказать, прямо изъ души, а партія тенора представлялась безцвѣтною, натянутою, написанною хорошо, но какъ будто по заказу. Въ послѣдствіи, въ 1861 году, тотъ же г. Монджини, исполняя «Марту» ужъ съ г-жею Фіоретти, чуть-чуть не убѣдилъ слушателей, что роль Ліонеля просто никуда не годится. А вотъ теперь поручили эту роль г. Кальцолари,—и заслуженная слава Флотова блистательно возстановлена, и всѣ единогласно признали, что это одна изъ хорошихъ теноровыхъ партій.

Общая извѣстность симфонической увертюры «Марты», кажется, устраняетъ необходимость говорить здѣсь о ней.

Открывающій представленіе хоръ придворныхъ дамъ, разгоняющихъ сплинъ Леди Генріэтты (г-жа Фіоретти) производитъ на слушателей весьма пріятное, тихое и свѣтлое впечатлѣніе; строемъ же своимъ и прекраснымъ мотивомъ напоминаетъ моцартовскую манеру. Первый дуэтъ Генріэтты съ Нанси (г-жа Нантье-Дидье) хорошо обрисовываетъ обѣ этѣ личности, чему много способствуютъ таланты исполнительницъ; потомъ, терцетъ ихъ съ старымъ волокитой лордомъ Тристаномъ (г. Полонини) блещетъ игривою, но приличною веселостью, и опять таки искусствомъ исполненія.

Во 2-й картинѣ 1-го же акта нельзя не упомянуть о небольшомъ, но весьма мелодичномъ дуэтѣ Ліонеля съ Плумкетомъ (г. Эверарди). Второй актъ представляетъ скромную квартиру двухъ названныхъ друзей — фермеровъ, которые возвратились съ Ричмондскаго рынка, каждый самъ другъ, и теперь объясняютъ своимъ бѣлоручкамъ — служанкамъ новыя ихъ обязанности. Во всей этой сценѣ — что ни нумеръ, то прелесть. Далѣе смущенная Генріэтта, назвавшаяся Мартой, остается съ глазу на глазъ съ влюбленнымъ въ нее по

уши Ліонелемъ. Во всей этой сценѣ г. Кальцолари съ неподражаемою вѣрностью воспроизводитъ нѣжнаго, робкаго, мечтательно-любящаго Ліонеля, не рѣшающагося выказать мнимой служанкѣ своихъ чувствъ. Но когда Марта, чистымъ, восхитительнымъ голосомъ г-жи Фіоретти, спѣла ему англійскую мелодію: «Послѣдняя роза», онъ не выдержалъ, бросается къ ея ногамъ, открываетъ свое сердце и встрѣчаетъ холодную насмѣшку гордой леди.

Ah! ride del mio pianto,

поетъ Ліонель, да такъ поетъ, что душа каждаго слушателя по неволѣ ему сочувствуетъ. Вообще этотъ дуэттино вставленъ тутъ какъ нельзя лучше на мѣстѣ. По возвращеніи на сцену другой, менѣе поэтической пары, при наступленіи ночи, всѣ вмѣстѣ поютъ ноттурно, который по удачной гармоніи и инструментовкѣ составляетъ, по нашему мнѣнію, капитальнѣйшій нумеръ оперы. Отпуская другъ друга ко сну, Ліонель оплакиваетъ свою горькую участь, Плумкетъ — свою посуду, перебитую проказницей Бетси; обѣ же аристократки выражаютъ опасенія за послѣдствія своей необдуманной шалости. Но онѣ напрасно сокрушались; состоящій при леди aux petits soins, лордъ Тристанъ выручаетъ ихъ изъ бѣды. Мы обѣщались не разсказывать общеизвѣстнаго сюжета Марты, а пріятныя воспоминанія такъ таки и вызываютъ предъ нами сцену за сценой› и то хорошо, и это мило. — Постараемся хоть въ остальныхъ двухъ актахъ быть краткими. Веселую пѣсню Плумкета, canzone del porter, бенефиціантъ спѣлъ съ обычнымъ своимъ искусствомъ. Нѣкоторые находятъ, что новый исполнитель роли Ліонеля недостаточно силенъ, мало драматиченъ въ сценахъ отчаянія и упрека. Такой взглядъ едва ли можно назвать справедливымъ, если припомнить, что, по всему ходу дѣйствія, натура Ліонеля представляется кроткою и нѣжною; скорѣе было бы непослѣдовательно, даже карикатурно, если бы выросшій въ тишинѣ сельской жизни фермеръ выказывалъ дворянскую заносчивость, горячился бы на офицерскій ладъ; главное же, не надо забывать, что это сдержанный англичанинъ, а не неистовый испанецъ или французъ. По нашему искреннему убѣжденію, всѣ трогательныя сцены въ «Мартѣ» Кальцолари исполнилъ съ глубокимъ пониманіемъ роли и непритворнымъ чувствомъ; восторженную любовь и страданія молодаго Ліонеля онъ передалъ въ совершенствѣ и ни на минуту не забылъ, что въ чистомъ и чувствительномъ человѣкѣ несчастная любовь терзаетъ не столько его самолюбіе, сколько сердце. О технической сторонѣ его мастерскаго пѣнія и говорить нечего.

За тѣмъ финалъ 3-го, весь 4-й актъ, словомъ съ начала до конца,

представленіе шло, по пословицѣ, comme sur des roulettes. Честь и слава даровитымъ артистамъ, такъ добросовѣстно исполнившимъ «Марту». Пріятно, конечно, было бы видѣть побольше оживленія въ игрѣ Марты; но что касается до главнаго элемента въ пѣвицѣ, голоса и искусства вокализаціи, то прима-донны, превосходящей г-жу Фіоретти, въ настоящее время и днемъ съ огнемъ не найти во всей Европѣ. По крайней мѣрѣ такъ отзываются всѣ тѣ, которымъ удалось, не далѣе какъ въ эту осень, побывать на большихъ оперныхъ театрахъ за границей. Живая и веселая партія Нанси, конечно, одна изъ лучшихъ ролей г-жи Дидье; всѣ мужскія роли исполняются безукоризненно.

И независимо отъ исполненія, партитура «Марты» счастливо соединяетъ въ себѣ характеристическія черты произведеній Флотова вообще; при простотѣ и естественности сюжета, музыка ея, не глубокая конечно, всѣми легко понимается, нравится своею выразительностью и плѣняетъ свѣжестью мотивовъ, какъ веселыхъ, такъ и элегическихъ. Въ оркестровкѣ же талантливый композиторъ этотъ обнаруживаетъ обширныя теоретическія познанія и много находчивости.

Флотовъ (Friedrich von Flotow) родился въ Меклебургѣ, въ 1811 году, и предназначался родителями къ дипломатической службѣ. Но страсть къ искусству и музыкальныя дарованія увлекли его въ Парижъ, гдѣ подъ руководствомъ профессора Рейха, онъ обстоятельно изучилъ теорію музыки. Тамъ же, въ тридцатыхъ годахъ, онъ поставилъ на сцену частнаго театра первые свои лирико-драматическіе опыты: Pierre et Colombine, Rob-Roy и др. Впослѣдствіи болѣе серьезныя его произведенія съ успѣхомъ давались на лучшихъ германскихъ сценахъ; таковы: «Der Förster» (L'Ame en peine. 1840 г.), «Indra» (1843), «Stradella» (1844), и «Martha» (1846). Двѣ послѣднія оперы, пользующіяся вполнѣ заслуженною извѣстностью, съ давнихъ поръ постоянно услаждаютъ слухъ соотечественниковъ Флотова — нѣмцевъ и насъ, русскихъ. Въ настоящее же время «Alessandro Stradella» ставится самимъ композиторомъ на парижской итальянской сценѣ, гдѣ главныя роли будутъ исполнять старинный знакомый нашъ, теноръ Ноденъ и г-жа Пенко; — изъ Петербурга отправлены въ Парижъ подробныя акварельныя снимки съ декорацій, которыми такъ удачно обставилъ Страделлу на нашей сценѣ талантливый Роллеръ. Около 1855 года Флотовъ былъ назначенъ директоромъ придворнаго театра въ Шверинѣ; послѣднее же время онъ большею частію живетъ въ Парижѣ, гдѣ и написалъ нѣсколько оперетокъ, какъ «Pianella» и др. Намъ не случалось слышать произведеній Флотова кромѣ разобранныхъ выше двухъ оперъ; но и по нимъ уже

слѣдуетъ признать талантъ автора самобытнымъ и симпатичнымъ. За «Мартой» шло представленіе «Фавориты», а потому мы не нарушая принятаго въ нашемъ отчетѣ порядка, потолкуемъ теперь собственно объ исполненіи этой оперы, музыка которой, написанная въ 1840 году, должна быть болѣе или менѣе знакома читателю — меломану. Пожалуй, напомнимъ здѣсь, что «La Favorita» принадлежитъ къ числу лучшихъ и наиболѣе оконченныхъ произведеній бывшаго придворнаго австрійскаго композитора, который въ 50 лѣтъ своей жизни, стало быть не болѣе какъ въ 30—артистической дѣятельности, написалъ до 50 оперъ; по этому-то въ большей части ихъ не видно надлежащей обработки, часто встрѣчаются общіе, избитые мотивы, подражанія, хотя нельзя отрицать и того, что многіе изъ его твореній отмѣчены печатью сильнаго таланта и изобилуютъ вдохновенными мелодіями.

Голосъ и неподражаемое искусство Кальцолари отлично дополняютъ впечатлѣнія этой музыки, такъ что все вмѣстѣ глубоко растрогиваетъ слушателя. Послѣдняя сцена неожиданной встрѣчи Фернандо съ Леонорой, которая объясняется съ нимъ и тутъ же умираетъ на его рукахъ, производитъ эффектъ высокаго драматизма. Здѣсь игра г-жи Барбо заслужила единодушное, восторженное одобреніе всѣхъ присутствовавшихъ, а у нѣкоторыхъ, почувствительнѣе, вызвала даже слезы. Вообще вся роль Фавориты, если не много прибавила къ репутаціи г-жи Барбо, *какъ пѣвицы*, то положительно упрочила за нею славу отличной, умной и совершенно женственной трагической актрисы.

Въ нѣкоторыхъ оперныхъ роляхъ эта сторона искусства представляетъ большую важность и высоко цѣнится публикой, въ особенности если другая, вокальная, не страдаетъ рѣзкими, оскорбляющими музыкальное ухо, недостатками. Мы не будемъ говорить о свойствахъ голоса Леоноры, съ которыми уже имѣли случай познакомить несдыхавшихъ г-жу Барбо; но поетъ она въ Фаворитѣ вообще весьма исправно, въ особенности же въ morceaux d'ensemble. Вышеназванную главную арію свою Леонора исполняетъ очень выразительно, съ умѣньемъ и чувствомъ, такъ же, какъ и прекрасную молитву свою въ концѣ 4 акта. Кальцолари въ роли Фернандо, если оставляетъ что нибудь желать, то развѣ большей силы въ энергическомъ и громкомъ финалѣ 3-го акта. Въ исполненіи роли Бальтазара, представляемой г. Анджелини, трудно съ опредѣленностью указать недостатки; но вообще пѣніе нашего баса монотонно, тяжело, голосъ его сухой и часто непріятный; къ тому же онъ произноситъ слова такъ однозвучно и невнятно, что рѣшительно не разберешь ни значенія, ни связи ихъ. Мы конечно не требуемъ ни отъ кого, тѣмъ менѣе отъ

баса, тамберликовской щеголеватости и чистоты выговора, но желаемъ, чтобъ у пѣвца всѣ гласныя буквы были на службѣ, а не одно только *О*.

Партію Альфонса, короля Кастильскаго, г. Дебассини, этотъ добросовѣстный и знающій свое дѣло артистъ, ведетъ конечно удовлетворительно, но не болѣе; въ послѣднее время онъ какъ будто уже утомился, приходится дѣлать усилія, и весьма замѣтно, что пѣть ему часто тяжело; — при этомъ и звукъ-то голоса ужь не тотъ, что былъ во время оно.

А все-таки, не далѣе какъ въ слѣдующей оперѣ, пришлось пожалѣть о замѣнѣ этого баритона другимъ. Мы говоримъ о «Риголетто», гдѣ, въ роли шута, г-нъ Дебассини такъ давно и постоянно доставлялъ истинное удовольствіе нашей публикѣ; его умная игра, сдержанные жесты, его сильный, густой, хотя и усталый голосъ удачно гармонировали съ изображаемою личностью отца Джильды. Новый же Риголетто, г. Граціани, неумѣстною горячностью своею, излишнею развязностью, претензіей на оригинальность, и въ то же время стереотипнымъ однообразіемъ, исказилъ роль несчастнаго старика. Пропѣлъ же онъ свою партію, разумѣется, пріятно; съ его голосомъ трудно, невозможно спѣть иначе. Но все-таки эфекты, къ которымъ онъ прибѣгаетъ безъ разбора, эти нѣжные фальцеты и избитыя окончанія арій, эти неизмѣнныя appogiature и staccato, нѣсколько разъ портили дѣло; въ финалѣ перваго акта голосъ его былъ и недостаточно полонъ.

Послѣ «Риголетто» дали, въ бенефисъ г. Граціани, «Пуританъ». Эта любимая опера, исполняемая такими артистами, какъ Кальцолари, Граціани и г-жа Фіоретти, привлекла въ театръ всѣхъ петербургскихъ меломановъ; къ нимъ присоединилось не малое число любопытныхъ, интересовавшихся только тѣмъ, чтобы присутствовать при поднесеніи бенефиціанту великолѣпнаго, какъ говорили, подарка. Такимъ образомъ, оперная зала сверху до низу и отъ входа до сцены была почти полна. Во время исполненія за кулисами прекрасной утренней молитвы, слышно уже было, что Граціани въ голосѣ, и за тѣмъ все шло, по обыкновенію, исправно. Дуэтъ басовъ, заканчивающій 2 актъ, былъ истиннымъ торжествомъ для бенефиціанта. Не смотря на то, что мѣстами партія Ричарда слишкомъ низка для голоса Граціани, онъ до конца ведетъ ее съ полнымъ успѣхомъ. Въ allegro этого дуэта, оба исполнителя, не жалѣя себя, въ патріотическомъ экстазѣ увлекаютъ рѣшительно всѣхъ слушателей. Граціани въ этотъ разъ пѣлъ особенно старательно, и на послѣднемъ словѣ фразы:

Patria, vittoria e onori

съ потрясающей силой, чисто взялъ исключительную въ басовомъ регистрѣ ноту la bémol. Старанія его были не тщетны: по вызовѣ бенефиціанта, ему подали подарокъ, состоявшій, если не ошибаемся, въ серебрянномъ сосудѣ для вина, въ видѣ бочки, съ позолоченою подставкою и краномъ.

Не знаемъ, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ «вещественный знакъ невещественныхъ отношеній» на самого артиста; но большинство постоянныхъ посѣтителей оперы было не болѣе какъ удивлено этимъ сюрпризомъ.—Подобныя поднесенія мужчинамъ какъ-то не въ обычаѣ, не въ нравахъ нашей итальянской оперы; по крайней мѣрѣ, сколько мы помнимъ, весьма немногіе изъ пѣвцовъ, украшавшихъ нашу сцену, удостоились такой почести. Да и тѣ были Рубини, Тамбурини, Тамберликъ, и подносили-то имъ подарки за долгую службу, на память, по общей подпискѣ, большею частью на прощаньи, передъ оставленіемъ сцены навсегда. А тутъ, всего лицъ десятка полтора участвовало въ келейной подпискѣ, да и то, говорятъ, по преимуществу, интимные пріятели пѣвца, досуги которыхъ онъ услаждаетъ внѣ театра; но по нашему мнѣнію личные счеты благовиднѣе кончать дома. Спору нѣтъ, что г. Граціани пѣвецъ весьма талантливый, богато одаренный отъ природы прекрасными средствами; но вѣдь онъ поетъ у насъ всего-то второй сезонъ, и кто же изъ понимающихъ дѣло не знаетъ, что и въ настоящемъ составѣ здѣшней итальянской труппы, это звѣзда не первой, а развѣ только второй величины. Репертуаръ его довольно ограниченъ и почти не выходитъ изъ Вердіевской музыки. По всему видно, что Граціани, обладающій прекраснымъ, чарующимъ голосомъ и весьма достаточнымъ драматическимъ талантомъ, не далъ себѣ труда серьёзно и всесторонне изучить искусство, не прошелъ строгой музыкальной школы и потому не успѣлъ выработать изъ себя настоящаго, первокласснаго артиста.—Къ тому же, лучшіе годы своей дѣятельности онъ провелъ на сценѣ той школы, которая не только не развиваетъ, но напротивъ, портитъ музыкальные таланты и извращаетъ музыкальный вкусъ, т. е. въ Парижѣ.

Изъ мейерберовскихъ оперъ, въ послѣдніе годы, петербургская публика только и слушаетъ, что «Осаду Гента» (почему же Гента? хоть бы ужь Мюнстера) какъ титулуютъ у насъ до сихъ поръ оперу «Пророкъ». Мы конечно далеки отъ сожалѣнія, что «Плоэрмельскій праздникъ» провалился въ Лету; но нельзя не посѣтовать, что Робертъ, Гугеноты и Сѣверная Звѣзда выключены изъ нашего репертуара.

«Осада Гента» шла послѣ Пуританъ, 22 декабря, и потомъ еще въ бенефисъ г-жи Навтье-Дидье, 29 декабря.

Надо правду сказать, что, въ этотъ *второй* разъ, всѣ партіи были спѣты замѣтно лучше, чѣмъ въ первое представленіе.

Кто постоянно посѣщалъ и внимательно слушалъ оперы нынѣшняго сезона, тотъ вѣроятно припомнитъ, что то же самое замѣчалось почти во всѣхъ старыхъ піесахъ нашего репертуара. Такое общее явленіе можно, кажется, объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что только въ нынѣшнемъ году пониженъ каммертонъ нашей оперы почти на четверть тона.—До сихъ поръ у насъ оркестръ строился по высокому каммертону, существующему въ Германіи (la соотвѣтствуетъ 883 колебаніямъ). Теперь же діапазонъ здѣшней оперы сравненъ съ принятымъ на парижской итальянской сценѣ и въ тамошней консерваторіи, нормальное la котораго соотвѣтствуетъ 869 простымъ колебаніямъ въ секунду.

Очевидно, что въ послѣдствіи такое измѣненіе будетъ благодѣтельно для сохраненія голосовъ и облегчитъ пѣвцамъ, тенорамъ и сопрано въ особенности, исполненіе многихъ, почти неодолимыхъ до сихъ поръ нумеровъ; но первое время, органъ голоса, давно привыкшій исполнять такой-то пассажъ въ извѣстномъ тонѣ, не съ разу уступаетъ перемѣнѣ, какимъ бы тонкимъ слухомъ ни обладалъ артистъ.

И такъ, въ бенефисъ г-жи Нантье-Дидье, «Осада Гента» шла хорошо, хотя растянутость оперы вообще и надоѣдающая проповѣдь анабаптистовъ Ad nos ad salutarem undam, по обыкновенію, утомляли слушателей до того, что нѣкоторые прекрасные нумера проходили почти незамѣченными. Весьма замѣчательны арія Фидесъ и ея дуэтъ съ преступнымъ сыномъ въ темницѣ, дуэтъ, мало, впрочемъ, трогающій усталаго слушателя, который только и ждетъ пресловутаго «Beviam, beviam!», чтобы потомъ убѣжать домой на отдыхъ. Нѣтъ, не смотря на всѣ старанія Тамберлика, на его серьезную, обдуманную игру, на выразительное пѣніе, тяжелая роль Іоанна Лейденскаго для него неблагодарна. По этому-то многочисленные почитатели этого достойнаго артиста искренно обрадовались, узнавъ, что въ бенефисъ его, 11-го января, пойдетъ «Отелло». Найдется ли во всемъ музыкальномъ мірѣ хоть одинъ дилеттантъ, который бы не восхищался Тамберликомъ въ роли венеціанскаго мавра? Мы говоримъ, конечно, не объ одномъ только его ut dièse, а разумѣемъ, что роль эту, отъ первой ноты до последней, Тамберликъ исполняетъ съ неподражаемымъ совершенствомъ. Въ нынѣшнемъ году партію Дездемоны рѣшилась исполнять г-жа Вардо, и надо отдать справедливость, рѣшимость ея увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Не будемъ останавливаться на второстепенныхъ, хотя и важныхъ условіяхъ представительности Дездемоны, на наружности пѣвицы, туалетѣ и выразительности игры, которымъ

новая исполнительница удовлетворила, какъ никто до сихъ поръ; но и музыкальная партія роли была ведена ею очень хорошо, гораздо лучше, чѣмъ публика ожидала. Понимая, вѣроятно, что отъ удачи въ этой оперѣ болѣе всего зависитъ артистическая ея репутація, г-жа Барбо отнеслась къ ней съ полнымъ вниманіемъ. Что прима-донна и тутъ не освободилась отъ французскаго характера въ пѣніи, что она иногда не выдерживала настоящаго ритма, что не превзошла себя въ искусствѣ вокализаціи, что въ голосѣ ея не прибавилось мягкости, въ этомъ едва ли кто изъ слышавшихъ «Отелло» не согласится съ нами. Но что новая Дездемона пѣла съ глубокимъ чувствомъ и вмѣстѣ строго держалась партитуры, во всемъ этомъ также не можетъ быть сомнѣнія. Вообще въ роли Дездемоны новая прима-донна плѣнила всѣхъ безпристрастныхъ слушателей отчетливою, умною, увлекательною игрою, женственною граціею, тонкимъ художественнымъ тактомъ, и уничтожила всякое сомнѣніе въ томъ, что талантъ ея, вполнѣ способный совершенствоваться, можетъ сдѣлать изъ г-жи Барбо замѣчательную драматическую пѣвицу. Но за это торжество она чуть, чуть не заплатила слишкомъ дорого. Въ концѣ оперы, какъ извѣстно, Дездемона, измученная упреками и угрозами мужа, въ отчаяніи говоритъ ему: «такъ убей же меня»; но когда Отелло, какъ звѣрь, бросается на свою жертву, она въ ужасѣ бѣжитъ отъ него. Вся эта сцена, съ появленія Отелло въ спальнѣ жены, исполнена была въ разбираемое представленіе съ потрясающею истиною. Послѣ словъ:

Uccidimi... t'affretta, saziati al fin, crudel!

г-жа Барбо, какъ стрѣла, бросилась отъ Тамберлика, видъ котораго въ эту минуту былъ дѣйствительно страшенъ, и, поскользнувшись, сильно упала на затылокъ. Хотя случайное паденіе это не измѣнило эффекту сцены (многіе думали даже, что оно такъ и слѣдовало) и смущенный Отелло докончилъ таки драму, но большинство публики не на шутку испугалось за бѣдную Дездемону. По счастью дѣло обошлось благополучно; хотя г-жа Барбо и ушиблась легко при паденіи, но оно не имѣло дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій.

Въ бенефисъ Тамберлика встрѣтили самыми радушными рукоплесканіями и, кромѣ букетовъ и вѣнковъ, поднесли бенефиціанту, послѣ знаменитаго дуэта, весьма солидный и красивый подарокъ: большую серебряную миску на блюдѣ и съ ложкой, а во второмъ антрактѣ — еще серебряный же кубокъ. О подпискѣ на эти подарки было извѣстно публикѣ еще за мѣсяцъ до бенефиса; въ ней приняли участіе многія лица, связанныя между собой *только* симпатіей къ таланту пѣвца; тѣ же многочисленные почитатели Тамберлика, которые

чтобы послушать его, платятъ чуть не послѣдній полтинникъ, участвовали въ торжествѣ дружнымъ, громкимъ, искреннимъ хоромъ изустныхъ и мимическихъ привѣтствій. Въ изъявленіи этихъ восторговъ такъ и слышалось общее желаніе, чтобъ и впередъ славный пѣвецъ оживлялъ и поддерживалъ нашу оперную сцену; слушая его въ «Отелло», никто не сомнѣвался, что онъ еще долго постоитъ за себя, особенно если побережетъ свои силы; а то до сихъ поръ, разрываемый на части всѣми театрами, онъ не успѣетъ закрыть рта въ Петербургѣ, какъ ужь поетъ въ Парижѣ, потомъ въ Лондонѣ и такъ далѣе, круглый годъ, не давая себѣ даже необходимаго отдыха.— Съ неменьшимъ тактомъ и съ такимъ же единодушіемъ оцѣняетъ наша публика дѣятельность другаго, столь же любимаго ею пѣвца, г. Кальцолари, который въ своихъ роляхъ di grazia, конечно, стоитъ такъ же высоко, какъ Тамберликъ въ своихъ—di forza. Отличный музыкантъ и первый современный вокалистъ, г. Кальцолари, совершенствуясь съ каждымъ годомъ, воспитываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ музыкальный вкусъ той публики, исключительно передъ которою онъ поетъ уже одинадцатый сезонъ. Теперь, благодаря его, болѣе или менѣе всѣ понимаютъ, въ чемъ состоитъ истинное искусство пѣвца. Въ «Отелло» г. Кальцолари исполняетъ далеко неблестящую роль Родриго и посмотрите, что сдѣлалъ онъ изъ этой роли: публика требуетъ повторенія чуть не каждой его ноты. Въ началѣ втораго акта онъ, щадя Дездемону, которая, по содержанію сцены, должна лежать у ногъ его во все продолженіе аріи:

Ah! come mai non senti,

постоянно замѣняетъ ее другою, превосходною аріею изъ россиніевской же оперы: Ricciardo e Zoraide.—Какой счастливый выборъ и какое блестящее исполненіе! Въ прекрасномъ andante сего нумера Родриго плѣняетъ слушателей нѣжною мелодичностью своего пѣнія; въ трудномъ же, узорчатомъ allegro безконечныя рулады и фіоритуры льются у него такъ чисто, такъ легко и свободно. Къ тому же всякій разъ онъ еще разнообразитъ ихъ новыми украшеніями, вполнѣ достойными самого Россини.

Остальныя лица, участвовавшія въ «Отелло», гг. Дебассини, Эверарди и др., всѣ безъ исключенія, исполняли свое дѣло старательно и очень успѣшно.

Разборомъ представленія «Отелло», повтореннаго 18 января, заключаемъ нашу бесѣду объ истекающемъ оперномъ сезонѣ.

Не читатель, конечно, а мы сами сожалѣемъ, что не успѣли за одно ужь побесѣдовать съ нимъ о знаменитомъ твореніи Бетховена, которое, благодаря г. Кальцолари, будетъ впервые дано на нашей

сценѣ въ бенефисъ его 26 января. За самаго бенефиціанта опасаться нечего: отличный знатокъ, какъ своей родной, такъ и германской музыки, старой и новой, онъ ужь не дастъ въ обиду великую тѣнь Бетховена; остается пожелать, чтобы г–жи Барбо и Бернарди, да гг. Дебассини, Анджелини и Мальвецци достойно помогли ему въ этомъ, въ высшей степени похвальномъ подвигѣ.

И такъ, для читателя преждевременное заключеніе нашей бесѣды не составитъ большаго ущерба въ фактической полнотѣ предлагаемаго отчета и не помѣшаетъ сдѣлать изъ него теперь же нѣкоторые, почти безошибочные выводы. Съ 5 сентября до означеннаго подъ нашей статьей числа дано было всего 69 спектаклей; въ этотъ срокъ попеременно исполняемо было 15 различныхъ оперъ (*), изъ которыхъ ни одной не пропустили мы въ нашемъ обзорѣ.

Изъ этого числа, какъ видѣлъ читатель, 6 оперъ принадлежатъ Верди, 4 Россини, 2 Флотову, 1 Беллини, 1 Донидзетти и 1 Мейерберу. Чаще другихъ давали «Силу судьбы», всего 11 разъ; по 7 разъ дали «Вильгельма Телля», «Графа Ори» и «Маскарадъ»; 6 разъ «Страделлу»; по 4 раза «Пуританъ», «Марту», «Риголетто» и «Травіату»; по 3 раза «Цирюльника», «Пророка» и «Фаворитку» и наконецъ по 2 раза «Отелло», «Эрнани» и «Трубадура».

Такимъ образомъ, изъ 69 представленій на долю Верди пришлось наибольшее, почти половинное число 30, на долю Россини 19, Флотова 10, Беллини 4, Мейербера 3 и Донидзетти 3. Если читатель, сообразивъ эти цифры, припомнитъ еще, что большая половина всѣхъ представленій пополнялись операми, безсмѣнно повторяемыми у насъ въ послѣдніе три—четыре года, и почти всегда одними и тѣми же артистами, то ему едва-ли покажется безосновательнымъ то равнодушіе, съ которымъ относилась публика къ итальянской оперѣ послѣдняго сезона. Само собою разумѣется, общія, денежныя и другія замѣшательства настоящаго времени составляютъ не послѣднюю причину того, что большинству нашей публики было не до оперы. Но и обстоятельства, непосредственно обусловливающія размѣры опернаго дохода, нельзя назвать благопріятными. Можно навѣрное сказать, что еслибъ, при такихъ талантливыхъ исполнителяхъ, какъ наши настоящіе, ежегодный репертуаръ былъ богаче, свѣжѣе и разнообразнѣе, театральная зала, въ особенности нижніе ярусы ложъ и передніе ряды креселъ гораздо рѣже представляли бы такой пустынный видъ, какъ то почти постоянно было въ прошломъ и нынѣшнемъ году. При ограниченномъ и весьма мало измѣняющемся составѣ здѣш-

(*) По окончаніи сезона отношеніе общаго числа представленій къ числу оперъ будетъ еще менѣе выгодно, такъ какъ къ первому придется прибавить 16, а ко второму — только 1.

шей оперной публики, не столько удастся взять количествомъ представленій, сколько качествомъ ихъ. Болѣе строгій выборъ оперъ по ихъ достоинству, примѣняясь, разумѣется, къ требованіямъ образованнаго большинства, соотвѣтственное распредѣленіе ролей, не стѣсняясь второстепенныя изъ нихъ поручать иногда и первымъ артистамъ, расширеніе репертуара разученныхъ и приготовленныхъ оперъ, какъ изъ новыхъ, такъ, въ особенности, изъ неистощимаго запаса старыхъ произведеній, чтобы устранить необходимость слишкомъ частаго повторенія одного и того же,—вотъ, между прочимъ, мѣры, которыя, при удачно-составленной труппѣ артистовъ, неминуемо привели бы къ добрымъ результатамъ. Отчего бы въ самомъ дѣлѣ, хоть на время, не пріостановиться съ Траviатой, Трубадуромъ, Риголетто, Эрнани, Осадой Гента, даже съ Пуританами, Сев. Цирюльникомъ, и почему бы не выбрать для замѣны ихъ и для пополненія репертуара изъ слѣдующихъ, напримѣръ, оперъ: *Моцарта*: Волшебная флейта, Свадьба Фигаро, *Глюка*: Орфей, въ которомъ г-жа Віардо приводитъ теперь въ восторгъ парижскихъ меломановъ, *Россини*: Семирамида, Ричардъ и Зораида, Осада Коринѳа, Танкредъ, Ченерентола, *Беллини*: Монтекки и Капулетти, Сомнамбула, Беатриче-ди-Тенда, Пиратъ, *Донидзетти*: Лючія, Линда, Анна Болейнъ, Марино-Фальеро, Любовный напитокъ; *Мейербера*: Робертъ, Гугеноты, Сѣверная звѣзда, и наконецъ *Верди*: Набукко, Ломбарды, Фоскари и Луиза Мюллеръ; можно пожалуй еще найти кое что заслуживающее вниманіе у Флотова, Меркаданте, Обера и у другихъ, менѣе извѣстныхъ композиторовъ, каковы Пачини, Риччи, Педротти, Бона, Росси и пр. При такомъ выборѣ слѣдовало бы, конечно, въ видахъ экономіи, останавливаться преимущественно на такихъ операхъ, которыя, при несомнѣнныхъ достоинствахъ, музыкальныхъ и драматическихъ, не требовали бы слишкомъ сложной и блестящей обстановки, и могли бы ограничиться уже существующими, богатыми средствами нашего театра. Въ тѣхъ же видахъ, кажется, выгодно было бы уменьшить общее число представленій, назначать ихъ не такъ часто и, сообразно съ тѣмъ, измѣнить условія ангажементовъ. При составленіи труппы, слѣдовало бы заранѣе соображаться съ предстоящею потребностью, и точно опредѣливъ необходимое число артистовъ, постоянно заботиться, чтобы плата каждому изъ нихъ была имъ непремѣнно и соотвѣтственно заработана; пенсіонныя же, такъ сказать, выдачи пѣвцамъ и пѣвицамъ, которыхъ публика почти не слышитъ и не видитъ во весь сезонъ, конечно, должны быть отмѣнены, какъ вовсе не производительныя для театра. Въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ по разнымъ частямъ, въ заготовленіи декорацій, костюмовъ, аксессуаровъ и пр. желательно видѣть болѣе разсчетливой умѣренности. Кто

знаетъ, какія громадныя суммы расходуются теперь нашимъ театромъ собственно на эти внѣшнія приманки и вообще на постановку оперъ, тотъ пойметъ, какъ значительны могутъ быть сбереженія, если на дѣло взглянуть иначе. При такомъ порядкѣ, который, нѣтъ сомнѣнія, не замедлитъ водвориться у насъ съ новымъ театральнымъ начальствомъ, абонентамъ и вообще посѣтителямъ итальянской оперы, по всей вѣроятности, не придется выслушивать упреки, что не низкія, кажется, цѣны, платимыя ими за мѣста, не покрываютъ и половины расходовъ по содержанію оперы; тогда она, быть можетъ, и утратитъ наконецъ репутацію учрежденія разорительнаго, поддерживаемаго какъ бы изъ милости, и потому едва ли не лишняго. Не будемъ повторять здѣсь избитой истины о благотворномъ вліяніи изящныхъ искусствъ на развитіе и нравы общества; замѣтимъ только, что благородное наслажденіе музыкой сдѣлалось теперь необходимою потребностью образованнаго большинства тѣхъ петербургскихъ жителей, которые не привыкли отводить душу въ клубахъ, въ ресторанахъ, въ танцъ-классахъ, не привыкли посвящать свои краткіе часы досуга баламъ, маскарадамъ, пикникамъ и пр. — Полнѣйшая же и наиболѣе постояная представительница музыки въ Петербургѣ — безспорно итальянская опера, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ даровой и лучшей школой для начинающихъ русскихъ сценическихъ пѣвцовъ; вѣдь извѣстно, что сами великіе артисты, Рубини и Тамбурини, окончательно образовали себя въ театральныхъ залахъ, а не въ консерваторіяхъ.

По всему этому нельзя не пожалѣть, да нельзя и не подивиться, что у насъ по содержанію оперы, какъ слышно, постоянный дефицитъ, тогда какъ во всѣхъ другихъ городахъ, гдѣ только существуетъ итальянская опера, вездѣ она доставляетъ театрамъ значительныя выгоды.

М. Л—ВЪ.

18 января 1863.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ИСТЕКШІЕ ВОСЕМЬ МѢСЯЦЕВЪ.

«Современникъ» не являлся въ свѣтъ нѣсколько времени и не показывался въ публикѣ; и теперь, являясь снова на журнальную сцену, онъ нѣсколько стѣсняется и чувствуетъ нѣкоторую неловкость. Во время его отсутствія отъ него успѣли отвыкнуть, можетъ быть, даже нѣсколько и позабыли его; вслѣдствіе этого на него, какъ будто на нѣчто новое, обращены самые внимательные взоры, самые пристальные взгляды, которые хоть кого невольно приведутъ въ смущеніе и конфузію. Кромѣ того, являясь въ среду своихъ собратовъ, онъ смотритъ на нихъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ и страхомъ; они такъ много и долго дѣйствовали въ то время, когда онъ бездѣйствовалъ; естественно подумать, что они очень выросли и созрѣли, что они обогнали его и далеко ушли впередъ, такъ что ему, можетъ быть, и не догнать ихъ; невольно является предположеніе, что они въ то время, когда «Современникъ» предавался праздности — матери всѣхъ пороковъ и сладкому farniente, могли оказать великія услуги литературѣ, отечеству и человѣчеству, услуги, которыя, быть можетъ, поставили ихъ на такую высоту, предъ которою съ благоговѣйнымъ смиреніемъ долженъ преклониться «Современникъ» и долженъ отказаться отъ дерзкой мысли стать на-ряду съ ними. Обстоятельства вполнѣ благопріятствовали широкой и нестѣсняемо дѣятельности этихъ собратовъ. Въ прежнее время «Совре-

менникъ» стѣснялъ ихъ, развлекалъ ихъ вниманіе и силы, мѣшалъ ихъ дѣятельности, былъ для нихъ точно бѣльмо на глазу, которое мѣшало имъ ясно видѣть и понимать предметы и явленія. Поднимутъ они, бывало, какой нибудь важный вопросъ, станутъ разсуждать объ немъ серьёзно, напрягши умъ, наморщивши чело, вотъ ужь рѣшеніе вопроса близится къ концу, еще минута—и отвѣтъ былъ бы готовъ; но вдругъ является «Современникъ», своимъ свистомъ заглушаетъ ихъ серьёзныя разсужденія и важныя рѣчи, своимъ легкомысленнымъ смѣхомъ осмѣиваетъ вопросы и ихъ рѣшенія и своимъ глумленіемъ пятнаетъ обсуждаемую святыню. Собраты бросаются на «Современникъ», принимаются усмирять и урезонивать его, разоблачаютъ его легкомысліе, опровергаютъ его глумленія, доказываютъ неосновательность его смѣха и т. д.; а вопросъ между тѣмъ, стоящій на очереди, остается въ сторонѣ, всѣ жаждутъ его рѣшенія и изнываютъ отъ жажды, по милости «Современника». Затѣмъ значительная часть рабочей силы собратовъ «Современника» уходила на опроверженіе тѣхъ мнѣній и взглядовъ, которые онъ высказывалъ, и на то, чтобы поколебать въ читателяхъ довѣріе и уваженіе къ нему, и такимъ образомъ, строго говоря, тратилась напрасно и безплодно. Видя все это, «Современникъ» рѣшился, какъ Іона, пожертвовать собою для спасенія корабля литературы; онъ замолчалъ, сошелъ со сцены, пересталъ мѣшать своимъ собратамъ и предоставилъ имъ однимъ все широкое поле журнальной дѣятельности для того, чтобы они, не стѣсняемые и не развлекаемые свистомъ, сосредоточили всѣ свои силы и усилія на разрѣшеніи великихъ вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ судьба и счастіе нашего отечества. Когда ушелъ съ поля брани общій врагъ многихъ журналовъ, тогда для нихъ наступило вожделенное время мира, которое также должно было содѣйствовать собственному ихъ внутреннему развитію и прогрессу. Вслѣдствіе этого можно было ожидать, что «Русскій Вѣстникъ», не имѣя надобности заниматься преслѣдованіемъ и обличеніемъ легкомысленныхъ свистуновъ, углубится въ самого себя, обсудитъ хорошенько свое положеніе и увидитъ ненадежность того пути, по которому онъ идетъ, надосугѣ получше изучитъ Англію, убѣдится, что ему не достаетъ джентльменской степенности и благородства, что онъ отстаиваетъ и защищаетъ вовсе не то, чѣмъ славится и чѣмъ привлекательна Англія; — что г. Юркевичъ въ частности, не тревожимый антропологическимъ принципомъ

пойметъ наконецъ разницу и бездну между физiологiей и его супранатуралистической философiей. Можно было надѣяться, что «Отечественныя Записки», не соблазняемыя болѣе свистомъ «Современника», оставятъ свои неудачныя и смѣшныя претензiи на свистъ, обратятся на служенiе чистой наукѣ, увидятъ осязательное противорѣчiе между своими учеными статьями и своею «Хроникой», и вслѣдствiе этого вообще примутъ мѣры къ тому, чтобы привести въ согласiе и гармонiю свои несогласные другъ съ другомъ и дисгармонирующiе отдѣлы; — что хроникеръ ихъ, не раздражаемый и не выводимый изъ себя ненавистными для него свистунами, одумается, сообразитъ значенiе своихъ понятiй и установитъ для себя опредѣленный, постоянный, не мѣняющiйся, подобно протею, образъ мыслей. Можно было ожидать, что «Время», не страшась болѣе трудныхъ для него вопросовъ «Современника» о *почвѣ*, спустится съ своихъ туманныхъ, облачныхъ высотъ на землю, скажетъ, чѣмъ оно отличается отъ славянофиловъ и западниковъ, разъяснитъ для своихъ читателей статьи г. А. Григорьева и его понятiя о народности; — что г. Косица, лишенный тѣхъ крупицъ, которыя попадали ему въ ротъ отъ трапезы другихъ, лучше изучитъ и хоть до нѣкоторой степени пойметъ Гегеля, а его другъ г. Страховъ откроетъ какую нибудь новую населенную планету. Наконецъ, можно было ожидать, что и прочiе журналы и газеты, которыхъ такъ смущалъ «веселенькiй» журналъ, и которые такъ усердно трудились, чтобы его осилить, скажутъ наконецъ хоть одно дѣльное слово и придумаютъ всѣ сообща хоть одну человѣческую мысль. Вотъ сколько сладкихъ надеждъ подавало удаленiе «Современника» съ журнальнаго поприща! Онъ самъ удалялся съ удовольствiемъ, которое естественно возбуждали въ немъ эти надежды; нужно было быть слишкомъ эгоистичнымъ, чтобы не рѣшиться оставить журнальное поприще въ то время, когда это оставленiе представляло въ перспективѣ столько отрадныхъ надеждъ, — и «Современникъ» оставилъ его къ удовольствiю своихъ собратовъ. — Теперь естественно представляется вопросъ: что же, осуществились ли всѣ эти надежды, или по крайней мѣрѣ хоть одна изъ нихъ? За самоотверженiе «Современника» порадовали ли его хоть чѣмъ нибудь его собраты, — поумнѣли ли они, развились ли, далеко ли ушли по пути прогресса? «Современникъ» долгое время бездѣйствовалъ и всю область дѣятельности предоставилъ своимъ собратамъ; теперь онъ имѣетъ полное право обра-

титься къ нимъ и спросить: а вы, друзья, что сдѣлали такое въ это время? до какой степени вы подвинули развитіе свое и другихъ?

Оцѣнку заслугъ журналистики, совершённыхъ ею во время отсутствія «Современника», мы раздѣляемъ на двѣ части; сначала разсмотримъ тѣ вопросы, которые поднимали и рѣшали всѣ журналы съобща и совокупными силами и рѣшеніемъ которыхъ они оказали услугу отечеству; а потомъ посмотримъ на самые журналы, на то, до какой степени они успѣли разъяснить спеціальные вопросы и воззрѣнія, характеризующія индивидуальное направленіе того или другаго журнала; это разсмотрѣніе дастъ намъ понятіе о томъ, какія услуги оказали журналы самимъ себѣ, что сдѣлали для собственнаго внутренняго развитія.

Весною, когда «Современникъ» оставилъ журнальную практику, въ литературной атмосферѣ произошло нѣчто очень странное, что-то въ родѣ столпотворенія вавилонскаго; языки смѣсились, умы помутились, и все обуялось страхомъ; смятеніе было всеобщее; въ атмосферѣ стояла давящая нестерпимая духота, которая еще болѣе разслабляла и раздражала людскіе нервы и произвела чисто горячечное состояніе въ литературѣ; раздались безсвязныя и неясныя слова, очень похожія на горячечный бредъ; «Современникъ» былъ радъ, что выѣхалъ изъ литературы на дачу, иначе и онъ, можетъ быть, заразился бы общей горячкой, или же ему одному пришлось бы обливать своихъ собратовъ холодною водой,—занятіе очень щекотливое и затруднительное. Къ довершенію общей болѣзненной суматохи, начались пожары; литература окончательно перепугалась и свой страхъ передавала и читателямъ; наборъ прежнихъ безсвязныхъ словъ увеличился еще нѣсколькими терминами—пожаръ, поджогъ, агитація; всѣ эти слова и термины являлись въ разнообразныхъ сочетаніяхъ, изъ нихъ составлялись фразы, отыскать смыслъ которыхъ не было никакой возможности; изъ фразъ строились цѣлыя статьи, которыя ужь совершенно похожи были на горячечный бредъ. За тѣмъ вдругъ, не извѣстно откуда и какъ, явился на сцену народъ, прибавилось новое слово къ прежнимъ безсвязнымъ фразамъ и послужило темою для новыхъ литературныхъ варіацій; стали раздаваться возгласы: вотъ самъ народъ говоритъ, вотъ голосъ народа! народъ не призналъ, народъ не принялъ, народъ отвернулся и т. д. Какъ и гдѣ народъ высказался, чѣмъ онъ заявилъ свой голосъ, что подало поводъ къ его рѣчамъ, какой

смыслъ былъ въ его рѣчахъ,—этого никакъ нельзя было понять; разсуждавшіе о гласѣ народа и не думали касаться этихъ вопросовъ. Самой рѣзкой нотой и постояннымъ мотивомъ журнальныхъ разсужденій были — пожаръ и поджоги. Кто же поджигалъ, — такъ себѣ кто нибудь, кто попало? или опредѣленные субъекты извѣстнаго рода? Одни газеты и журналы прямо утверждали послѣднее; другіе по видимому хотѣли отрицать ихъ утвержденія, но лавировали такъ ловко и такъ неопредѣленно вокругъ вопроса, что ихъ отрицаніе болѣе походило на утвержденіе и невольно склоняло мысль читателя къ утвержденію; это странно, это невѣроятно, говорили они, и за тѣмъ прибавляли: однако какъ же это въ самомъ дѣлѣ? вѣдь все можетъ статься! но съ какою же цѣлью это дѣлается, развѣ для того-то и для того, — слѣдовали разныя предположенія, показывавшія, что предполагавшіе охотно допускали то, что они хотѣли отрицать;— это все таки ужасно, продолжали они, это жестоко; и главное посмотрите на народъ, прислушайтесь, что онъ говоритъ, онъ не узнаетъ своихъ кровныхъ друзей, и это происходитъ не отъ его невѣжества, а такъ ужь отъ его чутья, отъ его натуры, — вотъ странное существо народъ! Когда жаръ поспалъ и наступила прохлаждающая осень, тогда самой литературѣ показались странными всѣ эти разсужденія; она стала относиться къ нимъ иронически и даже выражала изумленіе, какъ могли возникнуть въ публикѣ толки, параллельныя этимъ разсужденіямъ, забывши о томъ, что она сама вызвала ихъ своими премудрыми соображеніями и созданіями своей болѣзненной и разгоряченной фантазіи и потомъ взвалила ихъ на плечи народу, и разнесла по всѣмъ угламъ Россіи. Въ этомъ состояла первая и главная заслуга литературы для отечества, которою она отличилась въ отсутствіе «Современника». Зимою литература рѣшительно стала отказываться отъ этой заслуги; прежде всѣ старались присвоить себѣ честь перваго произнесенія «э!»; а потомъ всѣ отпирались отъ «э!» подобно Добчинскому и Бобчинскому.

Изъ газетъ «С.-Петербугскія Вѣдомости» и «Сѣверная Пчела» положительно увѣряли, что петербургскіе пожары дѣлались неспроста, а съ разными замысловатыми цѣлями, которыя и старались растолковать указанныя газеты; послѣдней изъ нихъ «Современная Лѣтопись» дала такую аттестацію: «во время петербургскихъ пожаровъ, когда негодованіе противъ нашихъ агитаторовъ разыгралось и обнаружилось несомнѣннѣйшимъ образомъ,

«Сѣверная Пчела» изъ всѣхъ петербургскихъ газетъ особенно заботилась о спокойствіи общества, предлагала разныя мѣры противъ зловредныхъ покушеній, такъ что отъ консервативныхъ органовъ нашей журналистики она получала замѣчанія за излишнее рвеніе въ интересѣ порядка (С. Л. № 33)». Какъ же смотрѣла на петербургскіе пожары сама «Современная Лѣтопись» и какъ смотрѣли на нихъ другіе журналы? Въ отвѣтъ на эти вопросы остается привести выписки изъ разныхъ разсужденій о пожарахъ и оставить ихъ безъ всякихъ добавленій и толкованій.

«Теперь только и рѣчи, что о пожарахъ въ Петербургѣ, говорила «Современная Лѣтопись». Посреди всѣхъ этихъ толковъ, и въ домахъ и на улицахъ, и въ правительственныхъ сферахъ и въ простомъ народѣ, и въ *печатныхъ статьяхъ*, господствуетъ общее убѣжденіе, что эти бѣдствія происходятъ не случайно, что они совершаются преднамѣренно, что эти пожары слѣдствіе поджоговъ, и что эти поджоги будто-бы находятся въ связи съ какими то политическими тенденціями. — Мы не хотимъ вѣрить не только ожесточенной народной молвѣ о виновникахъ теперешнихъ поджоговъ, но и тѣмъ подозрѣніямъ, которыя *проглядываютъ въ печати* и слышатся отъ людей способныхъ къ самообладанію, слышатся въ сопровожденіи разныхъ уликъ и доводовъ. Мы не хотимъ вѣрить всѣмъ этимъ подозрѣніямъ, пока не получимъ несомнѣнныхъ доказательствъ, пока формальныя слѣдствія не обнаружатъ фактовъ. Да и какъ вѣрить? Какъ допустить, чтобы въ людяхъ, имѣющихъ по крайней мѣрѣ лоскъ образованія, по крайней мѣрѣ грамотныхъ, по крайней мѣрѣ умѣющихъ связать нѣсколько словъ въ правильную рѣчь, хотя бы самаго нелѣпаго содержанія, чтобы въ людяхъ способныхъ поддаваться на какія нибудь умственныя увлеченія, хотя бы самаго безобразнаго свойства — могло быть столько животнаго безсмыслія, столько нравственнаго безсилія, столько рабскаго чувства?... Между нелѣпою мыслію и такимъ гнуснымъ дѣломъ, между возмутительною прокламаціею и поджогомъ — цѣлая бездна! Сколько нужно одуренія или сколько низости, чтобы этой бездны не было! Но есть люди, которые возбуждаютъ стихійныя страсти, которые также мало разбираютъ свои жертвы, какъ и пожары, которые также сопровождаются всеобщими бѣдствіями, падающими на бѣдныхъ и богатыхъ, на честныхъ и безчестныхъ, и еще болѣе на первыхъ. — Развѣ это не одно и то же? Развѣ это еще не хуже? Развѣ нельзя ожидать всего отъ людей, которые дѣйствуютъ такимъ образомъ? Люди, потерявшіе живое чувство и смыслъ дѣйствительности, способны на все. — Люди, загубившіе свой умъ и сердце въ фразѣ, люди, потерявшіе способность что нибудь дѣйствительно почувствовать и о чемъ нибудь серіозно подумать, способны на всякіе экспери-

менты, не хуже несмысленныхъ ребятишекъ. — На кого указываетъ народъ (говорится въ другой статьѣ той же Современной Лѣтописи), какъ на главную причину своихъ бѣдствій? Горько и тяжело, а нельзя скрыть, — на учащуюся и ученую молодежь. Совершающіяся бѣдствія онъ ставитъ въ неразрывной связи съ предшествовавшими возглашеніями, объявленіями, — всею этою возмутительною нечистью, которую враги общественнаго спокойствія щедрою рукой сыпали въ народъ. Ради чести науки, ради столькихъ надеждъ, которыя возлагались было на молодое поколѣніе, не хотѣлось бы вѣрить подозрѣніямъ народа. Но что, если и тутъ есть своя доля правды? Что если и въ самомъ дѣлѣ эта молодежь, увлеченная погибельными возгласами проповѣдниковъ анархіи и всеобщаго прогресса, посредственно и непосредственно принимаетъ въ этомъ участіе? О, какую страшную судьбу готовитъ она себѣ! Народъ и безъ этихъ бѣдствій слишкомъ подозрительно смотрѣлъ на ученую молодежь.—Ужели кто нибудь въ состояніи дойдти до такой экзальтаціи, чтобы, ставъ въ ряды Геростратовъ, ожидать еще себѣ за то благословеній? Или этимъ путемъ, путемъ бѣдствій народныхъ, думаютъ подвинуть народъ къ какимъ либо преднамѣреннымъ цѣлямъ? Но будь эти цѣли высоки, какъ я не знаю что, подобныя средства ничего не могутъ заслуживать, кромѣ мести, каръ и вѣчныхъ проклятій? Такими ли средствами достигаются цѣли высокія и благородныя? О, зачѣмъ подобные господа не прислушиваются къ говору народному, хоть бы напримѣръ, по поводу одного осужденнаго вчера за распространеніе возмутительныхъ прокламацій? «Что это? На костеръ бы ихъ всѣхъ разбойниковъ», повторяли тысячу голосовъ. («Современная Лѣтопись» № 23)».

«Будущій историкъ, говоритъ хроникеръ «От. Зап». не будетъ, подобно намъ, волноваться пустыми страхами, не станетъ ломать голову надъ вопросомъ: въ какой мѣрѣ справедливы народные толки, будто пожары имѣютъ связь съ прокламаціями и воззваніями демагоговъ; нѣтъ, не съ этой стороны задумается будущій историкъ. Предъ нимъ будутъ уже не страхи, а голые факты, которые, надѣемся, разоблачатъ всю нелѣпость народныхъ толковъ. Для будущаго историка и для всѣхъ будущихъ поколѣній скорѣе непостижимымъ покажется самый народъ, въ которомъ могли возникнуть подобные толки. Гдѣ же, въ-самомъ-дѣлѣ, слыхано, чтобъ демагоги, которые только и говорятъ, что о народномъ счастіи, которые жертвуютъ для народа всѣми благами молодости и жизни, которые несутъ за него свою голову на плаху — гдѣ слыхано, чтобъ подобные друзья народа были отвергаемы самимъ народомъ и постыдно смѣшиваемы имъ съ разбойниками и поджигателями? Если во времена чумы, холеры и прежнихъ пожаровъ, ходили глупые толки, что отра-

влаютъ нѣмцы и поджигаютъ поляки, то всякій историкъ пойметъ, что виною этому было *обыкновенное* невѣжество, которое еще можно чѣмъ-нибудь извинить, потому-что ни нѣмцы, ни поляки никогда не выдавали себя за горячихъ друзей русскаго народа. Но какъ объяснить *ту степень* невѣжества, на которой народъ не узнаетъ уже своихъ кровныхъ друзей и принимаетъ ихъ за страшныхъ враговъ, за чуму, за кару небесную? Еще менѣе понятно невѣжество той *просвѣщенной* среды, которая могла испугаться такихъ жалкихъ демагоговъ... Словомъ, съ какой стороны ни посмотритъ будущій историкъ на событія прошедшаго мѣсяца, онъ увидитъ, что онѣ выходятъ за предѣлы естественнаго невѣжества. Ему останется только рѣшить, кто дальше переступилъ эти предѣлы: народъ ли, который не хочетъ знать демагоговъ, демагоги ли, которые не знаютъ своего народа, или наконецъ, тѣ умные люди, которые, очень-хорошо зная о существованіи такихъ отношеній народа къ демагогамъ, все-таки перепугались не на шутку и стали придумывать разные ужасы? «Они думаютъ — говорятъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*—что для успѣховъ своихъ намѣреній, безсмысленные агитаторы хотятъ создать пролетаріатъ, котораго у насъ нѣтъ и который легче всего идетъ на обѣщанія и посулы. По ихъ мнѣнію, пропаганда хочетъ ожесточить народъ, ожесточить, вопервыхъ, самыми бѣдствіями, вовторыхъ тѣмъ, что власть не можетъ предотвратить этихъ бѣдствій. Такое мнѣніе въ обществѣ весьма-сильно...» «Жители столицы, говоритъ «Сѣверная Пчела» толкуя о поджогахъ, употребляли слова... страшно выговорить... студенты.» Но, прибавляетъ хроникеръ, «Сѣверная Пчела» забыла объяснить, что это слово впервые произнесено простымъ народомъ (sic). Загадочное существо этотъ русскій народъ («От. Зап.» Іюнь.)!»

Одновременно съ вопросомъ о пожарахъ рѣшался въ литературѣ очень близкій къ ней вопросъ о цензурѣ и вообще о печати. Газеты и журналы единогласно высказывали мысль, что цензура не достигаетъ своей цѣли, и вслѣдствіе этого стали придумывать разныя средства, которыя бы вѣрнѣе привели къ той цѣли, которую имѣетъ въ виду цензура. Разсуждавшіе о печати находили, что преступленія ея не получаютъ должнаго возмездія и остаются безнаказанными; вслѣдствіе этого они пріискивали разныя наказанія, самыя дѣйствительныя, которыя бы отбили у печати всякую охоту рѣшиться на преступленія. Поговаривали даже и о свободѣ печати, т. е. объ освобожденіи ея отъ цензуры; одни говорили, что такую свободу можно предоставить не всѣмъ печатающимся, а только нѣкоторымъ, избраннымъ; другіе же гово-

рили, что можно позволить высказываться всякимъ воззрѣніямъ, но только съ условіемъ, чтобы существовала сила, или законъ, который бы регулировалъ высказыванія, смотрѣлъ бы за тѣмъ, чтобы всѣ воззрѣнія высказывались въ одинаковой степени и съ одинаковой силой, а иначе, говорили они, одно мнѣніе можетъ легко восторжествовать надъ другимъ, что конечно очень не хорошо. Нѣкоторые предлагали освободить литературу отъ цензуры и подвергнуть ее надзору суда; мыслители этого рода до того возлюбили судъ, что имъ хотѣлось бы подчинить литературу какому бы то ни было суду, только бы это былъ судъ. Предлагались разные проекты суда, говорилось, откуда взять присяжныхъ для суда, какъ ихъ выбирать и т. д. Изъ за чего собственно убивалась литература и къ чему привели ея разсужденія, это пока неизвѣстно. Самыя же разсужденія прилагаются здѣсь въ подлинникѣ.

«Исторія учитъ насъ, говорилъ хроникеръ «Отечес. Зап.», что безусловное владычество какой бы то ни было партіи, какого бы то ни было воззрѣнія ведетъ къ неизбѣжному деспотизму въ жизни. Человѣчество перепробовало уже безусловное владычество всѣхъ возможныхъ принциповъ—но ни въ одномъ изъ нихъ не нашло свободы. Причина очень простая — потому-что безусловной соціальной или политической истины не существуетъ. Поэтому мы совершенно не желаемъ безусловнаго господства въ нашей литературѣ и въ нашей жизни ни одной изъ партій и философскихъ системъ — будетъ ли то партія славянофильская, «Русскаго Вѣстника», «Современника», «Нашего Времени» или «Сѣверной Почты». Мы уже знаемъ общечеловѣческій законъ, по которому всякое убѣжденіе любитъ высказываться, но не расположено выслушивать другія убѣжденія, жаждетъ свободы слова для себя и не любитъ встрѣчать эту жажду въ противникахъ,—словомъ, мы знаемъ, что каждый служитель теоріи носитъ въ своемъ сердцѣ большую или меньшую долю деспотизма. Поэтому, для водворенія истинной свободы мысли и слова, мы не знаемъ другаго способа, какъ тотъ, который выработанъ новѣйшею исторіею просвѣщенныхъ народовъ Запада. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что каждая партія, каждое убѣжденіе, для обезпеченія собственнаго существованія, должны отказаться отъ принадлежащей имъ доли деспотизма въ пользу деспотизма закона, который бы неумолимо охранялъ свободу слова отъ всякаго деспотизма, отъ всякой партіи, отъ всякой власти—литературной, общественной, политической. Затѣмъ весь деспотизмъ, какой еще остается въ глубинѣ сердца друзей человѣчества, долженъ быть посвященъ исключительно на поддержа-

ніе этого закона, на утвержденіе его незыблемости. Только при такихъ условіяхъ возможно взаимное примиреніе двухъ потребностей человѣческаго духа—потребности *говорить* и *слушать*; только при существованіи учрежденія, карающаго всякое нарушеніе свободы слова, всякое поползновеніе нарушить ее, возможна истинная свобода слова. Только такая *карательная цензура* способна предупредить навсегда возвращеніе *предупредительной цензуры*.

«Находятся люди, разсуждалъ г. Скарятинъ въ «Отечес. Зап.», которые смотрятъ на отмѣну предварительнаго просмотра, какъ на ловушку, въ которую будутъ попадаться неосторожные авторы. Помилуйте, говорятъ они, да вѣдь теперь цензоръ не дастъ вамъ сказать того, за что вы могли бы подвергнуться взысканію, а тогда васъ будутъ ссылать въ Сибирь за неосторожное слово! Вопервыхъ, за неосторожное слово въ Сибирь ссылать не будутъ. На какомъ основаніи предполагать, что законы о печати будутъ непремѣнно драконовскіе? Вовторыхъ, предположимъ даже, что законы будутъ крайне-строги. Я полагаю, что всякій писатель, признающій себя взрослымъ и сознающій свое человѣческое достоинство, предпочтетъ самое строгое наказаніе самой мягкой, отеческой опекѣ цензора. Мы предпочитаемъ судъ, даже самый жестокій судъ самому мягкому, отеческому произволу.» Я предлагаю: для суда надъ печатью учредить на первый разъ судъ присяжныхъ только въ Петербургѣ; суду состоять изъ трехъ судей, назначаемыхъ отъ короны, и изъ 12 гласныхъ душъ, назначаемыхъ по жребію и т. д.»

«День» предлагалъ тоже какой-то проектъ въ родѣ этого. «Время» старалось убѣдить общество, и вѣроятно не убѣдило, что законы, стѣсняющіе печать, безполезны, что возможенъ только одинъ законъ о печати, именно законъ о ея свободѣ. Не мѣшаетъ напомнить «Времени», что все это утопіи въ родѣ тѣхъ, за которыя оно такъ усердно издѣвается надъ другими. — Всѣ разсужденія о печати «Современная Лѣтопись» заключила такимъ финаломъ:

«Читателямъ извѣстны наши мнѣнія объ охранительныхъ свойствахъ свободной печати; мы всегда были убѣждены, что изданіе въ духѣ всего того, что высылалось у насъ подземными станками или что печатается на просторѣ за границей, стало бы въ скоромъ времени совершенною невозможностью при свободной печати, которая одна имѣетъ силу вырывать съ корнемъ нелѣпость и ложь. Общественное мнѣніе скоро нашло бы въ себѣ живую силу отпора и вскорѣ расправилось бы съ нелѣпостью и ложью; оно очеловѣчило бы одичавшихъ и заставило бы молчать неисправимыхъ. Но нельзя еще съ-

товать на то, что правительство не рѣшается предпринять, на основаніи теоретическихъ соображеній, отважный экспериментъ надъ общественнымъ мнѣніемъ и надъ свойствами свободной печати, и предоставить полную свободу не только вообще независимымъ мнѣніямъ, но даже и такимъ, которыя всю честь свою поставляютъ въ непримиримой враждѣ къ нему и ко всѣмъ основамъ государственнаго и общественнаго порядка. Никто въ здравомъ умѣ не посовѣтуетъ государству смиренно преклоняться передъ тѣми, кто хочетъ его погибели и кто тѣмъ ожесточеннѣе злобствуетъ противъ него, чѣмъ лучше оно организуется и дѣйствуетъ.»

Вотъ труды литературы по части рѣшенія вопроса о печати; важность ихъ оцѣнитъ всякій; благодѣтельныя послѣдствія ихъ несомнѣнны. Многіе изъ представленныхъ ею проектовъ, а можетъ быть, и всѣ, окажутся непрактичными; но что же дѣлать,— вѣдь нельзя же отнять у литературы права сочинять какіе бы то ни было проекты для собственнаго удовольствія и для развлеченія читателей. Сочинять практическіе проекты — дѣло людей практическихъ, а не литературы, которая занимается больше теоріями и для теоретическихъ цѣлей.

За тѣмъ литература занималась разсужденіями о реформахъ судебныхъ и земскихъ; петербургская литература относилась къ нимъ очень дружелюбно, сочувственно и даже восторженно, хотя и позволяла себѣ дѣлать нѣкоторыя возраженія противъ нѣкоторыхъ подробностей реформъ; московская же литература отнеслась къ нимъ иначе. Одни московскіе литераторы находили, что реформы слишкомъ проникнуты западнымъ духомъ и не вполнѣ соотвѣтствуютъ духу русскаго человѣка, который по природѣ своей не способенъ къ самоуправленію и не имѣетъ позыва къ общественной власти, а между тѣмъ реформы будто бы предоставляютъ ему въ излишкѣ и то и другую. Другіе же находили, что реформы недостаточно проникнуты англійскимъ духомъ, что въ нихъ мало аристократическаго элемента, что вообще онѣ слишкомъ велики и не подъ силу намъ, что мы еще не созрѣли, что еще нужно подождать, къ чему приведутъ онѣ и найдутся ли у насъ люди способные осуществить ихъ на дѣлѣ. Всѣ эти разсужденія московской литературы, по мѣрѣ силъ и возможности, опровергались петербургской, которая однако не безусловно восторгалась реформами, но говорила, что ихъ нужно оцѣнивать спокойно и трезво, и что такой оцѣнкѣ много

способствуетъ распространеніе и обобщеніе въ обществѣ разныхъ убѣжденій.

«Такъ. разсуждалъ г. Утинъ, въ особенности обобщилось убѣжденіе, что между всѣми сторонами общественнаго развитія существуетъ необходимая связь. Благодаря этому убѣжденію, многимъ, по прочтеніи основныхъ положеній, сама собой, напримѣръ, представилась мысль, что для дѣятельнаго участія всѣхъ классовъ народа въ судахъ въ качествѣ присяжныхъ, нужно побольше грамотныхъ и образованныхъ людей, а для этого опять нужно побольше школъ и нужна система народнаго образованія, не осужденная перебиваться кое-какъ изо дня въ день, а основанная на прочныхъ началахъ, способныхъ къ дальнѣйшему развитію и совершенствованію. Далѣе, ясно, что для публичности суда, которая заключаетъ въ себѣ возможность передачи и обсужденія судебныхъ преній въ печати, крайне-желательно, чтобъ коммиссія по дѣламъ книгопечатанія поставила печатное слово въ болѣе юридическое положеніе, чѣмъ въ какомъ оно находилось до сихъ поръ, завися исключительно отъ администраціи. Для образованія новаго поколѣнія судей и адвокатовъ также желательно поболѣе юридическихъ факультетовъ и хорошее ихъ устройство. Легальная попытка отдѣлить власть судебную отъ административной только тогда можетъ стать истиной въ жизни, когда нетолько судебная, но и административная власть будетъ серьёзно и во всѣхъ случаяхъ уважать законъ. А для этого опять необходимо, чтобы въ случаѣ нарушенія должностнымъ лицомъ правъ частнаго лица, последнему дозволено было приносить жалобу не по начальству должностнаго лица, а въ общій законный судъ. Провести это начало по всѣмъ инстанціямъ, по всѣмъ ступенямъ служебной іерархіи у насъ было бы, можетъ быть, трудно въ настоящее время, но оно очень возможно было бы, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи органовъ подчиненнаго управленія, то есть именно въ отношеніи тѣхъ должностныхъ лицъ низшихъ и среднихъ разрядовъ, которыя наиболѣе находятся въ соприкосновеніи съ различными классами населенія («От. Зап.» № 11)».

Эти мысли были геркулесовыми столбами петербургской литературы; дальше ихъ она не пошла и остановилась на рубежѣ «органовъ подчиненнаго управленія», за которымъ уже начиналась для нея terra incognita.

Вотъ самые важные вопросы, рѣшенные литературной, и самые капитальные заслуги ея! О значеніи ихъ судите, какъ хотите; «Современникъ» же долженъ воздержаться отъ всякаго суж-

денія объ этихъ заслугахъ. Если онъ станетъ говорить, что значеніе ихъ незначительно, то можетъ возбудить противъ себя подозрѣніе въ зависти къ своимъ собратамъ и въ нежеланіи признать ихъ великія дѣянія. Но во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что вопросы о печати и о реформахъ еще неокончательно разрѣшены литературой и до сихъ поръ остаются вопросами текущими, и, стало быть, полную оцѣнку заслугъ литературы по части этихъ вопросовъ нужно отложить до того времени, когда они разрѣшатся окончательно; тогда только видно будетъ, какую пользу принесли не теоріи, а жизни литературныя разсужденія и рѣшенія. Вопросъ же о пожарахъ рѣшенъ окончательно и сданъ въ архивъ; этимъ ужь литература можетъ гордиться вполнѣ.

Теперь мы переходимъ на почву болѣе надежную, по которой можно ходить безопаснѣе, обращаемся къ разсмотрѣнію внутренняго развитія отдѣльныхъ журналовъ, къ опредѣленію того, на сколько они подросли и созрѣли въ теченіи восьми мѣсяцевъ. Первое мѣсто мы даемъ «Русскому Вѣстнику» съ его отростками. Было время, когда «Современникъ» имѣлъ виды на «сердечное согласіе» съ «Русскимъ Вѣстникомъ»; теперь же онъ оставилъ эти виды въ полной увѣренности, что они никогда не могутъ осуществиться. Прежде «Русскій Вѣстникъ» хромалъ на оба колѣна; шелъ однимъ путемъ и хотя иногда свертывалъ въ сторону, но все таки показывалъ видъ, что онъ хочетъ идти все тѣмъ же путемъ; свои сворачиванія онъ старался скрыть, конфузился при этомъ и не могъ прямо смотрѣть въ глаза другимъ; свои неблаговидныя мыслишки, напр. о сикофанствѣ, о сплетняхъ, свои панегирики и цицероновскія катилиніады онъ высказывалъ и произносилъ безъ достаточной смѣлости, въ видѣ неясныхъ намековъ и неудобопроницаемыхъ аллегорій. А главное, всякія свои разсужденія онъ прикрывалъ доктриной, указаніями на Англію, на Францію и т. д.; можно было думать, что во всѣхъ случаяхъ его одушевляетъ, раздражаетъ и приводитъ въ восторгъ только докрина и больше ничего, что другія чувства и соображенія при этомъ совершенно молчали. Многіе, глядя на это, не допускали мысли, что онъ, независимо отъ орудій доктрины, станетъ прибѣгать для поддержанія себя къ указаніямъ на свои личныя заслуги и на довѣріе, оказываемое его личности; никто не предполагалъ, что «Русскій Вѣстникъ» захочетъ съ неумѣренностью и расточительностью воспользоваться выгодами своего исключительнаго выгоднаго положенія. Но въ теченіи по-

слѣдующихъ восьми мѣсяцевъ «Русскій Вѣстникъ» выросъ, сформировался вполнѣ, физіономія его опредѣлилась и характеръ его установился окончательно. Онъ смѣло и неуклонно идетъ тою дорогой, на которую онъ прежде забѣгалъ только по временамъ; всякая застѣнчивость и нерѣшительность исчезла; онъ на все, что прежде смущало и останавливало его, махнулъ рукой, отказался отъ своихъ преданій, сталъ говорить безъ аллегорій и либеральныхъ прикрасъ, произносить свои панегирики и катилинаріи твердымъ и рѣзкимъ голосомъ, не конфузясь и не мигая глазомъ. Свои заслуги и аттестованное довѣріе онъ ставитъ на первомъ планѣ и всякому суетъ въ глаза; патенты и привилегіи его рѣшительно вскружили ему голову; онъ уже не разбираетъ, какъ ими пользоваться, дошелъ до запоя и упивается ими до потери сознанія, до забвенія всякихъ приличій и джентльменскихъ правилъ. «Современникъ» очень радъ, что такое окончательное перерожденіе «Русскаго Вѣстника» совершилось въ его отсутствіе. Иначе кто нибудь подумалъ бы, что свистъ и глумленіе «Современника» раздражили и озлобили «Русскій Вѣстникъ», задѣли его самолюбіе и привели его въ такое состояніе, въ которомъ онъ, ничего не разбирая и не задумываясь, готовъ былъ на все, что онъ, подстрекаемый духомъ противорѣчія «Современнику,» увлекся, уклонился въ сторону и многое говорилъ съ досады, на зло,—дескать, вотъ на же тебѣ, вотъ же что я тебѣ скажу! За тѣмъ самолюбіе не позволяло ему взять свои слова назадъ, а кстати еще онъ увидѣлъ, что новый путь представляетъ много удобствъ и во всякомъ случаѣ не представляетъ никакихъ стѣсненій; такимъ образомъ къ раздражительности и увлеченію присоединилось благоразуміе и высшая разсудительность, и все вмѣстѣ дало тотъ горькій результатъ, какой видятъ теперь очи всѣхъ. Такое объясненіе мотивовъ, видоизмѣнившихъ «Русскій Вѣстникъ», могло бы показаться вѣроятнымъ, бросило бы нѣкоторую тѣнь на «Современникъ», давало бы поводъ думать, что послѣдній своими поддразниваніями и свистомъ содѣйствовалъ развращенію перваго. Теперь же для всякаго очевидно, что это объясненіе невѣрно; «Русскій Вѣстникъ» переродился во время отсутствія и бездѣйствія «Современника»; значитъ, перерожденіе и видоизмѣненіе его совершилось motu proprio, вытекло изъ самой натуры и основанія «Русскаго Вѣстника», и «Современникъ» такимъ образомъ умываетъ руки. «Русскій Вѣстникъ» до того укрѣпился въ своей позиціи и такъ далеко зашелъ

по новоизбранному имъ пути, что, кажется, нѣтъ никакой возможности поколебать его, остановить и урезонить; никакая сила убѣдительности на него не подѣйствуетъ и всякій споръ съ нимъ совершенно напрасенъ. Остается только обличать его и предостерегать публику отъ его внушеній; но теперь, благодаря Бога, явилось столько обличителей «Русскаго Вѣстника», что «Современникъ» на этотъ счетъ можетъ быть спокойнымъ. Прежде, когда «Русскій вѣстникъ» пользовался славной незаслуженной репутаціей, «Современнику» стоило многихъ хлопотъ и трудовъ разрушать ее, и за это нѣкоторые смотрѣли неблагосклонно даже на него самого; тогда, видите, не всякій могъ предугадать, что выйдетъ изъ «Русскаго Вѣстника» и къ чему приведетъ его англійская доктрина. Теперь же не понимаетъ «Русскаго Вѣстника» и его органа «Московскихъ Вѣдомостей» развѣ тотъ, кто ужь ничего не понимаетъ и не хочетъ понимать. Поэтому мы предоставляемъ другимъ обличать странныя понятія «Русскаго Вѣстника» о свободѣ вообще и о свободѣ печати въ частности, о томъ, что мы еще не созрѣли до тѣхъ реформъ, которыя дѣлаются для насъ, что насъ вообще очень балуютъ, не держатъ въ должномъ решпектѣ и т. д.

Обращаемся къ «Отечественнымъ запискамъ». Онѣ давно уже стараются придать себѣ разнообразіе, къ учености присоединить игривость и даже забавность. Вслѣдствіе этого было у нихъ нѣсколько попытокъ на «Свистокъ» даже со стихами; но всѣ попытки оказывались неудачными, и «Отечественные Записки» остановились наконецъ на «Все и ничего», воображая, конечно, что это самая остроумная вещь и самый лучшій «Свистокъ». Другіе отдѣлы по прежнему сохраняютъ строгій нейтралитетъ относительно другъ друга; первый отдѣлъ по прежнему служитъ складочнымъ мѣстомъ всякаго рода ученыхъ статей, имѣющихъ непреходящій и вѣчный интересъ; тутъ есть и «Представители кіевской учености», и «Борьба Греціи за независимость», и «Земскіе Соборы», и «Графы Панины», и даже «Около мужичковъ». Ученыя статьи, — это самое лучшее дѣло «Отечественныхъ Записокъ»; описываются въ нихъ разныя матеріи безъ всякихъ претензій и тенденцій, а просто съ тѣмъ, чтобы поговорить объ матеріи совершенно случайной, о которой авторъ знаетъ что нибудь, или имѣетъ подъ руками источникъ свѣдѣній объ ней; статьѣ нѣтъ никакого дѣла до того, въ какомъ сосѣдствѣ она будетъ стоять, что будетъ ей предшествовать и послѣдовать; она

имѣетъ въ виду только расписать свою матерію и больше ничего. И это хорошо; кто хочетъ знать матерію, тотъ прочитаетъ статью, которая хоть и не больно разовьетъ его понятія, но все же сообщитъ нѣкоторыя свѣдѣнія, положимъ хоть о графахъ Паниныхъ. Отдѣлъ «Русской Литературы», тотъ отличается тенденціозностію, но только тенденція его мѣняются съ каждой книжкой; — это ужъ старая бѣда «Отечественныхъ Записокъ», что онѣ никакъ не могутъ привести въ порядокъ и установить своихъ критико-литературныхъ воззрѣній. Критическія статьи въ нихъ имѣютъ случайный характеръ и никакъ не вяжутся другъ съ другомъ; сначала появятся важныя до мрачности статьи о судьбахъ славянофильства и его заслугахъ, о принципахъ и идеалахъ русской жизни, отвергающихъ иноземныя теоріи, о восхитительныхъ типахъ сельскихъ джентльменовъ въ родѣ Николая Петровича, о благодѣтельныхъ аристократахъ въ духѣ «Русскаго Вѣстника»; то вдругъ промелькнутъ ужъ черезъ-чуръ игривыя «Замѣтки», очень развязно лепечущія о крайностяхъ разныхъ направленій и отпускающія остротцы на счетъ славянофильства и идеаловъ русской жизни, на счетъ джентльменства и аристократизма «Русскаго Вѣстника», замѣтки вообще очень невинныя, но ужъ слишкомъ много и нескромно болтающія о разныхъ абсурдахъ. Въ послѣднее время въ «Отечественныхъ Запискахъ» стала появляться библіографія, та кропотливая библіографія, которою занимались журналы въ старое доброе время, представителемъ которой служитъ г. Лонгиновъ, и которая ушла въ разные спеціальные и ученые сборники; ужели снова хотятъ ввести ее въ моду «Отечественныя Записки»? Да не будетъ. — Вѣнецъ «Отечественныхъ Записокъ» безспорно составляетъ «Современная Хроника Россіи»; она занималась текущими дѣлами литературы и жизни и останавливала на себѣ преимущественное вниманіе читателей даже во вредъ другимъ отдѣламъ «Отечественныхъ Записокъ». Составитель хроники вошелъ если не въ славу, то въ притчу, заслужилъ себѣ извѣстность, которою онъ можетъ гордиться, хоть она и не всегда была въ его пользу. Хроникеръ всѣхъ приводилъ въ недоумѣніе своими хрониками, всѣ спрашивали — чего онъ хочетъ, какія побужденія руководятъ имъ и какую общую мысль онъ хочетъ проводить въ своихъ хроникахъ; многіе безплодно ломали голову надъ тѣмъ, чтобы опредѣлить, какого направленія онъ держится, забывая, что хроникеръ есть умственный протей и хамелеонъ. Въ его умственномъ

зданія нѣтъ фундамента и во всѣхъ его мысляхъ нѣтъ устойчивости; онъ еще не сформировался и едва ли когда нибудь сформируется, онъ каждую минуту находится въ statu nascendi, т. е. въ состояніи умственнаго рожденія; у него нѣтъ установившихся общихъ воззрѣній, которыя бы онъ потомъ прилагалъ къ извѣстнымъ частнымъ случаямъ, представляющимся его вниманію; напротивъ каждый случай застаетъ его врасплохъ и неприготовленнымъ; по поводу этого случая онъ рождается мысленно, начинаетъ азбуку мышленія, не имѣя въ запасѣ готовыхъ общихъ посылокъ, которыя бы помогали ему понять и опредѣлить значеніе даннаго случая, онъ придумываетъ разныя общія и частныя мысли на этотъ случай, увлекается своими мыслями и доходитъ до самыхъ странныхъ и одностороннихъ сужденій; у него нѣтъ одного возвышеннаго пункта, съ котораго бы онъ могъ обозрѣть общую связь своихъ мыслей и связь разсматриваемаго имъ случая съ общимъ ходомъ и положеніемъ вещей. Взявши одну какую нибудь сторону предмета, онъ погружается въ нее весь и всецѣло и ужь не способенъ бываетъ увидать другихъ сторонъ его, видимыхъ только съ болѣе общей точки зрѣнія. За тѣмъ всѣ мысли и сужденія, придуманныя такимъ образомъ, онъ забываетъ; они не прививаются органически къ его умственному содержанію, потому что въ немъ нѣтъ притягивающаго центра, нѣтъ первичной ячейки, съ которою бы они могли соединиться; представляется ему новый случай, опять умъ его оказывается tabula rasa, безсодержательнымъ пространствомъ, опять нужно раждаться и придумывать разныя мысли; новый предметъ настраиваетъ его на новый ладъ, увлекаетъ въ другую сторону и незамѣтно для него самого, приводитъ его къ результатамъ, противоположнымъ тѣмъ, которые онъ вывелъ изъ перваго случая и забылъ. Читая двѣ его статьи, раздѣленныя пространствомъ двухъ мѣсяцевъ, вы воображаете, что онѣ написаны двумя субъектами, и это вѣрно, если хотите, потому что авторъ при написаніи второй статьи переродился и сталъ какъ будто другимъ субъектомъ. Вѣроятно и ему самому странно читать свои прошедшія статьи; онѣ должны казаться ему чѣмъ-то чужимъ; прошлыя выходки, можетъ статься, смущаютъ его самого, подобно тому какъ вспыльчиваго человѣка въ минуты спокойствія смущаютъ его дѣйствія, совершенныя въ порывахъ гнѣва. Его статьи вытекаютъ не изъ цѣльнаго содержанія всей его умственной жизни, а придумываются такъ сказать наканунѣ ихъ появленія; конечно и всѣ придумываютъ

подобнымъ образомъ свои статьи, но въ основаніи придумываній для статьи о частномъ предметѣ всегда лежитъ уже готовая болѣе или менѣе общая мысль, служащая исходной точкой. Хроникеръ «Отечественныхъ Записокъ»,—это не историкъ, излагающій какой нибудь частный историческій фактъ, но въ то же время имѣющій и общій взглядъ на исторію, знающій всю исторію и понимающій мѣсто и значеніе этого факта въ ряду другихъ событій; нѣтъ, онъ больше похожъ на школьника, который наканунѣ собралъ кой-какія свѣдѣнія о фактѣ и завтра станетъ проповѣдывать объ немъ публикѣ. Понятно, что онъ не пойметъ многихъ сторонъ этого факта, возьметъ какую нибудь мелочь въ немъ и построитъ на ней преуморительную теорію, надъ которой просто станетъ смѣяться историкъ. Всѣ статьи хроникера, въ которыхъ онъ пускается въ общія quasi—философскія разсужденія, очень случайны по своему содержанію. Читаетъ онъ какую нибудь книгу и ищетъ, какъ бы въ ней привязаться къ чему нибудь; нападаетъ на какое нибудь мѣсто и начнетъ вытягивать изъ него разныя соображенія, чтобы примѣнить ихъ къ тѣмъ матеріаламъ, которыя онъ собралъ для своей хроники. Какая нибудь выдержка изъ Бокля, Миля, Льюиса, Гарнье-Паже служитъ единственнымъ основаніемъ для всѣхъ его разсужденій; онъ воображаетъ, что кромѣ этой выдержки ничего нѣтъ на свѣтѣ, что въ ней сосредоточена вся премудрость; вслѣдствіе того онъ часто прилагаетъ сдѣланную выдержку къ такимъ явленіямъ, которыя вовсе не подходятъ къ ней, и оттого разсужденія его выходятъ очень странны.—Мы такъ долго останавливаемся на характеристикѣ мыслительныхъ процессовъ хроникера для его же выгоды; многіе слишкомъ строго судятъ его и стараются отыскать разныя неблаговидныя побужденія въ основаніи многихъ его сужденій, которыя просто объясняются особенностями и недостатками его умственнаго развитія. Чтобы наглядно объяснить эти особенности и недостатки, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ его разсужденій. Приведенный выше изъ «Отечественныхъ Записокъ» отрывокъ о свободѣ слова и карательной цензурѣ принадлежитъ хроникеру. Въ немъ онъ говоритъ объ опасности безусловнаго владычества какого бы то ни было воззрѣнія и хочетъ, чтобы въ литературѣ не имѣла безусловнаго господства ни одна система, ни одна теорія; по его мнѣнію, законъ долженъ предупреждать и не допускать этого господства и «охранять свободу слова отъ всякой власти—литературной, обществен-

ной, политической». А что же такое законъ? Вотъ тутъ-то и начинается бѣда хроникера; онъ не имѣетъ общаго понятія о законѣ и его значеніи, онъ воображаетъ, что законъ даже по идеѣ есть нѣчто насильственное, существующее не для полнаго развитія свободы личности, а для того, чтобы личность въ пользу его отказывалась отъ части своихъ правъ. Но положимъ, это еще ничего; пусть законъ ограничиваетъ слово,—но если этотъ законъ истекаетъ отъ политической власти, то онъ опять будетъ безусловнымъ господствомъ, которому подчинится общество и литература; значитъ на мѣсто господства теоріи и системы является новое господство и цѣль хроникера не достигается. Далѣе, охранять закономъ свободу слова отъ власти общественной и политической еще возможно какъ нибудь; но охраненіе, посредствомъ того же закона, свободы слова отъ власти литературной есть совершенная нелѣпость. Власть литературная есть власть мысли и самаго слова, и ограничивать ее было бы неразумно и даже нѣтъ никакой возможности для этого. Положимъ, воззрѣнія «Отечественныхъ Записокъ» и ихъ слова восторжествовали надъ всѣми другими, сдѣлались литературной властью и получили безусловное господство; что же дѣлать въ это время воззрѣніямъ напр. «Русскаго Вѣстника»? ужели имъ прибѣгать къ защитѣ закона съ просьбою, чтобы онъ ограничилъ господство «Отечественныхъ Записокъ»? По вашему выходитъ, да. За тѣмъ, положимъ, получилъ господство «Рус. Вѣст.»; въ этомъ виноваты сами «Отеч. Запис.»; у нихъ значитъ не достало силы и способности удержать нравственное господство, онѣ опять не должны обращаться къ закону съ жалобою, а должны устремлять свои силы и энергію на то, чтобы ограничить господство «Русскаго Вѣст.» Итакъ, если вы заслуживаете умственнаго господства, оно будетъ принадлежать вамъ, если же не заслуживаете — не будетъ; если восторжествуетъ ложь, ваше дѣло разоблачить ее и опровергнуть, не прибѣгая къ внѣшней помощи закона. Въ области мысли не можетъ быть насилія и принужденія, никакого «поползновенія нарушить свободу слова».—Это просто выдумка вашего неяснаго пониманія. Пусть всякое мнѣніе и воззрѣніе высказывается вполнѣ, пусть дѣйствуетъ со всею силою и энергіею, къ какой только оно способно; въ ряду другихъ воззрѣній оно займетъ свое настоящее мѣсто, которое опредѣлится его внутреннимъ значеніемъ безъ всякихъ пособій закона. Изъ множества мнѣній восторжествуетъ лучшее; если во всѣхъ ихъ есть хорошая и дурная сто-

рона, то восторжествуетъ первая. Не безпокойтесь, различныя мнѣнія будутъ сами взаимно ограничивать и сдерживать другъ друга; если на тѣло дѣйствуютъ съ одинаковою силою двѣ различныя силы, оно не притягивается ни къ той ни къ другой силѣ, а идетъ по срединѣ между ними; то же самое бываетъ и въ умственной механикѣ, въ борьбѣ различныхъ мнѣній, дѣйствующихъ на общественную мысль. Итакъ нужно охранять свободу слова не отъ литературныхъ поползновеній на ея стѣсненіе, которыя даже не возможны, а отъ поползновеній внѣшнихъ постороннихъ литературѣ. Въ той же самой хроникѣ, въ которой находится разбираемое нами мѣсто, доказано было, что мысль и ея выраженіе никогда не могутъ быть вредными; съ какой же стати подвергать ихъ карѣ, какъ совѣтуетъ хроникеръ? и какимъ образомъ онѣ, т. е. мысли и слова, могутъ нарушить свободу словъ? Поэтому и судите о послѣдовательности хроникера! А о странности его вы можете судить по слѣдующему фарсу, который онъ отпустилъ въ 11 № «Отеч. Зап.». Представьте себѣ, хроникеръ въ припадкѣ нѣжности и доброты вздумалъ печатно ходатайствовать за «Современникъ»;—какое великодушіе, и какая храбрость! «Вотъ уже около полугода, говоритъ хроникеръ, какъ мы замѣчаемъ, что литературное направленіе, извѣстное въ послѣднее время подъ общимъ названіемъ нигилизма, устранено вовсе изъ печати, и, если вѣрить слухамъ (зачѣмъ вѣрить слухамъ?) подвергается систематическому и безусловному преслѣдованію». Далѣе говорится опредѣленнѣе объ устраненномъ журналѣ, т. е. «Современникѣ». За тѣмъ хроникеръ продолжаетъ: «мы не можемъ вѣрить, чтобы гоненіе это дѣйствительно рѣшено было продолжить (зачѣмъ же вы печатаете ходатайственныя просьбы?) Мы не можемъ вѣрить, чтобы правительство рѣшилось продлить то положеніе вещей, при которомъ хлопочутъ объ уничтоженіи цензуры и насильно выкидываютъ изъ литературы цѣлое направленіе (опять, зачѣмъ же вы въ такомъ случаѣ ходатайствуете за это направленіе? Притомъ это выкидываніе и было той законной карой, которую вы сами рекомендуете; можетъ быть это направленіе имѣло «поползновеніе» нарушить свободу вашего слова). Какъ бы то ни было, заключаетъ хроникеръ, но мы надѣемся, что цензура не воспрепятствуетъ этимъ откровеннымъ и доброжелательнымъ строкамъ дойти по значенію». Итакъ дѣло представляется въ такомъ видѣ: хроникеръ отважился ходатайствовать за «Современникъ», который часто враждебно

относился къ нему,—въ этомъ обнаруживалась мужественная отвага хроникера и его высокое великодушіе; ходатайство его «дошло по назначенію» и было услышано; значитъ «Современникъ» обязанъ своимъ существованіемъ хроникеру, который вымолилъ ему прощеніе. Что сказать на это ходатайство? «Современ.» гнушается имъ; во первыхъ потому, что гнушается всякимъ ходатайствомъ, а во вторыхъ гнушается именно вашимъ ходатайствомъ, — timeo Danaos et dona ferentes! «Современнику» дано было положительное увѣреніе, что распоряженіе, касавшееся его, будетъ исполнено во всей точности, безъ всякаго преувеличенія и продолженія; стало быть для него не нужно было никакое ходатайство; хроникеръ, собираясь писать прозьбу за «Современникъ» и быть его адвокатомъ должекъ былъ хорошо узнать положеніе своего клиента, а не руководствоваться слухами, которымъ онъ самъ же не хотѣлъ вѣрить. А главное, ходатайство его запоздало; объявленіе объ изданіи «Современника» явилось въ свѣтъ прежде его. И такъ всѣ великія качества хроникера оказываются помѣченными заднимъ числомъ, и потому не имѣютъ значенія. Всякій согласится, что не очень велика отвага — ходатайствовать о помилованіи того, кто уже помилованъ, и не велико великодушіе — хлопотать о предоставленіи противнику того, что уже предоставлено ему, и не велика храбрость—обличать кого нибудь за несдѣланіе того, что уже имъ сдѣлано. Итакъ ходатайство хроникера, съ виду такое величественное, было ни чѣмъ инымъ, какъ желаніемъ порисоваться и погеройствовать самымъ дешевымъ образомъ; дошло ли оно по назначенію или нѣтъ,—это все равно, во всякомъ случаѣ оно не имѣло ни малѣйшаго вліянія на судьбу «Современника», которая рѣшена была прежде; и «Современникъ» можетъ съ гордостію сказать, что онъ ничѣмъ не обязанъ хроникеру. Ходатайство хроникера есть фарсъ, но фарсъ ловкій и искусно разсчитанный имъ на то, чтобы уронить противника и возвысить себя. Я, разсуждаетъ хроникеръ, уже побѣдилъ было своего противника, онъ былъ въ моихъ рукахъ, еще минута—и я бы его задушилъ окончательно и восторжествовалъ бы полную побѣду; но вдругъ изъ моихъ рукъ вырвали уже полуживую жертву, не допускали меня до нея, и этимъ временемъ она оправилась и окрѣпла. Разсужденія эти онъ высказалъ такимъ образомъ: «запрещеніе это («Современника») упало на насъ внезапно, неожиданно, и разомъ перевернуло (неужели?) естественный ходъ литера-

турнаго развитія. Что вчера колебалось *и теряло свои побѣды*, то сегодня опять вознесено на высоту неприкосновенной святыни. Что вчера усиливалось и надѣялось *восторжествовать* надъ ошибками, то сегодня унижено и лишено всякаго вліянія». Согласитесь, вѣдь очень ловко подведено дѣло! Да что же мѣшало вамъ довершить побѣду, продолжать борьбу и восторжествовать окончательно? И на этотъ вопросъ хроникеръ придумалъ очень ловкую увертку, которая его самого представляетъ какъ будто въ положеніи жертвы. «Когда преслѣдуется цѣлое литературное направленіе, говоритъ онъ, тогда всѣ прочія направленія, бывшія съ нимъ въ спорѣ, становятся въ унизительное положеніе невольныхъ доносчиковъ. Въ литературномъ спорѣ особенно ярко и преувеличенно выставляются худшія стороны противника, для всякаго же преслѣдователя необходимо обвинить преслѣдуемаго именно съ худшей стороны». Вотъ въ самомъ дѣлѣ трудное положеніе; станетъ, положимъ, хроникеръ защищать свое направленіе, и его могутъ обвинить Богъ знаетъ въ чемъ, «съ худшей стороны»; онъ и предупреждаетъ такой случай приведенными словами. При этомъ мы просимъ хроникера припомнить его собственную слѣдующую фразу: «дальнѣйшія наши споры съ г. Скарятинымъ спѣшимъ прекратить, такъ какъ не желаемъ ставить его въ фальшивое положеніе человѣка, сознающаго, что откровенный споръ съ нимъ невозможенъ». Держите въ памяти эти многознаменательныя слова, г. хроникеръ; но припоминайте также и слѣдующія многозначительныя слова г. Скарятина: «если бы противники наши, говоритъ онъ, стали проводить такія идеи, которыя мы считаемъ нелѣпыми; если бы мы вступили въ борьбу съ этими идеями и еслибы, наконецъ, вслѣдствіе нашихъ словъ правительство приняло какія нибудь репрессивныя мѣры противъ какого нибудь журнала, мы крайне сожалѣли бы объ этомъ, но никогда не отступимся отъ борьбы, по этой только причинѣ. Мы можемъ жалѣть, если правительство преслѣдуетъ какой либо органъ печати. Мы не пойдемъ доносить на васъ въ полицію, но всякій разъ, когда вы станете проводить идею, которую мы считаемъ нелѣпою, ждите печатнаго отпора во всякомъ случаѣ, даже если мы будемъ знать *навѣрное* и заранѣе, что вслѣдствіе нашихъ словъ, журналъ вашъ будетъ запрещенъ, ибо не можемъ мы, ни во имя какихъ бы то ни было соображеній, отказаться отъ борьбы (Рус. Лис. № 4)». Согласитесь, это очень послѣдовательно и храбро, даже храбрѣе той

храбрости, за которую самъ хроникеръ такъ часто превозносилъ г. Н. Костомарова; это настоящая самостоятельность, которая такъ нравится хроникеру; а какъ онъ посмотритъ на нее?—Предугадывая взглядъ хроникера на это дѣло, мы невольно смягчаемся и даже чувствуемъ расположеніе, въ уваженіе этого взгляда, простить ему его ходатайство за «Современникъ» и соглашаемся думать, что оно искренно, что хроникеръ дѣйствительно хотѣлъ оказать услугу «Современнику», но только вслѣдствіе его несообразительности и излишняго увлеченія, эта услуга вышла въ родѣ той, какую нѣкогда Мишенька оказалъ своему другу. Хроникеръ хотѣлъ возбудить снисхожденіе къ «Современнику», точно такимъ же способомъ, какой употребилъ одинъ французскій священникъ въ своей проповѣди для того, чтобы побудить своихъ слушателей къ благотворительности; отдавайте, говорилъ онъ, часть того, что вы имѣете, бѣднымъ, а иначе они сами будутъ воровать у васъ, я вѣдь хорошо знаю бѣдныхъ моего прихода, они ловкіе мошенники.

«Направленіе, говоритъ хроникеръ, исчезнувъ изъ печати, не исчезнетъ въ дѣйствительности: оно останется въ сердцѣ и головѣ каждаго поклонника и, подавляемое извнѣ, тѣмъ сильнѣе укоренится въ его душѣ. Если правительство будетъ имѣть удовольствіе не встрѣчать его въ печати, то оно, раньше или позже, встрѣтится съ нимъ въ другой формѣ. Подобно всякому убѣжденію, оно непремѣнно будетъ искать себѣ выхода — а будто внѣ печати нѣтъ уже никакихъ выходовъ убѣжденію? За мыслью угоняться невозможно, а между тѣмъ суровое обращеніе съ нею только усиливаетъ ее, распаляетъ и доводитъ до озлобленія. Самое скромное убѣжденіе въ состояніи перейти въ злобу и ненависть, если ему систематически будутъ зажимать ротъ, и самое невинное увлеченіе легко разрастается до фанатизма, если будетъ подавляемо не разумомъ, а насиліемъ. Опытъ недавно доказалъ это самымъ очевиднымъ образомъ. Для правительства, разумѣется, пріятно устранить на время то, что ему кажется особенно непріятнымъ, но при этомъ не слѣдовало бы забывать, какая жатва приготовляется для его преемниковъ. Да и самый фактъ устраненія, какъ мы уже говорили выше, составляетъ чистую иллюзію. Въ сущности, ничего не устранено, а только удалено отъ правительства. Если правительство не будетъ встрѣчать непріятныхъ мнѣній въ печати и слышать о нихъ въ кругу своихъ приближенныхъ, то еще не значитъ, чтобъ самыя мнѣнія исчезли съ лица земли и не были бы слышимы другими. Еслибъ правительство рѣшилось преслѣдовать эти мнѣнія въ частныхъ разговорахъ, они найдутъ себѣ

иныя выраженія: улыбка, взглядъ, пожатіе руки — все это служитъ человѣку для передачи чувствъ и мыслей, и въ извѣстныхъ случаяхъ передаетъ ихъ въ совершенствѣ. Лучше же ей (т. е. цензурѣ) имѣть теперь дѣло съ нашими, скромно выражаемыми мыслями, чѣмъ остаться потомъ вовсе безъ дѣла, когда русская литература переселится за предѣлы Европейской и Азіятской Россіи (это еще что за намекъ такой?).»

А что же говорилъ хроникеръ въ то время, когда ходатайство его могло быть благовременнымъ и могло имѣть хоть какой нибудь смыслъ? какъ онъ принялъ и почувствовалъ исчезновеніе «Современника» тотчасъ, какъ только оно совершилось, и когда ему была возможность блестящимъ образомъ заявить свое великодушіе, свою отвагу и всѣ прочія качества, которыя онъ хотѣлъ выразить въ своемъ послѣднемъ ходатайствѣ. «Очень грустно, говорилъ тогда хроникеръ, что г. Аксаковъ самъ добровольно лишилъ страну своего полезнаго и честнаго труда. И такъ не стало трехъ изданій, изъ которыхъ два «Современникъ» и «День» были совершенно противоположны другъ другу по духу и направленію. Славянофилы могутъ лишиться послѣдняго средства защищать свою теорію о любовномъ соглашеніи общества съ государствомъ и безполезности какихъ бы то ни было гарантій. Умѣренные либералы и консерваторы лишаются въ теченіи 8 мѣсяцевъ права бороться съ мнѣніями крайнихъ прогрессистовъ... Какъ жаль, восклицаетъ хроникеръ, что все это случилось въ ту самую минуту, когда общественное мнѣніе стало совершенно охладѣвать къ подземной литературѣ и надѣялось, что оно будетъ безпрепятственно ратовать за законный порядокъ!» Скажите пожалуйста, какъ прилелось сюда это *жаль*, какъ это сожалѣніе вяжется съ предыдущимъ, къ чему тутъ явилась подземная литература и законный порядокъ, и съ какой стати общественное мнѣніе потеряло надежду безпрепятственно ратовать за законный порядокъ? Вдумайтесь въ эти вопросы, г. хроникеръ, припомните ваши слова г. Скарятину и его слова. Голосъ г. Аксакова былъ полезенъ и честенъ; положимъ, голосъ «Современника» былъ безполезенъ, но ужели онъ не былъ честенъ; какъ вы думаете? Вслѣдствіе этого «Современникъ» еще болѣе гнушается вашимъ ходатайствомъ и смѣло называетъ его фарсомъ; избави Богъ «Современника» отъ такихъ друзей!

Намъ теперь остается сказать нѣсколько словъ о «Времени», къ которому мы всегда обращаемся съ нѣкоторымъ удовольстві-

емъ, потому что чтеніе его всегда доставляетъ намъ забаву. У «Времени» нѣтъ той злости, которою обуялся «Рус. Вѣсти.», нѣтъ той невозмутимой учености, которая попадается въ «Отечественныхъ Запискахъ», и той претензіи на философское резонерство и философское обсужденіе современныхъ событій, которою зараженъ хроникеръ ихъ. За то у «Времени» есть одно милое качество,—это наивное самодовольство и самое искреннее хвастовство; разные господа толкуютъ тамъ себѣ о чемъ-то, разводятъ какія-то рацѣи, распускаютъ непроницаемый туманъ,—и воображаютъ, что они открываютъ Америку и выдумываютъ порохъ, и убѣждены въ этомъ самымъ искреннимъ образомъ; невольно залюбуешься на это милое самодовольство и самообольщеніе. Въ послѣднее время всѣ журналы почти невольно болѣе или менѣе разъяснили свой характеръ и по крайней мѣрѣ общее направленіе; «Время» и тутъ ухитрилось сохранить свое безразличіе и безличіе, которое дѣлаетъ его похожимъ на «стертый пятиалтынный», употребляя его же собственное сравненіе. Оно виляло, перебѣгало изъ стороны въ сторону, поддавалось и вашимъ и нашимъ; попадется статья, которая тянетъ въ одну сторону, но подлѣ нея вы встрѣтите другую, которая тяготѣетъ въ противоположную сторону; г-жа Евгенія Туръ, которой не понравились грубыя манеры Прудона, стоитъ рядомъ съ гг. Щаповымъ и Григорьевымъ, описывающимъ свое плаваніе по житейскому морю. Само «Время» такое свое безличіе простодушно считаетъ безпристрастіемъ, самостоятельностью и срединою, примиряющею непримиримыя вещи, тогда какъ на дѣлѣ оно есть перепрыгиваніе изъ стороны въ сторону. О почвѣ «Время» не перестало говорить; но изъ его говора, по прежнему, выходитъ только то, что почва есть почва; для обличенія теоретиковъ оно употребляетъ тѣ же метафоры, что и прежде, съ небольшимъ видоизмѣненіемъ; прежде оно увѣряло, что теоретики хотятъ превратить русскій народъ въ «стертый пятиалтынный», а теперь увѣряетъ, будто они «вѣрятъ, что народности въ дальнѣйшемъ развитіи стираются какъ старыя монеты». Что значитъ это пристрастіе къ однимъ и тѣмъ же метафорамъ и аллегоріямъ, — къ почвѣ, воздуху, истёртымъ монетамъ и т. д.? А то, что онѣ не выражаютъ никакой мысли, что еслибъ не эти метафоры, то людямъ употребляющимъ ихъ нечего было бы и сказать. «Теоретики, по словамъ «Времени», хотятъ единственно началъ общечеловѣческихъ, вѣрятъ, что народности въ дальнѣйшемъ развитіи стираются какъ старыя моне-

ты, что все (?) сливается въ одну форму, въ одинъ общій типъ, который впрочемъ они сами никогда не въ силахъ опредѣлить». А вы сами опредѣлили, — что такое почва, что такое полнѣйшая народная самостоятельность, Русь, нашъ корень, наши начала? «Время» по прежнему отговаривается трудностями, «признаемся, говоритъ, намъ труднѣе издавать журналъ, чѣмъ кому нибудь (скажите пожалуйста!). Мы вносимъ новую мысль о полнѣйшей народной нравственной самостоятельности, мы отстаиваемъ Русь, нашъ корень, наши начала. Мы должны говорить патетически, увѣрять и доказывать и т. д.» Ну, мы ужь слышали это и отъ г. Косицы, что вамъ съ нимъ трудно объяснять ваши понятія; а вы скажите-ка, какъ вы совладали съ этими трудностями, и что сдѣлали для ихъ преодолѣнія. Тутъ «Время» доходитъ до виртуозности въ хвастовствѣ, до настоящей хлестаковщины, завирающейся до самозабвенія; послушайте. «Мы не хотимъ, говоритъ оно, вмѣстѣ съ грязью выбросить и золота (фу, ты пропасть! опять метафоры!); а жизнь и опытъ убѣдили насъ, что оно есть въ землѣ нашей, свое, самородное, что залегаетъ оно въ естественныхъ, родовыхъ основаніяхъ русскаго характера и обычая, что спасенье въ почвѣ и народѣ. Этотъ народъ не даромъ отстоялъ свою самостоятельность. Надъ нимъ глумятся иные дешевые критики; говорятъ, что онъ ничего не сдѣлалъ, ни къ чему не пришолъ (разумѣется здѣсь конечно «Современникъ» и статья въ немъ о почвѣ). Вольно-жъ не видать. Это-то мы и хотимъ указать, что онъ сдѣлалъ.» Ахъ, сдѣлайте одолженіе, укажите, что вы открыли. «Время» увѣряетъ, что оно сочинило Юрія Милославскаго, сдѣлало открытіе до того новое и громадное, что опасается даже,—всѣ ли поймутъ его.

«И кто знаетъ, пожалуй насъ назовутъ обскурантами, не понимая, что мы можетъ-быть, несравненно дальше и глубже идемъ, чѣмъ они, обличители наши, доказывая, что въ иныхъ *естественныхъ* началахъ характера и обычаевъ земли русской несравненно болѣе здравыхъ и жизненныхъ залоговъ къ прогресу и обновленію, чѣмъ въ мечтаніяхъ самыхъ горячихъ обновителей запада, уже осудившихъ свою цивилизацію и ищущихъ изъ нея исхода. Возьмемъ хоть одинъ изъ многихъ примѣровъ. Тамъ, на западѣ, за крайній и самый недостижимый идеалъ благополучія считается то, что у насъ уже давно есть на дѣлѣ, въ дѣйствительности, но только въ естественномъ, а не въ развитомъ, не въ правильно организованномъ состояніи. У насъ существуетъ напримѣръ то, что кромѣ ограниченнаго числа мѣщанъ и бѣдныхъ

чиновниковъ никто не долженъ бы родиться бѣднымъ. Всякая душа, чуть выйдетъ изъ чрева матери, уже приписана къ землѣ, уже ей отрѣзанъ клочекъ *земли въ общемъ владѣніи* и съ голоду она умереть не должна бы».

Да помилуйте, вѣдь Юрій Милославскій сочиненъ Загоскинымъ, вѣдь то золото, открытіемъ и указаніемъ котораго вы хвастаетесь, было открыто прежде васъ и разъяснено тѣми теоретиками, на которыхъ вы нападаете; вспомните, что говорилъ «Современникъ» объ общинномъ землевладѣніи въ то время, когда объ немъ шолъ ожесточенный споръ въ литературѣ, какъ онъ отстаивалъ его и развивалъ мысль о самобытномъ характерѣ русскаго землевладѣнія; онъ разъяснялъ тѣ мысли, которыя вы теперь коверкаете и пережовываете; припомните, какъ онъ отвѣчалъ на возраженія «Рус. Вѣст.», который увѣрялъ, что русское землевладѣніе въ своемъ развитіи должно пройти тѣ моменты, какіе представляетъ землевладѣніе на Западѣ. «Современникъ» прямо говорилъ, что относительно землевладѣнія въ Россіи можетъ не быть, и должно не быть того, что было на западѣ. Какъ же вы можете послѣ этого говорить о теоретикахъ, въ томъ числѣ и о «Современникѣ» слѣдующее:

«Въ своей ярости они преслѣдовали нетолько грязныя и уродливыя стороны національностей, стороны и безъ того необходимо долженствующія современемъ уступить правильному развитію, но даже выставляли въ уродливомъ видѣ и такія особенности народа нашего, которыя именно составляютъ залоги его будущаго самостоятельнаго развитія, которыя составляютъ его надежду и самостоятельную, вѣковѣчную силу. Въ своемъ отвращеніи отъ грязи и уродства они, за грязью и уродствомъ, многое проглядѣли и многаго не замѣтили. Конечно, желая искренно добра, они были слишкомъ строги. Они съ любовью самоосужденія и обличенія искали одного только «темнаго царства» и не видали свѣтлыхъ и свѣжихъ сторонъ.

Устыдитесь и сознайтесь, что вы говорите вздоръ, что вы клевещете на «Современникъ», вы видите, что «Современникъ» не преслѣдовалъ хорошихъ сторонъ русскаго быта, что одну изъ свѣтлыхъ сторонъ онъ увидалъ прежде васъ, отстаивалъ и защищалъ ее тогда, когда вашего журнала и на свѣтѣ не было. Указывая на эту сторону, вы хвастаетесь открытіемъ ея и тѣмъ людямъ, которые прежде васъ занимались ея разъясненіемъ, вы говорите: «вольножъ не видать». Поймите же,

сколько смѣшной заносчивости въ вашихъ словахъ. Хвастаться чужою мыслью, какъ собственнымъ открытіемъ, — это еще пожалуй ничего, это просто смѣшная, но извинительная хлестаковщина; нападать же на людей, которыя раздѣляютъ эту мысль и относиться къ нимъ съ натянутымъ презрѣніемъ, какъ къ неимѣющимъ этой мысли, — это ужь пошло, это чистая клевета. И это вы дѣлаете нерѣдко; вамъ уже спустили однажды подобную клевету; помните, какъ вы характеризовали взгляды теоретиковъ на расколъ, забывши при этомъ тѣ статьи о расколѣ, которыя были помѣщаемы въ «Современникѣ» года три тому назадъ. Нужно же когда нибудь разоблачить наконецъ ваши клеветы. Понимаете вы теперь, почему мы называемъ васъ пустыми фразерами, перебивающимися небольшимъ запасомъ безпрестанно повторяемыхъ метафоръ, и хвастунишками, становящимися на ходули; вы подбираете крохи чужихъ мыслей, коверкаете ихъ до того, что онѣ теряютъ всякій видъ и смыслъ, и потомъ пренаивно воображаете, что вы дѣлаете открытія, что вамъ такъ трудно и что вы говорите новое слово. Исходная мысль ваша ложна; вы постоянно твердите: теоретики-де вдаются въ крайность, они преслѣдуютъ и дурныя и хорошія стороны русской жизни; а мы держимся средины, отвергая дурныя, открывая хорошія и указывая на нихъ; все это вздоръ, фразы и фразы, какъ вы видите сами; называемые вами теоретики также признавали хорошія стороны и указывали на нихъ прежде васъ. Одна уловка возможна для васъ въ этомъ случаѣ, если вы скажете, что подъ теоретиками вы не разумѣете «Современника»; но вѣдь вы этого не можете сказать; да притомъ во всякомъ случаѣ останется несомнѣннымъ, что не вы сочинили Юрія Милославскаго и не вы сдѣлали открытія, которыми хвастаетесь до боязни прослыть «обскурантами», возбуждаемой заносчивымъ предположеніемъ, что васъ даже «не поймутъ», такъ какъ вы «идете несравненно дальше и глубже». Дѣйствительно, васъ не понимаютъ, но потому, что вы ходите въ глубокомъ туманѣ.—Благородный другъ нашъ г. Косица, въ отсутствіе «Современника», сильно затруднялся пріискиваньемъ сюжетцевъ для своихъ статеекъ и не ознаменовалъ себя въ это время ничѣмъ особеннымъ: бѣдняга, онъ даже бросался на нищихъ и пускался въ политическую экономію; но онъ разсуждалъ о Миллѣ съ такимъ же знаніемъ, какъ нѣкогда о Гегелѣ. Да простятся ему грѣхи его невѣдѣнія! Совѣтуемъ ему порыться въ

настоящей книжкѣ «Современника»; вѣдь вотъ она какая большая; ожирѣлъ «Современникъ» отъ лѣни и бездѣйствія, ишь вѣдь какъ его разнесло; невольно его собраты пожелаютъ ему для здоровья попоститься и вкусить пищи св. Антонія. Другъ г. Косицы г. Страховъ не открылъ въ поднебесной никакой новой планеты съ жителями, за то открылъ «дурной признакъ» въ томъ, что дѣвица Ройе не только перевела книгу Дарвина о происхожденіи органическихъ видовъ, но еще осмѣлилась снабдить свой переводъ длиннымъ предисловіемъ и примѣчаніями и высказать въ нихъ нѣсколько своихъ взглядовъ. Да, это дурной признакъ; ну что если русскія дѣвицы начнутъ разсуждать о тѣхъ матеріяхъ, которыми занимается г. Страховъ, если онѣ вздумаютъ разсуждать о планетахъ, о Гегелѣ, переводить Куно-Фишера, Тэна и т. д.; что же будутъ дѣлать тогда не дѣвицы, т. е. наши два благородныхъ друга?

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАШЕ ДОЛГОЕ МОЛЧАНІЕ. — ТОСКА ПО НАСЪ ЧИТАТЕЛЕЙ, И ОБЪЯСНЕНІЕ, ПОЧЕМУ МЫ ДЛЯ НИХЪ НЕОБХОДИМЫ. — СОСТОЯНІЕ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ВРЕМЯ НАШЕГО МОЛЧАНІЯ. — ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ МЕЛЬНИКОВЪ. — НАШИ СТАРИННЫЕ СЪ НИМЪ СЧЕТЫ. — РАЗЪЯСНЕНІЕ НИГИЛИЗМА И ПОСТЕПЕННОСТИ. — ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ НАРОДЪ НАШЪ ТАКЪ НЕВѢЖЕСТВЕНЪ И ГРУБЪ, ЧТО НЕ МОЖЕТЪ ВОСПРИНЯТЬ ВЪ СЕБЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦІИ. — ГЕРМАНІЯ НАЗАДЪ ТОМУ ДВА ВѢКА. — РЕФОРМЫ, СОВЕРШИВШІЯСЯ И ПРЕДПРИНЯТЫЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ЦАРСТВОВАНІЕ. — ПРЕЖНЯЯ И ПРОЕКТИРУЕМАЯ ВНОВЬ СИСТЕМА ПОДАТЕЙ. — СОЛЯНОЙ НАЛОГЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ И У НАСЪ.

Долго, очень долго мы не бесѣдовали съ тобой, благосклонный читатель. Другимъ, болѣе насъ счастливымъ, лѣтописцамъ суждено было повѣдать тебѣ о великихъ событіяхъ, совершившихся въ это время въ нашей отчизнѣ. Съ какою завистію къ нимъ — этимъ лѣтописцамъ и съ какимъ опасеніемъ за себя смотрѣли мы, когда съ нашимъ молчаніемъ усилились громы ихъ краснорѣчія, когда перомъ, достойнымъ Ѳукидидовъ и Геродотовъ, описывая совершающіяся событія, они готовы были, по видимому, увлечь все за собою... Мы думали, что все пропало. Мы думали, что ты читатель навсегда насъ забудешь и имя наше ктому не воспомянется предъ тобою. Вѣдь что такое, въ самомъ дѣлѣ, были мы для тебя, чтобы насъ помнить?—Говоря словами одного великаго мужа, «мы не умѣли плести высокихъ рѣчей, если бы даже цѣлый міръ сталъ не любить насъ за это. Нашъ паѳосъ непремѣнно разсмѣшилъ бы тебя, какъ бы ты ни былъ серьезно настроенъ. Мы не умѣли ничего говорить о солнцѣ и мірахъ. Мы смотрѣли только, какъ мучатся люди». Не велико искусство! Не велика заслуга!

Но скоро мы поняли, что въ мірѣ важна не великость искусства, не великость заслуги, — а ихъ нужда. Насъ не кому было замѣнить. Ни у кого не достало умѣнья низойти съ пьедестала пышнаго краснорѣчія до той простоты и безхитростности рѣчи, которою владѣемъ мы, ни у кого не нашлось на столько терпкости и горечи, чтобы разнообразить умственную пищу твою, благосклонный читатель, — и наша побѣда была рѣшена. Скоро стали примѣчать мы, что ты съ безпокойствомъ разрѣзываешь разныя хроники и обозрѣнія, затѣмъ быстро перелистываешь ихъ,—и затѣмъ вдругъ бросаешь на полъ съ неудовольствіемъ и даже досадой.

Мы поняли читатель, что ты чего-то ищешь, что ты сердишься, не находя этого чего-то нигдѣ; сердце наше забилось отъ радости. Мы поняли, что это что-то *мы*, что ты насъ ищешь. Мы поняли нашу необходимость для тебя.

Мы увидѣли ясно, что мы составляемъ необходимую приправу твоихъ умственныхъ наслажденій, безъ которой они теряютъ для тебя всякую прелесть. Безъ насъ все тебѣ кажется прѣснымъ, приторнымъ, безвкуснымъ. Мы—тотъ необходимый фонъ, безъ котораго бѣлое теряетъ прелесть истинной бѣлизны и начинаетъ представляться сѣрымъ, даже грязнымъ, голубое перестаетъ блестѣть своимъ яркимъ отливомъ и кажется полинялымъ, красное смотритъ подержаннымъ и т. д. Однимъ словомъ, мы—необходимая для тебя varietas.—A varietas, какъ извѣстно, delectat.

Еще древніе замѣтили, что только тотъ можетъ вполнѣ оцѣнить наслажденіе пищею, кто испыталъ всѣ неудобства голода, что никогда не пріятно такъ спокойствіе, какъ послѣ понесенныхъ трудовъ, что никто такъ не насладится сладостно гармоніею, какъ тотъ, чей слухъ былъ долго терзаемъ диссонансами и т. д. Гераклитъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ философовъ древности, назвалъ *борьбу* матерію всего сущаго и положилъ это начало въ основаніе своей философіи. Это же самое начало въ недавнее время блистательно развито было Гегелемъ въ его діалектическомъ методѣ. «Во всякомъ явленіи, говоритъ Гераклитъ, замѣчаются два противоположныя стремленія. Единство обоихъ элементовъ, поколику разсматриваемъ ихъ, какъ стремленіе противоположностей, — *борьба*, *раздоръ* (Ἔρις), потолику взираемъ на ихъ единство или разсматриваемъ ихъ въ единствѣ,—*согласіе*, *гармонія* (ἁρμόνια), (*Извините, что тяжеленько: переводецъ—кіевской работы*). Слѣдовательно, гармонія и борьба одинъ и тотъ же предметъ, разсматриваемый подъ различными углами зрѣнія. Стало быть, безъ борьбы, безъ противоположностей не существовала бы и гармонія, и значитъ, ничего не существовало бы». «Прекращеніе борьбы, продолжаетъ далѣе Гераклитъ, — миръ есть смерть индивидуума и переходъ въ бо-

лѣе общую и широкую экономію жизни. Отсюда миръ εἰρήνη есть начало разлагающее, начало смерти, какъ борьба начало обособляющее, начало жизни.»

Чтобы доказать, какъ несомнѣнна истина, которую два великихъ философа древняго и новѣйшаго времени положили въ основаніе своей философіи, намъ не нужно ходить далеко; мы легко можемъ повѣрить ее по нашей литературѣ.

Надобно вамъ сказать, что, какъ изо всѣхъ европейскихъ государствъ нѣтъ ни одного, которое могло бы сравниться съ нами богатствомъ своихъ сырыхъ продуктовъ, такъ съ другой стороны нѣтъ также ни одного почти государства, котораго мы не стояли бы ниже по бѣдности и крайнему несовершенству, непрочности нашихъ фабричныхъ издѣлій, и вообще издѣлій, требующихъ напряженной работы головнаго мозга. Къ числу этихъ издѣлій должно отнести и *мысль*. Мыслію наше отечество очень бѣдно, — да и та, которая добывается по временамъ тамъ и сямъ, бываетъ крайне несовершенна. Можно смѣло сказать, что во всѣхъ нашихъ дѣлахъ изъ 1000 человѣкъ занимается производствомъ мысли едва $^{1}/_{1000}$ часть. Остальные же затѣмъ 999 или повторяютъ на разные лады мысли, добываемыя этою одною частію, или занимаются опроверженіемъ ихъ или quasi опроверженіемъ, повторяя на разные лады: «да какъ же это такъ? — Да можно ли это?—Да прилично ли?—Да благонамѣренно ли?—Да благовременно ли?» и проч. и проч. все въ томъ же родѣ. То же самое или почти самое дѣлается и въ нашей литературѣ. Какъ ни скромна была литературная дѣятельность «Современника», но около него тѣмъ или другимъ изъ указанныхъ нами способовъ пропитывалось очень много литературныхъ собратій. Можно бы было съ математическою точностію доказать, что половина такъ называемыхъ литературныхъ статей въ нашихъ газетахъ и журналахъ печаталась по поводу статей «Современника». Но оставивъ въ сторонѣ это незначительное кустарничество, мы укажемъ на промышленность болѣе капитальную, создавшуюся на счетъ «Современника». «Сѣверная Пчела» въ прошедшемъ году быстро выдвинулась было впередъ изъ всѣхъ, занявшись прилежно «Современникомъ»! А нѣкоторые изъ ея сотрудниковъ, въ особенности Павелъ Ивановичъ Мельниковъ, долго напрасно старавшійся пріобрѣсти извѣстность «Дневникомъ», раскольническими сочиненіями, снискалъ себѣ неувядаемую славу только патріотическою борьбою съ «Современникомъ». «Время» сдѣлалось тѣнью «Современника». Критическій отдѣлъ его состоялъ исключительно изъ словопреній съ критическими статьями вновь являвшихся книжекъ «Современника».

Теперь прошу представить себѣ читателя, что должно было произойти въ русской литературѣ, когда замолкъ «Современникъ», а

вмѣстѣ съ нимъ замолкъ и Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, доставлявшій исключительностію своихъ воззрѣній также весьма значительное пропитаніе русской литературѣ. «Времени» пришлось такъ плохо, что оно едва не закрыло своего критическаго отдѣла и едва не превратилось въ собраніе новѣйшихъ романовъ. Если такое несчастіе съ нимъ не послѣдовало, то единственно потому, что редакціи его пришла счастливая мысль вызвать немедленно телеграммой г. Ап. Григорьева, который привезъ значительный запасъ критическихъ статей по литературѣ, написанныхъ имъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, и тѣмъ восполнилъ оскудѣвшій отдѣлъ. «Сѣверная Пчела», потерявъ быстро пріобрѣтенную ею извѣстность, не знала что ей дѣлать, начала кидаться во всѣ стороны, заговорила такое, что всѣ рты разинули отъ изумленія; даже и теперь, бѣдная, все не можетъ оправиться отъ болѣзни. О разныхъ сотрудникахъ ея, стяжавшихъ неувядаемую славу, говорить нечего. Исчезли съ лица земли. Исчезъ даже Павелъ Ивановичъ Мельниковъ! Sic transit gloria mundi!

Павелъ Ивановичъ Мельниковъ! Явится ли онъ когда нибудь снова на литературномъ поприщѣ! Подъ своимъ ли именемъ явится или подъ какими нибудь игреками,—намъ все равно. Съ именемъ этимъ соединено въ сердцѣ нашемъ столько сладкихъ воспоминаній, что мы никогда не забудемъ его. Можно сказать безъ преувеличенія, что ему первому мы обязаны нашей извѣстностью, которая начинается именно съ того времени, какъ Павелъ Ивановичъ Мельниковъ почтилъ насъ своимъ отвѣтомъ. До того времени—читатель, постоянно пробѣгавшій наши обозрѣнія, знаетъ это — на насъ никто не обращалъ никакого вниманія. Нашими литературными противниками были какіе-то все inconnus: *Сухаревы*, *Пріѣзжіе*, *Праздношатающіеся* и т. п. Изъ извѣстныхъ писателей Павелъ Ивановичъ первый осчастливилъ насъ своимъ вниманіемъ, удѣливъ намъ почти цѣлый столбецъ въ 142 № «Сѣверной Пчелы» и адресовавъ его прямо къ нашей личности такимъ образомъ: *автору внутренняго обозрѣнія въ Современникѣ*, что намъ пріятно тѣмъ болѣе, что Павелъ Ивановичъ Мельниковъ никогда почти не отвѣчаетъ нападающимъ на него, а пишетъ обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, въ газетахъ, что «отвѣчать на выходку или выходки, направленныя противъ него, онъ не будетъ».

Правда, въ статейкѣ, назначенной собственно для насъ, дѣлается, то и дѣло, обращеніе помимо насъ и къ «Современнику» и къ свистунамъ вообще, но мы полагаемъ, что это не только не уменьшаетъ нашей личной славы, а напротивъ нѣкоторымъ образомъ увеличиваетъ ее. Всѣмъ извѣстно, что ни Даву, ни Мюратъ, ни Бернадотъ, ни Талейранъ, ни другіе многочисленные сподвижники Наполеона I-го, никогда не пріобрѣли бы славы, еслибы не связали своей

судьбы съ судьбою Наполеона. Правда и то, что Павелъ Ивановичъ Мельниковъ въ статейкѣ своей объявляетъ, что онъ отвѣчаетъ намъ, *въ первый и въ послѣдній* разъ. Но и это ничего. Для нашей славы довольно и того, что онъ почтилъ насъ и однимъ отвѣтомъ. Нѣсколько поощрительныхъ словъ, сказанныхъ заслуженнымъ поэтомъ Державинымъ молодому Пушкину, составили славу послѣдняго, ибо постоянно вдохновляли его къ труду. Суворовъ, сказавъ случайно мальчику Давыдову, что онъ будетъ полководцемъ, и въ самомъ дѣлѣ чуть не сдѣлалъ его полководцемъ. Усумнимся ли и мы въ томъ, что столбецъ написанный объ насъ рукою Павла Ивановича Мельникова составитъ нашу славу? И такъ, хотя Павелъ Ивановичъ объявилъ, что говоритъ съ нами *въ первый и въ послѣдній* разъ, тѣмъ не менѣе мы приносимъ ему чувствительную благодарность и глубоко сожалѣемъ, что не имѣли возможности дать ему отвѣтъ въ свое время. Впрочемъ мы думаемъ, что и теперь отвѣтъ этотъ будетъ кстати, такъ какъ онъ разъясняетъ тотъ именно самый предметъ, о которомъ повели мы рѣчь.

Павелъ Ивановичъ начинаетъ свою статейку тѣмъ, что обвиняетъ «Современникъ» въ ненависти ко всѣмъ независимымъ органамъ литературы а, вслѣдствіе того, и къ «Сѣверной Пчелѣ».—«Въ апрѣльской книжкѣ «Современника»,—говоритъ Павелъ Ивановичъ Мельниковъ, въ отдѣлѣ «Внутренняго обозрѣнія» нѣсколько страницъ посвящено «Сѣверной Пчелѣ», по поводу отзыва ея о Чернышевскомъ. Дѣло понятное: иначе быть не могло! «Пчела» «Современнику» стала ненавистна, но не столько за отзывъ ея о г. Чернышевскомъ, сколько за ея независимость, при которой она не кланяется никому, ни направо, ни налѣво. «Современнику» очень хорошо извѣстно, что вся сила «Пчелы» заключается въ ея независимости и потому (?) онъ прямо нападать на нее не можетъ».

Въ этихъ немногихъ словахъ есть какое-то печальное недоразумѣніе. Если Павелъ Ивановичъ Мельниковъ говоритъ о независимости «Сѣверной Пчелы» отъ «Современника», то въ такой точно независимости отъ «Современника» находятся и всѣ литературные органы. Нѣтъ ни одного, который бы зависѣлъ отъ «Современника». Есть, конечно, солидарные съ нимъ, но солидарность есть дѣло добровольное. Солидарны между собою и «Сѣверная Почта», и «Сѣверная Пчела», и «Наше Время», и «Русскій Вѣстникъ». Но кто же можетъ сказать, что они другъ отъ друга зависимы? Они солидарны между собою, конечно, по внутреннему убѣжденію. Если же подъ независимостью «Сѣверной Пчелы» г. Мельниковъ разумѣетъ независимость вообще, то въ этомъ сильно можно усомниться. Зависимость можетъ выражаться не въ однихъ поклонахъ направо и налѣво,—а вообще въ точномъ исполненіи того, что требуется для изъявленія угодливости тому

лицу, отъ котораго зависишь. Говоря это, мы впрочемъ никакъ не думаемъ заподозрить «Сѣверную Пчелу» въ подобной грубой зависимости отъ кого бы то ни было. Мы этимъ только хотимъ разъяснить понятіе независимости. И такъ, быть независимымъ не то значитъ, чтобы не кланяться на право и налѣво—это уже слишкомъ грубо,—и не то, чтобы въ томъ или другомъ случаѣ не соглашаться съ «Современникомъ» или какимъ нибудь другимъ журналомъ; быть независимымъ значитъ имѣть цѣльное самостоятельное воззрѣніе на все, собственное міросозерцаніе всего сущаго и являющагося.—Вотъ запаситесь-ка такимъ міросозерцаніемъ, да и держитесь его строго, проводите его неуклонно во всѣхъ вашихъ статьяхъ, — тогда у васъ пѣсня пойдетъ другая.

Тогда вы не будете во 1-хъ держаться нашихъ и вашихъ, сегодня говорить одно, завтра другое, послѣ завтра третіе. Теперь большая часть нашихъ литературныхъ органовъ,—мы говоримъ не объ однихъ васъ,—поставлены точно такимъ образомъ. Человѣкъ, принимаясь за перо, не имѣетъ никакого опредѣленнаго цѣльнаго воззрѣнія, которое онъ долженъ бы былъ отстаивать или защищать и съ которымъ должны были бы гармонировать всѣ частныя его мнѣнія.— Ему все равно, согласиться *ли* съ Петромъ, съ Иваномъ, съ Кондратьемъ,—и онъ соглашается по своему дневному личному настроенію, сегодня съ однимъ, завтра съ другимъ, послѣ завтра съ третьимъ.— Отъ того на дѣлѣ и выходитъ, что газета напримѣръ, въ одинъ день со всѣмъ жаромъ и энергіей отстаиваетъ принципъ полной женской эманципаціи, а на другой день говоритъ женщинѣ: *не ходи одна, ходи съ тетушкой*, или въ одинъ день соловьемъ заливается о безусловной религіозной терпимости, а на другой день совершенно спокойно, и еще звучнѣе, воспѣваетъ о томъ, что иконѣ, написанной не на левкасѣ, не слѣдуетъ молиться.—Но это бы еще куда ни шло—говорить сегодня то, а завтра другое—это у насъ дѣлается сплошь и рядомъ.— А то бываетъ даже такъ, что человѣкъ за одинъ и тотъ же принципъ, одни и тѣ же воззрѣнія и бранитъ, и хвалитъ. На сіе мы впрочемъ не будемъ приводить примѣровъ; отсылаемъ любопытныхъ къ хроникамъ г. Громеки, гдѣ они найдутъ богатый запасъ фактовъ *для* подтвержденія высказанной нами мысли.

Далѣе, если бы вы запаслись какимъ нибудь самостоятельнымъ воззрѣніемъ и поставили себѣ цѣлію постоянно развивать его въ своихъ статьяхъ, тогда наша литература не представляла бы собою того печальнаго зрѣлища отсутствія почти всякой живой мысли, какое представляетъ она собою теперь.—Люди, не участвующіе сами въ литературѣ, справедливо говорятъ, что наши журналы и газеты заняты перебранками.

Упрекъ этотъ, конечно, не имѣлъ бы никакого значенія, если бы перебранки были полемизирующими объясненіями или примѣчаніями къ статьямъ, написаннымъ собственно въ утвержденіе какого нибудь взгляда и воззрѣнія! Но въ томъ то и дѣло, что перебранки эти чисто дѣтскія.—Журналъ или газета, не имѣя никакого собственнаго взгляда, не знаетъ, что ей дѣлать, и смотритъ, что дѣлаютъ другія. Сказалъ какой нибудь человѣкъ не пошлую мысль,—и пошла работа. Кричатъ всѣ: «а! вонъ, говоритъ, такой-то въ Бога не вѣруетъ, родителей не почитаетъ, развращаетъ юношество»! Какъ у подобныхъ гг. писателей не краснѣютъ подъ перомъ типографскія чернила! Развѣ позволительно такъ дѣйствовать человѣку, честно употребляющему литературное оружіе? Вы находите вреднымъ, что человѣкъ, утверждаясь на извѣстныхъ началахъ, высказываетъ извѣстныя убѣжденія.—Вы утверждайтесь на своихъ и распространяйте другія противоположныя убѣжденія. Вотъ честный образъ дѣйствія! Мы уже замѣтили выше, что многіе изъ нашихъ газетъ и журналовъ проживали «Современникомъ», что въ нихъ критическія статьи, хроники, фельетоны наполнялись постоянно прямыми или косвенными репликами о «Современникѣ». Если бы всѣ статьи о «Современникѣ» представляли собою серьезное, основательное опроверженіе началъ и воззрѣній, имъ проводимыхъ въ силу другихъ началъ и воззрѣній, утверждаемыхъ путемъ логическимъ, то подобныя статьи мы конечно не обвинили бы въ отсутствіи мысли.—Но изъ подобныхъ серьезныхъ статей противъ «Современника» мы можемъ указать только статьи гг. Лаврова и Юркевича.—Во всѣхъ прочихъ статьяхъ заключалось иногда переливаніе изъ пустаго въ порожнее, отъ нечего дѣлать, а иногда нѣчто и еще того худшее.—Чтобы показать примѣръ, что за полемика велась журналами противъ «Современника», мы беремъ находящуюся у насъ подъ руками 4-ю книжку «Времени», въ которой авторъ критическаго обозрѣнія сего почтеннаго журнала полемизируетъ съ г. Антоновичемъ по поводу повѣсти г. Тургенева «отцы и дѣти». Г. Антоновичъ говоритъ: «что значитъ невѣріе въ науку и непризнаніе наукъ вообще,—объ этомъ нужно спросить у самаго Тургенева; гдѣ онъ наблюдалъ такое явленіе и въ чемъ оно обнаруживается, нельзя понять изъ его романа».—Замѣчаніе г. Антоновича на нашъ взглядъ весьма дѣльное. У насъ принято мнѣніе обвинять нигилистовъ въ непризнаніи науки. Можетъ быть, господа, взводящіе подобное обвиненіе, говорятъ и добросовѣстно,—въ такомъ случаѣ они имѣютъ въ виду какихъ нибудь шарамыжныхъ нигилистовъ. Мы знаемъ, напротивъ, нигилистовъ, наносными знаніями очень серьезными, очень разнообразными и обширными. Оно впрочемъ такъ и должно быть. Вѣдь тому, кто хочетъ доказывать, что добродѣтель сидитъ въ желуд-

кѣ,—въ чемъ обвиняютъ нигилистовъ, желая показать свой юморъ, нѣкоторые писатели въ родѣ Василія Заочнаго,—надобно натурально въ десятеро имѣть больше знанія, чѣмъ тому, кто хочетъ доказывать общеизвѣстную истину, что добродѣтель похвальна.

Какъ же полемизируетъ противъ замѣчанія г. Антоновича «Время»? А вотъ какъ:

«По этому случаю, мы могли бы многое вспомнить, напримѣръ, хотя бы то, какъ г. Чернышескій смѣялся надъ исторіей, какъ г. Антоновичъ намекалъ, что можно обойтись безъ философіи, и что нѣмцы нынѣ дошли до такой премудрости, что опровергли нѣкоторыя науки цѣликомъ».

Что это такое? Шутка, насмѣшка или печальное недоразумѣніе? Г. Чернышевскій пишетъ *положительныя* историческія статьи, г. Анновичъ пишетъ *положительныя* философскія статьи,—и тотъ, и другой обвиняются въ непризнаніи исторіи и философіи. Какъ все это понять, и какъ вяжется это въ головѣ обвинителя? Г. рецензентъ никакъ не можетъ понять той простой вещи, что можно быть страстно влюбленнымъ и въ исторію, и въ философію, и во всѣ науки, и можно вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже именно вслѣдствіе этой страстной любви къ нимъ, смѣяться надъ многими науками въ ихъ современномъ состояніи. Если бы только на основаніи насмѣшекъ какого нибудь лица надъ неудовлетворительностію какой нибудь науки въ современномъ ея положеніи можно было заключить о непризнаніи этимъ лицомъ самой науки, то Гете, этого идола «Времени», надобно было бы обвинять въ непризнаніи рѣшительно ни одной науки. Никто безпощаднѣе его не обвинялъ ни исторіи, ни философіи, ни мидицины. Какія насмѣшки г. Чернышевскаго могутъ сравниться, напримѣръ, хоть съ слѣдующимъ отзывомъ Фауста объ исторіи! —

ВАГНЕРЪ.

Однакожъ, любо, согласитесь сами,
Вникать въ прошедшій духъ вѣковъ,
Все видѣть — мнѣнья прежнихъ мудрецовъ
И то, какъ далеко подвинуто все нами.

ФАУСТЪ.

О, далеко до облаковъ!
Скрижаль съ прошедшихъ лѣтъ дѣлами
Семью печатями, мой другъ, укрѣплена!
Что духомъ времени признать вы согласились,
То духъ писателя, въ которомъ отразились,
Никто не вѣсть, какъ, времена;

А иногда и такъ, что сердцу тошно,
Бѣжать готовъ, какъ поглядишь, — ну точно
Съ ветошьемъ лавка, чанъ помой,
А много, если важный фактъ какой,
Да прагматическій премудрый комментарій,
Приличный кукламъ лишь, а не разумной твари.

Чтожъ, и Гёте не признавалъ исторіи? Нигилистъ былъ? Въ томъ-то и дѣло, что только *постепенные* Вагнеры, которыхъ природа лишила демоническаго раздраженія мысли, не знающей покоя въ своемъ вѣчномъ движеніи, могутъ довольствоваться всю жизнь крохотными знаніями, разъ навсегда пріобрѣтенными, и самодовольно улыбаться, когда имъ говорятъ, что для мысли человѣческой, безпредѣльной въ своемъ поступаніи впередъ, не можетъ быть никакихъ окаменѣлыхъ авторитетовъ. О полемикѣ газетъ не стоитъ и говорить. Вѣроятно, Павелъ Ивановичъ Мельниковъ и самъ убѣжденъ въ томъ, что критическія обозрѣнія Василія Заочнаго, а также «Сѣверной Пчелы» годятся скорѣе для помѣщенія въ «Искру», какъ пародіи на дѣйствительныя обозрѣнія, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ критическія обозрѣнія. И если появленіе ихъ въ серьёзныхъ газетахъ и можно чѣмъ объяснять, то развѣ или отсутствіемъ всякаго понятія редакціи о критикѣ, или крайнимъ недостаткомъ матеріала.

Наконецъ, если бы вы запаслись какимъ нибудь самостоятельнымъ воззрѣніемъ и оставались ему вѣрными, тогда не стали бы съ ужасомъ смотрѣть на отрицаніе; вы увидѣли бы, что отрицаніе есть необходимое послѣдствіе всякаго логически проведеннаго взгляда. На какой угодно опорѣ утверждайте вы свой взглядъ, сдѣлайтесь славянофилами, западно-европейцами, — отрицаніе непремѣнно явится. Вотъ г. Аксаковъ, проводя послѣдовательно свое славянофильское ученіе, находитъ необходимымъ отрицать многое, точно также и г. Чичеринъ вслѣдствіе своего совершенно обратнаго г. Аксакову взгляда. Страшно не отрицаніе, а ничего — недѣланіе, празднописательство, которое занимается литературной клеветой, сплетней и возбуждаетъ безпокойство тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ къ нему поводовъ.

Далѣе, на наше замѣчаніе, что сочиненія Павла Ивановича Мельникова по расколу ничѣмъ не отличаются отъ Жезла Правленія, Увѣта Духовнаго, Пращицы Питирима, Павелъ Ивановичъ говоритъ, что «авторъ внутренняго обозрѣнія (т. е. мы), *или моихъ* писемъ о расколѣ не читалъ, или «Жезла», «Увѣта» и «Пращицы» не видывалъ, иначе онъ не сказалъ бы того, что сказалъ. Въ изданныхъ мною письмахъ—такъ продолжаетъ П. И. Мельниковъ — проводится слѣдующая мысль: *раскольники не заключали въ себѣ и не заключаютъ ничего опаснаго для государства и общественнаго благоустройства: двухсотлѣтнее преслѣ-*

дованіе ихъ и ограниченіе въ гражданскихъ правахъ было поэтому совершенно излишне и даже вредно, и раскольники вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы пользоваться всѣми гражданскими правами.

П. И. Мельниковъ выписанныя нами слова обозначаетъ курсивомъ, — и совершенно напрасно это дѣлаетъ. Съ его точки зрѣнія на расколъ никакъ не выйдетъ, что раскольники не заключаютъ въ себѣ ничего вреднаго и опаснаго для государства и общественнаго благоустройства. Какъ! Нѣсколько милліоновъ человѣкъ не признаютъ брака—первой почвы гражданскаго благоустройства, слѣдовательно не имѣютъ никакихъ правъ по наслѣдству, не законно владѣютъ находящимся въ ихъ рукахъ имущестомъ. Далѣе, нѣсколько милліоновъ человѣкъ убѣждены и исповѣдуютъ, что на землѣ нѣтъ ничего болѣе святаго, что наступило царство антихриста; что все, что дѣлается въ порядкѣ государственномъ, дѣлается по внушенію его для угнетенія вѣрныхъ. А вы говорите, что нынѣ въ раскольникахъ нѣтъ ничего опаснаго для государства и общественнаго благоустройства! Полноте насъ морочить! Ясное дѣло, что вы хотите только погуманничать или полиберальничать, а въ сущности должны думать, не измѣняя своему началу, о раскольникахъ то же, что думалъ патріархъ Іоакимъ и преосвященный Питиримъ. Мы вѣримъ вамъ, что вслѣдствіе гуманныхъ требованій вѣка, а, можетъ быть, и по внушенію вашего собственнаго любвеобильнаго сердца вы не желаете, чтобы раскольниковъ преслѣдовали какъ прежде, чтобы ограничивали ихъ въ ихъ правахъ; но, не измѣняя своему собственному взгляду, не можете же вы не сказать, что внимательное полицейское наблюденіе за ними нужно, что увѣщать ихъ нужно, что формальное изслѣдованіе нѣкоторыхъ ихъ противозаконныхъ поступковъ, вытекающихъ чисто изъ ихъ религіозныхъ взглядовъ, тоже нужно. Какая же разница между вашими воззрѣніями и воззрѣніями, изложенными въ древнихъ нашихъ сочиненіяхъ, то есть «Жезлѣ Правленія», «Увѣтѣ Духовномъ», «Пращицѣ Питирима»? — Вѣдь все дѣло состоитъ въ различіи мѣръ противу раскольниковъ, — но мѣры составляютъ только послѣдствіе взгляда и мѣняются, безъ малѣйшей перемѣны во взглядѣ, только вслѣдствіе общаго смягченія нравовъ, въ силу гуманныхъ требованій времени. Ясно ли, что мы были правы, сказавъ вамъ, что ваши воззрѣнія на расколъ ничѣмъ не отличаются отъ воззрѣній «Жезла Правленія», «Увѣта Духовнаго», «Пращицы Питирима»? Вы говорите, что мы или не читали вашихъ «Писемъ о расколѣ», или не видали «Жезла», «Увѣта» и «Пращицы». Какъ не читать и не видать! — На томъ стоимъ, чтобы все читать и знать, а въ силу того и вѣдаемъ: кто коего духа.—Наши свѣдѣнія по предмету раскола не очень значительны, но на столько достаточны, чтобы видѣть все убожество свѣдѣній по этому предмету нѣкоторыхъ

самозванныхъ и самодѣльныхъ авторитетовъ, къ числу которыхъ мы относимъ и П. И. Мельникова, который безъ всякой застѣнчивости доказываетъ компетентность своихъ свѣдѣній по расколу тѣмъ, что «онъ занимается изученіемъ его не со вчерашняго дня». Какъ будто Василій Кириловичъ Тредьяковскій, также незастѣнчиво хваставшій своею компетентностію въ Элоквенціи, менѣе занимался ея изученіемъ, чѣмъ сколько П. И. Мельниковъ занимается изученіемъ раскола!

Но довольно. Здѣсь мы оставляемъ полемику съ П. И. Мельниковымъ и обращаемся снова къ нашему предмету.

Не только «Время» и «Сѣверная Пчела» пришли въ бѣдственное положеніе послѣ того, какъ замолкъ «Современникъ». Даже и «Русскій Вѣстникъ» съ «Современной Лѣтописью» истощили очень скромный публицистическій запасъ своихъ свѣдѣній. Дошло и у нихъ дѣло до того, что мужи высшаго классическаго образованія, изучавшіе въ подлинникѣ Платона и Аристотеля, вынуждены были писать передовыя статьи величиною въ 22 столбца (по счету Н. Ф. Павлова) о чемъ бы вы думали? — о томъ, что казенныхъ объявленій нигдѣ не должно печатать, кромѣ «Московскихъ Вѣдомостей». Доходила ли литература наша когда нибудь до такого бѣдственнаго, до такого убогаго положенія? — Казалось бы, хуже этого и представить ничего нельзя.

Однакожъ нѣтъ, читатель, случилось нѣчто гораздо худшее даже и этого.

Раскрывъ недавно, не помнимъ уже, которую-то изъ недавнихъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ» за прошедшій годъ, мы къ удивленію нашему въ «Современной хроникѣ» усмотрѣли, что г. Громека грызетъ г. Скарятина, человѣка однихъ съ нимъ взглядовъ и убѣжденій, т. е. такого же постепеновца, какъ и онъ самъ, и въ добавокъ къ тому, трудившагося въ одномъ съ нимъ журналѣ. Конечно, если бы г. Громека нападалъ на г. Скарятина за измѣну тѣмъ общимъ принципамъ, которымъ оба они служатъ, то не могло бы быть никакой рѣчи о такомъ совершенно законномъ нападеніи и мы бы въ это дѣло не вступились... потому... всякое общество, всякая корпорація преслѣдуетъ своихъ членовъ за измѣну. Но въ томъ-то и дѣло, что г. Громека преслѣдуетъ г. Скарятина не за измѣну дорогимъ принципамъ, а именно за слишкомъ усердное служеніе имъ. «Вы, говоритъ онъ г. Скарятину, придерживаясь постепенности, уже слишкомъ мельчите ступени и сглаживаете ихъ до того, что онѣ становятся не примѣтны даже *для* Божіей коровки. Тутъ не то, что не выйдетъ того величественнаго амфитеатра съ красивыми широкими ступенями, по которому хотимъ мы вести человѣчество и Рос-

сію впередъ, а образуется необозримая гладкая поверхность съ покатостями не только во всѣ стороны, а, пожалуй, и назадъ, такъ что человѣчество не будетъ, знать, куда ему двигаться, и поворотитъ — чего добраго!—назадъ»!...На это г. Скарятинъ со всею основательностію могъ бы отвѣчать г. Громекѣ, что если г. Громека находитъ, что прогрессивныя ступени г. Скарятина сглаживаются до покатости назадъ, то, въ свою очередь, онъ, г. Скарятинъ, съ своей точки зрѣнія, находитъ, что шаги г. Громеки можно назвать скорѣе скачками исполина, чѣмъ шагами обыкновеннаго человѣка, что г. Громека устраиваетъ для прогрессивнаго шествія человѣчества не ступени, а стремнины и пропасти, въ которыхъ оно легко можетъ провалиться и т. п. И каждый изъ двухъ поименованныхъ состязателей былъ бы правъ съ своей точки зрѣнія.

Г. Скарятинъ отвѣчалъ какъ-то иначе г. Громекѣ, и тоже остался правъ.

Но для насъ въ этомъ спорѣ важно не то, кто правъ и кто виноватъ, а самый предметъ спора. Онъ, съ одной стороны, служитъ самымъ сильнѣйшимъ аргументомъ того вышеприведеннаго ученія древнихъ и новѣйшихъ философовъ, что безъ борьбы нѣтъ жизни, что миръ εἰρήνη носитъ въ себѣ сѣмя неизбѣжной смерти, — а съ другой, ведетъ насъ къ болѣе ясному уразумѣнію самой постепенности. Если бы въ началѣ постепенности, такъ думаю я, не было никакой жизни или, выражаясь точнѣе, не было никакой вражды, производящей борьбу, то, при отсутствіи внѣшняго противодѣйствія, миръ, εἰρήνη, или, что тоже, смерть и наступила бы. Но оно не умерло, напротивъ, чтобы жить само изъ себя, породило борьбу. Ясно, что въ началѣ постепенности должно быть непремѣнно начало вражды, извѣстная хотя малѣйшая доля нигилизма. Иначе порожденіе никакой борьбы, никакого распаденія было бы немыслимо.

Нигилизмъ въ постепенности!

На первый взглядъ представляется, что мы пришли какъ будто къ абсурду. Однакожь въ самомъ ли дѣлѣ это абсурдъ? Будемъ доискиваться.

Постепенность! Чтоже такое постепенность? Развѣ постепенность есть что нибудь новое въ мірѣ? Развѣ можетъ что нибудь въ мірѣ быть и совершаться, не подчиняясь закону постепенности? Постепенность есть необходимая форма ограниченія всѣхъ вещей конечныхъ, т. е. всего сущаго, постепенность есть необходимая форма представленія нашего духа обо всемъ мыслимомъ. Развѣ нигилизмъ можетъ дѣйствовать самъ или стремиться создать что нибудь внѣ себя помимо этихъ всеобщихъ, необходимыхъ законовъ мысли и бытія?—

Читатель видитъ, что въ началѣ, въ корнѣ нѣтъ не только діа-

метральной противоположности между нигилизмомъ и постепеновщиной, напротимъ есть полное тожество.—Такъ точно чистое *бытіе* и чистое *ничто*, разоблаченныя отъ своихъ аттрибутовъ, являются мыслящему уму совершенно тожественными; но въ ихъ *окачествленномъ* состояніи, въ ихъ дѣйствительномъ воплощеніи въ жизни и мысли тожество это не только исчезаетъ, но они начинаютъ поядать, уничтожать другъ друга.

То же самое повторяется съ постепеновщиной и нигилизмомъ. Все дѣло состоитъ въ способѣ окачествленія принятаго начала, въ приложеніи начала постепенности къ жизни. Мы сказали, что закону постепенности подчинено все въ жизни — и бытіе, и мысль. Но постепенность не только во внутреннемъ развитіи, но и во внѣшнемъ дѣйствованіи, даже простомъ движеніи безконечно различныхъ твореній, безконечно разнообразна. И божія коровка движется *постепенно*, и черепаха ползетъ *постепенно*, и конь бѣжитъ *постепенно*, и птица летитъ *постепенно*, и паровозъ мчится тоже *постепенно*.

Принятіе той или другой постепенности, очевидно, должно вести не только къ различнымъ, но и противорѣчащимъ взглядамъ и воззрѣніямъ. Божьей коровкѣ полетъ орла, конечно, долженъ казаться дѣломъ опаснымъ, чистымъ безуміемъ. Съ другой стороны, отсутствіе точной, однообразной, однажды навсегда принятой мѣры постепенности въ приложеніи къ разнымъ явленіямъ необходимо должно вносить противорѣчіе и разладъ въ наши собственные взгляды на предметы.

Этимъ вполнѣ объясняется различіе тѣхъ двухъ партій въ нашей литературѣ, которыя привыкли обозначать: *постепеновщиною* и *нигилизмомъ*.

Нигилизмъ выработалъ извѣстную, однообразную мѣру постепенности для общественнаго прогресса, которою и руководствуется при обсужденіи всѣхъ явленій, показывая ихъ близость или отдаленность отъ этого идеала. *Постепеновщина* никакой точной опредѣленной мѣры постепенности не имѣетъ, прилагая къ каждому явленію ту или другую постепенность совершенно по собственному произволу. — *Нигилизмъ*, въ избранной имъ мѣрѣ, можетъ быть не вѣренъ дѣйствительности, слишкомъ требователенъ отъ нея,—но за то онъ остается всегда вѣренъ самому себѣ, строго послѣдователенъ и силенъ своимъ единствомъ внутреннимъ, какъ въ цѣлой партіи, такъ и въ каждомъ ея членѣ. Постепеновцы то и дѣло расползаются врозь въ своихъ воззрѣніяхъ и выводахъ не только одинъ съ другимъ, но и каждый самъ съ собою. И въ общемъ выходитъ удивительная нескладица, спутывающая многихъ до того, что выслушавъ

многочисленныхъ прогрессистовъ различной постепенности, они рѣшительно недоумѣваютъ, что имъ дѣлать:

Ложиться спать или вставать?

Мы пришли къ весьма важному вопросу о томъ: чѣмъ опредѣлить мѣру той постепенности, которую могли бы признать всѣ нормальною для нашего прогрессивнаго движенія.

Мѣра эта на первый взглядъ представляется для всѣхъ совершено ясною и очевидною. Мы существуемъ въ мірѣ не изолированно. Географическимъ положеніемъ, даже первоначальной территоріей нашего государства мы поставлены въ неразрывное сосѣдство съ Европой. По происхожденію, по языку, по вѣрѣ, по исторіи мы принадлежимъ также къ семьѣ европейскихъ народовъ. Пути сообщенія, наша торговля, промышленность, политика, однимъ словомъ, все связываетъ съ ней насъ самымъ тѣснѣйшимъ образомъ. Въ одной рѣкѣ нельзя имѣть нѣсколько сортовъ воды, въ одной комнатѣ нельзя имѣть нѣсколько температуръ воздуха. Находясь въ семьѣ европейскихъ народовъ, нельзя жить съ идеями и учрежденіями, стоящими ниже общаго европейскаго уровня. Крымская война доказала намъ очень ясно, какъ опасно отставать при подобномъ родствѣ и сосѣдствѣ. Отсюда ясно слѣдуетъ...

Нѣтъ, позвольте,—говорятъ,—очень не ясно, и даже вовсе не слѣдуетъ. И затѣмъ начинается рядъ возраженій, которыя твердятъ все въ томъ же видѣ со временъ очаковскихъ и покоренія Крыма, что мы не должны идти одной дорогой съ Европой, а развиваться особой отъ нея особью, потому,

Говорятъ одни, что до Европы мы далеко не доросли и намъ ее не догнать. Европа, такъ умствуютъ они, развивалась вѣками, а мы начали развиваться только вчера. Притомъ самое развитіе, въ силу историческихъ судебъ, идетъ у насъ какимъ-то особеннымъ образомъ, не похожимъ на европейскій. Народъ нашъ раздѣляется на двѣ неровныя половины. Огромное большинство его составляютъ милліоны неразвитыхъ массъ, почти еще не тронутыхъ цивилизаціей, другую составляетъ небольшое образованное общество, воспріявшее въ себя идеи современной европейской цивилизаціи съ разнообразными оттѣнками различныхъ партій. Какъ требованія первой незначительны, по крайней мѣрѣ пока не выяснились относительно перемѣнъ существующаго порядка, или, что то же, относительно прогресса, такъ требованія второй напротивъ очень значительны. По мнѣнію однихъ важны единственно требованія большинства или точнѣе сказать, его безтребовательность, по нашему мнѣнію важнѣе всего требованія образованнаго большинства. Какъ ни прискорбно существующее раздѣленіе народа, какъ ни желательно бы было, чтобы развитіе всего народа совершалось по возможности одновременно, но существующее раздѣленіе

есть фактъ неотразимый еще на долгое время. Самое устраненіе его, т. е. слитіе народа снова въ одно нераздѣльное цѣлое возможно только подъ условіемъ распространенія всеобщаго образованія. Поворотить назадъ образованное меньшинство не можетъ, не отказываясь отъ человѣческаго смысла,—да подобный поворотъ былъ бы, конечно, и весьма не удобенъ. Крымская война доказала, что при такомъ сосѣдствѣ, какое имѣемъ мы, не только неудобно поворачивать назадъ, но и застаиваться на одномъ мѣстѣ очень опасно. Впрочемъ въ такомъ поворотѣ не предвидится вовсе надобности. Взрослые не поворачиваютъ своей жизни назадъ для развитія дѣтей. На то существуетъ наука, чтобы сохранять и передавать сокровища и опыты человѣческаго ума, добытыя въ теченіе тысячелѣтій. Каждое дитя, каждый юноша переживаетъ въ сознаніи своемъ тѣ тысячелѣтія, которыя прожилъ родъ человѣческій и легко становится на современную ступень цивилизаціи. Такъ точно не такъ трудно, какъ кажется, поднять наши милліонныя массы на ту же самую ступень, на которой стоятъ всѣ европейскіе народы. Десятокъ, много, два лѣтъ совершенно свободнаго просвѣщенія, свободныхъ учрежденій, свободной дѣятельности, и народъ забудетъ тяжелое настоящее, какъ давно минувшій сонъ. Вслѣдствіе незнанія нами ни нашего собственнаго народа, ни народовъ, населяющихъ Европу, у насъ образовалось совершенно ложное представленіе о нашемъ народѣ. Мы принимаемъ за несомнѣнное, что нашъ народъ находится на такой степени грубости и невѣжества, на какой не находится ни одинъ изъ европейскихъ народовъ, что разрозненность, разорванность народа отъ образованнаго общества существуетъ только у насъ однихъ, потому, дескать, что у насъ это произведено искусственно, насильственно реформою Петра, что у другихъ народовъ ничего подобнаго не было. Такія представленія въ высшей степени ошибочны. Не смотря на то, что Европа далеко опередила насъ во всѣхъ родахъ культуры, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея народныя массы стоятъ гораздо ниже нашего народа по своему умственному развитію. Этого мало. Не надобно быть пророкомъ, чтобы предсказать съ достовѣрностію, что при существующемъ у насъ общинномъ поземельномъ владѣніи, воспитывающемъ практическій и соціальный смыслъ народа, цивилизація нигдѣ не примется такъ быстро и такъ прочно, какъ у насъ. Что касается до разорванности народа, то она не составляетъ также какой нибудь особенности, принадлежащей исключительно намъ. Можно сказать, что до послѣднихъ временъ въ Европѣ образованное общество было еще болѣе отдѣлено отъ народа, чѣмъ у насъ. Это такъ и должно было быть. Потому что европейскія народности сливались изъ элементовъ враждебныхъ—завоевателей и завоеванныхъ; привиллегированныя кассы въ сообществѣ были тамъ есте-

ственнымъ продолженіемъ первоначальнаго состава общества. У насъ же привиллегированныя касты въ обществѣ образовались не въ силу исторически положенныхъ въ основу общества элементовъ, а путемъ искусственнымъ, вслѣдствіе неразумнаго подражанія западу.

Чтобы подтвердить нашу мысль, мы приводимъ изъ №№ 6 и 7 «Очерковъ» отрывокъ изъ изысканій нѣмецкаго писателя Гарве о нѣмецкомъ народѣ въ прошедшемъ столѣтіи. Читатель увидитъ изъ него, что почти въ тѣхъ самыхъ отношеніяхъ, въ какихъ стоялъ нѣмецкій народъ къ образованному германскому обществу въ прошедшемъ столѣтіи, находится теперь нашъ народъ къ нашему образованному обществу.

«Не далѣе какъ 70 или 80 лѣтъ назадъ, т. е. конца прошлаго столѣтія, нѣмецкій крестьянинъ также былъ terra incognita для образованнаго нѣмецкаго общества. Оно не видѣло въ немъ ничего кромѣ дикости, звѣрства, тупоумія и относилось къ нему презрительно. Нѣмецкіе писатели первые обратили вниманіе на жалкое и униженное положеніе крестьянъ. Но они водились въ этомъ случаѣ исключительно гуманными началами, не придавая массамъ народнымъ никакого соціальнаго значенія. Въ духѣ такихъ исключительно гуманныхъ воззрѣній дѣлаемы были изслѣдованія о нѣмецкихъ крестьянахъ. Эти изслѣдованія прояснили германскому образованному обществу, что крестьяне вовсе не такъ тупоумны, злы, дики, какъ они ему представлялись доселѣ, что исключительное общественное положеніе крестьянъ порождаетъ въ нихъ свои особенныя воззрѣнія на чуждыя имъ сословія, образуетъ особенную систему отношеній къ симъ послѣднимъ и что иногда въ крестьянахъ дѣйствуетъ затаенная неріязненность или просто презрѣніе тамъ, гдѣ мы свысока видимъ только ихъ безсмысліе или основанное на одномъ безсмысліи упорство. Въ особенности заслужило вниманіе всей Германіи сочиненіе Христіана Гарве: «о характерѣ крестьянъ», изд. въ Бреславлѣ 1786 г. Сочиненіе это важно и для насъ, русскихъ, потому что положеніе нѣмецкихъ крестьянъ тогдашняго времени и отношеніе ихъ къ тогдашнему образованному обществу до фотографической почти точности было одинаково съ нашимъ. Но прежде нежели обратимся къ сочиненію Гарве, мы приведемъ слова современнаго нѣмецкаго писателя, выясняющаго характеръ этого сочиненія и вмѣстѣ съ тѣмъ взглядъ современнаго Гарве общества на крестьянъ.

Книжечка Гарве, говоритъ онъ, проникнута человѣколюбивыми тенденціями, жизнь крестьянъ ему извѣстна ближе, чѣмъ кому нибудь изъ его современниковъ, заботившихся объ улучшеніи участи простаго народа. Даже предположенія, которыя онъ дѣлаетъ для возвышенія этого сословія, хотя и неудовлетворительны, какъ почти всегда бываетъ съ теоріями, когда дѣло идетъ о соціальныхъ *неустройствахъ*, но разумны. И однакожь, когда вы перелистываете эту благонамѣренную книгу, васъ проникаетъ

невольная дрожь. Не то страшно, что разсказываетъ авторъ о положеніи въ Германіи крестьянъ, но та манера, которую вынужденъ употреблять авторъ, чтобы выяснить, сдѣлать понятнымъ для читателя состояніе цѣлыхъ двухъ третей нѣмецкаго народа. Для него и для его современниковъ—это какіе-то иностранцы; есть что-то новое и заманчивое для гуманнаго чувства проникать въ состоянія этихъ особенной породы людей. Для сердца, памятующаго свято христіанскія обязанности, есть особенная прелесть въ томъ, чтобы уяснить себѣ, какъ глупость, грубость, злость простаго народа обнаруживаются въ частныхъ случаяхъ и откуда происходятъ. Авторъ самъ сравниваетъ ихъ положеніе съ положеніемъ жидовъ, онъ объясняетъ душевныя состоянія простаго народа почти точно такъ же, какъ наши филантропы стараются объяснять имъ душевныя состоянія людей, томящихся въ тюрьмѣ, онъ желаетъ искренно, чтобы свѣтъ гуманности проникъ и въ крестьянскія хижины, что съ этимъ свѣтомъ исчезнутъ въ нихъ испорченность и лѣность, и явится та энергическая сила труда, которую показываютъ нѣмецкіе колонисты въ дѣвственныхъ лѣсахъ новаго свѣта. Онъ выясняетъ разницу, не имѣя нисколько намѣренія иронизировать, между тѣми и другими тѣмъ, что въ нашихъ старыхъ государствахъ изъ множества трудящихся людей иные остаются безъ должнаго вознагражденія, поэтому у большей части народа охладѣваетъ ревность и охота трудиться. Почти все, что говоритъ Гарве въ этомъ родѣ, несомнѣнно вѣрно и прекрасно, — но при этомъ спокойномъ благожеланіи, которое образованный человѣкъ временъ Канта Еммануэля и той эпохи, когда нѣмецкая поэзія процвѣтала при дворѣ Веймарскомъ, высказываетъ къ простому народу, не видно въ его сочиненіи и тѣни намека на то, что именно въ этомъ презрѣнномъ и неиспорченномъ слоѣ и кроется именно ядро нѣмецкой народной силы.

«Самое огромное вліяніе на характеръ крестьянъ имѣетъ, говоритъ Гарве, ихъ слишкомъ тѣсная связь между собою. Крестьяне живутъ между собою гораздо общительнѣе, чѣмъ обыкновенно жители городовъ. Они видятъ другъ друга каждый день, при каждой надворной работѣ: лѣтомъ на полѣ, зимой въ овинѣ, на сходкахъ. Они, какъ солдаты, составляютъ одинъ корпусъ, и у нихъ есть корпусное единодушіе, esprit de corps. Отсюда происходятъ многія послѣдствія. Во-первыхъ, отъ постояннаго обращенія другъ съ другомъ, они по своему развиваются, выработываются; къ обращенію съ себѣ подобными они способнѣе, нежели обыкновенные ремесленники, и имѣютъ лучшіе, чѣмъ какіе имѣютъ ремесленники, понятія о многихъ отношеніяхъ общественной жизни, именно о тѣхъ, которыя обыкновенны въ ихъ состояніи и при ихъ образѣ жизни. Это постоянное обращеніе другъ съ другомъ, эта вѣчная жизнь на міру облегчаютъ для нихъ, какъ и для солдатъ, ихъ состояніе. Великое счастіе имѣть возможность жить въ общеніи съ людьми одного состоянія, и притомъ постоянномъ, почти безпрерывномъ. Черезъ это составляется близкое знакомство другъ съ другомъ, рождается взаимная довѣренность, по крайней мѣрѣ, во внѣш-

немъ обращеніи, безъ которой не можетъ быть пріятныхъ отношеній. Дворянство тоже сближается между собою, но оно сближается только съ равными себѣ и отдаляется отъ низшихъ. Но и съ равными себѣ оно сближается большею частію потому, что его побуждаютъ къ этому праздность и богатство. Крестьянинъ сближается совершенно по инымъ побужденіямъ. Его состояніе въ общемъ мнѣніи такъ низко, что оно препятствуетъ даже возникнуть въ немъ желанію сблизиться съ высшими себя, онъ почти не видитъ около себя никакихъ другихъ людей, кромѣ своего брата крестьянина. А его занятіе, его трудъ такого рода, что они то и дѣло сводятъ его вмѣстѣ только съ своею братьею.

«Въ этомъ обстоятельствѣ именно и заключается причина того, почему крестьяне дѣйствуютъ всегда, какъ одинъ корпусъ, почему въ средѣ ихъ все дѣлается большими массами, одна голова легко овладѣваетъ умами и можетъ руководить цѣлыя общины. Въ этомъ же заключается причина и того, почему лица другихъ сословій имѣютъ такъ мало нравственнаго вліянія на крестьянъ, даже и тогда, когда въ ихъ рукахъ находится власть и сила. Сужденія, образъ мыслей, примѣры высшихъ ихъ лицъ крестьяне видятъ и слышатъ рѣдко, и всегда только на короткое время.

«Долго старался я изучить, что значитъ именно слово tückisch, которое ни о комъ чаще не употребляется въ рѣчи, какъ о крестьянахъ. Словомъ этимъ выражается смѣсь дѣтства, простоты, слабости съ злостію, хитростію.

«Всякому, безъ сомнѣнія, случалось видать лицо крестьянскихъ мальчиковъ въ такомъ видѣ, когда у нихъ одинъ или оба глаза выглядываютъ какъ будто воровски изъ подъ полуопущенныхъ вѣкъ, ротъ открытъ, и на немъ виднѣется насмѣшливая, нѣсколько глуповатая улыбка, голова пригнута къ груди или опущена внизъ, какъ будто ее старается скрыть ея владѣлецъ, однимъ словомъ: такія лица, на которыхъ изображается страхъ, тупость, простоватость вмѣстѣ съ насмѣшкою и отвращеніемъ. Такіе мальчики, когда вы, желая отъ нихъ что нибудь узнать, начинаете съ ними говорить, остаются неподвижны и нѣмы, какъ палка, они не отвѣчаютъ на вопросъ, который имъ дѣлаетъ проходящій. Ихъ мускулы остаются безъ движенія, точно одеревенѣлые. Но едва только незнакомецъ отошелъ отъ нихъ нѣсколько шаговъ, какъ они бѣгутъ къ своимъ товарищамъ и разражаются громкимъ смѣхомъ.

«Низкое общественное положеніе крестьянина, его подчиненность, бѣдность рождаютъ въ немъ извѣстную робость въ присутствіи высшихъ; при этомъ его воспитаніе и образъ жизни дѣлаютъ его съ одной стороны несговорчивымъ и упрямымъ, а съ другой очень недалекимъ и невѣжественнымъ относительно многихъ предметовъ; натурально, что его желанія и его выгоды очень часто становятся въ противорѣчіе съ волею и приказаніями его начальства. Такимъ образомъ, если личнымъ образованіемъ онъ не успѣетъ уничтожить въ себѣ этихъ недостатковъ своего сословія, онъ дѣлается, по отношенію къ высшимъ, похожъ на того мальчика, о которомъ мы сказали выше. И именно

имѣющіе власть надъ крестьянами и приписываютъ имъ хитрость (tückisch) характера. Крестьянинъ, въ отношеніи къ нимъ, вмѣсто открытаго сопротивленія, ставитъ скрытность; на ихъ глазахъ онъ смиренъ, уступчивъ, даже по видимому преданъ имъ; но какъ скоро онъ убѣдился, что находится внѣ ихъ надзора, онъ начинаетъ дѣйствовать во всемъ вопреки ихъ волѣ и интересамъ. Онъ придумываетъ разныя уловки, извороты, хотя и не имѣетъ, разумѣется, искусства дѣлать все это такъ тонко, чтобы нельзя было скоро примѣтить.

«Какъ по общественному положенію такъ и по характеру ихъ всѣхъ, крестьянъ можно раздѣлить на два разряда. Совершенно угнетенный, подъ игомъ полнаго рабства, крестьянинъ въ своемъ обыкновенномъ состояніи является совершенно безчувственнымъ ко всему, не показывая ни малѣйшаго сопротивленія, не чувствуя даже въ себѣ самомъ желанія къ облегченію лежащаго на немъ гнета: онъ самъ добровольно падаетъ къ ногамъ того, кто хочетъ наступить на него. Но когда онъ отъ этой долговременной спячки пробуждается какимъ нибудь особеннымъ обстоятельствомъ, искуснымъ руководителемъ, тогда онъ дѣлается свирѣпымъ, какъ тигръ, и вдругъ съ покорностію раба теряетъ даже всѣ человѣческія чувства.

«Полусвободный крестьянинъ, который имѣетъ собственность и пользуется защитой закона, но подъ болѣе или менѣе тягостными условіями, привязанъ къ извѣстному клочку земли, за который онъ обязанъ работать своему владѣльцу-собственнику и подчиненъ его расправѣ,— такой крестьянинъ переноситъ лежащую на немъ тяжесть обыкновенно не безъ чувства... Конечно, можно не бояться за возмущеніе отъ него; но онъ будетъ вести постоянную тайную войну съ своимъ владѣльцемъ. Уменьшить его выгоды, увеличить свои — вотъ желаніе, которое онъ постоянно носитъ въ глубинѣ своего сердца,—вотъ цѣль, которую онъ постоянно втайнѣ, гдѣ только можетъ, преслѣдуетъ. Обманъ и небольшія кражи, которыя онъ дѣлаетъ въ имѣніи своего владѣльца, онъ почитаетъ дѣломъ вовсе не такъ постыднымъ, какъ почитаетъ постыдными подобныя дѣла въ отношеніи къ своему брату крестьянину. Онъ не вполнѣ покорный рабъ и не слишкомъ страшный врагъ для своего господина, — но отъ всего сердца, со всѣмъ усердіемъ онъ также никогда не будетъ работать для него. Вотъ именно то, что хотятъ обыкновенно выразить словомъ: tuckisch — коварный.

«Съ этимъ, какъ называютъ его, *коварствомъ*, всегда неразрывно бываетъ соединено, — или какъ необходимая составная часть его или какъ его послѣдствіе,—извѣстное *упорство*, которымъ всегда отличается крестьянинъ, когда онъ бываетъ въ страсти или когда въ немъ укоренился какой нибудь предразсудокъ. Въ подобныхъ случаяхъ въ немъ деревенѣетъ вмѣстѣ съ тѣломъ и всѣми его членами какъ будто и самая душа. Онъ дѣлается тогда глухъ ко всѣмъ представленіямъ, которые ему дѣлаютъ, какъ бы эти представленія ни были ясны и какъ бы ни былъ онъ способенъ понять ихъ справедливость, если бы не былъ предубѣжденъ. Люди, служившіе въ судахъ и занимавшіеся крестьянскими

процессами, встрѣчали иногда примѣры такого поразительнаго упорства въ идеяхъ, нелѣпыхъ до совершенной очевидности съ перваго взгляда, что недоумѣвали, отчего происходитъ это упорство — дѣйствительно ли отъ слѣпоты, или отъ затаенной злости? Духъ такого ничѣмъ необъяснимаго упорства овладѣваетъ иногда цѣлыми общинами. Тогда крестьяне дѣлаются похожи на тѣхъ помѣшанныхъ, о которыхъ обыкновенно говорятъ, что они имѣютъ ideam fixam т. е. представленіе, которое овладѣваетъ ихъ умомъ навсегда или возвращается снова при малѣйшемъ къ тому поводѣ,—и, какъ бы ни было ложно это представленіе, его не уничтожатъ ни очевидностію дѣла, ни убѣжденіемъ разума, потому что оно дѣйствительно имѣетъ основу не въ душѣ, но въ свойствѣ органовъ (познаванія).»

Есть и еще предубѣжденіе, сильно вкоренившееся въ значительной части нашего литературнаго міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и въ нашемъ образованномъ обществѣ, что мы среди другихъ народовъ составляемъ по устройству самой природы какой-то особенный народъ, что для цивилизированія своего мы предназначены добыть какія-то особенныя средства, что повтореніе того, что сдѣлала Европа даже хорошаго, убьетъ нашу оригинальную природу. Въ примѣръ особеннаго устройства нашего указываютъ обыкновенно на существующую у насъ общину, на привязанность къ вѣрѣ, на патріархальность нравовъ-вы, ражающуюся въ любви и братствѣ, по крайней мѣрѣ въ простомъ не хитромъ народѣ. Все это показываетъ только очевидное незнаніе прошедшей европейской жизни, которую мы доселѣ изучаемъ по исторіямъ, излагающимъ не жизнь того или другаго народа, а замѣчательныя проявленія собственно государственной жизни, открытія наукъ, искусствъ и т. п. Община необходимая форма первоначальной жизни всѣхъ народовъ. Она была и въ Европѣ. Конечно надобно пожалѣть, что она тамъ разрушена, но она все-таки не составляетъ особенности нашего устройства. Порывы піэтизма у насъ никогда не доходили до такихъ размѣровъ, въ какихъ они существовали, напримѣръ, хоть въ Германіи. Любовь и братство, вообще патріархальность, какъ всякій можетъ видѣть изъ приведеннаго нами отрывка изъ Гарве, необходимая принадлежность общинной жизни. Но этого мало: разсматривая жизнь, напримѣръ, Германіи, назадъ тому 100 лѣтъ, мы увидимъ къ нашему удивленію, что она по своему складу до послѣднихъ почти мелочей была похожа на нашу нынѣшнюю жизнь. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько отрывокъ изъ одного нѣмецкаго писателя, изображающаго жизнь Германіи въ XVIII столѣтіи. Читатель увидитъ самъ, что изображенія эти точно сняты съ жизни нашихъ нынѣшнихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ; въ числѣ ихъ есть такія, въ которыхъ не нужно измѣнять ни одной юты, чтобы приложить ихъ прямо къ Россіи.

«Домашняя дисциплина была строга. По утрамъ вездѣ, даже въ семействахъ, не принадлежавшихъ къ піетистамъ, творили въ присутствіи дѣтей и прислуги краткую молитву, состоявшую изъ трехъ частей: сперва пѣли священную пѣсню, потомъ слѣдовали молитвы или наставленія, и потомъ снова пѣніе. Вставали рано и ложились также рано. Обхожденіе въ домашнемъ быту было формально, отъ дѣтей и прислуги требовалась крайняя благоговѣйная почтительность, супруги почетныхъ гражданъ говорили еще другъ другу «*вы*».

«Все, что примыкало къ семейству, друзья, отдаленные знакомые— получало въ простой, иногда бѣдной жизни важное значеніе. Отъ друзей все еще искали и ожидали—повышенія, ходатайства, покровительства. Протежировать и принимать участіе считалось обязанностью. Оттого-то знатныя и вліятельныя знакомства считались необыкновеннымъ счастіемъ, котораго слѣдовало добиваться; серьезно хлопотали о томъ, какъ бы не пропустить случая оказать вниманіе, поздравить съ днемъ рожденія, устроить серенаду къ какому нибудь семейному празднику. Благоговѣніе къ высшимъ было очень велико: поцаловать своему патрону руку не считалось дурнымъ тономъ. Когда, 11-го августа 1741 года, графъ Шверинъ принималъ присягу въ курфирстскомъ залѣ, въ Бреславлѣ, протестантскій церковный инспекторъ хотѣлъ поцаловать прусскому фельдмаршалу руку. Бреславцевъ поразила не эта преданность главы ихъ духовенства, но то, что фельдмаршалъ обнялъ и поцаловалъ богослова.

«Духовное родство также скрѣпляло взаимныя отношенія бюргеровъ: крестный отецъ былъ обязанъ заботиться о преуспѣяніи крестника, и такое обязательство лежало на немъ до самой его смерти. Родители охотно предоставляли крестному отцу, если онъ былъ съ состояніемъ, рѣшительный голосъ въ рѣшеніи будущей участи ребенка, но за то они ожидали, что онъ своей послѣдней волею ясно докажетъ свое расположеніе къ крестнику.

«Такая жизнь горожанина съ умѣренною обстановкой развила нѣкоторыя особенности въ его характерѣ и образованности. Прежде всего она развила мягкій и легко поддающійся всякимъ чувствованіямъ нравъ, который тогда называли нѣжнымъ и чувствительнымъ. Основаніе такому особенному мягкосердію было положено великою войной и ея политическими послѣдствіями; піетизмъ еще болѣе развилъ это расположеніе. Почти каждый обладалъ извѣстнымъ навыкомъ возбуждать въ себѣ и другихъ извѣстную ажитацію чувства. Въ предшествовавшемъ столѣтіи семейная молитва творилась безъ всякаго смысла; теперь же эти благочестивыя созерцанія и назиданія, дѣлаемыя отцомъ семейства, давали поводъ къ драматичнымъ сценамъ. Громкая импровизированная молитва пріучила членовъ семей-

ства высказывать внятно все, что лежало у нихъ на сердцѣ. Часто давались обѣты и обѣщанія, дѣлались торжественныя увѣщанія и происходили трогательныя примиренія между супругами, родителями и дѣтьми; какъ нынѣ всячески избѣгаютъ чувствительныхъ сценъ, такъ тогда ихъ искали и наслаждались ими. Если какой нибудь честный учитель былъ удрученъ горестью, то онъ заставлялъ обыкновенно своихъ учениковъ пропѣть стихи, сообразные съ его настроеніемъ; при этомъ онъ очень легко впадалъ въ задумчивость и ему доставляло большое утѣшеніе, если мальчики старались угадать его мысли и облегчить его своимъ участіемъ. Такъ же точно проповѣдникъ любилъ съ каѳедры дѣлать своихъ прихожанъ повѣренными внутренней своей борьбы, и его признанія, горести и радости, раскаяніе и довольство выслушивались съ почтеніемъ и освящались молитвою. Если еще теперь нѣкоторыя личности производятъ на окружающихъ непріятное впечатлѣніе тѣмъ, что на мелочи тратятъ много чувства и нѣжно, патетически выражаютъ какое нибудь разстройство или *вопіющее* противорѣчіе натуръ, то па нихъ надобно смотрѣть какъ на запоздавшій цвѣтъ старинно-германскаго быта. И вообще добросовѣстный наблюдатель часто получаетъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы душевныя расположенія и характеристическія черты людей, живущихъ вмѣстѣ съ нами, ведутъ иногда свое происхожденіе изъ отдаленныхъ временъ нашего прошлаго, и современная жизнь кажется ему въ то же время какъ бы исторической картинной галлереей, въ которой рядомъ являются, дѣйствуютъ образованія и характеры изъ разныхъ эпохъ нашей народной жизни. Поколѣніе, современное 1750 году, по преимуществу было склонно къ трогательности и возвышеннымъ ощущеніямъ. Чувство, поступокъ или человѣкъ быстро могли прослыть великими, охотно расточались блестящіе, громкіе эпитеты для охарактиризованія пріятеля. Изъ собственнаго горя и несчастія ближнихъ умѣли извлекать извѣстнаго рода удовольствіе. Не много нужно было, чтобы заплакать о своемъ или чужомъ горѣ, но также легко плакали и съ радости, изъ благодарности, изъ благоговѣнія и отъ удивленія.

«Причиной такаго мягкосердія Нѣмцевъ была не иностранная литература, не Геллертъ и не литературные почитатели Клопштока: оно глубоко коренилось въ самомъ народѣ. Когда молодой магистръ Землеръ оставлялъ въ 1749 году Галльскій университетъ, онъ былъ очень грустенъ; онъ въ тихомолку обожалъ дочь своего любимаго учителя, профессора Баумгартена, хотя впрочемъ оставилъ на родинѣ, въ Зальфельдѣ, другую возлюбленную своей юности.

Эта грусть очень волновала его послѣдніе дни и затрудняла защищеніе диссертаціи. Но оно сошло благополучно и послѣ диспута онъ

импровизировалъ къ своему учителю Баумгартену, который тогда въ качествѣ предсѣдателя стоялъ на верхней каѳедрѣ, такую пламенную благодарственную рѣчь, что не только онъ самъ плакалъ, но и многіе изъ слушателей. Придя домой, Землеръ сѣлъ и расплакался снова о своей судьбѣ, а вѣрный товарищъ его, жившій съ нимъ, плакалъ вмѣстѣ съ нимъ почти цѣлые полдня. Очень натурально, что онъ уѣзжая проливалъ слезы, но онъ плакалъ все еще, когда, надобно путешествія, прибылъ въ Мерзебургъ, до котораго отъ [illegible]дину, передалъ письмо Баумгартена съ похвал[illegible]сти. было довольно долго ѣхать; и когда онъ, прибывъ своему отцу, то послѣдній также плакалъ, но [illegible]о конечно искренне и слезы дѣйст-

Въ этомъ случаѣ [illegible]. Но должно было часто случаться, что привычвительно [illegible] ка обр[illegible]ть взоръ внутрь себя и подслушивать внутреннія движенія переходила въ игру, а восхищеніе благородными движеніями души соблазняло къ аффектаціи.

Нѣмецкій языкъ не могъ выразить всего этого. Для многихъ родовъ ощущеній выраженія не были еще выработаны. — Книжный языкъ овладѣлъ умами, и всякое высокое ощущеніе человѣка должно было облекаться въ его періоды и формы; но этотъ языкъ могъ передавать только въ простомъ и ясномъ изложеніи спокойную мысль размышляющаго духа. Гдѣ страстное чувство хотѣло бы вылиться въ словахъ, тамъ надобно прибѣгать къ опошлившимся образамъ старинной реторики, и оно шумѣло сухими листьями реторическихъ фразъ. Піетисты, для выраженія своего настроенія, должны были изобрѣсти особый языкъ, выраженія котораго вошли скоро въ моду. То же самое было съ новыми оборотами, которыми люди болѣе талантливые старались обогатить языкъ чувствъ. Если какой нибудь поэтъ прочувствовалъ тихій трепетъ дружескаго поцалуя, то сотни людей повторяли его слова, сердечно радуясь силѣ выраженія. Слезы печали и благодарности, сладость дружбы точно такъ же дѣлались тотчасъ же ходячими фразами, которыя повторялись потомъ безъ всякой мысли.

Точно также заученой фразой смотрѣли всѣ общественныя отношенія. Стереотипныя формы общественныхъ отношеній и реторическіе комплименты дѣлали всякій поступокъ сценою, а нѣмцевъ 1750 года—актерами, становившимися смѣшными, если они неловко играли свою роль.

«Кто являлся къ покровителю, долженъ былъ хорошо обдумать все, чтобы походка его не была слишкомъ быстра или смѣла, или слишкомъ боязлива, чтобы понизить, какъ слѣдуетъ, голосъ и чтобы держать въ рукѣ шляпу такимъ образомъ, чтобъ она составляла приличный уголъ; онъ долженъ былъ приготовиться, чтобы привѣтствіе

не было слишкомъ длинно и не грубо, но въ мѣру и на столько поч-
тительно, чтобы могло возбудить расположеніе; много онъ долженъ
былъ также обращать вниманіе на повышеніе и пониженіе голоса,
чтобы все заранѣе обдуманное показалось вполнѣ естественнымъ.
Всякій, кто цѣловалъ женщинѣ или знатной особѣ руку, и въ этомъ
ствѣ старался выразить свое настроеніе и прилично сдержанное чув-
было привести свое лице въ прикосновеніе съ рукою, нужно ли
однѣми губами или къ ней, въ знакъ довѣрчиваго почтенія, только
какъ медленно выпускать ...омъ и глазами, какъ долго держать руку,
ности заранѣе обдумано; сдѣланное было очень важно и по возмож-
виновному большое огорченіе. Но если кто ...ость причиняла вѣроятно
предъ многочисленную публику, тотъ серьезно обду... ...ъ былъ предстать ...ъ позы, по-
ложенія и жесты, которыми онъ можетъ на нее подѣйствовать. Какъ
ни былъ смущенъ молодой Землеръ, когда онъ во время диспута
стоялъ на каѳедрѣ, онъ однако не забылъ стать въ «необыкновенную,
но не предосудительную» позу, въ которой онъ такъ быстро отвѣчалъ
своимъ оппонентамъ, что едва дослушивалъ до конца ихъ рѣчи; онъ
не забылъ также упомянуть, какъ «нѣжное волненіе его души» сдѣла-
ло его равнодушнымъ ко всѣмъ возможнымъ возраженіямъ противни-
ковъ. У женщинъ не только помахиваніе вѣеромъ, но и подниманіе, и
опусканіе глазъ, и улыбка были хорошо заученные поступки; конечно
требовалось, чтобы онѣ совершали ихъ прилично и съ тактомъ. Само
собою разумѣется, что и тогда не заученныя дѣйствія дѣлали человѣка
любезнымъ, а добрая натура, проглядывавшая сквозь этѣ формы. На-
правленіе это было не какая нибудь французская мода, втѣснившаяся
въ германскую жизнь чрезъ посредство танцмейстеровъ; это была внут-
ренняя необходимость, которая высказывалась въ то же время у всѣхъ
образованныхъ народовъ Европы и измѣнялась въ каждомъ сообразно
своеобразности его природы; и тамъ причиною конечно была потреб-
ность — восполнить внутреннюю бѣдность внѣшнимъ декорумомъ».

«Конечно у нѣмцевъ чрезъ подобную принужденность условныхъ
приличій прорывались черты прямоты и жесткости. Но стойкая и
твердая воля, какую мы считаемъ лучшимъ качествомъ мужчины, бы-
ла тогда въ Германіи рѣдкимъ явленіемъ. Такую волю можно было, ко-
нечно, встрѣтить за книгою и лишеніями, за трудомъ и исполненіемъ
тяжкихъ обязанностей, гдѣ она поражала даже своею энергіею. Но этой
добродѣтели часто не доставало нѣкоторыхъ мужественныхъ свойствъ.
Сто лѣтъ тяготѣвшее надъ бюргеромъ деспотическое государство сдѣ-
лало его пугливымъ, тяжелымъ на подъемъ и боязливымъ. Піетизмъ
еще содѣйствовалъ усиленію этихъ свойствъ. Постоянное созерцаніе
собственныхъ недостатковъ портило многія тонко организированныя

натуры препятствуя имъ высказываться искренно, прямо и просто. Кто дѣлался ученымъ, подвергалъ себя суровой дисциплинѣ этого званія, проводилъ время въ чрезмѣрномъ напряженіи памяти и за частыми ночными трудами, тотъ истощался и тѣломъ. Изъ многихъ примѣровъ мы можемъ вывести заключеніе, какъ часто въ то время ипохондрія и чахотка разрушали жизнь молодыхъ ученыхъ. Мягкія, раздражительныя, чувствительныя натуры, безпомощныя въ виду чего нибудь необыкновеннаго, представляютъ частыя явленія въ домахъ тогдашнихъ бюргеровъ. У большей части замѣтны то чрезмѣрная осторожность, то страстная неразсудительность. Но это еще не худшая сторона дѣла. Не одна воля, но и твердость убѣжденій, и чувство долга слишкомъ легко уступали передъ посторонними вліяніями. Еще почти вовсе не видно того спокойнаго самоуваженія, какого мы требуемъ отъ каждаго порядочнаго образованнаго человѣка. Деньги и наружныя почести имѣютъ еще огромную власть даже надъ честнымъ человѣкомъ. Геллертъ, считавшійся современниками за образецъ душевной чистоты и безкорыстія, будучи профессоромъ въ Лейпцигѣ, былъ самымъ пріятнымъ образомъ пораженъ, когда иностранный дворянинъ изъ Силезіи, котораго онъ вовсе не зналъ лично и съ которымъ обмѣнялся еще только нѣсколькими письмами, предложилъ его матери ежегодный пенсіонъ въ 12 червонцевъ. Въ своемъ отвѣтѣ онъ не преминулъ увѣрить въ пролитыхъ слезахъ признательности. Онъ никогда не задумывался принимать денежныя суммы, которыя присылали ему незнакомыя лица. И можно положительно утверждать, что въ 1750 году во всей Германіи между лучшими людьми наврядъ ли былъ хоть одинъ человѣкъ, который отказался бы отъ безъименнаго подарка.

Когда Фридрихъ Вильгельмъ I требовалъ отъ профессоровъ франкфуртскаго университета, чтобы они диспутировали съ его чтецомъ, Моргенштерномъ, стоявшимъ на каѳедрѣ въ шутовскомъ костюмѣ, никто не осмѣлился возстать противъ тираннической прихоти, кромѣ Іоганна Іакова Мозера, который считалъ себя еще чужимъ въ Бранденбургѣ и сохранилъ гордое сознаніе, что онъ занималъ почетное мѣсто при императорскомъ дворѣ. Но это происшествіе взволновало и его такъ сильно, что онъ опасно захворалъ. Гдѣ такой недостатокъ самоуваженія, какой замѣтенъ у прогрессистовъ того времени, тамъ всегда сильно развивается тщеславіе. Готшедъ, Глеймъ и Клопштокъ, Мозеръ и Пюттеръ, поэты, ученые и чиновники—всѣ страдаютъ этимъ недостаткомъ. И чтобы быть справедливымъ, надобно сознаться, что эта слабость была простительна въ то время, и нисколько не удивительно, что только самыя сильныя натуры избѣгнули ея. Всѣ были мягкосердны и чувствительны; говорить вѣжливости считалось приличіемъ; на правду тогда обращали меньше вниманія, нежели теперь, а требованія

приличій уважались больше. Кто вліялъ на другихъ умственнымъ трудомъ, кто собственными силами пріобрѣлъ значеніе въ своемъ кругу, тотъ почиталъ должнымъ получать похвалы и почести, и если ихъ не было, становился къ этой потерѣ очень чувствительнымъ. Кто не добылъ себѣ въ государствѣ титула, или званія, или мѣста, кто не пользовался преимуществомъ какого нибудь привиллегированнаго положенія, того безъ состраданія тѣснили, топтали, давили. Не заслуги, а признаніе вліятельными особами давали вѣсъ человѣку; одна ученость немогла доставить писателю читателей: для этого надобно было имѣть положеніе при университетѣ, большой кругъ слушателей, которые покупали бы и распространяли творенія учителя. Всякое положеніе было непрочно, вездѣ господствовали произволъ и сила. Величайшая слава опиралась гораздо болѣе на кружки личныхъ почитателей, нежели на вѣрную оцѣнку заслугъ цѣлымъ народомъ; оттого-то всякій отдѣльный похвальный отзывъ или порицаніе имѣли непонятную для насъ важность. Оттого каждый заботливо старался обязывать другихъ людей, быть признаннымъ ими.

Тогда какъ людей образованныхъ и вообще взрослыхъ начали интересовать политическія дѣла, воображеніе слугъ и дѣтей было переполнено другими картинами: старинное суевѣріе господствовало еще между ними и со временъ піетизма сдѣлалось еще гораздо сильнѣе. Наврядъ ли существовалъ въ это время хотя одинъ домъ, въ которомъ не было своей заколдованной комнаты. На могилахъ и церковныхъ папертяхъ появлялись привидѣнія, даже въ сараяхъ съ пожарными трубами шалилъ иногда передъ пожаромъ нечистый; все еще слышались таинственные жалобные крики, — варіація вѣрованія въ дикое войско (das wilde Heer), поселившагося въ душѣ народа послѣ великой войны; на старыхъ кошекъ смотрѣли, какъ на вѣдьмъ, съ боязливой увѣренностью разсказывали объ явленіяхъ покойниковъ, о предчувствіяхъ и многозначительныхъ снахъ. Еще серьезно занимались отыскиваніемъ скрытыхъ сокровищъ, въ каждомъ городѣ ходили достовѣрные разсказы о найденныхъ по близости кладахъ и о поискахъ, не удавшихся вслѣдствіе несвоевременнаго произнесенія какихъ нибудь словъ. Но всякій разсудительный отецъ семейства старается вразумить на этотъ счетъ своихъ дѣтей и прислугу. Представители новаго времени ведутъ почти во всѣхъ семействахъ оживленную борьбу съ тою разсудительностью и проницательностью, какую даетъ внутренняя побѣда надъ дѣтскими воспоминаніями собственной жизни.

«Просвѣщенный человѣкъ этого времени не отрицаетъ безусловно возможности таинственной связи съ другимъ невидимымъ міромъ, но онъ умѣетъ отнестись съ недовѣріемъ и ироніею къ каждому отдѣль-

кому случаю. Онъ принимаетъ еще, что за разрушеннымъ олтаремъ старой церкви и въ развалинахъ близкаго замка скрывается что-то крайне-странное, и что даже можно бы, можетъ быть, съ успѣхомъ, порыться тамъ; но онъ питаетъ гордое презрѣніе ко всякимъ огонькамъ и къ черной собакѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ разсказываетъ о томъ, какъ разные обманьщики злоупотребляли этимъ вѣрованіемъ стараго времени. И не проходитъ четверти года, чтобы въ какомъ нибудь журналѣ читатели не встрѣтили статью, въ которой опровергается возможность существованія горныхъ духовъ, объясняются физическими причинами огненные шары и чортовъ палецъ описывается какъ окаменѣлость. Въ каждомъ городѣ найдутся еще навѣрное суевѣры, мучимые привидѣніями; еще духовенство молится со своими прихожанами за этихъ несчастныхъ; но уже не только враги и свѣтскіе ученые, но и болѣе разсудительные бюргеры полагаютъ, что подобнаго рода дьяволы могутъ быть изгнаны не молитвами, а постомъ и слабительными средствами, потому что они суть слѣдствія ипохондріи и болѣзненнаго воображенія.

«Самое занимательное изъ происшествій дня было прибытіе и отбытіе почтоваго экипажа. Около этого времени гуляющіе очень охотно прохаживались вблизи почты. Обыкновенныя почтовыя сообщенія представляютъ еще очень медленное и неуклюжее средство передвиженія; ихъ медленность, напоминающая улитокъ, еще 50 лѣтъ спустя пользуется дурною славою. Искусственныхъ путей въ Германіи еще нѣтъ нигдѣ; только послѣ семилѣтней войны устраиваются первыя шоссе, конечно плохія. Люди, любящіе удобства въ дорогѣ, нанимаютъ обыкновенно экстренные экипажи, ради экономіи тщательно стараются о томъ, чтобы всѣ мѣста были заняты, а въ мѣстныхъ листкахъ, издававшихся въ послѣднее время почти во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ и въ столицахъ, печатаются вызовы товарищей для разныхъ путешествій. Для дальной дороги покупаютъ нарочно экипажи, а по прибытіи на мѣсто ихъ снова продаютъ. Дурное состояніе дорогъ даетъ почтовымъ содержателямъ право впрягать даже въ легкій экипажъ по 4 лошади, и только привиллегированные путешественники получаютъ отъ правительства особое разрѣшеніе брать 2 лошади. Люди не зажиточные обыкновенно пріискиваютъ обратныхъ, и о такихъ случаяхъ публикуется за нѣсколько дней напередъ. Если сообщенія между двумя мѣстами очень часты, то кромѣ обыкновенной почты и другаго болѣе быстро ходящаго экипажа, по извѣстнымъ днямъ ходятъ между ними фуры. Онѣ-то по преимуществу служатъ для сообщеній народа. Такъ въ 1750 году изъ Дрездена въ Берлинъ онѣ ходили каждыя двѣ недѣли; въ Альтенбургъ, Хемницъ, Фрейбергъ, Цвиккау одинъ разъ въ недѣлю; число пассажировъ

въ Бауценъ и Герлицъ не было такъ постоянно, чтобы фуры могли отходить по опредѣленнымъ днямъ. Въ Мейссенъ ходили такъ называемыя зеленая и красная фуры, каждая одинъ разъ въ недѣлю туда и назадъ. Даже въ самой лучшей фурѣ путешествовали очень медленно. Самою обыкновенною ѣздою было по 5 миль въ день, или въ 2 часа милю. Для проѣзда разстоянія въ 20 миль требовалось по крайней мѣрѣ 3 дня, обыкновенно же на это употреблялось 4 дня. Когда Клопштокъ съ Глеймомъ проѣхали въ легкомъ экипажѣ, запряженномъ четырьмя лошадьми, 6 миль въ 6 часовъ, то Клопштокъ нашелъ эту скорость столь необыкновенною, что сравнилъ ее съ бѣгами на олимпійскихъ играхъ. Если же дороги были слишкомъ дурны, что случалось обыкновенно въ дождливую осеннюю и весеннюю погоду, то всячески избѣгали путешествія; если же оно было неизбѣжно, то на него смотрѣли какъ на рискъ, при которомъ рѣдко обходилось безъ прискорбныхъ приключеній. Еще въ 1764 ганноверцы удивлялись тому, что ихъ посольство, посланное во Франкфуртъ на Майнѣ, на императорскую коронацію, проѣхало, не смотря на дурную погоду, безъ всякихъ поврежденій, ни разу не опрокинулось и не переломало себѣ ноги; только одна ось сломалась. Итакъ, путешествіе въ это время считается за предпріятіе, которое надобно сперва хорошенько обдумать и которое трудно выполнить безъ продолжительныхъ приготовленій. Прибытіе въ городъ иностранцевъ составляетъ событіе: толпа съ любопытствомъ окружаетъ остановившійся экипажъ. Только еще въ большихъ торговыхъ городахъ гостинницы начинаютъ устраиваться; въ этомъ отношеніи былъ знаменитъ Лейпцигъ. Путешественники очень охотно останавливались тогда у знакомыхъ, все въ тѣхъ же видахъ экономіи; кто отправлялся въ путешествіе, тотъ долженъ былъ разсчитать съ точностью свои расходы. Ему угрожало многое: путешествіе пѣшкомъ, дурныя дороги, разныя приключенія, неопрятные трактиры и грубое обхожденіе; тогда еще не было и слуху о хорошо-одѣтыхъ путешественникахъ-пѣшеходахъ, любующихся видами.

«Друзья путешественника не только провожали его съ живымъ участіемъ, но пользовались обыкновенно этимъ случаемъ для своихъ дѣлъ; ибо чувства преданности и довѣрія между знакомыми были тогда гораздо искреннѣе, нежели теперь. Отправлявшагося снабжали въ избыткѣ теплымъ платьемъ, рекомендательными письмами, разными припасами и умными совѣтами; но вмѣстѣ съ тѣмъ его обременяли различными коммиссіями, поручали всевозможныя покупки, иногда же имъ поручали болѣе важныя дѣла, взысканіе долговъ, наемъ учителей, даже посредничество въ сердечныхъ дѣлахъ. А кто отправлялся на большую ярмарку, тому приходилось запасаться особенными корзинками и ящиками, чтобы удовлетворить всѣмъ просьбамъ своихъ

пріятелей. Но къ подобнымъ взаимнымъ услугамъ принуждала также и необходимость; пересылка денегъ и посылокъ по почтѣ стоила еще очень дорого, да къ тому же этотъ способъ не вездѣ считался довольно вѣрнымъ. Поэтому-то между сосѣдними городами учреждалось правильное пѣшеходное сообщеніе; такъ въ Тюрингенѣ оно существовало до самаго послѣдняго времени. Такіе гонцы — нерѣдко женщины—переносили въ извѣстные дни туда и назадъ письма и порученія, не смотря ни на холодъ, ни на жаръ: они хлопотали о разныхъ покупкахъ и пользовались даже со стороны городскаго начальства довѣріемъ, какъ люди, на которыхъ можно положиться и которымъ оно поручало казенныя бумаги и акты. Они останавливались въ опредѣленномъ мѣстѣ, куда приносились посылки, адресованныя на мѣсто ихъ жительства. Если сношенія между двумя мѣстами были очень дѣятельны, то, пожалуй, взадъ и впередъ ходила телѣга съ задвижными ящиками, ключи отъ которыхъ хранились въ обоихъ мѣстахъ, у двухъ знакомыхъ семействъ.

«Домашнее хозяйство горожанина было бѣдно и скудно; только немногіе были на столько зажиточны, что могли окружить устройство дома и всей своей жизни хотя небольшимъ блескомъ; богачи легко еще подвергались опасности впасть въ безобразную роскошь, которая была причиною паденія многихъ княжескихъ дворовъ и тщеславныхъ дворянскихъ фамилій. Даже люди, которые могли бы жить довольно роскошно, устраивали свою жизнь обыкновенно очень просто, и ихъ зажиточность выказывалась только при торжественныхъ случаяхъ—въ посудѣ и угощеніи. Поэтому пиры имѣли всегда видъ парадныхъ, натянутыхъ собраній, ради которыхъ переворачивался весь домашній порядокъ; ничѣмъ свѣтскій человѣкъ не отличался такъ рѣзко, какъ большею свободою въ обществѣ. Порядокъ въ домѣ бюргера былъ самый строгій, совершенно строго опредѣлялъ все до послѣдней мелочи, кто что долженъ былъ дѣлать и чего слѣдовало отъ кого ожидать. Поздравленія, комплименты, т. е. вѣжливыя обращенія въ разговорѣ, даже деньги на водку — все имѣло свою точно опредѣленную величину и законную форму. Эти безчисленныя, мелкія правила придали всѣмъ отношеніямъ извѣстную, неизмѣнную правильность, которая совершенно отлична отъ вольности нашего времени. Все еще было въ обычаѣ въ извѣстные дни пускать кровь, принимать рвотное, платить счеты. Такъ же неизмѣнно были распредѣлены и удовольствія года, печенья, приличныя каждому дню, жареные гуси, гаданье, даже, если это только было возможно, катанье на саняхъ. Неразрушимымъ оставался разъ заведенный порядокъ домашняго хозяйства: массивная мебель, купленная молодыми при обзаведеніи, обитое кресло, купленное мужемъ съ аукціона, еще быть мо-

жетъ во время студенчества, складной письменный столъ, шкапы, — все это переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію. Но подъ этою окованною старинною жизнію началось уже свѣжее вѣяніе новаго, свободнаго духа; вопросъ: отчего? началъ касаться уже и мелочей вседневной жизни. И вездѣ появлялись отдѣльныя лица, которыя съ философскимъ самосознаніемъ стали говорить противъ обычаевъ, не имѣвшихъ, какъ имъ казалось, никакого разумнаго основанія. Еще больше было такихъ, въ душѣ которыхъ работалъ смутный порывъ къ свободѣ, самостоятельности и новому содержанію для жизни, порывъ, который отдалилъ ихъ отъ толпы и общества и сводилъ на окольные пути, дѣлая изъ нихъ оригиналовъ, странности которыхъ служили пищею для городскихъ толковъ».

Доселѣ рѣчь шла все болѣе о нравахъ и обычаяхъ. Сдѣлаемъ теперь выписку о внѣшнемъ видѣ города:

«Въ городѣ, говоритъ авторъ, начинаетъ водворяться порядокъ. Улицы становятся чище: кучи навоза, лежавшія лѣтъ 50 передъ домами, даже въ значительныхъ городахъ, свезены по распоряженію правительства. Число скота, содержимаго въ городахъ, также уменьшилось; свиньи и рогатый скотъ, разгуливавшій по городу между играющими дѣтьми и валявшійся въ уличной грязи, содержатся теперь въ заперти по заднимъ дворамъ и пристройкамъ. Правительство съ неудовольствіемъ взираетъ на то, что горожане внутри городскихъ стѣнъ содержатъ скотъ, и положило акцизъ за него. Такимъ образомъ, скотоводство оттѣснено въ бѣдныя предмѣстія и форверки, а земледѣліе только въ маленькихъ мѣстечкахъ служитъ къ пропитанію гражданъ. Полиція также исправляетъ свои обязанности, учрежденъ строгій надзоръ за нищими и мошенниками, паспортъ становится необходимою принадлежностію путешественника; магистратскіе служители не пьянствуютъ на улицахъ, а сидятъ за столомъ въ трактирахъ» и т. д. и т. д.

Удивительнѣе всего то, что даже нищенство, въ существованіи котораго у насъ И. С. Аксаковъ видитъ несомнѣнный признакъ особенной, намъ только русскимъ принадлежащей, доброты, было развито въ Германіи до огромнѣйшихъ размѣровъ. Вотъ въ какомъ положеніи находился, по свидѣтельству одного путешественника, Кельнъ въ 1794 году. «Кучи навоза лежали тамъ постоянно на улицахъ, освѣщенія не было никакого, мостовыя были такъ плохи, что въ темные вечера предстояла опасность сломить себѣ шею, даже дороги были не безопасны, потому что были наполнены голодающимъ сбродомъ. Нищіе составляли собою огромный цехъ, простиравшійся до 5—6 т. человѣкъ; до полдня они сидѣли и лежали рядами при церковныхъ дверяхъ, нѣкоторые помѣщались на стульяхъ; занятіе такого стула почиталось вѣрнымъ доходомъ и нищіе передавали ихъ по наслѣдству или въ при-

данное своимъ дѣтямъ; оставивъ эти обычныя мѣста своего пребыванія, нищіе разсыпались за милостынею по городу, по домамъ» и проч.

Прочитавъ все вышесказанное, читатель самъ увидитъ, что у насъ нѣтъ никакого особеннаго отъ природы устройства, въ сравненіи съ другими европейскими народами, что мы кажемся отъ нихъ слишкомъ различны только потому, что отстали отъ нихъ лѣтъ на сто или болѣе въ нашемъ развитіи, но что по этой самой отсталости, мы имѣемъ то важное предъ ними преимущество, что можемъ избѣгнуть тѣхъ ошибокъ и промаховъ, отъ которыхъ страдаютъ они. Важнѣйшій изъ этихъ промаховъ, сдѣланный ими, есть разрушеніе общины, какъ основы общества, и вслѣдствіе того обезземеленіе народа, развитіе пролетаріата и развращеніе массъ народныхъ бюрократической и канцелярской постройкой общества. Обо всемъ этомъ, впрочемъ, уже многократно и подробно было говорено въ «Современникѣ».

Изъ сказаннаго читатель усмотрѣть можетъ, что мы стоимъ за привитіе къ народу русскому европейской цивилизаціи во всей ея широтѣ, съ сохраненіемъ нашего кореннаго общиннаго устройства и съ устраненіемъ тѣхъ ошибокъ, которыя сдѣлали въ своемъ развитіи европейскія общества, имѣвшія въ виду большею частію не благо цѣлаго народа, а благо искусственно-созданныхъ привиллегированныхъ сословій и отдѣльныхъ кастъ.

Этимъ путемъ привитія къ нашей жизни европейской цивилизаціи идетъ и наше правительство.

Мы поименуемъ здѣсь тѣ изъ болѣе важныхъ реформъ, которыя предприняты или обнародованы уже въ нынѣшнее царствованіе.

19 февраля 1861 года, послѣдовала первая и важнѣйшая изъ этихъ реформъ — указъ объ освобожденіи крестьянъ отъ власти помѣщиковъ и Высочайше утвержденное положеніе о ходѣ этого дѣла.

Вмѣстѣ съ этимъ послѣдовало освобожденіе разныхъ наименованій крестьянъ, которые прикрѣплены обязательною работою, или службою, къ разнымъ казеннымъ фабрикамъ, заводамъ, учрежденіямъ, монастырямъ и т. п. А также предположено положеніе 19 февраля 1861 года въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются сельскаго общественнаго управленія примѣнить къ государственнымъ крестьянамъ, а также къ крестьянамъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній.

Высочайшее повелѣніе на постепенное преобразованіе управленія государственными имуществами послѣдовало еще въ 1858 году. Цѣлію этого преобразованія постановлено снятіе съ крестьянъ опеки государственныхъ имуществъ, — предоставленіе ихъ собственному самоуправленію и оставленіе въ завѣдываніи министерства государственныхъ имуществъ только управленія *собственно вещественными государственными имуществами*.

«Сѣверная Почта» въ началѣ прошедшаго года извѣщала, что основанія въ этихъ предположеніяхъ представлены уже въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія и заключаютъ въ себѣ слѣдующіе проекты:

1) «Проектъ отдѣленія завѣдыванія государственными крестьянами отъ управленія собственно вещественными государственными имуществами съ сокращеніемъ состава послѣдняго, сообразно уменьшенію круга предстоящей ему дѣятельности».

2) «Проектъ примѣненія къ государственнымъ крестьянамъ тѣхъ именно началъ положенія 19 февраля 1861 года, которыя могутъ способствовать улучшенію быта сельскихъ обывателей, посредствомъ положительнаго опредѣленія условій постояннаго пользованія имъ казенною землею; посредствомъ облегченія имъ возможности пріобрѣтать эту землю въ собственность; посредствомъ ближайшаго означенія имѣющихъ быть отбываемыми крестьянами, за предоставленную имъ въ пользованіе землю, государственныхъ повинностей и наконецъ посредствомъ предоставленія имъ нѣкоторыхъ правъ въ отношеніи передвиженія и самоуправленія».

3) Подробный проектъ правилъ для выкупа государственными крестьянами предоставленныхъ имъ въ пользованіе земельныхъ угодій» — и

4) «Проектъ самой передачи управленія государственными крестьянами въ общую инстанцію *съ сохраненіемъ за первыми нѣкоторыхъ, основанныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, казенныхъ учрежденій* и съ соблюденіемъ извѣстной постепенности, которую министры государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ признаютъ, по принятому соглашенію, необходимою въ виду предстоящаго еще устройства общихъ уѣздныхъ управленій, могущихъ принять въ свое завѣдываніе массу населенія въ 10 милл. душъ».

Какое движеніе имѣютъ всѣ эти проекты, неизвѣстно.

25 марта и 23 апрѣля 1859 года Высочайше утверждены были общія правила преобразованія земскаго губернскаго управленія. Кореннымъ основаніемъ преобразованія признано *отдѣленіе дѣлъ судебныхъ, слѣдственныхъ и домашняго хозяйства отъ дѣлъ общей губернской и уѣздной администраціи.*

Относительно слѣдственныхъ дѣлъ высочайшимъ указомъ 8 іюля 1860 года утверждено положеніе о судебныхъ слѣдователяхъ. Также составлены, разсмотрѣны въ государственномъ совѣтѣ и 29 сентября 1862 года высочайше утверждены «основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи».

Составленіе проектовъ преобразованія полицейскаго и хозяйственнаго управленія губерній и уѣздовъ возложено было на особую ком-

миссію о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, образованную по высочайшему повелѣнію 29 марта 1859 года при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, 25 декабря прошедшаго года, обнародованы *временныя правила объ устройствѣ полиціи въ городахъ и уѣздахъ губерній, по общему учрежденію управляемыхъ*, при высочайшемъ указѣ, въ которомъ изъясняются между прочимъ слѣдующія основанія новаго устройства полиціи.

«1) Впредь до изданія общаго учрежденія полиціи, въ губерніяхъ, управляемыхъ по общему учреженію (св. зак т. II, ч. 1, ст. 3), земскую и городскую полиціи соединить въ одинъ составъ, за исключеніемъ всѣхъ губернскихъ и нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ, коимъ сохранить свою отдѣльную отъ уѣздной полицію.

«2) За тѣмъ уѣздную и городскую полиціи въ означенныхъ губерніяхъ образовать на основаніи временныхъ правилъ, не распространяя дѣйствія ихъ на столичныя полиціи въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, устроенныя по особымъ учрежденіямъ, и на полиціи нѣкоторыхъ городовъ, военныхъ портовъ и мѣстечекъ, неподвѣдомственныхъ мѣстному губернскому начальству, а состоящихъ въ завѣдываніи особыхъ управленій.

«3) Введеніе означенныхъ правилъ и штатовъ въ дѣйствіе предоставить ближайшему усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, который снабдитъ преобразуемыя полиціи надлежащими наставленіями о порядкѣ внутренняго въ нихъ дѣлопроизводства.

«4) Съ преобразованіемъ полиціи на основаніи вновь изданныхъ правилъ, теперешнихъ земскихъ исправниковъ переименовать въ уѣздныхъ исправниковъ, и какъ назначеніе ихъ по симъ правиламъ будетъ впредь зависѣть отъ правительства, то изъ выбранныхъ дворянствомъ нынѣшнихъ исправниковъ оставить въ новой должности тѣхъ только, кои, по усмотрѣнію начальниковъ губерній, могутъ дѣйствительно съ пользою исполнять обязанности, на нихъ вновь возлагаемыя; прочихъ же за тѣмъ уволить, замѣстивъ ихъ другими лицами, также по непосредственному усмотрѣнію начальниковъ губерній.

«5) Тамъ, гдѣ городская и земская полиціи, на основаніи новыхъ правилъ, будутъ соединены въ одинъ составъ, городническія правленія присоединить къ земскимъ судамъ, званіе же городничихъ или полиціймейстеровъ упразднить, возложивъ ихъ обязанности на уѣздныхъ исправниковъ, а обязанности городскихъ полицій на уѣздныя полиціи. Земскіе суды, при новомъ ихъ образованіи, именовать повсемѣстно уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ.

«6) Въ городахъ, сохраняющихъ отдѣльную отъ уѣздной полицію, оставить ее въ подчиненіи полиціймейстерамъ, а городническія правленія именовать городскимъ полицейскимъ управленіемъ.

На основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 25 марта 1859 года,

которымъ указанно *«предоставить хозяйственному управленію большее единство, большую самостоятельность, большее довѣріе и опредѣлить степень участія каждаго сословія въ хозяйственномъ управленіи»*, составлены программы *для составленія соображеній относительно улучшенія общественнаго управленія въ городахъ»*, которое утверждено 7 мая 1862 года. Въ этой программѣ высказывается необходимость устраненія слѣдующихъ недостатковъ существующаго общественнаго управленія:

1) Всѣ общественныя дѣла города сосредоточиваются въ рукахъ лицъ податнаго сословія, которыя одни и считаются гражданами; прочіе же обыватели города устранены отъ участія въ дѣлахъ общественныхъ.

2) Нигдѣ не существуетъ общей думы въ томъ значеніи, какое она должна имѣть по закону; составляемыя въ замѣнъ ея общественныя собранія представляютъ не рѣдко многочисленную и безпорядочную толпу, руководимую иногда нѣсколькими лицами изъ своекорыстныхъ видовъ.

3) Совѣщательныя дѣла общества смѣшаны съ дѣлами исполнительными, отчего и всѣми дѣлами общественными весьма нерѣдко произвольно распоряжаются секретари и другіе канцелярскіе чиновники.

4) Вообще нѣтъ правильнаго и точнаго разграниченія въ правахъ и обязанностяхъ общественныхъ учрежденій въ рукахъ должностныхъ лицъ.

Для устраненія этихъ недостатковъ въ основаніи предположеній были приняты министерствомъ внутреннихъ дѣлъ слѣдующія начала, соблюденіе которыхъ считается необходимымъ въ программѣ до правильнаго устройства общественнаго городскаго управленія:

1) Принадлежность къ городскому обществу опредѣлить не по одному праву состоянія, но и по праву собственности, и вслѣдствіе того предоставить участіе въ дѣлахъ общества городскимъ жителямъ *всѣхъ сословій*, несущихъ по городу повинности.

2) Сужденіе о дѣлахъ общественныхъ, а также выборы въ общественныя должности предоставить *опредѣленному* числу уполномоченныхъ изъ общества, образовавъ изъ нихъ общую думу.

3) Непосредственно самимъ *гражданамъ дозволить собираться только для выбора уполномоченныхъ*, воспретивъ имъ притомъ входить въ разсужденія или постановлять приговоры по какимъ либо предметамъ.

4) Въ самыя собранія *для* выбора уполномоченныхъ допускать гражданъ безпорочнаго поведенія, имѣющихъ опредѣленный возрастъ, а обывателей не приписанныхъ къ городу, не менѣе опредѣленнаго числа лѣтъ.

5) Совѣщательныя дѣла общества *отдѣлить* отъ исполнительныхъ и 6) опредѣлить точнѣе значеніе всѣхъ вообще городскихъ учрежденій и разграничить обязанности должностныхъ лицъ.

Въ мартѣ 1862 года кончила свои занятія *коммиссія*, высочайше утвержденная для устройства *земскихъ банковъ*. Коммиссія, сколько извѣстно, начертала проектъ закона для частныхъ кредитныхъ учрежденій, открывающихся съ цѣлію производства операцій по залогу недвижимыхъ имуществъ, и изложила свое мнѣніе о мѣрахъ могущихъ способствовать успѣху этихъ учрежденій и вообще упроченію поземельнаго кредита въ имперіи. Правительственныя мѣры, указываемыя коммиссіею, должны заключаться въ устраненіи разныхъ существующихъ препятствій къ устройству и дѣятельности частныхъ банковъ, къ которымъ, по мнѣнію коммиссіи, необходимо окончательно перейдти отъ прежней системы казенныхъ банковъ.

Коммиссія о пересмотрѣ податей и сборовъ дѣятельно трудится надъ своею задачею. Ею составленъ уже проектъ преобразованія системы подушныхъ налоговъ и основанныхъ на той же системѣ земскихъ сборовъ съ цѣлію переложенія личныхъ налоговъ на главнѣйшіе источники производства. Изъ этого общаго проекта предполагается привести въ исполненіе со второй половины 1863 года замѣну подушной подати съ мѣщанъ налогами на мѣщанскую торговлю и городскія строенія. По косвеннымъ налогамъ коммиссіею составленъ и, по разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ, утвержденъ проектъ положенія о пошлинахъ за право торговли; для уясненія вопроса объ акцизѣ съ свекло-сахарнаго производства вызваны эксперты изъ заводчиковъ, торговцевъ сахаромъ и фабрикантовъ; въ коммиссіи же о податяхъ и пошлинахъ составленъ проектъ новой системы соляного дохода съ отмѣною продажи ея отъ казны и со взиманіемъ одного только акциза. Та же коммиссія въ силу послѣдовавшаго въ 1853 году высочайшаго разрѣшенія частнымъ лицамъ заниматься производствомъ золотаго промысла по всей имперіи составила проектъ устава о частной золотопромышленности, къ обсужденію котораго и приступлено въ 1862 году.

Указомъ отъ 4 іюля 1861 года отмѣнена винная откупная система и съ 1 января нынѣшняго года замѣнена системой акцизной.

Съ 1862 года дозволенъ привозъ кантонскаго чая.

По военному вѣдомству послѣдовало значительное сокращеніе арміи, уничтожены военныя поселенія, отдѣленія кантонистовъ, сокращенъ срокъ солдатской службы съ 25 до 15 лѣтъ.

По народному образованію въ 1856 году начато было ученымъ комитетомъ главнаго правленія училищъ составленіе новаго проекта устава гимназій и училищъ, которое и было кончено въ 1860 году. По

замѣчаніямъ учебныхъ заведеній и отдѣльныхъ лицъ, проектъ былъ передѣланъ и изданъ въ новой редакціи и вторично посланъ для обсужденія въ совѣты университетовъ и гимназій. Нынѣ по слухамъ ученый комитетъ, принимая въ соображеніе полученныя о проектѣ мнѣнія, съ 1-го декабря прошедшаго года занимается новой его редакціей.

Въ концѣ 1861 года составлена коммиссія о преобразованіи университетовъ. Проектъ устава, составленный этою коммиссіею, предварительно представленія на высочайшее утвержденіе былъ разосланъ для предварительнаго разсмотрѣнія въ университетскіе совѣты и нѣкоторымъ лицамъ духовнаго и гражданскаго вѣдомства. Полученныя замѣчанія поручено разсмотрѣть комитету главнаго правленія училищъ, съ тѣмъ чтобы онъ исправилъ проектъ сообразно съ полученными замѣчаніями. По слухамъ эти работы окончены ученымъ комитетомъ, и новый проектъ университетскаго устава представленъ на разсмотрѣніе и утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ.

28 іюля 1862 послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особаго присутствія для изысканія способовъ къ большему обезпеченію быта духовенства.

Изъ неполнаго перечня поименованныхъ нами реформъ читатель видитъ, что наша жизнь обнята и тронута ими сполна. Еслибъ только половина ихъ совершилась съ желаннымъ успѣхомъ, Россія сдѣлала бы огромный шагъ впередъ на пути своего развитія.

Можетъ быть, въ послѣдствіи мы будемъ имѣть случай поговорить о каждой изъ нихъ: теперь же обратимъ вниманіе нашихъ читателей на двѣ весьма важныя изъ нихъ для общаго благосостоянія, именно на реформѣ предположенной относительно перемѣны податей и реформѣ относительно солянаго налога.

Коммиссія, учрежденная для улучшенія податей и сборовъ, доселѣ окончательно не выработала положеній новой податной системы. Но, кажется, въ чернѣ работа эта уже готова. По крайней мѣрѣ предположенія, на основаніи которыхъ разовьется ею эта система, уже извѣстны. Онѣ изъяснены въ статьѣ: «раскладка податей», помѣщенной въ 5 № «Народнаго Богатства». По этой системѣ мы, на сколько можемъ, и познакомимъ нашихъ читателей съ трудами коммиссіи.

Прежде всего замѣтимъ, что по исчисленію одного изъ лучшихъ нашихъ публицистовъ, далеко впрочемъ низшему дѣйствительнаго размѣра, сумма всѣхъ доходовъ, исключительно собираемыхъ съ нашихъ податныхъ сословій (какъ подушная и оброчная подать), или почти исключительно съ нихъ (какъ паспортная пошлина, винный акцизъ, соляной акцизъ) составляютъ 203,270, 163 р. 11 к. Это значитъ, въ общей массѣ всего государственнаго дохода: 296,000,000 р. сборы съ податныхъ сословій составляютъ $^{7}/_{10}$ частей.

Блистательный успѣхъ коммиссіи объ улучшеніи податей и сборовъ былъ бы тогда, когда бы нашли возможность всю массу прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, лежащихъ исключительно на податныхъ сословіяхъ, или почти только на нихъ однихъ, распредѣлить между всѣми сословіями такимъ образомъ, чтобы налоги, не касаясь личнаго труда, равномѣрно распредѣлялись по доходамъ съ имуществъ. По непредвидимости подобныхъ результатовъ ей было поставлено въ обязанность, не уменьшая прямаго налога, взимаемаго нынѣ съ податныхъ сословій, въ количествѣ 75,000,000, распредѣлить его между всѣми сословіями удобно и соразмѣрно съ средствами плательщиковъ.

Для разрѣшенія этой трудной задачи, лучшимъ средствомъ представлялась коммиссіи прежде всего подать *подоходная*. «Подать подоходная, — говоритъ статейка «Народнаго Богатства», лежитъ на всѣхъ классахъ и не дастъ привиллегіи классамъ, болѣе достаточнымъ, какъ это было у насъ до сего времени. При этомъ, конечно, нужно брать во вниманіе не валовой доходъ, а чистую прибыль, освобождая отъ подати малоимущихъ гражданъ и возвышая напротивъ процентъ сбора для болѣе достаточныхъ, (налогъ прогрессивный). Этотъ налогъ существуетъ въ Англіи (income tat), въ сѣверо-американскихъ штатахъ и Пруссіи. Но,—продолжаетъ статейка,—*коммиссія признала его у насъ неудобнымъ, по причинѣ трудности его взиманія*. Поданный въ коммисію проектъ подоходной подати былъ отвергнутъ въ «отдѣлѣ прямыхъ податей».

За тѣмъ оставались: налогъ на капиталъ, промыселъ и потребленіе.

Налогъ на промыселъ въ видѣ *патентоваго* сбора и принятъ коммиссіею въ системѣ податей торговаго сословія.

Налогъ на *денежный капиталъ* коммиссія признала неудобнымъ, по трудности взиманія его и по малочисленности у насъ акцій, облигацій, фондовъ и т. п. Поэтому коммиссія остановилась на налогѣ поземельномъ.

«Поземельный налогъ является или въ видѣ подати на землю, независимо отъ степени ея доходности, какъ налогъ на капиталъ, или въ видѣ процентнаго сбора съ поземельной ренты. На первый взглядъ налогъ этотъ кажется весьма удобнымъ практически, такъ какъ укрыть землю отъ фиска невозможно; налогъ же на ренту, кромѣ того, по теоріи считается наиболѣе справедливымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ облагается производительность земли, независимо отъ капитала и труда. Прудонъ, рѣзко и горячо опровергая справедливость прямыхъ налоговъ всякаго рода, останавливается на налогѣ съ поземельной ренты и признаетъ его единственно согласнымъ съ идеей справедливости. «Внѣ фискальнаго ряда—говоритъ онъ—существуетъ предметъ, болѣе всѣхъ

удобный для налога, но который, однакожь, никогда еще не былъ откровенно обложенъ. Налогъ этотъ можетъ дойдти до совершеннаго поглощенія предмета налога, не повредивши ни труду, ни земледѣлію, ни потребленію, ни богатству. Онъ, не отягощая народа, дозволитъ всякому жить по своему состоянію, въ довольствѣ и роскоши и наслаждаться произведеніями науки и таланта; налогъ этотъ, кромѣ того, есть выраженіе самаго равенства. Этотъ предметъ *поземельная рента*». Но самъ Прудонъ считаетъ свою теорію пока еще утопіей и говоритъ, что для полнаго осуществленія ея надо много условій. Какъ бы то ни было, но въ примѣненіи къ нашей странѣ поземельный налогъ вовсе не оказывается столь удобнымъ, какъ это кажется съ перваго взгляда.

«Мы уже говорили, что земля у насъ, даже и удобная, часто не имѣетъ цѣнности по отсутствію рабочихъ рукъ и капиталовъ, и отдѣлить земли доходныя отъ недоходныхъ чрезвычайно трудно. Ежели налагать подать на ренту, то надо взять въ разсчетъ, что государственные крестьяне платятъ уже оброчную подать, которая частью перечислена на землю, а частью перечисляется. Мы знаемъ, что и такъ часть налога перенесена на промыслы, такъ какъ обложить всею податью землю оказалось невозможнымъ, по причинѣ ея малодоходности.

«Остается земля помѣщичья, состоящая частью въ непосредственномъ ихъ владѣніи, частью въ пользованіи временно-обязанныхъ крестьянъ. На кого же наложить подать: на помѣщиковъ, или на крестьянъ?.. По смыслу «Высочайше утвержденнаго 19-го февраля Положенія» (ст. 10 и 164), повинности лежатъ на крестьянахъ; но крестьяне и такъ платятъ *за землю* высокій оброкъ, который, предоставляя помѣщикамъ вознагражденіе за потерянное право на личный трудъ, превосходитъ обыкновенную ренту. Слѣдовательно, налогъ во всякомъ случаѣ будетъ не на землю, а на трудъ. Помѣщики же въ пользованіи землею и безъ того стѣснены необходимостью вести хозяйство на новыхъ основаніяхъ, для чего они часто не имѣютъ денежныхъ средствъ. Особенно же трудно рекомендовать у насъ поземельный налогъ потому, что оцѣнка земли потребовала бы огромныхъ и дорогостоющихъ кадастровыхъ работъ, результаты которыхъ, какъ за границей, такъ и у насъ, оказались неудовлетворительными. Взять же за основаніе оброчную подать временно-обязанныхъ крестьянъ *по «Положенію»* Коммиссія не могла, потому что подать эта основана не на дѣйствительной доходности земли, а на размѣрѣ стараго оброка. Вотъ почему, принимая поземельный налогъ, Коммиссія сочла необходимымъ ограничиться, по крайней мѣрѣ на первое время, невысокою суммою сбора. До сего времени налоги, платимые ежегодно крестьянами Европейской Россіи, составляли до 75 милліоновъ. Изъ нихъ 15 милліоновъ уплачивается съ земли (оброчная подать государственныхъ крестьянъ и часть земскихъ повинностей въ окадастрованныхъ губерніяхъ). Изъ остальныхъ 60 милліоновъ слѣдуетъ вычесть: оброчную подать въ прочихъ губерніяхъ, которая также переложится на землю по кадастру (9 мил-

ліоновъ), сумму, остающуюся отъ земскихъ повинностей, и часть общественнаго сбора (7 милліоновъ; остальная часть перечисляется въ государственныя подати) и мірской сборъ (3 милліона). Остается болѣе 40 милліоновъ, которые должны, по существующимъ правиламъ, выплачиваться подушно. Коммиссія полагаетъ возможнымъ перенести изъ этой суммы на землю отъ 8 до 10 милліоновъ, такъ что всей поземельной подати, прибавивши еще 4,000,000 на мировыя учрежденія и нѣкоторыя лежащія на землѣ повинности, будетъ около 15,000,000, не считая оброчной подати государственныхъ крестьянъ (около 25,000,000). Сумма эта, т. е 15 милліоновъ, конечно, невелика, сравнительно съ пространствомъ земли: всего приходится, среднимъ числомъ, по 9 коп. на десятину; но назначить ее выше Коммиссія сочла невозможнымъ, по-изъясненнымъ уже нами причинамъ. Эти 8—10 милліоновъ должны быть разложены на всѣ земли, состоящія въ частномъ владѣніи, какъ у государственныхъ крестьянъ, такъ у помѣщиковъ и временнообязанныхъ; размѣръ новаго налога предполагается отъ $^1/_2$ коп. до 9 коп. съ десятины, смотря по мѣстностямъ. Очевидно, назначенъ размѣръ налога столь незначительный для того, чтобы налогъ этотъ не падалъ на капиталъ.

«Затѣмъ остается еще около 32 милліоновъ, которые Коммиссія предполагаетъ (въ видѣ переходной мѣры) разложить на крестьянскія строенія *подворно*, такъ что, при количествѣ $6^1/_2$ милліоновъ дворовъ въ государствѣ, подати придется около 5 руб. сер. съ каждаго двора.

«Коммиссія вообще выразила то мнѣніе, что налогъ на потребленіе справедливѣе налога на доходъ; но такъ какъ налогъ на жизненные припасы падалъ бы слишкомъ тяжело на бѣднѣйшую часть гражданъ, а налогъ на предметы роскоши не оплатилъ бы расходовъ фиска, то признана лучшею и удобнѣйшею подать на жилище, такъ какъ эта потребность общая и избѣгнуть фиска невозможно.

«Кромѣ крестьянскихъ строеній, по мнѣнію Коммиссіи, могутъ быть обложены и дома, принадлежащіе лицамъ другихъ сословій, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ (помѣщичьи дома въ деревняхъ, фабричныя строенія, дворы священниковъ, отставныхъ солдатъ и пр.). Этимъ налогомъ Коммиссія предполагаетъ замѣнить часть душеваго мѣщанскаго оклада; остальная же часть его замѣнится патентнымъ сборомъ за право промысловъ. Размѣръ налога признано назначить небольшой, такъ какъ дома въ городахъ уже обложены податью на городскіе расходы, а дома въ уѣздахъ вообще бездоходны. По приблизительному расчету, сумма подати будетъ для городовъ 1,750,000, а для домовъ въ уѣздахъ до 300,000 рублей сер.

«При обсужденіи способовъ, которыми Коммиссія предлагаетъ замѣнить подушную подать, нельзя не замѣтить, что подворный налогъ, хотя и есть уже шагъ впередъ, относительно подушнаго, но все-таки не достигаетъ главной цѣли: соразмѣрности со средствами плательщиковъ. Правда, этотъ недостатокъ значительно сгладится мѣстнымъ распредѣленіемъ подати въ губерніяхъ и уѣздахъ и дальнѣйшимъ участі-

емъ въ раскладкѣ ея самихъ домохозяевъ, о чемъ будетъ говорено ниже. Значительнымъ улучшеніемъ будетъ то, что при подати подворной личность плательщика будетъ менѣе стѣснена относительно общества. Отвѣчать за исправное отбываніе податей онъ будетъ самъ, своимъ имуществомъ, слѣдовательно у него будетъ больше свободы передвиженія, чѣмъ было при теперешней системѣ круговой поруки. Это, вѣроятно, дастъ возможность ослабить строгость и формальность паспортной системы, надъ чѣмъ трудится Коммиссія, учрежденная при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для пересмотра устава о паспортахъ. Конечно, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ общинное владѣніе землею, оно насильственно отмѣнено быть не можетъ, и тамъ круговая порука отчасти должна остаться по необходимости.

«Мы сказали, что неравномѣрность подворной подати значительно сгладится вліяніемъ мѣстнаго элемента въ раскладкѣ этой подати между плательщиками. Вообще говоря, отсутствіе централизаціи въ распредѣленіи и взиманіи податей имѣетъ благодѣтельное вліяніе и на успѣшность поступленія сбора, и на самыхъ плательщиковъ, которые не смотрятъ тогда на налогъ, какъ на обязательность чисто внѣшнюю, особенно ежели налогъ этотъ идетъ на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей. Извѣстно, что въ Англіи и Сѣвероамериканскихъ штатахъ, гдѣ прямой налогъ потребляется на мѣстѣ сбора, обязанности фиска менѣе затруднительны, такъ какъ плательщики оказываютъ менѣе стремленія уйдти отъ закона. Ежели же государство не можетъ достигнуть того, чтобы прямой налогъ потреблялся тамъ, гдѣ онъ собирается, ежели необходимъ налогъ центральный, то самое лучшее: опредѣлить сумму его по приблизительному разсчету для извѣстной мѣстности, начертавъ только главныя основанія сбора, и затѣмъ предоставить все мѣстному элементу. Такъ, отчасти, дѣлается во Франціи, гдѣ назначается сумма поземельной подати для каждаго департамента; но тамъ дальнѣйшее распредѣленіе производится по кадастру. У насъ предполагается назначить, по приблизительному разсчету, сумму сбора для каждой губерніи на шесть лѣтъ и затѣмъ предоставить дѣло мѣстнымъ учрежденіямъ.

«Работы комитетовъ по земскимъ повинностямъ никогда почти не оканчиваются къ сроку, по причинѣ недостатка времени и тревожнаго дѣлопроизводства. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ члены комитетовъ не принимаютъ никакого участія въ дѣлахъ, потому что всѣ они заняты своими собственными служебными обязанностями и отчетностью.

«Уже проектированы мѣстныя хозяйственныя учрежденія, члены которыхъ должны быть лица выборныя, облеченныя довѣріемъ сословій. Имъ предполагается поручить въ полное завѣдываніе сборы и расходы той части земскихъ повинностей, которая останется на земствѣ, а не перечислится въ государственныя подати. Разумѣется, при этомъ допущенъ будетъ полный контроль общественнаго мнѣнія. Далѣе эти же учрежденія будутъ завѣдывать сборомъ государственныхъ податей и раскладкой ихъ по уѣздамъ, участкамъ, городамъ и селеніямъ.

Сумма поземельной и подворной подати для каждой губерніи будетъ назначаться, какъ мы уже сказали, на шесть лѣтъ правительствомъ; разверстка же между уѣздами будетъ для подворной подати ежегодная. Уѣздныя учрежденія будутъ распредѣлять подать между участками и селеніями; а землевладѣльцы и домохозяева сдѣлаютъ окончательное распредѣленіе ея между собою. При опредѣленіи подати съ домовъ въ городахъ будетъ взято во вниманіе число жителей, которое у насъ лучше всего показываетъ средства города.»

Таковы предположенія, сдѣланныя коммисіею въ видахъ улучшенія нашей податной системы. У насъ въ послѣднее время такъ много писано о налогахъ нашими публицистами, что намъ остается только воспользоваться ихъ замѣчаніями, чтобы оцѣнить результаты, добытые трудами коммиссіи.

Трудности, найденныя коммиссіею въ неудобствѣ взиманія подоходной подати, въ силу которыхъ она и была отвергнута, не новы и существуютъ не у насъ однихъ. Тѣ же самыя трудности встрѣчаемы были и другими европейскими государствами при установленіи *подоходной* подати, и однакожь въ силу одного только этого обстоятельства подоходная подать не была нигдѣ отвергаема, а напротивъ признана и принята всюду въ лучшихъ государствахъ, какъ единственно способная для уравненія налоговъ между всѣми сословіями государства.

Трудности, которыя представляются неизбѣжными при ея распредѣленіи, разныя государства старались устранить разными путями — одни, какъ Франція, западная Пруссія, *кадастромъ*, другіе, какъ Англія, отчасти Пруссія и Сѣверо-американскіе Штаты—предоставленіемъ самимъ общинамъ опредѣлять доходъ своихъ членовъ и сообразно съ тѣмъ налогъ.

Кадастръ, т. е. усчитываніе самимъ правительствомъ, повидимому на точномъ основаніи правилъ науки доходовъ, получаемыхъ въ каждой мѣстности, ни во Франціи, ни въ западной Пруссіи, гдѣ производился онъ самымъ усерднымъ образомъ, не привелъ ни къ какимъ результатамъ.

Во Франціи кадастръ, начатый въ 1801 году, едва конченъ былъ къ сороковымъ годамъ. Въ 1821 году была окадастрирована только треть страны, въ 1830 г. половина; — производство кадастровыхъ работъ обошлось Франціи въ 130 милліоновъ. По окончаніи кадастра оказалось, однакожь, что его не возможно примѣнить къ дѣлу. Цифры, имъ добытыя, не только не обѣщали уравненія налоговъ противу прежняго, но и сами по себѣ представлялись иногда совершенно не вѣроятными. Изъ двухъ, напримѣръ, владѣній, существовавшихъ рядомъ по кадастровымъ изысканіямъ одно должно было нести подать, рав-

нявшуюся болѣе, чѣмъ половинѣ своихъ доходовъ, а другое, лишь $^1/_{60}$ часть. Одинъ изъ французскихъ финансистовъ оцѣнилъ слѣдующими словами кадастровыя работы Франціи: «мы думаемъ, что правительство должно покинуть извилистый и безвыходный путь, по которому шло оно 32 года, должно выйдти изъ этого лабиринта, на который растратило 130 милліоновъ. Мы должны сказать, что почти всѣ финансовые чиновники считаютъ кадастръ дѣломъ пустымъ и напраснымъ». Точно такъ же кадастръ не привелъ ни къ какимъ желаннымъ результатамъ и въ западной Пруссіи.

Дѣло въ томъ, что кадастръ, какъ бы онъ ни былъ тщательно производимъ, не имѣетъ никакой возможности ни уловить, ни опредѣлить тѣхъ разнообразныхъ и постоянно измѣнчивыхъ условій, въ силу которыхъ имѣнія, совершенно, по видимому, одинаковыя, могутъ давать доходы въ разное время совершенно разные. Онъ беретъ также данные доходы въ данное время, — изъ чего не можетъ быть никакихъ вѣрныхъ заключеній къ будущему безъ точнаго соображенія всѣхъ условій мѣстности. При томъ же и въ данное время опредѣленіе сравнительной доходности двухъ мѣстностей приблизительно вѣрно можетъ быть сдѣлано только при совершенной ихъ однородности и близости между собою. Чѣмъ разнороднѣе статьи ихъ дохода и чѣмъ далѣе они находятся другъ отъ друга, тѣмъ сравненіе дѣлается труднѣе, а на пространствахъ совершенно отдаленныхъ, въ мѣстностяхъ огромныхъ, гдѣ усложняется рядъ причинъ, производящихъ тѣ или другія явленія, теряется возможность всякаго сравненія.

Если присовокупимъ къ этому, что кадастръ производится въ разныхъ мѣстахъ разными лицами, слѣдовательно подъ вліяніемъ различныхъ началъ и взглядовъ, что трудно провести до конца разъ принятый пріемъ сравненія по обширнымъ и отдѣленнымъ мѣстностямъ, что кадастръ производится обыкновенно въ разныхъ мѣстахъ въ разное время, когда измѣняются уже, и цѣны и хозяйственныя условія, такъ что въ сущности постоянно приходилось сравнивать прошедшее съ настоящимъ и устанавлять стоимость по даннымъ, принадлежащимъ различнымъ срокамъ, то понятно, что попытка кадастрировать имущества государства всегда будетъ только тратой времени.

«Такъ, заключаетъ одинъ изъ нашихъ публицистовъ, изслѣдованіями котораго мы теперь пользуемся, не состоятеленъ оказался со всѣхъ сторонъ кадастръ, даже на такомъ незначительномъ пространствѣ, какъ западная Пруссія, занимающая не болѣе 845 квадр. миль: она не болѣе нашей Минской губерніи. Ясно, что въ примѣненіи къ большимъ пространствамъ неудобства кадастра должны оказаться еще болѣе рельефными. Какъ бы ни были вѣрно произведены кадастровыя

оцѣнки въ данную минуту, остается спросить, какъ долго можно будетъ разсчитывать на ихъ точность. Доходъ съ земель мѣняется, какъ извѣстно, точно такъ же быстро, какъ и доходъ отъ промысловъ, и въ самое короткое время вноситъ совершенную путаницу въ кадастръ.

«Остается одно средство: это періодическая повѣрка кадастра, но она столько же трудна, какъ первоначальный кадастръ. Мы замѣчали, что результаты кадастра должны быть тѣмъ печальнѣе, чѣмъ больше страна, къ которой онъ примѣняется. Самое большое государство изъ всѣхъ пытавшихся кадастроваться, — Австрія, — не могла въ теченіе 60 лѣтъ не только составить кадастра, но даже остановиться наконецъ на какомъ нибудь изъ придуманныхъ пріемовъ кадастраціи.»

Кадастръ былъ производимъ и у насъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, но не принесъ также никакихъ плодовъ.

Другой путь, которымъ нѣкоторыя государства стараются избѣгнуть трудности распредѣленія подоходной подати, состоитъ, какъ мы уже сказали, въ предоставленіи самимъ общинамъ опредѣлять доходъ своихъ членовъ и сообразный съ тѣмъ налогъ. Вотъ что говоритъ помянутый нами публицистъ о распредѣленіи и взиманіи подоходной подати подобнымъ путемъ въ Англіи и Сѣверо-американскихъ штатахъ:

«Въ Англіи поземельная подать въ пользу центральнаго фиска обратилась такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ постоянный налогъ; но особыя условія, на которыхъ организована въ этой странѣ администрація, и особое устройство самой финансовой системы дали такъ вопросу о поземельной подати возможность разрѣшиться иначе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

«Въ Англіи, хотя не столь ясно, какъ въ Сѣверной Америкѣ, поняли, что дѣйствительная связь, организующая населеніе государства въ одно цѣлое, держится не на механическомъ единствѣ, что государственное единство зависитъ не отъ возможности покрыть изъ конца въ конецъ страну одной сѣтью властей и учрежденій, составляющихъ непосредственное продолженіе центральнаго административнаго узла,—что напротивъ государственная связь основывается на положительныхъ интересахъ, соединяющихъ отдѣльныя лица, и на единствѣ ихъ чувствъ.

«Въ числѣ этихъ условій первое мѣсто занимаетъ довольство жителей того или другаго округа своимъ мѣстнымъ управленіемъ, а это зависитъ отъ ихъ права вліять на ходъ своей мѣстной администраціи, предназначать свои деньги на предметы собственнаго благоустройства и распоряжаться ими по собственному усмотрѣнію.

«Всѣ эти преимущества въ Англіи устроены въ пользу однихъ поземельныхъ собственниковъ, чего мы, конечно, не защищаемъ: но

сдѣсь рѣчь идетъ не о тѣхъ частныхъ формахъ, въ которыхъ устроилось здѣсь начало такъ-называемой административной децентрализаціи, а только о самомъ *«началѣ»*.

«Въ силу этого начала значительная доля поземельнаго сбора въ видѣ подоходной подати взималась издавна и взимается до сихъ поръ въ Англіи внутри отдѣльныхъ графствъ и общинъ самимъ мѣстнымъ населеніемъ, въ томъ размѣрѣ, въ которомъ признавалась и признается нужнымъ, и употребляется на содержаніе мѣстнаго управленія, церквей, мостовъ, дорогъ, на содержаніе бѣдныхъ, и т. п. Сборы эти не входятъ въ государственный бюджетъ, установляются, взимаются и расходуются безъ всякаго участія и контроля центральной власти.

«Почти такимъ же порядкомъ собирается мѣстная подоходная подать внутри отдѣльныхъ общинъ каждаго штата Сѣверной Америки, вовсе не входя въ бюджетъ штата; разница только та, что мѣстные расходы въ Сѣверной Америкѣ распредѣляются на предметы болѣе широкихъ общественныхъ нуждъ, гораздо раціональнѣе и основательнѣе, чѣмъ въ Англіи; главная доля мѣстныхъ расходовъ предназначается тамъ на народное образованіе, на постройку дорогъ и прочіе предметы общественнаго благоустройства, то есть такіе предметы, которые прежде всего служатъ тѣсному сближенію людей и должны составлять главное основаніе истиннаго единства. Управленіе въ собственномъ смыслѣ слова поглощаетъ весьма незначительный процентъ мѣстныхъ сборовъ. Въ Англіи это не совсѣмъ такъ, хотя и въ ней главные расходы не идутъ собственно на управленіе; какъ бы то ни было, въ Англіи на ряду съ общей поземельной податью издавна существовала мѣстная подоходная подать, которою и покрывается значительная часть расходовъ на управленіе. Этотъ мѣстный сборъ въ Англіи и вмѣстѣ съ Валлійскомъ составляетъ около 12 милл. ф. ст., изъ которыхъ поземельная собственность оплачиваетъ около 9 милл. ф. ст. или 57 милл. р. сер. съ пространства 2742 квадр. миль и съ 18 милл. жител., то есть около 20,000 рублей съ мили и 3 рублей съ души. Между тѣмъ въ Западной Пруссіи всего поземельнаго сбора приходится не болѣе 5,500 р. на квадратную милю и 1 р. 40 коп. на душу.

«Когда же общая государственная казна почувствовала надобность въ прямомъ налогѣ на собственность, то установили, въ видѣ чрезвычайной мѣры, подоходную подать. Это имѣло нѣкоторыя удобства: сюда входила въ сущности и поземельная подать, но къ ней присоединялась подать съ другихъ доходовъ. Это казалось, и прибыльнѣе, и справедливѣе, и кромѣ того для распредѣленія ея не нужно было прибѣгать къ новымъ сложнымъ оцѣночнымъ операціямъ; для основанія распредѣленія могла служить существующая таксація доходовъ для мѣстныхъ сборовъ. Такъ была установлена подоходная подать (income-tax) по случаю войны съ Наполеономъ.

«Прекращенная въ 1816 году съ водвореніемъ мира, она была во-

возобновлена въ 1842 г. и съ тѣхъ поръ постоянно увеличивалась до 1857 года; въ этомъ году она давала болѣе 15 милл. ф. стер. — Въ слѣдующемъ году она была понижена на половину.

«Она, по ходу вещей, должна войти въ разрядъ постоянныхъ налоговъ, хотя въ настоящее время и составляетъ еще какъ бы только чрезвычайный дополнительный ресурсъ фиска.

«Не касаясь болѣе обстоятельствъ income-tax, скажемъ нѣсколько словъ о системѣ, сущность которой заключается въ мѣстныхъ сборахъ.

«Прежде всего съ этой системой децентрализаціи, какъ доказывается вышеприведенными цифрами, связана возможность повышать податной процентъ до извѣстной степени, не возбуждая такихъ жалобъ со стороны платящихъ, какъ при центральной подати. Есть большая разница въ томъ, платится ли взносъ на непосредственныя и дѣйствительныя нужды платящаго или на расходы, ему неизвѣстные и совершенно чуждые. Важнѣйшее зло центральнаго налога состоитъ именно въ томъ, что онъ идетъ не на дѣйствительныя потребности платящаго. Мы не хотимъ сказать, чтобы англійская система мѣстныхъ налоговъ уравнивала податную повинность каждаго, соразмѣрно тѣмъ выгодамъ, которыми онъ пользуется. Нѣтъ, система эта только болѣе приближаетъ общественные расходы къ мѣстнымъ нуждамъ. Раціональностью расходовъ она болѣе способствуетъ благоустройству. Притомъ она не требуетъ ни той траты времени, ни тѣхъ денегъ, какъ система кадастра. Если французскій кадастръ длился 40 лѣтъ, то легко представить, сколько потребовалъ бы времени кадастръ въ Россіи; между тѣмъ какъ англійская система переоцѣнокъ повторяется ежегодно. Наконецъ, не выходя изъ предѣловъ чисто формальнаго уравненія сбора, она значительно упрощаетъ операцію уравненія, врядъ ли можетъ доводить распредѣленіе до такихъ крайнихъ несообразностей, какія обыкновенны при системѣ кадастра. Такъ Типперарійское графство не можетъ оказаться доходнѣе Девонширскаго, или, что почти то же, наша Смоленская губернія — богаче Курской, — что случается иногда при кадастрѣ.

«Другое преимущество англійской системы заключается въ томъ, что при ней подать распредѣляется по оцѣнкамъ, возобновляющимся ежегодно при каждомъ новомъ сборѣ, и самыя оцѣнки дѣлаются не по разсчетамъ фиктивнаго дохода, который должна давать каждая десятина, а состоятъ въ опредѣленіи реальнаго дохода съ каждаго отдѣльнаго владѣнія, основанномъ на показаніяхъ самихъ владѣльцевъ, подтверждаемыхъ соотвѣтствующими актами, арендными договорами, купчими и проч. — Въ Америкѣ, гдѣ вся система управленія отличается необыкновенной простотой, самый механизмъ распредѣленія подати очень простъ: каждая община, занимающая пространство 10—60 квад. миль, съ населеніемъ отъ 3 до 12,000 жителей, для своего управленія избираетъ извѣстное число лицъ (selectmen), которыя и завѣдуютъ текущими дѣлами общины. Затѣмъ, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ,

собираются общинныя собранія, въ которыхъ каждый членъ общины является съ одинаковымъ правомъ голоса, независимо отъ размѣра его имущества. На этихъ собраніяхъ выборные представители общины отдаютъ отчетъ о результатахъ управленія за истекшій годъ и происходитъ вотированіе новаго общиннаго бюджета. Распредѣленіе налоговъ производится особенными лицами, избираемыми въ каждой общинѣ на одинъ годъ; они носятъ названіе assesors. Вся сумма сборовъ, причитающаяся съ общины, какъ на ея нужды, такъ и въ пользу штата, распредѣляется этими лицами между членами общины на слѣдующихъ основаніяхъ: незначительная часть общаго оклада, слѣдующаго въ пользу штата, распредѣляется поголовно на каждаго взрослаго мужчину (poll-tax); а собственно общинный налогъ распредѣляется пропорціонально имуществу членовъ. Съ этой цѣлью каждый членъ общины представляетъ распредѣлителю подробный инвентарь всего своего имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго, включая стада и денежные капиталы, отданные въ оборотъ, акціи и вообще бумажныя цѣнности. На основаніи этихъ показаній, таксаторы производятъ оцѣнку, имѣя право возвышать ее, когда есть положительныя основанія, напримѣръ, формальные акты, обнаруживающіе дѣйствительный доходъ того или другаго владѣльца.

«Для предупрежденія утайки бумажныхъ цѣнностей и капиталовъ, банки и компаніи на акціяхъ обязаны вести реестры всѣмъ своимъ членамъ и сообщать имена ихъ съ надлежащими свѣдѣніями въ общины. Такъ оцѣнивается доходъ со всякаго рода имуществъ, а затѣмъ налогъ распредѣляется на каждаго члена сообразно числу долларовъ, въ какое оцѣненъ его доходъ.

«Въ Англіи эта операція разнится отъ американской только частностями.

«Для мѣстныхъ сборовъ существуетъ въ Англіи нѣсколько отдѣльныхъ таксъ, сообразно предметамъ, на которые взимаются эти сборы: они называются county-rate, borough-rate, poor-rate, highway-rate и church-rate. Опредѣленіемъ этихъ предметовъ и ограничивается вліяніе законодательства на мѣстные сборы, а самый размѣръ сборовъ совершенно зависитъ отъ усмотрѣнія мировыхъ судей.

«Они на годовомъ или четвертномъ съѣздѣ назначаютъ собрать сумму, какая имъ кажется нужною. Когда израсходуется $^3/_4$ прошлаго сбора, они назначаютъ новый. Мировые судьи не подлежатъ при опредѣленіи величины сбора никакому контролю мѣстныхъ жителей и никакой отвѣтственности передъ ними. Добросовѣстность ихъ тутъ обезпечивается исключительно тѣмъ, что они главные землевладѣльцы графствъ, и потому несутъ значительную долю мѣстныхъ расходовъ, и что еще важнѣе—гласнымъ веденіемъ дѣла. Въ ряду такихъ таксъ главную долю сборовъ составляетъ такса на бѣдныхъ, и естественно, что подъ ея вліяніемъ выработался порядокъ таксаціи, который сталъ основаніемъ и для прочихъ сборовъ.

«Надсмотрщики надъ бѣдными составляютъ по каждому приходу

вѣдомость всѣмъ лицамъ, подлежащимъ окладу, съ обозначеніемъ валоваго и чистаго дохода каждаго лица. По вопросу, какіе предметы подлежатъ окладу, практика дала характеристическую фразу: Visible profitable property in the parish («видимая и дающая выгоду собственность»); подъ этимъ подразумѣвается не только недвижимая собственность, но и всѣ вещи, какъ то: орудія ремеслъ и производства, служащія доказательствомъ получаемаго дохода. Самая оцѣнка дохода производится на основаніи реальныхъ его признаковъ: арендныхъ договоровъ, купчихъ и т. д., и измѣняется съ каждой перемѣной въ этихъ основаніяхъ оцѣнки.

«На неправильную оцѣнку подается жалоба мировымъ судьямъ на четвертныхъ съѣздахъ; а въ послѣднее время учреждены для этого спеціальные съѣзды.

«Эта оцѣнка, дѣлаемая для мѣстныхъ сборовъ, значительно облегчаетъ оцѣнку доходовъ, и для общаго подоходнаго сбора, которая также производится каждый годъ вновь, и въ сущности оказывается лишь повѣркой оцѣнокъ, сдѣланныхъ для мѣстныхъ сборовъ. Предварительныя свѣдѣнія и всѣ матеріалы для нея (арендныя условія, свѣдѣнія объ оцѣнкахъ на мѣстные сборы и т. д.) собираются тѣми же надсмотрщиками надъ бѣдными и доставляются особымъ чиновникамъ, учрежденнымъ въ округахъ и установляющимъ оцѣнку. Она сообщается каждому владѣльцу съ правомъ апелляціи въ особую коллегію изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ владѣльцевъ.»

Изъ сказаннаго нами читатель усмотрѣть можетъ, что распредѣленіе и взиманіе подоходной подати не такъ трудно какъ это могло бы представиться; что самый трудный и многосложный способъ ея распредѣленія, именно кадастръ, оказывается именно самымъ не нужнымъ и безполезнымъ на дѣлѣ, что напротивъ именно болѣе простой и удобоисполнимый способъ ея распредѣленія посредствомъ каждой мѣстной общины оказывается на дѣлѣ самымъ лучшимъ, вполнѣ достигающимъ своей цѣли. Почему бы этотъ послѣдній способъ не могъ быть приложенъ и у насъ? — Конечно, по новости дѣла, по необычайности самаго налога, у насъ сначала не обошлось бы безъ нѣкоторыхъ трудностей и неудовольствій... За то это былъ бы самый твердый и самый вѣрный къ быстрому возвышенію экономическаго благосостоянія всего государства и къ упроченію самаго бюджета казны.

«Огромность налоговъ, падающихъ на низшіе классы—говоритъ одинъ изъ нашихъ публицистовъ, — въ значительной степени объясняетъ вамъ нужду, замѣчаемую въ массѣ нашего населенія, и вполнѣ объясняетъ малую сумму доходовъ, получаемыхъ государствомъ. Главная часть платежей на покрытіе государственныхъ издержекъ требуется съ людей, еще не успѣвшихъ сдѣлаться зажиточными, и не-

лишость платежей, требуемыхъ съ нихъ, не допускаетъ ихъ сдѣлаться зажиточными. А съ людей бѣдныхъ нельзя получить много, какъ бы ни были требовательны сборы съ нихъ. Потому въ итогѣ получается сумма незначительная. Исправить это неудовлетворительное для самой казны положеніе дѣлъ можно не иначе, какъ измѣнивъ самое распредѣленіе количества съ разныхъ классовъ; если бѣдные будутъ платить меньше, они скорѣе могутъ стать зажиточными; если съ зажиточныхъ и богатыхъ будетъ требоваться больше, то и доходъ казны будетъ обильнѣе».

Затѣмъ публицистъ приблизительно опредѣляетъ ту цифру сбора, которая дала бы подоходная подать.

«По общему принципу всякаго подоходнаго налога, отъ него должны быть свободны доходы, не достигающіе извѣстной величины, едва достаточные для сноснаго содержанія семейства. Въ Англіи этотъ minimum принятъ въ 100., ф. ст. около 600 р. У насъ деньги дороже, чѣмъ въ Англіи, потому за minimum надобно принять меньшую сумму — положимъ 300 рубл.

Въ Англіи количество доходовъ, подпадающихъ налогу, далеко превышаетъ 1,500 мил. рубл. серебр.

Если предположимъ, что русское населеніе даже въ 4 раза бѣднѣе англійскаго, — пропорція конечно уже слишкомъ низкая, — то все таки Россія, вдвое болѣе населенная, чѣмъ Англія, представляла бы для налога сумму доходовъ только вдвое меньшую, чѣмъ Англія. Можно полагать по этому, что количество доходовъ, подлежащихъ налогу, оказалось бы у насъ отъ 800 до 1000 мил. руб. Налогъ въ 5 к. съ рубля далъ бы отъ 40 до 50 милл.

Столь же затруднительно по неразработанности данныхъ сказать, какую часть ренты понадобилось бы брать для замѣны суммъ, доставляемыхъ нынѣ разными видами подушной подати, подъ разными именами. Но судя опять только по приблизительному впечатлѣнію, надобно думать, что средняя величина ренты съ земель, занятыхъ пашнями и лугами, составляетъ не меньше 1 руб. 50 коп., съ десятины. Такихъ земель считается 100 мил. десятинъ, (мы говоримъ исключительно о Европейской Россіи). Прибавивъ еще ренту, даваемую лѣсами и угодьями, мы увидимъ, что общую сумму ренты не слѣдуетъ предполагать менѣе 200 мил. руб. серебр.; по всей вѣроятности она гораздо больше. Но если и не больше, то все-таки налогъ, берущій только отъ $^1/_8$ до $^1/_4$ ренты, давалъ бы около 50 мил. рублей.

Установленіе этихъ двухъ налоговъ, спеціальнаго налога съ ренты и общаго подоходнаго налога, — которые вмѣстѣ давали бы около 100 мил. руб. серебр., дало бы возможность отмѣнить подушную и такъ называемую оброчную подать и понизить винный акцизъ до вели-

чины, которая бы не была обременительна и не порождала бы корчемства. А такая реформа открыла бы путь къ быстрому улучшенію матеріальнаго быта массы, т. е. и къ улучшенію доходности налоговъ, лежащихъ на промышленной и коммерческой дѣятельности».

Авторъ дѣлаетъ вычисленія, какъ онъ выражается *по приблизительному опчатьльнію*. Предположимъ, что въ этомъ исчисленіи есть промахи. Предположимъ, во-первыхъ, что въ немъ слишкомъ мало понижается цифра сравнительной дороговизны денегъ у насъ съ дороговизною ихъ въ Англіи. Можетъ быть, относительно Петербурга, Москвы и немногихъ еще большихъ городовъ, доходъ въ 300 руб. долженъ быть признанъ едва достаточнымъ для поддержанія семейства; но относительно другихъ городовъ, въ особенности селъ, онъ можетъ быть понижонъ на 150, и даже на 100 руб.; предположимъ, во-вторыхъ, что мнѣніе автора, что наша бѣдность только въ четверо больше англійской, ниже дѣйствительности. Для исчисленія нашихъ доходовъ примемъ за мѣрку отношеніе нашихъ внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ къ оборотамъ внѣшней торговли другихъ странъ. Обороты эти представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Великобританія	1,880	т. таллеровъ.
Германія безъ Австріи . .	1,400	»
Франція	1,280	»
Америка	1,000	»
Австрія	406	»
Китай	400	»
Россія	380	т. таллеровъ.

Конечно, внѣшняя торговля не можетъ представлять собою никакого точнаго мѣрила для измѣренія богатства страны, завися отъ множества случайныхъ причинъ; тѣмъ не менѣе, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, они все-таки до извѣстной степени могутъ служить указателемъ недостатка или избытка ея произведеній. И такъ на основаніи данныхъ внѣшней торговли предположимъ, что Россія въ пять разъ бѣднѣе Англіи; и какъ данныя внѣшней торговли показываютъ цифры совокупныхъ оборотовъ всей страны, то будемъ брать это сравненіе не въ поголовномъ отношеніи Россіи къ Англіи, а въ цѣломъ общемъ составѣ одного населенія къ другому. И въ такомъ случаѣ количество доходовъ, подлежащихъ налогу, должно представить у насъ собой цифру въ 300 милл. рублей. Слѣдовательно налогъ по 5 коп. серебромъ дастъ 15 мил. рублей. Что касается до количества нашихъ земель, занятыхъ пашнями и лугами, и до предполагаемой авторомъ съ нихъ ренты по 1 р. 50 коп. съ десятины, то здѣсь въ томъ и другомъ случаѣ предположеніе автора стоитъ, по нашему мнѣнію, ниже дѣй-

ствительной цифры. Авторъ исчисляетъ только земли европейской Россiи; но и въ европейской Россiи въ это исчисленiе не вошли земли крестьянъ удѣльнаго вѣдомства, количество которыхъ неизвѣстно. Кромѣ того много земель въ Сибири и на Кавказѣ. Количество всѣхъ земель, занятыхъ лугами и пашнями, занимаетъ у насъ не менѣе 200 мил. десятинъ. Рента, въ 1 р. 50 коп., опредѣленная авторомъ, по нашему мнѣнiю, также слишкомъ ничтожна. Мы не можемъ представить себѣ ни одного мѣста въ европейской россiи, гдѣ бы эта рента могла быть ниже 2 р. Намъ извѣстно, что даже въ Сибири въ то время, когда хлѣбъ въ мукѣ продавался тамъ не дороже 10 к. пудъ, въ мѣстахъ населенныхъ земли охотно арендовались по 2 р. за десятину. Такимъ образомъ рента въ 2 р. серебромъ можетъ по нашему мнѣнiю быть признана нормальной для всѣхъ земель въ Россiи. Предположимъ даже, что найдутся мѣста, для которыхъ этотъ размѣръ окажется великъ. Для нихъ по разсмотрѣнiи дѣла могло бы быть сдѣлано впослѣдствiи исключенiе. Предположимъ даже больше, предположимъ, что рента, нами назначенная, оказалась бы выше дѣйствительной ренты во всей Россiи, что *земля*, какъ говоритъ коммиссiя, во многихъ мѣстахъ не даетъ у насъ никакого дохода,—и въ такомъ случаѣ распредѣленiе податей съ воображаемой нами ренты не составитъ ни какой тягости для крестьянъ въ сравненiи съ настоящимъ и будетъ все-таки болѣе рацiонально, чѣмъ распредѣленiе податей по *душамъ* или даже по *дворамъ*. Не составитъ, мы говоримъ, тягости, потому что съ введенiемъ поземельной платы въ означенномъ количествѣ на $^1/_4$ ренты уничтожится подушная и оброчная подать, которой ни въ какомъ случаѣ не превышаетъ подать поземельная; *рацiональнѣе* эта подать будетъ потому, что воздѣлываемая крестьяниномъ земля въ тѣхъ мѣстностяхъ, какъ бы ни была въ нихъ дешева цѣна на хлѣбъ, все-таки можетъ служить признакомъ лучшаго благосостоянiя его, чѣмъ *дворъ*. Дворы въ деревняхъ въ весьма значительномъ количествѣ представляютъ собою маленькiя богадѣльни, прiюты нищеты, жители которыхъ не имѣютъ положительно ничего. Они строятъ домишки въ той единственно надеждѣ, что при своемъ углу имъ легче прокормиться благотворительностiю мiра. Во многихъ мѣстностяхъ крестьянскiе дворы и зажиточныхъ крестьянъ не имѣютъ рѣшительно никакой цѣнности. Г. Левшинъ во время засѣданiя политико-экономическаго комитета о податяхъ заявилъ между прочимъ, что ему, какъ помѣщику южныхъ губернiй, пришлось перенесть крестьянъ изъ одной деревни въ другую,—и онъ нашелъ, что гораздо выгоднѣе построить новые дома, нежели перенесть старые. До такой степени они ничтожны.

Не забудемъ при этомъ, что общая цифра ренты въ 2 рубля сереб-

ромъ, предположенная для всей России, можетъ быть уравнена по губерніямъ, по сравненію цѣнъ на хлѣбъ за послѣднія десять лѣтъ въ каждой изъ нихъ.

Если и затѣмъ рентовая подать пала бы по мѣстамъ на личный трудъ, то намъ, у которыхъ вся нынѣшняя подать лежитъ на личномъ трудѣ, бояться этого нечего, тѣмъ болѣе, что предполагаемая подворная подать падетъ также на личный трудъ.

Но подать поземельная имѣетъ то преимущество передъ подворной, что она равномѣрно падетъ на всѣхъ землевладѣльцевъ въ государствѣ въ количествѣ 100 милл. рублей по сдѣланному нами разсчету, и по крайней мѣрѣ на третью часть уменьшитъ дѣйствительно нынѣшнюю тягость крестьянъ, а не переведетъ только номинально съ душъ на дворы тѣхъ же самыхъ лицъ, какъ предполагается въ подворной подати. А между тѣмъ въ то же время, какъ избытокъ, доставленный поземельною податью въ сравненіи съ нынѣшнею податью, а также подать подоходная и предполагаемая авторомъ рента съ лѣсовъ и другихъ угодій, несомнѣнно дадутъ возможность къ увеличенію налоговъ, лежащихъ на промышленной и коммерческой дѣятельности, и, что весьма важно въ настоящее время, — дадутъ полную возможность убить на всегда откупную систему. Мы говоримъ: убить откупную систему; ибо откупная система, убитая въ законѣ, на дѣлѣ далеко еще не убита. Многіе не безъ основанія опасаются ея возвращенія. Акцизъ на вино слишкомъ великъ, объявленная уже цѣна на водку по Московской и Петербургской губерніямъ очень велика, и есть всякое опасеніе думать, что корчемство сильно можетъ подорвать доходы казны. Дай Богъ, чтобы этого не случилось! Но что, если дѣйствительно это случится? Какіе найдетъ государство источники для покрытія своихъ необходимыхъ, неизбѣжныхъ расходовъ, кромѣ прежняго откупа? — Авторъ приведеннаго нами исчисленія подоходной подати представляетъ несомнѣннымъ подобный исходъ нынѣшняго акциза. «При такой величинѣ акциза, — говоритъ онъ, — оффиціальный надзоръ едва ли въ состояніи будетъ предотвратить очень сильное развитіе корчемства, выгода котораго будетъ чрезвычайно велика. Вся прибыль, получаемая контрабандистами по тайному провозу товаровъ изъ-за границы, совершенно ничтожна передъ громадными суммами, которыя можно будетъ получать черезъ тайную продажу водки. Поэтому мы опасаемся, что разсчетъ, которымъ руководились при установленіи акциза, окажется невѣренъ. Казна будетъ введена въ чувствительный недочетъ контрабандою, и обнаружится надобность сдѣлать одно изъ двухъ: или понизить акцизъ, или возвратиться къ системѣ откуповъ. Нечего и говорить о томъ, что первый исходъ гораздо лучше для государства. Но едва ли можно ска-

зать, что казна получитъ 125 милліоновъ рублей съ вина отъ такой величины акциза, которая бы не вызывала слишкомъ сильной контрабанды при казенномъ управленіи, и не принуждала бы снова прибѣгнуть къ откупамъ. Поэтому мы думаемъ, что надобно теперь же заняться установленіемъ налоговъ для замѣны уменьшенія въ доходахъ отъ виннаго акциза».

Другое важное преимущество поземельной подати заключается въ томъ, что она даетъ полную свободу колонизаціи и вообще не стѣсняемаго никакими формальностями передвиженія съ мѣста на мѣсто для промысловъ, — при системѣ же подворной подати тѣ же узы, которыя связывали досели народъ, въ его пропитаніи останутся навсегда. Дворы нашихъ крестьянъ, по ихъ ничтожной цѣнѣ, никакимъ образомъ не могутъ служить обезпеченіемъ въ исправности платежа податей, — слѣдовально отвѣтственность за каждаго члена общины остается прежняя. Можетъ по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла возбуждаться опасеніе, что подворная тягость повлечетъ за собою стремленіе къ скучиванью, къ бездомовью, къ тѣснотѣ и неряшеству въ жилищахъ.

Вообще подворная подать не представляетъ въ себѣ никакихъ задатковъ къ возвышенію благосостоянія массъ. Мы прочли довольно пространныя разсужденія политико-экономическаго комитета по этому предмету и нашли возраженія противъ нея ея противниковъ очень сильными, а доводы ея защитниковъ въ пользу ея очень слабыми, даже вызывающими иногда невольную улыбку. Вотъ что напримѣръ говорилъ между прочимъ извѣстный нашъ политико-экономъ П. В. Вернардскій, защищая доходность сельскихъ домовъ: «дѣйствительно, сельскій домъ не приноситъ прямаго дохода. Чтобы узнать: приноситъ ли онъ какой нибудь доходъ, стоитъ только лишить крестьянина пользованія этимъ домомъ. Тогда крестьянинъ принужденъ будетъ нанимать себѣ домъ и платить за это. Слѣдовательно домъ его приноситъ косвенный доходъ. Крестьянинъ, живя въ своемъ домѣ, избавляется отъ траты денегъ за наемъ жилища». Читая эти строки, можно подумать, что дворъ построенъ крестьянину на казенный счетъ. Авторъ забываетъ, что крестьянинъ построилъ его на свои собственственныя деньги и каждый годъ прибавляетъ извѣстную часть денегъ, чтобы его ремонтироварь. Домъ есть также сбереженный имъ капиталъ для производства, какъ и солонина, заготовленная въ прокъ, и мука, оставленная для пропитанія себя до сбора будущей жатвы и т. п. Конечно, не имѣя дома, крестьянинъ нанималъ бы себѣ жилище болѣе дорогою цѣною, чѣмъ какой стоитъ ему проживаніе въ собственномъ домѣ,—но вѣдь точно также болѣе дорогою цѣною онъ покупалъ бы и солонину, и муку, и т. п., если бы не за-

готовилъ ихъ въ прокъ?—Что же послѣ этого можно найти у крестьянина, что согласно съ воззрѣніемъ Бернардскаго не слѣдовало бы отнести къ статьямъ, дающимъ косвенный доходъ?

Мысли, которыя мы высказываемъ о необходимости поземельной и подоходной у насъ подати, не принадлежатъ намъ только однимъ. Онѣ сильно распространены въ нашемъ образованномъ обществѣ и имѣютъ твердое основаніе для себя въ практикѣ европейскихъ государствъ. Желательно бы было, чтобы коммиссія, прежде нежели окончательно приметъ подворную подать, путемъ печатной гласности убѣдило наше общество въ невозможности у насъ податей поземельной и подоходной и въ пользѣ замѣны *подушной* подати *подворною*.

Переходимъ теперь къ соляному налогу, и такъ какъ предметъ этотъ мы считаемъ для народнаго благосостоянія весьма важнымъ, то начнемъ рѣчь нашу ab ovo.

Соль вообще составляетъ существенную, незамѣнимую потребность для человѣка подобно тому, какъ хлѣбъ и вода. Для человѣка бѣднаго, употребляющаго одинъ черствый хлѣбъ, часто съ примѣсью мякины (половы) соль составляетъ единственную приправу, дѣлающую такой хлѣбъ нѣсколько болѣе удобоваримымъ. Вообще, чѣмъ пища человѣка грубѣе и однообразнѣе, тѣмъ онъ болѣе потребляетъ соли; вслѣдствіе этого сельскій житель обыкновенно вдвое болѣе потребляетъ соли, чѣмъ городской. Поэтому налогъ на соль, малъ ли онъ, или великъ, почти всею своею тягостію ложится на бѣдный классъ народа, на классъ земледѣльческій, который, какъ извѣстно, единственный производитель первыхъ потребностей человѣка.

Соль имѣетъ еще другое свойство, дѣлающее ее болѣе незамѣнимою чѣмъ хлѣбъ. Благодаря этому свойству всѣ растительныя и животныя произведенія могутъ быть сохраняемы на продолжительное время. А гдѣ это условіе болѣе важно, чѣмъ въ Россіи, природа которой болѣе 6-ти мѣсяцевъ ничего не производитъ? Пользуясь благотворнымъ свойствомъ соли, мы можемъ дѣлать запасы соленій на зимнее время и тѣмъ удешевить зимнее продовольствіе, какъ для сельскаго такъ и городскаго жителя. Но въ настоящее время соленые продукты доступны у насъ только достаточнымъ людямъ, а мясо непомѣрно дорого. Кромѣ того невольно рождаются вопросы: не отъ стѣсненія ли соляной промышленности у насъ слабо развиты рыбные промыслы на сѣверѣ и югѣ, гдѣ часто погибаютъ цѣлые уловы рыбы? Не увеличиваетъ ли дороговизна соли смертности въ бѣдномъ классѣ народа и не та же ли дороговизна причиною, что сотни тысячъ скота ежегодно дѣлаются у насъ жертвою чумы? Не налогъ ли на соль задерживаетъ развитіе различныхъ фабричныхъ производствъ? А сколько

жертвъ изъ народа предано уголовному суду за преступленія по злоупотребленію соли, въ теченіи болѣе чѣмъ 150 лѣтъ! Происходящія отъ этого потери для общества и государства едва ли могутъ быть исчислимы.

Изъ всѣхъ существующихъ налоговъ, акцизъ съ соли есть самый вопіющій по своей несправедливости и самый отяготительный для населенія: онъ прямо посягаетъ на благосостояніе народа и государства. Если онъ существуетъ во всѣхъ государствахъ Европы, кромѣ Великобританіи, то потому, что ложится преимущественно на бѣдный классъ народа, голосъ котораго до извѣстной поры гласъ вопіющаго въ пустынѣ; отстаивается же этотъ налогъ чинами соляного вѣдомства, которому, однако, извѣстно, что вмѣсто дохода онъ приноситъ огромный убытокъ государству. Неужели соляное вѣдомство полагаетъ, что народъ, который выдержалъ двухсотлѣтнее татарское иго, народъ, который выгналъ французовъ въ 1812 г. и вынесъ на своихъ плечахъ оборону Севастополя—народъ, который ополчается по первому призыву царя, во имя любви къ отечеству, неужели такой народъ не достоинъ того, чтобы соляное вѣдомство уступило ему право и возможность приправлять черствый ржаной хлѣбъ астраханскою или крымскою селедкою, или украинскою солониною?

Перейдемъ къ разсмотрѣнію соляныхъ операцій въ Европѣ. Въ настоящее время, кромѣ Великобританіи, еще въ Мекленбургѣ, Гамбургѣ и Бременѣ существуетъ полная свобода соляной промышленности. Эта свобода существуетъ въ Великобританіи съ 1823 года и къ уничтоженію налога правительство было побуждено ропотомъ народа. Интересны данныя о потребленіи соли во время акцизной системы и послѣ уничтоженія оной. Во время существованія налога ежегодное потребленіе соли доходило только до 3,102,000 пуд. Черезъ десять лѣтъ по уничтоженіи налога потребленіе ея дошло до 16,410,469 пуд., а въ 1844 г. возвысилось до 19,088,274 пуд., слѣдовательно, въ 20 лѣтъ потребленіе ушестерилось, въ первыя же 10 лѣтъ учетверилось. Эти цифры яснѣе всего показываютъ, какое значеніе играетъ соль въ народномъ продовольствіи. Не смотря на высокость налога 2 руб. 98½ коп. сереб. съ пуда для Англіи и Ирландіи, и 1 руб. 70 к. с. для Шотландіи, доходъ правительства составлялъ только 8.703,000 р. сер. (*). Другія цифры покажутся еще поучительнѣе: изъ Англіи привезено соли въ Россію:

(*) А. И. Гирсъ. О соляной регаліи и акцизѣ соли. С.-Пб. 1860 г. стр. 39 и 40.

Въ 1858 г. 52,028 тон. 3.277,764 п. на 29.321 ф. ст. или 189,586 р. 50 к.
» 1859 » 64,998 » 4.084,874 » » 33,788 » » » 219,522 » — »
» 1860 » 66,420 » 4.184,460 » » 39,982 » » » 248,883 » — »

Всего за три года 11.545,098 пудовъ на сумму 657,991 р. 50 коп. (*).

Слѣдовательно, русская промышленность, въ убытокъ себѣ, потеряла въ три года золота на сумму 657,991 р. 50 коп. сер. за матеріалъ, который дома лежитъ нетронутымъ, въ неистощимыхъ запасахъ. При свободѣ соляной промышленности, Россія не только не тратила бы этихъ 600,000 р., но скорѣе пріобрѣла бы ихъ, отвезши соль туда, гдѣ она обложена налогомъ.

Въ другія страны Великобританія вывезла соли.

Въ 1858 г. 594,897 тон. 37.478,511 п. на 287,545 ф. ст. или 1.769,042 р. 50 к.
» 1859 » 565,644 » 35.635,572 » » 253,922 » » » 1.650,493 » 50 »
» 1860 » 696.714 » 43.892,982 » » 358,090 » » » 2.227,585 » — »

Всего за три года 117.007,065 пуд. на сумму 5.647,120 р. сер. (**).

Слѣдовательно, въ три года англійская промышленность пріобрѣла золота на сумму 5.647,120 р. сер., которое она вымѣняла на соль у различныхъ странъ, включая сюда и Россію, единственно благодаря свободѣ соляной промышленности. Если бы и у насъ была таковая, то мы могли бы ожидать слѣдующаго: русскіе промышленники повезли бы русскую соль на судахъ въ видѣ балласта въ соединенные штаты, вымѣняли бы тамъ на хлопчатую бумагу и такимъ образомъ Россія бы меньше вывозила золота чѣмъ теперь. Въ настоящее время, почти половина всего количества соли, вывозимой изъ Англіи, везется въ Соединенные Штаты.

Сколько еще пріобрѣла Великобританія, развивъ свободою промышленности другіе свои промыслы? На сколько поднялось ея земледѣліе, на сколько увеличилась производительность мяса! Цифрами этого почти оцѣнить невозможно. Знаемъ только, что земледѣліе и скотоводство стоятъ тамъ на высшей степени, чѣмъ гдѣ либо, знаемъ, что изъ 250,000 быковъ, ежегодно потребляемыхъ въ Лондонѣ, каждый вѣситъ 20 пудовъ, тогда какъ на материкѣ Европы, средній вѣсъ едвали превосходитъ 10 пудовъ.

При свободѣ соляной промышленности въ Гамбургѣ, соль тамъ продается по 18 к. сер., слѣдовательно много разъ дешевле чѣмъ въ Россіи, а именно въ 4, 5 и даже 7 разъ.

Защитники различныхъ системъ налога на соль (Гг. Бергштрес-

(*) Mineral statistics of the United Kingdom of Great Britain for the Jear. 1860 г. 1 ф. стерлинговъ принятъ въ 6 р. 50 к. сер. 1 тоннъ въ 63 пуда.

(**) Mineral statistics of the united Kingdom of Great Britain and Zrelond for the Jear 1860 г. London. 1861 г. стр. 154.

серъ и Гирсъ) утверждаютъ, что умѣренный налогъ на соль нисколько не обременителенъ для народа, а между тѣмъ для казны даетъ не маловажный доходъ. Вышеприведенныя цифры яснѣе всего показываютъ, какъ этотъ налогъ обременителенъ для народа, какъ ложится на финансы, а слѣдовательно убыточенъ и для казны.

Оставляя Англію и переходя къ другимъ государствамъ, къ несчастію, мы не можемъ представить ничего поучительнаго, кромѣ того, что налогъ на соль вездѣ возбуждаетъ ропотъ, (покуда оставляемый безъ вниманія); что онъ такъ же какъ и у насъ задерживаетъ внутреннюю промышленность и хотя доставляетъ правительствамъ доходъ, но доходъ незначительный въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, какой приноситъ внутренней производительности.

Въ Пруссіи существуетъ слѣдующая система налога на соль, принимая классификацію г. Гирса: *правительственная монополія (регалія) добычи соли и продажи изъ первыхъ рукъ.* Эта система напоминаетъ систему, существующую у насъ и которая, какъ увидимъ ниже, доставляла убытокъ казнѣ, почему и замѣнится системою взиманія пошлины (акциза), безъ монополіи добычи и продажи соли. Эта система, по классификаціи г. Гирса, отнесена къ третьей системѣ.

Вторая система, по той же классификаціи, монополія одной продажи изъ первыхъ рукъ существуетъ въ Саксоніи и мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ, не имѣющихъ соляныхъ источниковъ. При такихъ условіяхъ система эта единственная, которая доставляетъ казнѣ доходъ. Но возвратимся къ Пруссіи.

Здѣсь казенныхъ соловарень 8, на которыхъ добывается соли . . . . 2,000,000 центн.
Частныхъ 11, на которыхъ добывается соли . . 360,000 »
Привозится изъ за границы . . . . 900,000 »

Всего 3,260,000 центн.

При населеніи Пруссіи въ 16,500,000 жител: на каждаго приходится въ годъ 16 фунт. (*) Эта система доставляетъ правительству дохода 8,741,600 талер., при расходѣ 3,009,800 тал. слѣдовательно чистаго доходу. 5,731,800 тал.

Королевство Виртембергское. Правительство королевства Виртембергскаго съ соляной операціи получаетъ дохода около 440,000 р. с. въ годъ. Каменная соль отпускается за половинную цѣну. Потребленіе соли на каждаго человѣка составляетъ только 12 ф. въ годъ, что объясняется тѣмъ, что привиллегированной скотской соли идетъ на человѣка 6 фун., тогда какъ въ Пруссіи такой соли идетъ только 1 ф.

(*) К. Бергштрессеръ. Регалія на соль въ Россіи и другихъ государствахъ.

Слѣдовательно, виртембергецъ во зло употребляетъ привиллегію, данную домашнимъ животнымъ (*).

Франція. Во франціи налогъ на соль подвергался частымъ перемѣнамъ, и эти перемѣны имѣютъ тѣсную связь съ политическими переворотами, потрясавшими ее въ различное время. Данныя мы позаимствуемъ отчасти изъ статьи г. Маркотта (**) отчасти у г. Гирса, уже нѣсколько разъ упомянутаго.

«До 1280 г. во франціи была полная свобода соляной промышлен-«ности, но въ царствованіе Филиппа IV, по причинѣ чрезвычайныхъ «военныхъ издержекъ, былъ наложенъ самый незначительный ак-«цизъ, который впрочемъ вскорѣ по возстановленіи мира, былъ унич-«тоженъ. При Филиппѣ Долгомъ онъ снова былъ возстановленъ и, «наконецъ, при Карлѣ V, былъ объявленъ на вѣчныя времена (***). «Четвертая часть всего сбираемаго налога поступала въ личные дохо-«ды короля, подъ именемъ *габеллы* (la gabelle). Послѣдній указъ о га-«беллѣ былъ въ 1760 г. Было бы невозможно исчислить всѣ подроб-«ности этого сложнаго законодательства, оставившаго въ умахъ на-«рода самыя ненавистныя воспоминанія. Достаточно только указать, «что таксы на соль измѣнялась съ провинціями и что въ нѣкоторыхъ «налогъ во сто разъ превосходилъ дѣйствительную стоимость.

«Бунты, вызываемые подобными мѣрами, были часты. Такимъ «образомъ, во избѣжаніе габеллы, возстала Гіэнь въ 1548 г.; въ 1462 г. «Людовикъ XI не могъ заставить Бургундію подчиниться габеллѣ.

«Послѣ революціи 1788 г. изъ первыхъ мѣръ учредительнаго Соб-«ранія (Assemblee constituante) было уничтоженіе всякаго налога на «соль (20 марта 1790.)

«Свободная соляная промышленность оставалась до 24 апрѣля «1806 года, когда назначена была пошлина сначала 10 фр. со 100 «килогр. (около 42 к. сер. съ пуда), потомъ 20 фр. со 100 кил. (около «83½ к. съ пуда). Декретомъ 11 ноября 1813 г. увеличена до 40 фр. «со 100 кил. и, наконецъ, декретомъ отъ 28 апрѣля 1816 г. уменьшена «до 30 фр. со 100 кил. (около 1 р. 25 к. съ пуда) и такою оставалась «до революціи 1848 г.

«Новый законъ о соли, хотя очищенный отъ безчисленныхъ зло-«употребленій старой габеллы, не переставалъ однако возбуждать жа-«лобы и самыя энергическія требованія до 1848 г., когда учредитель-«ное собраніе въ первую же минуту признанія его правъ, понизило

(*) Тамъ же, стр. 39.

(**) Dictionnaire universel theorique et pratique du commerce et de la navigation Paris 1861.

(***) 1789 года не предвидѣлось.

«налогъ до 10 фр. со 100 кил. (около 42 к. с. съ пуда) — сбавленіе, «котораго партія консерваторовъ всѣми силами старалась не допустить, «которое она не переставала осуждать, какъ дѣло маловажное и вовсе «не политическое!

«Цѣна на соль, возвышенная налогомъ, увеличивающимъ ее въ 20 «и 30 разъ противъ существенной цѣны и въ четыре раза противъ «цѣны потребленія, въ самомъ дѣлѣ, непомѣрна: она тяжело ложится на потребленіе бѣдныхъ, на земледѣліе».

Сравнивая это съ налогомъ, имѣющимъ быть у насъ, увидимъ, что при продажной цѣнѣ (пуда соли въ Крыму по 4 ц. с.), налогъ въ 30 к. сер. превышаетъ цѣну въ $7^1/_2$ разъ. Но 4 к. с. въ Крыму—цѣна высокая и высокая по причинѣ слабости развитія добычи. При свободной промышленности можно ожидать пониженія цѣны до 1 к. сер. съ пуда; слѣдовательно, налогъ въ 30 разъ больше стоимости дѣйствительной. Прежде налогъ былъ въ Крыму 21 и 24 к. сер. съ пуда, но и при такомъ налогѣ развитіе было слабое.

«Вообще говоря, налогъ дѣлаетъ во Франціи соляную промышленность чрезвычайно мало развитою. Но не смотря на все это, въ 1859 г. «соль занимала 4 мѣсто по количеству занятыхъ судовъ. Въ 1849 г. она «была на 3 мѣстѣ и перевозилась въ числѣ 240,000 тоннъ, что составляетъ $^1/_{10}$ ч. всей морской торговли. Если прибавить къ этому 50,-60,000 тоннъ, занимающихъ мелкія суда, то увидимъ, что соль доставляетъ «французскому судоходству грузъ въ 300,000 тоннъ, или 19,500,000 «пуд. Этого факта достаточно, чтобы указать, какъ важно покровительство, которое оказываетъ таможня отечественной соли предъ «иностранною. За то съ другой стороны, внутренній налогъ не позволяетъ развиться торговлѣ солью до той степени, до которой она «могла бы при свободѣ промышленности. Изъ Франціи вывозится до «6,500,000 пуд. тогда какъ изъ Англіи болѣе 40,000,000 п. ежегодно.

Изъ отчета «Виды внѣшней торговли» за 1859 г. видно, что изъ Россіи вывезено въ 1859 г. соли 17 пуд., на сумму 15 руб. сер. по европейской торговлѣ и 49,911 пуд. по азіатской, въ 1860 г. 31 пуд. на 24 руб. сер. по европейской торговлѣ и 30,734 пуд. на 3,860 руб. по азіатской.

«Чрезвычайное различіе въ цѣнахъ требовало строгаго охраненія «границъ почти въ каждой провинціи; но тѣмъ не менѣе служило «сильною приманкою для корчемной торговли, которая производилась «вооруженною рукою. Естественнымъ слѣдствіемъ системы были «частыя кровопролитныя стычки корчемной стражи съ контрабандою «и многочисленныя наказанія (*).

(*) А. К. Гирсъ. О соляной регаліи и акцизѣ съ соли. С. Пб. стр. 25.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію солянаго промысла въ дорогомъ для насъ отечествѣ. Стѣсненіе этого промысла мы позаимствовали у Запада, и начало свое оно ведетъ только съ XVII столѣтія. До этого времени промышленность была вполнѣ свободною и только изъ указовъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича видно, что промышленники, занимавшіеся соляною операціею, должны были вносить пошлины въ казну: мѣстами натурою, $^1/_5$ часть съ правомъ продавать остальную безпошлинно; мѣстами, сверхъ оброчной пятой части взыскивалось еще 10^0 съ денегъ, выручаемыхъ отъ продажи соли.

По нашему мнѣнію, этотъ налогъ, въ сравненіи съ тѣмъ, который существовалъ до настоящаго времени въ Крыму по 24 коп. сер., 9 и 12 коп. на частныхъ соляныхъ варницахъ Архангельской губерніи, а съ 1864 г. или 1865 г. по 30 коп. сер., крайне легокъ и не можетъ даже быть названъ стѣсненіемъ, и вотъ цифровыя доказательства. Положимъ, что цѣна за соль на источникѣ 1 коп. сер.; чтобы пріобрѣсти промышленнику 1000 пуд., ему нуженъ капиталъ въ 10 р. сер.; цѣна на соль, куда онъ привозитъ 10 коп. сер. за пудъ. Казна беретъ съ него натурою $^1/_5$ ч. т. е. 200 пуд. на сумму 20 руб. сер. эти 20 руб. сер. промышленникъ раскладываетъ на потребителей и увеличиваетъ цѣну соли $2^1/_2$ коп. сер. и, такимъ образомъ, выручаетъ ожидаемые имъ 100 руб. сер., при затратѣ 10 руб. сер. на покупку соли. Но изъ 100 руб. у него еще вычитаютъ $^1/_{10}$ часть вырученныхъ денегъ, такъ что ему остается 90 руб. сер. На самомъ же дѣлѣ, промышленникъ, чтобы получить именно 100 руб. онъ и 10 руб. сер. ($^1/_{10}$ ч. вырученнаго барыша) раскладываетъ на потребителей.

При новомъ налогѣ промышленникъ находится въ другихъ обстоятельствахъ. Теперь взыщется съ него налогъ не натурою, и не тогда, когда онъ продастъ, а при взятіи соли съ источника, такъ что онъ долженъ будетъ имѣть капиталъ не въ 10 руб. а въ 310 руб. сер.! Ни акцизное вѣдомство, ни владѣлецъ источника не отпустятъ ему въ долгъ, который обратится въ недоимку. На сколько поднимется цѣна для потребителя, скажемъ ниже.

И такъ, пошлина на соль въ XVII стол. была далеко не такъ обременительна, а между тѣмъ, какіе вышли результаты?

«Число промышленниковъ время отъ времени начало уменьшаться, «цѣна же на соль, напротивъ, стала возвышаться, такъ какъ по причинѣ ограниченія отъ правительства не многіе рѣшались торговать «солью (*).

(*) Памятная книжка для русскихъ горныхъ людей, на 1862 г. Спб. 1862 г., стр. 90.

Изъ исторіи Россіи г. Устрялова мы знаемъ, что въ 1648 году 26 мая въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича въ Москвѣ вспыхнулъ бунтъ, поводомъ къ которому были различные налоги и между прочимъ налогъ на соль; разъяренная чернь требовала у царя головы временщика Морозова, которому приписывали всѣ народныя бѣдствія. Бунтъ этотъ отозвался въ Псковѣ и Новгородѣ.

Прослѣдить всѣ законодательства съ 1705 г. по настоящее время заняло бы слишкомъ много времени, я укажу только на важнѣйшія въ соляной операціи.

«Въ 1705 г. правительство присвоило себѣ исключительное право «на соль внутри Россіи, для увеличенія дохода казны.

«Но не прошло года, какъ открылась невозможность сохранить за «казною право соляной продажи, оказавшейся стѣснительною для народа».

«Въ 1711 году соль отдана была на откупъ промышленникамъ. По «открывшимся злоупотребленіямъ, соляная часть опять взята была въ казенное управленіе.

«Въ 1724 г. она поступила въ вѣдомство Кабинета Его Величе«ства».

«*Первый уставъ о соли. Откупное содержаніе въ 1727 года.* Въ «1727 г. соляная часть опять поступила въ вѣдѣніе Камеръ-Коллегіи «и изданъ первый уставъ о соли. Казенная продажа соли вовсе уни«чтожена. Соль отдана была на откупъ, и продовольствіе государства «предоставлено вольной промышленности (указъ верховнаго тайнаго «совѣта 31 декабря 1727 г.). Казенный доходъ съ соли предположено «было взимать пошлиною, по изданному тогда уставу, которая опре«дѣлена была съ пермской соли по 5 коп., а съ самосадочной по 3 коп. «съ пуда (*).

Однимъ словомъ, это была система, которая по классификаціи г. Гирса отнесена къ 3-й системѣ,—взиманіе пошлины (акциза), безъ монополіи, добычи и продажи соли (**). Эта 3-я система существуетъ нынѣ во Франціи и будетъ введена у насъ. По смѣтѣ, составленной г. Гирсомъ, отъ новой системы предвидится чистой ежегодной прибыли казнѣ отъ русской соли не менѣе 6.920,000 р. сер., или увеличится *противу нынѣшней чистой прибыли болѣе чѣмъ на 1.800,000 руб. сер.* (***).

(*) Памятная книжка для русскихъ горныхъ людей на 1862 годъ,

(**) А. К. Гирсъ. О соляной регаліи и акцизѣ съ соли важнѣйшихъ государствъ Европы.

(***) А. К. Гирсъ. О государственномъ соляномъ доходѣ Спб., 1861 г.

Но эта новая система привела въ 1727 г. къ слѣдующимъ результатамъ.

«Чрезъ три года вкрались прежнія злоупотребленія: вольные тор-«говцы начали продавать соль высокими цѣнами, къ крайнему стѣс-«ненію народа и въ убытокъ казнѣ, которая вмѣсто выручавшихся «600,000 руб. кои поступали въ казну, при казенномъ управленіи «солью, не выбирала и третьей части дохода (указъ 1731 г. августа 10) (*).

«Слѣдствіемъ этого было то, что чрезъ три года существованія «акцизной системы, она была уничтожена и соляная часть съ 1731 г. «поступила въ вѣдѣніе казны. Съ этого времени начались новыя пре-«образованія, безпрерывно мѣнявшіяся, потому что всякій разъ при-«носили плачевные результаты.

«Въ 1731 г. учреждена въ Москвѣ соляная контора. Въ это время «прилагалось всевозможное попеченіе о распространеніи соляной про-«мышленности, а потому привозъ иностранной соли воспрещенъ. Но, «разумѣется, при стѣсненіи промышленности внутри, это служило къ «большему только отягченію народа. Солянымъ промышленникамъ «были даваемы пособія отъ казны освобожденіемъ ихъ отъ разныхъ «казенныхъ повинностей.

Въ то же время казна начала пріобрѣтать отъ частныхъ промышленниковъ соловаренные заводы и открывать свои промыслы.

При изданіи учрежденія о губерніяхъ, главная соляная контора упразднена и распоряженіе соляными дѣлами предоставлено казеннымъ палатамъ.

«По вошествіи на престолъ императора Павла I, снова возстано-«влена главная соляная контора. Казенныя же палаты обязаны бы-«ли исполнять только съ точностію и скоростію требованія главной «конторы. Всѣ эти распоряженія нисколько не отвратили неудобствъ «въ соляныхъ операціяхъ.

«Продовольствіе солью народа до того стѣснилось, что въ нѣко-«торыхъ мѣстахъ губернское начальство принуждено было отпускъ «соли изъ магазиновъ производить только малыми количествами «(отчетъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1803 г.) казенный до-«ходъ отъ продажи соли въ 1783 г., хотя и составлялъ до 1,000,000 р. «но потомъ, постепенно уменьшаясь, упалъ въ 1702 г. до 22,181 р. «Наконецъ въ 1792 г. оказался убытокъ болѣе 40,000 р.; убытокъ «этотъ, возрастая въ 1802 г. увеличился до 557,576 р.

«*Управленіе соляною частію* по *учрежденіи министерствъ 1802*

(*) Памятная книжка для русскихъ горныхъ людей на 1862 годъ.

«*года*. *Въ* началѣ царствованія императора Александра I, съ учреж-«деніемъ министерствъ, управленіе соляною частію получило новый «видъ.

«Завѣдываніе добычею и развозомъ соли вошло въ составъ обя-«занностей министерства внутреннихъ дѣлъ по экспедиціи государ-«ственнаго хозяйства; мѣстный же надзоръ и частный порядокъ въ «дѣлахъ предоставлены начальникамъ губерній и казеннымъ палатамъ. «Главная соляная контора уничтожена.

«Замѣшательства и безпорядки въ дѣйствіяхъ поставщиковъ, уве-«личиваясь изъ году въ годъ, въ четырехлѣтіе съ 1808 г. достигло «до того, что ни они сами не находили возможности выполнять свою «обязанность, ни правительство, употребивъ безуспѣшно на пособія «въ разное время болѣе 5,500,000 р., не видѣло средствъ поддержать «продолженіе поставокъ. Къ концу 1810 г. открылось, что нѣкото-«рые изъ нихъ не выставили подряженнаго ими количества соли еще «за 1808 г., другіе не довезли и даже еще не приняли соли за 1809 и «на 1810 годы. Изъ соли, показанной сданною въ уѣздные магазины, «большая часть поступила мимо, потому что поставщики вмѣсто со-«ли, платили приставамъ деньгами. Поэтому, запасовъ по губерніямъ «не только вовсе не было, но нѣкоторые подвергались недостатку, «такъ какъ почти всѣ поставщики рѣшительно отказались отъ кон-«трактовъ, слагая всю отвѣтственность на казну и требуя вознагра-«жденія за убытки.

«При такомъ порядкѣ вещей, забранныя подрядчиками казенныя «суммы превратились въ недоимку, которая до изданія указа 23 «февраля 1816 г. составляла болѣе 8,700,000 р. Эти важныя пожерт-«вованія нисколько не облегчили затрудненій, въ какихъ находилось «правительство, къ предупрежденію недостатка въ соли, угрожавшаго «продовольствію государства: *и продажа соли, вмѣсто дохода, до-«ставляла ежегодно убытки, которые къ 1810 г. увеличились до 2,721,643 руб. въ годъ*.

«Таковы были послѣдствія соляныхъ операцій, когда соляная часть завѣдывалась двумя министерствами.

«Въ этомъ положеніи соляную часть застало общее преобразованіе «министерствъ въ 1810 году (*).

Изъ этого мы выводимъ, что въ теченіи нѣсколько болѣе чѣмъ 160 лѣтняго стѣсненія соляного промысла, онъ испыталъ двѣ системы, принимая классификацію г. Гирса.

Что касается третьей системы, системы взиманія пошлины (акци-

---

(*) Памятная книжка для русскихъ горныхъ людей на 1862 г. стр. 98 Спб. 1862.

за) безъ монополіи добычи и продажи соли, то въ XVII ст. она оказалась крайне стѣснительною для народа и скоро была оставлена; при возобновленіи ея снова въ 1727 г. оказалось то же самое и она не продержалась и 3 лѣтъ. Не смотря на то, что акцизъ былъ очень низокъ, эта система оказалось отяготительною. Всѣ соляные источники разрабатывались тоже частными лицами.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію періода стѣсненія соляной промышленности съ изданія устава о соли 1818 г., когда всѣ части солянаго управленія были соединены въ вѣдомствѣ министерства финансовъ и всѣ дѣла по соляной части перешли въ это министерство, по департаменту горныхъ и соляныхъ дѣлъ, изъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Этотъ періодъ можно назвать золотымъ вѣкомъ соляной операціи въ Россіи, хотя, къ сожалѣнію, мы имѣемъ оффиціальныя данныя только съ 1852 г. по 1859 годъ.

Общій видъ годоваго потребленія соли съ 1852 по 1859 годъ,

	Казенной	Частной	Иностранной	Итого.
1852 г.	21,623,828	1,037,221	8,502,559	31,163,108
1853 »	23,911,265	1,021,382	6,505,901	31,438,548
1854 »	22,472,193	6,448,235	4,542,523	33,462,951
1855 »	20,948,278	6,856,637	6,605,667	33,410,582
1856 »	11,342,551	7,714,804	7,074,191	26,131,546
1857 »	19,261,478	6,507,233	7,308,442	33,077,153
1858 »	16,880,179	6,717,545	6,377,458	29,975,182
1859 »	17,784,793	5,802,478	8,483,743	32,071,005

Никакія цифры не могутъ лучше выразить того грустнаго положенія, въ которомъ находилось населеніе Россіи въ эти 8 лѣтъ. Соль — потребность для человѣка незамѣнимая. Какимъ же образомъ населеніе могло уменьшить потребленіе соли болѣе чѣмъ на $^1/_5$ часть въ 1856 году противу 1855 г.? Въ 1856 г. населеніе Россіи (безъ Царства Польскаго и великаго княжества финляндскаго и киргизскихъ ордъ въ Сибири) составляло 64,263,720 душъ обоего пола. Слѣдовательно въ 1856 г. каждымъ человѣкомъ потреблено нѣсколько болѣе 16 ф. и почти 21 ф. въ 1854, 1855 и 1857 годахъ. Въ 1858 потребленіе опять уменьшилось, въ 1859 г. — увеличилось.

Соль можно сравнить только съ хлѣбомъ или водою. Что бы было съ населеніемъ, если бы оно, потребляя ежегодно 33,000,000, четвертей, вдругъ, по причинѣ неурожая или другихъ бѣдствій естественныхъ или искуственныхъ, должно было потребить около 26-и. четверт.? Очевидно, послѣдовали бы болѣзнь и смертность. Но этого не было, благодаря ухищреніямъ чумакака, находившаго возможность платить акцизъ только за третью часть; этого не было, благодаря недобро-

совѣстности соляно-акцизныхъ чиновниковъ; этого не было потому, что не смотря на стражу, не смотря на то, что большая часть солеродныхъ источниковъ была въ рукахъ казны, не смотря на все это, корчемства солью предупредить было невозможно. Слѣдовательно, цифра потребленія была гораздо выше и едва ли не вдвое выше.

Сравнивая съ цифрами потребленія въ другихъ странахъ, мы увидимъ, что эта цифра сходится съ цифрами потребленія во Франціи, въ самыя тяжкія для народа времена существованія *габеллы*. Теперь, во время существованія во Франціи акциза въ $41^2/_3$ к. сер. съ пуда, потребленіе тамъ составляетъ около 36 ф. на человѣка. Акцизъ, который существуетъ во Франціи, гораздо легче для Французскаго крестьянина, чѣмъ у насъ акцизъ 5 к. съ пуда (въ прежнія времена) 24 к. сер. съ пуда въ послѣднее, и 30 к. сер. съ пуда, имѣющія быть. И очень понятно, почему: французскій крестьянинъ-производитель получаетъ за все, имъ производимое, вдвое больше, чѣмъ Русскій. Наконецъ, одинъ поверхностный взглядъ на то, какъ живутъ они оба, укажетъ, что французскому крестьянину гораздо легче заплатить налогъ въ 42 к. сер. съ пуда, чѣмъ русскому 5 или 10 к. сер. съ пуда; но соляное вѣдомство назначило 30 к. сер. т. е. почти на 40% выше акциза, существовавшаго въ послѣднее время въ Крыму и почти на 200% выше, чѣмъ въ Архангельской губ. Соляное вѣдомство полагаетъ, можетъ быть, что крестьянинъ на столько разбогатѣлъ, что это возвышеніе не будетъ для него тягостно; но соляное вѣдомство сильно ошибается: въ старину чумакъ имѣлъ 6, 8 паръ воловъ, теперь внуки того же чумака имѣютъ 1 или 2 пары, какъ прежде крестьянинъ жилъ въ курной, грязной полуразвалившейся избѣ, такъ и теперь онъ еще не покинулъ своихъ лаптей. Не ошибусь, если скажу, что соляное вѣдомство не мало вліяло на задержаніе развитія народнаго благосостоянія.

Въ Англіи потребляется соли болѣе 30 ф. на человѣка, даже въ дорогомъ Лондонѣ пудъ соли стоитъ 20 к. сер.; привезенная въ Гамбургъ, она продается по 18 к. сер. Въ Россіи же цѣны были 1 р. сер. за пудъ, въ Псковской губерніи, отъ 70 до 80 к. въ Харьковской губ. слѣдовательно въ 4, 5 даже 7 разъ дороже, чѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы.

Во Франціи потребляется каждымъ жителемъ.	$36^1/_2$	ф.
Въ Баваріи	$27^1/_2$	»
» Виртембергѣ	$22^3/_4$	»
» Пруссіи	22	»
» Австріи	18 (*)	»

(*) *А. К. Гирсъ* о государственномъ соляномъ доходѣ стр. 42.

Цифра потребленія соли въ Россіи приближается къ цифрѣ потребленія въ Австріи—явленіе весьма неутѣшительное. Разноплеменные народы Австріи, въ числѣ которыхъ почти половина соплеменныхъ намъ, чувствуютъ себя подъ гнетомъ уже потому, что находятся подъ нѣмецкимъ владычествомъ, которое, чтобы удержать ихъ въ повиновеніи и покорности, держитъ 500,000 арміи въ военное время, которое, разумѣется, никогда не прекращается.

Разсматривая цифру привоза иностранной соли, мы видимъ, что большею частью она составляетъ ¼ ч. всего потребляемаго количества. Въ 1860 году привезено ея 9.031,412 пуд. на 4.456,363 р. сер. Я уже говорилъ о той потерѣ для промышленности и земледѣлія, а слѣдовательно и государственныхъ финансовъ, которую причиняетъ ежегодный вывозъ золота, вывозъ, который продолжается уже болѣе 150 лѣтъ. Запрещеніе привоза иностранной соли въ 1732, 1743 и 1753 г. не могло предотвратить этого, при стѣсненіи промышленности внутри, и только служило къ большему отягощенію народа. При свободной соляной промышленности, этотъ привозъ совершенно прекратится самъ собою, не смотря на то, что западный край далеко удаленъ отъ самыхъ богатыхъ источниковъ. Пошлина, если останется, будетъ поощреніемъ внутренняго развитія. Количество привоза иностранной соли также показываетъ, что у насъ эта промышленность была стѣснена больше, чѣмъ гдѣ либо. Не говоря уже объ Англіи, даже Франція, Пруссія привозятъ извѣстное количество соли, тогда какъ изъ Россіи въ 1859 г. вывезено всего только 17 пуд, на сумму 15 р. сер. (*) по европейской торговлѣ и 49,911 пуд. по азіатской. Между тѣмъ, какъ Россія, по своимъ солероднымъ богатствамъ, стоитъ въ самомъ счастливомъ положеніи. Изъ Пруссіи привезено въ 1860 г. 2.015,975 пуд., изъ Франціи только 140,397 пуд.

Въ Пруссіи существуетъ 1-я система, во Франціи 3-я. Доставляетъ ли налогъ на соль доходъ государству? Изъ всего того, что я уже сказалъ о соляной промышленности, кажется, можно вывести, что способы извлеченія сего дохода, къ какой бы системѣ они ни принадлежали, приносятъ, вмѣсто дохода, огромный убытокъ государству.

Между тѣмъ г. Бергштрессеръ, управлявшій астраханскимъ солянымъ промысломъ, являясь защитникомъ 1-й системы государственнаго дохода (по классификаціи г. Гирса) говоритъ такъ:

«2. Можно-ли считать установленіе одинаково-равной цѣны на «соль по всему государству мѣрою *благоразумною* и *справедливою*, и

(*) Виды внѣшней торговли за 1859 и 1860 годы.

«можетъ ли оно увеличить государственный доходъ и упрочить управ«леніе?

«1) Мѣра эта *благоразумна*, какъ доказали опыты новѣйшихъ «временъ въ Пруссіи, Саксоніи, Баденѣ, Гессенѣ и Австріи и пр.

«2) Мѣра эта *справедлива* ко всѣмъ и пр.

«3) Мѣра эта *выгодна* для умноженія государственнаго дохода.

«При различныхъ цѣнахъ вздорожаетъ соль, чрезъ возрастаніе «по мѣрѣ отдаленія отъ источниковъ провозной платы, и какъ при «этомъ потребленіе ея, отъ постояннаго вздорожанія, не можетъ до«ходить до крайней нормы, то и ясно, что при меньшемъ расходѣ «соли, государственный доходъ долженъ понизиться, напротивъ же «уравненіе цѣнъ по всему государству, увеличивая расходъ соли, по «причинѣ значительнаго удешевленія ея въ отдаленныхъ отъ источ«никовъ мѣстахъ, увеличиваетъ въ той же мѣрѣ и государственный «доходъ.

«4) Мѣра эта *полезна* для управленія и проч.

Таково мнѣніе г. Бергштрессера.

На дѣлѣ оказывается, что:

Въ 1792 г. доходъ составлялъ только 22,181 р.

Въ 1793 г. убытку казнѣ было болѣе 40,000 р.

Постепенно возрастая, въ 1802 г. убытокъ увеличился до 557,567 р. Но эти убытки происходили отъ того, что не было той *мѣры*, о которой говоритъ г. Бергштрессеръ, какъ *полезной* для управленія.

Къ 1810 г., при завѣдываніи соляной частью двумя министерствами съ 1802 г. ежегодные убытки увеличились до 2.721,643 руб.

Сверхъ того, пособія, употребленныя правительствомъ въ разное время съ 1808 по 1812 въ количествѣ 5.500,000 руб. обратились въ недоимку, такъ же какъ и 8.700,000 руб. составили недоимку къ 23 февраля 1816 г.

Если прибавить къ этому расходы по управленію, расходы по возведенію безчисленныхъ построекъ, расходы по содержанію стражи для преслѣдованія корчемства, расходы по суду за преступленія по злоупотребленіямъ соли, если прибавить ко всему этому потери отъ стѣсненія промышленности, потерю для страны капиталовъ, ушедшихъ изъ страны за иностранную соль въ теченіи болѣе 150 лѣтъ, слѣдовательно потерю для финансовъ государства, если прибавить къ этому ропотъ и неудовольствіе народа, то цифра убытка казнѣ и государству въ теченіи 150 лѣтъ, если бы только цифру эту можно было выразить числомъ, цифра эта оказалась бы громадною! Она входила въ бюджетъ дохода только одного солянаго чиновника, всему же остальному населенію и правительству была убыткомъ.

Теперь посмотримъ, сколько было казнѣ солянаго дохода въ золо-

той вѣкъ соляной операціи, когда она находилась въ вѣдѣніи министерства финансовъ, по департаменту горныхъ и соляныхъ дѣлъ.

Г. Гирсъ полагаетъ, что валоваго дохода (съ внутренней русской соли), по сложности за пятилѣтіе съ 1855 — 1859 г., среднимъ числомъ поступало: . . . . 7,784,678 руб.

Ежегодный расходъ . . . . 2,665,937 руб.

За симъ чистая прибыль составляла . . . . . 5,118,741 р. (*)

Въ пруссіи, въ 1861 г. Salzmonopol доставила. . 8,741,650 тал.

Расходъ . . . . 3,009,800 тал.

Казна получила чистой прибыли . . . . . . 5,739,850 тал.

слѣдовательно, нѣсколько больше чѣмъ въ Россіи, но вѣдь населеніе далеко не одно и то же.

Въ составъ дохода по соляной операціи входили:

а) деньги, выручаемыя продажею соли изъ складовъ при источникахъ и изъ казенныхъ магазиновъ оптовыхъ и мѣстнаго продовольствія.

б) Акцизы, платимые при выпускѣ на вольную продажу частной соли, какъ съ владѣльческихъ заводовъ и озеръ, такъ и съ источниковъ казенныхъ, предоставляемыхъ для разработки частнымъ лицамъ.

в) Арендная плата за содержаніе соляныхъ промысловъ и магазиновъ.

г) Плата за право добычи соли съ казенныхъ источниковъ.

д) Случайные доходы какъ то: проценты за отпущенную въ долгъ казенную соль, взысканіе долговъ, штрафы и побочныя статьи дохода.

Вотъ таблица валоваго и чистаго дохода съ 1852 по 1859 г.

	Валовой соляной доходъ. Рубли.	Расходъ Рубли	Чистый доходъ.
1852 г. —	6,715,783	2,810,721	3,905,062.
1853 » —	8,078,003	2,201,363	5,876,640.
1854 » —	9,566,980	2,322,984	7,243,996.
1855 » —	8,588,862	3,312,378	5,276,384.
1856 » —	7,453,671	2,903,700	4,549,971.
1857 » —	7,500,172	1,702,591	5,797,581.
1858 » —	7,071,587	1,321,608	5.749,979,
1859 » —	8,312,102	1,215,989	7.096,113.

Слѣдовательно, средняя цифра солянаго дохода за 8 лѣтъ 5,686,965 р. 75 к. сер. Но это доходъ далеко не чистый, потому что здѣсь въ цифру расхода вошли только расходы на добычу казенной соли, на пріобрѣтеніе въ случаѣ нужды частной соли, на перевозку оной, а также на издержки по части продажи. Сюда, слѣдовательно, не вошли: 1,100,000

(*) А. К. Гирсъ. О государственномъ соляномъ доходѣ стр. 104.

р. сер., отпускаемыхъ ежегодно казною имперіи въ ежегодное пособіе казнѣ Царства Польскаго для возмѣщенія убытковъ сей казны отъ снятія въ 1851 г. таможенной линіи между Имперіею и Царствомъ; вычитая ихъ, остатокъ все еще не составитъ чистаго дохода, такъ какъ сюда не вошли: 1) расходы по центральному общему управленію соляною частію, которые составляютъ ежегодно 26,972 руб. 2) суммы, которыхъ лишается казна въ податяхъ и повинностяхъ съ государственныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ казеннымъ источникамъ и составляющія 12,205 руб. сер. и 3) проценты на капиталы, составляющіе въ общей сложности 550,000 р. сер. (*).

Слѣдовательно, изъ показаннаго чистаго дохода слѣдуетъ вычесть еще 1,689,287 р. Тогда чистый доходъ составитъ:

Въ 1852 — 2,215,775 р. с.
» 1853 — 4,187.353
» 1854 — 5,554,719
» 1855 — 3,587,197
» 1856 — 2,860,684
» 1857 — 4,109,294
» 1858 — 4,060,092
» 1859 — 5,306,826

или въ общей сложности за 8 лѣтъ средняя цифра будетъ 3,985,192 р. сер. что все еще не будетъ совершенно чистый доходъ, такъ какъ сюда не вошли еще расходы по мѣстнымъ управленіямъ, расходы на содержаніе стражи, на ремонтъ безчисленныхъ возведеній, на расходы по суду, по злоупотребленіямъ и пр.

Такимъ образомъ, чистой прибыли казна имѣла нѣсколько болѣе 3,500,000 р. сер., если не гораздо меньше. Но если бы можно было считать доходы съ 1818 г. по 1851 г. то средняя цифра чистой прибыли далеко бы уменьшилась, не говоря уже о томъ, что соляная операція до 1818 г. доставляла огромные убытки.

Эти 3,500,000 р., полученные казною, едвали можно считать чистою прибылью, если взять во вниманіе, на сколько задерживалось развитіе промышленности, земледѣлія и проч. Въ послѣднемъ отношеніи эти 3,500,000 р.—доходъ отрицальный.

Въ настоящее время сознано, что этотъ способъ полученія соляного дохода неудовлетворителенъ, а потому замѣняется 3 системою, системою взиманія пошлины (акциза), безъ монополіи добычи и продажи соли.

По исчисленіямъ г. Гирса, при этомъ способѣ чистая прибыль

(*) *А. К. Гирсъ*, О государственномъ соляномъ доходѣ.

составитъ не менѣе 6,920,000 р. сер. «или увеличится противу нынѣшней чистой прибыли болѣе чѣмъ на 1,800,000 р. сер.»

Съ этимъ рѣшительно не возможно согласиться. Гдѣ же въ мірѣ когда нибудь былъ фактъ, чтобы при увеличеніи налога (пошлины) на какой нибудь предметъ потребленіе этого предмета увеличивалось? Неужели при увеличеніи налога почти на 50^0 на предметъ первой потребности, падающій преимущественно на бѣдный классъ народа, народъ этотъ не будетъ принимать мѣръ къ добычѣ безъакцизной соли? Не ужели этотъ налогъ не произведетъ еще большаго стѣсненія промышленности? неужели онъ не повлечетъ за собою еще большаго развитія корчемства и съ вооруженною силою, какъ это было во Франціи? Гдѣ возметъ сельскій промышленникъ 300 р. сер. на покупку 1000 пуд. при рискѣ на большую утрату соли въ продолженіе далекаго путешествія изъ Крыма въ Курскъ напримѣръ? Не теряется ли всякая надежда на выручку казною извѣстной суммы условіемъ, что соль отпускается безъ пошлины для скота и фабричной промышленности? Мнѣ кажется, что при этомъ условіи вся соль пойдетъ или для скота, или для фабрикъ. Если же будутъ примѣси, то это будетъ вредно для скота, а слѣдовательно нѣтъ и поощренія скотоводству. По крайней мѣрѣ, мы уже видѣли, что въ Остзейскомъ краѣ мѣра эта мало послужила для скотоводства.

Если прежде былъ ропотъ въ народѣ (*), то теперь при увеличеніи налога онъ еще болѣе усилится, такъ какъ цѣны на соль еще болѣе поднимутся. Если при акцизѣ 21 и 24 к. сер. съ пуда Крымской соли, 9 и 12 к. сер. съ Архангельской, цѣна на соль въ Харьковѣ напр. въ оптовой продажѣ доходила до 60 и 70 к. сер., а въ раздробительной до 70 и 80 к. сер., а въ Псковѣ, Смоленскѣ до 1 и 1 р. 10 коп. Архангельскѣ 50—60 коп. въ Мезени до 80 к. с. слѣдовательно въ 3, 4, 5, и 7 разъ, то при налогѣ въ 30 к. сер., очевидно нужно ожидать того же т. е. 90 к. 1 р. 20 к. 1 р. 50 и даже 2 р. сер. за пудъ, не говоря уже о томъ, что соль можетъ перейти въ руки монополистовъ, потому что хотя соль потребляется всѣми, но далеко не всякій можетъ затрачивать 100, 200, 300 р. сер. на одну пошлину до выручки за продажу. Акцизъ долженъ быть уплаченъ, иначе онъ обратится въ недоимку, разумѣется передъ казною, потому что владѣлецъ источника не повѣритъ крестьянину, пришедшему издалека.

Мы уже видѣли, что акцизная система въ XVII столѣтіи возбудила не только ропотъ, но и самыя плачевныя послѣдствія. Возстановлен-

(*) См. сочин. А. С. Пушкина. Исторія Пугачевскаго бунта. СПб. 1859 г. изд. Я. Исакова, стр. 9, 10, 63, и 86.

ная въ 1727 г. не выдержала и 3 лѣтъ потому, что оказалась стѣснительною для народа и убыточною для казны. Тогда же налогъ былъ самый незначительный, въ сравненіи съ тѣмъ, который назначается теперь. Вино, табакъ и сахаръ, съ которыхъ установляются акцизы, совершенно не то, что соль. Тѣ вещества — вещества роскоши, безъ которыхъ одинаково можетъ обойтись какъ богатый, такъ и бѣдный, и налогъ на нихъ одинаково ложится какъ на того, такъ и другаго. Но соль вещество первой необходимости и налогъ на нее преимущественно ложится на бѣднаго, на производителя. На богатаго онъ ложится только въ такой мѣрѣ, въ какой при налогѣ на соль промышленность стѣснена, земледѣліе падаетъ. Если прежде при меньшей пошлинѣ Россія потребляла $^1/_4$ ч. иностранной соли, то при возвышеніи налога, слѣдовательно, при большемъ стѣсненіи соляной промышленности, потребленіе такой соли должно еще болѣе увеличиться, а слѣдовательно, будетъ большая потеря капиталовъ, уходящихъ изъ страны во вредъ финансамъ. При новой системѣ, такъ какъ всѣ солеродные источники перейдутъ въ частныя руки, очевидно, и взиманіе акциза и контроль будутъ труднѣе и даже невозможны при огромныхъ пространствахъ въ Россіи. Это условіе будетъ облегчать развитіе корчемства, а слѣдовательно уменьшитъ и ожидаемый доходъ. Во Франціи при этой системѣ расходуется до 1,750,000 р. сер.; Франція далеко меньше по объему, но и тамъ много соли проходитъ до мѣста назначенія тайно, безъ пошлины. Какимъ же образомъ при огромныхъ протяженіяхъ Россіи 300,000 р. сер. будутъ достаточны на все акцизное управленіе, на преслѣдованіе корчемства и проч? При такихъ условіяхъ едвали возвратятся эти 300,000 р. Между тѣмъ, зла—неисчислимо! Чтобы видѣть, на сколько стѣснительна акцизная система, приведемъ слова г. Гирса: «Для обезпеченія государственнаго дохода всѣ мѣста добычи соли (озера, копи, источники, солеварни и фабрики для добыванія натуральной и искуственной соды), а также получаемыхъ изъ нея химическихъ продуктовъ, не могутъ быть открываемы иначе, какъ съ дозволенія правительства. Дозволеніе это дается только при условіяхъ, чтобы размѣры добычи и обработка были достаточно значительны для покрытія издержекъ контроля, чтобы мѣстное положеніе не представляло особыхъ удобствъ для корчемной продажи, чтобы личности предпринимателя и завѣдывающаго работами представляли достаточныя гарантіи въ правильности производства промысла, и чтобы послѣдніе, наконецъ, положительно обязались подчиняться указаніямъ правительства, относительно расположенія построекъ заведеній, подвергаться повѣркѣ книгъ, осмотру и обыску, даже въ ночное время и въ жилыхъ частяхъ заведенія, не требуя соблюденія обыкновенныхъ охранительныхъ формъ

производства обысковъ. Строгое исполненіе сихъ условій обезпечивается значительными залогами. Предприниматель напрям. подвергается штрафу, если количество добытой имъ соли не достигаетъ минимума, къ которому онъ обязался. За недостающее количество съ него взыскивается пошлина!..

«Всѣ части заведенія должны быть окружены по возможности одною и притомъ высокою стѣною, въ которой должны быть только одни ворота на улицу. Близь сихъ воротъ должно находиться строеніе для помѣщенія двухъ чиновниковъ съ ихъ канцеляріею. На морскихъ соляныхъ бассейнахъ и другихъ значительныхъ мѣстахъ добычи должна вокругъ стѣны еще быть устроена дорога шириною въ два метра (почти сажень), для обхода стражи. Части заведенія, лежащія отдѣльно отъ главной ограды, должны быть также по возможности окружены стѣною; перевозка соли между сими частями и главною частью заведенія производится подъ надзоромъ чиновниковъ.

Какъ скоро соль начинаетъ садиться, дальнѣйшія работы по добыванію ея производятся не иначе, какъ въ присутствіи чиновниковъ»...

Таковы стѣсненія промышленности во Франціи въ XIX столѣтіи, промышленности, доставляющей человѣку первый незамѣнимый матеріалъ, который имѣетъ самое обширное примѣненіе въ быту человѣка! Не смотря на все зло, истекающее для государства, доходъ отъ этой пошлины доставлялъ только 8.500,000 руб. сер. въ годъ, и если бы эта сумма была разложена на все населеніе въ видѣ подушной подати, то было бы легче и для народа, и выгоднѣе для государства и промышленности.

Въ Россію, во время существованія старой системы, доставлявшей или убытки, или доходъ едва доходившій до 3,500,000 р. сер., когда солеродные источники были въ рукахъ казны, трудно было предупредить корчемство; не смотря на то, что содержалась воинская команда и таможенная стража, все-таки тайный вывозъ соли продолжался, хотя законы строго карали виновныхъ.

Сравнивая выгодность для казны 3-хъ различныхъ системъ государственнаго солянаго дохода, мы увидимъ, что 4 система, акцизная, есть самая невыгодная. Это доказали у насъ опыты прошедшаго времени и, наконецъ, подтверждаютъ опыты въ другихъ странахъ: въ Великобританіи, напримѣръ, не смотря на высокій налогъ, доходъ былъ весьма не значителенъ. Сравненіе двухъ системъ въ Пруссіи, Австріи, Россіи и Франціи, еще болѣе уясняетъ дѣло. Такимъ образомъ, въ Пруссіи при существованіи 1-й системы доходъ составлялъ 5,730,500 тал., въ Австріи 16,000,000 руб. сер., въ Россіи только 3,000,000 руб. сер. Во Франціи при 3-й системѣ около 8,500,000 руб. сер. Цифры эти очень поучительны. Въ Россіи при 1-й системѣ до-

ходъ былъ самый малый, не смотря на большую цифру населенія. Во Франціи, населеніе которой въ 2 раза больше чѣмъ въ Пруссіи, доходъ же нѣсколько меньше чѣмъ въ два раза; въ Австріи, населеніе и пространство которой почти равны пространству и населенію Франціи соляной доходъ въ два раза больше. Слѣдовательно, при примѣненіи 3 системы къ Россіи, которая не можетъ составить исключеніе въ этомъ отношеніи, доходъ при акцизной системѣ долженъ еще болѣе уменьшиться, потому что у насъ эта система далеко не можетъ быть такъ организована какъ во Франціи, гдѣ она даетъ сравнительно менѣе, чѣмъ 1-я система въ Пруссіи и Австріи. Слѣдовательно съ введеніемъ акцизной системы, соляной доходъ долженъ еще болѣе уменьшиться. Г. Гирсъ полагаетъ наоборотъ. Но это совершенно не естественно.

Будетъ ли это прусская или французская системы, обѣ онѣ крайне убыточны для государства, что показали у насъ опыты прошедшаго времени. Для улучшенія финансовъ въ государствѣ, для поднятія внутренней промышленности, для споспѣшествованія успѣхамъ развитія земледѣлія, скотоводства и рыбнаго промысла нужно желать полной свободы соляного промысла, безъ всякихъ соляно-акцизныхъ системъ.

ПОЛИТИКА.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ВЪ ЕВРОПѢ СЪ МАЯ ДО ЯНВАРЯ МѢСЯЦА. — СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЯ ДѢЛА. — МЕХИКАНСКІЯ ДѢЛА.

Съ послѣдняго политическаго обозрѣнія въ «Современникѣ», прошло цѣлыхъ девять мѣсяцевъ. Чего не можетъ случиться въ девять мѣсяцевъ въ жизни народовъ? И дѣйствительно, чего-чего не случилось въ Европѣ въ теченіе девяти этихъ мѣсяцевъ? Въ это время одинъ изъ лучшихъ гражданъ Италіи былъ раненъ итальянскою пулею, за то, что повѣрилъ на слово сладкорѣчивымъ министрамъ и въ простотѣ души своей вообразилъ себѣ, что Ратацци, Дурандо и К° дѣйствительно желаютъ созданія единаго итальянскаго королевства, съ Римомъ и Венеціей. — Самъ онъ, вотъ уже полгода, какъ страдаетъ отъ своей раны; нѣсколько десятковъ товарищей его убиты, а дѣла все остались въ прежнемъ положеніи: Италія не пріобрѣла ни Рима, ни Венеціи, и единственнымъ послѣдствіемъ такъ называемой аспромонтской драмы было то, что въ спискѣ итальянскихъ генераловъ прибавилось еще одно имя — имя аспромонтскаго героя, маркиза Палавичино. Заставила палата удалиться Ратацци съ товарищи, составилось новое министерство — а дѣла все стоятъ на томъ же мѣстѣ: ни Рима, ни Венеціи. Далѣе въ эти же девять мѣсяцевъ папа задумалъ дать своимъ подданнымъ какія-то особенно важныя реформы, Австрія задумала дать Венеціи какую-то особенно либеральную конституцію. Но покамѣстъ все это остается въ видѣ прекрасныхъ обѣщаній, въ далекомъ будущемъ. Да наконецъ, если всѣ эти обѣщанія осуществятся, то врядъ ли дѣла отъ этого сколько нибудь измѣнятся. Однимъ

словомъ, въ Италіи въ эти девять мѣсяцевъ случилось много интересныхъ, *важныхъ* событій — а положеніе дѣлъ осталось все то же. Въ эти же девять мѣсяцевъ турки бомбардировали Бѣлградъ и заставили сербовъ взяться за оружіе; сербы порывались въ рѣшительную, отчаянную борбу съ турками, но были удержаны благоразуміемъ своего князя, который предпочелъ имѣть синицу въ рукѣ, нежели журавля въ небѣ—и все осталось по старому: во всякую данную минуту турки могутъ опять доставить себѣ удовольствіе побомбардировать Бѣлградъ, дипломаты опять потолкуютъ, потолкуютъ и разойдутся. Но вотъ одно изъ важнѣйшихъ событій послѣднихъ девяти мѣсяцевъ: греки весьма деликатнымъ образомъ свергли съ престола своего короля и объявили, что они не хотятъ оставаться далѣе подъ владычествомъ Оттона. Затѣмъ впродолженіе почти четырехъ мѣсяцевъ продолжаются поиски за новымъ королемъ Греціи. Альфреды, Фердинанды, Эрнесты и многія другія имена испещряютъ уже въ теченіе многихъ мѣсяцевъ всѣ европейскія газеты, а Греція все-таки остается безъ короля. Не хотятъ нѣмцы греческаго престола, да и только. Вы, говорятъ, народъ неблагодарный, не умѣете цѣнить нашихъ благодѣяній—такъ помучайтесь же. Впрочемъ, можетъ и сжалится кто надъ ними, и пойдетъ къ нимъ въ короли, и опять начнется въ Греціи благословенное нѣмецкое хозяйничанье. Да, вотъ важное событіе: Англія, коварная, эгоистическая Англія явила исторіи примѣръ великодушія—отказалась отъ іоническихъ острововъ въ пользу греческой націи. И послѣ этого находятся люди, которые говорятъ, что въ исторіи нѣтъ прогресса! А это развѣ не прогрессъ? Что же сдѣлалось у великой націи, у націи — просвѣтительницы свѣта, у французовъ? Ну, здѣсь-то менѣе всего новаго. Здѣсь вотъ уже 11 лѣтъ все идетъ какъ по линейкѣ, французы на столько благоразумны и благонравны, что не перескакиваютъ черезъ эту линейку. Вотъ развѣ что можно сказать о Франціи, что въ теченіе послѣднихъ девяти мѣсяцевъ французское правительство болѣе открыто, болѣе безцеремонно вступило на путь реакціи, какъ во внѣшней политикѣ, такъ и во внутренней. Впрочемъ эта новость только кажущаяся; собственно же новаго тутъ ничего нѣтъ: все дѣло только въ большей или меньшей откровенности, а сущность остается все та же. Въ Пруссіи случилось то, что мы предсказывали въ послѣдней нашей статьѣ о прусскихъ дѣлахъ («Современникъ», май): правительство окончательно сбросило съ себя маску и явилось въ настоящемъ своемъ свѣтѣ; тѣ министры, которые были *слишкомъ* либеральны — Гейдтъ, Гогенлоэ, Яговъ, Бернсторфъ должны были уступить свое мѣсто людямъ, которые казались королю болѣе благонадежными—Бисмарку, Бодельшвингу, гр. Эйленбургу, и феодально-бюрократически-консервативная партія нахо-

дится на такой степени могущества, объ которой не смѣли мечтать ни Брандебургъ, ни Мантейфель, ни Вастераленъ. Впрочемъ и здѣсь замѣтенъ прогрессъ, который политики-скептики привыкли постоянно отрицать: дѣло идетъ на чистоту, на откровенность: люди по крайней мѣрѣ перестали играть комедію и являются публикѣ съ своими обыкновенными ролями. А это развѣ не прогрессъ? Въ Австріи говорятъ, въ эти девять мѣсяцевъ случилось много новаго; она будто бы ушла значительно впередъ по пути конституціоннаго развитія, утверждаютъ, будто австрійскіе подданные будутъ пользоваться свободой прессы, неприкосновенностью жилища и личной свободой; поговариваютъ даже объ отвѣтственности министровъ, и о другихъ подобныхъ вещахъ. Вѣдь придетъ же людямъ въ голову распускать подобныя небылицы! Мало ли что пишутъ въ газетахъ и какіе законы обнародываются во всеобщее свѣдѣніе. Будто все это непремѣнно такъ исполнится—да еще въ Австріи. Наконецъ въ Германіи, Даніи, Швеціи, Бельгіи — вездѣ въ послѣдніе девять мѣсяцевъ случились болѣе или менѣе важныя событія, о которыхъ намъ однако же не приходится здѣсь говорить. Упоминая въ двухъ словахъ о томъ, что случилось въ Европѣ во время девятимѣсячнаго молчанія «Современника», мы конечно не имѣемъ въ виду разсказывать нашимъ читателямъ то, о чемъ газеты говорили семь или восемь мѣсяцевъ тому назадъ. Но впрочемъ по мѣрѣ того какъ мы будемъ говорить о современныхъ событіяхъ въ извѣстной странѣ, въ извѣстномъ государствѣ, намъ необходимо будетъ для общей связи упомянуть о томъ, что случилось въ этой странѣ прежде, и что находится въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ современными событіями. Поэтому мы предоставляемъ себѣ возвратиться со временемъ къ тому или другому изъ упомянутыхъ намъ выше европейскихъ вопросовъ и разсмотрѣть его въ связи съ позднѣйшими движеніями. На нынѣшній разъ мы совершенно оставимъ Европу со всѣми ея треволненіями и животрепещущими вопросами, и займемся тѣми событіями, которыя въ недавнее время совершались и совершаются въ другой части свѣта—на сѣверо-американскомъ материкѣ. Мы намѣрены посвятить настоящее наше обозрѣніе—обзору событій въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и въ Мехикѣ.

Подвинулись ли сколько нибудь впередъ дѣла въ Сѣверной Америкѣ съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ объ нихъ говорилось въ «Современникѣ»? Склонился ли рѣшительный перевѣсъ на которую нибудь сторону? Есть ли надежда на скорое окончаніе убійственной войны? Да, дѣла значительно подвинулись впередъ. Это не значитъ, чтобы которая нибудь изъ воюющихъ сторонъ одержала рѣшительный перевѣсъ, чтобы силы другой стороны были окончательно сломаны,

уничтожены, чтобы одна сторона являлась побѣдительницей, и другая побѣжденною. Нѣтъ, относительно военныхъ успѣховъ положеніе обѣихъ сторонъ мало измѣнилось. На главномъ театрѣ войны, въ Виргиніи, непріятельскія арміи стояли тогда другъ противъ друга въ сѣверо-восточной Виргиніи, у Іорктауна; теперь мы находимъ ихъ стоящими другъ противъ друга въ сѣверо-восточной же Виргиніи, у Фредериксбурга. На Юго-Западѣ федеральныя войска и флотъ занимали устье и часть теченія Миссисипи: теперь мы видимъ ихъ почти въ томъ же положеніи и не замѣчаемъ, чтобы они замѣтно подвинулись впередъ или назадъ. Въ Кентукки, Тенесси, Миссури, Миссисипи, Техасѣ—вездѣ борьба идетъ съ перемѣннымъ счастіемъ; то одни сдѣлаютъ шагъ впередъ, то другіе—но замѣтнаго, рѣшительнаго перевѣса нѣтъ ни на той, ни на другой сторонѣ. — А между тѣмъ мы сказали выше, что дѣла значительно подвинулись впередъ. Какъ же это согласовать? Для того чтобы объяснить это, мы должны вдаться въ нѣкоторыя подробности.

Изъ за чего ведется настоящая война? Съ какою бы цѣлью ни начиналась война, съ какими бы видами ни продолжали ее тѣ или другія личности, но во время веденія ея съ достаточною ясностью обозначилась конечная цѣль этой войны — уничтоженіе невольничества въ сѣверо-американскихъ штатахъ. Каковы бы ни были стремленія отдѣльныхъ личностей и частей — уничтоженіе невольничества въ сѣверной Америкѣ—вотъ, повторяемъ, конечная цѣль нынѣшней сѣверо-американской войны. Будутъ ли всѣ американскіе штаты составлять одно государство, или два, три государства — вопросъ не въ этомъ; будутъ ли президентами Линкольнъ, Макъ-Клелланъ, Сьюардъ, Джефферсонъ Девисъ, Фримонъ — вопросъ опять таки не въ этомъ. Вопросъ въ томъ — будетъ ли въ Сѣверной Америкѣ уничтожено невольничество или нѣтъ. Когда мы спрашивали себя, подвинулись ли впередъ дѣла въ сѣверной Америкѣ, мы имѣли въ виду эту конечную цѣль борьбы, и смотря на вопросъ съ этой точки зрѣнія мы сочли себя вправѣ отвѣчать на этотъ вопросъ, — «да, дѣло подвинулось впередъ,» не обращая при этомъ вниманія на военные успѣхи той или другой стороны, на побѣды аболиціонистовъ или демократовъ, на преобладаніе вліянія Чеза или Галлека, Сьюарда или Макъ-Клеллана. Присмотримся же теперь поближе къ тому, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Сѣверной Америкѣ, и на чемъ основано было наше увѣреніе, что дѣла подвинулись впередъ.

Мы говорили уже выше, что военные успѣхи были нерѣшительны ни для той, ни для другой стороны. Сначала главнокомандующій федеральной арміею дошелъ было до столицы южной конфедераціи, — до Ричмонда; потомъ послѣ шестидневной битвы (съ 25 по 30 іюня) онъ

былъ отброшенъ отъ Ричмонда, и мало по малу отступая долженъ былъ перейти обратно за Потомакъ; въ августѣ мѣсяцѣ войска сепаратистовъ даже вторглись въ Мэрилендъ и Пенсильванію; но будучи въ свою очередь разбиты Макъ-Клеллановъ они перешли обратно на лѣвый берегъ Потомака, и такимъ образомъ осенью 1862 года главныя силы непріятелей находились въ такомъ же положеніи, какъ въ началѣ лѣта 1861 года, т. е. при самомъ началѣ великой войны. То же самое дѣлалось на другихъ театрахъ войны: нельзя сказать, чтобы южные штаты торжествовали, но и сѣверные штаты дѣлали очень мало успѣховъ; то они побьютъ сепаратистовъ и подвинутся нѣсколько впередъ, то сепаратисты побьютъ ихъ и отодвинутъ ихъ опять назадъ. Наконецъ Линкольнъ видитъ, что этимъ путемъ далеко не уйдешь впередъ, нужно обратиться на другой путь. Что Линкольнъ желаетъ освобожденія негровъ, въ этомъ нѣтъ и не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ и возстановленія Союза—и это несомнѣнно. Но онъ желаетъ его для того, чтобы оставаясь президентомъ и южныхъ штатовъ, ему можно было вѣрнѣе достигнуть въ нихъ эманципаціи негровъ. Онъ могъ представить себѣ, что по мѣрѣ того, какъ онъ съ превосходными силами сѣвера будетъ покорять южные штаты, онъ съ помощью конгресса, въ которомъ большинство состоитъ изъ республиканцевъ, создастъ такіе законы, которые будутъ имѣть слѣдствіемъ быстрое или постепенное уничтоженіе невольничества во вновь присоединенныхъ штатахъ. Однако если онъ имѣлъ подобный разсчетъ, то опытъ долженъ былъ показать ему, что онъ отчасти ошибся въ немъ. Послѣ 16 мѣсяцевъ войны еще ни одинъ изъ отпавшихъ штатовъ не былъ покоренъ окончательно, и Линкольнъ долженъ былъ видѣть, что если дѣла пойдутъ такимъ же шагомъ впередъ, то понадобятся многіе годы для того, чтобы покорить весь югъ. А между тѣмъ истекала уже первая половина его президентства. Линкольнъ убѣдился, что нужно дѣйствовать рѣшительнѣе. Тогда онъ обнародовалъ свою прокламацію отъ 22 сентября, въ которой онъ объявляетъ, что въ тѣхъ штатахъ, которые 1 го января не прекратятъ возстанія и не возвратятся къ союзу, всѣ невольники будутъ освобождены. — Эта прокламація возбудила страшную бурю, и на Линкольна съ разныхъ сторонъ посыпались упреки. — Въ американскихъ штатахъ въ концѣ октября и въ началѣ ноября производятся выборы губернаторовъ и другихъ должностныхъ лицъ штатовъ. — Подъ впечатлѣніемъ этой прокламаціи выборы эти приняли въ нѣкоторыхъ штатахъ совершенно особенный оборотъ. — Дѣло въ томъ, что на сѣверѣ далеко не всѣ граждане увлекаются мыслью объ эманципаціи негровъ; весьма значительная часть граждан сѣверныхъ штатовъ, хотя и не смотритъ на рабовъ, какъ на ско-

торъ, однако считаетъ рабство такимъ *домашнимъ учрежденіемъ*, безъ котораго обойтись нельзя и уничтоженіе котораго неудобно и безполезно. Всѣ противники аболиціонизма соединились вмѣстѣ, для того чтобы умѣрить по возможности въ сѣверныхъ штатахъ вліяніе крайнихъ республиканцевъ, аболиціонистовъ, и плодомъ ихъ усилій было то, что въ нѣкоторыхъ изъ сѣверныхъ штатовъ, преимущественно въ Нью-Іоркѣ, Огайо и Иллинойсѣ, выборы выпали въ пользу лицъ, принадлежащихъ къ демократической (анти-аболиціонистской) партіи.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Имѣетъ ли это важное, рѣшительное вліяніе на ходъ событій? Нѣкоторое вліянія это конечно должно имѣть; лица, получившія власть въ силу этихъ выборовъ, будутъ конечно по мѣрѣ силъ и возможности препятствовать успѣшному ходу эманципаціи. Но слишкомъ важнаго, а тѣмъ болѣе рѣшительнаго значенія, этому явленію не слѣдуетъ придавать: пока центральная исполнительная власть находитъ поддержку своимъ стремленіямъ въ большинствѣ конгресса, то дѣло, ею предпринятое, можетъ идти успѣшно; а въ конгрессѣ республиканцы имѣютъ еще рѣшительный перевѣсъ надъ демократами. Но въ Европѣ многіе это дѣло поняли иначе: они думали, что теперь, послѣ выбора нѣсколькихъ демократическихъ должностныхъ лицъ, все сказано, и что дѣло необходимо должно кончиться совершенною невозможностью для сѣвера продолжать войну и полною побѣдою Юга. Первымъ слѣдствіемъ такого пониманія вещей была интересная попытка европейскаго вмѣшательства въ американскія дѣла.

Въ концѣ октября французскій министръ Друэнъ де-Люи послалъ ноту къ лондонскому и санктпетербурскому кабинету съ предложеніемъ приступить къ совокупному посредничеству между воюющими сторонами.—Что же заставило французское правительство рѣшиться на это вмѣшательство? Изъ этой ноты оказывается, что французскому правительству больно стало видѣть, какъ люди истребляютъ другъ друга въ Американскихъ Штатахъ. Съ другой стороны, тутъ представился отличный случай проявить свою заботливость о *меньшей братіи*, о бѣдныхъ ланкаширскихъ и руанскихъ рабочихъ, которые сидятъ безъ хлѣба — вотъ, молъ, мы заставимъ безразсудное правительство Линкольна прекратить безразсудную борьбу его — и будетъ хлопокъ, будетъ работа, будетъ хлѣбъ у бѣдствующихъ рабочихъ. Далѣе въ депешѣ говорится, что теперь, дескать, нечего надѣяться на покореніе юга сѣверомъ; силы у нихъ совершенно ровны. Къ тому же, продолжаетъ г. Друэнъ де-Люи, и они сами пламенно желаютъ заключенія мира; посмотрите на послѣдніе выборы, на торжество демократовъ, проявившееся въ этихъ выборахъ.

Далѣе онъ очень жалостно говоритъ о бѣдственномъ положеніи европейскихъ рабочихъ, и о томъ, что прекращеніе войны въ Америкѣ положило бы немедленно конецъ этому бѣдствію. Эта мысль была въ свое время какою-то ходячею монетою. Но вдругъ статистикамъ, вздумалось повѣрить, дѣйствительно ли это такъ, и оказалось, что если бы внезапно по желанію европейскихъ державъ уничтожена была блокада южныхъ портовъ, то онѣ все-таки не могли бы вывести оттуда болѣе двухъ милліоновъ тюковъ хлопка, и что на нынѣшній годъ югъ, вѣроятно, доставитъ лишь самое незначительное количество хлопка, потому что въ прошломъ году его почти вовсе не воздѣлывали, да и въ нынѣшнемъ врядъ ли воздѣлываніе его пойдетъ успѣшнѣе. Итакъ, для полученія 2-хъ милліоновъ тюковъ хлопка слѣдовало бы уничтожить блокаду южныхъ портовъ, т. е. начать войну съ сѣверными штатами, въ случаѣ если бы они отказались добровольно снять эту блокаду.

Но идемъ далѣе и смотримъ, на сколько вѣрны и основательны дальнѣйшія сообщенія министра въ его циркулярѣ. Друэнъ видитъ необходимость вмѣшаться въ томъ, что силы воюющихъ сторонъ совершенно ровны, и что никогда сѣверу не удастся одолѣть юга. Съ перваго взгляда это увѣреніе можетъ показаться довольно основательнымъ, но на дѣлѣ оно выходитъ совсѣмъ не такъ. Хотя до сихъ поръ Сѣверные Штаты не одержали рѣшительнаго успѣха въ полѣ, однако нельзя не согласиться съ тѣмъ, что все-таки ихъ акціи стоятъ лучше, нежели акціи Южныхъ Штатовъ: они занимаютъ нѣсколько важныхъ морскихъ пунктовъ, въ ихъ рукахъ находится устье и значительная часть теченія рѣки Миссисипи. На морѣ они имѣютъ значительное и несомнѣнное превосходство (не смотря даже на послѣднюю неудачу ихъ въ Техасѣ); финансы ихъ, хотя и сильно отягощены — объ этомъ мы будемъ говорить ниже, но тѣмъ не менѣе сравнительно съ финансами юга находятся въ блистательномъ положеніи; наконецъ, у нихъ не прекратилась промышленная дѣятельность, земледѣліе тоже почти нисколько не пострадало — а на югѣ первой вовсе нѣтъ, и послѣднее находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Наконецъ г. Друэнъ увѣряетъ, что война страшно надоѣла самимъ американцамъ, что они только и мечтаютъ о томъ, чтобы кто нибудь помирилъ ихъ (имъ самимъ это будто бы невозможно), и что въ самихъ Сѣверныхъ Штатахъ есть значительная партія, которая желаетъ мира, во что бы то ни стало, хотя бы съ сохраненіемъ рабства и съ отдѣленіемъ юга. Г. Друэна, какъ видно, ввели въ заблужденіе ходъ и результатъ выборовъ въ нѣкоторыхъ Сѣверныхъ Штатахъ; онъ слышалъ, что демократы не желаютъ уничтоженія невольничества; въ газетахъ же, и можетъ быть въ депешахъ, онъ читаетъ, что во многихъ мѣстахъ на выборахъ одерживаютъ верхъ демократы — значитъ они и сами хотятъ того же.

Партія демократовъ встрѣтила его попытку посредничества почти столь же неблагосклонно, какъ и партія республиканцевъ. Вскорѣ послѣ полученія въ Америкѣ извѣстія о попыткѣ г. Друэна де-Люи въ Нью-Іоркѣ собирался демократическій митингъ. На этомъ митингѣ рѣшено было стоять за энергическое веденіе войны; тутъ же высказано было самое сильное негодованіе противъ Франціи и Англіи по поводу ихъ желанія вмѣшаться въ дѣла Сѣверной Америки.

Республиканцы и демократы во враждѣ своей къ иностранному вмѣшательству проявили полное единодушіе и одинаково неистово нападали на французовъ и англичанъ. На Англичанъ! Но за что же имъ было нападать на Англичанъ? Вѣдь англійское же правительство отказалось отъ вмѣшательства; вѣдь бо̀льшая же часть англійской прессы высказалась тоже противъ вмѣшательства. — Да, но во первыхъ, часть англійскаго министерства была бы вовсе не прочь принять сторону юга и заставить Сѣверъ помириться; такъ лордъ Пальмерстонъ, который не упускалъ ни одного случая, чтобы повредить сѣверу и выказать свое сочувствіе къ югу, и теперь очень бы не прочь былъ принять предложеніе г. Друэна де Люи, и если бы дѣло зависѣло только отъ него, то конечно попытка вмѣшательства была бы приведена въ исполненіе; но дѣло въ томъ, что не всѣ члены кабинета раздѣляютъ это сочувствіе къ югу: такъ лордъ Россель въ особенности сильно возставалъ противъ вмѣшательства, и онъ-то былъ главною причиною того, что оно не состоялось.

Итакъ, если французское правительство (а за нимъ и пресса) были враждебны къ сѣверу до неудавшейся попытки вмѣшательства, то враждебность эта въ значительной степени усилилась послѣ того; да и англійская пресса, и англійскіе государственные мужи старались какъ будто употребить всѣ зависящія отъ нихъ усилія, чтобы смыть съ себя упрекъ, который дѣлали имъ ихъ сосѣди французы, въ пристрастіи къ Сѣверу. Все, что ни дѣлалось на сѣверѣ — все подвергалось самой пристрастной, несправедливой критикѣ. А о своихъ друзьяхъ сепаратистахъ они, кажется, иначе и говорить не могутъ, какъ со слезами на глазахъ.

Любопытна также тактика этихъ достойныхъ друзей юга по поводу увольненія главнокомандующаго Потомакской арміей, генерала Макъ-Клеллана, и назначенія новаго главнокомандующаго, генерала Бернсайда. — Макъ-Клелланъ имѣлъ тайныя симпатіи къ югу и явныя симпатіи къ невольничеству, вслѣдствіе которыхъ онъ велъ войну такъ непростительно дурно, какъ только могъ этого желать югъ. Линкольнъ, который при всѣхъ своихъ достоинствахъ, имѣетъ кажется тотъ недостатокъ, что слишкомъ довѣрчивъ къ людямъ, долго не хотѣлъ по-

нять, что за человѣкъ его главнокомандующій. — Но наконецъ онъ убѣдился въ томъ, что это человѣкъ положительно вредный для дѣла эманципаціи, (къ которому онъ собирался приступить съ 1 января) и отстранилъ его отъ командованія арміей, замѣнивъ его новымъ главнокомандующимъ.—Какъ же отнеслись къ этому дѣлу англійскія и французскія газеты? Пока Макъ-Клелланъ командовалъ арміей, онѣ не находили достаточно словъ, чтобы бранить его, потѣшаться надъ его неискусствомъ, слабостью, даже трусостью; а какъ только онъ пересталъ быть главнокомандующимъ сѣверной арміей, они не находили словъ, чтобы достаточно хвалить его и представлять его умнымъ, искуснымъ генераломъ, не раздѣляющимъ бредней сѣверо-американскихъ тирановъ-аболиціонистовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ президентъ Линкольнъ, удалившій такого прекраснаго человѣка, подвергался сильнымъ нападкамъ.

Но самое обширное поле для нападеній представили врагамъ сѣвера два важные документа, обнародованные въ сѣверныхъ штатахъ въ послѣднее время. На этихъ двухъ документахъ — посланіи президента къ конгрессу, представленномъ имъ 1 декабря, и прокламаціи объ эмансипаціи негровъ, обнародованной 1 января — мы намѣрены нѣсколько остановиться.

Въ своемъ посланіи Линкольнъ сначала говоритъ о внѣшнихъ сношеніяхъ. Гораздо интереснѣе та часть посланія, гдѣ президентъ говоритъ о финансовомъ положеніи страны. Изъ этой части посланія, равно какъ и изъ слѣдующаго затѣмъ отчета министра финансовъ г. Чеза, мы узнаемъ, какими громадными средствами располагалъ и можетъ еще располагать сѣверъ. Такъ мы узнаемъ, что съ 1 іюля 1861 года до 1 іюля 1862 года доходы сѣверо-американскаго Союза составляли 584 милл. долларовъ (впрочемъ изъ этой суммы только 54 милл. составляютъ обыкновенные доходы; 530 же милл. происходятъ отъ займовъ). Расходы за этотъ періодъ времени составляли 971 милл. долларовъ; въ томъ числѣ на погашеніе долга и на уплату процентовъ—109 милл. на военныя издержки и на флотъ—437 милл. (около 560 милл. рублей, т. е. болѣе нежели $1^1/_2$ милл. рублей въ день), и только 35 милл. на прочія издержки. Бюджетъ на слѣдующій финансовый годъ (съ 1 іюля 1862 по 1 іюля 1863 года) превышаетъ почти вдвое бюджетъ предшествовавшаго года. По финансовому отчету, представленному министромъ Чезомъ, расходы за этотъ періодъ времени опредѣлены въ $988^1/_2$ милл. долларовъ, доходы же только въ $511^1/_2$ милл. ($180^1/_2$ милл. обыкновенныхъ доходовъ, и 331 милл. полученныхъ по займу); значитъ оказывается дефицитъ въ 477 милл. долларовъ.

По поводу этого дефицита между правительствомъ и конгрессомъ произошло было нѣкоторое недоразумѣніе: конгрессъ желалъ выпу-

стить на эту сумму бумажныхъ денегъ, правительство не желало этого выпуска и хотѣло покрыть его займомъ; но потомъ дѣло уладилось и конгрессъ открылъ правительству на военные расходы до 30 іюня 1864 года чрезвычайный кредитъ въ 731 милл. долларовъ. Долгъ соединенныхъ штатовъ ужь теперь составляетъ сумму въ 1122 милл. долларовъ.

Но что же означаютъ всѣ эти громадныя цифры, всѣ эти сотни и тысячи милліоновъ долларовъ? Не означаютъ ли они только напрасно, непроизводительно, безумно потраченныхъ денегъ, денегъ брошенныхъ только для удовлетворенія личныхъ страстей? Потратить деньги на созданіе милліоновъ свободныхъ людей не значитъ потратить ихъ непроизводительно.

Наконецъ въ послѣдней (и самой важной) части своего посланія Линкольнъ разсматриваетъ вопросы о возстановленіи Союза, о невольничествѣ. Сначала онъ старается доказать, что Союзъ непремѣнно долженъ быть возстановленъ, что сѣверо-американскіе штаты не могутъ составлять двухъ отдѣльныхъ государствъ, что это невозможно по самой природѣ страны. Онъ говоритъ о томъ, что нѣтъ рѣзкихъ, прочныхъ границъ между сѣверомъ и югомъ (рѣкъ, горъ и пр.), что границу должна будетъ составлять какая-то фиктивная линія, проведенная съ востока на западъ, что напротивъ самое теченіе рѣкъ, напримѣръ, указываетъ на необходимость составлять одно государство и пр. Не знаемъ, какъ другіе, но мы плохо убѣждаемся всѣми этими доводами и полагаемъ, что все это не можетъ служить препятствіемъ къ образованію двухъ отдѣльныхъ государствъ. Какъ будто на свѣтѣ мало государствъ, границу между которыми составляютъ линіи, проведенныя въ воображеніи, и какъ будто мало рѣкъ, которыя текутъ черезъ многія, отдѣльныя государства.

Вообще мы не понимали необходимости возстановленія Союза до прочтенія посланія Линкольна, и не понимаемъ ея и теперь. Будетъ ли возстановленъ Союзъ или нѣтъ, это по нашему мнѣнію совершенно все равно, лишь бы разрѣшенъ былъ главный вопросъ о невольничествѣ. Поэтому мы находимъ эту часть посланія президента Линкольна самою слабою и спѣшимъ перейти къ гораздо болѣе интересному вопросу — вопросу о невольничествѣ.

Линкольнъ говоритъ въ своемъ посланіи, что между друзьями Союза существуетъ большое разногласіе относительно невольничества. Одни желали бы немедленнаго, полнаго и безвозмезднаго освобожденія невольниковъ; другіе желаютъ постепеннаго ихъ освобожденія, съ должнымъ вознагражденіемъ рабовладѣтелямъ; третьи желаютъ освобожденія ихъ съ тѣмъ, чтобы они были удалены изъ предѣловъ союза; четвертые желаютъ просто сохраненія невольничества. Нако-

недъ кромѣ этихъ главныхъ вопросовъ разногласія, есть множество вопросовъ менѣе важныхъ, второстепенныхъ. Президентъ имѣетъ въ виду согласовать всѣ эти разногласія, и съ этою цѣлью онъ предлагаетъ конгрессу сдѣлать въ конституціи Соединенныхъ Штатовъ слѣдующія измѣненія: Ст. 1-я. Всякій штатъ, гдѣ невольничество существуетъ въ настоящее время, долженъ отмѣнить у себя невольничество до 1-го января 1900 года; каждый владѣлецъ получитъ вознагражденіе изъ государственнаго казначейства за то число невольниковъ, которые значатся за нимъ по 8 ревизіи. Ст. 2-я. Всѣ невольники, которые получатъ свободу во время войны, вслѣдствіе какихъ-бы то ни было случайностей, и въ какомъ-бы то ни было періодѣ войны, остаются свободными; но тѣ изъ владѣльцевъ ихъ, которые оставались вѣрными Союзу, получатъ отъ государства должное вознагражденіе. Ст. 3-я. Конгрессъ долженъ изыскивать средства, чтобы способствовать колонизаціи негровъ въ другихъ странахъ (конечно колонизація эта должна производиться съ ихъ согласія). Но эти предложенія не отмѣняютъ прокламаціи 22 сентября, и президентъ предоставляетъ себѣ привести ее въ исполненіе въ назначенный имъ срокъ. Далѣе Линкольнъ вступаетъ въ очень пространное и подробное объясненіе своего проекта. Онъ предвидѣлъ упреки, которые ему будутъ дѣлать за его предложенія, и спѣшитъ какъ-бы заранѣе отвѣчать на нихъ. Онъ соглашается съ тѣмъ, что если его предложеніе объ освобожденіи невольниковъ будетъ принято, то государству будетъ очень не легко уплатить рабовладѣльцамъ огромныя суммы за выкупъ невольниковъ; но онъ замѣчаетъ, что все таки будетъ легче взять на себя эти издержки, чѣмъ издержки, необходимыя для веденія длинной дорогостоющей войны. Для того онъ и назначилъ такой долгій срокъ на выкупъ негровъ; хотя онъ знаетъ, что его будутъ упрекать и за этотъ долгій срокъ, однако онъ въ немъ видитъ самое лучшее средство облегчить для государства и для народа совершеніе выкупа; онъ полагаетъ, что издержки по выкупу, разложенные на 37 лѣтъ, будутъ довольно нечувствительны для населенія, и къ тому же, прибавляетъ онъ, къ концу этого срока они будутъ падать уже не на 31 милліонъ, а можетъ быть на 100 милліоновъ жителей; наконецъ онъ надѣется, что и такой долгій срокъ перехода отъ труда невольничьяго къ труду свободному совершится довольно нечувствительно для хозяйственныхъ интересовъ, тѣмъ болѣе что къ тому времени большая часть изъ теперешняго поколѣнія уже не будетъ въ живыхъ, и что новому поколѣнію легче будетъ сживаться съ новымъ порядкомъ вещей, и т. д. Проектъ этотъ постигла судьба, которая обыкновенно постигаетъ всякія среднія мѣры, стремящіяся къ тому, чтобы угодить всѣмъ, и нашимъ и вашимъ: онъ не удовлетворилъ никого; имъ остались недо-

вольны и аболиціонисты, и приверженцы невольничества. Причину этого неудовольствія очень легко понять. Дѣйствительно, нельзя не сознаться съ тѣмъ, что этотъ проектъ довольно слабъ: эта медленность, осторожность, эта преувеличенная заботливость объ интересахъ рабовладѣльцевъ — по нашему мнѣнію сильно вредятъ ему. Но тѣмъ не менѣе мы сознаемъ, что онъ былъ необходимъ, и что Линкольнъ отлично сдѣлалъ, представивши подобный проектъ, и именно представивши его въ этомъ видѣ. Это было необходимо такъ сказать *для очистки совѣсти*, для того чтобы отнять у кого бы то ни было право жаловаться на дальнѣйшее поведеніе президента; и мы сильно подозрѣваемъ, что самъ Линкольнъ представилъ въ такой формѣ именно съ этой цѣлью. Линкольнъ готовился издать свою эмансипаціонную прокламацію, какъ онъ и заявилъ объ этомъ въ посланіи; онъ отчасти уже слышалъ самые ужасные упреки по поводу прокламаціи 22 сентября, и ожидалъ встрѣтить еще сильнѣйшіе упреки послѣ 1 января; онъ зналъ, что будутъ кричать о разбоѣ, объ *экспропріаціи*, о варварствѣ, о возбужденіи невольниковъ къ перерѣзанію плантаторовъ и пр. и пр. Такъ для того, чтобы отнять у враговъ своихъ всякое основаніе къ упрекамъ, чтобы снять съ себя всѣ обвиненія, которыя стали бы возводить на него, онъ предложилъ такой мягкій, благопріятный для плантаторовъ проектъ. Правда, если бы весь югъ покорился, то невольничество сохранилось бы въ южныхъ штатахъ еще на цѣлое человѣческое поколѣніе; но легко было предвидѣть, что этого не случится, и что такимъ образомъ все равно не придется приводить въ исполненіе проекта Линкольна, покрайней мѣрѣ въ обширныхъ размѣрахъ. Его можно будетъ примѣнить только къ тѣмъ немногимъ негро-владѣтелямъ, которые остались вѣрны союзу; ну а у этихъ господъ невольниковъ такъ не много, что пожалуй не трудно будетъ выкупить ихъ гораздо ранѣе истеченія 37 лѣтняго срока. Такъ ли разсуждалъ Линкольнъ или нѣтъ, мы не знаемъ. Мы по крайней мѣрѣ смотримъ съ этой точки зрѣнія на его эмансипаціонный проектъ; и намъ кажется, что только съ этой точки зрѣнія можно найти въ немъ нѣкоторое значеніе.

Какъ и слѣдовало ожидать, непріязненныя къ сѣверу газеты встрѣтили проектъ чрезвычайно недружелюбно. Та самая Times, которая всегда такъ краснорѣчиво толкуетъ о постепенности прогресса, о вредѣ всякихъ скачковъ и насильственныхъ переворотовъ, о законности и тому подобныхъ хорошихъ вещахъ, до того увлеклась своею дружбою къ югу, что заговорила Богъ знаетъ что. Она начала очень остроумно подсмѣиваться надъ *трусостью* г. Линкольна, надъ его излишнею медлительностью, осторожностью, и пр. Должно быть, эта почтенная газета желаетъ, чтобы онъ поступилъ какъ можно болѣе

энергически, чтобы разрубилъ гордіевъ узелъ; какіе тамъ уступки, соглашенія, компромиссы! Далѣе Times пускается въ вычисленія: до сихъ поръ, говоритъ она, въ два года потрачено на войну 1100 милл. долларовъ, а всѣхъ негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ около 4 милл.; если положить за каждаго изъ нихъ по 500 долларовъ (650 рубл. сер.) то за всѣхъ придется заплатить всего 2000 милліоновъ долларовъ; если бы Линкольнъ былъ умный человѣкъ, то лучше бы выкупить всѣхъ невольниковъ, и это стоило бы менѣе нежели четыре года войны. Разсчитано отлично. Одно только упущено изъ виду—то, что нельзя дѣлать операціи надъ какимъ-нибудь субъектомъ, не имѣя возможности достать до него рукою, или продавать шкуры медвѣдя, не убивши самаго медвѣдя. Какимъ же образомъ было Линкольну выкупить невольниковъ, когда южные штаты, при первомъ извѣстіи о томъ, что Линкольнъ выбранъ въ президенты, отпали отъ союза?

Линкольнъ предложилъ имъ теперь возвратиться въ союзъ и получить выкупъ за своихъ негровъ, и пригрозилъ, въ противномъ случаѣ, освободить ихъ рабовъ безъ всякихъ вознагражденій — а развѣ они его послушались? То же самое было бы и въ началѣ войны. Интересно знать, какимъ образомъ Times при помощи 2000 мил. долларовъ совершила бы выкупъ, когда тѣ, которымъ предлагаютъ деньги за освобожденныхъ невольниковъ, не берутъ ихъ. Другія англійскія газеты не вдаются въ такія остроумныя вычисленія, а довольствуется тѣмъ, что бранятъ Линкольна съ плеча. Morning-Post говоритъ, что этотъ проектъ есть мечтаніе слабой головы; впрочемъ она пускается на пророчества и говоритъ, что онъ вѣроятно означаетъ желаніе Линкольна обратиться на попятный дворъ и отказаться отъ своей прокламаціи 29 сентября. Но всѣхъ лучше отзывъ о посланіи президента, въ Morning Herald. Она просто говоритъ о посланіи, что въ немъ очень ясно выразилась слабость Линкольна, глупая безсовѣстность Сьюарда, бездарность Чеза (министра финансовъ), и хвастливость Стантона (военнаго министра).

Въ промежутокъ времени отъ открытія конгресса (1 декабря) до срока назначеннаго для изданія Линкольновой прокламаціи (1 января), въ Америкѣ случилось много интереснаго. Въ это время федералисты потерпѣли пораженіе при Фридериксбургѣ, въ которомъ они потеряли убитыми и ранеными отъ 17,000 до 20,000 человѣкъ. За тѣмъ послѣдовалъ министерскій кризисъ; въ Нью-Іоркѣ требовали удаленія Сьюарда, Чеза, Стантона и Галлека, которыхъ почему-то обвинили въ неудачахъ (послѣдній дѣйствительно извѣстенъ своею антипатіей къ дѣлу аболиціонизма—хорошо бы, если бы его удалили). Объ удаленіи первыхъ двухъ министровъ даже просилъ сенатъ; они даже и подавали въ отставку, но Линкольнъ, замѣтивши очень остроумно, что

ему нельзя составить министерства изъ ангеловъ, уговорилъ ихъ остаться. Конгрессъ въ то же время также приступилъ къ своимъ занятіямъ. Однихъ изъ первыхъ выработанныхъ имъ законовъ былъ билль о принятіи въ союзъ штата западной Виргиніи; билль этотъ прошелъ большинствомъ 96 голосовъ противъ 55. Условія, на которыхъ этотъ штатъ присоединенъ былъ къ союзу, основанъ на началахъ медленной, постепенной эманципаціи негровъ. Въ биллѣ, утвержденномъ конгрессомъ, сказано, что всякій негръ, который къ 4 марта 1863 года будетъ имѣть менѣе 10 лѣтъ отъ роду, будетъ свободенъ, когда ему минетъ 21 годъ (т. е. послѣдній изъ нихъ, рожденный наканунѣ этого дня, получитъ свободу 3 марта 1874 года); тѣ, которые 4 марта 1863 года будутъ имѣть отъ 10 до 20 лѣтъ отъ роду, получатъ свободу въ 25 лѣтъ (т. е. къ 1868 году); съ этого же дня, т. е. съ 4 марта 1861 года, ни одинъ новый невольникъ не можетъ быть введенъ на территорію штата. Кромѣ того, на этотъ штатъ распространится конечно дѣйствіе эмансипаціоннаго проекта Линкольна, если онъ будетъ утвержденъ конгрессомъ. Мы уже высказали выше наше мнѣніе объ атомъ медленномъ способѣ эмансипаціи негровъ, который мы признаемъ уже черезъ-чуръ мягкимъ и снисходительнымъ; поэтому намъ здѣсь нечего прибавлять къ нему. Въ конгрессѣ былъ поднятъ также вопросъ о прокламаціи 22 сентября. Демократическая партія въ конгрессѣ предложила объявить эту прокламацію антиконституціонною; Morning-Post и другія газеты уже торжествовали и объявляли, что конгрессъ осудилъ прокламацію. Но къ великой ихъ горести это извѣстіе оказалось несправедливымъ: хотя подобное предложеніе и было сдѣлано въ конгрессѣ, однако оно было отвергнуто большинствомъ 95 голосовъ противъ 47, и затѣмъ самая прокламація была одобрена большинствомъ 78 голосовъ противъ 51. Въ ожиданіи пока будетъ объявлена обѣщанная прокламація Линкольна, президентъ южныхъ штатовъ издалъ свою прокламацію (23 декабря). Вообще Югъ пришелъ въ неописанное волненіе, какъ скоро онъ узналъ о желаніи Линкольна эмансипировать негровъ. Брань, угрозы, упреки—все это конечно было отвѣтомъ на прокламацію 22 сентября, и все это вполнѣ выразилось въ документѣ, который мы выше назвали. Еще прежде сепаратисты объявили, что въ случаѣ, если Линкольнъ сдержитъ свое обѣщаніе и издастъ прокламацію 1 января, то они будутъ разстрѣливать всѣхъ плѣнныхъ федеральныхъ офицеровъ. Джефферсонъ-Девисъ подтверждаетъ эту угрозу въ своей прокламаціи 23 декабря. Впрочемъ, понявши всю нелѣпость первоначальнаго заявленія своего главнокомандующаго, генерала Ли, хотѣвшаго разстрѣливать всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ, онъ дѣлаетъ нѣкоторое ограниченіе: онъ обѣщается стрѣлять только офицеровъ, находившихся подъ начальствомъ Бэтлера (оригинальное ограниченіе!), и тѣхъ, которые будутъ оказывать помощь возстав-

нимъ неграмъ или начальствовать ими. Что же касается до невольниковъ, то г. Девисъ объявляетъ довольно глухо, что всякій возставшій негръ будетъ отправленъ въ тотъ штатъ, къ которому онъ принадлежитъ, чтобы съ нимъ было поступлено по законамъ. Для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые пожелали бы узнать, что значитъ *поступлено по законамъ*, мы можемъ прибавить, что по законодательству отдѣльныхъ штатовъ возставшаго раба можно сжечь живаго или забить на смерть кнутомъ.

Мы до сихъ поръ не мало говорили объ антагонизмѣ между Американцами съ одной стороны и Англичанами и Французами съ другой стороны. Но мы замѣчали уже выше, что этотъ антагонизмъ существуетъ только между правительствами, прессой, высшими классами. Къ чести низшихъ классовъ въ Англіи, мы должны сказать, что они нисколько не раздѣляютъ завистливыхъ и своекорыстныхъ тенденцій своихъ набольшихъ, своихъ правителей, газетъ, фабричныхъ хозяевъ, и пр. И американцы съ своей стороны доказали, что они отлично понимаютъ это, и что, будучи крайне раздражены противъ правительства и высшихъ классовъ Англіи и Франціи, они однакоже оказываютъ полное сочувствіе благороднымъ низшимъ классамъ. Никто болѣе американцевъ не сожалѣетъ о бѣдствіи мануфактурныхъ округовъ Европы, и они употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ усилія, чтобы облегчить ихъ: сѣверо-американское правительство дѣлаетъ все, что можетъ, чтобъ способствовать доставленію хлопка въ Европу; частныя лица открываютъ подписку, и въ 3 или въ 4 дня на Нью-Іоркской биржѣ собрано болѣе 100,000 долларовъ въ пользу ланкаширскихъ работниковъ. Но особенно интересно поведеніе англійскихъ рабочихъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ, особенно если сравнить ихъ съ поведеніемъ другихъ сословій Англіи.—Извѣстно, что враги Сѣвера въ Англіи и во Франціи распинаются преимущественно въ интересахъ гуманности, въ интересахъ своей меньшей братіи.—Заступничества за Югъ требуютъ интересы несчастныхъ ланкаширскихъ, руанскихъ и иныхъ прочихъ рабочихъ, сидящихъ безъ работы, умирающихъ съ голода вслѣдствіе каприза, упрямства или властолюбія какого-нибудь Линкольна, вотъ жалостная фраза, которая не сходила съ устъ сердобольныхъ журналистовъ.—Читаешь и удивляешься, что у этихъ людей за ангельское сердце, какая заботливость о *меньшей братіи*. Что же послѣ этого должна чувствовать къ Линкольну эта голодная *меньшая братія?* Но вотъ эта меньшая братія, эта несчастная жертва собралась въ Манчестерѣ наканунѣ новаго года на митингъ, чтобъ потолковать объ американскихъ дѣлахъ.—Послушаемъ, какою они будутъ разражаться бранью на виновника своихъ бѣдствій.—Говорится много рѣчей—но брани противъ Линкольна мы не слышимъ. Но подождемъ, можетъ быть ораторы не

выражаютъ мыслей собранія; подождемъ, пока будутъ постановлены рѣшенія митинга.—Но вотъ постановлены и эти рѣшенія. Постановленіе первое: Манчестерскій митингъ, собравшійся 30-го декабря подъ предсѣдательствомъ г. Гейвуда выражаетъ свое негодованіе противъ удержанія рабства въ сѣверной Америкѣ и противъ попытки Юга составить на великомъ американскомъ материкѣ государство, въ основаніе котораго легло бы невольничество.—Постановленіе 2-е. Собравшіеся сочувствуютъ президенту Линкольну и его товарищамъ въ ихъ попыткахъ къ поддержанію союза, признаютъ справедливыми ихъ мѣры къ освобожденію негровъ и находятъ особенно достойнымъ уваженія то, что онъ въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ съумѣлъ остаться вѣрнымъ конституціи.—Постановленіе 3-е. Собравшіеся постановляютъ (при громкомъ выраженіи энтузіазма собранія) составить и поднести Линкольну адресъ, въ которомъ его поздравятъ съ тѣмъ, что онъ придерживается такъ рѣшительной эмансипаціонной политики, и будутъ просить, чтобъ онъ и впредь оставался вѣренъ ей и не позволилъ бы никому отклонить себя отъ исполненія этой благородной миссіи.—Что это такое? спрашиваетъ удивленный читатель... Неужели такъ говорятъ голодные манчестерскіе работники, объ которыхъ такъ заботятся старшіе ихъ братья? Такъ говорятъ представители нашего меркантильнаго, мелочнаго вѣка, вѣка узкой индивидуальности и грубаго матеріализма. Это можетъ послужить маленькимъ урокомъ идеалистамъ прежняго вѣка, которые смотрятъ съ высоты своего величія на современное направленіе и обращаются къ нему не иначе, какъ съ улыбкой сожалѣнія.—Манчестерскіе рабочіе доказали, что они не хотятъ достигнуть матеріальнаго своего благостоянія какой бы то ни было цѣною, хотя бы цѣною чужой свободы и чужаго благосостоянія. Въ ихъ рѣчахъ и постановленіяхъ можно пожалуй найти много наивнаго, можно найти не совсѣмъ ясное пониманіе вещей.—Дѣйствительно, тонкіе политики и мыслители не замедлили посмѣяться надъ тѣмъ, что они не понимаютъ Линкольна, приписываютъ ему то, что ему вовсе не принадлежитъ и проч. Можетъ быть это и справедливо отчасти; но вѣрно или невѣрно манчестерскіе работники понимаютъ политику Линкольна—это все равно, они считаютъ справедливою, гуманною ту политику, которая стремится къ освобожденію негровъ; представителемъ этой политики они считаютъ Линкольна — и поэтому выражаютъ ему свое сочувствіе. Манчестерскіе рабочіе выражаютъ свое сочувствіе къ тому, кто по ихъ мнѣнію олицетворяетъ идею освобожденія. Послѣ манчестерскаго митинга, подобные же митинги происходили въ Шеффильдѣ, въ Глесговѣ, въ Брэдфордѣ, въ Бенбэри и пр. Тамъ говорилось почти то же, что въ Манчестерѣ; только нѣкоторые прибавляли къ своимъ постановленіямъ статью, въ которой они порицали благосклонность

къ югу, обнаруженную многими англійскими органами. Вотъ съ какой стороны пришлось получить урокъ гордой англійской прессѣ.

Приближалось 1 января. Будетъ или не будетъ издана прокламація? спрашивали въ Америкѣ и Европѣ. Наконецъ около 15 января въ Европу привезено было извѣстіе, что прокламація была дѣйствительно объявлена 1 января. Это такой важный и интересный документъ, что мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь въ полномъ видѣ, со всѣми его особенностями и съ оригинальнымъ его изложеніемъ.

Сначала повторяется почти цѣликомъ прокламація 22 сентября. За тѣмъ слѣдуетъ собственно декретъ объ освобожденіи негровъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Линкольнъ объявляетъ это: «я, Авраамъ Линкольнъ, президентъ Соединенныхъ Штатовъ, объявляю въ силу предоставленной мнѣ, какъ главномандующему арміей и флотами Соединенныхъ Штатовъ, власти, какъ необходимую для подавленія мятежа военную мѣру, согласно съ моимъ намѣреніемъ, заявленнымъ гласно за сто дней до нынѣшняго дня, слѣдующіе штаты находящимися въ состояніи вооруженнаго возстанія: Арканзасъ, Техасъ, Луизіана (за исключеніемъ округа Новаго Орлеана) Миссисипи, Элебема, Флорида, Джорджія, Южная Каролина, Сѣверная Каролина и Виргинія (кромѣ 55 графствъ западной Виргиніи, которыя должны оставаться, какъ бы прокламація не была обнародована). Въ силу вышеупомянутой принадлежащей мнѣ власти, ради достиженія вышеупомянутой цѣли, я объявляю, *что невольники всѣхъ вышеозначенныхъ штатовъ и частей штатовъ свободны и должны считаться свободными*, и что исполнительная власть Соединенныхъ Штатовъ, со включеніемъ военныхъ властей на сушѣ и на морѣ, должна признавать означенныхъ лицъ свободными и поддерживать эту ихъ свободу. Я внушаю всѣмъ получившимъ свободу воздерживаться отъ всякихъ насилій, за исключеніемъ случаевъ вынужденной обороны, и совѣтую имъ работать, гдѣ можно будетъ, за должное вознагражденіе. Далѣе я объявляю, что освобожденные невольники, которые по тѣлосложенію своему окажутся къ тому способными, могутъ быть приняты *для* вооруженной защиты Соединенныхъ Штатовъ, при оборонѣ крѣпостей, равно какъ и въ военной службѣ на морѣ. Признавая эту мѣру—мѣрою справедливою, вынужденною необходимостію войны и дозволенною мнѣ конституціею, призываю на нее безпристрастное сужденіе людей и милость всемогущаго Бога. Данъ въ Вашингтонѣ 1 дня января мѣсяца въ лѣто Господа нашего 1863, а независимости Соединенныхъ Штатовъ въ восемьдесятъ седьмое.

Авраамъ Линкольнъ.

Контрасигновано: государственный секретарь *Сьюардъ*.

Теперь, сообщивъ самый манифестъ Линкольна, приведемъ интерес-

ные отзывы о немъ главнѣйшихъ англійскихъ газетъ, а потомъ скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что мы объ немъ думаемъ. Во-первыхъ, мы узнаемъ по корреспонденціямъ изъ Америки, что общественное мнѣніе здѣсь (конечно за исключеніемъ демократовъ) отнеслось довольно благопріятно къ этому манифесту, только что оно не довольно значительными ограниченіями, которыя въ немъ сдѣланы; то же самое мы узнаемъ и объ общественномъ мнѣніи въ Англіи. Но конечно мы подъ именемъ англійскаго общественнаго мнѣнія не должны разумѣть мнѣнія англійскихъ министровъ и не разъ уже цитированныхъ нами англійскихъ газетъ. Вотъ какъ послѣднія отзываются объ этомъ манифестѣ. Morning Post говоритъ по случаю прокламаціи, что Линкольнъ 1 января подписалъ смертный приговоръ Соединеннымъ Штатамъ, и что декретъ этотъ былъ бы ужасенъ, если бы онъ не былъ недѣйствителенъ. Уже принятіе Виргиніи въ число штатовъ было актомъ измѣны относительно конституціи; но еще незаконнѣе декретъ объ эмансипаціи. «Это, говоритъ газета, есть дѣло деспотизма, стремящагося къ власти; эти послѣднія отчаянныя усилія суть плоды безсильнаго бѣшенства. Жалко видѣть, какъ генералиссимусъ разбитой арміи забываетъ всѣ добродѣтели мужа и христіанина и съ женскою злобою призываетъ на помощь неправаго дѣла *рабовъ*; отвратительно видѣть, какъ онъ призываетъ на такое гнусное дѣло благословеніе Бога. Всякому нейтральному зрителю прокламація должна показаться не только безбожною, но и смѣшною, и нелѣпою. Мыслящая часть сѣвера вѣроятно послушается совѣтовъ благоразумія и склонится къ миру». Еще неудачное пророчество! Оказалось, что совѣтовъ благоразумія никто, кажется, не намѣренъ слушаться на сѣверѣ и что война будетъ продолжаться вопреки пророчеству Morning Post'а.

Times начинаетъ съ торжественнаго объявленія, что она всегда ненавидѣла рабство, при чемъ весьма кстати упоминаетъ имена извѣстныхъ противниковъ рабства Уильберфорса и Клерксона и выражаетъ свое къ нимъ сочувствіе. Въ другое время она бы обрадовалась всякой мѣрѣ, освобождающей невольниковъ, но въ настоящей мѣрѣ она видитъ только средство удержать въ союзѣ Южные Штаты. Да и то это теперь уже средство недѣйствительное. При другихъ обстоятельствахъ она могла бы способствовать конечной цѣли войны, то есть къ уничтоженію рабства, но при настоящихъ обстоятельствахъ она считаетъ ее неисполнимою и полагаетъ даже, что единственнымъ послѣдствіемъ ея можетъ быть развѣ только истребленіе негровъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ президентъ говоритъ о работѣ негровъ за наемную плату, Times видѣтъ горькую насмѣшку: какое можетъ быть добровольное соглашеніе между плантаторомъ и невольникомъ! восклицаетъ она; рѣзня — можетъ быть, но никакъ не соглашеніе. Чтожь, можетъ быть въ этомъ отношеніи она отчасти и права. Но

всего лучше Times говорить о прокламаціи Линкольна. Она забыла, что начала свою статью съ выраженія сочувствія къ Уильберфорсу и къ эмансипаціи негровъ, и впала въ совершенно другой (конечно болѣе искренній) тонъ. Въ концѣ статьи сказано, что если негръ въ Южныхъ Штатахъ будетъ освобожденъ, то онъ неминуемо долженъ будетъ возвратиться къ состоянію дикости; а это будетъ состояніемъ больнымъ анархіи и разоренія, въ которомъ онъ, по всей вѣроятности, будетъ жалѣть о разломанныхъ цѣпяхъ своихъ и объ убитомъ своемъ господинѣ. Въ заключеніе выражена увѣренность, что свободному негру Сѣвера нисколько не лучше жить, нежели невольнику Юга, и проч. Вотъ этакъ-то гораздо лучше! къ чему еще надѣвать маску филантропіи! Не лучше ли прямо говорить, что негру лучше оставаться въ невольничествѣ, и что ему нельзя не быть невольникомъ, нежели толковать объ Уильберфорсѣ и о пользѣ эмансипаціи. Откровенност всегда лучше, нежели ложь (*).

Теперь скажемъ нѣсколько словъ по поводу тѣхъ возраженій на прокламацію, которыя мы привели выше, и тѣхъ, которыя могли бы еще быть сдѣланы противъ нея. Основательнымъ мы находимъ только то возраженіе, которое дѣлаютъ противъ нея и въ Америкѣ и въ Европѣ — именно, что въ ней все-таки проглядываетъ какая-то нерѣшительность, какая-то излишняя осторожность. Ограниченія здѣсь и тамъ — и исключенія въ пользу извѣстныхъ штатовъ и мѣстностей, и ограниченіе права поступленія въ военную службу, всего этого не должно бы быть въ такомъ важномъ актѣ, какъ этотъ. Вотъ все, что мы можемъ сказать о прокламаціи 1 января. Говорятъ еще, что прокламація совершенно безполезна при настоящихъ обстоятельствахъ; что въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя не распространяется власть Линкольна (а это большая часть Южныхъ Штатовъ) она не можетъ имѣть силы, что негры все равно не могутъ тамъ возстать, и что если бы они и вздумали это сдѣлать, то это повело бы къ ихъ же истребленію. Да наконецъ, говорятъ, и самъ Линкольнъ объявляя ихъ свободными, совѣтуетъ имъ не браться за

(*) Кажется, что Times сама окончательно убѣдилась въ этомъ и намѣрена на будущее время придерживаться подобнаго образа дѣйствія; по крайней мѣрѣ насъ въ этомъ убѣждаютъ другія статьи ея, писанныя вскорѣ послѣ вышеприведенной. Извѣстной американской писательницѣ г-жѣ Бичеръ-Стоу почему-то вздумалось перенести споръ о невольничествѣ въ область религіи; она стала доказывать, что священное писаніе не допускаетъ невольничества. Противъ подобныхъ увѣреній выступила Times и объявила, что г-жа Бичеръ-Стоу говоритъ вздоръ, что и буква и смыслъ Евангелія не только не отвергаютъ, но даже устанавливаютъ невольничество. Она подтверждаетъ свои собственныя глубокомысленныя разсужденія цитатами изъ апостола Павла о выдачѣ бѣглыхъ рабовъ. Однимъ словомъ, и на этомъ полѣ Times побѣдоносно разбила своихъ враговъ.

оружіе кромѣ случаевъ личной обороны. Все это довольно странно, неужели же три милліона людей, еще мѣстами поддерживаемые союзными властями, не могутъ возстать противъ плантаторовъ, неужели сѣверная армія съ одной стороны, и три милліона возставшихъ негровъ съ другой не въ состояніи будутъ справиться съ плантаторами Юга; это невѣроятно. Что же касается до ограниченія Линкольномъ права взяться за оружіе только случаями личной обороны, то это пустая формальность, потому что эти случаи представились бы на каждомъ шагу. Затѣмъ дѣлаютъ прокламаціи упрекъ, что она безчеловѣчна, жестока, что она поведетъ къ истребленію многихъ человѣческихъ жизней. Да, очень вѣроятно, что погибнутъ многіе изъ бѣлыхъ жителей южныхъ штатовъ, въ томъ числѣ и невинные; еще вѣроятнѣе, что довольно погибнетъ и негровъ, еще болѣе невинныхъ. Но дѣла дошли уже до того, что нѣтъ другаго рѣшенія (если не считать проекта отложить рѣшеніе этого вопроса до слѣдующаго столѣтія). Да и мало ли гибло и будетъ гибнуть невинныхъ людей въ безчисленныхъ войнахъ, которыя велись доселѣ и которыя еще долго будутъ вестись, да еще часто гибнетъ Богъ знаетъ изъ за чего. Такъ съ какой же стати вдругъ явилось такое мягкосердечіе, которое ужасается при мысли о жертвахъ? не далѣе какъ лѣтъ пять тому назадъ англичане губили въ Индіи тысячи людей — ради порабощенія ихъ, и тотъ же Times и его коллеги апплодировали тогда вѣшанію, разстрѣливанію возставшихъ индѣйцевъ, и логически доказывали, что иначе невозможно поступить.

Далѣе говорятъ, что прокламація эта незаконна, противна конституціи. Но во первыхъ, что же это за конституція такая, которая должна окаменѣть на вѣки. Вѣдь можетъ же наступить когда нибудь надобность сдѣлать въ какой бы то ни было конституціи измѣненіе, сообразное съ новыми обстоятельствами; всякое такое измѣненіе будетъ измѣнять одну изъ существующихъ статей конституціи, и будетъ слѣдовательно противно самой конституціи. Во вторыхъ здѣсь мы видимъ нарушеніе за нарушеніе. Вѣдь конституція не допускаетъ же одному или нѣсколькимъ штатамъ отдѣляться отъ союза; хотя подобное постановленіе очень нелѣпо, однако же оно существуетъ, а южные штаты нарушили его, отдѣлившись отъ сѣвера: вотъ вамъ нарушеніе конституціи; отчего же Линкольну нельзя нарушать конституціи, когда это можно Джефферсону Девису? Да наконецъ, Линкольнъ приступилъ къ этой мѣрѣ, исполнивши прежде все, что отъ него можно было требовать: онъ объявилъ заблаговременно, что приступитъ къ ней, онъ предложилъ рабовладѣтелямъ средство освободить невольниковъ мирнымъ путемъ и затѣмъ уже, когда всѣ авансы ни къ чему не повели, онъ объявилъ негровъ свободными. Наконецъ эту мѣру президента считаютъ неискреннею: полагаютъ,

что онъ обратился съ ней только какъ къ средству покорить югъ, и готовъ во всякую минуту пожертвовать ею, если югъ изъявитъ покорность. На это возраженіе намъ нечего отвѣчать здѣсь: мы замѣтили уже выше, что мы не видимъ причины сомнѣваться въ искренности Линкольна, и что если бы даже неискренность эта дѣйствительно существовала, то Линкольнъ не можетъ теперь остановить дѣла эманципаціи; онъ не можетъ уже помириться съ югомъ, на условіи возстановленія союза и сохраненія невольничества. Дѣла зашли уже слишкомъ далеко, и эманципація негровъ все рѣзче и рѣзче выступаетъ конечнымъ результатомъ войны. Вотъ почему мы въ началѣ сказали, что «дѣла подвинулись впередъ», не смотря на всѣ военныя неудачи. Мы не придаемъ никакого значенія новой попыткѣ посредничества, сдѣланной опять Франціей (на этотъ разъ ею одною). Мы не вѣримъ также слухамъ, будто бы эта попытка встрѣтила благопріятный пріемъ въ Вашингтонѣ, и будто есть надежда на мирное соглашеніе между воюющими сторонами. Вѣдь не согласятся же южные плантаторы считать своихъ рабовъ свободными — а другое соглашеніе невозможно. Гораздо важнѣе извѣстіе, что въ конгрессѣ внесенъ проектъ закона о присоединеніи къ арміи сѣверныхъ штатовъ корпуса въ 150,000 негровъ. Если этотъ проектъ будетъ принятъ конгрессомъ, то это будетъ мѣрою чрезвычайно важною. Нельзя полагать, чтобы этотъ билль былъ отвергнутъ, по крайней мѣрѣ когда конгрессу сдѣлано было предложеніе отказаться отъ разсмотрѣнія его, то это предложеніе было отвергнуто большинствомъ 83 голосовъ противъ 53.

Теперь спустимся нѣсколько южнѣе и посмотримъ, что дѣлается въ союзномъ съ сѣверо-американскими штатами государствѣ — въ Мехикѣ. Мы оставили мехиканскія дѣла на томъ, что Англія и Испанія, увидѣвши, что вмѣшательство въ дѣла Мехики есть дѣло несправедливое, а главное невыгодное, отказались отъ продолженія ея и возвратились назадъ. Но французское правительство такъ легко не отступается отъ своихъ замысловъ. Оно рѣшилось продолжать экспедицію (о причинахъ этой экспедиціи мы будемъ говорить ниже). Французскіе начальники вообразили, что они и здѣсь имѣютъ дѣло съ кохинхинцами или китайцами, пошли во внутрь страны съ шеститысячнымъ отрядомъ, и въ то время, когда французы съ нетерпѣніемъ ждали извѣстія о взятіи столицы Мехико, пришло горестное извѣстіе, что мехиканскій генералъ Сарагосса (послѣ того умершій) побилъ французовъ при Пуэблѣ. Долго не вѣрилось французамъ, а дѣлать нечего — повѣрить надобно. Послѣ того французы отступили къ Оризабѣ и не были окончательно истреблены только по непонятной оплошности мехиканскихъ генераловъ. Затѣмъ они полгода стояли у Оризабы и не смѣли шевельнуться: между тѣмъ французское правительство посылало подкрѣпленіе за подкрѣпленіемъ (считаютъ, что

оно въ разное время послало въ Мехико до 38,000 человѣкъ), желтая лихорадка сводила въ могилу одного француза за другимъ (изъ 38,000 человѣкъ осталось съ небольшимъ 27,000; не даромъ остряки-солдаты назвали Вера-круцское кладбище *садомъ акклиматизаціи*). Тѣмъ же временемъ французскія газеты ругали правительство Хуареса, клеветали на него и хвастались самымъ неприличнымъ образомъ. Наконецъ силъ собрано было достаточно, прибылъ новый главнокомандующій, генералъ Форэ, и двинулся въ путь немедленнымъ шагомъ. Покамѣстъ онъ дѣйствуетъ больше прокламаціями. Въ Вера-Круцѣ прокламація, въ Кордовѣ прокламація, въ Оризабѣ прокламація.

Не смотря на краснорѣчивыя прокламаціи Форэ, экспедиція французовъ въ Мехикѣ идетъ очень медленно; не смотря на значительность посланныхъ туда силъ, оказывается, что ихъ все еще мало (особенно при удачномъ дѣйствіи желтой лихорадки), и теперь почти достовѣрно, что Форэ просилъ еще подкрѣпленій отъ 6 до 10,000 человѣкъ, которыя вѣроятно и будутъ въ скоромъ времени отправлены. Кромѣ того медленность похода происходитъ отъ дурнаго состоянія дорогъ, отъ недостатка перевозочныхъ средствъ — Форэ принужденъ былъ выписать около 1,500 муловъ изъ Нью-Іорка и Нью-Орлеана — а главное отъ нерасположенія жителей, которое нисколько не было поколеблено краснорѣчіемъ Форэ и которое дѣлаетъ чрезвычайно затруднительнымъ содержаніе арміи. Въ Вера-Круцѣ Форэ раздѣлилъ свою армію для того, чтобы удобнѣе было совершить движеніе внутрь страны, а равно и для того, чтобы занять большее прибрежное пространство. Одна дивизія, подъ начальствомъ генетала Бертье, заняла Тампико и Ялапу, и изъ этого послѣдняго мѣста должна была двинуться внутрь страны, прямо къ Пуэблѣ; съ главными силами Форэ пошелъ самъ на Оризабу, гдѣ онъ смѣнилъ генерала Лоренсе. Но не смотря на увѣреніе оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ французскихъ газетъ, что все идетъ отлично, не смотря на неоднократные слухи о томъ, что Форэ пошелъ впередъ, что онъ взялъ Пуэблу, что онъ уже идетъ на Мехико, оказалось, что онъ все еще собирался съ силами и 27 декабря еще не покинулъ Оризабы, куда онъ прибылъ почти за два мѣсяца передъ этимъ. Дѣло, предпринятое Наполеономъ, оказалось не совсѣмъ легкое. Вотъ развѣ, что ему много помогутъ 450 солдатъ негровъ, которыхъ ему *подарилъ* наканунѣ своей смерти египетскій вице-король, Саидъ-паша.

Теперь мы скажемъ только нѣсколько словъ о роли, которую французская пресса разыгрываетъ въ дѣлѣ мехиканской экспедиціи, объ образѣ дѣйствія мехиканскаго правительства и народа, о значеніи этой экспедиціи. Французскія оффиціальныя и полуоффиціальныя газеты чрезвычайно много занимаются мехиканской экспедиціей, особенно по-

слѣдвія. У Moniteur, Patrie, France, Constitutionnel и другихъ полны руки хлопотъ, чтобы выставить эту экспедицію въ благопріятномъ свѣтѣ и чтобы бранить Хуареса и его правительство. По словамъ всѣхъ этихъ газетъ, дѣла въ Мехикѣ вовсе не идутъ дурно; затрудненій никакихъ нѣтъ, болѣзней тоже почти не существуетъ, погода, дороги, все это очень удовлетворительно. Въ ожиданіи дѣйствительныхъ успѣховъ, французскіе журналисты утѣшаютъ своихъ читателей разсказами о мнимыхъ подвигахъ французской арміи. Во Франціи получаются англійскія, нѣмецкія, швейцарскія газеты съ настоящими свѣдѣніями о положеніи дѣлъ. Но правительство принимаетъ свои мѣры; оно задерживаетъ тѣ нумера, гдѣ правда выставлена уже слишкомъ наголо. А французскія газеты объявляютъ, что всѣ туземныя и иностранныя изданія распускаютъ неблагопріятныя извѣстія о мехиканскихъ дѣлахъ и дѣйствуютъ такъ вслѣдствіе зависти и неблагонамѣренности. Для добыванія пріятныхъ извѣстій французы придумали слѣдующее средство. Въ Вера-Круцѣ, занятомъ какъ извѣстно французами, основана была туземная, мехиканская газета — Вера-Круцано. Монитёръ особенно любитъ перепечатывать изъ нея статьи и прибавлять потомъ: — «Вотъ какъ смотрятъ на дѣла мехиканцы, вотъ рѣчь истиннаго мехиканца». Такъ въ Монитёрѣ 6 января перепечатана статья изъ Вера-Круцано, которая конечно описываетъ положеніе дѣлъ въ Мехикѣ самыми мрачными красками; въ заключеніе ея находится нѣсколько весьма интересныхъ словъ о поголовной подачѣ голосовъ (suffrage universel). Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести эти строки, которыя особенно какъ-то умѣстны въ Монитерѣ. «Поголовная подача голосовъ, сказано въ этой статьѣ, совершенно не годится въ Мехикѣ, такъ какъ *большинство націи состоитъ изъ мошенниковъ и людей, не имѣющихъ своей собственной воли*; поэтому если узнавать, какую они желаютъ имѣть форму правленія, то не нужно спрашивать массу, а только образованные и зажиточные классы, интересъ которыхъ требуетъ сохраненія порядка».

Распространяя такія вѣрныя понятія о Мехикѣ, французскія газеты конечно самымъ усерднымъ образомъ бранятъ Хуареса и его правительство. Для образчика ограничимся только немногими примѣрами.

Въ Мехикѣ живетъ нѣсколько французскихъ банкировъ; въ числѣ ихъ Жекеръ, дѣло котораго подало собственно поводъ къ началу нынѣшней войны (*). До правительства Хуареса дошли слухи, что Же-

(*) Онъ требуетъ признанія займа, заключеннаго у него однимъ изъ прежнихъ правительствъ. Это бы еще само по себѣ ничего, но дѣло въ томъ, что здѣсь произошла самая мошенническая сдѣлка. Долгъ этотъ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, во всякомъ случаѣ не составляетъ болѣе 18 милл. франковъ, но между

керъ и другіе, живущіе въ Мехикѣ, французы находятся въ сношеніи съ французскою арміею, распространяютъ разныя неблагопріятныя извѣстія о мехиканскомъ правительствѣ, и пр. Сдѣланъ былъ обыскъ, и дѣйствительно найдены были бумаги, сильно компрометирующія Жекера и другихъ лицъ, и подтверждающія подозрѣнія Хуареса. Народъ въ Мехикѣ пришелъ въ сильное негодованіе и требовалъ даже истребленія иностранцевъ, живущихъ въ Мехикѣ. Хуаресъ велѣлъ арестовать Жекера и шестерыхъ другихъ негоціантовъ, а черезъ нѣсколько дней они были отвезены въ одну изъ гаваней Тихаго Океана, съ тѣмъ чтобы они тамъ сѣли на корабль и выѣхали изъ Мехики, хотя бы даже къ французской арміи. Сначала прусскій, а потомъ и другіе, живущіе въ Мехикѣ, иностранные посланники (кромѣ впрочемъ англійскаго) вздумали почему-то протестовать противъ этого поступка Хуареса. Французскія газеты пришли въ неописанную ярость противъ Хуареса (а кстати и противъ англійскаго посланника, не присоединившагося къ протесту). Слова насиліе, тиранство, варварство, разбой не сходили у нихъ съ языка. Подумаешь, до чего доводитъ людей озлобленіе. Ну, что такое особеннаго въ поступкѣ Хуареса. Находящіеся въ его столицѣ иностранцы находятся въ сношеніи съ непріятельской арміей, идущей на его столицу: онъ, удостовѣрившись въ этомъ, высылаетъ ихъ изъ своихъ владѣній — и только. Можетъ быть, отъ этого неожиданнаго перерыва пострадали ихъ дѣла, но если уже существуетъ война, то безъ этого нельзя обойтись. Хуаресъ могъ бы поступить съ ними еще гораздо хуже, и все-таки найти оправданіе для своего поступка въ законахъ войны. Намъ было бы чрезвычайно интересно знать, такъ ли бы мягко поступило настоящее французское правительство въ подобныхъ же обстоятельствахъ.

Наконецъ, вотъ еще очень интересная выходка французскихъ газетъ. Мехиканскій конгрессъ (объ которомъ мы еще будемъ говорить ниже) выразился очень сильно противъ французскаго вмѣшательства и рѣшилъ, что слѣдуетъ вести энергическую оборону. Это показалось очень обиднымъ французскимъ газетамъ. Онѣ съ яростью напали на конгрессъ и стали дѣлать ему упреки, которые особенно интересно слышать отъ французовъ, имѣющихъ свои совершенно оригинальныя *представительныя* учрежденія, законодательный корпусъ и сенатъ. Онѣ ядовито насмѣхаются надъ конгрессомъ и надъ его крайнею ничтожностью, называютъ его покорнымъ орудіемъ

Жекеромъ, французскимъ посланникомъ, въ Мехикѣ, Дюбуа-де-Салиньи, и другими высоко поставленными лицами въ самой Франціи, произошла сдѣлка, вслѣдствіе которой рѣшено было, что Жекеръ будетъ требовать уплаты 75 милл. франковъ будто бы должныхъ ему, и что Дюбуа и другіе будутъ поддерживать это требованіе. Отказъ Хуареса признать требованіе Жекера и Комп. и послужилъ предлогомъ къ войнѣ.

президента и увѣряютъ, что независимость и самостоятельность его только кажущіяся. Въ этихъ нареканіяхъ мы нашли одно выраженіе, которое намъ очень понравилось: французскія газеты называютъ мехиканскій конгрессъ и отношенія его къ президенту—cette insipide comédie (эта нелѣпая комедія). Въ заключеніе онѣ говорятъ съ презрѣніемъ, что конгрессъ этотъ состоитъ почти исключительно изъ индѣйцевъ. Теперь все дѣло объясняется очень просто. Французамъ въ особенности должно быть странно смотрѣть на подобный ничтожный, зависимый, рабски-покорный президенту конгрессъ, такъ какъ они могутъ сравнить его съ своими представительными собраніями—собраніями смѣлыми, независимыми, самостоятельными.

Если французы дѣйствительно сжалились надъ несчастіями мехиканскаго народа и пришли съ тѣмъ, чтобы свергнуть негодное его правительство, замѣнить его лучшимъ, то они очень неудачно выбрали время. Они могли сдѣлать это во всякій другой моментъ существованія мехиканской республики, и это было бы болѣе кстати. Оно было бы кстати пожалуй въ періодъ, послѣдовавшій за окончаніемъ американской войны и окончившійся вступленіемъ въ президенство Хуареса. Въ это время правительства, состоящія изъ клерикаловъ и реакціонеровъ, были дѣйствительно изъ рукъ вонъ плохи. Но именно въ лицѣ Хуареса Мехика получила наконецъ порядочнаго президента, и если онъ въ два-три года, безпокоимый многими внутренними и внѣшними врагами, не сдѣлалъ изъ Мехики образцоваго государства и вполнѣ благоденствующей страны, то это не значитъ еще, чтобы правительство его никуда не годилось. Онъ принадлежитъ къ партіи либеральной, отстранилъ отъ управленія реакціонеровъ и клерикаловъ. Это уже что нибудь да значитъ. Кажется Мехиканцы сами очень хорошо понимаютъ это, и поэтому мы видимъ въ Мехикѣ почти небывалое въ странѣ единодушіе. Если Марквесъ, Альмонте, Миранда и нѣкоторые другіе вожди партій и желаютъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Хуареса ради своихъ личныхъ цѣлей, то народъ, вопреки всѣмъ увѣреніямъ французскихъ газетъ, рѣшился, кажется, энергически защищать свою независимость. Онъ, кажется, крайне раздраженъ вторженіемъ непріятеля и рѣшился поддерживать своего президента въ защитѣ страны противъ враговъ. На это время если не совсѣмъ прекратилась вражда партій, то она по крайней мѣрѣ значительно утихла. Мехиканскій конгрессъ, о которомъ съ такимъ презрѣніемъ отзываются французы, но который во всякомъ случаѣ гораздо лучше выражаетъ желанія и мысли народа, чѣмъ французскій законодательный корпусъ, отвѣтилъ на энергическую рѣчь президента манифестомъ, адресованнымъ ко всѣмъ цивилизованнымъ на-

родамъ. Этотъ манифестъ, подписанный 109-ю членами конгресса, написанъ въ тонѣ очень умѣренномъ, спокойномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердомъ и рѣшительномъ. Въ этомъ манифестѣ сказано, что французы, вторгнувшись въ Мехико, оклеветавши и опозорившии цѣлый народъ, нарушивши его права, его независимость и самостоятельность, желаютъ теперь оправдаться и для этого увѣряютъ, что они хотятъ только низверженія Хуареса, что они ведутъ войну съ нимъ, а не съ націей, и что они желаютъ мехиканцамъ тысячу прекрасныхъ вещей. Но конгрессъ выражаетъ свою увѣренность въ томъ, что слѣдствіемъ непріятельскаго вторженія было бы не благоденствіе и благополучіе мехиканскаго народа, а униженіе его, раздробленіе его владѣній или превращеніе этихъ владѣній изъ свободнаго государства во французскую колонію. На всѣ увѣренія французовъ конгрессъ отвѣчаетъ отъ себя и отъ имени всѣхъ мехиканцевъ, что они не потерпятъ никакого вмѣшательства въ свои дѣла, въ свою политическую и общественную организацію; и что такъ какъ они добровольно и согласно съ конституціей выбрали сеньора Бенито Хуареса правителемъ республики, то они никогда не согласятся, чтобы ему предписывала законы иноземная власть, какъ бы она ни была могущественна и какъ бы опытны и многочисленны ни были ея войска. Они объявляютъ, что будутъ энергически противиться тому, чтобы нынѣшній президентъ, до истеченія законнаго срока, былъ удаленъ отъ того поста, который онъ занимаетъ съ такимъ достоинствомъ и съ такою пользою. Въ манифестѣ говорится далѣе, что хотя въ странѣ многое находится въ неудовлетворительномъ состояніи, въ особенности въ отношеніи финансовъ и администраціи, но что конгрессъ сдѣлаетъ съ своей стороны все, зависящее отъ него, для доставленія президенту средствъ къ отраженію несправедливаго и разорительнаго непріятельскаго нашествія. Наконецъ, въ манифестѣ отзываются съ похвалою о благоразумномъ и честномъ поведеніи Англіи и Испаніи, и въ особенности о благородномъ образѣ дѣйствій генерала Прима. Что же касается до императора французовъ, то объ немъ говорится, что сначала онъ былъ обманутъ относительно трудностей этого предпріятія, а потомъ его увлекло честолюбіе. Въ заключеніе въ манифестѣ повторяется старая аксіома, что тотъ народъ, который захочетъ быть свободнымъ, будетъ свободнымъ, и припоминается мехиканцамъ борьба ихъ единоплеменниковъ испанцевъ съ Наполеономъ I.

Судя по этому манифесту, можно надѣяться, что оборона мехиканцевъ будетъ весьма упорна. Но Хуаресъ рѣшился вести войну только оборонительную (что, можетъ быть, имѣетъ отчасти и дурную сторону). Теперь онъ сосредоточиваетъ свои силы около Пуэбло, гдѣ командуетъ генералъ Ортега, и около самой столицы, гдѣ командуетъ

войсками бывшій президентъ Комонфортъ. Кромѣ того ему приписываютъ намѣреніе затопить столичный городъ Мехико, въ случаѣ, если французы овладѣютъ имъ. Хотя многія французскія газеты и поспѣшили возразить на это, что подобное затопленіе невозможно, однако имъ доказали, что оно очень возможно, при существованіи вокругъ Мехико многочисленныхъ озеръ, изъ которыхъ нѣкоторые лежатъ выше города, и что подобныя затопленія даже неоднократно происходили. Вообще надо полагать, что французамъ предстоитъ не мало трудностей.

Но предположимъ, что при помощи огромныхъ жертвъ, уже теперь ими принесенныхъ (мехиканская экспедиція стоитъ доселѣ болѣе 10,000 солдатъ и болѣе 100 милл. франковъ денегъ), при помощи еще большихъ жертвъ, они, наконецъ, побѣдятъ мехиканцевъ при Мехико и что они не будутъ потоплены. Что же будетъ дальше?— Взять столицу Мехико, не значитъ еще покорить всю страну. не значитъ покорить правительство. При маломъ развитіи централизаціи въ мехиканскомъ общественномъ строю, можно покорить столицу, и государственная машина отъ этого не остановится. Правительство уйдетъ въ другое мѣсто, въ третье, въ четвертое; вѣдь Мехика велика. Французамъ еще долго придется ждать покоренія всей страны. Но положимъ даже, что имъ удастся покорить страну и принудить правительство заключить миръ. Каковъ будетъ этотъ миръ? Для этого нужно вспомнить о тѣхъ цѣляхъ, ради которыхъ ведется эта война. Собственную цѣль войны, предлогъ ея составляетъ извѣстная неисправность мехиканскаго правительства въ платежѣ долга г. Жекеру и К°. Значитъ собственно говоря, французское правительство должно бы заключить миръ, добившись исполненія этого условія. Нѣкоторые такъ и полагаютъ, что Наполеонъ удовольствуется тѣмъ, что омоетъ позоръ, нанесенный французскому знамени при Пуэблѣ, побивши мехиканцевъ въ какомъ нибудь другомъ сраженіи, заставитъ правительство признать долгъ въ 75 милліоновъ фр., заставитъ его еще пожалуй заплатить военную контрибуцію, да и уведетъ назадъ свои войска. Но подобный конецъ войны былъ бы несогласенъ съ прокламаціями самаго императора и Форэ, которые обѣщаются дать мехиканцамъ хорошее правительство: французамъ нужно будетъ еще починить мехиканское правительство. Поэтому нѣкоторые и полагаютъ, что Наполеонъ, побѣдивши Хуареса, уничтожитъ въ Мехикѣ республиканскій образъ правленія и учредитъ тамъ монархію; кстати, еще въ началѣ экспедиціи толковали объ основаніи монархіи, объ эрцгерцогѣ Максимиліанѣ, и пр. Существованіе подобной монархіи было бы во-первыхъ, очень не прочно. Во-вторыхъ, это было бы ужь черезчуръ безкорыстно со стороны французскаго

правительства; хотя французское правительство неоднократно доказало, что оно можетъ быть очень безкорыстнымъ (напр. въ дѣлѣ освобожденія Италіи), однако это было бы уже кажется слишкомъ, жертвовать сотнями милліоновъ франковъ и десятками тысячъ солдатъ для удовольствія посадить кого нибудь на мехиканскій престолъ; но многіе подозрѣваютъ, что французское правительство въ настоящемъ случаѣ руководствуется просто желаніемъ овладѣть, если не всею Мехикою, то по крайней мѣрѣ частичкой ея. Ей хочется имѣть побольше заморскихъ колоній, которыя она почти всѣ утратила въ концѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтій; Алжира ей мало, да онъ и слишкомъ близокъ; въ другихъ мѣстахъ, и преимущественно въ Азіи, ее предъупредила Англія; вотъ она и обратила свой взоръ на Мехику. Она бы, можетъ быть, давно уже это сдѣлала; въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, были даже частныя попытки утвердить французское владычество въ сѣверной части Мехики. Но до сихъ поръ правительство не рѣшалось приниматься за это дѣло, потому что соединенные штаты зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы на американскомъ материкѣ не утверждалось бы чужое вліяніе. Но какъ только Соединенные Штаты вступили въ междоусобную войну, французское правительство поспѣшило воспользоваться ею, для исполненія давнишней любимой мечты. Отсюда очень просто объясняется ея сочувствіе къ южнымъ штатамъ: французскому правительству очень бы хотѣлось, чтобы изъ южныхъ штатовъ образовалось особое государство, которое было бы менѣе обширно, менѣе сильно и по этому самому менѣе опасно, нежели весь союзъ, да къ томуже еще было отчасти обязано ему своимъ существованіемъ. Значитъ, если французамъ удастся одолѣть мехиканцевъ, то по всей вѣроятности послѣдствіемъ этого будетъ то, что на мехиканской почвѣ будетъ основана французская колонія. А что подобное предположеніе не есть пустая, Богъ знаетъ на чемъ основанная, фантазія, доказывается письмомъ Наполеона къ Форэ, обнародованнымъ недавно франкфуртской газетой L'Europe. Въ этомъ письмѣ императоръ будто бы пишетъ къ своему генералу, чтобы тотъ поставилъ первымъ условіемъ примиренія съ мехиканскимъ правительствомъ уступку Франціи провинціи Соноры и гавани Гваймасъ. Дѣло очень просто и ясно. Только жаль, что тогда пропадутъ даромъ всѣ разглагольствія Французовъ о своемъ безкорыстіи, о своемъ желаніи добра мехиканцамъ, о своемъ великомъ цивилизаціонномъ значеніи, и пр. Но и это уже не въ первый разъ. Безкорыстіе и цивилизація сама по себѣ, о пріобрѣтеніе богатой провинціи и хорошей гавани само по себѣ.

НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Вступленіе. Благонамѣренные и нигилисты. — Сеничкинъ ядъ. — Мальчишки. — Современная эквилибристика. — Происхожденіе и причины ея.

Предполагая помѣщать въ «Современникѣ» періодическіе очерки хода нашей общественной жизни, мы считаемъ не лишнимъ предварить читателей, что насъ будетъ занимать не петербургская собственно жизнь съ ея огорченіями и увеселеніями, съ ея мѣропріятіями и мѣроизъятіями, но общій характеръ русской общественной жизни въ ея постепенномъ и неторопливомъ стремленіи къ идеалу. Въ этомъ случаѣ насъ руководитъ то соображеніе, что петербургскимъ читателямъ наши всѣ увеселенія и мѣропріятія сѣверной Пальмиры извѣстны лучше, нежели намъ самимъ, по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя онѣ оказываютъ на ихъ бока; что же касается до читателя провинціальнаго, то ему рѣшительно все равно, чѣмъ увеселяется и что извергаетъ изъ себя Петербургъ. Читатель провинціальный живетъ совершенно иною жизнью; она не распадается въ глазахъ его на мелочныя подробности, но представляется въ одномъ общемъ фокусѣ, доходитъ до слуха его, какъ общій гулъ, въ которомъ онъ стремится уловить господствующую ноту. Въ этой-то именно нотѣ онъ и ищетъ настоящаго, дѣйствительнаго жизненнаго установа. Какое ему дѣло до того, напримѣръ, что такого-то числа Петербургъ былъ осчастливленъ прибытіемъ композитора Верди, который самолично дирижировалъ оркестромъ во время представленія новой

его оперы «Сила судьбы», или до того, что въ Михайловскомъ театрѣ дается драма «Les beaux messieurs de Bois-Doré», въ которой г-жа Стелла-Коласъ оказывается племянникомъ своего дяди? Я полагаю, что онъ останется вполнѣ равнодушнымъ, если я доложу ему даже такой фактъ, что такого-то, напримѣръ, числа г. М. исчезъ изъ своей квартиры неизвѣстно куда. «Объ чемъ это они пишутъ!» воскликнетъ огорченный провинціалъ: «ну, исчезъ М., ну и нашла его, конечно, полиція!» И сказавъ это, броситъ книжку подъ столъ, проклявъ разъ навсегда лѣтописцевъ, безплодно смущающихъ его веселые сны изображеніями Стеллы-Коласъ въ костюмѣ племянника.

Совсѣмъ другое будетъ, если я доложу ему, отчего у насъ на Руси развеселое житье завелось. Онъ это чувствуетъ, ибо самъ какъ сыръ въ маслѣ катается. Онъ бросится на мою хронику съ жадностью и прочитаетъ ее всю отъ начала до конца. Онъ самъ участникъ того неторопливаго поступанія къ идеалу, которымъ проникнулась современная русская жизнь, и только не всегда можетъ объяснить себѣ, почему мы стремимся именно къ идеалу, а не *отъ* идеала. Иногда ему кажется, что было бы гораздо легче бѣжать подъ гору, нежели взбираться, Богъ вѣсть, съ какими усиліями, на крутизну, которая, въ довершеніе всего, носитъ названіе «Дураковой Плѣши». Мое дѣло растолковать ему, что и какъ. Мое дѣло сказать ему: любезный провинціалъ! если ты побѣжишь подъ гору, то уткнешься въ «Дураково Болото», тогда какъ, если взберешься на крутизну, то, напротивъ того, уткнешься въ «Дуракову Плѣшь!» Пойми.

Услышавъ это, провинціалъ пойметъ и станетъ карабкаться; я же буду взирать на его усилія и проливать слезы умиленія.

Это маленькое введеніе должно достаточно опредѣлить характеръ и направленіе нашей хроники. Читатели предупреждены, и тѣ изъ нихъ, которые болѣе интересуются текущими новостями, нежели постепеннымъ теченіемъ русской жизни, пусть не читаютъ меня, а обратятся къ моимъ собратамъ по ремеслу.

Да, это «ремесло», — я откровенно долженъ сознаться въ этомъ,—это ремесло горчайшее всѣхъ ремеслъ! И къ удивленію моему, я не чувствую даже, чтобы краска стыда выступала на лицѣ моемъ въ то время, какъ я искренно признаю себя ремесленникомъ. Да, я *обязанъ* быть веселымъ даже въ то время, когда мнѣ докладываютъ, что пріятель мой М. исчезъ неизвѣстно

куда изъ своей квартиры. Я не смѣю пролить ни единой слезы, я не имѣю права выбѣжать на улицу и огласить стогны Петрограда отчаяннымъ крикомъ: нѣтъ Агатона! нѣтъ моего друга! Я не могу сдѣлать это, потому что прежде всего долженъ *сдѣлать* мою хронику.

Я долженъ быть веселъ не потому, чтобы мнѣ лично было весело, а потому что явленія, проходящія передо мной, веселы.

Съ другой стороны, по временамъ, я долженъ принимать торжественный тонъ и возвышаться до гражданской скорби. Напримѣръ, я встрѣчаю въ обществѣ очень молоденькую и миленькую дѣвицу, до того молоденькую, что еще вчера родители выводили ее въ панталончикахъ; мы начинаемъ разговаривать; я натурально спрашиваю ее, читала ли она произведеніе Анны Дараганъ, и какъ оно ей понравилось; она, напротивъ того, отвѣчаетъ мнѣ, что недавно вышло въ переводѣ новое сочиненіе Шлейдена и что Тургеневъ, написавши «Отцовъ и Дѣтей», тѣмъ самымъ доказалъ, что онъ ретроградъ. Мнѣ дѣлается весело. «Какой милый пузырь!» думаю я, «и какъ вѣдь все это бойко.... ахъ, чортъ побери! ахъ, чортъ тебя побери!» Но увы! веселость моя неумѣстна! Сообразивъ хорошенько происходящій передо мной фактъ съ общимъ теченіемъ россійской жизни, я чувствую, что обязанъ относиться къ нему съ меньшею игривостью и что, говоря о дѣвицѣ, обзывающей Тургенева ретроградомъ, я долженъ принять тонъ торжественный и даже скорбѣть.... Разумѣется, торжествовать по случаю дѣвицы, а скорбѣть по случаю Тургенева.

Итакъ, я долженъ отречься отъ самого себя, отречься отъ своихъ воспоминаній; однимъ словомъ, я цѣлую жизнь долженъ ходить по орлецамъ. Неужели же это не ремесло?

Приступимъ.

По всей вѣроятности, читатель, который возьметъ въ руки эту первую книжку возобновленнаго «Современника», прежде всего спроситъ себя: очистились ли мы постомъ и покаяніемъ?

Что постъ былъ—это достовѣрно; въ этомъ, въ особенности, убѣдилась сама редакція «Современника». Не то, чтобы идея поста была совершенно противна «Современнику», но, конечно, было бы желательно, чтобы сроки воздержанія были назначаемы нѣсколько менѣе щедрою рукой. Это тѣмъ болѣе желательно,

что было бы вполнѣ согласно и съ подлежащими постановленіями, которыя нигдѣ не заповѣдали, чтобы постъ продолжался восемь мѣсяцевъ. Будемъ надѣяться, что это случилось нечаянно и что, съ обнародованіемъ новыхъ законовъ о книгопечатаніи, будутъ изысканы иныя, болѣе пріятныя и не менѣе полезныя мѣропріятія...

Что же касается до вопроса о покаяніи, то на него мы постараемся отвѣтить въ продолженіи послѣдующихъ десяти мѣсяцевъ настоящаго года. Но во всякомъ случаѣ, мы обѣщаемся быть благонамѣренными, потому что все насъ къ тому призываетъ: и желаніе бесѣдовать съ читателями именно двѣнадцать, а не пять разъ въ году, и современное настроеніе россійскаго общества, и, наконецъ, разныя другія обстоятельства.»

Но прежде всего я обязанъ опредѣлить, что такое благонамѣренность. Признаюсь откровенно, обязанность эта застаетъ меня нѣсколько въ расплохъ, ибо слово это произошло на свѣтъ такъ недавно, что даже значеніе его не вполнѣ опредѣлилось. Толкуютъ его больше фигурами и уподобленіями. Такъ напримѣръ, если я вижу человѣка, участвующаго своими трудами въ «Сѣверной Пчелѣ», въ «Нашемъ Времени», въ «Сѣверной Почтѣ», — я говорю себѣ: это человѣкъ благонамѣренный. Если я вижу человѣка, посѣщающаго балы гг. Марцинкевича, Заллера, Наумова и другихъ, — я говорю себѣ: это человѣкъ благонамѣренный. Почему я такъ говорю, — я не знаю, но чувствую, что говорю правду, и всякій, кто слышитъ меня говорящимъ такимъ образомъ, тоже чувствуетъ, что я говорю правду. Совсѣмъ другое дѣло, если я вижу человѣка, таинственно пробирающагося въ редакцію газеты «Голосъ»: тутъ я прямо говорю себѣ: нѣтъ, это человѣкъ неблагонамѣренный, ибо въ немъ засѣлъ Ледрю-Ролленъ. И напрасно Андрей Александрычъ Краевскій будетъ увѣрять меня, что Ледрю-Ролленъ былъ, да весь вышелъ, — я не повѣрю ему ни за что, ибо знаю стойкость убѣжденій Андрея Александрыча и очень помню, какъ онъ, еще въ 1848 году, боролся съ Луи-Филиппомъ и радовался паденію царства буржуазіи.

Но отвратимъ наши взоры отъ этого печальнаго зрѣлища и будемъ продолжать фигуры и уподобленія. Прежде всего, благонамѣренный человѣкъ долженъ обладать хорошимъ поведеніемъ. Хорошее это поведеніе состоитъ въ слѣдующемъ. Утромъ благонамѣренный человѣкъ встаетъ и читаетъ «Сѣверную Почту»,

фельетонистъ Заочный сорветъ съ его устъ улыбку, Илья Арсеньевъ заставитъ вздохнуть о черногорцахъ, И. А. Гончаровъ вырветъ изъ груди стонъ, а секретарь редакціи Лебедкинъ найдетъ его равнодушнымъ.

Испытавъ такимъ образомъ всѣ ощущенія, которымъ можетъ подвергаться натура человѣческая и узнавъ, сверхъ того, въ чемъ должна заключаться сегодняшняя благонамѣренность, благонамѣренный отправляется побесѣдовать съ г. Старчевскимъ, который сообщаетъ ему, что подписчики «Сына Отечества» будутъ уплачивать за пересылку этого журнала не по три рубля, какъ подписчики прочихъ газетъ, но по одному рублю въ годъ. Подъ вліяніемъ этой бесѣды, благонамѣренный заходитъ къ Доминику, гдѣ съѣдаетъ три пирожка, а буфетчику сказываетъ, что съѣлъ одинъ. Затѣмъ до обѣда онъ гуляетъ по Невскому, потомъ обѣдаетъ въ долгъ у Дюссо, а вечеромъ отправляется въ Михайловскій театръ, и день оканчиваетъ блистательнымъ образомъ на балѣ у беземельныхъ, но гостепріимныхъ принцессъ вольнаго города Гамбурга.

Если вы спросите меня, какимъ образомъ я во всѣхъ описанныхъ выше дѣйствіяхъ нахожу благонамѣренность, я могу истолковать вамъ это. Сколько я могъ понять изъ объясненій людей свѣдущихъ, слово «благонамѣренность», въ современномъ его значеніи, имѣетъ смыслъ весьма ограниченный и притомъ совершенно спеціальный. Человѣку, который рѣшается стать въ ряды благонамѣренныхъ, стоитъ только сказать себѣ: «другъ мой! ты можешь, если хочешь, заимствовать платки изъ чужихъ кармановъ, ты можешь читать «Сынъ Отечества» и «Петербургскую Клубничку», (*) но въ вознагражденіе за это ты обязанъ имѣть хорошій образъ мыслей». Отсюда другая черта благонамѣренности — хорошій образъ мыслей. Что такое этотъ «хорошій образъ мыслей» — этого я объяснить не умѣю, потому что это выраженіе скорѣе чувствуется, нежели понимается.

Тѣмъ не менѣе, если судьба заставитъ васъ потолкаться нѣкоторое время между людьми благонамѣренными, и если вы возьмете на себя трудъ вдуматься въ ихъ рѣчи и дѣйствія, вы поймете и это. Вы поймете, напримѣръ, что отличительный признакъ хорошаго образа мыслей есть невинность. Невинность же, съ своей стороны, есть отчасти отсутствіе вся-

(*) Да; есть въ Петербургѣ журнальчикѣ и съ этимъ названіемъ.

каго образа мыслей, отчасти же отсутствіе того смысла, который даетъ возможность различить добро отъ зла. Любите отечество и читайте романы Поль-де-Кока—вотъ краткій и незамысловатый кодексъ житейской мудрости, которымъ руководствуется современный благонамѣренный человѣкъ. И благо ему. Если онъ утаилъ о двухъ излишне съѣденныхъ пирожкахъ, то это простится ему, потому что отъ этого нѣтъ ущерба ни любви къ отечеству, ни общественному благоустройству. Одно только можетъ повлечь для него за собой непріятность: это, если фактъ утаенія вызоветъ за собой протестъ; но и тогда Доминикъ ему только замѣтитъ, что на будущее время онъ долженъ быть осмотрительнѣе, то есть скрадывать пироги ловчѣе и глотать ихъ быстрѣе. И болѣе ничего. Потому, главное все таки въ томъ заключается, чтобы любить отечество. Танцуйте канканъ, развлекайтесь съ гамбургскими и отчасти ревельскими принцессами, но, Бога ради, не увлекайтесь. Посѣщайте Михайловскій театръ, наблюдайте за выраженіемъ лица г-жи Напталь-Арно въ знаменитой ночной сценѣ пьесы «Nos intimes», слѣдите за безпрерывнымъ развитіемъ бюста г-жи Мила, ѣшьте, пейте, размножайте человѣческій родъ, читайте «Наше Время», но, Бога ради, не увлекайтесь. Если же вамъ непремѣнно нужно мыслить, то бесѣдуйте съ «Сыномъ Отечества», ибо мысли, порождаемыя этими бесѣдами, не суть мысли, но тѣлесныя упражненія...

Такимъ образомъ, съ помощью фигуръ и уподобленій, мы догадываемся, наконецъ, что такое этотъ «хорошій образъ мыслей», который, въ послѣднее время, пустилъ такіе сильные корни въ нашемъ обществѣ. Сидите ли вы въ театрѣ, идете ли по улицѣ,—вы на каждомъ шагу встрѣчаете людей, которыхъ наружность ничего иного не выражаетъ, кромѣ того, что ихъ отлично кормятъ. Тутъ не можетъ быть рѣчи объ убѣжденіяхъ, а тѣмъ менѣе о недовольствѣ кѣмъ и чѣмъ бы то ни было: въ этихъ ходячихъ могилахъ все покончено, все затихло. Самый добродушный изъ нихъ на ваши приставанья отвѣтитъ: mon cher! qui est-ce qui en parle! но менѣе добродушный фыркнетъ и огрызнется, какъ песъ, къ которому неосторожно подойдутъ въ то время, когда онъ ѣстъ. Слѣдовательно, благонамѣренность не исключаетъ и нѣкотораго остервенѣнія, которое и составляетъ третью характеристическую черту ея.

Какая причина этого остервенѣнія, гдѣ источникъ этой благонамѣренной плотоядности? Устали ли мы отъ политическихъ

потрясеній? Испытали ли мы на себѣ безплодность и вредоносную силу утопій? Разочаровались ли мы? Очаровывались ли когда нибудь? Гдѣ та сирена, которая насъ, гибнущихъ плавателей, соблазнила сладко-гласнымъ своимъ пѣніемъ?

Странное дѣло! мы не можемъ указать на какія либо политическія потрясенія (слава Богу!), мы не можемъ сослаться ни на какія утопіи (ухъ, слава Богу!), и въ то же время не можемъ скрыть, что сирена все-таки существуетъ. Многіе даже видѣли ее и увѣряютъ, что она ходитъ въ вицъ-мундирѣ.

Увы! пѣніе сирены отразилось даже на литературѣ нашей. Изъ загнанной и трепещущей она превратилась въ торжествующую и ликующую, изъ скептической въ вѣрующую, изъ заподозрѣнной въ благонамѣренную и достойную довѣрія. Дѣятели, цѣлую жизнь дразнившіе и уськавшіе общественное мнѣніе, всенародно бьютъ себя въ грудь, всенародно раздираютъ на себѣ одежды и признаютъ себя удовлетворенными. «Мальчишки!» стонетъ на всѣ лады одинъ; «нигилисты!» подвизгиваетъ ему другой. И хотя это обвиненіе есть единственное, которое успѣла ясно сформулировать кающаяся русская литература, но, вѣроятно, оно признается достаточно капитальнымъ, если журналы серьёзные и, повидимому, благонамѣренные рѣшаются настаивать на немъ.

Вновь спрашиваю я: что за причина такого безпримѣрнаго наплыва благонамѣренности въ нашу литературу?

Увы! я просто думаю, что всему причиной четвертакъ, тотъ самый четвертакъ, объ отношеніяхъ котораго къ русской литературѣ и ея дѣятелямъ такъ остроумно выразился московскій публицистъ, М. Н. Катковъ: четвертака десять при нихъ плохо не клади—стащутъ! Какъ! воскликнетъ читатель, эта самая русская литература, которая такъ много тщеславилась своею гордою неприступностью, которая такъ строго преслѣдовала Булгарина за его легкіе нравы,—вдругъ соблазнилась на четвертакъ! Да-съ, такъ именно разсказываетъ М. Н. Катковъ, и, къ сожалѣнію, нѣкоторые признаки заставляютъ сознаться, что онъ не неправъ. Во первыхъ, г. Катковъ не рѣшился бы ввести столь важное обвиненіе безъ достаточныхъ основаній; если онъ заявляетъ объ этомъ, стало быть, дѣйствительно у него или у присныхъ его кто нибудь изъ литераторовъ стянулъ четвертакъ. Вѣдь заявлялъ же онъ нѣкогда, что нѣкто стянулъ у него сочиненіе Гнейста—и чтожь? оказалось, что стянулъ, до такой степени

стянулъ, что даже слѣдующая книжка «Русскаго Вѣстника» не могла быть своевременно выдана именно по этому случаю. Во вторыхъ, какъ-то поразительно видѣть, какъ та же самая литература, которая столько времени уподоблялась жалкой салонницѣ, трепещущей въ холодномъ мантѣ, вдругъ является торжествующею и самоувѣренною; какъ та же литература, которая такъ долго надсаживала себѣ грудь, доказывая, что зерно всего лучшаго таится исключительно въ молодомъ поколѣніи, вдругъ поворачиваетъ назадъ и начинаетъ надсаживать себѣ грудь, выкрикивая на всѣ лады: мальчишки! нигилисты!... Перемѣнилось ли что нибудь? Перестало ли молодое быть молодымъ?

«Нѣтъ, тутъ что нибудь да не такъ!» разсуждаю я въ виду всѣхъ этихъ внезапныхъ перемѣнъ, «или, лучше сказать, это такъ... это онъ... это четвертакъ!»

Но положимъ, что М. Н. Катковъ ошибся; положимъ, что не буквально же четвертакъ соблазнилъ нашу литературу, что эта мелкая монета служитъ лишь фигурою уподобленія — тѣмъ не менѣе это обидно. Это обидно, потому что слово четвертакъ представляетъ здѣсь идею дешевизны; это обидно, потому что четвертачизмъ, претерпѣвавшій доселѣ въ русской литературѣ постыднѣйшее крушеніе, не смотря на гигантскія, въ своемъ родѣ, усилія Ѳ. В. Булгарина, начинаетъ приживаться въ ней именно въ такую минуту, когда всего менѣе можно было этого ожидать. Тутъ еще не было бы дива, если бъ во времена Булгарина четвертакъ обладалъ обаятельною силою: тогда и провіантъ былъ дешевый, да и политическіе интересы сосредоточивались исключительно на разъясненіи вопроса, откуда произошла Русь. Ясно, что это были интересы четвертаковые, и что защищать за четвертакъ происхожденіе Руси отъ норманновъ было и не предосудительно, и не обременительно. Но и за всѣмъ тѣмъ, наша литература выказывала геройство неслыханный: защищала норманское происхожденіе Руси даромъ. Напротивъ того, теперь, когда, съ одной стороны, жизненные припасы поднялись въ цѣнѣ необычайно, когда, съ другой стороны, политическій горизонтъ съ каждымъ днемъ расширяется, литература, вмѣсто того, чтобы быть на стражѣ, оказываетъ малодушество безпримѣрное и выдѣляетъ изъ себя публицистовъ, которые за четвертакъ поютъ хвалебные гимны всему безъ различія и призываютъ кару небесъ на мальчишекъ и нигилистовъ!

Что сей сонъ значитъ?

Или мы были героями во времена Булгарина потому только, что передъ глазами нашими не блисталъ заманчиво четвертакъ? Можетъ быть.

Или мы были такъ слабы и ничтожны въ то время, что намъ и четвертака никто не считалъ за нужное посулить? Можетъ быть.

Или наша изобрѣтательная способность до такой степени притупилась объ варяговъ, что когда настало, наконецъ, время для вопросовъ болѣе серьёзныхъ и жизненныхъ, мы не отыскали въ себѣ никакихъ отвѣтовъ на нихъ, и потому нашли для себя болѣе покойнымъ и выгоднымъ дуть въ нашу маленькую дудочку на заданную тему? Можетъ быть.

Или же, наконецъ, тутъ имѣется съ нашей стороны тонкій расчетъ? Быть можетъ, мы думаемъ, что со временемъ наши фонды поднимутся? Можетъ быть.

Я не рѣшаю этихъ вопросовъ, а только излагаю ихъ. Я считаю себя лѣтописцемъ; я даже не группирую фактовъ и не выжимаю изъ нихъ нравоученія, но просто утверждаю, что, въ 1862 году, въ нашу общественную жизнь, равно какъ и въ нашу литературу проникла благонамѣренность. Съ одной стороны, общество убѣдилось окончательно, что оно-таки подвигается; съ другой стороны, литература, удачно воспользовавшись этимъ настроеніемъ, начала сочувственно и весело строить цѣлыя системы на мотивъ: чего же тебѣ еще нужно?

Я увѣренъ, что извѣстіе это въ особенности порадуетъ провинціальнаго читателя. Въ самомъ дѣлѣ, видя, какой переполохъ царствовалъ въ нашихъ журналахъ до 1862 года, какими словесными подзатыльниками угощали въ нихъ другъ друга россіяне, бѣдный, удаленный отъ свѣта провинціалъ могъ и не вѣсть что подумать. Ему могло показаться, что старому веселью конецъ пришелъ, что хорошихъ людей моль поѣла и что, на мѣстѣ ихъ, неистовствуютъ все мальчишки да нигилисты... Ничуть не бывало! утѣшаю я его; все это было до 1862 года, но въ этомъ году россіяне вступили въ новое тысячелѣтіе... Какъ же тутъ не созрѣть, какъ не пойти въ сѣмена!

Изъ всего сказаннаго выше явствуетъ, что однимъ изъ существенныхъ признаковъ нашей благонамѣренности заключается въ ненависти къ мальчишкамъ и нигилистамъ. Что такое нигилисты? что такое мальчишки?

Слово «нигилисты» пущено въ ходъ И. С. Тургеневымъ и

не обозначаетъ собственно ничего. Въ романѣ г. Тургенева, какъ и во всякомъ благоустроенномъ обществѣ, дѣйствуютъ отцы и дѣти. Если есть отцы, слѣдовательно должны быть и дѣти—это бы, пожалуй, не новость; новость заключается въ томъ, что дѣти не въ отцовъ вышли, и вслѣдствіе этого происходятъ между ними безпрестанные реприманды.

Отцы—народъ чувствительный и вѣруютъ во все. Они вѣруютъ и въ красоту, и въ истину, и въ справедливость, но больше прохаживаются по части красоты. Они проливаютъ слезы, читая Шиллерову «Resignation», они играютъ на віолончели, а отчасти и на гитарѣ, но не остаются нечувствительными и къ четвертакамъ. Да, люди, о которыхъ я докладывалъ выше, какъ о поддавшихся обаянію четвертака, — это все отцы. Вообще, это народъ легко очаровывающійся. Когда-то они были друзьями Бѣлинскаго и поклонниками Грановскаго, но, по смерти своихъ руководителей, остались, какъ овцы безъ пастыря. Очарованія ихъ приняли характеръ безпорядочный, почти растрепанный; съ одной стороны — Laura am clavier, съ другой — тысяча рублей содержанія, даровая квартира и нѣсколько пудовъ сальныхъ свѣчей—вотъ двѣ мучительныя альтернативы, между которыми проходитъ ихъ жизнь. Тѣмъ не менѣе, надо отдать имъ справедливость: Лаура съ каждымъ днемъ все дальше и дальше отодвигается на задній планъ, и все ближе и ближе придвигается тысяча рублей содержанія. Способность очаровываться осталась та же, но предметъ ея измѣнился, и измѣнился потому, что нѣтъ въ живыхъ ни Бѣлинскаго, ни Грановскаго. Будь они живы, они, конечно, сказали бы «отцамъ»: цыцъ! и тогда, кто можетъ угадать, чѣмъ увлекались бы въ настоящую минуту эти юные старцы?

Въ противоположность отцамъ, дѣти представляютъ собой собраніе невѣрующихъ.

— Вы не вѣрите ни во что... даже? вопрошаетъ Базарова одинъ изъ старичковъ Кирсановыхъ.

— Даже, отвѣчаетъ Базаровъ, вовсе не заботясь о томъ, что онъ дѣлаетъ этотъ отвѣтъ въ домѣ Кирсановыхъ и что, по всѣмъ правиламъ гостепріимства, гость обязанъ говорить хозяевамъ лишь пріятныя и угодныя вещи.

Не вѣритъ въ «даже», а вѣритъ въ лягушекъ! Соблазняется красивыми плечами женщины, и при этомъ не содрогается мыслью, что красивыя плечи составляютъ лишь тлѣнную обо-

лочку нетлѣнной души! Кромѣ того: а) на красоту вообще взираетъ съ той же точки зрѣнія, съ какой г. Семевскій взираетъ на русскую исторію; б) не тоскуетъ по истинѣ, ибо не признаетъ науки, скрывающейся, какъ извѣстно, въ стѣнахъ московскаго университета; в) эстетическими вопросами не волнуется, на віолончели не играетъ и романсовъ не поетъ; и г) обаятельную силу четвертака отвергаетъ положительно... Спрашиваю я васъ, какъ назвать совокупность всѣхъ этихъ зловредныхъ качествъ? какъ назвать людей, совокупившихъ въ себѣ эти качества? Я знаю, госпожа Коробочка назвала бы ихъ фармазонами, полковникъ Скалозубъ назвалъ бы волтерьянцами; но И. С. Тургеневъ не захотѣлъ быть подражателемъ и назвалъ нигилистами...

Какъ бы то ни было, но «благонамѣренные» накинулись на слово «нигилистъ» съ ожесточеніемъ; точь въ точь, какъ благонамѣренные прежнихъ временъ накидывались на слова фармазонъ и волтерьянецъ. Слово «нигилистъ» вывело ихъ изъ величайшаго затрудненія. Были понятія, были явленія, которыя они до тѣхъ поръ затруднялись, какъ назвать; теперь этихъ затрудненій не существуетъ: все это нигилисты; были люди, которыхъ физіономія имъ не нравились, которыхъ рѣчи производили въ нихъ нервное раздраженіе, но они не могли дать себѣ отчета, почему именно эти люди, эти рѣчи производятъ на нихъ именно такое дѣйствіе; теперь все сдѣлалось ясно: да потому просто, что эти люди нигилисты! Такимъ образомъ нигилистъ, не обозначая собственно ничего, прикрываетъ собой всякую обвинительную чепуху, какая взбредетъ въ голову благонамѣренному, и еслибъ Иванъ Никифорычъ Довгочхунъ зналъ, что существуетъ на свѣтѣ такое слово, то онъ, навѣрное, назвалъ бы Ивана Иваныча Перерепенко не дурнемъ съ писанною торбою, а нигилистомъ. Человѣкъ, который ходитъ по улицѣ безъ перчатокъ — нигилистъ, и человѣкъ, который заявитъ сомнѣніе на счетъ либерализма Василья Александрыча Кокорева — тоже нигилистъ. Онъ нигилистъ! онъ не вѣритъ ни во что святое! вопятъ благонамѣренные, и, само собой разумѣется, что Василію Александрычу это нравится. Однимъ словомъ, нигилистъ есть человѣкъ безпрерывно испускающій изъ себя какой-то тонкій ядъ, отъ котораго мгновенно дурѣютъ слабыя головы мальчишекъ!

Это переноситъ меня къ далекимъ днямъ моей молодости. Зналъ я тогда одно семейство, жившее очень почтенно и патріар-

-хально, и состоявшее изъ большаго числа членовъ, между которыми были и старики, и взрослые, и подростки. Семейство наслаждалось тишиною и благоденствовало: оно имѣло тотъ форменный взглядъ на нравственность и человѣческія обязанности, который составляетъ счастіе людей, желающихъ прожить свой вѣкъ безъ тревогъ и волненій. Конечно, такъ и прожили бы эти добрые люди, если бы, къ несчастью, не замѣшался тутъ Сеничка.

Сеничка былъ просто добрый малый, жившій большею частью въ отдаленіи отъ родныхъ, и потому нѣсколько отвыкшій отъ этого безшумнаго, обряднаго жизненнаго строя, который царствовалъ въ его семействѣ. Нельзя сказать, чтобъ его не любили домашніе; напротивъ того, на него возлагались даже какія-то честолюбивыя родовыя надежды, такъ какъ онъ одинъ изъ всего семейства состоялъ на государственной службѣ и обѣщалъ когда нибудь чего нибудь достигнуть и тѣмъ прославить родъ Горбачевскихъ. Тѣмъ не менѣе, обольщеніе было не продолжительно; за Сеничкой, во время побывокъ его въ родномъ домѣ, стали замѣчаться какія-то проруxи, какое-то не то чтобы озлобленіе, но полное равнодушіе къ роднымъ интересамъ..

Но это все бы еще ничего: оказалось, что Сеничка разливаетъ ядъ и дѣйствуетъ посредствомъ его на подростковъ.

Выходитъ изъ института невинная дѣвица, внучка и дочь семейства, и поселяется у родныхъ. Она уважаетъ дѣдушку, боготворитъ бабушку, цалуетъ ручки у папеньки и маменьки, бесѣдуетъ и споритъ по вечерамъ съ приходскимъ батюшкой насчетъ того, дѣйствительно ли существовали на свѣтѣ Лазарь богатый и Лазарь бѣдный, или это только такъ, притча? Однимъ словомъ, родные не налюбуются милымъ ребенкомъ и всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: что за милое, что за невинное созданіе! Но вотъ пріѣзжаетъ въ побывку Сеничка... Онъ привозитъ съ собой нѣсколько французскихъ романовъ — наша институтка слышитъ это верхнимъ чутьемъ; она украдкой отъ родныхъ бѣгаетъ въ сеничкину комнату и читаетъ... Сеничка разсказываетъ, на какихъ онъ балахъ въ Петербургѣ бываетъ (онъ бываетъ исключительно у Марцинкевича), какая въ Петербургѣ опера, и въ какія неслыханныя платья облекается г-жа Наптааль-Арно, изображая маркизъ. Институтка слушаетъ это сначала однимъ ухомъ, потомъ обѣими; потомъ она задумывается, потомъ ей плохо спится ночь... Въ одно прекрасное утро, она начинаетъ плакать и не хочетъ диспутировать съ батюшкой;

она не называетъ бабушку «божественной», и послѣ обѣда забываетъ поцаловать руку у папеньки. Мало того: она вдругъ начинаетъ рѣзвиться и бѣгать по комнатѣ; она садится за фортопьяно и не то чтобы играетъ, но какъ-то безпорядочно стучитъ по клавишамъ; наконецъ, она открыто называетъ родныхъ тиранами, желающими заѣсть ея молодые годы.

— Это сеничкинъ ядъ! шепчутъ родственники: — это все сеничкинъ ядъ дѣйствуетъ!

— Помилуйте, маменька! оправдывается Сеничка: — какой тутъ ядъ! просто на просто Катенькѣ повеселиться хочется! просто на просто молодая кровь въ ней играетъ!

— Нѣтъ, это твой ядъ! твердятъ хоромъ родственники и спѣшатъ удалить Сеничку.

Пріѣзжаютъ на каникулы дѣти—гимназисты; бабушка осматриваетъ ихъ и говоритъ: молодцы! папенька спрашиваетъ, какія у нихъ отмѣтки, и получаетъ отвѣтъ, что все пять да четыре. Петровъ постъ; дѣти кушаютъ постное, вмѣстѣ съ Катенькою и прочими членами семейства; они дѣлаютъ это даже съ охотою... И вдругъ пріѣзжаетъ Сеничка.

— Дяденька! у насъ постное! спѣшатъ сообщить ему гимназисты.

— Стану я постное ѣсть! огрызается Сеничка и объявляетъ, что будетъ ѣсть скоромное.

Декорація мѣняется. На другой день, за обѣдомъ, всѣ ѣдятъ постное, одному Сеничкѣ подаютъ скоромное. Гимназисты ѣдятъ плохо.

— А что, друзья, вкусно? подшучиваетъ Сеничка, видя, какъ они заглядываются на его котлетку.

Родитель гимназистовъ слегка блѣднѣетъ; бабушка строго посматриваетъ на Сеничку. Но дѣло ужь сдѣлано; гимназисты плачутъ; Катенька вторитъ имъ; жареный въ постномъ маслѣ картофель такъ и уносятъ обратно не тронутый.

— Это сеничкинъ ядъ! шепчутъ родственники: — это все сеничкинъ ядъ дѣйствуетъ.

— Помилуйте, маменька! оправдывается Сеничка: — какой тутъ ядъ! просто на просто дѣтямъ ѣсть хочется, потому что они растутъ.

— Нѣтъ это твой ядъ! рѣшаетъ семейный ареопагъ и спѣшитъ какъ нибудь удалить Сеничку.

Всѣ, даже рабы и рабыни, находятся подъ вліяніемъ Сенич-

-жина яда. Кормили ихъ, прежде, напримѣръ, кислымъ молокомъ, и они не жаловались, и вдругъ дернула же нелегкая Сеничку спросить у Іонки-подлеца:

— А что, братъ, съ кислаго-то молока, чай, животъ подвело?

И вотъ на другой день исторія: кислое молоко въ помойную яму вылили; и хотя все-таки имъ ничего другаго не дали, однако огорчились.

— Это все сеничкинъ ядъ! шепчутъ родные.

— Да помилуйте, маменька! чѣмъ же я виноватъ, что у васъ люди голодны? оправдывается Сеничка.

— Нѣтъ, это твой ядъ! рѣшаетъ семейный ареопагъ и спѣшитъ какъ нибудь освободиться отъ Сенички.

Подобно этому Сеничкѣ, нигилисты обязанны выносить на себѣ всѣ грѣхи міра сего. Тявкнетъ ли на улицѣ шавка — благонамѣренные кричатъ: это нигилисты подъучили ее; пойдетъ ли безъ времени дождь, благонамѣренные кричатъ: это нигилисты заговариваютъ стихіи! Этого мало: лѣтомъ 1862 года, по случаю частыхъ пожаровъ въ Петербургѣ, ходили слухи о поджогахъ — благонамѣренные воспользовались этимъ, чтобъ обвинить нигилистовъ; образовалась какая-то неслыханная потаенная литература—благонамѣренные возопили: это они! это нигилисты! Злорадство дошло до той степени безобразія и нелѣпости, что благонамѣренные готовы были, чтобъ у нихъ поснимали головы, лишь бы имѣть право сказать: это они! это нигилисты!

Вотъ какую страшную услугу оказалъ г. Тургеневъ. Хорошо еще, что онъ заблагоразсудилъ уморить Базарова почти насильственною смертью, но что было бы, еслибъ Базаровъ выдержалъ, еслибъ пришлось писать вторую часть романа и показать Базарова въ соприкосновеніи не съ госпожою Одинцовою и братьями Кирсановыми, но съ жизнью дѣйствительною, еслибъ, однимъ словомъ, пришлось изобразить Базарова дѣятелемъ общественнымъ и политическимъ? Ужели же и впрямь оказалось бы, что выводы, дѣлаемые людьми благонамѣренными, суть выводы, естественно вытекающіе изъ самаго романа?

Но оставимъ Базарова. Я совершенно согласенъ, что люди, поджигавшіе Петербургъ, суть нигилисты, но въ такомъ случаѣ какой же резонъ слово «нигилистъ» смѣшивать съ словомъ «мальчишки»? Допустимъ, что слово «нигилистъ» выражаетъ собой совокупность всѣхъ возможныхъ позорныхъ понятій, на-

чиная отъ неношенія перчатокъ и кончая отрицаніемъ кокоревскаго либерализма, — чѣмъ же тутъ виноваты мальчишки? Посредствомъ какого адскаго сцѣпленія идей приплетаются они къ нигилизму? Умышленно ли это дѣлается, или неумышленно?

Прежде всего, примемъ въ соображеніе, что слово «мальчишки» имѣетъ смыслъ нарочито презрительный. Оно пущено въ ходъ московскими публицистами, которые въ этомъ случаѣ оказали благонамѣреннымъ услугу столь же незабвенную, какъ и И. С. Тургеневъ (*). И дѣйствительно, сила заключается не въ словѣ, а въ томъ понятіи, которое оно выражаетъ; «мальчишки» же выражаютъ собой еще болѣе, нежели «нигилисты». Нигилистомъ можетъ быть человѣкъ всякаго возраста; такъ напримѣръ, Аркаша Кирсановъ покидаетъ ремесло нигилиста тотчасъ же, какъ только собственнымъ умомъ доходитъ до убѣжденія, что никакіе нигилизмы на свѣтѣ не стоятъ ничего передъ тѣми положительными утѣхами, которыя можетъ доставить ему соединеніе съ милой Катей (сестра г–жи Одинцовой). Стало быть, по этой теоріи, ничто не мѣшаетъ быть нигилистомъ Н. Ф. Павлову, хотя, быть можетъ, у него, отъ преклонности, ни одного волоса на головѣ нѣтъ, и благонамѣреннымъ — г. Чичерину, хотя онъ еще очень молодой человѣкъ. Напротивъ того, слово «мальчишки», такъ сказать, подрываетъ будущее Россіи, ибо обращается преимущественно къ молодому поколѣнію, на которомъ, какъ извѣстно, покоятся всѣ надежды любезнаго отечества. Подъ этимъ словомъ подразумѣвается все, что не перестало еще рости; М. Н. Катковъ взираетъ на П. М. Леонтьева и говоритъ: вотъ мѣра человѣческаго роста! и затѣмъ, всякій индивидуумъ, который имѣлъ несчастье родиться двумя минутами позднѣе г. Леонтьева, поступаетъ въ разрядъ мальчишекъ. Не хитро, но за то просто и удобно.

Таковы физическія условія мальчишества, въ чемъ же должны заключаться условія нравственныя? Очевидно, въ томъ же, въ чемъ и нравственныя условія нигилистовъ, т. е. въ отсутствіи всякихъ нравственныхъ условій. Мальчишки не вѣрятъ въ науку, ибо

(*) Замѣтимъ здѣсь кстати, что судьба вновь изобрѣтаемыхъ выраженій не всегда одинакова. Напримѣръ, г. Чичеринъ, по поводу какой–то трогательной исторіи, случившейся съ нимъ самимъ, изобрѣлъ въ 1861 году слово: «казачество въ наукѣ». Казалось бы, и мѣтко, и замысловато, и образно — а въ ходъ не пошло! Между тѣмъ, М. Н. Катковъ только и изобрѣлъ, что «мальчишекъ», а какой произвелъ фуроръ! Счастье!

не читаютъ статей г. Молинари; мальчишки не вѣрятъ въ искусство жить на свѣтѣ, ибо не читаютъ статей г. Юркевича (во все это вѣрятъ помѣщики, преимущественно подписывающіеся на «Русскій Вѣстникъ»); мальчишки—это, по счастливому выраженію «Времени», «пустые и безмозглые крикуны, портящіе все, до чего они дотронутся, марающіе иную чистую, честную идею уже однимъ тѣмъ, что они въ ней участвуютъ; мальчишки — это свистуны, свистящіе изъ хлѣба (какая разница, напримѣръ съ «Временемъ»! «Время» свиститъ и въ то же время говоритъ: «изъ чести лишь одной я въ домѣ семъ *свищу*!») и только для того, чтобы свистать, выѣзжающіе верхомъ на чужой украденной фразѣ, какъ верхомъ на палочкѣ, и подхлестывающіе себя маленькимъ кнутикомъ рутиннаго либерализма» (*)...

Однимъ словомъ, мальчишество есть нѣчто въ родѣ грѣха первороднаго; мальчишка уже тѣмъ виноватъ, что онъ мальчишка; мальчишка фаталистически обреченъ на нигилизмъ.

Онъ не можетъ ни серьёзно мыслить, ни серьёзно думать — потому что онъ мальчишка; онъ не смѣетъ ни о чемъ имѣть своего сужденія—потому что онъ мальчишка; его мысль, его дѣйствія, его тѣлодвиженія, все его существо, однимъ словомъ, необходимо должны заключать въ себѣ нѣчто озорное, имѣющее особый пасквильный смыслъ,—потому что онъ мальчишка. «Угодно вамъ папиросу?» спрашиваетъ мальчишка у благонамѣреннаго, и благонамѣренный фыркаетъ и злится, потому что думаетъ: «га! это онъ неспросту мнѣ папиросу предлагаетъ! онъ хочетъ этимъ показать, что я до такой степени ослабъ, что даже папиросу выкурить не въ состояніи!» Каждое слово мальчишки подвергается толкованію самому инквизиторскому, въ каждомъ его дѣйствіи видится поползновеніе протанцовать карбонарскій канканъ.

Ожесточеніе благонамѣренной прессы, а за нею и благонамѣренной части общества доходитъ до того, что если мальчишка умираетъ, то никому не придетъ въ голову сказать: вотъ погибаетъ человѣкъ жертвою... ну, положимъ хоть заблужденій! но всякъ говоритъ: вотъ погибаетъ мальчишка, т. е. негодяй, т. е.

(*) Справедливость требуетъ, однакожъ, сказать, что «Время» не прилагаетъ этихъ эпитетовъ собственно къ мальчишкамъ; по своему обыкновенію, оно бесѣдуетъ въ пустынѣ и о пустынѣ. Но этотъ «маленькій кнутикъ рутиннаго либерализма»—прелесть! Какъ должно было взыграть сердце Н. Ф. Павлова при чтеніи этихъ строкъ! Что долженъ былъ онъ сказать! Очевидно, онъ долженъ былъ сказать: все это я ужь цѣлыхъ два года думаю, а М. М. Достоевскій только возвелъ въ перлъ созданія!

нигилистъ, т. е. человѣкъ, неразличавшій своего отъ чужаго! Откуда это проклятое «то есть»? Отчего, если оно не всегда выражается, то всегда подразумѣвается? А просто отъ того, что дѣло идетъ объ «мальчишкахъ»—и все тутъ!

Мальчишество — это преступленіе, за которое уличенный въ немъ лишается даже права аппеллировать. Благонамѣренный не станетъ и разговаривать съ мальчишкой; «это мальчишка», скажетъ онъ и самодовольно пройдетъ-себѣ мимо...

Да, горько родиться «мальчишкой», но какъ же, съ другой стороны, и не родиться-то имъ?

Всякій мужчина, какъ бы онъ рослъ ни былъ, имѣлъ свой періодъ мальчишества, только не всякій это помнитъ. Иной думаетъ, что онъ такъ-таки и вышелъ изъ головы Юпитера, какъ Минерва, во всеоружіи; иной забылъ, что онъ не далѣе, какъ въ 1861 году, былъ еще мальчишкой; иной и не забылъ, и даже не скрываетъ, что не забылъ: «ну да, говоритъ, я былъ мальчишкой, покуда не коснулась меня благодать благонамѣренности... что-жь изъ того? а если меня опять коснется благодать мальчишества, я и опять буду мальчишкой... что-жь изъ того?» Такимъ образомъ, одни дѣйствуютъ по безпамятству, другіе — потому, что дѣло это торговое и завсегда въ нашихъ рукахъ состоитъ.

Къ послѣднему разряду дѣятелей я не обращаюсь; я знаю, что они еще не разъ въ своей жизни будутъ и мальчишками, и благонамѣренными, смотря по тому, гдѣ больше поживишки. Это паразиты, которые обращаютъ вниманіе исключительно на то, чье тѣло представляется болѣе пухлымъ и лоснящимся, чтобъ угнѣздиться именно тамъ, гдѣ болѣе обезпечено ѣды. Я обращаюсь къ людямъ просто забывчивымъ и спрашиваю: неужели вы въ самомъ дѣлѣ забыли? неужели вы дошли до состоянія опрѣсноковъ безъ всякихъ тревогъ, безъ всякой борьбы? неужели вы не метались и не кипѣли? неужели сошли на путь благонамѣренности такъ же случайно и безразлично, какъ заходятъ современные франты въ тотъ или другой танцклассъ? Нѣтъ, это невѣроятно. Это невѣроятно, потому что нѣтъ того человѣка, котораго заплѣсневѣлая душа не умилилась бы передъ воспоминаніемъ о давнопрошедшихъ, сладкихъ дняхъ молодости; нѣтъ того дряхлаго, тупаго старика, котораго голова не затряслась бы сочувственно, котораго морщины не освѣтились бы лучемъ радости, когда на него хоть на мгновенье, хотя случайно пахнетъ свѣжимъ ароматомъ навсегда утраченной весны жизни. Ибо, каково бы ни

было содержаніе молодости (положимъ, что оно было безпутно, съ вашей *нынѣшней* точки зрѣнія), все же оно говоритъ о силѣ, говоритъ о надеждахъ, о жаждѣ подвига, говоритъ о той книгѣ жизни, которая когда-то читалась легко и которая туго и туno дается осторожно-каплуньему пониманію старчества.

Да не подумаетъ, однакожь, читатель, что я взываю о сожалѣніи къ мальчишкамъ, что я для того обращаюсь къ памяти благонамѣренныхъ, чтобы сказать имъ: и вы были молоды, и вы заблуждались, такъ имѣйте же снисхожденіе къ молодости и заблужденіямъ другихъ! Нѣтъ, я просто становлюсь на историческую почву и говорю благонамѣреннымъ: вспомните то время, когда вы были мальчишками, и поищите въ своей памяти, не было ли и тогда «благонамѣренныхъ»? Думаю, что этого вопроса достаточно, чтобы заставить ихъ покраснѣть.

Нѣтъ, я не прошу для мальчишекъ ни сожалѣнія, ни даже снисхожденія. Я нахожу, что мальчишество — сила, а сословіе мальчишекъ — очень почтенное сословіе. Самая остервенѣлость вражды противъ нихъ свидѣтельствуетъ, что къ мальчишкамъ слѣдуетъ относиться серьёзно, и что слова: «мальчишки!», «нигилисты!», которыми благонамѣренные люди вѣнчаютъ всѣ свои диспуты, по поводу почтительно дѣлаемыхъ мальчишками представленій и домогательствъ, въ сущности, изображаютъ не что иное, какъ худо-скрытую досаду, нѣчто въ родѣ плача Адама объ утраченномъ раѣ.

Въ чемъ же собственно дѣло? Гдѣ побудительная причина тѣхъ ожесточенныхъ походовъ, которые поднимаются «благонамѣренными» противъ «мальчишекъ?» Какія, наконецъ, права «мальчишекъ» на общее вниманіе?

Отвѣтъ на эти вопросы не такъ затруднителенъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Нельзя не сознаться, что общій уровень жизни падаетъ; многое, съ чѣмъ мы сжились, оказывается несостоятельнымъ; чувствуется тяжесть какая-то; видится и сознаётся, что нѣтъ существа живаго, которое могло бы сказать, что ему живется хорошо. Мы, благонамѣренные, также это чувствуемъ, и въ тоже время не можемъ ничего выдумать къ облегченію нашихъ собственныхъ болей!

И вотъ, въ то самое время, когда мы вздыхаемъ и недоумѣваемъ, вокругъ насъ все-таки происходитъ нѣчто новое; міазмы мало по малу разрѣжаются, жизнь становится и привѣтнѣе, и свѣтлѣе. Откуда этотъ успѣхъ?

Увы! Какъ ни малъ успѣхъ, но источникъ его все-таки не столько въ насъ, благонамѣренныхъ, сколько въ мальчишествѣ, въ той неустанной силѣ, которую оно представляетъ. Изъ того, что практическое осуществленіе новыхъ жизненныхъ формъ, большею частью, зависитъ отъ насъ и производится нами, вовсе не слѣдуетъ, чтобы отъ насъ же исходила и инипіатива ихъ...

. . . . .

Итакъ, если мы видимъ, что жизнь сдѣлала шагъ впередъ, если мы самихъ себя сознаемъ лучше и чище...

Мы клянемъ мальчишество, мы презираемъ его, и въ то же время, не слышно для насъ самихъ, признаемъ его силу и подаемъ ему руку. Не будь мальчишества, не держи оно общество въ постоянной тревогѣ новыхъ запросовъ и требованій, общество замерло бы и уподобилось бы заброшенному полю, которое можетъ производить только репейникъ и куколь.

Я могъ бы привести тысячи примѣровъ изъ практики въ доказательство справедливости моего положенія, и если не дѣлаю этого, то единственно изъ опасенія, чтобъ изъ того не вышло какой нибудь нелитературной полемики. Дозволю себѣ одинъ казенный вопросъ: давно ли называлось мальчишествомъ, карбонарствомъ, волтерьянствомъ все то добро, которое нынѣ въ очію совершается? И нельзя ли отсюда придти къ заключенію, что и то, что нынѣ называется мальчишествомъ, нигилизмомъ и другими, болѣе или менѣе поносительными именами, будетъ *когда нибудь* называться добромъ?

. . . .

Такимъ образомъ, современное настроеніе русскаго общества дѣлается яснымъ для читателя. Онъ знаетъ, что съ одной стороны существуетъ благонамѣренность, но съ другой стороны есть и мальчишество; что, если не безвыгодно рисковать своими капиталами на счетъ благонамѣренности, то, въ то же время, не безполезно принимать въ соображеніе и мальчишество. Въ этой нравственной эквилибристикѣ пріятно и незамѣтно проходитъ вся жизнь современнаго человѣка; въ этомъ балансированьи, въ этомъ форсированномъ перескакиваньи съ одного камня на другой (ибо посреди ихъ стоитъ лужа) истрачиваются всѣ лучшія его силы.

Но я не могу, я не долженъ заключить свою хронику такимъ

сухимъ и безплоднымъ словомъ. Нравственная разорванность, нравственное недоумѣніе, легко-объяснимые при извѣстныхъ условіяхъ, какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ цѣломъ обществѣ, не могутъ, однакожь, служить ни жизненною цѣлью, ни жизненнымъ содержаніемъ ни для отдѣльнаго человѣка, ни для цѣлаго общества. Общество можетъ, за недостаткомъ установившихся разумныхъ началъ, довольствоваться обрывками прошлаго и зародышами будущаго, но подобное положеніе не заключаетъ въ себѣ никакихъ задатковъ прочности и продолжительности.

Посмотримъ, отчего же происходитъ это нравственное распаденіе въ современномъ человѣкѣ, отчего онъ обязывается балансировать, отчего онъ никуда не можетъ примкнуть съ увѣренностью, что тутъ именно сила, что тутъ онъ дома?

Объ этомъ я побесѣдую съ читателемъ въ слѣдующій разъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Стр.

Великъ Богъ земли русской! *П. И. Якушкина.* 5

Скованный Прометей. Послѣдняя сцена изъ трагедіи Эсхила. *Мих. Илецкаго.* 55

Мои скитанія по бѣлу свѣту. Статья первая. *Н. В. Берга.* . . . 63

Молодой монахъ. (Новогреческая пѣсня). Стихотв. *Мих. Илецкаго.* 120

Совѣты мудрецовъ. Стихотв. *А. Н. Плещеева.* 121

Письма объ Осташковѣ. *В. А. Слѣпцова.* 123

Въ лѣсу. — Изъ Гейне. Стихотв. *А. Н. Плещеева.* 153

I. Нашимъ сверстникамъ.—II. Ненастье. (Съ итальянскаго). Стихотв. *П. М. Ковалевскаго.* 158

Невинные разсказы. I. Деревенская тишь.—II. Для дѣтскаго возраста. — III. Миша и Ваня. Забытая исторія. *Н. И. Щедрина.* 161

Безсонница. Стихотв. *Н. А. Некрасова.* 209

О народности въ политикѣ. *Ю. Г. Жуковскаго.* 215

Закоулокъ. Романъ. Часть первая. *Ѳ. Н. Берга.* 235

Педагогическія бесѣды. *А. Слѣпцова.* 289

На большой дорогѣ. Сцены изъ народнаго быта. *И. Ѳ. Горбунова.* 307

Провинціальная газета, ея редакторъ и сотрудники. (Изъ записокъ литератора-обывателя). *И. Дмитріева.* 319

Стр.
«Всю-то, всю мою дорожку». Стихотв. *А. Н. Плещеева*. 351
Отъ Тобольска до Березова. I. До Березова.—II. Березовъ. *К. Губарева*. 353
Новыя основанія судопроизводства. *А. М. Унковскаго*. 389
Процессы о печати въ Австріи. 413

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ).

Нѣсколько словъ по поводу «Замѣтки» помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1862 годъ. *Т—на*. . . . 1
Наши толки о народномъ воспитаніи. 17
Извѣстіе изъ Полтавской губерніи. 47
Драматурги-паразиты во Франціи. 63
Русская литература. — Литературный кризисъ. *М. А. Антоновича*. 81
Новыя книги: Немного лѣтъ назадъ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Соч. И. Лажечникова (111). — Кремуцій Кордъ. Соч. Костомарова (123). — Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. Воспитанница Сара. А. Вельтмана (126). — Стихи Вс. Крестовскаго. 2 тома (129).—Гражданскіе мотивы. Сборникъ современныхъ стихотвореній, изданный подъ редакціею А. П. Пятковскаго.—Пѣсни скорбнаго поэта (136). — Литературная подпись. Соч. А. Скавронскаго. («Время» за 1862 г. № 12) (140). — О старомъ и новомъ порядкѣ и объ устроенномъ трудѣ (travail organisé) въ примѣненіи къ нашимъ помѣстнымъ отношеніямъ. Членомъ вольнаго экономическаго общества Н. А. Безобразовымъ. 142
По поводу «Живописной Украины». *Ѳ. Хартахая*. 147
Московскія письма. *К. Гурина*. 163
Петербургскіе театры 177
Итальянская опера въ Петербургѣ. Сезонъ 1862—1863 года. *М. Л—ва*. 199
Краткій обзоръ журналовъ за истекшіе восемь мѣсяцевъ. . . . 228
Внутреннее обозрѣніе. (Наше долгое молчаніе. — Тоска по насъ читателей, и объясненіе, почему мы для нихъ необходимы.— Состояніе русской журналистики во время нашего молчанія. — Павелъ Ивановичъ Мельниковъ. — Наши старинные съ нимъ счеты. — Разъясненіе нигилизма и постепенности.— Дѣйствительно ли народъ нашъ такъ невѣжественъ и грубъ, что не можетъ воспринять въ себя европейской цивилизаціи. — Германія назадъ тому два вѣка. — Реформы, совершившіяся и предпринятыя въ настоящее царствованіе. — Прежняя и проектируемая вновь система податей. — Соляной налогъ за границей и у насъ). 257

Стр.

Политика. (Нѣсколько словъ о томъ, что случилось въ Европѣ съ мая до января мѣсяца. — Сѣверо-американскія дѣла. — Мехиканскія дѣла). 329
Наша общественная жизнь. (Вступленіе. Благонамѣренные и нигилисты.—Сеничкинъ ядъ. — Мальчишки. — Современная эквилибристика. — Происхожденіе и причины ея). 357

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Беатриче Ченчи, романъ Гверрацци (переводъ съ итальянскаго).
II. Портретъ Николая Александровича Добролюбова.

ОДОБРЕНО ЦЕНСУРОЮ.
С.-Петербургъ, 5 февраля 1863 года.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

въ С.–Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, *№ 10.*

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

APLETSCHEIEFF. La gracieuse. Polka de salon (75 к.),

ARDITI. Il bacio. **Любимый вальсъ (75 к.). Легкая аранжировка (75 к.).**

BADARZEWSKA. La prière d'une vièrge (50 к,). Edition facilitée (40 к.).

BAUMFELDER. Clara. Polka élégante (60 к.).

BEETHOVEN. Sonates. Nouvelle édition, (по 75 к., 1 р. 15 к. и 1 р. 45 к.).

BENDEL. Mozart. Andante favori (60 к.). Nocturne (60 к.).

BERNABD. A. Marche Zouave op. 14 (60 к.).

BERNARD. M. Альвомъ самыхъ любимыхъ русскихъ романсовъ, *Булахова, Варламова, Гр. Віельгорскаго, Глинки, Гурилева, Даргомыжскаго, Дерфельдта, Дюбюка, Кн. Кочубей, Пауфлера, Яковлева* и др., переложенныхъ для одного фортепіано. Тетради 1 и 2 (въ каждой по 10 романсовъ) каждая тетрадь по 1 р. Тетрадь 3 печатается и выйдетъ въ непродолжительномъ времени.

— Хуторокъ. Chanson favorite de Klimoffsky transcrite (75 к.) Hommage à la jeunesse. Six romances russes transcrites. 6 №№, по (50 к.).

BFYER. Bouquetes de mélodies d'opéras favoris: Stradella, Martha, Ballo in maschera, la Traviata, il Trovatore, I Puritani, le barbier de Seville, по (1 р.).

CAPSON. Barcarolle (50 к.). La gracieuse. Impromptu (60 к.). Valse brillante (75 к.).

EGGHARD. Topsy. Polka des nègres (60 к.). Echo du coeur (60 к.). Chanson du chaudronnier. Morceau de salon (75 к.).

JAELL. Près du berceau. Morceau de salon (60 к.).

JOLÉ. Chant d'automne (50 к.).

JUNGMANN. Sérénade espagnole (60 к.) Le mal du pays. Mélodie (40 к.) La même facilité (40 к.) Loin d'elle. Romance (40 к.) Harmonies éoliques (75 к.).

KONTSKI. Souvenir de St. Pétersbourg. № 1. Larmes d'une jeune fille. Méditation (1 р.) № 2 Mazurka di Bravura (85 к.) Valentine-Polka (60 к.) Souvenir de Petrowsky. Duo sans paroles (75 к.) Souvenir de Wiesbaden-Polka (75 к.) Чародѣйка. Любимый вальсъ (85 к.).

KUHE. Fête bohémienne. Morceau de salon (75 к.).

KULLAK. La violette. Idylle (50 к.).

LOESCHHORN. Galop de bravoure (85 к.).

MAYER. 24 préludes d'amateurs dans tous les tons les plus usités. 2 тетр. (каждая 1 р.) Rayons et ombres. Nocturne (60 к.) La gracieuse. Valse sentimentale (60 к.), Polka militaire (60 к.). Mélodie gracieuse (40 к.). Polka burlesque (60 к.).

MENDELSSOHN-BARTHOLDY. Lieder ohne Worte.— Chansons sans paroles. Знаменитыя пѣсни безъ словъ. Новое изданіе. 7 тетрадей; каждая (1 р. 30 к.).

MOZART. Fantaisie et sonate. Nouvelle edition (1 р. 30 к.).

THALBERG. L'ART DU CHANT APPLIQUÉ AU PIANO. Six transcriptions des célèbres oeuvres des grandes maitres. op. 70 Serie III. № 1. Sérénade du Barbier de Séville. № 2. Duo de la flûte enchantée. № 3, Barcarolle de Gianni di Calais, № 4. Trio et duettino de Don Juan. № 5. Sérènade de l'amant jaloux. № 6. Romance du Saule d'Othello, (каждая 1 р.).

PACHER. Tendresse. Morceau mélodieux (60 к.). La belle fileuse. Etude caracteristique (85 к.). Sérénade du troubadour (60 к.). Echo. Bluette (40 к.). Hommage à Rossini. Andantino de l'opéra Semiramis (75 к.).

RICHARDS. Marie. Nocturne favori (60 к.).

SCHUMANN. 8 pièces de piano. Liv 1. 2 (каждая 60 к.) Träumerei (30 к.). Warum? (30 к.) Abends (30 к.).

SPINDLER. Souvenir de Venise. Sérénade (60 к.). Chansos populaires de Rohême op. 125 № 1 à 3 (каждый 75 к.). Tyrolienno (60 к.). Le carillçon. Pièce de salon (60 к.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять рублей серебромъ, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го января 1-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXIV), содержащая въ себѣ 7 пьесъ *Тальберга*, *Энарда*, *Воленгаупта*, *Магнуса* и др. 2 новыя танца, 1 романсъ *Булахова*, фантазія на мотивы оперы Лукреція Борджіа въ 4 руки, соч. *Фосса* и Литературное Прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. Годовая цѣна подписки 10 руб., съ пересылкою 11 р. 50 к.).

Вновь получены ИНОСТРАННЫЕ РОЯЛИ и ПІАНИНО лучшаго достоинства, СКРИПКИ, ВІОЛОНЧЕЛИ, СМЫЧКИ различныхъ цѣнъ и достоинствъ, ФЛЕЙТЫ, ГАРМОНИФЛЕЙТЫ, ГИТАРЫ, МЕТРОНОМЫ, КАМЕРТОНЫ и проч. по умѣреннымъ цѣнамъ.

ДЕПО ЛУЧШИХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СТРУНЪ.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 1 февраля 1863 года.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

КОММИССІОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ,

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Николаевскаго дворца, въ домѣ Лихачева,

---

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ПОВѢСТИ КОХАНОВСКОЙ. 2 тома. М. 1863 года. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ОЧЕРКИ перомъ и карандашемъ изъ Кругосвѣтнаго плаванія, въ 1857, 1858, 1859 и 1860 годахъ. А. Вышеславцева. Съ 27-ю рисунками. Спб. 1862 года. Цѣна 5 р., съ пер. 6 р.

СѢВЕРНОРУССКІЯ НАРОДОПРАВСТВА во времена Удѣльно-Вѣчеваго Уклада. Соч. Николая Костомарова. 2 тома. Спб. 1863 г. Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к.

ГРАФЫ НИКИТА И ПЕТРЪ ПАНИНЫ. Соч. Петра Лебедева. Спб. 1863 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 30 коп.

БОРЬБА ГРЕЦІИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ. Эпизодъ исторіи первой половины XIX вѣка. Е. Ѳеоктистова. Спб. 1863 года. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

МАРКИЗЪ-ДЕ-ЛА-ШЕТРАДИ ВЪ РОССІИ 1740—1742 годовъ. Переводъ рукописныхъ депешъ Французскаго посольства въ Петербургѣ издалъ съ примѣчаніями и дополненіями П. Пекарскій. Спб. 1862 г. Цѣна 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 50 к.

ПАРЛАМЕНТСКОЕ ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО. По Англійскимъ источникамъ. 2 выпуска. Спб. 1862 года. Цѣна каждому выпуску 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ИСТОРІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА отъ времени Вѣнскаго Конгресса Г. Гервинуса. Переведено подъ редакціей М. Антоновича изд. Бакста. 2 выпуска. Спб. 1862 года. Цѣна каждому выпуску 75 коп., съ пер. 1 р.

ДѢЛО ПАТРІАРХА НИКОНА. Историческое изслѣдованіе по поводу XI тома исторіи Соловьева. Съ приложеніемъ актовъ и бумагъ, относящихся къ этому дѣлу. П. Субботина. М. 1862 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ТРИ ЧЕЛОБИТНЫЯ СПРАВЩИКА Саватія Саввы Романова и монаховъ Соловецкаго монастыря. Спб. 1862 г. Цѣна 75 коп., съ пер. 1 р.

НАЧАЛО МІРА. Соч, Жувинеля. Переведено подъ редакціей П. А. Брюллова и А. Н. Матвѣева съ 125 политипажами. Спб. 1862 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ГЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ. Составилъ по порученію Географическаго Общества

дѣйствительный членъ Общества П. Семеновъ. Три выпуска Спб. 1862 г. Цѣна 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ КЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ. Для употребленія въ школѣ и дома. Бромме, 35 раскрашенныхъ и 1 черная таблица съ 700 рисунками и объяснительнымъ текстомъ, составленнымп Юл. Симашко. Спб. 1863 года. Цѣна 3 р. 50. к., съ пер. 4 р. 25 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ФИЗІОЛОГИЧЕСКОЙ ХИМІИ профессора химіи и Директора химической лабораторіи въ Эрлангенскомъ Университетѣ. Съ нѣмецкаго перевели Дерптскіе студенты А. Вилковъ и В. Манассеинъ. Выпускъ первый. Дерптъ 1862 года. Цѣна 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ 1813 года, за независимость Германіи, по достовѣрнымъ источникамъ; составлена по Высочайшему повелѣнію М. Богдановичемъ. Два большіе тома съ картами и планами. Спб. 1863 года. Цѣна 7 р. 50 к., съ пер. 10 р.

ИСТОРІЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 года. Сост. М. Богдановичемъ, 4 большіе тома, съ картамп и планами. Спб. 1861 г. Цѣна 10 р. съ пер. 13.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА ВЪ РОССІИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ. Изслѣдованія П. Пекарскаго. Два большіе тома. Спб. 1863 года. Цѣна 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ живаго великорусскаго языка В. Даля. Выпускъ 5-й. М. 1862 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 50. к. Тоже первые четыре выпуска. Цѣна по 1 р., съ пер. по 1 р. 50 к. за каждый.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ ШЕРА. Переводъ Пыпина. Она будетъ издана въ 3-хъ выпускахъ около 50 листовъ. Спб. 1863 года. Цѣна за полное изданіе 3 р., съ пер. 3 р. 75 к. Отдѣльно выпускъ первый. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер 1 р. 75 к.

СТИХИ ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО. 2 тома. Спб. 1862 года. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ГОРЕ ОТЪ УМА. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. Грибоѣдова. Полное иллюстрированное изданіе. М. 1863 года. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ПѢСНИ СКОРБНАГО ПОЭТА. Спб. 1863 года. Цѣна 50 к. съ пер. 75 к.

РУЧНАЯ КНИГА РУССКОЙ ОПЫТНОЙ ХОЗЯЙКИ, составленная изъ сорокалѣтнихъ опытовъ и наблюденій доброй хозяйки Русской. В. Авдѣевой. Въ трехъ частяхъ. Изданіе девятое. Съ 200 рисунками на семи листахъ. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

СЛОВО И ДѢЛО. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Ѳ. Н. Устрялова. Спб. 1863 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться на имя Алексѣя Ивановича Давыдова.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 1 февраля 1863 года.

БЕАТРИЧЕ ЧЕНЧИ

РОМАНЪ

ГВЕРРАЦЦИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА
1863

ОДОБРЕНО ЦЕНСУРОЮ.
Санктпетербургъ, январь, 1863 годъ.

БЕАТРИЧЕ ЧЕНЧИ.

БЫЛЬ XVI ВѢКА.

СОЧ. ГВЕРРАЦЦИ.

ГЛАВА I.

Франческо Ченчи.

Тотъ, кто съумѣлъ бы передать красками группу, ожидавшую Франческо Ченчи въ залѣ его дворца, создалъ бы что-то, если и не столь прекрасное, какъ *Мадона дела Седжіола* Рафаэля, то во всякомъ случаѣ нѣчто къ ней близкое. Молодая женщина лѣтъ двадцати сидѣла на ступеньчатомъ подоконникѣ высокаго окна, держа на груди ребенка; сзади стоялъ красивый молодой человѣкъ и любовался этою нѣжною картиной. Его руки, сложенныя какъ для молитвы, точно благодарили Бога за счастье, которое онъ послалъ ему. Выраженіе лица и глазъ показывали, что его волновали разомъ три чувства, дѣлающія изъ человѣка что-то почти божественное: сложенныя руки возносились къ Богу, взглядъ, исполненный нѣжности, обращался къ сыну, улыбка — къ женѣ. Молодая женщина, вся поглощенная материнскою заботливостью, не видѣла этой улыбки. Ребенокъ казался ангеломъ съ неба, заблудившимся на землѣ.

Въ другомъ концѣ залы, развалясь на скамьѣ, сидѣлъ человѣкъ, который какъ нельзя лучше могъ бы служить натурщикомъ Микель-Анджело. Лицо его едва виднѣлось изъ подъ широкихъ полей остро-

конечной шляпы. Длинная, сѣдая борода была всклокочена; кожа на лицѣ, подобная той, которую Іеремія оплакиваетъ у дѣтей Сіона, была темна и суха, какъ внутренность очага. Онъ былъ завернутъ въ широкій плащъ; ноги, сложенныя одна на другую, обуты въ сандали, какія обыкновенно носили крестьяне изъ римскихъ деревень. По всѣмъ вѣроятіямъ онъ былъ вооруженъ, но скрывалъ оружіе, потому что римскій дворъ, послѣ папы Сикста V, былъ очень строгъ съ тѣми, кто поступалъ вопреки запрещенію.

Двое молодыхъ людей ходили по залѣ то скорыми, то медленными шагами, мѣняясь словами иногда вслухъ, а иногда вполголоса. Лицо одного изъ нихъ было покрыто красными золотушными пятнами; изъ-за воспаленныхъ вѣкъ блестѣли чорные зрачки, въ которыхъ просвѣчивалась жестокость, смѣшанная съ чѣмъ-то, похожимъ на безуміе. Волосы рѣдкіе и торчащіе, испорченные зубы, приплюснутый носъ и отвисшія щеки придавали ему сходство съ лягавою собакою. Богатая одежда его была въ безпорядкѣ, засохшія губы произносили хриплымъ голосомъ гнусныя и буйныя слова. Такъ и видно было, что въ немъ таилось преступленіе, какъ волканъ, готовый извергнуться. Другой былъ блѣденъ и пріятной наружности: съ густыми, русыми кудрями, съ грустнымъ взглядомъ и медленной рѣчью. Разсѣянный, часто вздыхая, онъ останавливался, вздрагивалъ и внутреннее волненіе обнаруживалось трепетомъ верхней губы и дерганьемъ бакенбардовъ. Въ одеждѣ его все было изыскано. Увидѣвшій его сразу сказалъ бы: онъ вздыхаетъ отъ любви.

Тутъ былъ еще старый священникъ, который первый нарушилъ молчаніе, обратясь съ какимъ-то вопросомъ къ гайдуку, который стоялъ въ залѣ, и казалось уже готовъ былъ дать ему отвѣтъ, какъ вдругъ господинъ съ злодѣйскимъ лицомъ надменно позвалъ его:

— Камило!

Натура слугъ такова, что если у нихъ нѣтъ другихъ причинъ гнуть спину, то они слушаются тѣхъ, кто ими надменнѣе повелѣваетъ; и гайдукъ Камило, хотя онъ и далеко не былъ изъ самыхъ дурныхъ среди многочисленной, домашней прислуги, все-таки повернулся, точно на пружинѣ, спиною къ курату, и согнувшись въ три погибели, смиреннымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Эчеленца!

— Можетъ быть, благородный графъ дурно спалъ эту ночь?

— Не знаю, впрочемъ не думаю. На зарѣ пришли письма, большею частью изъ Испаніи и королевства;—можетъ быть, впрочемъ, и этого не знаю, можетъ быть онъ ихъ читаетъ теперь.

Въ эту минуту неистовый лай собаки оглушилъ присутствующихъ: не много погодя, двери изъ комнаты графа распахнулись отъ

сильнаго толчка, и изъ нихъ выбѣжала огромная собака, разъяренная и вмѣстѣ перепуганная.

Мужикъ, лежавшій у двери, вскочилъ на ноги, и высвободивъ руку изъ подъ плаща и выхвативъ широкій кинжалъ, длиною въ добрыхъ двѣ пальмы (*), приготовился къ защитѣ. Молодая мать прижала ребенка къ груди и закрывала его обѣими руками. Отецъ стоялъ передъ женою и сыномъ, чтобъ заслонить ихъ собою. Двое прогуливавшихся господъ посторонились съ приличною быстротою, въ которой виднѣлось и нежеланіе наткнуться на опасность, и въ тоже время нежеланіе показать страхъ передъ этой опасностью.

Разъяренное животное лаяло неистово.

Въ это время на порогѣ показался старикъ. Это былъ Франческо Ченчи.

Франческо Ченчи, латинская кровь котораго происходила отъ древнѣйшей фамиліи Чинчіа, считалъ между своими предками папу Іоанна X. Фамилія эта отличалась какъ древностью происхожденія, такъ и древностью злодѣяній.

Франческо Ченчи обладалъ большимъ богатствомъ, ежегодный доходъ его превышалъ сто тысячъ скудъ; въ тѣ времена это казалось несмѣтнымъ богатствомъ, да и въ наше время это считалось бы не малымъ. Наслѣдство это оставилъ ему отецъ, который завѣдывалъ церковной казной при Піѣ V; и въ то время, какъ послѣдній заботился объ очищеніи свѣта отъ ереси, старый Ченчи старался очистить казну отъ денегъ: оба были достойны другъ друга, каждый въ своемъ родѣ. О Франческо Ченчи трудно было и знать, что думать; можетъ быть ни объ одномъ другомъ человѣкѣ молва не была такъ разнорѣчива, какъ о немъ. Одни прославляли его за благочестіе, щедрость, доброту, великодушіе; другіе, напротивъ, говорили, что онъ скупъ, жестокъ и грубъ. Но дѣло въ томъ, что въ пользу обоихъ мнѣній можно было приводить доказательства. У него было нѣсколько тяжбъ, но изъ всѣхъ ихъ онъ выходилъ оправданнымъ. Многіе однако не довольствовались такимъ исходомъ и продолжали роптать, говоря, что еще до сихъ поръ не видѣли примѣра, чтобъ римскій судъ осудилъ когда нибудь людей, имѣющихъ сто тысячъ дохода. Но если жизнь его казалась таинственной публикѣ, то всѣ злодѣйства его были совершенно явны для его несчастной семьи, которая изъ чувства стыда, а еще болѣе изъ страха, не смѣла произнести о нихъ ни слова. Семья его слишкомъ хорошо знала, какимъ для него было наслажденіемъ изобрѣтать самыя ужасныя звѣрства, и чѣмъ они были страшнѣе, чѣмъ больше противъ нихъ было общественное мнѣніе,

(*) Пальма, итальянская мѣра, равняющаяся почти четверти аршина.

тѣмъ болѣе они приходились ему по душѣ. Всякая выдумка этого рода должна была тотчасъ и во что бы ни стало приводиться въ исполненіе,—все равно, нужно ли было для нея издержать огромныя деньги, сдѣлать пожаръ или нѣсколько убійствъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе (до такой наглости дошелъ онъ) вести подробный счетъ своимъ издержкамъ на злодѣйства; и въ его книгѣ *воспоминаній* были записаны слѣдующіе подвиги: *на бѣдствія и испытанія Тосканеллы 3300 цекиновъ, — это не дорого. На похожденія разбойниковъ въ Терни, 2000 цекиновъ,—это деньги брошенныя.* Разъѣзжалъ онъ всегда одинъ, верхомъ, и когда замѣчалъ, что лошадь уставала, бросалъ ее и покупалъ другую; если ему не соглашались продать, онъ бралъ силою и въ придачу еще надѣлялъ нѣсколькими ударами кинжала. Опасность отъ нападенія разбойниковъ не останавливала его нигдѣ, и онъ проѣзжалъ одинъ черезъ лѣса Сен-Жермано и Файолы; часто даже онъ отправлялся, ни мало не задумываясь, верхомъ изъ Рима въ Неаполь. Появленіе его въ какомъ нибудь мѣстѣ показывало, что произойдетъ навѣрное грабежъ, пожаръ, или убійство, или вообще какое нибудь большое бѣдствіе.

Онъ обладалъ замѣчательною силой и былъ очень ловокъ во всякого рода тѣлесныхъ упражненіяхъ; разсчитывая на это, онъ часто затѣвалъ ссоры со своими врагами, нанося имъ оскорбленія и насмѣшки; но враговъ открытыхъ у него было не много, потому что его очень боялись и раздумывали прежде, чѣмъ рѣшались сразиться съ нимъ. Онъ постоянно держалъ цѣлую шайку разбойниковъ; дворъ его палаццо былъ убѣжищемъ для всякаго рода злодѣевъ. Между жестокими римскими баронами онъ былъ самымъ жестокимъ.

Сикстъ V, римскій папа, пригласивъ какъ-то въ Ватиканъ синьоровъ Орсини, Колонна, Савели, графовъ Ченчи и другихъ, изъ числа самыхъ могущественныхъ вельможъ римскихъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ пріятной бесѣды съ ними, подошелъ къ открытому балкону и, обративши взоръ свой на лежащій у ногъ городъ, сказалъ присутствующимъ:

— Или зрѣніе мое помутилось отъ старости, или точно стѣны дворцовъ вашихъ, сіятельнѣйшіе вельможи, украшены какимъ-то страннымъ убранствомъ: подите узнайте, что это такое, и сдѣлайте одолженіе, дайте мнѣ знать.

Это были повѣшенныя тѣла разбойниковъ, укрывавшихся въ дворцахъ присутствовавшихъ вельможъ. Папа велѣлъ схватить ихъ и безъ всякой жалости повѣсить на зубчатыхъ стѣнахъ дворцовъ.

Франческо Ченчи, послѣ этого и нѣсколькихъ другихъ случаевъ, показавшихъ ему вполнѣ характеръ папы, счелъ болѣе удобнымъ

убраться подальше; и до самой смерти его оставался въ Рока-Петрела, прозванную Рока-Рибальда (*).

Ченчи былъ очень сильнаго сложенія и, не смотря на преклонныя лѣта, обладалъ вообще крѣпкимъ здоровьемъ, только правая нога у него болѣла и онъ хромалъ. Одаренный воображеніемъ и даромъ слова, онъ могъ бы пріобрѣсть славу замѣчательнаго оратора, будь другія времена, и не заскакивай его языкъ, при малѣйшемъ волненіи, между зубами, отчего голосъ его походилъ на звукъ воды, бѣгущей между каменьями. Наружность Ченчи далеко нельзя было назвать некрасивой; но при этомъ у него было такое злое выраженіе, что ему ни разу не удавалось внушить къ себѣ любви, рѣдко когда уваженіе, и слишкомъ часто ужасъ. За исключеніемъ волосъ, превратившихся изъ чорныхъ въ бѣлые, нѣсколькихъ морщинъ и цвѣта кожи, принявшей болѣе жолтый, жолчный оттѣнокъ, лицо его оставалось такимъ точно, какимъ было и въ молодости. Когда онъ бывалъ спокоенъ, на лбу его едва виднѣлась морщина, не та глубокая морщина, которую накладываетъ угрызеніе совѣсти или забота, но едва замѣтная, легкая черта, которую иногда робко проводитъ любовь своимъ крыломъ на челѣ отцвѣтающей красоты. Глаза его, обыкновенно грустные, оловяннаго цвѣта, какъ глаза разварной рыбы, безъ всякаго блеска, окаймленные сѣрыми кругами, и исполосанные кровяными, багровыми жилками, похожи были на трупъ въ свинцовомъ гробу. Тонкія губы терялись въ морщинахъ, покрывавшихъ щеки. Лицо это одинаково пристало бы святому и разбойнику; мрачное, неразгаданное, какъ сфинксъ, или какъ репутація самого графа Ченчи.

Кажется, я сказалъ уже довольно о его особѣ и его нравѣ. Ниже я постараюсь набросать психологическій этюдъ этой замѣчательной личности.

Наканунѣ, вечеромъ, графъ рано удалился на свою половину, не простившись ни съ женою, ни съ дѣтьми. Слугѣ своему, Марціо, когда тотъ, по обыкновенію, хотѣлъ ему прислужиться, онъ сказалъ:

— Ступай прочь; съ меня будетъ Нерона.

Неронъ былъ огромный и очень злой песъ. Ченчи далъ ему имя не столько въ память жестокаго императора, сколько потому, что слово это, на древнемъ, самнитскомъ языкѣ, означало: сильный или храбрый.

Улегшись, Ченчи началъ поворачиваться на кровати, потомъ стонать отъ нетерпѣнія; мало-по-малу нетерпѣніе перешло въ ярость, и онъ началъ ревѣть. Неронъ отвѣчалъ ему съ своей стороны тоже ре-

---

(*) Рибальда — разбойникъ.

вомъ. Не много погодя, графъ вскочилъ съ ненавистнаго пуховика и воскликнулъ:

— Пожалуй, отравили простыни!.. Тому былъ уже примѣръ, я читалъ въ какой-то книгѣ... Олимпія! А, ты у меня бѣжала, но я доберусь до тебя!.. Никто не долженъ миновать моихъ рукъ... никто!.. Что это за тишина кругомъ меня! Что за миръ во всемъ домѣ? Всѣ покоятся... значитъ я не тревожу ихъ?.. Марціо!

На зовъ тотчасъ прибѣжалъ слуга.

— Марціо, спросилъ графъ: — что дѣлаетъ семья?

— Всѣ спятъ.

— Всѣ?

— Всѣ, — такъ по крайней мѣрѣ кажется, потому что все тихо въ домѣ.

— И когда я не могу заснуть, въ моемъ домѣ осмѣливаются спать?.. Поди, посмотри, точно ли спятъ; послушай у дверей, особенно у Виргиліевой комнаты, задвинь потихоньку двери снаружи и возвращайся.

Марціо пошелъ.

— Этого я больше всѣхъ ненавижу, продолжалъ графъ: — подъ этой оболочкой невозмутимаго спокойствія кипитъ волна неповиновенія! Змѣя безъ языка, но не безъ яду! Когда я дождусь твоей смерти?

Марціо, вернувшись, объявилъ:

— Всѣ спятъ, и донъ Виргилій также; но сномъ тревожнымъ, сколько можно судить по лихорадочному дыханію.

— Ты заперъ его?

Марціо отвѣчалъ наклоненіемъ головы.

— Хорошо. Возьми это ружье, выстрѣли изъ него въ дверь Виргиліевой комнаты, и потомъ кричи во все горло: «огонь! огонь!» Вотъ я ихъ научу, какъ спать, когда я не сплю.

— Эчеленца...

— Что тебѣ?

— Я не скажу вамъ: сжальтесь надъ умирающимъ ребенкомъ...

— Продолжай...

— Да вѣдь этимъ подымешь тревогу въ цѣломъ околодкѣ.

Графъ, не смутившись ни на волосъ, сунулъ руку подъ подушку, вытащилъ оттуда пистолетъ и направилъ его на слугу; когда тотъ измѣнился въ лицѣ отъ страха, онъ мягкимъ голосомъ сказалъ ему:

— Марціо, если еще разъ, вмѣсто того, чтобъ повиноваться, ты вздумаешь противорѣчить мнѣ, я убью тебя, какъ собаку!.. Ступай!

Марціо пошелъ, болѣе чѣмъ медленно, исполнить приказаніе.

Невозможно описать ужаса, въ какомъ проснулись женщины и ребенокъ. Они вскочили съ постелей, кинулись къ дверямъ; но не имѣя

возможности открыть ихъ, начали кричать, умолять, чтобъ имъ сказали, что случилось, просить, ради Бога, чтобъ ихъ отперли и спасли отъ страшнаго безпокойства. Отвѣта не было. Выбившись изъ силъ, они бросились на постели, стараясь хоть въ тревожномъ снѣ найти себѣ отдыхъ.

Часа черезъ два графъ опять зоветъ лакея и спрашиваетъ:

— Что, свѣтло?

— Нѣтъ, ваше сіятельство.

— Отчего не свѣтло еще?

Марціо пожалъ плечами. Графъ покачалъ головой, какъ бы смѣясь самъ надъ своимъ вопросомъ:

— А скоро ли начнетъ свѣтать?

— Черезъ часъ.

— Черезъ часъ!.. Да вѣдь часъ, это вѣчность для того, кто не можетъ спать! О, мой... смотри, я чуть-чуть не прибавилъ — Богъ. Говорятъ, что сонъ спутникъ праведниковъ. Еслибъ это была правда, я бы долженъ спать, какъ спали семь спящихъ дѣвъ, — всѣ вмѣстѣ... Что же дѣлать теперь?.. А! употребимъ этотъ остатокъ ночи на какое нибудь похвальное дѣло; — займемся воспитаніемъ Нерона!

И онъ велѣлъ Марціо взять какую-то соломенную куклу и отнести ее въ залъ, куда выходили комнаты его жены и дѣтей; самъ онъ отвелъ Нерона въ другую комнату и сталъ дразнить и задорить его, потомъ, распахнувши вдругъ дверь въ залу, пустилъ его на соломенную куклу. Собака, не помня себя отъ ярости, прыгая и лая отчаянно, кидается на куклу и рветъ ее на клочки. Графъ находилъ особенную отраду, любуясь подвигами этого животнаго, и вотъ что говорилъ онъ Марціо:

— Это сынъ мой возлюбленный, и я воспиталъ его такъ, чтобъ онъ могъ защищать меня отъ враговъ и отъ друзей, въ особенности отъ моихъ возлюбленныхъ дѣтей; отъ жены, еще болѣе любимой, а также немножко и отъ тебя (и при этомъ онъ трепалъ его по плечу), мой вѣрнѣйшій Марціо.

Нагнавши такимъ образомъ страхъ и ужасъ на весь домъ, онъ вернулся въ свою комнату, гдѣ уже потребность самой натуры, побѣжденной усталостью, принудила его отдаться краткому и прерывистому сну. Когда онъ всталъ, лицо его было пасмурно.

— Я видѣлъ скверный сонъ, Марціо!.. Мнѣ снилось, что я обѣдалъ съ моими покойниками. Это означаетъ близкую смерть... Но прежде, чѣмъ я отправлюсь туда обѣдать, многіе, Марціо, очень многіе опередятъ меня, чтобъ приготовить мнѣ столъ.

— Ваше сіятельство, пришли письма изъ королевства съ нарочными...

Графъ протянулъ руку за ними. Марціо продолжалъ:

— И изъ Испаніи съ обыкновенной почтой; я ихъ положилъ въ кабинетѣ на бюро.

— Хорошо. Идемъ...

И поддерживаемый Марціо, сопровождаемый Нерономъ, старикъ отправился къ кабинету.

Великолѣпное августовское солнце едва всходило, золотя своими юными лучами лазуревый небосклонъ.

Графъ подошелъ къ балкону и, глядя на величественное свѣтило, бормоталъ какія-то таинственныя слова. Марціо, проникнутый радостью при видѣ этого великолѣпнаго неба и свѣта, не могъ удержаться, чтобъ не воскликнуть:

— Божественное солнце!

При этомъ возгласѣ, глаза графа, обыкновенно потухшіе, загорѣлись подобно молніи въ тучѣ, и онъ устремилъ ихъ на небо. Если правда, что Юліанъ-отступникъ бросилъ въ небо кровь, которая текла изъ его смертельной раны, то онъ долженъ былъ бросить ее именно такъ, какъ былъ брошенъ этотъ взглядъ, и съ такимъ же намѣреніемъ.

— Марціо, еслибъ солнце было свѣча, которую можно потушить, дунувши на нее, ты бы потушилъ ее?

— Я? Боже упаси, эчеленца! Я оставилъ бы его, пусть горитъ.

— А я такъ потушилъ бы!

Калигула желалъ, чтобъ у римскаго народа была одна голова, чтобъ отрубить ее однимъ ударомъ; графъ Ченчи желалъ уничтожить солнце.

Онъ сѣлъ къ письменной конторкѣ, развернулъ и прочелъ одно письмо, затѣмъ другое, третье, сперва спокойно, потомъ съ раздраженіемъ, и наконецъ всѣ они полетѣли въ сторону, сопровождаемыя бранными словами.

— Всѣ счастливы! О, Боже! ты это дѣлаешь, право, мнѣ на зло!

И, сжавши кулакъ, онъ опустилъ его изо всей силы. Случаю было угодно, чтобъ кулакъ попалъ прямо въ лобъ Нерону, который, поднявъ морду, слѣдилъ внимательными глазами за движеніями своего хозяина. Собака подскочила отъ злости и кинулась въ дверь, распахнула ее и скрылась, ворча и лая. Графъ принялся звать ее и наконецъ послѣдовалъ за нею, проговоривъ съ горькимъ смѣхомъ:

— Видишь, Марціо, будь это сынъ, онъ бы укусилъ меня!

ГЛАВА II.

Преступленіе.

Марціо пригласилъ господина съ краснымъ лицомъ войти въ кабинетъ къ графу, который ждалъ его, стоя, и только-что увидѣлъ его, поклонился съ большею любезностью, говоря:

— Добро пожаловать, князь: въ чемъ можемъ мы вамъ быть полезны?

— Графъ, мнѣ нужно поговорить съ вами, только тутъ есть лишній.

— Марціо, выйди.

Марціо, поклонившись, вышелъ. Князь пошелъ вслѣдъ за нимъ, чтобъ удостовѣриться, что онъ хорошо закрылъ дверь; задернулъ занавѣску и потомъ подошелъ къ графу, не мало удивленному всѣми этими предосторожностями. Графъ попросилъ его сѣсть и, не дѣлая ни малѣйшаго движенія, приготовился слушать.

— Графъ! теперь Катилина начнетъ свою исповѣдь. Но прежде всего скажу вамъ, что, уважая въ васъ человѣка съ сердцемъ и умомъ, могущаго помочь и совѣтомъ и рукою, я обращаюсь къ вамъ и за тѣмъ и за другимъ, и надѣюсь, что вы мнѣ не откажете.

— Говорите, князь.

— Моя безстыдная родительница, началъ князь тихимъ голосомъ: — своимъ развратомъ позоритъ домъ мой, и частію и вашъ, какъ состоящій въ родствѣ съ нашимъ. Года, вмѣсто того чтобъ потушить, разжигаютъ только въ ея старыхъ костяхъ позорное сладострастіе. Огромный доходъ, доставшійся ей по распоряженію моего глупаго отца, она расточаетъ съ своими гнусными любовниками. По всему Риму ходятъ на нее памфлеты. Я вижу насмѣшки на всѣхъ лицахъ; куда бы я ни пошелъ, я слышу оскорбительныя рѣчи... Кровь кипитъ въ моихъ жилахъ... Зло дошло уже до такой степени, что нѣтъ другаго средства, кромѣ... Ну, скажите мнѣ, графъ, что мнѣ дѣлать?

— Свѣтлѣйшая синьора Констанція ди-Санта-Кроче! Да въ своемъ ли вы умѣ?.. Полноте. Если вы это говорите, чтобъ посмѣяться, то я вамъ совѣтую выбирать шутки поприличнѣе; если же вы говорите серьёзно, то убѣждаю васъ, сынъ мой, не поддаваться искушеніямъ діавола, который, какъ отецъ лжи, смущаетъ умы коварными образами...

— Графъ, оставимте діавола въ покоѣ. Я могу доставить вамъ доказательства слишкомъ явныя и позорящія.

— Посмотримъ.

— Слушайте. Она оставляетъ меня, такъ сказать, по уши въ нищетѣ, между тѣмъ какъ она тратитъ всѣ доходы на гайдуковъ и лакеевъ и на цѣлую ватагу дѣтей ихъ, которые свили гнѣздо во дворцѣ не хуже ласточекъ. Меня она съ глазъ гонитъ; не хочетъ слышать обо мнѣ; — обо мнѣ, графъ, слышите, обо мнѣ, который бы и думать не посмѣлъ о томъ, что она дѣлаетъ, еслибъ она обращалась, какъ достойная мать съ достойнымъ сыномъ. И, чтобъ ужь сразу открыть вамъ все, вчера она выгнала меня изъ дому... изъ моего дворца... изъ дворца моихъ предковъ!..

— Дальше, есть еще что?

— Да развѣ этого мало?

— Мнѣ даже кажется слишкомъ много: и, по правдѣ сказать, я уже давно замѣтилъ, что княгиня Констанція питаетъ къ вамъ, прости ее Господи, естественную ненависть. Сегодня ровно недѣля съ тѣхъ поръ, какъ она мнѣ много говорила про васъ...

— Да?.. Что же говорила вамъ обо мнѣ эта несчастная?

— Подкладывать дрова на огонь — не христіанское дѣло, и потому я молчу.

— Теперь, графъ, пожаръ, зажженный вашими словами, такъ силенъ, что вы ужь немного можете прибавить; и съ вашимъ умомъ вы это легко поймете.

— Слишкомъ понимаю! И притомъ, мнѣ тяжело молчать, потому что мои слова могутъ послужить вамъ руководствомъ и не допустятъ васъ дурно кончить. Синьора Констанція объявила положительно, въ присутствіи нѣсколькихъ значительныхъ прелатовъ и римскихъ бароновъ, что вы будете позоромъ вашего рода; что вы воръ... убійца... и, пуще всего, лжецъ...

— Она сказала это?

И Санта-Кроче покраснѣлъ отъ бѣшенства, какъ раскаленный уголь; голосъ его дрожалъ.

— Кромѣ того, она говорила, что вы низкимъ образомъ проматываете все свое достояніе; что вы за деньги заложили ростовщикамъ-жидамъ вашъ дворецъ и что она должна была выкупить его изъ своего кармана, для того, чтобъ избѣжать стыда идти жить въ чужомъ наемномъ домѣ; она говорила, что не разъ платила ваши долги и что вы каждый день дѣлаете новые, еще большіе и худшіе; что вы отчаянный игрокъ; что нѣтъ той гадости, въ которую вы не влѣзли бы по уши; что вы отрицаете Бога и всякое уваженіе къ человѣчеству... Наконецъ, что, въ довершеніе всей гнусности вашего поведенія, вы

сдѣлались пьяницей, напиваясь до состоянія животнаго виномъ и водкой, и васъ часто приносятъ домой въ ужасномъ видѣ.

— Она сказала это?

— И что вы дошли до такой степени безстыдства, что васъ не удерживаетъ уваженіе ни къ матери, ни къ мѣсту, и вы приходите во дворецъ вашихъ знаменитыхъ предковъ въ сопровожденіи распутныхъ женщинъ; и къ этому она прибавила еще столько ужасовъ, что я краснѣю при одномъ воспоминаніи о нихъ...

— Моя мать?..

— Она даже прибавила, что, считая васъ положительно неспособнымъ исправиться, она рѣшилась, какъ ни тяжело это ея материнскому сердцу, прибѣгнуть съ просьбою къ его святѣйшеству, чтобъ онъ велѣлъ заключить васъ въ крѣпость, гдѣ вы кстати сдѣлаете визитъ императору Адріану. Клянусь честью, это значитъ быть заключеннымъ въ прекрасномъ обществѣ...

— Она это говорила?.. продолжалъ вопрошать удивленный князь, между тѣмъ какъ графъ отвѣчалъ ему тѣмъ же пронзительнымъ, раздражающимъ голосомъ:

— Или въ Чивита Кастелану... на вѣчное заточеніе.

— На вѣчное заточеніе!.. Именно такъ она и сказала, — на вѣки?

— И даже скоро... что она должна сдѣлать это, ради чтимой памяти своего знаменитаго супруга, ради своего свѣтлѣйшаго рода, благородныхъ родныхъ, своей совѣсти и Бога...

— Достойная мать! Ну, не добрая ли мать у меня?.. восклицалъ князь голосомъ, который онъ старался сдѣлать шутливымъ, хотя съ трудомъ могъ скрыть замѣтный страхъ. — А что отвѣчали прелаты?

— Эхъ! вы знаете притчу евангельскую? Дерево, не приносящее хорошаго плода, вырубается...

— Однако, я вижу, что надо торопиться болѣе, чѣмъ я думалъ. Графъ, дайте мнѣ совѣтъ... я не знаю, что мнѣ дѣлать... я въ отчаяніи...

Графъ покачалъ головой, и серьезнымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Здѣсь, у источника всѣхъ благъ, вы можете черпать ихъ полными ведрами. Обратитесь къ монсиньору Таверна, губернатору Рима, или даже, если у васъ много денегъ и мало смысла, къ знаменитѣйшему адвокату, синьору Просперо Фариназіо, который, за деньги, изготовитъ вамъ какое хотите блюдо.

— Горе мнѣ! у меня нѣтъ денегъ...

— Ну, безъ денегъ вы можете съ большимъ успѣхомъ обратиться къ колоссамъ Монте-Кавалло...

— И потомъ это было бы дѣло спорное, а мнѣ нужны средства, которыя бы не дѣлали шуму... и въ особенности средства скорыя.

— Въ такомъ случаѣ смиритесь и упадите къ ногамъ папы.

— Горькое разочарованіе! Папа Альдобрандино старый, фальшивый и упрямый человѣкъ, алчный къ пріобрѣтенію. Я боюсь его и готовъ скорѣе кинуться въ Тибръ, головою внизъ, чѣмъ обратиться къ нему.

— Да, началъ говорить графъ съ смущеннымъ видомъ и оставивъ ироническій тонъ: — теперь, какъ я подумалъ, я вижу, что это было бы и потерянное время, и потерянный трудъ. Послѣ важной ошибки, которую онъ сдѣлалъ, принявъ сторону моей непокорной дочери противъ меня, онъ вѣрно сдѣлался менѣе доступнымъ къ жалобамъ дѣтей на родителей. Римъ процвѣталъ до тѣхъ поръ, покуда отецъ имѣлъ право на жизнь и смерть своей семьи.

— Такъ что же?.. спросилъ Санта Кроче, смущенный этой неожиданной выходкой, отъ которой у него опустились руки съ отчаянія.

Графъ Ченчи, сожалѣя о своей неумѣстной вспышкѣ, поспѣшилъ отвѣтить:

— О! для васъ совсѣмъ другое дѣло.

Санта Кроче, утѣшенный этими словами и еще болѣе отеческимъ взглядомъ, который обратилъ на него графъ, придвинулъ стулъ и вытянувши впередъ голову, началъ говорить на ухо шопотомъ:

— Я слышалъ... и остановился; но графъ ободрялъ его, подсмѣиваясь.

— Ну, сынъ мой, продолжайте!

— Мнѣ говорили, графъ, что вамъ, какъ человѣку осторожному, всегда удавалось... когда кто нибудь докучалъ вамъ, избавиться отъ этого бѣльма въ глазу съ удивительною ловкостью. Какъ человѣку свѣдущему въ естественныхъ наукахъ, вамъ вѣроятно не безъизвѣстны свойства нѣкоторыхъ травъ, которыя отправляютъ въ царство мертвыхъ не мѣняя лошадей и, что въ особенности важно, не оставляя никакихъ слѣдовъ на большой дорогѣ.

— Разумѣется, травы имѣютъ чудесныя свойства; но въ чемъ онѣ вамъ могутъ помочь, я рѣшительно не понимаю.

— Что касается до этого, то вамъ надо знать, что свѣтлѣйшая княгиня Констанція имѣетъ обыкновеніе пить на ночь какую-то травку для того, чтобъ имѣть хорошій сонъ...

— Прекрасно...

— Вы понимаете, что весь вопросъ въ томъ, короткій или долгій сонъ; дактиль или спондей, пустяковина; право—простое слогоударе-ніе.—Говоря это, извергъ принуждалъ себя смѣяться.

— Господи, буди милость твоя на насъ!.. Отцеубійство, такъ, для начала. Хорошъ первый опытъ, чортъ возьми! Злополучный человѣкъ! да подумали ли вы, что дѣлаете?

Князь, стараясь казаться твердымъ, отвѣчалъ:

— Что касается до того, думалъ ли я, то этимъ не стѣсняйтесь, потому что я объ этомъ думалъ разъ тысячу; что же до перваго опыта, то надо вамъ знать, что это вовсе не первая проба.

— Я повѣрю вамъ, если вы даже и не побожитесь: въ такомъ случаѣ придвиньтесь и мы обсудимъ этотъ предметъ. Искусство составлять яды уже теперь не процвѣтаетъ, какъ въ былое время: большее число удивительныхъ ядовъ, извѣстныхъ нашимъ предкамъ, исчезло. Флорентинскіе князья Медичи трудились очень похвально надъ этой важной отраслію человѣческаго знанія; но если мы возьмемъ въ соображеніе всѣ издержки, то польза была незначительна. Вотъ напримѣръ aqua tofana; она никуда не годится для хорошаго дѣла: волосы падаютъ, ногти отскакиваютъ, портятся зубы, кожа отстаетъ клочками и все тѣло покрывается багровыми болячками — итакъ, вы видите, она оставляетъ послѣ себя слишкомъ явныя и продолжительныя улики. Ее прежде часто употребляли. Что до меня, то я снимаю шапку передъ Александромъ Великимъ: мечемъ разрубается всякій гордіевъ узелъ, и главное — сразу...

— Мечъ! Развѣ онъ не оставляетъ слѣдовъ?

— Да кто же вамъ совѣтуетъ скрывать смерть донны Констанцы? Вы, напротивъ, должны объявить о ней и говорить открыто, что вы ея виновникъ.

— Графъ, вы смѣетесь...

— Я не смѣюсь; напротивъ, я говорю совершенно серьезно. Вы развѣ никогда не читали исторіи, по крайней мѣрѣ римской? Да, вы читали. Ну, хорошо; на какого чорта вы читаете книги, если вы изъ нихъ не извлекаете ту пользу, чтобъ умѣть себя хорошо вести въ свѣтѣ? Вспомните угрозу Тарквинія Лукреціи: онъ обѣщалъ убить ее, если она не отдастся ему; и бросивши къ ней на ложе зарѣзаннаго раба, объявилъ, что она погибла отъ заслуженныхъ терзаній за оскорбленіе, нанесенное родителю, пала жертвою оскверненія святости законовъ, — и много еще разныхъ фразъ, которыя говорятъ въ подобномъ случаѣ. Такъ и вамъ надо сдѣлать. Важность проступка извиняетъ убійство.

— Я однакожь не знаю, отвѣтилъ князь съ замѣтнымъ смущеніемъ. — Нѣтъ... я не хочу подвергаться опасности дѣлать это открыто, еслибъ даже и могъ...

— Скажите лучше, прервалъ его графъ, коварно улыбаясь: — скажите лучше, что преступленія вашей матери существуютъ только въ вашемъ воображеніи и что они вамъ нужны для того, чтобъ отъискать въ другихъ грѣхи, которые бы извинили ваши собственные. Признайтесь, что васъ побуждаетъ пуще всего желаніе получить ско-

рѣе доходы вашей матери. И за это я не могу винить васъ, потому что знаю, какъ родители распинаютъ сыновей своихъ, если не гвоздями, то долгами; но я виню васъ за то, что вы вздумали издѣваться надъ бѣднымъ старикомъ и хитрить со мною...

— Графъ, клянусь вамъ честью...

— Замолчите съ вашими клятвами; ужь это мое дѣло вѣрить или не вѣрить; а по мнѣ клятвы все равно что подпорки у домовъ — вѣрный признакъ, что домъ обрушится: однимъ словомъ, вамъ я не вѣрю и безъ клятвъ, а съ клятвами и того менѣе.

— Ради Бога не отталкивайте меня! проговорилъ Санта-Кроче такимъ униженнымъ голосомъ, что Ченчи показалось, будто онъ уже достаточно вытрясъ пороковъ изъ этого мѣшка, и потому, желая прекратить разговоръ, онъ съ надменнымъ смѣхомъ отвѣтилъ:

— Сказать вамъ правду, я не могу дать вамъ путнаго совѣта. Я, помнится, читалъ гдѣ-то, какъ въ былое время въ одномъ подобномъ случаѣ съ успѣхомъ было употреблено слѣдующее средство. Ночью была приставлена къ стѣнѣ дворца лѣстница, какъ разъ подъ окномъ спальни той особы или тѣхъ особъ, которыхъ желали убить; потомъ исчезли или были тщательно истреблены нѣкоторыя золотыя и серебряныя вещи и разныя мелочи для того, чтобъ заставить думать, что убійство было сдѣлано вслѣдствіе воровства; наконецъ окно было оставлено открытымъ, какъ будто изъ него выскочили воры. Такимъ образомъ было удалено всякое подозрѣніе отъ того, кому эта смерть была особенно полезна. Но онъ и этимъ не удовольствовался и захотѣлъ заслужить славу строгаго мстителя пролитой крови: началъ осаждать судей, чтобъ они нарядили самое строгое разслѣдованіе; не переставалъ жаловаться на равнодушіе суда, и наконецъ обѣщалъ награду въ двадцать тысячъ дукатовъ тому, кто тайно или явно изобличитъ виновнаго. Вотъ такъ-то умѣли вô время и съ полнымъ спокойствіемъ духа пользоваться наслѣдствами умершихъ.

— А! воскликнулъ Санта Кроче, ударивъ себя рукою по лбу: — вы достойнѣйшій человѣкъ, графъ! Я готовъ быть вашимъ рабомъ и сидѣть на цѣпи, если вы того потребуете! Знаете ли, что это именно то средство, какое мнѣ нужно! Но это еще не все: вы бы довершили ваше благодѣяніе и сдѣлали бы меня безгранично признательнымъ, еслибъ согласились вызвать изъ Рока Петрелла одного изъ этихъ храбрецовъ, которымъ вы поручаете подобныя дѣла...

— Какія дѣла? о какихъ храбрецахъ вы бредите? Мотокъ вашъ, — вамъ и искать конецъ, чтобъ распутать его; смотрите только, чтобъ нитка не перерѣзала вамъ пальцы. Смотрите, мы съ вами не видались и не должны больше видѣться. Съ этой минуты я умываю руки, какъ

Пилатъ. Прощайте, донъ Паоло. Все, что я могу сдѣлать для васъ и что сдѣлаю, это пожелать вамъ хорошаго успѣха.

Графъ всталъ и простился съ княземъ; покуда онъ съ любезностью провожалъ его до двери, у него въ головѣ вертѣлись мысли въ родѣ слѣдующихъ: «вѣдь есть же люди, которые говорятъ, будто я не помогаю ближнему! Клеветники! Возможно ли дѣлать больше меня. Сосчитаемъ-ка, сколько людей получатъ поживу теперь изъ-за меня...»

Дойдя до двери, графъ открылъ ее, и провожая князя съ своей обыкновенной привѣтливостью, прибавилъ отеческимъ голосомъ:

— Прощайте, донъ Паоло, еще разъ желаю вамъ всего лучшаго.

Куратъ, услышавъ эти слова, прошепталъ тихимъ голосомъ:

— Какой достойный синьоръ! И какъ сейчасъ видно, что говоритъ отъ души.

ГЛАВА III.

Похищеніе.

Графъ бросилъ взглядъ въ залу и, увидѣвъ тамъ еще одного гостя, который былъ почетнѣе курата, произнесъ:

— Милости просимъ, герцогъ...

Гость съ блѣднымъ лицомъ вошелъ въ комнату, какъ потерянный: онъ или не слышалъ, или не хотѣлъ принять вѣжливаго приглашенія графа садиться. Одной рукой онъ оперся на конторку, какъ человѣкъ, у котораго кружится голова, и изъ груди его вырвался глубокій продолжительный вздохъ.

— Какіе вздохи! Что у васъ за горести? спросилъ графъ льстивымъ голосомъ. — Какъ въ ваши лѣта у васъ достаетъ времени быть несчастливымъ?

Герцогъ голосомъ похожимъ на тихое журчанье воды, могъ только отвѣтить:

— Я влюбленъ.

А графъ, чтобъ ободрить его, весело прибавилъ:

— Такъ и должно быть въ ваши лѣта, сынъ мой; и вы прекрасно дѣлаете: любите всею душою и даже всѣмъ тѣломъ: вы молоды и красивы. Если вамъ не быть влюбленнымъ, то кому же и влюбляться? Ужь не мнѣ ли? Посмотрите, года посыпаютъ мнѣ волосы снѣгомъ и сжимаютъ сердце льдомъ. Вамъ говорятъ о любви и небо и земля; вамъ вся природа говоритъ — любите:

> Ручьи о любви говорятъ, и зефиръ, и деревья,
> И птицы, и рыбы, цвѣты и растенья,
> И хоромъ твердятъ, чтобъ я вѣчно любилъ, —

пѣлъ сладостный голосъ Франческо Петрарка. — Полноте, молодой человѣкъ, развѣ этого можно стыдиться? Проповѣдуйте о ней съ каѳедры, кричите о ней на крышахъ; что за хорошая, право, вещь любовь! Петрарка былъ человѣкъ серьезный, каноникъ, и не стыдился сознаваться, что двадцать лѣтъ горѣлъ любовью къ Лаурѣ во время ея жизни, и десять лѣтъ послѣ того, какъ она улетѣла на небо. Святая Терезія была помилована, потому что много въ свою жизнь любила; а иные говорятъ, что и слишкомъ много. Та же самая святая считала дьявола несчастнымъ;—и знаете почему? потому что онъ не можетъ любить. Стало быть, любите! дѣйствуя иначе, вы оскорбляете природу, которая, какъ вы знаете, есть старшая ея дочь.

Молодой человѣкъ закрылъ лицо руками и, испустивъ протяжный вздохъ, воскликнулъ:

— Ахъ, моя любовь безнадежна!..

— Не говорите этого; самыя двери ада не безнадежны. Обсудимъ. Не влюбились ли вы, чего добраго, въ чужую жену? Тогда бѣда, потому что встрѣчается преграда, и даже двѣ: первая — мужъ, вторая — заповѣди.

— О, нѣтъ, графъ, моя любовь законна.

— Такъ въ такомъ случаѣ женитесь...

— Богу извѣстно, какъ я желалъ бы это сдѣлать; но, увы! такое счастье для меня невозможно.

— Ну, такъ не женитесь.

— Дѣвушка, которую я люблю, къ сожалѣнію, болѣе низкаго происхожденія, чѣмъ мнѣ хотѣлось бы; но когда посмотришь на чудную прелесть ея формъ, а еще больше, когда узнаешь возвышенность ея души, то видишь, что она достойна короны...

— «То царская душа, достойнѣйшая власти», сказалъ Франческо Петрарка; и если такъ, то женитесь на ней.

— Когда тѣло мое превратится въ прахъ, самая тѣнь моя не разстанется съ этой любовью во вѣки.

— Какой срокъ назначаете вы для этой вѣчности? У женщинъ, по самымъ вѣрнымъ изслѣдованіямъ, вѣчная любовь длится цѣлую недѣлю; у нѣкоторыхъ, но это рѣдко, она еще продолжается кое-какъ до втораго понедѣльника, но не больше.

Молодой человѣкъ былъ до того поглощенъ своею любовью, что только теперь замѣтилъ, какъ донъ Франческо издѣвается надъ нимъ; лицо его разгорѣлось отъ стыда, и онъ съ досадою отвѣтилъ:

— Графъ, вы оскорбляете меня; я надѣялся найдти добрый совѣтъ; — я ошибся — виноватъ, и онъ сдѣлалъ движеніе, чтобъ уйдти. Но графъ, удерживая его, ласковымъ голосомъ произнесъ:

— Останьтесь, пожалуйста, герцогъ; я хотѣлъ испытать васъ:

теперь я слишкомъ убѣдился, что вы пламенно любите и что ваша любовь роковая. Откройте мнѣ вашу душу; я съумѣю принять въ васъ участіе и могъ бы даже помочь вамъ. Я похоронилъ свои страсти; шестьдесятъ или болѣе лѣтъ, какъ проводилъ ихъ до могилы и пропѣлъ имъ вѣчную память. Для меня любовь—воспоминаніе, для васъ—надежда, для меня пепелъ, для васъ распускающаяся роза; но не смотря на это, сердце мое узнаетъ признаки старинной любви и, говоря со мною о вашихъ чувствахъ, вы можете смѣло повторить стихи Петрарки:

Числомъ поболѣе и поизящнѣй складомъ.

Графъ Ченчи, несмотря на свои увѣренія, продолжалъ насмѣхаться. Не менѣе того, трудно было отгадать: серьезно онъ говоритъ, или смѣется, потому что лицо его было совершенно серьезно, и только глаза щурились и покрывались кругомъ цѣлою сѣтью морщинъ, да вѣки слегка вздрагивали: графъ смѣялся не ртомъ, а глазами, какъ ехидна.

— Дѣвушка, которую я люблю, живетъ въ домѣ Фальконьери. Кто ея родители, я не знаю; только несмотря на то, что всѣ въ домѣ обращаются съ нею, какъ съ любимою родственницею, она должно быть низкаго происхожденія. Увы! когда я въ первый разъ увидѣлъ ее въ церкви, во всей красотѣ невинности и прелести, я лишился сна: всякая другая женщина мнѣ казалась безобразною и достойною презрѣнія.

— Боже! говорите тише, герцогъ; бѣда намъ, если наши гордыя римскія барыни услышатъ васъ. Онѣ бы сдѣлали изъ васъ второе изданіе Орфея, — изорваннаго въ клочки вакханками, съ примѣчаніями и приложеніями.

— Считая легкою побѣду надъ нею, продолжалъ воодушевившійся молодой человѣкъ:—и Богу извѣстно, какъ я въ этомъ раскаяваюсь, я не пренебрегъ тѣми недостойными средствами, которыя употребляются обыкновенно въ дѣло, чтобъ достигнуть цѣли любовныхъ желаній. Горе мнѣ! Эти-то средства вѣроятно и сдѣлали меня ей противнымъ и ненавистнымъ. Кто знаетъ, можетъ она теперь ненавидитъ меня!.. И онъ остановился, чтобъ удержать рыданія; потомъ тихимъ голосомъ продолжалъ: — чѣмъ должны были звучать мои безчестныя предложенія въ ушахъ этой цѣломудренной дѣвушки!

Графъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на него и думалъ: «такого новичка я въ жизнь свою не видѣлъ.»

— Фальконьери, продолжалъ герцогъ: — велѣли предупредить меня, чтобъ я бросилъ привычку ходить у нихъ подъ окнами, потому

что жениться на этой дѣвушкѣ я не могу, а она не изъ тѣхъ, которыя захотѣли бы сдѣлаться моей любовницей.

— Ну чтожь вы?

— Я рѣшился просить ея руки...

— Другаго средства нѣтъ; я сдѣлалъ бы то же самое.

— Мои родные, узнавъ о моемъ намѣреніи, напустились на меня, точно я затѣвалъ святотатство; кто началъ мнѣ говорить, что это оскорбленіе для благородной крови, кто, что я запятнаю этимъ свой дворянскій родъ; одни стали пугать меня презрѣніемъ всѣхъ родныхъ, другіе ненавистью друзей; словомъ, отъ всего этого у меня голова пошла кругомъ и я чуть съ ума не сошелъ.

— Ну, да это дѣло серьезное; я на ихъ мѣстѣ говорилъ бы то же самое.—Впрочемъ *всякое неравенство сравнено съ любовью*, говоритъ поэтъ. Что-то подобное воспѣвалъ со своею обычною прелестью Торквато Тассо въ своей пасторальной сказкѣ: помните, герцогъ?

— Боже мой! могу ли я что нибудь помнить? У меня нѣтъ больше ни памяти, ни разсудка, ничего. Ради Бога, добрѣйшій графъ, у васъ такъ много ума и опытности, укажите мнѣ какое нибудь средство отъ моихъ страданій!

— Помилуйте меня, мой милый, сказалъ графъ, фамильярно кладя ему руку на плечо. — Вы правы...

— Да?..

— Но и ваши родные не виноваты. Вы правы въ томъ отношеніи, что дымъ знатности не стоитъ дыма трубки. Ваши родные также не виноваты, потому что они вѣроятно видятъ, также какъ и я вижу, во всемъ этомъ коварство женщины, которая идетъ на проломъ, по собственному желанію, или по наущенію другихъ. Не сердитесь, герцогъ, вы пришли вопрошать оракула и должны слушать его отвѣты, еслибъ они были даже и непріятны. То, что вамъ кажется естественною недоступностью, по мнѣ ничто другое, какъ обдуманное отталкиванье, основанное на убѣжденіи, что преграды разжигаютъ страсть. Такъ какъ запрещенныя яства возбуждаютъ въ насъ еще большій апетитъ, такъ точно и она расчитываетъ, что сила вашей любви повергнетъ васъ туда, гдѣ ей хочется васъ видѣть. Однимъ словомъ, тутъ видна сѣть, закинутая въ страсть, которою вы сгараете. Любовь—человѣческое чувство; но поддаваться слѣпымъ движеніямъ души достойно животныхъ. Когда я былъ молодъ, люди не были такъ щекотливы. Молодой человѣкъ вашихъ лѣтъ, знатнаго рода, какъ только, бывало, ему понравится какая нибудь смазливенькая плебейка, соблазнялъ ее деньгами. Если она не соглашалась, а это, могу васъ увѣрить, случалось очень рѣдко, по крайней мѣрѣ въ мое время, — онъ

просто похищалъ ее. Если ея родные роптали, онъ бросалъ имъ горсть золота и они умолкали; потому что народъ лаетъ, какъ Церберъ, для того, чтобъ получить что нибудь. Когда красавица надоѣдала ему, а это случалось часто, ее выдавали замужъ съ небольшимъ приданнымъ; и въ женихахъ не бывало недостатка; во-первыхъ, потому что я не вижу, что можетъ быть унизительнаго для этихъ жениховъ, если ихъ невѣста удовлетворитъ прихоти дворянина; и во-вторыхъ, потому что губы отъ поцалуевъ не изнашиваются, а напротивъ только обновляются, какъ мѣсяцъ...

Герцогъ выразилъ невольный ужасъ. Графъ не смутился и только болѣе настаивалъ:

— Нѣтъ, сынъ мой, не пренебрегайте совѣтами стариковъ: я побольше вашего видѣлъ дѣлъ на свѣтѣ и знаю, какъ они дѣлаются. Послушайтесь меня: я вамъ предлагаю золотое средство. Во-первыхъ, овладѣйте вполнѣ дѣвушкою, и въ этомъ все, или по крайней мѣрѣ главная доля успѣха, — съ этимъ и вы должны согласиться; потомъ, если это вамъ удастся, обвѣнчайтесь съ нею преспокойно, — и покойной вамъ ночи — будьте счастливы. Если вы можете обойти этотъ подводный камень, женитьбу, то старайтесь всѣми силами обойти его; потому что, по моему убѣжденію, бракъ есть могила любви. Брачное да, это первый крикъ гименея и въ то же время послѣдній вздохъ: агонія любви, бракъ зарождается отъ любви такъ точно, какъ уксусъ отъ вина. Вы избѣгнете сверхъ того негодованія родныхъ и говора свѣта, а это не малый выигрышъ. Вы можетъ быть скажете мнѣ, что все это не болѣе, какъ укушеніе комара, и я съ вами согласенъ; но когда на васъ налетятъ тысячи комаровъ, они изуродуютъ вамъ лицо, клянусь вамъ Богомъ; а вы не рѣшитесь даже жаловаться на эти смѣшныя раны, которыя не менѣе того мучительны; всѣхъ этихъ непріятностей благоразумный человѣкъ, если только можетъ, всегда постарается избѣжать.

— Нѣтъ, графъ, нѣтъ; я скорѣй готовъ проколоть себѣ сердце ножомъ...

— Не спѣшите съ дурными намѣреніями; раздѣлаться съ собою всегда будетъ время. Прежде чѣмъ избирать себѣ лекарство, обсудите хорошенько болѣзнь. Вы видите, мое предложеніе представляетъ вамъ два разныхъ выхода, и въ то же время два средства рѣшить вопросъ. Дѣйствуйте же сообразно съ обстоятельствами и руководствуясь тѣмъ здравымъ смысломъ, которымъ вы обладаете.

— А если она меня возненавидитъ?

— Вспомните стрѣлу Ахиллеса. Она залечивала раны, которыя наносила: такъ и любовь залечиваетъ раны любви; а у красоты рука щедра, чтобъ отпускать грѣхи, которые дѣлаются ради ея. Проститъ,

не бойтесь, простить; что вы думаете, что свѣтъ пойдетъ на выворотъ? Не садитесь на вѣтку, какъ перелетныя птицы. Женщины, чаще чѣмъ вы думаете, пугаютъ полиціей, чтобъ испытать храбрость любовника. Въ Спартѣ для того, чтобъ имѣть жену, надо было похитить ее; и я не нашелъ ни у одного изъ историковъ жалобъ на это со стороны женъ. Ерсилія небось не любила Ромула? Намъ ли римлянамъ пугаться похищенія, когда мы сами родились отъ похищенныхъ сабинянокъ?

Смущенный юноша, сбитый съ толку всѣми этими доводами, находился въ положеніи человѣка, котораго тащутъ внизъ по скользкой горѣ.

Алчность всегда ходитъ съ карманами, набитыми ватой для того, чтобъ затыкать ею уши совѣсти и не давать слышать своихъ собственныхъ воплей. Въ порывѣ страсти, молодой человѣкъ безсознательно воскликнулъ:

— Какъ же мнѣ поступить? Я не гожусь на это. Я не знаю, съ чего начать. Гдѣ найдти людей, которые бы рѣшились изъ-за меня на такое роковое дѣло?

Графъ подумалъ, что не подать помощи молодому человѣку, значитъ бросить его посреди дороги; притомъ же у него въ головѣ мелькнула и другая мысль, которая заставила его присовокупить:

— Для чего жь друзья на свѣтѣ? Въ этомъ дѣлѣ я могу услужить вамъ, если только меня не обманули глаза. Говоря это, онъ подошелъ къ двери залы, открылъ ее и позвалъ:

— Олимпій!

Подобно тому, какъ гончая собака подымаетъ морду на зовъ охотника, мужикъ вскочилъ на ноги и, съ грубою фамильярностью, отвѣтилъ:

— А-га, Эчеленца! вы вспомнили наконецъ, что я существую на этомъ свѣтѣ и, ворча себѣ подъ носъ прибавилъ: — навѣрное хочетъ отправить кого нибудь на тотъ свѣтъ.

— Поди сюда.

Когда Олимпій вошелъ въ комнату, чувство порабощенія, которое овладѣваетъ и самыми наглыми плебеями, при видѣ богатаго убранства господскихъ палатъ, заставило его снять шляпу, при чемъ его черные густые волосы разсыпались по плечамъ и смѣшались съ бородою, сдѣлавъ его похожимъ на аллегорическое изображеніе рѣки, увѣнчанной тростникомъ. Его рѣзкія черты лица казались выточенными изъ камня; впалые глаза, налитые кровью, съ торчащими надъ ними бровями, болѣе всего походили на волковъ въ берлогахъ; голосъ у него былъ хриплый и рѣзкій.

— Вы все еще живы, а? смѣясь, спросилъ его графъ.

— Э! это просто чудо. Послѣ послѣдняго убійства, которое я сдѣлалъ для вашего сіятельства...

— Что ты бредишь, Олимпій? О какихъ тамъ убійствахъ? или объ убійствахъ тебѣ снится?

— Мнѣ снится? по вашему приказанію и за ваши деньги, и ударивъ своей огромной рукой по конторкѣ онъ прибавилъ: — вотъ здѣсь вы мнѣ отсчитали золотомъ триста дукатовъ, и это было не много; — но такъ и быть, я ими удовольствовался, и объ этомъ и говорить нечего. Коли мало взялъ, мой и убытокъ. Здѣсь...

Но графъ и руками и глазами дѣлалъ ему знаки, чтобъ онъ перестанъ говорить объ этомъ непріятномъ предметѣ.

— А! такъ это другая пара рукавовъ, продолжалъ невозмутимо мужикъ:—вамъ было предварить меня во время. Я думалъ, что мы между своими, донъ Франческо; виноватъ. Когда я возвращался въ свои горы, полицейскій обвился около меня крѣпче моего пояса, шея моя чаще чувствовала веревку, чѣмъ губы фульету (*), всѣ деревья мнѣ казались похожими на висѣлицы. Теперь въ этомъ платьѣ я самъ почти не узнаю себя; потому-то я и рѣшился вернуться, потому что бездѣйствіе-то и есть, изволите ли видѣть, отецъ всѣхъ пороковъ: а мнѣ больше нечего было дѣлать — и я даже сталъ было работать. Если въ теченіе этого времени у кого нибудь изъ враговъ вашихъ выросло лишнее горло, которое вы не желали бы, чтобъ онъ имѣлъ, мы налицо за приказаніями вашего сіятельства.

И правой рукой онъ горизонтально дотронулся до горла.

— Ты поспѣлъ, можно сказать, такъ же во время, какъ кизилъ въ октябрѣ; и я намѣренъ употребить тебя, чтобъ поднять соломенку, такъ какъ бревна теперь нѣтъ на рукахъ; — повторяю, что это почти ничего, почти роскошь твоего ремесла, такъ только для того, чтобъ тебѣ войти въ колею.

— Посмотримъ, что такое. И разбойникъ усѣлся съ той ужасной фамильярностью, которая возникаетъ только между участниками въ преступленіи. Онъ положилъ ногу на ногу, облокотился на поднятое колѣно и подперши рукою голову, съ закрытыми глазами, отвислою нижнею губой, казалось весь превратился во вниманіе.

— Этотъ молодой человѣкъ, который никто другой, какъ свѣтлѣйшій герцогъ Альтемсъ, началъ донъ Франческо.

— Хорошо! промолвилъ разбойникъ, не открывая глазъ и сдѣлавъ едва примѣтное движеніе головою.

— Страстно влюбился въ одну дѣвушку...

(*) *Фульета* — стклянка, въ которой продается вино.

— Изъ нашихъ, или вашихъ?

— А почемъ я знаю? горничная...

— Ни ваша, ни наша; замѣтилъ Олимпій, съ пренебреженіемъ пожавъ плечами.

— Удостоенная любви, она осмѣливается оставаться непреклонною. Ее покровительствуютъ Фальконьери, у которыхъ еслибъ было столько родовыхъ земель, сколько надменности, то намъ осталось бы сѣять въ морѣ. Она живетъ у нихъ въ домѣ и это придаетъ ей храбрости; можетъ быть, и даже безъ всякихъ «можетъ быть», а навѣрное тутъ должна быть какая нибудь связишка съ прелатомъ, но у меня нѣтъ ни охоты, ни времени удостовѣриться въ этомъ; какъ бы то ни было, все это служитъ помѣхой герцогу...

— Кто меня зоветъ? спросилъ герцогъ, какъ бы просыпаясь.

— Бѣдный молодой человѣкъ; посмотри, какъ его отдѣлали, страсть! Бьюсь объ закладъ, что вы не слышали ни одного слова изъ всего нашего разговора съ Олимпіемъ?

Герцогъ покраснѣлъ и опустилъ голову.

— Однимъ словомъ, Олимпій, ты долженъ ее украсть и привесть куда тебѣ укажутъ.

— Другихъ приказаній не будетъ, эчеленца?

— Покуда нѣтъ. Тебѣ надо пробраться во дворецъ; и если не будетъ возможности сдѣлать это иначе, то проломай дверь или рѣшетку у нижняго окна. Еслибы и это не удалось, то пусти въ ходъ веревочную лѣстницу...

— Успокойтесь; вы заботитесь о томъ, чтобъ въ Терачинѣ были лихорадки (*). Съ вашего позволенія, башмашнику не учиться шить башмаки. Я эти вещи хорошо знаю и безъ васъ, и еще много другихъ, которыхъ вы не знаете. Дайте сосчитать: одинъ, два, три, мнѣ надо четырехъ человѣкъ.

— Они будутъ...

— Намъ нужны пистолеты и лошади. Сколько вы рѣшились издержать на это предпріятіе?

— Да что, будетъ съ тебя пятисотъ дукатовъ?

— Нѣтъ, синьоръ, мало. Надо заплатить людямъ, да оружіе и лошади стоятъ денегъ, и мнѣ останется сущій пустякъ.

— Ну, хорошо; за этимъ дѣло не станетъ. Восемсотъ дукатовъ, кромѣ благодарностей и большихъ милостей, на которыя ты можешь отъ меня разсчитывать...

— Я велю изготовить телегу, чтобъ перетащить ихъ домой. Когда праздникъ конченъ, лавры убираются. Куда мнѣ отвесть дѣвушку?

(*) *Террачина* — мѣсто извѣстное лихорадками.

— Во дворецъ къ герцогу, или въ одинъ изъ его виноградниковъ, какой онъ укажетъ...

— Ну, ужь это не дѣло, эчеленца. Если полиція пронюхаетъ, она прежде всего кинется въ домъ синьора герцога. Такъ вы лучше постарайтесь нанять какой нибудь виноградникъ вдали отъ города, только употребите на это кого нибудь не изъ вашихъ.

Графъ посмотрѣлъ въ лицо Олимпію и какъ-то странно улыбнулся, какъ будто подсмѣиваясь, что тотъ его не понялъ; потомъ сѣлъ у конторки и сталъ писать. Разбойникъ сдѣлалъ герцогу нѣсколько краткихъ и грубыхъ вопросовъ. Тотъ отвѣчалъ ему, какъ потерянный: онъ чувствовалъ, что имъ вертѣли, какъ буря вертитъ листьями; онъ чувствовалъ себя во власти тѣхъ змѣй, которыя влекутъ къ себѣ животныхъ съ тѣмъ, чтобъ погубить ихъ; ему хотѣлось противиться, хотѣлось бѣжать и онъ былъ не въ силахъ. Злой духъ побѣдилъ, добрый ангелъ удалялся, закрывши лицо крыльями. Графъ, хотя и занятый письмомъ, не могъ не видѣть побѣду порока надъ добродѣтелью простодушнаго молодаго человѣка.

— Когда жь за дѣло? спросилъ онъ вдругъ.

— Сообразивши хорошенько, я вижу, что ранѣе завтрашней ночи я не буду въ состояніи, отвѣчалъ Олимпій.

— Завтра ночью, а! Да ты развѣ не знаешь, что песочные часы, которыми страсть мѣряетъ время ожиданія, это все равно, что факелъ, съ котораго падаютъ огненныя капли на сердце бѣднаго любовника? Ты старѣешься: ужь это не прежній Олимпій. Прежде тебѣ можно было отпечатать на лицѣ: cito ac fidelis, этотъ девизъ священнаго римскаго суда, который, впрочемъ, не мѣшаетъ ему тянуть дѣла также долго, какъ осаду Трои, и произносить беззаконные приговоры. Итакъ вмѣсто рыси удовольствуемся шагомъ: на завтра...

Минуту спустя, наклонившись къ герцогу, онъ спросилъ:

— Хотя по природѣ я избѣгаю всякаго нескромнаго любопытства, однако не могу устоять противъ желанія знать имя вашей возлюбленной, герцогъ?

— Лукреція...

— А! Лукреція. Это что-то роковое, право, что Лукреціямъ суждено кружить наши римскія головы. Креція, Креціучіа, Крецина, я горю любовью къ тебѣ и утромъ и вечеромъ...

Кончивши писать, онъ всталъ, говоря:

— Олимпій, тебѣ вѣрно надо отдохнуть и потому пора идти. Смотри, чтобъ никто тебя не видѣлъ, когда будешь выходить изъ моего дома. Марціо!

Марціо вошелъ.

— Марціо, проводи Олимпія по потаенной лѣстницѣ къ калиткѣ сада, которая выходитъ въ переулокъ. Прощай; не забывай.

— Какъ поживаешь, кумъ? спрашивалъ Олимпій, потрепавъ Марціо по плечу.

— Какъ Богу угодно, отвѣтилъ довольно сурово Марціо.

— Ого, да ты не узнаешь меня что ли, Марціо?

— Я, нѣтъ...

— Посмотри на меня хорошенько и ты увидишь, что тебѣ покажется то же, что и мнѣ.

— А что тебѣ кажется?

— Мнѣ кажется, что мы составимъ великолѣпную пару серегъ въ ушахъ у госпожи висѣлицы.

— Олимпій, это ты?

— Духъ висѣлицы производитъ тоже дѣйствіе, какъ уксусъ въ носу: просвѣтляетъ умъ и возвращаетъ память...

— Графъ, началъ запинаясь герцогъ: — я боюсь показаться неблагодарнымъ за вашу помощь и ваши совѣты... однако, я чувствую, что не въ силахъ благодарить васъ. Богъ... (но я дѣлаю дурно, что призываю это святое имя въ такомъ дурномъ дѣлѣ, лучше было бы, еслибъ я о немъ не зналъ ничего). Пускай же судьба устроитъ это такъ, чтобъ оно не кончилось слёзами.

— А судьба за васъ; потому что, какъ женщина, она любитъ молодыхъ и смѣлыхъ. Еслибъ Цезарь не перешелъ Рубиконъ, развѣ онъ былъ бы диктаторомъ римскимъ?

— Да, но за то Марсовы Иды не видѣли бы его убитымъ предъ статуей Помпея.

— Всякій человѣкъ со дня рожденія находится подъ вліяніемъ своей звѣзды. Итакъ, впередъ. Отчего вы съ неудовольствіемъ отдаетесь въ руки судьбѣ? Она управляетъ міромъ. Взгляните на Силлу, который лучше всякаго другаго умѣлъ рѣшать споры топоромъ, а ей все-таки посвятилъ великолѣпный храмъ.

И утѣшая такимъ образомъ, онъ провожалъ бѣднаго молодаго человѣка, который, вышедши отъ графа, шелъ какъ пьяный; до такой степени его взволновали и разстроили слова графа и все, происходившее въ его присутствіи. Онъ сознавалъ зло и предчувствовалъ еще большее; его толкнули на дорогу преступленія, и онъ не въ силахъ уже былъ свернуть съ нея. Страсть, какъ змѣя, сжимала его все съ большей силой и душила въ немъ послѣдніе проблески добра.

Графъ, проводивши герцога, сталъ читать письмо, написанное

имъ передъ тѣмъ, прерывая иногда чтеніе для того, чтобъ отдаться громкому смѣху:

«Преподобнѣйшій и свѣтлѣйшій монсиньоръ! Величайшее беззаконіе, которое когда либо осквернило августѣйшую и благословенную столицу нашей святой религіи, должно въ ней совершиться. Герцогъ Серафимъ Альтемсъ, для удовлетворенія своей необузданной страсти, замышляетъ съ вооруженной силой похитить завтра ночью изъ дворца Фальконьери достойную дѣвицу Лукрецію, служанку въ домѣ вышепоименованныхъ особъ. Помощники герцога въ злоумышленіи—три или четыре самыхъ отчаянныхъ негодяя, подъ предводительствомъ Олимпія, котораго уже два года ищетъ полиція за воровство и убійство и за котораго назначена премія въ триста золотыхъ дукатовъ. Будьте на-готовѣ, потому что рѣчь идетъ о людяхъ привыкшихъ ко всякаго рода опасностямъ, которыя только увеличиваютъ ихъ смѣлость. Объ этомъ увѣдомляетъ васъ человѣкъ, преданный правительству и порядку и заботящійся о величіи святой матери церкви. Римъ, 6 августа 1548 года.»

— Прекрасно: почеркъ узнать нельзя; черезъ часъ это будетъ въ благочестивыхъ рукахъ монсиньора Таверна.

Онъ сложилъ письмо, запечаталъ его и, сдѣлавъ на немъ крестъ, надписалъ: «монсиньору Фердинанду Таверно, губернатору Рима».

— Всякому своя честь: онъ герцогъ, съ нимъ и поступаютъ по герцогски. Объ этой жемчужинѣ, князѣ Павлѣ, мы подумаемъ послѣ. И вдобавокъ мы избавимся отъ Олимпія, если только онъ и въ этотъ разъ не вывернется. Сѣть протянута по всѣмъ правиламъ искуства; но

Рѣдко бываетъ, чтобъ добрымъ затѣямъ
Злая судьба не мѣшала.

ГЛАВА IV.

Наказанное счастье.

Молодые супруги вошли въ кабинетъ. Мужъ съ чувствомъ поцаловалъ руку графа; жена хотѣла сдѣлать то же самое, но ребенокъ, котораго она держала на рукахъ, раскричался и не допустилъ ее до этого. Была ли то случайность или предчувствіе?.. человѣку неизвѣстны таинственные пути природы. Графъ внимательно посмотрѣлъ на молодую женщину; и когда онъ увидѣлъ, какъ она хороша, глаза его сморщились и заметали искры.

— Кто вы такіе, добрые люди, и что я могу для васъ сдѣлать?

— Эчеленца, началъ молодой человѣкъ: — вы меня не узнаете? Я сынъ того бѣднаго столяра... помните?.. разореннаго тому ровно три года и четыре мѣсяца... и еслибъ не ваша милость, онъ кинулся бы въ воду.

— А! теперь помню. Вы теперь ужь сдѣлались человѣкомъ, мое дитя; а добрый старикъ, вашъ отецъ, здоровъ?

— Господь Богъ отозвалъ его къ себѣ. Повѣрьте мнѣ, эчеленца, что послѣдній вздохъ его былъ для Бога, а передпослѣдній для васъ и вашего семейства; онъ не переставалъ благословлять васъ и желать вамъ всевозможныхъ небесныхъ благъ, какія только можетъ пожелать человѣкъ.

— Пошли ему Богъ царство небесное. А это ваша жена и вашъ ребенокъ?

— Такъ точно, эчеленца. Жена моя только что могла взять молитву послѣ родовъ, и я считалъ своимъ долгомъ привесть ее поклониться вамъ и поблагодарить васъ отъ всего сердца, потому что, послѣ Бога, мы обязаны вамъ нашимъ счастьемъ.

— Вы счастливы?

— Очень счастливы, эчеленца, и только память объ умершемъ родителѣ иногда печалитъ насъ; но онъ былъ уже очень старъ и умеръ, какъ дитя, которое засыпаетъ... У него не было угрызеній совѣсти... и при жизни своей онъ спалъ спокойно... Бѣдный отецъ! И, говоря это, онъ отиралъ слезы.

— А вы, моя милая, счастливы?

— Да, благодаря Святую Дѣву, я счастливѣе, чѣмъ можно себѣ представить. Микель любитъ меня; я люблю его; оба мы не надышимся на нашего милаго ангела. Микель заработываетъ довольно, чтобъ прожить, да еще и остается; такъ что, вы видите, эчеленца, намъ не быть довольнымъ, значило бы гнѣвить Бога.

Когда она это говорила, лицо ея сіяло.

— Итакъ вы счастливы? въ третій разъ спросилъ графъ мрачнымъ голосомъ.

— И можемъ сказать, благодаря вашей милости, эчеленца. Вступивши въ домъ Микеля, я выучилась почитать ваше имя. Первое слово, которому я научу моего милаго ангела, будетъ благословеніе имени добраго барона Франческо Ченчи.

— Вы наполняете сердце мое радостью, говорилъ графъ, стараясь скрыть свое бѣшенство и для этого целуя ребенка и лаская его: — добрые люди! достойныя души! то малое, что я сдѣлалъ, не стоитъ стольких благодарностей; и притомъ, на насъ, щедро одаренныхъ богатствомъ, лежитъ обязанность помогать бѣднымъ. Къ

чему деньги, если не за тѣмъ, чтобъ помогать несчастнымъ? Развѣ они могутъ быть употреблены лучше этого? Вѣдь мы этимъ самымъ отдаемъ ихъ на проценты въ рай, гдѣ они вернутся намъ сторицею. Мнѣ надо благодарить васъ, мои милые, за то, что вы доставили мнѣ случай сдѣлать добро.

При этомъ онъ досталъ изъ конторки ящикъ и взявши изъ него полную горсть золотыхъ поднесъ ихъ молодой женщинѣ, которая вся покраснѣла и стала отказываться; но графъ настаивалъ, говоря:

— Возьмите, моя милая, возьмите. Вы обидѣли меня тѣмъ, что не дали мнѣ знать о рожденіи этого славнаго мальчика, мнѣ слѣдовало быть его крестнымъ отцомъ. Купите себѣ ожерелье и носите его для искупленія этого грѣха: да постарайтесь также, чтобъ вамъ достало и на хорошенькое платье для ребенка, потому что хотя онъ и прехорошенькій, однако, какъ говоритъ поэтъ:

Часто нарядное платье украшаетъ красоту.

Я хочу, чтобъ видя его всѣ восклицали: о счастлива та которая выносила его; и ваше материнское сердце возрадуется.

Молодая мать сначала улыбалась; потомъ разстроганная этими добрыми словами, она заплакала, но улыбка не покидала ея лица. Такъ весною идетъ дождь сквозь солнце.

— Продолжайте любить другъ друга говорилъ графъ, торжественнымъ тономъ отца; — да не возмутитъ никогда ревность ясности вашихъ дней, живите спокойно и въ страхѣ Божіемъ. Поминайте иногда меня въ вашихъ молитвахъ, меня, бѣднаго старика, который, повѣрьте, не такъ счастливъ, какъ вы думаете (и при этомъ Ченчи сдѣлался еще блѣднѣе обыкновеннаго), и если вы будете въ нуждѣ, обращайтесь ко мнѣ, какъ къ отцу.

Молодые супруги нагнулись, чтобъ поцаловать ему колѣни, но онъ не допустилъ ихъ до этого и проводилъ напутствуя добрыми словами. Проходя по залѣ, они не переставали восклицать:

— Какой благочестивый баринъ! какой щедрый вельможа!

Слуги, слыша эти слова, переглядывались, пожимая плечами; и одинъ изъ нихъ, самый смѣлый, пробормоталъ сквозь зубы:

— Видно дьяволъ превратился въ капуцина!

— Счастливы! счастливы! заревѣлъ Франческо Ченчи, давая полную свободу своей скрываемой злобѣ: — и еще приходятъ говорить это мнѣ прямо въ глаза. Они это сдѣлали нарочно, чтобъ только мучить меня зрѣлищемъ своего счастья! Это самое ужасное оскорбленіе, какое я вынесъ когда либо!—Онъ съ бѣшенствомъ распахнулъ дверь и кликнулъ Марціо. Въ это время куратъ попался ему на глаза, но онъ бросилъ на него такой взглядъ и такимъ тономъ спросилъ

его, что ему надо, что бѣднякъ затрясся и началъ было лепетать что-то, но графъ его не дослушалъ и ушелъ въ кабинетъ сопровождаемый Марціо.

— Марціо, бѣги за Олимпіемъ, догони его и приведи сюда,—ступай живѣй; если ты съ нимъ скоро вернешься, получишь десять дукатовъ.

— Я вамъ дамъ знать! Вы мнѣ кровавыми слезами заплатите за то, что смѣли объявить въ глаза Франческу Ченчи, что вы счастливы.

Марціо вернулся съ Олимпіемъ и получилъ обѣщанную награду, послѣ чего графъ ему велѣлъ выйдти.

— Что новаго, эчеленца? спросилъ Олимпій, когда они остались одни.

— Еще маленькое дѣльцо. Ты знаешь столяра, что живетъ на Рипетѣ? Тотъ самый, который выстроилъ домъ на мои деньги?

— Тотъ парень, который ждалъ въ залѣ? — Разумѣется знаю и знаю, гдѣ живетъ; когда вы велѣли перестроить домъ, я ходилъ смотрѣть его; хотѣлъ на самомъ мѣстѣ угадать причину вашего благодѣянія.

— А развѣ я не имѣю обыкновенія дѣлать добро? А то, что я теперь дѣлаю для тебя—развѣ не благодѣяніе? Не прибавляй хоть неблагодарности ко всѣмъ твоимъ грѣхамъ, потому что этотъ грѣхъ больше всѣхъ противенъ ангелу хранителю. — Завтра ночью...

— Я не могу, я уже условился съ герцогомъ... Развѣ вы не помните?

— Я извиню тебя передъ герцогомъ...

— Нѣтъ, ужь увольте, я изъ уваженія къ моему ремеслу не могу отказаться...

— Я устрою такъ, что онъ самъ уволитъ тебя...

— О! тогда другое дѣло.

— Тогда завтра ночью, ты заберись какъ-знаешь въ лавку столяра; собери въ кучу всѣ вещи и все дерево, какое тамъ найдешь: подожги все это, запри лавку снаружи и уходи. За это доброе дѣло ты получишь сто дукатовъ. Служи мнѣ вѣрно, и я скоро обогащу тебя. И вправду, какъ мнѣ лучше употребить свои деньги? Ты самъ съ этимъ согласишься. Уходи черезъ садъ, да смотри, чтобъ тебя никто не видалъ.

Олимпій повиновался.

Франческо Ченчи, оставшись наединѣ, началъ потирать руки отъ удовольствія и произносить отрывистыя фразы.

— Вотъ праздникъ сегодня. Это называется жить! Затѣяно отце-

убійство; подготовлено похищеніе и пожаръ, и злодѣямъ сдѣлана измѣна... Покуда я живу на этомъ свѣтѣ, дьяволъ можетъ отправиться на отдыхъ... Я противуположность Тита: тотъ вздыхалъ, когда проходилъ день и онъ не сдѣлалъ ни одного добраго дѣла; а я выхожу изъ себя, если не сдѣлалъ десятка два злыхъ дѣлъ. Титъ — шарлатанъ человѣчества! іезуитъ язычества! Это подтвердятъ Іудея и пожары, потушенные потоками человѣческой крови; а толпы распятыхъ, для которыхъ не доставало крестовъ, а одиннадцать тысячъ невольниковъ умершихъ съ голоду, а тысячи людей брошенныхъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ за то, что мужественно защищали родину. Ничтожный человѣкъ, не умѣвшій ни любить, ни ненавидѣть: ты плакалъ дозволивъ убійство полутора милліона людей, и плача допустилъ вырвать изъ твоихъ объятій прекрасную Веренику. Домиціанъ, братъ твой, былъ вылитъ не изъ такого металла: у него было желѣзное сердце, чело изъ бронзы: это былъ величавый образъ короля. Молнія не разбиваетъ подобныхъ полубоговъ; коснувшись до нихъ, она ихъ только освѣщаетъ. Къ чему и жизнь, если потомство не будетъ дрожать при нашемъ имени, и трепетать, чтобъ мы снова не поднялись изъ нашихъ гробовъ? Я поклоняюсь силѣ. Все ложь, кромѣ силы: она раскаленнымъ желѣзомъ кладетъ свое клеймо на чело поколѣній...

ГЛАВА V.

Еще о Франческо Ченчи.

Я еще не довольно сказалъ о Франческо Ченчи. Умъ его представляется такимъ страннымъ, сложнымъ и даже уродливымъ, изъ всего, до сихъ поръ видѣннаго, и изъ того, что увидимъ далѣе, что на этомъ дѣйствующемъ лицѣ необходимо еще остановиться.

Не знаю, такъ ли теперь, но было время, когда въ Римѣ свирѣпствовали страсти, вырывая человѣка изъ его обычной безпечной жизни. Все вышло въ то время изъ границъ, и происходили вещи болѣе безчеловѣчныя, чѣмъ великія. Кто былъ доблестнѣе Цезаря? кто добродѣтельнѣе Катона? кто могъ назваться такимъ же политикомъ, какъ Августъ, или сравниться въ притворствѣ съ Тиверіемъ, въ жестокости съ Нерономъ, въ безтолковости съ Клавдіемъ? Въ комъ наконецъ можно найти болѣе великодушія, какъ въ Антонинахъ? Женщины также доходятъ до высшей степени разврата и цѣломудрія, коварства и вѣрности. Самыя зданія, вмѣсто того, чтобы поддаться времени, повидимому властвуютъ надъ нимъ: они стоятъ незыблемо, и цѣлые вѣка, съ ихъ непогодами, и цѣлыя поколѣнія людей, все

разрушившихъ, не могли разрушить ихъ. По Европѣ, Азіи и Африкѣ разсѣяны остатки этого могущественнаго народа, подобно костямъ покойниковъ, для которыхъ цѣлый свѣтъ былъ кладбищемъ. Римскій орелъ, въ безпредѣльномъ своемъ побѣдномъ полетѣ, разсѣвалъ перья своихъ крыльевъ по всей вселенной. Римъ съ высоты Капитолія раскинулъ желѣзную сѣть на человѣчество; позже онъ пытался раскинуть другую сѣть — сѣть вѣры и угрозъ, думая покорить снова людей. Только подъ тѣнью Колизея и могла родиться у папъ мысль сдѣлаться царями души. Когда они согласились переселиться въ Авиньонъ, они на самомъ дѣлѣ сдѣлались рабами рабовъ. Пощечина, данная Бонифацію VIII, нанесла папству оскорбленіе, отъ котораго ему трудно было бы подняться; но процессъ, затѣянный отъ имени Бонифація недостойнымъ Климентомъ V, нанесъ уже незалечимую рану папскому вліянію...

Римъ воинственный кидался на врага, какъ левъ, терзая или милуя его. Римъ духовный, какъ хищный звѣрь, слѣдитъ издали за врагами, и только въ самый день битвы протягиваетъ руку за добычей. Римъ палъ, сперва какъ борющійся гладіаторъ, потомъ, какъ раздавленное пресмыкающееся; но въ обоихъ случаяхъ онъ показалъ поразительную живучесть духа; поэтому-то ему не суждено погибнуть, но переродиться. Гладіаторъ палъ, обливая кровью землю, но поднялся снова и продолжалъ бороться до тѣхъ поръ, пока изъ раны его не начали сочиться послѣднія капли крови, — рѣдкія и тяжелыя капли, какъ первыя капли дождя въ грозу. Змѣя же, съ разсѣченнымъ позвоночнымъ столбомъ, продолжаетъ двигаться: ей нужно жить во что бы то ни стало, хотя бы даже жизнь проявлялась въ послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ. Римскій факелъ, зажженный два раза рукою судьбы, покуда у него хватило смолы, не переставалъ кидать искры, способныя испепелить или освѣтить цѣлое поколѣніе.

Франческо Ченчи былъ чѣмъ-то въ родѣ испорченнаго дыханія древняго римскаго генія; дыханіе, вышедшее изъ раскрывшейся гробницы, но тѣмъ не менѣе дыханіе латинское: натура необузданная, язвительный умъ, безпощадная душа съ ненасытимой жаждой къ жестокости и ко всему необыкновенному, сверхъестественному. Еслибъ онъ жилъ во времена Брута, то не только осудилъ бы на смерть своихъ дѣтей, но, простирая свою запальчивость до нарушенія законовъ природы, самъ отрубилъ бы имъ головы. Онъ сначала отличался любовью къ наукамъ, но впослѣдствіи смѣялся надъ ученьемъ, называя его суетою и игрою воображенія; онъ пользовался знаніемъ, какъ сибариты розою, употребляя ее орудіемъ смерти. У него были большія богатства, и онъ расточилъ ихъ, не будучи въ состояніи дойти до разоренія. Одаренный чрезвычайной силой чувства, мысли

и дѣйствія, онъ могъ избрать одну изъ двухъ дорогъ: дорогу добра или зла. Въ тѣ времена кругъ добра былъ ограниченъ: семейныя привязанности, помогать бѣднымъ подаяніемъ, которое увѣковѣчиваетъ нищету; жизнь мирная; смерть темная; память длящаяся, какъ эхо голоса. Вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ, не давалъ простора для его дѣятельности: это было время агоніи для итальянскаго духа; наше небо одѣвалось въ свинцовую шапку дантовыхъ лицемѣровъ, которая позволяла людямъ двигаться впередъ едва на одинъ вершокъ во сто лѣтъ. Не смотря на это, онъ ознаменовалъ начало своей жизни большими подвигами, но люди и обстоятельства съумѣли отучить его отъ добра, — оно ему скоро опротивѣло, потомъ онъ сталъ презирать его и наконецъ возненавидѣлъ. Онъ обратился къ злу, и сказалъ ему, какъ демонъ: «будь моимъ добромъ!» Ему понравилась роль Титана и казалось смѣлостью поднять къ небу возмутившееся чело и вызвать его на бой. Всѣ его желанія обратились къ злу, въ немъ искалъ онъ средства прославиться и любилъ его съ опьяненіемъ страсти и съ упорствомъ разсчета: превзойти въ злодѣйствѣ все, что существовало до него, казалось ему такимъ же подвигомъ, какъ перенесть на другое мѣсто геркулесовы столбы или открыть новый свѣтъ. Онъ принялъ увы брака для того только, чтобъ имѣть наслажденіе расторгать ихъ; онъ искалъ самыхъ нѣжныхъ привязанностей для того, чтобъ разбивать ихъ или язвительными насмѣшками, или кинжаломъ; въ Бога онъ не вѣрилъ, но чувствовалъ его присутствіе, какъ гвоздь въ сердцѣ, и кощунствовалъ надъ нимъ, подобно тому, какъ медвѣдь грызетъ копье, ранившее его, думая тѣмъ облегчить рану; словомъ, это было соединеніе Аякса и Нерона съ обыкновеннымъ разбойникомъ. Онъ жилъ для пытки себѣ и другимъ: ненавидѣлъ и былъ ненавидимъ; питался злодѣяніями, и злодѣяніе убило его.

ГЛАВА VI.

Беатриче.

Она была прекрасна. Уста ея были похожи на цвѣтокъ, а вся она на неземное существо; глаза ея часто и надолго возносились къ небу: созерцала ли она свою родину, въ которую ей суждено было скоро вернуться, или ей представлялись таинственныя видѣнія, ясныя только ей одной, или наконецъ, любимый образъ родныхъ небесъ звалъ ее и манилъ къ себѣ? Когда она возвращалась на землю и смотрѣла своимъ открытымъ и проницательнымъ взглядомъ, то однихъ застав-

ляла трепетать, какъ уличенныхъ въ чемъ-то недобромъ, если сердце ихъ не было чисто, другихъ — плакать отъ умиленія... Довольно ей было явиться на пиръ, чтобы отъ блеска ея глазъ и свѣтъ факеловъ былъ сильнѣе, и гармоническіе звуки музыки стройнѣе, и радость разливалась въ молодыхъ сердцахъ. Стоило ей покинуть праздникъ — и холодное дыханіе скуки распространялось внезапно и отравляло общую радость.

Беатриче сидѣла на террасѣ дворца Ченчи, выходившей въ садъ. На колѣняхъ она держала ребенка, въ которомъ по глазамъ, цвѣту волосъ, и вообще по сходству, нельзя было не узнать ея брата: она съ любовью ласкала его волосы и безпрестанно цаловала въ лобъ. Голова ребенка склонилась къ ней на грудь, и онъ устремлялъ на нее такой неподвижный взглядъ, какъ будто мысли его гдѣ-то внѣ этаго міра.

— О чемъ ты думаешь, мой дорогой Виргилій? спрашивала его печально Беатриче.

— Я думаю о томъ, что было бы хорошо для насъ не родиться на свѣтъ!

— Ахъ, Виргилій...

— А такъ какъ этому помочь нельзя, то лучше всего поскорѣй его покинуть...

— Покинуть! Отчего?

— А зачѣмъ оставаться? Мое сердце, вотъ тутъ внутри, уже умерло, я это чувствую; а когда сердце умерло, тяжело его переживать!..

— Ты едва только взглянулъ на жизнь, братъ мой, и говоришь такія отчаянныя слова, это не хорошо: живи и радуйся; ты не знаешь еще, какія розы готовитъ тебѣ судьба.

— Розы? судьба?.. Нѣтъ, смерть собираетъ цвѣты для вѣнка на мой гробикъ... Судьба покинула меня въ тотъ самый день, какъ умерла наша мать...

— Но мы не можемъ считать себя совершенными сиротами, развѣ добрѣйшая синьора Лукреція не любитъ насъ, какъ мать?

— Да; но она не мать...

— А развѣ у тебя нѣтъ меня? и развѣ я не люблю тебя? А кромѣ меня развѣ у тебя нѣтъ братьевъ, отца?

— Какого отца?

Беатриче, пораженная внезапнымъ ужасомъ, при этихъ словахъ ребенка, остановилась, и только послѣ долгаго молчанія, нерѣшительнымъ голосомъ прибавила:

— Развѣ Франческо не отецъ твой и мой?..

Мальчикъ опустилъ голову, закрылъ глаза и, скрестивши на груди руки, прошепталъ нетвердымъ голосомъ:

— Сестра, посмотри мнѣ на лобъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаются волосы: видишь тамъ шрамъ?.. видишь? Знаешь, кто ранилъ меня? Я тебѣ не говорилъ до сихъ поръ; но теперь, когда я чувствую, что скоро умру, я могу тебѣ признаться. Часто я думалъ о томъ, почему Франческо Ченчи не любитъ меня и не ласково на меня смотритъ? Я чувствовалъ, что ничѣмъ этого не заслужилъ. И разъ какъ-то, собравшись съ духомъ, бросился ему въ ноги и хотѣлъ поцаловать его руку. Онъ какъ закричитъ: «пошелъ вонъ, ты не мой сынъ!» и такъ крѣпко ударилъ меня въ грудь кулакомъ, что я упалъ навзничь и головой ударился объ уголъ шкафа, что стоитъ у него въ кабинетѣ. Франческо Ченчи видѣлъ, что я лежу въ обморокѣ, весь въ крови; онъ это видѣлъ и не поднялъ меня!.. Вотъ откуда взялась моя рана, и вотъ причина болѣзни, отъ которой я чахну...

Беатриче вся дрожала и не въ силахъ была произнести ни одного слова. Ребенокъ съ возрастающимъ страданіемъ поднялъ рукавъ рубашки и протянулъ къ сестрѣ исхудалую руку.

— Смотри, прибавилъ онъ: — на слѣды этой раны. Знаешь, кто сдѣлалъ ее?—Неронъ; и слушай, какъ это случилось. Разъ какъ-то я сорвалъ въ саду отличный персикъ, и сказалъ себѣ: пойду-ка поднесу его отцу, можетъ онъ будетъ доволенъ. Съ этими мыслями я отправился въ его комнату, открылъ дверь и вижу, онъ читаетъ. Чтобы не потревожить его, я подхожу тихонько, какъ вдругъ на меня кинулся Неронъ и укусилъ мнѣ руку; я корчился отъ боли... Отецъ смѣялся.

Грудь Беатриче волновалась, словно готова была разорваться на части.

— И не случись тутъ Марціо, онъ допустилъ бы собаку растерзать меня. Полюбуйся еще! и ребенокъ раздѣлилъ волосы на макушкѣ: — видишь это мѣсто? Тутъ недостаетъ цѣлаго клока волосъ... Знаешь, кто мнѣ вырвалъ ихъ? — отецъ. Вскорѣ послѣ того, какъ я ударился объ шкафъ, съ перевязанной еще головой, внѣ себя отъ горести, я съ рѣшимостью явился къ отцу и сказалъ ему: «отецъ мой, чѣмъ я оскорбилъ васъ? за что вы ненавидите меня? благословите меня, ради Бога, благословите вашего сына, который любитъ васъ!» Онъ, намотавъ клокъ моихъ волосъ себѣ на палецъ, отвѣтилъ мнѣ этими словами, — слушай, именно этими словами: «еслибъ у тебя была голова изъ сѣры, и слова были огонь, я бы далъ тебѣ благословеніе, чтобъ сжечь тебя! Ступай прочь, эхидна; я ненавижу тебя, а потому и ты долженъ меня ненавидѣть; на что мнѣ твоя любовь, щенокъ!» При этомъ онъ дернулъ такъ крѣпко за волосы, что мнѣ казалось, будто вся кожа отдѣлилась отъ черепа. Клокъ волосъ остался у него въ рукѣ. Вмѣсто того, чтобъ пожалѣть меня, онъ при-

шелъ въ такую ярость, будто ему, а не мнѣ было больно. «Я проклинаю тебя!» кричалъ онъ, «и твоихъ дѣтей, если они у тебя будутъ, чтобъ всѣмъ вамъ жить въ нищетѣ, чтобъ всѣмъ вамъ сдѣлаться злодѣями, убійцами и умереть на висѣлицѣ!» Теперь, сдѣлай милость, скажи мнѣ, Беатриче, могу ли я желать жить? Мать меня покинула, отецъ проклялъ, такъ не лучше ли мнѣ умереть? Развѣ я говорю не правду, сестра?..

И ребенокъ плакалъ навзрыдъ.

Для такихъ страданій не было утѣшенія. Беатриче чувствовала это и молчала, лобъ ея покрылся потомъ и частыя капли его падали какъ слезы изъ глазъ. Когда прошло уже довольно много времени въ тяжеломъ молчаніи, Беатриче, преодолѣвъ страданіе, которымъ была полна душа ея, попробовала утѣшить брата нѣжнымъ голосомъ:

— Успокойся, Виргилій, ты можетъ выбралъ дурное время...

— Нѣтъ, онъ былъ спокоенъ.

— Можетъ быть онъ былъ разстроенъ какими нибудь тайными заботами...

— Нѣтъ, онъ былъ веселъ.., Послѣ того, какъ собака укусила меня, онъ началъ играть съ ней... съ собакой, которая чуть не растерзала сына!.. Теперь и я ужь не люблю его... Знаешь, когда я его вижу, у меня кровь бьется въ жилахъ и отъ его голоса у меня голова болитъ.

Беатриче измѣнилась въ лицѣ: ей дѣлалось дурно; но она силою воли побѣдила природу и пересилила себя; она подняла глаза къ небу, хотѣла говорить, и не могла; вмѣсто словъ у нея вырвались рыданія. Она переждала немного, и тогда голосомъ, который старалась сдѣлать мягкимъ, сказала:

— Не будемъ отчаяваться, мой Виргилій; но будемъ молить Бога, чтобъ онъ внушилъ болѣе человѣческія чувства къ намъ нашему родителю.

— О, Беатриче!.. И ты думаешь, что я не молилъ его? О, какъ часто я молился!.. Ночью, наканунѣ того дня, когда Франческо Ченчи оттолкнулъ меня отъ себя и размозжилъ мнѣ голову, я всталъ тихонько съ постели и въ одной рубашкѣ, босикомъ, отправился внизъ въ капеллу, и на колѣнахъ, передъ мощами святаго патрона нашего семейства, молился, чтобъ душа отца смягчилась и чтобъ онъ имѣлъ хоть немного любви къ намъ за ту страстную привязанность, какую мы питаемъ къ нему... Видишь, какъ услышаны мои молитвы!

И помолчавъ минуту, онъ продолжалъ:

— Но другую молитву мою услышалъ Богъ: это, когда я въ другой разъ всталъ съ постели и опять молился въ часовнѣ передъ чудотворнымъ распятіемъ: *сжалься надо мною, Божественный Искупи-*

тель, и дай мнѣ любовь отца, или отзови меня къ себѣ съ миромъ. На эти слова, Іисусъ наклонивъ голову, какъ будто отвѣчалъ мнѣ: «твоя молитва услышана»...

— Онъ услышитъ всѣхъ насъ и вселитъ кротость въ сердце отца.

— Я знаю навѣрное, что вторая моя молитва услышана, а не первая; потому что, когда я вернулся и легъ, я ясно слышалъ голосъ, который звалъ меня: «Виргилій! Виргилій!» Я всталъ, открылъ дверь и никого не видѣлъ; легъ, и голосъ опять сталъ звать меня: «Виргилій! Виргилій!» Ужъ въ этотъ разъ я не ошибся, я отвѣчалъ: «кто зоветъ меня?» а голосъ: «я зову тебя изъ рая.» «Я готовъ, Господи!»; голосъ отвѣчалъ: «нѣтъ, еще твой часъ не насталъ, но приближается».

— Это воображеніе, лихорадочный бредъ; полно, не предавайся грусти, я хочу видѣть тебя веселымъ...

— Отчего ты называешь это воображеніемъ? Развѣ мы не читали въ священномъ писаніи, что Самуилъ слышалъ голосъ Господень? Еще вчера ночью, открывши глаза, я видѣлъ, что комната вдругъ наполнилась свѣтомъ, и въ нее вошла прекрасная женщина, въ голубомъ платьѣ, покрытая драгоцѣнными каменьями, подошла къ моей кровати, наклонилась, положила голову около моего лица, поцаловала меня въ лобъ и исчезла: губы у нея были ледяныя, и холодъ охватилъ меня... Хочешь знать, Беатриче, на кого была похожа эта женщина? На портретъ нашей матери, который виситъ въ большой залѣ. Мнѣ все говоритъ о смерти. Развѣ я не чувствую, что таю какъ свѣчка!

Въ эту минуту прилетѣла птичка и присѣла отдохнуть на перилахъ террасы: сѣвши, она принялась вертѣть головкой во всѣ стороны, точно боялась, чтобъ ея не спугнули; потомъ успокоилась и начала прыгать и клевать носикомъ; наконецъ посмотрѣла на дитя, запѣла, подняла крылышки и улетѣла.

— Ахъ, еслибъ я могъ полетѣть за нею, воскликнулъ Виргилій. Она вѣрно знаетъ своего отца, и вѣрно мать смотритъ изъ гнѣзда и ждетъ ея возвращенія. Мать моя! мать моя! Беатриче, скажи мнѣ, гдѣ теперь наша мать?..

— Наша мать? Она тамъ—въ раю.

— Я знаю, душа ея тамъ, со святыми: но я желалъ бы знать, въ какомъ мѣстѣ ее похоронили? Можешь ты показать мнѣ, Беатриче? Графъ никогда не позволялъ водить меня на гробницу матери...

Беатриче, желая перемѣнить тяжелый разговоръ, встала и, исполняя желаніе дитяти, посадила его на перила террасы и перевѣсилась всѣмъ тѣломъ впередъ,

Солнце закатывалось и посылало землѣ, на прощаньи, свои послѣдніе, грустные лучи. При каждомъ потухающемъ лучѣ, представлялось новое чудо: краски дѣлались все нѣжнѣе и слабѣе, какъ звукъ пѣсни на поверхности воды. Шпили колоколенъ, верхушки горъ, отдаленныя тучи, казалось, старались удержать послѣдній, трепетный лучъ, — такъ съ балкона или съ пригорка, машутъ путешественнику бѣлымъ платкомъ, до тѣхъ поръ, покуда фигура его не сольется съ вечерней темнотой... О Боже! онъ сейчасъ исчезнетъ! Глаза матери, потемнѣвшіе отъ слезъ, ужь не различаютъ его болѣе; она вытираетъ ихъ своимъ покрываломъ, въ надеждѣ еще различить его вдали, напрягаетъ ихъ еще съ большей силой... увы! сынъ ея изчезъ:—когда-то она увидитъ его вновь? Таинственные голоса неба и земли шептались между собою: растенія, воды испускали чуть слышные вздохи...

Беатриче наклонилась надъ перилами, говоря:

— Тамъ, далеко, вонъ за этими горами, есть земля, которую мать принесла въ приданое Франческо Ченчи: тамъ есть церковь святыхъ Петра и Павла. Въ этой церкви, въ мраморной гробницѣ, направо отъ входа, лежитъ тѣло нашей дорогой матери.

Отъ движенія тѣла Беатриче, медальонъ и спрятанное на груди письмо упали въ садъ.

— Боже мой, моя тайна! вскрикнула молодая дѣвушка пронзительнымъ голосомъ, съ зардѣвшимся отъ стыда лицомъ.

Франческо Ченчи, спрятавшись въ лавровой бесѣдкѣ, давно не спускалъ глазъ съ дѣтей и, казалось, хотѣлъ отравить ихъ своимъ взглядомъ. Только что онъ увидѣлъ упавшее письмо и медальонъ, онъ кинулся, чтобъ поднять ихъ, но не такъ скоро, какъ ему желалось бы, потому что больная нога служила ему помѣхой. Беатриче бросила на него взглядъ, исполненный ужаса, и съ отчаяніемъ повторила два раза:

— Моя тайна! моя тайна! Я отдамъ жизнь свою тому, кто спасетъ ее!

Ребенокъ посмотрѣлъ на нее, поблѣднѣвшую какъ смерть, взглянулъ на старика и, полный рѣшительности и храбрости, съ отчаяннымъ усиліемъ ухватился за выдающійся карнизъ террасы, спустился по немъ въ садъ и съ быстротою молніи схватилъ письмо и медальонъ.

— Поди сюда, кричалъ разсерженный старикъ: — поди сюда... подай мнѣ эти вещи...

И такъ какъ Виргилій, дѣлая видъ, что не слышитъ, пустился бѣжать прямо домой, графъ въ бѣшенствѣ ревѣлъ:

— Проклятая ехидна! Подай мнѣ сюда письмо... скорѣй... Если я догоню тебя, я вырву тебѣ сердце своими собственными руками.

Ребенокъ бѣжалъ все скорѣе. Франческо, ослѣпленный гнѣвомъ, крикнулъ:

— Неронъ! Сюда Неронъ... лови его, и обѣими руками дразнилъ и уськалъ собаку на сына.

Разъяренная собака кинулась, но напрасно. Виргилій пробѣжалъ уже порядочную часть дороги, и когда онъ услышалъ за собой собаку, когда ему представилось, что она уже вцѣпилась зубами въ его икры, у него точно выросли крылья: — онъ ужь не бѣжалъ, а летѣлъ. Переступая на двѣ ступеньки разомъ, взбѣжалъ онъ по лѣстницѣ, вручилъ сестрѣ письмо и медальонъ, и задыхаясь и выбившись изъ силъ, повалился у ногъ Беатриче.

Мгновеніе спустя, собака съ лаемъ кинулась на террассу: глаза у нея такъ и горѣли, горячій паръ валилъ изо рта. Беатриче въ испугѣ бросаетъ кругомъ отчаянный взглядъ и видитъ въ нишѣ сложенное древнее оружіе, для украшенія террасы: она выдернула шпагу и стала передъ лежащимъ братомъ. Разъяренная собака, нагнувъ морду, бросилась въ сторону, чтобъ добраться до него, но неустрашимая дѣвушка наноситъ ей въ грудьударъ съ такой силой, что шпага вонзается до самаго сердца. Обагренная кровью, собака повалилась на спину съ воемъ и тутъ же околѣла.

Теперь новая опасность, и еще большая. Франческо Ченчи является взбѣшенный, съ кинжаломъ въ рукѣ; онъ едва можетъ говорить отъ злости.

— Гдѣ эта зловредная змѣя, чортъ побери! Кто убилъ Нерона?... Кто?

— Я.

— Хорошо, раздѣлаюсь и съ тобой... но прежде давай змѣю.

И онъ нагнулся, чтобъ заколоть сына. Беатриче подняла окровавленную шпагу, направила ея остріе къ груди Ченчи и съ выраженіемъ лица, которое передать невозможно, сказала:

— Отецъ... не тронь его...

— Извергъ! Поди прочь, говорятъ тебѣ, — кричалъ отецъ, стараясь добраться до лежащаго ребенка.

Беатриче съ страшнымъ спокойствіемъ повторила:

— Отецъ! не тронь его!..

При звукѣ этого голоса, который заключалъ въ себѣ въ одно и то же время и послѣднюю мольбу и послѣднюю угрозу, Франческо Ченчи остановился и устремилъ глаза на дочь.

Куда дѣвалась дѣвушка, съ нѣжнымъ выраженіемъ лица? Широко раскрытые глаза Беатриче сверкаютъ какъ молнія, вздер-

нутые ноздри дрожатъ, губы сжаты, грудь высоко подымается и распустившіеся волосы падаютъ на плечи: одна нога ея вытянута впередъ, все тѣло откинулось назадъ, лѣвая рука сжата въ кулакъ, правая съ поднятой шпагой готовится нанесть ударъ. Ни живописецъ, ни скульпторъ не съумѣли бы изобразить Беатриче въ эту минуту; слова и подавно не въ состояніи этого сдѣлать.

Франческо Ченчи былъ пораженъ и въ восхищеніи смотрѣлъ на ее; рука его опустилась и выронила кинжалъ; на минуту душа его смягчилась. Беатриче бросила мечь въ сторону. Старикъ простеръ къ ней объятія и съ нѣжностью воскликнулъ:

— Какъ ты хороша, мое дитя!.. И зачѣмъ ты меня не любишь?

— Я? Я буду васъ любить... и она бросилась къ нему на шею.

Отецъ и дочь обнялись.

Но хорошія чувства длились у нечестиваго старика такъ же коротко, какъ блескъ молніи. Онъ чувствовалъ къ добру такое же отвращеніе, какъ другіе къ злу. Въ одно мгновеніе въ немъ явились всѣ признаки преступнаго пароксизма: глаза его прищурились, вѣки затрепетали тѣмъ сладострастнымъ трепетомъ, отъ котораго пробѣгала дрожь по тѣлу; онъ уже гладитъ ея волосы, трогаетъ шею и плечи, цалуетъ ее и, наклонившись къ ней на ухо, шепчетъ ей что-то...

Беатриче вдругъ откинула назадъ блѣдное, какъ смерть, лицо; вырвалась изъ его объятій, взяла на руки лежащаго брата, и уходя бросила на Франческо взглядъ, полный такого грознаго пренебреженія, что у него, не боявшагося ни Бога, ни людей, кровь похолодѣла въ жилахъ.

Онъ долго оставался неподвижнымъ, повергнутый въ глубокое раздумье: въ душѣ его происходила страшная борьба. Но голосъ зла побѣдилъ. Какія мысли пришли ему на умъ? Надъ чѣмъ онъ колебался? Что рѣшилъ? Кто это знаетъ! Можетъ быть самъ демонъ съ ужасомъ отвернулся бы, еслибъ заглянулъ въ душу Франческо Ченчи. Надо однако думать, что въ этомъ водоворотѣ дурныхъ замысловъ онъ остановился на самомъ худшемъ; потому что, ударяя себя рукою въ лобъ, онъ пробормоталъ сквозь зубы:

«Какъ бы не такъ! Я, которому хотѣлось бы и самой зарѣ, когда она показывается на горизонтѣ, крикнуть иной разъ: «назадъ! ты будешь свѣтить, когда я дамъ тебѣ позволеніе...» я позволилъ остановить себя на полдорогѣ, и кому же? соломинкѣ—волѣ ребенка! Погоди жь, злодѣйка! Все до сихъ поръ гнулось подъ моею желѣзною рукою; и ты согнешься, или я изотру тебѣ въ порошокъ и душу и тѣло.

ГЛАВА VII.

Церковь св. Θомы.

Церковь св. Θомы, принадлежавшая фамиліи Ченчи, была убрана чернымъ сукномъ: на стѣнахъ висѣли траурныя украшенія и гирлянды цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ кипарисными вѣтками: семь открытыхъ гробовъ, изъ чернаго мрамора, ожидали своихъ покойниковъ, какъ отверстыя пасти ожидаютъ пищи; на всѣхъ нихъ была одна и та же надпись:

Mors parata, vita contempta (*).

И дальше, восьмой гробъ, роскошнѣе другихъ, изъ превосходнаго, бѣлаго мрамора, съ такою надписью:

Si charitem, caritatemque quaeris
Hinc intus jacent
Non ingratus haerus.
Neroni cani benemerentissimo
Franciscus de Cinciis hoc titulum
Ponere curavit... (**)

По срединѣ церкви стоялъ бархатный катафалкъ, вышитый золотомъ и убранный цвѣтами. Кругомъ катафалка шесть серебряныхъ канделябръ удивительной работы, съ зажженными свѣчами.

Хоръ священниковъ, въ черныхъ ризахъ, ожидалъ покойника, чтобъ отслужить богатые похороны.

Скоро послышались мѣрные шаги; и минуту спустя, занавѣсь боковой двери поднялась и въ ней показался маленькій гробъ, который несли двое мужчинъ и двѣ женщины.

Джакомо и Бернардино Ченчи поддерживали гробъ спереди, Лукреція Петрони и Беатриче сзади.

Покойникъ былъ Виргилій. Господь услышалъ вторую часть молитвы несчастнаго дитяти: онъ покоился въ мирѣ.

Позади шло нѣсколько домовыхъ слугъ, въ богатыхъ, траурныхъ одеждахъ, съ зажженными свѣчами. Нельзя было видѣть безъ жалости и удивленія, что слуги были одѣты лучше, чѣмъ Джакомо и Бернардино: особенно платье Джакомо было такъ истерто, что имъ

(*) Готовиться къ смерти, значитъ пренебрегать жизнью.

(**) Если ты ищешь милости и благодѣяній, ты здѣсь найдешь ихъ. Франческо Ченчи не неблагодарный хозяинъ: онъ поставилъ этотъ памятникъ въ честь своей достойной собаки Нерона.

пренебрегъ бы самый бѣдный римскій дворянинъ. Волосы его были растрепаны, борода длинная, воротничекъ и рукава грязные; онъ держалъ голову внизъ, точно стыдился самаго себя; лобъ его былъ покрытъ морщинами, щеки блѣдны и худы: онъ проливалъ горькія слезы. Лицо его ясно выражало двѣ противуположныя страсти: жалость и дурно скрытую досаду. Бернардино тоже плакалъ, но болѣе изъ подражанія, чѣмъ по собственному побужденію; потому что, хотя онъ и не совсѣмъ одурѣлъ, но его умъ былъ затемненъ страхомъ къ отцу, совершеннымъ невѣденіемъ всего и невѣжествомъ, въ которомъ отецъ всячески старался его поддерживать. Лукреція, хотя была и мачихой Виргилію, но также проливала слезы. Но такъ какъ она была скорѣй ханжа, чѣмъ христіанка, то она скоро и легко всему покорялась, перенося терпѣливо несчастія и приписывая святой волѣ Божіей всякое событіе въ жизни, какъ хорошее, такъ и дурное.

Франческо Ченчи женился на Лукреціи именно потому, что слышалъ про ея большую набожность и что разъ какъ-то она, слушая разсказы о его жизни и невѣріи, воскликнула: «Господи! я скорѣй бы вышла за мужъ за дьявола, чѣмъ за графа Ченчи». Тогда онъ началъ за ней ухаживать; притворился человѣкомъ примѣрной нравственности; сталъ посѣщать церкви, научился опускать внизъ голову и очень трогательно подымать глаза и руки къ небу; и въ особенности сталъ щедръ на подаянія. Онъ умѣлъ разсказывать житія святыхъ и разсуждать о формѣ и сущности святыхъ даровъ лучше всякаго францисканца. Лукреція начала думать, что его оклеветали. Во всякомъ случаѣ, развѣ онъ не могъ обратиться на путь истинный? Можетъ быть, по волѣ святой Дѣвы, ей было суждено вырвать эту душу изъ когтей дьявола? Набожныя женщины находятъ столько сладости, столько гордости въ этой борьбѣ съ дьяволомъ за душу, что, говоря вообще, онѣ не удовлетворяются первымъ обращеніемъ, а съ похвальнымъ рвеніемъ трудятся надъ вторымъ, а второе поощряетъ ихъ на третье, и т. д.; и еслибъ въ нихъ было столько же силы, сколько доброй воли, то нѣтъ сомнѣнія, что онѣ посвятили бы всю жизнь на такое доброе дѣло. Какъ это, такъ и увѣщанія родныхъ, огромное богатство и знатность Ченчи подвинули Лукрецію на согласіе вступить во второй бракъ съ Франческо Ченчи.

Какъ только графъ ввелъ въ свой домъ Лукрецію, онъ сказалъ ей, какъ будто въ шутку: «вы говорили, что скорѣй пойдете за мужъ за дьявола, чѣмъ за меня: я взялъ васъ для того, чтобъ доказать вамъ, что вы были правы»; но онъ серьезно сдержалъ слово.

Онъ началъ съ того, что каждый день становился на колѣни подлѣ нея, когда она читала молитвы, и пѣлъ непристойныя или богохульныя пѣсни: она открывала молитвенникъ, онъ открывалъ про-

изведенія Маркантонія Раймонда или Петра Аретина: онъ старался разрушить въ ней всякое чувство религіи и нравственности и наполнить ей душу сомнѣніемъ и ужасомъ; но Лукреція ничего не понимала изъ всей этой чертовщины и большею частью даже и не слушала мужа. Иногда, когда ея порочный мужъ, уставши говорить, дѣлался молчаливъ, она начинала или продолжала читать свои молитвы: вышло такъ, что Франческо Ченчи вмѣсто того, чтобъ бѣсить другихъ, мучилъ самого себя; вмѣсто того, чтобъ привесть ее въ отчаяніе, онъ самъ кусалъ себѣ губы отъ досады и сходилъ съ ума отъ злости. Когда это средство оказалось неудачнымъ, онъ изобрѣлъ другое: заставлялъ ее слушать разсказы о своихъ ежедневныхъ любовныхъ похожденіяхъ; но когда и этимъ не удалось разсердить ее, онъ наполнилъ домъ распутными женщинами; онъ не удерживался ни отъ словъ, ни отъ дѣйствій, способныхъ оскорбить достоинство женщины и жены, но она и тутъ съ неизмѣннымъ терпѣніемъ говорила ему: «да наставитъ васъ Богъ и проститъ васъ, какъ я васъ простила». Франческо не находилъ средства расшевелить эту холодную и незлобивую натуру. Часто, ослѣпленный бѣшенствомъ, онъ унижалъ ее въ присутствіи слугъ; онъ оскорблялъ ее всячески, билъ ее; оставлялъ на лицѣ слѣды своего звѣрскаго бѣшенства; заставлялъ ее терпѣть недостатокъ въ одеждѣ и въ пищѣ... Но онъ только напрасно терялъ время: она все переносила съ покорностью, во имя Христа, во искупленіе грѣховъ своихъ. Франческо, чтобъ не биться лбомъ объ стѣну, пересталъ преслѣдовать ее. Невѣроятная вещь! у него скорѣе истощилась способность ее мучить, чѣмъ у нея истощилось терпѣніе. Онъ рѣшилъ, что она истуканъ, и оставилъ ее въ покоѣ, какъ мертвую натуру, которую не стоитъ ни терзать, ни ласкать.

Одна Беатриче не плакала; глаза ея были неподвижно устремлены на покойника и она, какъ въ безпамятствѣ, безсознательно слѣдила за движеніями другихъ.

Когда дошли до катафалка, Беатриче взяла на руки мертваго брата и сама уложила его на катафалкъ, поправила ему волосы, положила на грудь распятіе и букетъ фіалокъ; потомъ, отодвинувши одинъ изъ канделябровъ, облокотилась на край гробика и не сводила глазъ съ покойника.

Одинъ изъ слугъ смотрѣлъ на Беатриче глазами, похожими на два огненныхъ языка, и иногда вздрагивалъ: слуга этотъ былъ Марціо.

Кромѣ четырехъ дѣтей, уже названныхъ, у Франческо Ченчи было еще трое дѣтей: Кристофанъ и Феликсъ, которыхъ онъ послалъ учиться въ Саламанку, и Олимпія. Эта дѣвушка, бойкая и рѣшитель-

ная, будучи не въ силахъ больше выносить отцовскія преслѣдованія, написала свой дневникъ, гдѣ очень вѣрно и откровенно изложила всѣ поступки отца, и потомъ, несмотря на домашнее заключеніе, подъ которымъ она находилась, съумѣла устроить, что дневникъ этотъ былъ поданъ святому отцу, вмѣстѣ съ просьбой, въ которой она умоляла его помѣстить ее въ монастырь, покуда ей не представится случая выдти честнымъ образомъ замужъ. Смѣтливая дѣвушка привела, изъ гнусныхъ поступковъ отца, только самые вѣроятные и такіе, въ которыхъ легко было удостовѣриться; о другихъ она умолчала, понимая, что чѣмъ сильнѣе безобразіе, тѣмъ менѣе оно заслуживаетъ довѣрія, и приводить факты невѣроятные, хотя и справедливые, значитъ отнимать вѣру и въ вѣроятные. Кромѣ того она думала, что дочь, жалуясь на отца для собственнаго спасенія, не должна выходить изъ границъ необходимости, чтобъ не дать возможности заподозрить въ жалующемся неестественной ненависти противъ своей собственной крови. Папа, оцѣнивъ умѣренность молодой дѣвушки, рѣшился подать ей помощь; онъ взялъ ее изъ родительскаго дома, помѣстилъ въ монастырь и въ скоромъ времени отдалъ замужъ за графа Карла Габріелли, знатнаго и уважаемаго дворянина изъ Губіо, которому заставилъ графа Ченчи выдать приличное приданое. Разсказываютъ, что графъ Ченчи, прійдя въ ярость за этотъ успѣхъ Олимпіи, дошелъ до того, что обѣщалъ сто тысячъ скудъ тому, кто возвратитъ въ его домъ ненавистную дочь, живую или мертвую; но папа былъ могущественнѣе его; и въ этотъ разъ Ченчи опять пришлось грызть свои удила...

Не имѣя возможности вымѣстить досаду на бѣжавшей дочери, онъ съ усиленной жестокостью сталъ преслѣдовать тѣхъ дѣтей, которые остались. Пораженіе, нанесенное его необузданному самоуправству, терзало его душу, и его видѣли часто, какъ Августа, послѣ потери легіоновъ Вара, бродящаго по комнатамъ своего дворца, ломая руки.

Беатриче ничего не видѣла, ничего не слышала: только когда священникъ окропилъ святой водой гробикъ и одна капля съ лица покойника брызнула ей на лицо, она вздрогнула, сдѣлалась еще мрачнѣе и потомъ прошептала:

— Это предзнаменованіе, — я его принимаю.

Толпа слугъ и монаховъ выходила изъ церкви вслѣдъ за священниками, потомъ по немногу разошлись и всѣ сосѣди, пришедшіе помолиться за упокой души Виргилія. Ченчи остались одни съ покойникомъ. Добрый народъ отъ всего сердца плачетъ надъ чужимъ горемъ; правда, онъ скоро и забываетъ его, потому что свое собственное несчастье поглощаетъ у него всѣ слезы, а часто ихъ даже и не хватаетъ.

Всѣ стояли на колѣняхъ, опустивъ руки и повѣсивъ головы. Беатриче, одна не мѣняя своего прежняго положенія, вдругъ подняла голову, бросила строгій взглядъ на этихъ несчастныхъ, и повелительнымъ голосомъ воскликнула. .

— О чемъ вы плачете? Встаньте! Знаете, кто убилъ нашего брата? Да, вы это знаете, но боитесь даже про себя произнести его имя. Того, чье имя вы и про себя произнести не смѣете, я назову вамъ громко: это его отецъ... нашъ отецъ... Франческо Ченчи.

Стоявшіе на колѣняхъ не шевельнулись, но ихъ рыданія усилились.

— Встаньте, я говорю вамъ; тутъ нужны не слезы! Надо позаботиться о нашемъ собственномъ спасеніи, и теперь же, если только мы не хотимъ, чтобъ нашъ отецъ убилъ всѣхъ насъ.

— Успокойся, дочь моя, успокойся, грѣшно предаваться гнѣву, отвѣтила Лукреція: — поди, стань тоже на колѣни и покорись волѣ Божіей.

— Что вы говорите, синьора Лукреція? Вы думаете служить Богу и богохульствуете. Послушать васъ, такъ подумаешь, что Богъ создалъ воду для того, чтобъ топить насъ; огонь, чтобъ жечь насъ; желѣзо, чтобъ рѣзать насъ... Гдѣ вы читали, что обязанность отца— мучить дѣтей своихъ, и обязанность дѣтей — позволять себя мучить? Такъ, стало быть, нѣтъ границъ, внѣ которыхъ сопротивленіе возможно? Стало быть, всякое возмущеніе законно? Такъ природа сдѣлала клеймо на лбу цѣлыхъ поколѣній людей: *терпи и молчи*? Развѣ есть что нибудь ужаснѣе дѣтоубійства? скажите мнѣ; потому что, хоть я и знаю много беззаконій, которыя дѣлаются на свѣтѣ, но можетъ быть еще не всѣ знаю. Я знаю, что есть три вещи, которыхъ перечесть нельзя: звѣзды на небѣ, дурныя мысли въ сердцѣ человѣка и страданія несчастныхъ... можетъ есть и еще что нибудь, тогда скажите мнѣ и это. Ахъ, синьора Лукреція, какъ же вы мало любили бѣднаго Виргилія!..

— Какъ! я не любила его? Это милое дитя было мнѣ такъ дорого, какъ будто я сама родила его.

— Въ самомъ дѣлѣ? Эти слова легко сказать, но на дѣлѣ оно едва ли такъ. Любовь матери не выдумывается. Еслибъ это было ваше дитя, еслибъ вы выносили его, родили его въ мукахъ, вы бы теперь не плакали, а вопили. Но что удивительнаго, что люди не внемлятъ голосу крови, когда ему даже небо не внемлетъ? Крикъ Авеля теперь не достигъ бы до Всевышняго... Но если небо сдѣлалось глухо, то мое сердце осталось прежнимъ: оно стонетъ, и содрогается, и бьется, какъ и въ тѣ времена... А ты Джакомо, ты мужчина, неуже-

ли ты ничего не чувствуешь тутъ? и молодая дѣвушка ударила рукою по груди брата.

— Беатриче, отвѣчалъ Джакомо Ченчи:— я уже не тотъ, что былъ прежде: лучшая часть меня самаго погибла; я кажусь тѣнью, воспоминаньемъ прежняго себя. Посмотри на меня... развѣ ты скажешь, что мнѣ двадцать пять лѣтъ? Что можно сдѣлать противъ судьбы? Я боролся больше, чѣмъ ты думаешь, я изо всѣхъ силъ кусалъ мою цѣпь, покуда она не искрошила мнѣ зубы... Посмотри, сестра, до какого униженія я доведенъ. Мнѣ не во что одѣться, у меня даже нѣтъ рубашки, я лишенъ средства держать въ чистотѣ тѣло,—развѣ это не унизительно дворянину? Но это было бы еще небольшое горе, еслибъ я страдалъ одинъ; у меня часто не достаетъ хлѣба, чтобъ накормить дѣтей. Изъ двухъ тысячъ скудъ, которыя отецъ обязанъ платить мнѣ по повелѣнію папы, онъ мнѣ едва, да и то съ трудомъ, даетъ осьмую часть; доходъ съ приданаго Луизы онъ отнимаетъ у меня; я часто вижу дѣтей своихъ нагими, жену въ слезахъ и всѣхъ голодными... Я бѣгу изъ дому, чтобъ не слышать этихъ криковъ; но они меня преслѣдуютъ до отчаянія. Скажи мнѣ, что жь я могу сдѣлать?

— Отчего мы не обратимся къ папѣ? Олимпія обращалась же къ нему, и ей удалось.

— А развѣ я не обращался? Я падалъ къ его ногамъ, обливалъ полъ слезами, просилъ его за моихъ дѣтей, за васъ и за себя. Я ему разсказалъ подробно ужасные поступки отца, я не скрылъ отъ него и самыхъ тайныхъ, самыхъ гнусныхъ; умолялъ его именемъ Бога, котораго онъ представляетъ на землѣ, не отказать намъ въ помощи. Строгій старецъ не былъ тронутъ, онъ не моргнулъ глазомъ; точно я просилъ помощи у бронзовой статуи св. Петра, ноги которой истерты поцалуями и все-таки остаются холодными. Онъ выслушалъ меня съ неподвижнымъ лицомъ, устремивъ въ меня свои сѣрые глаза, взглядъ которыхъ былъ тяжелъ, какъ свинецъ, и потомъ медленно произнесъ эти слова, которыя падали мнѣ на сердце, какъ хлопья снѣга: «горе дѣтямъ, которые открываютъ отцовскій позоръ! Хамъ за это былъ проклятъ. Симъ и Афетъ, оказавшіе уваженіе къ отцу своему, получили благословеніе Божіе, и потомство ихъ обитало въ вѣчныхъ селеніяхъ Ханаана. Читали ли вы гдѣ нибудь, чтобъ Исаакъ роптлалъ на Авраама? Развѣ дочь Афета удалилась въ горы для того, чтобъ проклинать отца своего? Отцы представляютъ Бога на землѣ. Еслибъ ты съ уваженіемъ наклонялъ голову, чтобъ поклоняться, ты не видѣлъ бы ошибокъ твоего родителя, и не обвинялъ бы его. Ступай съ Богомъ». И, говоря это, онъ прогналъ меня съ глазъ. Теперь ты видишь на дѣлѣ: Олимпія тѣми же доводами нашла путь къ милости

папы; я, напротивъ, заслужилъ равнодушіе и презрѣніе: въ этомъ видна судьба, а что можетъ человѣкъ противъ судьбы?

— Можетъ умереть.

— Ахъ! У тебя нѣтъ дѣтей, Беатриче, у тебя нѣтъ мужа, а у меня жена, любящая и любимая. Еслибъ я не былъ отцомъ, давно бы мое тѣло вытащили вмѣстѣ съ рыбою въ Остіи; но придетъ день, и скоро придетъ! Я вижу, что это одно средство избавиться мнѣ отъ ежедневнаго, невыносимаго отчаянія. Когда я прохожу мимо Тибра, мнѣ все кажется, что плескъ воды подъ мостами говоритъ мнѣ: пора! И конечно этимъ кончится... даже Беатриче побуждаетъ меня на это...

Беатриче нѣсколько разъ мѣнялась въ лицѣ, пока говорилъ Джакомо: внутренняя сила видимо побудила ее сказать что-то, но она удержалась; наконецъ, протянула руку Джакому и произнесла тихо:

— Братъ, я сказала необдуманныя слова... прости меня и забудь ихъ. Теперь встань... Кто слишкомъ преклоняется къ землѣ, того и поступки отзываются грязью... Будь человѣкомъ. Я въ порывѣ горести усомнилась въ милости Божіей; но онъ простилъ меня, потому что я чувствую, какъ нисходитъ въ душу мою спокойствіе, а съ покойнымъ сердцемъ можно рѣшиться на что-нибудь доброе...

— Ага! между алтаремъ и гробами затѣвается заговоръ?.. вдругъ раздалось сзади.

Дрожь пробѣжала по тѣлу всѣхъ: они обернулись съ перепуганными лицами и увидѣли стараго графа, который точно выросъ изъ подъ полу, съ багровымъ лицомъ, весь въ черномъ и съ красной шапочкой на головѣ, какую носили патриціи того времени. Лицо гордаго старика было неподвижно и страшно своимъ спокойствіемъ; оно было непроницаемо и зловѣще, какъ лицо сфинкса. Всѣ прижались другъ къ другу молча, и не смѣли поднять глазъ. Такъ птицы, притихнутъ вдругъ подъ деревомъ, съ приближеніемъ сокола, и имъ кажется, что онъ ихъ не видитъ. Одна Беатриче храбро и неустрашимо стояла передъ графомъ.

— Святые пусть будутъ свидѣтелями того, какъ достойные дѣти дѣлаютъ заговоръ противъ жизни своего отца. Впередъ... что же васъ удерживаетъ? Чего вы боитесь? Какое сопротивленіе можетъ оказать вамъ одинъ слабый, безоружный старикъ? Мѣсто удобное... въ присутствіи Бога... алтарь готовъ... готова жертва... гдѣ же вашъ ножъ, злодѣи?

Всѣ въ оцѣпененіи молчали. Франческо спокойнымъ голосомъ продолжалъ:

— А! вы не смѣете... мои глаза пугаютъ васъ?.. ни у кого изъ васъ не достаетъ храбрости смотрѣть мнѣ въ лицо? Бѣдные дѣти! Ну хорошо, если вы не знаете, я научу васъ, какъ привесть въ испол-

неніе вашъ замыселъ... и со всею подлостью, на какую вы способны. Ночью, когда все покоится, и отецъ вашъ... Франческо Ченчи... однимъ словомъ, я сплю... тогда мои глаза не будутъ наводить на васъ ужасъ... тогда вы поскорѣй вонзите мнѣ острый кинжалъ... хорошенько выточенный между двумя молитвенниками — вотъ сюда въ лѣвый бокъ... вы увидите, какъ онъ легко войдетъ. Жизнь старика это нитка: даже рука ребенка... даже лапка этаго насѣкомаго (и при этомъ онъ поднялъ ручку покойника, которую отбросилъ потомъ съ неимовѣрнымъ презрѣніемъ, такъ что она тяжело упала на край гробика) могла бы разрѣзать ее.

При этомъ нѣкоторые невольно закрыли себѣ лицо руками. Графъ съ тою же страшною ироніею продолжалъ:

— Я понимаю... вы и молча заставляете понимать васъ. Съ васъ не довольно моей смерти... вы хотите пользоваться плодами вашего преступленія. Это хорошо; но мнѣ тоже дорога честь нашего рода. Я самъ не вынесъ бы, чтобъ семейство мое было опозорено наказаніемъ... самое преступленіе вздоръ. Ну такъ слушайте меня... мы тутъ между своими... насъ никто не можетъ выдать: — вы приготовьте мнѣ зелье усыпляющее... царство природы изобилуетъ травами, которыя имѣютъ такія свойства! О природа! alma parens, ты съ самыхъ первыхъ дней сотворенія, производя столько ядовитыхъ травъ, предвидѣла будущія нужды и желанія дѣтей... какъ эти, которыхъ я произвелъ на свѣтъ любящими и хорошими... Предусмотрительная мать! Видите-ли... бросить меня внизъ съ балкона, развѣ ужь съ очень высокаго, я бы вамъ не совѣтовалъ; потому что отъ этого рѣдко умираютъ сразу, и боль могла бы вырвать у меня тайну, которую сердце напрасно старалось бы скрыть. Вы могли бы еще... да, клянусь святымъ Феликсомъ, патрономъ нашей фамиліи... это было бы средство истинно царское; — вы могли бы сдѣлать, какъ король Манфредъ, котораго хотя и трудно назвать святымъ, но нельзя также считать и за дьявола, потому что Дантъ помѣстилъ его въ нургаторій. Манфреду, видите ли, нетерпѣлось наслѣдовать королевство Сициліи, а отецъ его, императоръ Федерикъ, вовсе не торопился умирать: какъ тутъ быть? Жизнь отцовъ находится въ вѣчномъ противорѣчіи съ жизнью дѣтей. Есть же люди, которыхъ ремесло помогать смерти? И кто знаетъ, кому бы вы были болѣе благодарны: бабкѣ первыхъ или бабкѣ второй? Я понимаю ваше нетерпѣніе... а мнѣ простите за это мое многословіе, хотя бы въ благодарность, что я же и учу васъ, какъ отъ него избавиться навсегда. Манфредъ читалъ у постели отца; глаза старика отяжелѣли и онъ заснулъ такъ крѣпко, что слабое дыханіе только показывало въ немъ присутствіе жизни... дыханіе до того легкое, что оно едва могло бы помутить зеркало или

пошевелить перо... однимъ словомъ дыханіе такое же, какъ мое... Манфредъ вытащилъ подушку изъ-подъ головы отца и положилъ ее на него... какъ видите, дѣло одного мгновенія; потомъ вскочилъ на постель, обоими колѣнами уперся ему въ грудь, обѣими руками прижалъ подушку ко рту и ноздрямъ... и оставался въ этомъ положеніи, покуда не отправилъ отца, который ему ни на что не былъ нуженъ, и не пріобрѣлъ короны, которая ему была необходима...

— Ужасно! ужасно! воскликнула Беатриче.

— Ужасно! повторили другіе.

— Чего жь вы пугаетесь? Вы боитесь обжечь пальцы объ раскаленные угли ада, и затѣваете играть роль дьяволовъ на землѣ? А вы развѣ не знаете, что для того, чтобъ быть дьяволомъ, надо плавать шутя въ огненномъ морѣ и смѣяться въ мукахъ? Тогда человѣкъ считается достойнымъ обмочить свои руки въ кровь, какъ губы въ вино, и говорить даже въ присутствіи Бога: «я не грѣшилъ.» А! вы думаете дѣлать преступленіе, какъ бабочки, взмахомъ крыльевъ? Предоставьте мнѣ суровую роль сатаны, потому что я чувствую себя злодѣемъ всѣми силами своихъ способностей. Посмотрите на эти семь гробовъ... я приготовилъ ихъ для васъ, для Олимпіи, Кристофана и Феликса... вы тутъ не видите моего гроба, потому что я хочу умереть послѣ всѣхъ васъ. О, Боже, котораго я не знаю, если еще ты хочешь пріобрѣсти во мнѣ поклонника, который увѣровалъ бы въ тебя такого, какимъ тебя видѣлъ Моисей, могучимъ и ревностнымъ карателемъ четвертаго и пятаго поколѣнія ненавидящихъ тебя, пошли мнѣ счастье присутствовать при предсмертныхъ мукахъ моихъ дѣтей, закрыть имъ глаза и уложить ихъ на покой въ эти гробы! Даю клятву благороднаго дворянина — зажечь тогда свой дворецъ и самому въ немъ сгорѣть. Но ёсли ты не можешь сдѣлать мнѣ этой милости, я согласенъ умереть прежде нихъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ мнѣ было даровано право протянуть изъ могилы руку и увлечь ихъ за собою... Но ты меня не слышишь. Ну, такъ я и самъ позабочусь; оно будетъ лучше; потому что человѣкъ, покуда въ немъ есть дыханіе, не долженъ сообщать своихъ мыслей о мести никому — даже Богу. Ступайте, избавьте меня отъ вашего ненавистнаго присутствія. Ступайте вонъ!

Онъ сдѣлалъ движеніе рукой, какъ будто хотѣлъ оттолкнуть всѣхъ отъ себя; но ему вдругъ пришла, по видимому, другая мысль; онъ кинулся къ Джакомо и, схвативъ его за правую руку, заставилъ вернуться; потомъ, глядя на него пристально и приблизивъ къ нему лицо, началъ говорить:

— Ты жаловался, что у тебя нѣтъ рубахъ... лѣнтяй! Ступай на гробницу той, которая была твоей матерью, подыми крышку, возьми

простыню, въ которую она завернута, и отнеси ее своей женѣ, пусть она сошьетъ изъ нея рубашки твоимъ дѣтямъ. Да скажи ей, чтобъ она оставила отъ нея два куска: одинъ, чтобъ закрыть тебѣ лицо, когда ты умрешь недоброй смертью; а другой, чтобъ обтирать себѣ слезы, если она будетъ такой дурой, что станетъ проливать ихъ по такомъ мерзавцѣ, такомъ низкомъ, отвратительномъ созданіи, какъ ты...

— Ради Бога! оставьте меня, графъ... кричалъ Джакомо, дрожа всѣмъ тѣломъ и употребляя всѣ усилія, чтобъ вырваться изъ рукъ жестокаго старика.

— Нѣтъ, я не оставлю тебя, покуда не научу, какъ находить то, что тебѣ нужно. Хочешь хлѣба для своихъ дѣтей? Принеси домой горсть праха твоей матери, пускай ѣдятъ его... змѣи питаются землею. Или лучше, ступай, отнеси имъ мое проклятіе, которое я дарю имъ неотъемлемо inter vivos... ты имъ посыпь ихъ дѣтскія головы... не бойся оно не падетъ на камень... не отворачивай лица... я говорю тебѣ правду: ужь это обычай въ нашемъ семействѣ, что дѣти ненавидятъ отца; мы отъ дьявола родились и къ дьяволу вернемся; проклятіе, которое ты посѣешь, тебѣ вернется съ лихвою во время жатвы. Пускай у тебя съ женою не будетъ другъ для друга иныхъ словъ, кромѣ словъ брани и ненависти; пускай она выгонитъ тебя изъ постели, опозоритъ твое ложе; пусть жизнь твоя сдѣлается пыткой, смерть облегченіемъ...

Онъ наговорилъ бы еще больше, еслибъ Джакомо, сдѣлавъ отчаянное усиліе, не вырвался изъ его рукъ и не убѣжалъ, заткнувъ себѣ уши.

— Бѣги... бѣги, продолжалъ злой старикъ; — напрасно ты затыкаешь себѣ уши; мои слова имѣютъ то же свойство, какъ раны моего блаженнаго патрона, святаго Франческо: они жгутъ тѣло, разъѣдаютъ кости... послѣ смерти еще видны ихъ слѣды...

Лукреція и Бернардино, дрожа отъ страха, пустились бѣжать вслѣдъ за Джакомомъ; осталась одна Беатриче, неподвижная у изголовья гроба.

— А ты не трепещешь? спросилъ ее отецъ.

Беатриче, не отвѣчая ему, повернулась съ благоговѣніемъ и сложивъ руки къ алтарю, сказала:

— Святой крестъ, ниспошли свою милость на эту несчастную душу...

— Безумная! что ты говоришь о крестѣ? Тутъ нѣтъ ни Христа, ни Бога...

— Замолчите, старикъ. Подумайте, что вы съ минуты на минуту

можете быть призваны передъ его святое судилище, и что онъ одинъ... да, онъ одинъ можетъ помиловать и спасти васъ.

Старикъ хохоталъ и скрежеталъ зубами.

— Хочешь имѣть доказательство, что я невредимъ? Вотъ оно!

И, взойдя на ступеньки алтаря, онъ со всей силы ударилъ кулакомъ по мраморной доскѣ, говоря:

— Боже! если ты находишся въ этомъ алтарѣ, обрати меня въ пепелъ... я вызываю тебя, чтобъ ты меня разгромилъ за мое нечестіе... Говоря это, онъ положилъ голову на алтарь и, пробывши въ этомъ положеніи нѣсколько времени, раза три крикнулъ: не слышишь? Наконецъ поднялъ эту проклятую голову. Члены его тѣла дрожали, но не душа. Онъ посмотрѣлъ на дочь; его сморщенные глаза начали щуриться и смѣяться смѣхомъ ехидны; онъ подошолъ къ ней, какъ гроза. Она даже не моргнула.

— Поди ко мнѣ, Беатриче, тебя одну люблю я... ты свѣтъ моей жизни... ты...

И, одержимый дьявольскимъ безуміемъ, нечестивый старикъ приближается къ Беатриче, уже прикоснулся къ ней, уже въ изступленіи готовъ обнять ее; но она отскочила въ ужасѣ на другую сторону гроба и воскликнула:

— Между вами и мной пусть будетъ ваше дѣтоубійство!

При этомъ быстромъ движеніи она толкнулась о гробъ, который опрокинулся вмѣстѣ съ покойникомъ, увлекая за собою гирлянды цвѣтовъ и канделябръ съ зажженными свѣчами; канделябръ повалилъ Франческо Ченчи на землю. Голова покойника упала на голову старика; свѣтлые волосы мертваго ребенка и сѣдые волосы живаго старика смѣшались между собою — и вспыхнули отъ зажженныхъ свѣчей.

Старикъ корчился, какъ змѣя, которую давятъ, и, проникнутый невыразимымъ ужасомъ, ревѣлъ:

— Мертвецъ жжетъ меня!...

Съ отчаяннымъ усиліемъ онъ высвободился отъ трупа и съ трудомъ могъ стать на ноги. Какъ ужасенъ былъ въ эту минуту Франческо Ченчи! Обожженые волосы еще дымились, щеки и високъ распухли отъ обжога, глаза подкатились, такъ что изъ нихъ были видны одни желтые бѣлки, налитые кровью; всѣ члены судорожно дрожали.

— Ага, Франческо Ченчи! — бормоталъ онъ, скрежеща зубами: — ты испугался! Трусъ! ты испугался! Ребенокъ и покойникъ напугали тебя.... теперь я вижу, что ты, въ самомъ дѣлѣ, старъ!

Беатриче исчезла. Старикъ, шатаясь, пошелъ въ свои комнаты, исполненный страшныхъ и кровавыхъ замысловъ.

ГЛАВА VIII.

Отчаяніе.

Сырой вѣтеръ *широко* съ силою дуетъ съ моря, нагоняя на Римъ тучу за тучею, которыя пугливо и зловѣще бѣгутъ одна за другою, какъ лошади Апокалипсиса. Эти тучи наполнены гнѣвомъ Божіимъ и носятъ въ своемъ чревѣ ураганы, заразы и молніи для какой нибудь осужденной на гибель головы. Отъ дуновенія этого разлагающаго вѣтра тѣло постигаетъ слабость и раздражительность; на стѣнахъ домовъ показывается сырость; волосы прилипаютъ къ щекамъ; холодный потъ выступаетъ вокругъ шеи... Душа легко поддается гнѣву; въ словахъ является горечь; самые мягкіе голоса дѣлаются пронзительными... Закроешь окна, начинаетъ томить тоска; откроешь ихъ, вещи, листы бумаги, все разносится вѣтромъ по комнатѣ; пыль набивается въ волосы, въ складки рубашки и засоряетъ глаза.

Въ такой-то вѣтеръ, позднею ночью, въ убогой комнатѣ, сидѣли и разговаривали между собою мужъ и жена; передъ ними стоялъ простой деревянный, некрашенный столъ, и на столѣ грустно догарала, какъ чахоточный, сальная свѣча, едва освѣщая комнату и бросая вокругъ на столько свѣта, чтобъ можно было разсмотрѣть наружность разговаривающихъ. Мужчина казался убитымъ горемъ; руки его висѣли, какъ у человѣка, доведеннаго до отчаянія; женщина была подавлена страданіями, но взглядъ ея сохранилъ еще истинную римскую мощь и все еще былъ полонъ огня. Она видимо была взволнована чѣмъ-то и съ жаромъ говорила:

— Нѣтъ, я никогда не повѣрю всѣмъ этимъ злодѣйствамъ... Вѣдь это ужасно: отъ такихъ дѣлъ солнце можетъ остановиться на небѣ.

Мужчина этотъ былъ Джакомо Ченчи, женщина Луиза Велia. Джакомо, какъ мы уже сказали, было едва двадцать шесть лѣтъ; онъ былъ не высокъ ростомъ и скорѣе полонъ, чѣмъ худъ; но теперь онъ сидѣлъ исхудалый ужасно. Выросши подъ отцовскимъ гнѣвомъ и не испытавши кроткихъ увѣщаній, способныхъ смягчать сердце, онъ можетъ быть слѣдуя дурному примѣру, вышелъ бы похожимъ на отца, еслибы любовь не завладѣла во время его душой и не сдѣлала ее способною къ самымъ нѣжнымъ чувствамъ. Онъ влюбился въ Луизу, прелестную и достойную дѣвушку, но не знатнаго, хотя и старинннаго рода; и она отвѣчала ему не потому, что онъ принадлежалъ знатной фамиліи, но потому что знала, какъ безмѣрно онъ несчастливъ.

Нѣтъ существа, которое болѣе воспламенялось бы самопожертво-

ванiемъ, какъ женщина. Созданiе нѣжное, она легко увлекается всѣмъ тѣмъ, что ей кажется великодушнымъ: для нея блаженство—облегчать страданiя другихъ, ухаживать за опасно больнымъ. Когда медикъ и священникъ покидаютъ умирающаго, кто остается у его изголовья? женщина. Она была его радостью, можетъ быть и горемъ, въ жизни; но въ несчастiи она остается его ангеломъ хранителемъ; и послѣ его смерти, на колѣнахъ у его ложа, читаетъ молитвы по усопшемъ. Женщина послѣ всѣхъ покидаетъ мужчину,—даже послѣ надежды.

Если знамя свободы и религiи нуждается болѣе въ мужчинахъ для борьбы, то у него было больше женщинъ для проповѣди и для страданiй. Дѣвственницы первыхъ временъ христiанства, въ цвѣтѣ молодости, съ восторгомъ окрасили бѣлыя розы своихъ гирляндъ своею собственною кровью. Неужели было бы грѣшно вѣрить, что одинъ взглядъ, которымъ христiанская дѣвственница обвела толпу въ то время, когда поднятый топоръ, предназначенный для ея головы, разсѣкалъ уже воздухъ, обратилъ большее число людей въ вѣру Христову, чѣмъ проповѣди Iоанна Златоуста? Если это грѣхъ, я смѣло исповѣдываюсь въ немъ.

Отъ брака Луизы Велiа съ Джакомо Ченчи родилось въ короткое время четверо дѣтей. Жили они сперва, хотя и несоотвѣтственно высокому происхожденiю Джакомо, однако довольно удобно, покуда у Франческо Ченчи не прошелъ страхъ, навѣянный повелѣнiемъ папы, заставившимъ его выдавать сыну пенсiю въ 2000 скудъ въ годъ, Зная, что папа не станетъ слѣдить за этимъ, Ченчи началъ по немногу уменьшать пенсiю и, наконецъ, пересталъ почти вовсе выдавать деньги. Наконецъ семейство Джакомо впало въ большую бѣдность и начало терпѣть нужду въ самомъ необходимомъ.

Луиза, хотя и страдала сильно, но не столько за себя, сколько за семейство, и потому крѣпилась, на сколько у нея хватало силы; она обращала къ мужу веселое лицо и убѣждала его не падать духомъ, говоря, что все измѣнится къ лучшему. Послѣ тучь показывается солнце, говорила она, и проходитъ дурное; не можетъ быть, чтобъ такое положенiе продлилось,.!..—и тому подобныя общiя мѣста, которыя въ этихъ случаяхъ произносятъ губы и которымъ вѣритъ сердце. Увы! слишкомъ часто судьба, вцѣпившись въ волосы человѣка, тащитъ его въ могилу и до тѣхъ поръ не оставитъ, пока не зароетъ въ нее и не затопчетъ ногами землю, которую на нее насыплетъ. Богу одному были извѣстны горести достойной женщины; и какъ часто разрывалось сердце ея при видѣ своего благороднаго мужа, одѣтаго не только бѣдно, но грязно,—дѣтей, полунагихъ и часто голодныхъ. Частыя потрясенiя даже измѣнили не мало ея душу, и она подавляла не безъ усилiя голосъ упрека, который подымался въ ней и укорялъ

за слишкомъ большое долготерпѣніе. Она начинала жалѣть, что принесла себя въ жертву. Это было замѣтно и въ ея обращеніи съ мужемъ; но Джакомо, постоянно подавленному горемъ, было не до того, чтобъ замѣчать что-либо.

— Луиза, другъ мой, проговорилъ онъ таинственнымъ голосомъ: это еще не все... то ли онъ еще дѣлалъ!.. Слушай... подвинься ближе, чтобъ дѣти не слышали.

Но такъ какъ она не придвигалась, почувствовавъ какъ бы отвращеніе, то Джакомо самъ придвинулъ свой стулъ къ ней.

— Тебѣ надо знать, что мать моя была такъ же добродѣтельна и хороша... какъ ты, мой ангелъ... Но если сама она сохранила свое сердце чистымъ и вѣрнымъ своему супругу, ты понимаешь, что она не могла запретить другимъ влюбляться въ себя. Синьоръ Гаспаръ Ланчи полюбилъ ее страстно и, дѣйствуя менѣе осторожно, чѣмъ слѣдовало бы, онъ излилъ свою страсть въ очень плохомъ и довольно невинномъ сонетѣ, который напечаталъ и послалъ моей матери. На другой день онъ, по своему обыкновенію, пришелъ къ ней, въ отсутствіи Франческо Ченчи. Мать, какъ только его увидѣла, встала и, поклонившись ему, произнесла дрожащимъ голосомъ: «любезнѣйшій синьоръ Гаспаръ, послѣ огласки вашего сонета, я думаю, вы догадаетесь, что женщина съ правилами не можетъ больше принимать васъ; но такъ какъ вы сами этого не поняли, то я вынуждена вамъ сказать это». Видя его блѣдность, она однако почувствовала жалость и тотчасъ же прибавила: «я желаю вамъ всего хорошаго, синьоръ Гаспаръ; но зачѣмъ вы говорите мнѣ о любви, которую я, какъ жена другаго, не могу раздѣлить, не сдѣлавшись преступной, между тѣмъ какъ эта самая любовь осчастливила бы дѣвушку? Оглянитесь кругомъ и вы увидите, сколько въ Римѣ прекрасныхъ и достойныхъ невѣстъ; обратите вашу любовь на одну изъ нихъ и вы можете быть увѣрены, что она будетъ принята съ радостью, какъ того заслуживаетъ».

Смущенный синьоръ Ланчи разсыпался въ поклонахъ, голосъ его отказался служить ему, и только слезы выступили на глазахъ. Но такъ какъ любовь питается вздохами, слезами и надеждой, то онъ не переставалъ показываться подъ окнами дворца, награждая себя хоть тѣмъ, что видитъ стѣны, гдѣ живетъ предметъ его любви. Вдругъ однажды, на разсвѣтѣ, я слышу подъ окнами своей комнаты крики: «спасите, Бога ради! спасите!» Я поспѣшилъ выдти на улицу, со шпагой въ одной рукѣ и фонаремъ въ другой, и увидѣлъ у воротъ дворца тѣло Гаспара Ланчи, пронзеннаго насквозь шпагой. Мать моя, измученная уже тѣми страданіями, какія она претерпѣвала прежде, впала въ большую еще грусть, послѣ смерти бѣднаго Гаспара, причину ко-

торой приписывала себѣ. Еще и до этого несчастія она мало выходила изъ дому; а теперь уже никуда не показывалась и жила затворницей, вся поглощенная своею скорбью. Измученная старыми и новыми огорченіями, она стала чахнуть, и тѣ, которые посѣщали ее, видѣли, что ей уже недолго осталось жить; кромѣ того, вѣсть о близкой ея смерти распространялъ самъ Франческо Ченчи, который воспылалъ любовью, или лучше сказать, безуміемъ къ Лукреціи Петрони, нашей мачихѣ. Разъ за обѣдомъ, Франческо Ченчи воспользовался минутой, когда мать моя отвернулась, чтобъ позвать слугу, и съ быстротою, какъ аспидъ, всыпалъ порошокъ въ ея стаканъ. Мать выпила и, находя вино горькимъ, сдѣлала выговоръ буфетчику. Графъ тотчасъ велѣлъ подать себѣ сосудъ съ виномъ, попробовалъ его и объявилъ, что это тоже превосходное, аликантское вино, какое и всегда подавалось. Я готовъ уже былъ открыть ротъ и сказать о порошкѣ, но графъ, бросивъ на меня пронзительный взглядъ, отъ котораго у меня отнялся языкъ, сказалъ: «синьора Виргиніо, не обращайте вниманія; когда себя чувствуешь дурно, то прежде всего теряешь вкусъ къ вину». И сказавъ это, онъ всталъ изъ-за стола. Три дня спустя, въ этотъ самый часъ, скончалась мать, пошли Господи вѣчный покой душѣ ея! Тѣло ея не бальзамировали, потому что она сильно портилась; закупорили въ три гроба и поскорѣй отвезли на далекіе похороны.

Луиза слушала этотъ разсказъ съ какою-то недовѣрчивостью, и когда онъ кончилъ, она съ упрекомъ произнесла:

— Я не скажу, что графъ святой. Упаси Боже! Но это злословіе на отца не приноситъ вамъ ничего, кромѣ вреда...

— Чѣмъ же я злословлю?

— А развѣ не за это его святѣйшество васъ выгналъ изъ своего присутствія, какъ сына безъ сердца и врага своего родителя?

— Этотъ дьяволъ удачливъ по крайней мѣрѣ такъ же, какъ и развратенъ.

— Стыдитесь! Вспомните, что вы говорите о вашемъ отцѣ и что ваши дѣти васъ могутъ слышать,

— А если и услышатъ, что за бѣда? И прекрасно, пусть знаютъ, какъ дѣдъ не похожъ на ихъ отца.

— На васъ? А! если бы все, что вы разсказываете про графа, было правда, то вы вмѣстѣ съ нимъ имѣли бы право на ненависть дѣтей...

— Ненависть моихъ дѣтей! Луиза, ты съ ума сошла сегодня? И Джакомо подумалъ, ужь не бредитъ ли она?

— Да, да!—не удерживаясь больше, говорила внѣ себя Луиза — ненависть ко всему вашему роду! Ваши дѣти голодны и вы не можете найти имъ пропитанія! Они голы, а вы и не думаете о томъ, чтобъ

одѣть ихъ! О себѣ я ужъ не говорю. Вы прежде любили домашній кровъ; а теперь онъ вамъ противенъ: вы приходите домой рѣдко, всегда бываете суровы, скоро уходите, а о насъ и не думаете, хотя мы и ждемъ васъ съ безпокойствомъ цѣлыя ночи напрасно...

— Луиза! душа моя можетъ быть вынесла бы ваши вопли, но она не можетъ переносить нѣмаго горя моего семейства, я не въ силахъ видѣть столько бѣдствія. Другъ мой, неужели ты хочешь поставить мнѣ въ вину мою чрезмѣрную нѣжность къ вамъ?

— Скажите, Джакомо, развѣ отъ вашего отсутствія легче дѣтямъ? Развѣ отъ того, что они васъ не видятъ, они меньше плачутъ? Развѣ отъ того, что васъ нѣтъ, они сыты, одѣты, утѣшены? Зачѣмъ оставлять меня, бѣдную женщину, въ отчаяніи, безъ совѣта, безъ помощи? Развѣ мы соединились не для того, чтобъ помогать другъ другу? Зачѣмъ же мнѣ одной нести крестъ?

— Ты права, Луиза, но неужели ты не простишь мнѣ моей излишней нѣжности, или если хочешь моего малодушія?

— Фальшивый, жестокій человѣкъ! твоя нѣжность! твое малодушіе! А куда ты тратишь пенсію, которую даетъ тебѣ отецъ?..

— Что значитъ этотъ гнѣвъ? Развѣ я тебѣ не говорилъ тысячу разъ, что онъ отнялъ у меня пенсію и, какъ милостыню, бросаетъ мнѣ по три, по четыре скуди?

— Да, вотъ какъ!.. онъ отнялъ у тебя пенсію? Онъ бросаетъ тебѣ, какъ милостыню, три, четыре скуди! А твои любовницы? скажи-ка, чѣмъ ты ихъ содержишь? А твои незаконныя дѣти? чѣмъ ты ихъ кормишь?

— Луиза, ты бредишь...

— О! я незабочусь о себѣ; я вернусь къ своимъ родителямъ; и хотя отъ нихъ и отвернулась судьба, я знаю, что они примутъ меня радушно. Мнѣ не тяжело работать, чтобъ снискивать пропитаніе. Я не упрекаю тебя за мою отцвѣтшую красоту, за молодость, погубленную съ тобою: — конечно, я выхожу изъ твоего дома совсѣмъ другою, чѣмъ вошла въ него... Что-жъ за бѣда? Мы, женщины, — какъ цвѣты, которые срываютъ для минутнаго удовольствія, — понюхаютъ и бросятъ. Я тебѣ не желаю зла, избави меня Боже пожелать зла отцу моихъ дѣтей...

— Луиза, другъ мой!.. Ты напрасно выходишь изъ себя! Говори спокойнѣй! выслушай меня...

— Ступай въ объятія другой женщины... ты все таки не найдешь никого, кто бы любилъ тебя такъ, какъ я тебя любила... Но это слова женщины, и ты можешь на нихъ не обращать вниманія... выслушай только, умоляю тебя, слова матери. Сжалься надъ этими несчастными дѣтьми... посмотри на нихъ... посмотри на меня... и сердце

тебѣ скажетъ, что это твои дѣти... кровь твоей крови... люби ихъ по крайнѣй мѣрѣ столько же, какъ тѣхъ, которыя у тебя есть отъ другой женщины, не обрекай ихъ на голодную смерть. Я кормила Анжелино, сколько могла, своей грудью... теперь видишь у меня ужь и молока нѣтъ... О пресвятая Дѣва! Даже молоко изсякло у меня въ груди... сжалься надъ бѣдной матерью!..

Джакомо водилъ кругомъ отупѣлый взглядъ, и его перепуганный видъ, вмѣсто того чтобъ уничтожить, еще усиливалъ подозрѣнія жены. Наконецъ, онъ въ отчаяніи воскликнулъ:

— Ахъ! кто отравилъ сердце жены моей? Кто отдѣлилъ плоть отъ моей плоти? То, что соединила воля Божія, разъединяетъ злоба Франческо Ченчи. Франческо Ченчи! я тебя вижу въ этомъ! Твое зловредное дыханіе поражаетъ меня смертельно... Луиза, скажи, кто оклеветалъ меня въ твоемъ сердцѣ?

— Клевета! Много ли виновныхъ ударяютъ себя въ грудь говоря: *я согрѣшилъ?* А ожерелье, которое ты купилъ своей любовницѣ, клевета? Клевета тоже парчевое платье твоего побочнаго сына? Перестроенный домъ снисходительному мужу также клевета?

— Если бы горе не давило мнѣ сердце, клянусь Богомъ, твои слова заставили бы меня смѣяться. Однако довольно, Луиза; это все ложь...

— Ты говоришь, ложь? Такъ возьми же, читай.

И вынувъ письмо изъ за пазухи, она его бросила ему на столъ. Джакомо развернулъ и сталъ читать. Это было анонимное письмо, написанное сквернѣйшимъ почеркомъ и плебейскимъ слогомъ; въ немъ сообщали Луизѣ о невѣрности ея мужа, о связи его съ женою столяра и о томъ, какъ онъ моталъ деньги на эту женщину. Ее увѣдомляли также, что онъ выстроилъ имъ домъ и снабдилъ столяра деньгами для его торговли, не умалчивалось и о драгоцѣнномъ ожерельи и о великолѣпныхъ платьяхъ, подаренныхъ этой женщинѣ; говорилось еще, и—это былъ самый сильный ударъ сердцу бѣдной матери — что отъ этой непозволительной связи родился прелестный ребенокъ, котораго Джакомо любитъ безъ памяти. О подаркѣ парчеваго платьица распространялись съ злобнымъ удовольствіемъ.

Джакомо медленно передалъ письмо женѣ и, грустно качая головой, сказалъ:

—И какъ могла ты, Луиза, жена моя, съ твоимъ здравымъ умомъ, повѣрить этому глупому и гнусному письму?

— Потому, что это правда, — отвѣтила она съ жаромъ, судорожно рыдая.

— Луиза, неужели и ты готова скорѣй повѣрить клеветнику, у котораго не достаетъ даже храбрости назвать себя, который можетъ

имѣть, и навѣрное имѣетъ, самыя дурныя цѣли, дѣйствуя такъ безчестно, хочетъ вооружить противъ меня твое сердце, нарушить мое семейное счастье, похитить единственное благо, какое у меня осталось— твою любовь,—повѣрить ему, а не мнѣ, который любитъ тебя и хранитъ, какъ зеницу своего ока, чтитъ тебя, какъ мать дѣтей своихъ... и который въ этомъ клянется тебѣ своей душою.

— Я больше вѣрю письму, чѣмъ тебѣ, потому что письмо говоритъ правду, а ты лжешь.

— Луиза, я кстати напомню вамъ наставленіе, которое вы давали мнѣ: вспомните, что ваши дѣти не только могутъ васъ слышать, но уже слушаютъ, и что я ихъ отецъ.

— Я нарочно говорю въ ихъ присутствіи, чтобъ они раньше научились знать тебя.

— Молчать, женщина!.. Молчать! Вы не въ своемъ умѣ! Это все ложь; я клянусь вамъ честью благороднаго дворянина, — этого довольно!

— Въ самомъ дѣлѣ, вы дворянинъ безъ упрека; вамъ остается только быть безъ страха, чтобъ походить на рыцаря Баярда! А когда вы увѣрили меня и мое семейство, что отецъ вашъ даетъ согласіе на нашу свадьбу, вы не клялись также точно честью благороднаго дворянина?

Джакомо покраснѣлъ до самаго корня волосъ, потомъ сдѣлался опять блѣднымъ, наконецъ съ горечью проговорилъ:

— Та, изъ любви къ которой я сдѣлалъ вину, не должна бы меня такъ строго упрекать за нее: тогда страсть къ вамъ отняла у меня разсудокъ...

— А теперь что у васъ отнимаетъ его? продолжала все съ большею настойчивостью безразсудная женщина, не въ силахъ будучи владѣть собою.

Раздраженный Джакомо началъ сурово унимать ее.

— Замолчите!..

— А если я не захочу молчать?..

— Я найду средство закрыть вамъ ротъ...

— Ты найдешь?.. о! ты ужь нашелъ его!.. Когда мы кладемъ головы на одну подушку, кто знаетъ, сколько разъ ты уже думалъ о томъ, чтобъ уничтожить мою!..

— Луиза!..

— Теперь змѣя показала свой ядъ. Жестокій человѣкъ! Съ тебя не довольно жертвы? Ты хочешь, чтобъ она молчала, не испустила ни одного вздоха, чтобъ не возмутить радости, которую доставляетъ тебѣ ея смерть. Имѣй по крайней мѣрѣ любезность древнихъ жрецовъ... увѣнчай твою жертву цвѣтами и покрой ее багряницей...

— Да замолчи хоть разъ, ради самого Бога!..

— Нѣтъ... я не хочу молчать!.. нѣтъ, я хочу говорить!.. я хочу обвинять тебя въ твоемъ беззаконіи передъ людьми и Богомъ... измѣнникъ... лгунъ... подлецъ!..

Негодованіе закипѣло въ груди Джакомо, уже раздраженной страданіями и несчастіями, подобно водѣ, которая отъ сильнаго жара начинаетъ бить черезъ край. Дрожа отъ гнѣва, онъ принялся искать на себѣ кинжала; но, къ счастію, онъ потерялъ кинжалъ. Убѣдившись въ этомъ, онъ въ изступленіи началъ метаться по комнатѣ; ему попалась подъ руку длинная граненая шпага, съ которою онъ съ безумнымъ бѣшенствомъ кинулся на жену.

Луиза схватила дѣтей, окружила себя старшими и, взявши на руки меньшаго, бросилась на колѣни передъ мужемъ. Тотъ шелъ на нее; она даже не моргнула глазомъ.

— Напой его моею кровью, говорила она: — молока ужь нѣтъ у меня... кровожадный!

Джакомо остановился, зашатался, какъ человѣкъ, получившій ударъ въ голову, отбросилъ шпагу и робко протянулъ свои объятія женѣ, но она отвернулась отъ него, воскликнувъ:

— Нѣтъ!.. никогда!..

Тогда Джакомо, потерянный, обратился къ дѣтямъ и, съ невыразимой нѣжностью, умолялъ ихъ:

— Дѣти мои! увѣрьте вашу мать, что она заблуждается; скажите ей, что я всегда любилъ ее и люблю. Придите хоть вы въ мои объятія... утѣшьте меня... мое сердце разрывается отъ невыразимой горести!

— Нѣтъ!.. ты заставилъ плакать маму!

— Ты хотѣлъ убить маму... поди прочь!

— Мы тебя больше не любимъ: ты злой!

— Поди вонъ!.. поди!.. кричали въ одинъ голосъ всѣ трое.

— Поди вонъ? хорошо... Мои дѣти отворачиваются отъ меня... выгоняютъ меня изъ дома... я уйду. Но ты по крайней мѣрѣ, прибавилъ онъ, обращаясь къ меньшому, котораго Луиза положила въ колыбель: — невинное созданіе, котораго люди не могли еще испортить... ты услышишь безпорочный голосъ природы, прими мое объятіе, и пусть это будетъ единственнымъ наслѣдствомъ, которое можетъ оставить тебѣ твой несчастный отецъ.

Ребенокъ, перепуганный разстроеннымъ видомъ отца и его судорожными движеніями, закрылъ личико обѣими ручонками и принялся кричать отъ страху. Джакомо остановился, посмотрѣлъ на ребенка и, сложивъ крестомъ руки на груди, произнесъ тихимъ голосомъ:

— Вотъ, отецъ преслѣдуетъ меня до смерти... жена отвергаетъ меня... дѣти гонятъ отъ себя... сама природа опрокидываетъ для меня свои законы, и этотъ ребенокъ чувствуетъ ко мнѣ инстинктивный ужасъ, какъ къ чему-то зловѣщему!.. До этого человѣкъ не долженъ доживать никогда... а я терпѣлъ до послѣдней крайности! Какъ бревно на дорогѣ, я въ жизни своей только помѣха, ненавистная обуза. Что тебя останавливаетъ теперь, неутѣшная душа? Ты утѣшишь и меня и моихъ дѣтей, когда улетишь изъ моего тѣла!.. пойдемъ. Благословить ихъ, или нѣтъ?.. Я желалъ бы... и не смѣю... Нѣтъ... можетъ быть мои слова прежде, чѣмъ коснутся ихъ головъ, превратятся въ проклятія... Горькая жизнь, несчастная смерть, проклятая память!.. Боже! ты видишь все это! Ты видишь и даешь на это свое согласіе!.. Ты сломилъ согнутый тростникъ... и я признаю себя побѣжденнымъ!..

Съ этими словами, исполненный отчаянія и ухватившись за волосы, Джакомо покинулъ свой домъ. Всякій, кто бы увидѣлъ его въ эту минуту, будь это даже врагъ его, сказалъ бы: «Господи, сжалься надъ этимъ несчастнымъ страдальцемъ!»

Луиза не замѣтила ухода мужа, а если и замѣтила, то мало обратила на него вниманія, вся поглощенная любовью къ дѣтямъ. Горячіе поцалуи и ласки, которыя она расточала имъ въ эту минуту, заставили ее позабыть, что самая сильная связь семьи была порвана. Несчастная, какъ горько заплатитъ она за ту недобрую минуту, когда она безразсудно предалась слѣпому негодованію!

ГЛАВА IX.

Свекоръ.

— Я сама намѣрена все разъяснить! воскликнула Луиза и, сдѣлавъ движеніе, полное рѣшимости, начала приводить въ порядокъ свою бѣдную одежду, потомъ достала черную мантилью, завернулась въ нее и, поручивъ дѣтей единственной служанкѣ, которую держала въ домѣ, отправилась во дворецъ свекора.

Войдя въ переднюю, она не могла не замѣтить, какъ лакеи искоса поглядывали на нее, очевидно, принимая ее за что-то неважное. Можетъ быть они и подняли бы ее даже на смѣхъ, еслибъ она не остановила ихъ, обратясь къ нимъ съ гордымъ видомъ знатной дамы:

— Доложите графу донъ-Франческо, что донна Луиза Ченчи, его невѣстка, пришла навѣстить его... и что она дожидается въ передней...

Слуги какъ-будто попали изъ огня да въ полымя. Они не знали, докладывать о ней, или нѣтъ: и то и другое было одинаково опасно. У ихъ господина былъ такой бѣдовый характеръ, что, если его не угадаешь, то самое малое, что могло случиться, это потерять кусокъ хлѣба.

Хлѣбъ! Это та магнитная игла, которая поворачиваетъ въ извѣстную сторону стадо сыновъ Адама.

Хлѣбъ! Это та ежедневная потреба, которую люди слишкомъ часто не умѣютъ доставать себѣ безъ преступленія и подлости.

Хлѣбъ! Это камень, который нужно привязывать на шею всякому благородному чувству, чтобъ потопить его въ морѣ зла. Слова нѣтъ, велика была мудрость, внушившая молитву къ Богу о дарованіи хлѣба насущнаго; но такъ какъ она часто бываетъ не услышана, то не лишнее было бы прибавить къ ней: *«а если не хочешь, Боже, или не можешь дать мнѣ насущнаго хлѣба, такъ дай мнѣ по крайней мѣрѣ твердость умереть съ голоду, не дѣлая подлости»*.

Между тѣмъ человѣкъ не хочетъ умереть съ голоду, и подлость намазываетъ себѣ, какъ масло на хлѣбъ; незамѣтно даже, чтобъ это ему портило аппетитъ или разстраивало пищевареніе.

Старые лакеи, въ которыхъ было болѣе волчьяго, чѣмъ человѣческаго, стѣснились въ кружокъ и разсуждали, что имъ дѣлать? но, повидимому, скоро рѣшили, потому что одинъ изъ нихъ, мигнувъ глазомъ на молодаго лакея, очень тщеславнаго, недавно поступившаго къ графу, сказалъ: «похвалить дурака, такъ онъ пойдетъ».

— Кирьякъ! обратились они къ новичку:—мы даемъ вамъ случай показаться барину; вы молоды и ловки, а мы уже старики и не знаемъ, какъ и держать себя передъ господами... такъ вамъ по праву слѣдуетъ доложить о синьорѣ.

Польщенный честолюбецъ попался въ ловушку; а можетъ быть имъ владѣло и тайное намѣреніе выжить ихъ самихъ со временемъ и завладѣть милостями барина.

— Эчеленца, произнесъ Кирьякъ, входя къ графу, согнувшись, какъ первая четверть луны: — пришла и ждетъ въ передней какая-то синьора, которая называетъ себя невѣсткой вашего сіятельства; она желаетъ васъ видѣть.

— Кто такая? крикнулъ графъ, подскочивъ на креслѣ.

Онъ всегда былъ суровъ съ прислугой, но сегодня былъ страшенъ. Лицо его было перевязано и онъ чувствовалъ острую боль въ обожженной щекѣ.

— Невѣстка вашего сіятельства...

Графъ осматривалъ съ головы до ногъ слугу такими сердитыми глазами, что тотъ почувствовалъ лихорадочный ознобъ; но, поддер-

живаемый талисманомъ *хлъба* и согнувшись уже въ три погибели, онъ прибавилъ:

— Сколько я могъ замѣтить въ разныхъ случаяхъ, эчеленца, ваша прислуга совсѣмъ не годится для вашего сіятельства.

— Ты это замѣтилъ?

— Это и многое другое, потому что я всегда стараюсь изучать привычки моихъ господъ, чтобъ предупреждать ихъ желанія; но, не смотря на это, я думалъ, что не доложить о ней, было бы оскорбленіе, взявши въ соображеніе знатность имени, которое она, по ея словамъ, носитъ.

Донъ-Франческо презрительно улыбнулся, замѣтивъ, какъ этотъ негодяй лестью старается влѣзть ему въ душу. И когда онъ кончилъ говорить, графъ, глядя ему пристально въ глаза, сказалъ:

— А что васъ заставило полагать, что мои родные, и въ особенности моя невѣстка, донна Луиза, могутъ быть мнѣ непріятны? Вы подсматриваете дѣйствія своихъ господъ, и это очень дурно; вы перетолковываете на-выворотъ ихъ намѣренія — это еще хуже. Ступайте къ моему дворецкому, скажите, чтобъ онъ заплатилъ вамъ годовое жалованье, и снимите сейчасъ же мою ливрею... Чтобъ сегодня ночью ужь васъ не было въ моемъ домѣ.

Лакей очутился въ положеніи человѣка, который сталъ подъ дерево съ тѣмъ, чтобы защититься отъ дождя, и вдругъ почувствовалъ, что на него упала вѣтка, сломанная грозою. Онъ хотѣлъ повалиться въ ноги, старался произнесть что-то и испросить себѣ помилованіе, но графъ, не терпѣвшій того, чтобъ слуга оставался, получивъ приказаніе, произнесъ голосомъ, которому не было возможности не повиноваться:

— Поди вонъ!..

— А! свѣтлѣйшая, сіятельнѣйшая донна Луиза! говорилъ со слезами Кирьякъ. — Посмотрите... за то, что я впустилъ васъ, мнѣ приходится убираться изъ дому!.. Подумайте сами, справедливо ли это? Я остаюсь просто на улицѣ; я не говорю, что это по вашей винѣ... сохрани Боже! но все-таки за то, что я хотѣлъ услужить вамъ, на меня обрушилась такая бѣда... похлопочите за меня; я поручаю себя вашей милости, — вѣдь это будетъ на вашей совѣсти...

Бѣдный лакей, съ полу-мольбой, съ полу-укоромъ, подавленный смертельною нуждою въ *хлъбъ*, хватался за донну Луизу (на которую смотрѣлъ за минуту съ презрѣніемъ), какъ за послѣдній якорь спасенія.

У Луизы, надо сказать правду, сжалось сердце отъ этого тяжелаго случая; она была въ нерѣшимости, идти ли ей дальше, или вернуться домой; но рѣшилась на худшее и вошла.

Старые лакеи окружили своего товарища, попавшаго въ немилость и, тонко подсмѣиваясь надъ нимъ, лѣчили ему рану купоросным маслом.

Луиза, безъ горести, но и безъ униженія, подошла къ письменной конторкѣ, у которой свекоръ ожидалъ ее, стоя; и когда она, изъ уваженія къ нему, какъ къ отцу, хотѣла поклониться ему въ ноги, онъ не допустилъ ее до этого, но поспѣшилъ поднять и сказалъ кроткимъ голосомъ:

— Нѣтъ, дочь моя, у меня уши не на ногахъ. Не въ упрекъ вамъ, я скажу, что человѣкъ не долженъ кланяться въ землю никому, кромѣ Бога.

— Батюшка, — такъ какъ уже вы мнѣ даете право называть васъ этимъ именемъ, — позвольте мнѣ прежде всего просить у васъ прощенія за то, что я только теперь предстала предъ лицо ваше. Меня увѣрили, что выгоните меня изъ вашего дома... а такого стыда, вы это поймете, не можетъ вынести знатная римская дама...

— Конечно, вы сдѣлались женой моего старшаго сына, на котораго я расточилъ всю свою нѣжность и гордость, сдѣлались его женой безъ моего согласія, даже не испросивши моего отцовскаго благословенія, — да что я говорю о благословеніи и о согласіи? даже безъ моего вѣдома, — а это мнѣ кажется такимъ забвеніемъ всякаго приличія, такимъ пренебреженіемъ всякой покорности, что сердце отца не могло не скорбѣть глубоко. Что же касается до того, что я выгналъ бы васъ отъ себя, то, мнѣ кажется, что моя невѣстка, женщина, считающая себя знатной римской дамой, должна бы знать, что римскій баронъ не можетъ быть невѣжливъ съ женщиною, даже въ такомъ случаѣ, еслибъ ея присутствіе было ему и непріятно...

Такъ какъ донна Луиза, задѣтая тонкимъ намекомъ на ея скромное происхожденіе, уже готова была отвѣтить съ горячностью, и лукавый старикъ замѣтилъ это изъ румянца, которымъ вспыхнули ея щеки, то онъ поспѣшилъ прибавить самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Тѣмъ болѣе, что вы принадлежите къ хорошей фамиліи и пользуетесь репутаціей достойной женщины, поэтому я бы и не могъ найти причины препятствовать вашему браку. Также точно не могли бы служить помѣхой и ограниченныя средства вашего семейства, во-первыхъ потому, что судьба распоряжается богатствомъ также, какъ море берегами: оно заливаетъ и осушаетъ ихъ безъ отдыха; а мнѣ всегда была дороже добродѣтель безъ денегъ, чѣмъ богатство при надменности, злости и глупости...

— Донъ-Франческо, мнѣ очень больно, что для того, чтобъ оправдать себя, я должна обвинять другаго; но вамъ необходимо знать, что Джакомо, ослѣпленный страстью, обманулъ меня, увѣрилъ честнымъ

словомъ благороднаго человѣка, что вы дали ваше согласіе на нашъ бракъ, и что нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ васъ желать, чтобъ бракъ нашъ оставался покуда тайной.

— Вотъ такъ-то!.. воскликнулъ графъ, стукнувъ объ полъ ногою: — пренебреженіе первою обязанностію всякаго благороднаго человѣка, которая есть правдивость, ведетъ всегда къ несчастіямъ. Вы по крайней мѣрѣ были только обмануты, а со мной поступили предательски. Я можетъ быть могъ бы обвинить васъ за то, что вы съ излишней легкостью повѣрили; я могъ бы назвать неосторожными вашихъ родителей и васъ, но во всякомъ случаѣ, чѣмъ виноваты ваши дѣти?

— И я изъ-за нихъ-то и пришла... Въ нихъ течетъ ваша кровь и имъ суждено продолжать вашъ родъ...

— А сколько ихъ у васъ?

— Четверо, и всѣ — ангелы невинности и красоты! съ жаромъ отвѣчала Луиза, и глаза ея наполнились слезами.

— Какъ плодородна змѣиная порода! подумалъ про себя графъ Ченчи; но съ улыбкой продолжалъ:

— Да сохранитъ ихъ вамъ Господь Богъ...

— Отецъ мой, ваши слова ободряютъ меня. Выслушайте же меня: я именно съ тѣмъ и пришла, чтобъ говорить вамъ о вашихъ внукахъ. Вы видите во мнѣ несчастнѣйшую изъ женщинъ. Но о себѣ я не говорю. Не обращайте вниманія на мое бѣдное платье, изъ-за котораго ваши слуги чуть не подняли меня на смѣхъ... Но помните одно, что у моихъ дѣтей, а вашихъ внуковъ, нечѣмъ покрыть наготу тѣла и часто нѣтъ хлѣба, чтобъ утолить голодъ.

Слезы горести, которыя бѣдная мать проливала за минуту, смѣнились горькимъ рыданіемъ.

— Можетъ ли это быть? Я, разумѣется, не скрою, что я въ отношеніи къ Джакомо былъ всегда немного скупъ; но это потому, что опытъ доказалъ мнѣ,какъ онъ все больше и больше предается жизни, несоотвѣтствующей его средствамъ. Расточительность сына моего, это его неисправимый порокъ. Мнѣ всегда было больно дѣлать его худшимъ, чѣмъ онъ есть. Угрызеніе совѣсти удерживало меня отъ слишкомъ большой щедрости въ отношеніи къ нему; я помнилъ, что долженъ буду дать за него отвѣтъ Богу. Еслибъ мои предки не завели обычая дѣлать духовныя завѣщанія и еслибъ я не имѣлъ намѣренія слѣдовать этому похвальному обыкновенію, то знаете ли, моя милая и почтенная невѣстушка, я бы былъ очень неспокоенъ на счетъ судьбы вашихъ дѣтей, моихъ внуковъ. Но мнѣ кажется, что съ двумя тысячами скудъ въ годъ можно не только доставлять все необходимое, но даже нѣкоторыя удобства своему семейству.

— Но Джакомо увѣряетъ, будто вы не даете ему этой пенсіи и бросаете ему кое-когда по нѣскольку скудъ, скорѣе въ знакъ оскорбленія, чѣмъ въ подмогу его бѣдности.

— Онъ это разсказываетъ? и можетъ быть даже клянется тѣмъ же честнымъ словомъ благороднаго человѣка, которымъ онъ увѣрялъ васъ въ моемъ согласіи на вашу свадьбу? Я не божусь, меня учили, что христіанинъ долженъ говорить: да или нѣтъ... Но вотъ вамъ, удостовѣрьтесь сами въ домовой книгѣ (онъ взялъ записную книгу, открылъ ее передъ глазами невѣстки, и указывалъ пальцемъ на разныя мѣста, которыхъ та, разумѣется, и не посмѣла читать); посмотрите сами, платилась ему или нѣтъ условленная пенсія. Ужь если этотъ несчастный доводитъ родителя своего до униженія оправдываться, то самыя камни возстанутъ, чтобъ свидѣтельствовать противъ него. Клевета, клевета всегда не законна; однако это еще не большая вина и не за нее мое отеческое сердце укоряетъ Джакомо! Но мои горести должны быть похоронены въ моемъ сердцѣ. Боже! Франческо Ченчи, какой ты злополучный отецъ, какой несчастный старикъ!.. Боже, Боже мой! — И онъ закрылъ себѣ обѣими руками лицо.

Луиза была растрогана этою почтенною наружностью, этою глубокою горестью. Безсовѣстный старикъ тѣмъ же жалобнымъ голосомъ продолжалъ:

— Еслибъ я по крайней мѣрѣ могъ найдти сердце, чтобъ излить въ него всю безмѣрную горечь души моей!..

— Отецъ мой! — Графъ!.. Я тоже несчастнѣйшая мать и жена; излейте мнѣ вашу душу... мы будемъ плакать вмѣстѣ...

— Достойная женщина! Добрая дочь моя! долгъ жены прилѣпиться, какъ кость къ кости, къ человѣку, котораго она избрала своимъ спутникомъ въ жизни: — поэтому я не долженъ говорить вамъ, и можетъ быть я сказалъ уже слишкомъ много такого, что можетъ заставить васъ любить его меньше... О, Джакомо! Какую тьму скорби ты разливаешь на послѣдніе дни жизни твоего бѣднаго отца! Я даже не видѣлъ въ лицо моихъ милыхъ внуковъ — этой нѣжной гордости дѣда. Мы могли бы жить всѣ вмѣстѣ подъ одной кровлей, соединенные благословеніемъ Божіимъ! Этотъ дворецъ слишкомъ великъ для меня; я брожу по немъ одинъ, дрожа отъ холоду, а я долженъ бы видѣть себя обновленнымъ въ своихъ внукахъ, я долженъ бы согрѣваться ихъ ласками; между нашими сердцами, которыя жаждутъ сблизиться, и нами самими возстаетъ непреодолимая стѣна, и стѣну эту сложилъ своими пороками несчастный Джакомо.

Луиза, видя выраженіе ненависти въ лицѣ старика, испугалась, что она окончательно повредила судьбѣ мужа. Поэтому она съ осторожностью спросила его самымъ кроткимъ голосомъ:

— И васъ такъ оскорбляютъ, отецъ мой, поступки вашего сына, что даже надежда на заслуженное прощеніе не можетъ имѣть мѣста въ вашемъ отеческомъ сердцѣ?

— Я предоставляю вамъ самимъ судить, я вамъ напомню только вещь, которая извѣстна всему свѣту, и потому избавляетъ меня отъ необходимости разсказывать ее. Кто подвинулъ Олимпію написать папѣ эту предательскую записку, за которую у меня вырвали изъ моихъ объятій мою погибшую дочь и нанесли неизгладимую рану моему сердцу и вредъ моему доброму имени?—Джакомо.—Кто устроилъ, чтобъ этотъ гнусный пасквиль попалъ въ руки его святѣйшества? — Джакомо. — Кто, распростершись у ногъ намѣстника Христова, умолялъ его со слезами о моей смерти? Кто? — Можетъ быть врагъ мой? чей нибудь сынъ, у котораго я умертвилъ отца? — Нѣтъ, Джакомо, человѣкъ, обязанный мнѣ жизнью...

— О, отецъ мой, успокойтесь ради Бога! Можетъ быть вамъ наговорили о Джакомо больше и хуже, чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ говорилъ и дѣлалъ. Вы вашимъ старымъ опытомъ знаете обыкновеніе слугъ говорить дурно о тѣхъ, которые впали въ немилость у ихъ господина. Но еслибы даже проступки сына вашего были дѣйствительно такъ дурны, какъ вы говорите, то вспомните только, что онъ ваша кровь, — вспомните, что Іисусъ Христосъ простилъ тѣхъ, которые распяли его, потому что они не вѣдали, что творили...

— Но Джакомо слишкомъ хорошо вѣдаетъ, что творитъ. Его нечестіе возрастаетъ съ каждымъ днемъ: — онъ ежечасно стремится къ тому, чтобъ отнять у меня мое доброе имя и этотъ послѣдній остатокъ жизни... Въ нетерпѣніи своемъ, сынъ мой удивляется медленности моей смерти, у которой отъ избытка его желаній должны бы уже выростн крылья.—Слушай, дочь моя, и ты простишь меня за то, что я больше не въ силахъ удержать свое негодованіе. Прошу тебя объ одномъ: пусть эти фразы останутся между Богомъ, мною и тобою; особенно, чтобъ внуки мои никогда этого не знали, чтобъ они не научились ненавидѣть отца своего. — Нѣсколько дней назадъ, онъ пришелъ сюда развращать Беатриче и Бернардино, безсовѣстно увѣряя ихъ, что я былъ причиною смерти Виргилія; онъ не знаетъ, что бѣдный ребенокъ, къ величайшему моему и своему несчастію, былъ пораженъ неизлѣчимою чахоткою. Но это еще не все: внизу, въ церкви святаго Ѳомы, воздвигнутой благочестіемъ нашихъ предковъ и обновленной мною, въ то время, когда служилась торжественная панихида по душѣ покойнаго дитяти, превративъ катафалкъ въ каѳедру нечестія, безъ всякаго уваженія къ святости мѣста, къ священнымъ алтарямъ, къ церковному обряду, къ Богу, невидимо здѣсь присутствовавшему, онъ злоумышлялъ вмѣстѣ съ другими погибшими дѣтьми моими и

женою на мою жизнь... Ты содрогаешься, добрая Луиза? Удержи свой ужасъ, тебѣ придется содрогаться гораздо больше отъ того, что ты еще услышишь. Когда я, несчастный отецъ! наклонился, рыдая надъ тѣломъ этого ангельскаго созданія, отозваннаго преждевременно къ лучшей жизни, не знаю, какое новое безуміе или неслыханное бѣшенство овладѣло ими... они опрокинули на меня покойника... принялись бить меня... изранили... Посмотри сама, дочь моя; вотъ здѣсь на мѣстѣ видны слѣды ихъ преступнаго посягательства...

Онъ остановился, какъ подавленный ужаснымъ воспоминаніемъ; потомъ со слезами въ голосѣ продолжалъ говорить:

— Теперь, когда ко мнѣ будутъ подходить мои дѣти, въ особенности Джакомо, знаешь ли, что мнѣ остается дѣлать? Пробовать, хорошо ли мнѣ застегнули кольчугу, ощупывать, не забылъ ли я кинжала, класть между имъ и мною вѣрную собаку, которая защищала бы мою жизнь отъ его злобы... Да, собаку, — съ тѣхъ поръ, какъ моя собственная кровь враждуетъ со мною... Недовѣряя человѣческой породѣ, лучше мнѣ искать защиты между животными: — у меня даже была собака, испытанной вѣрности... они и ее убили... зловѣщее предзнаменованіе для отца, которому готовятъ тоже самое! Уже давно не покидаетъ меня мысль, родившаяся у моего страдальческаго изголовья, и преслѣдуетъ меня неотступно: долженъ ли я допустить ихъ совершить преступленіе, или, положивши своими собственными руками конецъ моей злополучной жизни, избавить ихъ отъ позора наказанія, а себя отъ невыносимой пытки жить? О, Боже! Какъ тяжела эта необходимость погубить свою или ихъ душу!

При этихъ словахъ онъ склонилъ голову, и глаза его остановились на письмѣ изъ Испаніи, которое извѣщало его о неминуемой смерти Филиппа II, который болѣе всѣхъ другихъ королей возбуждалъ его удивленіе, и онъ подумалъ въ глубинѣ души: — счастливъ онъ, что прежде смерти могъ задушить своего сына, и за то получилъ благословеніе святой матери церкви!

Въ это время кто-то тихонько постучался въ дверь, графъ поднялъ голову и громкимъ голосомъ произнесъ:

— Войдите...

Явился Марціо и, увидѣвъ, что графъ не одинъ, нерѣшительно сказалъ:

— Эчеленца... нотаріусъ,..

— Пусть ждетъ. Отведите его въ зеленую комнату, тамъ онъ можетъ на свободѣ отдохнуть...

— Эчеленца, онъ велѣлъ мнѣ доложить вамъ, что его зовутъ въ другое мѣсто для спѣшнаго дѣла...

— Чортъ возьми! Кто смѣетъ имѣть волю, противную моей, да

еще въ моемъ домѣ? Я почти готовъ бы сдѣлать съ нимъ то, что сдѣлали съ графомъ Уголино и бросить ключи въ Тибръ. Ступай и не позволяй ему уходить безъ моего согласія...

Плохо сдерживаемая досада, съ которой графъ съ дрожащимъ голосомъ произнесъ эти слова, обнаружила бы для всякаго его лицемѣрство въ предыдущемъ разговорѣ; но мысли Луизы витали далеко, и она долго сидѣла съ поникшей головой, какъ уничтоженная, не будучи въ силахъ ни видѣть, ни слышать происходившаго. Графъ посмотрѣлъ на нее и, успокоенный ея видомъ, продолжалъ:

— Я рѣшился сдѣлать вашихъ дѣтей наслѣдниками моего движимаго имущества; за недвижимое я спокоенъ, потому что оно не можетъ быть ни заложено, ни продано; кромѣ дохода съ него, вашъ Джакомо не въ правѣ ничего расточать, и волей или неволей долженъ будетъ сдать все въ неприкосновенности маіорату. Васъ я сдѣлаю опекуншей движимаго имущества и надѣюсь, что съ васъ будетъ, чѣмъ хорошо жить и еще останется для увеличенія состоянія. Я хотѣлъ во всемъ этомъ посовѣтоваться съ вами, но я не могъ рѣшиться послать просить васъ къ себѣ; я боялся, что вы не примете моего приглашенія. Но вы пришли по собственному побужденію, и я вижу въ этомъ внушеніе Божіе. Даже слѣпые должны бы увидѣть въ этомъ перстъ Божій.

Хотя Луиза, какъ всякая мать, была чрезвычайно обрадована блестящими намѣреніями дѣда въ отношеніи къ ея дѣтямъ, но она все-таки, какъ добродѣтельная женщина, не могла удержаться, чтобъ не замѣтить:

— А синьора Беатриче, а донъ Бернардино?...

— Приданое Беатриче уже отдѣлено и оно слишкомъ достаточно для удовлетворенія самаго знатнаго жениха... Бернардино готовится въ духовное званіе, а домъ Ченчи имѣетъ значительнѣйшія привилегіи въ самыхъ богатыхъ римскихъ монастыряхъ.

— А прочіе ваши дѣти?

— Какіе дѣти?

— Донъ Христофанъ и донъ Феликсъ?

— О! они, слава Богу, уже снабжены всѣмъ и имъ ничего не надо, отвѣчалъ графъ; и глаза его сжались и засвѣтились злобной улыбкой.

— Прежде чѣмъ оставить васъ, графъ, позвольте... и донна Луиза не рѣшалась договорить; но материнская любовь взяла верхъ надъ женскою гордостью, и она съ рѣшимостью продолжала:—я бы желала открыть вамъ причину моего прихода къ вамъ...

— Говорите...

— Если мои молитвы будутъ услышаны на небѣ, вы проживете еще сто лѣтъ; а мои дѣти между тѣмъ, въ совершенной крайности...

— Ахъ, какой я безпамятный!— началъ графъ, хватаясь за голову и какъ бы говоря про себя. Бѣдная женщина! она права. Она не можетъ разсчитывать на долю этого негодяя, которую онъ проматываетъ внѣ дома съ другой женщиной, съ любовницей, и съ другими дѣтьми, которые ему дороже законныхъ...

— Какъ! какъ!—воскликнула Луиза, ухватившись обѣими руками за правую руку тестя. Такъ вы это тоже знаете, донъ Франческо!

— Невѣстушка моя, отвѣчалъ графъ, принимая строгій видъ, вамъ слѣдуетъ знать, что сердце отца не менѣе дорожитъ добрымъ именемъ своихъ дѣтей, чѣмъ сердце жены любовью мужа; но въ Джакомо, который загубилъ въ себѣ всякое благородное чувство, мы оба должны считать погибшимъ — вы мужа, я сына.

Луиза испустила тяжелый вздохъ...

— Теперь слушайте меня, донна Луиза. Я съ радостью помогу вамъ деньгами для вашихъ нуждъ, только съ тѣмъ, что вы поклянетесь исполнить одно условіе,—я не требую, чтобъ вы обязались слѣпо: о, никогда! Я скажу вамъ свое условіе и причину, его вызвавшую, а если вы найдете его, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, способнымъ устроить благосостояніе вашихъ дѣтей, вы свободно и по совѣсти поклянетесь исполнить его.

— Я васъ слушаю, донъ Франческо.

— Вы, добрыя женщины, живущія одною любовью, слишкомъ скоро забываете досаду противъ предмета вашей любви: вы, какъ паруса, тотчасъ опускаетесь, чуть только спадетъ вѣтеръ... О! я хорошо знаю, сколько силы имѣютъ двѣ слезы и одинъ поцалуй, чтобъ утишить самую сильную супружескую грозу. Мнѣ кажется, я уже вижу Джакомо прощеннымъ и любимымъ вами въ тысячу кратъ болѣе нѣжнѣйшая изъ супругъ. Вы ему покажете деньги и скажете, какъ получили ихъ отъ меня; а онъ (предоставьте ему только!) ужь найдетъ средство отобрать у васъ эти деньги; и я буду видѣть, что эти деньги, вмѣсто того чтобъ служить для прокормленія дѣтей, пойдутъ на удовлетвореніе его гнусныхъ наклонностей. Съ другой стороны, я предвижу, что онъ даже изъ этого поступка выведетъ клевету на меня: а я не желалъ бы, чтобъ благодѣяніе навлекло мнѣ новыя огорченія. Развѣ ужь не довольно съ меня всѣхъ тѣхъ, которыя я переношу? Развѣ я слишкомъ многаго хочу, если стараюсь не увеличивать ихъ бремени? Итакъ, я желаю, чтобъ вы ни за что въ свѣтѣ не открывали ему, что имѣете деньги, и особенно не открывали бы, изъ какого источника ихъ получили. Ну что, находите вы это условіе исполнимымъ, или нѣтъ?

— Разумѣется исполнимымъ; вы даете мнѣ добрый совѣтъ; но я даже и безъ всякаго условія поступила бы также точно.

— Тѣмъ лучше. Вотъ святыя мощи.—При этомъ графъ вынулъ спрятанный на груди золотой крестикъ и, поднося его невѣсткѣ, прибавилъ:—поклянитесь на этомъ крестѣ, освященномъ на гробѣ Господнемъ, поклянитесь спасеніемъ вашей души, жизнью вашихъ дѣтей, что вы исполните ваше обѣщаніе...

— Нѣтъ нужды въ такой торжественной клятвѣ, отвѣчала Луиза, слегка улыбаясь:—впрочемъ извольте, я клянусь вамъ...

— Хорошо, прервалъ ее графъ, теперь возьмите, сколько вамъ угодно и, говоря это онъ открылъ ящикъ, наполненный золотомъ. Молодая женщина стыдилась и не рѣшалась ничего взять, но графъ настаивалъ: — да берите же, берите!.. это довольно странно, право, чтобъ между отцомъ и дочерью были такія церемоніи. Ну, хорошо, я это и самъ сдѣлаю. И, наполнивъ кошелекъ, онъ вручилъ его невѣсткѣ. Луиза, вся разгорѣвшаяся, благодарила его нѣжнымъ наклоненіемъ головы.

— Прежде однако, чѣмъ вы оставите меня, моя милая невѣстушка, дайте мнѣ сказать вамъ еще одно слово... потому что вы хорошо понимаете, что, не смотря на ужасныя оскорбленія, которыя нанесъ мнѣ Джакомо и которыя онъ не перестаетъ наносить мнѣ, — онъ все-таки остается моимъ сыномъ. Не переставайте испытывать всевозможныя средства, чтобы привлечь этаго погибшаго человѣка ко мнѣ на грудь... закрывайте глаза на его измѣны... переносите оскорбленія... забудьте, что у него есть другія дѣти, кромѣ вашихъ... что въ то время, какъ онъ отказываетъ этимъ послѣднимъ во всемъ необходимомъ для существованія, онъ расточаетъ на своихъ незаконныхъ дѣтей деньги, и они ходятъ въ золотой и серебряной парчѣ... Простите его, обратите его на путь истинный, возвратите его мнѣ: мои объятія всегда отверзты для него... мое сердце всегда готово забыть все въ одномъ искреннемъ поцалуѣ:—стараясь возвратить мнѣ сына, вы вмѣстѣ съ тѣмъ возвратите отца вашимъ дѣтямъ, мужа себѣ. О, еслибъ это могло случиться прежде, чѣмъ глаза мои закроются!..Конечно моя жизнь была ни что иное, какъ страданіе, и она уже приходитъ къ концу; но иногда случается, что мрачные дни проясняются къ вечеру, и лучь солнца, блѣдный, но благодатный, поздній, но желанный, — проглянетъ, чтобъ сказать ему дружеское прости, прежде, чѣмъ онъ исчезнетъ...

— Донъ Франческо, вы преисполнили меня такимъ удивленіемъ, такою нѣжностью и благодарностью, что я не умѣю выразить мои чувства словами. Пускай ихъ замѣнитъ этотъ поцалуй, который я, съ дочернею привязанностью, кладу на вашу отцовскую руку. И хотя я

знаю, что никогда не буду въ состоянiи отплатить вамъ за благодѣянiя, которыми вы меня осыпали, позвольте мнѣ однако просить васъ прибавить къ нимъ еще одно: простите этого слугу, котораго вы прогнали по моей винѣ...

— Достойная женщина! Не я, Луиза, а вы простите его, потому что я прогналъ его за то неуваженiе, съ какимъ онъ говорилъ о васъ.

При этомъ онъ позвонилъ и явился комнатный лакей.

— Кирьяка!

Кирьякъ пришелъ съ смиренно-поникшей головою.

— Благодарите донну Луизу Ченчи, мою свѣтлѣйшую невѣстку, за то, что она позволяетъ вамъ остаться въ моемъ домѣ, прощая вамъ вашу вину. Впередъ ведите себя лучше и будьте почтительнѣе съ вашими господами.

— Моя добрая госпожа и синьора, говорилъ Кирьякъ, бросаясь ей въ ноги, да благословитъ васъ Господь за меня и за мое бѣдное семейство, которое безъ вашей милости должно было бы пойти по мiру... и осталось бы безъ куска хлѣба...

Луиза улыбнулась ему. Донъ Франческо, не смотря на ея просьбу не безпокоиться, съ любезностью проводилъ ее до двери; потомъ, вернувшись скорыми шагами, положилъ руку на плечо Кирьяка и, устремивъ на него свои злые глаза, началъ говорить ему:

— Теперь ты не только выйдешь изъ моего дома, но даже изъ Рима, — даже совсѣмъ изъ папскихъ владѣнiй, и сейчасъ же; — если завтра я узнаю, что ты еще здѣсь, то я самъ позабочусь о твоемъ путешествiи. Иди и не оглядывайся: я не могу превратить тебя въ соляной столбъ; но я могу просто превратить въ мертвое тѣло. Запечатай себѣ ротъ и носи въ сердцѣ страхъ ко мнѣ, но если ноги откажутся служить тебѣ, продолжай свой путь ползкомъ на колѣняхъ. Ты, который имѣлъ опасное любопытство изучать обыкновенiя своего господина, конечно замѣтилъ, что онъ никогда не измѣняетъ тому, что обѣщалъ. Ступай и помни, что Бога не изучаютъ, а обожаютъ; и всякiй господинъ долженъ быть Богомъ для своихъ слугъ и подданныхъ.

Эти угрозы и этотъ взглядъ навели такой ужасъ на Кирьяка, что онъ прямо выбрался изъ Рима, даже не простившись съ своимъ семействомъ. При малѣйшемъ шелестѣ листьевъ ему казалось, что у него за спиной какой нибудь *браво* графа Ченчи; и не прежде, какъ пройдя нѣсколько миль отъ Рима, онъ сталъ спокойнѣе.

Графъ, оставшись одинъ, велѣлъ позвать нотарiуса, чтобъ скрѣпить завѣщанiе, которое у него ужь было написано, и въ ожиданiи его ходилъ по комнатѣ, говоря про себя съ злобною радостью:

— Теперь Ченчи ужь не насладятся моимъ богатствомъ: я всѣхъ

ихъ лишаю наслѣдства на случай, ежели они переживутъ меня; разумѣется, я употребляю все зависящее отъ меня, чтобъ этого не случилось. Законъ о лишеніи наслѣдства самый важный изъ всѣхъ четырнадцати, указанныхъ Юстиніаномъ. Стало быть, мое завѣщаніе будетъ исполнено, per Dio! Еслибъ мои внуки не были доведены до того, чтобъ грызть себѣ кулаки отъ голода, я воскресъ бы для того, чтобъ задушить судей, которые рѣшили бы въ ихъ пользу.... Да притомъ я оставляю все на монастыри и духовныя братства, такъ я могу быть спокоенъ. Они не выпустятъ ничего изъ своихъ рукъ. А потомкамъ моимъ я оставляю Тибръ, чтобъ утопиться.

ГЛАВА X.

Пиръ.

Прекрасно море съ его голубою зыбью и золотыми переливами. Влюбленная луна глядиться съ его волны и онѣ трепещутъ отъ наслажденія. Но когда онѣ, какъ слезы, бѣгутъ одна за другою на берегъ, въ ихъ плавномъ говорѣ слышны вопли утопающихъ и стоны отчаянія осиротѣвшихъ.

Прекрасно солнце, когда оно въ блескѣ лучей встаетъ изъ-за родныхъ горъ и однимъ своимъ взглядомъ зажигаетъ жизнь на землѣ и въ небѣ; прекрасно оно и въ тѣ мгновенія заката; когда оставляетъ послѣ себя золотой паръ, подобный ожерелью, которое дарилъ своей возлюбленной рыцарь, отъѣзжающій въ далекія страны... Птицы быстро летаютъ по небу, собирая свои семьи, и поютъ громче отъ любви къ погасающему свѣтилу и отъ страха къ раждающемуся мраку; въ поляхъ звонъ колокольчиковъ собираетъ стада домой; съ высоты колоколенъ унылый звукъ колокола даетъ знать, что насталъ часъ для семейныхъ радостей, или для поминокъ. Напрасно! Не всѣ люди любятъ домашній очагъ и молитву объ умершихъ; многіе, напротивъ, выжидаютъ у оконныхъ отверстій окончанія дня и свободнѣе дышатъ при появленіи ночи, потому что мысли ихъ дѣйствія полны мрака. Я тоже, хоть я и не люблю тьмы, не откликнусь на призывъ! (*) Что ждетъ меня на закатѣ дня? Тюремная келья, одинокая, голая, холодная, гдѣ я слышу одни стоны больныхъ, или предсмертныя муки умирающихъ.

Съ гласиса древней крѣпости Вольтерра, я засматриваюсь на дальнія

(*) Гверраци былъ заключенъ въ крѣпости *Вольтерра* и лежалъ въ больницѣ, когда писалъ свой романъ.

горы; любуюсь, какъ онѣ изъ голубыхъ, улыбающихся превращаются въ черныя и грозныя, подобно друзьямъ, которые измѣнили, или облагодѣтельствованнымъ людямъ, которые по обыкновенію платятъ свой долгъ монетою неблагодарности. Облака, за минуту еще сіявшія отливами перламутра, становятся мрачными, какъ воспоминанія прошлаго блаженства. Кое гдѣ мелькаютъ бѣлые паруса и исчезаютъ въ туманѣ, подобно бѣглымъ мыслямъ. Древняя рѣка Чечино извивается въ лугахъ безчисленными колѣнами, какъ будто боясь потеряться въ морѣ. Такъ точно и жизнь дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы избавиться отъ неизбѣжной смерти. Бѣги быстрѣй рѣка, куда гонитъ тебя природа, и не удерживай въ безполезныхъ усиліяхъ свои воды, — всему суждено исполнить законъ судебъ. Какъ сломленныя вѣтви и пучки соломы несутся твоимъ теченіемъ, такъ царства и народы уплываютъ по рѣкѣ временъ и исчезаютъ.... Остается только память о нихъ, какъ гулъ отъ твоего паденія...

Но день погасъ. Длинная ночь предстала со своимъ безмолвіемъ и зоветъ на одинокій трудъ работниковъ мысли. Вернемся же и мы къ прерванной работѣ...

Донъ Франческо Ченчи устроилъ великолѣпный, истинно царскій пиръ. Столъ былъ накрытъ въ обширной залѣ, потолокъ которой былъ расписанъ лучшими художниками того времени. Бѣлый съ золотомъ карнизъ, поддерживаемый бѣлыми же колонами съ инкрустаціями золотыхъ арабесокъ, окаймлялъ стѣны. Простѣнки между колонами покрыты исполинскими зеркалами; но такъ какъ искусство еще не достигало тогда до умѣнія дѣлать ихъ цѣльными, и они состояли изъ нѣсколькихъ кусковъ, то, чтобы скрыть составныя части, венеціанцы раскидали на нихъ амуровъ, фрукты, листья, цвѣты, всевозможныхъ птицъ, написанныхъ съ неподражаемымъ искусствомъ; восемь дверей были завѣшены тяжелою бѣлою шолковою тканью съ рельефными золотыми цвѣтами по каймѣ и съ графскимъ гербомъ по серединѣ цвѣтовъ бѣлаго съ алымъ. Словомъ, все было великолѣпно: ткани, зеркала и живопись; только живопись болонской школы была уже слишкомъ на эффектъ, утративъ прелесть простоты.

Я не стану описывать волшебнаго вида этой залы, изобилія цвѣтовъ, разливающихъ ароматъ, множества зажженныхъ свѣчей въ серебряныхъ канделябрахъ, отражающихся цѣлыми миріадами въ зеркалахъ, въ хрусталѣ вазъ и бокаловъ, въ золотѣ и серебрѣ разныхъ предметовъ самой изысканной работы. Времена нашего разсказа еще не такъ далеки отъ насъ, чтобы тотъ, кого это занимаетъ, не могъ видѣть всю эту утварь въ музеяхъ. Въ домахъ нашихъ патриціевъ такихъ вещей уже или нѣтъ вовсе, или они очень рѣдки: ихъ распродали иностранцамъ. Да и чего бы еще не продали наши патриціи,

еслибъ только нашелся на нихъ покупщикъ?.. При видѣ этого безобразнаго торга, я почти готовъ сказать: благословенъ грабежъ ненавистнаго нѣмца! Солдатъ-грабитель не уноситъ у тебя надежды возвратить похищенное добро, жажды стремиться къ этому всѣми силами; но иностранецъ, который по соглашенію покупаетъ у тебя отцовскую святыню, покупаетъ у тебя въ тоже время часть твоего сердца и ты продаешь ему часть своего отечества! Грабежъ подстрекаетъ сердце къ исканію свободы и къ мщенію; добровольная продажа раждаетъ рабство.

Донъ Франческо принималъ своихъ гостей съ вѣжливостью, свойственною его высокому происхожденію, и любезностью, которую диктовалъ ему его умъ. Тутъ были многіе изъ рода Колонна, двое Санта-Кроче, Онуфрій, князь дель-Оріола и донъ Паоло, о которомъ говорилось вначалѣ этой повѣсти, и монсиньоръ казначей; не много погодя, явились кардиналы Сфорца и Барберини, друзья и родственники дома Ченчи, съ нѣкоторыми другими лицами, о которыхъ не упоминаетъ исторія; наконецъ, по приказанію графа, за обѣдомъ участвовали донна Лукреція, Бернардино и Беатриче.

Беатриче одѣлась въ трауръ. Еслибъ она не надѣла чернаго платья въ видѣ протеста противъ страшнаго веселья отцовскаго пира, то можно бы подумать, что она сдѣлала это изъ женскаго кокетства; такъ шло оно къ ней и такъ рѣзко выказывало бѣлизну ея тѣла. Вмѣсто всякаго украшенія, она вплела въ свою русую косу завядшую розу, слишкомъ вѣрный символъ ея будущей судьбы.

— Добро пожаловать, благородные родные и друзья! Добро пожаловать, высокопреосвященнѣйшіе кардиналы, столбы святой Матери Церкви и блескъ ея urbis et orbis. Еслибы небо дало мнѣ сто бронзовыхъ языковъ и сто желѣзныхъ грудей, какъ о томъ молилъ его Гомеръ, я бы не счелъ ихъ достаточными, чтобъ отблагодарить васъ за честь, которую вы дѣлаете вашимъ присутствіемъ моему роду.

— Графъ Ченчи, вашъ знаменитый родъ такъ высоко поставленъ, что ему не надо другихъ лучей для того, чтобъ блестѣть яркой звѣздой на нашемъ римскомъ небосклонѣ — отвѣчалъ цвѣтисто, по по духу того времени, Колонна.

— Вы, по вашей безпредѣльной благосклонности, слишкомъ пристрастны ко мнѣ, почтеннѣйшій донъ Курцій: какъ бы то ни было, я чрезвычайно благодаренъ вамъ за вашу любовь. Я сдѣлался для васъ почти чужимъ, я боялся, что мое появленіе между вами испугаетъ васъ, какъ появленіе выходца изъ Трофоньевой пещеры; но чтоже дѣлать? Меня грызла безграничная тоска, злой недугъ! Тоска, это тончайшая пыль, которую подымаетъ восточный вѣтеръ: она проникаетъ всюду, ко всему пристаетъ и давитъ тѣло и душу. Меланхоликъ, болѣе чѣмъ

зачумленный, долженъ изгнать себя изъ храмовъ Израиля и изъ пиршествъ наслѣдниковъ Анакреона — я говорю для васъ духовныхъ, которымъ я привыкъ показывать уваженіе; что же касается до васъ, миряне, то я можетъ быть дѣйствовалъ бы безъ церемоніи... но нѣтъ... я думалъ, что, еслибъ у меня были достаточныя причины покончить съ собою, то въ деревьяхъ и рѣкахъ, чтобъ повѣситься или утопиться, благодаря Бога, недостатку бы не было. — Но я не повѣсился потому, что, когда подумаешь хорошенько, то увидишь, что смерть скверная штука;—и притомъ я всегда слышалъ, что о вещахъ, которыя дѣлаются только одинъ разъ, надо подумать. Тѣмъ не менѣе, я не хотѣлъ наводить на васъ тоску своимъ присутствіемъ. Теперь, когда лучь свѣта озарилъ слегка мракъ моей души, я отряхнулъ пепелъ съ своихъ волосъ и срываю, еще одинъ разъ, можетъ быть послѣдній, розу, и вплетаю ее въ нихъ. Конечно, зимою не слѣдовало бы пристращаться къ розамъ: этаго нѣжнаго цвѣтка не выростишь на снѣгу... но правда и то, что въ нашей благословенной Италіи во всякое время года цвѣтутъ розы; вы видите этому доказательство на моей Беатриче, и если не найдешь ихъ въ своемъ саду, ступай въ чужой и срывай ихъ тамъ. Да, срывай ихъ силой! Какой законъ осудитъ старика, который передъ смертью похитилъ розу въ воспоминаніе своей угаснувшей молодости и въ утѣшеніе угасающей жизни? Это все равно, какъ еслибы его святѣйшество отлучилъ отъ церкви умирающаго за то, что онъ обращаетъ послѣдній взглядъ свой къ свѣту, котораго лишается навсегда... А тебѣ, Беатриче, что за странная фантазія пришла приколоть къ волосамъ увядшую розу! Ты неужели боишься для своихъ щекъ соперничества свѣжей розы? — Не бойся, дитя; ты можешь смѣло идти на всякое сравненіе, потому что ты рождена всѣ ихъ побѣждать.

Молодая дѣвушка бросила ему взоръ пронзительный, какъ стрѣла; онъ принялъ его прищурясь, и зрачки его заискрились. Донъ Онуфрій Санта Кроче отвѣчалъ:

— Мы собрались къ вамъ, графъ, какъ родные и друзья, чтобы раздѣлить вашу радость; и я вполнѣ убѣжденъ, что она должна быть велика, потому что я никогда не видѣлъ васъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа.

— Я дурно дѣлалъ, князь, что не старался приводить себя въ веселое настроеніе; и что еще хуже, я замѣтилъ это слишкомъ поздно. Парка, вы знаете, или лучше сказать, вы не знаете, потому что вы, преосвященные кардиналы, считаете эти исторіи за ересь... такъ видите ли, Парка прядетъ намъ много дней изъ черной шерсти съ немногими блестками изъ золота; вотъ тутъ-то и нуженъ умъ, чтобъ умѣть отдѣлить ихъ: надо плакать въ грустные дни, ликовать въ ве-

селые, иначе мы превратимъ всю жизнь въ вѣчную панихиду. Omnia tempus habent... И хотя я не согласенъ съ мудрѣйшимъ царемъ Соломономъ, что можетъ даже существовать время для убійствъ, я пристаю къ его мнѣнію, когда онъ говоритъ что все на свѣтѣ vanitas vanitatum.

Монсиньоръ казначей замѣтилъ саркастически:

— Ваша необыкновенная веселость проявляется всегда такъ невоздержно передъ людьми, которыхъ вы видите рѣдко: въ ней есть что-то лихорадочное; и я въ этомъ удостовѣряюсь болѣе, когда вспомню, что еще недавно смерть опечалила вашъ домъ.

— А! Монсиньоръ, что вы мнѣ напоминаете? Мы не можемъ уронить на землю какое нибудь воспоминаніе, чтобъ пріятель, съ докучливымъ участіемъ, не поднялъ его и не возвратилъ его вамъ, говоря: «смотрите, у васъ упало съ сердца горькое воспоминаніе, положите его опять на свое мѣсто.» Да притомъ всякій можетъ удивляться этому кромѣ монсиньора, мудрость котораго въ божественныхъ вещахъ намъ слишкомъ извѣстна. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не подражаю царю Давиду? Вы видите, что я беру хорошій примѣръ; какъ онъ, я воскликнулъ, когда умеръ мой сынъ: «я постился и плакалъ, покуда онъ жилъ; я думалъ: кто знаетъ, можетъ быть, Господь Богъ еще сохранитъ мнѣ его! Теперь, когда онъ умеръ, зачѣмъ мнѣ поститься? Развѣ я верну его? Я буду все приближаться къ нему; но онъ ко мнѣ уже не можетъ придти...»

По тѣлу Беатриче пробѣжала дрожь отъ такого лицемѣрія.

— Однако графъ, вскрикнули разомъ гости: — пора вамъ вывести насъ изъ безпокойства. Мы не можемъ дождаться узнать причину вашей веселости, чтобы раздѣлить ее съ вами.

— Благородные друзья! Еслибъ вы сказали: пора удовлетворить любопытству, которое насъ томитъ, — то ваши слова были бы вѣроятнѣе, и можетъ быть, откровѣннѣе. Но какъ бы то ни было, вы хлопочете напрасно; я не намѣренъ портить своего радостнаго извѣстія, объявивъ его на тощій желудокъ. Ни за что! Богъ посылаетъ росу утромъ и вечеромъ, когда чашечки цвѣтовъ готовы принять ее, а не въ полдень, на раскаленные камни. Приготовьте себя прежде дарами Цареры и Бахуса, какъ сказалъ бы поэтъ, и потомъ вы услышите мое пріятное извѣстіе. И такъ, за столъ, благородные друзья, за столъ!

— Синьора Лукреція, шепнула Бетриче на ухо мачихѣ: — какое нибудь ужасное бѣдствіе виситъ надъ нашими головами! Никогда еще глаза его не блистали такою злобною радостью, какъ сегодня.

— Господи, помилуй меня и защити!.. Не знаю отчего, но и у меня тоже дрожать ноги.

— Кто вамъ сказалъ, что у меня ноги дрожатъ? У меня не дрожатъ ни ноги, ни душа.

Всѣ сѣли за столъ. Графъ Ченчи на почетномъ мѣстѣ въ концѣ стола, по тогдашнему обычаю, предоставлявшему хозяину дома самое почетное мѣсто; съ обѣихъ сторонъ около себя онъ посадилъ свое семейство; дальше заняли мѣста гости, которыхъ разсаживалъ дворецкій по ихъ значенію. Блюда были изысканы и разнообразны и всякое имѣло особенный видъ: одно представляло Колизей, другое корабль; тутъ же являлась телятина въ видѣ скалы, омываемой волнами студеня; крѣпость изъ марципана, и какъ только ее разрѣзали, вылетѣли изнутри живыя птицы, огласивъ залу веселымъ щебетаньемъ; изъ огромнаго пирога вылѣзъ домашній карликъ, одѣтый папою и, давши съ важностью гостямъ свое апостольское благословіе, проворно убѣжалъ.

Стаканы двигались быстро, какъ челнокъ въ рукахъ у ткача: было выпито много сортовъ вина и своихъ, и иностранныхъ, кипрскихъ, греческихъ, и больше всего хереса, аликантскаго и другихъ испанскихъ винъ.

— Ну, теперь пора, сказали въ одинъ голосъ насытившіеся гости: — удовлетворить наше любопытство! Скажи намъ, графъ, причину вашей радости!

— Да, теперь пора! сказалъ Ченчи торжественнымъ голосомъ и, придавъ лицу строгое выраженіе, продолжалъ: — но прежде, чѣмъ отвѣчать, мои благородные друзья, я умоляю отвѣтить на мой вопросъ если бы Богъ, котораго я молилъ усердно и продолжительно каждый вечеръ прежде, чѣмъ успокоить мои члены на мягкой постели, каждое утро, едва открывъ глаза,—если бы Богъ, говорю, который слышалъ мою молитву отъ священниковъ во время совершенія таинства, въ церковномъ пѣніи дѣвственницъ, въ молитвахъ нищихъ; — еслибъ Богъ, послѣ того, какъ я уже приходилъ въ отчаяніе, думая, что моя молитва не услышана, неожиданно, по неизреченной своей милости, исполнилъ сверхъ всякой надежды мои желанія, развѣ я не имѣлъ бы права ликовать и радоваться? Если такъ, то ликуйте и радуйтесь со мною, потому что я, въ полномъ значеніи слова, счастливецъ!..

— Беатриче... дочь моя... поддержите меня... я боюсь...

— Поддерживайте себя, какъ можете, отвѣчала Беатриче Лукреціи. — Я ничего не могу... голова моя кружится и мнѣ кажется, что всѣ гости плаваютъ въ крови!

— О Боже! о Боже! прибавила Лукреція: — у меня дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, какъ въ лихорадкѣ.

— Я полагаю, благородные друзья и родные, что всѣмъ вамъ из-

вѣстно, а если нѣтъ, то знайте, продолжалъ графъ: — что въ церкви святаго Ѳомы я воздвигнулъ семь новыхъ гробницъ изъ драгоцѣннаго мрамора самой изящной работы; потомъ я молилъ Бога, чтобъ онъ послалъ мнѣ благодать похоронить въ нихъ при жизни всѣхъ моихъ дѣтей; наконецъ, я далъ обѣтъ зажечь свой дворецъ, церковь, ризницу и всю церковную утварь. Еслибъ я былъ Нерономъ, я поклялся бы— зажечь во второй разъ Римъ.

Гости, скорѣй удивленные, чѣмъ испуганные, переглядывались между собою; смотрѣли на графа, и имъ было стыдно за него, что онъ выпилъ такъ не въ мѣру. Беатриче, блѣдная, какъ увядшая роза, повиснувшая въ ея волосахъ, сидѣла склонивъ голову на правое плечо. Ченчи еще съ большею силою продолжалъ:

— Одного я уже похоронилъ; двоихъ другихъ, благодаря Бога, мнѣ предстоитъ теперь похоронить разомъ: двое у меня въ рукахъ, что почти значитъ — въ могилѣ; срокъ ихъ приближается. Богъ, являющій такія видимыя признаки своей милости ко мнѣ, вѣрно захочетъ исполнить мою мольбу передъ моей смертью.

— Графъ! не худо бы вамъ избирать менѣе мрачныя предметы для шутокъ.

— Какая дурная наклонность смѣяться и вмѣстѣ наводить ужасъ!

— Развѣ я смѣюсь?.. читайте.

При этомъ онъ вынулъ изъ–за пазухи нѣсколько писемъ и бросилъ ихъ на столъ.

— Читайте... разсматривайте, не стѣсняясь; удостовѣрьтесь во всемъ; я вамъ на то и даю ихъ. Вы узнаете, какъ еще двое ненавистныхъ сыновей моихъ умерли въ Саламанкѣ. Какимъ образомъ они умерли? мнѣ нѣтъ дѣла; для меня важно то, что они мертвы и закупорены въ два дубовыхъ гроба по моему приказанію. Теперь мнѣ уже немного скудъ остается издержать на нихъ, — и я охотно издержу эти деньги... двѣ свѣчки... двѣ обѣдни... еслибъ были телѣжки съ известкой, способной сжечь ихъ души, — я бы велѣлъ всыпать ихъ двѣ тысячи къ нимъ въ могилу... О, папа Климентъ, ты присудилъ меня платить имъ четыре тысячи червонцевъ въ годъ пенсіи! Заставишь ты меня продолжать платить? Черви не поднесутъ тебѣ жалобы, нѣтъ, — въ свое время они и тебя съѣдятъ... Всемогущій Боже! пріими выраженіе моей глубокой признательности! Ты исполнилъ душу мою радостью не по ея заслугамъ, но по единой твоей неизреченной милости.

Монсиньоръ казначей, весь дрожа отъ волненія, прервалъ Ченчи.

— Ради Бога! благородные синьоры, не слушайте его; онъ потопилъ разсудокъ въ винѣ, или еще большее бѣдствіе постигло его. Вы, какъ христіане, можете видѣть явное доказальство его лжи въ

томъ, что Богъ не принялъ бы благодаренія, столь противнаго голосу природы; и еслибы то, что произносятъ уста этого безумца, была истина, то Господь обрушилъ бы потолокъ на его голову.

Гости смотрѣли на графа, и имъ казалось, что они видятъ передъ собою Медузу. Страшный хозяинъ, вполнѣ довольный ужасомъ, который наводилъ на нихъ, продолжалъ съ ликующимъ лицомъ:

— Мнѣ дорого только одно, что мои дѣти умерли. Вамъ, можетъ быть, хочется знать, какъ они умерли. Favete aures. Феликсу обрушилась на голову главная балка потолка. Въ тотъ же самый вечеръ, даже, какъ мнѣ пишутъ, въ тотъ самый часъ, Кристофанъ былъ заколотъ ножемъ нѣкіимъ ревнивымъ мужемъ, который засталъ его въ объятіяхъ своей жены.

Беатриче смотрѣла на него пристально, съ страшно раскрывшимися глазами, въ которые, казалось, перешла вся душа ея. Ченчи бросалъ на нее безпрестанно косвенные взгляды, и лучи глазъ ихъ встрѣчались, перекрещивались и метали искры, какъ мечи двухъ дерущихся враговъ. Бернардино склонилъ свою сонную голову на колѣни къ Лукреціи, которая съ простертыми къ небу руками, съ каплями слезъ на щекахъ, походила на многострадательную мадонну. Изъ гостей одни, протянувши на столъ руки, сжатыя въ кулаки, грозно хмурили брови; другіе проявляли осужденіе своими поднятыми руками, указывающими на графа; третьи, казалось, невѣрили своимъ ушамъ: кто затыкалъ ихъ, кто съ ужасомъ смотрѣлъ на небо, какъ бы ожидая, что упадетъ молнія. Однимъ словомъ, даже Леонардо да Винчи въ своей знаменитой Тайной Вечери не представилъ того разнообразія выраженій при словахъ Спасителя: *Аминь, говорю вамъ, одинъ изъ васъ предастъ меня,* какое представляла зала Ченчи въ эту минуту.

Прежде всѣхъ встали кардиналы и казначей, говоря:

— Уйдемте! уйдемте! Спасайтесь всѣ: гнѣвъ Божій долженъ скоро разразиться надъ этимъ домомъ безчестія!

Безпокойный шопотъ, возраставшій какъ вѣтеръ, предшествующій бурѣ и смутный говоръ сперва наполнили залу, потомъ разразились въ крики негодованія и ужаса; наконецъ всѣ, равно исполненные злобы, съ проклятіями направили свои руки на графа, точно хотѣли бросить въ него каменья.

— Остановитесь! кричалъ съ жестокой ироніей Франческо Ченчи.—Что вы дѣлаете? Это не сцена, здѣсь нѣтъ зрителей; и если вы намѣрены играть трагедію, то вы трудитесь напрасно. Вамъ ли, преосвященные кардиналы, приходить въ ужасъ отъ крови? А зачѣмъ же вы, скажите мнѣ, одѣваетесь въ красное? Развѣ не для того, чтобы пятна человѣческой крови не были замѣтны на вашей пурпуровой

одеждѣ? Вы, князь Колонна, не смущайтесь: я совѣтую вамъ успокоиться, — вѣдь я прожилъ довольно долго въ Рокка Петрелла для того, чтобъ знать вашъ нравъ и вашъ образъ жизни. Скажу вамъ, я знаю некромантію болѣе, чѣмъ вы желали бы, и имѣю силу заставлять говорить гробницы и нѣкоторыхъ мертвыхъ... Вы меня понимаете, князь? а можетъ быть вамъ угодно не понимать, тогда я шепну вамъ кое-что на ухо. Теперь я обращаюсь къ вамъ, почтеннѣйшій другъ, монсиньоръ казначей... Совѣтую вамъ не забывать никогда, что я сынъ моего отца и что отецъ мой, дай ему Богъ царство небесное, былъ самъ казначеемъ; и право, у меня достанетъ духу поспорить съ первымъ счетчикомъ апостолической камеры. Счастье ваше, казначей, что другіе дѣла отвлекаютъ меня,—какія бы ни были, не въ томъ дѣло!—счастье ваше, что у меня не достаетъ времени, или нѣтъ охоты повести нашего общаго друга кардинала Альдобранцино съ ниткой Аріадны въ лабиринтъ казначейства. Покрывайте для кого другаго болото ваше заманчивыми цвѣтами, чтобъ онъ неосторожно ступилъ и проваливался понемножку. Я бурная и пѣнистая волна: я могу разбиться о скалы берега; но прежде разрушу и потоплю все, что мнѣ попадется на пути. Чтите же вашего владыку; падайте мнѣ въ ноги и обожайте меня.

Гости съ глубокимъ отвращеніемъ направились къ дверямъ; но графъ Ченчи опять закричалъ имъ вслѣдъ.

— Благородные друзья и родные, вы не можете уйти, не простившись со мною. Сдѣлайте милость, доставьте мнѣ еще на минуту удовольствіе быть въ вашемъ сообществѣ.

При этомъ онъ взялъ граненый кубокъ изъ чистѣйшаго хрусталя, наполнилъ его до краю кипрскимъ виномъ и, поднеся его къ свѣчѣ, причемъ стекло казалось наполненнымъ огнемъ, громко произнесъ:

— О, кровь жизни, созрѣвшая подъ лучами солнца, ты сверкаешь и играешь при свѣтѣ такъ же, какъ душа моя заблистала — заликовала при вѣсти о смерти дѣтей моихъ! О! будь ты кровь ихъ, созрѣвшая подъ огнемъ моего проклятія и пролитая въ жертву моего мщенія! Провозгласивъ этотъ заздравный тостъ сатанѣ, я сказалъ бы ему: «ангелъ зла, выйди изъ ада, овладѣй душами сыновей моихъ, Феликса и Христофана, прежде чѣмъ они достигнутъ дверей рая, и низвергни ихъ въ вѣчный плачь и скрежетъ, и мучь ихъ самыми жестокими муками, какія только въ состояніи изобрѣсти твое дьявольское воображеніе. И если ты не можешь выдумать ничего новаго, то посовѣтуйся со мною: я надѣюсь внушить тебѣ новыя пытки, до которыхъ и твоя фантазія не достигала. Сатана? я пью за твое здоровье! Торжествуй со мною вмѣстѣ! Теперь, благородные родные и друзья, мнѣ ваше общество болѣе не нужно; если вы желаете проститься со

мной, вы можете это сдѣлать, и я предоставляю на вашу волю уйти или остаться, *но не дарю ни платья, ни лошади* (*).

— Клянусь святыми апостолами, говорилъ одинъ—это бѣшенный сумасбродъ.

— О, я всегда его считалъ развратникомъ, способнымъ заставить плакать самихъ ангеловъ...

— Скажите лучше, способнымъ заставить скрежетать зубами самаго дьявола...

— Во всякомъ случаѣ, это лютый звѣрь, и его слѣдовало бы связать...

— Да, это правда... связать... свяжемте его!..

Франческо Ченчи, кончивъ свои воззванія, усѣлся спокойно и серебряными щипчиками клалъ себѣ въ ротъ конфекты, которыя жевалъ съ самымъ полнымъ удовольствіемъ. Когда нѣкоторые изъ гостей окружили его съ угрозами, онъ, не подымая даже головы, позвалъ Олимпія.

На этотъ зовъ явился разбойникъ, котораго хитрый старикъ на всякій случай держалъ спрятаннымъ, и съ нимъ, по крайней мѣрѣ, двадцать товарищей мрачнаго вида, одѣтыхъ и вооруженныхъ какъ разбойники. Они окружили гостей съ обнаженными кинжалами и только ожидали знака отъ графа, чтобъ начать кровопролитіе.

Ченчи продолжалъ ѣсть конфекты, наслаждаясь страхомъ и блѣдностью своихъ гостей: наконецъ всталъ и, подойдя къ нимъ тихими шагами, устремилъ на нихъ свои прищуренные глаза. Вы довольно учены для того, чтобы помнить пиръ, данный Доминиціаномъ сенаторамъ, — проговорилъ онъ: неужто вы не знаете, что если Ченчи уже и не раскаленное до бѣла желѣзо, какимъ былъ въ молодости, то все-таки еще накаленъ достаточно, чтобъ обжечь? Притомъ же человѣкъ чаще обжигается о полураскаленное, чѣмъ о красное желѣзо: замѣтьте это на всякій случай. Оставьте меня въ покоѣ, и какъ только выйдете отсюда, забудьте все, что видѣли и слышали. Пусть оно будетъ для васъ сномъ, о которомъ человѣкъ вспоминаетъ съ содроганіемъ на яву.

Гости разошлись съ поникшими головами, кто отупѣлый отъ ужаса, кто со злобой въ душѣ, но всѣ одинаково перепуганные. Беатриче встряхнула голову и, откинувъ назадъ волосы, съ движеніемъ, исполненнымъ огня, что было ей особенно свойственно, стыдила ихъ, крича имъ вослѣдъ.

(*) Древній обычай, по которому хозяинъ, по окончаніи празднества, дарилъ каждому изъ гостей платье и лошадь, а иногда даже и деньги, предоставляя имъ остаться или уйти — и это считалось самою утонченною вѣжливостью.

— Трусы! И вы латинская кровь! Вы сыны древнихъ римлянъ! Старикъ наводитъ на васъ ужасъ? Нѣсколько человѣкъ маснадьеровъ леденятъ вамъ кровь? Вы бѣжите... бѣжите и оставляете двухъ слабыхъ женщинъ и бѣднаго ребенка въ рукахъ такого человѣка... три бьющихся сердца въ когтяхъ коршуна. Вы слышали? Онъ не скрываетъ... онъ убьетъ насъ—и несмотря на это—Боже мой! Боже! господа, выслушайте мои слова и поймите въ нихъ больше, чѣмъ они могутъ... чѣмъ должны сказать вамъ — и несмотря на это, это наименьшее зло, какого я боюсь отъ него. Я не говорю о васъ, священники, но вы, рыцари, когда вы подвязывали мечь свой, не клялись-ли вы защищать вдовъ и сиротъ?.. Мы хуже чѣмъ сироты... у тѣхъ нѣтъ отца, а у насъ отецъ палачь... вспомните о вашихъ дочеряхъ, благородные рыцари... вспомните вашихъ дѣтей, христіанскіе отцы... и сжальтесь надъ нами... возьмите насъ къ себѣ.

— Мое сердце сжимается отъ твоего горя, молодая дѣвушка, но я ничего не могу для тебя сдѣлать... отвѣтилъ одинъ гость; другой сказалъ:

— Жди и надѣйся. Надежда распуститъ и для тебя розы утѣшенія. — Одинъ кардиналъ говорилъ ей:

— Если молитва и обѣты, дорогая дочь моя, могутъ помочь тебѣ, мы не перестанемъ поминать тебя въ нашихъ молитвахъ.

И всѣ расходились одинъ за другимъ, произнося такія-же или имъ подобныя слова, какъ брызги святой воды, которою кропятъ гробъ. Гости вздохнули свободно только тогда, когда вышли изъ дворца на свѣжій воздухъ.

Когда всѣ вышли изъ залы, остались только донъ Франческо и Беатриче, да никѣмъ не замѣченный Марціо, который возился около шкапа съ серебряной посудой.

— Теперь ты сама убѣдилась? спросилъ Франческо Ченчи Беатриче, ты отвѣдала теперь, что такое помощь? Оглянись кругомъ, дитя, и ты увидишь, что ни на небѣ, ни на землѣ у тебя нѣтъ другаго убѣжища, кромѣ моей груди: укройся на ней и ты найдешь пріютъ, въ которомъ люди, глухіе и безсердечные, отказываютъ тебѣ. Подумай, какъ безгранично я люблю тебя — кромѣ тебя я ненавижу все на землѣ и на небѣ. Отдайся моему попеченію. Ты напрасно искала бы человѣка, который стоилъ бы меня: я наслѣдовалъ дары всѣхъ возрастовъ. Бодрость молодости еще не покинула меня: во мнѣ ты найдешь и совѣтъ зрѣлаго возраста, и постоянство старости... Люби же меня, Беатриче... прекрасное и страшное дитя... люби меня.

— Отецъ! еслибъ я увѣряла васъ, что я васъ ненавижу, я бы не сказала правду; что боюсь васъ, также нѣтъ. Я вижу, что Богъ создалъ въ лицѣ вашемъ такой же бичь, какъ голодъ, чума и война, и этотъ

бичь онъ направилъ на меня. Я безропотно преклоняю голову передъ его неисповѣдимыми судьбами и, потерявъ вѣру во всякую человѣческую помощь, я все больше прилѣпляюсь къ Богу и ввѣряю свою судьбу его милосердію. Отецъ, умоляю тебя, убей меня!

Говоря это, несчастная дѣвушка упала передъ графомъ съ распростертыми руками, точно ожидая удара.

Но отчего Беатриче вдругъ вскочила на ноги и обвилась вокругъ отца? Отчего она обѣими руками закрываетъ его голову? Отчего у нее вырвался крикъ ужаса, — у нее, которая ничего не боится, — крикъ, пробѣжавшій эхомъ въ самые отдаленные покои дворца?

Марціо, оставшійся въ залѣ незамѣченнымъ, слыша слова, которыя разоблачали адское намѣреніе Франческо Ченчи, подошелъ потихоньку съ тяжелой серебрянной вазой въ рукахъ и поднялъ уже ее, чтобъ размозжить голову Ченчи; и онъ сдѣлалъ бы это, потому что графъ ничего не замѣчалъ, весь поглощенный созерцаніемъ чудной дѣвственницы.

Отъ крика Беатриче Донъ Франческо невольно поднялъ голову, и ему мелькнулъ въ глаза какой-то блескъ, ослѣпившій его. Въ тоже время онъ увидѣлъ и Марціо, который съ невозмутимымъ спокойствіемъ убиралъ посуду въ шкапъ.

— Марціо... ты здѣсь?

— Эчеленца!

— Ты здѣсь?

— Что угодно, вашему сіятельству?

— Ступай.

Слуга поклонился и, уходя, сдѣлалъ знакъ Беатриче, которымъ онъ, казалось, хотѣлъ сказать: «Ахъ! зачѣмъ вы мнѣ помѣшали!»

Но Беатриче, въ которой не прошелъ еще этотъ порывъ любви, схватила съ нечеловѣческой силой за руку донъ Франческо, воскликнула:

— Спѣши, старикъ, — тебѣ не остается терять ни одной минуты: смерть покрываетъ тебя своими крыльями. Спѣши, иначе твои преступленія повлекутъ тебя прямо въ адъ. Надѣнь власяницу, старикъ! Посыпь себѣ волосы пепломъ... ты довольно ужс грѣшилъ. Если бы твоя молитва не въ состояніи была подняться до престола Божія и грозила бы упасть тебѣ на голову градомъ проклятій, я буду около тебя, я присоединю свою молитву, и обѣ вмѣстѣ онѣ будутъ услышаны и приняты, или обѣ отвергнуты. Если правосудіе во что бы то ни стало хочетъ искупительной жертвы... я охотно предлагаю свою жизнь во искупленіе твоей души: но спѣши, старикъ... край могилы скользокъ... помни, что идетъ дѣло о твоемъ вѣчномъ спасеніи...

Донъ Франческо слушалъ ее улыбаясь. Когда она кончила, онъ насмѣшливымъ голосомъ отвѣчалъ.

— Хорошо, моя возлюбленная, Беатриче, ты одна можешь приготовить меня къ небеснымъ радостямъ рая... Я приду къ тебѣ сегодня ночью... и мы будемъ молиться вмѣстѣ...

Беатриче опустила отцовскую руку. Эти слова и его гнусныя дѣйствія имѣли лютую силу потушить въ ней всякій нѣжный восторгъ и толкнуть ее въ тяжелую дѣйствительность жизни. Она удалялась убитая и съ тяжелыми вздохами произносила:

— Погибъ! погибъ! О, погибъ безвозвратно!

Донъ Франческо поспѣшно налилъ себѣ еще стаканъ вина и выпилъ его залпомъ.

ГЛАВА XI.

Пожаръ.

Тяжкое несчастіе постигло столяра и его бѣдное семейство! Мужъ, жена и ребенокъ спали всѣ вмѣстѣ въ одной комнатѣ, надъ лавкой.

Они спали... но тревожный сонъ не давалъ покоя женѣ: ей снилось, что страшное чудовище, съ огненными глазами, съ волосатымъ тѣломъ, состоящимъ изъ гибкихъ суставовъ, какъ у червяка, и темными крыльями, какъ у летучей мыши, уперлось ей когтями въ грудь и горло, силясь задушить ее: бѣдняжка пробовала сдѣлать движеніе и не могла, хотѣла кричать и была не въ силахъ. Наконецъ она сдѣлала послѣднее усиліе и повернулась на бокъ, но была не въ состояніи поднять отяжелѣвшихъ вѣкъ; ей казалось, что вмѣсто глазъ у нее были два огненныхъ шара. Жилы на вискахъ болѣзненно бились, горло пересохло. Наконецъ ей кое-какъ удалось открыть глаза, и она увидѣла на полу огненную полосу; вся комната была полна дымомъ, воздухъ былъ раскаленъ; черезъ минуту полъ растрескался и въ щели ворвались огненные языки, превратившіеся мгновенно въ ужасное пламя.

— Пожаръ! пожаръ! кричитъ бѣдная женщина, обводя кругомъ испуганные глаза, и кинулась къ постели, чтобъ взять ребенка изъ колыбели.

— Пожаръ! кричитъ за ней мужъ и такъ, какъ былъ, полунагой, кинулся къ двери комнаты и открылъ ее. Въ ту же минуту сквозь открытую дверь огонь наполнилъ комнату: пожаръ охватилъ уже весь домъ. Столяръ вернулся назадъ и, схвативши одной рукой жену,

взявши въ другую ребенка, кинулся бѣжать сквозь огонь на лѣстницу. Раскаленные камни ступенекъ трескались съ шумомъ; пламя въ нижнемъ этажѣ свирѣпствовало, какъ вихрь во время бури, и производило гулъ, подобный урагану. Одежда матери и ребенка уже загорѣлась; но мать, несмотря на быстроту, съ которой тащилъ ее мужъ, заботливо протягивала руки и тушила огонь на ребенкѣ. Опаленные волосы несчастныхъ дымились; ноги, руки, лица ихъ болѣли отъ обжеговъ. Впередъ! впередъ! Только бы добраться имъ до выхода. Они уже близко отъ двери; еще одинъ шагъ и они дошли; вотъ они ужь берутся за нее... О, ужасъ! она не открывается: они ее толкаютъ, дергаютъ; все напрасно... она задвинута снаружи.

Окруженный пламенемъ, несчастный отецъ, запыхавшійся до такой степени, что, казалось, сердце его готово было вырваться изъ груди, беретъ на руки ребенка, покидая жену... онъ совершенно выбился изъ силъ... Какъ безумный, онъ мечется по корридору; не зная самъ, что дѣлаетъ, онъ пытается вновь подняться на лѣстницу.

Жена слѣдуетъ за каждымъ его шагомъ, мужъ чувствуетъ на плечахъ свѣжесть отъ ея дыханія; она все продолжаетъ защищать отъ пламени дитя свое, а иногда и мужа.

Онъ вернулся въ комнату... но здѣсь у него уже не хватаетъ дыханія и бодрости: смерть помутила ему глаза, онъ шатается и готовъ упасть, но въ эту послѣднюю минуту у него еще достаетъ присутствіе духа, чтобъ вручить ребенка женѣ прежде, чѣмъ онъ испуститъ послѣдній вздохъ. Онъ не могъ уже произнести ни одного слова, и только взглядъ его не ясный, какъ огонь лампады, готовой погаснуть, выразилъ такое отчаяніе, какого не высказали бы его уста. Потомъ, шатаясь, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, и ударился изо всей силы объ стѣну, словно хотѣлъ разбить ее собою.

Утромъ увидѣли кровавые слѣды рукъ и ногъ на стѣнѣ и на полу.

Когда находишься въ самыхъ тискахъ крайности, то съ физическими побужденіями случается то же, что и съ душевными: болѣе сильныя всегда поглотятъ менѣе глубокія. Молодая женщина уже не обращаетъ вниманія на человѣка, который ей былъ такъ дорогъ, но всей душой своей привязывается къ ребенку; обнявъ его тѣло, она открываетъ окно и высовывается изъ него.

Собравшійся на улицѣ народъ увидѣлъ черную фигуру на огненномъ фонѣ, и ему сдѣлалось и жалко, и страшно. Она испустила крикъ, одинъ только крикъ, но въ этомъ дикомъ пронзительномъ крикѣ было столько страданія, такое безвыходное отчаяніе, что онъ какъ ножъ рѣзнулъ по сердцу присутствующихъ. Они готовы были помочь ей и совѣтовались съ стариками, какъ это сдѣлать; но стари-

ки, съ страшнымъ римскимъ спокойствіемъ отвѣсивши нижнюю губу, скрестивши руки на груди, смотрѣли искоса на пожаръ и только говорили: «мы ничего не можемъ сдѣлать; воды не достанетъ, да и надо быть дьяволомъ изъ самаго ада, чтобъ войдти въ это пекло. Знаете, что остается дѣлать? Ждать, чтобъ пожаръ потухъ самъ собой и тогда стараться помочь этимъ бѣднымъ душамъ, покинувшимъ свѣтъ безъ святаго причастія.

Необходимо знать, что Луиза Ченчи, изъ ревности, переодѣвалась въ мужское платье и уже нѣсколько ночей сряду блуждала около дома столяра, надѣясь подстеречь своего мужа; но до сихъ поръ ея поиски были напрасны. Несмотря на это, въ ней не явилось и тѣни подозрѣнія въ обманѣ и клеветѣ. Она думала только: можетъ быть Джакомо ходитъ туда не ночью, или любовники имѣютъ свиданіе въ другомъ мѣстѣ, или наконецъ можетъ быть они въ ссорѣ: однимъ словомъ, она пріискивала всевозможныя средства, чтобъ мучить себя, вмѣсто того, чтобъ постараться утѣшиться.

Она прибѣжала вмѣстѣ съ другими на крики и на зарево пожара, и когда узнала домъ, то почувствовала невыразимую радость: «что дается порокомъ, думала она, то отнимается правосудіемъ».

Прежде нежели пожаръ разыгрался со всею яростью, многіе изъ жителей пустились за веревками и лѣстницами; нашли лѣстницу въ сосѣднемъ приходѣ и приставили ее къ стѣнѣ; но огонь, выбивавшійся отовсюду, не давалъ имъ смѣлости взобраться на крышу.

Только когда мать показалась изъ пламени и, протягивая руки съ младенцемъ, закричала: «спасите мое дитя!» тогда одно сердце, и только одно было тронуто: это было сердце Луизы Ченчи. Въ ней мигомъ замолчала женщина и заговорила мать: однимъ прыжкомъ она очутилась у лѣстницы и побуждала стоящихъ кругомъ:

— Рѣшайтесь! говорила она: — недалеко пробраться; ничего нѣтъ труднаго. Римляне! тотъ, кто спасетъ ихъ, получитъ отъ меня сто червонцевъ.

Но никто не двигался.

— Христіане!.. рѣшайтесь... не теряйте времени! Двѣсти червонцевъ тому, кто спасетъ!

Но и эта награда не расшевелила никого: страхъ угрожавшей опасности пересиливалъ корыстолюбіе. Луиза подумала одну минуту о томъ, что она могла располагать еще одною сотнею, послѣднею, и что у нея не останется уже ничего для своихъ собственныхъ дѣтей; а отъ свекора нельзя было надѣяться получить вновь. «Не бѣда», рѣшила она, и голосомъ еще болѣе громкимъ, точно хотѣла наверстать потерянное время, съ удвоенной силою она крикнула:

— Триста червонцевъ за ихъ спасеніе!.. Триста золотыхъ дука-

товъ!.. этого достанетъ на приданое двумъ дочерямъ... Римляне! Никто не рѣшается? Такъ пустите же меня... я вамъ говорю, пропустите меня!.. мнѣ поможетъ Христосъ!

И легче птицы она поднялась по лѣстницѣ, которая уже почернѣла и дымилась. Поднявшись до окна, она сказала:

— Давайте ребенка!..

— Вотъ онъ! берите! берите!

Бѣдныя матери поняли одна другую. Луиза спустилась. Молодой парень, пристыженный тѣмъ, что никто не кинулся на помощь, рѣшился подняться до половины лѣстницы, взялъ ребенка и отнесъ его въ безопасное мѣсто.

А Луиза вернулась на верхъ; огонь вспыхивалъ уже по окраинамъ лѣстницы; онъ исчезалъ на мгновеніе подъ ея руками и являлся съ новой силой, какъ только она поднималась выше... Очутясь лицомъ къ лицу съ женщиной, которая, какъ она предполагала, похитила у нее сердце мужа, она безстрашно протянула ей свои объятія, ей, которая прижимала въ своихъ объятіяхъ отца ея дѣтей... Та бросилась къ ней, какъ потерянная отъ горя.

Луиза схватила крѣпко станъ своей соперницы и спустилась внизъ... Скорѣй, Луиза, уже лѣстница горитъ; скорѣй, Луиза, уже почернѣвшіе устои трещатъ. Зачѣмъ она останавливается? Каждая минута гибельна! Забывъ себя, забывъ неизбѣжную опасность, забывъ все на свѣтѣ, она не могла устоять противъ непреодолимаго желанія увидѣть лицо своей соперницы при свѣтѣ пожара, и убѣдиться: превосходитъ ли она ее красотою. Таково сердце женщины!

Хотя лицо ея было страшно искажено страданіями и испугомъ, волосы до половины сожжены и щоки въ обжогахъ, но все-таки, даже въ этомъ видѣ, она показалась ей очень красивою.

— Ахъ, какъ она хороша! вскрикнула Луиза и пошатнулась на лѣстницѣ.

Она достигла уже третьей отъ низу ступени, когда съ ужаснымъ шумомъ обрушился потолокъ; пламя исчезло, облако дыма, съ цѣлыми миріадами искръ, покрыло домъ, лѣстницу и женщинъ. Крикъ ужаса разнесся эхомъ до противуположнаго берега Тибра; въ немъ выразилось убѣжденіе, что эти несчастныя погибли въ развалинахъ.

Минуту спустя пожаръ, какъ гордость, униженная на мгновеніе, запылалъ ужаснѣе прежняго, и изъ пламени вышла Луиза, держа въ рукахъ бѣдную женщину.

Крики восторга, бѣшеныя восклицанія огласили воздухъ: — «Кто этотъ юноша?—Не знаю.—Видѣлъ ты его когда нибудь?—Никогда.—У него еще и бороды нѣтъ, да тщедушный какой, жиденькій! А вонъ

какія дѣла дѣлаетъ!» говорили въ толпѣ, глядя на переодѣтую Луизу. «Ура! доблестный юноша! вотъ настоящая латинская кровь!»

Господь сжалился надъ женой столяра; она впала въ безпамятство и не помнила о горестной судьбѣ мужа. Луиза, воодушевленная все болѣе и болѣе желаніемъ добра, какъ это всегда случается съ добрыми сердцами, не допустила, чтобъ спасенная женщина была отнесена въ госпиталь. Она вспомнила объ одной вдовѣ, своей сосѣдкѣ, которая просила ее, если случится, найдти ей жильца на двѣ комнаты, и рѣшилась помѣстить въ нихъ несчастную женщину.

Желая тотчасъ же привести въ исполненіе свое намѣреніе, она велѣла положить ее на простыню, которую четверо здоровыхъ людей вызвались нести. Сама она взяла на руки ребенка и только попросила, чтобъ кто нибудь помогъ ей дойти: голова ея кружилась и ей казалось, что земля пропадаетъ подъ ея ногами. Изъ окружавшей ее толпы вышелъ человѣкъ плотный, здоровый, обросшій густыми волосами, въ одеждѣ *чучара*, изъ окрестностей Рима.

— Возьмите-ка мою руку! сказалъ онъ голосомъ разстроганнымъ болѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ его грубаго, загорѣвшаго лица: — опирайтесь хорошенько, она выдержитъ и Траянову колонну. Если вамъ не противно, у меня достанетъ охоты и васъ донести вмѣстѣ съ ребенкомъ.

— Я вамъ вѣрю. Да наградитъ васъ Господь. Довольно и такъ. Теперь ступайте, сказала она тѣмъ, которые несли бѣдную женщину: — потихоньку, въ улицу Санъ-Лоренцо-Паниспернно, въ домъ Ченчи.

— Въ домъ Ченчи! воскликнулъ *чучаръ*, отступивъ шагъ назадъ.

— Что жь васъ удивляетъ? Вы можетъ быть думаете, что всякое доброе дѣло чуждо моему дому и достойно удивленія, какъ какая-то рѣдкость! Скажите пожалуйста, почему вы это думаете?

Чучаръ только качалъ головою и не отвѣчалъ ни слова. Донна Луиза, задѣтая за живое, прибавила:

— И если вы хотите знать, кто имѣлъ храбрость взойти на лѣстницу въ то время, когда вы, мужчины, не двигались съ мѣста отъ страха, — я скажу вамъ, что это была женщина; во мнѣ вы видите жену Джакомо Ченчи и невѣстку графа Франческо Ченчи.

При этихъ словахъ *чучаръ* даже зашатался: онъ ухватился рукой за голову и долго не отнималъ ее, точно хотѣлъ удержать мысли и впечатлѣнія, чтобъ они не вырвались изъ нея.

Я не скрою отъ васъ, кто былъ этотъ *чучаръ*. Читатели мои могли уже убѣдиться, что я не люблю оставлять ихъ долго въ неизвѣстности; и потому я сразу скажу вамъ, что чучаръ былъ Олимпій, а четверо добродѣтельныхъ людей, державшихъ простыню, были его

товарищи и участники въ злодѣйскомъ поджогѣ. Не подумайте пожалуйста, будто они дѣйствовали теперь изъ чувства лицемѣрія или хитрости, чтобъ лучше скрыть свое преступленіе: они сдѣлали его съ такою предусмотрительностью и осторожностью, что не оставалось возможности подозрѣвать ихъ. Но какъ бы ни былъ дуренъ человѣкъ, въ немъ всегда есть и хорошая сторона, и у людей, съ хорошими или дурными наклонностями, не привыкшихъ удерживать себя или притворяться, переходъ отъ зла къ добру и проявленіе этихъ чувствъ дѣлаются быстро и неожиданно. Я не знаю даже, родится ли человѣкъ собственно съ дурною душою? Кто меньше всего имѣетъ обыкновенія сводить счеты съ своей душой и дѣйствуетъ по первому побужденію, тотъ, можетъ быть, былъ бы лучше другихъ, еслибы слишкомъ большое невѣжество, или дурные обычаи, или какія либо другія побужденія не заслоняли ему пути къ добру и не толкали его на дорогу зла.

Сказать правду, для того, чтобы держаться еще этого мнѣнія, мнѣ надо имѣть несокрушимую вѣру; я думаю, нѣтъ человѣка, котораго народъ рвалъ бы такъ на части, какъ меня, и это именно потому, что онъ разсуждаетъ мало и чувствуетъ сильно.

Народъ, прозвавшій меня другомъ и отцомъ, вдругъ прославилъ меня опять своимъ недостойнымъ сыномъ, надѣлъ на меня цѣпи и даже требовалъ моей смерти! Я слышалъ своими собственными ушами, какъ дѣти того самаго народа, котораго я чтилъ и о пользѣ котораго всегда радѣлъ, наводнивъ палаццо Синьори, дѣлили между собою при свѣтѣ фонаря мелкія деньги, говоря одинъ другому: «тебѣ конечно слѣдуетъ меньше, ты самъ маленькій и не могъ кричать громко, какъ я: «смерть! смерть ему!»

Бѣдный народъ! Ты преслѣдовалъ и не такихъ людей, какъ я. Но я не назову тебя за это ни неблагодарнымъ, ни злымъ, какъ Дантъ.

Тотъ, кто готовитъ себя на работу въ пользу ближняго, пусть заранѣе знаетъ, что онъ не получитъ другаго возмездія, кромѣ огорченій. Еще гораздо прежде Прометея коршунъ пожиралъ сердца друзей человѣчества. Судьба смертныхъ подвигается впередъ медленно, поворачивая своимъ колесомъ, какъ огромная машина, по пути разбивая умы и жизнь и оставляя по себѣ одинъ слѣдъ человѣческаго праха.

Такъ и мы — мы уже умерли; но въ гнѣздѣ, свитомъ изъ ненависти, мщенія и позора, выростаютъ крылья у поколѣнія орловъ, можетъ быть предназначенныхъ для побѣды.

Въ самомъ дѣлѣ, слава посѣяла уже довольно, теперь сила должна пожинать. Мысль можетъ выростить дерево познанія, но дерево жизни выходитъ только изъ-подъ сильныхъ и свободныхъ рукъ; а свобо-

да есть жизнь. Пора кончиться поколѣнію софистовъ и явиться поколѣнію дѣятелей. Но возвратимся къ разсказу.

Безутѣшная вдова была перенесена въ домъ Луизы Ченчи, которая обогнала ее вмѣстѣ съ Олимпіемъ. Съ той заботливостью, къ которой способны однѣ женщины, она уже приготовила ей постель, воскъ, масло, хлопчатую бумагу и многія другія средства, которыя въ тѣ времена, а можетъ быть и въ наши, считаются самыми дѣйствительными отъ обжеговъ: въ то же время она послала за лекаремъ и кормилицей. Эту послѣднюю къ счастію нашли въ той же улицѣ, и она сейчасъ явилась. Узнавъ о случившемся, добрая крестьянка на вопросъ: можетъ ли она кормить ребенка до выздоровленія матери, отвѣтила: «еще бы»; и не теряя ни минуты, взяла дитя на руки, и сѣвъ къ сторонѣ, приложила его къ груди.

Мать бредила всю ночь; она то проливала слезы, то вскрикивала отчаянно... На слѣдующій день ей было не лучше; на третій день къ ней вернулась до нѣкоторой степени память, и она принялась тотчасъ искать около себя ребенка. Ей отвѣтили, что дитя спитъ подлѣ; она хотѣла повернуться, но была не въ силахъ, и только могла проговорить слабымъ и умоляющимъ голосомъ:

— Ради святой Матери Божіей, не обманывайте меня!

Ей побожились, что говорятъ правду. Она заплакала, потомъ спросила о мужѣ; ей отвѣтили, желая ее утѣшить, что онъ лежитъ больной въ госпиталѣ, но что есть надежда на его выздоровленіе.

Луиза, по прежнему переодѣтая мужчиной, была при ней неотлучно, и уговорила ее молчать и быть спокойной. Иначе, говорила она:— вы себѣ только повредите и отдалите желанный день, въ который прижмете къ своему сердцу ребенка. Съ этихъ поръ больная не произнесла ни одного слова.

Луиза привязалась сильно къ несчастной вдовѣ, и это не удивительно: такъ же точно, какъ обида въ сердцѣ человѣка раждаетъ необходимость нанести новую обиду, сдѣланное благодѣяніе вызываетъ на новое; и мы любимъ другъ друга менѣе за добро, какое онъ намъ дѣлаетъ, чѣмъ за тѣ заботы, какихъ онъ намъ стоитъ.

О томъ, какъ сильно было у Луизы желаніе знать подробности отношеній, которыя она подозрѣвала между этой женщиной и своимъ мужемъ, нечего и говорить; но по многимъ причинамъ она не позволяла себѣ удовлетворить этому желанію. Прежде всего, ей казалось безчестнымъ воспользоваться положеніемъ этой несчастной для того, чтобы вырвать у нея тайну; было бы не по христіански тревожить больную, заставляя ее говорить; при томъ же въ ней уже заронилось сомнѣніе, хотя еще и очень слабое, въ справедливости своихъ подо-

зрѣній, и скорѣе она предпочла оставаться въ этой неизвѣстности, чѣмъ убѣдиться въ страшной дѣйствительности.

На бѣду нѣтъ мѣры, которая переполнялась бы такъ скоро, какъ мѣра нетерпѣнія. Однажды она сидѣла у постели больной. Анджіолина смотрѣла на нее съ тѣмъ чувствомъ обожанія, какое набожные люди питаютъ къ чудотворнымъ иконамъ, и шептала ей благословенія. Луиза, въ свою очередь, посмотрѣвъ на нее пристально, увидѣла, что румянецъ здоровья уже возвращается на ея лицо, слѣды обжоговъ исчезли, и она дѣлалась красивѣе, чѣмъ была до тѣхъ поръ. Сердце забилось сильно въ груди у ревнивой женщины, и она съ горькой улыбкой спросила:

— Да точно ли я вашъ единственный покровитель?

— А кто же станетъ заботиться обо мнѣ, бѣдной, кромѣ васъ!

— Да... но мнѣ кажется, не измѣняетъ ли вамъ память въ эту минуту?

— Ахъ, да! вы говорите правду, воскликнула Анджіолина, покраснѣвшая отъ своей забывчивости. Боже! какими мы способны быть неблагодарными, даже противъ своей воли!

— Такъ... у тебя есть другой покровитель?

— Да, покровитель; вы угадали. Онъ сдѣлалъ намъ большое благодѣяніе.

— А какъ его зовутъ?

— Его? графъ Ченчи.

— Ченчи? Ты сказала, Ченчи? вскрикнула Луиза, точно какъ будто змѣя укусила ее въ сердце, и замолчала. Но та, въ порывѣ благодарности, и желая загладить сдѣланную ошибку, съ чувствомъ продолжала:

— Изъ всѣхъ, кого я знаю, кромѣ васъ, это былъ самый достойнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ на свѣтѣ! Благодаря ему, мы перестроили домъ, который теперь сгорѣлъ, а тогда былъ испорченъ наводненіемъ: — онъ требовалъ, чтобъ я купила себѣ дорогое платье, и даже строго выговаривалъ мнѣ за то, что я не выбрала его въ крестные отцы моему сыну.

Луиза кусала губы до крови и наконецъ прервала ее рѣзкимъ голосомъ:

— Довольно! сказала она.

И, тревожимая разными чувствами, поспѣшила уйти, чтобъ не измѣнить себѣ.

— Безсовѣстная! говорила она про себя. Она даже не старается скрывать своего позора. Боже! Неужели въ самомъ дѣлѣ ты намъ указываешь кормить змѣй, которыя грызутъ наше же сердце?

ГЛАВА XII.

Измѣна.

Была глубокая ночь. Донъ Франческо Ченчи сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и читалъ, съ большимъ вниманіемъ, книгу Аристотеля *о Натурѣ Животныхъ*; онъ отъ времени до времени останавливался въ размышленіи и записывалъ на поляхъ мысли, которыя приходили ему на умъ.

Торопливый стукъ въ потаенную дверь прервалъ его занятія; думая, что это пришелъ Марціо, по какому нибудь непредвидѣнному обстоятельству, онъ поспѣшилъ отперѣть. Олимпій, запыхавшись, съ головой, повязанной окровавленнымъ платкомъ, вбѣжалъ въ комнату, оглядываясь назадъ, какъ человѣкъ, который боится, что его преслѣдуютъ, и бросился на столъ, утирая рукой потъ съ лица. Донъ Франческо, не смотря на свою обыкновенную способность скрывать свои ощущенія, не могъ скрыть удивленія и неудовольствія, произведенныхъ этимъ внезапнымъ появленіемъ; однако,. притворившись, сколько могъ, онъ спросилъ:

— Какой дьяволъ выпустилъ тебя изъ своихъ когтей въ этомъ видѣ и въ такое время? Ты раненъ! Что тамъ случилось такое?

— Измѣна, донъ Франческо, измѣна; но клянусь Богомъ и святыми апостолами Петромъ и Павломъ, я не умру, не зарѣзавши этого негоднаго Іуду, измѣнника,—будь онъ мой родной отецъ.

— Измѣна! Какъ это можетъ быть? Да съ тебя льется кровь?

— Не смотрите на это; это вздоръ, это мнѣ пуля только натерла голову, больше ничего.

— Прекрасно; ну, такъ садись спокойно и разсказывай мнѣ по порядку, какъ и что съ тобой случилось.

— Дѣло его сіятельства герцога Альтемсъ назначено было на сегодняшнюю ночь, и право, какой то внутренній голосъ шепталъ мнѣ, чтобъ я не брался за него....

— Олимпій, твой мозгъ поврежденъ. Бѣдняга, ты бредишь.

— Богъ свидѣтель, я не брежу, донъ Франческо, я говорю правду. Я исполнилъ ваше приказаніе на счетъ столяра, но тутъ случилась штука, которой не имѣли въ виду ни вы, ни я; самъ чортъ сжегъ этого несчастнаго столяра.

— Разумѣется, это дьяволъ заколотилъ гвоздями наружную задвижку.

— Это сдѣлалъ я; но клянусь вамъ, какъ честный бандитъ, что я

больше ничего не хотѣлъ, какъ только помѣшать ему выскочить тотчасъ изъ дому и разбудить всѣхъ сосѣдей, которые потушили бы пожаръ; я не думалъ, что ваши дьявольскія плошки, будутъ горѣть съ такою яростью; и никакъ не могъ предполагать, что хозяинъ потеряетъ голову до того, что не выскочитъ въ окно. Однимъ словомъ, я не думалъ, ей–Богу, не думалъ, что изъ этого должно выйти столько горя. Донъ Франческо, слышали вы о подвигѣ донны Луизы, вашей невѣстки? Какая разница между ею и нами! Настоящая латинская кровь!

— Я знаю и про это. Конечно, она достойная женщина... неужели я сказалъ достойная? Да, и не отрекаюсь отъ слова: каждый человѣкъ имѣетъ свои добродѣтели; и еслибъ я не былъ Франческо Ченчи, я бы не хотѣлъ быть никѣмъ другимъ, какъ Луизой Ченчи; въ моемъ семействѣ женщины гораздо выше мужчинъ. Еслибы сыновья мои походили на Олимпію, на Беатриче или на Луизу; еслибы въ нашъ гнилой вѣкъ была возможность пріобрѣсть славу какимъ нибудь честнымъ трудомъ, какимъ нибудь умственнымъ подвигомъ.... тогда можетъ быть.... кто знаетъ?... меня прельстила бы другая дорога.... но теперь.... нечего объ этомъ и думать....

— Мнѣ казалось, что у меня сердце разрывается на части: я плакалъ, какъ ребенокъ. Въ первый разъ я вспомнилъ о моей матери, какъ она прятала меня подъ свою юбку и принимала на свои плечи побои, которые отецъ направлялъ на меня; я вспомнилъ о моей бѣдной Клеліи, когда она бывало ждетъ меня у фонтана; подумалъ о трактирщикѣ въ Загороло, у котораго такое свѣжее вино лѣтомъ,—о веревкѣ мастера Александра (*), которая такъ влюблена въ мою шею... и ни одно изъ этихъ дорогихъ воспоминаній не растрогало меня такъ, какъ славная донна Луиза Ченчи. Я помышлялъ о томъ, чтобъ перемѣнить образъ жизни и отрѣзать разомъ старое. Но слово было дано герцогу, я не хотѣлъ измѣнить ему.... хотѣлъ кончить честнымъ бандитомъ.... Ужь этотъ проклятый Іуда! попадись онъ мнѣ только!

— Ну, будетъ морочить! разсказывай, что было.

— Я явился къ герцогу, чтобы рѣшить окончательно, какъ и что дѣлать. Я изучилъ и мѣстность, и порядки въ домѣ. Нашихъ отправилось четверо, я пятый. Герцогъ ждалъ на улицѣ, въ каретѣ. Я вошелъ во дворъ и говорю дворнику: «кумъ, сдѣлай милость, вызови мнѣ сюда Крецію; скажи ей, что ее ждетъ Джіокино и что ему надо передать ей кое–что отъ ея матери.... Да вотъ возьми себѣ, выпей за мое здоровье». Дворникъ пошелъ тотчасъ же, а товарищи вошли во дворъ и спрятались за колоннами. Дѣвушка прилетѣла въ ту же ми-

(*) Палача.

нуту, распѣвая какъ ласточка; проворнѣй, чѣмъ сколько нужно, чтобъ сказать ave Maria, мы ее закутали и посадили въ карету герцога, который принялъ ее въ свои объятія. Я велѣлъ кучеру ѣхать шагомъ, чтобъ не дать ни малѣйшаго подозрѣнія, и намъ не попалось на встрѣчу ни одной души. Все идетъ какъ по маслу, говоритъ мнѣ на ухо одинъ товарищъ; мнѣ, при моей привычкѣ къ такимъ дѣламъ, казалось, что оно идетъ какъ-то уже через-чуръ хорошо, и я не ошибся. Не успѣли мы доѣхать до угла, какъ попалась на встрѣчу полиція, съ вооруженными людьми. Другіе всѣ перепугались, я не струсилъ ни на волосъ; кричу: «кучеръ, поворачивай назадъ и гони лошадей, сколько есть мочи». Проклятіе! Съ этой стороны тоже цѣлая толпа сбировъ нападаетъ на насъ. «Ребята, *мастеръ* Александръ растянулъ намъ сѣти, и если вы не хотите быть сжаренными, надо разорвать ихъ. Къ оружію, дѣти!» Сказано—сдѣлано; самъ герцогъ вышелъ изъ кареты и смѣло обнажилъ шпагу. Я его не считалъ способнымъ на это. Подите-ка, довѣряйтесь тихой водѣ! Но сбиры не дожидались нашего приближенія, и угостили насъ ружейнымъ залпомъ. Кто палъ и кто остался на ногахъ, не знаю. Я, правду сказать, не могъ и думать о другихъ,—да при томъ же темно было совершенно. Святоша, высунувшись изъ окна кареты, кричитъ: «спасите! ради Бога спасите!» точно ее рѣжутъ. Полиція оретъ тоже свое: «бей ихъ! бей!» а я тихохонько пробирался за стѣною и наносилъ имъ удары, отъ которыхъ они и вздохнуть не успѣвали. Такимъ-то образомъ я выбился изъ толпы и пустился бѣгомъ, насколько хватало ногъ. Мои ноги почти не касались земли, потому, знаете, кто просто бѣжитъ, тотъ только бѣжитъ, а кто спасается, такъ тотъ летитъ. Не смотря на это, два сбира, вѣроятно тоже хорошіе бѣгуны, не отставали отъ меня ни на шагъ, точно гончія собаки. У меня даже подымались волосы сзади, отъ ихъ дыханія; нѣсколько разъ они уже хватались руками за мое платье. Я повернулъ за уголъ и все бѣгу; повернулъ за другой, за третій: ужь я чувствовалъ, что начинаю задыхаться, но они тоже устали, особенно одинъ, потому что я слышалъ не одинаково ясно ихъ шаги. Тогда мнѣ припомнилась исторія храбраго богатыря Горація. Находя, что они проводили меня дальше, чѣмъ слѣдовало, я остановился, неожиданно обернулся и простился съ тѣмъ, который былъ ближе отъ меня, всадивъ ему пулю въ самую грудь. Голубчикъ повернулся раза три или четыре, какъ собака, которая ловитъ свой хвостъ, и потомъ заоралъ носомъ землю. Другой тотчасъ понялъ, что я намѣренъ распроститься съ ними, и въ свою очередь, прежде чѣмъ удалиться, отвѣсилъ мнѣ поклонъ одной унціей свинцу, которая скользнувъ по головѣ, ранила мнѣ лѣвое ухо. — Но это не помѣшало мнѣ бѣжать. Сдѣлавъ порядочный конецъ, я остановился, чтобъ огля-

дѣться, куда попалъ, и увидѣлъ, что очутился случайно у вашего дома. Вернуться назадъ — значило погубить себя; до меня долеталъ гулъ раздраженнаго народа, точно какъ Тибръ шумитъ подъ сводами моста Святаго Ангела. Я и рѣшился воспользоваться случаемъ, который судьба такъ разумно представила мнѣ: перелѣзъ черезъ стѣну сада и ощупью добрался до васъ по дорогѣ, которою меня велъ Марціо... Теперь, донъ Франческо, спрячьте меня, пожалуйста, до завтрашней ночи, потому что я, если Богъ поможетъ, намѣренъ вернуться въ лѣсъ.

Ченчи, слушавшій его съ большимъ вниманіемъ, спросилъ:

— И ты положительно убѣжденъ, что никто не видѣлъ, когда ты взошелъ сюда?

— Никто. Но вы понимаете, что теперь полиція на ногахъ, и въ первое, жаркое время мнѣ надо ее остерегаться.

— Ты точно говоришь правду, что тебя никто не видѣлъ?

— Никто, клянусь вамъ. Развѣ вы не видите, что я переодѣлся бариномъ?

И точно Олимпій перемѣнилъ костюмъ.

— Будь спокоенъ; если все такъ, какъ ты говоришь, то бѣда не велика. — Надо однако позаботиться, чтобъ тебя люди не видѣли; я не вѣрю имъ ни въ чемъ; у нихъ всегда навострены глаза и уши; мы окружены шпіонами; они любятъ своихъ господъ, какъ волки ягнятъ, чтобъ полакомиться ихъ мясомъ.

— Какъ, вы даже и въ Марціо не увѣрены?

— Прежде, чѣмъ сломался, онъ былъ цѣлъ, говоритъ пословица. И да, и нѣтъ; но я его послалъ по дѣламъ на виллу. Тебѣ придется (и видишь, я это дѣлаю болѣе для тебя, чѣмъ для себя) скрыться на это время въ подземельяхъ дворца.

— Какъ въ подземельяхъ?

— Это такъ говорится, въ подземельяхъ — въ погребѣ, и ты будешь тамъ въ достойной и пріятной компаніи—съ винными бочками; я тебѣ разрѣшаю открыть ихъ и пить изъ нихъ забвеніе всѣхъ бѣдъ, сколько тебѣ угодно, съ однимъ условіемъ только, чтобъ напившись вдоволь, ты заткнулъ ихъ опять.

— Ужь если иначе нельзя, то изъ-за хорошей компаніи я согласенъ и на такую комнату.

— Ты не будешь тамъ жить по княжески, но однакожь и не по разбойничьи; соломы найдешь много; меньше чѣмъ черезъ часъ я дамъ тебѣ поѣсть и принесу тебѣ огня и мазь, которая залечитъ тебѣ боль въ ранахъ. Пусть я околѣю, если ты въ короткое время не будешь чувствовать себя здоровымъ. Утѣшься, не всѣ предпріятія удаются безопасно; не удача, но терпѣніе все побѣждаетъ. Римляне по-

слѣ пораженія въ Каннахъ продали мѣсто, на которомъ былъ Карѳагенскій лагерь, и наконецъ-таки взяли Карѳагенъ. — Обопрись на меня... Ступай потихоньку; смотри не ушибись — идемъ шагомъ.

Они шли въ темнотѣ нескончаемыми проходами, пока не добрались до подваловъ дворца.

— Тутъ меня и дьяволъ не отыщетъ.

— О! въ этомъ ты можешь быть увѣренъ; тебя никто не отыщетъ!

— Притомъ никто и не знаетъ, что я здѣсь.

— И не узнаетъ никогда.

— Мнѣ нужно только, чтобъ не узнала полиція до послѣ-завтра; а потомъ мнѣ и дѣла нѣтъ.

— Наклони голову и смотри не ушибись объ порогъ... вотъ такъ... съ этой стороны... входи.

— Входить? проговорилъ Олимпій и остановился. Онъ почувствовалъ сырой, холодный воздухъ, охватившій ему лицо. Донъ Франческо расхохотался.

— Я вижу ты трусишь? сказалъ онъ.

— Я? Нѣтъ; только я думаю о томъ, что всѣ закрытыя мѣста таковы, что всегда знаешь, когда въ нихъ входишь, но никогда не знаешь, когда выйдешь.

— Какъ такъ? завтра ночью — вѣдь ты самъ рѣшилъ.

— А если вы не придете за мной?

— Да какая жь мнѣ польза отъ твоей смерти? Гдѣ мнѣ найти другаго Олимпія?

— Ну, а если не придете?

— Ты тогда кричи. Погреба у самой улицы, и прохожіе тебя услышатъ.

— Хороша находка! Изъ погреба Ченчи я попалъ бы тогда въ тюрьму Корте-Савелла.

— Ты пойми, что мнѣ самому пришлось бы отправиться въ крѣпость за то, что я спряталъ такого пріятеля, какъ ты.

— Въ томъ, что вы говорите, есть доля правды: на всякій случай оставьте дверь открытою.

И онъ взошелъ; но дверь захлопнулась за нимъ.

— Донъ Франческо, какъ же это? вѣдь дверь закрылась? Принесите мнѣ скорѣй огня и отоприте дверь.

— Я сейчасъ иду за ключемъ и вернусь.

— Да смотрите, не забудьте огня.

— Огня! ну, огня у тебя будетъ вдоволь, если справедливо сказаніе: et lux perpetua luceat eis,—напѣвалъ Ченчи панихиднымъ напѣвомъ, поспѣшно удаляясь.

— Удивительно, право! продолжалъ графъ, когда вернулся въ свою комнату: — и эти люди воображаютъ, что у нихъ очень тонкій умъ! Всякая лисица употребляетъ больше осмотрительности, чтобъ не попасть въ западню. — Теперь жди меня Олимпій; ты прождешь долго; развѣ ангелъ, въ день страшнаго суда, придетъ отпереть тебя, а ужь я навѣрное не приду. Твоя смерть будетъ повтореніемъ смерти римскаго эпикурейца Помпоніо Аттика, друга Цицерона. А вѣдь должно быть въ голодной смерти есть своего рода сладострастіе. Если бы Олимпій не свалился мнѣ на голову такъ неожиданно, я устроилъ бы самъ такимъ образомъ, чтобы можно было наблюдать надъ нимъ симптомы голодной смерти... Дѣлать нечего! Это мы оставимъ до другаго раза, если Богъ поможетъ найти случай. Теперь же я отдаюсь въ руки случайности, потому что въ моихъ глазахъ одинъ гранъ удачи стоитъ цѣлаго четверика умѣнья. Въ войнѣ, въ любви, въ дѣлахъ, даже въ самыхъ искуствахъ, всѣмъ распоряжается удача. Прощай, Олимпій, покойной ночи! Мой прощальный поклонъ не такъ торжественъ, какъ поклонъ сбира, мой проще, но вѣрнѣе. Спи спокойно, Олимпій; мнѣ тоже хочется спать; и я желаю тебѣ сна невинности — сна, подобнаго моему.

Изъ четырехъ разбойниковъ, товарищей Олимпія, трое остались убитыми на мѣстѣ; четвертый, раненый смертельно, умеръ прежде, чѣмъ его донесли въ госпиталь. Герцогъ также былъ раненъ въ руку, но остался живъ. Послѣ длиннаго процесса, въ которомъ онъ сознался во всемъ подробно, умалчивая только объ участіи графа Ченчи, папа былъ въ нерѣшимости: осудить ли его на смертную казнь, или только на галеры? Однако сильныя связи графа при дворѣ, а болѣе всего деньги, которыми онъ щедро надѣлялъ приближенныхъ папы, расположили его принять въ соображеніе молодость герцога, его примѣрную до тѣхъ поръ жизнь, и проч. и проч., и потому наказаніе было смягчено. Въ чемъ заключалось это смягченіе, я, къ удивленію моему, отыскалъ въ дѣлахъ Проспера Фариначіо, который былъ его адвокатомъ: герцога послали въ Авиньонъ папскимъ губернаторомъ.

Но такъ какъ вещамъ необыкновеннымъ съ трудомъ вѣрится, когда не извѣстны причины, дѣлающія ихъ обыкновенными и естественными, то весьма любопытны мемуары того времени: изъ нихъ видно, что папа Климентъ пришелъ къ такому рѣшенію по своей чрезмѣрной скупости. Онъ не назначилъ никакого содержанія герцогу, но еще подвергъ его стольким издержкамъ, независимо отъ сопряженныхъ съ его должностью, честью и достоинствомъ римскаго вельможи, что частію отъ этого, частію отъ большихъ издержекъ по процессу, знатнѣйшій домъ Альтемсъ потерпѣлъ значительный денежный ущербъ, отъ котораго никогда уже и не могъ оправиться.

ГЛАВА XIII.

Монсиньоръ Гвидо Гверра.

Блѣдная, блѣдная, вся въ бѣломъ, съ лампадой въ рукахъ, Беатриче теперь похожа на весталку. Она ступаетъ быстро и стремительно, едва касаясь земли ногами...

Вотъ она поставила на полъ лампаду, отворила осторожно дверь, робко осмотрѣлась кругомъ и скользнула въ садъ.

Куда идетъ въ такую пору Беатриче, это безстрашное дитя? Не хочетъ ли она насладиться созерцаніемъ небеснаго свода, на которомъ Богъ начерталъ свою славу звѣздами, какъ словами? Но небо покрыто черными тучами и воздухъ полонъ тревоги подъ гнетомъ приближающейся грозы. Можетъ быть она вышла въ садъ упиться звуками, которыми соловей оглашаетъ тишину ночи? Нѣтъ, удары грома наполняютъ воздухъ, и испуганные звѣри прячутся въ своихъ берлогахъ, или притаившись лежатъ подъ зеленью лѣсовъ. Зачѣмъ же идетъ она?

Она, несчастная, идетъ искать того свѣтила, которому суждено быть ея путеводной звѣздой посреди мрака, еще болѣе чорнаго, чѣмъ небо этой адской ночи. Зачѣмъ мнѣ дольше скрывать ея тайну? Дочь Франческо Ченчи идетъ на свиданіе съ своимъ возлюбленнымъ. Но какъ и когда она почувствовала любовь? Какъ могла любовь пустить свои корни въ этой душѣ, полной отчаянія? На гранитной скалѣ, куда не проникалъ слѣдъ человѣка, куда изрѣдка только залетитъ птица, чтобъ дать отдыхъ своимъ крыльямъ, я видѣлъ свѣжую, прекрасную фіалку, колеблемую утреннимъ вѣтеркомъ. Кто занесъ туда горсть земли, которая выростила этотъ скромный цвѣтокъ? Такъ было и съ Беатриче.

Монсиньоръ Гвидо Гверра, какъ видно изъ мемуаровъ того времени, происходилъ изъ знаменитаго рода; онъ былъ высокъ ростомъ, красивъ и съ пріятнымъ выраженіемъ лица. У него, какъ и у Беатриче, были русые волосы и голубые глаза. Нравы ли того времени были распущены, или въ нихъ было менѣе притворства, только тогда никто не возмущался тѣмъ, если прелаты чувствовали стремленіе къ оружію или къ любви. Часто высокіе сановники церкви бросали свою духовную одежду и лазили въ окно къ любовницамъ, или надѣвали мечь; они принимали участіе въ сраженіяхъ, гдѣ наносили и получали порядочныя раны. Соборные уставы не только не одобряли, но напротивъ того, съ древнихъ временъ строго преслѣдовали подобныя про-

дѣлки; одинъ обычай побѣждалъ уставы. Коадъюторъ парижскаго архіерея де-Гонди, впослѣдствіи кардиналъ де-Ретцъ, переодѣтый въ свѣтскій костюмъ, пробирался по ночамъ къ Аннѣ Австрійской, регентшѣ Франціи, а днемъ являлся ко двору съ кинжаломъ подъ рясой. По этому случаю въ то время называли кинжалъ молитвенникомъ преосвященнаго коадъютора.

Чистѣйшая душа Беатриче вѣрно бѣжала бы отъ всякой непозволительной любви. Но извѣстно положительно, что, хотя монсиньоръ Гвидо Гверра и носилъ духовное платье, онъ однако же не былъ связанъ ни церковными обѣтами, ни священнымъ званіемъ, и могъ во всякомъ случаѣ сбросить рясу и идти подъ вѣнецъ. Онъ остался единственнымъ сыномъ у своей овдовѣвшей матери и обладалъ большими богатствами. Кромѣ того, онъ отличался блестящимъ умомъ, способностями ко всякому роду занятій, большой удачей во всемъ, такъ что не было предпріятія, которое онъ затѣялъ бы и которое ему не удалось бы выполнить счастливо. Судьба, казалось, хотѣла соединить на немъ всѣ свои блага... Лукреція знала объ этой любви и покровительствовала ей, сколько могла, изъ состраданія къ Беатриче, которую она хотѣла избавить отъ непристойныхъ и свирѣпыхъ преслѣдованій отца и видѣть счастливою.

Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда донъ Франческо выходилъ изъ дома по своимъ дѣламъ, или выѣзжалъ изъ Рима, Гвидо, извѣщаемый черезъ вѣрныхъ посланныхъ, тотчасъ являлся во дворецъ и утѣшалъ, какъ умѣлъ, бѣдныхъ женщинъ. Не смотря на данную имъ клятву быть мужемъ Беатриче, онъ откладывалъ со дня на день исполненіе этой клятвы. Пользуясь расположеніемъ папы и зная его строгій нравъ и желаніе, чтобъ онъ не оставлялъ духовнаго званія, въ которомъ папа обѣщалъ ему быстрыя повышенія, Гвидо изыскивалъ все случая открыть свое сердце святому отцу, такъ чтобы не вооружить его противъ себя и получить его согласіе. Но когда донъ Франческо узналъ черезъ своихъ шпіоновъ о намѣреніи монсиньора Гвидо, или можетъ быть только имѣлъ подозрѣніе, этого было уже достаточно для него, чтобы предложить Гвидо перестать посѣщать его семейство и оставить всякій помыселъ о Беатриче, если ему дорога жизнь. Имя графа Ченчи отнимало охоту у самыхъ храбрыхъ входить съ нимъ въ ссору, и тотъ, кто заслужилъ его вражду, не могъ бы считать себя безопаснымъ даже въ своей постелѣ; но надо думать, что монсиньоръ Гверра пренебрегъ бы его угрозами, если бы репутація любимой имъ дѣвушки, которая для всякаго, истинно любящаго, должна быть дороже всего на свѣтѣ, не удержала его, изъ опасенія скандала; поэтому онъ видѣлся съ нею рѣдко, и злополучные любовники находили утѣшеніе только въ томъ, что изрѣдка пересылали письма другъ другу.

Кто изъ васъ, читатели, не получалъ хоть разъ въ свою жизнь подобныхъ писемъ? Вы помните, съ какимъ волненіемъ вы къ нимъ прикасались, какъ дрожали ваши руки, когда вы ихъ развертывали, и съ какимъ нетерпѣніемъ вы спѣшили читать ихъ при тускломъ свѣтѣ сумерекъ или при слабыхъ лучахъ луны? Вы помните, какъ у васъ бились виски, какъ звенѣло въ ушахъ и какъ огненныя мурашки мелькали передъ глазами? Вы помните, какъ вы однимъ взглядомъ пробѣгали его все, а потомъ перечитывали на досугѣ каждое слово и, осыпавъ поцалуями, прятали на груди.

Въ такомъ положеніи были отношенія любовниковъ, когда, въ одинъ вечеръ, монсиньоръ Гверра, переодѣтый, шелъ мимо дворца Ченчи; онъ смотрѣлъ на верхъ, отыскивая огонь въ окнѣ у Беатриче, какъ мореходъ ищетъ маяка въ бурную ночь. Въ то самое время, какъ онъ поравнялся съ аркою дворца Ченчи, онъ почувствовалъ, что его толкнулъ бѣжавшій мимо человѣкъ. Онъ чуть не свалился отъ толчка; но, устоявши на ногахъ, схватилъ за шиворотъ бѣжавшаго, угрожая ему голосомъ, полнымъ негодованія.

Тотъ, какъ только узналъ его, сказалъ:

— Не шумите, ради Бога! Возьмите это письмо: оно отъ донны Беатриче.

И побѣжалъ прочь.

Гвидо, сдѣлавшійся неосторожнымъ отъ чрезвычайной любви, осматривался кругомъ, не попадется ли ему фонарь. Въ глубинѣ арки онъ увидѣлъ лампаду, горящую передъ образомъ мадонны. Не разсуждая болѣе, онъ отправляется туда и вскрываетъ письмо, въ которомъ едва узнаетъ почеркъ возлюбленной дѣвушки: до такой степени оно было написано дрожащею рукою. Эти нѣсколько строкъ заключали въ себѣ мольбу: ради всего, что у него есть святаго, прійти въ эту самую ночь, въ часъ, въ садъ, и ждать ее въ лавровой бесѣдкѣ, если онъ не хочетъ, чтобы она умерла.

Онъ осторожно спряталъ письмо и удалился. Вернувшись домой, онъ взялъ шпагу, веревочную лѣстницу и, когда настало время, вышелъ одинъ. Дошедши до ограды сада Ченчи, онъ перелѣзъ ее и спрятался въ назначенномъ мѣстѣ.

Гвидо прислушивался, и ему безпрестанно слышался шумъ между листьями; онъ высовывался, осматривался кругомъ и, не видя никого, со вздохомъ возвращался въ свое мѣсто. Назначенный часъ прошелъ. О Боже! ужь не случилось ли несчастія, на которое указывали въ письмѣ?.. У него замерло сердце, и онъ, шатаясь, прислонился къ дереву.

Вдругъ послышался голосъ:

— Гвидо!.. Беатриче!..

Дѣвушка трепетно сжала руку своего возлюбленнаго, который дрожалъ, какъ листы лавра надъ его головой. Беатриче, точно пораженная какою-то ужасною мыслію, забывъ дѣвственную скромность, прижалась къ нему и, какъ въ бреду, прошептала:

— Гвидо, возлюбленный мой, спаси меня! Гвидо, уведи меня отсюда... сейчасъ... не мѣшкай ни одной минуты!.. тутъ земля жжетъ мнѣ ноги... здѣсь отравленъ воздухъ, которымъ я дышу... Гвидо!.. пойдемъ...

— Беатриче!..

— Не будемъ терять словъ... бѣжимъ, умоляю тебя, пока не потеряна возможность!.. Если ты не хочешь имѣть меня своей женой, ничего... ты отвезешь меня въ монастырь... куда хочешь... хоть въ Клариссы, гдѣ замуровываютъ дверь за отшельницами—только спаси меня изъ этого проклятаго мѣста... спаси меня, я этого требую!..

— О Боже! возлюбленная моя! что значитъ это волненіе!.. Ты горишь, какъ въ лихорадкѣ.

— Тутъ... въ душѣ моей смерть!.. Избавь меня отъ отчаянія... отъ вѣчнаго проклятія... Что со мной?.. Вообрази себѣ преступленія, отъ которыхъ блѣднѣютъ палачи, преступленія, отъ которыхъ подымаются дыбомъ волосы у злодѣевъ, которыя леденятъ кровь, отъ которыхъ отнимается голосъ и каменѣютъ слезы: представь себѣ всѣ преступленія, какія только миѳологія разсказываетъ намъ о семействѣ Атридовъ, — и тогда ты не вообразишь себѣ всѣхъ ужасовъ, которые затѣваются и исполняются въ Римѣ... здѣсь... во дворцѣ графовъ Ченчи...

— Ты приводишь меня въ содроганіе... но говори же... скажи мнѣ...

— Могу ли я говорить это, а ты слушать? Еслибъ я открыла тебѣ все, ты увидѣлъ бы краску на моемъ лицѣ даже сквозь окружающій насъ мракъ ночи... Я умерла бы отъ стыда у ногъ твоихъ. Довольно знать тебѣ, что я, благородная римская дѣвственница, я, изъ устъ которой не вышло ни одного нескромнаго слова, я, у которой не было никогда ни одной мысли, которую бы я не могла повѣрить своему ангелу хранителю, — я скорѣй избрала бы постыдную жизнь распутной женщины, чѣмъ остаться одинъ лишній часъ, одну минуту за этимъ порогомъ, надъ которымъ виситъ гнѣвъ Божій!.. Это ужасающія тайны, которыя не должны и не могутъ быть разсказаны.

— Но куда ты можешь идти со мной въ такомъ видѣ? Какъ ты перелѣзешь стѣну въ такомъ платьѣ? Подожди до завтра...

— Завтра! Несчастный!.. Да знаешь ли, что можетъ и теперь ужь поздно?.. Я не оставлю тебя и прилипну къ тебѣ, какъ раскаленныя щипцы... Идемъ... бѣги... я слѣдую за тобой!

— Пусть будетъ по твоему; идемъ съ Божіей помощью...

— И не простившись съ хозяиномъ? Возможно ли это?.. крикнулъ насмѣшливый голосъ.

И въ то же время былъ нанесенъ сильный ударъ топора, который разрубилъ бы Гвидо пополамъ, еслибъ упалъ на него; но, къ счастію, онъ ударился со всего размаху объ дерево, около котораго стояли любовники, и срѣзалъ его, какъ тростникъ; дерево, падая, ударилось объ соединенныя руки Беатриче и Гвидо и разъединило ихъ.

Потрясенный, но не уничтоженный этимъ ударомъ, Гвидо ощупью искалъ руки Беатриче, но сильный толчекъ отбросилъ его на нѣсколько шаговъ, и въ то же мгновеніе на него наскочилъ человѣкъ, говоря ему шепотомъ:

— Безразсудный! убѣгайте, или вы погибли! Я кинусь вслѣдъ за вами для того, чтобъ спасти васъ! и потомъ громко сталъ кричать.— А! измѣнникъ! ты не убѣжишь отъ меня!.. Вотъ тебѣ... вотъ тебѣ еще ударъ!..

По всему саду, смѣшиваясь съ ревомъ вѣтра, слышны были бранныя слова и страшныя угрозы. Рѣзкій голосъ Ченчи, какъ зловѣщая птица, кричалъ безпрестанно:

— Крови!.. крови!.. рѣжьте его, какъ собаку!..

Гвидо бѣжалъ, оглушенный всѣмъ этимъ; но вдругъ ему стало совѣстно, что онъ оставилъ Беатриче одну въ рукахъ разъяреннаго отца; не сознавая ясно, что нужно дѣлать для того, чтобы помочь ей, онъ остановился, повернулъ назадъ и ухватился за шпагу; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ обнажить ее, его настигъ преслѣдовавшій его человѣкъ и сказалъ ему:

— Зачѣмъ вы остаетесь? Ради всѣхъ святыхъ, отчего вы не бѣжите?..

— А она?..

— Ее есть кому охранять. Идите скорѣй, вы не можете ее спасти, и только губите себя!

И онъ толкнулъ его на лѣстницу, придерживая ее, чтобъ тотъ могъ легче взойти; потомъ нанесъ такой сильный ударъ по стѣнѣ, что кинжалъ разломался на мелкія части и искры посыпались кругомъ; все это онъ приправлялъ криками и проклятіями, отъ которыхъ содрогнулись бы своды небесные.

— Гдѣ убитый? спрашивалъ освирѣпѣлый донъ Франческо.— Огня, огня сюда!.. чтобъ я могъ видѣть его раны! огня, чтобъ я могъ вырвать сердце изъ его груди и бросить ему въ рожу!.. гдѣ убитый?

— Онъ убѣжалъ, отвѣчалъ съ грустью Марціо.

— Какъ убѣжалъ? Не правда; онъ долженъ быть здѣсь... онъ долженъ быть убитъ!.. Бѣжалъ! Ахъ вы измѣнники, собаки!.. вы де-

пустили его бѣжать! На кого мнѣ положиться? Правая рука дѣйствуетъ, какъ Іуда съ лѣвой... а на тебя, Марціо... на тебя у меня ужь давно есть подозрѣніе... берегись... мои подозрѣнія переходятъ прямо въ удары кинжала... Только что у него вырвались эти слова, графъ понялъ, какъ неосторожно поступилъ; онъ укусилъ себѣ губы, какъ бы въ наказаніе за то, что они это выговорили и, стараясь тотчасъ изгладить дурное впечатлѣніе, прибавилъ болѣе кроткимъ голосомъ: — Марціо, ты съ нѣкоторыхъ поръ служишь мнѣ не такъ ревностно, какъ прежде: я тебя не удерживаю, — хотя безъ тебя я буду, какъ безъ одной руки, я предпочитаю потерять тебя, чѣмъ видѣть въ тебѣ безпечнаго и не вполнѣ вѣрнаго слугу.

Сказанное слово и брошенный камень ужь не возвращаются назадъ. Арабески на ножнахъ и узоры на клинкѣ не дѣлаютъ менѣе острымъ лезвіе кинжала. Слова Ченчи запали въ сердце Марціо, какъ камень въ воду; но поверхность, едва помутившаяся, пришла скоро въ спокойствіе, и онъ отвѣчалъ жалобнымъ голосомъ:

— Скажите лучше, Эчеленца, что я надоѣлъ вамъ. Это всегдашняя участь слугъ. Нѣтъ чернилъ, которыми можно было бы прочно записывать въ сердцѣ господъ долгую и вѣрную службу. Какъ только тебѣ хоть разъ измѣнитъ судьба, неблагодарность уже на сторожѣ и, какъ губка, стираетъ все... Чтожь дѣлать? надо терпѣть!.. завтра я сниму вашу ливрею.

Ченчи былъ увѣренъ, что обманулъ Марціо, а между тѣмъ Марціо, какъ мы увидимъ дальше, провелъ его.

— Марціо!.. что значатъ слова, произнесенныя въ гнѣвѣ? Это мимолетный вѣтеръ. Я считаю тебя за самаго вѣрнаго слугу своего и намѣренъ тебѣ теперь же доказать это.

Графъ, окруженный слугами, державшими факелы, принялся искать Беатриче и скоро нашелъ ее. Потрясенная всѣмъ происшедшимъ, она оставалась безъ движенія. Только что онъ увидѣлъ ее, въ немъ вспыхнула вновь звѣрская ярость; схвативши ее за руки и потрясая ее съ ужасной злобою, онъ съ горькимъ сарказмомъ говорилъ ей:

— Такъ вотъ она невинность, которой непонятны слова любви и сладострастія, какъ звуки незнакомаго языка? Вотъ она дѣвственница, берегущая лилію, которая должна умножить блаженство рая? Безстыдница!.. распутница, принимающая тайно любовниковъ!.. Такъ ты сама вызываешь на гнусныя наслажденія... сама навязываешься тѣмъ, кто не хочетъ тебя. Скажи мнѣ, кто былъ тотъ, съ кѣмъ ты безстыдно обнималась?

Беатриче смотрѣла на него и молчала. Старикъ, взбѣшенный этимъ спокойствіемъ, заревѣлъ.

— Говори, если не хочешь, чтобъ я убилъ тебя! И такъ какъ Беатриче не прерывала молчанія, онъ совершенно остервенился, вцѣпился ей руками въ волосы и сталъ рвать ихъ прядь за прядью; не довольствуясь этимъ, онъ поносилъ ее самыми грязными ругательствами, какихъ никогда не слышала ни одна честная женщина, и наносилъ ей жестокіе удары въ грудь, въ шею, въ лицо. О, изъ состраданія отвратимъ нашъ взоръ въ другую сторону! Кто могъ бы видѣть, не содрогаясь, этотъ нѣжный лобъ и щеки, изувѣченныя глубокими царапинами, эти божественные глаза, распухшіе и въ синякахъ, кровь, льющуюся вмѣстѣ со слезами на эти милыя уста! Онъ опрокинулъ ее на землю, таскалъ ее за волосы и безпрестанно переходилъ отъ одного тиранства къ другому; топталъ ее ногами, но она все молчала; разъ только у нее вырвались изъ груди слова:

— Горе! горе мнѣ!

— Ступайте прочь отсюда всѣ вы, крикнулъ графъ:—ты, Марціо, останься... Слушай! я хотѣлъ поручить тебѣ эту негодницу, въ доказательство моего довѣрія къ тебѣ... но лучше будетъ, если я самъ присмотрю за ней, чтобъ она не заколдовала тебя... Поди въ мой кабинетъ, въ конторкѣ, въ правомъ углу, ты найдешь связку ключей; возьми ихъ и принеси мнѣ... Торопись... ступай...

Марціо, вынужденный оставаться грустнымъ зрителемъ безбожнаго обращенія, пошелъ и вернулся мигомъ съ ключами; онъ поднялъ дѣвушку и, становясь между нею и отцомъ, дѣлалъ видъ, что грубо толкаетъ ее въ подвалъ.

Марціо оставилъ въ нѣсколькихъ шагахъ позади графа Ченчи; вдругъ слухъ его былъ пораженъ страдальческимъ стономъ и словами:

— Умереть такъ... безъ хлѣба и безъ причастія. Ахъ ты измѣнникъ!

Марціо догадался, что въ этихъ пещерахъ скрываются еще другія преступленія, кромѣ того, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, и повернулъ голову въ ту сторону, откуда слышался голосъ; но Франческо Ченчи, запыхавшись, поравнялся съ нимъ въ эту самую минуту и бросивъ на опаснаго слугу свирѣпый взглядъ, спросилъ:

— Слышалъ ты стонъ?

— Стонъ?

— Да, точно стонъ грѣшной души...

— Мнѣ послышалось... завываніе вѣтра въ пещерахъ...

— Нѣтъ, нѣтъ... это стоны... Дѣдъ мой заморилъ здѣсь голодомъ своего врага. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, водятся въ этихъ пещерахъ привидѣнія; и я этому готовъ повѣрить.

— Спаси меня Господи! Что касается до меня, я не взошелъ бы сюда даже со святой свѣчею въ карманѣ.

— И хорошо дѣлаешь. Открой эту дверь: вонъ тамъ, направо... третью... вотъ такъ... хорошо.

Марціо отперъ дверь и графъ втолкнулъ туда Беатриче со всей силы.

— Ступай, проклятая, ты теперь испробуешь вкусъ хлѣба покаянія и воды страданія.

Беатриче отъ сильнаго толчка упала на полъ и ударилась лицомъ объ выдающійся камень, отчего сдѣлала еще новую рану на губахъ: побѣжденная болью, она упала въ обморокъ. Когда душа несчастной вернулась къ жизни, она встала съ полу: она была одна, окруженная мракомъ; опершись на стѣну, несчастная предалась размышленіямъ:

— Горе мнѣ! горе! Богъ покинулъ меня. Никто изъ живущихъ не смѣетъ и не можетъ помочь мнѣ, — никто. Судьба обрушилась на меня, какъ сводъ святаго Петра. Право, ужь слишкомъ много бури для того, чтобъ сломить такой слабый тростникъ. Ты не осудишь меня, Господи, за то, что я свалилась подъ бурею, которую ты самъ послалъ на меня... Гвидо мой, Гвидо! О, горе мнѣ! и онъ теперь навѣрное ужь умеръ... Онъ говоритъ теперь обо мнѣ съ Виргиліемъ... и они вмѣстѣ ждутъ меня къ себѣ. О, Боже! Гвидо не вини меня въ своей смерти... Теперь, когда я безъ стыда могу говорить съ тобой, я открою тебѣ, какъ безпредѣльна, какъ сильна была моя любовь къ тебѣ. Но зачѣмъ,—да проститъ тебя Богъ,—зачѣмъ Гвидо хотѣлъ ты соединить свою судьбу съ моею? Развѣ я не говорила тебѣ, что дни мои обречены на погибель? Развѣ я не предваряла тебя?.. О, зачѣмъ я живу и не въ состояніи умереть? Говорятъ, что мы невправѣ лишить себя жизни! Нѣтъ? Душа должна чувствовать, страдать и не должна желать смерти тѣлу... Я перенесла бы даже такую долю, еслибъ я не знала, что я сѣмя злополучія, брошенное на землю для того, чтобы возрастить жатву слезъ для всѣхъ, кто меня любитъ... Да, дни мои ростутъ, какъ вѣтви ядовитаго дерева, которое убиваетъ всякаго, кто захотѣлъ бы отдохнуть подъ его тѣнью. Я не виню тебя, Господи! Ты возложилъ на спину твоего единороднаго сына крестъ изъ дерева, и онъ трижды упалъ подъ его бременемъ; но на меня ты возложилъ свинцовый крестъ. У меня нѣтъ силъ нести его, и я бросаю его на землю. Пусть беретъ кто хочетъ эту изстрадавшую душу... Моя жизнь слишкомъ тяжела и я хочу кончить съ нею.

Въ этихъ размышленіяхъ, непреодолимое желаніе умертвить себя овладѣло ея умомъ; полная рѣшимости, съ печатью смерти на челѣ, съ душою, переполненною холоднымъ отчаяніемъ, она разбѣжалась и

со всего размаху ударилась головою объ стѣну... О, Боже! Она пошатнулась, распростерла руки и упала безъ чувствъ на землю.

ГЛАВА XIV.

Убійство въ Витанѣ.

Конечно, не могло быть большаго благодѣянія для Беатриче, какъ если бы мольба ея была услышана и принята эта страдальческая душа, которая послѣ краткаго шестнадцатилѣтняго странствованія на землѣ, не находила себѣ другаго убѣжища, кромѣ вѣчнаго мрака смерти! Но Богу угодно было сдѣлать иначе. Густые, изобильные волосы на головѣ Беатриче смягчили ударъ, и онъ не былъ смертеленъ. Мы не можемъ сказать, сколько часовъ пробыла она въ безпамятствѣ. Когда она очнулась, то приподнялась и сѣла опершись объ стѣну, не помня, ни гдѣ она, ни какъ сюда попала. Она сжимала руками голову, въ которой чувствовала сильную боль, хотя и не помнила ея причины. Вдругъ ей послышалось, будто произнесли ея имя; она прислушивается внимательно: точно, имя ея повторяется. Тогда она вспомнила разсказъ Виргилія о томъ, какъ звала его къ себѣ мать. Голосъ, который она теперь слышала, имѣлъ что-то среднее между звукомъ голоса брата и матери. Она заключила изъ этого, что, благодаря ихъ ходатайству, божественное милосердіе избавило ее отъ вѣчной муки, и, утѣшенная этой мыслію, бодро встала на ноги и, всплеснувъ руками, съ чувствомъ невыразимаго восторга, воскликнула:

— Благодарю тебя, мать моя, благодарю тебя, мой дорогой Виргилій! явитесь мнѣ! дайте мнѣ увидѣть васъ!.. откройте мнѣ ваши объятія... Отчего мой Гвидо не съ вами? Какимъ молодымъ онъ умеръ! Но если онъ придетъ сюда съ вами... со мною, своей супругой, ему не тяжела будетъ смерть: наши поцалуи не будутъ преступны. Не правда ли, матушка, мнѣ можно цаловать его даже при васъ; вѣдь онъ мой супругъ?

Но голосъ приближался все болѣе и болѣе.

— Синьора Беатриче... опомнитесь, не падайте духомъ... О, синьора Беатриче, не бойтесь, это я... это Марціо зоветъ васъ.

— Марціо! Въ томъ мірѣ это было имя одного слуги, который былъ мнѣ преданъ... Это онъ хотѣлъ размозжить голову графу Ченчи въ день пира... То было преступленіе; но участіе ко мнѣ его подвигало на это... Будемъ молить Бога, чтобъ онъ простилъ его, или возложилъ на меня его грѣхъ,—я искуплю его въ чистилищѣ.

— Дитя мое! Я боюсь, что Богъ накажетъ меня именно за то, что я не выжилъ его изъ этого міра.

— А теперь что дѣлаетъ Марціо? Онъ тоже умеръ?

— Синьора Беатриче, вы бредите... Ради Бога, опомнитесь... пересильте себя... подойдите ко мнѣ, выслушайте меня: старикъ злодѣй, графъ Ченчи спитъ теперь... Хотите, чтобъ онъ уже никогда не проснулся?

— Что вы говорите, Марціо? Я не хорошо васъ понимаю, у меня въ головѣ точно туманъ...

— Тотъ, кто далъ вамъ жизнь для того, чтобы мучить васъ, тотъ, кто называется вашимъ отцомъ, тотъ, кто умертвитъ васъ, если останется живъ... Хотите, чтобъ онъ умеръ... въ эту ночь .. черезъ пять минутъ? Его жизнь на кончикѣ моего ножа.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Беатриче, приходя въ себя: — Марціо!.. Боже васъ упаси это сдѣлать — иначе я возненавижу васъ... я васъ обвиню передъ судомъ... Пусть онъ живетъ и кается: онъ покается когда нибудь, можетъ быть.

— Покается! Развѣ волковъ когда нибудь видали на исповѣди? Я сказалъ вамъ, если онъ останется живъ, вы умрете.

— Что за бѣда? Развѣ я не пробовала умереть? Ахъ, какъ тяжело вернуться къ жизни! Марціо, мой вѣрный Марціо! У меня нѣтъ больше дыханія; я хотѣла бы смертью утолить жажду. Слышалъ ты когда нибудь разсказы о нашихъ предкахъ, которые держали около себя безжалостнаго друга или раба для того, чтобы, когда придетъ необходимость покинуть жизнь, онъ нанесъ имъ благодѣтельный смертельный ударъ? Марціо, я столько не требую отъ тебя... Принеси мнѣ только какой нибудь травы, которая имѣла бы свойство закрыть мнѣ глаза на вѣки, дать мнѣ наконецъ покой, которымъ я никогда не наслаждалась въ жизни.

— Нѣтъ, клянусь святой душой Анны Ринарелло, если я не погибну, вы будете жить. Несчастное дитя! не предавайтесь отчаянію. Я скоро вернусь къ вамъ; теперь мнѣ необходимо идти къ вашему ужасному родителю... Еслибъ онъ проснулся и засталъ насъ вмѣстѣ, вамъ бы не было спасенія.

И онъ оставилъ ее. Думая только о жалкомъ положеніи Беатриче, онъ уже готовъ былъ выдти вонъ изъ пещеры, какъ ему пришелъ внезапно на память стонъ, слышанный имъ въ прошлую ночь; онъ вернулся назадъ, сталъ прислушиваться, но ничего не слышалъ: тогда онъ сталъ слегка стучать въ дверь, которая была передъ нимъ, и вдругъ послышался тотъ же стонъ, но еще болѣе страдальческій.

— Боже мой! Я умираю съ голоду, умираю отъ жажды; лучше бы быть повѣшеннымъ; я къ этому ужь былъ готовъ...

— Кто ты? Отвѣчай скорѣй...

— Эчеленца, развѣ вы не знаете, кто я? Отоприте мнѣ дверь, ради Бога, я готовъ глодать свои собственныя руки.

— Отвѣчай скорѣй, говорю тебѣ, или я уйду.

— Я человѣкъ, у котораго открытый счетъ съ правосудіемъ; но по правдѣ сказать изъ-за вздора, — впрочемъ, я честный бандитъ и прежде всего, вѣрный: меня зовутъ Олимпій. Меня заперъ здѣсь графъ Ченчи, два дни назадъ должно быть потому, что здѣсь не видно, когда встаетъ и когда ложится солнце; онъ обѣщалъ вернуться, и вотъ я до сихъ поръ жду его. Ахъ! если ты крещеный человѣкъ! дай мнѣ каплю воды, кусокъ хлѣба, огня... ради Бога!

— Это ужасно! Морить голодомъ человѣка и безъ причастія! Душа этого человѣка адъ, котораго дна никогда не отыщешь. Олимпій, теперь я не могу помочь тебѣ: потерпи, я скоро вернусь; теперь у меня нѣтъ ключа.

— А вы кто такой?

— Я Марціо.

— Ты пришелъ наслаждаться моими предсмертными муками?

— Я никогда не измѣнилъ никому; будь спокоенъ... прощай!

— Когда-то мы не измѣняли другъ другу. Я буду ждать... буду надѣяться, буду терпѣть молча, — но ради Бога, Марціо, возвращайся скорѣе, если хочешь застать меня въ живыхъ: я голоденъ, я продрогъ... Жажда томитъ меня.

Графъ Ченчи лежалъ и не могъ двигаться, потому что нога его распухла отъ сильнаго движенія и отъ гнѣва, который взволновалъ его кровь. Тревожный сонъ сомкнулъ ему наконецъ глаза; когда онъ проснулся, то попробовалъ встать, но острая боль не допустила его до этого. Онъ скрежеталъ зубами отъ злости и, произнося ужасныя ругательства, восклицалъ: «и мнѣ надо будетъ довѣриться этому измѣннику!» Тогда онъ позвалъ Марціо, который явился мигомъ, но съ мрачнымъ лицомъ.

— Марціо, видишь какъ я вѣрю тебѣ, возьми ключи отъ тюрьмы Беатриче и отнеси ей хлѣба и воды...

— Больше ничего?

— Ничего... Марціо, надѣнь на себя какой нибудь святой образокъ, чтобы прогонять привидѣнія, еслибъ они явились тебѣ. Если до твоего слуха дойдетъ какой нибудь голосъ, не обращай вниманія: это все обманы дьявола; въ особенности обходи пещеры съ правой стороны: тамъ умеръ съ голоду врагъ моего дѣда...

— Эчеленца, отчего мы не идемъ вмѣстѣ съ вами?

— Развѣ ты не видишь, чортъ возьми, что я не могу двигаться?

— Если ваша дочь ранена, прикажете лечить ее?

— Нѣтъ. Но развѣ ты думаешь, что она ранена?

— Мнѣ кажется, и это можетъ испортить ея красоту.

— Я не хочу, чтобъ она потеряла теперь красоту; пусть позже... Возьми вотъ здѣсь въ шкапу бальзамъ; если нужно помоги ей.

Марціо ловко захватилъ другіе ключи, потому что ключь отъ тюрьмы Беатриче онъ взялъ въ то время, когда графъ спалъ, и отправился въ пещеры.

— Синьора Беатриче, съ горечью сказалъ Марціо: — вотъ дары, которые посылаетъ вамъ вашъ отецъ, и поднявъ фонарь, онъ смотрѣлъ съ вниманіемъ на это ангельское лицо, обагренное кровью. Онъ удержалъ крикъ негодованія и со всею нѣжностью, на какую былъ способенъ, прибавилъ: — подите сюда, позвольте мнѣ вымыть вамъ лицо... простите, что я не умѣю дѣлать этого нѣжнѣе... Онъ обмывалъ ей раны, мазалъ ихъ бальзамомъ и обвязывалъ. — О Боже! повторялъ онъ безпрестанно: — ты свидѣтель этого злодѣйства!.. А если ты ему свидѣтель, то какъ же ты можешь терпѣть его?

Кончивши перевязку, Марціо повторилъ.

— Дитя мое, вотъ дары, которые посылаетъ вамъ тотъ, кто зовется отцемъ вашимъ—хлѣбъ и вода; я пренебрегъ его строгимъ запрещеніемъ, и припасъ еще другую пищу; но, право, я не въ силахъ увѣщевать васъ — продолжать жизнь, которая превосходитъ самую ужасную казнь; и что болѣе всего надрываетъ мнѣ сердце, такъ это то, что я не могу помочь вамъ ни въ чемъ, потому что (и при этомъ голосъ его сдѣлался глухимъ отъ сдержанныхъ слезъ) я рѣшился сегодня оставить вашъ домъ.

Беатриче опустила голову, какъ человѣкъ, испытавшій уже такъ много горя, что онъ хотя и чувствуетъ, но не умѣетъ болѣе жаловаться на новые удары страданія.

— Гвидо умеръ, и ты покидаешь меня?

— А кто вамъ сказалъ, что монсиньоръ Гвидо умеръ?

— Такъ онъ живъ?

— Живъ, и цѣлъ, и невредимъ.

Беатриче склонила голову на плечо Марціо; она долго оставалась въ такомъ положеніи, потомъ чуть слышно сказала.

— Гвидо живъ, и ты покидаешь меня?

— Да вы сами покидаете меня. Слушайте, я хочу открыть вамъ одну вещь, которую я не сказалъ бы даже отцу родному, еслибъ онъ вернулся изъ царства мертвыхъ. Я вошелъ въ домъ Ченчи для того, чтобъ исполнить обѣтъ; и знаете ли какой обѣтъ? Убить графа Ченчи. Ежедневныя злодѣйства этого изверга меня все болѣе и болѣе утверждали въ моемъ намѣреніи; я понималъ, что, отнявши у него жизнь, я не только удовлетворю своей мести, но что это будетъ съ моей сто-

роны даже заслуга передъ людьми и передъ Богомъ. Только, если это смущаетъ васъ, я не совершу на вашихъ глазахъ: больше я ничего не могу сдѣлать для васъ... и не трудитесь говорить мнѣ... Ни кто меня не разубѣдитъ, никто; то, что должно исполниться, будетъ исполнено.

— Но чѣмъ же графъ Ченчи вооружилъ васъ противъ себя? Когда вы явились къ нему въ домъ, мнѣ кажется, что вы ему были совершенно не извѣстны.

— Да я-то зналъ его. Если бы онъ оскорбилъ меня, ранилъ меня, я съумѣлъ бы простить ему. Конечно, я большой грѣшникъ; но когда-то и у меня было сердце христіанина. Онъ убилъ мою душу и оставилъ мнѣ жизнь: теперь я умеръ для всего, кромѣ одной вещи, и я ее сказалъ вамъ. Слушайте-ка: зналъ ли я графа Ченчи прежде, чѣмъ вошелъ въ его домъ; это конечно не покажетъ вамъ его бо́льшимъ злодѣемъ, потому что однимъ злодѣйствомъ больше или меньше—это въ немъ не считается; но можетъ быть разсказъ мой удержитъ на губахъ вашихъ проклятіе противъ его убійцы. Я мало грамотенъ, — потому я разсказываю вамъ такъ, какъ мнѣ говоритъ сердце, и вы можете вѣрить каждому моему слову, все равно какъ евангелію. Я родился въ Тальякоццо; отецъ мой умеръ, когда я былъ ребенкомъ, и оставилъ мнѣ лѣса̀ и стада̀; мать моя заболѣла и не могла смотрѣть за мною. Я выросъ, дурные товарищи скоро окружили меня и завлекли во всевозможные пороки; въ короткое время, отчасти потому, что меня обкрадывали, отчасти потому, что обыгрывали страшно, я потерялъ все мое достояніе: съ послѣднимъ стаканомъ вина, который выпили друзья въ моемъ домѣ, они выпили и забвеніе обо мнѣ, они исчезли вмѣстѣ съ духомъ послѣдняго кушанья; но по уходѣ ихъ явились другіе люди, кредиторы; они отняли у меня все, выгнали безжалостно изъ дому... Среди бѣлаго дня я долженъ былъ взвалить къ себѣ на плечи мою бѣдную мать и снести въ больницу; по дорогѣ злые мальчишки подымали меня на смѣхъ; одинъ изъ нихъ швырнулъ камень въ меня и больную... Злодѣйское племя людское! Но этимъ еще не кончились мои мученія: прежде чѣмъ я дошелъ до больницы, меня окружили сбиры, вырвали у меня изъ рукъ мать, бросили ее посреди улицы и потащили меня въ тюрьму. Кредиторы, не довольствуясь всѣмъ, что у меня было, хотѣли еще выпить изъ меня и самую кровь: я услышалъ сдержанное рыданіе... Это мать моя плакала: я обернулся, чтобъ утѣшить ее, но не могъ уже ее видѣть, потому что глаза мои были полны кровавыхъ слезъ. Я хотѣлъ говорить... и не могъ... Хорошо.

Марціо замолчалъ, потомъ утерши потъ съ лица, продолжалъ.

— Я вырвался изъ тюрьмы, бѣжалъ въ лѣсъ и всѣмъ отмстилъ: мальчику, который бросалъ камни въ мать, я размозжилъ черепъ объ

камень; хорошо. Съ тѣхъ поръ я сталъ дѣлать отмѣтки въ календарѣ остріемъ моего ножа,—каждый день былъ обозначенъ чертою крови: у меня тѣло горѣло; кровь опьяняетъ больше вина. Богъ разсудитъ, могъ ли я устоять противъ демона, который овладѣлъ моей душой; я буду передъ нимъ оправдываться; если я заслуживаю милости, пускай онъ проститъ меня, если нѣтъ — пусть осудитъ; но въ томъ, что я сдѣлалъ, и въ томъ, что намѣренъ сдѣлать, я не могу раскаяваться... работа мести еще не кончена; моимъ четкамъ не достаетъ еще одного «отче нашъ», одной мертвой головы — головы вашего отца. Въ королевствѣ воздухъ былъ опасенъ моему здоровью, — я перешелъ въ Церковную Область и нанялся въ шайку Марка Шіарра.

Все то, что я сдѣлалъ будучи разбойникомъ, вамъ не къ чему знать; хорошо, еслибъ его не знало и вѣчное правосудіе! Въ одну субботу, вечеромъ, при заходѣ солнца, я сидѣлъ на камнѣ у опушки лѣса, облокотясь на ружье, которое лежало у меня поперегъ колѣнъ. Я ждалъ товарищей для вечерней молитвы передъ образомъ Мадонны, повѣшеннымъ на дубѣ, а также затѣмъ, чтобъ уговориться на счетъ завтрашняго дня. Воздухъ былъ раскаленъ какъ печь; заходящее солнце было похоже на окровавленное сердце въ сосудѣ полномъ крови; мои собственные волосы упали мнѣ на глаза и отъ багровыхъ лучей солнца тоже казались мнѣ кровавыми; я отбросилъ ихъ назадъ, напрасно. Мнѣ все казалось кровавымъ: небо, поля и животные; стволы деревъ были мѣднаго цвѣта, въ блестящихъ изумрудныхъ листьяхъ отражались тѣ же кровавые лучи; я наводилъ ужасъ на самого себя! Можетъ, это была кровавая желтуха! Мнѣ страшно, прошепталъ я, одному! Еслибъ около меня было хоть живое существо, чтобъ избавить отъ страха, который овладѣлъ мною! Я бросилъ кругомъ мутный взглядъ и увидѣлъ передъ собою ангельское лицо, синьора Беатриче, совершенную мадонну, сошедшую съ полотна и явившуюся, какъ радость, на землю... и... не обижайтесь, синьора, за исключеніемъ того, что она загорѣла и была гораздо плотнѣе тѣломъ, она была очень похожа на васъ; на головѣ у нея былъ кувшинъ—она шла за водой къ сосѣднему источнику. Губы мои невольно произнесли слова молебствія: «salus infirmorum». Увидѣвъ меня въ одеждѣ разбойника и съ оружіемъ, она не остановилась и ничѣмъ не показала ни малѣйшей трусости. Да и въ самомъ дѣлѣ, чего ей было бояться? Противъ грабежа ее охраняла бѣдность, противъ насилія — невинность и кинжалъ, воткнутый въ ея косу: она продолжала свой путь и, проходя мимо меня, сказала голосомъ, похожимъ на шелестъ молодыхъ листьевъ, когда ихъ заколышетъ первое дыханье весны: «пошли вамъ Пресвятая Дѣва свое утѣшеніе!» Я не поднялъ лица, не отвѣтилъ ни слова; только глаза мои обратились въ ея сторону и

слѣдили за ней, пока могли ее видѣть. Думая о томъ, какъ и въ какую минуту она явилась мнѣ, я воскликнулъ: Богъ милостивъ къ тебѣ! Но потомъ, читая повѣсть всѣхъ моихъ преступленій и въ небѣ, и на землѣ, которые казались мнѣ все еще обагренными кровью, я усмѣхнулся надъ самимъ собой и прибавилъ: конечно, Христу было много другаго дѣла, чтобъ еще заботиться обо мнѣ. Но въ эту самую минуту тотъ же голосъ проникъ мнѣ въ сердце: «да утѣшитъ васъ Пресвятая Дѣва!» повторяла молодая крестьянка, возвращаясь съ водой... На слѣдующій вечеръ я опять вернулся къ дубу, и молодая дѣвушка опять прошла, утѣшая меня тѣмъ же привѣтствіемъ; на другой, на третій день—то же самое. Что мнѣ сказать вамъ болѣе? Я могъ провести день безъ пищи, но не видѣть ее не могъ. Прошелъ мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе котораго ни вѣтеръ, ни дождь не мѣшали намъ видѣться у дуба мадонны, и во все продолженіе этого времени она не сказала мнѣ ни одного другаго слова, какъ: «пошли вамъ Пресвятая Дѣва свое утѣшеніе!» А я ей: да наградитъ васъ Богъ, Анета! Ее звали Анета Ринарелло; была она изъ деревни Витаны, отецъ ея былъ тамошній пастухъ. Однажды вечеромъ, не двигаясь съ камня, на которомъ сидѣлъ, я позвалъ ее кроткимъ голосомъ: Анета, поставьте на землю кувшинъ, если вамъ непротивно, и посидите около меня, если это вамъ не непріятно. Она поставила тотчасъ кувшинъ, посмотрѣла на меня пристально и глазами указала мнѣ на мадонну. Я понялъ, что она этимъ нѣмымъ взглядомъ говорила: «я отдаю себя подъ покровительство мадонны». Тогда я всталъ, взялъ ее за руку, и подводя къ святому изображенію, сказалъ: Анета, куда идемъ мы?

— Это правда, что мы идемъ ужь много времени, и не знаемъ, куда насъ приведетъ дорога?

— Въ домѣ отца моего живутъ чужіе люди, на поляхъ, которыя были моими, другіе сѣютъ и другіе собираютъ. Я тебѣ ничего не могу предложить и ничего не предлагаю. Напротивъ того, выслушай меня со вниманіемъ, потому что я не хочу тебя обманывать: голова моя оцѣнена, — вся вода, которую ты черпаешь изъ фонтана, не достаточна для того, чтобъ омыть мои руки... Не смотри на нихъ, ты ничего не увидишь; кровь, которою они запятнаны, могутъ видѣть только мои глаза и Божіи. Если ты соединишь свою жизнь съ моею, то знай, что тебя ожидаютъ дни опасности, ночи, полныя страха, времена испытаній и постыдная смерть! Дѣтямъ, если несчастіе пошлетъ ихъ намъ, знаешь ли какое наслѣдство я могу оставить? Окровавленную рубашку. Тебѣ — какое вдовство? Имя жены повѣшеннаго. По голосу сердца, я желалъ бы, чтобъ ты избрала меня своимъ мужемъ; слушаясь разсудка, мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты отвергла меня;

но объ этомъ я тебя не прошу и этого не совѣтую тебѣ: я бросилъ кости и покоряюсь тому жребію, какой мнѣ пошлетъ судьба, открой же мнѣ спокойно свое сердце и не бойся обидѣть меня. Я клянусь тебѣ Пресвятою Дѣвой, которая насъ слышитъ, что если ты хочешь остаться свободной, ты съ этого вечера никогда не увидишь лица моего.

— Марціо, съ рѣшимостью отвѣчала дѣвушка, я знаю ваши проступки и васъ самихъ; я думала, что глаза мои давно уже сказали вамъ, что мой выборъ сдѣланъ: лучше горе съ Марціо, чѣмъ съ другимъ радость. Что мнѣ въ томъ, что ваша голова оцѣнена? Если правосудіе будетъ васъ искать, мы спрячемся вмѣстѣ; если насъ обоихъ найдутъ, мы вмѣстѣ будемъ защищаться; если насъ возьмутъ, мы вмѣстѣ умремъ. Но не объ этомъ правосудіи сокрушается мое сердце; есть другое правосудіе, которое не искавши находитъ; есть глазъ, который не закрывается для грѣха, и я хотѣла бы, чтобы вы это правосудіе смягчили, Марціо; то, чего не можетъ сдѣлать вся вода изъ рѣки, можетъ сдѣлать одна слеза — слеза раскаянія.

Такъ говорила Анета, простая дѣвушка, которой все воспитаніе заключалось въ горячей любви къ Богородицѣ. Я чувствовалъ, что у меня въ сердцѣ точно разломился камень, и тихо отвѣчалъ ей:

— Анета, я даю тебѣ честное слово оставить своихъ товарищей при первой возможности, потому что, если я брошу ихъ вдругъ, это родило бы въ нихъ подозрѣніе въ измѣнѣ, а вслѣдъ за подозрѣніемъ они рѣшили бы мою смерть; — ихъ много и они сильны. До тѣхъ поръ я, клянусь тебѣ, не буду принимать участія ни въ какомъ дурномъ дѣлѣ и еще клянусь сдѣлать тебя законной женой и любить вѣчно. Говоря это, я снялъ съ руки кольцо, которое принадлежало моей матери, и приложивши его сперва къ лику святой дѣвы, для того чтобъ освятить его, надѣлъ его на ея руку, говоря: ты жена моя.

— У меня нѣтъ кольца,—сказала Анета,—на отрѣжь, прядь моихъ волосъ и храни ее въ знакъ обѣщанія моего соединиться святымъ бракомъ съ тобою.

Я вынулъ ножъ, она нагнула голову; я отрѣзалъ волосы, но рука у меня дрожала, я ихъ выпустилъ изъ рукъ и вѣтеръ разметалъ по землѣ. Это было злое предзнаменованіе. Она подняла голову и улыбаясь сказала:

— Ну, отрѣжь другую, что за бѣда? что бы ни было, если судьба наша будетъ счастлива, я возблагодарю Бога, если несчастлива, она мнѣ будетъ одинаково мила; развѣ я не сказала тебѣ, что я готова на все?

Нѣсколько дней спустя, синьоръ Маркъ получилъ извѣстіе черезъ самыхъ вѣрныхъ шпіоновъ, что изъ королевства и изъ церковной

области на насъ идетъ вооруженная сила, чтобъ окружить и захватить насъ. Синьоръ Мэркъ, хотя и былъ доведенъ злой судьбой до положенія начальника разбойниковъ, былъ однако щедро одаренъ способностями опытнаго воина; онъ, не теряя времени, отправилъ меня въ Абруццы слѣдить за неаполитанскимъ войскомъ и заманить его въ какую нибудь засаду. Онъ въ подробности описалъ мнѣ мѣстность и научилъ, какъ дѣйствовать; благодаря умѣнію этого замѣчательнаго капитана, предпріятіе наше удалось такъ успѣшно, что ни одинъ, рѣшительно ни одинъ сбирръ не вернулся домой съ извѣстіемъ о пораженіи. Послѣ десяти дней отсутствія, я вернулся;—съ какимъ біеніемъ сердца я приближался къ знакомому дубу, я предоставляю судить вамъ,—вы по опыту знаете страданія любви. У подошвы дерева я нашелъ Анету,—нашелъ ее—но убитою.

Часть волосъ ея была вырвана, члены переломаны, платье изорвано, на лицѣ ея были видны слѣды ногъ, которыя ее топтали, вонзенный въ сердце ножъ прокололъ ее насквозь и вошелъ по крайней мѣрѣ на четыре пальца въ землю...

Я купилъ краснаго сукна, заказалъ гробъ изъ вызолоченнаго дерева, положилъ ее въ него своими руками, прикрылъ цвѣтами синяки и раны,—какъ она была хороша, даже мертвою!—и, сопровождаемый крестьянами деревни, среди всеобщаго рыданія, я похоронилъ свое сердце. Когда я опускалъ ее въ могилу, у меня потемнѣло въ глазахъ, и я упалъ на земь. Когда я пришелъ въ себя, я сидѣлъ на землѣ; могила была засыпана, священникъ поддерживалъ меня, проливая слезы, и нѣсколько добрыхъ женщинъ утѣшали меня, рыдая. Я всталъ и пошелъ прочь, не сказавши ни одного слова.

Я долго разыскивалъ и наконецъ узналъ, что графъ Ченчи, нѣсколько дней назадъ, поселился въ Рока Петрелла, которую мы до сихъ поръ называемъ Рока Рибальда. (*) Его слѣды были всегда кровавые. Внутренній голосъ сказалъ мнѣ: онъ убійца. Я сталъ разспрашивать подробнѣе и черезъ одного мальчика пастуха узналъ, что Анета приходила каждый вечеръ къ дубу и на колѣняхъ долго молилась передъ святымъ образомъ. Разъ какъ-то, вечеромъ, мальчикъ увидѣлъ ѣдущаго мимо верхомъ человѣка, который по одеждѣ и по наружности показался ему барономъ. Человѣкъ этотъ удержалъ лошадь, остановилъ и внимательно глядѣлъ на молодую дѣвушку во все время, пока она не кончила молитвы; тогда онъ подъѣхалъ къ ней и, казалось, старался завязать съ нею разговоръ; но она поклонилась ему и прошла мимо. Въ слѣдующій вечеръ, тотъ же мальчикъ пасъ овецъ и видѣлъ двоихъ разбойниковъ, которые вышли изъ лѣсу, схватили

(*) Разбойничья скала.

дѣвушку, завязали ей ротъ и глаза и, не смотря на ея сопротивленіе, утащили. Пастухъ молчалъ отъ страху; теперь онъ говорилъ для того, чтобы получить что нибудь; и я вывѣдалъ отъ него подробности на счетъ одежды и наружности разбойниковъ. Я сталъ слѣдить; ночью я блуждалъ около стѣнъ замка, какъ волкъ, днемъ прятался за вѣтвями деревьевъ. Замокъ былъ всегда запертъ, какъ сундукъ скряги. Но разъ какъ-то онъ открылся и оттуда вышелъ человѣкъ, въ которомъ по одеждѣ я узналъ одного изъ разбойниковъ, описанныхъ мнѣ пастухомъ: онъ пробирался осторожно и, какъ мы говоримъ между собою, несъ бороду на плечѣ; я налетѣлъ на него, какъ коршунъ: онъ очутился разомъ на землѣ подъ моими колѣнями, и я ухватилъ его руками за горло, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться. Я тебѣ пощажу жизнь, кричалъ я, если ты мнѣ откроешь, какъ убилъ дѣвушку у дуба. Поблѣднѣвъ отъ страха, онъ разсказалъ мнѣ, что его хозяинъ, графъ Ченчи, увидѣлъ дѣвушку, что она ему понравилась и что въ немъ разгорѣлось желаніе имѣть ее; вотъ онъ и велѣлъ ему и другому слугѣ похитить ее и принести въ замокъ, считая это легкимъ пріобрѣтеніемъ; но видя, что съ дѣвушкой не удаются ни ласки, ни угрозы, онъ прибѣгнулъ къ насилію, на которое она отвѣчала порядочными ударами. Тогда графъ схватилъ ее за горло, она его, и, повалившись на земь, они долго катались, кусая другъ друга. Наконецъ, дѣвушка, будучи поживѣе, поднялась первая и, ударивъ ногой въ лицо графа, сказала: «Вотъ тебѣ старый злодѣй: еслибъ со мною былъ мой кинжалъ, я бы ужь давно зарѣзала тебя, — вотъ, подожди, на дняхъ вернется мой мужъ, и, клянусь пресвятою Дѣвой, я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока онъ не принесетъ мнѣ въ подарокъ твоихъ ушей.» Донъ Франческо всталъ въ свою очередь, не говоря ни слова; и прежде чѣмъ несчастная успѣла защититься, онъ нанесъ ей ударъ кинжала, который пронзилъ ее насквозь; она упала, не произнеся даже: Джезу и Марія! Одинъ вздохъ, и конецъ. Послѣ этого онъ сталъ топтать ее ногами, какъ топчутъ виноградъ. Когда стемнѣло, онъ велѣлъ намъ отнести тѣло къ дубу; и мы отнесли его, потому что чей хлѣбъ ѣшь, того и слушайся. Графъ шелъ за нами съ фонаремъ; когда мы положили трупъ на землю, онъ вынулъ ножъ, вложилъ его въ рану и, напирая крѣпко, воткнулъ конецъ его въ землю. «Когда придетъ твой мужъ, — воскликнулъ графъ, — раскажи ему.» — Услыхавъ все это, я пришелъ въ бѣшенство. А! это вѣчный врагъ удачному исходу всякаго намѣренія, и крикнулъ вассалу: «ступай-же, объяви своему хозяину, что мужъ Анны Ринарелло вернулся и что сегодня ночью онъ посѣтитъ его въ его домѣ, какъ оно и слѣдуетъ.» Я не измѣнилъ своему обѣщанію, и вмѣстѣ съ самыми отчаянными изъ нашихъ товарищей напалъ на крѣпость, ограбилъ, и зажегъ дворецъ.

Я сжегъ берлогу, но лисица спаслась. Графъ, не имѣя силъ сопротивляться, уѣхалъ въ попыхахъ; онъ бѣжалъ съ такою поспѣшностью, что въ кабинетѣ его я нашелъ на столѣ недописанное письмо. Если вамъ когда нибудь случится быть въ Рока Петрелло, вы можете увидѣть тамъ слѣды моего мщенія, отпечатлѣннаго огнемъ на стѣнѣ. Что мнѣ оставалось въ жизни, и что осталось мнѣ въ ней теперь? Отмстить и умереть. Я расказалъ все, какъ было, синьору Марко, онъ похвалилъ меня за мое рѣшеніе, совѣтовалъ преслѣдовать врага и предложилъ свои братскія услуги; по моей просьбѣ, онъ хотя и неохотно, но всетаки отпустилъ меня. Я остригъ волосы, обрилъ бороду и отправился въ Римъ, поклявшись душою покойницы быть осторожнымъ и удерживаться отъ всякаго преждевременнаго порыва.

Въ то время, какъ я придумывалъ: какимъ бы средствомъ мнѣ попасть въ слуги въ домъ вашъ, судьба помогла мнѣ однимъ страннымъ случаемъ. Идя какъ-то по испанской площади, я услышалъ позади шумъ и крики: «берегись, берегись!» — Я обернулся и увидѣлъ карету, которую несли лошади. Кучеръ, сброшенный съ козелъ, ударился головой объ тумбу и лежалъ съ размозженнымъ черепомъ; кто бѣжалъ, кто смотрѣлъ изъ окна, кто съ порога лавки и никто не думалъ о томъ, чтобы дать помощь: грубый, безжалостный народъ, ему бы только увидѣть, какъ сломаютъ себѣ шею и люди, и животные, и идти потомъ взять на нихъ номера въ лотерею... (*) Словомъ, человѣческое отродіе! Я кинулся и схватилъ подъ уздцы одну лошадь; и, хотя она волокла меня за собою порядочное пространство, мнѣ все-таки удалось остановить ее. Въ эту минуту высунулось изъ окна кареты спокойное, почтенное лицо пожилаго барона, который, расхваливши мою храбрость, просилъ меня придти въ теченіи дня въ палаццо графа Ченчи.

Вотъ какъ; я сдѣлалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ спасъ, не зная того, жизнь моему жестокому врагу. Я не жалѣлъ о томъ; а даже былъ доволенъ; потому что еслибъ онъ умеръ иначе, какъ отъ меча изъ моихъ рукъ, я считалъ бы свою месть украденною.

Графъ принялъ меня, какъ приличествуетъ дворянину; онъ распросилъ меня обо всемъ и, узнавъ, что я въ Римѣ безъ мѣста, предложилъ мнѣ поступить къ нему въ домъ. Это было именно то, чего я такъ сильно желалъ: конечно, поклонникъ не цалуетъ съ такимъ благоговѣніемъ мадонну въ Лоретѣ, съ какимъ я дотронулся до порога

(*) Въ Италіи пользуются всякимъ происшествіемъ, чтобы взять номеръ въ лотерею. Тамъ для этого есть книжечки, въ которыхъ всякій предметъ имѣетъ свой номеръ: лошадь, напримѣръ, № такой-то, понести лошадямъ — другой №; убиться — опять №, и т. д.

этого дворца, съ намѣреніемъ окружить Ченчи всевозможнымъ горемъ и отчаяніемъ.. Лишенный всякой привязанности, переживъ дорогихъ дѣтей, которыхъ я хотѣлъ умертвить всѣхъ разными смертями, съ осиротѣлымъ сердцемъ, какимъ онъ сдѣлалъ мое… я хотѣлъ сохранить его до тѣхъ поръ, когда жизнь сдѣлалась бы для него наказаніемъ, смерть отрадой, и онъ переиспыталъ бы всѣ предсмертныя муки; когда же душа его, огрубѣвъ, привыкла бы къ несчастію… тогда я намѣренъ былъ низвергнуть ее кровавымъ путемъ въ кровавую могилу собственныхъ дѣтей.

Поспѣшностью въ исполненіи малѣйшаго приказанія, ловкими совѣтами, изобрѣтательностью и находчивостью, я мало по малу заслужилъ его довѣріе на столько, на сколько можетъ довѣряться человѣкъ, который сомнѣвается постоянно во всѣхъ и въ самомъ себѣ. Теперь представьте себѣ мое удивленіе, когда я узналъ, что не могъ бы доставить ему большаго удовольствія, какъ убить его дѣтей! Его звѣрская ненависть побѣдила мою; и еслибъ даже я и продолжалъ ненавидѣть васъ за то, что вы его дѣти, могъ ли бы я мучить васъ съ большею жестокостью, чѣмъ это дѣлаетъ вашъ отецъ? Злобу замѣнила глубокая жалость ко всѣмъ и въ особенности къ вамъ, синьора Беатриче; потому что къ вамъ, бѣдное дитя, я почувствовалъ нѣжность, безграничную привязанность, которая напоминаетъ мнѣ добрую душу усопшей и невольно заставляетъ меня плакать…

Взволнованный воспоминаніями, Марціо готовился преклонить колѣни передъ Беатриче; но она поспѣшила удержать его.

— Встаньте, Марціо; прахъ не долженъ преклоняться предъ лицемъ праха: а мы всѣ прахъ; — потомъ она прибавила: Марціо, я прошу васъ быть внимательнымъ къ тому, что произносятъ ваши уста; — но это было сказано голосомъ такой нѣжной мольбы, что Марціо нисколько не былъ уязвленъ.

— Зачѣмъ вы хотите запретить мнѣ стоять на колѣняхъ передъ вами, благородная синьора? Передъ святыми предметами становятся на колѣни, а несчастіе сдѣлало васъ святыней; — конечно, ни одно созданіе на свѣтѣ не имѣло такого сходства съ скорбящей мадонной, какъ вы. Не бойтесь, нѣтъ, вы не услышите отъ меня ни одного слова, которое могло бы оскорбить вашъ дѣвственный слухъ; — я хотѣлъ было сказать, ни одного слова, которое бы отецъ не могъ сказать своей дочери, но примѣръ Ченчи остановилъ на моихъ губахъ это сравненіе. Какъ же я могъ бы не любить васъ, когда вы такъ напоминаете мнѣ мою бѣдную покойницу? Но моя возлюбленная умерла и та любовь, которую я питалъ къ ней, погребена вмѣстѣ съ нею. Чувство мое къ вамъ не обожаніе и не любовь отца или брата; но въ немъ есть и то и другое вмѣстѣ. Я знаю, что вы любите и лю-

бимы монсиньоромъ Гвидо Гверра, и я высоко цѣню этого синьора за то, что онъ отдалъ свое сердце такой достойной дѣвушкѣ. Марціо способствовалъ болѣе, чѣмъ вы думаете, вашей законной любви. Сколько разъ могъ бы открыть вашу тайну злой старикъ, еслибъ не было меня! Въ послѣдній разъ, я не могъ, по внезапности случившагося, предварить монсиньора Гвидо, но я принудилъ его бѣжать, потому что онъ самъ не хотѣлъ оставить васъ, и спасъ ему жизнь. Я доказалъ ему, что онъ себя погубитъ и вамъ не въ состояніи будетъ помочь; я обѣщалъ ему заботиться о васъ и исполнилъ бы обѣщаніе, еслибъ вы не противились мнѣ; поэтому-то я рѣшился оставить вашъ домъ. Я вошелъ въ него для того, чтобъ провесть въ исполненіе мою месть, и теперь я по неволѣ долженъ удалиться, для того чтобъ осуществить ее. Вы не хотите, чтобъ я избавилъ васъ отъ гнуснаго старика, но, такъ какъ я не могу пожертвовать вамъ своею местью, то я по крайней мѣрѣ хочу избавить васъ отъ горя — видѣть его убитымъ на вашихъ глазахъ; съ другой стороны я разсудилъ, что если смерть его случится здѣсь въ домѣ, подозрѣніе пало бы на васъ невинныхъ; поэтому мнѣ лучше всего удалиться; оставаясь здѣсь, я не приношу пользы вамъ и только врежу себѣ. Синьора Беатриче, еслибъ я просилъ васъ сохранить память о человѣкѣ, который не питалъ къ вамъ другаго чувства, кромѣ привязанности и уваженія; еслибъ я просилъ васъ не совершенно ненавидѣть меня, сочтете вы это за слишкомъ большую смѣлость?

— Я буду помнить, что вы хотите убить моего отца: — когда вы будете далеко, я буду думать, что вы могли защищать меня и покинули. Ради Бога! оставьте жизнь графу; его лѣта уже преклонны... не отправляйте его на судъ Божій, подождите, чтобъ онъ самъ позвалъ его.

— Вашъ голосъ могуществен, но онъ не можетъ побѣдить того, который гложетъ мое сердце. Это невозможно! И развѣ вы не видите перста Божія въ томъ, что мой замыселъ, удовлетворяя моему мщенію за женщину, которую я такъ любилъ, спасаетъ въ тоже время и васъ, несчастное дитя?..

— Перстъ Божій, Марціо, не пишетъ своихъ рѣшеній кровью... Христосъ осуждаетъ законъ, который заставляетъ платить око за око и зубъ за зубъ, и хочетъ, чтобъ мы любили тѣхъ, которые дѣлаютъ намъ зло. Марціо, предоставьте Богу судить; то, что для Бога будетъ правосудіемъ, для васъ преступленіе.

— Какъ можно ему оставить жизнь? воскликнулъ Марціо ударивъ себя по головѣ, какъ будто онъ вспомнилъ, что-то:—вѣдь онъ дышетъ злодѣйствомъ? Знаете ли, что еслибъ я остался лишнюю минуту, одинъ несчастный умеръ бы съ голоду.

— Какъ съ голоду?

— Ахъ, я мерзавецъ! Разговаривая съ вами, можно позабыть о раѣ... Бѣдный Олимпій!.. покуда я тутъ толкую, ты считаешь минуты судорогами твоихъ проголодавшихся внутренностей.

Говоря это, онъ поспѣшно взялъ фонарь, связку ключей и корзинку съ ѣдой, и почти бѣгомъ отправился въ другую сторону пещеры. Беатриче, съ трудомъ передвигая свое больное тѣло, шла вслѣдъ за нимъ, желая узнать ужасную тайну, которая скрывалась въ словахъ Марціо.

ГЛАВА XV.

Просьба.

Беатриче слѣдовала за Марціо, который, дойдя до тюрьмы Олимпія, сталъ звать его по имени; не слыша отвѣта, онъ съ безпокойствомъ началъ кричать:

— Олимпій! Олимпій!

Слабый голосъ отвѣтилъ:

— Убирайся вонъ, злой измѣнникъ... избавь меня отъ твоихъ искушеній... Я, какъ могу, помирюсь съ Богомъ, чтобъ умереть спокойно...

Марціо отперъ дверь. Голодъ и темнота довели заключеннаго до такого изнеможенія, что слабый свѣтъ фонаря болѣзненно подѣйствовалъ на него и заставилъ его пошатнуться. Марціо поддержалъ его и далъ ему выпить нѣсколько глотковъ крѣпительнаго ликеру, который онъ захватилъ съ собой. Послѣ нѣсколькихъ минутъ спокойствія, голодъ и жажда загорѣлись еще съ большею силою въ Олимпіѣ; онъ, какъ звѣрь, бросился на корзинку, и еслибъ не слабость, до которой онъ былъ доведенъ, Марціо не могъ бы удержать его. Онъ сталъ увѣщевать его быть благоразумнѣе, говорилъ, что иначе, избѣжавши голодной смерти, онъ убьетъ себя невоздержностью.

Пораженная Беатриче робко смотрѣла на разбойника, котораго видъ былъ ужасенъ: его длинные волосы висѣли на вискахъ, какъ піявки, напившіяся кровью; цвѣтъ лица изъ бронзоваго сдѣлался пепельнымъ; губы черныя; глаза зеленые, какъ стекло.

Подкрѣпившись умѣреннымъ количествомъ пищи и питья, Олимпій началъ говорить, но одолѣвшая его икота прерырала на каждомъ словѣ.

— Отступникъ!.. песъ измѣнникъ!.. подлецъ!.. уморить съ голоду!.. безбожный старикъ!.. ты хотѣлъ заставить меня молчать... по-

нимаю тебя... я пять человѣкъ убилъ для тебя — четырёхъ ножемъ, а пятаго, столяра, сжегъ... бѣдный парень!.. сгорѣлъ, какъ кротъ, залитый смолою... Охъ! охъ!.. Requiem aeternam dona ei, Domine. А жена его, Анджіолина? — ангелъ по имени и по дѣламъ... Пожаръ въ домѣ столяра, похищеніе донны Лукреціи — все сдѣлано по его приказанію; я употребилъ свои руки, но вѣдь онъ направилъ ихъ... Проклятая рука! я отрѣзалъ бы тебя, еслибъ ротъ не требовалъ пищи! Скотина можетъ въ полѣ пастись, мы нѣтъ; сколько преступленій изъ-за хлѣба!.. Лисица сдѣлала западню волку, чтобъ послать его плясать на висѣлицѣ... Теперь я вижу ясно: измѣна въ измѣнѣ... двойная штука... молодецъ, ей-Богу!.. Раненый, преслѣдуемый полицейскими собаками, я скрылся сюда... Тогда графъ сказалъ себѣ: ему хочется спрятаться, такъ спрячемъ его на три аршина въ землю... лучшіе ничего быть не можетъ... браво! Потомъ графъ еще подумалъ: если онъ попадетъ на пытку, онъ можетъ все раскрыть; когда умретъ, веревка не заставитъ его говорить... Марціо, дай напиться!.. Ну, услужливый же человѣкъ, графъ Ченчи!.. Клянусь Богородицей, да... Донъ Франческо, если это гостепріимство, которое вы готовите вашимъ друзьямъ и слугамъ... оно не уменьшитъ вашихъ доходовъ... ей-богу нѣтъ... пить!

— Олимпій, не надсаживайся, молчи, ѣшь покойно... отдыхай... собирайся съ силами... я скоро приду за тобой.

— Нѣтъ, ужь я больше не дамъ себя заперсть! теперь я жажду воздуха, у меня на груди точно соборъ св. Петра...

— Успокойся, Олимпій; ты видишь, что я до сихъ поръ не измѣнялъ тебѣ.

— Развѣ прошлая минута ручается за будущую? Когда-то между двѣнадцатью апостолами нашелся одинъ Іуда; теперь изъ двѣнадцати человѣкъ одиннадцать измѣнники, а двѣнадцатый ужь немного попорченный... Ужь если мнѣ умирать... такъ дай мнѣ выпить еще стаканъ воды, и идемъ,.. но умирать такъ, какъ должны умирать герои и римскіе разбойники — подъ открытымъ небомъ...

— Мерзавецъ ты! Развѣ ты видишь тутъ вывѣску измѣны? сказалъ Марціо, открывая себѣ лобъ: — я обѣщалъ спасти тебя, и спасу. Развѣ ты не видишь, что ты шатаешься, какъ пьяный, и у тебя колѣни подгибаются? У тебя вино бросилось въ голову. Теперь насъ открыли бы и обоихъ убили.

— А это что за женщина съ тобой? Да это ужь не дочь ли его? Какъ она пришла сюда съ тобой? разсматривалъ Олимпій, протирая себѣ глаза.

— Да, это точно синьора Беатриче; но, будь увѣренъ, что она здѣсь не для того, чтобъ вредить тебѣ.

— Ужь нечего дѣлать, надо вѣрить... скверное это слово!.. Марціо, такъ какъ я всегда видѣлъ, что для Ченчи и подобныхъ ему людей, большею частію клятвы и обѣщанія все равно, что прошлогодніе муравьи, то я полагаю, что между нами дѣло будетъ иначе, потому что между тобой и мной столько же разницы, какъ между мной и тобой — одна мѣра; и мы оба мужики. Марціо, я хотѣлъ бы связать тебя обѣщаніемъ награды; но моя душа теперь въ залогѣ у дьявола, а за тѣло у тебя будутъ ссоры съ мастеромъ Александромъ. Нѣтъ ли у тебя какого пріятеля, который страдаетъ воспаленіемъ въ горлѣ...

И онъ рукой показалъ на шею.

Марціо пожалъ плечами, какъ будто хотѣлъ сказать: это я и самъ умѣю хорошо дѣлать. Беатриче попробовала заговорить тоже:

— Марціо спасетъ васъ, не сомнѣвайтесь; а я прошу у васъ, какъ милости, сдѣлать для меня одну вещь, въ которой весь выигрышъ будетъ на вашей сторонѣ. Вы должны обѣщать мнѣ, что, выйдя изъ этой опасности, вы перемѣните жизнь.

— Охъ, Господи! развѣ перемѣнить жизнь это то же, что перемѣнить рубашку? Я не учился ничему другому, какъ владѣть оружіемъ; а желѣзо сдѣлано для того, чтобы ранить...

— Богъ создалъ желѣзо не для того, чтобы ранить на смерть сердца братьевъ, а для того, чтобы воздѣлывать землю, которая есть источникъ жизни. Перемѣни свое оружіе на заступъ, и на тебя прольется благодать Божія...

Беатриче сказала это спокойно, безъ малѣйшей рѣзкости, кроткимъ голосомъ, такъ что Олимпій, имѣвшій обыкновеніе преклоняться передъ совѣтами другихъ почти также, какъ колокольня отъ весенняго вѣтра, почувствовалъ какое-то ощущеніе въ желудкѣ, которое онъ не зналъ, чему приписать: слышаннымъ ли словамъ, или вытерпѣнному голоду. Онъ подумалъ объ этомъ съ минуту и, видя, что ему не удается развязать узелъ, остановился на томъ предположеніи, которое ему казалось болѣе вѣрнымъ, — это должно быть голодъ!

Вернувшись въ темницу Беатриче, Марціо произнесъ:

— Вашъ отецъ — это цѣлый рудникъ злодѣйствъ: чѣмъ больше изъ него достаешь руды, тѣмъ больше ея остается. Я не легко пугаюсь, но когда гляжу на этотъ бездонный колодезь, по мнѣ пробѣгаетъ дрожь, и я ничего не понимаю. Такъ вы не хотите согласиться на его смерть? тѣмъ лучше. Сохраните себя чистой, бѣлой розой, хотя, по моему, еслибъ она окрасилась кровью злодѣя, она не потеряла бы цѣны ни передъ людьми, ни передъ Богомъ. Не унывайте однако; дни вашей неволи будутъ не такъ длинны, какъ вы могли бы ожидать.

— Да уничтожитъ Богъ ваше предсказаніе, потому что я знаю, на какомъ условіи вы мнѣ обѣщаете свободу. Ахъ, Марціо! еслибъ вы точно любили меня, какъ говорите, еслибъ въ самомъ дѣлѣ мои страданія тронули ваше сердце, вы бы не захотѣли сдѣлать меня самой несчастной женщиной въ мірѣ, злоумышляя противъ жизни моего отца...

— Скажите лучше — вашего палача...

— Моего отца... потому что онъ мнѣ даровалъ жизнь; благодаря ему, я дышу и чувствую...

— Онъ далъ вамъ жизнь для того, чтобъ отравить ее и отнять потомъ.

— Пусть будетъ такъ; но если онъ забываетъ обязанности отца, развѣ я тоже должна забыть обязанности дочери?

— Нѣтъ; и такъ каждому своя роль: мнѣ принадлежитъ роль мстителя... Оставьте, повторяю вамъ, синьора, вы напрасно хлопочете; вы скорѣй могли бы перенесть своими собственными руками обелискъ папы Сикста изъ Рима, чѣмъ заставить меня бросить мое намѣреніе.

— Я не могу располагать вами, а собою могу.

— И я не мѣшаю вамъ...

— Смотрите, я намѣрена предварить графа для того, чтобъ онъ принялъ мѣры.

— Предваряйте его. Я не буду лисицей, которая исподтишка бросается на курицу:—прежде, чѣмъ напасть на него, я буду рычать, чтобъ онъ зналъ, что левъ приближается.

— А если онъ васъ убьетъ?

— Мнѣ разсказывали, что въ древнія времена, когда судили двухъ человѣкъ, то въ судилище ставили одинъ только гробъ, и одинъ изъ двухъ противниковъ долженъ былъ занять его. Если Провидѣніе судитъ дѣла людскія, неужели по вашему мнѣнію я долженъ лечь въ гробъ? Мнѣ осталось короткое время быть въ домѣ вашемъ:—не имѣете ли вы чего поручить мнѣ, синьора Беатриче? Я самъ по себѣ ничего не значу: я мѣдная монета; однакожь и копѣйка, данная отъ души нищему, вызываетъ одну изъ тѣхъ молитвъ, которыя ведутъ прямой дорогой въ рай.

— И знайте еще, что я всѣми своими силами буду мѣшать вамъ.

— Вы?

— Даже муравей спасъ жизнь голубю, укусивши въ ногу охотника. — И теперь, когда я вамъ сказала все это, вы не сердитесь на меня, Марціо?

— Нисколько. Развѣ я не высказался вамъ еще прежде? Каждый человѣкъ долженъ прясть ту нитку, которую судьба дала ему въ руки.

Можетъ быть, кто знаетъ? Еслибъ вы были другою, я нашелъ бы васъ болѣе разсудительною, но любилъ бы меньше.

— Такъ вотъ что, Марціо, какъ послѣдней услуги прошу у тебя: оставь мнѣ фонарь и принеси, что нужно для письма.—Я хочу испробовать сперва всѣ средства къ спасенію, скорѣй для того, чтобъ не упрекать себя, чѣмъ въ надеждѣ на успѣхъ: я напишу просьбу его святѣйшеству и буду умолять его именемъ Іисуса Христа защитить меня, какъ онъ это сдѣлалъ для Олимпіи. Бѣгство съ Гвидо, котораго я такъ желала, растерявшись отъ горя, я теперь отвергаю: оно надѣлало бы скандала; свѣтъ, не зная причинъ, которыя подвинули меня на это, приписалъ бы мою рѣшимость обыкновенной любви дѣвушки, у которой разсудокъ побѣжденъ страстью. Кромѣ того, это повредило бы намѣреніямъ Гвидо, который, кажется, желаетъ сохранить къ себѣ расположеніе папы; съ меня этого довольно, чтобъ уважить его волю. Послѣдній путь къ спасенію заключается въ томъ, чтобы Гвидо постарался доставить мою просьбу святому отцу и получилъ отъ него немедленное рѣшеніе. Для того, чтобы заставить Гвидо не откладывать, скажите ему сами то, отъ чего я бы умерла отъ стыда скорѣй, чѣмъ открыла не только кому другому, но даже моей матери.—Нѣтъ... нѣтъ... я несчастная! не говорите ему ничего... дайте мнѣ слово Марціо, что вы ему не скажете ничего.

— Я исполню ваше желаніе. Синьора Беатриче, выслушайте меня: за себя я ничего не боюсь, потому что уже приготовился уйти отсюда, и потому еще, что вашъ отецъ не такъ хитеръ, чтобъ я не перехитрилъ его. Онъ меня подозрѣваетъ, а его подозрѣнія переходятъ въ остріе кинжала: онъ самъ сказалъ это. Притворное довѣріе выказано мнѣ сегодня утромъ для того только, чтобъ обмануть меня,—во всякомъ случаѣ я не боюсь. Вы же слабые, безсильные, безобидные, должны бояться гораздо больше моего: я хочу сдѣлать вамъ подарокъ, который можетъ вамъ пригодиться въ крайнемъ случаѣ; польза этого снаряда зависитъ отъ насъ самихъ... Вотъ вамъ ножъ...

— Благодарю; когда у меня не останется другаго исхода, съ нимъ смерть будетъ вѣрнѣе... и страданія меньше...

— Теперь я принесу вамъ все для писанья; вы сейчасъ же принимайтесь за дѣло. Я буду дѣлать видъ, что чищу пистолеты въ саду: неравно бы я увидѣлъ, что донъ-Франческо спускается къ пещеркѣ для того, чтобъ застать васъ въ расплохъ, я выстрѣлю изъ пистолета, какъ будто нечаянно; тогда вы потушите фонарь и спрячьте все, чтобъ старикъ ничего не увидѣлъ...

— Хорошо. Прощайте...

Когда Марціо вернулся въ комнату Франческо Ченчи, онъ засталъ его все еще въ постели, и тотъ увѣрялъ его, что чувствуетъ

сильнѣйшую боль. Не безъ удивленія увидѣлъ Марціо у его изголовья двухъ доминиканскихъ монаховъ, которыхъ лица показались ему не совсѣмъ ангельскими; да должно быть и сами они знали, что не имѣютъ особенно святаго лика, потому что держали свои капюшоны надвинутыми на глаза. Графъ приказалъ Марціо спрятать ключи и удалиться. Когда онъ вышелъ, графъ смѣясь сказалъ имъ:

— Святые отцы, хорошо ли вы его замѣтили? Завтра онъ поѣдетъ въ Рокка Петрелло; вы ждите его въ мѣстѣ, которое найдете болѣе удобнымъ, и отправьте мнѣ его въ адъ или рай (куда заблагоразсудите—до этого мнѣ нѣтъ дѣла) съ двумя пулями во лбу... но замѣтьте, что и четыре пули не портятъ дѣла; потомъ отслужите двѣ панихиды за упокой его души. Покуда возьмите милостыню. — Говоря это, онъ далъ имъ денегъ.

— Эчеленца, почивайте спокойно на вашихъ подушкахъ; мы услужимъ вамъ, какъ вы того сами желаете, отвѣтилъ одинъ изъ монаховъ.

— Избранныя души! Вотъ что еще: во избѣжаніе ошибки, замѣтьте этотъ красный плащь; вы увидите его или на немъ, или спереди сѣдла.

— О это лишнее, потому что я хорошо знаю его.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какимъ образомъ?

— Эчеленца, я разскажу вамъ въ другой разъ, потому что, когда только я въ Римѣ, то мнѣ все кажется, будто я хожу по горящей сѣрѣ... у меня башмаки горятъ.

— Марціо, проводите преподобныхъ отцовъ... Молите Бога за меня, святые отцы.

— Миръ вамъ.

— Аминь.

Марціо провожалъ монаховъ, которыхъ видъ былъ до того страшенъ, что могъ заставить содрогнуться само распятіе Христово. Онъ попробовалъ было заглянуть подъ ихъ капюшоны, но ему не удалось хорошенько разсмотрѣть лицъ. Въ то время, какъ они были уже на порогѣ, одинъ изъ нихъ, обернувшись затѣмъ, чтобы произнести обыкновенное прощальное привѣтствіе *миръ вамъ*, — уронилъ на полъ большой ножъ. Марціо поспѣшилъ поднять его и, отдавая съ покорнымъ видомъ достойному монаху, сказалъ:

— Преподобный отецъ, вы уронили ваши четки.

— Сынъ мой, Господь не запрещаетъ намъ защищать свою жизнь отъ нападенія злодѣевъ; и святые дѣлали то же самое.

— Разумѣется!.. Чтобы быть святыми, нѣтъ никакой надобности быть мучениками. Напротивъ, отецъ мой, я не только не нахожу это дурнымъ, но даже назидательнымъ до того, что прошу, съ умиленіемъ,

ваше преподобіе, выслушать мою исповѣдь въ одномъ грѣхѣ, который бременитъ мою душу.

— На этомъ мѣстѣ? Сейчасъ?

— Развѣ каждая минута не можетъ спасти христіанина? Развѣ Христосъ отвѣчалъ тѣмъ, которые обращались къ нему: приходите завтра? Батюшка, не оставьте меня безъ утѣшенія; вы увидиѣе, что это дѣло нѣсколькихъ минутъ; взойдите въ эту комнату; мы кончимъ разомъ.

Говоря это онъ силой взялъ его за руки и повелъ за собой. Монахъ не сопротивлялся, и предупредивъ товарища, чтобъ тотъ подождалъ его, вошелъ вмѣстѣ съ Марціо въ комнату.

— Гримъ, вѣдь я узналъ тебя, сказалъ Марціо съ рѣшимостью, поднявъ капюшонъ монаха.

— А я тебя, Марціо... До какого униженія ты дошелъ! Кто бы могъ думать, что ты способенъ сдѣлаться лакеемъ...

— А твое ремесло? — Какія дѣла привели тебя сюда?

— Я скажу тебѣ; но какимъ образомъ ты лакеемъ въ домѣ Ченчи?

— Для того, чтобъ убить графа Ченчи, убійцу Анеты Ринарелло, витанской дѣвушки.

— А я для того, чтобъ убить завтра нѣкоего Марціо, который, кажется, долженъ быть тебѣ съ родни.

— Меня?

— Ты отгадалъ! Но вѣдь я всегда говорилъ, что въ тебѣ больше сѣмянъ, чѣмъ въ арбузѣ.

— И ты это сдѣлаешь?

— Я получилъ ужь деньги; а ты знаешь правило честныхъ разбойниковъ.

— Въ такомъ случаѣ ты согласишься, что я тебя долженъ убить прежде.

— Нѣтъ надобности; есть средства все устроить. Мы были старыми товарищами въ шайкѣ синьора Марко, гдѣ мы всегда видѣли достойные примѣры добродѣтели; собака не ѣстъ собачьяго мяса: иногда бывало изъ досады и сдѣлаешь другъ другу нѣсколько лишнихъ петличекъ кинжаломъ, да это не портитъ дружбы; но зато изъ-за куста — никогда. Все же, когда получилъ плату за убійство, надо исполнить договоръ; иначе наше ремесло, какъ ты самъ знаешь, лишится довѣрія и останется безъ дѣла. Я обязался честнымъ словомъ ждать завтра на дорогѣ въ Рокко-Петрелла человѣка, который будетъ имѣть на себѣ или на лошади красный плащь, и убить его. Я его жду, онъ не проѣзжаетъ; мое обязательство исполнено, и я могу съ спокойною совѣстью вернуться въ лѣсъ. Доволенъ ты?

— Э! такъ-то не дурно. А кто твой товарищь?

— Это сынъ мельника Трофима. Видишь, какъ онъ выросъ; да и сдѣлалъ-то все мигомъ: засталъ свою возлюбленную съ молодцомъ изъ Ріети и тутъ случилось ему убить ихъ обоихъ,—просто ребячество: — теперь вотъ шесть мѣсяцевъ, какъ онъ въ лѣсу и уже много обѣщаетъ. Ну, отпусти же меня и держи ухо востро, потому что старикъ вѣдь собака хорошей породы.

— Постараемся, отецъ Гримъ, хотя бы только для того, чтобъ не уронить репутацію шайки. Но слушай, мнѣ пришла въ голову фантазія: еслибы мнѣ пришлось употребить тебя (за плату, разумѣется) вмѣстѣ съ твоимъ мальчикомъ, подающимъ блестящія надежды, гдѣ мнѣ найти васъ?

— Въ трактирѣ Аква Ферата, гдѣ берутъ муловъ для Ріо-Фредо, ты найдешь глухо-нѣмаго мальчика, который исправляетъ должность конюха; если ты скажешь ему вѣжливо и тихо, какъ только можешь: su Monte Bove deserta è la via (на Монте Бове пустынная дорога), можетъ случиться, что онъ услышитъ тебя и даже отвѣтитъ. Во всякомъ случаѣ онъ дастъ мнѣ знать, чего ты ждешь отъ меня. А покуда ego ti absolvo (отпускаю тебѣ грѣхи твои).

Старые товарищи разстались большими друзьями, чѣмъ прежде. Марціо вернулся въ комнату графа, который, отдавши ему кое-какія приказанія, исполненныя имъ съ обычнымъ рвеніемъ, такъ началъ говорить съ нимъ:

— Марціо, если я кого ненавижу, это происходитъ оттого, что меня ненавидятъ; и переносить такую жизнь не легкая вещь; кромѣ тебя, всѣ злоумышляютъ противъ меня, всѣ жаждутъ моей смерти. Я стою одинъ противъ всѣхъ; но у меня нѣтъ, какъ у Горація, моста за спиною. Мои дѣти больше всѣхъ ненавидятъ меня, побуждаемые двумя причинами, всесильными у людей—желаніемъ мести и корыстолюбіемъ. Одна вещь бѣситъ меня, это то, что мои силы слабѣютъ и что я теряю бодрость тѣла. Не къ чему скрывать: года начинаютъ тяготѣть надо мною, и я не хочу подвергаться тому, что случалось со львомъ, который долженъ былъ выносить пинки даже отъ осла. Благоразуміе требуетъ оставить театръ прежде, чѣмъ огни потушены; поэтому я рѣшился удалиться въ Рока Петрелла, мой замокъ на границѣ королевства. Знаешь ты туда дорогу?

— Кажется, знаю. Это по дорогѣ въ Тиволи; да притомъ пословица говоритъ: языкъ до Рима доведетъ.

— Хорошо. Такъ завтра ты отправишься туда верхомъ съ письмами къ нашему управляющему; ты, какъ способный и привычный человѣкъ, будешь смотрѣть за работами, которыя я заказываю для того, чтобъ привести въ порядокъ замокъ; вели придѣлать новые замки къ

дверямъ, покуда приготовь мнѣ нѣсколько комнатъ и постарайся уничтожить слѣды пожара...

— Пожара! Развѣ въ замкѣ былъ пожаръ?

— Да; одно время онъ былъ слабо охраняемъ, и разбойники раззорили и зажгли его. Въ то время синьоръ Марко Шіарра скрывался въ сосѣднихъ лѣсахъ, и гдѣ только проходила его шайка, то тамъ ужь скажу тебѣ, не видать было травы.

— Но я никогда не слышалъ, чтобъ шайка синьора Марка жгла и раззоряла.

— Я тогда попалъ въ исторію съ однимъ изъ его людей за вздоръ, который и не стоилъ всѣхъ этихъ хлопотъ. Мнѣ какъ-то приглянулась одна мужичка, какая-то пастушка что ли? Повѣришь ли, Марціо? осмѣлилась сопротивляться мнѣ и пугать меня мщеніемъ своего мужа? За это, конечно, она и поплатилась жизнью. Мужъ или любовникъ, принялъ шутку за серьезное, и съ помощью товарищей выкинулъ такую штуку: поджегъ мой замокъ.

— Конечно, онъ былъ совершенно не правъ. Чортъ его побери, этого олуха, который не понималъ, какую честь ему дѣлаетъ графъ, пачкаясь съ его мужичкой.

— Ну то-то же! Что съ ними станешь дѣлать? Они не понимаютъ этого. Но оставимъ эти дрязги. Денегъ тебѣ не къ чему брать съ собой; управляющій уже долженъ былъ собрать деньги съ фермеровъ; возьми только этотъ плащъ; я его дарю тебѣ; онъ защититъ тебя отъ росы, которой надо очень беречься.

— Эчеленца, помилуйте! Красный плащъ, обшитый золотомъ! Развѣ это приличная одежда для бѣднаго слуги? Я похожъ бы былъ на одного изъ трехъ волхвовъ, право!

— Тотъ, кто даетъ, сообразуется съ своей щедростью, а не съ скромностью принимающаго; да притомъ бароны лѣпятся изъ такого же тѣста. Что ты думаешь? Много нужно для того, чтобъ въ наши времена упадка изъ мужика превратиться въ барона? Красный плащъ и нѣсколько тысячъ скудъ. Покуда возьми плащъ, Марціо, а на счетъ денегъ знай, что графъ Ченчи имѣетъ ихъ столько, что достанетъ изъ пятнадцати нищихъ сдѣлать римскихъ князей; и помни также, что для того, чтобъ мое добро не перешло къ ненавистнымъ мнѣ дѣтямъ, я готовъ раздѣлить его между моими слугами. Итакъ, сегодня ночью или завтра осѣдлай буланаго; онъ крѣпче всѣхъ моихъ лошадей, и отправляйся въ путь; я послѣдую за тобою черезъ пять или шесть дней. Теперь отдай мнѣ ключи отъ пещеры: о непокорной дочери я самъ буду заботиться.

Марціо отдалъ ему ключи безъ малѣйшаго колебанья, но вручая ихъ, подумалъ: «Старый злодѣй! ты не знаешь, что твой чортъ еще

не родился, когда мой уже бѣгалъ?» Марціо съ свойственной ему ловкостью не потерялъ времени, и съумѣлъ съ помощью тѣхъ инструментовъ, какіе имѣлъ, очень скоро приспособить другіе ключи къ замкамъ пещеръ.

Дѣлая видъ, будто онъ готовится къ дорогѣ, Марціо оставался на сторожѣ въ концѣ коридора, изъ котораго дверь вела въ пещеры; онъ приготовилъ чемоданъ, осмотрѣлъ узду, ремни, сѣдло и оружіе; и будто замѣтивъ, что пистолеты заржавѣли, не бывъ давно въ употребленіи, сталъ ихъ чистить масломъ и порошкомъ; а самъ не спускалъ глазъ съ двери.

Ченчи, думая, что теперь самое лучшее время, что онъ застанетъ Беатриче съ письмомъ, написаннымъ ею или полученнымъ черезъ посредство Марціо, пробирался въ тюрьму осторожно, бокомъ, какъ кошка, едва двигаясь изъ-за своей больной ноги. Какъ только Марціо завидѣлъ его угломъ своего глаза, онъ спустилъ курокъ пистолета; выстрѣлъ раскатился какъ громъ въ закрытыхъ пещерахъ. Хитрый Ченчи проникъ мигомъ заговоръ; сердце его дрожало отъ гнѣва, но ничто не измѣнилось въ его лицѣ, даже глаза его не прищурились: теперь, благодаря данному сигналу, Беатриче предварена, и поймать ее ужь нельзя. Онъ спокойно направился къ Марціо, и съ лицемѣрной добротой сталъ говорить ему:

— Будь осторожнѣе впередъ, сынъ мой; ты могъ себѣ повредить такимъ образомъ руку.

— Представьте себѣ! Нечаянно чуть было не надѣлалъ бѣды. Остаться безъ руки на всю жизнь, мнѣ самому не весело. Однако позвольте мнѣ порадоваться вмѣстѣ съ вами тому, что нога ваша вылечилась такъ скоро и даже позволяетъ вамъ вставать съ постели.

— Какое тамъ, выздоровѣла? потребность подышать свѣжимъ воздухомъ, невыносимая тоска лежать въ комнатѣ заставили меня рискнуть выдти сюда. Дай мнѣ свою руку Марціо, чтобъ я могъ немного подкрѣпиться тутъ, на воздухѣ.

Онъ оперся на руку, которую ему подставилъ Марціо, и видя ихъ въ эту минуту вмѣстѣ, можно было принять ихъ за самыхъ нѣжныхъ господина и слугу, которые когда либо радовали собою свѣтъ.

— Живы ли твои родители, Марціо?

— Я сирота; родители вѣроятно должны быть у меня; но я ужь очень давно не слыхалъ о нихъ.

— Но вѣрно остались слѣды какой нибудь старой страстишки моломоденькаго пламени?

— Пламени! Оно было у меня, да вѣтеръ потушилъ его.

— Право! А разскажи-ка мнѣ это.

— Разсказъ коротокъ; могущественный баронъ влюбился въ нее;

она была такъ дерзка, что отказалась отъ чести, какую онъ хотѣлъ ей сдѣлать; баронъ убилъ ее и заплатилъ ей по заслугамъ.

— Это причина для вздоховъ на какихъ нибудь двѣ недѣли. Время скоро залѣчиваетъ такія раны.

— Не всѣ; въ нѣкоторыхъ остается сломанное лезвіе, оно заростетъ тѣломъ, но кровь продолжаетъ сочиться изъ раны.

— Марціо, комедія жизни состоитъ не изъ одного акта. Развѣ ты видѣлъ когда нибудь, чтобы плели гирлянды изъ одного цвѣтка? Не унывай; ты молодъ, хорошъ собой; въ другой разъ, да не одинъ и не два раза, а десять, ты еще будешь плясать на веселыхъ праздникахъ, съ разгульными товарищами вокругъ майскихъ огней. Я не намѣренъ надавать тебѣ столько дѣла въ деревнѣ, чтобъ ты не могъ побывать на своей родинѣ. Вѣдь ты кажется изъ Тальякоццо?

— Да, и такъ какъ вы мнѣ даете позволеніе, донъ Франческо, то я хочу попробовать не удастся ли мнѣ изгнать одного дьявола другимъ.

Боже всемогущій! Въ то время, какъ они вели эти пріятныя рѣчи, у обоихъ не выходила изъ головы мысль объ убійствѣ другъ друга! Графъ, послѣ короткой прогулки, началъ опять жаловаться па боль въ ногѣ и изъявилъ желаніе вернуться въ комнату; Марціо проводилъ его, поддерживая съ нѣжной заботливостью.

Съ наступленіемъ ночи, когда всѣ уже спали во дворцѣ, Марціо скорыми шагами отправился въ садъ. Онъ приставилъ къ садовой оградѣ лѣстницу, потомъ отперъ тюрьму и выпустилъ Олимпія. Олимпій пищею и отдыхомъ подкрѣпилъ свои силы, а вмѣстѣ съ силой въ немъ явилось непреодолимое желаніе мести, которое довело его до намѣренія поджечь дворецъ прежде, чѣмъ удалиться изъ него. Марціо стоило не малаго труда удержать Олимпія. Онъ просилъ его успокоиться на время, говоря, что у него самого несравненно сильнѣе необходимость отомстить; что на дняхъ онъ исполнитъ свое мщеніе надъ графомъ, мщеніе, которое будетъ памятно, что безбожно погубить столько невинныхъ за одного злодѣя.

Послѣ этого онъ отправился къ Беатриче, увѣщевалъ ее бѣжать вмѣстѣ съ нимъ, но нашелъ ее непоколебимой въ своемъ намѣреніи переносить все, что Провидѣніе пошлетъ ей. Истощивъ всѣ свои доводы, онъ взялъ написанную ею просьбу, утѣшалъ ее, какъ умѣлъ, нѣсколько разъ пробовалъ уйти и возвращался назадъ: онъ чувствовалъ, что сердце его разрывается отъ необходимости оставить ее. Она не переставала уговаривать его именемъ Бога отбросить всякую мысль о мщеніи и пощадить ея отца. Онъ покрывалъ нѣжными поцалуями ея руки, потомъ, оторвавшись отъ нея и уходя быстрыми шагами, воскликнулъ: «О горе намъ, горе!»

Олимпій убѣжалъ по приставленной лѣстницѣ; Марціо выѣхалъ изъ дворца на буланомъ конѣ, на холкѣ котораго былъ привязанъ свернутый красный плащь, обшитый золотомъ.

ГЛАВА XVI.

Тибръ.

Вотъ онъ Тибръ! Воды его текутъ теперь также точно, какъ въ то время когда Римъ глядѣлся въ него увѣнчанный всѣми своими башнями. Эти волны переносили на плечахъ своихъ царства, республики, имперіи и народы, и что поразительнѣе всего! цѣлое поколѣніе Нумовъ, смѣшанное съ высохшими листьями, которые вѣтеръ разсѣеваетъ по берегамъ рѣки. Прахъ героевъ и прахъ разбойниковъ, прахъ священниковъ и прахъ еретиковъ, былъ одинаково разметанъ по его поверхности и онъ не нахмурилъ чела и не потревожился ни тѣмъ ни другимъ. На днѣ его почіютъ въ мирѣ статуи Іова и Меркурія, завязнувъ въ одной общей тинѣ рядомъ съ статуями святыхъ Петра и Павла. Все вокругъ тебя раззорено, все измѣнилось; ты одинъ остаешься тѣмъ же, а съ тобою и итальянское солнце, которое играетъ твоими бурыми волосами, какъ гривой льва.

Подыми чело свое, Тибръ! Можетъ быть еще не всѣ Нумы оставили небо Авзоніи. Бываютъ жребіи, и жребіи народовъ въ томъ числѣ, которые повторяютъ случившееся съ Антеемъ, сыномъ земли. Если когда-то, какъ гласитъ преданіе, лавръ могъ вырости вдругъ на жертвенникѣ Августа, этого хитрѣйшаго изъ всѣхъ тирановъ, то отчего бы ему не зазеленѣть снова на твоихъ берегахъ, которые когда то были для него родной землей? Вскормленный слезами, поливаемый кровью, священный лавръ опять распуститъ свои торжественныя вѣтви, въ очищенномъ воздухѣ, не боясь небесной грозы. Бѣшеные вѣтры не перестанутъ бороться съ нимъ; но его взволнованные листья наполнятъ свѣтъ такимъ громомъ, что отъ него содрогнутся пораженные народы...

Рости, божественное дерево, и пусть твои вѣтви обвиваютъ чело того, кто высокой доблестью побѣдитъ и друзей и враговъ: но да не обовьются никогда болѣе твои вѣтви вкругъ меча побѣдителя, для того, чтобъ закрыть его остріе, смертельное для свободы человѣка!

Боже великій! опусти взглядъ свой на насъ и посмотри, возможенъ ли позоръ, подобный нашему позору: ниспошли намъ душу великую, которая показала бы сильнымъ міра, что сила есть благодать неба, поднимающая падшихъ и защищающая немощныхъ. Только и есть одна

святая война, и эта война пусть будетъ намъ ниспослана и судьба сбережетъ молодые листья лавровъ для того воина, который будетъ сражаться въ этой войнѣ, и для того поэта, который облечетъ ее въ сіяніе своихъ пѣсенъ. Мы, усталыя души, подточенные заботами и измученные страданіемъ, что можемъ дать мы родинѣ? Мольбы и благословеніе — эти послѣдніе цвѣты, падающіе съ постели умирающаго! Но не пренебрегайте ими... Благословеніе тѣхъ, которые останавливаются въ дверяхъ вѣчности, для того, чтобы бросить послѣдній взглядъ любви на оставшихся, есть вещь святая и приноситъ счастье тому, кто принимаетъ его съ благоговѣніемъ.

Для меня уже миновали мечты о твоей славѣ, Тибръ! Мое сердце прельщено страданіями; оно не въ силахъ болѣе ни жалѣть, ни даже проклинать: его единственная отрада теперь — смотрѣть въ глаза смерти.

Много дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ домашній кровъ напрасно ждетъ Джакомо Ченчи. Хотя душа Луизы горѣла еще огнемъ страсти, но пылъ гнѣва начиналъ уже уменьшаться въ ней: такъ, когда спадетъ вѣтеръ, большія волны продолжаютъ еще биться о берегъ — онѣ грозны на видъ, но уже не опасны для пловцовъ. Гордость руководила римской матроной; но она не могла заставить замолкнуть ту сильную привязанность, какую она питала къ своему мужу. Лукавыя слова Франческо Ченчи о томъ, что добрая жена должна употребить всѣ усилія, лишь бы вернуть на прямую дорогу сбившагося съ пути мужа, сверхъ ожиданія его, приходили ей безпрестанно на умъ; она разсуждала о причинѣ отсутствія мужа; одно изъ двухъ должно было случиться: или Джакомо изгналъ изъ сердца своего всякую привязанность къ ней и къ своимъ дѣтямъ, или съ нимъ случилось какое нибудь большое несчастіе, и эти шипы одинаково больно кололи ее. Она, сколько могла, старалась искать утѣшенія въ своей горести, предаваясь постояннымъ заботамъ о дѣтяхъ, которыхъ не оставляла ни на минуту. Меньшой не сходилъ съ ея груди; она осыпала его страстными поцалуями, и нерѣдко ребенокъ отъ нихъ пугался и плакалъ. Но слишкомъ часто ласки старшихъ, улыбки и даже слезы меньшаго сына, заставали ее съ мыслями, обращенными въ другую сторону, и въ слезахъ, которыя безъ ея вѣдома текли по ея щекамъ. Хотя она продолжала считать Анджіолину причиною своего несчастія, но по добротѣ своей натуры не переставала заботиться о ней. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда тяжелыя мысли осаждали ее одна за другою, дверь дома тихонько открылась и Джакомо явился неожиданно передъ нею.

Онъ не поклонился, не сказалъ ни слова и сѣлъ у стола противъ

жены, закрывши лицо руками. Мы уже видѣли его блѣднымъ и дурно одѣтымъ; но, Боже, какъ еще онъ измѣнился съ тѣхъ поръ! Растрепанные волосы и борода; шляпа и платье испачканное грязью; глаза воспаленные и окаймленные черными кругами... Луиза была вмѣстѣ испугана и тронута. Когда душа переполнена страданіемъ, то почти всегда случается, что вниманіе наше останавливается на какомъ нибудь одномъ предметѣ, который огорчаетъ болѣе всего прочаго. Такъ и Луиза, видя грязныя руки и маншеты своего мужа, почувствовала, что сердце ея сжалось болѣе прежняго.

Она взяла ребенка къ себѣ на грудь, съ тѣмъ самымъ намѣреніемъ, съ какимъ далекій вѣстникъ мира, покуда звукъ его голоса еще не можетъ достигнуть, показываетъ издали оливковую вѣтвь или машетъ бѣлымъ платкомъ. Но все это не привлекло вниманія Джакомо; полагая, что жена измѣнила ему, онъ оставался въ глубокомъ раздумьи о потерянной любви, погибшей надеждѣ и прошломъ счастіи. Потомъ онъ вдругъ вскочилъ и сталъ рвать себя за волосы, восклицая хриплымъ голосомъ:

— Зачѣмъ я пришелъ сюда? Право, я самъ не знаю.—Ахъ, еслибъ можно было выбросить изъ сердца привязанности, какъ грузъ изъ корабля, чтобъ избѣжать погибели!.. Но если ихъ нельзя выбросить, по крайней мѣрѣ всякій можетъ вырвать изъ груди любовь вмѣстѣ съ сердцемъ. — Все можетъ замолкнуть разомъ и пусть замолкнетъ. — При этомъ онъ направился къ двери.

Луиза сказала ему не ласковымъ, но и не строгимъ голосомъ:

— Отецъ удаляется отъ дѣтей своихъ, даже не поцаловавши ихъ!

— Гдѣ они и кто мои дѣти? За котораго изъ этихъ дѣтей можно поручиться, что онъ мой? Все основано на довѣріи: это хрупкое стекло! Какъ я могу повѣрить языку женщины, слова которой сѣти, разставленныя для того, чтобъ повлечь къ позору и смерти?

Луиза не знала, какъ понимать эти рѣчи, исполнившія ее удивленія. Джакомо съ горькой усмѣшкой продолжалъ:

— Я понимаю, что человѣкъ такой, какъ я, неспособный содержать собственнаго семейства, негодное бревно, источенное червями, проклятое Богомъ... Я могу внушать къ себѣ только презрѣніе... Я понимаю также и испытываю на себѣ, что презрѣніе убиваетъ любовь и раждаетъ ненависть. Но зачѣмъ такъ нагло прикрывать честностью проступокъ? Зачѣмъ собственную вину превращать въ камень для того, чтобъ бросать его въ невиннаго? Довольно кажется презрѣнія и стыда, которымъ покрывали меня, но зачѣмъ еще было обрушиваться на меня цѣлымъ ураганомъ оскорбительныхъ словъ для того, чтобъ ослѣпить мнѣ глаза, какъ пескомъ и помѣшать видѣть ваше преступленіе.

— Джакомо, съ кѣмъ вы говорите?

— Будьте спокойны, я не за тѣмъ пришелъ сюда, чтобы проклинать васъ; но для того, чтобы сказать вамъ, что вы могли довести меня до отчаянія, но не обмануть. Теперь довольно словъ... между нами ужь все сказано, и онъ снова сдѣлалъ движеніе, чтобъ уйти.

— Не уходите, Джакомо; именемъ чести, прошу васъ остаться. Когда слова ваши убиваютъ доброе имя Божьяго созданія, тогда долгъ честнаго человѣка—объяснить ихъ причину. Вы думаете развѣ, что тайна принадлежитъ вамъ, когда въ словахъ вашихъ скрывается обвиненіе меня въ позорѣ?

— Мнѣ кажется, что вамъ вовсе не идетъ такъ говорить: мои слова могутъ казаться темными всякому другому, только не вамъ. Хотите объясненія моихъ словъ? Хорошо, оно готово. Откуда у васъ эти вещи? Кто снабдилъ васъ всѣмъ этимъ, не только необходимымъ, но даже излишнимъ? Это правда, что я оставилъ въ этомъ домѣ нищету, а теперь нахожу изобиліе; но я оставилъ вамъ еще одну вещь, которой не нахожу теперь, это честь мою. Теперь ужь не отъ отца должны проистекать бѣдность или богатство. Какъ зовутъ того, который позаботился о нуждахъ вашихъ и этихъ дѣтей? Гдѣ скрывается тотъ благодѣтель, который радѣетъ о васъ больше меня самаго? Отчего другъ моего семейства боится показаться мнѣ?

— Джакомо, ради вашей собственной чести, подумайте, что вы оскорбляете мать въ присутствіи ея дѣтей...

— А чтожь, они развѣ не свидѣтели, которые обвиняютъ васъ еще сильнѣе, чѣмъ мои слова?..

— Вашъ родственникъ и мой помогъ мнѣ; я не могу назвать вамъ его, потому что поклялась молчать. Я женщина, готовая скорѣй видѣть, какъ дѣти мои умираютъ съ голоду, чѣмъ кормить ихъ цѣною позора! Эти подозрѣнія не касаются меня, и я хочу, чтобы вы знали Джакомо, что я чиста, какъ мать ваша, которая теперь въ раю.

— А вы сами, какія доказательства могли вы представить противъ увѣреній вашего мужа, кромѣ гнусной клеветы кого-то, кто скрываетъ свое имя, и несмотря на это вы не повѣрили моимъ клятвамъ и моимъ слезамъ? Какъ же вы хотите теперь, чтобъ я преклонилъ голову передъ вашими голословными увѣреніями? И ко мнѣ доходили тайныя извѣщенія, и ихъ было не мало; но я не слушалъ ихъ; теперь я вижу доказательства на дѣлѣ и вы сами не въ состояніи ихъ опровергнуть.

— Джакомо! на то, въ чемъ я укоряла васъ, у меня есть въ рукахъ явныя доказательства, — доказательства, сомнѣваться въ которыхъ нѣтъ возможности, — ваши же подозрѣнія безчестны... Идите! я васъ не удерживаю.

— Хорошо. У меня нѣтъ ни охоты, ни силъ спорить съ вами.

Послѣ этого онъ подошелъ къ ней и безъ всякихъ угрозъ, съ страшнымъ спокойствіемъ спросилъ ее потихоньку:

— Могу ли я узнать, есть ли между этими дѣтьми хоть одно мое?

— Джакомо, вы говорите безумныя слова. Всѣ они ваши дѣти...

— Да, конечно, это такъ говорится: Pater est quem justae nuptiae demonstrant, — по крайней мѣрѣ такъ гласитъ гражданское право, сочиненное именно здѣсь, въ Римѣ, и преторъ заставилъ бы меня содержать ихъ. Я отецъ по буквѣ закона:—отецъ, годный только на то, чтобъ быть брошеннымъ звѣрямъ на съѣденіе. Жаль право, что теперь вышли изъ моды зрѣлища въ амфитеатрѣ Флавія! Ничего; вѣдь на всякомъ шагу можно найти деревья, колодцы и рѣки. — Голосъ его оживился, и блѣдное какъ смерть лицо покрылось лихорадочнымъ свѣтомъ.

— Я могъ бы мстить! Но когда же месть имѣла свойство вернуть потерянное счастье? Я могъ бы сдѣлать только и васъ несчастною:— вотъ и все! Нѣтъ, нѣтъ... я не хочу мстить... я уберу себя съ вашего жизненнаго пути, какъ лишнюю помѣху, и вы пойдете, куда зоветъ васъ ваше сердце. Я не прошу васъ помнить меня, мнѣ это не нужно, да и вы не съумѣли бы этого сдѣлать; но также точно я не прошу васъ забыть меня, потому что до этого мнѣ еще меньше дѣла, и вы это исполните прекрасно и безъ моей просьбы. Горесть объ умершихъ длится покуда не высохнутъ слезы, а онѣ скоро высыхаютъ; объ мужьяхъ же рѣдко когда и плачутъ. Но я любилъ этихъ дѣтей, я считалъ ихъ частью самаго себя, и выбросить ихъ теперь изъ моего сердца мнѣ тяжело... Я поручаю ихъ вамъ, донна Луиза: если я не могу считать ихъ своими, помните, что они ваши. Конечно, въ этотъ послѣдній часъ жизни, для меня было бы большое утѣшеніе прикоснуться губами къ лицу, которое было бы моя собственная кровь. Теперь слезы мои ужь не будутъ литься ни для кого; онѣ падутъ мнѣ на сердце — горькія, тяжелыя, но послѣднія... Прощайте, желаю чтобы годы ваши текли безъ угрызеній и чтобы вы нашли новаго мужа, достойнаго вашей вѣрности...

Луиза не смѣла возражать и укорять его, боясь прибавить еще больше горечи къ его отчаянію. Она видѣла, какъ голосъ его сталъ ослабѣвать и перешелъ почти въ плачь.

— Дѣти, обнимите его, дайте ему почувствовать, что онъ вашъ отецъ, сказала она наконецъ, разстроганная и обращаясь къ дѣтямъ...

Дѣти подбѣжали къ нему; одинъ изъ нихъ ухватился за его платье, стараясь привлечь его къ матери, другой обнималъ его колѣни, тре-

тій влѣзъ на стулъ, чтобъ обнять ему шею. Джакомо вырвался изъ ихъ объятій, восклицая:

— Спасайтесь на груди вашей матери. Несчастные! Развѣ вы не знаете, что Ченчи отравляютъ своимъ дыханіемъ?.. Прощайте... прощайте навсегда!

Вслѣдъ за этимъ онъ исчезъ. Слышно было, какъ онъ скорыми шагами сбѣжалъ съ лѣстницы. Луиза кинулась на балконъ и жалобнымъ голосомъ кричала:

— Джакомо! Джакомо!

Но Джакомо въ изступленіи бѣжалъ все дальше и дальше. Тогда въ достойной женщинѣ любовь взяла верхъ, и накинувъ мантилью она бросилась изъ дому по слѣдамъ мужа. Она пробѣжала нѣсколько улицъ; наконецъ, въ изнеможеніи отъ усталости и горя, не въ силахъ будучи идти далѣе, она присѣла у какого-то палаццо. Осмотрѣвшись кругомъ, она увидѣла, что это дворецъ монсиньора Гвидо Гверро; она подняла голову и замѣтила свѣтъ въ окнахъ. Зная, что прелатъ этотъ пріятель дома Ченчи и большой другъ Джакомо, она подумала, что само провидѣніе привело ее сюда. Она собралась съ духомъ, вбѣжала по лѣстницѣ и, не дожидаясь, чтобъ о ней доложили, вошла въ комнату, гдѣ застала монсиньора въ обществѣ двухъ людей. Лицо одного изъ нихъ ей показался знакомымъ, но она никакъ не могла вспомнить, гдѣ его видѣла.

— Монсиньоръ, сказала она: — вы любите моего мужа Джакомо. Ради Христа, пошлите людей искать его. Онъ выбѣжалъ изъ дому внѣ себя, и я боюсь, что у него на душѣ дурное намѣреніе.

— Противъ кого, донна Луиза?

— Противъ самого себя; я боюсь, что онъ побѣжалъ къ Тибру.

— Боже! спаси насъ! Марціо идемъ скорѣй; вы ступайте съ нѣсколькими изъ моихъ слугъ на право; я пойду съ другими на лѣво. Олимпій, вы останьтесь съ донной Луизой.

Гвидо, Марціо и лакеи, не кланяясь, съ поспѣшностью кинулись изъ дворца искать Джакомо. Донна Луиза пошла, поддерживаемая Олимпіемъ.

— Мнѣ лицо ваше не ново, сказала она: — но у меня такъ разстроена голова, что я потеряла память... Ахъ! да... теперь я припоминаю... вы были на пожарѣ у столяра, на Рипетѣ.

— Я?

— Да, и вы были въ числѣ тѣхъ, которые старались подать помощь несчастнымъ.

— Я не сдѣлалъ ничего, кромѣ зла. Все добро было сдѣлано вами. Вы святая женщина, да благословитъ васъ Богъ! Еслибъ я смѣлъ

спросить васъ, я желалъ бы знать, зачѣмъ вы были одѣты мужчиной въ эту проклятую ночь? Почему очутились вы тамъ?

— Я разскажу вамъ все. Женщина, которую я спасла, разтерзала мое сердце; она покрыла трауромъ мой домъ, въ которомъ и прежде не было радости, но не было, по крайней мѣрѣ, отчаянія; потому что гдѣ обитаетъ любовь, тамъ всегда остается надежда. То, чего Богъ не велѣлъ раздѣлять, рука ея разлучила навсегда: однимъ словомъ, она отняла у меня мужа, и въ ту ночь я бродила тамъ, какъ бродитъ волкъ вокругъ овчарни... Я хотѣла выпить ея кровь и думала, что это одно можетъ утишить мою злобу. Но я услышала отчаянные крики... Эта женщина явилась у окна съ ребенкомъ на рукахъ, и я уже не видѣла въ ней ненавистной соперницы, а только мать... Я подумала о своихъ дѣтяхъ и кинулась спасать ее...

Отъ разсказа донны Луизы Олимпія бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Мысли роились въ его головѣ; ему хотѣлось убѣдиться: можетъ ли еще для него быть надежда на пощаду и ему показалось, что нѣтъ. Такъ падаютъ на узника цѣпи съ отчаяннымъ звукомъ послѣ послѣднихъ усилій, какія онъ употребилъ, чтобы разорвать ихъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ нѣтъ сердца, какое бы оно ни было каменное, которое не согрѣлось бы отъ пламени любви, то и Олимпій былъ растроганъ противъ воли.

— Еслибъ я могъ надѣяться, сказалъ онъ, — что раскаяніе спасетъ меня, я никому не захотѣлъ бы исповѣдать моихъ грѣховъ, кромѣ васъ, почтенная синьора, и не желалъ бы имѣть за себя передъ Богомъ другаго заступника, кромѣ васъ. Но я такъ наполнилъ книгу жизни моей злодѣяніями, что ангелъ хранитель не нашелъ бы въ ней самаго малѣйшаго пробѣла, чтобъ написать на немъ слово прощенія! Но несмотря на это я исповѣдаю вамъ свои грѣхи, потому что, если исповѣдь моя не можетъ принести пользы мнѣ, она принесетъ ее вамъ. Знаете ли, кто поджегъ домъ столяра? — Я...

— Вы!

— Знаете ли, кто доставилъ вашему благородному мужу предательское письмо, наполненное клеветами, которое можетъ быть и было причиной его отчаянія?—Я.—Знаете ли, кто придумалъ все это для того, чтобы вы и мужъ вашъ возненавидѣли другъ друга? Графъ Франческо Ченчи. Онъ радостно потиралъ себѣ руки и говорилъ: «скорѣй скала, разбитая молніей, соединится въ одно, чѣмъ невѣстка моя возвратитъ свою любовь Джакомо; я посѣялъ ненависть, они будутъ пожинать отчаяніе».

Донна Луиза вырвала свою руку у Олимпія и побѣжала съ такой быстротой, что опередила бы оленя: достигнувъ своего дома, она вбѣжала въ комнату, гдѣ все еще лежала больная Анджіолина, и прибли-

зившись къ постели, едва переводя духъ, принялась ее разспрашивать:

— Женщина, на сколько есть у тебя любви къ Богу, не обманывай меня. Знаешь ты графа Ченчи?

Анджіолина, испуганная видомъ Луизы и не узнавая ее въ женской одеждѣ, такъ какъ она до сихъ поръ показывалась ей всегда въ мужской, отвѣчала ей:

— Кто вы такая? Чего вы хотите отъ меня?

— Я не даю отвѣтовъ, я спрашиваю, повелительно произнесла донна Луиза: — скажи мнѣ, знаешь ли ты графа Ченчи?

— Да, я знаю его...

— Ты знаешь его, о! несчастная, и это сынъ вашей любви?

И говоря это она схватила за волосы ребенка, который началъ кричать...

— Оставьте его... Что вамъ сдѣлало это бѣдное созданіе?

И она тянулась изъ постели, чтобъ защищать дитя.

— Это сынъ грѣха, и ты родила его отъ Ченчи...

— Отъ Ченчи? Синьора, продолжала Анджіолина, залившись слезами: — прилично ли благородной дамѣ позорить такъ бѣдную женщину? Я точно знаю стараго барона, котораго зовутъ—графъ Франческо Ченчи, это онъ облагодѣтельствовалъ моего покойнаго мужа, который и повелъ меня разъ благодарить его; онъ давалъ мнѣ денегъ, которыя я неохотно приняла, потому что, несмотря на его сѣдые волосы и добрыя слова, у него блестѣло въ глазахъ что-то такое, что пугало: съ тѣхъ поръ я его и не видала.

— Не о немъ... не о немъ я тебя спрашиваю, а о сынѣ его, донъ Джакомо.

— Я кажется слышала, что у донъ Франческо есть дѣти, но никогда не видѣла ихъ и не знаю, какъ ихъ зовутъ; она произнесла это съ такимъ спокойствіемъ невинности, что самый мнительный человѣкъ повѣрилъ бы ей.

— Ты не видала его? и не знаешь его имени? Поклянись мнѣ Богомъ; поклянись своей душой и совѣстью... поклянись мнѣ Христомъ Искупителемъ, и знай, что если ты дашь ложную клятву, онъ подниметъ руки съ креста, чтобы проклясть тебя.

Она сняла распятіе, висѣвшее надъ кроватью, и поднесла его ей. Анджіолина взяла его, съ благоговѣніемъ поцаловала, потомъ возвратила Луизѣ, говоря:

— Есть у васъ дѣти, синьора?

— Если бъ я не была матерью, развѣ я рѣшилась бы броситься въ пламя для того, чтобъ спасти тебя и твое дитя?

Анджіолина приложила руку къ груди своего дитяти, которое лежало въ люлькѣ около ея постели, и произнесла:

— Если я не сказала вамъ всю правду, пускай, сію минуту подъ моей рукой перестанетъ биться это сердце моего сердца...

— О, я вѣрю тебѣ, вѣрю! воскликнула донна Луиза и, наклонившись къ Анджіолинѣ, взяла ее обѣими руками за голову, осыпала поцалуями ея волосы, лицо, грудь, забывая какую боль она причиняла этимъ бѣдной женщинѣ, раны которой еще не вполнѣ зажили. Анджіолина, изъ чувства доброты, старалась удерживаться, чтобъ не вскрикивать отъ этихъ порывистыхъ ласкъ.

Луиза отгадала. Джакомо прямо направился къ Тибру, но въ ту самую минуту, какъ онъ готовъ былъ кинуться въ воду, чья-то рука его удержала и позвалъ знакомый голосъ.

— Сумасшедшій! что вы дѣлаете?

Пораженный Джакомо поднялъ голову и увидѣлъ Гвидо.

— Гвидо!

— Несчастный! А ваши дѣти?

Джакомо пожалъ плечами и не сказалъ ни слова; онъ позволилъ вести себя, какъ человѣкъ потерявшій волю и силы; только когда онъ заносилъ ногу на порогъ своего дома, онъ вернулся къ монсиньору Гверра и сказалъ.

— Другъ, если вы думаете, что я долженъ благодарить васъ, вы ошибаетесь. Еслибъ вы не помѣшали мнѣ, я произнесъ уже вѣчную память жизни, закрылъ книгу и зналъ бы ея конецъ: дурной конецъ, ей-Богу, дурной; но такъ какъ она могла бы кончиться еще хуже, я былъ доволенъ имъ. Считайте меня неблагодарнымъ, но я не могу благодарить васъ.

Когда онъ вошелъ въ домъ, глазамъ его представилось странное зрѣлище.

Человѣкъ мрачной наружности, сколоченный какъ геркулесъ Фарнезскій, держалъ на рукахъ меньшаго сына Джакомо Ченчи и протягивалъ къ нему ребенка съ умоляющимъ видомъ.

Эта нѣжность была бы натуральна въ доннѣ Луизѣ, какъ матери и любовницѣ; но какъ могла она проявиться въ душѣ Олимпія, въ этой дикой, преступной натурѣ—трудно вообразить себѣ.

Но только держа на рукахъ ребенка, Олимпій могъ рѣшиться разсказать Джакомо все зло, какое онъ сдѣлалъ по приказанію графа Ченчи для того, чтобъ нарушить его семейное счастье. Въ это время ребенокъ поднималъ свои ручепки и весело смѣялся, такъ что Джакомо не могъ очень сердиться на Олимпія, который, отдавъ ребенка на руки отцу, сталъ въ сторону и прибавилъ:

— Теперь, такъ какъ вмѣстѣ съ вашимъ сыномъ я принесъ вамъ миръ, ради этого невиннаго созданія, которое проситъ за меня, умоляю васъ, синьоръ, простить меня.

Джакомо молчалъ и обводилъ кругомъ свои мутные глаза, все еще не вѣря вполнѣ тому, что слышалъ; тогда Луиза, отстранивъ Олимпія, стала на колѣни передъ мужемъ и начала говорить:

— Мой супругъ и господинъ, мы оба сомнѣвались въ вѣрности другъ друга; узнавъ теперь злыя намѣренія графа Ченчи и всѣ хитрости, какія онъ употребилъ въ дѣло, я считаю себя освобожденной отъ всякой данной ему клятвы и открою вамъ все. Движимая отчаяніемъ, я отправилась къ тестю, открыла ему положеніе нашего семейства и умоляла помочь моимъ бѣднымъ дѣтямъ, которыя вѣдь его же собственная кровь. Онъ говорилъ и дѣйствовалъ какъ нѣжный отецъ; мнѣ, легковѣрной отъ ревности, онъ разсказалъ цѣлую исторію о вашей любви, о деньгахъ, которыя вы мотаете на распутство и въ которыхъ отказываете дѣтямъ, и щедро помогъ мнѣ, давъ триста скудъ съ условіемъ, чтобъ я не говорила вамъ о нихъ ни слова. Такимъ образомъ онъ съ лукавымъ намѣреніемъ далъ мнѣ понять, что вы потеряны въ незаконной любви; а вамъ, что я цѣною стыда достаю удобства жизни для себя и для дѣтей нашихъ...

Она говорила съ такимъ жаромъ и такъ скоро, что донъ Джакомо до сихъ поръ не могъ прервать ее. Тутъ однако онъ остановилъ ее говоря:

— Это положеніе не прилично для жены Джакомо Ченчи. Луиза, твое мѣсто здѣсь на груди твоего Джакомо, который такъ сильно любилъ тебя и любитъ...

Они обнялись и плакали слезами любви. Пускай льются обильно эти сладкія слезы; кто знаетъ, доставитъ ли имъ судьба еще случай плакать отъ радости!

ГЛАВА XVII.

Преступная ночь.

Джакомо Ченчи былъ приглашенъ на обѣдъ къ монсиньору Гверро, откуда вернулся домой поздно ночью. Онъ былъ задумчивъ и грустенъ, не хотѣлъ видѣть дѣтей, не поцаловалъ по своему обыкновенію меньшаго ребенка и даже, услышавъ плачь его, замѣтно перемѣнился въ лицѣ. Когда онъ легъ спать, его тревожили мучительные сны, и жена слышала жалобныя восклицанія: умеръ! умеръ! Вдругъ онъ проснулся въ испугѣ, водя кругомъ мутными глазами; и, увидавъ

жену, которая лежала рядомъ, обнялъ ее крѣпко, крѣпко и со слезами воскликнулъ:

— Лучше бы мнѣ перестать жить!

— Развѣ ты жалѣешь, что вернулся въ семейство, которое обожаетъ тебя? отвѣчала ему жена съ нѣжностью.

— Нѣтъ, Луиза, нѣтъ, избави Богъ; но не смотря на это, повѣрь мнѣ, было бы лучше, еслибъ я умеръ.... ты сама увидишь....

Луиза ничего не отвѣчала, приписывая это мрачное настроеніе мужа послѣднимъ потрясеніямъ. Она возлагала надежды на время, на свои заботы и на ласки дѣтей, которыя должны были возвратить спокойствіе его взволнованной душѣ.

Въ эту самую ночь выѣхали изъ Рима Марціо и Олимпій, съ запасомъ золота на значительную сумму.

Черезъ нѣсколько дней, донъ Франческо, чувствуя себя здоровымъ, разбудилъ неожиданно на зарѣ свое семейство и велѣлъ всѣмъ сойти внизъ такъ, какъ они были. Во дворѣ Беатриче увидѣла приготовленныхъ верховыхъ лошадей, карету и людей для конвоя: явные признаки дальней дороги. Куда везъ ее отецъ, сколько времени она останется вдали отъ Рима? это вопросы, которыхъ она не сдѣлала, да и никто изъ семейства не рѣшился бы сдѣлать.

Садясь въ карету, Беатриче обратилась къ графу:

— Батюшка, мнѣ надо сказать вамъ кое-что.

— Молчать! садись....

Но Беатриче сложила умоляющія руки и повторила:

— Батюшка! выслушайте меня, ради Бога.... дѣло идетъ о вашей жизни....

Но Ченчи, приписывая ея слова желанію избавиться отъ непріятнаго путешествія, втолкнулъ ее въ карету, заперъ ключемъ дверцы и велѣлъ спустить занавѣски.

Графъ Ченчи вскочилъ вмѣстѣ со всѣми другими на лошадей, и поѣздъ тронулся въ совершенномъ молчаніи: онъ походилъ скорѣе на погребальную процессію какого нибудь вельможи, чѣмъ на путешествіе живыхъ людей. Поѣздъ выѣхалъ изъ воротъ Санъ-Лоренцо, миновалъ Тиволи и наконецъ достигъ мѣста своего назначенія — Рокка-Петрелла.

Съ распущенными волосами, поднявъ глаза къ небу, съ повисшими руками, Беатриче Ченчи стоитъ на колѣняхъ въ одной изъ комнатъ въ Рокка-Петрелла.

Комната эта — темница: безотраденъ сталъ путь ея жизни, въ которомъ темницы сдѣлались дорожными столбами, обозначающими разстоянія. Странный видъ имѣетъ эта комната: великолѣпная кро-

вать, съ большимъ штофнымъ пологомъ и золотыми украшеніями; полъ покрытъ дорогимъ ковромъ; на простомъ деревянномъ столѣ стоятъ серебрянныя кружки и чаши; на мрачныхъ стѣнахъ видны надписи, сдѣланныя углемъ и выражающія столько разныхъ ощущеній, смотря по тому, бывало ли сердце узника полно грусти, или досады, или сожалѣнія, выраженія тоски, вылившейся силой необходимости.

Небо было едва видно сквозь рѣшетку, передъ которой графъ Ченчи, съ своей злодѣйской изобрѣтательностью, придѣлалъ ящикъ въ видѣ воронки и велѣлъ покрыть его отверстіе частой желѣзной сѣткою. Но этимъ еще не ограничилась его жестокость; при заходѣ солнца спускалась толстая холстяная занавѣсь, отнимая разомъ свѣтъ и воздухъ, эту послѣднюю отраду несчастной. Тогда тюрьма, казалось, закрывала свою пасть и поглощала свою жертву, какъ китъ Іова.

Бѣдная Беатриче! Небо, которое ты такъ любила; небо, которому ты повѣряла тайны своей нѣжной души, которое посылало тебѣ утѣшеніе въ твоихъ безграничныхъ страданіяхъ; небо, которое ты призывала въ свидѣтели правоты твоего сердца, которое ты созерцала и къ которому стремилась, какъ къ свободной родинѣ твоего божественнаго духа, — ты видишь теперь это небо сквозь рѣшетки и желѣзныя сѣтки, или у тебя вовсе отнимаютъ его проблескъ!

Если ночью Беатриче лишаютъ воздуха, то и днемъ ей даютъ его очень скупо, какъ пищу въ осажденномъ городѣ. Еслибъ Ченчи могъ, не открывая вовсе отверстія, давать ей воздухъ въ закрытомъ сосудѣ, — о, съ какой охотой онъ дѣлалъ бы это!

Часто Беатриче, уцѣпившись за рѣшетку, старалась увидѣть верхушку дерева или очертаніе горъ, что для души ея было бы сладкимъ напоминаніемъ прекрасной природы; и хотя уже не разъ ея усилія не приводили ни къ чему, она все-таки не переставала дѣлать ихъ, въ надеждѣ до чего нибудь добиться. Тяжело привыкнуть къ потерѣ воздуха, свѣта и зрѣлища природы, которыхъ не лишено и самое послѣднее изъ животныхъ! Одаренная душой поэта, способной сочувствовать всему прекрасному, она старалась различить сквозь щели голубыя горы, зеленыя долины, рѣку, извивавшуюся по долинѣ, подобно исполинскому змѣю, — но и это ей не удавалось. Графъ Ченчи въ своемъ злобномъ желаніи лишить ее малѣйшаго утѣшенія, посылалъ по нѣскольку разъ въ день, и чаще всего утромъ, когда сонъ освѣжалъ ея воспаленную кровь, работниковъ, которые, спускаясь по веревкамъ вдоль стѣнъ, приколачивали, задѣлывали, замазывали, забивали что-то, — словомъ, мучили ея слухъ нескончаемымъ адскимъ стукомъ. — Голова ея трещала и самое легкое прикосновеніе производило невыносимую боль во всемъ тѣлѣ.

А какой улыбкой сіяетъ небо по ту сторону этихъ сѣрыхъ досокъ! Какъ природа ликуетъ въ своей красотѣ внѣ этихъ мрачныхъ стѣнъ! Будь проклята рука, заслоняющая отъ человѣка природу. Душа сгараетъ желаніемъ вырваться на волю; она готова бы сѣсть на крылья летящей мимо птички и полетѣть вмѣстѣ съ нею къ дорогимъ роднымъ, въ мѣста, гдѣ протекло ея дѣтство.... Обративъ глаза къ невидимому небу, Беатриче, казалось, не молилась и не роптала, но только спрашивала: «Боже! неужели ты покинулъ меня?»

Должно быть мысли ея были гнетущи и томительны, потому что, поднявшись съ колѣнъ, она, какъ обезсиленная, бросилась на постель.

И благодѣтельный сонъ смежилъ ея глаза.

Ей снилось, будто она на скалѣ посреди моря, покинутая всѣми. Подъ нею, въ голубыхъ водахъ, морскія дѣвы сплелись руками въ веселой пляскѣ. Онѣ безпрестанно поворачиваются къ ней и знаками зовутъ ее принять участье въ ихъ играхъ. Вдругъ надъ головой ея послышался шумъ крыльевъ; она подымаетъ глаза вверхъ и ей представился въ видѣ Амура, Гвидо, другъ ея сердца, который, спускаясь къ ней, протягивалъ ей свои объятія: она подняла руки къ нему и губы ихъ сомкнулись въ поцалуѣ....

Беатриче проснулась: руки ея были подняты, но онѣ тяжело опустились на одѣяло и она тяжело вздохнула. Досадуя на себя, что поддалась обману сновидѣнья, она закрылась одѣяломъ; ея дѣвственная грудь утонула въ подушкахъ, бѣлокурые волосы распустились по плечамъ.

— Несчастная! думала она: — пора бы тебѣ знать, что радости для тебя — сонъ, а на яву одно горе. Развѣ Гвидо можетъ своими тѣлесными руками сломать желѣзный бичъ судьбы? И, можетъ быть даже, ему уже наскучила жертва, заклейменная несчастьемъ. Бѣдный! Я не хотѣла бы винить его: нѣтъ, потому что зараза удаляетъ отца отъ сына, мужа отъ жены, и за это ихъ нельзя обвинить въ зломъ сердцѣ. А развѣ несчастіе пристаетъ не съ большей силой, развѣ оно менѣе неотступно, чѣмъ зараза? Могу ли я по совѣсти желать или ожидать, чтобъ онъ бросался въ пропасть, изъ которой ни люди, ни Богъ, по видимому, не могутъ или не хотятъ спасти меня! Пусть онъ обратитъ любовь свою на женщину менѣе несчастную, чѣмъ я, пусть онъ будетъ счастливымъ супругомъ.... отцомъ.... я желаю ему этого.... ахъ! нѣтъ.... да, я должна желать ему этого всей душой.

И обильныя слезы невольно лились на ея подушку.

Она старается успокоить сномъ свой измученный умъ; но напрасно. Сквозь закрытыя вѣки, глазамъ ея представляется темное пятно, отдѣлившееся отъ далекихъ стѣнъ Рима и несущееся по полямъ и

горамъ, какъ пыль, гонимая ураганомъ. Пятно это, приближаясь, принимало форму человѣка, который казался завернутымъ въ темный плащъ; шляпа спускалась на глаза.... Когда онъ достигъ башни Рокка-Рибальда, лучъ мѣсяца освѣтилъ его прекрасное лицо; онъ машетъ ей рукой. Ускоренное біеніе сердца сказало ей, кто этотъ незнакомецъ.

Въ ущельѣ, у подошвы горы, около источника, полузакрытая вѣтвями деревъ, возвышается маленькая часовня, въ которой отправляетъ богослуженіе схимникъ, не оставлявшій ни одного скорбящаго сердца безъ утѣшенія. Онъ соглашается обвѣнчать Беатриче съ Гвидо. Она протягиваетъ руку и, удивленная, что не встрѣчаетъ руки Гвидо, требуетъ ее; но онъ отказывается и прячетъ руку подъ плащъ. Она настаиваетъ: наконецъ ей удается схватить ее; рука эта влажная и липкая. Беатриче въ испугѣ отнимаетъ свою руку и видитъ, что она запачкана кровью. Боже! чья это кровь? скажи мнѣ.... Гвидо исчезъ, исчезъ и схимникъ; она остается одна, окруженная непроницаемымъ мракомъ....

Дверь темницы открывается чуть слышно и въ нее показывается сѣдая голова, потомъ грудь и наконецъ, все тѣло человѣка, завернутаго въ длинный плащъ, съ красной шапочкой на головѣ. Это графъ Ченчи, котораго влечетъ сюда сама судьба. Онъ прислушивается къ дыханію Беатриче, осторожно ступаетъ на цыпочкахъ, подвигается впередъ и останавливается у самой кровати.

Тревожный сонъ закрылъ глаза Беатриче; она разметалась и длинные волосы распустились на чудную грудь.

Онъ смотритъ на нее. Видъ этихъ дивныхъ формъ разливаетъ радость въ душѣ....

Что онъ затѣваетъ? Развѣ не довольно, развѣ ужь не слишкомъ много видѣть эту волнующуюся грудь?

Ужасный старикъ протягиваетъ свои костлявыя руки и тянетъ къ себѣ одѣяло. Всѣ прелести красоты представляются нагими глазамъ его.... прелести, которыя самъ Амуръ закрылъ бы крыломъ своимъ отъ глазъ любовника.

Дверь опять потихоньку открылась; входитъ другой человѣкъ и останавливается: онъ смотритъ.... недоумѣваетъ.... и не узнаетъ графа Ченчи при слабомъ свѣтѣ лампады. Графъ весь дрожитъ отъ сладострастья; глаза его щурятся, румянецъ сатира покрываетъ его щеки; онъ спускаетъ съ себя плащъ, ставитъ колѣно на край постели и въ безуміи страсти простираетъ руки....

Бѣшенство любви овладѣваетъ душою Гвидо, потому что вошедшій за нимъ человѣкъ былъ не кто другой, какъ Гвидо: онъ не успѣлъ еще пожелать обнажить ножъ, какъ ножъ уже обнаженъ въ его рукѣ.

Графъ слышитъ шорохъ за спиною и поворачиваетъ голову. Гвидо бросилъ на старика взглядъ, въ которомъ тотъ прочелъ свой смертный приговоръ. Графъ въ испугѣ опускаетъ пологъ, но Гвидо уже ухватилъ его за волосы, посѣдѣвшіе въ злодѣйствахъ. Ченчи судорожно открылъ ротъ.... что онъ, молитъ или угрожаетъ?

Напрасно: разящій мечь прорѣзалъ ему горло и вонзился такъ глубоко въ грудь, что извергъ не можетъ произнести ни одного слова. Онъ зашатался, свалился на полъ и изъ ранъ его брызнулъ цѣлый потокъ крови.

Беатриче испустила вздохъ и томно открыла глаза.... Отецъ небесный! теперь это не сонъ.... она видитъ желаннаго возлюбленнаго. Амуръ своими розовыми руками открылъ уста ея въ нѣжнѣйшей улыбкѣ; но улыбка падаетъ на душу любовника, какъ на бронзовую статую.... Онъ свирѣпо смотритъ на нее и окровавленнымъ кинжаломъ указываетъ на упавшаго.

Улыбка замерла на губахъ Беатриче, какъ замираетъ поцалуй, который мы въ минуту пробужденія посылаемъ ночному видѣнію. Но дѣвушка не знаетъ еще всѣхъ тайнъ этой преступной ночи. Кто этотъ окровавленный трупъ и зачѣмъ онъ здѣсь? Онъ лежитъ лицомъ внизъ, не дышитъ и лучъ лампады едва достигаетъ до него. Беатриче уже открываетъ ротъ, чтобы спросить: Гвидо замѣтилъ это движеніе и испугался.... онъ посмотрѣлъ на нее, посмотрѣлъ на убитаго; глаза ея послѣдовали за взглядомъ Гвидо,—потомъ она подняла ихъ опять на Гвидо, но Гвидо уже исчезъ....

Страшная мысль сверкнула въ душѣ Беатриче. Забывъ дѣвственный стыдъ, она вскочила съ постели и не замѣчаетъ или не чувствуетъ, что ея босая нога ступила въ кровь, которою залитъ весь полъ. Она беретъ за голову убитаго, подымаетъ ее, это ея отецъ!

Губы его шевелятся въ предсмертныхъ конвульсіяхъ; глаза уже получили страшную неподвижность смерти. Беатриче остановилась съ протянутыми руками, съ опущеннымъ стономъ, окаменѣлая отъ испуга.... Глаза графа открылись, оживились, — бросаютъ ястребиный взглядъ, — потомъ приняли оловянный цвѣтъ.... погасли.... И его конецъ пришелъ.

Ужасъ всего, что было, подѣйствовалъ страшно на умъ Беатриче; если она и не потеряла еще разсудка, то пришла въ состояніе совершеннаго отупѣнія. Не помня себя, она стояла неподвижно, безъ мысли, безъ чувства. — Гвидо, какъ безумный, сбѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ залу, гдѣ находились синьора Лукреція, Бернардино, Олимпій и Марціо, и, кинувши далеко отъ себя окровавленный ножъ, закричалъ:

— Умеръ! умеръ!

— Зачѣмъ вы не предоставили намъ работу разсчитаться съ Ченчи? спросилъ Олимпій.

Марціо холодно прибавилъ:

— Въ этомъ надо удостовѣриться, — и отправился въ тюрьму.

Странная натура человѣка! Марціо, способный убить Ченчи съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ онъ читалъ молитвы, удалился въ смущеніи, какъ только замѣтилъ неприкрытую наготу Беатриче, сошелъ внизъ и предварилъ обо всемъ потихоньку мачиху. Та, поборовъ ужасъ, рѣшилась войти въ комнату преступленія. Она подошла къ Беатриче, назвала ее по имени; назвала разъ, другой; потрясла за плечи и, все-таки не получивъ никакого отвѣта, взяла за руку и увела за собою, набросивъ на нее упавшій плащъ графа. Беатриче предоставила увести себя, не противилась, когда ей стали мыть окровавленныя ноги, растирать спиртомъ, укладывать ее въ постель: она безсмысленно смотрѣла и не произносила ни одного слова. Рѣшили, что ей надо пустить кровь; но для этого не было нужныхъ инструментовъ, да и не знали, какъ взяться за дѣло: позвать цирульника было опасно, ее и оставили такъ, безъ помощи.

Въ это время Марціо, исполняя свой давнишній жестокій обѣтъ, вошелъ вмѣстѣ съ Олимпіемъ въ комнату, гдѣ лежалъ мертвецъ, схватилъ за волосы убитаго Ченчи и, вынувши кинжалъ, вонзилъ его въ лѣвый глазъ графа до самой рукоятки.

— Теперь я удостовѣрился!

— Въ этомъ и надобности не было, замѣтилъ Олимпій, толкнувъ пальцемъ въ разрѣзанное горло Ченчи: — посмотри, какая дыра! Изъ нея душа могла бы выѣхать даже въ каретѣ. Теперь подумаемъ-ка, что дѣлать съ нимъ? И, говоря это, онъ далъ пинка въ голову мертвеца.

— Отнесемъ его въ садъ и зароемъ въ землю...

— Ты съ ума сошелъ!—не довольно похоронить его; надо прежде всего, чтобъ онъ умеръ какимъ нибудь манеромъ, въ которомъ былъбы какой-нибудь здравый смыслъ. Поди-ка ты сюда, возьми его за ноги, а я возьму за голову, и отнесемъ его на террасу, что выходитъ въ садъ: я замѣтилъ, она ведетъ къ отхожимъ мѣстамъ, и на ней нѣтъ вовсе перилъ. Бѣдный баринъ! отправился ночью по своей надобности безъ огня... экая вѣдь неосторожность! Можетъ и онъ поѣлъ не въ мѣру за ужиномъ, и потомъ выпилъ вина больше обыкновеннаго. Посмотрите-ка, что значитъ судьба! онъ на бѣду себѣ поскользнулся и упалъ...

— Прекрасно, все какъ по маслу. Но человѣкъ, упавши съ высоты, сломаетъ себѣ шею, размозжитъ черепъ, а на немъ не бываетъ ранъ отъ остраго оружія.

— И это предвидѣно: мы бросимъ его на сучья дерева; воткнемъ концы сухихъ вѣтокъ въ раны и довольно. О чемъ тутъ много хлопотать! Кто умеръ, тотъ умеръ, и приказалъ долго жить тѣмъ, которые живы!

— Иногда покойники возвращаются, но впрочемъ твоя мысль нравится мнѣ.

Потолковавши, они сдѣлали все такъ, какъ придумалъ Олимпій.

Войдя въ домъ ночью черезъ окно, куда ихъ впустила донна Лукреція, когда всѣ уже спали, и потому ихъ никто не могъ видѣть, — они рѣшили выйти тѣмъ же путемъ. Гвидо пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ освободить Беатриче, но, будучи вынужденъ убить графа, онъ рѣшилъ не медля отправиться послѣ этого въ Римъ. Марціо и Олимпій въ ту же ночь пустились въ путь къ границѣ королевства, чтобы потомъ ѣхать въ Сицилію или Венецію: они получили двѣ тысячи цехиновъ, не считая обѣщаній будущихъ милостей и вѣчной признательности, которою фамилія Ченчи и монсиньоръ Гвидо никогда ихъ не оставятъ.

Доѣхавъ до остеріи делла-Феррата у подошвы горы, гдѣ былъ замокъ Рокка-Петрелла, Гвидо велѣлъ скорѣй осѣдлать свою лошадь. Приказаніе его было исполнено тотчасъ, и хозяинъ гостинницы, искоса поглядывавшій на него все время своими плутовскими глазами, сказалъ, подавая ему стремя:

— Эге, синьоръ! Третьяго дня, оставляя вашу лошадь здѣсь, вы сказали мнѣ, что отправляетесь въ Рокка-Рибальда на весь сентябрь: неужто вы въ два обѣда проглотили цѣлый мѣсяцъ? Господи помилуй!... Вотъ аппетитъ!

— Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

— Я скорѣе думаю, что вы отправились туда за тѣмъ, чтобы разыграть какую-нибудь трагедію: вы исполнили вашу роль и теперь возвращаетесь домой.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Ничего кромѣ того, что у васъ рукавъ въ крови...

Гвидо съ ужасомъ посмотрѣлъ на свой рукавъ и увидѣлъ, что это была правда. Онъ повернулся къ хозяину и, бросивъ на него сердитый взглядъ, сказалъ:

— Ужъ вы не начальникъ ли здѣшней полиціи?

— Вы удивляете меня, синьоръ. Я кумъ нѣкоего Марціо, котораго вы должны немножко знать; я заступаю мѣсто отца этимъ бѣднымъ ребятамъ, проживающимъ въ лѣсахъ; я естественный врагъ бѣдности, но я уважаемъ всѣми. Все это я хотѣлъ вамъ сказать для того, чтобы при случаѣ вы вспомнили о хозяинѣ делла-Феррата.

Гвидо вернулся въ комнату и остался въ ней гораздо долѣе, чѣмъ сколько требовалось, чтобы замыть рукавъ. Разставаясь съ трактир-

щикомъ, онъ дружески пожалъ ему руку и улыбался ему, точно старому слугѣ. Странныя связи дѣлаетъ преступленіе!

На слѣдующій день, Рокка-Петрелла огласилась рыданіями и воплями, которыя были тѣмъ шумнѣе, чѣмъ они были менѣе искренны. Жители деревни и окрестностей сбѣжались отовсюду посмотрѣть убитаго барона. Тѣло его не безъ намѣренія было оставлено довольно долго на деревѣ. Деревенскія кумушки, окруживъ дерево и глядя на трупъ, расказывали самыя необыкновенныя исторіи. Однѣ говорили, что этотъ старый грѣшникъ, отправляясь на поклоненіе дьяволу, поднялся на воздухъ верхомъ на метлѣ, какъ обыкновенно ѣздятъ вѣдьмы; но дорогой ему случилось произнести имя Іисуса, метла сломалась у него между ногами и онъ полетѣлъ внизъ, съ высоты четырехъ слишкомъ миль. Другія утверждали, что кончился срокъ, на который онъ продалъ свою душу дьяволу; и этотъ по праву явился за ней. Мнѣніе это подтверждалось тѣмъ обстоятельстомъ, что тѣло повисло на бузинѣ, которая, также какъ можжевельникъ, орѣхъ и другія подобныя деревья, посвящена злому духу. Мнѣніе это поколебала отчасти повивальная бабка, увѣрявшая, что выходя ночью изъ дома, по дѣламъ своего ремесла, она слышала большой шумъ въ воздухѣ и страшное мяуканье кошекъ на крышахъ; въ то же время летучая мышь потушила крыломъ ея фонарь: все это означало, что въ то время кто-то носился по воздуху. Словомъ, не перебрать всѣхъ чудесъ, которыя разсказывались въ тѣ времена въ подобныхъ случаяхъ и которымъ вѣрили не только бабы и мужики, но даже люди образованные и знаменитые юрисконсульты; о тогдашнихъ католическихъ патерахъ я не говорю; имъ довольно было, что этому вѣрятъ, и они сами прикидывались вѣрящими, находя въ томъ свою выгоду. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кумушекъ стояла группа людей, гдѣ ораторствовалъ патеръ и всѣ разсуждали, какимъ образомъ тѣло могло очутиться на воздухѣ; но разсужденія были прерваны приходомъ слуги отъ ея сіятельства графини, которая просила всѣхъ въ замокъ. Всѣ отправились и нашли донну Лукрецію неутѣшною, по обыкновенію всѣхъ вдовъ. Поговоривши съ ними и прерывая безпрестанно рѣчь свою слезами и вздохами, она велѣла патеру приготовить для покойника похороны самыя великолѣпныя, соотвѣтствующія знатному роду и могуществу фамиліи Ченчи; она обѣщала богатыя милостыни бѣднымъ, чтобы они молились за эту несчастную душу. Всѣ вышли растроганные милосердіемъ ея сіятельства и дорогой не переставали восхвалять ея щедрость и доброту. Когда пришли за тѣломъ графа, оно не только было снято съ дерева, но уже положено въ два дубовыхъ гроба накрѣпко заколоченные.

ГЛАВА XVIII.

Красный плащъ.

— Партія проиграна, смѣшаемъ карты.

— Послушай, донъ Олимпій, замѣтилъ ему картежникъ, подумай-ка, что ты сѣлъ играть прежде, чѣмъ заблаговѣстили къ вечерней ave Maria, а теперь вонъ звонятъ ужъ къ утренней.

— Покуда я затыкалъ тебѣ ротъ дукатами, ты небось не лаялъ, скверный Церберъ. Чортъ возьми! я проигралъ и эту; мнѣ сдавать.

— Мнѣ было бы гораздо пріятнѣе вашихъ денегъ, еслибъ вы убрались къ чорту, — какъ честный картежникъ...

— Если ты можешь устроить такъ, чтобъ эти слова могли хоть секунду ужиться вмѣстѣ... я... я даю тебѣ Сицилію, по ту и по другую сторону маяка.

— Ужъ больше семи часовъ прошло противъ срока назначеннаго вице-королемъ; и если полицейскій, который ужъ давно точитъ на меня зубы, узнаетъ, мнѣ только и останется привязать себѣ камень на шею да броситься въ море.

— Ахъ, ты мерзкій Іуда Искаріотскій! крикнулъ Олимпій, ударивъ кулакомъ объ столъ, такъ что полетѣли бутылки, стаканы и все, что на немъ было: — ты заговорилъ карты... я и эту проигралъ.

Картежникъ лгалъ по обыкновенію; полицейскій и онъ были заодно, какъ пальцы одной руки, всегда готовые захватить, что надо. У полицейскаго не было лучшаго шпіона для всего, что происходило въ его игорномъ домѣ, и даже въ окрестности. Плата за это гнусное ремесло состояла въ позволеніи имѣть карты безъ бандеролей.

— Теперь ужъ ничего не осталось... все проиграно.

— Не унывай, донъ Олимпій, завтра тебѣ повезетъ опять.

— Марціо прожужжалъ мнѣ уши тѣмъ, что моя часть вся вышла... и что его тысяча цехиновъ ужъ на исходѣ...

— Тысяча да тысяча—это двѣ тысячи. Да знаешь ли, донъ Олимпій, замѣтилъ игрокъ, что за двѣ тысячи цехиновъ можно здѣсь въ королевствѣ купить цѣлое герцогство? Какимъ образомъ ты выигралъ столько денегъ? Разскажи-ка мнѣ, какъ они тебѣ достались.

— Они мнѣ достались, какъ добыча, когда мы сражались за вѣру.

— За какую вѣру? спросилъ игрокъ; потому что, не въ обиду будь сказано, мнѣ кажется, будто ты бывалъ больше съ турками, чѣмъ съ христіанами. А въ какихъ моряхъ ты сражался, донъ Олимпій?

— О! въ разныхъ моряхъ.

— Въ какихъ же именно?

При такомъ допросѣ Олимпій непремѣнно далъ бы промахъ, еслибъ одинъ изъ игроковъ случайно не выручилъ его вопросомъ:

— Отчего ты никогда не приведешь съ собой твоего товарища Марціо?

— О! Марціо важничаетъ; онъ видится съ господами и корчитъ изъ себя герцога, словно мы и не маячили вмѣстѣ жизнь въ Луккскихъ лѣсахъ.

— Такъ ты, значитъ, добычу получилъ въ лѣсу, а не на морѣ, лукаво замѣтилъ игрокъ.

— Въ лѣсу-ли, на морѣ-ли, что тебѣ за дѣло, мерзкій Іуда? А! ты меня хочешь шпіонить? смутившись отвѣчалъ Олимпій. Игрокъ, который не шутя боялся этого гиганта, сдержалъ по-неволѣ свое любопытство.

Въ слѣдующій вечеръ Олимпій не садился по своему обыкновенію за карточный столъ, а удалился въ уголъ комнаты. Онъ сидѣлъ облокотившись и выпускалъ изо рта облака дыма одно за другимъ. Лицо его, мрачное и само по себѣ, казалось еще страшнѣе въ темнотѣ.

— Отчего ты не привелъ своего пріятеля Марціо?

Вопросъ этотъ кольнулъ его, какъ ножъ въ сердце. Онъ взбѣсился и наговорилъ лишняго:

— Потому что онъ въ красномъ плащѣ; онъ воображаетъ, что онъ самъ графъ Ченчи, у котораго онъ укралъ плащъ...

— Ну, успокойся, не сердись! сказалъ игрокъ, ставя передъ нимъ! стаканъ вина...

Олимпій выпилъ залпомъ и, вздыхая, поставилъ на столъ стаканъ.

— Ты не любишь меня, говорилъ ему игрокъ, и дурно дѣлаешь; а я бы далъ тебѣ въ займы двѣнадцать дукатовъ, чтобы отъиграться...

— Ктожъ тебѣ сказалъ, что я не люблю тебя? Я люблю тебя больше хлѣба.

— А этотъ Марціо, котораго ты чтишь какъ своего начальника, обижаетъ тебя и не даетъ тебѣ денегъ...

— Представь себѣ! Знаешь ли, что онъ отвѣтилъ мнѣ, когда я сказалъ ему, что у меня нѣтъ денегъ? Если ты бѣденъ, такъ повѣсься

— Онъ это сказалъ тебѣ?

— Да! и спрашивалъ меня: куда я намѣренъ отправиться: если ты пойдешь, говоритъ, на востокъ, то я пойду на западъ...

— Это способно заставить камень содрогнуться, говорилъ игрокъ и, дѣлая видъ, будто пьетъ, передавалъ полный стаканъ Олимпію, который выпилъ его залпомъ. Да, братъ, продолжалъ онъ: такова-то людская неблагодарность! Пока ты имъ нуженъ, они сулятъ тебѣ золотыя горы, прошла нужда, и думать позабыли...

— Твоя правда! твоя правда!

— Чтожъ ты будешь дѣлать теперь? Если я могу чѣмъ помочь тебѣ, скажи только: ты увидишь, что я для друзей готовъ кинуться въ огонь въ одной рубашкѣ. О людяхъ слѣдуетъ говорить то же, что о лошадяхъ: я посмотрю на поворотѣ, каковъ ты?... выпьемъ...

— Выпьемъ! отвѣчалъ Олимпій, и выпивши, обтерся рукой и продолжалъ:

— Не знаю, что и дѣлать. Еслибъ ты могъ какъ-нибудь доставить надежное письмо въ Римъ фамиліи Ченчи, — я увѣренъ, что эти не оставятъ меня безъ помощи... потому что они должны помочь мнѣ...

— Да, вотъ какъ? замѣтилъ игрокъ и навострилъ уши, какъ заяцъ, который прислушивается. Лицо его прояснилось и выражало радость, какъ у плотояднаго животнаго, когда, спрятавшись въ сумеркахъ, оно видитъ или слышитъ приближеніе добычи.

Олимпій лгалъ, приписывая Марціо обидныя слова; было совершенно на оборотъ: онъ съ участіемъ сказалъ ему, что его тысяча цехиновъ, ужъ нѣсколько дней назадъ, кончены, и что, такъ какъ по его мнѣнію, имъ необходимо скорѣе выбраться изъ королевства, то онъ не согласенъ допустить Олимпія быть обобрану игроками или растратить по харчевнямъ необходимыя на дорогу деньги. Но Олимпій лгалъ нарочно и обвинялъ другаго для того, чтобъ оправдать себя.

Однако Марціо, подумавши, нашелъ, что поступилъ неблагоразумно, и что опасно раздражать Олимпія, который сдѣлался еще хуже прежняго, благодаря жизни и разврату большаго города. Онъ рѣшился отыскать Олимпія и смягчить его, пока они не выберутся изъ королевства, что онъ намѣренъ былъ сдѣлать очень скоро. Зная, въ какой игорный домъ ходитъ обыкновенно Олимпій, онъ отправился туда.

— Должны! проговорилъ игрокъ, — да развѣ графы Ченчи твои банкиры, Олимпій?

— Имъ нужно быть ими...

— Понимаю, ты вѣрно отправилъ спать какого-нибудь врага ихъ дома?...

— За такія дѣла не даются пенсіи...

— Такъ за что же?

— Дѣло поважнѣе этого... гораздо важнѣе... тайна сидитъ здѣсь... и для того, чтобъ крышка была хорошо закрыта, надо наложить на нее серебрянную печать...

— Да?... А ты повѣришь мнѣ эту тайну?...

— Я знаю... кто убилъ графа Ченчи...

— О! воскликнули хоромъ всѣ игроки, видя входящаго человѣка съ вѣжливыми манерами и завернутаго въ великолѣпный красный плащъ съ золотою каймою: — добро пожаловать, донъ Марціо!

Марціо былъ не мало удивленъ, когда услышалъ свое имя; онъ осмотрѣлся кругомъ, и глаза его остановились на Олимпіи, котораго лицо немного перекосилось. Тѣмъ не менѣе, Олимпій остался въ своемъ прежнемъ положеніи и бормоталъ что-то, по-видимому не обращая вниманія на Марціо.

— Я очень радъ, что эти господа меня знаютъ.

— Донъ Марціо, сказалъ игрокъ, подходя къ нему,—хочешь снять свой плащъ? Клянусь Богомъ, онъ стоитъ того, чтобъ ты о немъ заботился, потому что онъ очень похожъ на наслѣдство какого нибудь князя, маркиза или, по крайней мѣрѣ, графа.

Марціо посмотрѣлъ еще разъ на Олимпія, но тотъ оставался неподвижнымъ. Онъ снялъ свой плащъ и сѣлъ играть. Такъ какъ онъ зналъ хорошо всѣ тайны шулерской игры и былъ на сторожѣ, то битва происходила между корсаромъ и пиратомъ. Игроки, привыкшіе къ легкимъ побѣдамъ надъ Олимпіемъ, на этотъ разъ съ трудомъ могли вложить шпагу въ ножны. Поигравши нѣсколько времени, Марціо взялъ плащъ и вышелъ, обѣщая вернуться на слѣдующій день, и оставилъ Олимпія обманутымъ въ ожиданіи, будто онъ будетъ его упрашивать помириться и принять сорокъ дукатовъ на этотъ вечеръ. Марціо, видя грубость Олимпія, обидѣлся и рѣшился болѣе не подвергаться униженію умасливать его. Онъ шелъ домой съ тѣмъ, чтобы собрать свои вещи и на другой день на зарѣ выѣхать изъ Неаполя.

Олимпій, имѣвшій непреклонный видъ до тѣхъ поръ, пока надѣялся, что съ нимъ будутъ искать примиренія, чувствовалъ себя теперь униженнымъ. Онъ поспѣшилъ выйти и догнать Марціо. Игрокъ тоже не остался долго и послѣдовалъ за ними, прыгая за ними какъ сорока съ подрѣзанными крыльями, которая скачетъ, скачетъ, потомъ вдругъ остановится, подозрительно осматриваясь во всѣ стороны, и опять заскачетъ бочкомъ. Марціо, услышавъ за собою скорые шаги, сунулъ руку подъ плащъ, ухватился за кинжалъ, и неожиданно остановившись, громко спросилъ:

— Кто идетъ!

— Это я, Марціо, не бойтесь; я догналъ васъ не съ дурнымъ намѣреніемъ.

— Съ дурнымъ или хорошимъ, мнѣ нѣтъ дѣла. Чего вы хотите отъ меня?

— Не сердитесь; пойдемте дальше, если хотите, и поговоримъ на свободѣ.

Они пошли впередъ. Игрокъ послѣдовалъ за ними.

— На что это похоже, началъ Олимпій, оставлять меня безъ одного байока? По пріятельски ли это? Вы спасли меня отъ голода для того, чтобы потомъ заморить жаждой.

— Олимпій, я говорилъ вамъ тысячу разъ, чтобы вы приходили когда угодно ко мнѣ въ домъ, гдѣ нѣтъ недостатка ни въ пищѣ, ни въ питьѣ. Но я не соглашусь никогда, чтобы вы мои деньги мотали на вино, на карты и на другіе еще худшіе пороки. Вы уже свою часть истратили всю; я сдалъ вамъ счеты и доказалъ, что вы забрали изъ моихъ денегъ болѣе двухъ сотъ дукатовъ; вы и сами не могли отказаться отъ этого. Теперь, по какому праву требуете вы отъ меня денегъ? Я денегъ дамъ вамъ только на дорогу, и совѣтую вамъ выбираться скорѣй отсюда, потому что нѣсколько словъ, сказанныхъ игрокомъ, заставляютъ меня думать, что намъ опасно оставаться здѣсь долѣе. Олимпій, Олимпій, я очень боюсь, что вы сдѣлали какую нибудь большую неосторожность и что вы погубите и себя, и меня...

— Какъ не такъ! Вѣдь я не вчера родился...

— Не скрытничайте, Олимпій, потому что очень можетъ быть, что тайна уже болѣе не принадлежитъ ни вамъ, ни мнѣ, а мнѣ всегда приходится чинить ваши прорѣхи; подумайте, что дѣло идетъ о нашей жизни.

Олимпій хорошо помнилъ, что проговорился; слова Марціо подѣйствовали на него; ему стало не на шутку страшно, и онъ началъ говорить прерывающимся голосомъ:

— Теперь, какъ я припоминаю хорошенько... правда... милый Марціо, надо чтобы вы помогли мнѣ поднять спущенную петлю... Ну, чтожь дѣлать? Я былъ внѣ себя отъ злости! Однимъ словомъ... у меня сорвалось... съ языка... что-то... что можетъ заставить подозрѣвать насъ обоихъ въ убійствѣ графа Ченчи...

— Вы смѣетесь? Да, если такъ, вѣдь мы погибли.

— Нѣтъ... я говорю серьезно... но тѣ, которые слышали меня, кажется, всѣ хорошіе люди. Но все таки было бы лучше, еслибъ я не говорилъ... ахъ, еслибъ можно было устроить такъ, чтобъ они забыли... или въ крайнемъ случаѣ, чтобъ не могли больше говорить...

— Какъ? Письма запечатываютъ сургучомъ, ротъ надо запечатывать свинцомъ...

— Ахъ? еслибъ можно, это короче всего... можно и желѣзомъ...

— Я и самъ такъ думаю, — сказалъ Марціо и искоса посмотрѣлъ на Олимпія, но ему показалось, что тотъ также на сторожѣ. Онъ прислушался: кругомъ мертвая тишина. Шпіонъ шелъ такъ тихо, что пульсъ чахоточнаго бываетъ слышнѣе. Между тѣмъ они дошли до часовни, гдѣ передъ образомъ мадонны горѣла лампада: Олимпій поднялъ руку, чтобъ снять шляпу передъ образомъ; Марціо съ быстротою молніи схватилъ кинжалъ и вонзилъ ему въ животъ до рукоятки. Олимпій упалъ, вскрикнувъ:

— Марціо, что ты дѣлаешь? О, святая Дѣва, помоги мнѣ!

Марціо наскочилъ на него, говоря:

— Ты самъ осудилъ себя, Олимпій, когда сказалъ, что болтливый ротъ запечатываютъ желѣзомъ; и дай Богъ, чтобъ этого было достаточно. Онъ собирался доканать Олимпія, но видя, что тотъ готовъ испустить духъ, обтеръ кинжалъ о платье убитаго, перекрестился передъ образомъ и произнесъ:

— Настанетъ день, когда я долженъ буду дать отвѣтъ за эту кровь; но ты, Матерь Божія, знаешь, за себя ли я пролилъ ее. Еслибъ я не сдѣлалъ этого, онъ погубилъ бы цѣлое семейство и дѣвушку.

Онъ продолжалъ свой путь, точно какъ будто прочелъ передъ образомъ молитву, а не сдѣлалъ убійство. Несчастная и отвратительная смѣсь набожности и звѣрства, слишкомъ обыкновенная въ тѣ времена! Пришедши въ гостинницу, онъ собрался въ дорогу, положилъ на столъ слѣдующія за постой деньги и, когда всѣ уснули, отправился въ другую гостинницу, съ намѣреніемъ уѣхать на первомъ отплывавшемъ кораблѣ.

Шпіонъ, видѣвшій все издали, подбѣжалъ къ Олимпію, но засталъ его уже при послѣднемъ издыханіи.

Онъ отправился бѣгомъ въ одинъ изъ темныхъ закоулковъ въ центрѣ города и постучался особеннымъ образомъ въ потаенную дверь одного дворца. Дверь открылась и закрылась за нимъ осторожно и тихо, какъ пасть волка, проглотившая курицу.

На другой день еще до зари Марціо былъ на молѣ; не найдя другаго судна, кромѣ барки, которая отправлялась въ Трапани, онъ скоро условился о цѣнѣ съ хозяиномъ, и уже всходилъ по лѣстницѣ на барку, какъ вдругъ его красный плащъ упалъ въ море. Надо было пустить въ ходъ багоръ, чтобъ вытащить его; матросамъ не удалось зацѣпить съ разу, они попробовали другой и третій разъ. Покуда они за этимъ теряли время, стая воронъ показалась вдали и направилась прямо на барку. Марціо, у котораго было удивительное зрѣніе, завидѣлъ вдали вчерашняго игрока; а тотъ съ своей стороны открылъ уже красный плащъ и его владѣльца. Марціо кричалъ матросамъ, чтобъ они бросили злополучный плащъ и отчаливали скорѣй; но было уже поздно.

— Остановись, барка, по приказанію вице-короля!

Барка осталась неподвижною, и сбирры взошли на нее какъ разъ во время, чтобъ успѣть схватить за фалды Марціо въ то самое мгновеніе, когда онъ уже готовъ былъ кинуться въ море.

— Богу не угодно было! сказалъ онъ, и далъ себя связать безъ сопротивленія. Чтобъ не сбѣжался народъ и чтобъ не дѣлать шуму, сбирры, слѣдуя старому обыкновенію дѣлать всё тайно, надѣли на него красный плащъ, выжавъ изъ него воду, и такимъ образомъ покры-

ли руки, на которыхъ уже были цѣпи: два сбирра шли рядомъ съ нимъ, въ качествѣ слугъ: другіе сопровождали его издали.

— Эчеленца! коршуны вернулись съ добычи.

Такимъ образомъ докладывалъ слуга, походившій по наружности и по манерамъ разомъ на сбирра и на писаря. Слова эти, сказанныя въ замочную скважину, подняли съ постели два существа. Одно изъ нихъ былъ мужчина длинный, худой, съ лицомъ желтымъ, какъ лампадное масло, и до того изрытымъ оспой, что походило на пармезанъ. Другое существо была женщина. Ея сѣдые волосы вились и торчали во всѣ стороны, точно они всю ночь боролись между собою. Одѣваясь торопливо, мужчина говорилъ:

— Кармина, сердце мое, я надѣюсь, что это дѣло возвратитъ мнѣ милость вице-короля.

— Радость моя, вамъ надо во что бы то ни стало отличиться передъ вице-королемъ, тѣмъ болѣе, что я уже замѣтила, какъ вашъ негодный помощникъ старается всѣми средствами спихнуть васъ. Въ послѣдній разъ, когда вице-король пріѣзжалъ въ викаріатъ, васъ къ несчастію не было и помощникъ прислуживался ему до послѣдней ступеньки лѣстницы, а когда его свѣтлость входилъ въ карету, то такъ согнулся передъ нимъ, что всею своею фигурою говорилъ: я былъ бы счастливъ, еслибъ ваша свѣтлость поставила ногу на мою шею вмѣсто подножки. Еслибъ вы были тутъ, мое сердце, честь эта выпала бы на вашу долю.

— И онъ сказалъ вице-королю эти именно слова?

— Сказалъ! По крайней мѣрѣ мнѣ издали казалось, что онъ ихъ говорилъ.

— Счастливецъ...

— И въ прошлое воскресенье, когда я встрѣтила въ обѣдню эту скверную старуху, жену его, она прошла мимо меня, не кланяясь, и даже я замѣтила, что она насмѣшливо улыбалась. Смотрите же, душа моя, не упускайте ни одного случая, чтобы возвратить себѣ милость вице-короля: вѣшайте и четвертуйте, только бы угодить ему.

Викарій отправился въ комнату присутствія.

На звонокъ его ввели преступника.

Викарій сидѣлъ за длиннымъ столомъ, по обѣимъ сторонамъ его сидѣли нотаріусы, кругомъ были разложены всѣ инструменты пытки,

— Марціо Спозито, произнесъ викарій: васъ обвиняютъ, и произведенное слѣдствіе подтверждаетъ обвиненіе, во-первыхъ, въ томъ, что вы, съ сообщникомъ вашимъ Олимпіемъ Жерако, убили варварскимъ образомъ знатнѣйшаго графа Франческо Ченчи, римскаго дворянина, въ Рокка-Петрелла, на границѣ королевства; во-вторыхъ, что убійство это сдѣлано вами по приказанію *всѣхъ* или *нѣкоторыхъ* изъ

членовъ семейства графа Ченчи; въ третьихъ, что за убійство вы получили двѣ тысячи цехиновъ, изъ которыхъ одну для себя, а другую для вашего товарища, Олимпія; въ четвертыхъ, что вы украли у графа Ченчи красный плащъ, обшитый золотомъ, который былъ на васъ въ минуту арестованія; и наконецъ, въ пятыхъ, что въ прошлую ночь вы измѣннически убили сообщника вашего Олимпія острымъ орудіемъ, нанеся ему четыре удара, отъ которыхъ онъ умеръ въ ту же минуту. На эти пять пунктовъ вы должны отвѣчать, давши предварительно клятву говорить правду. И это вы должны сдѣлать не потому, чтобъ судъ нуждался въ большемъ удостовѣреніи, но для вашего собственнаго блага въ этой жизни и въ будущей и для исполненія буквы закона, который этого требуетъ. Господинъ нотаріусъ прочтетъ вамъ клятву.

Нотаріусъ, сидѣвшій по лѣвую сторону, взялъ распятіе и произнесъ:

— Говорите: клянусь на распятіи Христовомъ...

— Я не буду клясться...

— Какъ не будете, когда всѣ клянутся?

— И всѣ лгутъ. Развѣ естественная по вашему вещь, чтобъ человѣкъ произнесъ добровольно свой смертный приговоръ?

— Но вы избѣжали бы пытки, замѣтилъ нотаріусъ.

— А вамъ какое дѣло, если онъ хочетъ ее испробовать? вмѣшался викарій. Онъ въ своемъ правѣ, и никто не можетъ помѣшать ему въ этомъ. Мастеръ Гіацинтъ, теперь ваше дѣло.

Палачъ, котораго звали мастеромъ Гіацинтомъ, мигомъ раздѣлъ несчастнаго, связалъ его и за руки поднялъ къ потолку.

Марціо вытерпѣлъ страшныя муки, не испустивъ даже вздоха; только когда его потихоньку спускали на полъ, бѣсъ его шепталъ ему въ уши: «чего ты ждешь?» И въ памяти его какъ въ зеркалѣ отразилась его вся жизнь: онъ обманутъ друзьями, преслѣдуемъ людьми въ самыхъ дорогихъ привязанностяхъ; сыновняя любовь сдѣлала его бандитомъ; любовь къ женщинѣ—лукавымъ и притворнымъ; любовь къ Беатриче—убійцей. Какого рода была эта послѣдняя любовь? Онъ самъ не понималъ ясно: часто случалось ему начать думать объ Анетѣ, а кончить Беатриче, или наоборотъ; душа его блуждала между отчаянною любовью и любовью невозможною. Отъ постоянной, гнетущей скорби онъ изчахъ и потерялъ охоту ко всему. Часто, прислонившись къ утесу, онъ апатично лежалъ цѣлые часы на берегу Неаполитанскаго залива и глядѣлъ на гладкую поверхность воды. Онъ чувствовалъ слабость во всѣхъ членахъ; лобъ и руки были постоянно покрыты холоднымъ потомъ; его душилъ кашель; кровохарканье и розовыя пятна на щекахъ слишкомъ ясно доказывали ему,

что дни его сочтены. Не разъ, съ бритвой или пистолетомъ въ рукахъ, онъ готовъ былъ положить конецъ жизни, исполненной несчастій и преступленій; но желаніе видѣть прежде Беатриче счастливой и покойной удерживало его всякій разъ: онъ дѣйствительно объяснялъ себѣ этимъ однимъ предлогомъ животный инстинктъ самосохраненія, усиленный вдобавокъ физической слабостью. Въ Марціо умерла большая часть его самого, много жизни и храбрости исчезло въ немъ. Это послѣднее испытаніе, хотя онъ вынесъ его стойко, такъ ослабило его, что онъ желалъ смерти, какъ высшаго блага.

— Черезъ четверть часа, сказалъ викарій Гіацинту, какъ только опустили Марціо,—ты повторишь пытку cum squasso. Если онъ захочетъ пить—дать ему воды съ уксусомъ; и, говоря это, онъ всталъ и хотѣлъ уйти.

— Викарій! произнесъ Марціо слабымъ голосомъ, удерживая слезы:—если я сознаюсь во всемъ, могу я надѣяться на одну милость?...

— Сынъ мой, съ нѣжностью сказалъ викарій, поспѣшно подходя къ нему:—я сдѣлаю все, что могу: я буду просить за тебя вице-короля. Герцогъ великодушенъ и щедръ на милости. Нотаріусъ! запишите скорѣй, что обвиненный согласился во всемъ сознаться, значитъ обвиненіе справедливо. Это огромный шагъ впередъ въ процессѣ, и котораго уже нельзя скрыть. Ну, сынъ мой, такъ ты говоришь?...

— Милость, о которой я хочу просить, можетъ быть не такая, какъ вы полагаете...

— Чегожъ ты хочешь? Говори скорѣй, милый мой, открой мнѣ свое сердце, все равно, какъ еслибъ ты исповѣдывался своему родному отцу.

— Я желалъ бы, чтобъ меня тотчасъ казнили, какъ только я сознаюсь въ своихъ преступленіяхъ.

— Въ этомъ безъ сомнѣнія тебѣ не откажетъ милостивѣйшій вице-король... и я помогу тебѣ...

— Только я желалъ бы умереть не на висѣлицѣ... а чтобъ мнѣ отрубили голову...

— Если ты только этого хочешь,—вмѣшался Гіацинтъ, который не могъ заставить себя молчать, когда говорилось о вещахъ, близко относившихся къ его ремеслу,—у вице-короля сердце Цезаря въ подобныхъ случаяхъ...

— Молчать! строго крикнулъ викарій—это не твое дѣло!

— А я думалъ, что это-то именно и есть мое дѣло... должно быть я ошибся... извините, Эчеленца!..

— Слушай, обратился викарій къ Марціо: — что касается до первой твоей просьбы, — быть тотчасъ казненнымъ, будь спокоенъ, я это беру на себя; но о второй надо испросить разрѣшенія вице-ко-

роля: это не малое преимущество — имѣть отрубленную голову! Это преимущество принадлежитъ здѣсь однимъ дворянамъ, которые очень держатся за свое право: но для тебя я готовъ сдѣлать все и буду лично просить вице-короля... Ну, говори же, сынъ мой... что ты хотѣлъ сказать...

Марціо склонилъ голову на плечо, и изъ закрытыхъ глазъ его текли слезы... вырванныя пыткой...

— Говори же, другъ мой, продолжалъ викарій, не бойся... сознавайся...

Марціо, казалось, былъ въ усыпленіи и не отвѣчалъ. Тогда викарій сурово схватилъ его за руку: онъ вздрогнулъ, открылъ глаза и болѣзненно спросилъ:

— Чего вы хотите отъ меня?

— Исполни свое обѣщаніе, исповѣдуйся.

— Какъ! сейчасъ? А гдѣ же священникъ?

— Тутъ дѣло идетъ не объ исповѣди церковной; ее ты сдѣлаешь позже, другъ мой; теперь нужна исповѣдь передъ судомъ.

— Въ чемъ же я долженъ исповѣдаться?

— Какъ, въ чемъ! Въ томъ, что я прочелъ тебѣ, другъ мой; хочешь, я еще разъ прочту?

— Охъ! нѣтъ, хорошо, я стою смерти.

— Такъ сознавайся же скорѣй и согласись, что обвинительный актъ вѣренъ.

— Хорошо, все что хотите, лишь бы мнѣ скорѣй умереть.

— Попробуй-ка, миленькій мой, не можешь ли ты подписать бумагу: ребята, дайте-ка мнѣ перо... да смотрите, чтобъ оно было хорошо очинено... обмокните хорошенько въ чернила... Возьми, Марціо, и если въ жизни у тебя не было счастья, покажи, что у тебя есть характеръ передъ смертью.

Но пальцы Марціо, неподвижные отъ боли, выпустили перо изъ рукъ; и онъ, судорожно зѣвнувъ, проворчалъ:

— О, какъ лѣсные убійцы добрѣе судебныхъ убійцъ! я не могу подписать...

— И въ правду, Гіацинтъ, ты могъ бы обойтись съ нимъ почеловѣчнѣе!... сказалъ Викарій палачу съ упрекомъ.

— Что вы говорите, Эчеленца? Я сдѣлалъ все такъ нѣжно, что еслибъ мнѣ пришлось васъ пытать, я не могъ бы поступить ласковѣе.

Викарій, весь поглощенный Марціо, не обратилъ вниманія на послѣднія слова. Когда всѣ его усилія не могли заставить Марціо подписать, онъ велѣлъ закончить обвинительный актъ обыкновенной формулой, замѣняющей подпись обвиненнаго. Когда бумага была подпи-

сана и запечатана, онъ положилъ ее себѣ на грудь и, обращаясь къ сторожамъ, сказалъ:

— Заботьтесь объ этомъ несчастномъ: помните, что онъ такой же крещеный человѣкъ, какъ и вы, и что если человѣческій судъ не можетъ простить его, то божескій можетъ это сдѣлать. И кто знаетъ? можетъ, его заступничество пригодится и намъ на томъ свѣтѣ: не забывайте о добромъ разбойникѣ на крестѣ. Дайте ему вина, бульону:— смотрите, не лишайте его ничего.. надо, чтобъ онъ еще покуда прожилъ.

Марціо впалъ въ прежнее летаргическое состояніе.

Ну, не добрый ли человѣкъ викарій? Онъ истинно полюбилъ Марціо; и полюбилъ его по многимъ причинамъ, изъ которыхъ одна была лучше другой: изъ-за него онъ имѣлъ случай явиться торжествующимъ передъ вице-королемъ; изъ-за него онъ надѣялся возвратить его потерянную милость; изъ-за него онъ могъ дать щелчокъ своему ненавистному помощнику. Какъ же ему было не любить Марціо отъ всей души?

ГЛАВА XIX.

Тюрьма.

Беатриче любила осеннее солнце, когда оно на закатѣ бросало длинныя тѣни... Часто она отправлялась съ донной Луизой, которую полюбила какъ сестру и уважала какъ мать, гулять по улицамъ Рима, сопровождаемая лакеями, по обычаю знатныхъ римскихъ патриціанокъ. Разъ какъ-то, гуляя безъ цѣли, они направились съ площади Фарнезе въ одну изъ выходящихъ на нее улицъ. На серединѣ этой улицы взглядъ Беатриче остановился на большомъ зданіи безъ оконъ, съ одною только дверью, которая была до того низка, что надо было сильно согнуться, чтобы пройти въ нее.

Надъ дверью былъ высѣченъ изъ мрамора Христосъ, съ распростертыми руками, словно говорившій страдальцамъ, которые сходили въ нее: «когда страданья будутъ одолѣвать тебя, если ты невиненъ, вспомни, что я пострадалъ невинно; если ты виновенъ, знай, что когда бы ты ни обратилъ ко мнѣ свое раскаявшееся сердце, мои объятія готовы принять тебя».

Въ этотъ день дулъ широкко и воздухъ былъ полонъ влажныхъ испареній. Стѣны были мокры отъ сырости. Беатриче смотрѣла на это болѣе обыкновеннаго мрачное зданіе и, узнавъ, что это тюрьма Корте-Савелла, взяла за руку свою невѣстку и проговорила:

— Не правда ли, она точно плачетъ?

— Кто?

— Эта тюрьма.

— Конечно, много проливается слезъ въ ней; и еслибъ избытокъ ихъ проникъ сквозь стѣны, я не удивилась бы этому.

— А эта трава въ трещинахъ! Это точно молитвы заключенныхъ, которыя съ трудомъ пробиваются сквозь стѣны?...

— Да. И такъ же какъ трава эта лѣпится по стѣнамъ, обдуваемая вѣтромъ и палимая солнцемъ, такъ молитвы заключенныхъ обращаются къ прохожимъ, чтобъ напомнить о тѣхъ, которые страдаютъ въ этихъ стѣнахъ, и вызвать къ нимъ сожалѣніе.

— Луиза! А зачѣмъ эти мѣшочки спущенные на веревкахъ?

Проходившій въ эту минуту римскій плебей, съ размашистыми движеніями и всегда готовый на острое словцо, услышавъ вопросъ молодой дѣвушки, отвѣтилъ мимоходомъ:

— А это сѣти, разставленныя узниками, чтобы ловить милостыню у прохожихъ; но въ теперешнія времена милостыня не ловится ни на лету, ни на ходу...

Другой плебей прибавилъ:

— Ты не то говоришь. Эти мѣшки, вѣчно пустые, изображаютъ благодѣянія поповъ, которыми они, какъ грудью безъ молока, кормятъ народъ.

Луиза и Беатриче высыпали въ эти мѣшки всѣ деньги, какія у нихъ были, удостовѣрившись сначала, что ихъ никто не видитъ, и пошли дальше.

— Не деньги, замѣтила Беатриче, но сознаніе, что о нихъ думаютъ и помогаютъ, какъ могутъ, должно быть великимъ утѣшеніемъ для этихъ несчастныхъ.

— Да, отвѣтила Луиза, я воображаю, какимъ утѣшеніемъ должно отозваться участіе въ сердцахъ этихъ бѣдныхъ, заживо похороненныхъ людей... но я не желала бы испытать этого утѣшенія.

— Не дай Боже, вздрогнувъ, прошептала Беатриче.

Ведя такіе грустные разговоры, онѣ дошли до дому. Донъ Джакомо съ семействомъ поселился во дворцѣ Ченчи, и они жили тамъ всѣ вмѣстѣ, одни спокойные, другіе въ вѣчномъ страхѣ, а Беатриче съ отчаяніемъ въ сердцѣ, отчаяніемъ, которое она всячески старалась скрывать, и съ предчувствіемъ неминуемаго несчастія.

Обыкновенно по вечерамъ во дворцѣ Ченчи собирались многочисленные друзья или родные; но въ этотъ вечеръ не пришелъ никто. Собравшаяся вмѣстѣ семья старалась поддерживать живой разговоръ; но вопросъ или предложеніе часто оставались безъ отвѣта, и разговоръ не клеился. Всѣ они чувствовали усталость вмѣсто удоволь-

ствія; каждый изъ нихъ желалъ бы остаться наединѣ съ своими мыслями; но едва воцарялось молчаніе, одиночество тотчасъ начинало пугать ихъ. Изъ другихъ комнатъ слышались шумныя, безпечныя игры дѣтей и заставляли вздрагивать, какъ взрывъ смѣха во время похоронъ... Семья несвязнымъ разговоромъ старалась заглушить грустныя мысли.

— Однако я замѣчаю, говорила донна Луиза, что нами овладѣваетъ мрачное настроеніе. Давайте читать Орланда; можетъ быть эти чудныя фантазіи развлекутъ наше воображеніе.

— Хорошо, сказали въ одинъ голосъ Беатриче и Джакомо.

Донна Луиза взяла книгу и готова была начать чтеніе. Но въ эту минуту у двери показался монсиньоръ Гвидо Гверро.

— Добро пожаловать, нашъ милый Гвидо, сказалъ Джакомо, протягивая ему руки.

Въ семействѣ Ченчи на Гвидо смотрѣли, какъ на роднаго, и считали его женихомъ Беатриче. Извѣстіе это переходило изъ устъ въ уста между римской молодежью, которая завидовала его счастью.

Гвидо весело подошелъ къ Беатриче и хотѣлъ поцаловать ей руку. Но она вмѣсто того, чтобъ протянуть ему ее, встала съ видомъ рѣшимости и сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ послѣдовалъ за ней. Потомъ она повела его въ амбразуру окна, гдѣ широкая занавѣсь закрыла ихъ отъ всѣхъ.

Они остались тамъ одну минуту, и когда вышли изъ амбразуры одинъ за другимъ, на лицахъ ихъ было видно, что вмѣсто того, чтобъ тѣснѣе связать узы любви, они разорвали ихъ навсегда. Одно слово Беатриче разрубило какъ ударомъ топора цѣпь любви, за которую они оба держались: пожавши руку убійцы отца, развѣ она не дѣлалась уже черезъ то сообщницею преступленія! Она такъ думала и такъ сказала теперь своему возлюбленному.

Пораженный Гвидо воспользовался какимъ-то предлогомъ, чтобы скорѣе удалиться, стараясь всячески скрыть свое горе. Донна Луиза замѣтила смущеніе молодаго человѣка и, приписывая его одной изъ тѣхъ минутныхъ ссоръ, которыя только усиливаютъ любовь, шутя замѣтила:

— Беатриче! Беатриче! берегись съ такой легкостью отбрасывать червоннаго короля; помни, что отъ одной, необдуманно брошенной карты, иногда проигрываютъ партію.

Какъ только Гвидо завернулъ за уголъ, онъ встрѣтилъ своего вѣрнаго слугу, который шелъ въ попыхахъ къ нему навстрѣчу.

— Монсиньоръ, сказалъ онъ поровнявшись съ нимъ: — преосвященнѣйшій кардиналъ Маффео прислалъ губернаторскаго курьера съ

приказаніемъ отыскать васъ, гдѣ бы вы ни были, и вручить вамъ эти шпоры.

— Шпоры! и больше онъ ничего не велѣлъ сказать?

— Ничего; онъ сказалъ только, что кардиналъ, вернувшись изъ деревни, засталъ у себя во дворцѣ монсиньора Таверна, съ которымъ онъ долго оставался наединѣ, запершись въ кабинетѣ; потомъ онъ вышелъ, далъ курьеру шпоры и велѣлъ скорѣй отвезти ихъ вашей милости. Послѣ того опять заперся въ кабинетѣ съ монсиньоромъ.

Гвидо призадумался; и, немного погодя, точно озаренный какою-то мыслію, воскликнулъ:

— Понимаю!

Въ домѣ Ченчи, послѣ ухода Гвидо, всѣ оставались еще нѣсколько времени вмѣстѣ, но никто не произнесъ ни слова. Дѣтей отвели спать, и съ ихъ отсутствіемъ воцарилось глубокое молчаніе, прерываемое только шелестомъ занавѣсей, едва колеблемыхъ легкимъ вѣтромъ. Всѣмъ хотѣлось разойтись, и ни у кого не доставало духу уйдти первому; вдругъ послышался глухой шумъ, который все приближался; наконецъ раздались шаги цѣлой толпы людей и бряцанье оружія.

Донъ Джакомо всталъ и направился съ удивленіемъ и со страхомъ къ дверямъ, чтобы узнать, что это значило? Но едва успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ двери съ шумомъ открылись, и толпа сбирровъ наводнила не только комнату, въ которой находилось семейство Ченчи, но и весь дворецъ. Нѣкоторые остановились на порогѣ, съ обнаженными шпагами, преграждая выходъ изъ комнатъ.

— Вы арестованы по приказанію монсиньора Таверна, крикнулъ, подпершись руками въ бока, маленькій сгорбленный человѣчекъ, имѣвшій въ этомъ положеніи подобіе крючка.

— За что? спросилъ донъ Джакомо голосомъ, который онъ тщетно старался сдѣлать спокойнымъ.

— Вы узнаете это въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, на допросѣ. А теперь съ вашего позволенія....

Послѣднія слова были впрочемъ сказаны въ насмѣшку, потому что онъ еще не кончилъ фразы, какъ уже обшарилъ Джакомо руками съ головы до ногъ. Удостовѣрившись такимъ образомъ, что на немъ не было ничего, ни даже ладонки, онъ спросилъ, какъ бы издѣваясь надъ нимъ:

— Есть на васъ оружіе?... Признавайтесь, лучше будетъ для васъ.

— Мнѣ кажется, что вы удостовѣрились въ этомъ своими собственными руками.

Другіе въ то самое время, съ такимъ же стараніемъ и еще съ большею настойчивостью, обыскивали Лукрецію и Бернардино, кото-

рые въ страхѣ и слезахъ не дѣлали ни малѣйшаго сопротивленія. Одинъ наглый и пьяный сбирръ попробовалъ было дотронуться рукой до груди Беатриче, но она предупредила его сильнѣйшей пощечиной. Товарищи его разразились смѣхомъ и одинъ изъ нихъ въ видѣ утѣшенія сказалъ ему:

— Женскія пощечины не оставляютъ шрамовъ.

— Провались ты! Кошка царапаетъ, отвѣчалъ сбирръ, стараясь обратить непріятность въ шутку.

— Позорные люди, сказала гордо, но безъ гнѣва, Беатриче: — не имѣютъ права коснуться рукой до римской дворянки; я готова слѣдовать за вами, куда прикажетъ монсиньоръ Таверна, но не смѣйте подходить ко мнѣ.

Въ то же время другой сбирръ, весь провонявшій табакомъ, хотѣлъ обыскивать донну Луизу, которая сурово смотрѣла на него; но полицейскій удержалъ его:

— Не трогай ее, Пьетро; объ ней нѣтъ никакого приказа....

Дѣти, разбуженныя шумомъ, плакали въ сосѣднихъ комнатахъ, и въ особенности грудной ребенокъ кричалъ раздирающимъ душу голосомъ. Донна Луиза боролась между любовью къ мужу и любовью матери; но послѣднее чувство взяло наконецъ верхъ и она направилась къ двери дѣтской, успокоить дѣтей. Но сбирръ загородилъ ей дорогу, поднявъ на нее обнаженную шпагу.

Донна Луиза посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Не можетъ быть, произнесла она: — чтобъ тебѣ было велѣно не допускать мать кормить своего ребенка. Но если какой нибудь священникъ, чему я не вѣрю, недоступный никакому чувству, далъ тебѣ это приказаніе, то скажи ему, что онъ не служитель алтаря, а злодѣй; ты самъ, если только ты способенъ исполнить подобное приказаніе, еще большій злодѣй, чѣмъ онъ; даже я, еслибъ обратила вниманіе на васъ, была бы преступницей. Прочь! дай дорогу матери, которая идетъ кормить грудью свое дитя.—И она, съ видомъ полнымъ рѣшимости, отстранила рукой шпагу и прошла. Удивленный сбирръ не посмѣлъ остановить ее.

Когда полиція сдѣлала полный обыскъ, перерыла всѣ вещи и всѣ углы, не найдя ничего такого, чтобы слѣдовало запечатать, полицейскій далъ знакъ, что пора отправиться.

— Куда вы насъ ведете? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Увидите.

Донна Луиза, исполнивъ долгъ матери, вернулась къ мужу. Видя его совершенно убитымъ, она побѣдила свою собственную тревогу и подошла къ нему, чтобъ ободрить и обнять его; но сбирръ, пропустившій ее за минуту передъ тѣмъ, точно жалѣя, что позволилъ себѣ под-

даться на минуту чувству, сталъ между нею и мужемъ и съ грубостью оттолкнулъ ее.

— Прочь! мы здѣсь не затѣмъ, чтобы смотрѣть на слезы.

Во дворѣ уже стояло нѣсколько готовыхъ каретъ съ опущенными шторами; они вошли въ нихъ при зловѣщемъ свѣтѣ глухихъ фонарей, окруженные со всѣхъ сторонъ толпою сбирровъ, и отправились къ мѣсту назначенія.

Гвидо видѣлъ этотъ мрачный поѣздъ; онъ узналъ отъ сбѣжавшейся по этому случаю толпы, кого везли, и пораженный отчаяніемъ, уже готовъ былъ открыться, еслибы добрый слуга не удержалъ его изо всѣхъ силъ за руку.

— Монсиньоръ, вы себя погубите, а ихъ не спасете; оставаясь на свободѣ, вы можете быть полезнымъ для нихъ.

Онъ затаилъ въ сердцѣ своемъ отчаяніе и отправился домой. Тамъ онъ написалъ матери письмо, въ которомъ извѣщалъ ее о происшедшемъ несчастіи и о необходимости ему укрыться, не теряя времени, отъ поисковъ полиціи; просилъ ее принять письмо это вмѣсто прощальнаго поцалуя и не терять надежды на болѣе счастливое будущее; обѣщалъ писать ей и увѣрялъ, что, чтобы ни случилось съ нимъ, послѣ Бога, первая мысль души его будетъ всегда о ней. Послѣ этого онъ переодѣлся, захватилъ съ собой сколько могъ денегъ и вышелъ черезъ потаенную дверь дворца, съ намѣреніемъ тотчасъ же оставить городъ. Дорогой ему попался навстрѣчу отрядъ сбирровъ, который шелъ по направленію къ его дворцу; они не узнали его, потому что онъ былъ переодѣтъ. Онъ понялъ, что опасность не шуточная, отпустилъ слугу и отправился къ воротамъ Анджелико, осторожно выбирая самый извилистый путь. Увидѣвъ издали, что сбирры и полицейскіе тщательно обыскиваютъ у воротъ всякаго, кто выходитъ изъ города, онъ вернулся назадъ и, бродя по темнымъ переулкамъ Рима, перебиралъ разные пути для спасенія, не зная, на чемъ остановиться. Вдругъ глаза его остановились на слабомъ свѣтѣ, выходившемъ изъ подваловъ одного дворца. Онъ нагнулся и сквозь рѣшетки оконъ увидѣлъ сидящихъ вокругъ стола угольщиковъ (*), которые распивали и играли въ карты, точно также какъ дѣлали ихъ отцы и будутъ дѣлать внуки, не смотря на всѣ завѣщанія отца Матвѣя, апостола трезвости.

Гвидо вспомнилъ о хозяинѣ гостинницы Феррата, о словахъ, которыя тотъ далъ ему, какъ лозунгъ, и спустился въ подземелье къ угольщикамъ.

(*) Впослѣдствіи политическая секта, извѣстная подъ именемъ *карбонаровъ*.

— Да здравствуетъ Санъ-Тебальдо и всякій, кто чтитъ его, сказалъ онъ.

Угольщики переглянулись въ нерѣшимости. Но одинъ изъ нихъ, которому понравилась наружность Гвидо, отвѣчалъ:

— Хвала вамъ; знайте однако, что трудъ угольщика великъ, а заработокъ ничтоженъ.

— Св. Николай заботится объ угольщикахъ и заработокъ увеличится.

— Карбонаръ живетъ въ лѣсу и волки окружаютъ его.

— Когда угольщики соединятся съ волками, они пойдутъ вмѣстѣ туда, гдѣ пасутся стада и займутъ комнаты пастуховъ.

— Дайте мнѣ знакъ.

— Вотъ онъ. — И онъ поцаловалъ его въ лобъ, въ ротъ и въ грудь.

— Хорошо, вы изъ нашихъ. Только мнѣ одно кажется страннымъ: наше общество состоитъ изъ людей отчаянныхъ, соединенныхъ бѣдностью и необходимостью защищаться противъ сильныхъ, а вы? или, можетъ быть и васъ преслѣдуютъ? Чего вы хотите? Какая помощь нужна вамъ? Но прежде всего пойдемъ со мною въ болѣе вѣрное мѣсто.

Гвидо думалъ, что не разслышалъ, потому что нигдѣ не было видно двери, черезъ которую можно было пройти далѣе. Черезъ минуту однакожь онъ убѣдился въ противномъ. Угольщики отстранили кучу угля и, поднявъ камень съ полу, открыли еще одно скрытое подземелье. Угольщики и Гвидо спустились внизъ и за ними тотчасъ опять закрыли отверстіе и навалили на него уголья. Въ этомъ нижнемъ подземельи было сложено серебро и разныя вещи, и лампада горѣла передъ образомъ св. Николая, котораго эти смѣлые люди чтили какъ своего патрона и который считался въ то же время врагомъ сбирровъ. Угольщики были съ незапамятныхъ временъ сообщниками лѣсныхъ разбойниковъ или ихъ агентами въ городѣ. А нѣкоторые исполняли и обѣ обязанности разомъ.

Гвидо открылъ свое сердце новому другу, посланному ему судьбою, представилъ ему всю опасность своего положенія и просилъ у него совѣта.

— Вамъ надо переодѣться въ наше платье, сказалъ ему угольщикъ: — обрить бороду и остричь волосы; мы вамъ вычерним лицо и тогда я поручусь, что васъ никто не узнаетъ.

Такъ и было сдѣлано, и на другой день утромъ онъ вышелъ изъ города вмѣстѣ съ угольщиками, безъ малѣйшаго препятствія.

Кареты съ членами фамиліи Ченчи остановились у той самой

тюрьмы, на которую еще въ этотъ самый день Беатриче смотрѣла съ такою грустью. Выходя изъ кареты, она различила при свѣтѣ фонаря мраморнаго Спасителя и, простерши къ нему руки, воскликнула изъ глубины сердца:

— Боже мой, будь милостивъ ко мнѣ!

Когда она обернулась, чтобы взглянуть на своихъ, ихъ увели уже и между ними и ею была цѣлая толпа вооруженныхъ людей.

Ее повели безконечными корридорами и лѣстницами въ тюрьму, для нея предназначенную, съ шумомъ заперли за ней дверь двойнымъ запоромъ, и она осталась одна въ темнотѣ, въ холодномъ и сыромъ мѣстѣ, настоящемъ адѣ для живущихъ на землѣ. Она не шевельнулась; не знала, куда ступить: ей пришли въ голову разсказы, слышанные ею о западняхъ, посредствомъ которыхъ избавлялись отъ тѣхъ, кого не рѣшались судить, какъ невинныхъ или слишкомъ могущественныхъ. Ей стало страшно и она осталась неподвижною у стѣны.

Вдругъ дверь съ шумомъ раскрылась, и толпа грязныхъ людей вошла съ водою и матрацомъ. Люди эти не сказали ей ни одного слова въ утѣшеніе и ушли такими же тюремщиками, какими и вошли, съ шумомъ заперевъ за собою дверь.

Беатриче замѣтила,гдѣ стояла кровать, и ощупью направилась къ ней. Она бросилась на постель, обезсиленная, не имѣя въ головѣ ни мысли, ни желанія, находясь въ состояніи какого-то безсмысленнаго спокойствія. Она легла, закрыла глаза, но не могла заснуть: ей давило сердце, и она ни чѣмъ не могла облегчить его, хотя слезы и лились изъ ея глазъ медленно, одна за другою, какъ льется тонкая струя воды, просачиваясь сквозь камень. Къ довершенію страданія, она всю ночь слышала стоны, которые дѣлались все слабѣе и слабѣе, и ей казалось, что гдѣ-то читаютъ отходную. Она не ошибалась: въ сосѣдней кельѣ, въ эту самую ночь, одинъ несчастный заключенный перешелъ къ лучшей жизни. Должно быть, неслыханная жестокость или ужасное тупоуміе устроивали эти тюрьмы. Точно мало было всѣхъ тѣхъ страданій, какія приходилось испытывать несчастнымъ,— еще десятокъ разныхъ часовъ били каждую четверть: въ двѣнадцать часовъ пробило сто шестдесятъ ударовъ, и каждый отзывался въ головѣ бѣдной Беатриче. Отъ этого одного уже можно было сойти съ ума! Беатриче спросила потомъ: зачѣмъ тутъ столько часовъ? ей спокойно отвѣтили, что такъ приказалъ директоръ тюремъ, который находитъ, что заключенные слишкомъ скоро привыкаютъ къ бою часовъ и что продолжительный звонъ производитъ желаемое дѣйствіе на нервы людей. Но истязанія этимъ не оканчивались: только-что сонъ на зарѣ началъ смыкать глаза Беатриче, послѣ мучительной

безсонницы, три колокола принялись звонить разомъ, и въ то же время поднялся невыносимый скрипъ цѣлыхъ сотенъ задвижекъ, которыя отдергивали и отпирали, стукъ столькихъ же дверей, открывавшихся съ трескомъ, и убійственное бряцаніе ключей. За этимъ слѣдовало мрачное церковное пѣніе, и потомъ опять задергиванье задвижекъ, запираніе замковъ и бряцаніе ключей. Все это происходило въ совершенной темнотѣ. Бѣдная Беатриче недоумѣвала: ослѣпла ли она, или ее осудили на вѣчный мракъ. Скоро впрочемъ она была выведена изъ сомнѣнія. Стукъ надъ головой заставилъ ее вздрогнуть и слабый, сѣрый свѣтъ распространился въ тюрьмѣ. Она вскочила въ тупомъ испугѣ и, сидя на кровати, стала осматривать мѣсто, въ которое ее заключили: это была комнатка въ шесть шаговъ ширины и семь длины, съ высокимъ сводчатымъ потолкомъ, въ которомъ было отверстіе переплетенное толстою желѣзною рѣшоткою. Неба не было видно изъ этого отверстія, потому что оно выходило на чердакъ, освѣщавшійся съ боку. Отъ этого даже въ самый ясный лѣтній день туда проникалъ только слабый, сѣрый свѣтъ (*).

Бѣдная Беатриче!

Потомъ ей принесли чернаго хлѣба, прокислаго вина и вонючаго супу, въ которомъ плавали кусочки жиру и зелени и до котораго она не въ состояніи была дотронуться. Она попробовала еще разъ посмотрѣть на лица тюремщиковъ, надѣясь увидѣть хоть тѣнь участія въ этихъ лицахъ. Но нѣтъ; въ этой мрачной тюрьмѣ все походило одно на другое, лица людей и вся обстановка. Черезъ полчаса послѣ того, какъ удалились тюремщики, ключь опять заходилъ въ замкѣ, дверь открылась съ обыкновеннымъ шумомъ и въ комнату вошелъ человѣкъ хорошо одѣтый, съ серьгами изъ раковинъ въ ушахъ, съ расплюснутымъ носомъ и толстыми губами. Онъ внимательно осмотрѣлъ стѣны, полъ и потолокъ, потомъ украдкой взглянулъ на Беатриче. Это былъ первый человѣкъ, въ которомъ она замѣтила что-то похожее на участіе. При выходѣ его изъ тюрьмы, она слышала слова:

— По совѣсти нельзя назвать эту тюрьму здоровой; въ добавокъ, она темна. Переведи-ка второй нумеръ въ девятый и поставь въ комнату приличную мебель. Пищи давай ей сколько она потребуетъ, разумѣется, не выходя изъ предѣловъ воздержанія.... Ты понялъ? За неисполненіе въ точности приказа ты будешь наказанъ веревками, а можетъ и того больше.... Понялъ?

(*) Все, что сказано въ описаніи тюрьмы и тюремныхъ пытокъ Беатриче, списано съ натуры. Я все это испыталъ на себѣ и о многомъ еще умолчалъ, потому что читатель почелъ бы за преувеличеніе, еслибъ я описалъ всѣ пытки, которымъ подвергаютъ заключенныхъ.

Тутъ даже человѣколюбіе принимало видъ жестокости. Беатриче поняла однако, что этотъ господинъ, который былъ не кто другой, какъ директоръ тюрьмы, отдавалъ приказанія громко для того, чтобъ она ихъ слышала и получила хоть нѣкоторое утѣшеніе. Она въ душѣ благословила его, не имѣя возможности показать иначе свою благодарность.

Беатриче была переведена по приказанію директора и имѣла въ своей новой кельѣ кусокъ бѣлаго хлѣба и лучь солнца. Съ этимъ человѣкъ можетъ жить или, по крайней мѣрѣ, ждать, когда топоръ или пытка положитъ конецъ его существованію.

На другое утро ее повели къ допросу. Комната, куда ввели ее, была огромная зала; въ концѣ ея на возвышеніи сидѣли судьи на черныхъ стульяхъ, передъ столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ. Надъ головой президента висѣло безобразное распятіе изъ чернаго дерева. Оно, казалось, было повѣшено не для утѣшенія, но для того, чтобы наводить ужасъ на несчастныхъ подсудимыхъ; такое выраженіе придалъ Христу грубый художникъ. На столѣ, передъ президентомъ, стоялъ бронзовый Христосъ на крестѣ, на которомъ подсудимые и свидѣтели клялись говорить правду. Сколько разъ этого самого Христа, раскаленнаго, подносили цаловать тѣмъ, которыхъ судили за ересь, и когда они съ ужасомъ бросали его на полъ, изъ этого выводили явное доказательство того, что они отступились отъ Христа и Христосъ отъ нихъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ находились судьи, была толстая желѣзная рѣшотка, отдѣлявшая другую половину залы. За рѣшоткой стоялъ палачъ, окруженный всевозможными орудіями пытки.

Беатриче, въ сопровожденіи вооруженныхъ сбирровъ, была введена въ залу, прямо къ столу судей, такъ что она сразу не могла видѣть этихъ страшныхъ орудій. Присутствующіе съ пытливымъ любопытствомъ смотрѣли на нее и, пораженные ея божественной красотой, удивлялись, какъ можетъ подобная испорченность души обитать въ такомъ прекрасномъ тѣлѣ! Это подумали всѣ, кромѣ двоихъ, имѣвшихъ храбрость считать ее невинною; и эти двое были судья Москати и палачъ, извѣстный подъ именемъ *мастера Алессандро*.

Нотаріусъ тотчасъ принялся спрашивать объ ея лѣтахъ и званіи; она отвѣчала безъ робости, но и безъ излишней смѣлости,—такъ, какъ долженъ говорить тотъ, кто сознаетъ свою невинность.

— Произнесите клятву, приказалъ Москати.

Нотаріусъ взялъ распятаго Христа и, поднося ей, сказалъ:

— Клянитесь.

Беатриче приложила руку къ распятію и произнесла съ выраженіемъ полнѣйшей невинности:

— Клянусь передъ образомъ божественнаго Спасителя, распятаго за меня, говорить правду такъ, какъ я знаю ее и могу сказать; еслибъ я не могла, или не хотѣла сознаваться, я не позволила бы себѣ давать клятву.

— Этого и ждетъ отъ васъ правосудіе.

— Беатриче Ченчи, началъ Москати: — васъ обвиняютъ, и на это есть достаточныя доказательства, въ томъ, что вы въ сообществѣ вашей мачихи и братьевъ, подготовили убійство отца вашего, графа Франческо Ченчи. Что вы имѣете сказать на это?

— Это не правда.

Она произнесла слова эти такъ откровенно, въ нихъ видна была такая невинность, что имъ невозможно было не повѣрить; но судья Лучіани не вѣрилъ и бормоталъ сквозь зубы:

— Не правда? вотъ какъ!

Москати продолжалъ:

— Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы, вмѣстѣ съ поименованными лицами, дали приказаніе убить Франческо Ченчи разбойникамъ Олимпію и Марціо, обѣщая имъ восемь тысячъ золотыхъ дукатовъ, изъ которыхъ одну половину выдать тотчасъ, а другую послѣ совершенія убійства.

— Это не правда.

— Вотъ мы сейчасъ увидимъ, правда или нѣтъ, ворчалъ Лучіани.

— Васъ обвиняютъ, и обвиненіе это ясно изъ процесса, въ томъ, что вы подарили Марціо въ награду за убійство красный плащъ, обшитый золотомъ, принадлежавшій покойному графу Ченчи.

— Это не вѣрно. Отецъ мой самъ подарилъ этотъ плащъ своему слугѣ Марціо, передъ отъѣздомъ изъ Рима въ Рокка-Петрелла.

— На васъ лежитъ обвиненіе, и этому есть ясныя доказательства въ процессѣ, въ томъ, что вы велѣли совершить убійство девятаго сентября тысячу пятьсотъ девяносто осьмаго года; и это было сдѣлано по настоянію вашей мачихи, которая не хотѣла допустить, чтобъ убійство произошло осьмаго сентября, въ день Рождества Богородицы. Олимпій и Марціо вошли въ комнату, гдѣ спалъ Франческо Ченчи, которому передъ тѣмъ дали выпить вина съ опіумомъ; а вы съ Лукреціей Петрони, съ Джакомо и Бернардино Ченчи ждали совершенія убійства въ сосѣдней комнатѣ. Когда убійцы выбѣжали изъ спальни перепуганные, вы спросили ихъ: что случилось новаго? на вопросъ вашъ они отвѣчали вамъ, что у нихъ не хватаетъ духу убить спящаго человѣка; тогда вы стали выговаривать имъ этими

словами: «какъ! если вы не рѣшаетесь убить отца моего во время сна, то какъ же у васъ можетъ хватить рѣшимости убить его, когда онъ проснется! И за это-то вы получаете четыре тысячи дукатовъ? Такъ если трусость ваша такова, я сама своими собственными руками убью отца моего и вамъ самимъ не сдобровать». Послѣ этихъ угрозъ убійцы вернулись въ комнату графа, и одинъ изъ нихъ вонзилъ ему кинжалъ въ горло, между тѣмъ какъ другой вбилъ въ лѣвый глазъ большой гвоздь. Разбойники, получивъ обѣщанную награду, уѣхали; а вы, вмѣстѣ съ мачихой и братьями, потащили тѣло несчастнаго отца вашего на балконъ и оттуда бросили его на бузинное дерево. Что вы на это скажете?

— Милостивые государи! Я скажу, что допросы о такихъ ужасныхъ звѣрствахъ могли бы относиться скорѣй къ стаду волковъ, чѣмъ ко мнѣ. Я отвергаю ихъ всѣми силами моей души.

— Васъ обвиняютъ еще въ томъ, что вы приказали Марціо убить Олимпія, изъ страха, чтобъ онъ не выдалъ васъ. Отвѣчайте.

— Могу я говорить?

— Даже должны; говорите откровенно все, что можетъ уяснить дѣло суду и служить къ вашему оправданію.

— Мнѣ нечего говорить вамъ, что я не была воспитана для подобныхъ ужасовъ; я буду говорить, какъ мнѣ внушаетъ сердце; вы извините мнѣ мое незнаніе принятыхъ въ этихъ случаяхъ обрядовъ. Мнѣ едва шестнадцать лѣтъ; меня воспитала святая женщина, мать моя, синьора Виржинія Санта-Кроче и донна Лукреція Петрони, моя мачиха, извѣстная своимъ благочестіемъ; ни года мои, ни жизнь тѣхъ, которые окружали и наставляли меня, не могутъ заставить подозрѣвать меня въ ужасныхъ преступленіяхъ, которыя на меня взводятъ. Обо мнѣ, о моей жизни, вамъ легко узнать, разспросивши моихъ родныхъ, знакомыхъ и многочисленную прислугу. Моя жизнь — это книга, состоящая вся изъ немногихъ страницъ: раскройте ее, прочтите внимательно и вы увидите. Притомъ же мнѣ кажется, что, для того, чтобы судить основательно о дѣйствіяхъ людскихъ, надо подумать о побужденіяхъ, которыя могли руководить ими. Что же по вашему могло подвинуть меня на такое страшное преступленіе? Жадность къ богатству? Но вѣдь большая часть имущества дома Ченчи есть маіоратъ, который бы никакъ не могъ достаться мнѣ. Изъ доходовъ, арендъ и проч., тоже по закону ничего не достается женщинамъ. Мнѣ наконецъ осталось имѣніе моей матери, которое, какъ говорятъ, составляетъ болѣе сорока тысячъ скудъ и которое отецъ не въ правѣ былъ отнять у меня; вы видите, что жадность не могла быть причиною. Я не отказываюсь, я даже сознаюсь, что отецъ наполнялъ горечью мою жизнь, и.... но религія запрещаетъ оглялы-

ваться назадъ и смотрѣть на отцовскую могилу для того, чтобы проклинать ее, и я не хочу говорить объ этомъ: довольно вамъ знать, что для того, чтобъ избавиться отъ постоянныхъ преслѣдованій и жестокостей и сдѣлать жизнь свою менѣе печальною, мнѣ даже не было надобности прибѣгать къ ужасному преступленію, въ которомъ вы обвиняете меня. У меня не было недостатка въ примѣрахъ, какимъ образомъ избавиться отъ преслѣдованій отца. Сестра моя Олимпія обратилась къ святому отцу съ просьбою и, благодаря его доброму сердцу, обвѣнчана съ графомъ Габріэлли ди-Агобіо. Я также послѣдовала ея примѣру и написала прошеніе къ папѣ, которое передала Марціо для того, чтобъ онъ представилъ его для подачи святому отцу.

— Увѣрены ли вы, что ваша просьба была представлена?

— Я не знаю. Я поручила ее Марціо.

— Отчего вы дали Марціо такое важное порученіе?

— Потому что отецъ держалъ меня въ заперти, и кромѣ Марціо, къ которому одному отецъ мой имѣлъ довѣріе, ко мнѣ никого не допускали.

— Продолжайте.

— И даже, предположивши, что природа одарила меня подобною жестокостью и что отецъ далъ мнѣ поводъ совершить такое преступленіе, зачѣмъ бы мнѣ было прибѣгать къ тому способу убійства, о которомъ говорилъ обвинительный актъ? Зачѣмъ было прибѣгать къ оружію, когда за восемь тысячъ дукатовъ можно достать яду, который убиваетъ, не оставляя никакихъ слѣдовъ. Но что я говорю: можно достать ядъ? Меня обвиняютъ въ томъ, что ядъ былъ у меня и что я влила его въ вино съ намѣреніемъ усыпить отца: еслибы такъ, то мнѣ стоило бы только налить его больше, и онъ не проснулся бы. Къ чему жь было прибѣгать къ такимъ опаснымъ мѣрамъ? Къ чему здѣсь разбойникъ? Зачѣмъ столько сообщниковъ, которые часто бываютъ измѣнниками и всегда ведутъ къ гибели? Наконецъ, какая нужда была тутъ въ Бернардино? какой совѣтъ можетъ дать и какую пользу принесетъ двѣнадцати-лѣтній ребенокъ? Онъ могъ только повредить. Еслибы въ семействѣ Ченчи былъ грудной ребенокъ, то и его бы притянули къ сообщничеству въ преступленіи. Вѣдь донъ Джакомо былъ же въ Римѣ въ то самое время, когда это несчастіе случилось, и въ этомъ онъ можетъ представить явныя доказательства. Господа! вы люди достойные и въ подобныхъ дѣлахъ опытные, и потому вы не можете придавать никакой вѣры такимъ злостнымъ выдумкамъ. Если у васъ есть сердце и здравый умъ, вы не только перестанете терзать мою бѣдную душу подобными обвиненіями, но даже не

захотите смущать моего разсудка, показывая ему возможность смѣшенія подобныхъ уродствъ!

Красота Беатриче, ея чудный голосъ, искренность, съ какою она говорила, подѣйствовали на всѣхъ, и всѣ съ восхищеніемъ смотрѣли на нее. Даже нотаріусъ Рибальделла перестаъ писать и старался не проронить ни одного ея слова. Даже Лучіани въ изумленіи воскликнулъ:

— Какъ скоро выучиваются въ школѣ дьявола!

— Я убѣждаю васъ, сказалъ президентъ Москати, исполнить вашу клятву говорить правду; потому что ваши сообщники уже сознались во всемъ во время пытки...

— Какъ! Изъ-за страданій пытки они не побоялись взять себѣ грѣхъ на душу и опозорить себя на вѣки? Ахъ! пытка не доказываетъ истины...

— Пытка не доказываетъ истины? воскликнулъ въ ярости Лучіани, который не въ силахъ былъ удерживаться дольше. Онъ вскочилъ съ мѣста и, дрожа всѣмъ тѣломъ, сказалъ:

— Ты скоро сама увидишь, имѣетъ ли пытка свойство заставлять говорить правду...

Беатриче покачала головою и продолжала:

— Донна Лукреція, женщина пожилая, изнѣженная, неспособная выносить страданія, могла сдѣлать ложное показаніе для того, чтобъ избавиться отъ пытки; Бернардино—ребенокъ, готовый отъ боли сказать все, что хотите. Джакомо жизнь давно уже опротивѣла, и онъ не разъ пробовалъ избавиться отъ нея. Вотъ люди, которыхъ вы пытали, и вы воображаете, что открыли истину?

— Не эти одни были вашими союзниками, прибавилъ Москати. Другіе также сознались.

— Кто же это?

— Марціо.

— Хорошо; пускай Марціо придетъ сюда, и мы удивимъ, осмѣлится ли онъ мнѣ въ лицо сказать то же самое. Хотя мнѣ пора бы считать людей способными на всякіе ужасы, но я не повѣрю до тѣхъ поръ, пока не услышу своими ушами.

— Вы можете удостовѣриться сами, сказалъ Москати, указавъ на введеннаго въ это время Марціо. Беатриче оглянулась.

Около висѣлицы стоялъ Марціо, или лучше сказать, тѣнь Марціо. Тѣла на немъ уже не было, одни кости да кожа; только стеклянные глаза показывали, что онъ живъ, иначе его можно было принять за трупъ. Онъ попробовалъ сдѣлать движеніе, чтобы броситься къ ногамъ Беатриче, но не могъ ступить ни шагу и упалъ плашмя, ли-

цомъ на землю. Беатриче нагнулась къ нему и протянула руки, чтобы поднять его.

— О, моя добрая синьора, вы все таки еще чувствуете жалость ко мнѣ? сказалъ Марціо слабымъ голосомъ. О, синьора Беатриче, пожалѣйте меня, я очень, очень несчастенъ!...

— Марціо, зачѣмъ вы обвинили меня? Что я вамъ сдѣлала, что вы рѣшились вмѣстѣ съ другими опозорить мое доброе имя?

— Ахъ, я вижу теперь, что Богъ наказываетъ меня за мою преступную жизнь.

— Обвиненный, вмѣшался Москати, отвѣчайте: подтверждаете ли вы въ присутствіи обвиненной все то, въ чемъ вы уже сознались?

— Нѣтъ; все, что меня заставили подписать, было не правда. Я былъ измученъ пыткой и не зналъ, что дѣлалъ. Въ смерти Ченчи никто не виновенъ, кромѣ меня и Олимпія, котораго я убилъ. Олимпій нанесъ ему ударъ, отъ котораго онъ умеръ. Мы вмѣстѣ потащили его тѣло и бросили на бузинное дерево. Синьора Беатриче невинна, и все семейство невинно. То, что я сказалъ теперь—правда, и я клянусь въ этомъ. Въ Неаполѣ меня заставили подписать фальшивое показаніе.

Кончивши говорить, Марціо упалъ бы снова, еслибы палачъ не поддержалъ его.

— Скажите мнѣ, синьоръ президентъ, не думаете ли вы, что она заколдовала его? прошепталъ Лучіани на ухо Москати. Этотъ послѣдній съ пренебреженіемъ пожалъ плечами.

— И такъ, вы продолжаете отказываться отъ вашихъ прежнихъ показаній? спросилъ Москати Марціо.

Марціо наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Его надо подвергнуть окончательной пыткѣ; другаго средства нѣтъ, сказалъ Лучіани съ какою-то радостью.

Москати вынулъ платокъ изъ кармана и обтеръ потъ съ лица; потомъ, обратившись къ нотаріусу, сказалъ:

— Убѣдите его не отрекаться отъ своихъ прежнихъ показаній... убѣдите его... иначе законъ велитъ подвергнуть его окончательной пыткѣ... убѣждайте его...

Добрый президентъ говорилъ это голосомъ, прерываемымъ слезами. Нотаріусъ убѣждалъ Марціо, говорилъ ему, что иначе его будутъ пытать до смерти. Марціо не перемѣнилъ своего рѣшенія. Онъ не могъ уже говорить и только дѣлалъ знаки головой. Лучіани съ торжествомъ сказалъ, обращаясь къ палачу:

— Начинай!

Мастеръ Алессандро взялъ Марціо, связалъ ему руки крестомъ за

спиною; попробовалъ, хорошо ли ходитъ веревка на блокѣ, потомъ снялъ шапку и спросилъ:

— Со встряской, или безъ встряски, illustrissimo?

— Чортъ побери! разумѣется со встряской, отвѣчалъ Лучіани, выходившій уже изъ себя.

Остальные наклонили головы въ знакъ согласія.

Мастеръ Алессандро съ помощникомъ подняли потихоньку Марціо. Беатриче склонила свою голову на грудь, чтобы не видѣть ужаснаго зрѣлища; но потомъ какое-то невольное чувство заставило ее поднять голову. Боже! какой ужасъ! И она съ крикомъ закрыла лицо руками... Палачъ, поднявъ Марціо до верху, такъ что его вытянутыя руки достали до перекладины, которая отстояла на шесть аршинъ въ вышину отъ полу, взялъ въ руку конецъ веревки и выпустилъ ее изъ рукъ. Марціо упалъ какъ гиря и повисъ на четверть отъ полу. Сотрясеніе было ужасно; слышно было, какъ трещали кости и разрывались мускулы. Глаза Марціо судорожно раскрылись, точно хотѣли выскочить изъ головы; онъ разинулъ ротъ съ какимъ-то испугомъ и обнажилъ десны, по краямъ которыхъ показалась кровь. Мастеръ Алессандро мрачно глядѣлъ на Марціо. Нельзя было отгадать: доволенъ онъ былъ мастерской встряской, или жалѣлъ о немъ.

— Браво, мастеръ Алессандро! Подтяни-ка его еще разъ, да хорошенько, говорилъ Лучіани, опираясь обѣими руками на ручки кресла и приподымаясь отъ удовольствія.

— Его больше нельзя поднять, illustrissimo: онъ уже умеръ.

— Какъ? какъ? онъ умеръ? неистово кричалъ Лучіани. Какъ онъ смѣлъ умереть, не взявъ назадъ своего отреченія? Попробуйте горячими щипцами: можетъ онъ еще и живъ; положите-ка ему огня подъ подошвы, онъ отлично придетъ въ чувство.

И судья уже вставалъ со стула, какъ будто желая помочь палачу; но Москати удержалъ его за руку и съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Вспомните наконецъ о достоинствѣ вашего званія! Что вы, судья, или палачъ?

Но Лучіани высвободился отъ президента и, подбѣжавъ къ палачу, который прикладывалъ руку къ сердцу Марціо, съ безпокойствомъ спросилъ:

— Ну, что?...

— Я уже докладывалъ вамъ, что онъ умеръ.

Тогда Лучіани въ бѣшенствѣ обратился къ трупу Марціо, осыпая его ругательствами:

— А, негодяй! ты выскочилъ изъ рукъ моихъ!

Потомъ онъ подбѣжалъ къ столу, у котораго сидѣли судьи, и обратился къ Москати, крича какъ полоумный.

— Ну, господинъ президентъ, теперь надо ковать желѣзо, пока оно горячо; надо воспользоваться страхомъ, который это зрѣлище должно было навѣять на душу обвиненной, попробуемъ-ка, какимъ голосомъ запоетъ она, когда ее подтянутъ кверху веревкой.

— Довольно! строго сказалъ Москати; засѣданіе кончено, и онъ всталъ, чтобъ уйти.

Беатриче, блѣдная какъ полотно, чуть не упала въ обморокъ; губы ея посинѣли, въ глазахъ потемнѣло. Но черезъ минуту она пересилила себя, подняла голову и храбро подошла къ трупу Марціо.

— Несчастный! говорила она. Ты не могъ спасти меня; но я прощаю тебѣ и молю Бога, чтобъ и онъ простилъ тебя. Ты много грѣшилъ; но ты также много любилъ и много страдалъ. Ты жилъ преступно, но погибъ за правду. Я завидую тебѣ... да... моя жизнь такова, что я должна завидовать умершимъ. Я ничѣмъ другимъ не могу показать тебѣ мое участіе, какъ оказавши тебѣ послѣднюю услугу, и я дѣлаю это отъ всего сердца.

Говоря это, она закрыла ему глаза, которые были страшно открыты и наводили невольный ужасъ.

— Теперь идемте въ тюрьму, сказала она обращаясь къ тюремщикамъ.

Но у нея подкашивались ноги, и она съ каждымъ шагомъ готова была упасть. Мастеръ Алессандро снялъ шапку и, стоя въ почтительномъ разстояніи отъ нея, сказалъ:

— Синьора, я знаю, что вы не можете дотронуться до меня, дай Богъ, чтобъ и я никогда не дотронулся до васъ: но вамъ нужна поддержка. Если позволите, я позову кого нибудь такого, на кого вы можете опереться безъ боязни.... Она родилась отъ дурнаго корня и въ тюрьмѣ, но несмотря на это, она тоже цвѣтокъ, который можетъ смѣло предстать передъ мадонной... я позову вамъ свою дочь.

Палачъ взялъ свистокъ и издалъ протяжный звукъ. Черезъ нѣсколько минутъ явилась молодая дѣвушка, прекрасная собой, но блѣдная какъ воскъ. Бѣдняжка! и она знала, что рождена была для несчастья.

— Вирджинія, сказалъ ей отецъ, дай свою руку этой синьорѣ... она такая же несчастная, какъ и ты.

Беатриче съ перваго взгляда почувствовала расположеніе къ этой дѣвушкѣ; но когда она услышала, что ее зовутъ такъ же, какъ ея покойную мать, то грустно улыбнулась ей и, опершись на ея руку, пошла съ нею въ свою тюрьму.

Мастеръ Алессандро не безъ намѣренія далъ Марціо эту ужасную

встряску; онъ зналъ, что тотъ по крайней мѣрѣ умретъ на мѣстѣ. Онъ сдѣлалъ это не изъ злости, но изъ жалости. Для того чтобъ этотъ несчастный умеръ скорѣй и меньше мучился, палачъ пожертвовалъ тридцатью скудами, которыя получилъ бы за его казнь; а для палача это поступокъ не ничтожный.

ГЛАВА XX.

Пытка.

Президентъ Улиссъ Москати вышелъ изъ присутствія съ сердцемъ, полнымъ скорби. Его добрая душа, вслѣдствіе большихъ несчастій, недавней потери жены и любимой дочери, сдѣлалась еще болѣе способною сочувствовать бѣдствію другихъ. Молодость Беатриче, спокойствіе и искренность, съ какими она говорила на допросѣ, подѣйствовали на него. Онъ вѣрилъ ея исповѣди, онъ былъ убѣжденъ, что она невинна. Онъ даже въ тотъ же вечеръ отправился къ папѣ, съ цѣлью высказать ему свое убѣжденіе. Климентъ VIII чувствовалъ не менѣе его, что Беатриче невинна, но онъ зналъ также, что фамилія Ченчи обладаетъ несмѣтными богатствами, и ухватился за первую возможность истребить ее для того, чтобъ завладѣть ея сокровищами. Результатъ посѣщенія Москати былъ тотъ, что на мѣсто его былъ назначенъ президентомъ Лучіани, а Москати удалился въ монастырь, гдѣ и кончилъ свою жизнь.

И вотъ, Беатриче опять передъ судьями, но напрасно взоръ ея ищетъ Москати. Она теперь въ полной зависимости отъ звѣрскаго Лучіани, и глаза его блестятъ злобой.

— Обвиненная! начинаетъ онъ, вы слышали въ прошлый разъ, въ чемъ васъ обвиняютъ; хотите ли, чтобы вамъ прочли еще разъ.

— Нѣтъ, не надо; это такія вещи, которыя достаточно услышать одинъ разъ, чтобы никогда не забыть.

— Особенно, когда онѣ совершены нами. Теперь я убѣждаю васъ сознаться, такъ какъ сообщники ваши уже сознались во всемъ и обвинили васъ. Впрочемъ въ крайнемъ случаѣ, правосудіе можетъ обойтись и безъ вашего сознанія...

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ вы такъ настоятельно требуете его?

— Я настаиваю ради спасенія души вашей. Какъ христіанка и католичка, вы должны знать, что умереть, не исповѣдавши своихъ грѣховъ, значитъ погибнуть на вѣки.

— Меня удивляетъ, господа, какимъ образомъ забота о спасеніи вашихъ собственныхъ душъ можетъ еще давать вамъ время думать о

моей душѣ? Предоставьте всякому заботиться о самомъ себѣ. Если вы убѣждены въ моей винѣ, осудите меня, и только.

— Обвиненная! Знайте, что дерзость, съ которою вы говорите въ присутствіи вашихъ судей, можетъ только ухудшить ваше положеніе, которое и безъ того уже довольно серьёзно. Я еще разъ спрашиваю васъ: намѣрены вы сознаться или нѣтъ?

— Я сказала всю правду. Ложнаго показанія, котораго вы отъ меня требуете именемъ Бога, въ чьи руки я отдаю себя, вы не вырвете изъ меня ни мученіями, ни увѣщаніями.

— Это мы увидимъ. А до тѣхъ поръ надо вамъ знать, что мнѣ удавалось справляться и не съ такими умами, какъ вашъ. Нотаріусъ, пишите: «Во имя отца и сына и святаго духа аминь. Повелѣваемъ предать обвиненную пыткѣ бдѣнія (vigilia) на сорокъ часовъ. Назначаемъ присутствовать при бдѣніи нотаріуса Рибальделла на первые четыре часа; нотаріуса Грифа на вторые, и нотаріуса Бамбарино на третьи; и мѣняться имъ въ томъ же порядкѣ въ теченіе всѣхъ сорока часовъ, если обвиненная не исповѣдаетъ прежде своей вины».

Виджиліей назывался табуретъ, вышиною около полутора аршинъ, шириною въ четверть съ небольшимъ, оканчивавшійся почти остроконечно; спинка была тоже съ заостреннымъ ребромъ.

Несчастную заставили сѣсть на этотъ острый табуретъ; ноги ея связали для того, чтобъ она не могла дотрогиваться ими до полу и тѣмъ облегчать нѣсколько страданіе; руки завязали назадъ веревкой, которая спускалась на блокѣ съ потолка. Около нее приставлены были сбирры, чтобы безпрестанно толкать ее въ бока, притомъ она билась объ остріе сидѣнья и спинки. Палачъ мастеръ Алессандро, долженъ былъ каждые полчаса подымать ее на веревкѣ и выпускать веревку изъ рукъ, для того чтобы мученица всею своею тяжестью падала на острое сидѣнье. Онъ исполнялъ только то, что ему было приказано. Слишкомъ много глазъ слѣдило за нимъ; ему нельзя было бы ослушаться, да притомъ же у него было одно только средство обнаруживать жалость: это — избавлять людей отъ слишкомъ долгихъ мученій и прекращать скорѣе ихъ жизнь. Больше этого онъ ничего не могъ сдѣлать, а можетъ быть и не хотѣлъ даже. Ему было доступно нѣкоторое чувство состраданія, но вѣдь онъ былъ палачъ по ремеслу.

Я не стану говорить о грязныхъ намекахъ, которые пришлось слышать святой дѣвственницѣ отъ всѣхъ этихъ звѣрей съ человѣческими лицами, которые окружали ее, и больше всего отъ нотаріуса Рибальделлы, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражалась душа Лучіани. Этотъ послѣдній являлся часто даже во время ночи и, взбѣшенный стойкостью молодой дѣвушки, повторялъ всякій разъ: «толкайте ее крѣпче, подымайте чаще»! Я не стану описывать ея горячихъ слезъ,

страшныхъ мукъ, отъ которыхъ ее обдавало холоднымъ пôтомъ, частыхъ обмороковъ и жестокаго состраданія палачей, которые разными уксусами и спиртуозной солью приводили ее въ чувство для новыхъ, еще большихъ страданій. Нѣтъ, перо съ содроганіемъ отказывается описывать всѣ эти ужасы, которые намѣстники Христовы поддерживали и распространяли съ такимъ религіознымъ усердіемъ. Я лучше буду говорить о сверхъестественной храбрости и стойкости необыкновенной дѣвушки, которая несмотря на страшныя пытки осталась при своемъ рѣшеніи — скорѣе мученически умереть, чѣмъ опозорить себя сознаніемъ во взведенномъ на нее преступленіи. По окончаніи пытки ее почти полумертвую отнесли въ тюрьму и уложили въ постель.

Два дня ее не трогали. На третій день сбирры пришли опять за ней. Лучіани звалъ ее для новыхъ мученій. Она просила дать время одѣться: сбирры, понимая, что нельзя тащить ее полунагую, согласились и вышли съ условіемъ, чтобъ она торопилась. Дочь палача помогала; одѣваясь, она говорила ей:

— Слушай, сестра моя; ты знаешь, что меня зовутъ для новыхъ мученій; я могу умереть во время пытки, какъ умеръ при мнѣ бѣдный Марціо; а мнѣ хочется оставить тебѣ память обо мнѣ, моя милая Виржинія. Ты возьмешь себѣ всѣ мои платья и вещи, какія есть со мною въ тюрьмѣ... возьми также этотъ крестикъ, онъ—моей матери; но съ условіемъ... если я останусь живою послѣ пытки и буду имѣть возможность дать тебѣ что нибудь другое на память, ты мнѣ отдашь его: мнѣ хотѣлось бы быть похороненной съ нимъ. Изъ этихъ фіалокъ, орошенныхъ столько разъ моими слезами и выросшихъ подъ лучомъ солнца, косвенно и грустно пробивавшимся сквозь рѣшотки этой тюрьмы, дѣлай каждый день, на сколько ихъ станетъ, букетикъ для образа мадонны, который виситъ надъ моей постелью. Да... послушай Виржинія... при этомъ румянецъ покрылъ ея щеки, и она стала говорить тише; ты можетъ быть знаешь, что у меня есть... ахъ! нѣтъ... у меня былъ возлюбленный, прекрасный и добрый, я любила его... и онъ любилъ меня и можетъ быть не пересталъ любить; но на землѣ намъ никогда уже не соединиться!... можетъ быть на небѣ... Возьми этотъ образъ и отнеси его кардиналу Маффео Барберини; скажи, что его посылаетъ ему Беатриче для того, чтобъ онъ отдалъ его своему другу, и пусть онъ скажетъ ему, что я передъ этимъ образомъ молилась о немъ...

— Да что вы собираетесь на свободу, что ли? ужъ мы васъ цѣлый часъ ждемъ, кричали сбирры.

Беатриче пошла. Виржинія не успѣла отвѣтить ей ни одного слова; слезы душили ее. Она, плача и осыпая ее поцѣлуями, проводила ее до двери. Беатриче оглянулась, переступая порогъ, и увидѣла, какъ

добрая дѣвушка бросилась на колѣна передъ образомъ, на который повѣсила ея брилліантовый крестикъ.

Когда Беатриче явилась передъ судьями, блѣдная, измученная, съ потухшими глазами, окаймленными синею тѣнью, то даже Лучіани старался сдѣлать помягче свое звѣрское лицо и свой хриплый голосъ.

— Благородная дѣвушка! говорилъ онъ, пусть Богъ скажетъ вамъ, какъ сердце мое страдало отъ необходимости мучить васъ; я самъ не найду приличныхъ словъ, чтобы высказать вамъ то, что я чувствовалъ. У меня тоже есть дочери вашихъ лѣтъ, хотя не такія прекрасныя какъ вы; видя ваши мученія, я спрашивалъ себя: что было бы со мной, еслибъ онѣ испытывали то же самое? Долгъ судьи, чувство человѣка и состраданіе христіанина заставляютъ меня убѣждать васъ подумать о себѣ. Къ чему ведетъ ваше упрямство? Я уже сказалъ вамъ и повторяю еще разъ: въ процессѣ множество доказательствъ вашей преступности; сознаніе самихъ сообщниковъ вашихъ обвиняетъ васъ. Откровенной исповѣдью вы заслужите милость святаго отца. Онъ болѣе расположенъ миловать, чѣмъ карать. Ему дороже всего титулъ *милосердаго*, и Климентъ своими дѣяніями хочетъ доказать, что онъ его достоинъ. Не вынуждайте меня, синьора Беатриче, прибѣгать къ строгости; представьте себѣ, что муки, испытанныя вами противъ моего желанія, это удовольствія въ сравненіи съ тѣми страшными пытками, которыя правосудіе оставляетъ для некающихся преступниковъ.

— Зачѣмъ вы искушаете меня? спокойно отвѣчала Беатриче. Развѣ недовольно съ васъ того, что вы можете, какъ хотите, мучить мое тѣло? А вы хотите еще унизить мою душу. Мое тѣло принадлежитъ вамъ... жестокая сила отдала его въ ваши руки... мучьте его, сколько хотите, но душа моя собственность, мнѣ ее далъ мой создатель; и я не испугаюсь вашихъ угрозъ и не сдамся на ваши увѣщанія; я скорѣе готова терпѣть еще большія муки, чѣмъ даже тѣ, какія вы способны выдумать.

Глаза Лучіани прищурились отъ злости; онъ ударилъ руками по столу и заревѣлъ:

— Ad torturam... ad torturam capillorum!... Гдѣ мастеръ Алессандро? Онъ долженъ быть всегда здѣсь, когда я предсѣдательствую.

— Онъ пошелъ по дѣлу въ Бакано и сказалъ, что вернется въ теченія дня.

— Такъ принимайся ты, Карлино; я тебя считаю за хорошаго парня и надѣюсь, что ты не осрамишься.

Помощникъ палача Карлино отвѣчалъ добродушно, потирая руки.

— Постараемся, illustrissimo.

Два сбирра схватили Беатриче, распустили ея чудные золотые волосы, скрутили ихъ, привязали къ веревкѣ и, съ ужасной силою и быстротою, подняли за нихъ Беатриче. Но мы не станемъ описывать подробностей этой страшной пытки.

Лучіани, протянувши руки на столъ, началъ кричать:

— Сознавайтесь...

— Я невинна...

— А ну-ка приподымите ее еще, дергайте крѣпче... крѣпче... сознавайтесь.

— Я невинна.

— А? вы не хотите говорить правду? хорошо. Ad torturam canubis.

Карлино, повинуясь безпрекословно данному приказанію, обертываетъ правую руку Беатриче въ мотокъ пеньки и скручиваетъ мотокъ изо всей силы, какъ прачки скручиваютъ бѣлье для того, чтобы выжать изъ него воду. Кости трещатъ, мускулы разрываются, кровь струится изъ жилъ. Президентъ Лучіани, не моргнувъ глазомъ, повторяетъ при каждой страшной судорогѣ:

— Сознавайтесь въ преступленіи.

— О Боже! Боже мой!

— Я вамъ говорю: сознавайтесь.

— Отецъ небесный!... приди на помощь невинному твоему созданію!

— Скрутите крѣпче и подымите ее еще разъ на воздухъ... вотъ такъ... опускайте скорѣй, чтобы было сильнѣе сотрясеніе...

— О мать моя! мать моя! Глотокъ воды!... я умираю... ради Бога, воды... дайте минуту облегченія...

— Что за облегченіе? Сознавайтесь.

— Я...

— Скорѣй сознавайтесь?

— Я невинна.

Ярость Лучіани не знала мѣры.

— Стягивай еще... ломай ей кости, кричитъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, — покуда не выжмешь изъ нея сознанія.

— О Боже! какое мученье... Я христіанка... крещеная... Умираю! умираю...

— Сознавайтесь!... созн...

Ужасный кашель, который казалось готовъ былъ задушить Лучіани, перервалъ его.

— Я невинна...

— Давайте бичовочки... сейчасъ пытку бичовочекъ!

Это была возмутительная сцена: всѣ присутствующіе желали окон-

чанія пытки; сами палачи выбились изъ силъ; Беатриче не обнаруживала болѣе признаковъ жизни.

— Бичовочки,говорю вамъ... бичовочки... кричалъ Лучіани, прерываемый кашлемъ.

Перепуганные палачи стояли неподвижно, а злость душила Лучіани, и изъ его горла выходили одни неясные звуки. Палачи не могли себѣ представить, чтобы президентъ былъ въ своемъ умѣ; пытка бичовочекъ состояла въ томъ, что несчастнаго обматывали тонкими, рѣжущими бичовками и стягивали ими до того, что въ тѣлѣ перерѣзывались нервы и жилы, и все тѣло превращалось въ одну сплошную рану. Было ясно, что въ томъ состояніи, въ которомъ была Беатриче, она не могла бы вынести этой пытки.

Но вотъ на порогѣ двери показалось багровое лицо мастера Алессандро. Онъ пріостановился, окинулъ взглядомъ происходившую сцену, и хотя онъ былъ и палачъ, но и въ немъ какъ будто шевельнулось что-то; по крайней мѣрѣ онъ никакъ не могъ застегнуть свою красную куртку и руки перескакивали отъ одной петли на другую, не попадая на пуговицы. За исключеніемъ этого, лицо его не выражало ничего, что могло бы заставить подозрѣвать въ немъ волненіе. Онъ спокойно подошелъ къ страдалицѣ, внимательно осмотрѣлъ ее и пощупалъ пульсъ; потомъ, оборотясь къ Лучіани съ нахмуренными бровями, которыя наводили ужасъ не только на осужденныхъ, но и на самихъ судей, сказалъ:

— Illustrissimo, объяснитесь хорошенько, хотите вы, чтобъ подсудимая созналась, или умерла?

— Умерла теперь? Боже упаси! Надо чтобъ она созналась...

— Въ такомъ случаѣ ее больше нельзя пытать сегодня.

И такъ, въ тѣ времена палачъ подавалъ примѣръ человѣколюбія.

— Мастеръ Алессандро, съ негодованіемъ отвѣчалъ Лучіани, мнѣ кажется, что я столько же какъ и вы знаю ваше ремесло, и...

Нотаріусъ Рибальделла, который прилѣпился къ Лучіани и основывалъ свою карьеру на его успѣхѣ, боясь скандала, наклонился къ президенту и сказалъ ему что-то на ухо. Лицо Лучіани просіяло.

— Остановите пытку, мастеръ Алессандро, сказалъ онъ палачу,— и постарайтесь привести въ чувство подсудимую. Потомъ, обращаясь къ судьямъ, онъ прибавилъ:—почтенные товарищи мои, прошу васъ подождать меня на вашихъ мѣстахъ.

Сказавъ это, онъ вышелъ.

Черезъ полчаса въ коррндорѣ, гдѣ исчезъ Лучіани, послышался звукъ цѣпей, и въ открывшейся двери показались Лукреція, Джакомо и Бернардино Ченчи, убитые какъ люди, вынесшіе уже много страда-

ній, отъ которыхъ они не успѣли оправиться. Лучіани слѣдовалъ за ними, какъ пастухъ, который гонитъ скотъ въ бойню.

Съ самаго дня ареста Ченчи не видѣлись между собою. Но внезапно двери ихъ тюремъ открылись, и они, не зная, какъ и почему, очутились въ объятіяхъ другъ друга.

Всякій пойметъ, какое утѣшеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько горя было для несчастныхъ въ этомъ свиданіи, въ которомъ они могли обнявшись плакать на груди другъ у друга.

Когда прошли первыя минуты радостной встрѣчи, Лучіани, грызя себѣ ногти отъ нетерпѣнія, началъ говорить имъ о неимовѣрномъ упрямствѣ Беатриче, которое, по его мнѣнію, было единственной помѣхой къ окончанію процесса и удерживало папское милосердіе, ожидающее только смиренія и раскаянія преступниковъ, чтобъ излиться какъ вода подъ жезломъ Моисея. Что касается до него, то ему несказанно тяжела была необходимость подвергать пыткѣ Беатриче; теперь у него болѣе не доставало духу продолжать пытать ее, пусть они помогутъ ему побѣдить ея упрямство. Онъ умоляетъ ихъ, какъ истинный другъ и христіанинъ, а не какъ судья. Они могутъ быть увѣрены, что у нихъ нѣтъ болѣе ревностнаго заступника и адвоката, какъ онъ.

Какъ легко обманывать тѣхъ, кто довѣряется! Какъ охотно вѣришь тому, чему хочется вѣрить! Несчастные такъ жаждутъ утѣшенія, что Ченчи безъ труда ввѣрились Лучіани, пообѣщавшему имъ даже не разлучать ихъ болѣе. Онъ велъ ихъ теперь поддавшихся обману и побѣжденныхъ, и на лицѣ его видно было торжество побѣды.

Когда бѣдные Ченчи увидѣли истерзанное тѣло Беатриче, которая не обнаруживала никакихъ признаковъ жизни, они разразились горькимъ плачемъ и стали на колѣни передъ мученицей, цѣлуя края ея одежды... они не смѣли дотронуться до ея истерзанныхъ рукъ, боясь увеличить ея страданія. Сердце сжималось при видѣ этихъ несчастныхъ, обремененныхъ цѣпями и колѣнопреклоненныхъ въ какомъ-то ожиданіи вокругъ лежащей безъ чувствъ дѣвушки. Они долго оставались въ этомъ положеніи: когда Беатриче начала приходить въ себя и, еще не открывая глазъ, услышала жалобные стоны, то она подумала, что находится въ чистилищѣ, откуда душа дѣлается достойною подняться на небо, но когда она открыла глаза и увидѣла около себя своихъ дорогихъ родныхъ, убѣжденіе это сдѣлалось въ ней окончательнымъ. Въ радости она воскликнула:

— Слава Богу, я наконецъ умерла! и, сказавъ это, закрыла глаза. Но бѣду, сильныя боли, мучившія ее нестерпимо, слишкомъ ясно доказали ей, что она еще жива. Открывъ снова глаза, она произнесла слабымъ голосомъ:

— Мои дорогіе, въ какомъ видѣ я вижу васъ!...

— А мы, Беатриче, какою мы увидѣли тебя! О Боже! Боже!

Нѣсколько минутъ спустя, донъ Джакомо всталъ, цѣпи его загремѣли и при звукѣ ихъ онъ началъ говорить:

— Сестра моя, я умоляю тебя Христомъ Богомъ сжалиться надъ собою и не отдавать своего тѣла на такія мученія. Сознайся въ томъ, чего отъ тебя требуютъ, такъ же, какъ мы сознались. Чтожъ дѣлать? Я не вижу другой дороги, чтобъ избавиться отъ мученій и кончить жизнь однимъ ударомъ. Гнѣвъ Божій разразился надъ нашими головами. Я покоряюсь бичу, которымъ караетъ насъ Богъ.

Бернардино рыдая сложилъ, какъ для молитвы, свои дѣтскія руки и говорилъ:

— Сознайся, ради любви ко мнѣ, Беатриче: скажи то, чего требуютъ отъ тебя эти господа. Господинъ президентъ далъ мнѣ слово, что насъ освободятъ и мы отправимся домой къ собиранію винограда.

Донна Лукреція въ свою очередь обратилась къ падчерицѣ:

— Дочь моя, возложи свои надежды на Матерь всѣхъ скорбящихъ, Она наградитъ тебя. Кто изъ насъ можетъ назваться невиннымъ? Мы всѣ грѣшны.

По мѣрѣ того, какъ уговаривали Беатриче, глаза ея принимали все болѣе и болѣе строгое выраженіе. Случайно взглядъ ея остановился на Лучіани, который весь сіялъ злобною радостью. Для нея все стало ясно. Негодованіе, досада и презрѣніе наполнили душу Беатриче. Она чуть не вышла изъ себя, но удержалась и, уже успокоившись, начала говорить:

— Я съ безконечною скорбью узнала, что вы не въ силахъ были выдержать мученій и изъ малодушія опозорили свое имя. Я не хочу упрекать васъ. Но я спрашиваю васъ: по какому праву вы хотите, чтобъ я раздѣлила вашъ позоръ? Святые люди учили насъ, что мы не можемъ располагать своею жизнью; какъ же мы можемъ брать на душу нашу преступленіе, въ которомъ не виновны, и позорить наше доброе имя? Несчастные! И какую награду надѣетесь вы получить за ваше малодушіе? Вы, можетъ, думаете спасти себѣ жизнь? Да развѣ вы не понимаете, что нашъ приговоръ произнесенъ уже прежде, чѣмъ убѣдились, виновны мы или невинны? Но съ нихъ мало нашей смерти, и они хотятъ еще нашего позора! Не старайтесь отнять у меня мой мученическій вѣнецъ; я ношу его съ большей гордостью, чѣмъ если бы онъ былъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Въ то время, когда все, что есть на землѣ, покидаетъ меня, два ангела все больше и больше овладѣваютъ моимъ умомъ; одинъ изъ нихъ ангелъ невинности, другой ангелъ терпѣнія и твердости; и велика, друзья мои, ихъ власть надо мною, потому что они не только поддерживаютъ меня во время стра-

даній, но обѣщаютъ мнѣ, какъ только настанетъ имъ конецъ, — а это будетъ скоро, — поднять меня на своихъ крыльяхъ къ моему Создателю. Прощай земля, напитанная слезами и кровью! Лучь небесныхъ радостей нисходитъ на меня и уничтожаетъ всякое страданіе... о какое наслажденіе, какое счастье я испытываю! ахъ, какъ сладко умереть!...

Она склонила голову на плечо и опять упала въ обморокъ.

Тучи, покрывавшія до сихъ поръ солнце, въ эту минуту разсѣялись, и оно озарило своими лучами Беатриче. Ея золотые всклоченные волосы какъ сіяніе окружали ея чело, она была похожа на святую, озаренную ореоломъ божіей благодати.

Всѣ удерживали дыханіе. Самъ Лучіани почувствовалъ какой-то страхъ и душа его была почти готова растрогаться.

Изъ груди Беатриче вырвался вздохъ и она пришла опять въ чувство. Ея родные, стоявшіе на колѣняхъ вокругъ нея, исполненные удивленія, обожанія и стыда, рыдая воскликнули:

— Беатриче... святой ангелъ... укажи намъ дорогу, по которой мы должны слѣдовать за тобою.

Беатриче приподнялась немного и, собравши всѣ жизненныя силы, произнесла громко:

— Умѣйте умереть!

— И мы умремъ, воскликнулъ донъ Джакомо, вставая и потряхивая своими цѣпями передъ самымъ лицомъ судей; мы невинны: мы не убили нашего отца; мы показали это въ мученіяхъ пытки и вслѣдствіе обмана, въ который насъ ввели по неопытности нашей.

Лицо Беатриче просіяло отъ радости и голосомъ нѣжнымъ, какъ благословеніе матери, она произнесла:

— Мученичество на землѣ зовется славой на небѣ: крѣпитесь и умирайте, какъ умирали первые христіане.

Лучіани безъ труда стряхнулъ съ себя человѣческое чувство, невольно овладѣвшее имъ и которое онъ считалъ искушеніемъ дьявола. Видя, что его новая попытка, вмѣсто того чтобы принести желаемый успѣхъ, на который онъ сильно разсчитывалъ, привела къ противоположному результату, онъ загорѣлся злобою.

— Съ вами мы скоро сведемъ счеты, сказалъ онъ, обращаясь къ тремъ Ченчи, и увидимъ, окажетесь ли вы на дѣлѣ такими храбрыми, какъ на словахъ. А теперь, мастеръ Алессандро, приготовьтесь передать подсудимую пыткѣ del taxillo.

— Такъ ли я услышалъ, illustrissimo! Вы сказали taxillo?

— Да, taxillo. Чтожъ это новость для васъ, что-ли?

— Нѣтъ, только я не былъ увѣренъ, такъ ли я разслышалъ, отвѣчалъ палачъ и пошелъ за таксиломъ.

Таксиломъ называли родъ клина, сдѣланнаго изъ [illegible] [illegible], конусообразной формы, широкій къ верху и остроконечный къ низу, и пропитанный терпентиномъ и другими горючими веществами. Дьяволъ въ одеждѣ доминиканскаго монаха изобрѣлъ въ Испаніи эту ужасную пытку.

Мастеръ Алессандро разулъ лѣвую ногу Беатриче, которая казалась произведеніемъ греческаго рѣзца, и сунулъ между ногтемъ и тѣломъ большаго пальца острую часть шишки. Братья Ченчи и Лукреція смотрѣли какъ потерянные на то, что происходило передъ ихъ глазами. Ужасъ охватывалъ ихъ, но что за новая готовилась пытка, они еще не могли понять. Скоро, впрочемъ, они поймутъ, въ чемъ она состоитъ. Палачъ взялъ маленькую свѣчку, зажегъ ее у лампады, горѣвшей передъ распятіемъ, поднесъ ее къ ногѣ Беатриче и прикоснулся пламенемъ къ смолистому клину, который съ трескомъ загорѣлся: пламя мгновенно охватило пальцы ноги.

То были страданія, выносить которыя было выше человѣческихъ силъ; но, боясь разстроить родныхъ и желая показать имъ примѣръ того, какъ надо выносить пытку, Беатриче старалась побороть боль и молча вынести ее. Она закусила себѣ щеки съ такою силою, что ротъ наполнился кровью, и такимъ образомъ превозмогла одну боль другою, только не въ ея силахъ было удержать дрожь, которая била ея тѣло, и судорожные крики, которые исторгала страшная боль. Наконецъ изъ груди ея вырвался отчаянный, пронзительный крикъ, порвавшій, казалось, нить жизни, и голова Беатриче опустилась какъ у мертвой.

Даже заяцъ, доведенный до отчаянія, забываетъ свою трусость и кусается. Донъ Джакомо, не колеблясь нагнулся и схватилъ зубами горящій клинъ; но кромѣ ожога самому себѣ, онъ не принесъ этимъ ничего страдалицѣ. Тогда всѣ они, не исключая и кроткой донны Лукреціи, кинулись на Лучіани, готовые растерзать его своими зубами; они ревѣли, какъ дикіе звѣри, и наружность ихъ почти не имѣла человѣческаго вида. Какъ ни безсильна была ихъ ярость, потому что руки ихъ были скованы и рѣшотка не позволяла имъ подойти близко къ судьямъ, но Лучіани перепугался и, вскочивъ на ноги, поднялъ стулъ, чтобы защищаться. Онъ кричалъ изъ за него, какъ изъ за баррикады.

— Смотрите, чтобъ они не разорвали цѣпей? Держите ихъ! Вѣдь это Ченчи, — они способны растерзать человѣка!

Палачъ, пользуясь смятеніемъ, снялъ клинъ съ ноги Беатриче.

Несчастныхъ Ченчи удержали безъ труда. Лучіани, взволнованный и видя, что его товарищи и всѣ присутствующіе еще болѣе его пришли въ ужасъ, хотя по совсѣмъ другой причинѣ, счелъ за лучшее

прекратить на этотъ разъ истязанія, которыя въ тѣ времена назывались допросами.

— Отведите ихъ въ тюрьму порознь, кричалъ Лучіани съ порога двери. Посадите ихъ на пищу покаянія...

Безчувственная Беатриче была отнесена въ тюрьму и отдана на попеченіе доктора, который, вздыхая, объявилъ, что подсудимая не можетъ быть успѣшно подвергнута пыткѣ ранѣе цѣлой недѣли.

ГЛАВА XXI.

Просперъ Фариначчьо.

— Введите его сейчасъ,—сказалъ Чинтіо Писсеро, кардиналъ ди-Санъ Джорджіо,—слугѣ, который доложилъ ему, что президентъ Лучіани настоятельно проситъ аудіенціи у его преосвященства. Лучіани, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился посреди комнаты, почтительно наклонилъ голову и оставался въ этомъ положеніи, не произнося ни слова.

Кардиналъ опустилъ вѣки, чтобы скрыть радость, которою блестѣли его глаза, и медленнымъ равнодушнымъ голосомъ, предвѣстникомъ неблагодарности, спросилъ:

— Ну, что дѣлается? Что, конченъ наконецъ этотъ знаменитый процессъ?

— Ваше преосвященство, отвѣчалъ Лучіани, опустивъ руки по швамъ, вы видите на мнѣ повтореніе исторіи Сизифа...

Кардиналъ, догадываясь еще болѣе по выраженію лица Лучіани, чѣмъ по словамъ его, объ истинѣ, сбросилъ маску равнодушія и гнѣвно спросилъ:

— Что это значитъ? Говорите безъ метафоръ, я не люблю ихъ.

— Это значитъ, ваше преосвященство, что не могли добиться никакого сознанія отъ подсудимой Беатриче; и остальные Ченчи, увлеченные ея примѣромъ, взяли назадъ свои показанія.

— Но вы... вы сами, чего добраго, ужъ не разжалобились ли?

— Я! воскликнулъ Лучіани такимъ тономъ, какъ будто онъ услышалъ величайшую нелѣпость: — судите сами, ваше преосвященство. Пытка веревки, пытка vigiliae, canubbiorum, rudentium, taxilli, — я всѣ ихъ испробовалъ, безъ отдыха, одну за другой, —такъ что я самъ подивился. Еслибъ пытка длилась еще немного, то намъ не пришлось бы больше и говорить о подсудимой и процессъ былъ бы потерянъ. Я довелъ ее до обморока, который длился больше трехъ часовъ.

— И даже съ taxillo она не созналась?

— Нѣтъ.

— Да изъ чего вы ихъ дѣлаете, эти taxillo — изъ масла, что ли?

— Ваше преосвященство, мы дѣлаемъ ихъ изъ пинновыхъ шишекъ, пропитанныхъ терпентиномъ. И всѣ эти пытки я велѣлъ производить такимъ образомъ, что самъ мастеръ Алессандро совѣтовалъ прекратить ихъ изъ боязни, чтобъ она не умерла подъ пыткой.

— А что это за мастеръ Алессандро?

— Палачъ, ваше преосвященство.

Во всякомъ языкѣ есть такія соединенія звуковъ, которыя особенно непріятно дѣйствуютъ на нервы людей, и слово палачъ принадлежитъ именно къ подобнымъ звукамъ. Кардиналъ сдѣлалъ недовольную мину и съ пренебреженіемъ поднялъ голову, какъ будто хотѣлъ сказать: «съ какой стати между нами замѣшался палачъ?»

Лучіаня также точно мысленно отвѣчалъ: «съ какой стати? очень понятно съ какой, и твоя досада происходитъ оттого именно, что онъ замѣшался тутъ не такъ, какъ тебѣ бы хотѣлось. О! красный человѣкъ! ты сродни палачу не по одной одеждѣ, а и по многому другому!»

— Но когда вы увидѣли, что строгостью ничего нельзя сдѣлать, отчего вы не прибѣгли къ кротости и нѣжности?

— Я все испробовалъ, ваше преосвященство; я даже рискнулъ пообѣщать помилованіе (само собою разумѣется, что я говорилъ это отъ себя, оставляя возможность вашему преосвященству и его святѣйшеству опровергнуть приговоромъ мои слова). Я устроилъ такъ, что сознавшіеся родные ея явились къ ней въ ту минуту, когда, казалось, она должна была быть обезсилена страданіями; они со слезами умоляли ее сознаться, увѣряя, что это единственное средство спасенія. Все было напрасно! Дѣвушка эта, упрямая до невѣроятности, пренебрегла и мученіями, и ласками, и, вытерпѣвъ болѣе, чѣмъ казалось силы человѣческія могли вынести, среди мученій умоляла родныхъ своихъ подражать ея стойкости и взять назадъ свое сознаніе. — Какъ все это произошло, я и самъ не знаю; не знаю даже, гдѣ я былъ и что со мной было въ то время? только они послушались ея и отреклись отъ всего того, въ чемъ сознались прежде.

— Меня никто не увѣритъ, что въ этомъ дѣлѣ дѣйствовали съ тою ревностью, какой требовалъ самый родъ процесса и которой, повидимому, должно было заслуживать выраженное мною желаніе.

— Право, ваше преосвященство, напрасно недовольны. Подумайте только, что....

— Ну, что же вы предполагаете теперь дѣлать? перебилъ съ сердитымъ видомъ кардиналъ.

— Я пришелъ за тѣмъ, чтобъ узнать мудрое мнѣніе вашего преосвященства.

Они обмѣнялись взглядами, изъ которыхъ однихъ уже было видно, на сколько они ненавидѣли другъ друга. Алчность и жестокость образуютъ вмѣстѣ адскій цементъ, который сплачиваетъ души злодѣевъ до совершеннаго преступленія. Злодѣйство совершилось, и соумышленники дѣлятъ между собою добычу, ненависть и угрызеніе совѣсти.

Когда совершится кровавое дѣло, кардиналъ возненавидитъ Лучіани двойною ненавистью: ненавистью обязательной признательности и ненавистью соучастія; Лучіани возненавидитъ кардинала, потому что испытаетъ его высокомѣріе и будетъ знать, что онъ злодѣй. Но и теперь уже ихъ ненависть проглядываетъ сквозь нескрываемое презрѣніе одного къ другому и боязнь одного изъ двухъ.

Послышался легкій стукъ въ дверь и вошелъ человѣкъ съ докладомъ, что адвокатъ Просперъ Фариначчьо проситъ позволенія явиться къ его преосвященству.

— Фариначчьо! воскликнули въ одно и то же время кардиналъ и Лучіани. Кардиналъ подумалъ съ минуту и сказалъ:

— Введите его. А вы, синьоръ Лучіани, потрудитесь подождать въ передней нашихъ приказаній.

Предоставляю читателю судить, съ какими чувствами Лучіани вышелъ отъ кардинала послѣ такого оскорбленія своего достоинства. Какъ! онъ, президентъ, долженъ выйти для простаго адвоката?

— Подите-же, губите свою душу для такихъ господъ! бормоталъ онъ сквозь зубы, уходя.

— Ваше преосвященство, началъ Фариначчьо, раскланявшись развязно и съ достоинствомъ кардиналу: я прямо объясню вамъ причину, которая дала мнѣ смѣлость безпокоить васъ. Я пришелъ просить ваше преосвященство позволить мнѣ взять на себя защиту подсудимыхъ Ченчи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей.

— Синьоръ адвокатъ, отвѣчалъ кардиналъ, нахмуривъ брови, — подумали ли вы, о чемъ вы просите? Развѣ эти злодѣи заслуживаютъ чести вашей защиты? гнусность ихъ преступленія отнимаетъ у нихъ это право, и наконецъ, было бы странно исполнить вашу просьбу, когда процессъ уже конченъ.

— Ваше преосвященство, защита есть божественное право. Богъ дозволилъ ее Каину, а кто лучше Его зналъ, что онъ преступенъ?

— Это правда, но человѣческое благоразуміе нашло недостойными права защиты такихъ ужасныхъ преступниковъ. Скажите мнѣ, господинъ адвокатъ, развѣ эти жестокіе дѣти дали своему отцу время

защищаться? Они даже не дали ему одной минуты (и это всего ужаснѣе!) для того, чтобы примириться съ Богомъ и спасти свою душу.

— Это такъ, ваше преосвященство, но есть причины, которыя необходимо взять въ соображеніе. Я не стану исчислять всѣхъ тѣхъ милостей, за которыя я обязанъ признательностью его святѣйшеству и вамъ; не буду также говорить, съ какимъ рвеніемъ я стараюсь, на сколько мнѣ позволяютъ мои слабыя силы, дѣлать все, что могу для возвеличенія вашего знатнаго дома; я исполняю простой долгъ благодарности, и объ этомъ не стоитъ и говорить. Если я коснулся этого, то единственно изъ желанія убѣдить ваше преосвященство, что если въ этомъ случаѣ и найдется совѣтникъ, болѣе заслуживающій довѣрія, чѣмъ я, то не найдется ни въ комъ такой же преданности. И потому мнѣ хочется передать вамъ, что съ нѣкоторыхъ поръ въ Римѣ распространилось мнѣніе, будто это совершенно невѣроятное дѣло, чтобы Бернардино Ченчи, одиннадцатилѣтній ребенокъ, могъ принимать участіе въ убійствѣ отца; еще менѣе вѣрятъ виновности Беатриче (это была неправда, но онъ лгалъ съ умысломъ,) Беатриче, необыкновенная красота которой и мужество, съ какимъ она перенесла самыя ужасныя пытки, возбудили къ ней всеобщее сочувствіе. Шопотъ клеветы изъ одного уха въ другое распространяетъ молву, будто бы всѣ Ченчи обвинены въ преступленіи потому только, что имѣются виды на ихъ огромныя богатства; дворяне негодуютъ за то, что хотятъ уничтожить знаменитый родъ, который, какъ они говорятъ, происходитъ отъ древнѣйшихъ римлянъ. Я думаю, ваше преосвященство, и многіе раздѣляютъ мое мнѣніе, что для того, чтобы не дать ни малѣйшаго предлога къ подобнымъ клеветамъ, необходимо предоставить подсудимымъ право защиты. Еслибъ вы только слышали, какія ужасныя клеветы распространяются въ народѣ! Вотъ что говорятъ: гдѣ же бѣдному ребенку защищаться противъ старыхъ волковъ? или неопытной молодой дѣвушкѣ? Запуганные угрозами, окруженные предателями...

Кардиналъ, привыкшій владѣть собою, сохранялъ до сихъ поръ наружное спокойствіе и слушалъ Фариначчьо съ пріятной улыбкой, но при этихъ послѣднихъ словахъ онъ не вытерпѣлъ, сердце его закипѣло злобой, и онъ съ досадой воскликнулъ:

— Какъ осмѣливаетесь вы подозрѣвать подобные ужасы?

— Да это не я подозрѣваю, ваше преосвященство; эта клевета ходитъ по городу, и она еще не останавливается на этомъ. Говорятъ, будто сознаніе, вынужденное страшными пытками, не есть доказательство; что лучше ужъ было просто избавиться отъ нихъ отъ всѣхъ ночью посредствомъ западни.

Кардиналъ жевалъ бумагу для того, чтобы сдержать свой гнѣвъ; но минутами пѣна показывалась по угламъ его губъ. Фариначчьо, какъ

человѣкъ проницательный, видѣлъ, что произвелъ впечатлѣніе, и продолжалъ.

— Мнѣ тяжело, очень тяжело, ваше преосвященство, слышать всѣ эти толки, и я никогда не рѣшился бы передать ихъ вамъ, еслибъ не надѣялся получить отъ подсудимыхъ полнаго сознанія, которое опровергнетъ клевету и дастъ случай святѣйшему отцу показать свою милость и благодушіе, которыми онъ, какъ блестящими лучами, наполнилъ свѣтъ.

— И вы точно надѣетесь заставить ихъ сознаться? спросилъ кардиналъ съ просіявшимъ лицомъ.

— Да, я надѣюсь.

— Всѣхъ?

— Всѣхъ...

— Я боюсь, что вы берете слишкомъ много на себя, синьоръ Просперо, потому что въ этихъ преступникахъ упрямство равно злодѣйству; а вы помните, что двери милосердія могутъ открыться мольбѣ покаявшагося грѣшника, но никакъ не требованію гордаго упрямца. Да притомъ, въ этомъ дѣлѣ доказательства такъ явны и ихъ такъ много, что они побѣдили бы невѣріе самаго апостола Ѳомы. Мы (и при этихъ словахъ глаза кардинала ядовито засверкали) не привыкли обращать вниманія на молву черни. Развѣ орелъ когда нибудь боялся ящерицы? Въ нашихъ рукахъ есть средства, которыя укорачиваютъ языки, и вы знаете, господинъ адвокатъ, что мы умѣемъ употреблять ихъ въ дѣло.

Но тѣмъ не менѣе слова Фариначчьо не были сказаны даромъ, и кардиналъ, желая разгадать, какая причина заставила адвоката дѣйствовать такъ, сказалъ, что онъ передастъ его просьбу папѣ: собственно же ему нужно было только время на размышленіе.

Фариначчьо на поворотѣ одной изъ улицъ открылъ дверцы стоящей тамъ кареты и, обращаясь къ кому-то сидѣвшему въ ней, сказалъ:

— Наше дѣло на хорошей дорогѣ, ваше преосвященство.

Но прежде, чѣмъ продолжать разсказъ, надо знать читателю, что побудило Фариначчьо взяться за защиту несчастнаго семейства Ченчи. Наканунѣ того самаго дня, въ который происходило описанное свиданіе, къ Фариначчьо явился угольщикъ и объявилъ, что имѣетъ переговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ.

Фариначчьо вѣжливо просилъ его сѣсть и приготовился слушать.

— Я буду говорить стоя, отвѣчалъ угольщикъ. Скажите мнѣ, господинъ адвокатъ, слышали ли вы что нибудь о процессѣ Ченчи?

— Я полагаю. Онъ перевернулъ весь Римъ верхъ дномъ.

— И неужели въ вашемъ сердцѣ ни разу не поднялся голосъ въ пользу этихъ несчастныхъ!

— Сколько разъ я слышалъ этотъ голосъ и теперь еще слышу его! Я даже скажу вамъ мою тайную мысль: исключительность обстановки, замѣна сострадательнаго и честнаго судьи Москети жестокимъ Лучіани, возрастъ подсудимыхъ и многое другое заставляютъ меня подозрѣвать въ этомъ дѣлѣ какой нибудь скрытый, ужасный умыселъ.

— Въ такомъ случаѣ, скажите пожалуйста, отчего же вы, который никогда не отказывали въ своей помощи самымъ презрѣннымъ людямъ, не идете защищать этихъ несчастныхъ?

— Потому что, обсудивъ какъ слѣдуетъ дѣло, я вижу, что тутъ сломаешь себѣ ногу. Я уже сказалъ вамъ, я боюсь въ этомъ дѣлѣ тайнаго преслѣдованія... и притомъ, всесильнаго! я боюсь, что это будетъ не правосудіе, а судебное убійство; — я вижу, другъ мой, или мнѣ кажется, что я вижу правосудіе вооруженнымъ не мечемъ закона, но кинжаломъ бандита, и...

— Продолжайте, господинъ адвокатъ, дрожащимъ и умоляющимъ голосомъ сказалъ угольщикъ, видя, что Фариначчьо не рѣшался говорить.

Просперо подошелъ къ двери и, увѣрившись въ томъ, что она хорошо заперта, вернулся на свое мѣсто.

— Ходитъ слухъ, продолжалъ онъ,—хотя я этому слуху не вѣрю вполнѣ, что такъ какъ Ченчи чрезмѣрно богаты, а племянники папы чрезмѣрно бѣдны и жадны, то ищутъ повода конфисковать имѣнія Ченчи и передать ихъ потомъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, въ которомъ при дворѣ недостатка быть не можетъ, бѣднымъ племянникамъ.

— Какъ! хотя бы для этого надо было казнить четыре невинныя существа?

— Кардиналы носятъ красныя платья для того, чтобы на нихъ не видно было крови. Но скажите, ради Бога, кто вы такой?

— Вамъ не для чего знать, кто я, господинъ адвокатъ; все, что я могу вамъ сказать, это то, что нѣтъ несчастнѣе меня человѣка на свѣтѣ. Неужели вы не возьметесь защищать это несчастное семейство?

— Во первыхъ, вамъ надо знать, что защита отцеубійцъ допускается особенною милостью, но не предоставляется de jure по закону.

— И у васъ достанетъ духу оставить на погибель этихъ несчастныхъ, невинныхъ какъ самъ Христосъ?

— Неужели вы считаете ихъ совершенно невинными? Противъ нихъ столько уликъ.

— Я? я утверждаю, что они невинны... потому что... убійца графа Ченчи — я самъ.

— Вы? Да кто же вы такой?

— Вы обѣщали не спрашивать мое имя. Я убилъ его этими самыми руками и готовъ бы убить его еще разъ.

Угольщикъ разсказалъ адвокату все, какъ было, передалъ ему всѣ тайны семейства Ченчи, всѣ поступки и слова развратнаго старика, также точно какъ добродѣтель и терпѣніе его дочери, Беатриче.

Между тѣмъ Фариначчьо, слушая разсказъ, старался всячески отгадать: кто могло быть это таинственное лицо? Одну минуту ему мелькнула мысль, что это Гвидо Гверро, но его онъ зналъ слишкомъ хорошо, а голосъ и манеры угольщика не имѣли ничего похожаго на Гвидо. Подумавъ, Фариначчьо сказалъ:

— Еслибъ я вамъ сказалъ, подите и откройтесь, сдѣлали бы вы это?

— Если это надо сдѣлать сію минуту, то мнѣ и тогда будетъ казаться, что это не довольно скоро.

— Нѣтъ, нѣтъ! вы будете лишней жертвой, но не спасете ягненка отъ пасти волка! Любовь была такъ же гибельна для несчастной дѣвушки, какъ и ненависть. Народъ приписываетъ ей убійство отца для того, чтобъ облечь ее въ вѣнецъ славы, папа—для того, чтобы завладѣть ея богатствомъ... Трудное препятствіе, задумчиво говорилъ Фариначчьо, слишкомъ трудное!

— Синьоръ Просперо, не оставьте ихъ, ради всего святаго...

— И въ добавокъ, продолжалъ Фариначчьо, не слушая его, при дворѣ меня ненавидятъ и готовы смять пальцами, какъ хлѣбный мякишъ, при первой возможности.

— При дворѣ есть лица, которыя будутъ за васъ. Я знаю, что кардиналы Франческо Сфорца и Маффео Барберини готовы помочь вамъ...

— Это немного облегчаетъ дѣло... А какъ же мнѣ явиться къ этимъ господамъ?

— Идите прямо къ нимъ; вы ихъ найдете уже приготовленными.

Но не смотря на это, Фариначчьо былъ въ нерѣшимости, она видна была на его лицѣ, такъ что угольщикъ умоляющимъ голосомъ, полнымъ слезъ, продолжалъ:

— И теперь, когда вы знаете все, неужели вы оставите ихъ погибнуть безъ помощи?

— А если я погублю себя вмѣстѣ съ ними?

— Въ доброе дѣло не долженъ входить расчетъ.

Все это говорилось съ такимъ жаромъ, что Гвидо, забывшись, произнесъ послѣднія слова своимъ естественнымъ голосомъ, Фариначчьо, не въ силахъ будучи удержаться, воскликнулъ:

— Вы—монсиньоръ Гвидо?!

— Я? я былъ имъ когда-то...

— О, Боже! какъ вы измѣнились, сказалъ Фариначчьо, протягивая ему руку, которую тотъ пожалъ съ чувствомъ.

— Теперь, когда вы знаете мое несчастіе... когда вы сами плачете надъ нимъ, — неужели вы отпустите меня съ моимъ отчаяніемъ?

— Пусть будетъ по вашему. Идите и будьте спокойны. Все, что мозгъ можетъ выдумать и языкъ произнести, будетъ употреблено въ дѣло для оправданія тѣхъ, за кого вы просите.

— Я этого и жду отъ васъ; въ случаѣ неудачи мы прибѣгнемъ къ другимъ средствамъ. Вы ее увидите... не говорите ей обо мнѣ.... или нѣтъ... говорите... дайте ей это кольцо,—оно внушитъ ей довѣріе къ вамъ. Между нами кровь ея отца, но я за нее пролилъ эту кровь... я люблю ее... и она не можетъ перестать меня любить:—мы связаны на вѣки и вмѣстѣ съ тѣмъ разъединены навсегда; наша любовь — это цвѣтокъ, который сорветъ смерть. Кончивъ говорить, Гвидо разстегнулъ поясъ и отдалъ его Фариначчьо, который не хотѣлъ его брать, но Гвидо настоялъ:

— Я не думаю деньгами отблагодарить васъ за то, что вы дѣлаете; благодарность моя кончится только съ моею жизнію; но, отказывая мнѣ въ моей просьбѣ принять это, вы меня огорчаете; а вы знаете, что у меня уже и такъ довольно горя.

Оставшись одинъ, Фариначчьо сталъ думать о необыкновенности всего, что слышалъ, и о бѣдствіи, которое висѣло надъ головою несчастнаго семейства Ченчи; потомъ мысли его перешли къ защитѣ, и онъ мигомъ нашелъ, на чемъ ее основать, и къ несчастью былъ убѣжденъ, что это лучшее средство было и единственное. Недостатокъ Фариначчьо, какъ адвоката, заключался именно въ томъ, что онъ слишкомъ быстро останавливался на какой нибудь одной мысли, и уже ничто не могло его заставить перемѣнить ее. Большею частію онъ выбиралъ удачно, но если онъ съ разу ошибался, то уже не было никакого спасенія.

На другой день Фариначчьо получилъ папское разрѣшеніе защищать семейство Ченчи. Въ этомъ первомъ успѣхѣ онъ видѣлъ хорошее предзнаменованіе и былъ внѣ себя отъ радости. Онъ тотчасъ отправился къ адвокатамъ де-Анжелисъ и Альтьери и упросилъ ихъ взять вмѣстѣ съ нимъ защиту семейства Ченчи. Подмога ихъ была очень важна для него, потому что де-Анжелисъ, какъ адвокатъ бѣдныхъ, пользовался большой популярностью въ народѣ, а Альтьери, какъ человѣкъ знатнаго происхожденія, былъ очень уважаемъ дворянствомъ. Они не оправдали сразу главной идеи, на которой Фариначчьо основывалъ свою защиту, но послѣ долгаго пренія онъ убѣдилъ ихъ, дока-

завъ, что на это дѣло надо смотрѣть какъ на безнадежное и идти на рискъ. На чемъ онъ основывалъ свою защиту, мы увидимъ послѣ.

ГЛАВА XXII.

Жертва.

Беатриче лежала въ своей тюрьмѣ. Все тѣло ея болѣло страшно, она не могла сдѣлать ни малѣйшаго движенія безъ того, чтобы не испытывать невыносимыхъ страданій, а между тѣмъ мысли ея были поглощены душевными страданіями, которыя для нея были во сто разъ тяжелѣе. Она думала о своемъ возлюбленномъ. Судьба разразила надъ ними свою молнію и сломила ихъ на двое какъ тростникъ. Въ ея жизни не было теперь цѣли; умреть она, или останется жива, все равно,—Гвидо уже не можетъ протянуть ей руку, чтобъ удержать ее на краю пропасти; еще менѣе онъ можетъ протянуть ее за тѣмъ, чтобы быть ея мужемъ. Она уже болѣе и не думаетъ о жизни, бывшей для нея однимъ страданіемъ: «я уже стою одной ногой въ гробу», говоритъ она про себя, «Богъ проститъ мнѣ мои грѣхи за мои страданія. Но онъ!... проститъ ли его Богъ? А отчего Ему не простить его? Богъ всегда прощаетъ того, кто кается отъ глубины души. А раскается ли онъ? Нѣтъ, онъ не раскается; онъ готовъ бы вновь сдѣлать тоже самое... да, навѣрное; иначе онъ не любилъ бы меня; я на его мѣстѣ сдѣлала бы тоже самое. О! несчастная! несчастная! Боже, спаси мнѣ его! Послѣ столькихъ страданій на землѣ, пускай у меня хотя будетъ утѣшеніе увидѣть его въ раю, обнять его, сжать его руку! его руку! Да, потому что Провидѣніе изгладитъ изъ моихъ воспоминаній кровь, которою она была облита... Но, Боже, какъ моя душа страдаетъ отъ всѣхъ этихъ сомнѣній! Я точно испытываю горечь второй смерти... О, еслибъ около меня былъ какой нибудь святой человѣкъ, который бы объяснилъ мнѣ все, что меня тревожитъ?...

— Синьора Беатриче, произнесла Виржинія, высунувъ голову изъ за двери:—господинъ адвокатъ Просперо Фариначчьо желаетъ говорить съ вами.

— Со мною? Что мнѣ до этого адвоката? Я его не знаю. А впрочемъ, пускай! ихъ было ужъ такъ много! Введите и этого.

Фариначчьо вошелъ въ комнату и остановился пораженный: какъ ни много онъ слышалъ о красотѣ Беатриче, но, увидя ее, онъ понялъ, что слава ея была ниже дѣйствительности. Исхудалая отъ вынесен-

ныхъ страданій, она казалась ангеломъ, сошедшимъ съ неба: онъ подошелъ къ ней молча, исполненный благоговѣйнаго чувства.

— Чего вы хотите отъ меня? спросила она тихимъ голосомъ,

— Благородная дѣвушка, я пришелъ къ вамъ, движимый состраданіемъ къ вашему несчастію, но еще болѣе по настоятельнымъ просьбамъ того, который плачетъ горькими слезами... того, котораго вы, можетъ быть, въ одно и тоже время ненавидите и любите... того, однимъ словомъ, который никогда не былъ такъ достоинъ васъ, какъ въ ту минуту, когда терялъ васъ навсегда... Біеніе вашего сердца уже сказало вамъ, кто послалъ меня...

— Онъ? и онъ плачетъ?

— Плачетъ, и умретъ отъ отчаянія, если вы не сдѣлаете всего, чтобы помочь себѣ.... Но для того, чтобы вы мнѣ довѣрились вполнѣ, онъ поручилъ мнѣ отдать вамъ это кольцо.

Беатриче взяла кольцо и, не сводя съ него глазъ, произнесла:

— И онъ открылъ вамъ все?

— Все.

— Рѣшительно все?

Фариначчьо наклонилъ утвердительно голову вмѣсто отвѣта.

— Ну, что же вы скажете?

Фариначчьо говорилъ ей долго обо всемъ, что мы уже знаемъ; представилъ ей, въ какомъ положеніи находится процессъ, и въ заключеніе сказалъ:

— Я много думалъ и пришелъ къ тому убѣжденію, что для васъ самихъ и для вашихъ родныхъ есть одна только надежда на спасеніе: для этого вы добровольно должны объявить себя виновной въ убійствѣ отца....

Беатриче прервала его, вскрикнувъ отъ удивленія: она въ недоумѣніи смотрѣла на него. Если это шутка, то въ этомъ мѣстѣ, въ ея положеніи было слишкомъ жестоко такъ шутить. — Если это совѣтъ, то онъ казался ей такимъ страннымъ и уродливымъ, что она подумала, что или адвокатъ, или она, потеряли разсудокъ. Фариначчьо, видя изъ выраженія ея лица, какъ она поражена, прибавилъ:

— Я понимаю, что совѣтъ мой долженъ казаться вамъ страннымъ, но я вамъ объясню свою мысль.

— Какъ, сказала Беатриче разстроеннымъ голосомъ: послѣ тѣхъ ужасныхъ страданій, какія я вытерпѣла для того только, чтобы сохранить свое доброе имя, — я добровольно должна опозорить себя и бросить это имя, какъ предметъ ужаса и отвращенія потомству!

— Благородная дѣвушка, позвольте мнѣ сказать вамъ то, что ка-

жется невѣроятнымъ, а между тѣмъ оно справедливо. Всѣ убѣждены, что вы убили того, котораго нельзя болѣе называть отцомъ вашимъ, не оскорбляя природы; одни это думаютъ, имѣя въ виду извѣстныя цѣли, и не потому, что они васъ ненавидятъ, — совсѣмъ нѣтъ, но они слишкомъ любятъ ваши богатства; другіе вѣрятъ этому потому, что любятъ васъ, а ихъ воображенію нравится видѣть въ васъ образецъ чистой дѣвственницы, и они признаютъ васъ добродѣтельнѣе Лукреціи, сильнѣе Виргиніи. Народъ причислилъ васъ къ этимъ двумъ героинямъ и поклоняется вамъ; если бы кто захотѣлъ разубѣдить его, онъ бы возненавидѣлъ его и не повѣрилъ ему. Еслибъ я не на этомъ основалъ свою защиту, я бы и себя погубилъ, и васъ не спасъ. Отклоняя отъ себя вину, вы никого не увѣрите, что не вы убили отца,—вы не спасете ни себя, ни того, который потерялъ васъ потому, что слишкомъ сильно васъ любилъ; судьи считаютъ всѣ улики, собранныя въ дѣлѣ, достаточными для того, чтобы признать васъ убійцею, и законъ дозволяетъ, при сознаніи соучастниковъ, подвергнуть несознающагося преступника пыткѣ до смерти.

— Аминь; меня ужь такъ много пытали, что кажется мнѣ остается пройти небольшой путь. Притомъ умирать вовсе не такъ тяжело, какъ думаютъ люди, — я могу васъ увѣрить въ этомъ, — я уже достигала дверей вѣчности, и не одинъ разъ....

— Нѣтъ, вамъ не слѣдуетъ умирать; подумайте только, что ваше желаніе большой грѣхъ; въ глазахъ Бога одинаково грѣшенъ и тотъ, кто накладываетъ на себя руку, и тотъ, кто, имѣя возможность спасти свою жизнь, не старается спасти ее....

— И я соглашусь жить и видѣть, какъ содрогаются отцы при моемъ появленіи! И я рѣшусь сохранить жизнь для того, чтобы люди съ любопытствомъ и ужасомъ останавливали свои взоры на моемъ челѣ, читая на немъ надпись: «отцеубійца!» О, нѣтъ! Я лучше желала бы исчезнуть совсѣмъ съ земли, чтобы не оставалось даже и воспоминанія обо мнѣ!

— Да что вы думаете, что тѣ, которые вѣрятъ въ ваше преступленіе, ненавидятъ васъ и смотрятъ на васъ съ ужасомъ? Вы ошибаетесь. Покуда у людей будетъ сердце, способное биться при имени добродѣтели, они будутъ возносить до небесъ цѣломудренную дѣвушку, вынужденную совершить убійство, защищая свою непорочность. Чѣмъ тѣснѣе родственная связь, тѣмъ сильнѣе оскорбленіе и тѣмъ законнѣе защита. Придетъ время, когда пораженные удивленіемъ люди преклонятся передъ шестнадцатилѣтнею дѣвушкой, которая вынесла мученія свыше силъ человѣческихъ и только изъ любви къ роднымъ рѣшилась пожертвовать и жизнью, и своимъ добрымъ именемъ. Выше этой жертвы ничего быть не можетъ. Посмотрите, а

того, который принесъ себя въ жертву роду человѣческому (говорилъ Фариначчьо, указывая на распятіе, висѣвшее надъ постелью Беатриче) — для спасенія враговъ своихъ и притѣснителей Онъ принялъ позорную смерть.

— Да, но Христосъ умеръ не опозореннымъ!...

— Кого же позорили болѣе его? Ему предпочли Варавву; по сторонамъ его распяли разбойниковъ....

— Развѣ я могу призвать Бога истины въ свидѣтели лжи?

— Не смущайтесь этимъ. Не въ порядкѣ вещей принуждать обвиняемаго приносить клятву, ставя его такимъ образомъ въ необходимость или быть клятвопреступникомъ, или вредить самому себѣ. Богъ велитъ всякому защищать свою жизнь.

— Господинъ адвокатъ, вы поражаете меня, но не убѣждаете: я не въ силахъ спорить съ вами.... но я чувствую.... тутъ во глубинѣ сердца, что не на вашей сторонѣ истина.

Едва произнесла она эти слова, какъ дверь тюрьмы открылась вновь, и въ ней показались измученныя лица мачихи и братьевъ, которые окружили постель Беатриче. Они не говорили ни слова, но лица ихъ выражали мольбу, мольбу нѣмую, плачь сердца, не слышные слуху, но которые, содрогаясь, понимаетъ душа.

Фариначчьо истощилъ свое краснорѣчіе; онъ понималъ, что больше говорить было нечего, и съ отчаяніемъ въ сердцѣ ожидалъ успѣха, почти боясь его въ то же время. Долго длилось молчаніе, во все время котораго Беатриче смотрѣла на распятіе, положенное къ ней на постель руками Фариначчьо. Потомъ она взяла его въ руки, съ благоговѣніемъ приложилась къ нему и унылымъ голосомъ, точно читала псаломъ надъ мертвымъ, произнесла:

— Если вы этого непремѣнно хотите, пусть будетъ по вашему. Ты, Господи, видишь все; если я поступаю дурно, прости меня за мое доброе намѣреніе. Потомъ, обращаясь къ роднымъ, она сказала: что касается до меня, то я думаю, что намъ несчастнымъ нечего ожидать спасенія. — Судьба, преслѣдующая насъ, прекратитъ свои удары только надъ нашей могилой; она обратитъ свои шаги въ другую сторону, когда прочтетъ на надгробномъ камнѣ: «здѣсь погребены всѣ Ченчи, казненные за свои преступленія». Я не хочу отнимать у васъ надежду и молю Бога, чтобы моя жертва спасла васъ. Но будьте готовы ко всему и не надѣйтесь слишкомъ много, чтобы потомъ не впасть снова въ глубину отчаянія....

Въ эту минуту не плотно закрытое окно распахнулось отъ сильнаго вѣтра, и лампадка, горѣвшая передъ образомъ мадонны, погасла. Случай этотъ произвелъ на всѣхъ присутствующихъ тяжелое впечат-

дѣніе, какъ дурное предзнаменованіе; одна Беатриче осталась спокойною и прошептала про себя эти два стиха Петрарки:

«Какъ пламя, задутое бѣглымъ зефиромъ,
Душа улетѣла къ Всевышнему съ миромъ».

Ченчи плакали, и все лицо Проспера было въ слезахъ: онъ закрылся обѣими руками и, склонивъ голову, погрузился въ раздумье, желая найти какое нибудь другое, менѣе рискованное средство, чтобъ спасти этихъ несчастныхъ. Но онъ ничего не могъ придумать, и тяжелый вздохъ вырвался изъ его груди. Душа его была полна радостной надежды, когда онъ входилъ къ Беатриче, теперь онъ оставлялъ ее съ разбитымъ и почти безнадежнымъ сердцемъ.

— Ну, что вамъ удалось получить отъ этой упрямой головы? спросилъ Лучіани адвоката насмѣшливымъ тономъ.

— Она сознается, что для своей защиты вынуждена была убить Франческо Ченчи.

— Въ самомъ дѣлѣ? Чортъ возьми! Да вы творите чудеса, достойнѣйшій господинъ адвокатъ! Еслибъ вы согласились служить у насъ, клянусь Богомъ, я готовъ бы былъ сжечь всѣ орудія пытки обыкновенной и необыкновенной.

Фариначчьо былъ возмущенъ радостью этого мерзавца и съ негодованіемъ сказалъ ему:

— Господинъ президентъ, вспомните, что греки, когда одерживали побѣду надъ греками, вмѣсто того, чтобы радоваться, приносили публичныя очищенія, а они были язычники.

— О! вы знаменитый ученый, оттого вы такъ и судите, а я иду по обыкновенной дорогѣ и знаю, что крестьяне дарятъ яйца охотнику, который убьетъ у нихъ лисицу. Значитъ, я вѣрно отгадалъ? О, меня не проведешь, и это лицо святоши не обмануло меня нисколько.

Фариначчьо, который тѣмъ сильнѣе воспламенялся, что это съ нимъ рѣдко случалось, схватилъ за руку Лучіани и, вытащивъ его на балконъ, указалъ ему на солнце во всемъ блескѣ его лучей.

— Еслибъ вы могли изъ всѣхъ этихъ лучей сдѣлать вѣнецъ, онъ былъ бы недостоинъ добродѣтели этой божественной дѣвушки.

Лучіани смотрѣлъ не на солнце, а на Фариначчьо и, смѣясь, сказалъ ему:

— Я смотрю на эту колдунью совсѣмъ другими глазами, и это по двумъ причинамъ: вотъ это первая (при этомъ онъ снялъ шапочку и указалъ на свою лысую сѣдую голову), а это вторая, прибавилъ онъ, разстегнувъ платье и показывая ладонку, висѣвшую у него на шеѣ. Простившись съ адвокатомъ, Лучіани поспѣшилъ со своими товарищами къ несчастной Беатриче для того, чтобы получить ея сознаніе.

Она объявила, что мачиха и братья совершенно невинны въ преступленіи, которое было сдѣлано ею одною, безъ всякаго приготовленія, но въ минуту защиты отъ насилія. Она разсказала все, какъ было, поставивъ себя на мѣсто Гвидо.

При вопросѣ Лучіани, откуда она взяла кинжалъ, она смѣшалась и не сразу нашлась, что отвѣчать; потомъ сказала, что она постоянно имѣла его при себѣ, съ намѣреніемъ заколоть себя скорѣй, чѣмъ вынести безчестіе. Но при настояніяхъ и допросахъ судьи она путалась и, еслибъ-онъ хотѣлъ добраться до истины, то ей трудно было бы поддерживать свою басню. Но ему нужно было ея сознаніе во что бы то ни стало, и онъ нашелъ, что тѣхъ показаній, которыя онъ получилъ, достаточно для произнесенія смертнаго приговора всѣмъ Ченчи. Онъ обязался передъ кардиналомъ Санъ-Джорджіо это сдѣлать, а потому и поспѣшилъ порадовать его доброю вѣстью. Казнь всѣхъ Ченчи была такимъ образомъ заранѣе рѣшена, и только для формы допущена была защита этихъ несчастныхъ.

ГЛАВА XXIII.

Судъ.

Въ залѣ, расписанной Рафаэлемъ, подъ бархатнымъ малиновымъ балдахиномъ, обшитымъ золотыми бахрамами, торжественно возсѣдаетъ на возвышеніи папа. Ступенью ниже сидятъ на табуретахъ четыре кардинала, въ своихъ великолѣпныхъ багряныхъ одеждахъ: съ одной стороны Чинтіо Пассеро, кардиналъ ди-Санъ-Джорджіо, племянникъ папы и Франческо Сфорца, кардиналъ ди-Санъ-Грегоріо; съ другой Пьетро Альдобрандини, кардиналъ ди-Санъ-Николо-делле-Карчере, другой племянникъ папы и Чезаре Бароніо, кардиналъ ди-Санъ-Нерео; дальше въ залѣ сидятъ кардиналы, и прелаты, отличающіеся между собою шапочками красными и лиловыми. Посреди залы, съ права отъ престола, у большаго стола, судебные слѣдователи, и во главѣ ихъ президентъ суда; противъ судей — генеральный прокуроръ съ канцеляріей и нотаріусами; въ концѣ стола — адвокаты подсудимыхъ.

Швейцарцы въ стальныхъ каскахъ и кирасахъ, съ алебардами на плечахъ, стерегутъ залу и не допускаютъ въ нее любопытныхъ, грубо отталкивая ихъ съ ругательствами. Съ давнихъ временъ предметомъ гордости и униженія итальянскаго народа служитъ это употребленіе правительствомъ наемщиковъ изъ чужихъ странъ, для поддержанія

своей дикой силы и для защиты своего деспотизма отъ заслуженной ненависти народа.

Когда всѣ заняли свои мѣста и по звонку водарилась тишина, президентъ, съ согласія папы, далъ знакъ прокурору начинать.

Прокуроръ всталъ съ своего мѣста, отеръ потъ съ лица и началъ свое обвиненіе. Съ казеннымъ краснорѣчіемъ онъ привелъ всѣ факты, которые мы слышали при допросахъ несчастной Беатриче, восхвалялъ добродѣтели Франческо Ченчи, говорилъ съ ужасомъ о злодѣйствѣ его дѣтей, молодость которыхъ дѣлала это злодѣйство еще ужаснѣе, и кончилъ словами евангелія о древѣ, приносящемъ дурной плодъ, которое исторгается и ввергается въ огонь.

Послѣ него говорили по очереди адвокаты де-Анжелисъ и Альтьери въ защиту Лукреціи и Джакомо Ченчи. Наконецъ дошла очередь и до Просперо Фариначчьо.

Онъ всталъ, закинувъ назадъ голову и, бросивъ грозный и пренебрегающій взглядъ на прокурора, воскликнулъ:

— Вы осмѣлились описать Франческо Ченчи образцомъ, оставленнымъ милосердіемъ божіимъ на землѣ, чтобы напоминать людямъ о золотомъ вѣкѣ. Какое поношеніе! Франческо Ченчи вы выставили религіознымъ и вѣрующимъ человѣкомъ? Да, онъ точно заказывалъ образа, но для того, чтобъ издѣваться надъ ними; онъ воздвигалъ храмы, но для того, чтобъ осквернять ихъ; для того, чтобы приготовлять въ нихъ заранѣе гробницы для своихъ дѣтей и ходить каждый день молить Бога о ниспосланіи имъ скорѣе смерти. Франческо Ченчи вы сдѣлали добродѣтельнымъ? Онъ это доказалъ, когда, получивъ извѣстіе о смерти своихъ сыновей, сдѣлалъ пиръ и, поднимая кубокъ, наполненный виномъ, клялся Богомъ, что если бы онъ былъ наполненъ кровью его дѣтей, то выпилъ бы его съ большимъ благоговѣніемъ, чѣмъ вино св. Евхаристіи. Эти ужасы не выдуманы мною; они разсказываются почтенными прелатами и баронами, бывшими на этомъ страшномъ пиршествѣ. Кому не былъ извѣстенъ этотъ человѣкъ? Вы всѣ его знали и вы всѣ знаете, сколько злодѣйствъ онъ сдѣлалъ въ свою жизнь. Если бы Франческо Ченчи не существовалъ, мы могли бы думать, что жизнь Тиверія есть басня, выдуманная для того, чтобы пугать людей. Надо было родиться на свѣтъ старику Ченчи, чтобы доказать, что звѣрство Калигулы, Нерона, Домиціана, Каракаллы и другихъ изверговъ, которыхъ Богъ посылалъ на землю, какъ кару небесную, могутъ быть еще превзойдены. Вотъ каковъ былъ Ченчи, и если я оклеветалъ его, пусть его тѣнь явится передо мной и скажетъ мнѣ, что я солгалъ. . . . .

. . . .

— Передъ нами трупъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Чей это трупъ?

отца. Кто убилъ его? Родная дочь, и она не блѣднѣя созналась въ этомъ. Кто же эта женщина съ столь жестокимъ сердцемъ? Вотъ она: это дѣвушка шестнадцати лѣтъ; ея лицо кажется сдѣлано руками ангеловъ для того, чтобы на землѣ сохранился образъ чистоты небесной. Невинность можетъ поцаловать ее въ уста. Кротость говоритъ и улыбается ея устами. Нѣтъ человѣка, который не восхвалялъ бы ее и не превозносилъ до небесъ; много горестей она утѣшила, много слезъ пролила отъ несчастій ближнихъ. Что же могло подвинуть эту ангельскую душу на ужасное преступленіе? Жадность къ деньгамъ? Въ шестнадцать лѣтъ дитя думаетъ о деньгахъ столько же, сколько соловей, оглашающій своими пѣснями майскія ночи; она думаетъ о деньгахъ столько же, сколько бабочка, порхающая въ лучахъ лѣтняго солнца. Въ шестнадцать лѣтъ дѣвушка — вся любовь къ небу и природѣ. Но предположимъ даже, что она любитъ деньги, какимъ же образомъ корыстолюбіе могло подвинуть ее къ преступленію? Большое богатство, оставленное ей матерью, ни въ какомъ случаѣ не могло быть отнято отцомъ; если она надѣялась цѣною преступленія получить свободныя имущества отца, то она никакъ не могла получить ихъ черезъ его смерть: ненавидя всѣхъ своихъ дѣтей, онъ и такъ намѣренъ былъ лишить ихъ всего; но онъ не отказалъ бы ей ни въ чемъ, еслибъ она только согласилась исполнить его неотступныя желанія. О заповѣдныхъ имѣніяхъ нечего и говорить, — они ни въ какомъ случаѣ, даже въ случаѣ преступленія, отцеубійства или государственной измѣны, не могутъ выйти изъ прямаго мужескаго колѣна.

При этихъ словахъ папа опустилъ голову, и глаза его засверкали. Кардиналъ Санъ-Джорджіо, напротивъ, поднялъ свою голову и искоса взглянулъ на святаго отца. Эти оба взгляда выражали одну и туже мысль:

— Надо этого сдѣлать нашимъ....

— Мы видимъ трупъ съ перерѣзаннымъ горломъ и съ ужасомъ узнаемъ, что это отецъ, убитый дочерью: она сама въ этомъ сознается: — меня также пробираетъ холодъ и зубы стучатъ отъ ужаса; но будемте храбры, рѣшимтесь вникнуть, кто былъ тотъ, который теперь превращенъ въ трупъ. Завернувъ свое нагое тѣло въ плащъ, онъ открываетъ дверь въ комнату, гдѣ томится его несчастная заключенная имъ дочь; онъ подходитъ къ ея постели, она плачетъ во снѣ: для несчастной дѣвушки даже и сонъ не другъ. Богохулецъ, закрывъ лампаду, горящую передъ образомъ Пречистой Дѣвы, отдергиваетъ покрывало и обнажаетъ женственное тѣло, которое должно быть святыней для отца. У кого изъ присутствующихъ здѣсь бьется отцовское сердце — пусть тотъ пойдетъ за мною и посмотритъ на этого

безбожнаго старика. Съ лицомъ сатира, весь дрожа отвратительнымъ сладострастіемъ, онъ сбрасываетъ плащъ, простираетъ руки,—онъ уже дотрогивается до тѣла дѣвственницы и.... Беатриче чувствуетъ холодное прикосновеніе ящерицы... она просыпается.... что ей остается дѣлать?»

«Отцы, я повелъ васъ смотрѣть эту ужасную картину, и повелъ васъ не напрасно:—отвѣчайте, скажите, какою бы вы желали видѣть въ эту минуту Беатриче?.. недостойною?... презрѣнною, какою не захотѣла быть римская дѣвственница, или несчастнѣйшею, какова она теперь?—Беатриче встрѣтилась лицомъ къ лицу съ бѣдою: она схватила кинжалъ и спасла свое имя отъ позора. Сожалѣя объ этой страшной рѣшимости, мы въ то же время должны удивляться и поклоняться мужественной дѣвушкѣ, которая въ былыя времена Рима удостоилась бы тріумфа и которую нынѣшній Римъ измучилъ въ пыткѣ, которой грозитъ постыдная смерть».

Фариначчьо говорилъ долго и краснорѣчиво, приводилъ законы въ доказательство того, что Беатриче заслуживаетъ прощенія, ссылался на разные случаи; но мы пропустимъ все это и перейдемъ прямо къ заключенію рѣчи:

«Зачѣмъ ея самой нѣтъ здѣсь — этой несчастной Беатриче? я указалъ бы вамъ на ея тѣло, гдѣ кротость и невинность начертаны рукою Бога, и сказалъ бы вамъ: если въ васъ достанетъ смѣлости, кладите на немъ клеймо позора!

«Боже! пусть не будетъ сказано, что здѣсь, въ Римѣ, въ столицѣ католическаго міра, куртизанкѣ воздвигнута статуя въ пантеонѣ, а Беатриче, мужественной дѣвственницѣ — эшафотъ, что безстыдство заслужило божественныя почести, а безпорочность смерть. О! еслибъ я имѣлъ могущество Сципіона, я бы послѣдовалъ его примѣру и воскликнулъ бы: римская дѣвственница, поборовъ слабость своего пола, побѣдивъ всякій страхъ, съумѣла мужественно защитить свою непорочность: она добродѣтельнѣе Лукреціи и счастливѣе Виргиніи; ея именемъ и примѣромъ должны гордиться латинскія женщины; что вамъ оставаться здѣсь толковать о томъ: виновна она, или невинна? идите, лучше, судьи, защитники и народъ, въ Ватиканъ благодарить Бога за то, что онъ хранилъ для нашихъ дней эту необыкновенную дѣвушку!»

Присутствующіе были поражены до глубины души рѣчью Фариначчьо, и еслибъ не уваженіе къ присутствію папы, или вѣрнѣе, не страхъ швейцарскихъ алебардъ, то зала вѣрно огласилась бы рукоплесканіями. Когда рѣчь кончилась, судьи удалились для произнесенія приговора.

Послѣ долгаго ожиданія пронесся слухъ, что приговоръ будетъ

объявлен только поздно ночью. Тогда всѣ удалились, одни съ надеждой, другіе съ боязнью въ сердцѣ, смотря по характеру, но всѣ, моля Бога, чтобъ онъ направилъ на истинный путь умы судей.

Фариначчьо, опьяненный успѣхомъ и похвалами, которыя слышалъ со всѣхъ сторонъ, былъ увѣренъ, что спасъ Беатриче.

Въ двѣнадцать часовъ ночи ему принесли пакетъ съ папской печатью; дрожащими руками онъ распечаталъ его, въ надеждѣ найти въ немъ помилованіе семейства Ченчи, но ошибся. Это была папская грамота, дѣлавшая его духовнымъ совѣтникомъ священнаго римскаго судилища со всѣми преимуществами, почестями и содержаніемъ, присвоенными этому мѣсту.

— Слава Богу, это не то извѣстіе, котораго я ждалъ, но оно доказываетъ по крайней мѣрѣ, что дѣло идетъ хорошо. Если бы его святѣйшество былъ недоволенъ мной, онъ не наградилъ бы меня такъ великодушно.

И Фариначчьо заснулъ убаюкиваемый надеждами.

Въ три часа ночи (*) судьи собрались въ прежней залѣ. Одинъ только канделябръ съ темнымъ шелковымъ абажуромъ горитъ посреди стола: всѣ сидятъ кругомъ и тихо обмѣниваются между собою словами. Слабый свѣтъ едва освѣщаетъ лица, и всякій трепещетъ, чтобы на немъ не отразилось затаенное въ глубинѣ чувство. Однако мѣсто, время и слова Фариначчьо, которыя, казалось, продолжали еще раздаваться, наконецъ сама совѣсть, по видимому, располагаютъ въ пользу помилованія. Вдругъ предсѣдатель совершенно неожиданно бросилъ взглядъ на бумагу, на которую прежде не обратилъ было вниманія, прочелъ ее, и лицо его изъ блѣднаго сдѣлалось мертвеннымъ: онъ дрожащею рукою передалъ ее своему сосѣду, который, прочитавъ ее, передалъ другому, и такъ далѣе, пока она не вернулась опять къ предсѣдателю. Дрожь и блѣдность, какъ электрическая искра сообщились отъ предсѣдателя всему засѣданію: всѣ неподвижно сидятъ, склонивъ головы и устремивъ глаза на красное сукно, которымъ покрытъ столъ; всѣхъ гнететъ одна и таже мысль: шея каждаго какъ бы чувствуетъ прикосновеніе и тяжесть сѣкиры палача.... Прочитавъ бумагу, всѣ словно окаменѣли. Да и было отъ чего: бумага эта содержала въ себѣ набѣло переписанный смертный приговоръ всего семейства Ченчи. Приговоръ этотъ гласилъ: Лукреціи, Беатриче и Бернардино отрубить голову, Джакомо голову размозжить; всѣхъ терзать горячими щипцами и четвертовать; все имущество конфисковать въ пользу апостольской камеры.

(*) Итальянцы считаютъ часъ ночи черезъ часъ послѣ захожденія солнца.

Долго длилось ужасное молчаніе. Только и слышно было, какъ песчинка падала на песчинку въ часахъ, да иногда раздавался трескъ горящихъ свѣчей: молчаніе было мертвое.

— Итакъ, мои судьи все люди недостойные? раздался внезапно чей-то голосъ.

Отъ этого неожиданнаго голоса перевернулись всѣ внутренности у этихъ блѣдныхъ купленыхъ людей. Откуда этотъ голосъ? Глаза не могутъ видѣть того, кто произнесъ грозныя слова, но въ концѣ залы слышатся во мракѣ тяжелые шаги. Всѣ вскочили на ноги и обратились въ ту сторону, откуда шолъ единственный въ Римѣ человѣкъ, имѣвшій право войти въ залу въ такую пору; всѣ угадали въ немъ Христова намѣстника, который также одинъ только и могъ произнести приговоръ къ смерти.

Президентъ съ отчаяніемъ въ душѣ взялъ перо: дрожащею рукою опустилъ его въ чернила, которыя показались ему кровью, дрожащею рукою подписалъ... но все таки подписалъ; за нимъ подписали всѣ прочіе и, подписавши, разошлись. Климентъ VIII тяжелыми шагами сошелъ съ своего трона, подошелъ къ столу, протянулъ руку за приговоромъ и спряталъ его у себя на груди, вмѣсто кинжала.

ГЛАВА XXIV.

Исповѣдь.

Папа держалъ у себя на груди смертный приговоръ, выжидая удобнаго времени, чтобъ объявить его. Ропотъ народа доходилъ до его слуха въ Ватиканъ, какъ ревъ волны въ бурю; надо было повременить, чтобъ онъ успокоился, и тогда уже привести въ исполненіе свой планъ.

Пока онъ искалъ удобнаго случая, сама судьба доставила ему такой, удачнѣе котораго онъ и самъ не могъ ни пожелать, ни придумать. Паоло Санта-Кроче, родственникъ семейства Ченчи, тотъ самый которагo мы видѣли въ началѣ нашего грустнаго разсказа, не покидалъ ни на минуту намѣренія убить свою мать, донну Констанцію, и ожидалъ только удобнаго времени. Случай представился ему въ то самое время, когда смертный приговоръ Ченчи былъ уже подписанъ и папа не рѣшался выпустить его въ свѣтъ. Бѣдная донна Констанція удалилась въ Субіако для поправленія своего здоровья. Узнавъ объ этомъ, донъ Паоло тайкомъ отправился вслѣдъ за нею и безжалостно убилъ ее на дорогѣ, нанеся ей нѣсколько ударовъ кинжаломъ; потомъ забравъ все, что только могъ, онъ бѣжалъ отъ пра-

восудія законовъ. Происшествіе это навело ужасъ на все римское население; послышался уже ропотъ другаго рода: «гдѣ теперь безопасность, гдѣ спокойствіе для родителей», слышалось отовсюду. Подобный говоръ былъ слишкомъ выгоденъ для тѣхъ, кому нужна была смерть всѣхъ Ченчи, и они конечно поспѣшили имъ воспользоваться и постарались усилить новое настроеніе народа. Страхъ и ужасъ увеличились еще больше, когда отецъ Занноби, изъ іезуитовъ, подымая руки и вознося очи къ небу, со вздохомъ воскликнулъ въ своей проповѣди, что въ наши времена бѣднымъ родителямъ грозитъ опасность заснуть живыми и проснуться мертвыми.

Папа видѣлъ, что настало время объявить смертный приговоръ и, призвавъ монсиньора Таверну, отдалъ ему приговоръ, говоря:

— Поручаю вамъ исполненіе, какъ только вы найдете то возможнымъ.

Вслѣдъ затѣмъ онъ удалился въ свой дворецъ на Монте-Кавалло, подъ предлогомъ посвященія новаго кардинала, а въ сущности для того, чтобы избавится отъ просьбъ, и боясь поставить себя въ необходимость быть милосердымъ.

Что же дѣлаетъ Беатриче въ то время, когда все готовится для ея смерти?

Она спитъ съ улыбкой на устахъ, какъ въ ту ночь, когда стонъ умирающаго разбудилъ ее и когда этотъ умирающій былъ ея отецъ, убитый у ея постели.

О, еслибъ этотъ сонъ могъ быть вѣчнымъ сномъ! Еслибъ она могла проснуться уже въ объятіяхъ Бога, въ райскихъ садахъ, далеко, далеко отъ этой проклятой земли, гдѣ для нея были насаждены одни только страданія!

Она все еще спитъ; но улыбка покинула ея уста и брови ея сдвинулись. О чемъ она думаетъ? Вспоминаетъ ли она о своей любви? или скорѣе о жестокости отца? или о своихъ мученіяхъ? Послушаемъ, она говоритъ:

— О, Боже, за что ты такъ строгъ ко мнѣ? Что я такое сдѣлала?

Она пошевелилась и цѣпи ея издали пронзительный звукъ, который отдался подъ сводомъ тюрьмы и замеръ; но этотъ звукъ не разбудилъ ее; она стонетъ во снѣ. Передъ ней предсталъ призракъ, съ чертами брата ея, донъ-Джакомо; онъ подошелъ къ ея изголовью и произнесъ: «вставай, нашъ часъ настал҃ъ»!

«Куда намъ надо идти»? спрашиваетъ она; призракъ нагнулся, точно хотѣлъ сказать ей что-то на ухо, и въ эту минуту голова его скатилась съ плечь и, окровавленная, упала на простыню. Беатриче испустила отчаянный крикъ и проснулась.

Она проснулась и, приподнявшись, бросаетъ испуганные взгляды

вокругъ. Ничто не измѣнилось въ ея тюрьмѣ: лампада, какъ и прежде, горитъ надъ ея изголовьемъ предъ образомъ Божіей Матери; дальше своей постели она не различаетъ ничего; глубокая тишина царствуетъ въ тюрьмѣ, а между тѣмъ въ одномъ изъ угловъ двѣ колѣнопреклоненныя фигуры молятъ Бога о успокоеніи ея души.

Она слышитъ шаги. Наконецъ изъ мрака отдѣляется чей-то очеркъ; лучъ лампады упалъ на него, и она видитъ передъ собой почтеннаго капуцина, истомленнаго годами и постомъ. Беатриче съ удивленіемъ смотритъ на это блѣдное лицо и не произноситъ ни слова. Старикъ поднимаетъ руку и благословляетъ ее, произнося молитву, которая именемъ Отца и Сына и Святаго Духа изгоняетъ нечистую силу.

— Батюшка! сказала Беатриче, когда онъ кончилъ: во мнѣ никогда не обитала нечистая сила.

— Дай Бой, дочь моя, но она всегда летаетъ вокругъ насъ, и потому надо быть всегда готовымъ устоять противъ нея. Хочешь, дочь моя, исповѣдаться? Я готовъ тебя выслушать.

— Завтра.

— Завтра! Зачѣмъ откладывать на завтра то, что можно сдѣлать тотчасъ? Развѣ человѣкъ знаетъ, что будетъ завтра?

— Но вы застали меня въ расплохъ, я не приготовлена,— я проснулась испуганная страшнымъ сномъ!...

— А развѣ смерть объявляетъ о часѣ своего прихода? Развѣ она не является неожиданно, какъ тать ночной? Христосъ сказалъ...

Въ эту минуту дверь тюрьмы со скрипомъ растворилась и при свѣтѣ факела видно, какъ вошли слѣдственный адвокатъ и съ нимъ два жандарма. Они подошли къ постели Беатриче съ мрачными лицами, не выражавшими впрочемъ ни злобы, ни сostраданія. Адвокатъ началъ такъ:

— Еслибы, отложивъ извѣщеніе, я могъ измѣнить вашу судьбу, я сдѣлалъ бы это охотно. Но, увы! дѣла такого рода не въ моей власти! Тяжелая обязанность заставляетъ меня прочесть вамъ..., вашъ приговоръ...

— Смертный? воскликнула Беатриче.

Капуцинъ закрылъ лицо обѣими руками; всѣ прочіе опустили головы. Беатриче съ отчаяніемъ ухватилась за рясу монаха.

— О, Боже! Боже! кричала она, возможно ли чтобъ я должна была умереть? Я такъ недавно родилась, зачѣмъ хотятъ отнять у меня жизнь такимъ ужаснымъ образомъ? Господи!... Господи!... что я такое сдѣлала?! Жизнь! Да знаете ли вы, что такое жизнь въ пятнадцать лѣтъ?...

— Жизнь, отвѣчалъ ей капуцинъ, это бремя, которое увеличивает-

ся съ годами. Счастливы тѣ, которые не родились для этой жизни; послѣ нихъ самые счастливые тѣ, которыхъ Господь Богъ отозвалъ рано! Дочь моя, дочь моя! что ты находишь такого въ своихъ прошедшихъ дняхъ, что̀ бы заставляло тебя желать жить?

— Ничего, поспѣшила сказать Беатриче, потомъ она задумалась; въ памяти ея воскресла одна блестящая точка, но въ ту же минуту исчезла и остался одинъ мракъ.

— Ничего!.. ничего!.. произнесла она съ невыразимою грустью.

— Такъ ободрись же! Оставимъ скорѣй эту трапезу, гдѣ въ яствѣ намъ подается прахъ земли, а въ питіе—слёзы...

— Но какъ же, отецъ мой, какого же рода смерть?... О, Боже! Боже!

— Провидѣніе готовитъ тысячи путей для того, чтобы оставить жизнь, но только одинъ чтобы въ нее войти! Что такое столѣтія передъ дуновеніемъ устъ божіихъ? Слава проходитъ, а съ нею и время, которое ее несетъ. На порогѣ вѣчности года—это песчинки, которыхъ различить нельзя. Обрати взоръ свой на небо, дочь моя, и позабудь все земное.

— О! смерть!... съ содроганіемъ произнесла Беатриче, и это роковое слово, пройдя сквозь уста, обледенило ихъ: холодный потъ покрылъ ея чело, дрожь пробѣжала по всему тѣлу... она была почти безъ чувствъ.

— Помогите! помогите! воскликнула Виржинія и уже бѣжала за спиртомъ и солями, но Беатриче пришла въ себя и сказала:

— Прошло. Она отстранила ото лба волосы, покрытые по̀томъ, и, обращаясь къ присутствующимъ, продолжала: — Извините меня, господа; это была минута слабости. Ея не избѣжалъ даже самъ Христосъ... простите же ее мнѣ, большой грѣшницѣ. Теперь вы можете исполнить вашъ долгъ; я васъ слушаю.

Беатриче выслушала смертный приговоръ съ большимъ хладнокровіемъ. Когда адвокатъ вышелъ, она обратилась къ Виржиніи и взяла ее за обѣ руки.

— Сдѣлай милость выйди на минуту, моя милая. Ты видишь, что времени остается немного; завтра... а прежде чѣмъ умереть, я должна исповѣдаться. Ступай сестра моя, я позову тебя...

У Виржиніи разрывалось сердце; она вышла, не сказавъ ни слова, да если бы и хотѣла говорить, то была не въ силахъ. Беатриче устремила задумчивый взоръ въ тотъ уголъ тюрьмы, изъ котораго вышелъ ея духовникъ. Къ удивленію своему она увидѣла тамъ человѣка на колѣняхъ, закрывшаго лицо руками; на немъ также былъ плащъ капуцина, и онъ стоялъ такъ неподвижно, что не казался живымъ существомъ.

Зачѣмъ этотъ человѣкъ здѣсь? И кто онъ такой, что осмѣливается присутствовать при исповѣди?

Беатриче молчитъ въ недоумѣніи; духовникъ также не рѣшается произнести ни слова. Она смотритъ то на одного, то на другаго, и чувствуетъ, что не въ состояніи проникнуть тайну.

Этотъ колѣнопреклоненный человѣкъ не кто другой, какъ Гвидо Гверро, несчастный женихъ Беатриче.

Онъ всталъ, шатаясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ; потомъ остановился и зарыдалъ.

— Кто это плачетъ? сказала Беатриче; я не думала, что въ этомъ мѣстѣ можно найти душу безутѣшнѣе моей.

Этотъ голосъ былъ для Гвидо райской гармоніей. Онъ не въ силахъ былъ выдержать и, откинувъ назадъ капюшонъ, открылъ свое говорящее лицо, прекрасное какъ голова Корреджіо. Молча и весь дрожа, онъ подходитъ къ Беатриче: она узнаетъ его и отодвигается со страхомъ; тогда и Гвидо дѣлаетъ шагъ назадъ: ни этотъ несчастный любовникъ, ни молодая дѣвушка не только не смѣютъ произнести ни одного слова, но они даже боятся дышать; въ этой тишинѣ только слышенъ звукъ цѣпей, волнуемыхъ дрожаніемъ рукъ Беатриче. Она избѣгаетъ и ищетъ его глазъ; наконецъ взгляды ихъ встрѣтились. Она прочла въ его глазахъ страшную исторію страданія и любви, и въ этотъ мигъ все забылось, кромѣ любви. Покоряясь непреодолимому чувству, она бросилась къ нему, хотѣла обнять его, но вдругъ остановилась и зарыдала. Тѣ плакали, глядя на нее.

Духовникъ не далъ имъ произнести ни слова.

— Я запрещаю вамъ говорить, строго сказалъ онъ. Одно слово, вышедшее изъ устъ вашихъ, можетъ произнести смерть и другому изъ васъ и вѣчный позоръ мнѣ. Вы связаны брачнымъ союзомъ. То, что Богъ соединяетъ тамъ, человѣкъ можетъ разлучить, но не разъединить. Теперь довольно, дѣти мои...

И онъ твердою рукою хотѣлъ разлучить ихъ. Беатриче съ покорностью повиновалась; но Гвидо съ негодованіемъ оттолкнулъ капуцина. Тогда послѣдній съ нѣжнымъ упрекомъ сказалъ ему:

— Такъ ты хочешь покрыть стыдомъ мою сѣдую голову за то, что я имѣлъ къ тебѣ состраданіе?

Гвидо склонилъ голову и поцаловалъ желѣзный наручникъ, который сковывалъ правую руку Беатриче; онъ увидѣлъ на ней кольцо, которое прислалъ ей черезъ Фариначчьо, и прошепталъ что-то, чего она или не разслышала или оставила безъ вниманія. Между тѣмъ духовникъ накинулъ капюшонъ на голову Гвидо и, обнявъ его, силой вывелъ изъ тюрьмы. Духовникъ объявилъ подозрительнымъ сторожамъ, что его товарищъ, измученный продолжительнымъ бдѣ-

ніемъ, не могъ вынести раздирающаго зрѣлища; и затѣмъ онъ сдалъ его на руки братьямъ мизерикордіи.

Беатриче осталась, какъ вкопанная, не отрывая глазъ отъ двери, въ которой исчезъ Гвидо; ей казалось, что она все это видитъ во снѣ; только звукъ цѣпей при малѣйшемъ движеніи показывалъ ей, что она не спитъ. Она невольно взглянула на наручникъ, гдѣ Гвидо запечатлѣлъ свой поцалуй, и увидала на немъ слезы, въ которыхъ игралъ свѣтъ лампады; онѣ блестѣли кткъ бриліанты, и она со вздохомъ сказала:

— Вотъ свадебный подарокъ, который принесъ мнѣ мой супругъ.

Когда отецъ Анджелико вернулся въ тюрьму, Беатриче спросила его:

— Куда онъ пошелъ теперь?

— Въ монастырь.

— Ахъ, какъ онъ несчастенъ!...

— Да, очень несчастенъ. Онъ не всегда остается въ монастырѣ; но часто посреди ночи слышится легкій стукъ, и является Гвидо. Братія принимаетъ и прячетъ его изъ человѣколюбія и изъ благодарности за щедрыя данія, которыми монастырь обязанъ ему и его предкамъ. Онъ не требуетъ и не хочетъ ни пищи, ни покоя: идетъ въ церковь, становится на колѣни передъ главнымъ алтаремъ и проводитъ такъ цѣлые часы на холодномъ мраморѣ; еслибъ не слезы, то можно бы подумать тогда, что онъ не живъ. Ужасно несчастіе человѣка, у котораго одни слезы служатъ признакомъ жизни. Я думаю, что еслибы у него былъ врагъ, и тотъ сжалился бы надъ нимъ, видя его горестное положеніе.

Такъ говорилъ монахъ, и его слова изглаживали изъ памяти Беатриче послѣдніе слѣды воспоминанія о страшной ночи, въ которую она увидѣла отца, убитаго рукою ея возлюбленнаго.

— Но гдѣ же онъ скрывается въ остальные дни?.. Батюшка, когда увидите его, умоляю васъ, скажите ему, чтобы онъ удалился изъ Рима, эта атмосфера гибельна для него; тутъ живутъ люди безжалостные, я испытала это на себѣ. Знаете ли, у кого въ духовномъ Римѣ есть маленькая доля человѣколюбія? У палача.

— Я скажу ему...

— И если онъ не будетъ соглашаться, то скажите ему, что это была моя послѣдняя просьба.

— Хорошо. Теперь, дочь моя, время обратить мысли къ небу: пади ницъ на землю и знай, что чѣмъ болѣе ты унижена на землѣ, тѣмъ болѣе будешь возвеличена на небѣ. Беатриче открыла свою душу духовнику: ничтожные грѣхи, легкія ошибки, которыя она считала важными, показали еще болѣе чистоту ея души. Монахъ, слушая ее, страдалъ за то, что тяжелая необходимость привела ее къ преступле-

нію и обагрила ея руки отцовскою кровью. Беатриче замолчала, не обвинивъ себя въ отцеубійствѣ. Зная слабости человѣческія, духовный отецъ приписывалъ ея молчаніе стыду и не только не винилъ ее за это, но воздалъ ей хвалу; онъ упрашивалъ ее открыть всѣ свои грѣхи и ничего не скрывать. Беатриче съ полною невинностью отвѣчала ему:

— Всѣ мои грѣхи, сколько я могла припомнить ихъ, я исповѣдала; за тѣ, о которыхъ я невольно забыла, пусть Богъ проститъ меня.

— Однако, подумайте... поищите...

— Я еще постараюсь припомнить. Духовникъ ждалъ; но такъ какъ ея молчаніе длилось долѣе, чѣмъ онъ думалъ, то онъ приписалъ его уже не стыду, а скрытности, и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ спросилъ:

— А Франческо Ченчи, чьими руками онъ былъ убитъ, скажите?

— Я не должна говорить о чужихъ грѣхахъ! Она произнесла это съ такою искренностью, что капуцинъ былъ поражонъ.

— Какъ, развѣ не вы убили его?

— Я? Нѣтъ. Я не убивала его.

— Зачѣмъ же вы обвинили себя въ этомъ?

— Батюшка, я вынесла такія мученія, что одно воспоминаніе о нихъ леденитъ мнѣ кровь; и, несмотря на это, я была готова умереть на пыткѣ, стоя за правду; но родные, друзья, защитники умоляли меня и тысячами доводовъ убѣдили меня взять на себя вину; они надѣялись, что этимъ я спасу мать и братьевъ. Что касается до меня, то они были убѣждены, что примутся въ соображеніе насилія и варварства графа Ченчи и я буду оправдана. По правдѣ сказать, эти доводы не вполнѣ убѣдили меня и я устояла бы и противъ просьбъ; но мнѣ казалось, что это будетъ жестоко въ отношеніи къ матери и братьямъ, я склонила голову и рѣшилась пожертвовать своею жизнію и своимъ добрымъ именемъ для того, чтобы попробовать спасти ихъ жизнь. Я предчувствовала, что погублю себя и не спасу ихъ; я говорила это и вы видите, что я была права. Но чтожъ дѣлать! Богу такъ было угодно, и да будетъ его воля...

— Но вѣдь вы подъ клятвой объявили себя виновной?

— Адвокаты увѣрили меня, что по божескимъ и человѣческимъ законамъ не грѣхъ даже убійство для защиты своей жизни, а тѣмъ менѣе грѣхъ сдѣлать фальшивое показаніе для того, чтобы спасти не себя отъ смерти; я и рѣшилась ложно обвинить себя...

— О, софисты, софисты! развѣ въ правдѣ была когда нибудь погибель!

— Я тоже такъ думала, но синьоръ Фариначчьо пользуется такою ученою репутаціею, что я боялась быть слишкомъ самонадѣянною,

не слушаясь его. Притомъ онъ былъ мнѣ посланъ съ тѣмъ, чтобы я вполнѣ положилась на него...

— А кто послалъ его къ вамъ?

— Гвидо... онъ прислалъ мнѣ черезъ него кольцо, которое должно было быть освящено у брачнаго налоя... съ грустью сказала она, и лицо ея покрылось румянцемъ.

— Разскажите мнѣ все, какъ было, дочь моя: можетъ быть, вы грѣшны болѣе, чѣмъ полагаете...

— Но тайны божіи, батюшка?...

— Тайны божіи, строго отвѣчалъ монахъ, остаются погребенными въ сердцѣ духовника. Можно вырвать у него сердце, но не тайну.

Тогда Беатриче разсказала ему все, не скрывъ ни малѣйшей подробности. Монахъ, начинавшій слушать съ недовѣріемъ, мало-помалу перешелъ къ совершенному довѣрію, видя это чистое невинное лицо и слыша искренній, правдивый разсказъ.

Когда она кончила, отецъ Анджелико воскликнулъ:

— Господи! Такой святой души еще не бывало на землѣ!

Потомъ, благословляя Беатриче, онъ сказалъ ей:

— Святая душа, я разрѣшаю тебя, потому что это моя обязанность; но я объявляю, что мнѣ слѣдовало бы пасть на колѣни передъ тобою и просить тебя быть моею защитницею передъ Богомъ. Какія молитвы могутъ быть скорѣе услышаны имъ, какъ не молитвы твоихъ чистыхъ, непорочныхъ устъ? Моли сама Бога; я присоединю мои мольбы къ твоимъ, и онѣ будутъ приняты въ раю. Но я не о тебѣ буду молиться: тебѣ не нужны молитвы, но объ этомъ несчастномъ городѣ и о спасеніи тѣхъ, которые приговорили тебя къ смерти.

Беатриче на колѣняхъ передъ образомъ Божіей Матери молилась и благодарила ее за то, что она такъ скоро отозвала ее изъ этого міра, и болѣе всего за то, что удостоила ее увидѣть еще разъ своего Гвидо, который не могъ быть ея спутникомъ на землѣ, но съ которымъ она надѣялась соединиться на вѣки въ раю...

Тутъ она внезапно остановилась и почти съ трепетомъ спросила духовника:

— Батюшка, скажите мнѣ, Богъ проститъ моего Гвидо? Удостоится онъ спасенія своей души? Можно мнѣ будетъ сжать руку, которая убила моего отца?

— Развѣ ты думаешь, дочь моя, что намъ даны будутъ райскія радости, если мы не отрѣшимся отъ всего земнаго? Для безсмертной души воспоминаніе о томъ, что она была въ земной оболочкѣ, должно быть не только горемъ, но даже стыдомъ.

— А все таки, со вздохомъ произнесла Беатриче, я не желала бы забыть свою любовь, хотя она и была исполнена горестей...

Послѣ этого Беатриче съ благоговѣніемъ продолжала молиться, и отецъ Анджелико молилъ Бога, чтобы онъ далъ этой невинной жертвѣ съ тѣмъ же терпѣніемъ вынести свои послѣднія страданія.

Въ это время показался на порогѣ тюрьмы одинъ изъ членовъ братства мизерикордіи и, подозвавъ отца Анджелико, сказалъ ему что-то на ухо. Духовникъ подошелъ къ Беатриче и спросилъ ее:

— Дочь моя, если вы желаете видѣться съ вашей матерью, это вамъ будетъ разрѣшено.

— О, да... бѣдная мать!... мы вмѣстѣ будемъ утѣшать другъ друга.

ГЛАВА XXV.

Приготовленія къ смерти.

Я не стану описывать встрѣчи Беатриче съ матерью, ихъ нѣжныхъ объятій, горестныхъ изліяній и слезъ. Плакать вмѣстѣ было уже для нихъ утѣшеніемъ.

Но всему есть конецъ; и даже слезы, это щедрое наслѣдіе Адама, истощаются. Наплакавшись и наговорившись, обѣ женщины замолчали. Ихъ бѣднымъ сердцамъ нуженъ былъ отдыхъ для того, чтобы имѣть силы вынести новыя страданія.

Глаза Беатриче невольно остановились на платьѣ мачихи. Оно было изъ великолѣпнаго штофа съ цвѣтными букетами, отдѣланное богатыми бахрамами. Это заставило ее обратить вниманіе на свой собственный нарядъ, котораго она до сихъ поръ не замѣчала. На ней такъ же было роскошное зеленое платье, обшитое золотомъ, то самое, которое она предпочитала всѣмъ другимъ и въ счастливые дни своей жизни носила чаще всего.

Въ памяти ея воскресло прошлое. Она вспомнила, что была въ этомъ самомъ платьѣ, когда въ первый разъ встрѣтилась съ Гвидо.

Но ей нельзя было останавливаться долго на этихъ сладостныхъ и вмѣстѣ тяжелыхъ воспоминаніяхъ. Конецъ близокъ, надо о немъ думать. Ея мысли обратились къ тому: прилично ли имъ въ такой одеждѣ идти на эшафотъ? Она обратила вниманіе матери на это обстоятельство, и онѣ рѣшили, что имъ необходимо одѣться скромнѣе.

— Вирджинія, сказала Беатриче, обращаясь къ дочери палача, достань намъ, пожалуйста, какой нибудь простой матеріи для двухъ плащей, мнѣ и моей матери, двѣ веревки и два покрывала... Что жъ ты не отвѣчаешь мнѣ, Вирджинія?

Виржинія чувствовала стѣсненіе въ сердцѣ и почти не въ силахъ была отвѣчать. Наконецъ, подавивъ въ себѣ рыданія, она сказала.

— У меня есть кусокъ темнаго канифасу, и еще кусокъ лиловой тафты, которые отецъ купилъ мнѣ на ярмаркѣ въ Витербо; я не шила себѣ изъ нихъ платья... потому что мнѣ приличнѣе всего быть не замѣченной... чтобы меня никто не зналъ... хотите ли вы взять ихъ?...

— Охотно, моя милая, и ты не откажешь взять отъ меня денегъ на платья не такія мрачныя, какъ это?.. Ну, а какъ же мы сдѣлаемъ съ веревками и покрывалами?

— Веревки есть у моего отца, а покрывала поставляютъ братья мизерикордіи... Виржинія заплакала.

Беатриче приложила руку къ сердцу, какъ бы желая удержать скорбь, которою оно было переполнено, и сказала:

— Хорошо, тѣмъ меньше намъ остается о чемъ заботиться. Ступай, Виржинія, торопись, вѣдь наши часы сосчитаны...

Виржинія вернулась съ кусками матеріи, и Беатриче, не теряя времени, принялась кроить. Она держала одинъ конецъ, Виржинія другой, и ножницы скользили, быстро разрѣзая нитку.

— Посмотри, Виржинія, какъ легко рѣжется эта нитка.... жизнь наша вѣдь тоже нитка. Поди, милая, помоги мнѣ шить, на живую нитку разумѣется; и такъ будетъ довольно крѣпко. Еслибъ мнѣ надо было жить столько, сколько выдержитъ этотъ шовъ, право я даже не согласилась бы.

Всѣ три женщины принялись за шитье, но Лукреція и Виржинія мало подвигались впередъ. Онѣ больше проливали слезъ, чѣмъ дѣлали стежковъ.

— Чего вы плачете? Вѣрьте, друзья мои, смерть бываетъ горька только потому, что боятся умирать: сама же по себѣ смерть право не горе.

Такъ проходили послѣдніе часы жизни Беатриче; она утѣшала всѣхъ и съ полнымъ хладнокровіемъ ожидала смерти, заря которой приближалась. Наконецъ, на востокѣ показалась розовая полоса, обѣщавшая римлянамъ золотое, ясное утро. Сердце Беатриче невольно сжалось и храбрость готова была покинуть ее. Она опустила голову, и свѣтъ лампады, падавшій на полъ, напомнилъ ей, гдѣ искать мужества.

Она встала, повергласъ на колѣни передъ образомъ Матери всѣхъ скорбящихъ и горячо молилась. Обѣ женщины послѣдовали ея примѣру.

Онѣ еще не кончили молитвы, когда въ тюрьму вошелъ помощникъ палача съ бритвою въ рукахъ. Холодъ пробѣжалъ по тѣлу Беатриче, когда она увидѣла этого человѣка, но она тотчасъ же успокоилась и, обращаясь къ нему, сказала:

— Говорите, зачѣмъ вы пришли. Мы ко всему готовы, только торопитесь, потому что наши минуты сочтены.

— Ваше сіятельство.... вы знаете обыкновеніе.... волосы....

— Волосы! воскликнула она и вынула гребень изъ косы. Ея чудные золотистые волосы разсыпались и покрыли ее всю. Вотъ мои волосы; что вы хотите съ ними дѣлать?

— Ваше сіятельство вѣрно знаетъ обычай....

Онъ не кончилъ, но она догадалась, въ чемъ дѣло, и сказала:

— Всякой силѣ принадлежитъ какое нибудь право; право топора состоитъ въ томъ, чтобъ его ничто не задерживало, когда онъ рубитъ. Рѣжьте скорѣй.

И коса ея упала на полъ подъ остріемъ бритвы.

Беатриче стояла, какъ убитая, глядя на разбросанные по полу волосы. Слезы показались на ея глазахъ; она не въ силахъ была удержать ихъ и онѣ полились по лицу; это было послѣднее униженіе, какое могла испытать женщина, и какъ капля воды въ полномъ сосудѣ, оно переполнило чашу страданія. Эти волосы составляли ея гордость и лучшее украшеніе; ихъ воспѣвали поэты, уподобляя волосамъ Вереники; эти волосы амуръ приглаживалъ крыломъ своимъ, а теперь они валяются на полу, отрѣзанные рукою палача!

Беатриче наклонилась, собрала ихъ, но ихъ было столько, что одной руки ея было недостаточно, чтобы захватить всю косу, и она держала ее обѣими руками.

— Подруга всѣхъ моихъ несчастій! сказала она: — я надѣялась, что ты сойдешь въ могилу вмѣстѣ со мною. Но Богу и этого не было угодно.

Потомъ отдѣливъ отъ косы одинъ локонъ, она бросила остальные волосы въ каминъ. Черезъ нѣсколько минутъ отъ этихъ великолѣпныхъ волосъ осталась только не большая кучка пеплу.

— Тебѣ, Виржинія, я вручаю эти волосы, сказала она, раздѣливъ локонъ на двое.—Если когда нибудь ты встрѣтишь молодаго человѣка чудной красоты, съ русыми кудрями и съ печатью несчастья на лицѣ.... ты его легко узнаешь, потому что всѣ страдальцы имѣютъ общее сходство: когда я тебя увидѣла въ первый разъ, я сейчасъ узнала въ тебѣ сестру по страданію.... такъ если ты увидишь его.... (она шепнула ей что-то на ухо) отдай ему эти волосы; другую половину оставь себѣ. Я могу оставить тебѣ денегъ, и драгоцѣнностей, и платьевъ, и оставляю ихъ тебѣ, но то не будетъ часть меня самой; я знаю, что ты несчастна, сестра моя, и еслибъ я могла измѣнить твою участь, Богу извѣстно, съ какимъ наслажденіемъ я это сдѣлала бы. Но такъ какъ это невозможно, то желаю тебѣ по крайней мѣрѣ возможнаго благополучія; и если тебя ожидаютъ горькіе дни, желаю,

чтобы смерть была тебѣ отрадой. Прими мой послѣдній, вѣчный поцалуй, сестра моя....

ГЛАВА XXVI.

Дочь палача.

Виржиніи казалось, что все внутри ея умерло; она не могла говорить и, на сколько хватало силъ, удерживала слезы. Чтобы не упасть безъ чувствъ къ ногамъ Беатриче, она воспользовалась минутой, когда та обратилась къ капуцину, и вышла изъ тюрьмы. Когда она вышла во дворъ, ее ошеломило свѣжимъ воздухомъ какъ обухомъ; голова ея страшно кружилась, ноги подкосились, она зашаталась, хотѣла удержаться объ стѣну, но не могла и съ воплемъ упала на землю. Братья мизерикордіи, неотлучные здѣсь во всякое время и всегда готовые исполнять малѣйшее желаніе осужденныхъ, подняли ее съ земли и, узнавши въ ней дочь палача, отнесли въ ея комнату; они полагали, что свѣжій воздухъ былъ причиной дурноты бѣдной дѣвушки, привыкшей къ духотѣ своего заточенія. И дѣйствительно, какъ бы могло придти въ голову, что сердце дочери палача способно разорваться отъ состраданія?

Отецъ былъ уже на ногахъ и занимался отправленіемъ пріятной обязанности: точилъ топоръ. Въ то самое время, когда вошли братья *мизерикордіи*, онъ пробовалъ ногтемъ, удачно ли онъ исполнилъ свое дѣло.

— Мастеръ Алессандро! обратились къ нему вошедшіе: вашей дочери дурно; уложите ее въ постель и постарайтесь привести въ чувство

Сказавъ это, они медленно удалились; кто изъ нихъ, ухаживавшихъ даже за преступниками, захотѣлъ бы расточать свои заботы порожденію палача?

Исполнителямъ правосудія платятъ, но ихъ ненавидятъ, на какой бы степени они ни стояли. Мы имъ бросаемъ кость и затѣмъ выталкиваемъ ихъ. Даже принявшіе на себя отправленіе долга благотворительности думаютъ, что уже довольно сдѣлали, когда подобрали на полу упавшаго замертво человѣка изъ этой касты.

Алессандро поднялъ дочь, осмотрѣлъ ее и, полагая, что это не болѣе, какъ легкій обморокъ, поставилъ топоръ въ уголъ и отправился искать куриныхъ перьевъ, чтобы зажечь ихъ и дать ей понюхать. Но когда это простое средство не помогло, то онъ принялся брызгать ей въ лицо уксусомъ. Она и отъ этого не приходила въ чув-

ство, къ крайнему испугу отца. Онъ посмотрѣлъ на нее пристально... Тѣ же багровыя пятна, та же запекшаяся, окровавленная слюна, которую онъ видѣлъ у Марціо, умершаго во время пытки, — отецъ увидѣлъ ихъ теперь на своей дочери... Онъ ударилъ себя кулакомъ по головѣ и бросился бѣжать къ двери съ воплями: спасите! помогите!

Едва онъ очутился на лѣстницѣ, какъ сиплый и грубый голосъ позвалъ его снизу:

— Эй! Мастеръ Алессандро! поворачивайся! бери топоръ и отправляйся проворно въ Торре-ди-Нонна, — тамъ тебя давно ждутъ.

— Не могу...

— Вотъ что хорошо, такъ хорошо! Просто стоитъ новешенькаго червонца прямо изъ чекана! Развѣ ты смѣешь говорить—можешь ты, или не можешь? Ты и душою и тѣломъ продался тѣмъ, кто отдаетъ тебѣ приказанія...

— Не могу! не могу! Пусти меня, я бѣгу за лекаремъ?

— Что за лекарь? Какой тамъ лекарь! Въ твоемъ ремеслѣ лекарь лишній... Тебѣ слѣдуетъ отрубить сегодня же четыре головы...

— А если я не пойду? Если я тутъ же брошу вамъ и свою жизнь, и свой топоръ, и скажу: мерзавцы, такіе же, какъ и я,—еще больше, чѣмъ я, потому что въ васъ не одна злость, а со злостью еще и хитрость. Добейте теперь сами топоромъ тѣхъ, кого вы сперва убили вашими перьями... У меня умираетъ родная дочь, а вы не пускаете меня даже сбѣгать за помощью!... У меня нѣтъ ничего — рѣшительно ничего, что бы мнѣ напоминало, что я человѣкъ, кромѣ этой несчастной, дорогой дочери — и вы у меня отнимаете право помочь ей? Если она, Виржинія, умретъ, не все ли мнѣ равно тогда: быть самому казнену, или казнить другихъ? Если я спасу Виржинію, я уйду съ нею далеко отъ васъ — въ пустыню, на необитаемый островъ... Лучше я буду питаться пищею дикихъ звѣрей, чѣмъ вашимъ хлѣбомъ, сдѣланнымъ изъ яду и человѣческихъ тѣлъ...

Говоря это, онъ вернулся въ комнату за топоромъ и швырнулъ его оттуда изо всей силы на лѣстницу, разражаясь проклятіями.

— Вотъ тебѣ, блюститель благонравія! Возьми, отнеси этотъ топоръ своему господину и скажи ему, чтобъ онъ впередъ уже прямо этимъ перомъ и писалъ свои приговоры... Я бросаю свое ремесло. Пускай его приметъ отъ меня, если хочетъ, вашъ судья...

Посланный подскочилъ отъ удивленія, слыша такія рѣчи, и хорошо сдѣлалъ, потому что иначе топоръ перебилъ бы ему ногу, летя внизъ по ступенямъ. Придя въ себя, онъ обратился къ сбиррамъ и велѣлъ силой тащить палача.

— Вчера онъ, мошенникъ, получилъ за казнь впередъ деньги, да еще сверхъ того сто червонцевъ на эшафотъ, тележку, щипцы и все,

что нужно... Чтожъ онъ теперь бредитъ о какихъ-то дочеряхъ? Если дочь умретъ — ее похоронятъ: для палача и это уже много. А вѣдь исполнителю закона прежде всего слѣдуетъ самому исполнять законъ...

Хорошо, что мастеръ Алессандро заблаговременно избавился отъ топора, — иначе теперь потекла бы цѣлая рѣка крови по лѣстницѣ. На площадкѣ однако и безъ того послѣдовала порядочная свалка: съ обѣихъ сторонъ сыпались сильные кулачные удары. Палачъ отбивался отъ цѣлой ватаги сбирровъ, рычалъ, упрашивалъ и расточалъ во всѣ стороны побои.

— Дайте мнѣ сперва помочь Виржиніи, а потомъ я отрублю голову хоть самому св. Павлу! Дайте помочь дочери! моей дочери! Да что же вы въ самомъ дѣлѣ хуже волковъ, что ли? Я вѣдь умоляю васъ — сдѣлайте это хотя изъ жалости, изъ состраданія къ бѣдной невинной дѣвушкѣ! Когда вы мнѣ попадетесь подъ руку — обѣщаю вамъ за это снять ваши головы такъ, что вы и не почувствуете, клянусь вамъ честью почетнаго палача!

— Онъ съ ума спятилъ! У тебя умерла дочь—ну и радуйся! Меньше куръ—меньше и корму! Ужъ не приберегалъ ли ты ее въ невѣсты какому нибудь маркизу?

Побѣжденный не силою убѣжденія, но числомъ и силою убѣждавшихъ, мастеръ Алессандро принужденъ былъ сдаться. Ему связали руки и вытолкали на улицу, сопровождая бранными криками и насмѣшками надъ его неожиданной отеческой нѣжностью.

Онъ съ отчаяніемъ взглянулъ на окно комнаты, въ которой его принудили оставить безпомощную дочь, или, лучше сказать, всю свою душу. Онъ готовъ былъ зарыдать, но удержался, видя насмѣшки не только однихъ сбирровъ, но и цѣлой толпы народа, сопровождавшей его. Уста палача не произнесли желанія Калигулы, хотя въ глубинѣ души онъ вѣрно пожелалъ, какъ тотъ, чтобы весь римскій народъ имѣлъ одну голову, которую можно бы отрубить однимъ ударомъ топора. По дорогѣ ему попался кто-то изъ братьевъ мизерикордіи; онъ часто видѣлъ этого человѣка при исполненіи истинно христіанскихъ обязанностей благотворительности. Онъ сдѣлалъ ему знакъ и умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Христіанинъ! всею, сколько есть въ васъ, любовью къ Іисусу Христу умоляю васъ: ступайте въ Корте-Савелла и подайте помощь моей умирающей дочери!

— Я сегодня не дежурный, мой милый, и у меня много дѣла въ банкѣ; обратитесь къ кому нибудь другому.

Сказавъ это, онъ прошолъ мимо.

Немного погодя попалоя навстрѣчу священникъ церкви св. Симео-

ца. Палачъ обратился къ нему, и въ голосѣ его было еще больше мольбы:

— Батюшка, моя дочь, моя единственная дочь, умираетъ. Ранами Господа нашего умоляю васъ, подайте ей помощь!

Священникъ искоса посмотрѣлъ на него такимъ взглядомъ, какъ будто тотъ просилъ его идти дать причастіе волку, и отвѣтилъ:

— Ты шутишь, сынъ мой?... Это дѣло женское, а не мое...

Повернувъ за уголъ, онъ наткнулся на существо, болѣе похожее на звѣря, чѣмъ на человѣка,— босое, грязное, полунагое и едва опохмѣлившееся отъ пьянства, пролежавъ двадцать восемь часовъ замертво. Въ народѣ его звали Отре. Онъ былъ полудурачекъ. Если какой нибудь гражданинъ, возвращаясь домой поздно ночью, натыкался на что-то мягкое, отвѣчавшее ворчаніемъ на толчекъ, то онъ отходилъ въ сторону, не смущаясь ни сколько, и только бормоталъ сквозь зубы: это Отре. Его считали такимъ гадкимъ, низкимъ существомъ, что почли бы за обиду животному уподобить ему Отре! Однакожь къ нему обратился со своею просьбою бѣдный мастеръ Алессандро. Отре тупо и съ испугомъ посмотрѣлъ на него и закричалъ:

— Вина! вина!

— Поди, братъ, помоги моей дочери и я одѣну тебя съ головы до ногъ...

— Вина!

— Да я дамъ тебѣ вина, сколько хочешь! поди въ домъ, помоги Вирджиніи и потомъ выпей тамъ все мое вино.

— Твое вино? нѣтъ... оно смѣшано съ кровью. Я не хочу твоего вина...

И онъ прошелъ мимо, ворча что-то сквозь зубы.

ГЛАВА XXVII.

Завѣщаніе Беатриче.

Подойдя къ отцу Анжелико, который на колѣняхъ и закрывъ лицо руками, молился и плакалъ передъ образомъ Божіей Матери, Беатриче положила руку на его плечо и сказала:

— Батюшка, сдѣлайте мнѣ милость, попросите сюда братьевъ мизерикордіи. Я желала бы имъ и вамъ передать мои послѣднія просьбы.

Черезъ минуту отецъ Анжелико ввелъ въ тюрьму братьевъ мизерикордіи. Капюшоны ихъ были спущены на лицо и только два отверстія были оставлены для глазъ.

Беатриче обратилась къ нимъ съ слѣдующими словами:

— Братья о Христѣ! Я не могу выразить мою благодарность за тѣ благодѣянія, которыя вы оказывали мнѣ, какъ страждущей, — могу только молить Бога и молю его, чтобъ онъ наградилъ васъ такъ, какъ вы того заслуживаете. Но я хочу просить васъ еще объ одномъ благодѣяніи, васъ и святаго отца, духовника моего. Я сдѣлала свое духовное завѣщаніе; и, такъ какъ я боюсь, что трибуналъ не допуститъ его исполненія, то я прошу васъ всѣми силами ходатайствовать передъ папой и испросить его согласія на то, чтобъ мое приданое было употреблено такъ, какъ я изложила въ завѣщаніи. Прошу васъ также заказать двѣсти панихидъ за упокой моей души, изъ которыхъ сто прежде похоронъ и сто послѣ. Для этого прошу васъ принять эти сорокъ пять червонцевъ—все, что я имѣю при себѣ, а если этого недостаточно, то вы потрудитесь обратиться къ моему душеприкащику Франческо Скарпезіо, который вручитъ вамъ нужныя деньги. Я желаю, чтобъ Андрей, Людовикъ и Асканій, солдаты, которые во время моего заключенія оказывали мнѣ сострадавіе, были щедро награждены. Пускай это покажетъ имъ, что сострадавіе къ несчастнымъ не только на томъ свѣтѣ, но и на этомъ вознаграждается, и пусть это побудитъ ихъ быть сострадательными къ тѣмъ, которые послѣ меня будутъ находиться въ этомъ мѣстѣ отчаянія. Виржинія,—она служила мнѣ съ любовью болѣе, чѣмъ сестринской, и утѣшала меня въ самыя тяжелыя минуты,—я оставляю, кромѣ того, что назначено ей въ завѣщаніи, всѣ платья, бѣлье и золотыя вещи, какія есть со мною въ тюрьмѣ. Но гдѣ же Виржинія? Что значитъ, что ея не видно?

Она обвела глазами тюрьму и, не видя своей покровительницы, продолжала:

— Бѣдняжка! У нея недостало духу быть свидѣтельницею того, что суждено мнѣ вынести. Бѣдное дитя! она по всему достойна была бы получить отъ неба или другую душу, или другое положеніе! Я не знаю желать мнѣ или нѣтъ ее увидѣть; но если я не увижу ее, передайте ей мой нѣжный поклонъ и скажите ей, что я надѣюсь увидѣть ее въ раю. Когда это сердце перестанетъ биться, — прибавила она, приложивъ къ груди руку, похороните меня въ церкви Санъ-Пьетро-инъ-Монторіо: туда солнце посылаетъ свое первое привѣтствіе, и хотя мертвые не чувствуютъ тепла и не видятъ свѣта, но все же есть утѣшеніе, умирая, знать, что твою могилу будутъ посѣщать лучи солнца. Вотъ мои послѣднія просьбы, братья о Христѣ, не откажите исполнить ихъ и молите Бога за меня грѣшную.

ГЛАВА XXVIII.

Помилованіе.

Просперо Фариначчьо спалъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ онъ неожиданно былъ разбуженъ трескомъ разбитаго стекла и камнемъ, упавшимъ къ нему въ комнату. Въ то же самое время послышался на улицѣ мрачный голосъ:

— Вставай! въ то время какъ ты спишь, всѣхъ Ченчи ведутъ на казнь.

Фариначчьо вскочилъ съ постели и кинулся къ окну. Заря едва занималась: на улицѣ никого не было видно; только издали слышался тотъ же голосъ, повторявшій горестное извѣстіе.

— Всѣхъ Ченчи ведутъ на казнь, а ты спишь?

Фариначчьо пришелъ въ бѣшенство; наскоро одѣлся, бросился въ карету и поскакалъ въ тюрьму Корте-Савелла; тамъ онъ услышалъ подтвержденіе того же и полетѣлъ въ Квириналъ.

Взбѣжавъ по лѣстницѣ, черезъ двѣ и три ступени разомъ, онъ достигъ передней и, обратясь къ камераріямъ, попросилъ ихъ доставить ему доступъ къ святому отцу, по очень важному дѣлу, не терпящему отлагательства.

— Дѣло идетъ о жизни или смерти. Ради Бога, торопитесь! Боже мой, никто не двигается съ мѣста!

Одинъ камерарій, взявъ его съ большою медленностію за руку и держа его передъ собою, насмѣшливымъ, но вполнѣ вѣжливымъ тономъ сказалъ ему:

— Достойнѣйшій господинъ адвокатъ, да будетъ вамъ извѣстно, что его святѣйшество еще почиваетъ.

— Да вѣдь я знаю, что святой отецъ встаетъ очень рано.

— Могу васъ увѣрить, что папа еще спитъ, подтвердилъ другой камерарій.

— Святой отецъ еще не вставалъ, потому что не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь, прибавилъ третій.

Фариначчьо выходилъ изъ себя. На его счастье въ эту минуту вошелъ въ переднюю папскій камердинеръ съ чашкой шоколада и направлялся прямо къ двери папскихъ покоевъ.

Камераріи стали дѣлать ему знаки, чтобъ остановить его, но тотъ не понималъ ихъ:

— Я васъ не понимаю; вы только-что звали меня такъ, какъ будто сдѣлалось свѣтопреставленіе: «скорѣй шоколадъ! Его святѣйшество давно всталъ!» а теперь удерживаете меня!

— Тебѣ приснилось; мы даже еще не слышали его звонка. Его святѣйшество еще спитъ.

— Если вы не слышали звонка отсюда, то я васъ поздравляю. Я слышалъ его издалека.

Въ эту минуту послышался нетерпѣливый звонокъ.

— Я вамъ говорилъ. Пустите же меня! когда взбѣсится его святѣйшество, вѣдь мнѣ первому придется отдуваться.

Камердинеръ, растолкавъ прислугу, подходилъ уже къ двери. Но въ эту самую минуту, Фариначчьо, пробившись впередъ, выхватилъ у него изъ рукъ чашку, открылъ дверь и вошелъ въ комнату папы. Камердинеръ разинулъ ротъ отъ удивленія и не зналъ, что и думать, когда святой отецъ сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ удалился.

Поставивши на столъ подносъ съ чашкой, Фариначчьо сталъ на колѣни и поклонился въ ноги папѣ Клименту, говоря:

— На колѣняхъ прошу прощенія у вашего святѣйшества.

— Встаньте....

— Нѣтъ, ваше святѣйшество! позвольте мнѣ остаться въ этомъ положеніи, оно идетъ къ моему отчаянію.

Онъ ждалъ, что папа спроситъ о причинѣ его отчаянія, думая изъ голоса его заключить, на что можно надѣяться и чего бояться; но папа оставался молчаливъ и непроницаемъ, какъ гранитный сфинксъ. Просперу пришлось продолжать самымъ плачевнымъ голосомъ, какой когда либо приходилось слышать папѣ:

— Голосъ, роковой голосъ разбудилъ меня сегодня. «Вставай несчастный! кричалъ онъ: — пока ты спишь, всѣхъ Ченчи ведутъ на казнь».—Я не знаю, ваше святѣйшество, откуда взялся этотъ голосъ: изъ рая, или, скорѣй, изъ жилища духа тьмы....

— Отчего вы думаете, что это голосъ злаго духа? Устами дьявола не говорится правда.

— Такъ, значитъ, голосъ говорилъ правду? Святой отецъ! молю васъ, помилуйте! Не дайте пролиться столько невинной крови. Римъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ существуетъ, не видѣлъ еще такой страшной трагедіи.

— Какъ невинныхъ? Развѣ они не сознались сами въ совершенномъ преступленіи?

— По моей винѣ! отвѣчалъ Фариначчьо, ударяя себя кулакомъ въ грудь, — по моей винѣ, по тяжкой винѣ моей! Я уговорилъ невинную Беатриче взять на себя преступленіе. Она была готова умереть на пыткѣ, стоя за истину; я заставилъ ее перемѣнить намѣреніе; я увѣрилъ ее, что, взявъ вину на себя и оправдавъ другихъ, она спасетъ и ихъ и себя: ихъ, какъ невинныхъ въ убійствѣ, себя потому, что она была поставлена въ необходимость защищаться отъ насилія. Она не

соглашалась, утверждала, что лучшее средство невинному говорить правду и одну только правду! О, святыя слова, внушенныя ей самимъ Богомъ! Но я убѣждалъ ее именемъ добродѣтели; говорилъ ей о величіи самопожертвованія; по моей просьбѣ родные окружали постель, гдѣ она лежала съ изломанными костями, вся измученная вынесенными пытками; мы вмѣстѣ на колѣняхъ, со слезами, уговаривали ее и не оставляли ее до тѣхъ поръ, пока она не согласилась назвать себя преступницей. *Я* обманулъ ее, *я* причиной ея смерти! съ отчаяніемъ восклицалъ Фариначчьо. Сжальтесь, святой отецъ, помилуйте ихъ! Если она умретъ по моей винѣ, моей отчаянной душѣ нѣтъ больше надежды на спасеніе.

— Не приходите въ отчаяніе отъ этого, мы съумѣемъ найти для васъ дорогу въ рай.

— А отъ моей совѣсти кто можетъ меня спасти?

— Ваша совѣсть.

Слова эти, произнесенныя съ чувствомъ невыразимаго презрѣнія, какъ огонь упали на голову Фариначчьо. Онъ поднялъ глаза, чтобъ видѣть лицо Климента, и лицо папы Климента показалось ему каменнымъ.

— Моя совѣсть говоритъ мнѣ, что миръ уже не посѣтитъ болѣе души моей, произнесъ Фариначчьо.

— Миръ будетъ съ вами, вѣрьте мнѣ, что будетъ, достойнѣйшій господинъ адвокатъ. Вы исполнили вашу благородную обязанность съ рѣдкою ревностью и настойчивостью. Но такъ же, какъ вы исполнили вашу обязанность, не мѣшайте и другимъ исполнять свои.

— Ваше святѣйшество, я знаю, что справедливость не есть для васъ только долгъ, она въ то же время и потребность вашего сердца, вашей натуры; потому-то я осмѣлился высказать вамъ все и именемъ справедливости умолять васъ о помилованіи.

— Мы уважали въ васъ обязанность адвоката, произнесъ папа дрожащимъ голосомъ: — теперь вы должны уважать въ себѣ долгъ судей.

Фариначчьо, лежавшій все время у ногъ папы, былъ похожъ на одного изъ израильтянъ, ожидавшихъ у подошвы горы Синая слова Божія, и такъ же, какъ онъ, услышалъ слово съ громомъ и молніей. Но онъ еще не потерялъ надежды и, прибѣгая къ отчаянному усилію, произнесъ:

— Чего не можетъ правосудіе, можетъ сдѣлать милосердіе....

— Они должны умереть!... на отрѣзъ объявилъ папа, прижимая ногой бархатную подушку.

— Должны! воскликнулъ Фариначчьо, вскочивъ на ноги. — А! если они *должны* умереть, то это другое дѣло. Простите, ваше преосвя-

щенство: такая необходимость не была мнѣ извѣстна... А потому, позвольте мнѣ удалиться со смертью въ душѣ.

Папа видѣлъ, что сказалъ слишкомъ много, и понялъ необходимость объяснить и оправдать неосторожное слово.

— Да, разумѣется, вопреки моему желанію, они должны умереть. Голосъ народа, слава Рима, спокойствіе гражданъ, уваженіе къ папской мантіи, все запрещаетъ слушать голосъ милосердія....

— И все это требуетъ такой ужасной казни: терзанія щипцами, размозженія головы и четвертованія?

— Вы, господинъ совѣтникъ, какъ человѣкъ большой учености, знаете, конечно, что египтяне присуждали отцеубійцу къ тому, чтобы быть проколотымъ насквозь безчисленнымъ количествомъ острыхъ иголъ и потомъ быть сожженнымъ на кострѣ изъ терновника; отецъ, убившій сына, долженъ былъ, по приговору, три дни сряду смотрѣть на трупъ убитаго. Здѣсь, въ Римѣ, во времена язычества, не было никакого закона противъ отцеубійствъ: послѣ того испорченность людей дошла до такихъ размѣровъ, что ужасная казнь, назначаемая закономъ Помпея, оказывалась уже слишкомъ слабымъ наказаніемъ. Въ наши времена потрудитесь взглянуть на Испанію, Францію и Англію, и вы увидите, что тамъ законы не мягче нашихъ. Если обыкновенному убійцѣ рубятъ голову, то справедливость требуетъ, чтобы была разница между отцеубійцею и имъ. Мы же, снисходя къ вашей просьбѣ, избавляемъ женщинъ отъ терзанія щипцами и четвертованія. Но имъ все таки будутъ отрублены головы.

— И бѣдному ребенку тоже отрубятъ голову?

— Какому ребенку?

— Бернардино Ченчи, святой отецъ; вы знаете, что ему едва двѣнадцатый годъ, и онъ тоже будетъ наказанъ, какъ отцеубійца? Я его почти не защищалъ, полагая, что лучшая защита для него его свидѣтельство о рожденіи; оказывается, что я ошибся.

— А развѣ онъ не сознался въ своемъ участіи въ преступленіи?

— Сознался, конечно, сознался; но развѣ въ его лѣта онъ можетъ понимать, что такое убійство и что значитъ сознаніе? Онъ сознался для того, чтобъ его перестали мучить, и потому что ему обѣщали спасеніе. Святой отецъ! послушайте хоть разъ голоса сердца, который говоритъ вамъ о милосердіи, послушайтесь его: вѣдь и намъ въ свое время будетъ нужно сострадапіе.

— Вы поколебали меня касательно Бернардино Ченчи, сказалъ папа и склонилъ голову, какъ бы въ раздумьи. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія онъ продолжалъ:

— Обыкновенно мѣра преступности не превышаетъ возраста; но бываютъ примѣры противнаго и иногда молодость не спасаетъ отъ

самыхъ ужасныхъ преступленій. Но какъ бы то ни было, такъ какъ вы уже возбудили во мнѣ сомнѣніе, и такъ какъ при малѣйшей возможности я радъ исполнить вашу просьбу, достойнѣйшій господинъ совѣтникъ, то я въ доказательство того, какъ дорожу вами, согласенъ даровать жизнь Бернардино Ченчи. Теперь ступайте съ Богомъ, вы, кажется, можете быть довольны. А мы сейчасъ же отправимъ манифестъ о помилованіи, чтобъ онъ не пришелъ слишкомъ поздно. Да будетъ миръ съ вами.

Фариначчьо казалось, что съ нимъ повторилось то же, что случилось съ патріархомъ Іаковомъ, который долженъ былъ благодарить своихъ сыновей измѣнниковъ, когда они принесли ему окровавленную одежду Іосифа. Съ поникшей головой, разстроеннымъ голосомъ поблагодарилъ онъ папу и удалился съ растерзаннымъ сердцемъ, между тѣмъ какъ папа повторялъ ему съ притворнымъ участіемъ:

— Сейчасъ мы отправимъ манифестъ и позволимъ объявлять всѣмъ и каждому, что мы сдѣлали это изъ уваженія къ вашимъ заслугамъ....

— Ex ore leonis, бормоталъ про себя Фариначчьо, спускаясь по лѣстницѣ: — наши предки приносили въ жертву богамъ ягненка, исторнутаго изъ пасти волка.

Такъ думалъ Фариначчьо теперь и увидѣлъ, что не ошибся, когда узналъ, какого рода помилованіе оказалъ папа Климентъ маленькому Бернардино Ченчи.—Тѣмъ не менѣе, впослѣдствіи, слыша кругомъ, что онъ спасъ его, мало того, слыша то же самое съ нескончаемою благодарностью отъ самаго Бернардино и находя себѣ въ этомъ утѣшеніе, Фариначчьо наконецъ и самъ сталъ считать себя спасителемъ Бернардино. Легкія любовныя связи, игра и веселая жизнь заглушили въ немъ угрызенія совѣсти. Большія деньги, которыя доставляла ему его должность духовнаго совѣтника, большое значеніе при дворѣ, убѣдили его потомъ отказаться отъ защиты Ченчи въ процессѣ о возвращеніи наслѣдникамъ состоянія. Онъ оправдывалъ себя, говоря, что онъ уже сдѣлалъ довольно; пускай теперь пробуютъ свои силы другіе: самъ Христосъ просилъ ученика помочь ему снести крестъ на Голгоѳу.

Онъ твердилъ это и многое другое, думая, что говоритъ правду; а въ сущности онъ лгалъ. Правда была въ жестокомъ предсказаніи папы Климента, когда на вопросъ Фариначчьо, кто избавитъ его отъ совѣсти, онъ сказалъ ему: «ваша совѣсть».

ГЛАВА XXIX.

Последнее прощанье.

Любовь не спитъ. Гвидо имѣлъ случай узнать о смертномъ приговорѣ, какъ только онъ былъ подписанъ. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ онъ прибѣгнулъ къ разбойникамъ, своимъ новымъ товарищамъ, прося ихъ и почти приказывая имъ (потому что съ каждымъ днемъ онъ пріобрѣталъ больше и больше власти надъ ними) собраться въ назначенный часъ переодѣтыми въ амфитеатръ Флавія.

За два часа до зари разбойники начали собираться, кто одѣтый аббатомъ, кто патеромъ, одни въ крестьянскомъ платьѣ, другіе въ одеждѣ дворянина. И тутъ, между прочимъ, было видно, какъ не вѣрна поговорка, будто бы отъ одного платья не будешь монахомъ: бандитовъ нашихъ, переодѣтыхъ дворянами, никакъ нельзя было бы отличить отъ настоящихъ дворянъ. Пересчитавъ собравшихся, Гвидо увидѣлъ, что ихъ не болѣе сорока человѣкъ, число слишкомъ ничтожное для того, чтобы похитить Беатриче изъ рукъ власти. Но Гвидо и товарищи его были такой народъ, котораго это не могло удержать отъ попытки, а особенно Гвидо, способнаго кинуться и въ томъ случаѣ, еслибы онъ былъ даже одинъ. Выслушавъ мнѣнія всѣхъ, Гвидо велѣлъ имъ для отличія приколоть на шляпы или на капюшоны виноградную вѣтвь и, вооружась короткимъ оружіемъ, вмѣшаться въ процессію, когда она будетъ приближаться къ эшафоту. Разогнавши братьевъ мизерикордіи, сбирровъ и солдатъ, они должны были схватить Беатриче и бѣжать съ нею къ тому мѣсту, гдѣ онъ будетъ ожидать ихъ верхомъ на лихомъ конѣ, на которомъ онъ усядется вмѣстѣ съ нею. Они же, воспользовавшись сумятицей, должны стараться скрыться и бѣжать въ Тиволи; онъ будетъ ихъ тамъ дожидаться. Разбойники съ восторгомъ согласились на все: это были люди, охотно кидающіеся въ рискованныя предпріятія; притомъ, зная какую сильную любовь весь Римъ питалъ къ Беатриче и какое горячее участіе принималъ въ ея судьбѣ, они думали этимъ пріобрѣсти большую славу, что льстило ихъ самолюбію; наконецъ награда, обѣщанная имъ, если они успѣютъ спасти Беатриче, была истинно царская, какъ они сами впослѣдствіи разсказывали.

Удивительно, что въ то же самое время совершенно другаго рода люди предпринимали въ Римѣ то же самое, какъ говоритъ хроника. Полагаютъ, что тайнымъ главою этого другаго общества былъ Маффео Барберини. Судьба Беатриче и ея необыкновенная красота сильно по-

разили его. Старанія, употребленныя имъ для пріобрѣтенія ея портрета, достаточно говорятъ объ этомъ. Можетъ быть, это происходило отъ его добраго сердца, а можетъ быть его подвигала на это дружба къ Гвидо, вѣрнѣе же всего, причиною тому была любовь, загорѣвшаяся въ его сердцѣ къ несчастной и прекрасной Беатриче. Ни кардинальская мантія, ни дружба не могутъ удержать сердце человѣка отъ любви, которая проникаетъ въ него сквозь всякую одежду.

Этотъ второй заговоръ для спасенія Беатриче былъ составленъ художниками. Къ нимъ присоединилось множество молодыхъ людей изъ знатнѣйшихъ фамилій Рима, видѣвшихъ оскорбленіе для самихъ себя въ этомъ уничтоженіи знатной фамиліи Ченчи. Самой горячей головой въ этой шайкѣ былъ Убальдино Убальдини, молодой живописецъ изъ Флоренціи, подававшій блестящія надежды, и который пріобрѣлъ бы себѣ большую славу, еслибы смерть преждевременно не похитила его. Онъ нарисовалъ портретъ Беатриче такъ, какъ внушила ему его отчаянная любовь къ ней: она была изображена въ томъ видѣ, въ какомъ ее вели на казнь. Преданіе говоритъ, что Гвидо Рени снялъ портретъ Беатриче наканунѣ ея смерти. Но къ счастью, это не вѣрно. Я говорю, къ счастью, потому что еслибъ то было правда, это показывало бы въ Беатриче тщеславіе, недостойное ея въ тѣ минуты, когда мысли ея должны были быть обращены, какъ онѣ и были обращены, къ Богу и къ чистѣйшимъ привязанностямъ на землѣ. Также точно былъ бы достоинъ порицанія и Гвидо Рени, еслибы рука его не дрожала и онъ могъ передать на холстѣ черты несчастной дѣвушки, идущей на незаслуженную казнь. Но, повторяю, это не вѣрно. Изъ жизнеописанія Гвидо Рени извѣстно, что онъ тогда еще не покидалъ своей родины Болоньи; въ Римъ же онъ пріѣхалъ только въ концѣ 1599 или въ началѣ 1600 года. Дивный портретъ Беатриче, работы Гвидо Рени, находящійся нынѣ во дворцѣ Барберини, въ Римѣ, былъ списанъ имъ съ рисунка, набросаннаго остывающею рукою Убальдино Убальдини. . . . . .

Заговоръ художниковъ имѣлъ ту же цѣль—ворваться въ процессію, похитить Беатриче и ея родныхъ, посадить ихъ въ приготовленную карету, запряженную надежными лошадьми и скакать съ ними къ морю. Числомъ они были значительнѣе шайки Гвидо, но тѣ превосходили ихъ храбростью и навыкомъ къ подобнымъ дѣламъ. Знакъ отличія втораго общества былъ бѣлый бантъ на шляпахъ. Убальдини долженъ былъ держать дверцы кареты. Править лошадьми вызвался одинъ французскій художникъ. . . . . .

— Чортъ возьми! кричалъ Убальдини, стуча кулакомъ по столу:— она не должна умереть.... нѣтъ, не должна.... Пускай лучше.... .

Онъ не договорилъ. Тогда одинъ изъ товарищей спросилъ его:

— Лучше что?

— Лучше разбить Аполлона Бельведерскаго и Лаокоона....

— Я отдаю и куполъ Петра въ придачу, прибавилъ третій.

— Тѣмъ болѣе, что эти вещи мы можемъ сдѣлать вновь, замѣтилъ французъ. Но Убальдини посмотрѣлъ на него и не то съ гнѣвомъ, не то насмѣшливо, сказалъ:

— Нѣтъ, братъ, французъ, эти вещи не дѣлаются вновь. Только лучше пусть *онѣ* погибнутъ, чѣмъ невинное созданіе божіе.

— О вандалы! воскликнулъ одинъ молодой художникъ, и вдругъ остановился, желая найти въ своей головѣ наиболѣе достойный эпитетъ. — О вандалы! — этимъ все сказано, и хуже этого слова я не могу найти. Вы хотите уничтожить наши модели... А что же намъ остается дѣлать и кого изучать? Ужъ не васъ ли?

— А! еслибъ Беатриче родилась въ твоей кожѣ, хорошо было бы для нея! теперь она не была бы въ ожиданіи тяжелой минуты, которая ей предстоитъ.

— Какое это имѣетъ отношеніе къ моей кожѣ? я не понимаю.

— Такое отношеніе, что, какъ слышно, ее казнятъ, чтобъ завладѣть ея деньгами. А у тебя можно вырвать зубы, но ужъ деньгами не поживишься.

— Замолчите ли вы?—Красота, которой мы поклоняемся, не есть красота куртизанки, но чистѣйшаго, божественнаго созданія,—и вы должны помнить это. Для того, чтобы такая красота низошла въ наши души и сдѣлала насъ способными воспроизвести ее, надо принимать ее, какъ апостолы приняли сошествіе Святаго Духа.

Эта строгая рѣчь, произнесенная Убальдино съ подмостковъ, остановила разомъ пустую болтовню его товарищей, и легкомысленные молодые люди вдругъ стали серьезны, какъ святые отцы на тридентскомъ соборѣ.

Первые лучи солнца, вспыхнувшаго изъ за горъ, освѣтили въ тюрьмѣ Тординона самую грустную картину. Джакомо и Бернардино, введенные вмѣстѣ, бросились въ объятія другъ друга....

— Поди ко мнѣ, мой дорогой! обними меня.... такъ, мнѣ кажется, будто я обнимаю своихъ дѣтей.... Горе мнѣ! Мои дѣти... мои бѣдныя дѣти!... сироты.... дѣти.... отцеубійцы, преслѣдуемые злыми людьми, которые властны сдѣлать съ ними что захотятъ, лишить ихъ всего, даже куска насущнаго хлѣба...

— Бѣдняжки! И ихъ лишать всего, всего!

— Скажи мнѣ, братъ, вѣдь ты много насмотрѣлся на свѣтѣ, правосудіе всегда бываетъ такое?

Джакомо отвѣчалъ ему только вздохомъ. Вдругъ ребенокъ услышалъ звукъ колокола.

— Слышишь, Джакомо, слышишь! что это за колоколъ звонитъ у насъ надъ головою? спросилъ онъ.

Джакомо крѣпко прижалъ брата у себя на груди и не отвѣчалъ.

— А тебѣ жаль умирать?—произнесъ онъ невольно.

— Да, жаль; я люблю птичекъ и бабочекъ, я люблю цвѣты, по которымъ онѣ летаютъ, и люблю смотрѣть на Тибръ, когда въ немъ много воды и когда онъ быстро бѣжитъ; я все люблю. Здѣсь я вижу солнце, мнѣ отъ него и свѣтло и тепло, а тамъ будетъ темно и холодно. Тутъ, гдѣ я живу, я знаю, что есть; а тамъ что будетъ? Говорятъ, будетъ хорошо, и я этому вѣрю, только я всетаки не знаю навѣрное, что тамъ будетъ.

— Будь готовъ, братъ мой: этотъ колоколъ звонитъ наши послѣдніи минуты... Онъ объявляетъ намъ, что пора идти, хоть мы и хотѣли бы остаться здѣсь...

Какъ бы въ подтвержденіе его словъ, у двери тюрьмы показались исповѣдники и братья мизерикордіи.

— Мужайтесь, братья, часъ приближается, произнесъ мрачный голосъ.

— Пусть будетъ воля божія, отвѣтилъ донъ Джакомо, но Бернардино прервалъ его:

— Да развѣ это воля божія, Джакомо?

— Конечно, потому что все дѣлается по волѣ божіей, и, сомнѣваясь въ этомъ, вы совершаете большой грѣхъ, отвѣтилъ исповѣдникъ, вмѣсто Джакомо.

— Если это такъ, батюшка, то я раскаиваюсь; и для того, чтобъ это мнѣ зачлось въ раю, я буду вѣрить, что меня по волѣ божіей невиннаго ведутъ на казнь.

— Кто изъ насъ невиненъ? всѣ мы преступны предъ лицемъ Всевышняго.

— Отчегожъ не всѣхъ ведутъ на смерть?

— Богъ посылаетъ испытанія тѣмъ, кого любитъ; и ты, сынъ мой, благодари его за то, что онъ избралъ тебя изъ тысячи для того, чтобы ты испыталъ его безконечное милосердіе.

— Батюшка, наивно отвѣчалъ малютка, не займете ли вы въ такомъ случаѣ моего мѣста?..

Монахъ сложилъ руки въ знакъ сокрушенія сердечнаго и, поднявъ глаза къ небу, отвѣчалъ:

— Я отъ всей души желалъ бы, сынъ мой, чтобъ это было возможно; но это невозможно.

Появленіе мастера Алессандро, съ его лицомъ, неподвижнымъ, какъ у бронзовой статуи, прервало разговоры. Онъ надѣлъ на осужденныхъ черные плащи съ капюшонами, принесенные братьями ми-

зерикордіи; плащъ, надѣтый на Джакомо былъ тотъ самый, который носилъ Франческо Ченчи, принадлежавшій во время своей жизни къ этому человѣколюбивому обществу.

Потомъ всѣ медленными шагами вышли изъ тюрьмы. Джакомо остановился на порогѣ комнаты, которую покидалъ навсегда и которая была свидѣтельницей его невыразимыхъ страданій.

— Семьдесятъ семь разъ да будетъ проклятъ человѣкъ, осуждающій человѣка на отчаяніе въ этой могилѣ, сказалъ онъ:—тотъ, кто однимъ ударомъ низвергнетъ его въ могилу, проклятъ только семь разъ.

Погребальный звонъ колоколовъ продолжается; барабаны начинаютъ свой несвязный бой. Во дворѣ выстроено нѣсколько эскадроновъ кавалеріи и толпа пѣшихъ сбирровъ; за ними стоятъ братья мизерикордіи, палачъ, его помощники,—однимъ словомъ, вся обстановка дикой силы, которою должно окружать себя правосудіе, когда оно не есть правосудіе.

Бернардино смотрѣлъ на всѣ эти приготовленія, какъ потерянный; но особенно привлекли его вниманіе двѣ телѣжки, на которыхъ въ жаровняхъ, полныхъ горячихъ углей, накалялись желѣзные щипцы. Онъ съ дѣтскимъ любопытствомъ спросилъ:

— Джакомо, а зачѣмъ эти щипцы?

Джакомо не отвѣчалъ, и большая часть братьевъ мизерикордіи подъ своими капюшонами проливали слезы. Но малютка настойчиво допрашивалъ:

— Я хочу знать, Джакомо, скажи мнѣ. Не думай, что ты напугаешь меня, вѣдь я ужъ знаю, что умру.

— Это для насъ—отвѣтилъ Джакомо, и больше онъ не могъ ничего сказать.

— О! я никогда не думалъ, что для меня нужно столько инструментовъ; со мной такъ легко покончить. Посмотри, у меня шея тоненькая, какъ тростникъ; палачу будетъ немного труда надъ нею.

Онъ замѣтилъ еще гвоздь, дубину и красный плащъ. Всѣ эти вещи, какъ обличители преступленія были сложены на одной изъ телѣжекъ для того, чтобъ ихъ видѣла публика.

— Джакомо, посмотри, вѣдь это тотъ самый плащъ, который носилъ нашъ отецъ!

Духовные ассистенты, для того, чтобы вниманіе ребенка не отвлекалось отъ религіозныхъ помысловъ, надѣли ему, а также и Джакомо на голову родъ ящика, внутри котораго было изображено Распятіе и были наклеены разныя молитвы; этимъ способомъ полагали достигнуть совершеннаго сосредоточенія обвиненныхъ на предметахъ не отъ міра сего. Но малютка принялся кричать, чтобы съ него сняли ящикъ и не отнимали возможности видѣть небо, гдѣ Богъ. Вдругъ у

воротъ произошло волненіе въ народѣ; солдаты стали сторониться, и между ихъ рядами медленно въѣхала во дворъ карета. Въ толпѣ раздались крики, отражаясь отъ стѣнъ тюрьмы, какъ морскія волны въ бурю:

— Помилованіе! помилованіе!

Лучъ жизни блеснулъ въ глазахъ Джакомо, и голова его поднялась, какъ верхушка тополя, когда пронеслась буря. Изъ кареты вышелъ синьоръ Вентура и, подойдя къ осужденнымъ, вынулъ бумагу.

— Донъ Бернардино Ченчи, прочелъ онъ, — его святѣйшество даруетъ вамъ жизнь. Но благоволите однако послѣдовать за вашими родными и молите Бога о душахъ ихъ (*). Далѣе ты увидишь читатель, что такое тогда называлось помилованіемъ.

Духовные отцы сняли съ Бернардино ящикъ, который закрывалъ ему лицо, а палачъ, просмотрѣвши папскій манифестъ, снялъ съ него цѣпи; не зная, во что одѣть его для того, чтобы ребенокъ не имѣлъ видъ осужденнаго, онъ взялъ красный плащъ графа Ченчи и накинулъ ему на плечи. Такимъ образомъ устроила судьба, что послѣдніе сыновья этого злодѣя шли къ эшафоту — одинъ, одѣтый въ черное платье, въ которомъ онъ былъ измѣнникомъ Богу, а другой — въ тотъ самый плащъ, которымъ онъ приготовилъ измѣну Марію.

Увидѣвши открытое небо и узнавъ о своемъ спасеніи, Бернардино захлопалъ въ ладоши, сталъ прыгать и кричать отъ радости. Въ первую минуту инстинктъ жизни въ ребенкѣ взялъ верхъ надъ всѣми другими чувствами; но онъ тотчасъ же вспомнилъ, сколько причинъ для слезъ осталось у него и какъ гадко съ его стороны выражать такъ свою радость: онъ обнялъ колѣни Джакомо и умолялъ простить его.

Лучъ жизни, блеснувшій было въ глазахъ Джакомо, замѣнился мракомъ смерти; глаза его стали стеклянные и потухли, онъ съ трудомъ могъ произнести слѣдующія слова:

— Радуйся, братъ мой; еслибъ ты могъ видѣть мое сердце, то убѣдился бы, что я радуюсь еще болѣе тебя самого. Господь сжалился надо мною и посылаетъ отца моимъ дѣтямъ. Возьми же ихъ и заботься о нихъ; я вручаю тебѣ свою плоть и кровь съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ вручаю душу мою Всевышнему.

— Джакомо, отвѣчалъ Бернардино, обнимая колѣни брата: — клянусь тебѣ, я дамъ обѣтъ невинности, для того чтобы другія привязанности не помѣшали мнѣ имѣть къ дѣтямъ, которыхъ ты мнѣ оставляешь, чувство отца.

— Да будетъ благословенъ Богъ нашъ! Господа! теперь мы можемъ идти.

(*) Подлинныя слова, переданныя намъ хроникою.

Процессія двинулась. Начались истязанія... Описывать ли тѣ страшныя истязанія калеными щипцами и другими орудіями палача, какія дѣлались надъ бѣднымъ Джакомо въ теченіе всей дороги, отъ тюрьмы до самаго мѣста казни? Перо мое отказывается отъ этого. Довольно знать читателю, что все тѣло Джакомо представляло одну сплошную рану, когда онъ показался на эшафотѣ. И несчастный Бернардино долженъ былъ быть свидѣтелемъ этого звѣрства. Онъ кидался на колѣни, умолялъ пощадить брата, просилъ, чтобы его мучили самого, и хватался руками за горячіе щипцы, и наконецъ упалъ отъ изнеможенія въ обморокъ.

Много улицъ уже пройдено процессіей и много площадей... Но вотъ она вступаетъ на огненную почву: это площадь Ченчи. Джакомо, изнуренный физическими страданіями, не видитъ и не сознаетъ, гдѣ онъ. Вдругъ раздирающіе крики падаютъ ему на голову. Онъ поднялъ голову, и помутившіеся глаза его видятъ на террасѣ дворца Ченчи простертыя объятія жены и дѣтей.

Отъ одной мысли, что онъ показался своему семейству истерзаннымъ и доведеннымъ до такого страшнаго униженія, вся внутренность его перевернулась. Любовь однако взяла верхъ надъ стыдомъ, и онъ воскликнулъ раздирающимъ душу голосомъ:

— Мои дѣти! О! мои дѣти... дайте мнѣ моихъ дѣтей!...

Предводители шествія не хотѣли останавливаться; но толпа народа хлынула впередъ и съ ропотомъ приближалась къ колесницѣ. Тогда начальникъ сдѣлалъ знакъ, чтобъ остановились, и громкимъ голосомъ объявилъ, что онъ отъ всего сердца готовъ исполнить общее желаніе. Джакомо сняли съ колесницы и, набросивъ на него плащъ, чтобы прикрыть раны, повели между двумя рядами солдатъ во дворъ дворца. Нечего и говорить, какую нестерпимую боль причинялъ израненному тѣлу этотъ покровъ; но Джакомо удерживался отъ стоновъ изъ жалости къ своему семейству.

По широкой лѣстницѣ бѣжала Луиза съ распущенными волосами, съ однимъ ребенкомъ на груди и ведя другаго за руку. Анджолино велъ вслѣдъ за нею остальныхъ. Луиза бросила мужу на шею ребенка, который съ отчаяніемъ вцѣпился въ отца; сама она хотѣла обнять ему колѣни и упала безъ чувствъ къ его ногамъ. Джакомо не могъ этого видѣть, потому что дитя, висѣвшее у него на шеѣ, закрывало ему собою глаза. Голосомъ, на сколько возможно твердымъ, Джакомо произнесъ:

— Дѣти мои! скоро, скоро... ударъ топора... и онъ не въ силахъ былъ продолжать далѣе:—Я оставляю вамъ горестное наслѣдство, началъ онъ снова:—эта мысль мучитъ меня болѣе, чѣмъ моя казнь. Когда меня похоронятъ въ этой церкви,—прибавилъ онъ, указывая на церковь св. Ѳомы, — помните, что если васъ выгонятъ изъ дома ва-

него, никто не вправѣ закрыть вамъ дверей церкви, выстроенной вашими предками. Приходите туда вечеромъ, чтобы васъ никто не видѣлъ, молить Бога о душѣ отца вашего. Луиза, я не поручаю тебѣ нашихъ дѣтей; я знаю, что прежде, чѣмъ кто нибудь до нихъ дотронется, ты дашь умертвить себя, но защитишь дѣтей. Моя Луиза, гдѣ же ты?...

Не получая отвѣта, онъ наклонился и такимъ образомъ поставилъ дитя на полъ. Тогда только онъ увидѣлъ Луизу, лежащую безъ чувствъ; поднявъ очи къ небу, онъ воскликнулъ:

— Благодарю тебя, Господи, за то, что Ты послалъ мнѣ утѣшеніе увидѣть ее передъ смертью и отнялъ у нея горе этого послѣдняго разставанія.

Онъ сталъ на колѣни, поцѣловалъ ее въ щеки, которыя облилъ слезами и кровью. Потомъ перецѣловалъ вцѣпившихся въ него дѣтей, старавшихся своими дѣтскими ручонками удержать его и наполнявшихъ воздухъ такими жалостными криками, отъ которыхъ сердце разрывалось на части.

— Прощайте, дѣти мои... говорилъ рыдая несчастный отецъ: — прощайте! Мы свидимся въ раю. Бернардино, теперь это твои дѣти... не забывай этого.

Бернардино съ отчаяніемъ въ сердцѣ обнималъ дѣтей и успокоивалъ ихъ, какъ могъ, обѣщая имъ скоро вернуться домой.

— А отца,—скажи, ты приведешь съ собою отца? спрашивали малютки?

— Я? нѣтъ... но его принесутъ вамъ... Прощайте.

Всѣ плакали, и кругомъ слышны были неудержимые стоны; точно каждый изъ присутствующихъ хоронилъ сына или брата.

Процессія двинулась впередъ, и за ней рыдавшая толпа, еще несытая, искавшая новыхъ впечатлѣній... Жестокія души! жестокія сердца!...

ГЛАВА XXX.

Послѣдній часъ.

Процессія, сопровождавшая на мѣсто казни братьевъ Ченчи, остановилась передъ тюрьмою Корте-Савелла.

Беатриче и Лукреція на колѣняхъ, тихо молятся. Отецъ Анджелико также молится, но до слуха его донесся шумъ, который все болѣе и болѣе приближается. Онъ поднимаетъ глаза и видитъ сквозь отверстіе двери человѣка, дѣлающаго ему знакъ рукою; онъ понялъ этотъ

знакъ. Боже! какъ уже давно жизнь его протекаетъ въ непрерывномъ горькомъ трудѣ:—напутствовать и утѣшать несчастныхъ осужденныхъ на послѣднія страданія; но теперь у него не достаетъ духу сказать Беатриче, что пора идти. Покуда онъ стоялъ, не зная самъ, что дѣлать, она вывела его изъ затрудненія молитвою, произнесенною въ полголоса.

— И если это безпредѣльное стремленіе покинуть жизнь и идти въ твои объятія, о Боже, грѣховно, прости мнѣ этотъ грѣхъ. Какъ мнѣ тяжело ожиданіе! Я подобна изгнаннику, готовящему на выжженномъ солнцемъ берегу челнокъ, который долженъ провести его въ отечество! Небо, ты отчизна всѣхъ страдающихъ! скоро ли, скоро ли я тебя достигну?

— Дочь моя, если твое желаніе такъ сильно, то знай, что Господь идетъ за тобою... онъ уже пришелъ. Идемъ во срѣтенье ему...

И вставши, капуцинъ протянулъ свою жесткую руку къ нѣжной рукѣ Беатриче. Она поспѣшно встала.

— Здѣсь на землѣ страданіе называется мученичествомъ, въ раю оно зовется славой... воскликнула Беатриче: — идемте... идемъ!

Изъ сострадація ли, или изъ любопытства, но здѣсь столпилось болѣе всего народу; толпа была такъ велика, что мрачная процессія едва могла подвигаться впередъ. Взрослые и дѣти карабкались на карнизы оконъ, на выступы стѣнъ и даже на желѣзные крючья, за которые привѣшивались фонари. То была толпа слезливая, не чуждая истинной жалости, грубая безъ жестокости, горевавшая о событіи и не способная протянуть руки, чтобъ измѣнить его ходъ: напротивъ, она даже и не захотѣла бы этого; подобные праздники тѣмъ пріятнѣе для народа, чѣмъ сильнѣе даровыя ощущенія, ими доставляемыя.

Первая показалась донна Лукреція; черный вуаль покрывалъ ей голову и спускался до пояса. На ней было черное платье изъ бумажной матеріи съ широкими открытыми рукавами, и бѣлая рубашка изъ тонкаго холста съ мельчайшими складочками, съ рукавами застегнутыми у кисти руки, какъ носили въ то время. Вмѣсто бѣлаго висячаго пояса, бывшаго въ употребленіи въ Римѣ, она была опоясана веревкой, въ которую были пропущены и ея руки. Веревка была завязана не на столько крѣпко, чтобъ она не могла правой рукой держать передъ глазами распятіе, а лѣвой обтирать потъ, обливавшій ей лобъ; на ногахъ были туфли изъ чернаго бархата, съ черными же бантами. Вслѣдъ за нею показалась Беатриче.

Долгое горе не въ силахъ было уничтожить божественной красоты ея. Какъ пламя, готовое погаснуть, загорается на мгновеніе яркимъ свѣтомъ, красота Беатриче, казалось, вызвала наружу весь блескъ свой, чтобъ ярче засіять въ послѣдній разъ свѣту... Страданіе осы-

нало ее росою, тою росой, которая каплетъ съ пальмовыхъ вѣтвей небесныхъ мучениковъ. Беатриче явилась одѣтою иначе, чѣмъ ея мачеха. На ней былъ бѣлый вуаль; на плечи накинуто бѣлое глазетовое покрывало; платье изъ фіолетовой тафты; высокіе башмаки изъ бѣлаго бархата, съ пунцовыми каблуками и бантами.

— Вотъ она! вотъ она! Слова эти какъ молнія пробѣгаютъ изъ устъ въ уста, и все вниманіе, и всѣ глаза устремляются на Беатриче.

Какъ только она выступила изъ двери, ее встрѣтило распятіе мизерикордіи, покрытое длиннымъ чернымъ крепомъ, который раздувалъ осенній вѣтеръ, уподобляя парусу, надутому попутнымъ вѣтромъ.

Распятіе склонилось передъ ней, словно привѣтствуя ее, и обѣ женщины поверглись ницъ. Беатриче громкимъ голосомъ произнесла:

— Ты съ распростертыми объятіями встрѣчаешь меня, Спаситель мой! прими же меня съ тою же любовью, съ какою я иду къ тебѣ.

Когда Джакомо и Бернардино увидѣли съ своей колесницы прекрасную праведницу, они бросились съ колесницы, прежде, чѣмъ успѣли удержать ихъ и, упавъ передъ нею на колѣни, умоляли о прощеніи.

— Прости насъ, сестра! кричали они: — ты невинная идешь на смерть, изъ-за насъ!

Увидѣвъ истерзанное тѣло брата, Беатриче пошатнулась и оперлась на руку отца капуцина; но скоро пришла въ себя и съ ясныымъ выраженіемъ лица произнесла:

— Что мнѣ прощать вамъ, братья мои? Ни ваше и не мое сознаніе причиною нашей смерти. Она была рѣшена прежде. Что же мнѣ прощать вамъ? Я счастлива, что оставляю этотъ міръ, гдѣ для меня были одни страданія. Я счастлива, что иду туда, гдѣ нѣтъ ни притѣснителей ни угнетенныхъ. Мужайся, Джакомо; теперь тебя еще могутъ заставить страдать но уже не долго. Идемте, чего мы ждемъ? Поспѣшимъ укрыться на лонѣ Всевышняго, который давно ждетъ насъ... Идемте вкусить вѣчный миръ.

Полные новаго мужества, которое вселила въ нихъ необыкновенная стойкость юной дѣвственницы, они взошли на колесницу и съ непоколебимымъ терпѣніемъ вынесли продолженіе и конецъ мученія.

Беатриче шла скорѣй, легкой поступью, точно спѣшила поспѣть вовремя на пріятное приглашеніе. Проходя мимо церквей, которыхъ попадалось много на дорогѣ, она повергалась на колѣни и молилась съ такимъ благоговѣніемъ и съ такою любовью, что слышавшіе ее желали только одного: чтобы Богъ сподобилъ и ихъ оставить эту жизнь съ такою же вѣрою и съ такою радостью.

Наконецъ печальная процессія достигла площади, на которой возвышается крѣпость святаго Ангела.

Посреди площади эшафотъ, на немъ плаха, на плахѣ топоръ. Лучи вечерняго солнца падаютъ на блестящее желѣзо топора, который кажется огненнымъ. Густая толпа волнуется, какъ нива, колеблемая вѣтромъ. Процессія дошла до капеллы Санъ-Чельсо, гдѣ было приготовлено причастіе: это была послѣдняя станція осужденныхъ; здѣсь они молились и ждали очереди идти на казнь. Народная масса начинаетъ закипать при появленіи колесницы... Горсть людей съ виноградной вѣтвью на шляпахъ подвигается впередъ тѣсно сплоченною кучкой, расточая удары кинжаловъ на право и на лѣво. Невозможно описать того страха, давки и криковъ, какія были видны и слышны въ толпѣ. Кавалерія пыталась броситься впередъ, но перепуганныя лошади не повиновались: сбирры, зная сколько ненависти сосредоточено на ихъ позорныхъ головахъ, спѣшили спасаться. Братья мизерикордіи, священники, факельщики, распятіе, знамена—все опрокинуто... Страшны были крики; много народу было задавлено, много задушено въ толпѣ. Нѣкоторые отъ страху, или отъ палящихъ лучей солнца, а вѣрнѣе отъ обѣихъ причинъ вмѣстѣ, сошли съ ума. Къ дополненію смятенія и ужаса, нѣсколько подмостковъ, переполненныхъ зрителями, обрушилось, увлекая за собою сидящихъ.

Гвидо видѣлъ все это со своего бѣшенаго коня и душа его замирала отъ ожиданія. Вотъ сподвижники его приближаются къ Беатриче; вотъ они уже около нея; они берутъ ее.... взяли.... уносятъ. Она спасена. Въ народѣ раздаются крики безпредѣльной радости; онъ съ своей стороны тоже помогаетъ похитителямъ.

Гвидо не въ силахъ владѣть собою; онъ протягиваетъ руки, точно хочетъ этимъ сократить пространство, отдѣляющее его отъ Беатриче. Къ несчастію во время этого движенія, онъ нечаянно прижалъ правую ногу. Конь, почувствовавъ шпору и перепуганный уже всей этой свалкой, закусилъ удила и помчался. Все, точно нарочно, сложилось для того, чтобъ еще болѣе раздражить разъяренную лошадь. Какъ разъ передъ нею обрушился съ ужаснымъ трескомъ цѣлый рядъ подмостковъ. Послѣ этого уже не было никакой возможности справиться съ нею; она какъ вихрь понеслась сквозь толпу, которую топчетъ и кусаетъ, унося съ собою несчастнаго любовника.

Не смотря на эту бѣду, сподвижники Гвидо все-таки спасли бы Беатриче: это были все люди не способные потеряться. Они завладѣли бы первой попавшеюся каретой и увезли бы Беатриче; но тутъ помѣха явилась съ другой стороны. Судьба все такъ устроила въ жизни несчастной Беатриче, что любовь приносила ей болѣе вреда, чѣмъ самая ненависть.

На встрѣчу похитителямъ Беатриче бросается другая толпа вооруженныхъ людей, съ бѣлыми фантами на шляпахъ, расчищая себѣ дорогу кинжалами: съ такою силою, что всякій, кто не поспѣшилъ бы дать имъ дорогу, остался бы на мѣстѣ.

Беатриче посреди этой свалки казалась утлой ладьей среди бурнаго моря. Она то появлялась на этихъ волнахъ головъ, то скрывалась, то подвигалась впередъ, то назадъ — шагъ къ свободѣ, шагъ къ плахѣ...

Молодой Убальдини, видѣвшій все это со ступенекъ кареты, приготовленной для спасенія Беатриче, понялъ, что обѣ партіи хотятъ спасти Беатриче, но не понимая цѣлей другъ друга, вмѣсто того, чтобы помогать, мѣшаютъ одна другой, губя тѣмъ самымъ общее предпріятіе. Опасность была такъ неминуема, что онъ бросился бѣжать къ своимъ товарищамъ, чтобы убѣдить ихъ не пробиваться впередъ и поскорѣе вернуться назадъ, если они не хотятъ погубить Беатриче. Но ему не удалось среди этой суматохи, ударовъ и криковъ, быть услышаннымъ всѣми; а тѣ немногіе, которые услышали его, не поняли, чего онъ хочетъ, и видя, что онъ покинулъ свой постъ, рѣшили, что все потеряно, и сами потеряли присутствіе духа.

Между тѣмъ, разсѣявшееся войско и сбирры, пользуясь смятеніемъ, успѣли вновь соединиться. Командовавшій войскомъ велѣлъ ударить на народъ и смять толпу. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что безпорядокъ уже и безъ того разсѣялъ ее на половину. Юный Убальдини, не внемля ничему, кромѣ голоса пылкой страсти, рѣшается одинъ противопоставить свое сопротивленіе напору конницы. Онъ вонзаетъ шпагу до самой рукоятки первому наскакавшему на него воину; но за первымъ наскакали другіе, и одинъ изъ нихъ разсѣкъ ему палашемъ черепъ, а другой плечо. Убальдини упалъ замертво на землю... Пѣшее ополченіе стало въ каре плотною стѣною, которую пробить уже не было возможности. Запертые съ тылу и отбрасываемые назадъ напирающею конницею, товарищи Гвидо могли только спасаться, кинувшись въ бокъ, что они и сдѣлали съ невообразимымъ ожесточеніемъ, видя, что попытка ихъ проиграна. Беатриче, какъ тотъ же челнокъ, выброшенный наконецъ усиливающеюся бурею на острые утесы, гдѣ ему суждено разбиться въ щепки, повергнута была противоположными и безразсудными порывами своихъ спасителей къ самому подножію эшафота.

Что происходило въ ея сердцѣ во время всѣхъ этихъ треволненій? Открылась ли грудь ея надеждѣ? стала ли она снова ласкать плѣнительные образы жизни? улыбнулась ли ей опять любовь? Ей любовь улыбнулась, но только она не желала болѣе жить. Слишкомъ много было сдѣлано ею пути къ могилѣ для того, чтобы возвращаться на-

задъ и начинать его снова.... Ею успѣло уже овладѣть не фанатическое стремленіе къ смерти, но искреннее желаніе успокоить свою усталую голову на лонѣ Всевышняго. И все-таки, не взирая ни на что, любовь улыбнулась ей.... Такъ человѣкъ, а особенно женщина, находитъ отраду въ любви даже на краю могилы. Беатриче увидѣла Гвидо и послала ему издали послѣднее прощанье. Гвидо видѣлъ Беатриче и, не взирая на пространство ихъ раздѣлявшее, они поцаловались взорами, и точно такъ же, какъ бывало въ то время, когда онъ стоялъ подлѣ нея, когда она перебирала своими пальцами его русые кудри, она говорила ему: «Гвидо! любовь моя! не унывай! Богъ не захочетъ оставлять тебя долго томиться на этой землѣ. Плачь Гвидо и кайся! небо не отвергнетъ тебя....»

Отецъ Анджелико, пораженный тѣмъ, что слышалъ и, проклиная въ душѣ злаго духа, вселившаго въ нее эти земные помыслы, назвалъ ее громко по имени и принялся увѣщевать сосредоточить всѣ свои мысли на Богѣ.

— Беатриче! отгони отъ души своей все, что отъ этого міра, и вознеси ее къ небу. На порогѣ вѣчности не оборачивайся назадъ, чтобы созерцать земное свое поприще....

— Батюшка! вы представитель божества на землѣ, а я бѣдная грѣшница, но увѣряю васъ, что я не совершаю грѣха, думая о моей любви. Я жду духовнаго брака. Мои желанія стремятся къ одному — къ соединенію нашихъ душъ. Я обвѣнчаюсь съ моимъ Гвидо на небѣ и мы поцалуемся въ объятіяхъ Всевышняго. Любовь есть Богъ и Богъ есть любовь....

Добрый капуцинъ не былъ особенно убѣжденъ этимъ примѣненіемъ теологіи, но понималъ, что тутъ было не время и не мѣсто вступать въ диспутъ, и потому удовольствовался увѣщаніями.

— Дочь моя! твой женихъ вотъ кто — сказалъ онъ, указывая на распятіе: — къ нему устреми свои помыслы; его облобызай всею душою твоею....

— О, да, разумѣется.... всею душою: онъ самъ былъ весь любовь къ намъ и за насъ.

Въ это время осужденные приблизились къ часовнѣ, гдѣ они долго еще молились передъ принятіемъ святаго причащенія. Наконецъ, братство мизерикордіи, со своимъ распятіемъ, покрытымъ чернымъ флеромъ, пришли за Бернардино. Бѣдный ребенокъ отправился за ними ни живъ, ни мертвъ и, когда ему велѣли взойти на эшафотъ, онъ воскликнулъ съ отчаяніемъ: «Боже! Боже! сколько же разъ мнѣ умирать еще? Вы мнѣ два раза обѣщали жизнь и два раза обманули меня! Боже! что же это за мученье такое!»

Никакія убѣжденія не могли увѣрить его въ томъ, что онъ оста-

нется жив, и успокоить. При видѣ топора, волосы у бѣднаго ребенка поднялись дыбомъ, и онъ упалъ въ обморокъ во второй разъ.

Братья мизерикордіи разными спиртами привели его въ чувство и успѣли наконецъ увѣрить, что онъ не умретъ, а только будетъ присутствовать при казни своихъ родныхъ!

Братство мизерикордіи, съ обыкновенною въ этихъ случаяхъ церемоніей, отправилось за донной Лукреціей. Добрая женщина, видя, что Беатриче углублена въ молитву, встала тихонько и была уже почти у двери, когда Беатриче, поднявъ голову, замѣтила ея отсутствіе и воскликнула:

— Мать моя, зачѣмъ вы покинули меня?

Лукреція, окруженная братьями мизерикордіи, съ порога двери отвѣчала:

— Я не покидаю тебя, дочь моя. Я только иду первая указать тебѣ дорогу.

Лукреція была полная женщина, и потому ей было трудно взойдти по лѣсенкѣ эшафота. Ей велѣли снять туфли и карабкаться, какъ ни попало. Она повиновалась и вскарабкалась съ большимъ трудомъ на возвышеніе. Палачъ снялъ вуаль съ ея головы и покрывало съ плечъ. Увидѣвъ свою грудь обнаженною передъ безчисленной толпой народа, она вспыхнула отъ стыда и потупила голову. Но при этомъ глаза ея встрѣтили топоръ, отъ котораго она задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Господи, будь милосердъ ко мнѣ! простонала она: — часъ смертнаго суда настаетъ для души моей. А вы, братья, молите Бога за меня, обратилась она къ народу.

Послѣ этого она спросила палача, что ей надо дѣлать? онъ сказалъ, что она должна лечь на скамейку плахи. Она исполнила это....

Бернардино закрылъ лицо краснымъ плащемъ. Глухой ударъ, отъ котораго покачнулся эшафотъ, заставилъ его вздрогнуть. Это была отрублена голова Лукреціи Ченчи. Палачъ взялъ ее за волосы одной рукой, другою приложилъ къ ней губку и, показывая народу, воскликнулъ:

— Вотъ голова донны Лукреціи Петрони Ченчи.... Потомъ, завернувъ голову въ черный вуаль, на веревкѣ спустилъ ее, вмѣстѣ съ тѣломъ, внизъ. Братья мизерикордіи уложили трупъ въ гробъ и отнесли въ Санъ-Чельсо, гдѣ онъ и оставался до окончанія казни.

Работа кипитъ. Палачъ и его помощники обмываютъ кровь съ эшафота, устанавливаютъ плаху; топоръ опять готовъ и рука готова, чтобъ пустить его въ дѣло.

Братья мизерикордіи идутъ за Беатриче. Завидѣвъ ихъ, она спрашиваетъ:

— Хорошо ли умерла моя мать?

— Да, она хорошо умерла, отвѣчали ей: — и теперь ждетъ васъ на небѣ.

— Да будетъ такъ.

Потомъ, обращаясь къ распятію, она произнесла съ невыразимою нѣжностью слова, которыя благоговѣйно сохранились въ памяти всѣхъ, кто ихъ слышалъ:

— Возлюбленный Христосъ, Спаситель мой! ты пролилъ свою божественную кровь за родъ человѣческій, и я вѣрю, что хоть одна капля этой драгоцѣнной крови пролита за меня. Если Ты праведный вынесъ столько страданій и оскорбленій, то мнѣ ли жаловаться на смерть? Господи, открой мнѣ, по твоей безмѣрной благости, врата неба и спаси душу мою.

Одинъ изъ помощниковъ палача подошелъ, чтобы завязать ей назадъ руки, но она отшатнулась отъ него, говоря:

—Не надо!

Однако, когда ее стали уговаривать вынести это послѣднее униженіе, она спокойно, даже съ веселымъ видомъ согласилась.

— Хорошо, сказала она, связывай тѣло мое въ тлѣнію, но только торопись отпустить скорѣе мою душу въ вѣчность.

Вышедши изъ часовни, она увидѣла семь молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья и пришедшихъ сопровождать ее на плаху. Никто не посылалъ ихъ. Узнавъ, что Беатриче завѣщала все свое приданое дочерямъ римскаго народа, онѣ сами добровольно пришли дать ей это послѣднее доказательство своей признательности. Ихъ хотѣли удалить, но онѣ не слушались и рѣшились, во что бы то ни стало, идти за Беатриче. Тогда имъ объявили, что, по приказанію монсиньора Таверна, губернатора Рима, всѣ тѣ, которые будутъ мѣшать словами или какимъ нибудь другимъ образомъ исполненію правосудія надъ злодѣйскимъ семействомъ Ченчи, подвергнутся истязанію на веревкѣ. Дѣвушки, услышавъ это, не перемѣнили своего намѣренія.

— Мы не пришли никому мѣшать, но утѣшать; если мы провинимся, пусть насъ наказываютъ.

— Прошу васъ, сказала Беатриче, не отнимайте этого грустнаго утѣшенія у меня и у нихъ. — Тогда братья милосердія взяли все на свою отвѣтственность и позволили дѣвушкамъ остаться.

Женское шествіе направилось къ эшафоту. Беатриче звучнымъ голосомъ запѣла молитву Богородицѣ, а молодыя дѣвушки съ благоговѣніемъ отвѣчали ей хоромъ: Ora pro nobis.

Вотъ она уже на эшафотѣ. Она обращается къ дѣвушкамъ и, перецаловавъ ихъ, говоритъ:

— Сестры! да наградитъ васъ Богъ за ваше участіе. Я оставляю

вамъ свое приданое: но это не стоитъ вашей благодарности. Тотъ женихъ, къ которому я иду, довольствуется раскаявшимся сердцемъ. Пусть для васъ любовь будетъ источникомъ радостей, какъ для меня она была источникомъ безконечныхъ горестей. Храните память обо мнѣ, пусть она будетъ дорога вамъ; и если кто нибудь спроситъ васъ обо мнѣ, отвѣчайте съ увѣренностью: Беатриче Ченчи умерла невинною.... невинною,—передъ очами Всемогущаго Бога, предъ которымъ я скоро предстану—не безгрѣшною, разумѣется, но невиннѣйшею въ томъ преступленіи, за которое меня влекутъ на смерть. Прощайте!

Теперь сонъ Іакова повторился въ глазахъ римскаго народа: ангелъ восходитъ по лѣстницѣ на небо. Самымъ отдаленнымъ является сперва ея голова, покрытая вуалемъ, потомъ плечи, наконецъ вся она.

— Ты обѣщалъ мнѣ не дотрогиваться до меня иначе какъ топоромъ, обратилась Беатриче къ палачу: сдержи же хоть ты свое обѣщаніе и скажи скорѣй, что мнѣ слѣдуетъ сдѣлать.

Онъ сказалъ.

Бернардино стоялъ все время, спрятавши лице въ плащъ; она подошла къ нему потихоньку и напечатлѣла легкимъ прикосновеніемъ поцалуй на его волосахъ. Дрожь пробѣжала по тѣлу ребенка; онъ открылъ лицо и увидѣлъ передъ глазами глаза дорогой праведницы.

Онъ въ третій разъ упалъ въ обморокъ.

Беатриче легкою ногою перешагнула черезъ скамью и легла на ней. Даже палачъ потрясенъ и, вспоминая о дочери, колеблется нанести ударъ.

Видя, что онъ мѣшкаетъ, Беатриче сказала:

— Руби!

И рука палача опустилась. Толпа закрыла глаза; и въ потрясенномъ воздухѣ раздался одинъ раздирающій, протяжный крикъ.

Отрубленная голова не задрожала ни одной фиброй; улыбка, съ которой страдалица отходила къ лучшей жизни, осталась на ней.

Палачъ протягиваетъ дрожащую руку къ этой головѣ, чтобы показать ее народу, но отецъ Анджелико и братья милосердія удерживаютъ его. Одинъ изъ нихъ надѣлъ на нее вѣнокъ изъ свѣжихъ розъ и, завернувъ въ бѣлое покрывало, громко провозгласилъ:

— Вотъ голова Беатриче Ченчи, римской дѣвственницы!

Гвидо, употребивъ всевозможныя усилія для того, чтобъ удержать свою лошадь, наконецъ справился съ нею и прискакалъ на площадь въ ту самую минуту, когда отецъ Анджелико, поднявъ голову Беатриче, воскликнулъ:

— Вотъ голова Беатриче Ченчи, римской дѣвственницы.

Уложивши тѣло Беатриче въ гробъ и отнеся его въ часовню

Сантъ-Чельсо, братья мизерикордіи сняли съ головы ея вѣнокъ и окружили имъ шею. Такимъ образомъ рана, отдѣлявшая голову отъ тѣла, была скрыта ожерельемъ душистыхъ розъ, сорванныхъ въ то же утро: нѣкоторыя изъ нихъ были краснѣе обыкновеннаго, онѣ были окрашены кровью.

Съ эшафота смыли кровь, и онъ опять готовъ. Голосъ могилы никогда не говоритъ: довольно. Плаха ждетъ третью жертву.

Братья мизерикордіи идутъ за Джакомо Ченчи.

Изломанный, израненный, истекающій кровью, страдающій выше всякаго описанія; онъ ждетъ смерти какъ блага. Скорыми шагами идетъ онъ къ эшафоту и торопливо всходитъ на его лѣстницу.

Бернардино, пришедшій въ чувство, дрожитъ всѣмъ тѣломъ, зубы его стучатъ, глаза устремлены тупо и въ какомъ-то беспамятствѣ. Видъ ребенка возбуждалъ невыразимую жалость, и на него невозможно было смотрѣть безъ слезъ. Но источникъ ихъ изсякъ у несчастнаго Джакомо; онъ пролилъ всѣ слёзы, какія у него были: теперь ему оставалось проливать одну кровь, да и ее было уже немного. Онъ подходитъ къ брату и, положивъ руку на его голову, громкимъ голосомъ обращается къ народу:

— Я объявляю въ послѣдній разъ, что братъ мой, донъ Бернардино, совершенно невиненъ въ какомъ бы то ни было преступленіи; если онъ и призналъ себя виновникомъ, то онъ былъ вынужденъ къ тому силою пытки. Молите Бога за меня.

Но тутъ мы и остановимся. Перо отказывается описывать возмутительную, унижающую достоинства человѣка, казнь, какая была исполнена надъ Джакомо Ченчи. То была не казнь, а бойня....

Бернардино упалъ на этотъ разъ замертво. Его отнесли въ тюрьму и съ большимъ трудомъ привели въ чувство. Долго потомъ онъ не переставалъ бредить въ сильнѣйшей горячкѣ. Долгое время онъ былъ на краю могилы, но благодаря лучшимъ докторамъ Рима, остался въ живыхъ. Не на радость только!

Манифестъ папы Климента гласилъ: «Дону Бернардино даруется жизнь. Смертная казнь замѣняется галерами на вѣки, и онъ долженъ присутствовать при казни своихъ родныхъ».

Папа въ душѣ своей думалъ такъ:

— Или Бернардино умретъ при видѣ казни всего своего семейства, и тогда я выигрываю смерть его, и оказываюсь милосердымъ; или онъ выдержитъ, и тогда гражданская смерть имѣетъ ту же силу въ отношеніи къ конфискаціи имущества, какъ и настоящая смерть.

Такъ прощали римскіе первосвященники.

Къ захожденію солнца казнь окончена.

Мастеръ Алессандро отправляется домой, окруженный жандарма-

ми и сбиррами, для огражденія его отъ гнѣва народа, который, по своему обыкновенію—обрушивать этотъ гнѣвъ на камень, а не на руку бросившую его, готовъ былъ разорвать палача на части. Въ ту минуту, какъ онъ подходилъ къ низенькой двери, въ которую пролѣзалъ всегда какъ волкъ въ свою берлогу, она открылась, и изъ нея высунулся гробъ, движимый невидимой рукой. Палачъ долженъ былъ отскочить, чтобы не быть сшибленнымъ съ ногъ. Въ появленіи гроба не было ничего удивительнаго; напротивъ, это была вещь самая обыкновенная; такимъ образомъ всегда спроваживали умершихъ въ тюрьмѣ отъ болѣзни или отъ пытки; но тѣмъ не менѣе кровь хлынула къ глазамъ палача, и онъ точно видѣлъ огонь передъ собою. Вслѣдъ за гробомъ показались лица тѣхъ, которые выдвинули его и между ними пьяница, дурачекъ Отре. Этотъ послѣдній, увидѣвъ палача, оскалилъ зубы и сказалъ:

— [illegible]! Богъ не ждетъ субботы; онъ платитъ тебѣ сейчасъ.

И, приподнявъ саванъ, онъ открылъ безжизненное тѣло бѣдной Виргиніи.

Юный Убальдино Убальдини былъ тайно перенесенъ въ домъ сестры своей и находился въ безнадежномъ состояніи. На другое утро болѣзнь его усилилась и онъ въ бреду потребовалъ карандашъ и бумагу. Чтобъ успокоить его, ему дали все, что онъ хотѣлъ. Тогда-то онъ и нарисовалъ портретъ Беатриче, поразительный по сходству и по красотѣ рисунка.

Монсиньоръ Таверна открылъ, однако жилище Убальдини и послалъ арестовать его, не смотря на то, что ему говорили объ его безнадежномъ состояніи.

Когда сбирры вошли къ нему въ комнату, онъ, приподнявши голову, потухшимъ голосомъ обратился къ нимъ:

— Скажите губернатору, что вы нашли покойника, который не захотѣлъ бы помѣняться съ нимъ судьбой.

Сказавъ это, онъ опустилъ голову на подушку и испустилъ духъ.

Тѣло Беатриче и Лукреціи и изувѣченные останки Джакомо оставались выставленными у подножія колоссальной статуи св. Павла на мосту св. Ангела!..

Семь дѣвственницъ не покинули Беатриче и послѣ ея смерти; онѣ отдали ей послѣднія услуги: обмыли ее, одѣли въ роскошное платье, обрызгали благоуханіями и шею убрали свѣжими цвѣтами: одинъ вѣнокъ, изъ бѣлыхъ розъ, онѣ положили ей на голову, другимъ окружили шею; первыя розы, окрашенныя кровью дорогой страдалицы, онѣ раздѣлили между собою.

Со всѣхъ сторонъ приходили толпы молодыхъ дѣвушекъ въ бѣ-

ныхъ плащахъ, чтобъ отдать послѣднія почести несчастной сестрѣ... Пятьдесятъ факеловъ окружали гробъ; и столько свѣчей горѣло вездѣ на окнахъ въ тѣхъ улицахъ, по которымъ проходило погребальное шествіе, такое множество цвѣтовъ сыпалось на гробъ, что простой народъ находилъ, что процессія Corpus Domini уступаетъ этому шествію.

При грустномъ пѣніи псалмовъ, процессія достигла до церкви Санъ-Пьетро-инъ-Монторіо, гдѣ былъ приготовленъ катафалкъ, на который поставили гробъ. Отпѣли панихиду, окропили тѣло святой водой и въ послѣдній разъ простились съ покойницей. Но толпа не скоро оставила церковь: выходящіе замѣнялись тотчасъ новыми посѣтителями, какъ это обыкновенно бываетъ у католиковъ въ страстной четвергъ, при поклоненіи плащаницѣ.

Въ шесть часовъ ночи привратникъ объявилъ, что церковь запирается. Мало-по-малу толпа вышла, церковь опустѣла и привратникъ заперъ тяжелыя двери. Эхо передавало отъ одного свода другому шумъ запираемой двери, и во всѣхъ углахъ церкви дрогнули древнія гробницы; мало-по-малу все замолкло и воцарилась мертвая тишина.

Одна только свѣча горѣла у гроба и освѣщала небольшое пространство вокругъ катафалка. Лампады, слабо мерцая кое-гдѣ у алтарей, дѣлали еще торжественнѣе и страшнѣе пустую темноту святаго мѣста.

ГЛАВА XXXI.

Гробница.

Вдали слышны шаги; эти шаги приближаются, чья-то тѣнь направляется къ катафалку: это отецъ Анджелико, блѣдный, какъ воскъ свѣчи, горящей у него въ рукахъ. Зачѣмъ пришелъ сюда этотъ монахъ?

Онъ садится на ступени катафалка и, опустивъ голову въ колѣни, неподвижно молится и плачетъ.

Въ отдаленномъ углу церкви показывается другая тѣнь. Шаги ея не слышны: такъ легко ступаетъ она по мрамору шаткими невѣрными стопами. Отъ горящихъ кое-гдѣ передъ образами лампадъ стелятся на полу и на стѣнахъ длинныя тѣни, точно цѣлая шайка людей собралась съ какимъ-то мрачнымъ замысломъ. Но движется тѣнь одного только человѣка... Грудь его высоко поднимается, но онъ удерживаетъ дыханіе. Ноги его босы, глаза неподвижны и страстно открыты.

Человѣкъ этотъ Гвидо Гверро. Съ какимъ намѣреніемъ пришелъ онъ сюда, вооруженный кинжаломъ, который сжимаетъ его правая рука?—тѣмъ самымъ кинжаломъ, которымъ онъ закололъ отца Беатриче, казненной за отцеубійство, кинжаломъ, который прежде сѣкиры палача разрѣзалъ нить ея молодыхъ дней?

Онъ уже дотронулся до савана, ужь откинулъ его....

— Я ждалъ тебя, произнесъ тихій голосъ.

И отецъ Анджелико стоялъ передъ нимъ, положивъ ему обѣ руки на плеча.

Долго стояли они неподвижно, молча передъ гробомъ обезглавленной дѣвственницы. Наконецъ отецъ Анджелико прервалъ молчаніе.

— Беатриче велитъ тебѣ жить. Ея послѣдняя мысль, — увы! послѣдняя мысль была не о Богѣ.... но о тебѣ! Она умерла съ радостью, въ надеждѣ увидѣться съ тобою въ раю и завѣщала мнѣ сказать это тебѣ; она также завѣщала мнѣ напомнить тебѣ, что на душѣ твоей есть тяжкіе грѣхи, которые божественное правосудіе прощаетъ только за большое покаяніе. Неужели ты захочешь разрушить надежды возлюбленной дѣвственницы? Неужели ты, несчастный, хочешь лишить себя навсегда возможности соединиться съ нею въ объятіяхъ Всевышняго? Дай мнѣ этотъ кинжалъ; я положу его въ ея гробъ; ты же обязанъ жить. На мѣсто его возьми вотъ это.... это ея волосы: несчастная посылаетъ тебѣ ихъ для того, чтобы ты носилъ ихъ на сердцѣ, и этотъ образъ мадонны, передъ которымъ она произносила свои послѣднія молитвы, для того, чтобы ты также молился передъ нимъ и получилъ прощеніе, о которомъ невѣста твоя.... Беатриче теперь молитъ Всевышняго у престола Его. Теперь ступай, сынъ мой: не тревожь сна покойниковъ. Беатриче не здѣсь.... возведи очи къ небу, и ты увидишь ее тамъ.

Кинжалъ выпалъ изъ руки Гвидо. Онъ взялъ волосы и положилъ себѣ на грудь; потомъ взялъ образъ и, поникнувъ головой, горько заплакалъ.

Монахъ обнялъ его и силой отвелъ отъ этого катафалка.

Гвидо, съ трудомъ передвигая ноги и безсмысленно удаляясь отъ гроба, дошелъ до дверей церкви. Монахъ открылъ дверь и, выйдя вмѣстѣ съ Гвидо, началъ съ нѣжностью говорить съ нимъ. Но Гвидо внезапно пришелъ въ бѣшенство, оттолкнулъ монаха, не сказавъ ни слова, кинулся въ поле, въ ту сторону, гдѣ косвенные лучи заходящаго мѣсяца дѣлали мракъ еще страшнѣе.

Преданіе говоритъ, что Гвидо всю жизнь проклиналъ тотъ мигъ; въ который ему помѣшали исполнить его намѣреніе; говорилъ, что такъ какъ у него отняли право пролить свою собственную кровь на

гробѣ возлюбленной дѣвушки, то онъ клянется не щадить крови другихъ въ память ея. Сдѣлавшись предводителемъ разбойниковъ, онъ наводилъ ужасъ не только въ римской кампаньѣ, но даже въ самомъ Римѣ, гдѣ много людей погибло отъ его руки.

Когда взошелъ на папскій престолъ кардиналъ Камилло Боргезе, подъ именемъ Павла V, тотъ самый, которому досталась большая доля имущества Ченчи, и въ которомъ Гвидо видѣлъ одного изъ виновниковъ казни, онъ далъ ему знать, чтобъ онъ писалъ свое духовное завѣщаніе, потому что, такъ или иначе, а онъ будетъ убитъ. Посланіе это, вмѣстѣ съ предсказаніемъ астролога, что жизнь его будетъ очень не продолжительна, навела такой ужасъ на Павла V, что онъ почти не выходилъ изъ Ватикана; въ рѣдкихъ случаяхъ, когда ему необходимо было выѣзжать, его окружала со всѣхъ сторонъ вооруженная стража. Когда ему подавали просьбы, онъ не бралъ ихъ въ руки изъ боязни, что онѣ отравлены.

Жажда мести еще не скоро улеглась въ душѣ Гвидо; онъ неожиданно покинулъ Римъ и отправился во Фландрію, гдѣ велась жестокая война за независимость и свободу. Но онъ прибылъ туда слишкомъ поздно и имѣлъ горесть присутствовать при заключеніи мира. Тогда онъ оглянулся на прошлую свою жизнь и увидѣлъ, какъ каждый шагъ въ ней отдалялъ его все болѣе и болѣе отъ того пути, на который указывала ему передъ смертью любимая имъ дѣвушка. Внявъ голосу совѣсти и не желая проживать въ монастырской праздности, но думая заслужить благость провидѣнія, онъ отправился на высоты Сенъ-Бернара и тамъ вскорѣ сдѣлался извѣстенъ самоотверженіемъ, съ какимъ онъ, пренебрегая всѣ возможныя опасности, спасалъ жизнь погибавшихъ.

Вскорѣ послѣ описанныхъ казней, въ день Воздвиженія Святаго Креста, братія Санъ-Марчелло, пользуясь своей привиллегіей освобождать въ этотъ день одного преступника, испросила прощеніе для Бернардино Ченчи....

.... Сорокъ лѣтъ назадъ, передъ римскимъ трибуналомъ возникъ продолжавшійся столѣтія споръ объ имѣніяхъ Ченчи, отобранныхъ въ собственность папы, — споръ между княземъ Боргезе и графомъ Болоньети Ченчи.

ПОВѢСТИ КОХАНОВСКОЙ. Два тома. М. 1863 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.

БОРЬБА ГРЕЦІИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ. Соч. Е. Ѳеоктистова (отъ начала войны за независимость, до низверженія съ престола Оттона 1-го въ 1862 г.). Спб. 1863 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ОБЗОРЪ СОВРЕМЕННЫХЪ КОНСТИТУЦІЙ. Часть 1-я (Швейцарская, Французская, Германская, Шведская, Норвежская, Датская, Финляндская и Польская) Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Часть II-я (Англійская и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ) Цѣна 60 к., съ пер. 90 к.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ АНГЛІИ. Соч. Э. Фишеля. Спб. 1862г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ОЧЕРКИ АНГЛІИ. Леона Фоже. Спб. 1863 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ ШЛОССЕРА, томъ VII-й. Спб. 1863 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. Тоже первые шесть томовъ. Цѣна по 1 р. 50 к., съ пер. по 2 р. за томъ.

СОЧИНЕНІЯ МАКОЛЕЯ томъ I-й Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Тоже томы II, III, IV, VI и VII (V-й еще не изданъ) Цѣна по 1 р. 50 к., съ пер. по 2 р. за томъ.

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА, отъ временъ вѣнскаго Конгресса Гервинуса, перев. М. Антоновича. Два выпуска. Спб. 1862 г. Цѣна по 75 к., съ пер. по 1 р. за выпускъ.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ 1813 года, за независимость Германіи. Сост. по Высочайшему повѣленію М. Богдановичемъ. Два большихъ тома, съ картами и планами. Спб. 1863 г. Цѣна 7 р. 50 к., съ пер. 10 р.

ИСТОРІЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 года. Сост. М. Богдановичемъ. Четыре большихъ тома, съ картами и планами. Спб. 1861 г. Цѣна 10 р., съ пер. 13 р.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ Шера, перев. А. Пыпина. Томъ въ 50 печатныхъ листовъ (1-й выпускъ выдается, а на остальные два выдается билетъ) Спб. 1863 г. Цѣна за полное изданіе 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Юліана Шмидта. Два тома, болѣе 50 печатныхъ листовъ (1-й выпускъ выдается, а на остальные 4 выпуска выдается билетъ) Спб. 1863 г. Цѣна за оба тома 4 р., съ пер. 5 р.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ живаго великорусскаго языка В. Даля. Выпускъ V-й М. 1862 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Тоже первые 4 выпуска. Цѣна по 1 р., съ пер. по 1 р. 50 к. за выпускъ.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 1 февраля 1863 года.

Восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны. — Вражда народа къ нѣмцамъ и своевольство солдатъ. — Слѣдственная коммиссія надъ Остерманомъ, Минихомъ и проч. — Несбывшіяся надежды французскаго правительства и недовольство его тѣмъ, что новая императрица не дѣлаетъ никакихъ уступокъ шведамъ. — Наказаніе и отправленіе въ ссылку Остермана, Миниха и другихъ.

Въ концѣ помѣщены нѣкоторыя постановленія отъ имени императора Іоанна III Антоновича, которые при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ отбирались и предавались уничтоженію.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 1 февраля 1863 года.

Стр.

скаго. — Пѣсни скорбнаго поэта (136). — Литературная подпись. Соч. А. Скавронскаго (140). — О старомъ и новомъ порядкѣ и объ устроенномъ трудѣ (travail organisé) въ примѣненіи къ нашимъ помѣстнымъ отношеніямъ. Членомъ вольнаго экономическаго общества. Н. А. Безобразовымъ. 142

XXVI. — ПО ПОВОДУ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ». **Ѳ. ХАРТАХАЯ**. 147

XXVII. — МОСКОВСКІЯ ПИСЬМА. **К. ГУРИНА**. 163

XXVIII. — ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ. 177

XXIX. — ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. Сезонъ 1862—1863 года. **М. Л—ВА**. 199

XXX. — КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ ЗА ИСТЕКШІЕ ВОСЕМЬ МѢСЯЦЕВЪ. 228

XXXI. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Наше долгое молчаніе.— Тоска по насъ читателей, и объясненіе, почему мы для нихъ необходимы. — Состояніе русской журналистики во время нашего молчанія. — Павелъ Ивановичъ Мельниковъ. — Наши старинные съ нимъ счеты. — Разъясненіе нигилизма и постепенности. — Дѣйствительно ли народъ нашъ такъ невѣжественъ и грубъ, что не можетъ воспринять въ себя европейской цивилизаціи. — Германія назадъ тому два вѣка. — Реформы, совершившіяся и предпринятыя въ настоящее царствованіе. — Прежняя и проектируемая вновь система податей.—Соляной налогъ за границей и у насъ). 257

XXXII. — ПОЛИТИКА. (Нѣсколько словъ о томъ, что случилось въ Европѣ съ мая до января мѣсяца. — Сѣверо-американскія дѣла. — Мехиканскія дѣла). 329

XXXIII.— НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. (Вступленіе. Благонамѣренные и нигилисты. — Сеничкинъ ядъ. —Мальчишки. — Современная эквилибристика. — Происхожденіе и причины ея). 357

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. БЕАТРИЧЕ ЧЕНЧИ, романъ **ГВЕРРАЦЦИ** (переводъ съ итальянскаго). Весь романъ помѣщенъ въ этой книжкѣ.

II. ПОРТРЕТЪ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ДОБРОЛЮБОВА.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 5-го февраля 1863 года.

СОВРЕМЕННИКЪ выходитъ въ 1863 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

въ С. Петербургѣ безъ доставки:	*съ пересылкою или доставкою:*
15 руб. серебромъ.	16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ конторѣ Современника, на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкина дворца, въ домѣ Лихачева, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО *въ Контору Современника въ С. Петербургѣ.*

ПЕЧАТАЮТСЯ:

НОВОЕ (ТРЕТЬЕ) ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

Н. НЕКРАСОВА.

Со втораго изданія, содержащаго въ себѣ 500 стр., въ 12 долю, съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями. Цѣна за двѣ части въ Петербургѣ и Москвѣ 1 руб. сер., съ перес. 1 р. 50 к. Желающіе получить книгу тотчасъ по ея выходѣ, могутъ высылать требованія заблаговременно въ конторы «Современника» Петербургскую или Московскую.

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ.

Соч. **Н. ЩЕДРИНА.**

1 томъ, заключающій въ себѣ до 500 страницъ. Изданіе книжнаго магазина Серно-Соловьевича. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. Желающіе получить книгу тотчасъ по ея выходѣ, могутъ адресоваться заблаговременно въ книжный магазинъ Серно-Соловьевича *на Невскомъ прос... въ домѣ Петропавловской церкви.*

...ДВОДНЫЙ КАМЕНЬ.

Романъ **М. В. АВДѢЕВА.**

... на 1 р. 50 к.: съ перес. 2 р. Желающіе получить эту ... по ея выходѣ могутъ высылать свои требованія заблаговременно въ Конторы «Современника» Петербургскую или Московскую.